

33
3.82

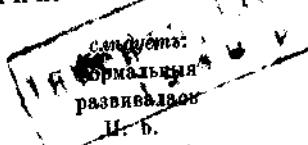
1957

Современный Камбоджий

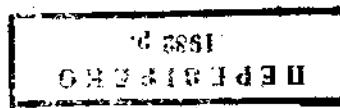
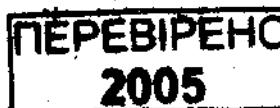
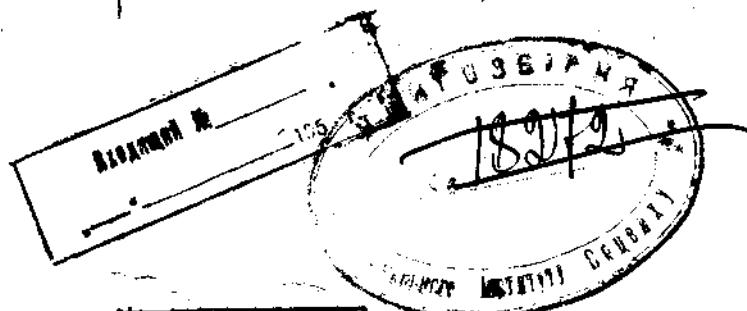
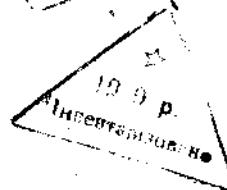
Стр.
I-XL

замеченные опечатки.

напечатано:
Форменная
развилась
п. в.

Стр. 128 оглавление
" 164 строка 12 снизу
" 195 строка 5 снизу

1
25
30
30
37
65

87
промышлен-
91
91
97
106
106
108
120
иной деятельности 120
из 123
я ремесла 128
128
139

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Стр.

И. Степановъ. Предисловіе къ русскому изданію	I—XL
---	------

Современный капитализмъ.

Предисловіе	1
-----------------------	---

В В Е Д Е Н И Е.

Организація хозяйственного труда.

Глава первая. Хозяйство и производство	25
Глава вторая. Производство и формы производства	30
А. Понятіе и сущность производства	30
Б. Формы производства	37
Глава третья. Ступени хозяйства, системы хозяйства, формы хозяйства, эпохи хозяйства	65

КНИГА ПЕРВАЯ.

Хозяйство какъ ремесло.

Глава четвертая. Понятіе „ремесло“	87
Глава пятая. Сущность ремесленной организаціи промышленности	91
А. Ремесленникъ	91
Б. Стремленія ремесленника	97
I. Разносный торгъ	106
II. Сбытъ на ярмаркахъ и торгахъ	106
III. Сбытъ торговцамъ-посредникамъ	108
С. Деятельность ремесленника	120
I. Видовая особенности ремесленной деятельности	120
II. Формы производства въ ремеслѣ	123
Глава шестая. Условія существованія ремесла	128
А. Формальныя условія существованія	128
Б. Реальнныя условія существованія	139

I. Отношения численности населения	139
II. Техника :	143
Условия сбыта	148
Глава седьмая. Докапиталистическая торговля	162
A. Первоначальные ступени торговли, какъ особой профессии	162
B. Торговля какъ ремесло	164
I. Размѣры предпріятій	164
II. Торговецъ	172
III. Стой докапиталистической торговли	177
Экскурсъ I къ главѣ VII. Первоначальная ступени торговли.	184
Экскурсъ II къ главѣ VII. Искусство считать въ Средніе вѣка.	186

КНИГА ВТОРАЯ.

Генезисъ современного капитализма.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Глава восьмая. Понятие и сущность капитализма (капиталистическое предпріятіе)	191
A. Понятие	191
B. Анализъ понятія	191
I. Конститутивные признаки понятія	191
II. Разновидности капиталистического предпріятія	195
C. Предпосылки и условия капиталистического предпріятія	200
I. Субъективные предпосылки	201
II. Объективные условия	202
Какъ возможна прибыль?	204

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Возникновеніе капитала.

Глава девятая. Образование имуществъ въ ремесленномъ хо- зяйствѣ	211
Экскурсъ I къ главѣ IX. Надбавки къ цѣнамъ и накладные расходы въ средневѣковой торговлѣ.	219
Экскурсъ II къ главѣ IX. Объективная возможность высокихъ надбавокъ къ цѣнамъ въ средневѣковой торговлѣ	222
Глава десятая. Образование капитала посредствомъ перемѣще- нія имуществъ	226
A. Исторически-преемственное образование имуществъ	226
B. Формы перемѣщенія состояній	235
I. Пріобрѣтеніе доли въ общественныхъ доходахъ	235
Аренда доходовъ отъ налоговъ, таможенныхъ сборовъ etc.	240
II. Пріобрѣтеніе привилегий, связанныхъ съ частнымъ землевладѣ- ніемъ	242
Ростовщическая эксплуатация сельской землевладѣнія	245
C. Количественное значеніе перемѣщенія состояній	247
Экскурсъ къ главѣ X. О мелкомъ кредитѣ въ Средніе вѣка	256

Глава одиннадцатая. Непосредственное возникновение состояний	259
Глава двенадцатая. Зачатки буржуазного богатства	266
<i>Некоторые специальные указания на связь между накоплением земельной ренты и образованием капитала</i>	280
Глава тринадцатая. Колониальное хозяйство	304
А. Различные методы разграбления	305
I. Колониальная торговля	305
II. Принуждение къ производству	309
В. Экономический эффект колониального хозяйства	322
С. Усиленный привозъ благородныхъ металловъ изъ колониальныхъ областей	332
Экскурсъ къ главѣ XIII. Азія и Африка, какъ страны золота въ эпоху прибытія португальцевъ	344
Добавление. Коллективное накопление	346

ОТДѢЛЪ ТРЕТИЙ.

Генезисъ капиталистического духа.

Глава четырнадцатая. Пробужденіе пріобрѣтательскихъ стремлений	348
Глава пятнадцатая. Развитіе экономического рационализма	359

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Начатки промышленного капитализма и препятствія его развитію.

Глава шестнадцатая. Замѣчанія о ходѣ и направлениі первоначального капиталистического производства	365
Глава семнадцатая. Помѣхи капиталистическому развитію	374

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Промышленность и капитализмъ въ концѣ ранней капиталистической эпохи. (Промышленная жизнь Германіи въ половинѣ XIX вѣка.)

Глава восемнадцатая. Сфера господства промышленного капитализма	384
Глава девятнадцатая. Докапиталистическая промышленность	394
А. Деревня	394
I. Крестьянское хозяйство	394
II. Помѣщичье хозяйство	402
В. Городъ	403
I. Ремесла, производящія пищевые продукты	405
II. Ремесла, производящія предметы одежды	407
III. Строительный ремесла	417
IV. Ремесла, производящія предметы утвари	421
Глава двадцатая. Общественная структура	427

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Побѣдное шествіе современного промышленного капитализма.

Глава двадцать первая. Случай косвенной зависимости отъ капитала	437
---	-----

А. Булочное, мясное, слесарное производства	437
В. Строительные промыслы	440
С. Мебельно-столярный и обойный промыслы	449
Глава двадцать вторая. Сфера кустарной промышленности (въ особенности производство одежды)	456
Глава двадцать третья. Внѣдомашняя промышленность (въ особенности строительный предпріятія)	463
Глава двадцать четвертая. Сфера специализированного крупного производства	469
А. Производство предметовъ пищи	470
В. Производство предметовъ одежды	475
С. Строительный промысел	481
Д. Производство предметовъ утвари	488
Е. Художественные промыслы	489
Глава двадцать пятая. Комбинированное предпріятіе	494

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Ремесло и ремесленникъ въ настоящее время.

Глава двадцать шестая. Ремесло въ настоящее время	509
А. Развитіе въ деревнѣ	510
I. Домашнее производство для собственного потребленія и работа по найму	512
II. Деревенское ремесло	518
В. Городское ремесло	522
I. Ремесла, производящія предметы питания	522
II. Ремесла, производящія предметы одежды	523
III. Строительная ремесла	534
IV. Ремесла, производящія предметы утвари	538
Глава двадцать седьмая. Ремесленники въ настоящее время	549

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Глава двадцать восьмая. Вліяніе современного капиталистического развиція на переустройство общества	562
Приложение. Нѣсколько замѣчаній объ источникахъ и методѣ изслѣдованія въ отдельахъ 5, 6 и 7-мъ	579 /

Предисловіе къ русскому переводу.

Сочинение Зомбарта о современномъ капитализмѣ, несомнѣнно, составляетъ самое выдающееся явленіе экономической литературы послѣднихъ лѣтъ. Трудно указать въ этой области другое изслѣдованіе, которое могло бы сравняться съ нимъ по богатству материала, по живости мысли и блестящему изложенію. Капитальный трудъ бреславльского профессора является только частью научной системы, которая должна представить опытъ построенія экономической теоріи на началахъ обновленного, или по терминологии автора, „конструктивнаго“ историзма. Это смѣлая попытка приступить къ созидательной работе съ помощью колоссальнаго фактическаго материала, накопленнаго исторической школой. Зомбартъ выступаетъ въ своемъ новомъ труде прежде всего историкомъ, но главнымъ образомъ строителемъ. Онъ не признаетъ соціальной теоріи иначе, какъ въ рамкахъ исторіи, но факты интересуютъ его преимущественно какъ материалъ для созидательной работы соціального теоретика.

Соціальная наука, по мнѣнію Зомбарта, является въ самой высокой степени эмпирической дисциплиной, основывающей каждое свое положеніе на непосредственномъ наблюденіи живыхъ явлений: въ настоящее время мы страдаемъ скорѣе отъ недостатка фактическаго материала, чѣмъ отъ его избытка. Большинству представителей экономической науки не хватаетъ положительныхъ знаній, и поэтому лозунгомъ ея должно быть: „факты, факты и факты!“ Но соби-

ратъ факты недостаточно. Если всякая соціальная теорія должна исходить отъ фактическаго материала, то этимъ, однако, задача ея не исчерпывается: она должна привести материаль въ извѣстный порядокъ. Но вѣдь и историкъ и статистикъ тоже приводятъ материалъ въ порядокъ: необходимо установить специфический признакъ соціальной теоріи. Онъ заключается въ томъ, что фактический материалъ долженъ быть приведенъ въ порядокъ съ точки зрењія единобразного принципа.

Таковыи можетъ быть принципъ причинности или цѣли, смотря по условіямъ исторической эпохи, къ которой относятся изучаемыя явленія. Вопросъ о томъ, будетъ ли соціальная теорія построена на каузальномъ илиteleологическомъ принципѣ, представляетъ историческую проблему, допускающую только относительное решеніе. Съ тѣхъ поръ какъ утверждалось т. н. индивидуалистическое строеніе общества и центръ тяжести былъ перенесенъ на частныя хо-зяйства, соціальная жизнь начала представляться какъ про-цессъ, который нужно изучить съ точки зрењія причинной связи явленій. Поэтому для построенія соціальной теоріи въ настоящее время наиболѣе подходящимъ является прин-ципъ причинной связи.

Но возможна ли вообще соціальная теорія, построенная на каузальномъ принципѣ?

На этотъ вопросъ Зомбартъ отвѣчаетъ указаниемъ на тѣ условія, которыя необходимо имѣть въ виду при построеніи соціальной теоріи. Во 1-хъ, мы не довольствуемся т. н. эмпи-рическими закономѣрностями, т. е. констатированіемъ пра-вильной повторяемости явленій, безъ изслѣдованія ихъ при-чинной связи. Во 2-хъ, мы отказываемся отъ установлениія закономѣрности въ строго кантовскомъ смыслѣ, т. е. съ рек-визитами всеобщности и необходимости. У насъ нѣтъ для этого надлежащаго объекта, потому что соціальные явленія постоянно измѣняются. Въ 3-хъ, мы должны удовлетвориться компромиссомъ, выражющимся въ построеніи специфической

соціальної закономірності съ ограниченнымъ дѣйствіемъ, которая и представить максимумъ доступной нашему разсудку всеобщности и необходимости. Эта специфическая соціальная закономірность, какъ ее мыслить Зомбартъ, основана на положеніи, что сводить соціальные явленія къ *конечнымъ причинамъ* значитъ сводить ихъ къ мотивамъ живыхъ людей. Но мотивы меняются въ исторіи; поэтому для каждой исторической эпохи приходится устанавливать особые мотивы, къ которымъ въ конечномъ счетѣ и сводятся явленія хозяйственной жизни. Эта „историческая психологія“ и служитъ основой соціальной теоріи, которая поэтому естественно должна носить строго исторический характеръ, т. е. для каждой эпохи должна быть построена особая теорія соціальной и въ частности хозяйственной жизни.

Такимъ образомъ, задача экономической теоріи сводится къ тому, чтобы представить объединенное въ систему объясненіе хозяйственной жизни, выведенное изъ ряда мотивовъ, руководящихъ хозяйственными субъектами данной исторической эпохи.

Таковы воззрѣнія Зомбарта на задачи и методъ политической экономіи. Въ основе ихъ лежитъ историзмъ, но самъ авторъ называетъ свой историзмъ конструктивнымъ въ отличие отъ метода исторической школы. Конструктивное начало въ сочиненіи Зомбарта выражается въ стремлениі построить историческую явленія въ соціальную систему. Такого стремленія чужды экономисты-историки съ Шмollerомъ во главѣ, но это именно то, что составляетъ отличительную черту научного міросозерцанія Карла Маркса. Съ первыми Зомбарта сближаетъ исторический взглядъ на экономическія явленія и законы, которые управляютъ ими; съ послѣднимъ-широкій захватъ объединяющей мысли.

Казалось бы, что у Зомбарта есть точка соприкосновенія и съ австрійской школой: это психологический моментъ. Но историзмъ автора кладетъ принципіальное различіе между нимъ и послѣдователями Менгера. Рядъ психическихъ при-

чинъ, производящихъ соціальнуу жизнь, по мнѣнію Зомбарта, можетъ мыслиться нами только въ совершенно опредѣленной, исторически сложившейся обстановкѣ. Онъ считаетъ это положеніе настолько важнымъ, что ставить саму возможность соціальной науки въ зависимость отъ его признанія и называетъ роковымъ заблужденіемъ нѣкоторыхъ важныхъ теоретическихъ направлений въ современной политической экономіи, въ особенности „австрійцевъ“, то, что они упускаютъ изъ вида упомянутый принципъ.

Направленіе Зомбарта было бы, можетъ быть, всего правильнѣе охарактеризовать какъ историзмъ въ марксовскомъ стилѣ. При чтеніи его книги невольно вспоминаются главы „Капитала“, посвященные характеристикѣ и анализу капиталистического строя. Таже задача и тѣ же приемы, но какой громадный шагъ впередъ въ отношеніи источниковъ и фактическаго материала! Колossalный запасъ свѣдѣній, накопленныхъ цѣлымъ поколѣніемъ экономистовъ-историковъ, привлеченъ Зомбартомъ для изображенія процесса развитія и раззвѣта современного капитализма. Въ этихъ двухъ томахъ собрано все сколько-нибудь существенное, что могло быть использовано въ обширнѣйшей литературѣ по вопросу о происхожденіи и основахъ современного народнаго хозяйства. Богатство фактическаго материала составляетъ крупнѣйшее достоинство сочиненія Зомбарта, но не единственное.

Анализъ Зомбарта не менѣе цѣненъ, чѣмъ запасъ свѣдѣній, которыя онъ сообщаетъ. У него есть то, что французы называютъ *le sens de la vie* — чутье жизни, которое даетъ ему возможность схватывать жизненный смыслъ изучаемыхъ явлений и вводить ихъ въ научную систему, не убивая ихъ и не превращая въ сухие препараты, только напоминающіе жизнь, но уже утратившіе свѣжестъ красокъ и пластичность формъ. Когда вы читаете Зомбарта, передъ вашими глазами проходятъ живые люди въ реальнѣй обстановкѣ, ставшей только болѣе выпуклой, отчетливой, такъ сказать, прозрачной, подъ вліяніемъ научнаго анализа. Зомбартъ ученый —

художникъ; аналитический умъ соединяется у него съ творческимъ воображениемъ. Поэтому его изслѣдованіе современаго капитализма вмѣстѣ съ тѣмъ и мастерская картина современной жизни, сообщающая читателю ея духъ, передающая биеніе ея пульса, которое сумѣлъ уловить чуткій изслѣдователь.

Если Зомбартъ и можно упрекнуть въ излишней детальности изложенія, въ загроможденіи нѣкоторыхъ отдѣловъ сочиненія сырьемъ материаломъ, то эти недостатки съ избыткомъ покрываются полнотой и яркостью картинъ, которыхъ онъ вызываетъ въ умѣ читателя богатствомъ собранныхъ фактовъ. Его изслѣдованіе должно быть поставлено на ряду съ первоклассными историческими трудами, когда либо появлявшимися въ европейской литературѣ.

Но сочиненіе Зомбарты не только исторический трудъ. Это вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы уже сказали, и попытка приступить къ строенію соціальной теоріи. Насколько эта попытка увѣнчается успехомъ, можно будетъ судить тогда, когда предпринятый трудъ будетъ законченъ.

Нельзя, однако, не замѣтить, что общіе взгляды Зомбарты на задачи соціальной теоріи вызываютъ не мало недоумѣній. Трудно согласиться съ его основной мыслью, что для каждой исторической эпохи должна существовать особая теорія соціальной жизни. Онъ безусловно правъ, утверждая, что конечными причинами хозяйственныхъ и вообще соціальныхъ явлений служатъ факторы психической дѣятельности людей; но естественно возникаетъ вопросъ: неужели эти факторы совершенно различны въ различныхъ эпохахъ? развѣ не существуетъ среди нихъ такихъ, которые остаются въ силѣ при сменѣ ряда другихъ условій, характеризующихъ собою исторические періоды? Хотя всѣ мотивы человѣческой дѣятельности, съ точки зренія историка, составляютъ продуктъ исторического процесса, но степень ихъ измѣнчивости весьма различна, и въ ряду ихъ есть такие, которые, разъ возникнувъ, приобрѣтаютъ, такъ сказать, надъисто-

рический характеръ. Таковъ напр. основной мотивъ хозяйственной дѣятельности — стремление человѣка обеспечить на болѣе или менѣе продолжительное время удовлетвореніе своихъ потребностей при помощи предметовъ виѣшняго мѣра, и въ томъ числѣ такихъ, которые имѣются въ ограниченномъ количествѣ. Этотъ мотивъ возникаетъ только на известной ступени исторіи, но, разъ возникши, онъ продолжаетъ существовать, несмотря на смену историческихъ эпохъ.

Если существуютъ „надъисторические“, если можно такъ выразиться „относительно абсолютные“ мотивы человѣческой дѣятельности, то почему же на нихъ не могутъ быть основаны „надъисторическая“, „относительно абсолютная“ положенія соціальной теоріи?

Мысли Зомбарты о томъ, что соціальная теорія неизбѣжно связана съ опредѣленной исторической эпохой представляется намъ повтореніемъ одной изъ крайностей историзма, препятствующихъ построенію экономической теоріи. Да, къ тому уже и самое понятіе исторической эпохи крайне неопредѣленно.

Но „Современный капитализмъ“ цѣненъ, независимо отъ теоретическихъ взглядовъ его автора, какъ образцовое сочиненіе по экономической исторіи.

A. Мануиловъ.

Предисловіе къ русскому изданію.

I.

Два тома «Современного капитализма» Зомбарта, появившиеся до настоящаго времени, представляютъ самое выдающееся явление въ экономической литературѣ послѣднихъ десятилѣтій. Правда, эта работа не произвела такой сенсаціи, какъ известная книга Бернштейна: «Die Voraussetzungen des Sozialismus»; но' уже теперь можно сказать, что она оставить въ наукѣ болѣе прочный следъ, чѣмъ нашумѣвшая работа Бернштейна оставила въ области практики. Она уже и теперь вызывала не малый переполохъ въ томъ лагерь, который пять лѣтъ тому назадъ съ большимъ облегченіемъ провозгласилъ: «конецъ марксизму!» и не переставалъ повторять это до послѣдняго времени.

Чтобы выяснить принципіальное значеніе книги Зомбарта, необходимо хотя бы въ краткихъ словахъ охарактеризовать такъ называемую новую историческую школу политической экономіи, которая до сихъ поръ занимаетъ на университетскихъ каѳедрахъ Германіи господствующее положеніе. Обратимся къ признанному главѣ этой школы, къ Шмодлеру, предсѣдателю Союза Соціальной Политики. Его возврѣнія представляютъ особенный интересъ не только потому, что онъ вождь цѣлаго направлениія, но и потому, что онъ болѣе многихъ своихъ сотоварищѣй работалъ надъ методологіей экономической науки и, какъ онъ самъ заявляетъ съ нескрываемой меланхоліей, «изъ семестра въ семестръ надѣлся получить, наконецъ, достаточный досугъ, чтобы восполнить пробѣлы въ своихъ занятіяхъ философіей»¹⁾. И Шмодлеръ цѣльмъ рядомъ работъ доказалъ, что это—не пустыя заявленія, не одни благія пожеланія. Съ самаго начала своей профессорской дѣятельности онъ старался методологически обосновать принципіальныя положенія новой исторической школы²⁾.

1) Предисловіе къ работѣ 1875 года: „Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft“.

2) Нѣкоторыя его работы имѣютъ и болѣе общее значеніе, представляя дѣйствительный вкладъ въ учение о методахъ экономической науки. И, напримѣръ, г. Тугану-Барановскому, который въ своихъ „Очеркахъ изъ новѣйшей исторіи политической экономіи“ довольно презрительно относится къ Шмодлеру-методологу, было бы небезполезно, принимаясь за „Очерки“, вчитаться въ небольшую работу Шмодлера: „Die Volkswirtschaft, die Volkswirtschaftslehre und ihre Methode“.

Еще одно обстоятельство увеличивает интерес к воззрению Шмидлера. Зомбартъ—выдающийся его ученикъ, питающий глубокое уважение къ своему учителю. Нѣкоторые мѣста введенія къ «Современному капитализму» остались бы непонятными, если бы мы не знали взглядовъ Шмидлера на ближайшія задачи экономической науки¹⁾.

Изъ всѣхъ работъ Шмидлера мы остановимся главнымъ образомъ на одной,—на его рѣчи, произнесенной въ 1897 году при вступлении въ званіе ректора берлинского университета²⁾.

По заявлению самого Шмидлера, эта рѣчь съ наибольшей рѣшительностью и строгостью выражаетъ его научныя и методологическія воззрѣнія, выработавшіяся въ результате многолѣтней теоретическо-научной дѣятельности. Самое заглавіе рѣчи уже достаточно выразительно: «Преходящія теоріи и безспорныя истины въ области государственныхъ и соціальныхъ наукъ и современная германская экономическая наука». «Истины»—это частичныя положенія и утвержденія, которыя пользуются всеобщимъ признаніемъ. Напротивъ, «теоріи» считаются истиной лишь въ болѣе или менѣе узкихъ кругахъ. Хотя послѣдніе и надѣются, что они съ течениемъ времени завоюютъ признаніе всѣхъ сомнѣвающихся, но эта надѣждѣ снова и снова оказывается обманчивой: на практикѣ совершаются постоянная смѣна теорій. Дѣйствительное пріобрѣтеніе науки составляютъ лишь частичныя истины.

Этимъ вполнѣ опредѣляется точка зреенія Шмидлера на историческое развитіе экономической науки. «До 1860—70 годовъ (курсивъ. нашъ) только теорія Адама Смита и составляла серьезный шагъ впередъ въ нашей наукѣ». «Огромная экономическая литература съ 1750 по 1870 годъ (курсивъ нашъ) представляла скорѣе муки родовъ новой науки, зародыши и зачатки ея, чѣмъ самую науку. Позволительно утверждать даже больше: только въ сознательной противоположности къ обоимъ направленіямъ экономической науки, старѣйшее изъ которыхъ достигло высшаго уровня уже въ Рикардо, а младшее въ Маркса, и которая съ того времени начали склоняться къ упадку,—только такъ и могла

1) Но, думается мнѣ, Робертъ Дриль, одинъ изъ критиковъ «Современного капитализма», ошибается, объясняя исключительно личными отношеніями между Зомбартомъ и Шмидлеромъ ссылки первого на второго и полное умоляніе о Брентано. Дриль, конечно, правъ, утверждая, что въ историческихъ работахъ Брентано конструктивный элементъ—то, что отличаетъ Зомбарта отъ исторической школы—выступаетъ съ такой силой, какъ ни въ какой работе Шмидлера и другихъ представителей исторического направления. Въ этомъ отношеніи Зомбартъ, дѣйствительно, ближе стоитъ къ Брентано, чѣмъ къ Шмидлеру. Но зато въ работахъ Шмидлера по методологии общественныхъ наукъ Зомбартъ могъ открыть больше цѣнныхъ для себя элементовъ, чѣмъ въ двухъ брошюрахъ Брентано: «Die klassische Nationalökonomie» и «Ueber die Ursachen der heutigen sozialen Not», переполненныхъ восхваленіями чисто описательныхъ работъ исторической школы и голословными нападками на дедуктивный методъ классической политической экономіи и Маркса. Въ методологическомъ отношеніи обѣ брошюры ничего не даютъ.

2) „Wechselnde Theorien und feststehende Wahrheiten im Gebiete der Staats-und Sozialwissenschaften und die heutige deutsche Volkswirtschaftslehre“. Ссылки на страницы мы дѣлаемъ по второму изданію сборника работъ Шмидлера: „Ueber einige Grundfragen der Sozialpolitik und der Volkswirtschaftslehre“, Leipzig, 1904.

развиться новая, действительная наука о государствѣ, обществѣ и народномъ хозяйствѣ. Эта наука отторгла отъ себя политico-практически-агитаторскій характеръ, самоотверженно обратилась къ детальнымъ изслѣдованиемъ и не столько стремилась къ созданію широкихъ теорій, сколько къ пріобрѣтенію частичныхъ безспорныхъ истинъ» (376, 381—2).

Мы два раза подчеркнули дату: 1870-е годы, какъ время зарожденія действительной экономической науки. Онкенъ правъ, несомнѣнно, поясня въ своей «Geschichte der Nationalökonomie» (1 стр.), вышедшей два года тому назадъ, что Шмольеръ имѣлъ въ виду болѣе опредѣленную дату—1872 годъ, когда новая историческая школа конституировалась въ Союзъ Соціальной Политики, состоящей подъ предсѣдательствомъ Шмольера. Только въ этотъ моментъ и родилась действительная экономическая наука. Все, что сдѣлано до того времени—въ особенности классической школой и школою Маркса—не наука, а рядъ смѣняющихся «теорій», въ которыхъ вкрашены лишь крупицы «невзыблемыхъ истинъ».

Начиная съ 1870 года, старыя «теоріи» умираютъ одна за другой. «Англійскій соціализмъ въ основныхъ чертахъ изсякъ и отжилъ свое время уже въ 1820—40 годахъ, французскій въ 1825—48, нѣмецкій въ 1840—70 годахъ». «Въ 1870—90 годахъ пришло очевидное для всего міра полное теоретическое и практическое банкротство обѣихъ старыхъ школъ» (классической и соціалистической).

Тогда выступаетъ на сцену—прежде всего въ Германіи—новая историческая школа, «которая, свободная отъ предвзятыхъ мнѣній—или, по меньшей мѣрѣ, болѣе свободная, чѣмъ предыдущія школы—изслѣдуется, примѣняется болѣе строгіе методы, опирается съ полной рѣшительностью на безспорныя истины». Она «перешла къ методическимъ изслѣдованіямъ монографического характера и къ реалистическому детальному изученію хозяйственной исторіи, хозяйственной психологіи, къ работамъ объ отношеніяхъ рынка, денежнаго обращенія, кредита и о соціальныхъ отношеніяхъ. Она пришла, наконецъ, къ сознанію, что только методическая подготовка и многолѣтняя специализація приводятъ къ прочнымъ научнымъ результатамъ... Во всѣхъ отдѣльныхъ областяхъ проложило себѣ дорогу убѣженіе, что необходимы широкія, утомительные наблюденія, старательно организованное собираніе материаловъ, и что пока не создана пригодная обширная описательная литература государственныхъ наукъ, рѣшительно невозможно притти къ научнымъ законамъ и къ устойчивымъ общимъ сужденіямъ о тенденціяхъ развитія... Само собой разумѣется, что движеніе на этомъ пути не можетъ быть быстрымъ, и что мы не скоро придемъ къ тому, чтобы снять покрывало, закутывающее Саписскую статую. Но насть утѣшаетъ та старая истина, что вполовину часто бываетъ лучше, чѣмъ вполнѣ. Все болѣе распространяется убѣженіе, что монографіи больше двигаютъ науку впередъ, чѣмъ системы» (383—4, 386).

Въ Австріи школа Мейгера попыталась пріостановить разгромъ старыхъ направлений и своими не то психологическими, не то экономическими работами по теоріи цѣнности постаралась убѣдить міръ, будто методъ

такъ называемыхъ англійскихъ классиковъ сохраняется въ полной непоколебимости. Но это былъ щетный трудъ (385).

Такимъ образомъ Шмодлеръ рѣшительно расправляетъ со всѣми направленіями до новой исторической школы. Только она оказывается представительницей истинно-научныхъ методовъ, только ея монографическая, чисто описательная работы могутъ заявлять притязаніе на научность.

Шмодлеръ не останавливается передъ самыми серьезными практическими выводами изъ вышеизложенныхъ положеній. «Все предыдущее,— говоритъ онъ,— можетъ дать намъ необходимый критерій, чтобы оцѣнить по достоинству основательность обычного въ настоящее время требованія: въ университетахъ должны быть равномѣрно представлены всѣ существующія направленія науки. Если бы отмирающія, отжившія направленія и методы мы поставили въ одинаковое положеніе съ болѣе развитыми и выработанными, это значило бы противодѣйствовать прогрессу и развитію: ни строгіе симітанцы, ни строгіе марксіанцы не могутъ въ настоящее время заявлять притязаній на то, чтобы ихъ считали полноцѣнными. Кто не стоитъ на почвѣ современного изслѣдованія, современного ученаго образования и методовъ, тотъ не годится въ учители» (391).

Такова искренняя, переходящая въ самовлюбленность, *profession de foi* видѣвшаго представителя новой нѣмецкой исторической школы. ^

II.

Практика вполнѣ удовлетворяла требованіямъ Шмодлера. За немногими исключеніями, всѣ каѳедры политической экономіи заняты въ Германіи представителями новой исторической школы. «Строгихъ симітанцевъ» въ настоящее время, вообще говоря, нѣть. Что касается «марксіанцевъ», то университетская дѣятельность совершенно недоступна не только для «строгихъ», но и для самыхъ уступчивыхъ представителей этой школы.

Достаточно молодому ученому обнаружить живой интересъ къ методу Маркса,—и двери университета передъ нимъ закрываются. Такъ было въ восьмидесятихъ годахъ съ Шиппелемъ, хотя Брентано съ похвалой отзывался объ его диссертациі «Современная бѣдность». Такъ было въ 90-хъ годахъ съ Зомбартомъ, которому въ наказаніе за увлеченіе Марксомъ пришлось преодолѣть серьезныя препятствія, чтобы получить профессуру¹⁾.

Въ своей научной дѣятельности нѣмецкая экономическая наука, съ точками зрѣнія Шмодлера, тоже не оставляла желать ничего лучшаго. Она

1) Да и послѣ того профессорская дѣятельность Зомбарта въ Бреславлѣ была обстановлена серьезными предохранительными мѣрами: въ лицѣ Ю. Вольфа, возродившаго традиціи французскихъ вульгарныхъ экономистовъ, онъ получиль своего „Strafprofessorа“, какъ выражаются нѣмы, т.-е. „профессора-возмездіе“. Вирочемъ, отъ контрѣ-профессоровъ ве избавлены даже консервативнѣйшіе катедръ-соціалисты: Шмодлеръ и Вагнеръ въ Берлинѣ тоже имѣютъ свою Немезиду въ лицѣ бездарнаго Рейнгольда.

обнаружила замѣчательную производительность — и вся она свелась къ .
монографіямъ, къ детальными изслѣдованіямъ, къ накопленію фактиче-
скаго матеріала. Конечно, и Шмollerъ сознавалъ, что фактическій мате-
ріаъ еще не составляетъ науки, что необходимо его упорядоченіе. Но
еще въ 1893 году онъ подыскалъ оправданіе чисто описательной дѣятель-
ности исторической школы. «Мы можемъ сказать,—писалъ онъ,—что въ
великомъ процессѣ историческаго развитія познанія дѣло постоянно своди-
лось къ тому, что шла борьба за господство между двумя элементами
познанія: между эмпиріей и раціональнымъ упорядоченіемъ ея (раціона-
лизмомъ); за эпохой утонченной эмпірии всегда должна была слѣдовать
эпоха высшаго раціональнаго упорядоченія эмпірическаго матеріала»¹⁾.

Слѣдовательно, если нѣмецкіе экономисты ограничиваются описатель-
ной дѣятельностью, то причина заключается въ томъ, что время для по-
строенія науки еще не настало. Слѣдовательно, продолжаетъ Он же нѣ въ
упомянутой выше книгѣ, и въ 1872 году экономическая наука еще не по-
явилась на свѣтѣ. «А такъ какъ,—не безъ ироніи добавляетъ онъ,—въ
«Grundriss der allgemeine Volkswirtschaftslehre», появившемся въ 1900 году,
Шмollerъ предпринялъ обѣщанное имъ построеніе доктрины, то начало
политической экономіи, какъ науки, мы должны бы считать съ первыхъ
годовъ двадцатаго вѣка». Въ дѣйствительности и «Grundriss» страдаетъ
такимъ же отсутствіемъ конструктивнаго элемента, какъ всѣ труды исто-
рической школы.

Въ 1883 году Карлъ Менгеръ (въ «Untersuchungen über die
Methode der Sozialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbeson-
dere») подвергъ суровой критикѣ методологіческіе принципы историче-
ской школы. Онъ решительно заявилъ, что, идя такимъ путемъ, какъ
германскіе экономисты, никогда нельзя притти къ построенію экономиче-
ской науки. Но это не разбудило нѣмецкую школу политической экономіи
отъ ея догматического очѣщенія. Да и по существу она имѣла основанія
возразить Менгеру, что вѣ-историческая и надѣ-историческая психологія
никогда не дастъ возможности построить теорію историческаго развитія
хозяйственныхъ отношеній.

Ровно черезъ десять лѣтъ произошло маленькое возмущеніе въ ря-
дахъ самой исторической школы. Карлъ Бюхеръ, одинъ изъ замѣт-
ныхъ ея представителей, обнаружилъ нетерпѣніе и не захотѣлъ ждать,
когда вожди направленія найдутъ своевременнымъ «превратить политиче-
скую экономію въ ученіе о законахъ экономического развитія народовъ». Онъ упрекнулъ историческую школу въ забвленіи того обстоятельства, что
«простое описание формы какого-нибудь явленія не даетъ еще представ-
ленія о сущности послѣдняго». Онъ указалъ, что историческая школа «во
многихъ случаяхъ» обнаружила неспособность «научно овладѣть истори-
ческими явленіями», что извлеченный въ огромномъ количествѣ на свѣтѣ
Божій «хозяйственно-исторический матеріаъ остается до сихъ поръ въ
значительной степени бесполезнымъ вкладомъ, ожидающимъ еще научнаго

¹⁾ Schmoller, I. e., 280.

изслѣданія»¹⁾). Въ своей теоріи «хозяйственныхъ ступеней» Бюхерь самъ попытался «раціонально упорядочить эмпиріческій матеріалъ», не слушаясь увѣщаній Шмидлера, что теперь не такая эпоха.

Но возмущеніе Бюхера не произвело впечатлѣнія разрыва съ традиціями исторической школы. Одна изъ главныхъ причинъ тому—методологическая нерѣшительность Бюхера. Вместо того, чтобы рельефно выдвинуть различіе между описательной дѣятельностью исторической школы и стремленіемъ классиковъ открыть постоянное въ смѣнѣ явлений, установить закономѣрность всѣхъ хозяйственныхъ отношеній, Бюхерь старается увѣрить себя и другихъ, будто принципіальные методологическихъ различій между двумя школами не существуетъ, будто вся разница между ними—въ объектѣ изученія. Бюхерь, повидимому, забылъ, что и представители исторической школы—Гельдъ, напр.,—изучали капиталистическое общество, исключительно интересовавшее классиковъ, но и здѣсь только накопляли неорганизованный матеріалъ, ожидавшій одухотворенія творческой мыслью.

Какъ бы то ни было, ропотъ Бюхера не могъ не произвести нѣкотораго смущенія въ нѣмецкой исторической школѣ. Но очень скоро на помощь ей выступилъ такой выдающійся историкъ, какъ Эдуардъ Мейеръ. Въ своемъ «Экономическомъ развитіи древнаго міра» (имѣется русскій переводъ) онъ подвергъ рѣзкой критикѣ бюхеровскую теорію хозяйственныхъ ступеней. Его замѣчанія, направленные противъ Бюхера, производятъ двойственное впечатлѣніе. Иногда кажется, какъ будто онъ выступаетъ только противъ схемы Бюхера, и считаетъ построеніе какихъ бы то ни было схемъ только преждевременнымъ, эмпиріческій матеріалъ для этого недостаточнымъ. Но иногда Мейеръ даетъ поводъ предполагать, что онъ считаетъ ложнымъ самый принципъ подведенія хозяйственныхъ явлений подъ общія понятія, отрицаетъ возможность построенія какихъ бы то ни было схемъ. Его враждебность даже къ робкому примѣненію «метода абстрагированія» по временамъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Если бы кто-нибудь, желая отмѣтить нѣкоторая характерная явленія XIX вѣка, сказалъ, что этотъ вѣкъ былъ вѣкомъ пара, Мейеръ, вѣроятно, возразилъ бы совершенно серьезно, что это невѣрно, такъ какъ въ началѣ XIX столѣтія главнымъ моторомъ была лошадь, и даже до настоящаго времени она играетъ крупную роль, а въ концѣ прошлаго столѣтія появились электромоторы.

Но Мейеръ не ограничился фактической критикой. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ далъ методологическое обоснованіе своимъ взглядовъ²⁾. Мейеръ иронически относится къ попыткамъ экономистовъ «раціонально овладѣть эмпиріей». «Мы уже видали и еще неоднократно увидимъ,—говорить онъ,—какъ нѣкоторые экономисты воображали, будто они схемой натурального, денежного и кредитнаго хозяйства ухватили тайну исторического развитія

¹⁾ „Происхожденіе пароднаго хозяйства“, рус. пер. Спб., 1897 г., 2,5.

²⁾ Въ блестяще написанной брошюрѣ „Zur Theorie und Methodik der Geschichte“, Halle a. S., 1902. (Во время печатанія предисловія брошюра появилась въ русскомъ переводе: Э. Мейеръ, Теоретические и методологические вопросы истории. М. 1904).

и свели ее къ простой формуле» (9). Для историка нѣть закономѣрности въ историческомъ процессѣ. Его дѣло — не раскрытие общей связи перемѣнныхъ явлений, а повѣствование о случайномъ и индивидуальномъ, о спроизведеніе дѣйствительности въ ея безконечномъ разнообразіи (22, 25, 26 и др. стр.). Въ существенныхъ чертахъ слѣдя за Риккертомъ («Границы естественно-исторического образования понятій»), Мейеръ признаетъ абсолютно невозможной экономической науку, какъ «ученіе о законахъ исторического развитія народовъ».

Нѣмецкая историческая школа политической экономіи можетъ окончательно успокоиться. Она можетъ принципіально и навсегда остановиться на собираніи фактовъ, свысока относясь къ мечтамъ о наступлениі эпохи конструктивной научной дѣятельности, какъ къ хиліастическимъ ожиданіямъ. «Марксіанцы», которые изъ всѣхъ современныхъ направлений въ наукѣ рѣшительнѣе другихъ настаиваютъ на закономѣрности процесса хозяйственного развитія и неустанно работаютъ надъ ея выясненіемъ, теперь могутъ быть признаны окончательно непригодными для университетской дѣятельности.

Такимъ образомъ, если оставить въ сторонѣ немногія возмущенія, все было спокойно въ рядахъ исторической школы. Правда, извѣзъ раздавались упреки въ томъ, что факты, накопляемые ею, остаются и останутся въ значительной степени бесполезными: къ описанію явлений, къ собиранию фактовъ нельзя приступать безъ опредѣленной точки зрѣнія, безъ извѣстныхъ теоретическихъ предпосылокъ. Во-первыхъ, при такомъ описаніи накапливаются беспорядочныя груды матеріала, въ которомъ никогда нельзя будетъ отѣлить существенное отъ несущественаго, и который никогда не можетъ быть упорядоченъ. Во-вторыхъ, воображая себя свободными отъ всякой теоріи, собиратели фактovъ тѣмъ легче безсознательно проводятъ одну какую-нибудь узенькую предвзятую точку зрѣнія (такъ было въ многочисленныхъ будто бы совершенно «объективныхъ» изслѣдованіяхъ о положеніи ремесла, куестарной промышленности, крестьянства). Это нерѣдко наблюдается даже въ тѣхъ случаяхъ, когда почти исключительно примѣняется статистический методъ, который, по ходячему убѣждению, обеспечиваетъ полную объективность. Историческая школа безмѣтежно относилась къ этимъ нападкамъ, и глава ея не переставалъ повторять, что она можетъ гордиться своей свободой отъ теоретическихъ предпосылокъ.

Конецъ 90-хъ годовъ доставилъ серьезное удовлетвореніе исторической школѣ. Въ лагерь марксистовъ, изъ которого исходили главныя нападки на историзмъ, произошелъ теоретический расколъ, и Бернштейнъ рѣшительно склонился къ принципамъ исторической школы, или, выражаясь точнѣе, къ ея теоретической безпринципности¹⁾. Припомнимъ, напр., его разсужденія объ «относительномъ значеніи» различныхъ «факторовъ» исторического развитія, о важномъ вліяніи спорта на современныхъ

¹⁾ Впервые употребилъ это выраженіе Гельдъ въ концѣ 70-хъ годовъ и, разумѣется, оставилъ теоретическую безпринципность въ заслугу исторической школѣ.

общественныя отношения въ Англіи, о полной беспочвенности такой «абстракції» (даже «гипотезы», по выражению Бернштейна), какъ понятіе «совокупной» рабочей силы и заработной платы въ известной странѣ. Что означаетъ все это по сравненію съ прежнимъ Бернштейномъ, какъ не возвратъ отъ «раціонализма» къ «эмпіриі», къ самой обывательской эмпіриі?

Было бы утомительно приводить въ подтверждение этого цитаты изъ книгъ Бернштейна «Voraussetzungen des Sozialismus» и «Zur Geschichte und Theorie des Sozialismus» (обѣ имѣются въ русскихъ переводахъ) или хотя бы просто указать соответствующія страницы. Да это по существу и бесполезно. Читатель самъ можетъ произвести поучительный опытъ. Пусть онъ прочитаетъ любую главу, любой очеркъ въ какой угодно книжѣ Бернштейна. Пусть потомъ сопоставить прочитанное съ тѣмъ, что говорить Зомбартъ съ первыхъ страницъ предлагаемой книги о существѣ всякой теоріи и о томъ, что отличаетъ его отъ представителей исторической школы,— и онъ придетъ къ выводу: Бернштейнъ перешелъ въ методологическомъ отношеніи отъ Маркса къ Шмольеру.

Выступленіе Бернштейна окрылило всѣхъ, въ комъ жили затаенные, но сильные симпатіи къ теоретической безпринципности. Въ 1901 году А. Носсигъ, который еще очень недавно состоялъ сотрудникомъ въ известномъ журналь «Neue Zeit», заявилъ, что онъ производить «Revision des Sozialismus», «пересмотръ соціализма», рассчитанный на шесть большихъ томовъ. Действительно, въ 1901 и 1902 году появились два первыхъ тома работы, въ общей сложности до 900 страницъ. Это «немного», «всего» треть изслѣдованія. Но и этого достаточно, чтобы авторъ окончательно опредѣлился. Онъ объявляетъ себя врагомъ «конструктивнаго метода» Маркса и Энгельса, требуетъ замѣны его «индуктивно-наблюдательнымъ методомъ» (т. I, стр. XIV, XVI и сл.). Выступая противъ «теоретизированія» вообще, Носсигъ во второмъ томѣ «Ревизії» далъ примѣръ того, какъ можно написать огромную книгу объ аграрномъ вопросѣ, оставаясь совершенно свободнымъ отъ всякой теоріи. Впрочемъ, точнѣе будетъ сказать, что онъ показалъ, насколько упрощается дѣло, если описывать аграрныя отношенія въ такомъ видѣ, какъ они представляются Жоресу и Дешанелю, Каутскому и Мелину, словомъ, лицамъ разнообразнѣйшихъ направлений, отъ соціалистовъ до антисемитовъ. Не обремененный теоретическими предпосылками, онъ съ одинаковой объективностью и довѣрчивостью регистрируетъ всѣ сужденія и заявляетъ: земледѣльческое населеніе страдаетъ отъ «движимаго капитала», отъ «биржевой спекуляціи», отъ «неорганизованности сбыта», отъ «скучниковъ», отъ «раздробленности землевладѣнія» и т. д. и т. д. Коротко говоря, въ работѣ Носсига реакція въ сторону эмпіризма запла даже дальше, чѣмъ въ произведеніяхъ признанныхъ представителей нѣмецкой исторической школы¹⁾.

¹⁾ Характерно, что, отрекомендовавшись читателю, Носсигъ заявляетъ между прочимъ претензіи на особую компетентность въ аграрномъ вопросѣ, такъ какъ, «принимая невоспрѣдѣленное участіе въ сельскихъ работахъ, онъ могъ познакомиться съ разнообразнѣйшими культурами» (П. т., стр. VII). Стоять нашему эмпірику сдѣлать еще пару шаговъ, и онъ, подобно нѣмецкимъ аграріямъ, будетъ признавать право на сужденія объ аграрномъ вопросѣ только за тѣми, кто принадлежитъ къ почтенному званію „земледѣльцевъ“.

Что касается социально-политическихъ воззрѣній Носсига, онъ и въ этомъ отношеніи является представителемъ реакціи въ сторону Шмольера и его школы. Пара цитатъ дасть достаточное представлениe объ этой сто-ронѣ дѣла. «Пересмотръ,— заявляетъ Носсигъ,— долженъ возвратиться къ первоначальному тексту соціализма», и этотъ текстъ мы «находимъ въ би-бліи» (т. I, стр. XXXIII, X и XX др.). Задачу своего изслѣдованія Носсигъ формулируетъ такъ: «добропорядочнымъ изслѣдованіемъ, устраненіемъ всѣхъ элементовъ, стоящихъ въ противорѣчіи съ природою человѣка и съ зако-нами хозяйства, необходимо создать просвѣтленный соціализмъ, къ которому, будучи поставлены передъ исторической неизбѣжностью радикаль-ной реформы, могли бы примкнуть дальновидѣйшіе представители всѣхъ партій» (1. с., XXXIX).

По существу въ этомъ видить свою задачу и Шмольеръ: «Нѣмец-кая наука не дѣлала ничего иного, какъ только стремилась дать причин-ное обоснованіе для древнѣйшихъ этическо-религіозныхъ и государствен-но-правовыхъ императивовъ» (непосредственно нередъ этимъ Шмольеръ говоритъ о великихъ идеальныхъ благахъ человѣчества: «христіанствѣ, нравственномъ долгѣ, государственной власти»¹⁾). И вся соціально-поли-тическая дѣятельность исторической школы вытекала именно изъ того, что ея представители увидали всю историческую неизбѣжность радикаль-ной реформы и стремились предотвратить ее невинной реформой, консервиро-вующей существующій строй и потому имѣющей основанія разсчитывать на поддержку «дальновидныхъ представителей всѣхъ партій»²⁾.

Вообще трудно представить себѣ болѣе уродливую книгу, чѣмъ «Ре-визія» Носсига: большое трудолюбие, значительная эрудиція, масса ма-теріала (особенно во II томѣ)— и въ конечномъ итогѣ полное отсутствіе положительныхъ результатовъ, которые представляли бы дѣйствительный вкладъ въ теорію экономического развитія. Судьба, тяготѣющая надъ исторической школой³⁾, оказалась въ особенности безжалостной по отно-шению къ эпигону исторической школы. Но при всей своей несостоятель-ности книга Носсига—зnamеніе времени. Въ другое время онъ далъ бы ей самое «катедерское» название: «Система» или «Handbuch соціальной политики», или еще что-нибудь въ этомъ родѣ. Теперь онъ выпускается ее подъ именемъ «Revision des Sozialismus». Въ другое время онъ издалъ бы ее черезъ одну изъ многочисленныхъ фирмъ, въ которыхъ печатается ученость, стоящая «внѣ партій» и внѣ практической жизни. Теперь ее издаетъ фирма (Akademischer Verlag fr soziale Wissenschaften), ко-торая претендуетъ на самую непосредственную связь съ жизненными теченіями.

¹⁾ Schmoller, 1. с., 393.

²⁾ Сравн. въ томъ же сборникѣ полемическую работу Шмольера, написанную въ 1875 году противъ Трейчке.

³⁾ Новая историческая школа можетъ указать собственно только двѣ работы ея пред-ставителей, имѣющія прочное научное значеніе. Это—книги ея вождей: Шмольера „Klein-gewerbe“ и Брентано „Arbeitergilden der Gegenwart“, появившіяся болѣе 30 лѣтъ тому назадъ. Ученники Брентано въ общемъ живутъ идеями своего учителя.

III.

Итакъ, новая историческая школа принципіально ограничивала свою дѣятельность накоплениемъ материала и воздерживалась отъ теоретическихъ построений. Она иронически ставила слово «теорія» въ кавычки и противопоставляла соответствующее понятіе «частичнымъ безепорнымъ истинамъ», въ открытии которыхъ видѣла всю задачу современной экономической науки. Только въ своей области она и признавала элементы научности, и отрицала всякое научное значеніе за работами Смита, Маркса и ихъ продолжателей.

Историческая школа укрѣпилась въ нѣмеckихъ университетахъ. Ея представители лишь изрѣдка упоминали о Марксе, чтобы показать все превосходство «современной» экономической науки (такъ въ особенности часто поступаетъ Брентано), или же, не упоминая о немъ, отправляясь къ его «Капиталу» за материаломъ и даже за точками зренія по частнымъ вопросамъ. Нѣкоторое недовольство чисто описательной дѣятельностью, изрѣдка проявлявшееся въ рядахъ исторической школы, не имѣло большого значенія, такъ какъ оно выступало нерѣшительно, не пріобрѣтало принципіального характера и быстро встрѣчало рѣзкій отпоръ. Критика со стороны, изъ «марксистского» лагеря, оставляла историзмъ равнодушнымъ, потому что Марксъ былъ съ самаго начала объявленъ вѣнчанымъ наукой, и борьба съ его методомъ (въ теоретической области) и съ его соціально-политическими воззрѣніями (въ области практики) искони признавалась одной изъ главныхъ задачъ исторической школы. Кроме того, историческая школа могла находить утѣшеніе въ томъ, что «ревизіонизмъ» въ нѣкоторыхъ своихъ теченіяхъ склонился къ историко-этической безпринципности.

Таковы претензіи, таково фактическое положеніе университетской экономической науки въ Германіи¹⁾. Теперь мы можемъ оцѣнить принципіальное значеніе предлагаемой въ переводѣ работы. Зомбартъ, талантливѣйший ученикъ Шмидтера, дѣятельный членъ Союза Соціальной Политики, руководитель нѣкоторыхъ изслѣдований, произведенныхъ Союзомъ, одинъ изъ представителей университетской науки, безъ всякихъ обиняковъ заявляетъ, что въ произведеніяхъ исторической школы отсутствуетъ специфически теоретический моментъ—единобразное объясненіе явлений, стремленіе свести ихъ къ послѣднимъ причинамъ.

¹⁾ Когда предисловіе это было уже написано и поступило въ печать, въ Германіи появились два первыхъ томика любопытной коллекціи: „Sammlung sozialwissenschaftlicher Meister“, къ изданію которой только что приступила известная фирма Г. Фишера въ Лейпцигѣ. Инициаторомъ и редакторомъ этой „Библіотеки классиковъ обществознанія“ является марбургский профессоръ Г. Веитигъ, авторъ превосходной книги „Gewerbliche Mittelstandspolitik“, отчасти использованной Зомбартомъ. Я приведу нѣсколько выписокъ изъ общаго введенія Веитига къ этой серіи (Tugot, *Betrachtungen über die Bildung und die Verteilung des Reichtums*, стр. III—VI). Оно поучительно и само по себѣ,—какъ выражение новой рѣшительной реакціи противъ исторической школы,—и по сопоставленію съ недавними русскими призываами возвратиться къ исторической школѣ, о которыхъ упоминается ниже въ моемъ предисловіи. „Когда я вспоминаю годы своего университетскаго обучения,—гово-

Зомбартъ, какъ бы имѣя въ виду заявленія своего учителя, соглашается, что большинство экономистовъ до сихъ поръ страдаетъ недостаткомъ положительнымъ знаній, незнакомствомъ съ фактическими отношеніями хозяйственной жизни. Онъ признаетъ, что всякий теоретикъ долженъ овладѣть уже накопленнымъ эмпирическимъ материаломъ и, по мѣрѣ возможности, обогащать сокровищницу фактическихъ знаній.

Дальше начинается разногласіе между учителемъ и ученикомъ. Шмидлеръ, какъ мы видѣли выше, полагаетъ, что мы переживаемъ эпоху эмпиріи и что теперь рано думать о возведеніи научного зданія. Заявленія Зомбарта производятъ впечатлѣніе прямой полемики съ такимъ оправданіемъ приемовъ исторической школы. Съ первыхъ же страницъ предисловія онъ какъ будто хочетъ сказать: напрасно вы убаюиваете себя надеждой, что и для васъ придетъ эпоха рационального упорядоченія эмпиріи. Дѣло вовсе не въ противоположности эпохъ рабіонализма и эмпиріи, а въ противоположности между абстрактно-обобщающимъ и конкретно-индивидуальнымъ взглѣдомъ на вещи. Наука можетъ ожидать дальнѣйшаго развитія только отъ синтетического сочетанія этихъ противово-

рить Вентигъ,—то пренебреженіе собственно „теоретическимъ“ образованіемъ представляется миѣ одной изъ характерныхъ особенностей нашего учебнаго плана... Историзмъ съ его тяготѣніемъ къ фактамъ вторгся и въ область экономической науки. Фактовъ!—это сдѣдалось лозунгомъ даже въ университетскихъ семинаріяхъ; статистическая таблицы, „реалистическое“ описание стало нашимъ евангеліемъ. Напротивъ, проникновеніе материала теоретической мыслью и особенно изученіе старыхъ классиковъ замѣтно отступило на задній планъ. На Бене и Тюрго, Юма и Смита, Мальтуза и Рикардо смотрѣли въ значительной степени какъ на ученыхъ, которые оставлены назади. Постоянныя указанія на то, что они дали не всю истину, затемняли истинные размѣры того, что они сдѣлали. Мы легко издѣвались надъ узостью горизонта, надъ „абстрактными“ умозрѣніями англичанъ... Съ того времени мыѣ все яснѣе становилось, что такое стрицательное отношение было дидактической ошибкой. У большинства людей, которые въ настоящее время говорять и пишутъ объ экономическихъ проблемахъ, слишкомъ часто неѣтъ яснаго и глубокаго экономического міросозерцанія,—неѣтъ даже сознанія, что необходимо приобрѣсти таковое, чтобы ориентироваться въ суголовѣ противорѣчивыхъ повседневныхъ интересовъ. Изъ страха ложныхъ теорій дошли почти до теоретического нигилизма. Между тѣмъ, правъ были Эмерсонъ, утверждая: „Кто не допускаетъ аналогіи и требуетъ кучи фактovъ, прежде чѣмъ приступить къ построенію теоріи, у того неѣтъ поэтическихъ способностей, тогъ никогда не произведеть ничего оригинального и прекраснаго“. И дальше: развѣ даже ошибочная теорія,—хотя бы мы ясно не сознавали ея границъ,—развѣ даже такая теорія въ жизненной практикѣ не ведеть въ концѣ концовъ дальше, чѣмъ разсудительный отказъ отъ теоріи? По крайней мѣрѣ она избавляетъ дѣятеля отъ того, чтобы, дѣйствуя безъ плана, владать въ противорѣчіе съ самимъ собою, что достаточно часто случается съ соціальными политиками нашего времени. Лучшая поправка теоріи лежитъ обыкновенно именно въ ея послѣдовательномъ примѣненіи“. И вотъ съ той цѣлью, чтобы „пробудить теоретический интересъ, развить въ изучающихъ политическую экономію критическая способности, пріучить къ послѣдовательному мышленію, подготовить къ тому, чтобы и къ практическимъ проблемамъ подходили систематически вооруженные пѣлостными міросозерцаніемъ“,—съ этой цѣлью Вентигъ и приступаетъ къ изданію классиковъ: Тюрго, Фергюсона, Смита, Стиарта, Мальтуза, Рикардо и т. д.

Такимъ образомъ, не только методологическая, но и соціально-политическая возрѣвнія исторической школы подвергаются новому серьезному нападенію, исходящему изъ среды немецкихъ профессоровъ. Возможно, что тяготѣніе къ классикамъ окончательно опредѣлилось у Вентига подъ вліяніемъ „Современного капитализма“: въ предисловіи Зомбарта къ этой работѣ и въ приведенныхъ цитатахъ изъ Вентига звучатъ одни и тѣ же мотивы.

положностей. Но не исторической школы создать такой синтезъ: для ея представителей, голыхъ эмпириковъ по самой своей природѣ, всякая теорія тѣгостина и ненавистна.

Утѣшительная противоположность элохъ Шмодлера превращается у Зомбарта въ противоположность натуръ, которая ничего не сулитъ исторической школѣ.

Уже это звучить прямымъ, рѣшительнымъ вызовомъ по адресу исторической школы. Но Зомбартъ съ характеризующей его натуру боевой смѣлостью идетъ дальше и ставитъ точку надъ і. Въ его бѣгломъ очеркѣ исторіи экономической науки и ея методовъ историческая школа оказывается собственно какъ бы внѣ сферы науки. Намѣчая главныя вѣхи въ развитіи познавательныхъ принциповъ, примѣнявшихся экономической наукой, онъ упоминаетъ французскихъ физократовъ, англійскихъ классиковъ и, наконецъ,—и даже главнымъ образомъ—Маркса. Исторической школѣ здѣсь не нашлось места.

Определеннѣе говоря о своемъ отношеніи къ исторической школѣ, Зомбартъ заявляетъ: моя «соціальная теорія» во всѣхъ своихъ элементахъ проникнута историческимъ духомъ, если разумѣть подъ историзмомъ пониманіе всего хозяйственного процесса подъ угломъ зрѣнія: «все течеть, все измѣняется». Но я не могу считать себя представителемъ «исторической школы». Меня отдѣляетъ отъ нея конструктивный моментъ въ расположениіи материала, радикальный постулатъ единобразного объясненія изъ послѣднихъ причинъ, построеніе всѣхъ соціальныхъ явлений въ единую систему. Коротко говоря, меня отдѣляетъ отъ Шмодлера и его школы то, что составляетъ специфическую особенность всякой теоріи, всякой науки, или, въ двухъ словахъ, меня отдѣляетъ отъ него Карль Марксъ».

Припомнить, какъ въ 1897 году Шмодлеръ упрекалъ «марксіанцевъ» за то, что они не стоять на почвѣ современной учености и методовъ,—и мы не отдѣляемся отъ впечатлѣнія, что его ученикъ теперь возвращаетъ этотъ упрекъ самому Шмодлеру.

Не ограничиваясь методологическими пожеланіями, Зомбартъ поставилъ передъ собой такую грандіозную задачу, какъ построеніе теоріи соціального развитія на основѣ огромнаго эмпирическаго материала, накопленіе котораго составляетъ заслугу главнымъ образомъ исторической школы. Передъ нами въ настоящее время только часть задуманной имъ огромной работы, но и этого достаточно, чтобы судить, въ какомъ направленіи она будетъ выполнена. Отъ Носсига, какъ и отъ Шмодлера, Зомбарта отдѣляетъ дѣйствительно Марксъ. И результаты получились неодніаковые. Насколько книга Носсига поражаетъ хаотичностью и разбросанностью отовсюду надерганныхъ фактovъ, настолько работа Зомбарта привлекательна стройностью въ группировкѣ материала, силою мысли и широтой кругозора¹⁾.

1) Было бы любопытно сопоставить какой-нибудь отдѣльный книги Зомбарта съ предшествующей литературой: только тогда и стало бы ясно, какъ много сдѣмалъ Зомбартъ, для упорядоченія фактическаго материала. Впрочемъ, читатель самъ могъ бы взять, напр.

Ближе познакомившись съ «Современнымъ капитализмъ», читатель увидить, что Зомбартъ примыкаетъ къ Марксу не только въ методологическомъ отношеніи, но и въ постановкѣ многихъ общихъ вопросовъ, а нерѣдко и въ частныхъ выводахъ. Общее впечатлѣніе отъ книги Зомбарта, по сравненію съ работами Бернштейна за послѣдніе годы, можно резюмировать словами: «назадъ къ Марксу», или, что будетъ точнѣе: «впередъ съ Марксомъ».

Зомбартъ и самъ не скрываетъ, что онъ задумалъ «Современный капитализмъ» подъ непосредственнымъ вліяніемъ работы Маркса. Въ концѣ 3-й главы I тома (стр. 84 перевода) онъ говоритъ, что его книга съ формальной стороны представляетъ попытку замѣнить образный языкъ Маркса языкомъ отвлеченныхъ понятій, а его «неорганическій взглядъ на ходъ развитія—эволюціонными возврѣніями, стоящими въ большомъ соотвѣтствіи съ современнымъ состояніемъ знаній». Каковы бы ни были мнѣнія Зомбарта о томъ, что болѣе соотвѣтствуетъ современному уровню знаній, какъ бы онъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ ни преувеличивалъ свою оригинальность по сравненію съ Марксомъ и ни затушевывалъ близкое сходство, одно ясно: въ рѣзкой противоположности съ Шмollerомъ, Зомбартъ думаетъ, что современная соціальная наука въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи не можетъ обойти Маркса, а, напротивъ, должна взять исходную точкой то, что сдѣлано имъ.

Какъ будто всего этого мало, Зомбартъ на всемъ протяженіи книги разбрасываетъ ироническія замѣчанія по адресу исторической школы и неоднократно указываетъ, насколько нагубно отразились принципы историзма даже на описательной дѣятельности цѣлаго ряда изслѣдователей.

Разумѣется, было бы наивно предполагать, что нѣмецкая университетская наука преобразуется подъ вліяніемъ работы Зомбарта. Представители исторической школы являются простыми собирателями фактовъ не потому, что они не знаютъ другихъ возврѣній, а потому, что они органически неспособны проникнуться другими взглядами на предметъ. Да и вообще измѣненіе университетской науки немыслимо безъ коренныхъ перемѣнъ во всемъ строѣ общественныхъ отношеній.

Однако уже и теперь можно указать одну крупную работу, которая написана подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Зомбарта. Но она принадлежитъ перу Лампрехта¹⁾, который вообще занимается своеобразное положеніе по вопросу о методѣ и задачахъ соціальныхъ наукъ. Онъ полной рукой по-

двѣ книги, которые представляются лучшими современными работами о развитіи города: А. Веберъ, *Ростъ городовъ въ XIX столѣтіи, и Вандервельде, Бѣгство въ города и обратная тяга въ деревню* (обѣ имѣются въ русскихъ переводахъ). Сопоставивъ ихъ съ 2 отдѣломъ I книги II тома, нельзя не признать, что 1) материалъ Зомбарта богаче и шире, чѣмъ материалъ Вандервельде; 2) теоретический элементъ сильнѣе и ярче, чѣмъ соотвѣтствующая сторона въ упомянутыхъ книгахъ, и 3) его теоріи не приходится игнорировать цѣлые группы крайне важныхъ явлений, какъ это дѣлаетъ Вандервельде. И однако по плану своей работы Зомбартъ даетъ пока лишь „предварительный очеркъ“ теоріи современного города.

1) „Zur jungsten deutschen Vergangenheit“. Zweiter Band, въ особенности erste Hѣlfte. Freiburg im B. 1903.

черпаль богатый материалъ изъ «Современного капитализма» и даже въ группировкѣ его, можетъ быть, самъ не отдавая себѣ въ томъ отчета, слѣдовалъ за Зомбартомъ. Но даже у Лампрехта Зомбартъ является въ какомъ-то обставленномъ безконечными оговорками, затемненномъ и затуманенномъ видѣ. Какъ методъ Маркса утратилъ у Лампрехта ясныя очертанія и превратился въ достаточно неопределенный «культурно-исторический методъ»¹⁾, такъ и отъ «Современного капитализма» у Лампрехта сохраняется главнымъ образомъ богатый фактический материалъ, и лишь кое-гдѣ мелькаютъ неясныя очертанія цѣльного зданія.

Во всякомъ случаѣ, появленіе «Современного капитализма» замѣтно взволновало ученыхъ Германіи. Какъ было въ случаѣ съ Бюхеромъ, критика и теперь направилась прежде всего на фактическое содержаніе книги. Зомбартъ собственно самъ облегчилъ дѣло такой критики. Онъ не ограничивается возведеніемъ стройного зданія изъ накопившагося материала, но, какъ замѣтить читатель, зачастую критикуетъ чисто описательные работы своихъ предшественниковъ, указываетъ на промахи и пробѣлы въ изслѣдованіяхъ чисто архивнаго свойства. Такимъ образомъ онъ во многихъ пунктахъ открываетъ «Капитализмъ» для нападокъ историковъ-специалистовъ²⁾.

Извѣстный историкъ Гансъ Дельбрюкъ въ своемъ журналѣ «Preussische Jahrbücher» напалъ на методологическую сторону «Современного капитализма». Какъ ученикъ и послѣдователь Ранке, Дельбрюкъ видѣтъ движущую силу исторіи въ идеяхъ; поэтому онъ рѣзко выступаетъ противъ Зомбарта, котораго не безъ основанія считаетъ сторонникомъ материалистического пониманія исторіи. Подобно Шмидлеру, Дельбрюкъ очень презрительно относится къ Марксу и склоненъ отрицать за нимъ всякое научное значеніе.

Зомбартъ, не отвѣчая на всѣ нападки Дельбрюка, остановился въ «Zukunft» лишь на его сужденіяхъ о значеніи Маркса. Онъ формулировалъ свои взгляды на этотъ предметъ съ еще большей рѣшительностью, чѣмъ въ «Современномъ капитализмѣ». Одна изъ крупнейшихъ заслугъ Маркса, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что въ эпоху, когда политической экономіи угрожала опасность потеряться въ пескахъ историзма, Марксъ не подчинился течению и съ несравненной энергией разрабатывалъ экономическую науку какъ теорію. По рѣзкому заявленію Зомбарта, Дельбрюкъ не способенъ оцѣнить такія заслуги: онъ—исключительно «историческая голова», чуждая строгому абстрактному мышленію. Поэтому о Марксе онъ не могъ написать ничего другаго, кроме «глупостей» (*dummes Zeug*).

Столкновеніе Дельбрюка съ Зомбартомъ любопытно главнымъ образомъ по рѣзкости тона съ той и другой стороны. На этомъ полемика, вѣроятно, не остановится.

1) См. пашумѣвшія въ свое время работы Лампрехта „Die kulturhistorische Methode“ и „Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft“.

2) Въ особенности воспользовались этимъ германские историки на конгрессѣ въ Гейдельбергѣ. Къ сожалѣнію, мы не могли достать цитатъ отчетовъ о конгрессѣ.

Что касается собственно экономистовъ, ихъ отзывы пока обнаруживаютъ нѣкоторую нерѣшительность. Они какъ будто ожидаютъ пароля. Характерна въ этомъ отношеніи обширная статья д-ра Поле (въ *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*), профессора съ замѣтно выраженнымъ аграрными симпатіями¹⁾). Въ существенной части статьи Поле старается показать, что различія между Зомбартомъ и Бюхеромъ не такъ велики, какъ это представляется Зомбарту. Остальные его замѣчанія касаются преимущественно частностей и нерѣдко основаны на странныхъ недоразумѣніяхъ. Таковъ, напр., упрекъ въ томъ, что Зомбартъ не остановился на развитіи капитализма, какъ такового, въ опредѣленной исторической обстановки, и потому не выяснилъ, до какой степени международное раздѣленіе труда вытекаетъ изъ самаго существа капитализма и до какой—изъ конкретныхъ историческихъ условій мѣста и времени. Но Зомбартъ съ самыхъ первыхъ страницъ своей книги заявилъ, что его задача—теорія исторически существовавшаго, а не какого-то надъ-исторического и вѣдъ-исторического капитализма. Слѣдовательно, Поле могъ направить свои возраженія только противъ метода Зомбарта, противъ его попытки построить историческую теорію капитализма, но не упрекать его за то, что онъ не далъ того, чего не хотѣлъ далъ и что считаетъ не особенно плодотворнымъ²⁾.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ указаніемъ на другой мнимый пробѣль въ «Современномъ капитализмѣ»,—на то обстоятельство, что Зомбартъ лишь мимоходомъ упоминаетъ о роли промышленныхъ синдикатовъ и трѣстовъ. Если бы Поле обратилъ внимание на заявленіе Зомбарта, что тенденціи въ развитіи самого капитализма будутъ изслѣдованы въ дальнѣйшихъ томахъ, и что выпущдіе два тома трактуютъ преимущественно о соотношеніи между капитализмомъ и докапиталистическими формами хозяйства, онъ воздержался бы отъ такого упрека.

Наконецъ, характерно для историко-этическаго направленія, съ которымъ борется Зомбартъ, замѣчаніе Поле, что капитальными недостаткомъ работы Зомбарта является игнорированіе вліянія государства на хозяйственную жизнь. «Экономическое развитіе представляется у него почти исключительно результатомъ стремленій индивидовъ и классовъ»; о глубокомъ «воздѣйствіи государства на экономические отношенія» Зомбартъ не упоминаетъ.

Замѣчаніе Поле прямо непостижимо. Зомбартъ не оставляетъ мѣста

1) Въ журнале „Народное Хозяйство“ 1903 г., № 6, имѣется переводъ этой статьи.

2) Недоразумѣніе Поле часто повторяется въ русской экономической и публицистической литературѣ. Здѣсь оно выступаетъ въ видѣ противоположности между „сущностью“ экономического развитія и его „формой“. „Существенное“—это технический прогрессъ, развитіе производительныхъ силъ. „Форма“—это данная организація хозяйства, капитализмъ. Только первое признается въ его исторической необходимости и причинной обусловленности. Напротивъ, „форма“ представляется какъ нѣчто вѣнчаное и случайное для экономического развитія, „искусственно“ навязанное ему. Книга Зомбарта немало можетъ содѣйствовать разсѣянію этой теоретической (и терминологической) путаницы: онъ ясно показываетъ, что въ закономѣрномъ процессѣ развитія капитализма нѣть никакихъ перерывовъ.

никакимъ сомнѣніемъ относительно своихъ взглядовъ на природу современаго государства. Онъ ясно заявляетъ съ самаго начала своей книги, что первой причиной, къ которой приходится свести все остальное, онъ признаетъ основные мотивы дѣятельности тѣхъ субъектовъ хозяйства, которымъ принадлежитъ руководящая роль въ хозяйственной жизни, и что таковыми для современной эпохи хозяйства являются капиталистические интересы капиталистовъ, стремление капитала къ реализації¹⁾. Слѣдовательно государство играетъ у Зомбарта служебную роль, его дѣятельность подлежитъ объясненію изъ «стремленій индивидовъ и классовъ». Поле могъ противопоставить Зомбарту другую точку зрѣнія, могъ, напр., по обыкновенію этико-исторической школы возразить, что государство стоитъ вѣ и выше соціальныхъ классовъ, что оно само является ни къ чему не сводимой первопричиной соціально-политической дѣятельности. Коротко говоря, здѣсь можно было противопоставить только методу методъ; заявленіе же объ «игнорированіи» и т. д. объясняется или невнимательнымъ чтеніемъ «Капитализма», или же органической неспособностью понять точку зрѣнія Зомбарта. Мы склонны думать, что здѣсь было и то и другое, какъ это уже не разъ наблюдалось и въ русской литературѣ въ спорахъ по аналогичнымъ вопросамъ.

Вообще же Поле старается представить дѣло такимъ образомъ, какъ будто различія между Зомбартомъ и исторической школой меныше, чѣмъ думаетъ Зомбартъ, и во всякомъ случаѣ не имѣютъ принципіального характера. Любопытно, что и у Поле въ концѣ-концовъ вырывается признаніе серьезныхъ достоинствъ за работую Зомбарта. «Несмотря на свои недостатки,—говоритъ онъ,—«Современный капитализмъ» остается крупнымъ научнымъ трудомъ, блестяще свидѣтельствующимъ объ энергіи автора, его прилежаній, умѣніи распоряжаться материаломъ, разрабатывать его, а также обѣ его искусствѣ изложенія».

Не упоминая о другихъ отзывахъ, мы подробнѣе остановимся на небольшой статьѣ Шмиллера²⁾. Воззрѣнія Шмиллера послужили основой для характеристики новой исторической школы политической экономіи. Его отзывъ о «Современномъ капитализмѣ» дасть нѣкоторое представление о томъ, какъ историческая школа реагируетъ въ настоящее время на вызовъ, брошенный ей Зомбартомъ. Статья Шмиллера удобна и въ томъ отношеніи, что она обрисовываетъ общій планъ «Современного капитализма», его вѣшнія очертанія, и такимъ образомъ поможетъ читателю ориентироваться въ книгѣ.

Сопоставивъ замѣчанія Шмиллера съ самой книгой, читатель безъ труда откроетъ, гдѣ Шмиллеръ правъ и гдѣ онъ не въ состояніи понять Зомбарта просто потому, что у него слишкомъ «историческая голова», и гдѣ наконецъ въ немъ говорить естественное раздраженіе противъ блестящаго ученика, обманувшаго надежды учителя и склоняющагося на

1) Эти идеи разбросаны въ разныхъ мѣстахъ I тома, въ особенности же см. главы первую и вторую во II томѣ.

2) Въ *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich*, 1903, erstes Heft.

сторону его литературныхъ враговъ. Возможно также, что въ душѣ Шмиллера еще тлѣтъ надежда «ассимилировать» Зомбартя.

Статья Шмиллера начинается такими свѣдѣніями о Зомбартѣ, которые, конечно, интересны, но по нашимъ литературнымъ традиціямъ были бы уместны скорѣе въ некрологѣ, чѣмъ въ характеристицѣ полнаго силь человѣка. Однако мы приводимъ и ихъ и вообще дѣлаемъ въ статьѣ Шмиллера лишь незначительныя сокращенія.

IV.

«Мнѣ не легко приниматься за отзывъ о «Капитализмѣ»,—начинаетъ Шмиллеръ:—съ одной стороны, я состою съ авторомъ, моимъ прежнимъ ученикомъ, а теперешнимъ коллегой и другомъ, въ хорошихъ личныхъ отношеніяхъ; а съ другой—меня отдѣляетъ отъ него широкая пропасть въ основныхъ воззрѣніяхъ, и потому я не могу обсуждать его «Капитализмъ» безъ извѣстнаго полемического элемента, который такъ легко оскорбляетъ. Но я постараюсь воздать ему должное и въ то же время отстоять свою точку зрѣнія. Своей замѣткѣ я предпошию свѣдѣнія о личности автора: только они и даютъ ключъ къ его работѣ.

«Вернеръ Зомбартъ—жизнерадостная, богато одаренная натура, цѣльная личность, счастливый ораторъ, который пишетъ, какъ говоритъ; конечно, ему не чуждо сильно развитое честолюбіе. Его отецъ былъ self made man, который изъ землемѣровъ сдѣлался богатымъ собственикомъ рыцарского помѣстья; это—прямой, превосходный характеръ, реформаторъ въ соціально-политическомъ отношеніи, идеалистъ-либераль. Сынъ выросталъ въ богатствѣ, среди наслажденій большого города; въ его распоряженіи были всѣ образовательные ресурсы нашего времени; онъ съ юности много знакомился съ міромъ, путешествовалъ и обнаруживалъ очень сильныя эстетическія и соціально-политическія склонности. Самое сильное впечатлѣніе произвели на него работы Лассала и Маркса; онъ серьезно и энергично занимался изученіемъ исторіи; кромѣ того и даже прежде всего, онъ углублялся въ работы замѣчательнѣйшихъ соціалистовъ, широкія концепціи которыхъ отвѣчали спекулятивнымъ потребностямъ его ума. Марксъ духовно въ теченіе долгихъ лѣтъ всецѣло подчинялъ его себѣ. Въ настоящее время онъ обнаруживаетъ склонность понемногу освобождаться отъ этой зависимости. Онъ постарался такъ интерпретировать квинтъ-эссенцію ученія Маркса о цѣнности, что оно становится совмѣстимо съ здравымъ человѣческимъ разсудкомъ; конечно, другой вопросъ, что сохранилось при этомъ отъ дѣйствительнаго Маркса. Но и теперь Марксъ остается для него великимъ ученымъ XIX вѣка, какъ Адамъ Смить великимъ ученымъ XVIII вѣка. При сильно развитомъ чувствѣ собственного достоинства, онъ никогда не скрывалъ этого. Да и вообще у него есть энергичное мужество имѣть собственное мнѣніе; не заботясь о карьерѣ, онъ высказываетъ всегда, что думаетъ; въ эпоху вліянія Штумма это затруднило ему карьеру, получение званія ординарнаго профессора. Въ дружескихъ кругахъ его прозвали въ шутку «салоннымъ де-

магогомъ»; одинъ внимательный наблюдатель недавно опредѣлилъ его существо какъ «еще не вполнѣ выяснившуюся геніальность силы» (*Kraftgenialitt*). Въ немъ уживаются сочетаніе сильнаго политическо-индивидуалистического стремленія къ свободѣ и соціалистическихъ симпатій. Свои выдающіяся рѣчи онъ любить заканчивать пламеннымъ диеграмбомъ въ честь индивидуальной политической свободы почти въ стилѣ 1848 года и почти въ духѣ чистаго манчестерства. Въ немъ не бьется ни малѣйшей жилки консерватизма, и потому онъ предметъ величайшей ненависти для *«Schlesische Zeitung»*. Прогрессъ, постоянный прогрессъ, проповѣдуется онъ; новое онъ хочетъ замѣнить самоновѣйшимъ. Онъ стоитъ въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ съ Генрихомъ Брауномъ и другими вождями соціаль-демократіи. За послѣдніе годы онъ только и писалъ, что въ *«Архивѣ Брауна»*; всѣ остальные periodическія изданія, посвященные государственнымъ знаніямъ, представляются ему неполнозѣнными и отсталыми. Въ германской наукѣ о государствѣ онъ является представителемъ модернизма среди молодыхъ ученыхъ, стремленія которыхъ аналогичны стремленіямъ молодыхъ художниковъ и поэтовъ съ ихъ новымъ стилемъ, новѣйшей лирикой и т. д. Я думаю, что Золя и Ибсенъ на ряду съ Марксомъ оказали на него опредѣляющее вліяніе. Съ первымъ ему обща живопись деталей, со вторымъ — извѣстная черта пессимизма. Постоянно протестовать противъ того, что сдѣлано до сихъ поръ наукой,— это главная потребность для него. Черезъ каждую пару страницъ онъ увѣряетъ, будто въ той или другой научной области за послѣднія 50, 100 или болѣе лѣтъ никто не сумѣлъ даже правильно поставить вопросъ. Даже Маркса въ настоящее время онъ нерѣдко свысока поучаетъ насчетъ его заблужденій. Обо мнѣ самомъ онъ упоминаетъ въ тонѣ любезнаго уваженія—и, конечно, вполнѣ искренно,—но на ряду съ тѣмъ онъ отчитывается меня какъ ученаго, который перемѣшиваетъ причину и слѣдствіе главное—я оперирую не по Маркову рецепту матеріалистической исторіографіи, не истолковываю народно-хозяйственныхъ учрежденія просто какъ производныя и вторичныя слѣдствія хозяйственно-техническихъ процессовъ.

«Однако перейдемъ къ дѣлу. Два тома *«Современного капитализма»* должны представлять только начало чрезвычайно большой работы, разсчитанной на цѣлый рядъ томовъ. Первый томъ долженъ изображать «генезисъ капитализма». Послѣ введенія, излагающаго систему понятій, вновь созданныхъ авторомъ, въ первой книжѣ онъ описываетъ «хозяйство какъ ремесло», т.-е. типическую для среднихъ вѣковъ организацію ремесла, условія его существованія и докапиталистическую торговлю, сущность которой, по его мнѣнію, лежить въ ремесленности ея строя. Вторая книга трактуетъ «генезисъ современного капитализма», т.-е. выясняетъ понятіе и сущность капитализма, при чемъ возникновеніе капитала въ основныхъ чертахъ сводится къ образованію земельной ренты и колоніальному хозяйству; далѣе генезисъ капиталистического духа, зачатки промышленного капитализма и препятствія его развитію, потомъ промышленность и капитализмъ въ концѣ ранней капиталистической эпохи (1849—50 г.), побѣ-

доносное шествие капитализма въ настоящее время, наконецъ, современные (1890—1900 г.) ремесло и ремесленники. Географическая почва, на которой движется Зомбартъ, за немногими исключениями — германская, такъ что первый томъ можно бы назвать экономической исторіей Германиі, или, точнѣе, исторіей нѣмецкаго ремесла. Создать таковую стремился еще І. Г. Гофманъ въ своихъ работахъ 1807—43 гг., а потомъ, въ 1861—69 гг., примыкая къ Гофману и основываясь на материалахъ 1840—61 г., я старался продолжить; теперь Зомбартъ, пользуясь безконечно болѣе совершенными предварительными работами и материалами 1882—1900 гг. и сообразуясь съ переворотами въ техникѣ и народномъ хозяйствѣ, совершившимися съ того времени, хочетъ довести это дѣло до широко задуманнаго научнаго завершенія. Онъ постарался вполнѣ и совершенно научно использовать изслѣдованіе Союза Соціальной Политики о ремесленникахъ, за которое мы обязаны прежде всего Бюхеру.

«Второй томъ, «Теорія капиталистического развитія», въ значительной степени опирается тоже на этотъ материалъ, представляетъ синтетическую его обработку и по существу является экономической и промышленной исторіей Германиі въ новѣйшее время, но исторіей въ теоретической формулировкѣ. Первая книга, «Новые основы хозяйственной жизни», говоритъ о новомъ правѣ (свобода промышленности и т. д.), новой техникѣ, новомъ стилѣ хозяйственной жизни. Вторая книга, «Преобразованіе хозяйственной жизни», изслѣдуетъ возникновеніе современаго земледѣлія и разложеніе стариннаго, тѣсно связаннаго съ землей строя хозяйства, возникновеніе и существо современаго города, преобразованіе потребностей, наконецъ, преобразованія въ организаціи сбыта товаровъ. Третья и послѣдняя книга носитъ заглавіе: «Теорія промышленной конкуренції»; послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о понятіи и существѣ конкуренції послѣдовательно описывается борьба, распространяющаяся на качество предлагаемыхъ товаровъ, борьба въ области цѣнъ и препятствія, которыя противостоятъ капиталистическому предприятію. Послѣдній отдѣль въ существенныхъ частяхъ говоритъ о современномъ паденіи ремесла и его формъ, а также о пріимѣнявшихся средствахъ спасенія, которыя, по мнѣнию Зомбарта, конечно, сулять очень мало. Вся послѣдняя книга, какъ и вторая половина первого тома, по существу представляетъ исторію нѣмецкаго ремесла и ремесленниковъ въ новѣйшее время.

«Этотъ вѣнчаній перечень содерянія даетъ только общія рамки; основное содержаніе книги можно обозначить двумя словами, какъ прославленіе капитализма: ему обязаны мы въ настоящее время высшей культурой и благосостояніемъ, между тѣмъ какъ еще въ 1849 году были довольно грубымъ, нецивилизованнымъ народомъ варваровъ. Это — лейтмотивъ, который варьируется въ двухъ томахъ и преподносится во всѣхъ частностяхъ. Конечно, и этимъ мы сказали пока немного. Главное въ томъ, какъ выглядитъ общій тезисъ, какъ онъ доказанъ, обрисованъ въ частностяхъ и мотивированъ. На эту счетъ я долженъ сказать слѣдующее.

«О томъ, что Зомбартъ называетъ капитализмомъ, и что я назвалъ

бы скорѣе современными денежнно-хозяйственными формами производства, развившимися при либеральной системѣ свободы промышленности, свободной конкуренціи и неограниченномъ стремлениі къ приобрѣтенію,—объ этомъ Зомбартъ далъ намъ рядъ замѣчательныхъ глубоко проникающихъ частныхъ работъ и изслѣдованій. Онъ одинаково проявляетъ въ нихъ какъ остроуміе и глубокую способность анализа, такъ и выдающуюся практическую проницательность, или, какъ я выразился бы, талантъ практическій-дѣлового расчета и живой даръ къ наблюденіямъ. Многочисленность такихъ удачныхъ частныхъ изслѣдованій—болѣе, чѣмъ конструктивный элементъ, который сплачиваетъ эти изслѣдованія,—заставляетъ меня признать работу Зомбарта безусловно значительнейшимъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій въ области немецкой экономической науки,—хотя это и не значить, что я сейчасъ же выставлю А. Смита, Маркса и Зомбарта какъ три равноцѣнныхъ устоя нашей науки. Отдельные изъ этихъ изслѣдованій и главъ замѣчательны также по стилю и изложению, по проникающему ихъ духу и оригинальности мысли; такова, напр., глава о «новомъ стилѣ хозяйственной жизни». Другія главы, между прочимъ и такія, которые трактуютъ великие общіе вопросы, не производятъ на меня такого впечатленія; глава о «новомъ правѣ» представляется мнѣ почти скучной.

«Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда я приписываю великую цѣнность отдельнымъ изслѣдованіямъ Зомбарта, я нерѣдко не могу цѣнить ихъ результатъ—отчасти въ количественномъ, отчасти въ качественномъ отношеніи—такъ wysoko, какъ это дѣлаетъ авторъ. Напр., я охотно привѣтствую давніяя 5-я главы I тома, показывающія, до какой степени часто средневѣковые ремесленники работали на отдаленный сбытъ; но это для меня нисколько не доказываетъ ошибочности того представленія, что средневѣковое ремесло характеризуется продажей непосредственно потребителямъ и сбытомъ вблизи, въ городѣ и его окрестностяхъ. Когда развивается отдаленный сбытъ, старое ремесло какъ разъ начинаетъ перерастать свой первоначальный характеръ; внутри цеха открывается тяжелая борьба изъ-за того, можетъ ли бѣдный мастеръ продавать свой продуктъ богатому мастеру для отдаленного сбыта; начинаются по большей части неудачныя попытки организаціи отдаленного сбыта на товарищескихъ началахъ (напр., въ Иглу); ремесло начинаетъ переходить въ домашнюю промышленность, утрачивать старый строй и т. д.—Въ главѣ объ условіяхъ существованія ремесла сказано много вѣрнаго, а также въ значительной степени новаго, данъ хорошій историко-географическій обзоръ, причинная связь изложена лучше, чѣмъ у кого-либо другого. Но я не могу признать, чтобы она была исчерпана, и еще менѣе могу согласиться, что достаточно тѣхъ общихъ выводовъ, которые сдѣланы изъ сопоставленія античнаго и средневѣковаго ремесленного строя, изъ истории этого строя въ различныхъ государствахъ Европы; заключенія въ значительной части я считаю неправильными. Я думаю, что это—сильное преувеличеніе (въ направлѣніи материалистической исторіографіи): изображать развитіе цехового законодательства и цеховую организацію только какъ слѣдствіе паденія

ремесла. Нѣмецкое ремесло выработало основные черты своего строя уже въ 1100—1350 гг.; эпоха 1300—1500 гг. вообще, а для многихъ странъ даже эпоха 1500—1800 гг., отнюдь не является эпохой паденія ремесла. Въ Западной Европѣ причины цеховой организаціи имѣли болѣе общій характеръ и болѣе вытекали изъ психологической и нравственной атмосферы периода съ 800 по 1500 гг., изъ государственного строя, изъ состоянія общества, чѣмъ это представлено у Зомбартъ.

«Глава о докапиталистической торговлѣ очень цѣнное изслѣдованіе, а также и экскурсъ о счетномъ искусствѣ. Таковъ же мой приговоръ о главахъ 9—12 первого тома, трактующихъ о возникновеніи капитала въ XIV—XVII столѣтіяхъ. Но, на мой взглядъ, онъ слишкомъ ужъ подчинены общему тезису, материалъ для обоснованія которого недостаточенъ и который я считаю не совсѣмъ правильнымъ на основаніи общихъ соображеній экономического, психологического и исторического характера. Я имѣю въ виду тезисъ, будто значительныя состоянія не могли возникнуть изъ торговли, но произошли отъ накопленной земельной ренты. На мой взглядъ, Зомбартъ дѣйствительно доказалъ, что до сихъ поръ обращали слишкомъ мало вниманія на земельную ренту эпохи 1300—1700 гг. Но первоисточники и литература не произвели на меня такого общаго впечатлѣнія, что Зомбартъ правъ, обобщая свой тезисъ; онъ слишкомъ низко оцѣниваетъ то, чѣмъ обязаны своей торговлѣ талантливые и отважные торговцы. Съ давнихъ поръ излюбленной темой какъ соціалистической, такъ и фритредерской и симпатизирующей торговлѣ политической экономіи является стремление свести къ земельной рентѣ огромное неравенство въ распределеніи дохода и состояній; я напомню для примѣра только такія имена, какъ Лоріа, Герцка, Генри Джорджъ, Оппенгеймеръ и т. д. Мне кажется, что Зомбартъ слишкомъ поддался такимъ теоріямъ; онъ нашелъ много материала, подтверждающаго такое пониманіе дѣла; онъ правъ до извѣстной степени, но онъ впаль въ обычную ошибку всѣхъ изслѣдователей, которые открываютъ новый материалъ въ пользу новаго тезиса: онъ переоцѣниваетъ результаты своихъ изслѣдованій. Кромѣ того, низкая оцѣнка роли выдающихся дѣловыхъ талантовъ въ дѣлѣ образования имущества соответствуетъ марксистскимъ идеямъ. Если бы я вздумалъ останавливаться здѣсь на отдельныхъ доказательствахъ, это повело бы насть слишкомъ далеко. Я упомяну только одно. Периодъ наиболѣе энергичнаго развитія земельной ренты совпадаетъ съ началомъ Среднихъ вѣковъ и съ первой эпохой городской жизни. Напротивъ, все, что извѣстно намъ объ энергичномъ образованіи имущества въ городахъ—все это относится преимущественно къ позднѣйшему времени, когда ни въ самыхъ городахъ, ни въ ихъ окрестностяхъ не наблюдалось такого значительного развитія земельной ренты. И даже для современности, въ которой, думается мнѣ, я довольно точно знаю специальные причины багатства очень и очень многихъ лицъ, я буду утверждать, что главными причинами являлись рѣдкія личныя дарованія нашихъ купцовъ, предпринимателей, директоровъ банковъ.

«Вторая половина первого тома и большая часть второго посвящена

паденію нѣмецкаго ремесла въ періодъ 1840—1900 гг. Другой общей работы на эту тему—работы такихъ размѣровъ и такого значенія—не существуетъ. Если даже мы будемъ имѣть въ виду хорошій матеріаль и многочисленныя хорошія работы предшественниковъ, за Зомбартомъ остается большая заслуга. Многое Зомбартъ видѣлъ яснѣе, чѣмъ его предшественники, многіе выводы онъ удачнѣе формулировалъ. Но въ общемъ, онъ говоритъ сходно съ другими писателями, которые до него давали вопросу общую постановку. Онъ говоритъ только рѣзче и радикальнѣе, нѣсколько болѣе обостряя тенденцію, выражаемую словомъ «капитализмъ»; это соотвѣтствуетъ его личности и подчиняющимъ его общимъ идеямъ. Я лично въ очень многомъ, что касается частностей, даль бы другую формулировку. Напр., на товарищество ремесленниковъ я смотрю далеко не такъ пессимистически. Я вижу, что и въ настоящее время еще процвѣтаютъ многочисленныя ремесла и производства среднихъ размѣровъ, если они въ необходимой мѣрѣ слѣдуютъ за техническимъ и коммерческимъ прогрессомъ; я рѣшительно не принимаю отвода такого доказательства, какъ эти тысячи производствъ, я не могу съ задоромъ утверждать подобно Зомбарту: если они прогрессируютъ въ техническомъ и коммерческомъ отношеніи, то это уже отнюдь не ремесленныя, а капиталистическая производства. Но при всѣхъ этихъ расхожденіяхъ въ формулировкѣ мое теперешнее общее мнѣніе о стариинномъ ремесль вовсе не такъ-то ужъ далеко уклоняется отъ зомбартовскаго.

«Рѣшительное сужденіе о цѣлой работѣ, какъ таковой, затруднительно потому, что осуществлена только часть замысла Зомбарта: слѣдующіе томы познакомятъ насъ съ сельскимъ хозяйствомъ, крупной промышленностью, міромъ рабочихъ, организацией ихъ и съ преобразованіемъ народного хозяйства какъ цѣлымъ: только они и должны сказать намъ, куда ведетъ «капитализмъ», къ чему ведетъ описанное въ двухъ томахъ разрушеніе старого обиталища нашего народного хозяйства. О всемъ этомъ, о всемъ будущемъ здѣсь мы пока не узнаемъ ничего. Но, чтобы сказать рѣшительное слово о Зомбартѣ, надо было бы, собственно говоря, вполнѣ точно знать, что именно противопоставляеть онъ паденію ремесла. Пока это—лишь увѣренность въ созданномъ капитализмомъ повышенніи благосостоянія и прославленіе его эстетическихъ послѣдствій. Когда Зомбартъ касается этой своей излюбленной темы, онъ одушевляется, его покидаетъ холодная сдержанность объективнаго докладчика.

«И, однако, я не могу ограничиться выраженіемъ надежды, что составлю сужденіе, когда явится дальнѣйшія 1.200—2.400 страницъ: сужденіе о научной личности Зомбарта всякий, кто позволяетъ себѣ вообще имѣть мнѣніе, долженъ составить послѣ первыхъ же 1.200 страницъ. Въ основныхъ чертахъ у меня оно составилось уже раньше, чѣмъ я увидалъ эти страницы,—на основаніи 20-лѣтнихъ личныхъ и литературныхъ наблюдений. Я уже говорилъ, какъ высоко я цѣнилъ его талантъ. Теперь слѣдуетъ нѣсколько конкретизировать мое сужденіе съ положительной и отрицательной стороны.

«Главная сила Зомбарта заключается въ его способности наблюдать

и описывать, въ его дарѣ различія. За лучшее, что даютъ два тома книги, мы обязаны первой способности, равно какъ и за многія удачныя сопоставленія крупныхъ явленій хозяйственно-исторической жизни: напр., что въ прежнія времена предложеніе промышленныхъ продуктовъ обыкновенно отставало отъ спроса, а въ настоящее время обгоняетъ его. Но всѣ наблюденія постоянно оказываются у него на службѣ у его конструктивныхъ, предвзятыхъ мыслей. Онъ добросовѣстно старается быть объективнымъ, но по существу только собираетъ примѣры къ тому, что для него заранѣе установлено. Его способность различія проявляется въ потребности подвергать всѣ явленія новымъ и новымъ подраздѣленіямъ и на-дѣлять новыми именами вновь образуемыя такимъ образомъ группы явле-ній. Несомнѣнно, это — правильный способъ, которымъ познаніе должно пользоваться; но только не слѣдуетъ забывать, что линіи, которыя мы проводимъ, всегда являются только линіями, намѣщаемыми субъективно, по соображеніямъ цѣлесообразности, затѣмъ, чтобы съ большимъ удобствомъ окунуть взоромъ безконечную многосложность явленій; слѣдуетъ помнить, что причинное объясненіе важнѣе, чѣмъ изобрѣтеніе новыхъ именъ. На мой взглядъ, Зомбартъ въ этомъ направлениіи дѣлаетъ слишкомъ много. Я не стану отрицать, что нѣкоторыя подраздѣленія Зомбарта представляютъ прогрессъ, другія кажутся мнѣ не болѣе цѣлесообразными, чѣмъ упо-треблявшіяся до настоящаго времени, иные даже менѣе цѣлесообраз-ными; таково прежде всего включеніе всего крестьянского сословія и крестьянского производства въ понятіе «ремесло». Но мое главное возра-женіе таково: этотъ избытокъ новыхъ названій затрудняетъ чтеніе книги¹⁾.

«Основное понятіе, «капитализмъ», которому посвящена вся книга, Зомбартъ заимствовалъ у Маркса и соціалистической литературы. Онъ можетъ сослаться въ свою пользу на то обстоятельство, что его легитими-ровало всеобщее словоупотребленіе. Но это — понятіе, отличающее всѣми цвѣтами, смутное, многосмысленное, неясное и потому излюбленное въ журнальныхъ дебатахъ. Оно не исчезнетъ изъ ежедневныхъ газетъ. Однако я сомнѣваюсь, чтобы въ наукѣ ему подобала такая роль, какую ему Зомбартъ отводить. У Маркса оно имѣло за собой достаточное опра-вданіе. Марксъ отрицаетъ всѣ психологическія, этическія причины, при-чины, лежащія въ учрежденіяхъ; онъ знаетъ только механически-техни-

¹⁾ [Въ дѣйствительности новаторство Зомбарта въ области номенклатуры проявляется больше всего въ строгомъ различіи понятій „хозяйство“ и „производство“ и въ разграниченіи различныхъ стадій, какія проходитъ развитіе „зависимости отъ капитала“. Что касается распространенія понятія „ремесленникъ“ и на крестьянство (не на все), это об-стоятельство мотивировано Зомбартомъ въ новѣйшей книжѣ: „Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert“ (см. мой отзывъ о книжѣ въ № 1 журнала „Образованіе“ за 1904 г.), которая въ существенныхъ чертахъ представляетъ приложеніе основныхъ точекъ зреінія „Капитализма“ къ изученію народного хозяйства Германіи въ XIX вѣкѣ, а мѣстами является изложеніемъ „Капитализма“ и простой перепечаткой изъ него. Присоединеніе „кре-стьянъ“ къ „ремесленникамъ“ кажется страннымъ только съ первого взгляда. Но если мы вдумаемся въ то опредѣленіе понятія „ремесленникъ“, какое даетъ „Капитализмъ“, мы или признаемъ, что извѣстныя группы крестьянъ являются такими же „ремесленниками“, какъ и сапожникъ при извѣстныхъ условіяхъ, или же должны будемъ отказаться отъ зомбартов-скаго опредѣленія.] И. С.

ческие хозяйствственные процессы; накопление капитала и употребление капитала въ современномъ производствѣ является Марксу единственной причиной современныхъ хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній, распределенія собственности и доходовъ, обѣднѣнія массы. Но Зомбартъ уже не стоитъ на такой точкѣ зрѣнія. Онъ совершенно правильно признаетъ—объ этомъ у Маркса не было и предчувствія: онъ думалъ прямо наоборотъ,—что только психическая причина даютъ объясненіе всего происходящаго въ народномъ хозяйствѣ... Въ различныхъ мѣстахъ онъ изображаетъ возникновеніе современныхъ пріобрѣтательскихъ стремленій, капиталистической духъ; послѣдній представляется ему не какъ нѣчто всегда и повсюду вытекающее изъ барыша, изъ образованія вещественнаго имущества, но какъ продуктъ европейской исторіи XIV—XIX столѣтій. Однако, результатъ этихъ исторически-психическихъ причинъ онъ все же называетъ капитализмомъ,—какъ будто это слѣдствіе капитала самого по себѣ, а не тѣхъ психическихъ факторовъ, которые самъ Зомбартъ описывалъ какъ ближайшую причину.

«Несомнѣнно, капиталъ играетъ огромную роль въ современномъ народномъ хозяйстве и въ современныхъ предпріятіяхъ. Но объяснить эту роль мы можемъ только психологически: исходя отъ людей опредѣленного времени, расы, національной группы и отъ ихъ психическихъ силъ, далѣе отъ психическихъ отложенийъ этихъ силъ, отъ идей и моральныхъ системъ данного времени, нравовъ и права, учрежденій эпохи, которыя въ свою очередь дѣйствуютъ обратно на людей, на ихъ стремленія, пріобрѣтательская побужденія. И все, въ чемъ Марксъ и соціаль-демократія обвиняютъ капиталъ: такъ называемая «погоня за прибылью», необузданное пренебреженіе благомъ и горемъ рабочихъ,—все это характеризуетъ условія, при которыхъ въ годы 1500—1900 развивались индивидуалистическая пріобрѣтательская побужденія и отдѣливались отъ большинства прежнихъ нравственныхъ и соціальныхъ ограниченій. Чтобы уразумѣть современное народное хозяйство, необходимо изслѣдовывать эти явленія. Но Зомбартъ отчасти по самимъ своимъ склонностямъ и дарованиямъ далекъ отъ такихъ изслѣдований, отчасти же считаетъ ихъ не относящимися къ сфере нашей науки. Здѣсь, на мой взглядъ, лежитъ граница его дарованія и его дѣятельности; здѣсь же и та пропасть, которая отдѣляетъ меня отъ него. Задачу своей жизни я вижу въ томъ, чтобы разрабатывать эти части нашей науки. Поэтому сила Зомбарта проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда можно обойтись безъ изученія этихъ вопросовъ, и слабость тамъ, где имъ принадлежитъ рѣшающее значеніе. Онъ признаетъ, что психологическая силы являются причинами для нашей науки; онъ даетъ даже многія хорошія психологическія описанія (духъ ремесла, капиталистической духъ и т. д.); но при всемъ томъ, онъ не раздѣлался со всѣми остатками представлений, заимствованныхъ у Маркса. И, прежде всего, онъ не видѣтъ, что мораль, нравы, право и учрежденія научно можно понять только какъ психическая явленія. Онъ, думается мнѣ, подпадаетъ подъ власть старого, оставленного наукой представлѣнія, будто крупные и мелкие хозяйственныя процессы, въ которыхъ проявляется народная жизнь, можно и должно

объяснять чисто экономически, изъ техники и формы производства и т. д. Между тѣмъ, всѣ эти факторы могутъ быть вполнѣ поняты лишь съ помощью психическихъ и морально-политическихъ причинъ и въ своемъ великомъ движениі одинаково подчиняются какъ духовнымъ, такъ и материальными причинамъ.

«Основная методологическая воззрѣнія Зомбартта зачастую родственны моимъ. Но справедливое методологическое требование: исследователь не долженъ подчиняться одностороннимъ идеаламъ, а также одностороннимъ нравственнымъ идеямъ, Зомбартъ расширяетъ въ совершенно другое требование: въ народномъ хозяйствѣ и рѣчи не должно быть о нравственныхъ вопросахъ и силахъ. Касаясь такихъ вещей, онъ впадаетъ въ крикливый, презрительный тонъ. Но мнѣ кажется, что подъ нравственными требованиями онъ всегда разумѣеть только требования прадѣдовской, мѣщанской и филистерской морали. Онъ, думается мнѣ, просмотрѣлъ, что всякое общество можетъ существовать лишь при условіи господства извѣстного количества соціальныхъ нормъ, которая при болѣе высокомъ уровнѣ культуры дифференцируются на нравы, право и мораль [и которая], постоянно преобразуясь въ зависимости отъ культурныхъ условій, всегда являются, однако, предпосылкой всякаго состоянія общества и всѣхъ дѣйствующихъ въ немъ психическихъ силъ. Не исследовавъ, какъ эти нормы психологически возникаютъ, преобразуютъ, передаются, постоянно формируются вновь измѣнившейся вѣнѣшней и внутренней, экономической и духовной культурой, и въ то же время остаются неизмѣнными въ своихъ основныхъ чертахъ,—не исследовавъ этого, никто не можетъ, по моему скромному мнѣнію, разрѣшить послѣдніе народно-хозяйственные вопросы. Великие экономисты были профессорами морали. И всѣ, кто въ настоящее время издѣвается надъ этими цѣлями морали, всѣ они, насколько я въ состояніи видѣть, безсознательно стоятъ на точкѣ зрѣнія какой-либо системы морали: такъ, Зомбартъ, кажется мнѣ, стоитъ на точкѣ зрѣнія утонченного эпикуреизма эстетического характера или на точкѣ зрѣнія матеріализма.

«Что касается матеріалистической исторіософіи Маркса,—согласіе Зомбартта съ нею заходить, на мой взглядъ, слишкомъ далеко,—я отнюдь не отрицаю, что въ противовѣсь ложному и преувеличеному идеализму она имѣть свои основанія. Ранѣе не въ достаточной мѣрѣ принимали въ расчетъ экономическая, техническая и соціальная причины исторического развитія. Но если психическая явленія представляютъ всегда только какъ вторичные, позднѣйшіе продукты матеріальныхъ и экономическихъ причинъ, это будетъ уже нѣсколько грубымъ использованіемъ реакціи, которая сама по себѣ справедлива. Въ каждый данный моментъ, на ряду съ матеріальными причинами, дѣйствуютъ и оказываются на послѣднія модифицирующее вліяніе психическая силы настоящаго, равно какъ и всевозможныя традиціи въ области духовной жизни; такимъ образомъ, въ каждый моментъ совершается дѣйствие и противодѣйствие, и всякое послѣдующее хозяйственное состояніе представляетъ совокупный продуктъ психическихъ и матеріальныхъ факторовъ. Что береть перевѣсь,—это *quaestio facti*, которую приходится разрѣшать особо для каждого состоянія, для

каждаго явленія. Огюстъ Конть и другіе въ противоположность Марксу убѣждены, что возрастаніе господства духовной традиції изъ эпохи въ эпоху представляетъ важнѣйшее явленіе въ исторіи.

«Я не вполнѣ увѣренъ, оказываюсь ли я при такомъ пониманіи въполномъ противорѣчіи съ Зомбартомъ. Но, думается мнѣ, дѣло близко къ тому; этимъ я и объясняю многія принципіальныя противорѣчія, которыхъ насъ раздѣляютъ.

«Согласится ли онъ, что я воздалъ ему должное этими замѣчаніями, я тоже не знаю. Во всякомъ случаѣ я старался понять его изъ него самого. Я признаю его талантъ, его силу изображенія, его энергию; я радуюсь, что нѣмецкая наука создала такую работу, какъ «Современный капитализмъ»,—безразлично, согласенъ ли я съ нею въ частностяхъ и въ существенныхъ, основныхъ точкахъ зрѣнія, или же нѣтъ».

Этотъ, въ общемъ очень сочувственный, отзывъ своимъ безпристрастіемъ—или стремлениемъ сохранить объективность—дѣлаетъ большую честь Шмоллеру-консерватору и Шмоллеру-вождю исторической школы.

V.

Для русской литературы книга Зомбарта имѣеть еще большее значеніе, чѣмъ для нѣмецкой. Большинство талантливѣйшихъ представителей русской университетской науки являются сторонниками методологическихъ принциповъ нѣмецкаго историзма. Многіе усвоили теорію цѣнности Маркса, но усвоеніе, по всѣмъ условіямъ существованія русскихъ университетовъ, должно было оказаться какимъ-то механическимъ: теорія цѣнности въ университетскихъ курсахъ не даетъ особой точки зрѣнія, съ которой упорядочивается весь материалъ, а является случайнымъ эпизодомъ, вѣнчанымъ въ общее содержаніе курса.

Тяжелое положеніе нашей университетской науки сильнѣе всего отразилось на практическихъ воззрѣніяхъ, на соціально - политическихъ взглядахъ, нашедшихъ себѣ выраженіе на университетскихъ каѳедрахъ. У насъ противъ университетской науки выступали не Штуммы; она не выдвинула, и по всѣмъ условіямъ существованія не могла выдвинуть, ни одной такой боевой натуры, ни одного такого яркаго идеолога либерализма, такого энергичнаго борца за организованную самодѣятельность, какъ Брентано и его виднѣйшия ученики. Въ русскихъ университетахъ могли быть представлены воззрѣнія преимущественно праваго крыла нѣмецкихъ соціалъ-политиковъ, предводимаго Шмоллеромъ. На нихъ лежитъ печать государственности,—даже бюрократизма, сказали бы мы. Въ соціально-политическихъ требованіяхъ, какъ и для Шмоллера, главнымъ аргументомъ является *raison d'Etat* во всевозможныхъ вариантахъ. Извѣстные общественные классы изображаются только какъ объектъ соціально-политической дѣятельности, но не какъ ея субъектъ, ея основная пружина. И, какъ для нѣмецкихъ, такъ и для выдающихся русскихъ университетскихъ преподавателей, въ центрѣ симпатій стоять классы, которые не играютъ активной, сознательной роли въ соціально-политической дѣятель-

ности: крестьянство и кустари. Послѣдніе, при всей своей неопределённости и двусмысленности въ хозяйственномъ отношеніи, служить для нашей университетской науки такими же представителями «исконныхъ» началь русской экономической жизни, какъ для нѣмецкой служили ремесленники. Отношеніе къ современнымъ формамъ хозяйства (къ «капитализму») и къ общественнымъ классамъ, которые развиваются съ ними, и въ Германіи и у насъ полно глубокихъ противорѣчій.

Еще лѣтъ десять тому назадъ такова была почти безъ всякихъ исключений и наша журнальная и книжная литература и въ значительной степени остается такой до настоящаго времени. Она въ большей мѣрѣ, чѣмъ университетскіе профессора, обнаруживала знакомство съ работами Маркса,—но не съ его методомъ, не съ монистическимъ истолкованіемъ процесса экономического развитія, а прежде всего съ его описаниями разрушительныхъ дѣйствій капитализма. «Единообразное объясненіе хозяйственного развитія изъ послѣднихъ причинъ»—то, что составляло главную задачу Зомбarta—было ей чуждо. Историческое развитіе представляло для нея не процессъ, всѣ стадіи которого необходимо связаны между собою, а рядъ какихъ-то случайностей и печальныхъ недоразумѣній.

Ограничимся немногими иллюстраціями. Для г. Николая—она манифестъ 19-го февраля 1861 года и примыкающее къ нему «Положеніе» являются санкціей исконной формы производства, «выработанной многими вѣками хозяйственной дѣятельности Россіи», той формы, «въ которой орудія производства принадлежать самимъ производителямъ». Принципъ этихъ законодательныхъ актовъ «стоялъ въ безусловномъ противорѣчіи съ принципомъ, на которомъ виждется хозяйственный строй западно-европейскихъ государствъ»,—въ настолько полномъ противорѣчіи, «что, казалось, для капиталистической формы у насъ и мѣста нѣть»¹⁾.

Мѣста въ дѣйствительности оказалось достаточно, и почти вся книга г. Н. —она посвящена описанію капиталистического грѣхопаденія Россіи, которое у него носить такой же случайный, исключительно извѣзъ обусловленный характеръ, какъ и библейское грѣхопаденіе.

Разумѣется, на самомъ дѣлѣ ни «Положеніе» не было «лебединою пѣснью старого процесса производства», ни принципъ его не стоялъ въ противорѣчіи съ принципомъ, «на которомъ виждется хозяйственный строй западно-европейскихъ государствъ». На самомъ дѣлѣ принципы реформы 1861 года не отличались отъ принциповъ прусского законодательства Штейнъ—Гарденберговской эры. Эта реформа была не лебединой пѣснью старыхъ формъ хозяйства, а первымъ рѣшительнымъ проявленіемъ развивающейся новой формы—капитализма (сравн. II томъ Зомбarta, главы I и II, а также I отдѣль второй книги въ томъ же томѣ). И не требованія старого класса, крестьянства, нашли себѣ выраженіе въ законодательныхъ актахъ, а требованія такихъ гоелодствующихъ классовъ,

¹⁾ Николай —онъ, Очерки нашего преобразованного общественного хозяйства. 1893, стр. 2—3, 64—67 и сл.

какъ дворянство, которое стало вносить въ свою хозяйственную дѣятельность «капиталистический духъ», и буржуазія.

Отсутствіе «метода» запутало г. Н. —она въ безысходныхъ противорѣчіяхъ. Другіе представители того направленія, къ которому причисляется г. Н. —онъ, нашли очень упрощенный выходъ, буквально такой же, какъ Шмольеръ, Поле, А. Вагнеръ и др. нѣмецкіе соціаль-политики; разница только въ томъ, что послѣдніе обыкновенно получаютъ солидную методологическую подготовку и потому въ формулировкахъ не доходятъ до такихъ наивностей, примѣры которыхъ даютъ наша литература. Особенную известность въ этомъ отношеніи получило предисловіе г. В. В. къ его «Судьбамъ капитализма въ Россіи». То, что пагубнѣе всего тяготѣеть надъ Россіей—отсталая и антикультурная публично-правовая нормы,—это самое онъ и считаетъ залогомъ счастливаго разрѣшенія экономическихъ противорѣчій.

Другимъ примѣромъ можетъ служить г. Южаковъ. Въ 1895 году,—значить, въ то время, когда въ русской литературѣ уже съ полной определенностью выяснилась другая точка зрѣнія на соотношеніе «экономики» и «политики», на природу современного государства—онъ писалъ въ «Русск. Богат.» (№ 5, стр. 106): «община, большая семья, артель, кустарные и домашніе промыслы, натуральное хозяйство—все медленно готовится къ вымиранію и все рано или поздно обречено на вымираніе, если мы не сумѣемъ найти въ своей умственной и нравственной культурѣ, въ своихъ организованныхъ общественныхъ силахъ, въ своихъ руководящихъ классахъ достаточно разума и совѣсти, знанія и патріотизма, чтобы спасти наше отечество и нашъ народъ отъ горестныхъ путей западно-европейского экономического развитія» (курсивъ г. Южакова).

Разберитесь въ этой елейной фразеологии—и вы увидите, что г. Южаковъ возлагаетъ свои надежды на разумъ и совѣсть, на знаніе и патріотизмъ руководящихъ классовъ, на то, что до ихъ сердца дойдутъ соображенія о *raison d'Etat*. Передъ нами такое рѣзкое ограниченіе объектовъ отъ субъектовъ соціально-политическихъ мѣропріятій, противъ котораго ничего не возразили бы даже идеологи полицейского государства. Такъ отсутствіе метода незамѣтно приводить къ соціально-политической и вообще политической безпринципности.

Г. Южаковъ отрицательно относится къ совершающемсяся экономическому развитію («горестные пути» etc.), въ немъ онъ видитъ только разлагающее начало; въ томъ, что подвергается разложенію, тоже не открывается никакой активной, прогрессивной силы. Надежды возлагаются на силу, которая стоитъ въ экономическомъ развитія, на «руководящіе классы». Но ставя ихъ въ экономическомъ развитія и въ «прежнихъ формъ экономического быта», г. Южаковъ тѣмъ самымъ ставить ихъ въ дѣйствительного, эмпирическаго міра, т.-е. возлагаетъ свои упованія на соціальное чудо, которое пріостановить совершающуюся эволюцію и начать исторію сноva, изъ самого себя, а не изъ тѣхъ силъ, которыя сложились въ реальному мірѣ.

Чтобы открыть въ нѣмецкой литературѣ pendant воззрѣніемъ г. Южакова, намъ придется передвинуться отъ Шмидлера далеко вправо, обратиться къ аграріямъ. Напр., антисемитская газета «Deutsche Tageszeitung», которая по обыкновенію всѣхъ аграріевъ мечтъ громы противъ капитализма и распинается за ремесло, писала въ нумерѣ отъ 22 января 1904 года по поводу одного заявленія графа Бюлова: «Это невѣроятно удобный пріемъ, если графъ Бюловъ говоритъ, будто развитіе невозможна повернуть назадъ. Такая преувеличенно-высокая оцѣнка развитія—сплошное суевѣріе. Напротивъ, на развитіе можно повлиять при помощи законодательства въ интересахъ ремесленниковъ, и если графъ Бюловъ не можетъ задержать (aufhalten) развитія или не направить его на истинные пути, тогда черезъ извѣстное время уже ничто не предохранить нашей политической и хозяйственной системы отъ разрушенія».

Это буквально такая же философія исторіи, какъ у г. Южакова, съ одной только маленькой разницей не въ пользу послѣдняго. Нѣмецкіе аграріи до сихъ порь чувствуютъ подъ собой прочную почву, они сознаютъ себя однимъ изъ важныхъ элементовъ «руководящихъ классовъ», они могутъ ссылаться на опасность, угрожающую «нашой системѣ». Имѣются ли такие серьезные доводы у г. Южакова? И сколько еще безтактностей надѣлаетъ онъ при своей методологической безпринципности¹⁾?

Жизнь разбиваетъ иллюзіи г.г. В. В. и Южакова. Тогда остается еще одна будто бы вѣкъ-классовая и надѣль-классовая сила: интеллигенція. Она должна заново начать исторію, отречься отъ всей старой исторіи (отъ «горестныхъ путей») и направить развитіе на «истинную дорогу». Характеръ въ этомъ отношеніи г. Шѣхоновъ. Десятилѣтняя полемика марксизма съ народничествомъ не прошла для него даромъ, старая наивная утопія для него невозможны, онъ пишетъ съ большимъ темпераментомъ—и тѣмъ ярче демонстрируетъ какую-то растерянность своего міросозерцанія. «Въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ онъ,—къ чому ведеть ничѣмъ не сдержанная борьба интересовъ?... Въ перспективѣ виднѣется тотъ строй жизни, въ которомъ человѣкъ человѣку волкъ»... Такой-то фактъ «съ особою наглядностью показалъ недостаточность борьбы интересовъ, какъ единственного

1) Впрочемъ, не представляется невозможнымъ, что г. Южаковъ относить себя къ составу руководящихъ классовъ. Принимая во вниманіе высоко-политический характеръ его иностранныхъ обозрѣй, это болѣе чѣмъ вѣроятно. Напр., въ № 1 „Русс. Бог.“ за 1904 г., обсуждая назрѣвающій конфликтъ между Россіей и Японіей, онъ пишетъ (стр. 80): „продать желѣзную дорогу (Манчжурскую) я рекомендую мелкимъ лейтрамъ государствамъ Европы, отнюдь не великимъ европейскимъ державамъ и еще менѣе американцамъ, самыми вѣроятными нашими врагами, быть можетъ, даже въ недалекомъ будущемъ“. „Я рекомендую“... „отнюдь“—такъ можетъ говорить только власть имѣющей. При своемъ „ограниченномъ разумѣніи“, свойственномъ мнѣ, какъ только объекту всевозможныхъ мѣропріятій, я до сихъ порь не зналъ, что американцы—самый вѣроятный мой врагъ. Г. Южакову, конечно, виднѣе. Онъ, вѣроятно, скоро дастъ списокъ націй, кт которымъ я долженъ заблаговременно проникнуться враждебными чувствами. Но все-таки какъ хорошо бы, если бы даже иностранные обозрѣватели усвоили тотъ методъ, тотъ духъ, въ которомъ написана вся книга Зомбarta, и если бы у нихъ было побольше того „догматизма“, за который они упрекали марксистовъ!

регулятора жизни». И, насколько можно судить по контексту, въ роли надъ-классового регулятора должна выступить интеллигенція, какъ носительница «общечеловѣческой правды» ¹⁾.

Это—буквально то же, что говорилъ Шмодлеръ, характеризуя современныхъ нѣмецкихъ экономистовъ-профессоровъ (и прусскую бюрократію): «ихъ убѣжденія вытекаютъ не изъ страсти, классовыхъ интересовъ, эгоизма, а изъ ихъ честнаго пониманія общаго блага». «Ихъ сужденія не омрачаются классовыми интересами», «они руководствуются исключительно общими интересами». Поэтому нѣмецкіе профессора, объединившіеся въ Союзъ Соціальной Политики (и прусская бюрократія), претендуютъ на роль третейскихъ судей въ необузданной борьбѣ эгоистическихъ интересовъ, стремятся сдержать эту борьбу, урегулировать ее съ нѣкоторой высшей точки зрѣнія, словомъ—увѣряютъ, будто дѣлаютъ какъ разъ то, что должна дѣлать интеллигенція г. Пѣшехонова ²⁾.

И любопытная черточка: «общечеловѣческая правда» г. Пѣшехонова зачастую очень недалеко уходитъ отъ «общаго блага» Шмодлера. Разсудя о томъ, что интересы извѣстныхъ группъ, въ особенности нижнихъ слоевъ, могутъ совпадать съ общечеловѣческими, г. Пѣшехоновъ замѣчаетъ: „но это не значитъ, что они именно несутъ знамя «высокихъ идеаловъ». Окажись кто-нибудь ниже ихъ — и они не усомнятся прибѣгнуть къ силѣ тяжести. Это и происходитъ на нашихъ глазахъ, когда объединившіеся въ союзы пролетаріи изыскиваютъ мѣры, чтобы обуздать Lampenproletariat и необъединенныхъ рабочихъ“ (ib., 343).

«Общечеловѣческая правда» г. Пѣшехонова, конечно, сдержитъ борьбу интересовъ, выступить на защиту неорганизованныхъ, къ которымъ организованные относятся, дѣйствительно, очень презрительно, что видно даже изъ такихъ кличекъ, какъ scabs, Streikbrecher, Arbeitswillige. Но знаетъ ли г. Пѣшехоновъ, что именно защита ихъ была цѣлью знаменитаго «каторжнаго законопроекта»? Знаетъ ли онъ, что изъ нѣмецкихъ профессоровъ только Шмодлеръ со своимъ направленіемъ не выступилъ противъ этого законопроекта, защищающаго „слабыхъ“ отъ „сильныхъ“, неорганизованныхъ отъ организованныхъ? И что даже Брентано страстно протестовалъ противъ него, какъ противъ совершенно реакціоннаго ³⁾? Хороша же русская «общечеловѣческая правда», если она не возвышается до уровня профессора Брентано!

Изъ этихъ примѣровъ видно, что сходство между русскимъ народничествомъ и нѣмецкой исторической школой не ограничивается формальную

1) А. Пѣшехоновъ, На очередныя темы, Спб., 1904, стр. 343, *passim*.

2) Schmoller, loc. cit., 390—392, и въ особенности вся статья, направленная противъ Трейчке. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить одно отличіе въ пользу Шмодлера. Онъ въ основныхъ чертахъ доволенъ общимъ ходомъ развитія и считаетъ полезными лишь маленькие коррективы къ нему. Нѣмецкіе профессора не объявляютъ войны экономической дѣйствительности и потому могутъ сохранять увѣренность, что дѣйствительность, хотя бы въ образѣ гр. Посадовскаго, благосклонно ихъ выслушаетъ. Только благодаря крайней умѣренности своихъ пожеланій они и не производятъ комического впечатлѣнія.

3) См. горячо написанную брошюру: L. Brentano, Reaktion oder Reform? Berlin-Schöneberg, 1899.

стороной, но зачастую распространяется и на содержание социально-политическихъ идеаловъ. Это не значить, чтобы здесь имѣло мѣсто прямое заимствование: напротивъ, основное горе народничества заключается въ томъ, что оно просто повторяетъ старыя, давно оказавшіяся несостоятельными, положенія западно-европейской науки и ставить ихъ открытие въ особую заслугу «русской науки». Бѣда не въ позаимствованіяхъ, а, напротивъ, въ недостаточномъ знакомствѣ съ европейской литературой и въ нежеланіи знакомиться съ ней¹⁾.

Съ сентиментальнымъ отношеніемъ къ неорганизованнымъ вполнѣ гармонируютъ особыя симпатіи къ тѣмъ докапиталистическимъ формамъ хозяйства, представителями которыхъ являются крестьяне и кустари. Эти формы—крестьянское натуральное хозяйство съ примыкающими къ нему кустарными промыслами и домашнимъ промышленнымъ производствомъ для собственного потребленія. Онъ изображаются въ самомъ идеальномъ свѣтѣ, какъ будто не на ихъ почвѣ выросли отношенія «Пошечинской старины» Салтыкова, и противополагаются капиталистическимъ формамъ, развитіе которыхъ несетъ за собою будто бы только опустошеніе, бѣдность и гибель. И хотя развитіе на Западѣ тоже исходило изъ докапиталистическихъ формъ, онъ объявляются специфической особенностью русской экономической исторіи, которая на этомъ основаніи рѣзко противополагается западно-европейской. Отсюда только одинъ шагъ до теоріи какихъ-то «особыхъ путей», которыми должно пойти и дальнѣйшее наше экономическое развитіе.

Русское народничество встрѣтило появление книги Бернштейна съ такимъ же злорадствомъ и торжествомъ, какъ и нѣмецкая историческая школа политической экономіи. И причины радости по существу были сходныя. Съ одной стороны, въ Бернштейнѣ привѣтствовали эмпірика, выступившаго противъ «увлечений теоріей»; съ другой — нашли сочувственный отголосокъ его замѣчанія о «путяхъ развитія». Онъ, смѣшивая понятія «мелкое производство» и «ремесло», «крупное производство» и «капитализмъ», старался показать, что послѣдній развивается съ величайшей медленностью. Исходя изъ этого, онъ предлагалъ такія поправки къ программѣ практической дѣятельности, которые шли навстрѣчу университетскимъ соціаль-политикамъ Германіи и русскому народничеству.

Реакція въ сторону историзма иногда и у насъ отливается въ формы, живо напоминающія скептицизмъ Э. Мейера. Г. Булгаковъ, напр., энер-

1) Одно время у насъ вошло въ моду высокая относительность ко всей западно-европейской наукѣ.—Было бы поучительно сопоставить народническія нападки на классическую экономію, въ особенности на теорію Рикардо, съ нападками нѣмецкой исторической школы на классиковъ. Исходные точки критики въ томъ и другомъ случаѣ оказываются поразительно сходными. И какъ нѣмцы въ противовѣсь англичанамъ выступаютъ съ „национальной экономіей“, такъ у насъ стремились создать „русскую экономическую науку“ или „русскую соціологическую школу“.—Въ послѣднее время, съ расцвѣтомъ идеализма националистического пошиба, опять возрождается такое явленіе. Марксъ, напр., оказывается для насъ „буржуазнымъ“, такъ какъ его идеалы „материалистичны“. И все эти толки объ особой „русской науки“, объ особой „русской душѣ“ реакціонны не менѣе, чѣмъ нѣмецкая „национальная экономія“.

гично выступаетъ противъ попытокъ характеризовать развитіе капиталистического хозяйства какой бы то ни было общей формулой и противъ всяческихъ диагнозовъ и прогнозовъ въ соціальной наука¹⁾.

И какъ въ Германіи, такъ и у насъ на ряду съ историзмомъ рѣшительнѣе чѣмъ прежде выступаетъ этическое направлениe въ соціальной наука²⁾. Сходство между нѣмецкой этической школой и русскимъ «идеализмомъ» доходитъ даже до мелочей. Для иллюстраціи укажу только на одинъ примѣръ, который приобрѣтаетъ особенный интересъ при сопоставленіи съ идеями Зомбартса (т. II, глава 15-ая). Гг. Бердяевъ и Булгаковъ разражаются негодующими тирадами противъ «гедонизма», воображая, повидимому, что они говорятъ нечто новое. Но Шмольлеръ уже нѣсколькими десятилѣтіями раньше упрекалъ современныхъ экономистовъ «въ материалистической переоценкѣ вѣщнихъ благъ и вѣнчнаго счастья, въ отрицаніи потусторонняго міра, въ забвеніи сокровеннѣйшаго существа человѣческой природы, въ приверженности къ эвдемонистическимъ идеямъ XVIII столѣтія». Одни съ ненавистью относятся къ гедонизму, другие къ эвдемонизму; только къ такимъ различіямъ въ названіяхъ и сводится зачастую практическая разница между нѣмецкой этической школой и русскими идеалистами.

По условіямъ существованія русской литературы и литераторовъ, «историзмъ» и «идеализмъ» долго встрѣчали сравнительно слабый отпоръ въ журналистицѣ. Поэтому они, съ облегченiemъ констатировавъ «конецъ марксизма», не теряя времени, занялись дѣлежкой наслѣдства. Г. Туганъ-Барановскій «величайшей задачей соціальной мысли нашего времени» считаетъ «критическое преодолѣніе марксизма», «отживающаго марксизма», и уже призываетъ читателей воспріять соціально-экономическую систему, которую онъ обѣщаетъ создать³⁾. Авторъ предисловія къ переводу одной книжки Менгерса, изданной подъ редакціей приват-доцента Орженѣцкаго, отдаетъ наслѣдство другимъ претендентамъ. Характерна его фразеология, которая прямо напоминаетъ тиражу сонаслѣдниковъ между собой. Онъ скорбитъ по поводу «увлеченія доктринами Маркса», которое «догматически устранило конкуренцію другихъ школъ и направлений», и потомъ продолжаетъ: «въ настоящее время, когда среди самого марксизма пробудился критический духъ и стремлениe выйти за предѣлы узкаго догматизма, вниманіе лицъ, интересующихся экономическими вопросами, можетъ и должно обратиться къ двумъ основнымъ направлениямъ въ экономической наука⁴⁾: къ историческому (курсивъ мой) и къ тому, виднымъ представителемъ которого является Менгеръ⁴⁾, т.-е. къ ав-

¹⁾ С. Булгаковъ, Капитализмъ и землемѣліе, т. II, 456, 457—8.

²⁾ Зомбартъ уже давно, въ 1897 году, по поводу известной книги Штаммлера, отмѣтилъ тожество нео-идеализма съ этическимъ направлениемъ въ политической экономіи. Въ другомъ мѣстѣ я скоро дамъ характеристику русского нео-идеализма съ этой точки зрѣнія. Здесь же вообще приходится ограничиваться простымъ упоминаніемъ о различныхъ литературныхъ теченіяхъ.

³⁾ М. Туганъ-Барановскій, Очерка изъ новѣйшей исторіи политической экономіи, Спб., 1903, стр. IV, VI, 380.

⁴⁾ К. Менгеръ, Основанія политической экономіи, Одесса, 1902, стр. V.

стрійской школѣ. Къ послѣдней приглашали читателей также гг. Франкъ и Тугань-Барановскій. Народническая литература не переставала заявлять, что окончательная побѣда осталась за ея принципами, хотя принципы эти потеряли всякую опредѣленность очертаній съ того времени, какъ сдѣлалось невозможнымъ отрицать развитіе капитализма въ Россіи. Ихъ можно охарактеризовать двумя словами: историзмъ и этическое направление.

Словомъ, читатель оказывается теперь въ самомъ затруднительномъ положеніи. Его одновременно тянутъ въ направленіи австрійской школы, исторической, этической,—особенно въ направленіи двухъ послѣднихъ. За послѣдніе годы у нась не появилось ни одной работы, въ которой возвратнія марксизма на методъ и на экономическое развитіе Россіи получили бы такое яркое, сильное и цѣлостное выраженіе, какъ въ книгахъ Бельтова, Волгина и В. Ильина. У многихъ читателей неизбѣжно должна была явиться теоретическая растерянность.

При такихъ обстоятельствахъ книга Зомбартта пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Она какъ бы подводить итогъ десятилѣтней полемикѣ марксизма съ другими общественными теченіями. Это не значитъ, что Зомбартъ—«марксистъ» въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно употребляется это слово у нась, въ смыслѣ литературного выразителя опредѣленного общественного движения. Вопреки увѣреніямъ Шмидлера, его отношеніе къ движению полно въ дѣйствительности глубокихъ противорѣчій. Но въ противоположность большинству немецкихъ профессоровъ, онъ хорошо знакомъ съ работами Маркса, усвоилъ ихъ методъ, а во многихъ случаяхъ и отдельныя положенія.

Однако усвоеніе не ведеть къ простымъ повтореніямъ. Во-первыхъ, Зомбартъ настолько талантливый человѣкъ, что онъ умѣеть сохранить свою индивидуальность. Во-вторыхъ, онъ удачно использовалъ огромную, по большей части (но не исключительно) описательную литературу, накопившуюся послѣ появленія I тома «Капитала». Въ-третьихъ, въ то время какъ Маркъ въ своихъ работахъ даетъ не только теорію капиталистического развитія, но и экономическую исторію Англіи, Зомбартъ даетъ не только теорію капитализма, но также исторію его развитія въ Германіи.

Послѣднее обстоятельство особенно важно для русскихъ читателей. Въ условіяхъ экономического развитія Германіи и Россіи обнаруживается наибольшая аналогія. Мы долго не кончили бы, если бы поставили своей задачей отмѣтить всѣ черты сходства между Германіей и Россіей какъ въ «докапиталистический» періодъ, такъ и на первыхъ стадіяхъ капиталистического развитія. Намъ пришлось бы тогда обозрѣть почти все содержаніе «Современного капитализма», начиная съ 18-й главы I тома. Но въ этомъ нѣтъ и нужды, такъ какъ читатель и самъ не удержится отъ сопоставленій на каждомъ шагу.

Книга Зомбартта можетъ сыграть серьезную роль въ развитіи русской общественной мысли. Она поможетъ окончательно раздѣлаться съ остатками национализма, принимаетъ ли онъ славянофильскую окра-

ску, какъ въ старое время, или народническую, какъ нѣсколько позже, или же «идеалистическую», какъ въ новѣйшее время. Русскому читателю она скажетъ каждой страницей, что въ прошломъ у насъ ничего нѣть, кромѣ бѣдности и некультурности, и что идеализировать въ прошломъ рѣшительно нечего. Она также рѣшительно скажетъ, что для насъ нѣть другихъ путей къ лучшему будущему, какъ тѣ, по которымъ давно идетъ Западъ Европы; что такъ называемые «наши пути»—это пути экономической отсталости и варварскихъ, враждебныхъ всякому развитию публично-правовыхъ нормъ. Зомбартъ еще разъ и съ большой силой напомнить намъ, что борьба за сохраненіе старого ведеть только къ расточенію силъ (II томъ, 35 глава). Борьба за высшія экономическая и публично-правовая формы возможна и плодотворна лишь на основѣ тѣхъ общественныхъ силъ, которыхъ создаются капиталистическимъ развитіемъ. И Зомбартъ покажетъ намъ, что это развитіе выполняетъ свою историческую миссію несравненно быстрѣе, чѣмъ думали до настоящаго времени, отожествляя капитализмъ съ крупнымъ производствомъ и даже только съ фабрикой (ср. I т., глава 27-ая и въ особенности 28-ая). Чтобы характеризовать быстроту капиталистического развитія, онъ не разъ повторяетъ, что намъ несравненно труднѣе представить себѣ экономической строй 1850 года, чѣмъ человѣку XIX вѣка—строй экономическихъ отношеній въ 1450 или даже въ 1350 году. И факты, приводимые имъ, вполнѣ подтверждаютъ это.

Знакомясь съ книгой Зомбарта и припоминая аналогичныя работы обѣ экономическомъ развитіи Россіи, читатель не отдѣлается отъ мысли, что передъ нами встаютъ теперь такія же практическія задачи, какія вставали и встаютъ передъ Западомъ. Намъ нечего оплакивать патріархальную старину, «исконный» строй отношений: они не заслуживаютъ сожалѣній. Ближайшая задача заключается въ учетѣ основныхъ перемѣнъ, которыхъ экономическое развитіе произвело въ структурѣ общества, и въ рѣшительной ликвидациіи правовыхъ нормъ, которыхъ выросли на основѣ старого общества и тяготѣютъ надъ развивающимся новымъ.

VI.

Специальная критика, несомнѣнно, откроетъ много промаховъ въ книгѣ Зомбарта. Иначе оно и быть не можетъ. Книга Зомбарта охватываетъ такую обширную область во времени и въ пространствѣ, такъ разносторонне рассматриваетъ процессъ экономического развитія, такъ часто выходитъ за предѣлы собственно-хозяйственныхъ отношеній, что было бы прямо непостижимо, если бы специалисты—историки хозяйственного развитія, историки торговли, историки искусства, литературы и т. д.—не нашли въ ней цѣлаго ряда ошибокъ. Зомбартъ очень бѣгло излагаетъ воззрѣнія, которыхъ не вызываютъ никакихъ возраженій, но съ тѣмъ большей обстоятельностью останавливается на вопросахъ, по которымъ до сихъ поръ идутъ жаркие споры. Здѣсь онъ хочетъ сказать свое слово. Читатель нерѣдко замѣтитъ за Зомбартомъ одну слабость. Въ стремлениі

къ оригинальности, онъ часто становится парадоксальнымъ, что иногда только затемняетъ его дѣйствительное сходство съ предшественниками. Все это облегчаетъ дѣло критики.

До сихъ порь наибольшее вниманіе въ нѣмецкой литературѣ привлекла къ себѣ одна идея I тома «Современного капитализма»: первона-чальнымъ источникомъ капитала послужила накопленная земельная рента, городская и сельская, а не торговая прибыль, какъ полагало до сихъ порь большинство экономистовъ. Проф. Полье отнесся сочувственно къ этой идеѣ, Шмидлеръ—скептически, большинство на упомянутомъ съѣзда историковъ—отрицательно. Недавно I. Штридеръ посвятилъ этому вопросу цѣлую книгу (I. Strieder, Zur Genesis des modernen Kapitalismus). Основываясь на разработкѣ аugsбургскихъ архивовъ, онъ признаетъ эту идею неправильной. Къ сожалѣнію, до сихъ порь я не имѣлъ возможности въ подробностяхъ ознакомиться съ доводами Штридера.

Во всякомъ случаѣ, будеть прината идея Зомбарта или нѣть, читатель признаетъ, что главы I тома (9—13), посвященные ея развитію и обоснованію, принадлежать къ числу любопытнейшихъ въ I томѣ. Первые три изъ нихъ въ яркой формѣ знакомятъ съ отношеніями средневѣковаго общества, а послѣдняя даетъ великолѣпное и мѣстами захватывающее описание колоніального хозяйства на зарѣ капиталистического развитія. Чтобы углубить пониманіе явлений, о которыхъ идетъ рѣчь въ этихъ главахъ, читателю полезно обратиться къ 24 главѣ I тома «Капитала» Маркса. Да и вообще слѣдуетъ усиленно рекомендовать сопоставленіе отдѣльныхъ частей «Современного капитализма» и «Капитала». При подробныхъ оглавленіяхъ обѣихъ книгъ оно не представить особыхъ затрудненій и въ то же время послужить хорошей школой для развитія экономического мышленія. Читатель тогда самъ безъ осеннаго труда откроетъ сильныя и слабыя стороны Зомбарта.

Въ нѣмецкой литературѣ многіе критики остановились на рѣзкихъ выходкахъ Зомбарта противъ извѣстныхъ схемъ Бюхера. Основные работы послѣдняго имѣются въ русскихъ переводахъ¹⁾ и были рекомендованы для изученія московской комиссией по организаціи домашняго чтенія. Читатель, интересующійся этими вопросами, сдѣлаетъ опять-таки лучше всего, если сопоставить 1—5 главы I тома съ указанными работами Бюхера.

Съ своей стороны, я ограничусь однимъ маленькимъ замѣчаніемъ. Въ поискахъ за коечными причинами, изъ которыхъ слѣдуетъ объяснить весь процессъ хозяйственного развитія, Зомбартъ прерываетъ свой анализъ на основныхъ мотивахъ, опредѣляющихъ дѣятельность субъектовъ хозяйства; не хозяйствующихъ субъектовъ вообще, а только тѣхъ, которымъ въ экономической жизни извѣстной эпохи принадлежитъ руководящая роль. Напримеръ, всѣ отношенія развитого капиталистического общества слѣдуетъ объяснить изъ мотивовъ капиталистического производителя и торговца. Основнымъ мотивомъ дѣятельности капиталиста является

¹⁾ К. Бюхеръ, „Происхожденіе народного хозяйства“, и статья въ сборнике „Исторія труда“: „Историческое развитіе и классификація формъ промышленности“. Обѣ книги въ изд. М. Водовозовой.

ности людей», г. Мануиловъ спрашиваетъ: «неужели эти факторы совершенно различны въ различныя эпохи? Развѣ не существуетъ среди нихъ такихъ, которые остаются въ силѣ при сменѣ ряда другихъ условій, характеризующихъ собою исторические періоды?» Степень измѣнчивости мотивовъ человѣческой дѣятельности различна, продолжаетъ онъ. Среди нихъ «есть такие, которые, разъ возникнувъ, приобрѣтаютъ, такъ сказать, надъ-исторический характеръ. Таковъ, напр., основной мотивъ хозяйственной дѣятельности—стремленіе человѣка обезпечить на болѣе или менѣе продолжительное время удовлетвореніе своихъ потребностей при помощи предметовъ внѣшняго міра». Отсюда получается выводъ: «если существуютъ «надъ-исторические», если можно такъ выразиться, «относительно абсолютные», мотивы человѣческой дѣятельности, то почему же на нихъ не могутъ быть основаны «надъ-исторические», «относительно абсолютные» положенія соціальной теоріи?»

Мысль Зомбартъ, «что соціальная теорія неизбѣжно связана съ определенной исторической эпохой», представляется г. Мануилову «повторениемъ одной изъ крайностей историзма (курсивъ мой), препятствующихъ построению экономической теоріи».

Эти замѣчанія, кажется мнѣ, основаны на недоразумѣніяхъ. Прежде всего, Зомбартъ вовсе не отрицаетъ возможности общей соціальной теоріи. Въ своемъ предисловіи онъ только предостерегаетъ отъ преувеличенной оценки такой теоріи. Она, говорить Зомбартъ, можетъ охватить только самыя немногочисленныя черты хозяйственной жизни. Это будетъ лишь общее ученіе о хозяйствѣ, своего рода увертюра къ настоящей симфоніи, но отнюдь не теорія хозяйственного развитія.

Нельзя не признать правильности этихъ утвержденій. Мы могли бы, напр., въ построении соціальной теоріи исходить изъ такихъ «надъ-историческихъ» мотивовъ, какъ потребность въ пищѣ, одѣждѣ, жилищѣ. Но тогда наша теорія свелась бы къ дюжинѣ самыхъ тривіальныхъ, ничего не говорящихъ положеній, какъ слѣдующія: человѣкъ для удовлетворенія своихъ потребностей всегда нуждается въ предметахъ внѣшняго міра. Для добыванія и переработки этихъ предметовъ онъ нуждается въ орудіяхъ, который дѣлаетъ опять-таки изъ предметовъ внѣшняго міра,—и т. д., щѣлый рядъ такихъ же скучныхъ, безсодержательныхъ истинъ.

Видимъ ли мы послѣднюю причину хозяйственныхъ отношеній въ уровняхъ техники, въ состояніи производительныхъ силъ, или въ мотивахъ хозяйствованія, это дѣла нисколько не измѣняетъ. Во всѣхъ случаяхъ для объясненія отношеній капиталистического, напр., общества придется исходить изъ техники, производительныхъ силъ или мотивовъ, характеризующихъ именно данную эпоху хозяйства, а не изъ такихъ безсодержательныхъ абстракцій, какъ техника, мотивы хозяйствованія и т. д. въ общемъ. Для познанія капиталистической эпохи намъ важно какъ разъ то, что отличаетъ ее отъ ремесленной и послѣдующей, а не то, что общее имъ всѣмъ. Для познанія, т.-е. для построенія теоріи капиталистического развитія. Зомбартъ, по признанію даже Поле и Шмollerа, далъ яркую характеристику отношеній ремесленного періода, исходя изъ такого мотива

хозяйственной деятельности ремесленника, какъ стремлениѣ обеспечить себѣ пропитаніе. Но мы не поняли бы современаго Ротшильда и отношеній, въ центрѣ которыхъ стоитъ онъ, если бы попытались объяснить его дѣятельность стремлениемъ прокормиться. Напротивъ, мы познаемъ его, исходя изъ такого мотива, какъ стремлениѣ использовать материальное имущество такимъ способомъ, чтобы оно постоянно возвращалось съ извѣстнымъ приращеніемъ.

Въ виду всего этого я не могу согласиться также съ утвержденіемъ г. Мануилова, что у Зомбarta «и самое понятіе исторической эпохи крайне неопределено». Напротивъ, понятія такихъ эпохъ хозяйства, какъ, напр., ремесленная и капиталистическая, отличаются у него полной определенностью. Неопределенна только хронологическая граница между ними. Но определенность здѣсь вообще невозможна.

Взгляды Зомбarta на задачи соціальной теоріи не представляютъ ничего существенно новаго. Напр., уже почти сорокъ лѣтъ тому назадъ было сказано, что каждому особому существовавшему въ исторіи способу производства соответствуютъ свои особые законы населенія, дѣйствительные лишь для исторически ограниченныхъ периодовъ времени. Абстрактный, всеобщій законъ размноженія существуетъ лишь для животнаго и растительного царства, да и для него только до тѣхъ поръ, пока въ него исторически не вмѣшивается человѣкъ¹⁾.

Многіе читатели вѣроятно уже замѣтили, что моя защита точки зрѣнія Зомбarta противъ г. Мануилова въ значительной части представляеть почти дословныя цитаты изъ Маркса и Энгельса. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, во взглядахъ Зомбarta на соціальную теорію и въ данномъ случаѣ оказались не «крайности историзма», а вліяніе опять-таки Маркса.

На этомъ я закончу свое предисловіе, въ которомъ я стремился хоть нѣсколько помочь читателю разобраться въ богатомъ содержаніи книги, отдѣлить существенное отъ несущественного, выдѣлить отдѣльныя идеи и цѣлые главы, которыя представляютъ особенный интересъ въ виду современныхъ споровъ о направленіи хозяйственнаго развитія, о методахъ соціальныхъ наукъ и т. д. Въ заключеніе я позволю себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній о распределеніи материала въ работѣ Зомбarta.

Критика, пожалуй, не безъ основаній указывала, что 1 — 3 главы I тома при большой сжатости изложенія даютъ слишкомъ много новыхъ понятій и определеній понятій. Поэтому будетъ, вѣроятно, цѣлесообразнѣе, если читатель временно пропустить ихъ и прочитаетъ по окончаніи главъ 4—28. Послѣ знакомства съ конкретнымъ материаломъ онъ легче овладеетъ абстрактными понятіями.

Главы 21—26, отчасти и 27-я, переполнены извлечениями изъ описаній положенія отдѣльныхъ промысловъ. Хотя они представляютъ значительный интересъ—особенно при сопоставленіи съ аналогичными русскими

¹⁾ K. Marx, Das Kapital, II, стр. 596.

работами, — тѣмъ не менѣе будетъ лучше, если читатель, не интересующійся специально организаціей какого-либо отдельного промысла или определеннымъ типомъ организаціи промысловъ, сравнительно бѣгло просмотрѣтъ указанныя главы, стараясь прежде всего вынести общее впечатлѣніе. Если же такого рода специальный интересъ налицо, то, пользуясь подробнымъ оглавленіемъ, легко отыскать соответствующій матеріалъ, и богатство послѣдняго окажется крупнымъ достоинствомъ книги.

Во второмъ томѣ описание отступаетъ на второй планъ передъ теоріей. Но некоторые отдельы, особенно первый, второй и отчасти четвертый отдель II книги, даютъ обширный цифровой матеріалъ. Здѣсь вообще слѣдуетъ обращать меныше вниманія на абсолютные размѣры, и больше — на отношенія между цифрами.

Отдельныя части «Современного капитализма» имѣютъ и самостоятельное значеніе, помимо своего отношенія къ работѣ, какъ цѣлому. Такъ, во II томѣ главы 5—7 могутъ служить превосходнымъ введеніемъ къ изученію аграрного вопроса, главы 8—12 — къ исторіи и теоріи развитія современного города. Наибольшій интересъ представляеть 3-ья книга, посвященная мало разработанной до сихъ поръ теоріи конкуренціи въ промышленности. Такое же самостоятельное значеніе имѣютъ и части I тома. Напр., главы 5—7 и 9—12 даютъ яркую картину средневѣковыхъ хозяйственныхъ отношеній, главы 18—20 вводятъ въ пониманіе экономического строя не только Германіи, но и Россіи въ ранній періодъ капитализма, главы 21—28 знакомятъ съ разложеніемъ докапиталистическихъ формъ организаціи; явленія, описанныя въ нихъ, получаютъ теоретическое освѣщеніе въ главахъ 34—37 второго тома.

Читатель, который обратится къ указаннымъ частямъ, какъ къ отдельнымъ, монографическимъ очеркамъ, увидитъ, что они даютъ очень много и вѣсвязи съ книгой, какъ цѣлымъ: указываютъ богатый матеріалъ, выдвигаютъ опредѣленную точку зренія, намѣчаютъ направленіе для дальнѣйшей работы.

По всѣмъ этимъ причинамъ книга Зомбарта, думается мнѣ, можетъ служить превосходнымъ пособіемъ для самообразованія. Чтобы облегчить читателю пользованіе ею въ такихъ цѣляхъ, мы внесли въ переводъ подробнѣя указанія на то, какія изъ упоминаемыхъ Зомбартомъ книгъ имѣются въ русскихъ изданіяхъ, а также сдѣлали пояснительныя примѣчанія, когда это представлялось необходимымъ¹⁾.

Наконецъ, напомню еще разъ, чточеніе Зомбарта больше всего дастъ читателю, если оно будетъ сопровождаться сопоставленіемъ съ работами, которыхъ отчасти поименованы въ предисловіи, или съ тѣми теченіями, выраженію которыхъ служать эти работы.

И. Степановъ.

Іюль 1904 года.
Г. Ачинскъ.

1) Они заключены въ четыреугольные скобки.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Фердинандъ Лассаль безъ сомнѣнія справедливо замѣчаетъ въ предисловіи къ своей „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ“, что предисловіе для автора всегда является послѣсловіемъ, „при чёмъ было бы плохой рекомендаціей для самого труда, если бы это послѣсловіе, устанавливающее мѣсто труда въ данной наукѣ, было совершенно понятію читателю до ознакомленія съ книгой. Это доказывало бы, что трудъ не внесъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ во внутреннее построеніе научной дисциплины“.

Соціальная философія по самой своей природѣ образуетъ завершеніе соціальной системы, а не введеніе въ нее. Это прежде всего не мѣшало бы помнить тѣмъ глубокомысленнымъ людямъ, которые за послѣднее время изобильно снабжаютъ насъ заботливыми указаніями по вопросу о томъ, какъ лучше всего строить соціальную теорію, почему та или другая разновидность ея (напр. марксовская) ошибочна, что должно быть исправлено, и т. п. Они напоминаютъ мнѣ болтливыхъ поваровъ, восхваляющихъ прекрасныя качества своихъ рецептовъ, въ то время какъ мы страдаемъ отъ голода и охотно съѣли бы всякий хороший обѣдъ, по какому бы рецепту онъ ни былъ изгото-
твленъ.

Однако бываютъ вынужденныя положенія, не допускающія выбора.

Если авторъ не можетъ одновременно съ систематической обработкой предмета ознакомить читающій міръ и съ философскимъ освѣщеніемъ того же предмета, и если трудъ его выходитъ въ свѣтъ въ эпоху, охваченную, подобно современной, лихорадкой критической нервозности, ему приходится, хотя бы въ краткомъ наброскѣ, съ самого начала указать читателю ту общую точку зрѣнія, съ которой ведется анализъ. Маленькое *privatissimum* о средствахъ и путяхъ изслѣдованія въ самомъ началѣ обширнаго труда, посвященнаго какъ разъ и явленіямъ современной соціальной жизни, желательно и полезно въ наши дни, быть можетъ, и вслѣдствіе еще одной специальной причины: оно сразу дастъ ясное представление объ образѣ мыслей автора, т.-е. покажетъ, что, по его убѣждѣнію, среди представителей соціальной науки имѣется ровно столько „направлений“, сколько существуетъ методовъ изслѣдованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ я разсчитываю создать въ читатель книги то настроеніе, въ которомъ я хотѣль бы его видѣть: я имѣю въ виду индифферентность по отношенію ко всемъ цѣнностямъ, не имѣющимъ познавательного характера, очищеніе способности сужденія отъ уродливыхъ

примѣсей политической или какой-либо иной ненаучной заинтересованности. Въ этомъ смыслѣ прошу я читателя принять нижеслѣдующія бѣглія замѣчанія и подвергнуть ихъ своему благосклонному разсмотрѣнію.

* * *

Состояніе современной соціальной науки, если только я правильно его понимаю, обнаруживаетъ тѣ же самые характерные признаки, какъ область юридического изслѣдованія въ тотъ моментъ, когда Лассаль издалъ свою „Систему“ (1861 г.), или естественные науки въ моментъ появленія гетеевской „Морфологіи“ (1897 г.),—признаки конфликта, какъ выразился Гете, между двумя существенно различными способами видѣть вещи. „Для человѣка свѣдущаго, замѣчающаго характерныя детали, точно наблюдающаго и строго разграничитывающаго различные элементы, то, что вытекаетъ изъ данной идеи, и то, что приводить къ ней, является своего рода обузой. Онъ умѣеть на своей ладѣ устроиться въ своемъ лабиринтѣ и чувствуетъ тамъ себя какъ дома, не беспокоясь обѣ отысканій той нити, которая какъ можно скорѣе вывела бы его черезъ всѣ закоулки наружу; такому человѣку металль, пока онъ не подвергнутъ чеканкѣ и, слѣдовательно, не можетъ быть сосчитанъ, представляется имуществомъ, способнымъ доставить лишь отягощеніе; наоборотъ, тотъ, кто утверждается на болѣе высокихъ точкахъ зренія—слишкомъ легко презираетъ единичное и насилиственно объединяеть въ мертвящей всеобщности то, что способно къ жизни лишь въ одиночку“¹⁾). Если бы мы захотѣли обозначить однимъ ходячимъ терминомъ мастерски очерченное здѣсь противорѣчіе, мы могли бы сказать, что эмпірія и теорія пришли въ столкновеніе между собою. Я имѣю въ виду не то, если можно такъ выражаться, „естественное“ противорѣчіе, которое, вѣроятно, всегда будетъ существовать между абстрактно-родовымъ и конкретно-индивидуальнымъ разсмотрѣніемъ соціального процесса въ соответствии съ различными потребностями мыслящаго человѣка,—иѣть, я говорю здѣсь о враждебномъ конфликте, который не можетъ не являться препятствиемъ для дальнѣйшаго развитія и расцвѣта соціальной науки. Въ настоящее время рѣзко противостоять другъ другу только эмпірики, которымъ всякая теорія отяготительна и даже ненавистна, и только теоретики, которые утратили чуткое пониманіе жизни или никогда не обладали этимъ пониманіемъ.

Трудъ, въ который это предисловіе должно ввести читателя, представляеть попытку дать нѣчто съ той цѣлью, чтобы сгладить указанное рѣзкое противорѣчіе; авторъ черпаетъ мужество, необходимое для этого смѣлаго предпріятія, въ убѣждениіи, что выработанные имъ взгляды на сущность соціальной теоріи, во многомъ отличаючись отъ господствующихъ, быть можетъ, окажутся въ состояніи открыть выходъ изъ тѣхъ затрудненій, которыхъ въ данный моментъ считаются непреодолимыми.

„Что всякое наше познаніе начинается опытомъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ могла бы пробудиться къ дѣятельности наша познавательная способность, если бы

1) Goethe. W. W. Cotta. 1881, 14,2.

не было предметовъ, которые затрагиваютъ наши чувства и частью сами создаютъ представлениа, частью приводятъ въ движение нашу разсудочную способность, заставляютъ насъ сравнивать ихъ, соединять или раздѣлять и такимъ образомъ перерабатывать грубый матеріалъ чувственныхъ впечатлѣній въ познаніе объектовъ, которое и зовется опытомъ?" Если эти золотыя слова которыми начинается „Критика чистаго разума“, начертаны на вратахъ, ведущихъ ко „всякому нашему познанію“, то ученому, занимающемуся соціальной наукой, нѣтъ надобности особенно настойчиво напоминать ихъ своимъ читателямъ. Однако почти каждый день со стороны людей, не получившихъ достаточной философской подготовки, предлагаются намъ экономической или соціальной „системы“, стремящія вывести соціальные события изъ нѣсколькихъ произвольныхъ предпосылокъ, подобно шелковой нити, разматываемой изъ кокона. Это ужаснѣйшія „теоріи безъ примѣчаній, безъ сносокъ“. Въ противовѣсь такимъ теоріямъ мы считаемъ необходимымъ рѣшительно настапать на томъ, что соціальная наука есть наука по преимуществу эмпирическая, и, следовательно, должна строить каждый элементъ познанія на почвѣ непосредственнаго наблюденія живыхъ событий. Наша наука никогда не можетъ страдать отъ избытка эмпирического познавательного матеріала. И въ наши дни настъ угнетаетъ скорѣе недостатокъ пригоднаго для научной обработки фактическаго матеріала, чѣмъ избытокъ его.

Большинству представителей нашей науки, не исключая и тѣль наз. реалистически-исторически-эмпирическихъ экономистовъ, не хватаетъ именно положительныхъ знаній, знакомства съ фактическимъ устройствомъ хозяйственной жизни, знакомства съ историческимъ прошлымъ, а также наблюденій надъ реальными событиями современности. Иначе невозможно было бы понять, почему, несмотря на всю проницательность и остроуміе отдѣльныхъ изслѣдователей, зачастую получаются таѣе иничтожные результаты. Стоитъ только вспомнить, напр., совершило бесплодную за послѣдніе годы полемику о ходѣ нашего промышленного развитія!

Какую громадную цѣнность долженъ, на мой взглядъ, приписывать теоретику обладанию богатымъ эмпирическимъ матеріаломъ, покажетъ все построение этого труда. Все, чего я могъ достигнуть въ смыслѣ собиранія фактическаго матеріала, я попытался ввести въ кругъ моего разсмотрѣнія, но слишкомъ часто имѣющійся запасъ знаній представлялся мнѣ недостаточнымъ, и я старался, насколько возможно, расширить его путемъ собственныхъ изысканий. Ты долженъ добывать факты, факты и факты,—все время звучало въ моихъ ушахъ, пока я занимался разработкой этой книги. Цѣль, которую я имѣлъ въ виду при составленіи этого труда, была такова: создать систематизированный репетиторій эмпирического матеріала соціальной науки нашего времени. Само собой разумѣется, отдѣльный человѣкъ, хотя бы онъ посвящалъ своей работѣ „ясное теченіе многихъ прекрасныхъ дней, тихій покой многихъ глубокихъ ночей“, никогда не достигнетъ въ наукѣ, подобной нашей, идеала, никогда не овладеетъ въ равной степени всѣмъ научнымъ матеріаломъ, особенно если область его изслѣдованія охватываетъ тысячелѣтній періодъ хозяйственного развитія. Поэтому было бы излишне просить специалистовъ по отдѣльнымъ эпохамъ и отдѣльнымъ отраслямъ знанія объ особой синхрони-

тельности къ тѣмъ детальнымъ недосмотрамъ, которые, какъ мы надѣемся, не будутъ слишкомъ многочисленны. Если за такими объединяющими работами, какъ предпринятая нами, вообще приходится признать известную цѣнность, то, на мой взглядъ, съ ошибками и несовершенствами въ единичныхъ деталяхъ необходимо примириться уже заранѣе, какъ съ неустранимыми зломъ. Тѣмъ не менѣе за отдельные погрѣшности я надѣюсь вознаградить даже съ чисто эмпирической стороны путемъ разработки материала, расширенного мною, какъ я думаю, во многихъ направленияхъ. Во всякомъ случаѣ я сдѣлалъ попытку открыть цѣлый рядъ новыхъ источниковъ, особенно для познанія современной хозяйственной жизни.

Но какъ ни справедлива та истинна, что всякая соціальная теорія береть свой исходный пунктъ у опыта, тѣмъ не менѣе теорія не исчерпывается, конечно, своей задачи собираниемъ и изложеніемъ эмпирическаго материала. Она должна позаботиться и о дальнѣйшемъ,—о приведеніи собраннаго материала въ известный порядокъ. Упорядоченіе материала предпринимается однако уже и статистикъ или историкъ, когда онъ сообщаетъ намъ свои наблюденія. Если мы вообще склонны признать право на существование за теоретической соціальной наукой, мы должны будемъ построить для нея специфическій способъ упорядоченія эмпирическаго материала. Я исхожу изъ предпосылки, что специфическое въ теоріи есть порядокъ, установленный съ точкою зреїнія единаго принципа объясненія.

Въ самомъ дѣлѣ, подъ теоріей мы понимаемъ высшее выраженіе рациональности въ области познанія. Но специфическая особенность человѣческаго разума состоять, безъ сомнѣнія, въ томъ, чтобы представлять себѣ единичное, многообразное и особенное, какъ сочетанное и содержащееся въ высшемъ единствѣ.

Слѣдовательно, если мы хотимъ высказаться въ пользу опредѣленнаго упорядочивающаго принципа, то намъ придется прежде всего сдѣлать выборъ между причиной (Causa) и цѣлью (Telos): мы должны сдѣлать попытку свести отдельные феномены соціального процесса или къ послѣднимъ причинамъ или къ конечнымъ цѣлямъ.

Я говорю: намъ придется сдѣлать выборъ. Этимъ я отклоняю то заключеніе, къ которому стремился привести насъ Штаммлеръ со всею чарующею мощью своего кристаллическо-лінзаго мышленія: будто единственнымъ упорядочивающимъ принципомъ, возможнымъ въ соціальной науцѣ, является телологический. Какъ я уже подробно говорилъ въ другомъ мѣстѣ, я не вижу необходимости разматривать соціальный процессъ въ конечномъ счетѣ съ телологической точки зреїнія только потому, что онъ совершается въ рамкахъ соціального строя, покоящагося на долженствованіи, или применять этотъ же телологический принципъ объясненія ко всемъ человѣческимъ поступкамъ только потому, что они направлены на осуществление цѣлей. Что я могу таくъ мыслить, это несомнѣнно; но столь же несомнѣнной представляется мнѣ возможность объединять въ моемъ мышленіи каждое долженствованіе или желаніе причинно, т.-е. разматривать долженствованіе или желаніе, какъ обусловливающее или обусловленіе. Вѣдь каждый телологический рядъ съ иной точки зреїнія представляется рядомъ мотивовъ. Впрочемъ, это не подлежитъ здѣсь ближайшему изслѣдованію.

Итакъ, намъ предстоитъ сдѣлать выборъ между телологическимъ и принципиальнымъ принципами упорядоченія. Прежде всего встаетъ, такимъ образомъ, вопросъ о критеріяхъ, на основаніи которыхъ дѣлается этотъ выборъ. Если я скажу, что решеніе данного вопроса должно находиться въ соотвѣтствіи съ характеромъ материала, подлежащаго упорядоченію, то я выражу очень распространенное воззрѣніе. Но, удивительное дѣло, до сихъ поръ еще не было сдѣлано попытки примѣнить это воззрѣніе къ интересующему настъ случаю — къ упорядоченію хозяйственныхъ (или вообще соціальныхъ) явлений. Подобная попытка привела бы, очевидно, къ тому, что отдельные обособленные явленія объединились бы въ моемъ сознаніи съ различныхъ точекъ зрѣнія въ зависимости отъ временнаго различія хозяйственныхъ феноменовъ, т.-е. въ зависимости отъ того или другого характера историческихъ хозяйственныхъ эпохъ, содержаніе которыхъ я подвергаю теоретическому разсмотрѣнію. Этой мыслью и стараюсь я руководствоваться въ настоящемъ изслѣдованіи (торжество ея, какъ мнѣ кажется, должно имѣть выдающееся значеніе для уясненія понятій), мыслью, что открытие упорядочивающаго принципа въ соціальной науцѣ есть историческая проблема.

Если мы бросимъ взглядъ на экономическія системы послѣдніхъ двухъ столѣтій и изслѣдуемъ примѣняемые въ нихъ принципы познанія, то мы увидимъ, что группировка явленій съ телологической точки зрѣнія вплоть до эпохи классиковъ считалась чѣмъ-то само собою разумѣющимся, т.-е. научное сознаніе наивно подчинялось господству телологии. Вмѣстѣ съ физіократами и англійскими экономистами, сдѣдавшими за Джемесомъ Стюартомъ (руководящія идеи которого были еще вполнѣ телологическими), принципъ причинности рядомъ съ идеей цѣли мало-по-малу начинаетъ завоевывать себѣ признаніе въ трудахъ экономистовъ-теоретиковъ. Однако характерная особенность классической и послѣклассической экономіи состоитъ въ томъ, что она одновременно примѣняетъ оба принципа. Карлъ Марксъ былъ первымъ соціальнымъ теоретикомъ, мыслящимъ строго каузально, хотя онъ, благодаря всему своему духовному складу и воспитанію, не сознавалъ въ полномъ объемѣ тѣхъ критическихъ послѣдствій, которые вытекаютъ изъ его принципа объясненія; Марксъ во многихъ пунктахъ впервые привелъ въ систематически-законченный видъ тотъ строй мыслей, который до него защищался многими мыслителями и прежде всего Сенъ-Симономъ.

Не указываетъ ли намъ этотъ ходъ развитія теоріи на тѣ истинныя границы, въ которыхъ должна быть введена область примѣненія обоихъ принциповъ? Я думаю, да. На мой взглядъ, замѣна въ соціальной науцѣ телологического порядка каузальнымъ не можетъ быть выведена изъ большей зрѣлости нашего мышленія, какъ всесобій законъ развитія человѣческаго духа, хотя подобные попытки и дѣлались неоднократно. Уже потому я не раздѣляю этого мнѣнія, что телологический принципъ упорядоченія фактическаго материала самъ по себѣ не кажется мнѣ болѣе низкимъ методомъ, отвѣщающимъ сравнительной незрѣлости мышленія. Я скорѣе примираю къ тому взгляду, что переходъ отъ телологического къ каузальному способу разсмотрѣнія обусловленъ посредствомъ самого объекта: телологическая точка зрѣнія на вещи должна была представляться сама собою разумѣющейся до тѣхъ поръ, пока соціальная

жизнь вставала передъ наблюдателемъ, какъ образованіе, создаваемое или по меньшей мѣрѣ существенно направляемое сознательными органами общежитія; такъ обстояло дѣло въ чиновничьемъ государствѣ XVI, XVII и XVIII столѣтій.

Хозяйственная жизнь казалась тогда исключительно результатомъ планомѣрной дѣятельности, продуктомъ сознательной созидающей работы, направленной къ опредѣленнымъ цѣлямъ; этому не противорѣчить то обстоятельство, что первый толчокъ соціально-научному мышленію былъ данъ потребностью причинно объяснить нѣкоторыя таинственные явленія въ области денежнаго рынка и т. п., возникшія въ теченіе XVI столѣтія. „*Mosso da questa maraviglia ho cercato investigare, in quanto il debole lume del mio piccolo intelletto può arrivare, donde procedano gli effetti predetti, per li quali conoscere perfettamente è stato necessario prima intendere le cause*“¹⁾), пишетъ А. и. т. Серра во введеніи къ своему краткому трактату о деньгахъ. Однако и „меркантилисты“-теоретики, начиная съ Даваццати и Скарuffи до Петти и Чайлдса, съ Юсти до Зони иinfeldса, оставались вѣрными той основной мысли, что традиціональная система хозяйственной политики государства со всѣми ея покровительственными и запретительными мѣропріятіями представляетъ собою естественную форму, въ которой долженъ развиваться хозяйственный процессъ. Характерная особенность меркантилизма, этого первого периода новѣйшей государственной жизни и новѣйшаго капиталистического хозяйства, состоитъ въ томъ, что въ теченіе его всесфѣро еще господствовала идеология средневѣковаго общежитія. Отсюда стремленіе распредѣлить народонаселеніе согласно точно установленнымъ правиламъ, отсюда регулированіе товарного обращенія при помощи пошлины, запрещеній, премій и т. п.; отсюда монополіи, регалии, привилегіи молодой капиталистической индустрии. При такихъ условіяхъ теоретики естественно и съ полнымъ правомъ видѣли свою высшую задачу въ формулировкѣ конечныхъ цѣлей и въ указаніи тѣхъ путей, которыми уже существующія или только желательныя хозяйственныя образования могутъ быть направлены къ этимъ конечнымъ цѣлямъ. Выше было уже замѣчено, что телеологический методъ былъ затѣмъ унаследованъ классиками; выражаясь въ постоянномъ стремленіи этихъ послѣднихъ сводить отдѣльные явленія къ идеалу хозяйственной свободы, телеологический методъ окрашивается собою ихъ труды, то и дѣло перекрешивалось съ причинной точкой зрѣнія. Но по мѣрѣ того, какъ хозяйственная свобода осуществляется въ хозяйственной жизни, по мѣрѣ того, какъ реализуется такъ называемое „индивидуалистическое“ устройство общества, или, выражаясь точнѣе, по мѣрѣ того, какъ хозяйственный процессъ освобождается отъ регулированія со стороны какого бы то ни было сознательного органа, и отдѣльное хозяйство все болѣе подпадаетъ подъ исключительную власть „рынка“, законы которого, независимые отъ всякой организующей общественной силы, дѣйствуютъ аналогично законамъ природы, слѣпо, безжалостно, съ желѣзною необходимостью,— по мѣрѣ того, какъ совершается это превращеніе, въ сознаніи ученыхъ неизбѣжно упрочинаетъ свое господство причинная точка зрѣнія, какъ единственный принципъ

Р. 1) „Подъ вліяніемъ этихъ таинственныхъ явленій я пытался изслѣдоватъ, насколько это достичмо слабому свѣту моего маленькаго разсудка,— откуда возникаютъ указанныя слѣдствія, полное знаніе которыхъ должно предшествовать уясненію причинъ“].

объясненія, примѣнныи къ смысль хозяйственныхъ явлений, протекающихъ со стихійностью естественно-исторического процесса. Хозяйственная жизнь не представляется уже образованіемъ, формулируемымъ согласно опредѣленнымъ цѣлямъ, но протекаетъ передъ глазами людей какъ процессъ, опредѣляемый известными причинами. Такимъ образомъ осуществляются условія, помогающія причинному принципу объясненія занять въ соціальной наукѣ современности то господствующее мѣсто, которое ему приличествуетъ.

Итакъ, съ точки зренія задачи, преслѣдуемой нами въ настоящей работе, выводъ, вытекающий изъ этого исторического обзора доктрины, принимаетъ такой видъ: мы рѣшительно становимся на сторону причинной группировки матеріала, и не потому, чтобы причинный способъ разсмотрѣнія былъ самъ по себѣ болѣе совершеннымъ, а потому, что объединяющая группировка отдельныхъ явлений подъ угломъ зренія причины и слѣдствія представляется наиболѣе цѣлесообразной, если принять во вниманіе характерную особенность новѣйшей, капиталистической новой хозяйственной системы, анализъ которой и составляетъ центръ тяжести въ нашей работе, — представляется наиболѣе цѣлесообразной, если не упустить изъ виду, что явленія рынка протекаютъ аналогично явленіямъ природы, и что все хозяйственныя явленія объединяются между собою въ иѣкоторое цѣлое лишь благодаря той связи, которую сообщаетъ имъ рынокъ. Такимъ образомъ я вполнѣ могу представить себѣ, что въ будущемъ, когда удастся наконецъ превратить зависимость отъ рынка въ планомѣрное регулированіе производства и распределенія и избавиться такимъ способомъ отъ власти слѣпо дѣйствующихъ законовъ рынка путемъ уничтоженія этого послѣдняго, — я вполнѣ могу представить себѣ, что въ этотъ будущій періодъ телологический способъ разсмотрѣнія снова пріобрѣтетъ большія права на существованіе. Въ строго соціалистическомъ общежитіи политическая экономія, построенная на причинномъ принципѣ, была бы совершенной нелѣпостью.

Впрочемъ, врядъ ли требуется особенno подчеркивать, что при выборѣ одного изъ двухъ принциповъ дѣло не идетъ объ исключительномъ рѣшеніи въ пользу только причинного или только телологического метода. Само собою понятно, всегда приходится пользоваться одновременно обѣими категоріями: группирующій телологически неизбѣжно будетъ вынужденъ связывать известные явленія причинно и, наоборотъ, изслѣдователь, группирующій причинно, всегда станетъ — я готовъ сказать: станетъ непроизвольно — объединять опредѣленные комплексы явлений въ телологические ряды идей, поскольку ему придется связывать какія бы то ни было события съ цѣлями. Возможно ли, напримѣръ, описывать капиталистическое предпріятіе иначе, какъ съ телологической точки зренія? Или фабрику или крупный универсальный магазинъ? Вопросъ можетъ быть лишь о выборѣ высшаго, конечнаго принципа.

Возможна ли однако вообще соціальная теорія въ вышеописанномъ смыслѣ при каузальномъ способѣ разсмотрѣнія? Это — вопросъ, на который такъ часто даются отрицательные отвѣты и постановка которого здѣсь, конечно, не будетъ излишней.

Для того, чтобы отвѣтить на него, намъ прежде всего необходимо до-

говориться на тотъ счетъ, къ какого рода познанію мы вообще стремимся въ нашей наукѣ. Тѣ притязанія, которыхъ я выставляю въ данномъ случаѣ, я описалъ бы слѣдующимъ образомъ.

1) Насъ не должно удовлетворять открытие такъ называемой эмпирической закономѣрности (по терминологии Милля), т.-е. установление правильной повторяемости явлений безъ познанія производящихъ ихъ причинъ. Примеръ такого рода, съ позволеніемъ сказать, „законовъ“ представляютъ, напримѣръ, въ нашей наукѣ особенно замѣчательные статистические „законы“ („на 100 дѣвочекъ рождается 100-хъ мальчиковъ“ и т. п.). Но сюда же относятся и тѣ „законы“, которые можно назвать „математическими“, или, если угодно, „идентичными“, такъ какъ они только выражаютъ въ видѣ формулъ опредѣленія отношенія чиселъ или величинъ; таковы: „законъ“ падающей доли заработной платы, почти всѣ такъ называемые „законы“ обращенія („быть товара растеть прямо пропорціонально квадрату его способности къ транспортировкѣ“), большинство тезисовъ Маркса о прибавочной цѣнности, развитые во второмъ томѣ этого труда, „законы“ образованія городовъ и т. п. То, на чёмъ мы настаиваемъ въ противовѣсь этому, есть причинное соединеніе явлений.

2) Въ соціальной наукѣ мы уже съ самаго начала должны отказаться отъ надежды достигнуть установлениія (естественной) закономѣрности въ строгомъ кантовскомъ смыслѣ, т.-е. закономѣрности, имѣющей характеръ безусловной всеобщности и необходимости, должны отказаться вслѣдствіе той чрезвычайно тривіальной причины, что здѣсь мы не обладаемъ объектомъ, къ которому мы могли бы примѣнить эту строгую закономѣрность. Въ то время какъ сущность естественно-исторического изслѣдованія состоять въ томъ, чтобы представлять себѣ подлежащіе ему феномены и ихъ взаимоотношенія, какъ постоянные, соціальная наука должна считаться съ тѣмъ элементарнымъ фактамъ, что она противостоитъ въ каждый данный моментъ новымъ явленіямъ благодаря непрестанной сменѣ условій, опредѣляющихъ собою единичные феномены; въ особенности это относится къ постоянной измѣнчивости вицѣнныхъ нормъ, регулирующихъ соціальное общежитіе. Если бы мы попытались выразить въ формѣ законовъ обстоятельства, обусловливающія саму эту смену, мы скоро бы нашли, что намъ удалось формулировать лишь немногія истины, быть можетъ, и очень значительныя съ общечеловѣческой точки зреіїя, но въ своей всеобщности слишкомъ мало дающія для пониманія соціальной жизни.

3) Эти соображенія приводятъ къ выводу, что мы (какъ и во многихъ другихъ наукахъ) вынуждены довольствоваться компромиссомъ, находящимъ свое выраженіе въ специфической соціальной закономѣрности; послѣдняя примѣнена лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ, хотя и представляетъ несмотря на это максимумъ достижимой для нашего разума всеобщности и необходимости въ данной области.

Пытаясь въ дальнѣйшемъ указать, какимъ образомъ понимаю я такого рода соціальную закономѣрность, или (что на мой взглядъ одно и то же) сущность соціальной теоріи, я прошу терпѣливаго читателя обратить особенное вниманіе на то, что здѣсь я имѣю въ виду лишь афори-

етически намѣтить решеніе проблемы и оставляю основательное разсмотрѣніе ея до позднѣйшихъ изслѣдований.

Прежде всего мнѣ представляется важнымъ подчеркнуть слѣдующее. Мы никогда не должны забывать, что послѣдними причинами, къ которымъ мы желаемъ свести соціальныя событія, являются не что иное, какъ мотивы живыхъ людей. Выставляя это требование, я конечно примыкаю къ общепризнанному воззрѣнію. Тѣмъ не менѣе выдвинуть его впередь отнюдь не излишне, потому что весьма нерѣдки случаи прегрѣшений противъ этой высшей заповѣди нашей науки, какъ я еще буду имѣть случай указать въ надлежащихъ мѣстахъ этого труда. Существуетъ много оснований, вслѣдствіе которыхъ мы не идемъ въ нашихъ поискахъ за дѣйствующими причинами и движущими силами соціальной жизни дальше психологической мотивациіи. Наиболѣе важными изъ нихъ на нашъ взглядъ представляются слѣдующія:

1) Если бы мы пожелали принять во вниманіе въ качествѣ опредѣляющаго момента какія-либо (вишнія) условія человѣческихъ душевныхъ явленій, какъ болѣе глубокія причины соціальныхъ событій (что, конечно, лежитъ въ предѣлахъ возможнаго), напр., опредѣленныя техническія изобрѣтенія, то мы были бы вынуждены безпредѣльно исходить по лѣстицѣ причинъ и могли бы остановиться, пожалуй, только на изслѣдованіи движенія мельчайшихъ частицъ и законахъ, регулирующихъ это послѣднее (Зиммель).

2) Но и независимо отъ этого нежелательного результата, стремленіе наше построить полную цѣнь причинъ, поскольку оно приводить къ отысканію факторовъ, опредѣляющихъ душевную жизнь человѣка, неизбѣжно наталкивается на непереходимую до сихъ поръ пропасть между психологической причинности, отличной отъ причинности механической.

3) Вмѣсть съ тѣмъ мы утратили бы неоцѣненное преимущество—возможность сводить неизвѣстныя силы къ извѣстнымъ (непосредственно даннымъ въ опытѣ мотивамъ человѣческихъ дѣйствій), какъ къ дѣйствующимъ причинамъ. Все это слишкомъ элементарныя положенія, за которыя я вынужденъ просить извиненія у философски образованнаго читателя.

Итакъ, при объясненіи мѣра соціальныхъ явленій приходится разматривать, какъ первичныя дѣйствующія причины или движущія силы человѣческихъ поступковъ, тѣ мотивы иteleологические ряды, подъ вліяніемъ которыхъ эти поступки совершаются.

Но если сравнительно легко достигнуть соглашенія въ только что установленныхъ пунктахъ, то гораздо труднѣе согласиться относительно того способа, какимъ слѣдуетъ сводить соціальныя событія къ мотивамъ человѣческихъ поступковъ, какъ къ первичнымъ дѣйствующимъ причинамъ. Мы наталкиваемся здѣсь на конфликтъ, который съ первого взгляда кажется неразрѣшимымъ. А именно, болѣе тонкій психологический анализъ, очевидно, приводить насъ къ убѣждѣнію, что въ хозяйственной, какъ и вообще въ соціальной жизни, движущихъ силъ существуетъ такое же множество, какъ и различныхъ отгѣиковъ въ духовной жизни человѣка. Самый идеальный мотивъ столь же легко, какъ и самый грязный, можетъ послужить толчкомъ къ данному хозяйственному дѣянію, и историческая хозяйственная жизнь людей,

несомнѣнно, можетъ быть сведено къ тысячекратно разнообразной мотиваціи. Это обстоятельство заставляетъ наиболѣе проницательныхъ представителей нашей науки предполагать изображенію соціальной жизни возможно болѣе исчерпывающее расчлененіе человѣческой психики и присоединять къ этому аналитическому обзору замѣчаніе, что мотивы хозяйственныхъ явлений отнюдь не однородны, а, наоборотъ, чрезвычайно сложны, — столь же сложны, какъ и духовная жизнь человѣка вообще. Оставляя въ сторонѣ всѣхъ остальныхъ, я напомню только системы наиболѣе выдающихся изъ нынѣ живущихъ экономистовъ Германіи: Густава Шмоллера и Адольфа Вагнера.

Является вопросъ, въ состояніи ли удовлетворить этотъ несомнѣнно глубоко проникающій въ предметъ изслѣдованія методъ высшіе запросы теоріи. Я думаю, нѣтъ. Недостаточность его обнаруживается прежде всего въ томъ, что при помощи его никогда не удастся установить причинную связь хотя бы одного только единственного феномена со всею совокупностью возможныхъ его мотивовъ. Выработка хотя бы самой исчерпывающей таблицы мотивовъ даетъ въ лучшемъ случаѣ лишь возможность объясненія, а отнюдь не само объясненіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ обзорѣ относящихъ къ данной области мотивовъ человѣческихъ поступковъ мы не находимъ еще мотивациіи конкретныхъ явлений. Если желательно установить эту послѣднюю, придется обратиться къ специальному анализу, и притомъ производить его заново для каждого частнаго случая, — задача, очевидно, совершенно не выполнимая.

Поэтому при такомъ способѣ исчерпывающаго перечисленія общихъ мотивовъ между анализомъ душевныхъ явлений (быть можетъ, обогащающимъ психологію) и феноменами соціальной жизни остается пропасть, которую до сихъ поръ никто еще не пытался заполнить. Но даже если допустить, что причинное объясненіе каждого отдельного феномена достигнуто, указанный выше методъ все же будетъ имѣть погрѣшность, неизбѣжно заставляющую серьезно сомнѣваться въ его пригодности. Единство объясненія, этотъ высший постулатъ теоретического мышленія, оказалось бы и въ этомъ случаѣ не достичнутымъ. Единство человѣческой психики, включающей въ себя всѣ найденные нами въ качествѣ движущихъ силъ мотивы, врядъ ли вполнѣ удовлетворило бы требованію того единообразного упорядоченія явлений, которое выставляетъ теорія, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы ищемъ и находимъ единство не въ отдельномъ субъектѣ, но во многихъ, различныхъ субъектахъ.

Если мы желаемъ дать сведенное къ единому принципу объясненіе и можемъ объяснять только изъ мотивовъ, то, повидимому, намъ остается только выводить всю соціальную или по меньшей мѣрѣ всю хозяйственную жизнь изъ одного единственного ряда мотивовъ. Но это значило бы осудить теоретика на безысходную банальность. Въ самомъ дѣлѣ, кто, имѣя хоть нѣкоторое представление о богатомъ разнообразіи хозяйственной мотивации, согласится принять въ качествѣ единственной и всегда себѣ равной движущейся силы какой-нибудь „экономической смыслъ“, или „жажду удовлетворенія матеріальныхъ потребностей“, или „эгоизмъ“, или „стремленіе къ хозяйственной дѣятельности“ (!), или еще что-либо подобное?

Отъ этого конфликта между нашею потребностью въ теоретическомъ

соединеніи и психологическомъ раздѣленіи опять-таки, насколько я могу понять, насть можетъ освободить лишь ограниченіе нашей задачи. Мы должны будемъ отказаться отъ стремлениія дать общую соціальную теорію, примѣнную во всѣ времена, мы должны будемъ по меньшей мѣрѣ уяснить себѣ, что такая общая теорія въ состояніи охватить лишь немногія основныя черты хозяйственной жизни, а отнюдь не всю полноту ея содержанія. Это будетъ общее учение о хозяйствѣ, какъ я его называю,—своего рода увертюра къ симфоніи въ собственномъ смыслѣ слова. Нашей высшей задачей будетъ скорѣе слѣдующее: формулировать различныя теоріи для каждого опредѣленного, исторически ограниченного хозяйственного периода. При этомъ условіи намъ удастся выполнить и постулять объясненія изъ внутренне-единыхъ комплексовъ причинъ, не впадая въ опасность плоскаго шаблонизированія.

Все, что могутъ дать такія историческая соціальная теоріи—это отысканіе преобладающихъ въ опредѣленную эпоху, первично обусловливающихъ хозяйственную жизнь рядовъ мотивовъ, какъ они представляются внимательному наблюдателю. То, что должно будетъ послужить базисомъ такой исторически окрашенной теоретической системы, можно было бы назвать исторической психологіей, которой предстоитъ еще развиться въ качествѣ особой вѣти соціальной или колективной психологіи будущаго.

Итакъ, свести къ послѣднимъ причинамъ въ смыслѣ защищаемаго здѣсь взгляда значить: дать единообразно построенное (монистическое) объясненіе, исходя изъ преобладающихъ въ данную эпоху хозяйственной жизни мотивовъ руководящаго хозяйствомъ субъекта. Въ частности это означаетъ слѣдующее.

Мы прежде всего раздѣляемъ всѣ подлежащіе нашему разсмотрѣнію ряды мотивовъ: въ зависимости отъ характера ихъ носителей и въ зависимости отъ того значенія, которое можетъ имѣть ихъ вліяніе. Только мотивы руководящихъ хозяйственныхъ субъектовъ подлежать нашему разсмотрѣнію: въ капиталистическомъ хозяйствѣ, напримѣръ, не мотивы наемныхъ рабочихъ, но исключительно мотивы предпринимателей, не мотивы потребителей, но мотивы производителей и торговцевъ. Но и у этихъ послѣднихъ въ качествѣ движущихъ силъ мы будемъ принимать лишь тѣteleологические ряды, которые по нашему убѣжденію являются непрерывно дѣйствующими, а потому въ комичномъ счетѣ рѣшающими. Почему бы капиталисту не основать фабрику ради развлечения своей возлюбленной? Почему бы ему не открыть въ одинъ прекрасный день магазина изъ простого каприза и не выдавать оттуда товары безвозмездно, подобно тому какъ раньше онъ расточалъ деньги на яхт-клубскія гонки и конскіе бѣга?

Однако это были бы лишь аномальности по сравненію съ правильно повторяющимся стремлениемъ къ наживѣ. Но вѣдь и въ области постановки цѣлей соціальный теоретикъ имѣеть право, мало того—обязанность, выбирать между нормальнымъ и аномальнымъ, правиломъ и исключеніемъ. Не скинувъ со счетовъ тѣхъ случайностей, которыхъ вызваны усложненными комбинациями соціальной жизни, невозможно, говорить Зиммель, установить какую бы то ни было фактическую или принципіальную зависимость въ соціальной области.

Я замѣчу еще, что рекомендуемый здѣсь способъ изслѣдованія не имѣть ничего общаго съ таクъ наз. „методомъ изоляціи“: функція послѣдняго должна и можетъ быть исключительно подготовительной, между тѣмъ признаніе единственной движущей силой преобладающихъ телеологическихъ рядовъ, правильно повторяющихся и слѣдовательно формирующихъ хозяйственную жизнь данной эпохи въ ея нормальномъ теченіи, приводить къ окончательному исключению случайно дѣйствующихъ цѣлей. Нашъ методъ можно было бы поэтому скорѣе обозначить, какъ абстрагирующій существенное, нежели какъ изолирующей что бы то ни было, существенное или несущественное. Я конечно вполнѣ понимаю, что сознательное игнорированіе иѣкоторыхъ случайныхъ рядовъ мотивовъ представляется до известной степени насильтвенной операцией. Но какая же „теорія“ можетъ обойтись безъ насилия надъ многосложнымъ содержаніемъ жизни? И все же я надѣюсь, что дальнѣйшія поясненія въ состояніи, по крайней мѣрѣ, въ иѣкоторыхъ отдельныхъ деталяхъ смягчить то отпугивающее впечатлѣніе, которое, быть можетъ, произвели только что выставленныя руководящія положенія.

Я начну прямо съ ограниченія той области, къ которой можетъ быть примѣнено единообразное объясненіе. А именно, я предложилъ бы съ самаго начала раздѣлить явленія хозяйственной жизни на двѣ большія группы, изъ которыхъ одна охватывается родовыя, другая—индивидуальная образованія.

Только первыя, представляя тилическое теченіе хозяйственнаго процесса, подлежать дѣйствію силъ, признанныхъ нами за движущія, только ихъ характеръ рѣшительнымъ образомъ опредѣляется вліяніемъ этихъ силъ; между тѣмъ послѣднія складываются независимо отъ нихъ, и потому теченіе ихъ должно быть объяснено изъ другихъ рядовъ причинъ. Комплексы явленій, представляющіе такія индивидуальная образованія, можно рассматривать такъ же, какъ пользующіеся иммунитетомъ со стороны преобладающихъ рядовъ мотивовъ. Ихъ необходимо строго отличать отъ аномальностей, о которыхъ только что шла рѣчь. Въ то время какъ соціальный теоретикъ долженъ игнорировать аномальность, индивидуальное образованіе требуетъ со стороны его самаго тщательного вниманія, если онъ желаетъ избѣжать опасности насильтвенно притягивать единичное къ „мертвящей абстракціи“, о которой говоритъ Гёте. Распознать, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ аномальностью и гдѣ съ индивидуальнымъ образованіемъ—это должно быть предоставлено такту занимающагося изслѣдованіемъ теоретика. Вообще такой интеллектуальный тактъ является столь же необходимымъ для теоретика, какъ тонкій слухъ для музыканта. Въ настоящее время для меня, напримѣръ, весьма важными индивидуальными образованіями представляются отдельные явленія въ области сельскохозяйственного производства, отнюдь однако не все сельскохозяйственное производство, значительные сферы котораго обнаруживаются скорѣе рѣзко выраженный типический ходъ развитія. Одно изъ величайшихъ препятствій для прогресса соціальной науки нашего времени состоитъ въ томъ, что аграрное хозяйство или цѣликомъ ставить въ общую связь совокупнаго хозяйственнаго процесса, или цѣликомъ разматривать какъ индивидуальное образованіе.

Пусть не возражаютъ мнѣ здѣсь, что выдѣляя такого рода области хо-

заяйственній жизни, свободныя отъ вліянія преобладающихъ движущихъ силь, мы тѣмъ самыемъ отрицаємо основную идею защищаемаго нами взгляда на сущность теоріи, отказываемся отъ цѣлостнаго единообразнаго объясненія. На такое возраженіе я отвѣтилъ бы указаніемъ на то, что какъ разъ признаніе единообразнаго или типическаго хода хозяйственной жизни обостряетъ взоръ для открытія особенностей. Только познаніе родового создаетъ возможность постигнуть уклоненія, какъ таковыя.

Возвратимся однако къ типическому строенію хозяйственной жизни! Оно должно быть объяснено единообразно изъ дѣйствія преобладающихъ рядовъ мотивовъ. При этомъ прежде всего намъ предстоитъ направить все старанія къ тому, чтобы была устранина опасность излишней схематизаціи.

И прежде всего слѣдующее представляется мнѣ само собою разумѣющеюся истиной. Въ какой бы степени явленія, рассматриваемыя какъ типической, ни опредѣлялись преобладающими цѣлями руководящихъ субъектовъ хозяйства, они, конечно, въ то же время представляютъ продуктъ многочисленныхъ другихъ факторовъ, дѣятельность которыхъ теоретикъ долженъ принимать во вниманіе не менѣе, нежели дѣятельность движущихъ силь. Необходимо только приводить эти другіе факторы въ иное отношеніе къ опредѣляемымъ ими явленіямъ, а именно видѣть въ нихъ объективныя условія.

Такимъ образомъ, думается мнѣ, явленія лучше всего будуть приведены въ удобообозримую систему; съ другой стороны, лучше всего будетъ воздано должное богатству и разнообразію создаваемыхъ жизнью формъ. Въ построении движущихъ силь, какъ послѣднихъ причинъ соціального процесса, находить себѣ выраженіе идея единства, въ полномъ признаніи объективныхъ условій—идея специфическихъ особенностей.

Намъ придется однако разматривать объективныя условія хозяйственного процесса съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Прежде всего я различаю два крупные комплексы явленій въ зависимости отъ того, какое значеніе имѣютъ они для реализаціи цѣлей, преобладающихъ среди руководящихъ хозяйственныхъ субъектовъ:

гомогенные и гетерогенные явленія.

Гомогенными явленіями я называю явленія, способствующія осуществлению указанныхъ цѣлей. Таково, напр., въ капиталистическомъ хозяйстве образование городовъ или возникновеніе массового спроса.

Наоборотъ, гетерогенные явленія суть тѣ, которые создаютъ препятствія къ достижению цѣлей руководящихъ хозяйственныхъ субъектовъ. Таково, напр., въ вышеприведенномъ случаѣ поглощеніе капитала виѣхозяйственными задачами или усиленіе докапиталистическихъ хозяйственныхъ формъ (ремесла) благодаря какимъ-либо чрезвычайнымъ обстоятельствамъ въ родѣ законодательной защиты ученичества. Тамъ, где читатель моей книги натолкнется на заглавіе „препятствія“, онъ будетъ имѣть передъ собою оцѣнку такихъ гетерогенныхъ для развитія капитализма комплексовъ явленій.

Вторая точка зрѣнія, позволяющая установить различеніе въ области

объективныхъ условій—это ихъ специфический характеръ, благодаря которому они распадаются на

естественные и соціальные.

Первые, которые можно назвать абсолютными условиями хозяйственной жизни, коренятся въ трехъ различныхъ источникахъ: въ окружающей природѣ, расовыхъ особенностяхъ и въ уровняхъ техническаго развитія.

Послѣднія, относительные, условия создаются отношеніями людей другъ къ другу и такимъ образомъ сами являются продуктомъ процесса обобществленія. Примѣры, приведенные выше какъ для гетерогенныхъ, такъ и для гомогенныхъ явлений, всѣ относились къ соціальной категории.

Наконецъ, необходимо еще указать на то, что объективные условия обнаруживаются существенное различіе, если ихъ разматривать съ генетической точки зреінія. Въ этомъ смыслѣ они распадаются на

первичные и производные.

Эти послѣднія, т.-е. производные, вторичные, третичные и т. п. условия намъ приходится объяснять, въ свою очередь, какъ продуктъ основныхъ движущихъ силъ, слѣдовательно, какъ обусловленное. Въ такомъ разложеніи производныхъ условій я усматриваю одну изъ существеннѣйшихъ задачъ соціального теоретика.

Въ этомъ пунктѣ самый способъ изслѣдованія долженъ потерпѣть наиболѣе рѣшительный переломъ. Будущій теоретикъ хозяйства долженъ будить снова создавать длинные ряды идей, которые теперь, повидимому, совершенно вышли изъ моды. Современный теоретикъ почти всегда ограничивается тѣмъ, что прищѣпляетъ непосредственно наблюдаемый единичный феноменъ къ ближайшей причинѣ, если только онъ не предпочитаетъ расправиться съ эмпирическимъ матеріаломъ путемъ подчиненія его готовому (въ большинствѣ случаевъ этическому) критерію. Онъ объясняетъ, напримѣръ (что уже представляется рѣдкій случай теоретического углубленія въ предметѣ), конфекціонную промышленность избытокъ женщинъ въ крупныхъ городахъ или разрѣшаетъ проблему разносной торговли путемъ указанія на хорошия или дурныя ея стороны съ „народнохозяйственной“, т.-е. „этической“, точки зреінія. Защищаемый нами взглядъ выдвигаетъ совершенно другія задачи. Прежде всего нашему разсмотрѣнію подлежатъ упомянутыя „причины“, какъ объективные условия реализаціи цѣлей, преслѣдуемыхъ капиталистическими предпринимателями. Даѣше, мы обязаны констатированное такимъ способомъ условіе, напр., „избытокъ женщинъ“, само объяснить какъ дѣйствіе дальнѣйшей причины, если возможно, свести его къ движущимъ силамъ современной хозяйственной жизни. Мы приходимъ такимъ образомъ къ такой послѣдовательности (второй томъ этого труда дасть иллюстраціи ея примѣненія). Первая причина—разложеніе семьи, которое въ свою очередь имѣть различныя причины; каждую изъ нихъ мы должны изслѣдовать въ отдельности. Я остановлюсь на той, которая встаетъ передъ нами въ формѣ возникновенія городской жизни; требуется, слѣдовательно, указать причины, вслѣдствіе которыхъ возникаютъ въ наше время города; это изслѣдованіе снова приводить къ открытію многочисленныхъ причинъ или условій; одно изъ послѣднихъ есть

разложение старого аграрного устройства. Вопросъ: почему оно разлагается? Отвѣтъ: потому-что (между прочимъ) развивается интенсивное сельское хозяйство. Почему развивается интенсивное сельское хозяйство?—(въ числѣ другихъ причинъ) потому, что въ извѣстномъ мѣстѣ начинаетъ развиваться промышленный капитализмъ. Почему развивается въ этомъ мѣстѣ индустриальный капитализмъ?—потому что капиталъ стремится къ реализаціи. Почему стремится капиталъ къ реализаціи? и т. д.

Но это лишь *exempli gratia*. Въ приведенномъ выше случаѣ мы путемъ длиннаго причиннаго ряда пришли бы къ выводу, что явленіе, признанное нами за объективное условіе успѣшнаго развитія капиталистической промышленности (въ организаціи конфекціоннаго производства крупныхъ городовъ), само въ концѣ-концовъ предстаиваетъ дѣйствіе капиталистическихъ движущихъ силъ. Подобнаго рода изслѣдованія теоретикъ долженъ предпринять въ самомъ широкомъ масштабѣ. Только такимъ путемъ возможно пролить полный свѣтъ на ходъ хозяйственной жизни и существующія въ глубинѣ ея зависимости; лишь въ концѣ этой тяжелой и трудной работы намъ удастся познать,

Wie alles sich zum Ganzen webt,
Eins in dem andern wirkt und lebt¹⁾.

Однимъ словомъ, только такимъ путемъ можно осуществить и расширить правильное пониманіе „закономѣрности“ хозяйственнаго процесса данной эпохи. И прежде всего стремленія ученаго должны быть направлены къ тому, чтобы каждый феноменъ, познанный имъ, какъ необходимое условіе осуществлешія данного хозяйственнаго результата, объяснить какъ созданіе движущихъ силъ хозяйственнаго периода, какъ дѣйствіе послѣдніхъ причинъ всего хозяйственнаго процесса. Безразлично при этомъ, идетъ ли дѣло о естественныхъ или соціальныхъ условіяхъ. Национальныя черты, природа и техника въ своихъ опредѣляющихъ особенностяхъ могутъ быть, подобно всему остальному, продуктомъ основныхъ движущихъ силъ. Это относится конечно и къ любому соціальному феномену, правовому или нравственному укладу, къ движенію народонаселенія, къ состоянію духовной культуры и т. п.

Не подлежитъ однако ни малѣйшему сомнѣнію, что не всѣ объективныя условія хозяйственнаго процесса могутъ быть сведены къ дѣйствіямъ первичныхъ причинъ; не всякое событие государственной или духовно-культурной жизни, не всякое явленіе изъ національной, естественно-исторической или технической области, короче, не все то, что опредѣляется своимъ характеромъ типическій ходъ хозяйственнаго процесса, можетъ быть обусловлено вышеуказанными причинами. Тогда мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что можно назвать первичными условіями.

Необходимо при этомъ особенно указать на то, что соціальный теоретикъ не только эмпирическимъ путемъ можетъ констатировать существование такихъ первичныхъ условій, но и долженъ разматривать ихъ, какъ *a priori* своей специальной науки. Необходимо уяснить себѣ съ полною отчетливостью, что въ извѣстномъ пункѣ построенной нами причинной цѣли, а именно тамъ,

1) [Какъ все сплетается въ цѣломъ, одно дѣйствуетъ и живетъ въ другомъ].

гдѣ выступаютъ на сцену преобладающія движущія силы хозяйственаго периода, неизбѣжно окажется цѣлый рядъ такихъ обстоятельствъ, вывести которыхъ вышеуказаннымъ образомъ не представляется возможнымъ по соображеніямъ раздѣленія научнаго труда. Обстоятельства эти соціальный теоретикъ вынужденъ поэтому признать первичными условіями дѣятельности движущихъ мотивовъ эпохи.

Это можетъ быть выражено также слѣдующимъ образомъ. Всякій рядъ психологическихъ причинъ, опредѣляющихъ соціальную жизнь, можетъ быть представленъ нами лишь въ строго опредѣленной исторически сложившейся средѣ. Здѣсь мы имѣемъ передъ собою тотъ моментъ, который вообще только и дѣлаетъ возможной самостоятельную соціальную науку. Игнорированіе этого момента представляется мнѣ одной изъ наиболѣе пагубныхъ ошибокъ самыхъ выдающихся направленій въ современной политической экономіи (я имѣю здѣсь въ виду прежде всего такъ называемую „австрійскую школу“). Испѣдовать ряды хозяйственныхъ мотивовъ, не принимая во вниманіе той соціальной среды, въ которой они дѣйствуютъ, все равно, что вращаться въ безвоздушномъ пространствѣ,—безсмыслица, чисто логическая ошибка. Въ этомъ пунктѣ я, какъ мнѣ кажется, встрѣчаюсь со Штаммлеромъ.

Если я, напримѣръ, выставляю капиталистический духъ какъ движущую силу современной хозяйственной жизни и хочу прослѣдить его вліяніе, то я прежде всего долженъ принять въ расчетъ, что онъ началь развиваться въ такой своеобразно сложившейся обстановкѣ, какой было европейское средневѣковье, т.-е. въ опредѣленныхъ условіяхъ природы, среди опредѣленныхъ расъ, съ опредѣленнымъ запасомъ техническихъ пріемовъ, на опредѣленномъ уровнѣ духовной культуры, въ рамкахъ опредѣленного правового и морального уклада; такимъ образомъ капиталистическое развитіе могло бы привести къ совершенію иныхъ результатовъ, если бы его предпосылки были осуществлены въ другой формѣ. Существуетъ поэтому теорія современаго капитализма, а не теорія капитализма вообще.

Изъ всего сказанного само собой вытекаетъ, что всякая экономическая теорія въ описанномъ здѣсь смыслѣ, разъ она идетъ до своихъ конечныхъ цѣлей, неизбѣжно превращается въ теорію хозяйственнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ одна изъ главныхъ задачъ теоретика-экономиста состоять въ причинномъ объясненіи объективнаго, фактическаго содержанія хозяйственной жизни, то изслѣдованіе его съ необходимостью должно перейти въ концѣ-концовъ отъ явленій современности къ явленіямъ прошлаго. Это положеніе представляетъ, по нашему мнѣнію, первую попытку теоретического обоснованія историческаго метода въ области политической экономіи. Необходимо, однако, замѣтить, что чисто логическое или систематическое въ узкомъ смыслѣ слова изслѣдованіе имѣть полное право на существование въ качествѣ подготовительной работы. Но пора, наконецъ, перестать называть хозяйственными теоріями дискурсивныя разсужденія относительно цѣнности, цѣны, земельной ренты, труда, прибыли на капиталъ и многаго другого, заполняющего собою наши учебники. Всѣ эти вопросы относятся къ особой главѣ политической экономіи, которую можно было бы назвать экономической пропедевтикой. Что касается собственно теоретической части

работы, то это свидѣтельствовало бы лишь о безлomошности автора, если бы онъ далъ замѣтить читателю, что онъ нуждается для своего научного изслѣдованія въ заранѣе изготовленномъ орудіи подходящихъ понятій. Миѣ самому труда мой представляется существенно обевображеннымиъ эстетически вслѣдствіе того, что во введеніи къ первому тому его миѣ пришлось предпослать слишкомъ основательный анализъ понятій: производство, формы производства, хозяйственныя системы, хозяйственныя формы и т. п. Однако въ данномъ случаѣ это представлялось миѣ неустранимымъ, такъ какъ я ввожу въ науку новую терминологію: мои позднѣйшиe выводы оказались бы непонятными, если бы читатель съ самого начала не былъ освѣдомленъ относительно смысла принадлежащихъ миѣ лично понятій. При всемъ томъ уродливое „введеніе“ остается однако существеннымъ прегрѣшеніемъ противъ требований изящества.

Въ заключеніе еще одно слово по поводу той позиціи, которую я занимаю по отношенію къ „исторической школѣ“ экономистовъ.

То, что я понимаю подъ „соціальной теоріей“, какъ читатель уже могъ замѣтить изъ немногихъ намековъ этого предисловія, насквозь проникну историческимъ духомъ, если только разумѣть подъ послѣднимъ разсмотрѣніе каждого соціального феномена, какъ продукта опредѣленныхъ историческихъ соотношеній, другими словами, разсмотрѣніе всей хозяйственной жизни подъ угломъ зрењia пѣти, вѣчной смѣни явленій.

Тѣмъ не менѣе я думаю, что мой почтенный и глубоко уважаемый мною учитель, Шмоллеръ (какъ онъ самъ выразился однажды, имѣя въ виду свое отношеніе къ Менгеру и его школѣ), безъ дальнѣйшихъ разсужденій выкинулъ бы меня вонъ изъ храма, если бы я вздумалъ мой способъ изслѣдованія выдавать за „исторический методъ“ въ его смыслѣ. Отличаетъ меня отъ него и его единомышленниковъ конструктивный моментъ въ упорядоченіи материала, радикальный постулять объясненія изъ послѣднихъ причинъ, сведеніе всѣхъ историческихъ явленій въ единую соціальную систему, однимъ словомъ все то, въ чемъ, на мой взглядъ, заключается специфический характеръ теоріи, какъ таковой. Я могъ бы также сказать: меня отдѣляетъ отъ Шмоллера Карлъ Марксъ. Тѣмъ не менѣе я отнюдь не чувствую себя въ конфликѣ съ „историзмомъ“, какъ и со всякой другой серьезной экономической теоріей. Я думаю, наоборотъ, что при моемъ методѣ изслѣдованія оба вышеуказанные направления не должны уже болѣе враждебно противостоять другъ другу, но могутъ быть приведены въ гармонію въ иѣкоторомъ высшемъ единстве. Но если этотъ способъ научного разсмотрѣнія хозяйственной жизни имѣть извѣстное право на существование, т.-е. оказывается плодотворнымъ для познанія зависимостей соціального процесса, онъ долженъ быть также въ состояніи подвинуть къ разрѣшенію тотъ конфликтъ между эмпиріей и теоріей, констатация которого послужила исходнымъ пунктомъ настоящихъ разсужденій.

Оговоримся, впрочемъ: поскольку этотъ конфликтъ наука въ сихъ разрѣшить. А это никогда не удастся ей въ полной мѣрѣ. Ибо за противорѣчіемъ между эмпиріей и теоріей скрывается вѣчная вражда между познаніемъ и жизнью, скрывается конфликтъ, вырастающій изъ человѣческаго стру-

млнія разрѣшать тамъ, гдѣ нѣть никакого разрѣшенія. Мы хотимъ единства, а жизнь непрерывно создаетъ новыя многообразія. Въ концѣ-концовъ и здѣсь остается лишь покорно примириться съ невозможностью. Человѣчество никогда не утратить своего стремленія подводить единичное и то, что живетъ лишь изолированно, подъ мертвящую абстракцію: отъ стремленія „читать то, что никогда не было написано, связывать властною рукою хаотическое“. Пусть при этомъ никогда не забываются, что это „познаніе вещей“, немыслимое безъ мертвящей абстракціи, представляеть самыи жалкіи изъ всѣхъ возможныхъ способовъ установить наше отношеніе къ миру. Пусть ученый никогда не забываетъ, что въ сущности онъ несчастный кропатель, не способный ни къ чему лучшему, какъ прикрывать своими пустопорожними формулами тысячу-кратно разнообразную жизнь, что онъ — ужасное существо, въ рукахъ котораго должно завянуть все, что раньше имѣло дыханіе жизни. Счастливы еще тѣ немногія исключенія изъ людей, осужденныхъ на познаніе, которымъ обладаютъ отъ природы даромъ вдохнуть своего рода жизнь и въ самыя мертвыя конструкціи путемъ художественного ихъ построенія и такимъ образомъ способны принять хоть небольшое участіе въ великой творческой работе. Тотъ грѣхъ, который каждая наука совершаеть по отношенію къ жизни, можетъ быть искупленъ лишь однимъ способомъ: наука должна развернуть въ своихъ созданіяхъ новую жизнь, стараясь построить ихъ какъ произведенія искусства. При этомъ я прежде всего имѣю въ виду отнюдь не искусство виѣшняго изложенія, но художественное построеніе самихъ мыслей. Научная система, какъ таковая, должна быть художественно прекрасна,— вотъ думается мнѣ, то, чего мы должны достигать.

Правда, для того, чтобы осуществить это, надо, чтобы самъ ученый былъ проникнутъ художественнымъ духомъ, а этого послѣдняго имѣются въ насы, современныхъ ученыхъ, слишкомъ ничтожныя дозы. Необходимо воспитаніе цѣлыхъ поколѣній, чтобы дѣятели науки стали истицами художниками, чтобы (въ нашемъ случаѣ) этическая политическая экономія уступила мѣсто эстетической. Но что мы уже теперь могли бы осуществить въ широкомъ масштабѣ,—это оставаться живыми въ своихъ произведеніяхъ. Это было бы во всякомъ случаѣ первымъ шагомъ къ художественному творчеству. Вѣдь въ наше время большинство научныхъ книгъ совершенно такъ же могли бы быть написаны другими учеными, какъ и ихъ дѣйствительными авторами,—и это позоръ для насы. Для меня стоять вѣдь всякаго сомнѣнія, что высшая цѣль моей научной работы—оставаться и въ ней живымъ человѣкомъ. И если мое человѣческое существо, сохранившееся несмотря на науку, отбросить свой отблескъ на застывшія, холодныя формы воздвигнутаго въ этомъ трудѣ ученаго построенія,—сознавать это доставить мнѣ чрезвычайную радость. Вѣдь и лишенныя стиля, скучныя постройки предмѣстій приковываютъ на мгновеніе нашъ взглядъ, если заходящее солнце обдастъ ихъ своими лучами.

* * *

Для того, чтобы покончить съ предисловіемъ, мнѣ остается намѣтить въ немногихъ словахъ общій планъ, заложенный въ основу этого труда, и

сдѣлать нѣкоторыя указания относительно расположения матеріала, подвергнутаго обработкѣ въ предлагаемыхъ двухъ томахъ.

Въ хозяйственной жизни европейскихъ народовъ, послѣ того какъ погибла античная культура, слѣдовали другъ за другомъ три великия эпохи. Та новая культура, которую молодые народы поставили на мѣсто старой, была, какъ известно, культура преимущественно аграрная. Въ хозяйственной жизни господствовали двѣ взаимно дополняющія другъ друга основныя задачи: извлечь изъ своего клочка земли пропитаніе для себя и своихъ близкихъ при помощи своего или чужого труда и, подчиняя себѣ возможно большее количество земледѣльцевъ, достигнуть обладанія государственою властью. Крестьянско-феодальная организація явилась, какъ воплощеніе этого стремленія; господство ея проникало собою всю хозяйственную жизнь.

Вторая великая эпоха открывается эманципаціей хозяйственного труда отъ связи съ землей. Въ средневѣковыхъ городахъ и въ рамкахъ того мѣннового хозяйства, надъ которымъ они господствуютъ, снова создается возможность существованія самостоятельныхъ хозяйственныхъ субъектовъ, но владѣющихъ земельною собственностью. Средствомъ для этого явилось обосoblеніе промышленного труда, какъ оно осуществилось въ ремесленной организаціи. Основная мысль этого хозяйственного строя такова: обеспечить путемъ собственнаго, въ данномъ случаѣ промышленного, труда на другихъ сообразное своему званію традиціонное „пропитаніе“. Эта идея, которой пропитана ремесленная организація, становится затѣмъ руководящей для всей хозяйственной жизни. Расцвѣть и закатъ средневѣковья являются хозяйственной эпохой промышленной культуры.

Далѣе слѣдуетъ та эпоха, въ которой и мы еще живемъ въ настоящее время: ея внутреннее существо характеризуется преобладаніемъ купеческихъ принциповъ, т.-е. организующей дѣятельности, основанной на спекулятивныхъ расчетахъ; ея руководящая мысль состоить въ томъ, что цѣль хозяйства есть денежная выгода. Это стремленіе создало организацію, которую мы лучше всего охарактеризуемъ, назвавъ ее капиталистической.

За капиталистической эпохой слѣдуетъ, какъ можно уже теперь заключить по нѣкоторымъ успѣвшимъ обнаружиться признакамъ, четвертая, социалистическая-варищеская эпоха.

Задача этого труда—дать въ руки читателя нить, которая могла бы провести его черезъ лабиринтъ третьей великой хозяйственной эпохи, капиталистической. Мы попытаемся прослѣдить исторію капиталистической системы хозяйства съ момента ея возникновенія до настоящаго времени, раскрыть присущіе ей законы движения и показать закономѣрность ея перехода въ будущую хозяйственную эпоху, все это—съ точки зрѣнія причинности. Прошу обратить на это вниманіе: съ точки зрѣнія причинности!

На почвѣ выводовъ, добытыхъ такимъ историко-теоретическимъ изслѣдованіемъ, мы постараемся затѣмъ построить научную систему практической дѣятельности, систему соціальной политики—съ телесологической точки зрѣнія.

Увѣнчаніемъ всего зданія должна быть система соціальной философіи,

стоящей на критической точкѣ зрења. Два первые тома, представляющіе законченное цѣлое, доводятъ изслѣдованіе до того пункта, когда капиталистическая хозяйственная система одерживаетъ окончательную побѣду надъ докапиталистическими формами хозяйства и такимъ образомъ становится силой, господствующей надъ всею хозяйственную жизнью. Расположеніе материала въ нихъ вкратцѣ слѣдующее. Послѣ ориентирующего систематического обзора организаціи хозяйственного труда („Введеніе“), рисуется въ ея основныхъ чертахъ та хозяйственная система, которая непосредственно предшествовала нынѣ господствующей, образуя собою исходный пунктъ ея развитія: эпоха, хозяйственная жизнь которой характеризуется преобладаніемъ неземлемѣрческихъ промысловъ, и хозяйство принимаетъ форму ремесла (первая книга первого тома). Далѣе будутъ раскрыты корни новѣйшей хозяйственной жизни: будетъ очерчено возникновеніе субъективныхъ предпосылокъ капиталистической организаціи, при чмъ мы обратимъ особое вниманіе, какъ на ихъ соціальную сторону (возникновеніе капитала), такъ и на ихъ психологическую сторону (генезисъ капиталистического духа). (Второй и третій отдѣлы второй книги первого тома). Отсюда начинается раздѣленіе материала.

Начиная съ этой эпохи, генетическому разсмотрѣнію будетъ подвергнуть ростъ промышленного капитализма, и преимущественно въ течение послѣдняго полувика (отъ четвертаго до седьмого отдѣла вышеуказанной книги).

Это предпочтеніе опредѣленной хозяйственной области поконится исключительно на сображеніяхъ методологического характера: оно дасть намъ возможность болѣе цѣлесообразно расположить материалъ.

Подвергнувъ самостоятельному изслѣдованію одну сторону хозяйственного развитія, мы получимъ прочный пунктъ, съ котораго намъ легче ориентироваться и понять закономѣрное преобразованіе всей хозяйственной жизни. Такимъ путемъ мы достигнемъ возможности шагъ за шагомъ добывать точныя указанія относительно тѣхъ средствъ, которыя нужны капитализму, чтобы овладѣть сферою промышленного производства; мы увидимъ, какимъ образомъ капитализмъ, преслѣдуя свою задачу, ставить хозяйственную жизнь на новый базисъ (первая книга второго тома), преобразовываетъ затѣмъ въ соответствии съ этою цѣлью всѣ остальные области хозяйственной жизни (вторая книга второго тома) и, наконецъ, создавъ такимъ путемъ условія своей побѣды, достигаетъ этой послѣдней, ведя искусную борьбу съ препятствіями (третья книга второго тома).

Итакъ, давая, какъ было только что сказано, прежде всего теорію промышленного развитія, второй томъ включаетъ въ себя, какъ необходимый результатъ, общій очеркъ побѣдоноснаго шестивѣа капитализма. Нетабене: поскольку послѣднєе совершается прямолинейно. Какъ уже было замѣчено, известные комплексы явлений современной хозяйственной жизни не могутъ быть вполнѣ исчерпаны въ своей сущности изслѣдованіемъ, покоящимся на точкѣ зрења однотоннаго развитія, положенной въ основу двухъ первыхъ томовъ этого труда: не укладываются въ эти рамки нѣкоторыя стороны сельскохозяйственного производства. Было бы, какъ мы уже отмѣтили выше, неправильно сказать: не укладывается сельскохозяйственное производ-

ство вообще. До какой степени это послѣднее во многихъ важныхъ пунктахъ вовлечено въ общій ходъ капиталистического развитія, покажетъ, я надѣюсь, съ достаточнью ясностью первый отдѣлъ второй книги второго тома. Однако, другія стороны сферы сельскохозяйственного производства такъ стойко сопротивляются вліяніемъ капитализма и потому обнаруживаются въ своемъ строеніи настолько рѣзкую локальную окраску, что было бы недопустимо не подвергнуть ихъ самостоятельному разсмотрѣнію (разсмотрѣнію съ точки зреінія своеобразности). Это я и попытаюсь сдѣлать въ ближайшемъ слѣдующемъ томѣ настоящаго труда. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что достигнуть пониманія своеобразныхъ сторонъ развитія возможно лишь послѣ того, какъ уже познана его собственная сущность въ ея согласованныхъ между собою чертахъ, чего и стремятся достигнуть предлагаемые здѣсь два тома.

* * *

Знаменательный фактъ: въ прежнее время авторы, посыпал въ свѣтъ книгу, въ которой воплотилась часть ихъ собственной жизни, думали прежде всего о другихъ: помощникахъ, читателяхъ, критикахъ; вѣжливо раскланивались въ одну сторону, заискивающе улыбались въ другую. Мы въ этотъ часъ разставанія думаемъ лишь о самихъ себѣ и о нашемъ трудѣ. Помощниковъ у насъ нѣть, читатели и критики для насъ безразличны. Мы испытываемъ лишь ощущеніе скорби по поводу того, что извѣстная часть насъ самихъ, въ которой въ теченіе многихъ лѣтъ воплощались наши лучшія силы, должна быть теперь отдана „неизвѣстной толпѣ“. Книга была для насъ вгорыемъ міромъ, „въ который возносилась наша душа, предоставляя тѣлу толкаться о землю“. Теперь онъ для насъ утерянъ. И все же что-то заставляетъ насъ оттолкнуть отъ себя этотъ трудъ: иначе мы погибли бы подъ бременемъ обладанія имъ. Утѣшеніе мы находимъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, лишь въ сознаніи, что и въ сферѣ отношений автора къ его труду неизбѣжно должны быть совершены въ концѣ-концовъ такія дѣйствія, которыя не ведутъ къ нашему счастью.

Вернеръ Зомбартъ.

Бреславль. Рождество 1901 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Організація хозяйственного труда.

Qui bene distinguit, bene docet.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Хозяйство и производство.

Всякая разумная работа есть осуществление сознательных целей и нуждается поэтому в определенном плане. Но поскольку она совершается сообществом людей, и, следовательно, действует необходимыми отношениями к другим лицамъ, хотя бы случайнымъ и лишь поверхностнымъ, поскольку работа требует чего-то большего, чемъ субъективный планъ выполняющего ее лица, — требует объективного регулирования, обязательного для всѣхъ участниковъ трудового сообщества; следовательно, необходима организация труда. Всякая хозяйственная деятельность людей, т.-е. всякая деятельность, вызванная необходимостью добывать предметы вышешей природы — вещественные блага — для обеспечения нашего индивидуального существования, всякая такая деятельность совершается въ обществѣ и потому объективно урегулирована.

Итакъ, разъ мы имѣемъ дѣло съ хозяйственнымъ трудомъ, мы неизбѣжно должны включить въ наше разсмотрѣніе и ту организацію, которая обнимаетъ собою каждую единичную работу. Хозяйственная деятельность есть „организованный труд для поддержания жизни“ (въ вышеописанномъ смыслѣ).

Совокупность всѣхъ вышешихъ нормъ, регулирующихъ хозяйственную деятельность людей, мы будемъ называть строемъ хозяйства. Онъ составляетъ часть общественного строя или соціального строя вообще¹⁾.

Созданный обычаемъ или правомъ, хозяйственный строй ставить объективные границы деятельности индивидуума, направленной на создание и использование благъ: „производство“, „ обращеніе“, „потребленіе“; онъ же решаетъ, какие органы, единичные или коллективные личности, должны руководить ходомъ хозяйственной жизни. Мы назовемъ субъектами хозяйства эти личности, воюю которыхъ опредѣляется хозяйственная деятельность ихъ самихъ и другихъ людей, въ которыхъ лежитъ, выражаясь образно, центръ тяжести хозяйственной жизни, мы раздѣлимъ ихъ, далѣе, на субъектовъ потребительной и производительной сферы хозяйства. Только съ этими послѣдними имѣть дѣло дальнѣйшее изложеніе. Въ противовѣсъ пассивности строя хозяйства, хозяйственныесубъекты воплощаютъ въ себѣ все, что есть

¹⁾ Не совпадаетъ съ нимъ, какъ я уже замѣтилъ, полемизируя со Штаммлеромъ, въ Brauns Archiv etc. B. X (1897 г.), стр. 6.

въ хозяйственной жизни активного, дѣятельного, творческаго; ихъ инициативой создается всякая жизнь, отъ нихъ зависитъ правильное течение процесса производства и воспроизведения благъ. На ихъ цѣлесообразной дѣятельности поконится хозяйственная жизнь, а самая эта дѣятельность опредѣляется и направляется сознательно поставленными цѣлями, которые въ свою очередь имѣютъ свое основаніе въ опредѣленныхъ рядахъ мотивовъ.

Такимъ образомъ, если мы хотимъ какъ слѣдуетъ понять хозяйственную жизнь данной эпохи въ ея внутренней сущности, мы должны вскрыть мотивы, опредѣляющіе поведеніе субъектовъ хозяйства. При этомъ мы не можемъ успокоиться, допустивъ единую движущую силу для всѣхъ вѣковъ подъ именемъ „экономического духа“, стремленія къ выгодѣ—ибо это было бы ложно, или безцѣнного „эгоизма“—ибо это было бы бесодержательно; столь же мало можетъ удовлетворить насъ общая таблица, на которой начертанъ пестрый беспорядочный рядъ отдѣльныхъ, индивидуальныхъ мотивовъ. Стремясь въ многообразіи находить типическое, въ смынѣ явлений постоянное правило, мы должны позаботиться о томъ, чтобы раскрыть для каждой данной эпохи согласованные между собою, правильно повторяющіеся ряды мотивовъ хозяйствующихъ субъектовъ. Эти преобладающіе стимулы, опредѣляющіе собою хозяйственную жизнь данного времени въ ея характеристическихъ особенностяхъ и, слѣдовательно, исторически обусловленные, мы будемъ называть принципами хозяйства, разъ они формулированы въ видѣ законовъ и максимъ, регулирующихъ поведеніе субъектовъ хозяйства.

Мы находимъ такимъ образомъ, что хозяйственная жизнь людей всегда подчинена опредѣленному хозяйственному строю и опредѣленнымъ хозяйственнымъ принципамъ. Хозяйственный строй, подчиненный господству одного доминирующего хозяйственного принципа, въ свою очередь представляетъ, согласно нашей терминологии, систему хозяйства.

Еще одинъ шагъ—и мы достигнемъ нашей первой цѣли!

Для того, чтобы цѣли, воплощенные въ хозяйственныхъ принципахъ, могли осуществляться въ хозяйственной дѣятельности, эта послѣдняя должна быть цѣлесообразно организована. Организованность выражается въ томъ, что передъ нами выступаютъ правильно повторяющіеся приемы хозяйственныхъ субъектовъ и ихъ органовъ, т.-е. зависящихъ отъ ихъ воли личностей. Возникаютъ опредѣленные типическія отношенія людей другъ къ другу; получается въ результатѣ сумма правовыхъ отношеній, нравовъ и обычаевъ, охватывающая собою сумму опредѣленныхъ дѣйствій и приемовъ. Возникаетъ то, что можно назвать формами хозяйственной организаціи или, короче, хозяйственными единицами.

Поскольку эти послѣднія служатъ преимущественно созданію благъ, въ нихъ—и это здѣсь существенно—включень весь производственный процессъ съ начала и до конца, съ момента, когда онъ появляется въ видѣ плана въ сознаніи хозяйствующаго субъекта, выступающаго въ данномъ случаѣ въ качествѣ руководителя производства, и кончая моментомъ реализаціи продукта, осуществленіемъ цѣли производства. Конечная цѣль хозяйственной дѣятельности, выдвигаемая хозяйственнымъ принципомъ,—вотъ что характеризуетъ собою сущность опредѣленной хозяйственной формы. Поскольку та-

хая конечная цѣль дѣйствительно осуществляется, поскольку употребленныя усилия реализуются соотвѣтственно намѣреніямъ хозяйственныхъ субъектовъ, мы можемъ выразиться короче: форма хозяйства опредѣляется процессомъ реализаціи хозяйственной дѣятельности.

Но для того, чтобы реализація вообще имѣла мѣсто, процессъ труда долженъ быть успешно доведенъ до конца. Это, въ свою очередь, возможно лишь при той предпосылкѣ, что процессъ труда протекаетъ планомѣрно и организованно. Необходима, следовательно, единая воля, направляющая рабочія силы, заставляющая ихъ отправлять трудовыя функции при помощи определенныхъ приемовъ, соответствующихъ конечной задачѣ трудового процесса.

Мы имѣемъ здѣсь единообразно организованный процессъ труда, закономѣрное повтореніе котораго требуетъ опреѣленныхъ приспособлений, которыхъ мы назовемъ производствами (Betriebe). Каждое производство имѣть опять-таки определенную форму, такъ что мы имѣемъ право говорить о формахъ производства.

Производство есть сообщество для работы; хозяйство — сообщество для реализаціи. Я придаю большую важность тому, чтобы строгое различіе производства и хозяйства стало прочнымъ достояніемъ нашей науки, такъ какъ я приписываю ему, какъ будеть видно изъ дальнѣйшаго, крупное значеніе въ дѣлѣ оцѣнки хозяйственной жизни. Необходимость нашего нововведенія явствуетъ изъ того простого факта, что формы хозяйства и формы производства исторически, дѣйствительно, могутъ быть раздѣлены, какъ нечто существенно различное, а потому лишь строгое разграничение понятий допускаетъ здѣсь возможность правильного научнаго сужденія. Нѣкоторыя замѣчанія тотчасъ же¹⁾ обнаружатъ передъ нами съ полною ясностью, что хозяйство и производство, отнюдь не покрываая другъ друга, могутъ, наоборотъ, вступать между собою въ самыя разнообразныя комбинаціи. Въ одной и той же хозяйственной формѣ могутъ осуществляться и дѣйствительно осуществляются самыя различные формы производства.

Домашнее хозяйство включало въ себя мелкое и крупное производство (вспомнимъ только хозяйство „ойкоса“ въ древности и въ Средніе вѣка!); не въ меньшей степени это примѣнено и къ ремеслу (строительное дѣло!); капиталистическое предпрѣтіе равнымъ образомъ пользуется для своихъ цѣлей и мелкимъ и крупнымъ производствомъ, — послѣднимъ то въ видѣ мануфактуры, то въ видѣ фабрики. Мы видимъ въ то же время, что одна и та же форма производства можетъ принадлежать къ самымъ различнымъ формамъ хозяйства; такъ, напр., фабрика, какъ одна изъ формъ крупнаго производства, однаково легко можетъ найти себѣ мѣсто и въ расширенномъ натуральномъ хозяйствѣ, и въ капиталистическомъ предпрѣтіи, и въ колективистическомъ хозяйствѣ. Другими словами, различные цѣли (опредѣляющія собою формы хозяйства) могутъ осуществляться одинаковыми средствами (одна и та же форма производства) и, наоборотъ, различные средства могутъ вести къ одной и той же цѣли.

1) Ср. между прочимъ ближайшіе отдѣлы этого труда.

Съ полной отчетливостью выступить передъ нами различіе между хозяйствомъ и производствомъ, если мы представимъ себѣ, какъ часто хозяйственная и производственная единица являются неодинаковыми величинами, т.-е. одно хозяйство включаетъ въ себя иѣсколько производствъ¹⁾, одно производство принадлежитъ къ иѣсколькимъ хозяйствамъ.

Слѣдующіе примѣры могутъ иллюстрировать сказанное:

Хозяйства, включающія иѣсколько производствъ:

Домашнее хозяйство содержитъ въ себѣ по меньшей мѣрѣ два производства—сельско-хозяйственное и промышленное.

Помѣстье (господскій дворъ, ойкосъ) заключаетъ въ себѣ обыкновенно цѣлый рядъ хозяйствъ, какъ-то: сельское хозяйство на помѣщичьей землѣ, сельско-хозяйственные производства крестьянъ, мельницы, пивоварни, промышленные работы женщинъ, кузнечное дѣло и т. п.

Капиталистическое предпріятіе можетъ включать въ себѣ многочисленныя производственныя единицы при кустарной организаціи, при філіальной системѣ торговыхъ предпріятій и т. п.; но и при крупно-промышленной организаціи производства иѣкоторыя мастерскія и отдѣлы предпріятія должны быть разсмотриваемы какъ самостоятельныя производства.

Товарищество (напр., потребительное общество) зачастую имѣетъ различные производства: булочную, мясную лавку и т. д.

Производства, принадлежащія къ иѣсколькимъ хозяйствамъ, встрѣчаются рѣже, но все же встрѣчаются. Я имѣю въ виду, напр., цеховыя учрежденія Среднихъ вѣковъ: гранильни, суконопрокатныя заведенія, валальни, красильни и т. п. заведенія, которыми пользовались всѣ ремесленники; сюда же слѣдуетъ отнести пряильни и средневѣковую организацію солеваренія²⁾; далѣе, подходящими примѣромъ являются портижныя заведенія, устроенные группой столяровъ и сдаваемые послѣдними въ аренду, мастерскія ремесленниковъ, работающихъ на многихъ скupщиковъ, и т. п.

Насколько важно при обсужденіи хозяйственныхъ явлений помнить установленныя нами здѣсь разграничія, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что данная форма производства, напр., фабрика, должна опредѣняться совершенно различно, смотря по тому, какой цѣли она служить, капиталистической или, напримѣръ, товарищеской. Такимъ образомъ, если мы будемъ учитывать результаты труда на капиталистически руководимой фабрикѣ и скажемъ, напр., что она доставляетъ плохіе товары, это еще ничего не говоритъ намъ о продуктивности данной формы производства, какъ таковой: въ такихъ случаяхъ намъ приходится имѣть дѣло съ различными цѣлями, преслѣдуемыми различными формами хозяйства.

А какъ часто встрѣчается подобного рода смѣшеніе, — смѣшеніе, напримѣръ, ремесла съ мелкимъ производствомъ, капиталистического предпріятія съ крупнымъ производствомъ!

1) См. § 3 „Устава о промышленности“: „Занятіе различными промыслами одновременно, а также однимъ и тѣмъ же промысломъ въ различныхъ производствахъ или мѣстахъ продажи“.

2) См. обѣ этомъ G. Schmoller: Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung VIII, въ его Jahrbuch XV (1891), стр. 651 и сл.

Значительная часть неясностей, характеризующихъ собою современные взгляды на наше хозяйственное развитие, несомнѣнно, вытекаетъ изъ недостаточной систематизации хозяйственныхъ и производственныхъ формъ. Такъ, напримѣръ, изслѣдованія Союза соціальной политики относительно положенія современного ремесла могли бы во многомъ привести къ болѣе широкимъ выводамъ, если бы авторы вполнѣ уяснили себѣ отличительныя особенности различныхъ формъ организаціи промышленного труда, существующихъ въ настоящее время. Однако было бы несправедливо ставить молодымъ людямъ, потрудившимся надъ указанной анкетой, въ особенную вину недостатокъ ясно установленной точки зрѣнія, — тѣмъ болѣе, что и самимъ учителямъ въ данной области многаго не хватаетъ для вполнѣ безупречной обработки существующаго материала. Всѣ существующія попытки дать систематическое изложеніе организаціи хозяйственного труда нась не удовлетворяютъ, и прежде всего потому, что ни въ однѣй изъ нихъ не находитъ себѣ полнаго признанія идея строгаго разграничія формъ организаціи, лежащая въ основѣ настоящаго изслѣдованія. Достаточно бросить взглядъ на важѣйшія прежнія теоріи, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго ¹⁾.

1) Я даю обзоръ прежніхъ ученій въ моей работе: Die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation, Brauns Archiv XIV (1899), стр. 316 и слѣд. Тамъ я развила и обосновала руководящія мысли этого введенія въ иѣкоторыхъ пунктахъ болѣе обстоятельно, нежели здѣсь; къ этой работе я и отсылаю читателя, желающаго подробнѣе ознакомиться съ вопросомъ. Обращаю вниманіе русской публики на то, что указанный трудъ вышелъ въ 1901 г. на русскомъ языкѣ безъ всякихъ измѣненій („Организація труда и трудящихся“).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Производство и формы производства.

А. Понятие и сущность производства.

Подъ производствомъ мы будемъ разумѣть организацію, имѣющу цѣлью длительное выполнение работы¹⁾. Определенное такимъ образомъ понятіе заключаетъ въ себѣ слѣдующіе признаки:

Говоря о „производствѣ“ какой-либо вещи, мы имѣемъ въ виду прежде всего дѣятельность, выполнение, процессъ труда. Этому представлению необходимо отвести надлежащее мѣсто и въ научномъ понятіи производства, чтобы предохранить мысль отъ возможныхъ уклоненій въ сторону. Когда мы говоримъ о „производствѣ“, какъ таковомъ, мы совершенно должны отвлечься какъ отъ поводовъ, вызывающихъ данный процессъ труда, такъ и отъ его результатовъ. Однако не всякая дѣятельность сама по себѣ есть уже „производство“. Необходимы, наоборотъ, извѣстные ограничительные признаки, чтобы выдѣлить „производства“ изъ всѣхъ вообще имѣющихся въ наличности видовъ дѣятельности. Нашъ терминъ: „выполнение работы“, уже выражаетъ собой, что въ данномъ случаѣ идетъ о комплексѣ дѣятельностей, обѣ извѣстной суммѣ процессовъ труда. Но не всякий комплексъ дѣятельностей, направленыхъ къ выполнению работы, есть „производство“. Мы должны ввести дальнѣйшія ограничения. Это и достигается, когда мы говоримъ о длительномъ выполнении работы²⁾. Очевидно однако, что и критерій дли-

1) Мы впервые дѣлаемъ здѣсь попытку установить экономическое понятіе производства. Послѣднее не совпадаетъ съ юридическимъ. Юриспруденція почувствовала необходимость въ точной формулировкѣ понятія „производство“ главнымъ образомъ благодаря современному рабочему законодательству. Въ юридической хитературѣ вопросъ этотъ наиболѣе полно и оструюю разработанъ въ книгѣ H. Rosina: Das Recht der Arbeiterversicherung Bd. I. Die rechtsrechtlichen Grundlagen. Berlin 1893. § 33 и сл. Розинъ опредѣляетъ „производство“ „въ смыслѣ закона“, какъ „совокупность дозволенныхъ хозяйственныхъ дѣятельностей, отличающихся сравнительно непрерывностью и постоянствомъ“ (стр. 209). Терминъ „дозволенный“ даетъ юридическую окраску, отсутствующую въ экономическомъ понятіи.

2) По мнѣнію Розина (см. предыдущее примѣчаніе), это ограниченіе имѣется въ виду также законодателемъ при формулировкѣ законовъ о страховании рабочихъ. По всейѣ вѣроятности здѣсь сказывается влияніе „господствующаго“ взгляда официальной нѣмецкой политической экономіи, выражителемъ которой является Handbuch Шефферга. Въ этомъ учебнике Клейнвехтеръ (I, 203) даетъ такое определеніе: „если хозяйственная

тельности еще недостаточенъ, чтобы построить понятіе „производство“, такъ какъ онъ присущъ, напримѣръ, дѣятельности многихъ животныхъ, которая отъ этого все же не становится производствомъ. Дѣятельность животнаго, роющаго себѣ нору, собирающаго пищу, дѣятельность бобра, ичely, крота, несомнѣнно, является длительной. Но можемъ ли мы говорить о производствѣ у этихъ животныхъ? Конечно нѣтъ. Итакъ, понятіе производства должно имѣть еще другую специфическую характеристику, отличающую его отъ всякой иной дѣятельности людей, а также отъ продолжительной и непрерывной дѣятельности животнаго. И мнѣ кажется, что такою специфическою особенностью всякаго производства является планомѣрность, упорядоченность. Эту сторону наше опредѣленіе понятія выдвигаетъ на первый планъ, называемая производство организацией.

Если данное лицо одно выполняетъ известную работу, то порядокъ, дѣлающій эту работу производствомъ, только субъективенъ; онъ выступаетъ исключительно какъ разумный планъ самого работающаго индивидуума. Но такой планъ, конечно, имѣется вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о работе, направленной къ хозяйственнымъ цѣлямъ, какой бы беспорядочной ни казалась эта работа.

Недисциплинированный кустарь во многихъ случаяхъ даетъ намъ образчикъ рабочаго, лишенаго, повидимому, всякаго руководящаго плана: онъ то гуляетъ цѣлые дни, то работаетъ до глубокой ночи, повинуясь своей прихоти. Однако такая неурегулированность труда все же не вполнѣ лишаетъ его признака планомѣрности, иначе онъ не былъ бы разумнымъ, т.-е. вообще человѣческимъ трудомъ. Въ основѣ жалкаго производства кустаря лежитъ все - таки опредѣленный планъ работы; послѣдній регулируетъ добываніе средствъ производства, примѣненіе къ дѣлу рабочей силы, отысканіе заказчиковъ и т. п.

Планъ производства неизбѣжно объектируется въ опредѣленную организацию, разъ нѣсколько лицъ соединяются для совмѣстного труда. Чтобы въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣятельность каждого отдельнаго человѣка планомѣрно согласовалась съ общей работой, для этого необходимо уже заранѣе опредѣлить для нея надлежащее мѣсто, надлежащее время и надлежащий способъ исполненія. Всегда существуетъ поэтому известная организация производства; она можетъ быть лишь въ головѣ участниковъ, или же реализоваться въ формѣ устнаго, письменнаго, печатнаго слова; она можетъ быть молчаливо признанной или авторитарно изданной, автономной или гетерономной по отношенію къ отдельнымъ органамъ трудового процесса,— какъ бы то ни было, она всегда имѣется налицо.

Признакъ организованности полезенъ для нашихъ цѣлей еще въ томъ смыслѣ, что онъ позволяетъ намъ установить границы производственной единицы, индивидуализировать производство, тогда какъ при опредѣленіи понятія безъ нашего критерія это было бы достижимо лишь съ большимъ трудомъ. Род-

дѣятельность принимаетъ (болѣе или менѣе!) длительный характеръ, мы говоримъ о производствѣ и понимаемъ подъ послѣднимъ (болѣе или менѣе) длительное объединеніе и употребленіе производительныхъ силъ ради хозяйственныхъ цѣлей”.

зинъ такъ же приходить къ аналогичному результату: „Нѣть возможности разъ навсегда установить ту точку зрѣнія (моментъ), на основаніи которой мы соединяемъ производственные процессы въ одно цѣлое или различаемъ одно производство отъ другого; единаго момента индивидуализаціи здѣсь не существуетъ“¹⁾). Наоборотъ, для насъ таковой несомнѣнно существуетъ: это — единство производственной организаціи, лежащее въ основѣ вся资料 производства. При этомъ прежде всего необходимо, конечно, точно опредѣлить самый моментъ единства организаціи во всѣхъ свойственныхъ ему оттѣнкахъ.

Общая задача всякой организаціи производства заключается въ цѣлесообразномъ объединеніи отдѣльныхъ факторовъ производства въ одно цѣлое при помощи надлежащаго распределенія ихъ въ пространствѣ и времени²⁾. Переходя къ анализу организаціи производства въ частностихъ, мы прежде всего наталкиваемся на слѣдующіе пункты, въ которыхъ мы должны констатировать единство организаціи, чтобы приобрѣсти право говорить объ одномъ производствѣ:

а) подготовлениe процесса труда; здѣсь необходима распорядительная власть, регулирующая премъ, назначеніе на мѣсто, увольненіе рабочихъ съ количественной и качественной стороны, а также распорядительная власть надъ помѣщеніями, необходимыми для производства, и надъ потребными средствами труда;

б) распорядокъ процесса труда, т.-е. установленіе мѣста и времени, гдѣ и когда должна совершаться работа;

с) выполненіе процесса труда, т.-е. забота о томъ, чтобы предначертанный планъ фактически осуществлялся, чтобы процессъ труда реализовался согласно предписаніямъ руководящаго органа; другими словами, дѣятельность руководительства должна быть объединена, что внѣшимъ образомъ выражается въ единомъ руководящемъ и надзирающемъ органѣ.

Мы пояснимъ это нѣсколькими примѣрами. Производство кустаря представляеть обыкновенно одну производственную организацію. Въ самомъ дѣлѣ, оно удовлетворяетъ всѣмъ вышеуказаннымъ требованіямъ: а) кустарь по своему усмотрѣнію набираетъ рабочія силы, въ такомъ количествѣ и такого-

1) Стр. 212 цит. книги. Розинъ перечисляетъ затѣмъ тѣ признаки, которые устанавливаютъ единство производства въ смыслѣ закона о страхованиі: 1) одинъ и тотъ же предприниматель, за счетъ котораго совершаются извѣстные комплексы дѣятельности; 2) соединеніе личнаго и вещественнаго момента (одинъ и тотъ же предприниматель и объектъ производства); 3) подлежащий изготавленію продуктъ; 4) средства производства и помѣщенія для производства; 5) одинъ только помѣщенія для производства (стр. 212—217).

2) „Техническая организація (иное выраженіе для того, что мы называемъ организацией производства) состоитъ въ томъ, чтобы привлекать рабочія силы къ требуемой созидательной дѣятельности, снабжать ихъ орудіями и средствами труда и образовывать изъ обоихъ этихъ факторовъ двѣспособное техническое тѣло“. „Техническая организація состоитъ такимъ образомъ въ непрерывномъ добываніи и объединеніи въ одно законченное тѣло рабочихъ силъ, обрабатываемыхъ матеріаловъ, вспомогательныхъ матеріаловъ, оборотныхъ средствъ, постоянныхъ приспособленій для труда, химическихъ аппаратовъ, движущихъ и передаточныхъ механизмовъ (оружія и иныхъ защитительныхъ средствъ)“. Шеффле: Bau und Leben des soc. Körpers. I, 873.

сортъ, какъ это ему угодно; онъ снабжаетъ ихъ необходимыми средствами труда, при чмъ дѣло не измѣняется, если послѣднія онъ получаетъ отъ скучищика: это характеризуетъ собою лишь извѣстное имущественно-правовое отношеніе; онъ отдаетъ въ ихъ распоряженіе мастерскія; однимъ словомъ, онъ организаторъ трудового процесса, имѣющаго своимъ содержаніемъ изгото-
влѣніе опредѣленного продукта; б) онъ опредѣляетъ мѣсто производства, решаетъ, напримѣръ, должна ли работа происходить у него, или въ какой-либо другой мастерской, онъ опредѣляетъ время труда: начало его, конецъ, перерывы; с) въ его рукахъ сосредоточенъ надзоръ; онъ, такъ сказать, олицетворяетъ собою производственную полицію. Всѣ эти моменты имѣютъ единую организацію въ одномъ кустарномъ производствѣ, различную въ различныхъ производствахъ. Натабене: несмотря на то, что эти послѣднія, быть можетъ, получаютъ толчокъ къ дѣятельности изъ одного пункта, отъ одного капиталистического предпринимателя. Слѣдовательно, раздача работы отдѣльнымъ кустарямъ, если даже она совершаются согласно единому плану, еще не можетъ создать единаго производства. Это послѣднее требуетъ, говоря коротко, не только единаго управления производствомъ, но и единаго управлениія самимъ процессомъ труда¹⁾.

Столь же мало единое производство создается объединеніемъ въ одно торговое „дѣло“ или предприятіе. Предприятіе, имѣющее въ различныхъ мѣстахъ прядильню, ткацкую мастерскую, печатию и т. п., не представляетъ собою одного производства, но распадается на цѣлый рядъ производствъ. Это можетъ выражаться прежде всего въ совершенніи различной внутренней организаціи отдѣльныхъ производствъ, составляющихъ одно „дѣло“. Въ одномъ производствѣ, быть можетъ, соблюдаются католические праздники, въ другомъ нѣтъ;²⁾ въ одномъ господствуютъ прижимки по отношенію къ рабочимъ, въ

1) Что единство производства при кустарной его организаціи воплощается не въ скучищѣ, отъ котораго зависятъ отдѣльные кустари, а въ самомъ кустарѣ, съ особеною ясностью видно въ тѣхъ случаяхъ, когда кустарные производства разрастаются въ болѣе крупныя мастерскія посредниковъ. Эти зачастую очень благоустроенные предприятия каждый, конечно, признаетъ единими, замкнутыми индивидуальностями, хотя они и работаютъ то на одного заказчика, то на другого, то на вѣсколькихъ сразу. Это часто имѣть мѣсто и у кустарей-одиночекъ; къ какому же производству отнесемъ мы тогда этихъ послѣдніхъ? Вѣдь никто не скажетъ, конечно, что ремесленникъ, работающій у себя на дому, переходитъ изъ одного производства въ другое, когда откладываетъ въ сторону брюки одного заказчика и принимается за жилетку другого! Чрезвычайно любопытны тѣ способы, при помоши которыхъ скучищи стараются ослабить вредныя послѣдствія необъединенности кустарныхъ производствъ. Возникла особыя должности „понукателей“; въ „Konfektionir“ отъ 16 марта 1899 г. мы читаемъ: „И шутъ поиukателей; выраженіе это показается новымъ; до сихъ поръ въ конфекціонномъ дѣлѣ существовали только распорядители. „Понукателями“ называются молодые люди, на обязанности которыхъ лежитъ въ теченіе сезона ежедневно съ ранняго утра и до поздняго вечера поощрять портныхъ и заботиться о томъ, чтобы заказы выполнялись въ срокъ, чтобы портные работали споро, чтобы они свачала брались за наиболѣе нужная и спѣшная вещи, чтобы они въ данный моментъ дѣланы вышитые, а не тюлевые воротнички, которые еще не носятся, и т. п. Сильная нужда въ такихъ понукателяхъ“.

2) Ср., напримѣръ, возбудившая много толковъ рабочія волненія въ Писбергскомъ руднике, принадлежащемъ къ Georgs-Marienhütte. Несогласія возникли потому, что на этомъ руднике собирались будто бы иные праздники, искажи на всѣхъ остальныхъ руд-

другомъ нѣть; въ одномъ возгорѣлась стачка, въ другомъ нѣть; въ одномъ введенъ такой-то новый методъ, въ другомъ нѣть; одно совсѣмъ пріостановлено, другое нѣть; въ одномъ сокращено или удлинено рабочее время, въ другомъ нѣть, и т. д., и т. д.

Если такимъ образомъ единство производства не создается еще единствомъ технической организаціи труда, то и наоборотъ—единое производство не требуется непремѣнно, чтобы трудъ выполнялся въ одной и той же мастерской; производство можетъ быть единымъ, несмотря на то, что оно совершается въ различныхъ пунктахъ. Если при этомъ работа имѣеть мѣсто въ одномъ пунктѣ послѣ другого, то невозможно никакое сомнѣніе, что передъ нами одно производство; такова, напримѣръ, работа Störer'a¹⁾, русской артели и т. п. Однако то же самое слѣдуетъ сказать и объ одновременной работе въ различныхъ, пространственно раздѣленныхъ мѣстахъ.

Это ясно хотя бы на примѣрѣ вагонной мануфактуры, разбросанной на пространствѣ тридцати или сорока гектаровъ земли, при чемъ отдельные мастерскія ея строго подчинены единому центральному управлению, несмотря на то, что онѣ иногда отстоятъ другъ отъ друга на полчаса ходьбы. Но и отдельно расположенные мастерскія доменного и желѣзодѣлательного производства могутъ составлять при извѣстныхъ обстоятельствахъ единое производство. Напримѣръ, доменная и коксовальная печь, или домна и пудлинговая или плавильная печь, или сталелитейное и прокатное заведеніе и т. п. Горный рудникъ, представляющій собою исключительно одно производство, по самой природѣ своей неизбѣжно охватываетъ нѣсколько пространственно отдаленныхъ другъ отъ друга шахты. И если различные шахты примыкаютъ къ одной рудоподъемной шахтѣ, находя въ ней свое пространственное объединеніе, то, съ другой стороны, одинъ и тотъ же рудникъ можетъ имѣть многія подземныя шахты. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при добываніи желѣзной и цинковой руды, производство включаетъ въ себя, кромѣ шахтъ, еще вспомогательныя и промывочные заведенія, расположенные зачастую на склонѣ горы далеко отъ входа въ рудникъ. Равнымъ образомъ въ ткацкомъ дѣлѣ бѣльца и красильня могутъ быть совершенно отдѣлены отъ ткацкой мастерской и все же составлять съ нею одно производство.

Бываютъ затѣмъ и такие случаи, когда отдельные вполнѣ самостоятельные работники, разсѣянные по большой площади, тѣмъ не менѣе должны рассматриваться, какъ принадлежащіе къ одному производству, такъ какъ они подчинены единому руководителю, регулирующему рабочій процессъ до мельчайшихъ деталей, т.-е. проникающему въ самую глубину производствен-

никахъ того же предприятия. Въ концѣ-концовъ производство въ Писбергѣ совсѣмъ пріостановилось и рудникъ залито водой. См. Deutsche Industrie-Zeitung XVII (1898) № 9, стр. 193 и сл. [См. также Кулеманъ. Профессиональное движение, Спб. 1901, 304—306 стр.].

¹⁾ [Störger'ами въ настоящее время въ Германіи называются самостоятельные рабочіе, которые не имѣютъ собственной мастерской и въ поискахъ за работой переходить съ мѣста на мѣсто. Они пользуются помѣщеніемъ, а часто и столомъ отъ заказчика. Въ Россіи примѣромъ такихъ рабочихъ могутъ служить деревенскіе портные, пимокаты и т. д.]

шаго процесса. Сюда я причисляю, напримѣръ, маляровъ подмастерьевъ, посылаемыхъ центральнымъ управлениемъ для работы въ отдѣльныхъ квартирахъ; имъ предписывается не только планъ производства и всѣ детали его выполненія,—они, кромѣ того, подчинены постоянному контролю посѣщающаго ихъ мастера, должны въ установленные сроки начинать и заканчивать работу, дѣлать перерывы и т. п. Подобнымъ же образомъ совокупность изолированно работающихъ кустарей даетъ одно производство, разъ внутреннее управление процессомъ труда является единственнымъ, хотя такой порядокъ и не представляется, какъ сказано выше, общаго правила. Такая организація существовала, напримѣръ, въ крефельдской шелковой промышленности, какъ ее обрисовалъ Тунь. Тамъ „Фирма устанавливала въ помѣщениіи мастера ткацкій станокъ, когда въ этомъ являлась надобность, снабжала его подмастерьями и оплачивала надзоръ за ними... при плохомъ ходѣ производства 5, 4, 3 станка въ мастерскихъ сравнительно крупныхъ мастеровъ простоянавливались распоряженіемъ фирмы и опредѣлялось ихъ новое рабочее время. Контроль въ небольшомъ городкѣ не представлялся трудностей“¹⁾). Подобнымъ же образомъ существуютъ вѣскія основанія для того, чтобы признать единственнымъ производство различныхъ мастеровъ многихъ средневѣковыхъ цеховъ. Въ самомъ дѣлѣ, право надзора и контроля, принадлежавшее цеху, касалось не только качества товара, привлечениія вспомогательныхъ силъ, употребленія рабочихъ материаловъ, но также рабочаго времени: цехъ опредѣлялъ начало и конецъ рабочаго дня, продолжительность перерывовъ и т. п. „Въ Ахенѣ въ 11 часовъ утра и въ 9 часовъ вечера ударяли въ колоколь, по звуку которого должны были останавливаться всѣ работы суконщиковъ“²⁾). Развѣ это не единое управление производствомъ?

Наоборотъ, подъ одной и той же крышей, въ одной и той же комнатѣ, могутъ совершаться два производства и болѣе. Я имѣю, напримѣръ, въ виду нѣсколько швей или портныхъ, которые въ одной и той же комнатѣ занимаются работами, не имѣющими между собою ничего общаго ни по своей организаціи, ни по своему назначению. Но какъ часто даже въ крупномъ промышленномъ заведеніи встрѣчаемъ мы обособленныя рабочія операции, носящія явные признаки самостоятельного производства въ производствѣ. Если, напримѣръ, бѣлизня, имѣющая патентъ, составляетъ часть прядильного заведенія, но состоять подъ руководствомъ особаго специалиста, имѣть особое рабочее время, бѣльть пряжу то для одной, то для другой прядильни,—въ такомъ случаѣ мы должны рассматривать ее, какъ самостоятельное производство. То же самое имѣемъ мы, когда къ бойнямъ присоединяется кожевенное или салотопенное заведеніе³⁾.

1) A. Thun, Industrie am Niederrhein. I (1879), 87 и сл.

2) Ibid., стр. 10, 11.

3) Въ отчетѣ правленія бреславльскихъ городскихъ скотобоенъ за 1896—1898 г.г. мы, напримѣръ, читаемъ: „Салотопенное заведеніе сдано въ аренду бреславльскому есъ-сберегательному балку. Предметомъ аренды являются всѣ возведенія съ указанною цѣлью постройки, включая сюда водопроводъ и паровой двигатель; исключаются всѣ машинныя сооруженія, построенные самимъ нанимателемъ... Салотопенное заведеніе существуетъ съ 1 дек. 1896 г.“ (стр. 26). Бойни были открыты 1 октября 1896 г.

Въ книжкѣ, заключающей статистическую свѣдѣнія относительно предпріятія Фридриха Крупа (Х 1896), страница 11 и сл. гласитъ:

„Къ сталелитейной фабрикѣ въ Эссенѣ относятся слѣдующія производствы: 2 бессемеровскихъ, 4 мартеновскихъ, 2 сталелитейныи, пудлинговый заведенія, сварочная мастерскія, плавильни для тигельной стали, чугунно-литейное заведеніе, для отливки боевыхъ снарядовъ, латунное заведеніе, кузнечные горны, камеры для закаливанія, тигельныи камеры, рельсопрокатныи заведенія“ и т. д., и т. д. Книжка насчитываетъ еще многіе десятки отдѣльныхъ „производств“. Несомнѣнно, здѣсь понятіе производства имѣть болѣе узкій смыслъ, чѣмъ у насть, но во всякомъ случаѣ „сталелитейную фабрику въ Эссенѣ“ нельзя назвать однимъ производствомъ. Она имѣть цѣлый рядъ центровъ управления и надзора, соответствующихъ обыкновенно должности „директоровъ“ крупно-капиталистического предпріятія. Одно производство составляетъ то, что находится подъ наблюденіемъ одного человѣка, дѣятельность котораго носить сравнительно самостоятельный характеръ и который отъ верховнаго руководителя—„генерального директора“—получаетъ лишь самая общія инструкціи. Рѣзкое практическое раздѣленіе единичныхъ отдѣловъ крупно-капиталистического предпріятія, обращающихся въ особья производства,—фактъ, общеизвѣстный для всѣхъ посвященныхъ, и въ этомъ фактѣ правильность выдвигаемаго нами понятія находить себѣ серьезную опору. „Это меня не касается, это дѣло моего коллеги“—вотъ отвѣтъ, который вы часто слышите отъ начальника отдѣла крупнаго предпріятія, который зачастую уже носить титулъ „директора производства“, такъ что единство производства въ научномъ смыслѣ находить себѣ выраженіе и въ промышленной терминологіи. Въ одномъ изъ сравнительно крупныхъ предпріятій Верхней Силезіи я нашелъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ, хотя пространственно и не раздѣленыхъ производствъ, администрація которыхъ стояла въ непосредственной зависимости отъ „центральной дирекціи“, получая отъ нея лишь общія руководящія указанія, не касающіяся, строго говоря, внутренней организаціи производственного процесса. Производства эти были: 1) добыча желѣзной руды, 2) доменное производство, 3) коксовальное, 4) пудлинговое, 5) сталелитейное, 6) прокатное. Такая организація является общимъ правиломъ вездѣ, гдѣ отдѣльныи подраздѣленія предпріятія достигли такихъ размѣровъ, что способны цѣликомъ поглотить дѣятельность специалиста техника.

Вюртембергская фабрика металлическихъ издѣлій распадается на слѣдующія „производства“¹⁾:

1) Отдѣленіе гальванопластической бронзы съ приспособленіями для литья изъ гипса, формированія его, покрыванія графитомъ, гальванопластическихъ ваннъ,—въ общей сложности 67 рабочихъ.

2) Отдѣленіе для фабрикаціи трубъ: прокатное заведеніе, калильныи печи, литье изъ олова и мѣди, штамповка металла и т. п., — всего 766 рабочихъ.

1) Ergänzungsband I zu den Württembergischen Jahrbüchern für Statistik und Landeskunde. Die Ergebnisse des Berufs- und Gewerbezählung von 1895 in Württemberg. 3 Heft. Bearb. v. d. k. Statist. Landesamt (1900), str. 182.

3) Отдѣленіе для окончательной отдѣлки: серебреніе, печати, полированіе и т. п., — всего 518 рабочихъ.

4) Отдѣленіе фабрикаціи стекла: стекло-плавильныя печи, шлифовка стекла, разрисовка стекла и т. д., — всего 157 лицъ.

5) Отдѣленіе моделей: живописцы и модельщики, граверы по металлу, — всего 57 лицъ.

6) Графическое отдѣленіе: литографы, типографскіе рабочіе, переплетчики, фальцовщицы и т. п., — всего 46 лицъ.

7) Отдѣленіе службъ: щеточники, кузнецы, кучера, сторожа, разсыльные и т. д., — всего 52 лица.

8) Строительное отдѣленіе: слесаріи, столяры, каменщики, поварыщики, — всего 86 лицъ.

В. Формы производства.

При полномъ отсутствіи критической систематики производствъ представляется не лишнимъ предполагать нашей собственной системѣ критику тѣхъ критеріевъ, тѣхъ principia divisionis, которые преимущественно принимаются въ расчетъ при различеніи отдѣльныхъ видовъ производства.

Прежде всего напрашивается мысль избрать отличительнымъ признакомъ видовъ и формъ производства ту цѣль, ради которой осуществляется данное производство. Такою цѣлью производственного процесса, какъ мы уже видѣли, оказывается изготавленіе предметовъ потребленія. Если мы решимся предпринять дѣленіе производствъ, руководствуясь особенностями преслѣдуемыхъ ими цѣлей, передъ нами встанетъ двоякая возможность: или мы обратимъ наше вниманіе на то, что составляеть внутреннюю сущность изготавляемыхъ въ данномъ производствѣ предметовъ потребленія, будемъ разматривать ихъ, какъ потребительную цѣнность, какъ предметы потребленія *in abstracto*, или же будемъ искать критерія во внешней формѣ ихъ, какъ она проявляется въ пестромъ скопленіи различныхъ предметовъ потребленія — салоговъ, сюртуковъ, книгъ и т. п., — предметы потребленія *in concreto*. Въ первомъ случаѣ цѣль, ради которой изготавляются предметы потребленія, представляется единой, во второмъ мы имѣемъ безконечное число цѣлей соотвѣтственно числу отдѣльныхъ продуктовъ. Но въ обоихъ случаяхъ специфический характеръ цѣли не даетъ еще возможности создать систему видовъ производства: въ первомъ случаѣ потому, что здѣсь цѣли вообще не различимы, чо сливаются все въ одну; во второмъ случаѣ потому, что разграничение единичныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ производствомъ конкретныхъ потребительныхъ благъ, привело бы лишь къ бесплодному перечисленію отдѣльныхъ вѣтвей промышленности.

Къ этому присоединяется еще одно сомнѣніе: если бы даже цѣль и была определена въ каждомъ данномъ случаѣ, она все же ничего не могла бы намъ сказать относительно многихъ существенныхъ признаковъ производства, различие которыхъ на нашъ взглядъ особенно важно. Такъ, наприм., цѣль не включаетъ въ себя момента величины производства, пріемовъ труда и т. п.

По этимъ и другимъ причинамъ выборъ цѣли производства въ качествѣ принципа классификаціи представляется крайне неудачнымъ; скорѣе этотъ

послѣдній дадутъ намъ различные типы производственной структуры, т.-е. специфическія особенности средствъ, примѣняемыхъ въ производствѣ: вѣдь форма производства опредѣляется средствами его!

Большинство прежнихъ систематиковъ производства некритически становилось именно на эту точку зреінія, раздѣляя производство согласно признаку величины или объема. Что такимъ путемъ намѣчается чрезвычайно важный моментъ въ производственной структурѣ — не подлежить ни малѣшему сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе я не думаю, чтобы размѣры производства можно было принять за основу дѣленія, и вотъ почему. Во-первыхъ, чрезвычайно трудно опредѣлить, размѣры какого фактора производства должны имѣть решающее значеніе для классификаціи. Здѣсь передъ изслѣдователемъ открываются различныя возможности. Въ основу дѣленія можно положить и пространственное протяженіе производства, и количество продуктовъ, и величину или число употребляемыхъ машинъ, и, наконецъ, что случается всего чаще, число занятыхъ въ производствѣ лицъ. Смотря по тому, какой изъ этихъ факторовъ мы выберемъ, одно и то же производство можетъ попасть и въ рубрику „крупнаго“, и въ рубрику „среднаго“, и въ рубрику „мелкаго“. Но допустимъ, что достигнуто соглашеніе въ выборѣ момента, опредѣляющаго собою величину производства; пусть такимъ моментомъ оказалось число занятыхъ лицъ: даже въ этомъ случаѣ не были бы устранимы всѣ возраженія противъ выставленного здѣсь критерія. Прежде всего — и это во-вторыхъ — не слѣдуетъ забывать, что величина есть лишь *differentia gradualis*, а не *differentia specifica*: гдѣ должны мы провести границу между мелкимъ, среднимъ и крупнымъ производствомъ? Не тамъ ли, гдѣ ее по традиціи проводить статистика? Но почему какъ разъ отъ 5 до 10 лицъ являются предѣлами определенной формы производства? Почему не отъ 10 до 30? Для того, чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, необходимо провести специфическія различія между классами производства, классифицированного по величинѣ, но такимъ образомъ мы отказались бы отъ критерія только величины. Въ-третьихъ, наконецъ, критерій этотъ страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что даетъ возможность лишь очень неопределенно выразить характерныя особенности данного производства. И прежде всего онъ не предусматриваетъ такого чрезвычайно важнаго признака производственной структуры, какъ методы работы. Эти соображенія заставляютъ меня, не отказываясь совершенно отъ принципа классификаціи производствъ по величинѣ, отвести этому принципу подчиненное мѣсто, рассматривать его какъ *principium subdivisionis*.

Признакомъ, указывающимъ не только различіе производствъ по степени, но и различія специфическія, является, безъ сомнѣнія, методъ или техническая организація труда, примѣняемая въ данномъ производствѣ¹⁾. Положивъ въ основу классификаціи этотъ признакъ, мы придемъ къ построению слѣдующей систематики.

1) Производства, характеризуемыя методами, требующими разложенія труда, и производства, не примѣняющія такихъ методовъ, или короче: раздѣляющія и не раздѣляющія трудъ производства.

1) Объ этомъ я подробно говорилъ въ *Brauns Archiv XIV*, 17 и сл.

2) Производства, соединяющія материалы и
3) Производства, употребляющія и не употреб-
ющія ихъ.
по характеру орудій труда.

4) Машинные производствъ съ ручными и механиче-
дѣленіе въ зависимости отъ того, приводится ли машина
человѣка или природы.

5) Эмпирически и рационально управляемыя производст-
въ дѣленія положень общей характеръ пріемовъ труда.

Но и этотъ способъ классификаціи встрѣчается съ весьма
именно: различеніе на основаніи примѣнлемыхъ въ производствѣ силъ,
труда позволяетъ, правда, легко установить рядъ антитезъ, какъ это въ
изъ приведенного перечисленія; но такимъ путемъ чрезвычайно трудно свѣ-
въ единую систему полученные пары, а въ этомъ-то и состоять какъ ра-
висшая задача классификаціи. Трудность этой послѣдней обусловливается
тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одно изъ установленныхъ нами различий по
своей важности и значенію не представляется преобладающимъ настолько,
чтобы опредѣлить собою главную группировку, которой могли бы быть под-
чинены затѣмъ всѣ остальные пары, какъ второстепенныя дѣленія. Къ этому
формальному возраженію присоединяется еще одно по существу: дѣленіе въ
зависимости отъ методовъ труда, подобно дѣленію, основанному на моментѣ
величины, не предусматриваетъ некоторыхъ важныхъ признаковъ производ-
ственной структуры, и потому при помощи одного этого принципа трудно съ
достаточнou ясностью разграничить различные въ дѣйствительности виды про-
изводствъ. Если моментъ величины ничего не говоритъ намъ о пріемахъ тру-
да, то эти послѣдніе еще менѣе говорять о величинѣ производства.

Методы, основанные на разложеніи труда или соединеніи материаловъ,
такъ же хорошо могутъ примѣняться одиночкой рабочимъ, какъ и тысяче-
головой толпой; разныи образомъ и другое технические пріемы не связаны
принципиально съ опредѣленной величиной производства. Есть, конечно, из-
вѣстные методы, требующіе для своего осуществленія определенныхъ размѣ-
ровъ производства; такъ, напримѣръ, нѣть возможности примѣнять совре-
менную бумажную машину или домну въ рамкахъ мелкаго производства, но
по самому своему принципу машинное или автоматическое производство столь
же осуществимо въ самыхъ мелкихъ, какъ и въ самыхъ крупныхъ производ-
ственныхъ единицахъ. Производство „бѣдной швеи“ или ткача-кустаря является
машиннымъ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, точно такъ же механиче-
ская сила въ наши дни, когда существуютъ двигатели въ $\frac{1}{4}$ лошадиной силы,
одинаково доступна и самому карликому и самому гигантскому производству.
Но, очевидно, мы очень мало подвижемся въ направлениі рациональной систематики,
если соединимъ въ одну группу бѣлошвейку и Круппа, съ одной
стороны, нѣмѣцкаго сапожника и парижскую мануфактуру гобеленовъ — съ
другой, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что первыя производства суть
машинные, вторыя — нѣть ¹⁾.

1) Замѣтимъ мимоходомъ, что результаты настоящаго исслѣдованія представляютъ
интересъ съ точки зрѣнія вопроса, выдвинутаго такъ наз. материалистическимъ понима-

Единственный результатъ, съ неизбѣжностью вытекающей изъ вышеприведенныхъ разсужденій, сводится такимъ образомъ къ признанію, что всякая удачная систематика производства должна принять во вниманіе оба признака, опредѣляющіе собою производственную организацію, должна включить въ свой принципъ классификаціи и величину производства и методы труда. И если мы не желаемъ безъ достаточныхъ оснований провозгласить одинъ изъ этихъ признаковъ главнымъ—*principium divisionis*, другой подчиненнымъ—*principium subdivisionis* (при равнозначности обоихъ признаковъ эта операция неизбѣжно оказалась бы произвольной), намъ остается лишь попытаться объединить оба названные критерія въ нѣкоторомъ высшемъ понятіи и предпринять затѣмъ при помощи послѣдняго дѣленіе на главныя категоріи. Нетрудно убѣдиться, что моментомъ, объединяющимъ въ себѣ оба установленные нами признака производственной организаціи, является способъ сочетанія факторовъ производства.

И объединеніе нѣсколькихъ рабочихъ силъ въ одномъ производствѣ, опредѣляющее размѣры послѣдняго, и примѣненіе въ этомъ производствѣ извѣстныхъ методовъ труда одинаково приводить насъ къ извѣстному способу сочетанія производственныхъ факторовъ. Избирая этотъ послѣдній признакомъ различія отдельныхъ видовъ производства, мы удовлетворяемъ еще одному требованію методологіи: сводимъ классификацію производствъ къ *differentia specifica* этого понятія и такимъ образомъ кладемъ въ ея основу модифікаціи конститутивнаго, существеннаго признака нашего исходнаго понятія. Наконецъ, установленный нами способъ дѣленія находится въ полномъ согласіи съ обычной терминологіей; поскольку намъ удается отчетливо и какъ бы пластически представить себѣ виды производства, выдѣленные на основаніи нашего признака („способъ сочетанія производственныхъ факторовъ“), мы имѣемъ полное основаніе называть ихъ формами производства,—терминъ, который мы и будемъ употреблять въ дальнѣйшемъ изложениіи.

ніемъ исторіи,—вопроса о томъ, какая связь существуетъ между „техникой“, „хозяйственнымъ“ и „общественнымъ строемъ“. Для того, чтобы очертить эту зависимость, не владая въ методологіескія погрѣшности, необходимо, очевидно, установить прежде всего понятія „техники“, „хозяйственного строя“, „соціального строя“. Только послѣ этого открывается возможность точно указать, между чѣмъ именно должна быть обнаружена связь. По вашей терминологіи: А) между методами труда и формами производства, В) между методами труда и формами хозяйства, С) между формами производства и хозяйства. Слѣдуетъ, наконецъ, выяснить, какого рода зависимость имѣется здѣсь въ виду: естественно-необходимая или цѣлесообразная, устанавливаемая людьми, разумно преဆдующими свои цѣли и т. п. Здѣсь не мѣсто подвергать эти вопросы дальнѣйшему изслѣдованию. Но, подводя вкратце итоги вышеприведеннымъ разсужденіямъ, мы можемъ сказать, что между методами труда, называемыми обычно „техникой“, и характеристическими признаками организаціи производства не существуетъ зависимости въ томъ смыслѣ, чтобы определенные методы труда требовали данной истиности производства и, наоборотъ, чтобы данные размѣры производства были совмѣстны лишь съ определенными методами труда. Мы видимъ, напротивъ, что данные технические приемы примѣнимы въ очень широкихъ рамкахъ, и во всякомъ случаѣ фактъ существованія данной техники не приводить еще съ неизбѣжностью къ развитію определенной организаціи производства. Основная задача настоящаго труда состоять въ томъ, чтобы доказать это и вмѣстѣ съ тѣмъ вскрыть тѣ потенціи, непрерывная и необходимая работа которыхъ приводитъ къ тому, что мы привыкли называть соціальною закономѣрностью.

Факторами производства, объединяемыми данной производственной единицей, являются: человеческая рабочая сила и внешняя природа¹⁾. Первую мы можемъ назвать личнымъ, вторую вещественнымъ факторомъ производства. Но „внешняя природа“ — понятие настолько широкое, что необходимо точно указать, что именно разумѣмъ мы подъ этимъ терминомъ въ данномъ случаѣ. Природа участвуетъ въ каждомъ производственномъ процессѣ: 1) какъ условіе труда, 2) какъ предметъ труда, 3) какъ средство труда. Первой своей функцией природа создаетъ вещественные условія производительного труда, условія, безъ которыхъ не было бы возможенъ никакой трудъ; такія условія могутъ быть даны или самою природой, какъ почва, атмосфера, силы, или же должны быть сначала преобразованы человѣкомъ въ пригодную для него форму, какъ рабочія зданія, дороги, каналы.

Предметъ труда есть та вещь, надъ которой совершаются трудъ. Предметъ труда можетъ, въ свою очередь, или находиться готовымъ въ природѣ, какъ руда, каменный уголь или кремень, изъ которого человѣкъ впервые подготовилъ себѣ орудіе, или же — и это въ большинствѣ случаевъ — онъ самъ является продуктомъ труда. Предметъ труда, еще подлежащий обработкѣ, мы называемъ сырьемъ материаломъ. Сырой материалъ можетъ представлять изъ себя предметъ, уже готовый къ непосредственному потребленію; таковы: виноградъ, являющійся сырьемъ материаломъ въ производствѣ вина, уголь, соль, масло и т. п. такъ называемые вспомогательные материалы производства. Съ другой стороны, сырой материалъ можетъ принимать и такую форму, въ которой онъ пригоденъ опять-таки только въ качествѣ сырого материала для дальнѣйшей обработки. Въ послѣднемъ случаѣ онъ называется полуфабрикатомъ, какъ необработанное желѣзо, древесина, хлопчатобумажная пряжа. Наконецъ, средство труда есть вещь или комплексъ вещей, который работникъ помѣщаетъ между собою и предметомъ труда, чтобы воздѣйствовать сообразно съ своими цѣлями на другія вещи. Съ большою точностью мы можемъ привести границу между активными и пассивными средствами труда. Марксъ обозначаетъ первыя, какъ „механическія средства труда, совокупность которыхъ можно назвать костномускульной системой производства“; это — орудія и машины, активно внѣдряющіяся въ перерабатываемую подъ руководствомъ человѣка материю, въ то время какъ вторая категорія средствъ труда играетъ скорѣе пассивную роль въ производствѣ, служа вмѣстилищемъ для веществъ и силъ; таковы котлы, трубы, кадки, ящики, кружки и т. п., — однимъ словомъ, тѣ средства труда, „совокупность которыхъ можетъ быть вообще названа сосудистой системой производства“. Всѣ составные части вещественного фактора производства, взятая вмѣстѣ, можно назвать также средствами производства въ широкомъ смыслѣ слова, отличая отъ нихъ какъ средства производства въ болѣе узкомъ смыслѣ тѣ, которыя уже являются продуктами труда. Въ дальнѣйшемъ вездѣ, гдѣ не будетъ оговорено особо, терминъ „средства производства“ мы станемъ употреблять въ первомъ, болѣе широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ совокупность всѣхъ веще-

1) Дальнѣйшее ср. съ пятой главой 1 тома „Капитала“ К. Маркса: 1. „Процессъ труда“.

ственныхъ факторовъ производства. Такимъ образомъ организація производства сводется у насъ къ снабженію человѣческой рабочей силы пригодными для производственныхъ цѣлей средствами производства.

Всякая организація человѣческаго труда, начиная съ самыхъ первыхъ зачатковъ планомѣрной производительной дѣятельности, поконится на двухъ различныхъ принципахъ: на спеціализаціи и коопераціи. И самая совершенная организація производства не можетъ основываться на чёмъ-либо иномъ, какъ только на этихъ организующихъ принципахъ, правда, въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ.

Подъ спеціализаціей я понимаю такой способъ сочетанія производственныхъ факторовъ, при которомъ одинъ и тотъ же рабочій постоянно выполняетъ однѣ и тѣ же повторяющіеся функции. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою форму организаціи, при которой методъ разложенія труда впервые утилизируется въ полной мѣрѣ. Пока этотъ методъ примѣняется однимъ рабочимъ, его преимущества, состоящія въ повышеніи производительности труда, остаются еще въ скрытомъ состояніи. Лишь съ того момента, когда каждый начинаетъ дѣлать всегда одно и то же, преимущества эти обнаруживаются во всей своей силѣ. Само собою разумѣется однако, что степени спеціализаціи могутъ быть весьма различны. Когда впервые работа кузнеца или горшечника стала постоянно выполняться однимъ и тѣмъ же рабочимъ, это уже было примѣненіемъ принципа спеціализаціи; и если въ современной конфекціонной промышленности работница всю свою жизнь пришиваетъ роговыя пуговицы къ мужскимъ жилетамъ, то здѣсь различіе только въ степени применения этого же самаго принципа. Равнымъ образомъ безразлично, путемъ какого, горизонтального или вертикального, дѣленія первоначально единаго процесса обособляется спеціальная функция, непрерывно выполняемая однимъ и тѣмъ же рабочимъ; слесарское дѣло можетъ отдѣлиться отъ кузнецкаго съ такимъ же правомъ, какъ кожевенное отъ сапожного. Какъ мы видимъ—и это необходимо твердо помнить,—понятіе спеціализаціи включаетъ въ себя не методъ труда, но принципъ его организаціи; поэтому подъ это общее понятіе одинаково подходитъ какъ спеціализація, возникающая между производствами, такъ и спеціализація внутри одного производства. Въ первомъ случаѣ возникаетъ то, что мы называемъ спеціальными производствами, въ области которыхъ опять-таки возможно отмѣтить цѣлый рядъ послѣдовательныхъ степеней, хотя и немыслимо провести между ними строгія границы или установить специфическія различія¹⁾. Кузнецкое мастерство, какъ цѣлое, есть спеціальное производство по сравненію съ включавшимъ его никогда въ себя энциклопедическимъ домашнимъ производствомъ; но это же кузнецкое мастерство спеціализировалось еще болѣе, съ тѣхъ поръ какъ отъ него отдѣлилось слесарное мастерство. Ковка орудій выдѣляется какъ спеціальное производство уже внутри спеціализированаго такимъ образомъ куз-

¹⁾ Пиную задачу преслѣдуемъ мы, конечно, когда принимаемъ извѣстную степень спеціализаціи какъ нечто прочно установленное, и считаемъ „полными производствами“ тѣ, которые достигаютъ ея, „спеціальными“—тѣ, которые ея не достигаютъ. Мы имѣемъ, напримѣръ, полное право такъ поступать, когда стараемся уяснить себѣ процессъ разложенія старого ремесла.

ничного дѣла; изготавление кость является специальнымъ производствомъ по отношению къ производству орудій и т. д.

Для того, чтобы могъ быть осуществленъ принципъ специализаціи вънутри производства, т.-е. для того, чтобы одинъ работникъ могъ постоянно дѣлать одну, другой—другую работу, необходимы, очевидно, определенные предпосылки въ организаціи соответственнаго производства, а именно: многіе рабочіе должны быть соединены въ совмѣстной дѣятельности, или, говоря иначе, долженъ быть осуществленъ второй указанный нами принципъ организаціи труда—кооперація. Послѣдняя въ своей наиболѣе элементарной формѣ состоитъ въ простомъ суммированіи индивидуальныхъ рабочихъ силъ, которая лишь впослѣдствіи соподчиняется другъ другу, образуя опредѣленное органическое цѣлое. Кооперацію въ ея примитивной формѣ мы называемъ простой коопераціей, соединеніе ея со специализацией—коопераціей, основанной на раздѣленіи труда. Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующей схемѣ примѣненія принциповъ организаціи.

1) Робинзонъ самостоительно удовлетворяетъ всѣ свои потребности; онъ можетъ, правда, примѣнять методъ разложенія труда и сочетанія матеріала, но не въ состояніи специализироваться или вступить въ кооперацію.

2) Робинзонъ и Пятница такъ раздѣлили между собою общий трудъ, что одинъ ходитъ на охоту и ловить рыбу, другой занимается домашними работами: простая специализація.

3) Робинзонъ и Пятница объединяютъ свои рабочія силы, чтобы подкапить къ берегу тотъ стволъ, изъ которого они намѣрены изготовить себѣ лодку: простая кооперація.

4) Робинзонъ и Пятница вмѣстѣ отправляются на охоту; Пятница выгоняетъ дичь, Робинзонъ бѣть ее—соединеніе коопераціи и специализаціи—кооперація, основанная на раздѣленіи труда.

Всѣ дальнѣйшія различія въ производственной структурѣ являются или чисто количественными, т.-е. представляютъ слѣдствіе болѣе детальной специализаціи и болѣе обширной коопераціи, или же вытекаютъ изъ различій, присущихъ вещественному фактору производства, т.-е. опредѣляются разнообразiemъ свойствъ и способовъ сочетанія средствъ производства, находящихся въ распоряженіи рабочаго.

Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, значительное разнообразіе производственныхъ формъ вытекаетъ изъ различнаго сочетанія факторовъ производства въ одномъ и томъ же производствѣ. Было бы желательно поэтому избрать какой-либо единый методъ группировки этихъ способовъ сочетанія. Наилучшій принципъ такой группировки даетъ намъ отношеніе единичнаго рабочаго къ совокупному процессу труда и совокупному продукту, т.-е. къ производству въ цѣломъ, рассматриваемому какъ осуществляющееся и какъ осуществленное, какъ движение и какъ покой, какъ дѣятельность и какъ достигнутый результатъ. Такое отношеніе можетъ носить принципиально двоякій характеръ: или работа и ея продуктъ принадлежать данному индивидууму, какъ таковому, представляютъ результатъ его и только его личной дѣятельности и такимъ образомъ сами оказываются индивидуальными и личными; или же работа и ея продуктъ суть общій, неразложимый на индиви-

дуальными составными части результата деятельности многихъ, существуютъ лишь какъ совокупная работа и совокупный продуктъ и, следовательно, являются не личными, а коллективными, не индивидуальными, а общественными. Съ этой точки зрѣнія весь производства распадаются на двѣ группы: первая группа характеризуется такимъ сочетаніемъ производственныхъ факторовъ, при которомъ продуктъ является продуктомъ одного единичнаго рабочаго¹⁾, вторая—такимъ сочетаніемъ производственныхъ факторовъ, при которомъ продуктъ является продуктомъ коллективнаго рабочаго. Первую группу мы назовемъ индивидуальными, вторую—общественными производствами²⁾.

Если мы попытаемся теперь построить систему формъ производства, исходя изъ установленнаго нами критерія, у насъ получится слѣдующая

таблица формъ производства.

Индивид. произв.	Переходные формы производства.	Обществен. произ.
1. Одиночное пр.	4. Расширенное пр.	6. Индивидуальное
2. Семейное пр.	съ помощниками.	7. Мануфактура.
3. Производство съ помощниками.	5. Общественное пр. въ мел. разм.	8. Фабрика. размѣрахъ.
Т. наз. „мелкое пр.“	Т. наз. „сред. пр.“	Т. наз. „крупное производство“.

Въ этой таблицѣ прежде всего бросается въ глаза тройное дѣленіе, обусловленное выѣдреніемъ группы „переходные формы производства“ между двумя главными группами. Само собою разумѣется, я прекрасно понимаю, что такое неопределеннное обозначеніе, которое дано мною третьей категоріи производствъ, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ идеального совершенства и до извѣстной степени уничтожаетъ строгое и методологически безупречное двойное дѣленіе на индивидуальные и общественные производства. Тѣмъ не менѣе я рѣшился внести этотъ терминъ, такъ какъ, на мой взглядъ, онъ скорѣе способенъ принести пользу, чѣмъ вредъ, при объясненіи эмпирическаго материала. Дѣйствительная жизнь создаетъ такое богатство различныхъ производственныхъ формъ, что, не насилая фактъ, нѣть возможности отнести каждую реальну форму производства къ одной изъ двухъ установленныхъ

1) Поскольку извѣстная часть производственного процесса протекаетъ въ предѣлахъ одного производства, напр., процессъ обработки кожи съ момента, когда она поступаетъ на кожевенный заводъ, до момента, когда она покидаетъ его. Давно уже было съ полною убѣдительностью показано, что безъ этого ограниченія индивидуальное производство врѣзли когда-либо существовало, исключая развѣ области наиболѣе примитивнаго самопотребительного хозяйства. При сколько-нибудь развитой хозяйственной жизни даже работа самого изолированнаго производителя является лишь звеномъ необозримой цѣпи другихъ работъ, такъ что элементарнѣйшія изъ всѣхъ потребностей могутъ быть удовлетворены лишь совмѣстно дѣятельностью многихъ. Ср. хотя бы анализъ пастушескаго труда у старика Адама Смита.

2) Дальнѣйшія соображенія, заставляющія признать моментъ обобществленности производства наиболѣе правильнымъ критеріемъ производственной систематики, читатель найдетъ въ цитированн. выше моей работѣ, стр. 338 и сл.; русскій пер.: „Организація труда и трудящихся“, стр. 150—155.

нами противоположныхъ категорій. Теоретически это, конечно, всегда осуществляется, но практический интересъ науки требуетъ большей широты термиологии. Впрочемъ, если всего сказанного еще недостаточно для оправданія нашего тройного дѣленія, я укажу на тотъ фактъ, что введеніе подобного рода промежуточной группы между двумя главными представляеть операцио, въ которой въ случаяхъ аналогичныхъ нашему сплошь да рядомъ приходится имѣть дѣло логику. „Трихотовія обыкновенно тамъ находить себѣ примѣненіе, гдѣ имѣется самостоятельное, внутренними причинами вызванное развитіе, такъ какъ это послѣднее осуществляется по большей части въ формѣ двучленной противоположности, объединяемой при посредствѣ третьаго члена“ ¹⁾). Подраздѣление отдельныхъ группъ нашей таблицы было продиктовано какъ разъ стремлениемъ выразить въ нашей систематикѣ развитіе отъ наиболѣе примитивныхъ формъ индивидуального производства до самой высшей формы общественного производства. Мы имѣемъ здѣсь цѣль послѣдовательныхъ ступеней развитія производственныхъ формъ ²⁾), при чемъ этотъ послѣдовательный процессъ разбить на рядъ типовъ, доступныхъ анализу каждый въ отдельности. Для большей наглядности мы повторляемъ здѣсь рядъ типовъ, не разрывая его болѣе на отдельные группы и перемѣнивъ мѣста №№ 5 и 6 (смысль этой перестановки ясенъ изъ послѣдняго примѣненія):

- 1) Одиночное производство.
- 2) Семейное производство.
- 3) Производство съ помощниками.
- 4) Расширенное производство съ помощниками.
- 5) Индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ.
- 6) Общественное производство въ мелкихъ размѣрахъ.
- 7) Мануфактура.
- 8) Фабрика.

1) Одиночное производство.

Эта форма является, конечно, наиболѣе чистымъ выраженіемъ индивидуальной организаціи производства, хотя отнюдь не представляетъ собою

1) Überweg-Jürgen von Meyer, System der Logik, 1882, стр. 181.

2) Съ тѣмъ ограниченіемъ, что въ нашей таблицѣ № 6 помещенъ за № 5, хотя онъ представляетъ собою болѣе низкую ступень развитія. Это сдѣлано потому, что № 6 по традиціи соединяется съ № 7 и 8 въ одну рубрику „крупнаго производства“. Что „порядокъ ступеней развитія“ не слѣдуетъ понимать здѣсь въ смыслѣ эмпирико-исторической послѣдовательности, само по себѣ ясно для всякаго свѣдущаго человѣка. Въ наши дни Бюхеръ вполнѣ справедливо указалъ на то, что общественные производства, правда преимущественно въ формѣ простой кооперации, играли въ эпоху неразвитой техники, напр., у древнихъ египтянъ и некоторыхъ докультурныхъ народовъ, сравнительно болѣе важную роль, нежели впослѣдствіи. См. Büchel, Arbeit und Rhythmus. 2 Aufl. 1899 S. 370 и сл. [Есть русск. перев.: „Работа и ритмъ“, изд. О. Поповой]. О кооперациѣ въ древнемъ Египтѣ см. также: Egypt und ägyptisches Leben 2. (1885), 592 и сл., 629 и сл. Разсказывая о перемѣщеніи одного колосса, авторъ замѣчаетъ: „они стали сильны, каждый чувствовалъ въ себѣ силы тысячу“. (634). Очень поучительны также свѣдѣнія, сообщаемыя Дж. Гардинеромъ Вилькинсономъ: The Manners and Customs of the ancient egyptians 2 (1878), 136 и сл.

наиболѣе распространенного ея вида. Отдѣльный рабочій заносятъ своею дѣятельностью всѣ фазы производственнаго процесса, развиваемый имъ при этомъ трудъ есть его собственный, личный трудъ. Весь аппаратъ средствъ производства построенъ въ самомъ маленькомъ масштабѣ съ цѣлью приспособить къ сферѣ дѣятельности единичнаго рабочаго рабочее помѣщеніе, сырой матеріалъ, средства труда. Работникъ при этой организаціи можетъ въ любыхъ размѣрахъ примѣнять методы разложения труда и сочетанія матеріала; его трудъ въ цѣломъ можетъ достигать и дѣйствительно достигаетъ самыхъ различныхъ степеней специализаціи, начиная съ разностороннаго производства ремесленника старого типа и кончая производствомъ современного кустаря, обнаруживающимъ высокую специализацію. Самая техника труда принимаетъ въ соответствіи съ этимъ въ высшей степени различный характеръ. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою огромное разнообразіе самыхъ различныхъ пріемовъ труда; такъ, напримѣръ, представитель художественнаго ремесла подвергаетъ одинъ и тотъ же предметъ цѣлому ряду послѣдовательныхъ превращеній формъ. Въ другомъ случаѣ работа характеризуется большою монотонностью,—работникъ выполняетъ лишь маленькую часть производственнаго процесса, который и весь-то въ цѣломъ представляетъ лишь сравнительно очень простую техническую операцию. Къ этому надо прибавить еще слѣдующее: лишь тамъ, где работа одиночки-рабочаго—и это касается всѣхъ формъ индивидуального производства — обнаруживается извѣстное богатство пріемовъ, лишь тамъ она соотвѣтствуетъ идеѣ данной формы производства. Такъ какъ сущность этой формы производства состоять въ томъ, чтобы доставить необходимый просторъ личной дѣятельности человѣка, то естественно наиболѣе полнаго развитія она достигаетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда индивидуальность дѣйствительно можетъ исчерпать себя. Но человѣческая природа требуетъ не однороднаго, а многостороннаго труда. Индивидуальность калѣчится и уродуется, если человѣкъ вынужденъ постоянно совершать одни и тѣ же монотонныя трудовые операции. То, что въ общественномъ производствѣ объединяется въ высшее единство, где исчезаютъ противорѣчія частично-односторонней работы индивидуума, въ чрезмѣрно специализированномъ индивидуальномъ производствѣ выступаетъ какъ уродливое уклоненіе отъ естественного хода развитія: процессъ обобществленія какъ бы останавливается на полпути. Или въ гегеліанскихъ терминахъ: индивидуальный трудъ достигъ своего антитезиса въ специальному трудѣ, отрицающемъ, устраниющемъ индивидуальность; остается еще отрицаніе отрицанія, синтезъ въ высшее единство, воплощаемое въ нашемъ случаѣ колективнымъ работникомъ общественнаго производства.

Мимоходомъ отмѣтимъ, что одиночное производство можетъ быть и машиннымъ, и ручнымъ—это не имѣть большого значенія. Извѣстные случаи машинального одиночного производства представляютъ упомянутые уже выше производства ткача-ремесленника и швеи — стереотипное явленіе въ различныхъ системахъ производства.

Одиночное производство, какъ уже было указано, отнюдь не является единственной или даже важнейшей формой индивидуального производства. Очень часто оно расширяется въ —

2) семейное производство.

Собственной сферой этой формы производства является сельское хозяйство. Здесь она играет рѣшающую роль и опредѣляетъ собою своеобразность сельскохозяйственного производства: отдельная, мелкая семья составляетъ основу производства у мелкаго крестьянства, большая семья—основу производства у крупнаго крестьянства. Причина, почему въ сферѣ сельского хозяйства семейное производство играетъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ хозяйства, состоитъ въ томъ, что здѣсь производительное и потребительное хозяйства по своему объему и содержанию гораздо тѣснѣе связаны между собою, чѣмъ гдѣ бы то ни было; область женскаго труда—потребительное хозяйство—не отдѣляется здѣсь такъ полно отъ области мужскаго труда—производительного хозяйства, какъ, напримѣръ, въ ремесленномъ производствѣ. Въ послѣднемъ случаѣ привлеченіе членовъ семьи къ работѣ главы семьи всегда является до извѣстной степени искусственнымъ.

Наиболѣе извѣстнымъ и важнымъ примѣромъ промышленнаго семейнаго производства (во всякихъ домашнѣхъ производствахъ для собственнаго потребленія семейное производство составляетъ, конечно, общее правило) въ современной дѣйствительности являются сельскіе кустарные промыслы, уцѣльвшіе кое-гдѣ въ Западной Европѣ и находящіеся въполномъ расцвѣтѣ въ Восточной Европѣ. Такіе кустарные промыслы развиваются обыкновенно въ органической связи съ крестьянскимъ хозяйствомъ; таково прежде всего ткацкое дѣло¹⁾), гдѣ мужъ ткетъ, жена рѣжетъ, дѣти разматываютъ шпули; отчасти сюда же относится ткачество и вышиванье въ Саксоніи, Форарльбергѣ и Швейцаріи²⁾; далѣе игрушечные промыслы въ Тюрингенѣ³⁾, саксонское производство инструментовъ⁴⁾.

Характеристикою особенностью семейнаго производства является физиологическое раздѣленіе труда, при чѣмъ на ряду съ полноцѣннымъ главнымъ работникомъ находить себѣ примѣненіе не вполнѣ созрѣвшія рабочія силы, которымъ поручаются болѣе легкія частичныя операциі, выдѣленныя изъ совокупнаго трудового процесса⁵⁾. Такая группировка подручныхъ рабочихъ вокругъ главнаго заставляетъ признать семейное производство индивидуаль-

1) Для Нижнаго Рейна см. A. Thiel, цит. соч. т. I; для Саксоніи L. Wein, Die Industrie des sächs. Voigtländes, т. II. 1884; для Силезіи A. Glücksmann, Die Weberei im Eulengebirge.

2) Среди богатой литературы объ этомъ см. G. A. Laurent, Die Stickereiindustrie der Ostschweiz und des Vorarlbergs. Bas. Diss. 1891.

3) Op. Em. Saax, Die Häusindustrie in Thüringen. 1884—85.

4) L. Wein, Die Industrie des sächsischen Voigtländes. B. I. 1884.

5) „Домашняя (кустарная) промышленность въ ея примитивной формѣ существуетънымъ образомъ покоятся на работѣ членовъ семьи—мужѣ, женѣ, стариковъ, пріемышей и дѣтей. Чѣмъ легче поддаются охватываемыя этою промышленностью операциі раціональному распределенію между всѣми членами семьи, тѣмъ прибыльнѣе становится промыселъ... Работы распределены между различными членами семей сообразно ихъ важности и сообразно возрасту и искусству работниковъ“. W. Weschniakoff, Notice sur l'état actuel de l'industrie domestique en Russie. 1873, стр. 12—13.

нымъ, хотя оно и представляет въ то же время зачаточную форму общественного производства: оно какъ бы усиливаетъ отдельные органы главного работника, индивидуальнымъ продуктомъ котораго и являются въ сущности произведенія семейнаго труда. Семейное производство еще не есть соединеніе частичныхъ рабочихъ въ одного совокупнаго общественнаго рабочаго, это лишь поддержка единичнаго рабочаго нѣсколькими помощниками. Этотъ признакъ, кромѣ семейнаго производства, характеризуетъ лишь третью изъ установленныхъ нами формъ производства, а именно—

3) производство съ помощниками.

Производство съ помощниками отличается тѣмъ не менѣе очень отчетливо отъ предыдущаго типа, а именно характеромъ тѣхъ вспомогательныхъ лицъ, которыхъ береть себѣ въ качествѣ подручныхъ дѣйствительный носитель трудового процесса; въ качественномъ и количественномъ отношеніи это вполнѣ развитыя, полноцѣнныя рабочія силы, которая или способствуютъ труду руководителя, принимая на себя важная вспомогательныя операциі, или на ряду съ нимъ выполняютъ ту же самую работу. Въ первомъ случаѣ можно было бы, пожалуй, говорить о результатахъ общей работы; но этому препятствуєтъ то обстоятельство, что масштабъ коллективнаго рабочаго здѣсь до такой степени малъ, что этотъ рабочій скорѣе приближается къ индивидуальному рабочему; съ другой стороны, здѣсь невозможно съ достаточнou опредѣленностью выдѣлить трудъ руководителя, какъ таковой, и противопоставить его, какъ главный трудъ, труду второстепенному, противопоставить такъ, какъ это дѣлаемъ мы въ своемъ анализѣ. Школьнымъ примѣромъ этого типа—собственно производства съ помощниками—является производство кузнеца. Въ большинствѣ случаевъ у послѣдняго имѣется одинъ подмастеръ-молотобоецъ и одинъ ученикъ, который раздуваетъ мѣхи; все трое они какъ бы срослись въ нераздѣльное цѣло. Однако мы свыклись съ тѣмъ, что мастеру Генриху въ его кузничной работѣ помогаютъ три карлика¹⁾. Онъ остается творцомъ, карлики — его помощники! Второй случай тотъ, когда помощники выполняютъ ту же работу, какая лежитъ и на руководителѣ производства. Здѣсь вообще нѣть коллективной работы, а только извѣстное количество индивидуальныхъ, отдельныхъ работъ, выполняемыхъ лицами, соединенными въ одномъ производствѣ. Вся совокупность работъ въ такомъ производствѣ распредѣляется по благоусмотрѣнию руководителя производства между нимъ и его помощниками, при чёмъ онъ сообразуется съ работоспособностью каждого лица. Иногда — но это не составляетъ общаго правила — работы распредѣляются такимъ способомъ, что каждая изъ послѣдовательныхъ ступеней рабочаго процесса, какъ цѣлаго, поручается выполненію различныхъ рабочихъ. Именно такой-то формѣ производства съ помощниками и принадлежитъ государство въ главныхъ отрасляхъ старого ремесла. Такимъ образомъ были организованы портняжное, скорняжное, башмачное, столярное, жестянное, переплетное дѣло и т. д., пока они держались старыхъ традицій. Умѣренно специализированная и потому довольно разносторонняя дѣятельность, всецѣло-

¹⁾ Зомбартъ намекаетъ на образы изъ „Потонувшаго колокола“ Гауптмана.

поглощающая среднюю индивидуальность, стоящую не на очень высокой степени развития, и которая выполняется скорѣе коллегиально, чѣмъ коллективно, съ простыми орудіями и вообще съ незначительными по размѣрамъ средствами производства и, само собой разумѣется, носить чисто эмпирический характеръ: таковы характерные черты той формы производства, которая, какъ мы еще покажемъ съ большою обстоятельностью, была господствующей въ ремеслѣ.

Чисто количественно отличаются отъ уже рассмотрѣнныхъ формъ производства тѣ формы, которые мы объединили подъ названіемъ „переходныя производства“. Хотя производство ведется здѣсь въ широкихъ размѣрахъ, но зато въ немъ отсутствуетъ моментъ коллективности; или же, напротивъ, оно ведется коллективно, общественно, но зато въ малыхъ размѣрахъ.

4) Расширенное производство съ помощниками.

Оно возникаетъ благодаря простому увеличенію рабочихъ силъ, которыхъ въ производствѣ съ помощниками дѣйствуютъ группами или поодинокѣ. Кузничная мастерская болѣе чѣмъ съ однимъ горномъ, столярная мастерская съ нѣсколькими верстаками, слесарная съ многими тисками, токарная съ различными токарными станками, пекарня съ нѣсколькими печами и т. п., — все это такія расширенныя производства съ помощниками. Рабочій процессъ въ нихъ принципіально остается тотъ же самый, какъ въ одиночномъ производствѣ или производствѣ съ помощниками; размѣры примѣненія средствъ производства тоже едва ли претерпѣли измѣненіе. Тѣмъ не менѣе оно представляетъ существенное отличіе отъ рассмотрѣнныхъ выше формъ производства: поскольку оно выходитъ за предѣлы индивидуально-личной дѣятельности, оно прокладываетъ дорогу производственной структурѣ, построенной на новыхъ принципахъ. Въ „мелкомъ производствѣ“, — такое общее название можно бы дать тремъ формамъ производства, рассмотрѣннымъ раньше, — вся работа по существу группируется около одного центра, каковымъ служить руководитель производства съ его работой, имѣющей характеръ главной работы; и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда руководитель уже не есть одиночный рабочій въ собственномъ смыслѣ этого слова, онъ все же является центромъ. Этотъ въ высшей степени личный, концентрический строй производства впервые оставленъ въ расширенномъ производствѣ съ помощниками. Благодаря увеличенію количества помощниковъ обнаруживается стремленіе перенести центръ тяжести съ средоточія, съ личности главнаго рабочаго, на личности разныхъ помощниковъ. Единство духа, господствовавшаго въ производствѣ, до извѣстной степени утрачивается; тѣмъ не менѣе сознательность и опредѣленность въ руководительствѣ производствомъ, можетъ быть, возрастаютъ: съ этого момента глава производства посвящаетъ часть своей дѣятельности контролю за своими помощниками. Но этотъ контроль никогда не въ состояніи замѣнить того интимнаго, непреднамѣренного влиянія, которое въ мелкомъ производствѣ съ немногими помощниками или даже всего съ однимъ помощникомъ оказывается на нихъ главный рабочій, выдвигающейся благодаря своему искусству и своей подготовкѣ. Къ этому присоединяется еще то обстоя-

тельство, что собственно отвѣтственная дѣятельность, способъ выполненія которой въ сущности только и сообщасть производству его особый характеръ, въ мелкомъ производствѣ всегда лежитъ на самомъ главѣ производства. Благодаря отчасти именно этой причинѣ все исходящее изъ мелкаго производства приобрѣтаетъ личную окраску, окраску отъ личности главы производства. Напротивъ, какъ мы уже видѣли, въ расширенномъ производствѣ съ помощниками часть времени у главнаго рабочаго поглощается простымъ контролемъ и руководствомъ. Поэтому онъ, взятый отдельно, уже не можетъ представлять все производство и совершающее въ послѣднемъ съ такой полнотой, какъ раньше. Мы еще разъ рѣшительно отмѣтимъ тотъ фактъ, что расширенное производство съ помощниками въ особенности трудно ограничивается отъ родственныхъ ему, особенно отъ низшихъ типовъ. Въ процессѣ развитія по направленію къ высшимъ формамъ производства на его долю выпадаетъ главнымъ образомъ такая задача, какъ разрушеніе принципа индивидуально-личного строя производства. Расширенное производство съ помощниками, хотя оно еще не восприняло въ себя элементы для положительного новообразованія, все же содержитъ въ себѣ элементы, отрицающіе индивидуально-личный строй производства.

Если число лицъ, занятыхъ въ производствѣ, еще увеличивается, но форма производства по принципу остается неизмѣнной, то возникаетъ

5) индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ.

Оно рѣзко ограничивается отъ всѣхъ остальныхъ формъ производства: отъ общественного производства — отрицательнымъ моментомъ, именно тѣмъ обстоятельствомъ, что индивидуальный трудъ здѣсь еще не претерпѣлъ никакихъ измѣнений; отъ расширенного производства съ помощниками — тѣмъ, что приобрѣло достаточно крупные размѣры для того, чтобы одно лицо могло всецѣло отдаться дѣлу руководства.

Въ своей чистой формѣ индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ едва ли мыслимо и во всякомъ случаѣ неестественнѣ, какъ обособленное производство въ какомъ-либо предпрѣтпіи. Къ нему приближается, напр., ткацкое производство, если оно соединяетъ подъ одной крышей сравнительно большое число ремесленниковъ. Однако даже въ случаяхъ подобнаго рода отдельными части производственного процесса, какъ размотка шпуль и стрижка сукна и въ особенности аппретура, почти всегда выступаютъ уже съ характеромъ общественного производства. Тѣмъ не менѣе все же можно представить себѣ производство, соединяющее подъ единымъ руководствомъ, въ одномъ помѣщеніи многихъ рабочихъ, въ процессѣ труда которыхъ, сохранившемъ индивидуальный характеръ, общественно потребляются только зданія, освѣщеніе и отопление. Потребленіе послѣднихъ, конечно, всегда общественное. Если же мы, несмотря на то, выдѣлили особую категорію производствъ какъ „индивидуальная производство въ крупныхъ размѣрахъ“, то поступили такъ потому, что при извѣстныхъ условіяхъ они могутъ приобрѣтать большое значеніе въ промышленной жизни: именно въ тѣхъ случаяхъ, когда одно и то же производство можетъ распространяться на многія мѣста производ-

ства, или, другими словами, когда передъ нами, какъ можно бы выразить-
ся, производства, разсѣянныя въ пространствѣ, или летучія производства¹⁾.

Современное малярное дѣло въ большихъ городахъ представляетъ при-
мѣръ такого летучаго индивидуальнаго производства въ круп-
ныхъ размѣрахъ. Здѣсь сотни маляровъ-подмастерьевъ. Изъ дня въ день
назначается работа для нихъ и мѣсто работы; въ опредѣленные сроки они
должны выполнять точно опредѣленныя работы и все время подчиняются
непрерывному контролю „мастера“ или, если производство достигло очень
крупныхъ размѣровъ, контролю особыхъ надемотриковъ. Но дальше этого
объединеніе различныхъ работъ не идетъ: они выполняются тѣмъ же ору-
діями, и техника остается та же, какъ и въ карликовомъ производствѣ, у
котораго не много мѣстъ труда, а только одно. Тотъ фактъ, что въ круп-
ныхъ производствахъ выполнение отдѣльныхъ работъ поручается опредѣлен-
нымъ специальныхъ рабочимъ, не вноситъ никакихъ измѣненій: выполнение
ихъ все же сохраняетъ совершенно индивидуальный характеръ.—Многія изъ
такъ называемыхъ „Anbringungsgewerben“²⁾ въ строительномъ дѣлѣ тоже
могутъ быть организованы въ крупныхъ размѣрахъ—и все же оставаться инди-
видуальными производствами. И вообще, лишь принимая во вниманіе все
конкретныя обстоятельства, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно рѣ-
шить: имѣемъ ли мы дѣло съ индивидуальнымъ производствомъ въ крупныхъ
размѣрахъ или же съ крупнымъ общественнымъ производствомъ³⁾. То же
надо сказать и о вопросѣ: имѣемъ ли мы дѣло съ единымъ производствомъ
или же всего лишь съ единствомъ руководительства производственными про-
цессами, совершающимися въ предѣлахъ одного предприятия, при чёмъ въ
послѣднемъ случаѣ можетъ отсутствовать дѣйствительно единый строй произ-
водства⁴⁾.

Можно не страдать склонностью къ хитросплетеніямъ и все же при-
давать, какъ это сдѣлали мы, самостоятельное значеніе этой своеобразной
формѣ производства, которую обыкновенно сваливаютъ въ одну кучу съ
остальными такъ называемыми „крупными производствами“. Особо выдѣляя ее,

1) Введеніе О. Шварцемъ (*Die Betriebsformen der modernen Grossindustrie etc., v. Zeitschrift fü die gesam. Staatswss. XXV, 1869 r.*, стр. 542 и сл., 616 и сл.) и потому
принятое Бюхеромъ и другими название: „централизованное“ и „децентрализованное“
крупное производство не только некрасиво, но и неправильно: „централизовано“ всякое
производство, иначе оно не представляло бы одного производства. И действительно,
указанные авторы подъ „децентрализованнымъ“ производствомъ подразумѣваютъ домашнюю
[кустарную] промышленность, которая однако характеризуется тѣмъ, что она состоитъ не
изъ крупныхъ, а изъ мелкихъ производствъ. Я преднаѣренно избѣгая названія „крупное
производство“ для той формы производства, о которой идетъ рѣчь подъ № 5).

2) [Примеры: установка печей, присоединеніе домовъ къ водопроводамъ и канализа-
ціи и т. д., при чёмъ рабочие, какъ въ малярномъ дѣлѣ, посылаются изъ одного центра и
стоятъ подъ общимъ руководительствомъ и контролемъ. Дальнѣйшіе примѣры см. въ пред-
послѣдніхъ отдѣлахъ этого тома].

3) Малярное дѣло, наприм., начинаетъ принимать несомнѣнно общественный харак-
теръ съ того момента, когда (какъ часто случается въ настоящее время) одна и та же
малярная работа совершается различными специальными работами, выполняющими одинъ
послѣ другого различные ея элементы.

4) Сравн. сказанное выше о критеріяхъ единаго строя производства, глава II.

мы только даемъ теоретически правильное выражение одному различию, имеющему чрезвычайно высокое практическое значение. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: что отличаетъ всякое индивидуальное производство, какъ бы круто оно ни было, отъ всякаго общественного производства, какъ бы ни были мелки размѣры послѣдняго? Очевидно, прежде всего то обстоятельство, что въ первомъ неѣтъ места ни для сколько-нибудь высокой организаціи труда, ни для сколько-нибудь совершенныхъ прѣемовъ труда, связанныхъ съ общественнымъ пользованіемъ средствами производства. О специализаціи въ выполненіи работы мы можемъ не говорить: мы уже видѣли, что она достигна вообщѣ при единой организаціи производственныхъ процессовъ, и потому единство производственной единицы не составляетъ необходимаго условія для нея¹⁾; мы только отмѣтимъ, что трудовой процессъ въ крупномъ индивидуальномъ производствѣ по своей формѣ не выше и не богаче внутренними силами, чѣмъ въ мелкомъ. Даѣте, всякому индивидуальному производству, какъ „крупному“, такъ и „среднему“, общая слѣдующая черта, отличающая ихъ отъ всякаго общественнаго производства: индивидуальное производство представляетъ не органическое цѣлое, а всегда только агрегатъ, и потому всегда можетъ быть по произволу увеличено и уменьшено. Въ майярномъ дѣлѣ — мы оставляемъ нашъ прежній примѣръ — сегодня можетъ быть занято 30 помощниковъ, завтра 300, послѣ завтра 200, а потомъ 20, и это не потребуетъ никакого преобразованія производства. Индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ можно разрѣзать какъ какую-то колбасу; на-противъ, всякое общественное производство, какъ бы мало оно ни было, характеризуется именно тѣмъ, что его можно расширить или сократить всегда лишь въ совершенно определенной количественной пропорціи. Насколько важенъ этотъ моментъ, мы сейчасъ увидимъ, когда ближе познакомимся съ общественными производствами. Изъ ихъ числа передъ нами выступаетъ прежде всего та форма производства, которую мы назовемъ

6) общественное производство въ мелкихъ размѣрахъ.

Тотъ, кто различаетъ формы производства исключительно по величинѣ, въ особенности по числу лицъ, занятыхъ въ томъ или другомъ производствѣ, былъ бы не въ состояніи отграничить эту форму производства отъ расширенного производства съ помощниками (№ 4). У обоихъ такой общий признался, какъ „средняя величина“, т.-е. они, по принятіемъ статистикой категоріямъ, принадлежать къ числу производствъ съ 6—10 и съ 11—20 рабочими, слѣдовательно, оба они — „средня производства“. И, однако, былъ бы плохъ тотъ систематикъ, который старозавѣтное портновское расширенное производство съ помощниками, дающее работу, напримѣръ, 15 помощникамъ, отнесъ бы, какъ не отличающееся по существу, къ одной категоріи съ производствомъ въ конфекціонной мастерской посредника, наимающаго

1) Для поясненія мысли автора напомнимъ, что трудъ кустарей можетъ достигать высокой степени специализаціи, хотя производства ихъ не составляютъ одного производства. Скупщикъ здесь просто объединяетъ производственные процессы].

точно такое же количество вспомогательныхъ силъ. Въ первомъ случаѣ — и это характерная его особенность — процессъ труда едва ли претерпѣлъ какія-либо измѣненія по сравненію съ процессомъ труда въ мелкой мастерской, въ которой работали мастеръ и подмастерья. Напротивъ, во второмъ случаѣ процессъ труда покончился на совершенно новомъ базисѣ. Промышленный процессъ какъ цѣлое распался здѣсь на свои составные элементы, и представителемъ каждого элемента является особая рабочая сила. Объединяющимъ моментомъ для нихъ служить уже не творческая индивидуальность отдельной личности, а только организмъ колективного рабочаго. Дифференціація и интеграція въ новую форму — существенный признакъ общественного производства — вообще совершаются, съ одной стороны, благодаря разложенію производственного процесса, какъ цѣлаго, и распределенію отдельныхъ операций между различными рабочими, а съ другой — благодаря общему использованію средствъ производства. Въ той формѣ производства, о которой у насъ идетъ рѣчь, дифференціація и интеграція проявляются хотя и въ маломъ масштабѣ, но все же уже проявляются. Такъ, — мы удерживаемъ школьній примѣръ домашне-промышленной портновской мастерской, — въ домашне-промышленномъ конфекціонномъ производствѣ мы встрѣчаемъ закройщика, который кроитъ для всѣхъ рабочихъ съ помощью машины или безъ машины; встрѣчаемъ далѣе гладильщика, который ручнымъ или машиннымъ способомъ разглаживаетъ всѣ готовыя штуки платья. Въ промежуткѣ между этими двумя работами совершается процессъ изгото-вленія отдельныхъ предметовъ одежды, при чёмъ здѣсь находить себѣ мѣсто какъ горизонтальное, такъ и вертикальное разложеніе работы, какъ цѣлаго: мы видимъ рабочихъ-специалистовъ по сюртукамъ, брюкамъ, жилетамъ, а внутри этихъ категорій — рабочихъ, пришивавшихъ застежки, пуговицы, обшивавшихъ петли для пуговицъ, сшивающихъ и т. д. Если бы Адамъ Смитъ писалъ свою первую главу о „раздѣленіи труда“ въ настоящее время, онъ, вѣроятно, избралъ бы иллюстраціей именно такую мастерскую посредника-конфекціонера, и на этомъ примѣрѣ выяснилъ бы мануфактурную организацію производства, основанную на раздѣленіи труда. Его примѣръ булавочной мануфактуры вполнѣ аналогиченъ съ нашимъ. Подъ видомъ своей мануфактуры онъ описываетъ не что иное, какъ типъ общественного производства „въ мелкихъ размѣрахъ“. Свое извѣстное ошибочное вычисление — будто раздѣленіе труда повышаетъ его производительность въ 4.800 разъ — онъ дѣлаетъ для булавочной мануфактуры, на которой занято всего лишь 10 рабочихъ. Но Адамъ Смитъ не зналъ одного, что мы теперь наблюдаемъ на каждомъ шагу: организація производства, основанная на раздѣленіи труда, не составляетъ необходимаго условія для обобществленія трудового процесса: послѣднее можетъ основываться, напримѣръ, и на совмѣстномъ пользованіи средствами производства. Это же достижимо, въ свою очредь, и при производствѣ въ маломъ масштабѣ. Я напомню мелкія сапожныя фабрики, мелкія кожевенные фабрики, мелкія химическія фабрики, которыхъ глубоко отличаются отъ крупныхъ башмачныхъ производствъ, отъ крупныхъ кожевенныхъ производствъ и т. д., хотя число рабочихъ въ первыхъ одинаковое со вторыми.

Но что выдѣляетъ всю эту категорію уже общественныхъ производствъ въ особую группу производствъ „въ малыхъ размѣрахъ“, таѣтъ это то же самое обстоятельство, которое уже послужило памъ разграничительнымъ признакомъ для индивидуальныхъ производствъ въ малыхъ размѣрахъ, съ одной стороны, и въ крупныхъ размѣрахъ — съ другой: именно то обстоятельство, что въ этихъ производствахъ „средней величины“ функции руководительства, вообще говоря, еще не достигли полной самостоятельности, не сосредоточиваются въ рукахъ лица, занятаго выполнениемъ исключительно этихъ функций. Если же это уже совершилось, и если производство сохраняетъ въ то же время свой общественный характеръ — тогда общественное производство впервые выступаетъ передъ нами въ своей совершенной формѣ, свободное отъ какихъ бы то ни было границъ для роста его отдельныхъ органическихъ элементовъ.

Такое общественное крупное производство является въ двухъ формахъ. Первую изъ нихъ мы называемъ

7) мануфактура.

Подъ мануфактурой я разумѣю такое общественное крупное производство, въ которомъ существенные части производственного процесса выполняются ручнымъ способомъ¹⁾.

Слѣдовательно, къ существеннымъ признакамъ мануфактуры относятся также:

1) Моментъ величины. Въ обычномъ словоупотреблении, разумѣется, нѣть никакихъ препятствий тому, чтобы общественныя производства въ мелкихъ размѣрахъ также подраздѣлять на мануфактуры и фабрики. Но исходя изъ исторіи словоупотребленія, мы сохранимъ название мануфактура лишь за крупными производствами, т.-е. за такими, въ которыхъ функция руководительства уже специализировалась.

2) Моментъ общественнаго характера производства. Этимъ мы отграживаемъ мануфактуру отъ индивидуального производства въ крупныхъ размѣрахъ.

3) Моментъ выполненія операций ручнымъ способомъ, по крайней мѣрѣ въ важныхъ частяхъ производственного процесса. Этимъ мы отличаемъ мануфактуру отъ фабрики.

Конечно и съ этой формой производства у насъ могутъ возникать въ отдельныхъ случаяхъ сомнѣнія, куда ее слѣдуетъ отнести. Но въ принципіи разграничительные признаки ясны, а въ большинствѣ случаевъ и на практикѣ

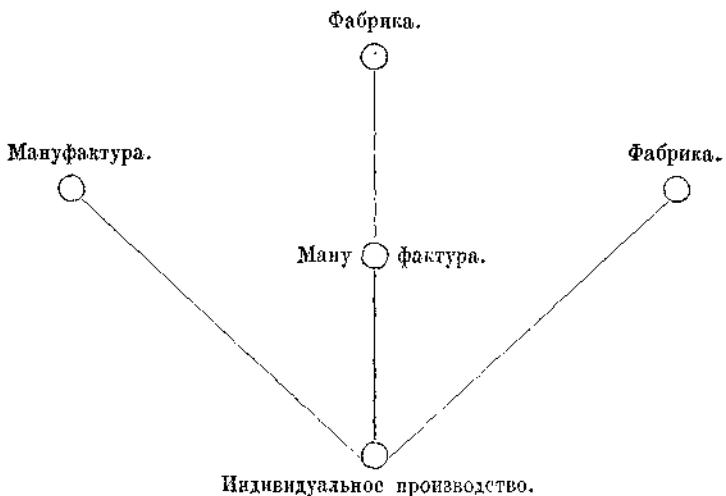
1) Я полагаю, что необходимо удержать название „мануфактура“, таѣтъ какъ въ нашей науکѣ оно до извѣстной степени пріобрѣло право гражданства, и притомъ въ большинствѣ случаевъ употребляется въ такомъ смыслѣ, какъ въ текстѣ. Обзоръ судебъ, который пережило название „мануфактура“ въ различные времена и у разныхъ народовъ, читатель найдетъ въ моей статьѣ „Die gewerbliche Arbeit“, стр. 353—358.

легко установить принадлежность известного производства къ категории мануфактуръ.

Послѣ отдельовъ въ работахъ Маркса, которые трактуютъ о мануфактурѣ, на этотъ видъ производства обыкновенно смотрятъ, какъ на переходную форму, представляющую ступень въ незавершившемся развитіи по направлению отъ индивидуального производства къ полному обобществленію въ фабрикѣ. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о „мануфактурномъ періодѣ“, будто бы пережитомъ индустріей въ періодъ приблизительно отъ 1650 по 1750 годы, когда уже существовали крупныя общественные производства, но рабочія машины не находили значительного употребленія, а парь и совсѣмъ не примѣнялся. Еще и теперь мы на каждомъ шагу могли бы замѣтить, что известныя отрасли промышленности находятся действительно на такой стадіи неполного развитія, и, съ другой стороны, мы могли бы наблюдать, какъ въ другихъ отрасляхъ промышленности совершается переходъ отъ мануфактурной къ фабричной организаціи. Все это несомнѣнно вѣрия наблюденія: вѣрно, что цѣлый періодъ исторіи носилъ преимущественно мануфактурный характеръ, вѣрно также, что еще и въ настоящее время постоянно совершаются превращенія мануфактуръ въ фабрики. Примѣры первого рода можетъ дать исторія такихъ важныхъ и крупныхъ отраслей промышленности, какъ ткацкое дѣло съ вспомогательными вѣтвями, многочисленныя отрасли промышленности по обработкѣ желѣза и т. д.; примѣрами явлений второго рода въ наше время могутъ служить сапожная промышленность, нѣкоторыя отрасли бѣлозерскаго дѣла и др.

Несмотря на то, было бы ошибочно видѣть въ этомъ „всеобщій законъ развитія“ и утверждать, будто процессъ обобществленія индивидуальныхъ производствъ всегда совершается такимъ способомъ, что онъ проходитъ черезъ стадію мануфактуры и заканчивается фабрикой¹⁾). Такое утвержденіе было бы неправильно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы всякое фабричное производство сначала имѣло мануфактурную организацію. Въ подтвержденіе можно указать на очень многія механическія фабрики и на большинство химическихъ. Во-вторыхъ, невѣрно, будто мануфактура по сравненію съ фабрикой всегда представляетъ несовершенную ступень развитія. Напротивъ, мануфактура и фабрика могутъ стоять въ одномъ ряду, какъ вполнѣ равнозначныя формы производства; слѣдовательно, развитіе можетъ достигать двухъ высшихъ точекъ: фабрика и мануфактура. Поэтому родословное древо крупныхъ общественныхъ производствъ имѣть такой видъ:

¹⁾ Марксъ говоритъ объ „историческомъ ходѣ развитія крупной промышленности, на заднемъ планѣ которой традиціонная форма мануфактуры, ремесла и домашней работы претерпѣваетъ полное измѣненіе, мануфактура постоянно превращается въ фабрику, ремесло постоянно (читай: переходитъ) въ мануфактуру“. Marx. Kapital 1^а, 455. Эта мысль встрѣчается у Маркса начиная съ „Ницшты философіи“ (сравн. стр. 131 и сл. французского изданія) и „Коммунистического манифеста“ (сравн. 6-ое нѣм. изд., стр. 10). То же у Schäffle, Ges. Syst. 3. Aufl. §§ 251, 257, 265.

Итакъ, сущность мануфактуры допускаетъ двоякаго рода опредѣленіе: это или переходная форма или же самостоятельная, вполнѣ развитая форма крупнаго общественнаго производства. Въ первомъ случаѣ она выполняетъ преимущественно ту своеобразную функцию, что подготавливаетъ примѣненіе машиннаго способа производства. Плодотворное развитіе послѣдняго возможно лишь при томъ условіи, если опора машиннаго производства, рабочій, разовьется въ колективнаго рабочаго, неограниченаго въ своихъ органахъ, и, если приемы труда достигнутъ такой степени расчлененія и упрощенія, что инженеръ получаетъ возможность возложить выполненіе ихъ на машину. Обѣ эти необходимыя предпосылки создаются мануфактурой: она расчленяетъ производственныи процессъ на простые элементы и распредѣляетъ отдѣльныи операции между отдѣльными органами колективнаго рабочаго (а органами послѣдняго являются отдѣльныи личности). Говоря другими словами, благодаря мануфактурной организаціи процессъ труда пріобрѣтаетъ неодушевленный характеръ, становится независимымъ отъ живой личности индивидуальнаго рабочаго.

Переходимъ ко второму случаю. Мануфактура, какъ самостоятельная, вполнѣ развитая форма общественнаго производства, выполняетъ не только совершение другую, но и прямо противоположную функцию. Въ этомъ случаѣ она должна не подавлять творческую индивидуальность отдѣльного рабочаго, но, напротивъ, содѣйствовать ея полному развитию. Мануфактура здѣсь является той формой производства, которая успѣшнѣе всего соединяетъ выгоды общественнаго производства съ индивидуальнымъ творчествомъ, имѣющимъ въ высшей степени личный характеръ и незамѣнимымъ въ извѣстнаго рода работахъ. Если бы мы пошли дальше въ систематикѣ производства, мы бы сказали, что въ этомъ случаѣ мануфактура представляетъ истинный синтезъ общественнаго и индивидуальнаго производства, какими бы несомнѣстыми ни казались они сть первого взгляда. Это сдѣлается понятнымъ для насъ, когда мы обратимся къ примѣрамъ.

Въ своемъ первомъ значеніи, какъ переходная форма, мануфактура описывалась иерѣдко. Достаточно напомнить только примѣръ булавочной мануфактуры у Адама Смита, съ того времени сдѣлавшійся классическимъ,—и мыѣ можно отказаться отъ другихъ примѣровъ этого типа, получившаго наименіе „мануфактуры, раздѣляющей трудъ“. Напротивъ, на мануфактуру въ ея второй формѣ до сихъ поръ обращали слишкомъ мало вниманія, и потому представляется необходимымъ привести иѣкоторые поучительные примѣры.

Въ качествѣ таковыхъ я возьму фарфоровую мануфактуру и мануфактуру художественной мебели¹⁾.

Производство фарфора составляется изъ четырехъ различныхъ производственныхъ процессовъ: 1) подготовка материала, 2) формовка, 3) процесс обжиганія, 4) окрашиваніе. Изъ этихъ отдѣльныхъ процессовъ въ крупномъ производствѣ, о которомъ здѣсь только и идетъ рѣчь, два (1-й и 3-й) организованы вполнѣ общественно; два другие (2-й и 4-й) почти никогда не выходятъ изъ области индивидуального труда. При помощи ряда сильныхъ машинъ сырой материалъ, предназначенный на фарфоровыя издѣлія, размельчается; потомъ онъ машинами же надлежащимъ образомъ перемѣшивается и увлажняется. Отъ замѣшанной глиняной массы потомъ отдѣляются извѣстную часть—материалъ для работы формовщика. Послѣдняя—вполнѣ индивидуальная ручная работа; она сохраняетъ такой характеръ даже при изготовленіи самыхъ грубыхъ сортовъ товара, когда на гончарномъ станкѣ выдѣлываются сотни дюжинъ товара одинаковыхъ размѣровъ и формы. Мы уже не говоримъ о болѣе изящныхъ произведеніяхъ, гдѣ собственно индивидуальный трудъ только и приобрѣтаетъ все свое значеніе. Рабочій здѣсь—настоающій художникъ: своими руками онъ выдѣлываетъ тѣ изящныя вещи, которыми мы любуемся какъ произведеніями берлинскаго, мейсенскаго и севрскаго искусства. Но какъ только онъ закончилъ свою работу и вдохнулъ въ нее свою душу, произведеніе захватывается водоворотомъ общественного производства и въ компаний съ множествомъ братьевъ поступаетъ въ обжигательную печь—въ это мощное промышленное сооруженіе, напоминающее собою доменную печь. Сама обжигательная печь представляетъ произведеніе многихъ рабочихъ, а при уходѣ за нею требуется иѣлый штабъ подготовленныхъ рабочихъ силь и огромное количество материала. Послѣ 12—14 часовъ обжиганія печь открывается.

1) Такова же организація крупныхъ мануфактуръ бровзовыхъ товаровъ. Напримѣръ, одинъ хороший наблюдатель такъ описываетъ заводы Христоѳая: „Вотъ современное ювелирное мастерство, которое примѣняетъ сильныя машины: глава мастерской, превращающій руду въ слитки, заставляющій вращаться паровые прокатные валцы, чеканящій въ день до 5.000 приборовъ, имѣющій серебряныя ванныя и выдѣлывающій изъ гальванизированной мѣди колоссальныя статуи,—въ то же время тѣшится, дѣлая крохотныя, изящныя статуэтки изъ слоновой кости, облекая ихъ въ легкія золотыя одѣянія и устанавливая на серебряномъ цоколѣ тонкой чеканки, при чемъ во всѣхъ этихъ цѣнныхъ работахъ Морсье оказываетъ ему свое содѣйствіе. Эти двѣ силы взаимно помогаютъ другъ другу: выдающійся художникъ и учный кузнецъ соединяются вмѣстѣ для этого ювелирного производства“. L. Fa lize, Orfèverie d'art, въ Gazette des Beaux Arts III. Томъ II, стр. 435, 436.

„Wird's auch schön zu Tage kommen,
Dass es Fleiss und Knast vergilt?“¹⁾).

Если вещь вышла удачной послѣ этой совершенно общественной стадіи производства, на которой индивидуальное искусство утрачиваетъ всю свою силу, то она опять переходить въ руки отдельного рабочаго, который подвергаетъ ее раскрашиванию. Если посуда простая— мало обученные рабочие переводятъ картинки на чашки или тарелки. Если же это одна изъ тѣхъ художественныхъ вазъ, чашекъ, тарелокъ или красивыхъ бездѣлушекъ, которыми мы украшаемъ свои жилища, то рука художника должна еще разъ положить на вещь печать его индивидуальности. Слѣдовательно, оригинальное дарование въ одномъ случаѣ даетъ вещи краски, въ другомъ—даетъ форму: и въ обоихъ случаяхъ необходимо полное развитіе индивидуальности художника. Потомъ вещь подвергается глазировкѣ и мѣгомъ другимъ операциямъ, въ основѣ которыхъ опять-таки лежитъ общественная организация производственного процесса.

Совершенно такое же сплетеніе индивидуального и общественного производства представляетъ второй типъ мануфактуры, съ которымъ я памѣрнъ познакомить читателя: мануфактура художественной мебели, притомъ уже самая простая форма ея, съ какою мы здѣсь познакомимся,— мануфактура деревянной мебели. Въ процессахъ изготавленія художественной мебели можно различить три главныхъ элемента: обработка дерева, монтажъ, или сборка частей, и украшеніе. Первый изъ этихъ отдельныхъ процессовъ не совпадаетъ испрѣмѣнно только съ однимъ моментомъ производственного процесса, а, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ распредѣляется на все время, пока производственный процессъ вообще продолжается; слѣдовательно, первый отдельный процессъ отчасти перекрещивается съ двумя остальными. Онъ всесцѣло выходить изъ сферы индивидуального труда, его базисъ—общественный трудъ. Напротивъ, оба остальные процессы остаются въ сферѣ личной, индивидуальной работы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда производится действительно художественная мебель. Если мы прослѣдимъ сырой матеріаль на разныхъ стадіяхъ его обработки, то увидимъ, что необработанныя бревна поступаютъ прежде всего въ лѣсонильню, которую оставляютъ уже въ видѣ досокъ. И дальнѣйшая обработка досокъ въ зависимости отъ ихъ назначенія производится машинами: ленточной или круговой пилой, машиннымъ рубанкомъ или шерхебелемъ. Такъ подготовленныя доски поступаютъ къ отдельному столяру, который соединяетъ ихъ въ опредѣленное произведеніе: стулъ, буфетъ, шкафъ и т. д. Это иногда требуетъ напряженной работы, продолжающейся недѣлями, при чемъ отдельный рабочий все время работаетъ надъ одною и тою же вещью. Все это время онъ время отъ времени пользуется пробивальной, строгальной и прорѣзальной машинами, которые тутъ же находятся въ его распоряженіи. Въ то же время въ другомъ залѣ работаетъ группа собственно художниковъ: рѣзчиковъ, или, какъ ихъ теперь принято называть въ Германіи, скульпторовъ. Они изготавливаютъ всѣ тѣ бездѣлушки,

1) [„Выйдетъ ли это (произведеніе) настолько прекраснымъ, чтобы вознаградить за трудъ и искусство?“]

которыми мы до сихъ поръ (или еще очень недавно) въ слѣпомъ подчиненіи врежнимъ модамъ любимъ обременять нашу мебель. Всѣ они въ союзѣ съ токарями заботятся о томъ, чтобы все остовы мебели, изготовленные столлярми, получили необходимыя украшенія. А потомъ идетъ очередь за полировщикомъ, лакировщикомъ, позолотчикомъ, которые сообщаютъ мебели окончательную отдѣлку. Слѣдовательно, здесь въ общемъ—та же картина, какъ и въ фарфоровой мануфактурѣ: производство въ общемъ и цѣломъ поконится на общественномъ базисѣ, но въ немъ осталось место и для развитія индивидуальной работы отдельныхъ личностей. Но что придаетъ и фарфоровому и мебельному производству отпечатокъ общественныхъ производствъ,—такъ это, кромѣ общественного характера болѣе элементарныхъ трудовыхъ операций, прежде и больше всего слѣдующее обстоятельство: и чисто художественная, собственно художественно-творческая (а не только исполнительская) функции коллективного труда пріобрѣтаютъ здесь характеръ обобществленныхъ функций. Средствомъ для этого служитъ включеніе въ производство собственныхъ рисовальщиковъ и составителей проектовъ, слѣдовательно, включеніе лицъ, которыхъ берутъ на себя составленіе художественныхъ плановъ для всей совокупности рабочихъ.

8) Фабрика.

„Фабрика”—явление до чрезвычайности многосложное; на всю хозяйственную жизнь новаго времени оно во многихъ отношеніяхъ налагаетъ характерный отпечатокъ. Поэтому неудивительно, что—особенно въ ходячемъ словоупотребленіи—понятіе фабрика до крайности неустойчивое и обширное. Уже слово „фабрикація“, т.-е. фабричное дѣло исключительно съ частно-хозяйственной точки зрѣнія, употребляется въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ. Манчестерская прядильня, которая работаетъ десятками тысячъ веретенъ; фабрикація часовъ, которая въ горахъ швейцарской Юры объединяетъ цѣлые кантоны какъ бы въ одно громадное производство; позументщикъ, работающій съ полдюжины рабочихъ и одной позументной машиной; лавочка портного, который еще теперЬ, какъ „академикъ по части одежды“, „тригонометрически“ принимается за работу надъ сюртукомъ и панталонами; мастерская башмачника, который въ крупныхъ размѣрахъ работаетъ на ярмарки и для экспорта, хотя до сихъ поръ пользуется колодкой и шиломъ не иначе, какъ по завѣту отцовъ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ принято говорить о фабрикахъ и фабрикантахъ... А потомъ фабричное дѣло... Какъ многосложны тѣ общія экономическая, соціальная, политическая преобразованія и воздействиія, исходнымъ пунктомъ которыхъ была и все еще остается фабрика“... Такой жалобой открылъ Шеффле болѣе сорока лѣтъ тому назадъ свою статью „Fabrikwesen“ въ „Deutschen Staatswörterbuch“¹⁾. Но какими громкими и какими скорбными должны быть тѣ жалобы, которыхъ и намъ приходится предпослать анализу этого понятія. Прошло сорокъ лѣтъ—и все же для уясненія понятія „фабрика“ не было сказано ни одного слова, которое

¹⁾ Изд. Bluntschli и Brater. Т. III, 1858.

могло бы доставить хотя известное удовлетворение. Напротивъ, чѣмъ богаче развивалась хозяйственная жизнь за послѣднее время, тѣмъ спутаниѣ, многочисленнѣе становилось понятіе, тѣмъ больше злоупотреблений допускало оно. Ни одно изъ выражений, съ которыми мы познакомились до сихъ поръ, когда говорили о другихъ формахъ производства, не употребляется такъ часто, какъ выраженіе фабрика, и однако — а можетъ быть, именно потому — ни въ научной литературѣ, ни въ языкѣ законодательства и судовъ нѣтъ другого выраженія, которое страдало бы такой, какъ это, неопределѣленностью.

Шаткость въ употребленіи слова достаточно характеризуется тѣмъ фактомъ, что высшая судебная инстанція въ Германіи до самаго послѣдняго времени полагала, что было бы вообще неестественнѣо общеобязательное опредѣленіе понятія „фабрика“. Лишь недавно эта инстанція сдѣлала попытку описанія понятія. Въ описаніи много удачного, зато не мало и прямо ошибочнаго ¹⁾. Но какой видъ должны принять при такихъ обстоятельствахъ отдельные законы! „Многочисленныя попытки,— говорится въ мотивахъ къ закону о страховании отъ увѣчій,— предпринятыя въ этомъ направлениі (т.-е. чтобы опредѣлить понятіе „фабрика“) въ законодательствѣ различныхъ странъ, разбивались о многосложность практической жизни“. Имперское статистическое бюро въ отчаяніи заявляетъ: „Нѣть... общеобязательного опредѣленія понятія „фабрика“, и потому, прибѣгнувъ къ осторожному: „фабриками называются“, старается обойти затрудненія ²⁾). Штида въ свою очередь приходитъ къ тому результату, что „понятіе расплывчатое, его нельзя рѣзко ограничить отъ соответствующихъ понятій „ремесло“ и „домашняя промышленность“ ³⁾.

Если мы окинемъ духовнымъ окомъ воистину необозримый рядъ определеній понятія „фабрика“, мы только тогда и уразумѣмъ всю справедли-

1) Рѣшеніе имперского суда гласитъ: самъ законодатель не взялъ па себя дать исчерпывающее и всеобъемлющее объясненіе понятія „фабрика“. Въ частности, то опредѣленіе, которое содержится въ § 1 закона о страховании отъ увѣчій, какъ прямо выражено, претендуетъ на признаніе лишь въ предѣлахъ указанного закона. Тѣмъ не менѣе, теорія и практика согласны въ томъ, что имѣются различные признаки, существенные для понятія „фабрика“, и что при отсутствіи ихъ нельзѧ говорить о веденіи фабрики. Сюда относится величина и размѣры помѣщений, число постоянно занятыхъ рабочихъ (сравн. §§ 134 и 234а устава о промышленности), преимущественно механический характеръ дѣятельности (въ противоположность художественному, научному и т. д.) и принципъ раздѣленія труда. Даѣте, для фабричного производства менѣе существенно, хотя и часто наблюдается въ немъ, массовый характеръ производства (про запасъ, на склады), пользованіе паровыми и другими моторами и отсутствие ученичества. Даѣте не имѣть значенія, какіе предметы охватываетъ производство; одни и тѣ же продукты могутъ быть изготовлены какъ въ ремесленномъ, такъ и въ фабричномъ производствѣ. Даже производства, которыхъ не имѣютъ ничего или имѣютъ очень мало общаго съ преобразованіемъ и переработкой сырья матеріаловъ и которыхъ выполняютъ другого вида работы, напр., красильныхъ заведеній, химической прачечныхъ и заведеній для чистки платя — даже они въ смыслѣ устава о промышленности могутъ быть названы фабриками.

2) Erhebung über die Verhältnisse im Handwerk. Veranstaltet im Sommer- 1895, стр. 21 и стр. 3.

3) Статья „Фабрика“, въ Н. St. [См. сборникъ „Промышленность“, изд. Водовозовой, стр. 19 и сл.].

вость положенія: „Qui trop embrasse, mal étreint“¹⁾. Почти всѣ опредѣленія одинаково страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что они стремятся охватить однимъ понятіемъ извѣстную форму производства и извѣстную форму хозяйства (капиталистическое предпріятіе). Это, разумѣется, невозможно и необходимо должно повести къ неясности, тѣмъ болѣе, что различіе такихъ совершенно разныхъ вещей, какъ форма производства и форма хозяйства, обыкновенно не сознается. Образчикомъ такого общераспространенного способа составлять опредѣленія можетъ служить опредѣленіе понятія „фабрика“ у Штида. Для наглядности я разобью его на его двѣ составные части²⁾.

Признаки формы производства: | Признаки формы хозяйства:

Подъ фабрикой разумѣютъ соединеніе въ одномъ зданіи для цѣлей производства болѣе или менѣе значительного числа рабочихъ, которые, преимущественно при примѣненіи машинъ и двигателей, взаимно помогаютъ въ работѣ такимъ образомъ, что всѣ они участвуютъ въ изготавлениі одного и того же предмета, выполняя каждый опредѣленныя дѣйствія.

Распредѣленіе работъ, равно какъ и доставленіе сырыхъ материаловъ, инструментовъ и машинъ принимаетъ на себя владѣлецъ фабрики, на которомъ лежитъ также забота о сбытѣ изготовленныхъ продуктовъ. Возникновеніе фабрикъ обусловливалось измѣненіемъ формы сбыта, не исчерпывающагося больше мѣстными рынками,

развитіемъ раздѣленія труда и изобрѣтеніемъ машинъ.

Слѣдовательно, необходимо напередъ решить: намѣрены ли мы обозначать выраженіемъ „фабрика“ опредѣленную форму производства или же опредѣленную форму хозяйства³⁾. Какъ извѣстно читателю, съ словомъ „фабрика“ необходимо связывать представление объ извѣстной формѣ производства.

1) [Смысль поговорки таковъ: „Кто слишкомъ много охватываетъ, тотъ мало схватываетъ“].

2) Указанная выше статья „Фабрика“. [Цитируемъ по упомянутому русскому перевodu].

3) Отмѣченной неопредѣленностью страдаютъ и позѣйшія работы: W. Heffter, Fabrik und Werkstatt, въ Zeitschrift für Socialwissenschaft. IV. Jahrg. 1901, и H. von Frankenberg, Handwerker oder Fabrikant, въ Archiv. f. soc. Gesetzgebung., Bd. XVI (1901), 711 и сл.

Итакъ, какіе же отличительные признаки связываемъ мы съ понятиемъ фабрика? Послѣ всего, что сказано выше, нѣкоторые изъ этихъ признаковъ уже установлены: фабрика, какъ мы знаемъ, есть крупное общественное производство. Слѣдовательно, намъ теперь остается только отграничить ее отъ остальныхъ видовъ производства этого рода. Съ этой цѣлью необходимо обратить вниманіе на слѣдующіе критеріи,—мы оять обращаемся къ установленнemu словоупотребленію, котораго нельзѧ совсѣмъ игнорировать.

1) Однообразіе, массовый характеръ или даже малочѣнность производимыхъ продуктовъ. Въ этомъ значеніи въ переносномъ смыслѣ говорятъ о „фабричныхъ товарахъ“, о „фабрикахъ докторовъ“. Но было бы большою ошибкой, если бы мы предположили, что указанными признаками опредѣляется существо фабрики. Существуютъ производства, которыхъ безъ малѣшаго колебанія призналъ бы фабриками, но на которыхъ производятся отнюдь не однообразные и вовсе не малоѣнныи массовые товары. Напомни механическія ткацкія узорчатыхъ тканей; современныи печатныи заведенія, въ которыхъ разными красками печатаются *Jugend*, *Simplicissimus* и т. под. журналы, а также превосходно поставленные журналы по искусству и художественной промышленности: *Pan*, *Studio*, *Deutsche Kunst und Dekoration* и др.

2) Но, несомнѣнно, самымъ ходячимъ отличительнымъ признакомъ фабрики является примѣненіе въ производствѣ машинной техники. Фабрику прямо отожествляли (Рело) съ „машинофактурой“. И въ особенности со временемъ Маркса вошло въ обыкновеніе считать понятія „крупное машинное производство“ и „фабрика“ понятіями равнозначащими. „Исходную точку крупной промышленности образуетъ... революція средствъ производства, и революціонизированные средства производства получаютъ свою наиболѣе развитую форму въ расчлененій системѣ машинъ на фабрикѣ“¹⁾). Но такое опредѣленіе понятія слишкомъ ужъ узко. Здѣсь—какъ и вообще нѣрѣдко у Маркса—можно замѣтить слѣды того неотразимаго впечатлѣнія, какое произвела на него бумагопрядильня. Вся его теорія, можно сказать, выкроена въ соотвѣтствіи съ этою отраслью производства. На всемъ протяженіи его „Капитала“, съ начала и до конца, можно бы подставить, не нарушая смысла, вместо „товаръ“—„пряжа“, вместо „производство“—„производство пряжи“, вместо „фабрика“—„бумагопрядильня“ и вместо „рабочій“—„прядильщикъ“. Мы признаемъ вместѣ съ Маркомъ, что эта отрасль производства въ высшей степени пригодна для того, чтобы служить школьнай иллюстраціей современной промышленности. Тѣмъ не менѣе полное отожествленіе бумагопрядильни и крупной промышленности, разумѣется, недопустимо²⁾). Достаточно указать на

1) К. Маркx, *Kapital* 1⁴, 358. Сравн. также стр. 384 и сл.: „Фабрика“.

2) Это—конечно, часто впередиаго времени—отожествленіе по временамъ приводить Маркса къ весьма ошибочнымъ обобщеніямъ. Примѣромъ можетъ служить его характеристика сущности современной машины, которая, по его мнѣнію, будто бы всегда (какъ въ бумагопрядильнѣ) состоитъ „изъ трехъ существенно различныхъ частей: двигательной машины (мотора), передаточного механизма и, наконецъ, изъ инструмента-машины, или собственно рабочей машины“ (*Kapital* 1⁴, 336 и сл.). Въ этомъ случаѣ Маркесъ строго слѣдуетъ за Угемомъ (*Philosophy of Manufactures* 3 ед., 1861, стр. 27). Объ ошибочности та-

такую чрезвычайно важную категорию, какъ всѣ такъ называемыя химическая фабрики въ узкомъ значеніи, даѣте, на винокуренные и пивоваренные заводы, и мы увидимъ, насколько ошибочеѧть такой принципъ опредѣленія понятія фабрика, какъ примѣненіе машинъ.

3) Мы отыщемъ истинный критерій для ограничения понятія фабрика, если поставимъ такой вопросъ: какой общий принципъ лежитъ въ основѣ какъ развитой машинной промышленности, такъ и химической промышленности въ широкомъ значеніи. Принципъ этотъ, несомнѣнно—автоматической характеръ производственного процесса. Идея обобществленія производственного процесса вообще находитъ себѣ выраженіе въ эманципаціи отъ ограничений, налагаемыхъ индивидуальнымъ характеромъ труда,—отъ ограниченій индивидуального рабочаго. Идея же такой особой формы общественнаго производства, какъ фабрика, заключается въ эманципаціи производства отъ содѣйствія и формирующего участія рабочаго вообще. Объективированіе производственного процесса, полное его отрѣшеніе отъ конкретнаго, живого человѣка, перенесеніе его на систему безжизненныхъ тѣлъ, которыя проникаются жизнью отъ искусственно произведенной силы, создание самостоѧтельно дѣйствующаго механизма, замѣняющаго человѣка: вотъ что, несомнѣнно, представляется намъ, когда мы говоримъ о „фабрикѣ“¹⁾, или, по меньшей мѣрѣ, вотъ какой смыслъ должны мы привыкнуть вкладывать въ понятіе „фабрика“, такъ какъ лишь тогда оно приобрѣтетъ свое специфически ясное и цѣнное значеніе въ системѣ формъ производства. Слѣдовательно, фабрикой оказалась бы тогда такая форма крупнаго общественнаго производства, при которой важные, рѣшающіе элементы производственного процесса достигли независимости отъ формирующей содѣйствія рабочаго и переданы автоматически дѣйствующей системѣ безжизненныхъ тѣлъ. Ея специфическая функция заключалась бы тогда въ слѣдующемъ: эта форма производства, опираясь на введеніе машинъ и научно-химическихъ способовъ въ производственный процессъ, впервые открываетъ практическую возможность совершенѣйшой эманципаціи отъ количественныхъ и качественныхъ ограничений, связанныхъ съ индивидуальнымъ трудомъ, или, говоря иначе, отъ ограниченій индивидуального рабочаго. Пользуясь нѣсколько смѣльымъ образомъ,

кого взгляда обстоятельно говорить уже F. Reileaux, Theoretische Kinematik, 1875 г., § 129 и сл. Или сравни. стр. 391 „Капитала“, где перечисляются „матеріальные условия, при которыхъ совершаются трудъ на фабрикѣ“: „Всѣмъ органамъ чувствъ одинаково причиняются поврежденія: отъ искусственно повышенной температуры, отъ атмосферы, неполненной частицами сырого матеріала, отъ оглушительного шума и т. д., не говоря уже объ опасности для жизни отъ тѣсно нагроможденныхъ машинъ“. Но представимъ себѣ безшумную солодовню, ледяные погреба пивоварни, опрятную художественную печатную, химическую фабрику, где вообще нетъ машинъ, не говоря уже о тѣсно нагроможденныхъ.

1) „Я полагаю, что этотъ терминъ, въ его строгомъ значеніи, заключаетъ въ себѣ идею огромнаго автомата, составленного изъ различныхъ механическихъ и интеллектуальныхъ органовъ, дѣйствующихъ въ ненарушимомъ согласіи для производства предметовъ массового потребленія, при чёмъ всѣ эти органы подчинены самодѣйствующей движущей силѣ“. Ure, I. c., стр. 13. Примѣромъ ярко выраженного типа „фабричности“ могутъ служить: для промышленности, широко пользующейся машинами,—паровая мельница, а для химической промышленности—заведенія для перегонки нефти.

можно сказать: фабрика—это орудие сложного, коллективного рабочаго, которое позволяет ему развить силу, точность, уверенность и быстроту действий, далеко выходящія за предѣлы того, что органически возможно для индивидуального рабочаго. Мы говоримъ: орудие коллективного рабочаго, потому что только онъ одинъ и господствуетъ въ фабрикѣ, или, описывая явление съ негативной стороны, характерная особенность фабрики заключается именно въ томъ, что въ ней нѣтъ места для развитія индивидуально-личной деятельности. Поэтому фабрика представляетъ самое послѣдовательное осуществленіе принципа общественного производства; однако она не можетъ считаться высшей формой производственной организаціи вообще: послѣдняя, какъ мы видѣли, можетъ достигать высшаго завершенія въ двухъ формахъ—въ фабрикѣ и въ мануфактурѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ступени хозяйства, системы хозяйства, формы хозяйства, эпохи хозяйства.

Послѣ всего предыдущаго мы назовемъ хозяйственой единицей

ту организацію, которую создаетъ субъектъ хозяйства, чтобы достигнуть полезнаго эффекта, соотвѣтствующаго его хозяйственному принципу.

Близайшій анализъ и расчлененіе понятія „единица хозяйства“ приводить настъ слѣдующимъ результатамъ:

1) Съ субъективной стороны хозяйственная организація опредѣляется цѣлями реализації. Конечно, всякая производственная организація преслѣдуєтъ такія цѣли, какъ производство или обмѣнъ благъ, доставленіе услугъ и т. д. Все это составляетъ содержаніе хозяйственной дѣятельности (въ производительномъ хозяйстве въ отличіе его отъ потребительного). Но рѣшающее значеніе для характера и формы хозяйственной организаціи имѣютъ не такія цѣли, а то, что я называю цѣлями реализації. Такимъ образомъ передъ нами ясно выступаетъ противоположность хозяйственной организаціи, съ одной стороны, и производственной организаціи — съ другой: послѣдняя, какъ мы видѣли, опредѣляется такою цѣлью, какъ созданіе предметовъ потребленія (или другія дѣятельности, аналогичныя этой). Чтобы изготовить башмаки, я могу воспользоваться ручными или машинными пріемами работы, построить производство на индивидуальныхъ или на колективныхъ началахъ; въ зависимости отъ моего выбора производство примѣтъ ту или другую форму, но конечною цѣлью его всегда будетъ одно и то же: изготавленіе сапогъ. Напротивъ, въ зависимости отъ того, изготавлю ли я сапоги для собственного потребленія, или сапоги для потребленія заказчика, или изготавлю сапоги съ тою цѣлью, чтобы заработать денегъ, или же сапоги для попечительства о бѣдныхъ,—въ зависимости отъ этого возникаютъ многообразныя организаціи, возникаютъ различныя производительныя хозяйства вполнѣ опредѣленного характера. Цѣль капиталистической сапожной фабрики отнюдь не изготавленіе сапогъ, а всегда лишь получение прибыли; цѣль крестьянского самопотребляющаго (натуральнаго) хозяйства тоже не въ изготавленіи са-

погъ, а въ томъ, чтобы съ помощью салогъ защитить иоги отъ сырости, холода и т. д.

2) Съ объективной стороны организація хозяйства опредѣляется господствующей въ данный моментъ системой хозяйства, т.-е. существующимъ строемъ хозяйства и господствующими принципами хозяйства. И этотъ строй и эти принципы субъекту хозяйства всегда приходится принимать какъ объективные, извѣтъ данные факты.

Благодаря такой обусловленности общественнымъ строемъ хозяйство во всеѣ времена пріобрѣтаетъ определенный, исторический колоритъ. Это—еще одна отличительная черта отъ организаціи производства, которая, какъ мы видѣли, сохраняетъ по межней мѣрѣ извѣстную независимость отъ господствующаго въ данное время строя хозяйства.

Чтобы вполнѣ уяснить себѣ, до какой степени форма хозяйства обуславливается системой хозяйства, мы должны привести въ извѣстность отдельныя нормы и учрежденія, вызванныя къ жизни организаціей формы хозяйства, и сферу ихъ дѣйствія. Организація формы хозяйства (хозяйственный строй) опредѣляетъ:

1) Тотъ способъ, какимъ привлекаются къ производительной дѣятельности факторы, необходимые для производства, т.-е. средства производства и рабочія силы. Она опредѣляетъ, напр., приступаютъ ли рабочіе къ труду, подчиняясь какъ члены семьи приказаніямъ главы той же семьи; или же они, какъ чужіе, принудительно привлекаются къ работѣ; или же они въ обществѣ свободныхъ людей назначаются на определеніемъ работы государственною властью; или же, какъ равноправные товарищи, договариваются выполнять работу сообща; или же рабочія силы покупаютъ на рынкѣ, какъ товаръ; или же рабочіе привлекаются къ труду какъ помощники за извѣстное вознагражденіе, можетъ быть, по таксамъ, установленнымъ вышею властью, и т. д.

2) Организація формы хозяйства опредѣляетъ тотъ способъ, какимъ лица, участвующія въ производствѣ, оказываютъ влияніе на структуру и ходъ производства. Руководителемъ производства является, конечно, хозяйствующій субъектъ. Тѣмъ не менѣе отношеніе къ нему остальныхъ лицъ, участвующихъ въ производствѣ, можетъ быть до крайности разнообразнымъ: въ отношеніяхъ руководителя къ руководимымъ можно представить себѣ, да и осуществляется въ дѣйствительности, цѣлый рядъ ступней отъ неограниченного деспотизма до самого свободнаго демократического строя.

3) Организація хозяйственной формы опредѣляетъ способъ употребленія продукта: передается ли онъ за извѣстное вознагражденіе заказчикамъ, или продается на рынкѣ, или потребляется въ хозяйствѣ производителя, или поступаетъ въ помѣстье или въ аббатство, или же отправляется въ государственные магазины, и т. д.

4) Организація формы хозяйства опредѣляетъ тотъ способъ, какимъ лица, участвующія въ производствѣ, получаютъ свою долю отъ его результатовъ: они или ничего не получаютъ—напомнимъ барщинныхъ крестьянъ,—или получаютъ долю продукта, или же, независимо отъ результатовъ производства, заранѣе определенную сумму цѣнностей, натурой или деньгами; уча-

стіє ихъ въ продуктѣ опредѣляется или молчаливымъ соглашеніемъ, или свободно заключеннымъ формальнымъ договоромъ, или административной нормировкой, или еще какимъ-либо способомъ.

Убѣдившись такимъ образомъ въ исторической обусловленности хозяйства, мы должны теперь обратиться къ характеристику системъ хозяйства, въ рамкахъ которыхъ находить себѣ мѣсто та или другая опредѣленная форма хозяйства. Только тогда и будутъ понятны для нась различія въ организаціи производительного хозяйства, или различія формъ хозяйства, какъ ради краткости будемъ мы впредь называть формы производительного хозяйства.

Нѣть недостатка въ попыткахъ подвергнуть систематическому обзору различные системы хозяйства, или—какъ говорять иногда, смѣшивая различные понятія—ступени хозяйства, способы хозяйства, различія строя хозяйства, хозяйственныя состоянія, хозяйственныя эпохи. Въ другомъ мѣстѣ я далъ критический пересмотръ важнѣйшихъ изъ прежнихъ теорій, къ нему я и отсылаю читателя¹⁾. Я сдѣлаю здѣсь исключеніе только для одной изъ многочисленныхъ теорій ступеней, получившей тамъ критическое освѣщеніе, и еще разъ дамъ здѣсь ея изложеніе и критику. На мой взглядъ, это необходимо потому, что указанная ниже теорія пріобрѣла очень широкую популярность и совершила большія опустошеннія въ головахъ читателей, особенно тѣхъ, которые не получили экономического образованія. Я имѣю въ виду, разумѣется, теорію Карла Бюхера²⁾. Свою большою популярностью она, несомнѣнно, обязана блестящему изложенію и прежде всего—огромному упрощенію, какое претерпѣла у Бюхера трактуемая проблема. Ученія Родбертуса, Маркса, Энгельса, Шмольера, на которыхъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ опирается Бюхерь, предъявляютъ къ мыслительнымъ способностямъ средняго читателя необыкновенно высокія требования. Это обусловливается и болѣе или менѣе глубокими замысломъ всей систематики и виѣшними особенностями трактованія проблемы, которое, особенно у Маркса и Энгельса, нерѣдко имѣть характеръ случайныхъ и бѣглыхъ экскурсовъ. Напротивъ, Бюхерь—на мой взглядъ, не безъ большого вреда для научной цѣнности—сумѣлъ достигнуть въ изложеніи своей теоріи такой необыкновенной популярности, что она не представляетъ никакихъ затрудненій для пониманія даже начинающаго читателя. Дѣленіе ступеней хозяйства у него такое же, къ какому пришли уже его предшественники. Онъ такъ характеризуетъ эти ступени:

- 1) Ступень замкнутаго домашняго хозяйства (производство исключительно для собственнаго потребленія, хозяйство безъ обмѣна).
- 2) Ступень городскаго хозяйства (производство на заказъ, или ступень непосредственнаго обмѣна).

1) *GewerbL Arbeit*, стр. 370—386.

2) Karl Böhmer, *Die Entstehung der Volkswirtschaft*, 2 Aufl. (1898), стр. 49—124. Не совсѣмъ незаслуженное осмѣяніе встрѣтила теорія Бюхера за свой пѣсколько пустой, часто виѣшний схематизмъ, со стороны Н. Losch'a, въ юмористическомъ очеркѣ: „Das Mikroskop, das Brillenglas, der Feldstecher und das Fernrohr in der Volkswirtschaftslehre, въ *Vaupz Archiv* 16, 511. Я безъ всякихъ колебаній упоминаю здѣсь этотъ очеркъ, потому что и миѣ самому досталось въ немъ не много менѣе, чѣмъ Бюхеру.

3) Ступень народного хозяйства (товарное производство, ступень обращения товаровъ).

Бюхеръ получаетъ такое дѣленіе, становясь, повидимому, на самую безспорную и во всякомъ случаѣ очень простую точку зрѣнія: на точку зрѣнія длины того пути, по которому продукты отъ производителя доходятъ до потребителя. „Если мы,—говорится на стр. 57 [стр. 8 рус. пер. „Происхождение народного хозяйства“],—пожелаемъ обозрѣть все это развитіе съ какой-либо объединяющей точки зрѣнія, то въ основаніе ея должны лечь самыя существенные явленія народного хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ она должна охватить черты организаціи прежнихъ хозяйственныхъ ступеней. Основаніемъ для такой точки зрѣнія является отношеніе, въ которомъ производство благъ стоитъ къ ихъ потребленію, или точкѣ: длина того пути, который совершаются продукты, направляясь отъ производителя къ потребителю“.

Въ ходѣ моего изложения будетъ показано, что теоріи Родбертуса, Маркса-Энгельса, Шмollerа отчасти односторонни, отчасти страдаютъ проблѣмами, отчасти неудачно формулированы. Напротивъ, что касается теоріи Бюхера, то хотя она даетъ какъ будто очищенное ученіе только что названныхъ авторовъ,—въ той формулировкѣ, какую она получила у Бюхера, я считаю ее совершенно ложной и по меньшей мѣрѣ какъ нельзя болѣе способной къ тому, чтобы повести къ заблужденіямъ. На мой взглядъ, невозможно чудовищно сложную проблему различій разныхъ способовъ хозяйства вѣснинъ безъ остатка въ схемы Бюхера: онъ или совсѣмъ не обращаетъ вниманія на существеннѣйшія стороны хозяйственной организаціи, или же, когда хочетъ справиться съ фактами, производить надъ ними прямое насилие. Основа моихъ противорѣчій съ Бюхеромъ выясняется лучше всего, если я приведу иѣкоторые примѣры. Сукио средневѣковаго городского суконщика-производителя, сбывавшаго свой продуктъ на рынкахъ и ярмаркахъ; произведенія старинной мелкой желѣзной промышленности въ горныхъ маркахъ; серебро изъ средневѣковыхъ рудниковъ,—всѣ эти продукты, переходя изъ производительного въ потребительное хозяйство, совершили путь отнюдь не длиннѣй и не короче, чѣмъ тотъ, по которому тѣ же продукты въ настоящее время съ фабрикъ переходятъ къ портному, къ слесарю или ювелиру. И тѣмъ не менѣе явленія прежнаго и настоящаго времени относятся къ двумъ совершенно различнымъ мірамъ. Путь, ведущій сюртукъ, сапоги и т. д. изъ современаго капиталистического предпріятія съ массовымъ производствомъ въ хозяйство потребителя, ни на шагъ не длиннѣй пути, который они проходили въ Средніе вѣка. Настоящими производителями только на заказчиковъ являются Крупсовское и т. под. предпріятія, работающія по поставкамъ на государство и общины. Крупные парижскіе couturiers (портные), у каждого изъ которыхъ занято до тысячи рабочихъ, представляютъ примѣръ производителей исключительно на заказчиковъ и т. д. И такія явленія—не единичныя для нашего времени: въ нихъ, какъ это превосходно известно и самому Бюхеру, находятъ себѣ выраженіе великія тенденціи развитія. Возьмемъ, напр., наблюданое во многихъ случаяхъ вытѣсненіе промежуточныхъ звеньевъ, приближеніе потребителя къ производителю: неужели оно возвращаетъ насъ къ средневѣковой организаціи городского хозяйства? Или развѣ „отношеніе работы на заказчика“ не мо-

жеть принадлежать къ совершенно гетерогеннымъ (разнороднымъ) періодамъ хозяйства? Хлѣбу, чтобы достигнуть до хозяйства потребителя, приходится пройти одинаково длинный путь и отъ ремесленника, и изъ капиталистической фабрики хлѣба, и изъ пекарни потребительного общества, и изъ войсковой хлѣбопекарни. Но неужели по одной этой причинѣ мы должны считать одинаковыми всѣ эти совершенно различные хозяйственныя организації? Исходя изъ схемы Бюхера, нѣтъ возможности конструировать и современное мѣновое хозяйство. Представимъ себѣ соціалистически организованное общество, въ которомъ производство сохранило современную специализацію труда. Для многихъ продуктовъ путь изъ производительного хозяйства въ потребительное оказался бы такимъ же длиннымъ, какъ въ настоящее время. Но неужели потому только, что продуктъ въ обоихъ случаяхъ проходитъ одинаково длинный путь, прежде чѣмъ онъ достигаетъ до потребителя, — неужели я по одной этой причинѣ не долженъ проводить различія между двумя организаціями, принадлежащими двумъ различнымъ мірамъ? Бюхерь не можетъ мнѣ возразить: въ настоящее время продуктъ производится какъ товаръ, въ соціалистическомъ обществѣ этого нѣть. Такимъ возраженiemъ онъ только призналъ бы справедливость моей критики: подчеркивая, что производство въ такомъ-то случаѣ есть товарное производство, онъ воспользовался бы другимъ критеріемъ разграниченія, чѣмъ тотъ, который возвѣщаетъ въ настоящее время: длина пути. И къ чему бы мы ни обратились въ теоріи Бюхера, вездѣ она оказывается несостоятельной.

Ея основной недостатокъ заключается въ томъ, что она представляетъ попытку систематизировать ступени хозяйства, опираясь исключительно на внешніе признаки. Между тѣмъ, когда дѣло идетъ о критеріи для различенія ступеней хозяйства, необходимо обратить больше вниманія, чѣмъ это дѣжалось прежде, на разнообразіе духа, господствующаго въ томъ или иномъ комплексѣ хозяйственныхъ явлений¹⁾.

Теперь, переходя къ построению собственной теоріи ступеней хозяйства или системъ хозяйства — болѣе точную формулировку я дамъ ниже, — мы должны прежде всего остерегаться тѣхъ промаховъ, которыми въ большей или меньшей степени страдаютъ всѣ предыдущія теоріи. Говоря это, я имѣю въ виду вовсе не погрѣшности въ деталяхъ, но исключительно принципіальная и методологическая ошибки. Важнѣйшая въ этомъ отношеніи ошибки и промахи таковы:

1) Ни одна изъ прежнихъ теорій не критична — правда, за исключенiemъ теоріи Бюхера; но и у Бюхера дѣло съ критицизмомъ теоріи, какъ мы видѣли, обстоитъ очень плохо. Итакъ, ни одна изъ теорій не критична, т.-е. ни одна изъ нихъ не уясняетъ себѣ сферы дѣйствія и значенія принципа классификаціи, а многіе изъ нашихъ теоретиковъ, повидимому, сознательно не устанавливаютъ и самаго этого принципа.

¹⁾ Мнѣ известно, что въ 3-мъ изданіи своей книги профессоръ Бюхерь опубликовалъ противъ меня воистину вызывающую антикритику. При всемъ высокомъ уваженіи къ Бюхеру я искренно сожалѣю объ этомъ. Мои доводы — доводы по существу — разумѣется, не могутъ быть уничтожены вылазками противъ меня, имѣющими личный характеръ. Напротивъ, доказательная сила ихъ возрастаетъ согласно старой, испытанной поговоркѣ: „Мой другъ, ты начинаешь говорить грубости, слѣдовательно, ты ненравъ“.

2) Ни одна изъ нихъ не проводить съ безупречною послѣдовательностью избранного ѿ *principium divisionis*, основанія дѣленія. Это справедливо въ частности по отношенію и къ той группѣ теорій, которые хотя и выяснили значение момента обобществленія, но далеко не достаточно, и далеко не съ достаточнouю строгостью пользуются имъ какъ основаніемъ дѣленія.

3) Ни одна изъ нихъ не въ состояніи исчерпать своимъ дѣленіемъ все богатство хозяйственныхъ явлений. Это слѣдуетъ сказать окіять-таки и о теоріяхъ послѣдней категоріи (т.-е. чѣ игнорирующихъ момента обобществленія). Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни выдѣлялся по важности моментъ обобществленія, онъ, конечно, не можетъ дать выраженія другимъ особенностямъ хозяйственной организаціи, напр., характеру связи въ производствѣ, основаніемъ на раздѣленіи труда, принципамъ, на которыхъ построено руководительство хозяйствомъ, отношеніямъ зависимости, устанавливающимся между лицами, принимающими участіе въ производствѣ, и т. д. Марксу и Энгельсу, мышленіе которыхъ, несомнѣнно, отличалось величайшою глубиной, указанное обстоятельство помѣшало создать единую по принципу классификацію, и потому они до конца колебались между различными возможностями классификації.

Одно не подлежитъ никакому сомнѣнію: тѣмъ признакомъ, на основаніи которого слѣдуетъ классифицировать виды хозяйства у человѣка, долженъ быть фактъ, существенный для структуры хозяйственной жизни, и притомъ такой, который имѣеть опредѣляющее значеніе для всѣхъ остальныхъ явлений, слѣдовательно фактъ первичный. Одинъ фактъ прежде всего привлекаетъ къ себѣ взоры внимательного наблюдателя, какъ именно такой фактъ. Это уровень производительныхъ силъ, которыми располагаетъ та или другая эпоха для своихъ хозяйственныхъ цѣлей. Степень развитія производительныхъ силъ представляется, очевидно, ту границу, въ предѣлахъ которой заключены всѣ хозяйственныя дѣйствія и стремленія; это, слѣдовательно, есть тотъ фактъ, который съ собственною объективной стороны опредѣляетъ всю хозяйственную жизнь. Понятна поэтому склонность избрать именно его признакомъ для разграничения различныхъ ступеней хозяйства. И если бы—такъ, напр., какъ это сдѣлано мною¹⁾—подвергнуть экономическую технику анализу, опираясь на принципы, лежащіе въ ея основѣ, то было бы нетрудно установить послѣдовательную лѣстницу пріемовъ труда и примыкающаго къ ней развитія производительныхъ силъ. И установить не чисто виѣшимъ способомъ, разграничивая эпоху камня, эпоху бронзы, эпоху желѣза, но такимъ образомъ, что мы разграничительными линіями различныхъ эпохъ хозяйства изберемъ проникновеніе въ хозяйственную жизнь примѣненія огня, известнаго орудія, ротаціоннаго принципа (принципа вращенія), пара, науки и т. д. Однако противъ этого по справедливости выдвигаются слѣдующія возраженія:

1) Такая классификація всегда будетъ имѣть отчасти произвольный характеръ, такъ какъ выборъ фактovъ, которые имѣли будто бы рѣшающее значеніе, не опредѣляется никакимъ правиломъ²⁾.

1) *Gewerbliche Arbeit*, стр. 17 и сл.

2) Краснорѣчивой иллюстраціей такого произвола можетъ служить раздѣленіе первобытныхъ хозяйственныхъ состояній, предпринятое Льюисомъ Г. Морганомъ. Я никогда не могъ понять, почему, напр., изобрѣтенію гончарного станка онъ приписывается

2) При такой классификации у насъ не было бы возможности сравнивать между собою различные эпохи хозяйства, что представляется большую важность для насъ,—не было бы этой возможности, такъ какъ, при различи пріемовъ труда, здесь отсутствовало бы *tertium comparationis*. Чтобы найти общую основу для сравнения, намъ пришлось бы опредѣлить производительность труда, присущую различнымъ пріемамъ, и степень ея положить въ основу классификаціи хозяйственныхъ ступеней. Установивъ единицу производительности, мы могли бы тогда различать эпохи съ двойною, четверною, шестидесятеною и т. д. производительностью. Если бы это было достижимо, съ формальной стороны нельзя было бы привести никакихъ возражений противъ такой классификаціи. Но пока что мы должны отказаться отъ такой классификаціи именно потому, что не располагаемъ необходимой для нея опорой. Мы не можемъ дать точнаго определенія производительности отдельныхъ пріемовъ труда и еще менѣе можемъ—это необходимая предпосылка обсуждаемой теперь классификаціи—привести всю технику извѣстной эпохи къ одному знаменателю и выразить ее въ одномъ-единственномъ коэффиціентѣ производительности. Но если бы даже намъ удалось восполнить эти пробѣлы въ нашеѧ знаніи, все же классификація, построенная на такихъ основаніяхъ, сдавали бы успѣхомъ. Причина такова:

3) Главное возраженіе противъ классификаціи хозяйственныхъ эпохъ по развитию производительныхъ силъ заключается въ томъ, что въ основу ея кладется собственно не экономический критерій. Для насъ представляютъ интерес не потенциальная способности производства, слѣдовательно, не простой фактъ существованія извѣстныхъ производительныхъ силъ, а тотъ способъ, какъ пріемы труда утилизируются на практикѣ. Только применение ихъ для достиженія хозяйственныхъ цѣлей, только вовлеченіе ихъ въ сферу хозяйственной дѣятельности и превращаетъ производительныя силы въ явленія экономического порядка. Слѣдовательно, если мы стремимся уразумѣть производительныя силы въ ихъ вліяніи, съ объективной стороны опредѣляющемъ хозяйственную жизнь, мы должны съ самаго начала представлять ихъ себѣ какъ бы въ соціальномъ одѣяніи; или, оставляя образныя выраженія, мы должны отыскать въ соціальной организаціи какія-либо явленія, непосредственно обусловленныя производительными силами, и разсматривать эти явленія, какъ выраженіе, какъ представителей производительныхъ силъ. Но по существу, по крайней мѣрѣ при современномъ уровнѣ нашихъ знаній, намъ извѣстно только одно такое явленіе: профессиональная специализація или, если предпочесть терминъ, заимствованный изъ естественныхъ наукъ, дифференціація хозяйственной дѣятельности. Связь между этимъ экономическимъ явленіемъ—дифференціаціей промышленной дѣятельности—и развитіемъ производительныхъ силъ находитъ себѣ выраженіе въ томъ эмпирически установленномъ фактѣ, что параллельно съ ростомъ производительныхъ силъ идетъ усиленіе специализаціи, дифференціаціи. Наблюденіе это даетъ намъ право

такое фундаментальное значеніе. Во всякомъ случаѣ приводимые имъ доводы отнюдь не даютъ удовлетворительного объясненія. Сравн. *Urgesellschaft*, нѣм. пер. 1891, стр. 9 и сл. (Рус. пер.: „Первобытое общество“, Сиб. 1900 г.).

смотрѣть на степень экономической дифференціаціи, какъ изъ выраженіе уровня развитія производительныхъ силъ¹⁾.

Но специализація хозяйственной дѣятельности всегда представляетъ только одну сторону сложнаго явленія. Она знаменуетъ, съ другой стороны, нѣкоторую утрату хозяйственной самостоятельности; чтобы человѣкъ могъ возвратить себѣ экономическую возможность существованія, необходимой предпосылкой для этого является установление опредѣленныхъ отношеній между его специализированной дѣятельностью и другими, тоже специализированными дѣятельностями, дополняющими первую. Точно такъ же для удовлетворенія совокупности потребностей необходимо сочетаніе специализированныхъ дѣятельностей. Слѣдовательно, въ своемъ отношеніи къ совокупности потребностей специализація принимаетъ видъ содѣйствія или частичной работы, направленной къ производству общаго продукта, или продукта, разсматриваемаго какъ цѣлое (отсюда ведущее къ неправильному пониманію выраженіе „раздѣленіе труда“). Сочетаніе отдельныхъ специализированныхъ дѣятельностей въ общій продуктѣ мы можемъ обозначить некрасивымъ, но мѣткимъ словомъ обобществленіе. Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующему положенію: степень обобществленія хозяйственной жизни опредѣляется степенью специализаціи хозяйственныхъ дѣятельностей, или, пользуясь терминами естествознанія: степень интеграціи опредѣляется степенью дифференціаціи. Слѣдовательно, степень обобществленія тоже можетъ служить косвеннымъ выраженіемъ степени развитія производительныхъ силъ. Если мы степень обобществленія изберемъ принципомъ для классификациіи ступеней хозяйства, мы, думается миѣ, удовлетворимъ всѣмъ требованіямъ, которыя должны предъявляться къ такому принципу. Въ самомъ дѣлѣ —

1) исходной точкой тогда послужитъ для нась явленіе соціальное;

2) мы получаемъ возможность сравнивать между собою различные способы хозяйства;

3) явленіе это стоитъ въ непосредственной связи съ фактомъ, имѣющимъ выдающееся значеніе для структуры хозяйственной жизни,—съ развитіемъ производительныхъ силъ;

4) болѣе всего позволяетъ считаться съ фактическимъ развитиемъ хозяйственной жизни въ исторіи.

Прежде чѣмъ набросать свою схему развитія ступеней хозяйства, мы должны отмѣтить еще одно обстоятельство: специализація можетъ развиться въ предѣлахъ или одного хозяйства, производительного или потребительного, или же она имѣть мѣсто между различными хозяйствами. Въ послѣднемъ случаѣ дѣятельность отдельного производительного хозяйства есть специализированная дѣятельность, представляетъ специальность. Въ такомъ смыслѣ мы и будемъ употреблять ниже понятіе специализаціи, а слѣдовательно, и понятіе обобществленіе.

Необходимо различать слѣдующія три ступени хозяйства:

1) Я изслѣдую этотъ вопросъ съ большою обстоятельностью въ своей работе „Die gewerbliche Arbeit“, стр. 339, примѣч. 1.

I. Индивидуальное хозяйство.

II. Переходное хозяйство.

III. Общественное хозяйство.

Мы уже теперь мимоходомъ отмѣтимъ параллелизмъ между этимъ тройственнымъ дѣленiemъ ступеней хозяйства и таблицею формъ производства. Въ основу его положены слѣдующія соображенія:

I. Ступень индивидуального хозяйства ¹⁾. Здѣсь все необходимое для потребительного хозяйства производится въ томъ же самомъ хозяйствѣ, которое, следовательно, одновременно является и производительнымъ хозяйствомъ; оно, самое большое, соприкасается съ другими хозяйствами, но отнюдь не переплетается съ ними.

II. Ступень переходного хозяйства можно назвать также общественнымъ хозяйствомъ низшаго порядка. Оно характеризуется тѣмъ, что здѣсь уже произошло раздѣленіе потребительного и производительного хозяйства. Общія потребности извѣстнаго хозяйства удовлетворяются, какъ общее правило, при содѣйствіи другихъ хозяйствъ. Слѣдовательно, уже достигнуто состояніе обобществленія, но обобществленія еще не высоко развитаго, еще не характеризующагося высокой степенью дифференціаціи. Значительная часть необходимыхъ продуктовъ производится все еще въ предѣлахъ того хозяйства, въ которомъ они потребляются. Слѣдовательно, отдѣльное хозяйство еще не вполнѣ утратило свою самостоятельность. Но поскольку разные хозяйства все же производятъ одно для другого, это совершается большою частью въ рамкахъ старыхъ общинныхъ формъ, которыхъ сохраняютъ рѣшающее значеніе и для интерлокальныхъ отношеній.

III. Наконецъ, ступень общественного хозяйства въ собственномъ смыслѣ, общественного хозяйства высшаго порядка. Дифференціація производительныхъ хозяйствъ и ихъ сплетеніе въ единое неразрывное цѣлое завершились; въ количественномъ и пространственномъ отношеніяхъ дифференціація достигла такой степени, что для взаимной связи отдѣльныхъ производительныхъ хозяйствъ требуются новыя искусственно созданныя формы, которыхъ становятся рядомъ со старыми и надъ старыми формами общенія. Слѣдовательно, на мѣсто прежнихъ организмовъ выдвигается механизмъ хозяйственной жизни ²⁾.

1) Терминъ „индивидуальное хозяйство“ нельзя признать удачнымъ, такъ какъ именно для этой ступени хозяйства характернымъ является коммунистический отпечатокъ; но я не знаю лучшаго термина. „Изолированное“ хозяйство—тоже нехорошо. Однако мнѣ кажется, что послѣ такой оговорки и благодаря дальнѣйшему изложенію устраивается возможность недоразумѣній. Марксъ въ одномъ мѣстѣ (*Lohnarbeit und Kapital*, стр. 15) замѣчаетъ, что всякое производство имѣть „общественный характеръ“, такъ какъ люди опредѣленнымъ способомъ соединяются для совмѣстной дѣятельности и взаимно обмѣниваются своими дѣятельностями“. Несомнѣнно, это вполнѣ справедливо для всѣхъ ступеней хозяйства, и самъ я въ другомъ мѣстѣ рѣшительно призналъ это. Несмотря на то, возможно такимъ способомъ, какъ это сдѣлано въ текстѣ, на основаніи совершенно опредѣленного критерія (соединеніе или раздѣленіе потребительного и производительного хозяйства) противопоставлять ступень „индивидуального хозяйства“ ступени общественного хозяйства.

2) Въ томъ смыслѣ, какъ употребляетъ это выраженіе F. Tönnies, *Gemeinschaft und Gesellschaft*, 1887.

Больше мы ничего не сумѣмъ сказать о различныхъ способахъ хозяйства, если, характеризуя ихъ, примѣмъ во вниманіе только такой моментъ какъ большая или меньшая степень обобществленія: онъ дасть немнога. Мы получили пока только какъ бы контуры картины, которую еще приходится нарисовать. Но что именно придастъ хозяйственной жизни, развивающейся въ рамкахъ отдаленной ступени хозяйства, вполнѣ опредѣленный колоритъ, характерную форму? Это, несомнѣнно, господствующая въ ту или иную эпоху система хозяйства. Только въ ней выступаетъ то, что можно бы называть творческимъ элементомъ хозяйствующаго человѣка. Ступень хозяйства, т.-е. степень обобществленія онъ принимаетъ какъ объективный фактъ, какъ масштабъ его производительныхъ силъ; напротивъ, строй хозяйственныхъ отношеній, оживленіе его посредствомъ постановки цѣлей, получающихъ выраженіе въ хозяйственномъ принципѣ, и осуществление послѣдняго,—все это, дѣло самого хозяйствующаго человѣка. Но такъ какъ онъ выполняетъ это дѣло въ различныхъ формахъ, то онъ сообщаетъ хозяйственной жизни ея пестрое многообразіе. Въ виду этого рядомъ съ систематикой ступеней хозяйства рѣшительно необходима систематика системъ хозяйства.

Подъ системой хозяйства мы будемъ разумѣть опредѣленный хозяйственныи строй, въ которомъ находятъ себѣ осуществлѣніе опредѣленные хозяйственныи принципы. Вслѣдствіе этого возникаетъ сомнѣніе: должна ли систематика хозяйственныхъ системъ сообразоваться съ различіями хозяйственного строя или же съ различіями хозяйственныхъ принциповъ. Рядъ серьезныхъ соображеній заставляетъ меня склониться въ пользу послѣдняго способа. Во-первыхъ, принципы хозяйства не представляютъ такой пестрой смѣси многочисленныхъ составныхъ элементовъ, какъ различные строи хозяйства. Когда дѣло идетъ о хозяйственномъ строѣ, выборъ того пункта, различіями котораго опредѣляются различія хозяйственного строя, всегда представляетъ актъ до извѣстной степени произвольный. Напротивъ, хозяйственныи принципы постоянно выступаютъ передъ нами съ большимъ единобразіемъ, и потому различіе ихъ представляеть болѣе легкое дѣло. Во-вторыхъ,—и это самое главное,—различіе хозяйственныхъ принциповъ, во крайней мѣрѣ насколько то необходимо для подраздѣленія системъ хозяйства въ крупныи группы, имѣть, на мой взглядъ, чрезвычайно важное значеніе. никакое величие хозяйственного строя, какъ бы рѣшительно оно ни было, или, говоря иначе, никакая изъ нормъ, съ объективной стороны опредѣляющая хозяйственное поведеніе индивидуума, не можетъ имѣть такого рѣшающаго значенія для общаго характера хозяйственной эпохи, не можетъ до такой степени опредѣлять всѣ подробности хозяйственной жизни, какъ господствующее въ данную эпоху, характерное для нея направленіе мотивовъ, получающее выраженіе въ постановкѣ цѣлей для хозяйственной дѣятельности. Это слѣдуетъ сказать въ особенности о томъ хозяйственномъ принципѣ, который, превосходя по значенію всѣ остальные, опредѣляетъ направленіе всего производства извѣстной эпохи и, слѣдовательно, подчиняетъ или приспособляетъ себѣ всѣ остальные максимы хозяйственного поведенія. Мы можемъ назвать его главнымъ принципомъ, или основнымъ мотивомъ (лейтмотивомъ) данной эпохи хозяйства. Если мы

какъемъ взглѣдомъ всю хозяйственную жизнь, которая когда-либо разыгрывалась на землѣ, разыгрывается въ настоящее время и—трудно удержаться отъ искушения и не добавить—будетъ разыгрываться во всѣ будущія времена, — мы встрѣтимъ два такихъ руководящихъ мотива. Въ различныя времена подпідство одного изъ нихъ сменялось другимъ, и оба они поперемѣнио опредѣляли характеръ хозяйства. Это—тѣ самые принципы, которые мастерской руки очертилъ еще Аристотель¹⁾, и противоположность которыхъ подразумѣваетъ въ своихъ обличительныхъ проповѣдяхъ всѣ великие увѣщатели нашего времени, начиная съ Лютера и переходя къ Сисмонди, Карлейлю и Гейнчке. Согласно одному изъ этихъ двухъ принциповъ, хозяйственная дѣятельность является средствомъ для удовлетворенія потребностей; напротивъ, другой принципъ получаетъ осуществленіе, когда производство богатства становится самоцѣлью. Въ послѣднемъ случаѣ подъ богатствомъ разумѣются не многочисленныя потребительныя блага во всемъ ихъ пестромъ многообразій: изъ всегда производятся для осуществленія какої-либо дальнѣйшей цѣли—хотя бы это была только дѣтская радость отъ обладанія ими,—следовательно это являются самоцѣлью. Пѣть, въ этомъ случаѣ имѣется въ виду богатство въ его общей формѣ, въ безкачественномъ видѣ всеобщаго эквивалента цѣнностей.

Эти два принципа раздѣляютъ, дѣйствительно, два разныхъ міра. Въ зависимости отъ того, какому изъ нихъ принадлежитъ гоеподство въ системѣ хозяйства, мы можемъ различать двѣ важныя группы хозяйственныхъ системъ:

1) **хозяйства, производящія для потребленія**²⁾, или, говоря иначе, непосредственно для удовлетворенія потребностей;

2) **промышленные хозяйства.**

Существенное различіе этихъ двухъ группъ хозяйственныхъ системъ выражается прежде всего въ слѣдующемъ: размѣры и характеръ производства опредѣляются въ обоихъ случаяхъ различно. Въ первомъ случаѣ производство съ количественной и качественной стороны опредѣляется потребностями какого-либо лица или группы лицъ. Хотя оно можетъ при этомъ колебаться въ предѣлахъ отъ величайшей простоты до сумасбродной утонченности, тѣмъ не менѣе оно всегда остается ограниченнымъ дѣйствительными потребительными способностями отдельного лица; такая непосредственная связь съ потребностями человѣка опредѣляетъ здѣсь и размѣры всего производства. Итакъ, размѣры и характеръ производства непосредственно опредѣляются въ этомъ случаѣ потребностями человѣка; точно такъ же и непосредственный толчокъ къ веденію производства исходить изъ сферы потребностей, или, по-просту выражаясь, отъ потребителя.—Напротивъ, въ промысловомъ хозяйстве существуетъ только одна граница для размѣровъ производства и только

1) Сравн. Pol. I, 3.

2) Слово „хозяйство“ употребляется здѣсь, очевидно, въ нѣсколько иномъ смыслѣ, чѣмъ когда мы говоримъ о „производительныхъ хозяйствахъ“. Строго говоря, здѣсь всегда следовало бы выражаться такъ: „система хозяйства, удовлетворяющаго свои потребности“. Но вкусы заставляютъ меня воздержаться отъ такого уродливаго словообразования—„Bedarfdeckungswirtschaftssystem“—и остановиться на менѣе точномъ, зато болѣе привлекательномъ способѣ выраженія. Я думаю, это не послужитъ ко вреду ясности и опредѣленности.

одна сила, определяющая характеръ производства: это—возможность извлечь прибыль изъ реализации продуктовъ. Но такъ какъ ростъ прибыли и направленное къ достижению ея стремление практически безграничны, то и для производства отпадаютъ какія бы то ни было границы въ количественномъ и качественномъ отношеніи¹⁾. Побужденіемъ къ производству, въ свою очередь, также является надежда на барышъ; слѣдовательно, побужденіе исходить уже не отъ потребителя, а отъ производителя.

Это различіе въ постановкѣ цѣлей передъ производствомъ получаетъ рѣшающее значеніе для всей структуры хозяйственной жизни. Прежде всего оно опредѣляетъ видовой характеръ производителя. Въ хозяйствѣ, производящемъ непосредственно для потребленія, количественная и качественная сторона производства представляетъ величину, точно опредѣляемую размѣрами и характеромъ потребностей. Поэтому функция производителя—исключительно исполнительская. Производитель является техническимъ рабочимъ, какъ можно выразиться для краткости. Напротивъ, если размѣры и характеръ производства требуютъ еще предварительного опредѣленія, если они измѣнчивы, если они стоятъ въ зависимости отъ измѣнчивыхъ шансовъ на прибыль, то существенная функция производителя будетъ заключаться въ правильной оцѣнкѣ этихъ шансовъ. Производство перестаетъ быть проблемой техническаго умѣнья и становится проблемой спекулятивного расчета. Производитель здѣсь уже не технический рабочий, но прежде всего купецъ (въ современномъ значеніи слова).

Въ планъ нашей книги входитъ обстоятельный анализъ двухъ историческихъ системъ хозяйства съ соответствующими имъ хозяйственными формами, изъ которыхъ одна принадлежитъ къ одной изъ только что названныхъ группъ, а другая—къ другой. Поэтому мы можемъ пока ограничиться только что слѣдующими общими замѣчаніями. Теперь же мы перейдемъ къ описанію болѣе детальныхъ различій внутри двухъ большихъ группъ хозяйственныхъ системъ. Система хозяйства есть хозяйственный строй, подчиненный опредѣленнымъ хозяйственнымъ принципамъ. А если такъ, то при одинаковости хозяйственныхъ принциповъ не вытекаютъ ли различія отдельныхъ системъ хозяйства изъ различій хозяйственного строя? Но хозяйственныхъ строевъ существовало и существуетъ столько же, сколько было, есть и будетъ различныхъ нравовъ и обычаевъ, регулирующихъ хозяйственную жизнь, различныхъ юридическихъ строевъ. Слѣдовательно, число хозяйственныхъ строевъ—легионъ. Поэтому, приступая къ классификаціи, мы должны имѣть въ виду лишь одну задачу: представить принципіально важнѣшіе элементы различ-

1) „Такъ тѣсъ хроматистикѣ съѣтъ тобъ тѣлое пѣрас, тѣлоу Ѹѣ въ толбосте плоскості хай хроматон итѣтс“, Aristoteles, Pol. I, 3, 9. („Нѣть предѣла для мотива этой хроматистики (ученія о приобрѣтеніи богатства), мотивъ же этотъ—богатство и приобрѣтеніе вещей“). Разумѣется, всякое производство въ послѣднемъ счетѣ ограничено потребителскими способностями индивидуума, и все продукты въ концѣ-концовъ служить удовлетворенію личныхъ потребностей. Но это ничего не измѣняетъ въ томъ фактѣ, что въ промысловомъ хозяйстве рѣшающее значеніе для хозяйствующаго субъекта имѣть отнюдь не объективная потребность въ предметахъ потребленія, а всегда только надежда на барышъ. Но барышъ 1) абстрактнѣй, безкачество; 2) количественно безграничнѣй.

ныхъ хозяйственныхъ строевъ, показать различія этихъ элементовъ, т.-е. на-
мѣтить главные типы различныхъ хозяйственныхъ строевъ.

Но какъ же такъ? могутъ спросить меня. Развѣ структура хозяйствен-
ного строя до такой степени произвольна, до такой степени независима отъ
господствующаго хозяйственнаго принципа? Въ извѣстной мѣрѣ, какъ сейчасъ
будетъ показано, дѣйствительно независима. Однако необходимо сдѣлать
одно существенное ограничение: господство промысловаго принципа всегда и
необходимо предполагаетъ существованіе опредѣленныхъ составныхъ элемен-
товъ въ хозяйственномъ строѣ,—безъ нихъ его господство было бы немыслимо.
Хозяйственный строй всякаго промысловаго хозяйства долженъ заключать въ
себѣ также именно элементы, чтобы открывалась возможность

- 1) производства для обмѣна: товарнаго производства;
- 2) свободы производства во всемъ, что касается мѣста, времени, харак-
тера производства и т. д.

Послѣднее необходимо по меньшей мѣрѣ для того, чтобы промысловое
хозяйство выступило въ своей чистой формѣ, достигло полнаго расцвѣта. Во
всякомъ случаѣ въ принципѣ оно постоянно тяготѣть къ свободѣ хозяйствен-
ного строя, хотя надо признать, что нерѣдко превосходно приспособляется
и къ хозяйственнымъ строемъ другого характера. Съ другой стороны, про-
мысловое хозяйство допускаетъ существенно различные оттенки въ хозяй-
ственномъ строѣ, въ частности—въ юридическомъ положеніи рабочаго по
отношению къ руководителю производства. Между ними вообще возможны двѣ
принципиально различныхъ формы юридическихъ отношеній: или отношенія
принудительныя или свободно-договорныя отношенія. Органами промысловаго
хозяйства могутъ быть и были рабы, вассалы или же свободные наемные
рабочіе. Важиѣшія формы промысловаго хозяйства, существовавшія въ исто-
рии, даютъ намъ примѣры всевозможныхъ отношеній. Эпоха Римской имперіи
была, несомнѣнно, эпохой высоко развитаго промысловаго хозяйства,—и ба-
зисомъ производства служилъ главнымъ образомъ трудъ несвободныхъ людей,
какъ въ колоніальныхъ предпріятіяхъ нового времени. Напротивъ, въ настоя-
щее время мы привыкли представлять себѣ промысловое хозяйство въ формѣ
хозяйства съ свободными наемными рабочими, въ формѣ капиталистического
мѣнового хозяйства.

Еще меньше внутренней связи между принципомъ удовлетворенія потребно-
стей, съ одной стороны, и строемъ хозяйства—съ другой. Принципъ этотъ ми-
рится съ самыми различными формами даже тѣхъ составныхъ элементовъ хозяй-
ственного строя, которые регулируютъ самую производственную дѣятельность,
равно какъ и способъ употребленія продуктовъ. Чтобы получить наглядную
схему и достигнуть такимъ образомъ наглядной классификаціи различныхъ
типовъ хозяйства, производящаго для собственнаго потребленія, я кладу въ
ея основу отношеніе затраты труда къ тому лицу, которое пользуется его
результатами. Отношеніе это, въ свою очередь, опредѣляется способомъ согла-
сованія между производственными процессами, съ одной стороны, и потребле-
ніемъ—съ другой. Тогда мы можемъ различать четыре главныхъ типа хозяй-
ственныхъ системъ этой группы въ зависимости отъ того, что лежитъ въ
ихъ основѣ:

- 1) удовлетворение собственных потребностей собственным трудомъ;
- 2) удовлетворение собственных потребностей чужимъ трудомъ;
- 3) удовлетворение чужихъ потребностей собственнымъ трудомъ;
- 4) удовлетворение чужихъ потребностей чужимъ трудомъ.

Типъ 1. Удовлетворение собственныхъ потребностей собственнымъ трудомъ свойственно всѣмъ системамъ самопотребляющаго хозяйства, въ которыхъ члены хозяйства суть единокровные родственники, следовательно, являются членами одной общины. Такимъ образомъ, изъ важнѣйшихъ типовъ, существовавшихъ въ исторіи, сюда относятся: всѣ хозяйства первобытныхъ родовыхъ общинъ¹⁾, хозяйства большой семьи у китайцевъ, южныхъ славянъ, кельтовъ (?) и т. д., хозяйства деревенской общины, начиная съ ихъ зародышей у индусовъ и до нашего времени.

Типъ 2. Къ удовлетворенію собственныхъ потребностей чужимъ трудомъ, если имѣть въ виду точку зрения главы хозяйства, стремится всѣ тѣ самопотребляющія хозяйства, которые объединяются мною подъ названіемъ расширенныхъ самопотребляющихъ хозяйствъ. „Расширены“ они въ томъ смыслѣ, что сфера ихъ уже не ограничивается одними кровными родственниками или односельчанами, находящимися въ одинаковомъ положеніи. Сюда относятся такія известныя явленія, какъ открытый Родбертусомъ ойкосный хозяйства древности, средневѣковыя хозяйства императорскихъ вилль, помѣстій и монастырей, организованныя на феодальныхъ началахъ. И въ этихъ хозяйствахъ размѣры и направление всего производства опредѣляются исключительно потребностями главы хозяйства и его людей. Но для удовлетворенія этихъ потребностей здѣсь примѣняется и принудительный трудъ чужихъ людей: рабовъ, крѣпостныхъ, вассаловъ и т. д. Какъ мы еще увидимъ впослѣдствіи, въ основѣ такой системы хозяйствъ можетъ лежать общность потребительного и производительного хозяйства или же взаимодѣйствіе несколькия отдельныхъ хозяйствъ.

Типъ 3. Удовлетвореніе чужихъ потребностей собственнымъ трудомъ имѣть мѣсто во всѣхъ случаяхъ, когда производство ведется уже для обмѣна, но промысловый принципъ еще не пустилъ прочныхъ корней. Сюда относятся какъ всѣ средневѣковыя „городскія хозяйства“, такъ и вообще всѣ известныя намъ мѣновые хозяйства, существовавшія среди примитивныхъ хозяйственныхъ отношеній. То обстоятельство, что мы конструируемъ такую систему хозяйства, на первый взглядъ можетъ произвести странное впечатлѣніе. Но, какъ будетъ показано ниже, всякое докапиталистическое мѣновое хозяйство можно уразумѣть только съ точки зрения взаимного удовлетворенія потребностей. Чтобы сдѣлать совершенной ту формулу, которая стоитъ во главѣ этого абзаца, къ ней, разумѣется, необходимо добавить одно слово: „удовлетвореніе собственныхъ и чужихъ потребностей собственнымъ трудомъ“, —

1) Въ моей работѣ: „Die gewerbliche Arbeit“, стр. 399, читатель найдетъ обзоръ выдающихся явлений въ относящейся сюда литературѣ.

собственныхъ и чужихъ опять-таки съ точки зрѣнія субъекта производительного хозяйства, напр., съ точки зрѣнія ремесленника или цеха. Несмотря на весь обманъ, руководящимъ принципомъ всей дѣятельности ремесленника остается слѣдующее: необходимо произвести потребительные блага такого характера и въ такомъ количествѣ, какъ это требуется для другого лица; необходимо произвести ихъ для того, чтобы такимъ способомъ добыть для себя самого необходимое пропитаніе такихъ свойствъ и въ такомъ количествѣ, какъ того требуютъ традиціонныя воззрѣнія.

Типъ 4. Удовлетвореніе чужихъ потребностей чужими трудомъ сдѣлалось бы принципомъ той хозяйственной системы, которая должна господствовать въ соціалистически организованной общинѣ съ высокимъ общественнымъ строемъ. Здѣсь какимъ-либо способомъ приводились бы въ извѣстность потребности всѣхъ гражданъ, и производственный процессъ регулировался бы на основаніи полученныхъ свѣдѣній. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ систему хозяйства, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести къ группѣ хозяйствъ, производящихъ непосредственно для удовлетворенія потребностей. Но субъектомъ хозяйства былъ бы здѣсь одинъ центральный органъ, который направлялъ бы дѣятельность всѣхъ производственныхъ единицъ; такимъ образомъ оказалось бы, что лица, занятые въ какой-либо одной изъ производственныхъ единицъ и являющіяся, съ точки зрѣнія субъекта хозяйства, чужими, т.-е. подчиняющимися его указаніямъ,—что эти чужія лица удовлетворяютъ потребности другихъ гражданъ, тоже чужихъ лицъ. Впрочемъ, я исключительно изъ любви къ симметріи ввелъ четвертый типъ хозяйствъ, производящихъ для удовлетворенія потребностей; по существу же я не придаю особенного значенія его конструированію, тѣмъ болѣе, что этотъ типъ не выражаетъ явленій, которыхъ уже были даны въ эмпирической дѣйствительности.

Теперь, думается мнѣ, мы познакомились со всею совокупностью возможныхъ системъ хозяйства, которые когда-либо существовали или могутъ существовать, и объединили ихъ въ одну стройную систему. Намъ остается сдѣлать еще одинъ шагъ: въ интересахъ однообразной систематики, мы должны установить связь между различными системами хозяйства и нашою схемой хозяйственныхъ ступеней. Тогда мы придемъ къ слѣдующему результату:

1) На ступени индивидуального хозяйства могутъ существовать лишь такія хозяйственныя системы, которые построены на принципѣ производства для удовлетворенія потребностей. Къ этой ступени относятся всѣ самопотребляющія хозяйства, поскольку въ нихъ сохраняется тождество между производительнымъ и потребительнымъ хозяйствомъ. Слѣдовательно, всѣ крестьянскіе общины, домашнія общины и т. д.—расширенное самопотребляющее хозяйство, поскольку производительное хозяйство совпадаетъ съ потребительнымъ.

2) На ступени переходныхъ хозяйствъ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, принципу производства для потребленія тоже принадлежитъ безраздѣльное господство. Сюда относятся: расширенная самопотребляющаяся хозяйства, въ которыхъ уже совершилось отдѣленіе производительныхъ хо-

зайствъ отъ потребительныхъ. Таково хозяйство землевладѣльцевъ Римской имперіи, феодаловъ среднихъ вѣковъ; таковы деревенскія хозяйства; таково мѣновое хозяйство съ его важнѣйшимъ типомъ такъ называемаго „городскаго хозяйства“.

3) На ступени общественнаго хозяйства впервые создается просторъ для господства промысловаго принципа. Къ этой ступени относятся системы промысловыхъ хозяйствъ эпохи Римской имперіи; рабскія хозяйства современныхъ колоній и господствующее въ настоящее время капиталистическое мѣновое хозяйство съ свободнымъ наемнымъ трудомъ. Но на этой ступени, безъ сомнѣнія, можетъ достигнуть господства и принципъ удовлетворенія потребностей: напр., представимъ себѣ, что организовалось соціалистическое государство, основой для котораго послужила достигнутая въ настоящее время Европой и Америкой степень хозяйственной дифференціаціи.

Если мы для наглядности изобразимъ въ одной таблицѣ всѣ эти дѣленія и подраздѣленія, то у насъ получится слѣдующая картина:

Ступени хозяйства:	Индивидуальное хозяйство.	Переходное хозяйство.	Общественное хозяйство.
Системы хозяйства:			
1. Первобытое родовое хозяйство.			
2. Семейные общины, „хозяйство большой семьи“.			
3. Расширенное самопотребляющее хозяйство при условіи единства производителя и потребителя народного хозяйства.			
4. Расширенное самопотребляющее хозяйство при условіи отдѣлки производителя отъ хозяйства отъ потребителя (помѣщики холода).			
5. Деревенское хозяйство.			
6. Мѣновое, въ частности „городское хозяйство“.			
7. Соціалитетическое хозяйство деревни.			
8. Рабовладѣльческое хозяйство древности.			
9. Рабовладѣльческое хозяйство современныхъ колоній.			
10. Капиталистическое мѣновое хозяйство съ свободнымъ наемнымъ трудомъ.			

Группы системъ хозяйства съ единообразными хозяйственными принципами:

Хозяйства, производящія непосредственно для потребленія.

Промысловая хозяйства.

Теперь, чтобы завершить нашъ обзоръ, мнѣ остается только показать, какія формы хозяйства соответствуютъ отдельнымъ хозяйственнымъ системамъ.

На примитивныхъ ступеняхъ хозяйства мы, разумѣется, еще не встрѣчаемъ самостоятельной организаціи производительного хозяйства. Послѣднее составляетъ интегральную часть всего хозяйственного строя, а тотъ, въ свою очередь, совпадаетъ съ соціальнымъ строемъ вообще. Такимъ образомъ носятелями хозяйственной инициативы на начальныхъ ступеняхъ хозяйственной жизни являются племя, родъ, семья. Если мы захотимъ определить хозяйственную форму, соответствующую этому примитивному состоянію, мы можемъ назвать ее родовымъ хозяйствомъ и семейнымъ хозяйствомъ.

Зачатки такой организаций производственной деятельности, которая занимает самостоятельное положение в рамках общественной жизни какъ цѣлого, а следовательно, и зачатки производительныхъ хозяйствъ, можно констатировать уже въ сферѣ расширенного самопотребляющего хозяйства. Хозяйственной формой, соответствующей этимъ системамъ хозяйства, является ойкосъ, поместье или вилла.

Переходя къ системѣ деревенского хозяйства, мы должны различать два следующихъ случая: въ одномъ центромъ хозяйственной организаціи еще остается деревенская община, въ другомъ центромъ тяжести становится уже хозяйства отдельныхъ крестьянъ. Въ зависимости отъ этого мы получаемъ двѣ различныхъ формы хозяйства, изъ которыхъ одну назовемъ общинымъ хозяйствомъ, а другую—крестьянскимъ хозяйствомъ.

Уже въ расширенномъ самопотребляющемъ хозяйстве и въ деревенскомъ хозяйстве можетъ имѣть мѣсто выдѣленіе известной отрасли промышленной деятельности въ особую профессию. Однако только мѣновое, въ частности „городское“, хозяйство создало самостоятельную организацію для индустриального производственного хозяйства. Это—

ремесленная организація,

сущности которой будеть посвящена первая книга нашей работы.

Стремясь представить себѣ тѣ хозяйственныхъ формы, которыя, по всей вѣроятности, возникли бы въ соціалистическомъ общинномъ хозяйстве, мы можемъ мыслить ихъ въ двухъ видахъ: это будутъ или (при централистической организаціи) общинно-хозяйственные учрежденія, управлениа, дирекціи, или же (если организація хозяйственной жизни приметъ болѣе децентрализованный характеръ)—производительные товарищества.

Общимъ для всѣхъ перечисленныхъ до сихъ порь хозяйственныхъ формъ является тотъ признакъ, что въ основѣ ихъ лежитъ принципъ производства для непосредственного удовлетворенія потребностей, т.-е. производственная деятельность организуется въ нихъ съ тою цѣлью, чтобы удовлетворить нужду въ определенного рода потребительныхъ благахъ. Вслѣдствіе этого они представляютъ полную противоположность—настолько полную, что трудно было бы отгѣнить всю ся рѣзкость—тѣмъ хозяйственнымъ формамъ, которые соответствуютъ промысловымъ хозяйственнымъ системамъ и которыя мы соединимъ подъ общимъ названіемъ—

предпріятія.

Мы послѣ обстоятельного размышленія остановились на употреблении слова „предпріятіе“ въ такомъ ограничительномъ смыслѣ — въ значеніи хозяйственной формы только промысловыхъ хозяйствъ: уже самое выраженіе содержитъ при такихъ условіяхъ указание на своеобразный характеръ этой хозяйственной формы. Какъ известно, слово „предпріятіе“ обычно употребляется не въ такомъ ограничительномъ смыслѣ. Напротивъ, обыкновенно говорятъ о „ремесленномъ предпріятіи“ точно такъ же, какъ и о капиталистическомъ предпріятіи. Густавъ Шмollerъ склоненъ даже распространять

нить это название на все формы хозяйства, производящего для обмена. На мой взглядъ, это нецѣлесообразно, потому что равносильно перенесеню выразительного чисто современаго названія на совершение гетерогенныхъ (разнородныхъ) вещи. Словомъ „Unternehmung“ (предпріятіе) нѣмецкій языкъ всегда обозначаетъ нечто отважное, спекулятивное, ненадежное.

„Sagt, was ihr wohl in deutschen Landen
Von unserer Unternehmung hofft“¹⁾.

Называемъ же мы „предпріимчивыемъ“ человѣкомъ того, въ которомъ много инициативы, рѣшимости, энергіи. Я думаю, что это первоначальное значение хотя частью перешло на экономической терминѣ, обозначающей определенную форму хозяйства. Поэтому намъ слѣдуетъ соблюдать известную осторожность и не распространять примѣненіе его на такія хозяйственныя состоянія, для которыхъ, какъ, напр., для Среднихъ вѣковъ, характерно именно полное отсутствіе спекулятивного элемента. Было бы неисторично называть ремесленника предпринимателемъ. Его существование опредѣляется какъ разъ тѣмъ, что онъ вовсе не предприниматель. Такъ объясняется мое стремленіе замѣнить выраженіе Шмилера „предпріятіе“ общимъ выраженіемъ „форма хозяйства“, а название „предпріятіе“ сохранить лишь для одной определенной изъ многочисленныхъ формъ хозяйства. Мы отчасти поступали такъ уже въ предыдущемъ изложеніи, но еще чаще такие случаи будуть встрѣчаться на дальнѣйшемъ протяженіи этой работы.

* * *

Я не могу закончить этого отдела о систематикѣ различныхъ формъ организаціи хозяйственного труда, не сдѣлавъ слѣдующаго признания: насколько дѣло идетъ объ организаціи хозяйства, систематика, на мой взглядъ, не имѣеть особенной цѣнности для углубленія научнаго познанія. Цѣль систематики въ данномъ случаѣ состоить исключительно въ томъ, чтобы дать возможность быстро, хотя и поверхностно, ориентироваться; о внутреннемъ же существѣ явлений она говорить очень мало. Полную противоположность этому представляетъ ученіе о производствѣ и его формахъ: оно почти всецѣло исчерпывается неподвижными схемами систематики. Причина такого различія понятия: она заключается въ историческомъ колоритѣ хозяйственной организаціи. Благодаря этому, мы всегда и неизбѣжно осуждены на ошибки, если попытаемся создать единообразную систематику, которая, несмотря на многосложность исторіи, для всѣхъ эпохъ претендовала бы на одинаковое значеніе.

Всякая систематика хозяйственной организаціи, претендующая на научную цѣнность, должна, напротивъ, съ самаго начала ограничиваться хозяйственою жизнью въ одну опредѣленную, эмпирическую эпоху исторіи, напр., хозяйственою жизнью европейскихъ народовъ въ Средніе вѣка и въ новое время. Только такимъ хозяйствомъ известной эпохи,

1) [„Скажите, на что надѣяться намъ съ нашимъ предпріятіемъ въ нѣмецкихъ земляхъ“].

зыкающимъ изъ своеобразного сочетанія условій, и можетъ овладѣть систематика хозяйственной организаціи, не впадая въ чрезвычайную опасность насилия надъ фактическими явленіями. Но и послѣ того, какъ мы сдѣлали такое ограниченіе, мы еще не сказали всего, что можно сказать противъ схемы хозяйственныхъ системъ и т. д. Необходимо съ величайшою рѣшительностью настаивать на той мысли, что и въ отмѣченномъ сейчасъ значеніи систематика будетъ плодотворна при томъ лишь условіи, если она дасть возможно широкій просторъ генетическому способу изученія. Т.-е. исходнымъ пунктомъ изслѣдованія должны послужить системы хозяйства въ ихъ строгой логической послѣдовательности, но изслѣдованіе должно въ то же время главное вниманіе направить на процессъ постепенного развитія (какъ въ систематическомъ, такъ и въ генетическомъ отношеніи) одной опредѣленной системы хозяйства. Такимъ образомъ наиболѣе цѣлесообразной группировкой эмпирическаго матеріала была бы слѣдующая: наблюденіе обращается прежде всего къ проявляющимъ въ данную эпоху господствующимъ мотивамъ хозяйствующихъ субъектовъ, къ хозяйственнымъ принципамъ; далѣе, опираясь на добытое такимъ способомъ знакомство съ цѣлями субъектовъ хозяйства, необходимо сдѣлать попытку синтетически конструировать особенности соответствующей хозяйственнымъ принципамъ системы хозяйства какъ пѣлаго, или же объяснить ее въ ея эмпирической дѣятельности. Это—систематико-генетический способъ разсмотрѣнія. Потомъ наблюденіе открывается, что на ряду съ господствующими принципами хозяйства начинаютъ борьбу за признаніе новые, которые стремятся постепенно преобразовать весь хозяйственный строй, пока, наконецъ, они не замѣстятъ старой системы хозяйства новою, соответствующую цѣлямъ, лежащимъ въ основѣ этихъ новыхъ принциповъ. Это—историко-генетический способъ разсмотрѣнія.

При такихъ приемахъ изслѣдованія какъ бы само собою получится естественное, опредѣленное подраздѣленіе исторического хода событий. Мы найдемъ, что на протяженіи эмпирически ограниченного періода времени известный хозяйственный принципъ и соответствующая ему система хозяйства пользуются вполнѣ безграничнымъ господствомъ. Напротивъ, въ другіе періоды новые хозяйственные принципы ведутъ въ рамкахъ господствующей системы хозяйства борьбу за признаніе. Или, выражаясь другими словами, всякий новый хозяйственный принципъ стремится сначала реализоваться въ рамкахъ господствующей хозяйственной системы. Онъ первоначально осуществляется въ такихъ формахъ хозяйства, структура которыхъ еще въ значительной степени опредѣляется особенностями хозяйственного строя, порожденного другимъ хозяйственнымъ принципомъ, а именно принципомъ, господствующимъ въ данную эпоху, и лишь постепенно вся хозяйственная жизнь можетъ преобразоваться въ соответствии съ духомъ нового принципа. Эпоху, когда новый хозяйственный принципъ проявляется въ рамкахъ старого строя, можно назвать ранней, или начальной, эпохой новой системы хозяйства и поздней эпохой старой системы хозяйства. Между ранней и поздней эпохой лежитъ эпоха расцвѣта хозяйственной системы, когда во всей чистотѣ развивается духъ только одного господствующаго хозяйственного принципа. Эта схема генетического способа изученія въ ея примѣненіи къ

эмпирически определенному периоду хозяйства и лежит въ основѣ нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдований.

Послѣдовательность мысли въ нихъ такова: въ ходѣ развитія сложилась система хозяйства, соответствующая хозяйственному принципу ремесленной дѣятельности. Это — средневѣковая эпоха Европы, или, если угодно, эпоха городского хозяйства (хотя я уже говорилъ, насколько мнѣ несимпатична господствующая теперь теорія „городского хозяйства“, „теорія чашки“, какъ насмѣшило окрестить ее Лошь: всю многосложность хозяйственныхъ явлений она насилиственно и чисто вѣшнимъ образомъ втискиваетъ въ схему, построенную на основѣ определенного пространственного протяженія). Вся хозяйственная жизнь сформировалась здѣсь какъ бы по образу и подобію ремесленника. „Хозяйство“ здѣсь есть само „ремесло“.

Но вотъ въ рамкахъ этой исторически определенной системы хозяйства создается новый хозяйственный принципъ: капиталистический принципъ, который создаетъ соответствующую ему форму хозяйства — капиталистическое предпріятіе—сначала въ рамкахъ ремесленной организаціи: начинается ранніяя капиталистическая эпоха. Потомъ мы стараемся прослѣдить дѣйствіе капиталистического хозяйственного принципа: какъ онъ медленно преобразуетъ хозяйственную жизнь въ согласіи съ соответствующими ему цѣлями, пока, наконецъ, хозяйственный строй не становится адекватнымъ хозяйственному принципу, т.-е. пока не открывается эпоха расцвѣта капитализма. Прослѣдить этотъ переходъ изъ старой ремесленной организаціи, достигшей полного расцвѣта, въ капиталистическую организацію на высшей ступени ея развитія и показать всю закономѣрность этого перѣхода и составлять задачу двухъ первыхъ томовъ предлагаемой работы. На долю позднѣйшихъ работъ выпадаетъ изслѣдованіе законовъ развитія чисто-капиталистической или поздней капиталистической эпохи, которая совпадаетъ съ ранней соціалистической эпохой.

Освѣдомленный человѣкъ легко откроетъ средство этой „схемы развитія“ съ схемою Маркса. Но, надѣюсь, онъ замѣтитъ и прогрессъ въ моемъ способѣ разсмотрѣнія хозяйственныхъ явлений. Онъ увидитъ, что я дѣлаю попытку замѣнить — это касается формальной стороны дѣла — образный языкъ Маркса опредѣленiemъ понятій, свободнымъ отъ образности, а съ другой стороны — окончательно замѣстить неорганический, революціонистскій взглядъ Маркса на ходъ развитія нашей общественной жизни воззрѣніемъ органическимъ, эволюціонистскимъ, болѣе соответствующимъ современному состоянію знаній.

Теперь читатель достаточно подготовленъ для того, чтобы въ моемъ сопровожденіи отправиться въ путь черезъ богатую область историческихъ явлений, относящихся къ хозяйственной эпохѣ, которая охватываетъ цѣлое тысячелѣтіе.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Хозяйство какъ ремесло.

„Наши предки не были глупцами: ремесла выдуманы затѣмъ, чтобы каждый могъ добывать себѣ хлѣбъ насущный. И пусть никто да не вторгается въ ремесло другого, дабы всякий могъ прокормиться и удовлетворять иные посланныя ему нужды“. Friedrich Reisers Reformation des K. Sigmund. Ed. Воех (1876), 218.

„Приложи попеченіе къ тому, чтобы не искаль въ такой торговлѣ ничего большаго, чѣмъ только пропитаніе, и чтобы, сообразуясь съ затратами, хлопотами, трудомъ и поездками, ты самъ могъ устанавливать, повышать и понижать (цѣны) какъ разъ настолько, насколько это необходимо, чтобы ты получалъ вознаграждение за такой трудъ и хлопоты“. M. Luther, Von Kaufshandlung und Wucher (1524). Werke; Krit. Ges. Ausg. 15 (1899), 296.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Понятие „ремесло“.

Слово „ремесло“ имѣеть нѣсколько значеній; „Wörterbuch“ Гrimма насчитываетъ три значенія. Но если приглядѣться къ дѣлу поближе, легко открыть даже больше, чѣмъ три. Въ послѣдующемъ я отмѣчу только важнѣйшія изъ нихъ, чтобы съ большою опредѣленностью выяснить тотъ смыслъ, въ какомъ слово „ремесло“ будетъ употребляться въ нашей работѣ.

„Ремесло“ означаетъ:

1) „Рукомесло“, работу, выполняемую руками: „opus manu factum“ (Гrimmъ 1); „всегда переходъ отъ ручной къ машинной работѣ“ [Гёте въ письмѣ къ Шиллеру (1, 203)].

2) „Ремесло въ болѣе узкомъ смыслѣ—составляющій сравнительно постоянное занятіе промыселъ, въ которомъ требуется главнымъ образомъ ловкость рукъ; ars mechanica въ отличіе отъ искусства и отъ низшихъ видовъ ручного труда“ (Grimmъ 2). Хорошую иллюстрацію такого значенія можно встрѣтить у Гёте (27, 50): „если бы подеста понималъ свое ремесло“... Но, очевидно, то же слово имѣеть уже совершенно другое значеніе, когда у Гёте (27, 68) говорится: „что я мало понимаю въ искусствѣ, въ ремеслѣ живописи“... Въ этомъ случаѣ слово „ремесло“ служитъ для обозначенія

3) техники, совокупности тѣхъ умѣній, которыя требуются для совершенія известной работы, известнаго „рукомесла“. Именно такой смыслъ имѣеть это слово въ той фразѣ изъ введенія къ „Технологіи“ Бекмана, которая между прочимъ цитируется у Гrimма (2): „искусство подвергать переработкѣ сырья или уже обработанныя произведенія природы называется ремесломъ“.

Но даже въ томъ случаѣ, если бы мы не признавали самостоятельнаго значенія за послѣднимъ изъ смысловъ, въ какихъ употребляется слово „ремесло“, мы все же не можемъ отрицать, что опредѣленіе Гrimма, какъ бы справедливо и тонко оно ни было, страдаетъ однимъ недостаткомъ. Недостатокъ этотъ въ особенности важенъ для насъ: опредѣленіе слишкомъ широко, потому что оно игнорируетъ специфически экономическія отношенія. Если мы будемъ имѣть въ виду только промышленныхъ рабочихъ въ узкомъ значеніи этого слова, т.-е. рабочихъ, занятыхъ усовершенствованіемъ или обработкой

б) въ смыслѣ совокупности всѣхъ явлений, связанныхъ съ ремесленной организацией известной эпохи. Это послѣднее значение близко подходитъ къ тому определенію, которое дано подъ цифрой 4: въ обоихъ случаяхъ предметъ одинъ и тотъ же, различны только точки зрения, съ которыхъ мы смотримъ на него. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду явленія, которыя группируются около хозяйствующаго въ производствѣ субъекта: исходящіе отъ него планы, постановку известныхъ цѣлей, юридическая отношенія и т. д.; въ другомъ случаѣ мы сосредоточиваемъ вниманіе на томъ, какъ всѣ отношенія, инициаторомъ или творцомъ которыхъ является индивидуумъ, объективировались въ правѣ и правахъ, и на экономическихъ процессахъ, развертывающихся на этой объективной основѣ. Въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же—о томъ, что мы можемъ назвать ремесленной организацией хозяйственной жизни; но въ одномъ случаѣ мы больше обращаемъ вниманіе на субъективную сторону этой организаціи, въ другомъ—на ея объективную сторону.

7) Въ томъ значеніи, какъ слово „ремесло“ употребляется въ заголовкѣ этой книги („хозяйство какъ ремесло“), мы распространяемъ это название (ремесло, „ремесленная организація“) на всякую хозяйственную дѣятельность, которая совершается по образцу ремесла „въ собственномъ смыслѣ“ (значеніе 4 и 6): это—ремесло въ широкомъ значеніи слова.

Я полагаю, что мы поймемъ сущность ремесленной организаціи—какъ и всякой другой,—если уяснимъ себѣ слѣдующіе пункты, отвѣтъ на которые будетъ достаточенъ и для характеристики всякой другой формы хозяйства:

- 1) субъектъ хозяйства,
- 2) родъ его дѣятельности,
- 3) родъ и способъ реализаціи продуктовъ,
- 4) возрѣнія субъекта хозяйства на смыслъ и цѣль его дѣятельности.

Достаточно охарактеризовавши ремесло во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, мы обратимся потомъ къ анализу объективныхъ условій его существованія.

Въ своемъ анализѣ мы ограничимся прежде всего ремесленной организаціей производства, „собственно ремесломъ“. Въ послѣдующемъ изложеніи, когда рѣчь идетъ о ремеслѣ и ремесленникахъ, всегда (если не сдѣлано особой оговорки) слѣдуетъ разумѣть промышленное ремесло и промышленного ремесленника.

Мы преднарѣзанно оказываемъ такое предпочтеніе области промышленного производства: основная идея нашихъ изслѣдований заключается въ томъ, что хотя своеобразная организація, которую мы называемъ ремесломъ, и сложилась первоначально въ сферѣ промышленного производства, но потомъ въ теченіе долгой эпохи имѣла опредѣляющее значеніе для характера всей хозяйственной жизни: точно такъ же какъ въ позднѣйшее время опредѣляющая роль переходитъ къ порожденному торговымъ духомъ капиталистическому предпріятію. Сначала и торговля имѣла видъ ремесла; теперь и производство имѣть видъ торгового предпріятія. Считаясь съ этимъ обстоятельствомъ, мы и избрали заголовокъ для первой книги нашего изслѣдованія.

* * *

Чтобы предотвратить возможный недоразумѣнія, я долженъ рѣшительно указать читателю на то обстоятельство, что дальнѣйшія главы написаны и понимать ихъ слѣдуетъ съ двоякою точки зрѣнія: съ историко-теоретической и теоретико-исторической. Съ одной стороны, и прежде всего, необходимо было выяснить сущность ремесленной организаціи *in abstracto*; съ этою цѣлью приходилось объединять характерные признаки ремесла, взятые иногда изъ различныхъ эпохъ хозяйства. Но, съ другой стороны, въ то же время необходимо было нарисовать картину опредѣленной, эмпирически данной, эпохи хозяйства—той эпохи, въ которую ремесленная организація хозяйственной жизни развивалась, можетъ быть, въ наибольшей чистотѣ и которая служить исходной точкой въ исторической части нашей работы: короче говоря, необходимо было нарисовать картину средневѣковаго хозяйства.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сущность ремесленной организації промышленности.

А. Ремесленникъ.

Приступая къ характеристикѣ ремесла, мы начинаемъ съ ремесленника и личности ремесленника. Поступая такъ, мы руководствуемся тѣмъ соображеніемъ, что внутреннее существо формы хозяйства на практикѣ опредѣляется субъектомъ хозяйства. Хозяйственная форма есть его созданіе, возникла изъ его стремленія къ достижению его цѣлей, въ немъ ея начало, ея существование и ея конецъ.

Что же такое „ремесленникъ“ по своему внутреннему существу? Мы кажется, мы лучше всего выразимъ это, если постараемся опредѣлить его сначала съ отрицательной стороны: „ремесленникомъ“ мы не назовемъ такого промышленного рабочаго, который не располагаетъ всѣми условіями, необходимыми для производства и сбыта благъ, — какъ условіями, связанными съ его личностью, такъ и условіями материального характера. Слѣдовательно, въ личности „ремесленника“ еще объединяются всѣ свойства промышленнаго¹⁾ производителя, или, какъ можно бы сказать въ общей формѣ, онъ еще обладаетъ способностью въ производствѣ безъ какой бы то ни было дифференцировки. Мы уже знаемъ, что для производства всегда требуется соединеніе вещественнаго имущества и личныхъ способностей; поэтому изъ только что сказаннаго вытекаетъ, что ремесленникъ, кроме личныхъ способностей, располагаетъ еще и всѣми вещественными благами, необходимыми для производства, т. е. владѣеть средствами производства²⁾. Мы можемъ выразить это въ такой формѣ: по отношенію къ ремесленнику еще не имѣла мѣста дифференціація личнаго и вещественнаго имущества; или, пользуясь другимъ оборотомъ, но сохрания тотъ же смыслъ: вещественное имущество ремесленника еще не приобрѣло свойствъ капитала.

1) [„Промышленность“, „промышленный“ и т. д. употребляется на всемъ протяженіи книги въ смыслѣ „обрабатывающей промышленности“ и т. п.].

2) Французскіе статуты очень мало выражаютъ это въ формѣ предписанія: „Qui conques vent estre de tel mestier, estre le puet poer tant qu'il sache le mestier et ait de coi“. „Кто хочетъ быть такого-то ремесла—можетъ, лишь бы зналъ это ремесло и имѣть средства“. E. Levasseur, *Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France* 1² (1900), 263.

Но здѣсь необходимо немедленно констатировать, что изъ этого факта отнюдь нельзя умозаключать, будто вещественные имущества ремесленниковъ равны въ количественномъ отношеніи. Напротивъ, размѣры вещественного имущества, которое требуется для ремесленной производственной единицы или имѣется въ наличности, могутъ быть до крайности различны, и судя по всему, что извѣстно намъ на этотъ счетъ изъ прошлаго и настоящаго, они и въ дѣйствительности были различны. Это справедливо, имѣемъ ли мы въ виду различія въ уровнѣ имущества въ различныхъ промыслахъ или же различія въ размѣрахъ его у представителей одного и того же промысла.

Къ сожалѣнію—и въ особенности по отношенію къ прошлому времени—мы располагаемъ лишь чистотожнымъ количествомъ цифровыхъ данныхъ о такъ называемомъ „капиталѣ производства“ въ различныхъ ремеслахъ и у различныхъ ремесленниковъ. Но изъ цифръ имущества и доходовъ достаточно ясно видно, что во всѣ времена различные ремесленники производили свои операции, опираясь на вещественные имущества, до чрезвычайности различающіяся по величинѣ. Ходячее представление о существованіи массы рабочихъ, занятыхъ промышленнымъ трудомъ и находящихся въ одинаковомъ экономическомъ положеніи, насколько это представление допускаетъ фактическую проверку, не могло претендовать на справедливость ни въ какую эпоху, когда ремесло вообще достигало болѣе или менѣе значительного развитія. Во всѣ времена встречались ремесла, которые по зажиточности своихъ представителей стояли во много разъ выше другихъ; точно такъ же въ предѣлахъ отдельного ремесла всегда были мастера, которые по богатству — если только можно употребить здѣсь это слово — поднимались на недосягаемую высоту надъ своими товарищами. Немногихъ цифръ будетъ достаточно для доказательства этого факта: взятый изъ совершенно различныхъ эпохъ и для совершенно различныхъ мѣстъ, всѣ онѣ даютъ вполне одинаковую картину сильной дифференціаціи имущества у ремесленниковъ.

Хорошія свѣдѣнія о размѣрахъ доходовъ у парижскихъ ремесленниковъ въ XIII столѣтіи даютъ намъ *registre de la taille* (податные списки) (1292). Согласно этому документу, доходы распредѣлялись тогда слѣдующимъ образомъ: у одного шапочника, изготавлившаго войлочные шляпы, показанъ доходъ въ 19.000 франковъ, у одного сукнодѣла — 9.000 фр., у нѣсколькихъ другихъ ремесленниковъ — болѣе 5.000 фран. у каждого, и болѣе чѣмъ у 100 ремесленниковъ — доходъ болѣе 1.000 франковъ; между тѣмъ громадное большинство ремесленниковъ имѣло доходъ менѣе 250 фр. Общую картину распредѣленія доходовъ даетъ слѣдующая таблица ¹⁾). Имѣли доходъ:

болѣе 10.000 франковъ	1	ремесленникъ.
5.000—10.000 "	6	"
1.000— 5.000 "	121	"
250— 1.000 "	375	"
50— 250 "	821	"

Вполнѣ согласуется съ этимъ картина положенія базельскихъ ремесленниковъ въ XV вѣкѣ ¹⁾). Въ 1429 году въ Базель располагали имуществоомъ:

	Менѣе 50 флорин.	Отъ 50 до 300 флорин.	Отъ 300 до 1.000 флор.	Свыше 1.000 флор.
Сукнодѣловъ	159	51	2	1
Кузнецова	42	86	36	8
Мясниковъ	34	35	18	10
Пекарей	19	31	14	6
Портныхъ и скорняковъ . .	65	47	9	2
Плотниковъ и каменщиковъ .	80	100	28	5
Сукностриговъ (?), маляръ и шорниковъ . .	24	34	16	2
Льно-ткачей и ткачей . .	53	32	8	—
Всего	488	416	131	34

Такія же имущественные различія обнаруживаются въ XV столѣтіи среди ремесленниковъ Гейдельберга. Въ среднемъ приходилось имущества на душу (въ гульденахъ) ²⁾:

Цехъ мясниковъ	199
“ пекарей	167
“ портныхъ	119
“ башмачниковъ	113
“ кузнецовыхъ	100
“ ткачей	52

Въ предѣлахъ отдѣльныхъ цеховъ тоже не было равенства собственности, но, напротивъ, наблюдались весьма большія имущественные различія. Въ XV столѣтіи изъ 91 кузнецова Гейдельберга 9 принадлежали къ представителямъ “крупной” собственности, а 58—къ представителямъ “мелкой” и т. д. ³⁾. Насколько рѣзки были имущественные различія между мастерами одного и того же цеха уже въ эпоху среднихъ вѣковъ, это видно хотя бы изъ слѣдующаго сопоставленія. Въ XIV столѣтіи во Франкфуртѣ на Майнѣ нѣкоторые (числомъ 11) изъ шерстоткачей имѣли право сбывать на ярмаркѣ 36 кусковъ сукна, другіе же (числомъ 49)—всего четыре куска ⁴⁾. Слѣдовательно, различія въ размѣрахъ производства выражаются отношеніемъ 1 : 9.

Въ Кельнѣ отдѣльные цехи различаютъ братьевъ и мастеровъ среди самостоятельныхъ, т.-е. работающихъ за собственный счетъ членовъ. Моне ⁵⁾ предполагаетъ, что въ основѣ такого различія лежитъ учрежденіе промежуточной ступени между мастерами и подмастерьями, ступени такъ называемыхъ братьевъ. Такимъ образомъ мелкие ремесленники получали возможность заниматься ремесломъ самостоятельно. Они должны были платить вступ-

1) G. Schönberg, Finanzverhältnisse der Stadt Basel im 14 und 15 Jahrhundert (1879), 180—181.

2) F. Eulenburg. Zur Bevölkerungs- und Vermögensstatistik des 15 Jahrh. Zeitschrift für Social- u. Wirtschaftsgeschichte 3, 457): „Во всякомъ случаѣ, совершенно не подтверждается, что тогда имущество средней величины было нормой... мы наблюдаемъ, напротивъ, величайшія противоположности богатства и бѣдности среди городского населения“.

3) Ibid., стр. 460.

4) K. Bücher. Die Bevölkerung von Frankfurt a. M. im 14 u. 15 Jahrhundert 1 (1886), 91.

5) Мона. Записки о промышленности, част. 19—16 со. 75—изд. чист. Западнаго 15—19.

ныя деньги въ половинномъ размѣрѣ. Пріобрѣта необходимое имущество, они переходили въ классъ мастеровъ.

Впрочемъ, какъ извѣстно, средневѣковые источники часто прямо упоминаютъ о бѣдныхъ и богатыхъ членахъ цеховъ; они содержать многочисленныя постановленія, продиктованныя стремлениемъ поддержать, несмотря на разницу въ материальныхъ условіяхъ, независимость бѣдныхъ мастеровъ отъ богатыхъ и привести на практикѣ равноправность тѣхъ и другихъ, признаваемую принципіально.— Что касается современности, числа даются такую же точно картину. Поучительная статистика доходовъ ремесленниковъ современного Лейпцига, разработанная Бюхеромъ¹⁾ и, несомнѣнно, типичная для большинства большихъ городовъ нашего времени, приводить къ такимъ результатамъ. Изъ всѣхъ ремесленниковъ Лейпцига располагали доходомъ:

менѣе 1.250 марокъ	60,8%
1.250—3.300 "	29,3%
3.300—5.400 "	6,2%
5.400—12.000 "	2,9%
свыше 12.000 "	0,8%

Распределеніе доходовъ разнаго размѣра между отдѣльными отраслями производства видно изъ слѣдующей таблицы.

Изъ каждой сотни ремесленниковъ на отдѣльныя категоріи доходовъ приходилось:

Отрасли производ- ства.	300—1250 марокъ.	1250—3300 марокъ.	3300—5400 марокъ.	5400—12000 марокъ.	свыше 12000 марокъ.
1. Мясники	7.8	38.4	30.6	18.9	4.2
2. Пажари	9.3	58.6	22.9	8.7	0.5
3. Кондитеры	27.0	48.1	11.5	11.7	1.9
4. Скорняки	30.3	49.2	10.7	4.9	4.9
5. Слесари	32.0	61.2	5.3	1.4	—
6. Переплетчики	37.4	45.6	8.8	4.1	4.1
7. Жестянщики	38.5	51.4	5.5	2.8	1.8
8. Стекольщики	42.6	53.7	2.2	1.5	—
9. Шорники, карет- ники	46.8	43.4	4.9	3.5	1.4
10. Часовщики	47.3	41.7	8.2	2.7	—
11. Столяры	49.0	43.3	5.7	1.7	0.5
12. Токари	52.7	40.0	1.8	1.8	3.7
13. Бондари	54.2	40.7	3.4	1.7	—
14. Щетинщики	68.0	28.0	4.0	—	—
15. Портные	84.4	18.2	1.5	0.6	0.3
16. Мясники (убой на домаѣ)	85.6	14.4	—	—	—
17. Башмачники	86.0	12.7	0.8	0.2	0.1

Но даже и въ мелкихъ городахъ мы въ настоящее время встрѣчаемъ значительныя имущественные различія между ремесленниками. Для доказательства этого слѣдуетъ привести результаты изслѣдованій положенія эйслебенскихъ ремесленниковъ¹⁾). Въ 1895—1896 году при взиманіи подоходнаго налога доходы опредѣлились въ такомъ размѣрѣ:

420—	660 марокъ	7,2% общаго числа ремесленниковъ.
660—	900 "	31,1%
900—	1.200 "	20,9%
1.200—	1.500 "	10,7%
1.500—	1.800 "	8,0%
1.800—	2.100 "	4,3%
2.100—	2.400 "	4,1%
2.400—	2.700 "	3,3%
2.700—	3.000 "	2,5%
3.000—	4.200 "	4,9%
4.200—	6.000 "	2,1%
6.000—10.500	"	0,8%

Конечно, отъ цифръ этого рода еще нельзя прямо умозаключать къ материальной основѣ собственно ремесла: съ одной стороны, на уровень дохода въ настоящее время еще больше, чѣмъ прежде, могутъ оказывать вліяніе всевозможные моменты, источникъ которыхъ лежитъ вышѣ области данной профессіи; съ другой стороны, вообще никогда нельзя знать съ полной увѣренностью, имѣемъ ли мы дѣло все еще съ ремесленниками или уже съ капиталистическими предпринимателями, которые считаютъ выгоднымъ держать свой курсъ подъ флагомъ „ремесленного мастера“. Поэтому надежной опорой для насъ могутъ послужить лишь такія данныя, которая прямо говорятъ о минимальныхъ или среднихъ размѣрахъ имущества, необходимаго для занятія извѣстнымъ промысломъ,—слѣдовательно, говорятъ о томъ, что упрощенно называются вложеннымъ капиталомъ или капиталомъ производства. У насъ нѣтъ недостатка и въ такихъ данныхъ. Анкета о положеніи ремесленниковъ и въ этомъ случаѣ даетъ намъ много цѣнныхъ свѣдѣній²⁾). Въ настоящее время пекарня, напр., или токарное заведеніе, или заведеніе жестяника можетъ открыть дѣятельность уже съ капиталомъ сотни въдвѣ марокъ, между тѣмъ какъ въ строительномъ или мясномъ промыслѣ даже для мелкаго мастера требуется имущество въ иѣсколько тысячъ марокъ; таковы же различія и въ предѣлахъ отдѣльныхъ промысловъ: даже тамъ, где передъ нами—все еще несомнѣнныи ремесленники, мы встрѣчаемся съ такими различіями въ размѣрахъ вложеннаго капитала, который выражаются отношеніемъ 1:10. Если мы примемъ во вниманіе всѣ эти факты, то мы уже не будемъ сомнѣваться въ правильности впечатлѣнія, которое получилось у насъ при знакомствѣ съ распределеніемъ доходовъ: материальный базисъ, лежащий въ основѣ ремесленного производства, въ настоящее время—какъ и всегда—можетъ быть до чрезвычайности различенъ по своимъ размѣрамъ, и все же ре-

1) U. IX, 348—49.

2) Сравн. факты, отмѣченные въ предметномъ указателѣ подъ словами „Anlagekapital и Betriebskapital“ (U. IX).

месленное производство не перестает быть ремесленнымъ. Пока только этотъ фактъ и представляетъ для нась интересъ, такъ какъ наша задача заключается единственно въ томъ, чтобы точнѣе опредѣлить пункты, характерные для ремесла, какъ формы хоziйства.

Напомнимъ однако исходную точку нашего изслѣдованія: ремесленникъ обладаетъ не только материальнымъ имуществомъ, необходимымъ для веденія его промысла,—онъ владѣетъ также и всѣми необходимыми для того личными свойствами. Въ промышленности онъ своего рода „господинъ микрокосмъ“. Ремесленникъ въ своей персонѣ соединяетъ все то, что впослѣдствіи развивается въ особый дарованія многочисленныхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Но, само собой разумѣется, все это обрѣтается въ немъ въ миниатюрномъ масштабѣ. Посредственность стоить въ необходимой связи съ универсальностью ремесленника. Въ виду этого ремесленную организацію можно характеризовать какъ такую, въ которой посредственность является принципомъ, регулирующимъ производство.

Сущность ремесленника опредѣляется его квалификаціей, какъ промышленного рабочаго, т.-е. тѣмъ, что онъ обладаетъ способностями, которые требуются для выполненія ручныхъ операций, необходимыхъ для изготавленія предмета потребленія изъ сырого материала. Но съ этимъ дарованіемъ — назовемъ его, пожалуй, техническимъ — въ ремесленникѣ соединяется еще:

1) даръ извѣстнаго рода художественной концепціи, художественное чутье. Конечно, при этомъ мы имѣемъ въ виду совсѣмъ не бессмертныя произведенія такъ называемаго художественного ремесла прежнихъ временъ, напр., XV и XVI столѣтія: въ такомъ случаѣ сказанное выше о посредственности было бы приведено ad absurdum. Ремесло какъ цѣлое, или—что одно и то же—масса ремесленниковъ, никогда не поднималось до такого высокаго уровня, какъ, пожалуй, можно бы думать при видѣ сокровищъ въ нашихъ художественно-промышленныхъ музеяхъ. Произведенія художественной промышленности вышаго сорта всегда оставались малочисленными, единичными образцами; своимъ происхожденіемъ они были обязаны не ремесленникамъ, а выдающимися художественнымъ дарованіямъ, а прямо художникамъ. Художественная промышленность въ эпоху Возрожденія достигла такого великолѣпія не потому, что ремесленники были художниками, а потому, что художники были ремесленниками, или, выражаясь яснѣ, потому, что художественное творчество распространилось и на сферу художественной промышленности: точно такъ же, какъ въ настоящее время—начало XX вѣка—мы опять переживаемъ расцвѣтъ художественной промышленности, потому что возвышенное искусство наконецъ-то скнова исходитъ въ равнины художественной промышленности и животворить ее своимъ духомъ. Но все это не имѣть никакого отишения къ собственно ремесленной организаціи производства. Является искушение сказать прямо противоположно: ремесло и процвѣтаніе художественной промышленности исключаютъ другъ друга. Ремесло по своему внутреннему существу знаменуетъ смерть художественной промышленности. Но пока мы только вскользь упоминаемъ обо всемъ этомъ, отлагая болѣе обстоятельное изслѣдованіе до позднѣйшаго случая.

Ремесленникъ обладаетъ

2) знако́мствами, необходимыми вообще для производства, а также и для дальнейшей преемственной передачи технического умѣнья; мы говоримъ знако́мствами, чтобы избѣжать выраженія: научными способностями, которое могло бы повести къ недоразумѣнію. Итакъ, ремесленникъ соединяетъ въ своемъ звѣцѣ всю мудрость нашихъ „докторовъ инженерныхъ наукъ“, всѣ результаты изслѣдований въ нашихъ химическихъ лабораторіяхъ.

Кромѣ того, онъ функционируетъ

3) какъ въ качествѣ организатора, такъ и въ качествѣ руководителя производства. Въ одномъ лицѣ онъ соединяетъ главнаго директора, мастера и помощника.

Въ то же время онъ и

4) торговецъ. Его личными способностями охватывается вся дѣятельность по закупкѣ и продажѣ, вся организація сбыта, коротко говоря— все, что въ позднѣйшее время выдѣляется какъ спекуляторская способность особыхъ личностей, стоящихъ выше средняго уровня.

Впослѣдствіи у насъ еще будетъ случай показать, до какой степени этотъ недифференцированный универсализмъ, составляющій существо ремесленника, до какой степени опредѣляетъ онъ и своеобразныя особенности ремесленного эпизода въ исторіи хозяйственной жизни. Теперь же мы постараемся ближе выяснить сущность ремесленной организаціи еще въ одномъ отношеніи и съ этой цѣлью поставимъ вопросъ: чего хочетъ отъ жизни это странное существо, этотъ ремесленникъ, съ которымъ мы только что познакомились? Только узнавъ желанія и стремленія, идеалы и цѣли известнаго человѣка, мы и можемъ составить правильное сужденіе о его существѣ. Но тѣ стремленія, которыя окажутся превалирующими въ ремесленнике, будутъ представлять не что иное, какъ господствующій хозяйственный принципъ ремесленной системы хозяйства.

В. Стремленія ремесленника.

Стремленія ремесленника, кажется мнѣ, главнымъ образомъ и прежде всего направлены на два пункта: доходъ, приличествующій сословію, и самостоятельность. Онъ стремится получать приличествующее сословію пропитаніе: не менѣе, но—что самое важное—и не больше. Его промышленная работа должна создать материальный базисъ для его существованія, для его „пропитанія“: ремесло должно „кормить“ занятаго имъ человѣка.

Это—основной тонъ, который звучить во всѣхъ заявленіяхъ представителей ремесла, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ оно. Первоначально, пока человѣчество было наивно, стремленіе это просто проявлялось, потомъ оно получило теоретическую формулировку, превратилось въ основу ремесла, какъ только явились попытки опредѣлить его существо. Но съ наибольшую рѣшительностью оно подчеркивается въ тѣхъ случаяхъ, когда враждебныя силы угрожаютъ расшатать главные устои ремесленного существованія, подрѣзать „пропитаніе“,—следовательно, въ жалобахъ ремесленниковъ; сюда же относятся случаи, когда защитники доброго старого времени стараются вразумить

до какой степени пагубны тѣ враждебные силы, которые хотят опираться на другое устои. Изъ литературы ремесленныхъ жалобъ, переполняющей столѣтія—трудно даже побороть искушение и не сказать: тысячу лѣтъ,—изъ этой литературы достаточно напомнить всего одно мѣсто. Оно въ особенно удачной формѣ, особенно для среднихъ вѣковъ въ Германии, даетъ выраженіе той основной идеѣ, что ремесло должно кормить занятаго имъ человѣка. Это—слова изъ такъ называемой „Reformation des K. Sigmund“, написанной священникомъ Фридрихомъ Рейзеромъ; они служатъ эпиграфомъ для этой книги. „А если вы хотите вѣдать, что знаменовало имперское право,—говорится тамъ¹⁾,—предки наши не были дураками: ремесла выдуманы для того, чтобы каждому дать возможность добывать свой хлѣбъ насущный, и никто не долженъ вторгаться въ ремесло другого. Такъ удовлетворяются нужды въ мірѣ, и каждый можетъ снискать пропитаніе“. Это—та же тенденція, которая какъ общий принципъ признала англійскимъ законодательствомъ 1363 года (при Эдуардѣ III); она проникаетъ все французское законодательство²⁾ и до настоящаго времени подчиняетъ себѣ мышленіе ремесленаго міра³⁾.

Но, съ другой стороны, въ стремлениі къ жизни, приличествующей словію, къ „пропитанію“, было бы ошибочно видѣть особое стремление къ экономическому равенству. И въ этомъ случаѣ, формулируя свои цѣли, ремесленникъ во всѣ времена хорошо сознавалъ существующія имущественные различія; его мысль была направлена только на то, „чтобы всякий могъ поддерживать существованіе,—бѣдный и богатый“.

Итакъ, ремесленникъ хочетъ имѣть для себя пропитаніе; въ то же время онъ хочетъ быть свободнымъ человѣкомъ, т.-е. существовать въ качествѣ самостоятельнаго производителя. Какъ разъ эта самостоятельность прежде всего и отличаетъ ремесленника въ собственномъ смыслѣ отъ другихъ рабочихъ, тоже промышленныхъ, но принадлежащихъ къ хозяйственнымъ системамъ другого характера.

Но что же составляетъ содержание этой самостоятельности?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны провести различіе между самостоятельностью ремесленника въ формальномъ смыслѣ и самостоятельностью въ материальномъ отношеніи.

1) Сравн. Willy Boehm, Friedrich Reisers Reformation des K. Sigmund. (1876), стр. 218, также 45 и сл.

2) Сравн., наприм., Martin-St.-Léon, Hist. des corpor. etc., стр. 126 и сл.

3) Выраженіе „пропитаніе“ часто употребляется въ смыслѣ „ремесло“; въ Голландіи, въ старомъ Брюгге, тоже отыскали чугуne groote neerringe etc. Карл Hegel, Städte und Gilden der germanischen Völker im Mittelalter, 2 Bde, 1891, 2, 191. Очень характерны также слѣдующія мѣста изъ сочиненія „Eul cristlich ermanung“ (праведны у I. Янесена, Geschichte des deutschen Volkes 1¹⁸ [1897], 387): „Человѣкъ долженъ работать во славу Бога, который заповѣдалъ это, и для тѣлесного благополучія, источникъ которого въ душѣ. А также затѣмъ, чтобы имѣть, что необходимо для жизни вамъ и близкимъ нашимъ и для удовольствій, приличествующихъ христіанцу; не менѣе и для того, чтобы имѣть возможность подѣлиться плодами труда своего съ бѣдными и больными... А кто стремится не къ этому и только стараетсякопять деньги и богатство свою работой, тотъ дѣйствуетъ худо, и его трудъ есть ростовщичество; и блаженный Августинъ говоритъ такъ: ты не долженъ барышничать трудомъ рукъ своихъ, ибо отъ этого погибнетъ душа твоя“.

Занятый въ промышленности формально самостоятеленъ, если онъ имѣть право утилизировать продукты своего труда по собственному благоусмотрѣнію; если онъ имѣть въ частности право свободного сбыта продуктовъ; если онъ имѣть право работать для свободной продажи, для удовлетворенія потребностей широкой публики ¹⁾, — однимъ словомъ, если онъ пользуется промышленной свободой, въ частности свободой выбора рынка. Я называлъ бы это „*forum regum venalium*“ — съ его пожалованіемъ ²⁾ „прежніе дворовые и прислуга превращались въ ремесленниковъ“ ³⁾ — и не стать бы, вопреки фонъ-Белову ⁴⁾, противополагать „хозяйственную свободу“ „юридической свободѣ“: то, что онъ называетъ хозяйственной свободой, въ дѣйствительности представляеть лишь интегральную часть юридической свободы, такъ какъ послѣдняя у фонъ-Белова по существу характеризуетъ общее положеніе личности ⁵⁾. Въ противоположность другимъ признакамъ самостоятельности, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, въ свободѣ сбыта съ особенностью ясностью проявляется имѣніе моментъ юридический. — Какъ уже указывалось раньше, *forum regum venalium* отличаетъ свободного ремесленника отъ такъ называемыхъ ремесленниковъ помѣщачьихъ и монастырскихъ хозяйствъ. Хотя бы помѣщичи и монастырскіе ремесленники работали въ производствахъ, достигшихъ полной самостоятельности, они все же не были ремесленниками въ экономическомъ значеніи слова. Они должны были „плотничать безъ воздаянія“, работать „*sine mercede*“, или, какъ очень удачно выражается Левассеръ: „рабочій былъ поставленъ въ такія же условія, какъ оруженосецъ по отношенію къ рыцарю... Бремя и руки рабочаго принадлежали мастерской, которая доставляла ему за то хлѣбъ, вино и деньги; какъ рабочій, такъ и оруженосецъ были связанны узами феодального договора, который въ обоихъ случаяхъ налагалъ одинаковыя обязательства: обязательства вассала по отношенію къ сюзерену“ ⁶⁾.

Описаніе явлений, напоминающихъ явленія ремесленного строя, — таковы, напр., отношенія промышленного труда въ помѣстяхъ и т. д., — лежитъ въ области этого изслѣдованія. Мы приведемъ лишь нѣкоторые, важнѣйшіе изъ извѣстныхъ въ исторіи, случаи, когда передъ нами выступаютъ ремесленники не въ экономическомъ смыслѣ, а лишь въ техническомъ значеніи, т.-е. такие же промышленные рабочіе, какъ и собственно ремесленники, но поставленные въ другую обстановку, — въ данномъ случаѣ прежде всего въ замкнутое самопотребляющее хозяйство.

1) „in publico adtributum artificium exercere“. Lex Burg. tit. 22 с. 2.

2) Сравн. особенно v. Maitzeg, stadtverfassung, 1, 315 и сл.

3) См. Arnold, gesch. des Eigentums (1861), 4.

4) G. von Below, Die Entstehung des Handwerks in Deutschland (Zeitschrift fü social und Wirtschaftsgeschichte 5, 156/57).

5) „Свободные ремесленники... это тѣ, которые совершенно или въ существенныхъ чертахъ экономически свободны, — безразлично, лично свободны они или нетъ“, I. с., стр. 157. Относительно категоріи лично несвободныхъ ремесленниковъ, располагающихъ рыночной свободой, — они дали поводъ къ многочисленнымъ ошибочнымъ выводамъ, — см. еще Inama, Deutsche Wirtschaftsgesch. 2 (1891), 314; Gothein, W. G. des Schwarzwaldes I (1892), 140 и сл., 309 и сл.

6) E. Letasseur, Hist. des classes ouvrg. I. 168, 69. Тамъ же помѣщенъ въ особенности характерный договоръ „hic est feedus Leobini carpentarii“.

Всеобщую известностью пользуются теперь такие формы, какъ римскіе ойкосы, а также хозяйства вилль, помѣстий, монастырей и т. д. въ началѣ Среднихъ вѣковъ. Намъ известно, что въ этихъ крупныхъ самопотребляющихъ хозяйствахъ многочисленныя промышленныя функции достигли самостоятельности и, что касается технической стороны, исполнялись точно такъ же, какъ ихъ вообще выполняетъ ремесленникъ. Уже давно эти формы привлекли къ себѣ особенное вниманіе экономической литературы, и потому намъ неѣтъ нужды дольше останавливаться на нихъ. Напротивъ, необходимо напомнить въ короткихъ чертахъ о другихъ, менѣе известныхъ, но совершенно аналогичныхъ явленіяхъ. Такъ, до нась дошли свѣдѣнія о существованіи внушиительныхъ помѣстныхъ организацій съ ремесленными рабочими въ древнемъ Египтѣ, приблизительно въ эпоху 13 династіи: „Какъ всѣмогущ Мемфиса, такъ и старшины нома (области) Тау владѣли крѣпостными, которые обучались всяkimъ ремесламъ: плотники и корабельные мастера валили деревья и обтесывали ихъ, столяровъ и телѣжниковъ мы наблюдаемъ за болѣе тонкими видами работы, у каменотесовъ, скульптуръ и маляровъ руки заняты другою работой, у кирпичниковъ заняты также и ноги, горшечники озабочены производствомъ посуды для дома, которую они умѣютъ прекрасно формировать и обжигать, а стеклодѣлы приготовляютъ сосуды для болѣе уточненныхъ потребностей; кожевники и сапожники занимались своимъ ремесломъ, а въ жenkскомъ покoѣ за разставленными тамъ ткацкими станками работали служанки подъ наблюдениемъ евнуховъ“¹⁾). Здѣсь передъ нась ойкосное хозяйство въ его чистомъ видѣ. Съ другой стороны, мы узнаемъ о хорошо организованныхъ помѣстяхъ съ оброчными крестьянами и оброчными же промышленными рабочими, относящихся къ „древнему“ и „среднему“ періоду Египта (этотъ періодъ охватываетъ почти тысячелѣtie 2830—1930 г. до Р. Х. ²⁾).

Повидимому, своеобразное монастырское хозяйство сложилось въ Гудейскомъ храмѣ йерусалима въ эпоху около начала нашей эры. По крайней мѣрѣ до нась дошло извѣстіе, что какъ разъ на этомъ мѣстѣ изготавливались хлѣбы предложенія и подвергались убою жертвенныя животныя; что въ храмѣ были хѣкари-специалисты, колодезные, гардеробные, лампадные мастера, искусные ткачи, а также „мастера и подмастерья разнообразнѣйшихъ производствъ“; они работали здѣсь и получали плату изъ кассы храма ³⁾.

Эти промышленные рабочие въ замкнутыхъ самопотребляющихъ хозяйствахъ, конечно, не могутъ быть названы ремесленниками въ экономическомъ смыслѣ; точно такъ же не ремесленники и деміурги въ замкнутыхъ деревенскихъ хозяйствахъ, занимающіе положеніе должностныхъ лицъ. Такимъ образомъ изъ категоріи ремесленниковъ въ нашемъ смыслѣ выпадаютъ многочисленные прамѣры, обыкновенно заимствованные изъ Гомера: „ремесленники“ у Гомера исполняютъ промышленныя работы исключительно на службѣ своей общины и ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ должност-

¹⁾ G. Ebers, Cicerone durch das alte und neue Aegypten, 2, 149.

²⁾ Сравн. обстоятельное описание у А. Египт., Aegypten und ägyptisches Leben im Altertum (1885), 1, 146 и сл.; 2, 595.

³⁾ D blitzsch, Jüdisches Handwerkerleben zZ. jesu. 3. Aufl., 1879., стр. 17/18.

ныхъ лицъ общины ¹⁾; и, прежде всего, изъ этой категоріи выпадаютъ всѣ индійскіе „ремесленники“. Какъ известно, въ старой Индіи вообще, а мѣстами еще и въ настоящее время, въ деревняхъ былъ постоянный штабъ общинныхъ чиновниковъ, состоящихъ на службѣ у членовъ общины: такъ называемый „Artizan Staff“ (штабъ ремесленниковъ). Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ телѣжника, кузнеца, башмачника, горшечника, цирюльника, прачечника, чистильщика идоловъ, слесаря и т. д., — слѣдовательно, представителей все такихъ функций, который въ другихъ случаяхъ исполняются ремесленниками. Но первыхъ отличаетъ отъ ремесленниковъ, какъ уже сказано, именно ихъ экономическое положеніе: они не „господа сами себѣ“, не „sui proprii domini“, какъ называли себя средневѣковые „свободные“ ремесленники въ отличие отъ рабочихъ въ помѣстьяхъ ²⁾, они — служащіе общины ³⁾.

Служащими, притомъ государственными служащими, а не ремесленниками въ экономическомъ смыслѣ, призналъ бы я и членовъ collegia (корпораций) въ позднѣйшую эпоху Римской имперіи. И они должны были исполнять свои функции исключительно на службѣ римскому государству, — прежде всего снабжать главный городъ необходимыми пищевыми средствами ⁴⁾.

Напротивъ, нельзя отрицать, что свойствами ремесленниковъ обладали тѣ промышленные производители, которымъ, какъ это нерѣдко случалось въ средневѣковой Европѣ, предписывалось сбывать свои продукты лишь извѣстнымъ корпораціямъ. Таковы, напр., парижскіе рыболовы на Сенѣ въ Парижѣ XIII вѣка, которые могли продавать только poissinier'амъ de l'eau douce (торговцамъ прѣноводной рыбой) ⁵⁾; таковы сапожники и портные въ Бергенѣ XIV вѣка, которые не могли сами отправлять своихъ продуктовъ за море, но должны были передавать ихъ купцамъ ⁶⁾; таковы ткачи и сукновальщики въ Лондонѣ, Лейстерѣ и другихъ англійскихъ городахъ XIII столѣтія: имъ запрещалось продавать виѣ города свое собственное сукно, а въ городѣ они могли продавать только купцу своего города, или же имъ воспрещалось ткать сукна для жителей другихъ мѣстъ, пока у нихъ было достаточно работы на гражданъ собственного города ⁷⁾, — ограниченіе, которое съ XIV столѣтія по отношенію къ ткачамъ сѣверной

1) Хорошее описание даетъ A. Riedenauer, Handwerk und Handwerker in der bömer. Zeit. 1873.

2) Wehrmann, Die ält. Lüb. Zunftrollen (1864) 260, 317.

3) О жизни „ремесленниковъ“ Индостана сравн. Sir H. Sumner-Maine, Villages communities in the east and west. 3 ed., 1876. Въ новѣйшей литературѣ выдаются: B. H. Baden Powell, Indian Village Community, 1896 (обѣ книги имѣются въ рус. пер.). Его же, A study of the Dakhan Villages etc. (Journal of the Royal Asiatic society, 1897). W. Crooke, The North Western Provinces of India. 1897. Crooke описываетъ главнымъ образомъ исчезновеніе старыхъ деревенскихъ ремеселъ въ эпоху англійского господства.

4) Относительно этихъ collegia сравн. O. Hirschfeld, Die Getreideverwaltung in der römischen Kaiserzeit, въ Philologus XXIX, 1870. Kraemer, Das Verpflegungswesen der Stadt Rom in der späteren Kaiserzeit. Lpz. Diss., 1884. Gebhardt, Studien ueber das Verpflegungswesen von Rom und Konstantinopol in der späteren Kaiserzeit. Dorp. Diss. 1881. Изъ новѣйшей литературы Liebmann, Zur Geschichte und Organisation des römischen Vereinswesens. 1890, особенно стр. 67 и сл.

5) Martin-St.-Léon, 167.

6) Hegel, Städte und Gilde, I, 407.

7) Ashley, Engl. Wirtschaftsgeschichte, I (1896), 83, 120 (есть рус. пер.).

Германия получило всеобщий характеръ¹⁾). По въ основѣ такихъ ограниченій свободы сбыта лежитъ принципіальное признаніе свободы рынка; условіемъ ихъ существованія является существованіе ремесленника въ наимѣнѣ значеніи этого слова, т.-е. существованіе ремесленника, какъ свободнаго производителя; слѣдовательно, эти ограниченія являются косвеннымъ признаніемъ свойствъ его, какъ ремесленника.

Однако одной промышленной свободы еще недостаточно, чтобы промышленный рабочій могъ сдѣлаться „самостоятельнымъ“ производителемъ. Въ настоящее время каждому предоставлено forum regum venalium, и тѣмъ не менѣе далеко не всякий промышленный рабочій есть въ то же время и ремесленникъ. Не ремесленники—всѣ тѣ, которые работаютъ въ чужихъ производствахъ, и, слѣдовательно, утрачиваютъ свою самостоятельность, подчиняются распоряженіямъ чуждаго имъ руководителя производства: то обстоятельство, что ремесленникъ есть глава своего собственного производства, прежде всего и отличаетъ его отъ всѣхъ такъ называемыхъ „ремесленниковъ“ современной крупной индустрии.

Но вѣдь и современный кустарь самъ для себя глава производства и однако онъ—не ремесленникъ. Значить, необходимо еще что-то, чтобы обеспечить экономическую самостоятельность, характеризующую существо ремесленника: у ремесленника не только должна быть возможность реализовать свой трудъ, гдѣ и какъ онъ хочетъ, онъ не только долженъ быть господиномъ въ своемъ производствѣ—онъ долженъ, кроме того, собственною властью направлять производственный процессъ какъ цѣлое, а не быть лишь исполнительнымъ органомъ какого-либо третьего лица, дѣйствительнаго организатора, напримѣръ, предпринимателя-капиталиста. Впослѣдствіи иамъ еще неоднократно придется решать вопросъ, является ли тотъ или другой промышленный рабочій кустаремъ или ремесленникомъ. Но уже здѣсь необходимо констатировать тотъ фактъ, что нерѣдко до чрезвычайности трудно бываетъ провести демаркаціонную линію между ремесломъ и родственными съ нимъ формами хозяйства или производства. Въ большинствѣ случаевъ такой вѣнчайший признакъ, какъ раздача заказовъ не-потребителями, свидѣтельствуетъ о переходѣ ремесленной организаціи въ другія формы организаціи; но часто и этотъ критерій оказывается непригоднымъ, и тогда приходится устанавливать на основаніи какихъ-либо другихъ признаковъ—имѣемъ ли мы дѣло съ ремесленникомъ или съ кустаремъ. Однако въ настоящее время для нашихъ цѣлей будетъ вполнѣ достаточно, если мы констатируемъ, что съ самимъ существомъ ремесленника принципіально связано стремленіе къ пропитанію, приличествующему сословію, и къ экономической самостоятельности, понимая ее такъ, какъ описано у насъ.

Впрочемъ, можно бы избѣжать всѣхъ этихъ трудностей: для этого стояло бы только применить къ государствующему воззрѣнію, согласно которому понятіе ремесла вполнѣ совпадаетъ съ понятіемъ работы на заказчика. Какъ известно, виднымъ представителемъ такого пониманія является Бю-

1) G. Schmoller, Die Strassburger Tucher- und Weberzunft (kl. Ausg. 1881), 107 и сл., а также стр. 100.

херъ, который придалъ ему въ особенности рельефную формулировку¹⁾. Но уже Шмольеръ въ существенныхъ чертахъ усвоиваетъ это воззрѣніе. Онъ пишетъ²⁾: „Непосредственныя личныя сношенія работающаго мастера, какъ производителя, съ его заказчиками, какъ потребителями, характеризуетъ въ существенныхъ чертахъ всѣ отношенія и положеніе ремесленника какъ предпринимателя“. Или³⁾: „Старое ремесло..., принципомъ котораго была продажа каждымъ мастеромъ непосредственно потребителямъ“, между тѣмъ какъ „современное крупное предприятіе“ въ противоположность этому должно работать „на обширный рынокъ“ и „въ первую очередь въ большинствѣ случаевъ продаётъ посредникамъ, которые благодаря торговлѣ и обращенію вдвигаются между производителями и потребителями“⁴⁾. Отожествленіе съ производствомъ на заказчика приводить къ тому, что производство на мѣстный рынокъ становится признакомъ для распознаванія ремесла.

Такая точка зрѣнія въ высшей степени соблазнительна. И не потому только, что во многихъ случаяхъ справедлива и указываетъ на существенное обстоятельство: важнѣе, что она такъ привлекательна ясна и удобна. Поэтому лишь послѣ долгихъ и зреальныхъ размышленій можно решиться отбросить ее. Но въ концѣ-кощозвъ это неминуемо, это необходимо сдѣлать. Несомнѣнно, конструкція ремесла какъ производства на мѣстный рынокъ подкупаетъ въ свою пользу; но такъ же несомнѣнно, что она ложна. Въ другомъ мѣстѣ мы уже упоминали, до какой степени безодержательнъ излюбленный Бюхеромъ признакъ классификаціи—длина пути отъ производителя къ потребителю,—какъ мало даетъ онъ для дѣйствительного разграниченія различныхъ системъ хозяйства. Здѣсь намъ приходится повторить то же самое по отношенію къ отдельной формѣ хозяйства, къ ремеслу. Какъ производство на заказчика или производство для мѣстнаго рынка еще не есть ремесло (Крупъ! Вортъ! „Вулканъ“! Пекарня потребительского общества!), такъ и ремесло не есть производство на заказчика или мѣстное производство. Въ самомъ дѣлѣ, можно указать безчисленное множество случаевъ, когда формой хозяйства является ремесло въ самомъ чистомъ видѣ, но продукты сбываются не „заказчикамъ“, а всевозможнымъ „посредникамъ“, и не на мѣстѣ, а на „обширный рынокъ“. Въ послѣдующемъ это будетъ документально доказано. Въ то же время мы съ возможной полнотой изобразимъ различныя формы, которыми пользуется ремесленникъ для сбыта продуктовъ.

Но сначала мы упомянемъ еще объ одномъ различеніи, на которое въ послѣднее время указываетъ опять-таки Бюхеръ какъ на важное и принципіальное: это—различие между производителемъ, работающимъ по найму (Lohnwerker), и производителемъ, работающимъ на продажу (Preiswerker). Такое название получаютъ обѣ категоріи ремесленниковъ у Бюхера, между тѣмъ какъ прежде⁵⁾ было въ ходу болѣе цѣлесо-

1) Вѣчеръ, Entstehung der Volkswirtschaft (рус. пер. „Происхожденіе народнаго хозяйства“), и статья „Gewerbe“ въ H. St. 4² (рус. пер. въ сборникѣ „Исторія труда“).

2) G. Schmoller, Gesch. Entw. der Unternehmung въ его Jahrbuch 14, 1047.

3) Его же, Strassb. Tucher- und Weberzunft, 168.

4) Его же, Jahrbuch 14, 1048.

5) Сравн., напр., Schmoller, Tucher- und Weberzunft, 60; Stahl, Das deutsche Handwerk 1 (1874), 123 (Kauf- und Kundewesen).

образное различие: ремесленникъ, работающій по найму или на заказчика (Lohn- или Kundenhandwerker), съ одной стороны, и ремесленникъ, работающій на продажу (Kaufhandwerker) — съ другой.

Различіе этихъ двухъ формъ ремесла ¹⁾, какъ известно, заключается въ томъ, что сырой матеріалъ въ первомъ случаѣ доставляется потребителемъ, а въ послѣднемъ — производителемъ. Но вотъ вопросъ: обусловливаетъ ли въ дѣйствительности эта разница такое принципіальное различіе, какъ обыкновенно предполагаютъ? Я не думаю этого. Ни изъ доводовъ исторіи, ни изъ соображеній по существу — ни изъ чего не видно, чтобы разницѣ въ способахъ доставки сырого матеріала слѣдовало приписывать особенное значеніе.

Что касается исторіи, — съ компетентной стороны ²⁾ уже было показано, что бюхеровская конструкція, согласно которой немецкое ремесло вообще возникло сначала въ видѣ работы по найму и лишь съ течениемъ временъ превратилось въ работу на продажу, — что эта конструкція не соответствуетъ фактамъ. Работа на продажу возникла такъ же рано, какъ и работа по найму.

И всѣ соображенія приводятъ къ тому убѣжденію, что такой порядокъ развитія какъ нельзя болѣе понятенъ. Если самъ ремесленникъ, а не потребитель доставляетъ сырой матеріалъ, это отнюдь не свидѣтельствуетъ о болѣе высокомъ уровнѣ въ развитіи богатства или сословія промышленныхъ производителей. Техническое искусство должно быть совершенно одинаковымъ въ обоихъ случаяхъ. Можно бы, пожалуй, думать, что приобрѣтеніе сырыхъ матеріаловъ необходимо ведеть къ тому, что къ „капиталистической силѣ“ или къ „спекуляторскимъ способностямъ“ производителя предъявляются болѣе высокія требованія, и что онъ долженъ поэтому превратиться отчасти въ предпринимателя; но это — въ корень ошибочное предположеніе. Существуетъ множество работающихъ по найму ремесль, для занятія которыми требуется больше матеріального имущества, чѣмъ во многихъ ремеслахъ, работающихъ на продажу: вспомнимъ кожевни, красильни, мельницы и представимъ, съ другой стороны, чтѣ требуется для сапожника, работника, изготавливающаго гребни, для переплетчика и въ другихъ производствахъ. Закупка пары роговъ или половины бычачьей кожи у сосѣдняго мясника, конечно, еще не превращаетъ гребенщика или сапожника въ купца-спекулянта: не превращаетъ даже въ настоящее время. О прежнемъ же времени, а въ особенности обѣ эпохи цехового строя, и говорить нечего: тогда посредничество корпораціе уничтожало послѣдніе слѣды Торговой спекуляціи, которая могла бы имѣть известное значеніе при закупкѣ сырого матеріала.

Если необходимо установить крупные различія между отдѣльными формами ремесла, было бы цѣлесообразнѣе провести границу между странами

1) Бюхеръ даетъ наименование „ремесленниковъ“ только своимъ „Preiswerkerамъ“, т.-е. производителямъ, работающимъ на продажу. Основанія, по которымъ онъ вноситъ такой произволъ въ терминологію, совершенно непостижимы.

2) G. von Below, Die Entstehung des Handwerks in Deutschland, въ Zeitschrift fr Social- und Wirtschaftsgeschichte, 5, 227 и сл.

ствующимъ и осѣдлымъ ремесломъ,—будетъ ли оно работой по найму или работой на продажу. Но я вообще не придаю рѣшающаго значенія такимъ формальнымъ различіямъ. Для настъ достаточно знать, что къ услугамъ ремесленника существуетъ множество формъ, которыми онъ пользуется, чтобы добраться до потребителей, и ни одна изъ нихъ не оказываетъ рѣшающаго влиянія ни на существо ремесленника, ни на его жизнь. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я дамъ обзоръ известныхъ памъ формъ ремесла; но сначала я приведу специальныя доказательства существованія ремесла, которое работало на широкой рынокъ.

Если мы еще разъ перечислимъ уже упомянутые виды ремесла, мы можемъ тогда установить слѣдующія различія:

1) Ремесленникъ, работающій по найму, и ремесленникъ, работающій на продажу.

2) Странствующи ремесленникъ и осѣдлый ремесленникъ; первый, если онъ въ то же время работаетъ по найму, называется *Stöger'омъ*¹⁾.

3) Ремесленники, которые работаютъ на заказъ, и такие, которые работаютъ по залась. По терминологіи, отчасти уклоняющейся отъ только что упомянутой, первыхъ конечно слѣдуетъ отнести къ категоріи ремесленниковъ, работающихъ по найму, и какъ таковыхъ противопоставить ихъ *Kram-* и *Kramerhandwerker'амъ*²⁾. Такъ, у старика Крюніца (21, 477) говорится: ремесленники, работающіе по найму или на заказчика, это— „тѣ ремесленники, которые исполняютъ свою работу только за заработную плату и по заказу, т.-е. которые ожидаютъ, пока кто-нибудь не придетъ къ нимъ и не предложитъ имъ работы, таковы, напр., „портные“; „торговцы-ремесленники“, „правильные“ говоря, торговые ремесленники или „торгующіе ремесленники“— „напротивъ, тѣ, которые заблаговременно совершаютъ свой трудъ для продажи или для покупателей и которые действительно цѣликомъ или отчасти продаютъ продукты или только на дому, или на еженедѣльныхъ базарахъ, или даже на годичныхъ ярмаркахъ и торгахъ“. Таковы, напр., сапожники, жестянщики, литеаврщики, гвоздари, слесари.

4) Ремесленники, которые производятъ въ расчетъ на мѣстныя потребности своей деревни или города, и такие, которые производятъ на обширный рынокъ. Какъ уже упомянуто, я придаю совершенно особенное значеніе тому, чтобы привести доказательства существованія послѣдней категоріи ремесленниковъ. Но я долженъ еще разъ и съ большою рѣшительностью повторить, что въ слѣдующемъ изложеніи, да и во всей этой работе, я не задаюсь цѣлью дать исторію хозяйства, и что на приводимые мною примѣры слѣдуетъ поэтому смотрѣть просто какъ на иллюстраціи.

1) [На русскомъ языкѣ нѣтъ слова для выраженія соответствующаго понятія, хотя то, что въ Германии называется „*Störg*“, и у настъ, какъ уже указано выше, было довольно распространеннымъ явленіемъ].

2) {„*Kram*“ и производные отъ него слова означаютъ различные виды мелкой торговли и мелкихъ торговцевъ. Разница между словами *Kaufhandwerker* и *Kramhandwerker* только въ отѣнкѣ. За отсутствиемъ вполнѣ равнозначащаго слова мы въ дальнѣйшемъ переводимъ слово *Kramhandwerker* = ремесленникъ, работающій на продажу].

Для того чтобы достигнуть интерлокального сбыта товаровъ, постоянно служили три различныхъ способа:

- I. Разносный торгъ.
- II. Сбыть на рынкахъ и торгахъ, производимый самими ремесленниками.
- III. Сбыть торговцамъ-посредникамъ.

I. Разносный торгъ.

во все времена былъ излюбленной формой сбыта товаровъ. Существование этой формы настолько известно, что мы можемъ не тратить времени на приведение доказательствъ. Въ древнемъ Египтѣ¹⁾ въ такой же мѣрѣ, какъ во Франціи XIII вѣка²⁾ или въ средневѣковой Германіи³⁾, мы встречаемъ ремесленника или жену ремесленника, которые—точно такъ же, какъ это дѣлается еще въ настоящее время⁴⁾—съ произведенными ими самими товарами за спиной или въ ручной тельжкѣ переходить съ мѣста на мѣсто, чтобы отыскать покупателей.

II. Сбыть на ярмаркахъ и торгахъ.

На многочисленныхъ средневѣковыхъ базарахъ и торгахъ⁵⁾ не продавали ли и чужие, иногородніе ремесленники самолично произведенныи ими продукты? Несомнѣнно, на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить утвердительно. Мы видимъ, что уже въ XII и XIII столѣтіяхъ лавки на рынкахъ и ярмаркахъ переполнены товарами чужихъ ремесленниковъ, и торгуетъ въ каждой такой лавкѣ не кто иной, какъ самъ ремесленникъ, изготавлившій эти товары.

1) *Негодот* (2, 35) сообщаетъ о мужчинахъ, которые работаютъ за ткацкимъ станкомъ, между тѣмъ какъ жены ихъ отправляются съ произведенными продуктами въ разносный торгъ. Сравн. F. Robion, *Mémoire sur l'économie politique de l'Egypte au temps des Lagides*. 1875, стр. 109.

2) Сравн. *Martin-St.-Léon*, I. c., стр. 128 и сл.

3) Въ средневѣковой Германіи самыми известными ремеслами съ разносною продажкою продуктовъ—они отчасти были въ то же время и странствующими ремеслами—являются ремесла котельщика и мѣдника. О нихъ и объ ихъ организаціи см. von Maigler, *Städteverfassung* 2, 490 и сл.; E. Gothein, *Bilder aus der Geschichte des Handwerks* (1885), стр. 12 и сл. Но къ этой же категоріи относятся и горшечники, а въ позднѣшее время и часовщики. О сходномъ съ разноснымъ сбыте стеклянныхъ товаровъ товариществами часовщикъ стекла см. E. Gothein, W. G. des Schwarzwaldes 1, 846. Ремесленники нерѣдко сбывали разноснымъ же способомъ и продукты ткачества. О сукнодѣлахъ-разносчикахъ въ округѣ Гагенъ въ эпоху до французского господства см. Jacob, Berg-, Hütten- und Gewerbewesen des Reg.-Bez. Arnsberg (1856), стр. 104. Исторический материалъ содержится также и въ указанной въ слѣдующемъ примѣчаніи анкетѣ Союза Соціальной Политики.

4) О современномъ разносномъ ремеслѣ главнымъ источникомъ теперь служить изслѣдованіе Союза Соціальной Политики. *Schriften*, Bd. 77 и сл. Сравн. изложеніе во второмъ томѣ этой работы.

5) Съ нихъ развитіемъ въ Германіи лучше всего знакомить опять-таки von Maigler, I. c., 1, 282 и сл.; относительно Франціи въ настоящее время слѣдуетъ прежде всего обратиться къ P. Nauelin, *Essai historique sur le droit des marchés et des foires* (1897); на стр. 604—617 онъ даетъ обстоятельную библіографію касающейся этого литературы. Частые случаи, когда мѣстные ремесленники сбывали на рынкѣ свои товары, сюда не относятся, такъ какъ мы стремимся теперь доказать существование интерлокального сбыта.

Иногородніе пекари¹⁾, о которыхъ сообщаютъ намъ документы уже изъ XII вѣка, возможно, приходили на городскіе рынки не особенно издалека. Но безъ дальнѣйшихъ доказательствъ мы не могли бы сказать того же о сапожникахъ²⁾, о которыхъ упоминается одновременно съ пекарями: для нихъ нѣтъ такихъ пространственныхъ ограничений, какъ для пекарей. Чужихъ ремесленниковъ (изъ Винчестера) мы встрѣчаемъ на ярмаркахъ сосьднихъ англійскихъ городовъ,—и это уже въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ³⁾,—а ярмарки Шампани одинъ поэтъ XII вѣка воспѣваетъ въ такихъ стихахъ⁴⁾:

A la côte du grand chemin
Est la foire du par chemin
Et après trouvai les pourpoints
Puis la grande pelleterie...
Puis m'en revins en une plaine
Là où l'on vend cuirs crus et laine
Après les joyaux d'argent
Qui sont ornés d'orfèverie...⁵⁾

Но если бы кто-нибудь предположилъ, что поименованные здѣсь ремесленные товары продавались торговцами-посредниками, у насъ не было бы причины оспаривать это: въ такомъ случаѣ передъ нами была бы только не вторая, а третья форма интерлокального сбыта ремесленныхъ товаровъ—сбыть торговцамъ-посредникамъ.

Напротивъ, у насъ имѣется документальное подтвержденіе того факта, что ткачи посѣщали далекіе рынки. Пожалуй, констанцкій уставъ относительно полотна (1289 г.) еще позволяетъ умозаключить къ посредникамъ-торговцамъ; въ немъ говорится⁶⁾: „Мы постановляемъ и повелѣваемъ, чтобы никто не продавалъ полотна на рынкахъ въ нашихъ домахъ въ Барѣ на Обѣ, Труа, Провансѣ и Ланы (за исключеніемъ случаевъ), когда онъ осѣдлый гражданинъ Констанца и полотно—его собственное полотно“. Но зато по отношенію ко многимъ другимъ мѣстамъ существуютъ прямые подтвержденія, что тамъ ткачи сами организовали сбыть. „Кельнскіе ткачи въ XIV столѣтіи не были простыми наемными рабочими портного-закройщика: они работали за собственный счетъ и главную часть своихъ суконъ продавали сами на франкфуртской ярмаркѣ, где они располагались въ двухъ торговыхъ домахъ, брюссельскомъ

1) Urkunde von 1104. Сравн. Lampecht, Deutsches Wirtschaftsleben 2, 313 и сл.

2) von Mauger, Städteverfassung 1, 318/19, и von Below, Entstehung des Handwerks, I. c. 5, 236. Въ началѣ 14 вѣка рыночные деньги въ Нордгаузенѣ взимались и съ чужихъ ремесленниковъ. Сравн. Falke, Gesch. des deutsch. Zollwes. (1869), 142.

3) Ashley, I, 100.

4) По Chergueil, Dictionnaire des Institutions de la France. Ve Faire, цит. у Martin-St.-Léon, 132.

5) [„На откосѣ у большой дороги находится ярмарка пергамента. А затѣмъ я нашелъ фуфайки, потомъ большую торговлю мѣхами. Затѣмъ я вернулся въ равнину, туда, где продаются кожи и шерсть, потомъ серебряные драгоценности, покрытые золотомъ и дорогими камнями“].

6) Zeitschr. f. Gesch. des Oberrheins, Bd. 4. Текстъ и поясненія названій городовъ у Mauger, Städteverfassung 2, 262, приведены съ ошибками, и въ значительной степени съ еще большими ошибками у Schmoller, Tucher- und Weberzunft. Послѣдний заимствовалъ текстъ у Maupera.

и франкенштейнскомъ¹⁾). Это подтверждается относительно ткачей и изъ другихъ мѣстъ²⁾.

Отношения ремесленниковъ къ ярмаркамъ и рынкамъ были урегулированы строгими нормами. Въ 1478 году базельский совѣтъ, вырабатывая правила для посѣщенія чужихъ рынковъ, ярмарокъ и церковныхъ торговъ, постановилъ, что жребій о мѣстахъ слѣдуетъ мѣтать уже съ вечера, а не откладывать это до утра. Въ 1510 году правлѣніе цеха уложиваетъ споръ, разразившійся между торговцами и мѣшочниками. Изъ XVI столѣтія до насъ дошли соотвѣтствующія постановленія относительно шапочниковъ и кожевниковъ Базеля; они показываютъ, что шапочники и кожевники тоже посѣщали чужія ярмарки (въ Зурзахѣ, Страсбургѣ, Рейнфельденѣ и т. д.)³⁾.

III. Сбытъ торговцамъ-посредникамъ.

Изобиліе матеріала, который можетъ служить для документальнаго доказательства существованія этой третьей формы интерлокального сбыта ремесленныхъ товаровъ, прямо подавляюще. Желательно поэтому произвести въ немъ выборъ съ двухъ точекъ зренія: привести, во-первыхъ, самые типические случаи,—такіе, во-вторыхъ, чтобы они совершенно не возбуждали сомнѣй. Послѣднее—полная правильность иллюстрацій—въ особенности обнаружится передъ нами, когда намъ придется давать отвѣтъ на вопросъ: остаются ли въ дѣйствительности ремесленниками тѣ промышленные рабочіе, о продуктахъ которыхъ мы говоримъ, остаются ли несмотря на продажу продуктовъ торговцамъ-посредникамъ? Съ такимъ вопросомъ я обращаюсь прежде всего къ ближайшему изслѣдованію торговли сукнами въ средніе вѣка. Какъ известно, она представляеть выдающуюся отрасль средневѣковой торговли вообще. И уже одного ся существованія, если угодно, было бы почти достаточно, чтобы показать всю ошибочность отожествленія ремесла съ работою на заказчика. О ся размѣрахъ и организаціи мы уже съ давняго времени располагаемъ сравнительно хорошими свѣдѣніями: назовемъ незамѣнимыя и для настоящаго времени изслѣдованія Бруно Гильдебранда, произведенныя въ 60-хъ годахъ XIX вѣка⁴⁾, потомъ книгу Шмольлера о цехѣ суконщиковъ⁵⁾, а для послѣдняго времени—цѣлый рядъ превосходныхъ монографій, а также общее изложеніе Шульте⁶⁾.

Мы можемъ считать безспорно установленнымъ, что уже въ XII вѣкѣ велась обширная торговля сукнами, произведенными ремесленниками⁷⁾. Орга-

1) Schmoller, Strassb. Tucher- und Weberzunft, 110. Какъ общее правило, ремесленники во всей южной Германіи сохранили за собой право кроить сукно, между тѣмъ какъ въ сѣверной Германіи оно превратилось въ привилегію портного. Сравн. ниже, слѣдующія страницы.

2) См. многочисленныя доказательства у Шмольлера, 104 и др.

3) Georging, 342.

4) Zur Geschichte der deutschen Wollindustrie, въ Jahrbücher f. NÖ. Bd. VI и VII.

5) Schmoller, I. c., 11 и сл.

6) A. Schulte, Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs etc. 2 тт. 1900, I, 117 и сл.

7) Намъ известно, что уже въ XI столѣтіи сукна сдѣлались объектомъ международной торговли. См. относительно Англіи Colloquy Aelfric'a (приблизительно въ 1000 г.),

низація гильдіи портныхъ закройщиковъ—она главнымъ образомъ вела торговлю сукнами,—созданная въ Магдебургѣ архіепископомъ Вихманомъ въ 1152 году и въ Гамбургѣ Генрихомъ Лвомъ, показываетъ, что въ это время начиналась во всякомъ случаѣ уже значительная торговля сукнами. Уже въ 1192 году кельское сукно распространялось по Рейну и доставлялось въ Вѣну регенсбургскими купцами.

Въ XIII столѣтіи несомнѣнныи случаи интегральной торговли сукнами становятся чаще. Надо думать, что сбытомъ суконъ отчасти занимались, какъ уже упомянуто, сами ремесленники, отчасти же закройщики, т.-е. торговцы сукнами по специальности; послѣдніе, подобно ремесленникамъ, вели и розничную торговлю. Но, не говоря уже о мощномъ расцеѣтѣ суконной промышленности во всѣхъ странахъ производства сукна¹⁾), другой характерной чертой развитія этой промышленности въ XIV вѣкѣ является слѣдующее: повсюду, въ сѣверной Германії²⁾ почти сплошь, а также и въ другихъ мѣстахъ³⁾, портные-закройщики захватываютъ монополію на закройку, а следовательно и на розничную продажу сукна.

Такимъ образомъ посредническая торговля сукнами получила какъ бы юридическое признаніе и защиту; монополія на сбытъ, повидимому, иногда принадлежала посредникамъ даже въ самыхъ мѣстахъ производства. Здѣсь мы въ первый разъ дѣлаемъ любопытное наблюденіе—вногодѣствіи намъ еще часто придется дѣлать это: въ средніе вѣка, въ эпоху пресловутаго „городского хозяйства“, путь, который приходилось совершать продукту отъ производителя къ потребителю, былъ длиннѣе, чѣмъ въ настоящее время въ обществѣ съ развитымъ мѣновымъ хозяйствомъ. Въ настоящее время всякий порядочный портной съ значительнымъ производствомъ, какъ общее правило, покупаетъ матеріи прямо на суконной фабрикѣ, а въ средніе вѣка, напротивъ, между сукнодѣломъ и портнымъ или потребителемъ всегда вторгался торговецъ⁴⁾). Но сукнодѣлы XIV вѣка, которые сбывали сукна портнымъ закройщикамъ,—дѣйствительно ли эти сукнодѣлы были „ремесленниками“, не превратились ли они уже хотя бы въ кустарей? Шмольеръ⁵⁾ ставить

котораго цитируетъ A shley 1, 70, во T h o r g e, *Analecta Anglo-Saxonica* (1868). Еще раньше началась торговля такъ называемыми „Фризскими сукнами“. Сравн. J. K l u m k e r, *Der friesische Tuchhandel zur Zeit Karls d. Gr. und sein Verhältnis zur Weberei jener Zeit*. Отдельный оттискъ изъ Jahrg. d. Gesellsch. für bild. Kunst. etc. zu Emblemen. Bd. 13. 1899. Но мало вѣроятія, чтобы уже до XII вѣка велась торговля продуктами ремесленного ткачества.

1) Хорошее представление объ огромномъ ростѣ международной торговли въ XIV и XV столѣтіяхъ дасть обзоръ различныхъ сортовъ полотнищъ и суконъ, поступавшихъ на продажу въ Данцигъ. См. Th. Hirsch, *Danzigs Handel- und Gewerbegeschichte* (1858), 250 и сл.

2) Сравн. документальные доказательства у S ch m o l l e r, I. c., 107 и сл.

3) Относительно англійскихъ городовъ см. A shley, 1, 83, 120.

4) Въ средневѣковыхъ городахъ Англіи такое отдѣленіе производителя отъ потребителя стоявшимъ между ними торговцемъ представлять общее правило для большинства производствъ; въ этомъ находить себѣ выраженіе то господствующее положеніе, которое въ Англіи занимали Merchant guilds (гильдіи торговцевъ). Сравн. G. Gross, *The guild merchants*. 2 т., 1891, passim, а также D o g e n, *Kaufmannsgilden* (1892), 150.

5) I. c., 110.

этотъ вопросъ: „Представляло бы большой интересъ установить, не были ли въ другихъ мѣстахъ—т.-е. кромъ Кельна, гдѣ ткачи сохранили за собою право закройки,—не были ли закройщики скунщиками и работодателями по отношенію къ сукнодѣламъ“.

Самъ Шмольеръ избѣгаетъ прямого и рѣшительного отвѣта на свой собственный вопросъ. Дѣйствительно, было бы трудно привести документальныя доказательства. Поэтому приходится обратиться къ косвеннымъ выводамъ изъ другихъ фактovъ. Шмольеръ справедливо указываетъ прежде всего на тотъ фактъ, что въ XIV вѣкѣ во время борьбы цеховъ почти повсюду цеху сукнодѣловъ принадлежала руководящая роль, и что борьба противъ городского совѣта и торговцевъ во многихъ мѣстахъ выраждалась въ борьбу противъ закройщиковъ изъ-за права закройки. Все это: та политическая роль, какую вездѣ играли сукнодѣлы и ткачи въ XIV вѣкѣ, ихъ стремленіе завоевать для своего цеха и для другихъ ремесленниковъ мѣсто и голосъ въ городскомъ совѣтѣ, ихъ уставы, которые даже въ XV столѣтіи всецѣло проникнуты цеховымъ духомъ¹⁾,—все говоритъ за то, что хозяйство попрежнему сохранило чисто ремесленный характеръ. У кустарей не могло быть ни такой силы, ни такой специфически цеховой заинтересованности, какую обнаруживали сукнодѣлы, выдвигаясь въ первые ряды въ борьбѣ той эпохи. Что касается утвержденія, будто тогдашнее ткацкое ремесло находилось въ угнетенномъ экономическомъ положеніи—въ пользу этого, на мой взглядъ, нельзѧ привести никакихъ положительныхъ доказательствъ. Тѣ умозаключенія, которыя приводятъ Шмольера къ этому выводу (отношеніе сукнодѣла къ закройщику, разъ первому рѣшительно воспрещена розничная продажа, необходимо должно быть, думаетъ Шмольеръ, „угнетеннымъ, въ высшей степени неблагопріятнымъ“), на мой взглядъ, совершенно не выдерживаютъ критики. Все сказанное выше слѣдуетъ повторить и о постоянно готовыхъ къ борьбѣ фландрскихъ цехахъ ткачей XIV столѣтія²⁾.

Флорентинское сукнодѣліе, какъ намъ извѣстно, въ особенности рано получило капиталистическую организацію; но даже относительно Флоренции мы можемъ сказать, что до предѣловъ XIII столѣтія торгово-крупнопромышленные элементы еще не получили перевѣса надъ мелкими мастерами³⁾.

Интерлокальная полотняная промышленность тоже имѣла большое значеніе въ средневѣковое время. Окрестности Констанца были однимъ изъ главныхъ ея средоточий. Здѣсь работала обширная масса ремесленни-

1) Сравн. детальное описание ахенскаго сукнодѣлія у Thiel, Ind. am N. Rh. 1, 8 и сл., и шварцвальдскаго—у Gothein, W. G. 1, 531. Объ работы оставили у меня такое впечатлѣніе, что даже сукнодѣліе, работавшее на вывозъ, даже въ теченіе такъ называемаго позднаго времени долго сохраняло свой ремесленный характеръ. Извѣстная часть англійской и французской суконной индустрии была ремесленно организована даже въ XVIII столѣтіи. Свѣдѣнія объ этомъ даютъ анкета 1806 года. Сравн. извлеченія у L. Vinento, Arbeitergilden 1 (1871), 95 и сл.; о французской индустрии P. Boissonade, Essai sur l'organisation du travail en Poitou. 2 vol. 1900, 2, 139 и сл.

2) Сравн. яркое изображеніе эпизодовъ этой борьбы у L. Vanderkinderen, Le si鑒le des Artevelde (1879), 147 и сл.

3) A. Dögen, Studien aus d. Florentiner Wirtschaftsgeschichte 1 (1901), 27.

ковъ — преимущественно сельскихъ ремесленниковъ, — произведенія которыхъ констанціе купцы развозили по всему миру. Мы знаемъ, что у этихъ полотняно-торговцевъ были собственные дома въ Парижѣ и Брюссѣлѣ. Въ XIII и XIV вѣкѣ мы встречаемъ ихъ также на ярмаркахъ Шампани, собственные дома были у нихъ въ Барѣ, Труа, Провансѣ и Ланы. И производители этого полотна были вполнѣ самостоятельные ремесленники, какъ убѣдительно доказалъ намъ Готейнъ¹⁾.

Полотно поступало въ торговый оборотъ отчасти уже въ сшитомъ видѣ. Торговый свитокъ города Анклама въ 1330 году упоминаетъ среди другихъ произведеній ремесла и слѣдующія: скатерти, полотенца, простыни, наволочки для постелей и подушекъ. Всѣ эти предметы продавались оптомъ и въ розницу²⁾.

Интерлокальная полотняная промышленность сохранялась въ формѣ ремесла тоже далеко за предѣлы среднихъ вѣковъ. Еще въ XVIII столѣтіи си-лезскіе полотняно-торговцы далеко не всегда являются скопищками (раздатчиками): очень часто они просто покупаютъ полотно, произведенное самостоятельными мелкими производителями³⁾. Даже изъ послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка до насъ дошелъ отчетъ, который содержитъ между прочимъ такое мѣсто⁴⁾: „Фабрикацией въ Силезіи занимаются не предприниматели, которые закупаютъ всѣ матеріалы и даютъ фабриканту (рабочему) только условленную заработную плату. Каждый полотно-ткачъ — фабриканть исключительно за свой собственный счетъ: онъ покупаетъ какъ можно дешевле пряжу, какая требуется ему, и продаетъ свой фабрикатъ по такой дорогой цѣнѣ, какую только кто-нибудь согласится платить ему“.

Шелковая индустрія, несомнѣнно, съ самаго момента своего возникновенія была производствомъ, работавшимъ на вывозъ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ приходится показать лишь одно, именно: была ли эта индустрія когда-либо организована какъ ремесло. Такія указанія мы имѣемъ относительно Генуи. Шелковая матерія вывозилась изъ нея уже въ XIII и XIV столѣтіяхъ; между тѣмъ домашняя система капиталистической организаціи беретъ свое начало лишь въ XV вѣкѣ и, какъ показано компетентнымъ человѣ-

¹⁾ Сравн. E. Gothein, W. G. 1,458 и сл., 522 и сл. Это — работа вообще во многихъ отношеніяхъ до чрезвычайности цѣнной въ виду той проблемы, которая насъ занимаетъ въ настоящее время; цѣнная отчасти по своеобразному матеріалу, который получилъ въ ней обработку, отчасти, и прежде всего, благодаря экономическому образованію автора, которое дало ему способность правильно понять и оцѣнить типическія черты различныхъ формъ организаціи хозяйственной жизни. Готейнъ прямо и нѣсколько разъ упоминаетъ о существованіи ремесла, работающаго на широкій рынокъ. Ср., напр., стр. 519, 522 и др. О торговлѣ полотномъ въ средніе вѣка вообще и о констанційской въ частности сравнившисшее изложеніе у Schulte I, 112 и сл.

²⁾ K. F. Klöden, „Ueber die Stellung des Kaufmanns w hrend des Mittelalters“, 1. St ck. 1841. Стр. 33.

³⁾ Zimmerman, Bl te und Verfall des Leinengewerbes in Schlesien (1885), 94 и сл., а также др.

⁴⁾ Etwas  ber die fliegende Schrift Frankreich und Schlesien 1793, стр. 21, цит. у C. Gr n hagen, Ueber den angeblich grundherrlichen Character des hausindustriellen Leinengewerbes in Schlesien etc., въ „Zeitschrift f r Soc.-und Wirtschaftsgesch.“ 2 (1894), 251.

жомъ¹⁾, потребовала цѣлое столѣтіе на то, чтобы проложить себѣ путь среди ремесленной организаціи. И еще долгое время послѣ того, какъ система работы на скучища пустила корни, мы находимъ примѣры шелко-ткачей, которые работаютъ не только на скучищиковъ, но и за свой собственный счетъ²⁾.

Совершенно такъ же, какъ въ Генуѣ, сложились условія и въ Венеціи и въ Луккѣ, родинѣ европейской шелковой промышленности. Въ Венеціи и Луккѣ, несомнѣнно, тоже существовала ремесленно организованная шелковая индустрія. Ты шелко-ткачи, которые въ началѣ XIV столѣтія переселились изъ Лукки въ Венецію—число ихъ опредѣляютъ въ 31,—безспорно не были ни наемными рабочими (напротивъ, сами они давали работу подмастерьямъ), ни кустарями (какъ бы могли выселиться домашніе промышленники?),—большинство ихъ было несомнѣнно ремесленниками³⁾.

Еще въ 1432 году венеціанскимъ шелко-ткачамъ было позволено работать за ткацкимъ станкомъ за свой собственный счетъ⁴⁾. Точно такъ же еще въ 1531 году возставшіе въ Луккѣ ткачи добивались права ткать на станкѣ за собственный счетъ⁵⁾.

Шелковая индустрія въ городахъ Швейцаріи съ начала и до XVI вѣка тоже остается ремесломъ⁶⁾.

Даже производство манчестера и другихъ бумажныхъ тканей, хотя оно съ самаго начала обнаруживаетъ тенденцію превратиться въ индустрію для экспорта, развилось сначала, оказывается, всецѣло въ рамкахъ ремесла. Съ особенною ясностью можно наблюдать это на базельскомъ бумаготкацкомъ дѣлѣ XV и XVI столѣтій: оно было чистымъ ремесломъ, хотя работало на интерлокальныи рынокъ⁷⁾.

Добыча металловъ производится лишь въ отдельныхъ мѣстонахожденияхъ, разсѣянныхъ по всему земному шару; поэтому, если бы металлы не сдѣвались объектами интерлокальной и интернациональной торговли, сколько-нибудь значительное массовое потребленіе ихъ было бы невозможно. И они действительно въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ были предметомъ широкой торговли.

Желѣзо и руды уже въ X вѣкѣ были предметомъ ввоза въ сѣверную Италію⁸⁾. Предметомъ ввоза изъ Европы въ Египетъ желѣзо сдѣгалось въ XII и XIII столѣтіяхъ⁹⁾, предметомъ ввоза въ Англію—въ началѣ XIV столѣ-

1) H. Sieveking, Die Genueser Seidenindustrie im 15 und 16 Jahrhundert, въ Schmollers Jahrbuch 21, 101 и сл.

2) Sieveking, l. c., 113 и сл.

3) Sandri, Istoria civile di Venezia. Parte II. T. I, стр. 247, 256. Цит. у A. d. Smith, III, B. 3, ch.

4) Che ciascum mercadante testor abbia libertà di poter tessere al suo proprio con un solo tellar con le sue man proprie potendo tuor un garzon e non piú per aida di quel tellar. Broglie o'Ajano, Die venezianische Seidenindustrie (1893), стр. 49 и сл.

5) Tommasi, Arch. stor. Ital. 10, 397 и сл., цит. у Sieveking, l. c., стр. 129.

6) Geering, 465 и сл.

7) Geering, 306 и сл.

8) Согласно старѣшему таможенному каталогу альпийскихъ странъ, составленному въ 900 году епископомъ Гизо Аостскимъ. Сравн. Schulte 1, 68.

9) Heyd, Gesch. des Levantehandels, 2 Bde, 1879, 1, 424, 426, 437.

тія¹⁾), предметомъ нѣмецко-итальянской²⁾ и ганзейской³⁾ торговли—въ тече-
ніе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

Серебро изъ Германіи въ вѣкѣ мы встрѣчаемъ на ярмаркахъ Шампани⁴⁾ и на дорогахъ въ Англію⁵⁾. Въ XIV и XV столѣтіяхъ имъ тор-
гуютъ крупные купцы Данцига⁶⁾, а также мелкие торговцы Любека⁷⁾; роль
его въ нѣмецко-итальянскомъ торговомъ оборотѣ все увеличивается⁸⁾.

Точно такъ же мѣдь, латунь, олово, свинецъ уже въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ часто упоминаются, какъ объекты международного обмѣна. Въ X вѣкѣ мы встрѣчаемся съ ними въ нѣмецко-итальянской тор-
говлѣ⁹⁾, въ XI вѣкѣ—въ торговлѣ съ Англіей¹⁰⁾, въ XII вѣкѣ—на Рейнѣ¹¹⁾,
въ XIII вѣкѣ—въ Эйзенахѣ¹²⁾, въ Гамбургѣ¹³⁾, во Фландріи¹⁴⁾; въ XIV столѣ-
тіи названные металлы играютъ выдающуюся роль въ торговлѣ Англіи¹⁵⁾, Лю-
бека¹⁶⁾, Данцига¹⁷⁾, въ нѣмецко-итальянской торговлѣ¹⁸⁾; они продаются оптомъ
и въ розницу въ такихъ городахъ, какъ Аникамъ, Госларъ¹⁹⁾.

Но были ли эти металлы продуктами дѣятельности ремесленни-
ковъ? Несомнѣнно. Рядъ новѣйшихъ изслѣдований²⁰⁾ о зарожденіи горнаго
дѣла и добыванія металловъ въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о томъ,
что и въ этой отрасли промышленности самая ранняя организація была ре-

1) *Hansaakten aus England 1275—1412*, переработанные К. Kunze, 1891.
Стр. XLV (*Hansische Geschichtsquellen*, Bd. VI).

2) Schulte 1, 693 и др.

3) Сравн. *Hans. U. B.* Bd. I, № 432 и др.

4) Schaube, Ein italienischer Kursbericht etc. (*Zeitschr. . Soc. und. Wirtschafts-
gesch.* 5, 248.)

5) W. Cunningham, The growth of english industry and commerce I (1890), 184.

6) Th. Hirsch, l. c., стр. 275 и сл.

7) Wehrmann, l. c., стр. 273.

8) Schulte 1, 594.

9) Таможенный каталогъ Гизо Аостскаго, у Schulte 1, 68.

10) Ashley 1, 70, па основаніи Aelfrics Colloquy (около 1000 г.).

11) Таможенная привилегія Симеоповскаго аббатства (1104 г.), у Falke, l. c., 139;
таможенная привилегія, дарованная динантскімъ купцамъ сепаратомъ города Кельна, тамъ же,
стр. 140. Schreiber, U. B. der Stadt Freiburg i. B. 1 (1828), 5/6.

12) Falke, Zollwesen, 144.

13) Тамъ же, 146.

14) Hans. U. B. Bd. I, № 432.

15) Hans. Geschichtsquellen, Bd. 6, стр. XLV, 334.

16) Wehrmann, 272 и сл.

17) Hirsch, l. c.

18) Schulte, 1, 592 и сл.

19) Торговые уставы поименованныхъ городовъ, у Klöden, 1. Stück § 3.

20) Сравн. прежде всего Schmoller, Die geschichtl. Entwicklung der Unternehmung
IX, въ его Jahrbuch 15 (1891), стр. 660 и сл. Тамъ же указанія на предшествующую ли-
тературу. Приблизительно въ одно время съ работой Шмольера и во многихъ отношеніяхъ,
дополня ее, явились работы I. n a m a - S t e r n e g g, deutsche Wirtschaftsgeschichte Bd. II
(1891) и Gothein, Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes I (1892) 583 и сл. Старые
горніе города были населены въ значительной мѣрѣ (ремесленниками) горнорабочими. „По-
нятія „Bürger“ (граждане, burgenses, cives) и „Bergleute“ (горнорабочие, montani), стѣдова-
тельно, почти совпадаютъ“: относительно саксонскаго Фрейбера см. H. Ermisch, въ
Cod. dipl. Sax. reg. 13 (1886), XXXI.

месленная. Правда, съ однимъ своеобразнымъ оттѣнкомъ: почти съ самаго начала, и во всякомъ случаѣ съ очень раннаго времени, эксплуатациѣ рудниковъ, а отчасти и выплавка руды ведется товариществами ремесленниковъ, которые дѣйствуютъ по одному общему плану. Въ ходѣ нашего изслѣдованія намъ еще придется обратиться къ этой своеобразной формѣ ремесленной организації, поэтому ближайшее знакомство съ ней мы отложимъ до того времени. А теперь просто отмѣтимъ, что добываніе соли первоначально было организовано совершенно такъ же, какъ горное дѣло, и что соль искони была ремесленнымъ продуктомъ, производимымъ на сравнительно широкій рынокъ¹⁾.

Но не только сырье матеріалы или полуфабрикаты,—предметами торговли скоро сдѣлались и вполнѣ готовые продукты металлургической промышленности. И всего раньше—оружіе наступательное и оборонительное. Уже въ X столѣтіи венецианцы вывозили за море оружіе изъ кузницъ Штирии и Каринтии²⁾). Въ теченіе X вѣка мы встрѣчаемъ мечи, уопы и панцири, какъ предметы торговли на альпійскихъ торговыхъ путяхъ³⁾). Съ Верхняго Рейна уже изъ XII вѣка до насъ доносится вѣсть о „кельсійскихъ мечахъ“⁴⁾), о нихъ же известно, какъ о предметѣ торговли съ Англіей, въ концѣ XIII, въ началѣ XIV столѣтія⁵⁾); известія о торговлѣ оружіемъ становятся частыми въ XIII вѣкѣ въ Пирнѣ⁶⁾), въ Эйзенахѣ⁷⁾), и еще чаще для слѣдующихъ столѣтій—въ Оснабрюкѣ⁸⁾), въ Данцигѣ⁹⁾), въ Любекѣ¹⁰⁾). Если бы даже одни общія соображенія съ полною убѣдительностью не говорили за то, что въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ интернациональная торговля оружіемъ достигала широкихъ размѣровъ¹¹⁾),—такой выводъ позволили бы сдѣлать только что упомянутыя документальныя доказательства, выхваченные наудачу. А о томъ, что производство оружія было ремесломъ, мы узнаемъ изъ многочисленныхъ изслѣдований, среди которыхъ выдающееся мѣсто занимаетъ работа Туна о золингенскомъ производствѣ мечей. Тунъ такъ описываетъ золингенское производство мечей въ эпоху его зарожденія¹²⁾): „Форма производства въ этой промышленности была ремесленная; главная масса рабочихъ состояла изъ самостоятельныхъ мелкихъ мастеровъ, которые соединялись въ три братства: братство кузнецівъ, братство закаливальщиковъ и шлифовальщиковъ и братство отѣлывателей и точильщиковъ... Такъ какъ послѣднимъ разрѣшились поѣздки изъ своей

1) Сравн. Schmoller, I. c., стр. 615 и сл.

2) W. Heyd, Gesch. des Levantehandels, 1, 125—126.

3) Таможенный каталог Гизо, 960 г., у Schulte 1, 68. По мнѣнію Шульте, оружіе это—продуктъ мизанской оружейной промышленности (1, 69).

4) Falke, I. c., стр. 139. v. Below, I. c., с. 148.

5) Hans. Geschichtsquellen 5, XLV.

6) Falke, 144.

7) Frensdorff, Dortmund Stat. CXXXI.

8) Hirsch, 261.

9) Wehrmann, 456.

10) Сравн. W. Böhheim, D. Waffe und ihre einstige Bedeutung im Welthandel. Zeitschr. f. histor. Waffenkunde 1, 171 и сл.

11) Thun, 2, 8 и сл. Сравн. также, Böhheim, Meister der Waffenschmiedekunst, 1897.

страны и такъ какъ, съ другой стороны, въ ихъ рукахъ сосредоточивались мечи для окончательной отдельки, то они въ особенности были приспособлены къ быту мечей, и повидимому действительно именно они и вели торговлю мечами... Ходъ производства въ XV столѣтіи, вѣроятно, имѣлъ слѣдующій видъ. Кузнецъ покупалъ желѣзо въ полосахъ, въ три пріема выковывалъ грубые клинки соответствующей длины и толщины и придавалъ имъ надлежащую форму. Отчасти онъ самолично продавалъ мечи, и въ такомъ случаѣ за особую плату отдавалъ неотделанные клинки для шлифовки и закаливания, покупалъ ножны и рукоятки, отдавалъ ихъ для вправки за особую плату и потомъ самъ торговалъ изготовленными мечами.

„Кузнецы и шлифовальщики мечей и кузнецы эфесовъ были вполне самостоятельные мелкие фабриканты (читай: ремесленники), которые изъ собственного материала производили свои полуфабрикаты и законченные фабрикаты и часто сбывали ихъ прямо покупателямъ, но въ большинствѣ случаевъ эфеснымъ мастерамъ. Послѣдние были и мелкими фабрикантами,—они покупали и собирали вмѣстѣ полуфабрикаты, изготовленные въ производствѣ съ раздѣленнымъ трудомъ,—и одновременно купцами, такъ какъ они вели торговлю готовымъ товаромъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда кузнецъ поручалъ окончательную отдельку изготовленныхъ имъ клинковъ, чтобы потомъ самолично продавать мечи, отдельыватели были и наемными рабочими (N. B. въ смыслѣ „ремесленниковъ, работающихъ по найму“). Слѣдовательно, главная масса рабочихъ состояла изъ самостоятельныхъ ремесленниковъ“.

Почти всегда вѣрнымъ признакомъ устойчивости ремесленной организаціи въ извѣстномъ производствѣ является строго проведенное разграничение между цехомъ промышленныхъ производителей и цехомъ торговцевъ въ той же самой отрасли производства, или, говоря другими словами, воспрещеніе торговцамъ самолично изготавливать продаваемые ими товары. Съ такимъ запрещеніемъ мы встречаемся въ флорентійской оружейной индустріи. Здѣсь цеху artanieri (торговцевъ оружиемъ) строго воспрещалось заниматься ремесломъ производства доспѣховъ и копий; они торговали исключительно купленнымъ оружиемъ¹⁾.

Въ качествѣ предметовъ интерлокального товарного обмѣна соперничали съ оружиемъ, а во многихъ случаяхъ, особенно когда развитіе современной военной техники начало сокращать потребность въ мечахъ, латахъ, шлемахъ и т. д., приобрѣтали такое же крупное значеніе въ торговлѣ другіе предметы металлургической промышленности, въ особенности желѣзные товары: инструменты, ножи, замки, булавки, иглы, петли, крючки и другія вещи, которыхъ въ настоящее время обыкновенно объединяютъ подъ названіемъ „мелочныхъ желѣзныхъ товаровъ“²⁾. Что они поступали въ торговлю большими массами, объ этомъ мы можемъ судить по

¹⁾ Доген, Florentiner Zünfte (1897), 42.

²⁾ Средніе вѣка давали имъ название minutia, minuta mercimonia. Сравн. Hans. Geschichtsquellen 5, № 56, 154, 374 (статьи ввоза въ Англію въ XIII и XIV вѣкахъ). Часто тѣ же товары подразумѣвались подъ названіемъ cromegy, merserie, mere, institoria; calibem et ferrum et alia merc. institoria. Hans. U. B. Bd. 4, № 224. Сравн. № 965 (1).

таможеннымъ тарифамъ XIII и XIV вѣка: они постановляютъ, что эти товары подвергаются таможенному обложению отдельными штуками, дюжинами и шокками (шокъ—пять дюжинъ)¹⁾. Какъ известно, въ теченіе среднихъ вѣковъ Нюрибергъ пользовался особенной славой, какъ мѣсто производства мелочныхъ желѣзныхъ товаровъ; поэтому долго—вплоть до нашего времени—для такихъ товаровъ, а также и для галантерейныхъ товаровъ, было въ большомъ ходу название „нюрибергскіе товары“²⁾.

Но кто производилъ нюрибергскіе товары и въ особенности продукты нюрибергской металлической промышленности? Намъ известно, что уже очень давно была проведена рѣшительная специализація между отдельными сферами производства: такъ, въ XIII столѣтіи въ Нюрибергѣ были ножевщики, изготавливавшіе бритвы, кузнецы кость, кузнецы вилокъ, кузнецы циркулей, кузнецы цѣпочекъ. Точно такъ же среди кузнецовъ-оружейниковъ были: латники, кольчужники, шлемные мастера, кузнецы клиновъ для мечей, отдѣлыватели мечей и т. д. Уже одно это, если бы даже у насъ не было никакихъ прямыхъ указаний, заставляетъ думать, что передъ нами—совершенно ремесленная организація металлургической промышленности, по меньшей мѣрѣ ремесленная по вѣшности: техническое умѣнье мастера съ полною опредѣленностью ограничиваетъ сферу его производства съ количественной и качественной стороны. Но не вели ли эти ремесленные мастера, какъ таковые, лишь призрачного существованія, не были ли они по существу специализировавшимися мастерами, работавшими на скучника? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что система работы на скучника давно нашла для себя почву въ Нюрибергѣ. Изслѣдованія Шенланка показали, что она существовала уже въ XIV вѣкѣ³⁾. Но если мы просмотримъ матеріалъ документовъ, которые говорятъ о запрещеніи или регламентациі домашней (кустарной) промышленности—значительная часть ихъ использована Шенланкомъ,—тогда мы непремѣнно придемъ къ тому выводу, что до XVI столѣтія примѣры кустарей оставались лишь исключ-

1) Сравн., напр., таможенный тарифъ для складовъ города Нирны, у Falke, Zollwesen, 144. Многочисленные сорта мелочныхъ желѣзныхъ товаровъ въ торговыхъ свиткахъ Анклама (1830 г.), Гослара (наканунѣ 1859 г.), приведенныхъ у Klöden, 1. Stück, стр. 31 и сл.

2) Въ Любекѣ нюрибергцы имѣли право продавать въ открытыхъ подвалахъ слѣдующіе товары, изготовленные ремесленниками Нюриберга (XV столѣтіе): замки, пожи, зеркала, деревянныя и свинцовые чашки, шила, жесть, рыцарскія перчатки, стальныя дужки для шпагъ, флейты, мѣдныя пряжки, игрушечные колокольчики, оловянныя блюда, удила, стремена, шпоры, отки, мѣдные наперстки, спицовые застежки, табакерки, доски, помочи. Weingmann, Einleitung, стр. 107. Въ торговыхъ съ Италией (XIV и XV вѣкѣ) мы видимъ, дальше, среди продуктовъ нюрибергской металлической промышленности слѣдующіе: алтарные подсвѣчники, настольные подсвѣчники, висячія лампы, мѣдныя блюда, вѣсы, клиптичныя трубки, компасы, тазики для бритья, бритвы, циркуль и т. д. Schulte, 1, 719. О размѣрахъ нюрибергскаго экспорта свидѣтельствуютъ крайне многочисленныя таможенные привилегіи, которыхъ Нюрибергъ сумѣлъ добиться въ различныхъ мѣстахъ обложенил. Въ перечень 1332 года содержится ни много ни мало какъ 69 мѣстъ, въ которыхъ для Нюриберга существовала свобода отъ пошлинъ, и въ числѣ этихъ мѣстъ—все королевство Арельтъ. Schulte, 1, 658.

3) B. Schoenlank, Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren (1894), 48. Сравн. также J. Falke, Gesch. d. deutsch. Handels I (1859), 123 и сл.

чительными случаями, и что только съ этой эпохи тенденція къ капиталистической организаціи приобрѣтаетъ всеобщій характеръ.

Въ пользу того, что производители „нюрнбергскихъ товаровъ“ въ средніе вѣка были ремесленниками¹⁾—по меньшей мѣрѣ могли быть таковыми,—говорить также и слѣдующее обстоятельство: такъ называемая рейнская желѣзная индустрія,—золингенская фабрикація ножей, ремштейдская промышленность, которая тоже изготавляла для широкаго рынка мелочные желѣзные товары, а также шмалькальденская индустрія,—долго сохраняла свой чисто ремесленный характеръ даже въ новое время. Ремесло въ Золингенѣ остается живучимъ вплоть до XVI столѣтія, въ XVII вѣкѣ начинается борьба, но даже еще въ 1687 году формально возстановляется вполнѣ цеховое устройство. Что касается ремштейдской индустріи,—здѣсь Тунъ еще въ 70 годахъ XIX вѣка находитъ въ существенныхъ чертахъ ремесленную организацію²⁾. Шмалькальденская мелочная желѣзная промышленность въ эпоху своего расцвѣта (въ XVI вѣкѣ) носятъ строго цеховой характеръ³⁾, ремесленный же характеръ она сохраняетъ до XVIII столѣтія⁴⁾.

А. Тунъ, описывая организацію сбыта въ рейнскомъ производствѣ кость, даетъ ясное представлениe о ремесленникахъ старого закала, работавшихъ для рынка⁵⁾: „Форма производства въ этой индустріи была ремесленная, и сястрой былъ въ высшей степени простъ, такъ какъ кузнецы перерабатывали матеріалъ въ собственной мастерской, не прибѣгая къ раздѣленію труда. Порядокъ сбыта, установленіе товарныхъ цѣнъ и регулированіе техники опредѣлялось такъ же, какъ вообще при ремесленномъ производствѣ. Чтобы взять въ свои руки веденіе производства, цехъ долженъ былъ прежде всего ориентироваться въ состояніи потребленія. Съ этой цѣлью въ опредѣленный день весь кузнецы и полировщики приглашались предъ лицо фогта и совѣта, которымъ они должны были давать свѣдѣнія о положеніи и ходѣ ремесла и о томъ, насколько значительного сбыта можно ожидать въ различныхъ странахъ. Черезъ мѣсяцъ съ вѣдома герцогскихъ чиновниковъ постановлялось, какихъ сортовъ и сколько дозволяется произвести каждому мастеру,—при чмъ рядовому кузнецу позволялось столько же, какъ и богатому. Потомъ устанавливались цѣны для всѣхъ товаровъ въ зависимости отъ конъюнктуры, цѣнь на сталь, на желѣзо, прислугу [Knechten, т.-е. подмастерьевъ. Тунъ, какъ и другие представители исторической школы, обнаруживаетъ пристрастіе къ терминамъ феодальной эпохи.—Перев.] и т. д. Иаконецъ, послѣ дня св. Эвальда выходило распоряженіеѣхать по рынкамъ, которые распредѣлялись между всѣми ремесленниками; ни одинъ не смѣлъ выѣзжать раньше другихъ или разсыпать товары помимо рынка. Кто совершилъ побѣзду въ первый разъ, уплачивалъ 15 талеровъ... Оставшіеся дома братья должны были сбы-

1) Для характеристики ихъ см. также J. F. Roth, Gesch. d. Nürnberger Handels 3 (1801).

2) Thun, 2, 23—30, 121 и сл.

3) K. Frankensteins, Bevölkerung und Hausindustrie im Kreise Schmalkalden. 1887, стр. 48.

4) Beckmann, Beyträge zur Oekonomie, Technologie etc. 10 (1786), 148.

5) Thun, 2, 109—10.

вать свои товары въ предѣлахъ ремесла; но если здѣсь покупателей не оказывалось, каждый могъ искать покупателей и за предѣлами ремесла и продавать товары возможно дороже, ни подъ какимъ видомъ не ниже установленныхъ цѣнъ".

Мы находимъ, что и другія произведенія ремесла, кромѣ названныхъ, были въ средніе вѣка объектами интерлокальной торговли. Въ дальнѣйшемъ мы коротко зарегистрируемъ ихъ и въ подтвержденіе сдѣлаемъ ссылки на относящуюся сюда литературу.

Деревянные товары.

X вѣкъ: блюда, деревянныя чашки—на нѣмецко-итальянскихъ торговыхъ путяхъ ¹⁾.

XI вѣкъ: кадки (*dolia*), *vasa lignea* ²⁾ являются статьями торговли.

XII вѣкъ: деревянные товары продаются на ярмаркахъ въ Энсѣ ³⁾.

XIII вѣкъ: деревянные товары—одинъ изъ предметовъ вывоза въ Англію ⁴⁾.

XIV вѣкъ: въ Данцигѣ торгуютъ лотками, лопатами, блюдами ⁵⁾.

XV вѣкъ: гамбургскими бочками торгуютъ въ Снеекѣ (Фрисландія) и не въ ярмарочное время ⁶⁾.

Кожи

рано сдѣлялись предметомъ торговли; кожевенное дѣло—одно изъ выдающихся ремесль, работавшихъ для вывоза: въ Базель XV вѣка при почти 10.000 жителей и 133 сапожникахъ было 59 богатыхъ мастеровъ кожевниковъ, производившихъ максимумъ 360 кожъ въ годъ (въ общемъ итогѣ все мастера производили 21.240 кожъ,—слѣдовательно, совершенно ремесленные размѣры производства) ⁷⁾. До насъ дошли свѣдѣнія о торговлѣ кожами въ Англіи XIII вѣка ⁸⁾, въ Швеціи—XIV вѣка ⁹⁾. Кожи являются въ средніе вѣка объектомъ дортмундской ¹⁰⁾, бреславльской ¹¹⁾, эрфуртской ¹²⁾, нюрнбергской ¹³⁾ торговли. Кожи, какъ предметъ оптовой и розничной торговли, упоминаются въ госларскомъ торговомъ уставѣ (XIV столѣtie) ¹⁴⁾. Въ таможенномъ свиткѣ

1) Таможенный тарифъ Гизо Аостскаго у Шульте, 1, 68.

2) von Below, Entstehung des Handwerks, стр. 152 и др.

3) Falke, Handel, 1, 77.

4) Hans. Geschichtsquellen, 5, XLV.

5) Hirsch, 253.

6) Stadtbuch von 1456, сравн. Hegel, Städte und Gilden, 2, 290.

7) Geering, 141.

8) Hegel, Städte und Gilden, 1, 99.

9) Hegel, 1, 280—81, 293.

10) Frensdorff, Dortmunder Statuten und Urteile, въ Hans. Geschichtsquellen, 3 (1882), CXVI.

11) C. Grünlagen, Schles. am Ausgange d. M. A., Zeitschrif. f. Gesch. u. Altertumsk. Schles., 18 (1884), 39.

12) Falke, Handel, 1, 135.

13) Falke, 127.

14) У Klöden, 1. Stück, стр. 36.

графа фландрскаго (1252 г.) приведены многочисленные сорта кожи ¹⁾). Оживленная торговля кожами въ Пуату XIII и XIV столѣтія ²⁾.

Путь, по которому кожи отъ производителя идутъ къ потребителю, въ средніе вѣка нерѣдко тоже длиннѣе, чѣмъ въ настоящее время. Теперь большая башмачная фабрика дѣлаетъ закупки прямо на кожевеній фибрѣ; послѣдняя, можетъ быть, получаетъ сырья кожи отъ скупщиковъ въ Индіи. Напротивъ, относительно средневѣковой Англіи намъ известно, что у членовъ цеховъ была привилегія на скупъ невыдѣланной кожи (*corsa recessio e mere*), которую они сбывали кожевникамъ, чтобы потомъ снабжать сапожниковъ готовымъ продуктомъ, выдѣланными кожами ³⁾.

Кожаные товары.

Въ X столѣтіи нѣмецкіе шорные товары пользовались извѣстностью за границей ⁴⁾; въ самый ранній періодъ среднихъ вѣковъ ломбардскіе епископы употребляютъ нѣмецкія удила и саксонскія сѣда ⁵⁾; сбруя дѣлается въ средніе вѣка предметомъ dortmundской торговли ⁶⁾. Въ Швейцаріи (1336 г.) чужеземные купцы („*gesten aus vremdin steten*“) продаютъ кошельки, пояса, сумки и т. под. ⁷⁾.

Различные мелочиные товары.

Въ самое раннєе время среднихъ вѣковъ гребни изъ слоновой кости уже являются объектами международной торговли ⁸⁾. Роговые гребни (въ XIV столѣтіи) упоминаются въ тарифахъ Базеля и Страсбурга ⁹⁾, продаются въ лавкахъ Анклама ¹⁰⁾; всевозможная „мелочь“ („*kleyne ding*“) встрѣчается въ лавкахъ Швейцарца ¹¹⁾. Четки изъ различного материала на протяженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ по очень понятнымъ причинамъ составляли одинъ изъ видныхъ предметовъ торговли: воскъ, сушечная рыба и четки одинаково символизировали глубоко религіозный характеръ того времени. Мы уже упоминали о деревянныхъ и свинцовыхъ четкахъ. Но на первый планъ выступаютъ янтарные четки какъ важный объектъ торговли. Любекъ былъ меѣстомъ, гдѣ больше всего производились онѣ. Здѣсь четочкины въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ образовали сильное, важиточное, съ многочисленными членами ремесло, которое закупало янтарь на товарищескихъ началахъ ¹²⁾.

1) Hans. U. B. Bd. I, № 432.

2) Boissonade, I, 14.

3) Gm. Gross, Guild Merchant; Doren, 150.

4) von Below, I. c., стр. 153.

5) Schulte, I, 74.

6) Hans. Geschichtsquellen, 3, CXVI.

7) Cod. dipl. silesiac., 5, 19, 20.

8) Schulte, I, 74.

9) Schulte, 2, 105.

10) Kramerordnung von 1330, у Kloeden, 1, 33.

11) Cod. dipl. silesiac. 5, 19, 20.

12) C. W. Pauli, Lübeckische Zustände, 1 (1847), 52.

Предметы одежды и украшения.

XII вѣкъ: въ городовомъ правѣ Фрейбурга упоминается одежда въ качествѣ торговой статьи ¹⁾.

XIII вѣкъ: лильские купцы торгуютъ въ Италии панталонами изъ Брюгге ²⁾.

— въ 1252 году въ цеховомъ свитѣ Маргариты фландрской ³⁾; въ 1262 году въ гамбургскомъ цеховомъ свитѣ панталоны упомянуты „между прочимъ“ ⁴⁾;

— башмаками, согласно нашимъ данимъ, торговали на ярмаркѣ подъ городомъ Лагсомъ, столицей графства оберъ-реційского ⁵⁾;

— перчатки, пояса, кошельки, скрипичные струны продавались у парижскихъ „mercier“ ⁶⁾.

XIV вѣкъ: панталоны, шапки, пуховые шляпы, ленты, галуны, пряжки и т. д. продавались въ мелочныхъ лавкахъ Любека ⁷⁾, Данцига ⁸⁾, Анклама ⁹⁾, Гослара ⁹⁾, Швейдница ¹⁰⁾;

— сапожники и портные Бергена продавали свои произведения за море ¹¹⁾;

— торговля страсбургскими беретами и панталонами распространяется до Италии ¹²⁾, любекскими—до Венеции ¹³⁾;

— въ Нейштадтѣ (въ Бранденбургѣ) въ одной описи приданаго встрѣчаются „дельремундскія“ платья ¹⁴⁾; обширную торговлю одеждой и украшениями вели братья Бони въ Монтобанѣ ¹⁵⁾, а также Викъ фонъ-Гельдерсенъ ¹⁶⁾.

— Нѣмецкія шляпы экспортировались въ Миланъ ¹⁷⁾, важная статья ввоза въ Базель ¹⁸⁾.

C. Деятельность ремесленника.

I. Видовые особенности ремесленной деятельности.

Чтобы достигнуть тѣхъ цѣлей, которыя лежать въ основѣ стремленій ремесленника, онъ пользуется всѣми рессурсами, какими только располагаетъ.

¹⁾ Schreiber, Urkundenbuch der Stadt Freiburg, I, 6.

²⁾ Schulte, 2, 105 (Urk. № 189).

³⁾ Hans. U. B. Bd. I, № 432.

⁴⁾ Stieda, I. c., стр. 111.

⁵⁾ Schulte, 1, 167.

⁶⁾ Dict. du mercier, Crapelet, Proverbes et dictons populaires (1831).

⁷⁾ Wehrmann, 272 и сл., 286 и сл.

⁸⁾ Hirsch, 256.

⁹⁾ Klöden, 1, 33, 53.

¹⁰⁾ Cod. dipl. siles., 5, 19 и сл.

¹¹⁾ Hegel, I. c., 1, 407.

¹²⁾ Schulte, 1, 706.

¹³⁾ Stieda, I. c., стр. 111. Въ настоящее время доступно для сравненія также Hans. U. B. Bd. 4, № 621, 1017 (3), 1018 (8).

¹⁴⁾ G. Sello. Brandenb. Stadtrechtsquell. (Märk. Forsch. 18 [1884], 12).

¹⁵⁾ Le livre de compte de frères Bonis; ed. E. Foresti. Arch. hist. de la Gascogne, fasc. 29, 23, 26. 1890—94. 20, LII и сл.

¹⁶⁾ Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen; использовано въ H. Nirrnheim (1895), LVIII.

¹⁷⁾ Schulte, 1, 718.

¹⁸⁾ Geering, 233.

Ресурсы же эти, какъ намъ известно, опредѣляются главнымъ образомъ его личными техническими способностями. Слѣдовательно, ремесленнику приходится достигать своихъ цѣлей работою собственныхъ рукъ. Что можетъ онъ совершить благодаря ловкости своихъ рукъ, что лежитъ въ предѣлахъ ихъ силы, то и является сферой его дѣятельности. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, сфера эта прямо опредѣляется личными способностями ремесленника. Въ этомъ отношеніи ремесло очень удачно охарактеризовано, какъ „выраженіе опредѣленной дѣятельности индивидуума, превратившейся въ его жизненное призваніе и простирающейся, такъ сказать, до тѣхъ предѣловъ, до какихъ сила отдѣльной руки можетъ распространять свое господство и свою творческую способность“¹⁾.

Этой идеѣ: работа есть проявленіе всей личности ремесленника, соответствуетъ и свойственная ремеслу дифференціація профессій. Въ планѣ нашей работы не входить изслѣдованіе вопроса, почему ремесло должно было существовать такъ, какъ оно существовало или существуетъ. Мы хотимъ показать только одно: какъ ремесло существовало и какъ оно могло существовать. Поэтому намъ иѣть нужды обращаться къ причинамъ, которыя повели къ специализаціи профессій въ ремесль. Достаточно просто указать на тотъ фактъ, что повсюду, гдѣ мы ни встрѣчаемся съ ремесломъ въ экономическомъ смыслѣ, мы наблюдаемъ одинаковое въ основныхъ чертахъ расчлененіе профессій, и что послѣднее всегда является яснымъ выраженіемъ одной и той же идеи. Идея эта такова: индивидуумъ можетъ и долженъ распространить свои силы на опредѣленную сферу дѣятельностей, которыя всѣ связываются единою духовною связью—идей цѣлаго; расширение этой сферы поведеть къ раздробленію силъ индивидуума; напротивъ, если онъ будуть проявляться въ слишкомъ узкой сферѣ или даже только односторонне, рабочій подпадаетъ тогда отупляющимъ вліяніемъ чисто механическаго производства. Такими принципами опредѣляется съ качественной стороны разграничение между сферами отдѣльныхъ ремесль. Что же касается количественной стороны, распредѣленіе сферы дѣятельности несомнѣнно всегда стояло подъ вліяніемъ одного лейтъ-мотива—„пропитаніе“. Слѣдовательно, въ обоихъ отношеніяхъ—мы теперь же констатируемъ это—ограниченіе отдѣльныхъ ремесль опредѣляется субъективными моментами, лежащими въ личности ремесленника. А если такъ, тогда при серьезнѣмъ взглядѣ на вещи имѣть уже совсѣмъ второстепенное значеніе то обстоятельство, совершилась ли группировка или разложеніе профессій на основѣ различій перерабатываемаго сырого матеріала (слесари, жестяники), или примѣняемыхъ при производствѣ пріемовъ (токари, красильщики), или по цѣли потребленія (сапожники, шорники).

Въ отдѣльныхъ случаяхъ о фактѣ ремесленного расчлененія профессій сказано такъ много разумнаго, что представляется излишнимъ обстоятельнѣе трактовать этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что мы не намѣрены касаться темы о причинахъ расчлененія, хотя она, на мой взглядъ, до сихъ поръ тракто-

1) Denkschrift des Centralvereins zur Reorganisirung des Handwerkerstandes in Breslau, представленная временнымъ комитетомъ союза на обсужденіе общаго собранія си-лезскихъ ремесленниковъ (19 июня 1848 г.), стр. 3. И другія мѣста этой записки богаты удачными и тонкими замѣчаніями.

валась лишь въ совершенно афористической форме¹⁾). Напомнимъ лишь тотъ важный фактъ, что во всѣ времена мы можемъ наблюдать дифференцировку первоначально цѣлостной дѣятельности на отдельные профессіи. Это — постоянно повторяющаяся тенденція, а охотники до „законовъ“ тотчасъ поспѣшили бы сказать: „законъ“ развитія ремесла.

Этотъ фактъ тоже изслѣдовался иерѣдко и въ отдельныхъ случаяхъ небезрезультатно²⁾. Мы отыщимъ здѣсь только одно: указанную тенденцію можно прослѣдить среди римскихъ ремесленниковъ въ эпоху имперіи, и этотъ случай ся проявленія по богатству содержанія превосходитъ всѣ остальные. Однако, насколько я знаю, экономисты до сихъ поръ не обращали должнаго вниманія на это явленіе.

Уже давно извѣстны римскіе ремесленные цехи — организація ихъ приписывается царю Нумѣ-флейтистовъ, ювелировъ, мѣдниковъ, ваяльщиковъ, красильщиковъ, горшечниковъ, плотниковъ, башмачниковъ³⁾. Среди ремесль наблюдается уже сравнительно высокая степень дифференціаціи, потому что текстильные рабочіе распадаются на два промысла, рабочіе по желѣзу — тоже на два промысла. Мы безъ всякихъ колебаній можемъ признать, что „мѣдники“ означаютъ кузнецовъ вообще, точно такъ же какъ „сапожники“ служить собирательнымъ именемъ для всѣхъ рабочихъ по кожѣ. Перечень цеховъ вообще страдаетъ извѣстною сбивчивостью: плотники являются въ немъ представителями телѣжниковъ, которые почти всегда выступаютъ на сцену въ болѣе раннєе время. Тѣмъ не менѣе мы можемъ признать, что упомянутыя производства послужили исходнымъ пунктомъ въ развитіи римскаго ремесла. Мы можемъ прослѣдить, какъ отъ нихъ постепенно отдифференцировываются различныя специальности.

Такъ, въ первую эпоху имперіи, когда свободное римское ремесло переживало свой блестящій періодъ, *fabri a i g a r i i* — позднѣе, въ республиканскую эпоху ихъ называли *aurifices* — раздѣляются на

<i>fabri anulari</i>	<i>fabri tignarii</i> дифференцируются въ
„ <i>argentarii</i>	<i>fabri navales</i>
„ <i>crustarii</i>	„ <i>carpentarii</i>
„ <i>cælutores;</i>	„ <i>arcularii</i>
<i>fabri ferragii</i> раздѣляются на	„ <i>pavimentarii</i>
<i>fabri falcarii</i>	<i>tectores</i>
„ <i>claustrarii</i>	„ <i>pictores,</i>
„ <i>dolabriarii</i>	
„ <i>gladiarii,</i>	

¹⁾ Отдельныя остроумныя наблюденія у Schmoller, „Thatsachen der Arbeitsteilung“, въ его Jahrbuch XIII (1889); Ed. Meyer, „Wirtsch. Entw. des Altertums“ (Jahrbücher für Nat. Oek.“ III Folge, Bd. IX, 707) [Рус. пер.: Э. Мейеръ, „Экономическое развитіе древняго мира“].

²⁾ Сравн. относительно древней Индіи: H. Zimmer, „Altindisches Leben“ (1879), стр. 245, 252, 253; относительно Греціи: Böckhenschiitz, „Besitz und Erwerb“ (1869), стр. 318; относительно Германіи исчерпывающее изложеніе — у von Maigak 2, 463 и сл.

³⁾ Blümner, „Die gewerbliche Thätigkeit der Völker des klassischen Altertums“, 1869, стр. 110; Böckhenschiitz, „Hauptstätten des Gewerbeleisses im klassischen Altertum“, 1869, стр. 25, 47, 48.

sutor распадается на

- sutor calceolarius
- “ diabathrarius
- “ solearius
- “ crepidarius
- “ sandaliarius
- “ cerdo (штопальщик обуви)¹⁾.

Въ этомъ развитіи особенно знаменательно то обстоятельство, что какъ въ Европѣ среднихъ вѣковъ, такъ и въ древнемъ Римѣ отдѣльныя специальности сложились почти совершенно однаково.

По возвращающемся къ характеристикѣ ремесленной дѣятельности. Самая работа, слѣдовательно продуктъ ремесленной дѣятельности, является—иначе оно и не можетъ быть—точнымъ выраженіемъ личности своего созида-теля. Несмотря на господство традиціи въ прѣмахъ работы, ремесленный товаръ всегда остается созданіемъ индивидуума. Съ товаромъ выступаетъ въ міръ частица души производителя, потому что товаръ ремесленника по-стоянно является твореніемъ хотя бы и ограниченного, но все же живого человѣка. Онъ могъ бы поразказать намъ о мукахъ и радостяхъ своего творца. Если и не всякая пары башмаковъ созидается такимъ образомъ, какъ разсказывается въ „Johannisnacht“ Ганса Закса: „молоткомъ я произвожу судь-надъ работой“, тѣмъ не менѣе самыя многосложныя вліянія всегда оказы-ваютъ свое дѣйствіе: „всякое раздраженіе на ребенка, всякая скора съ же-ной“, тысячи всевозможныхъ мелочей домашней жизни,—все это не прохо-дить безслѣдно для работы ремесленника. Онъ не въ состояніи выйти изъ сферы своихъ личныхъ возможностей; но онъ различны отъ мастера къ ма-стеру, различны изо дня въ день.

Однако для дополненія сказанного рѣшительно необходимо останов-иться на томъ своеобразномъ строѣ, какой ремесленникъ придаетъ процессу труда, чтобы выполнить свое дѣло. Такимъ образомъ мы должны теперь про-анализировать

II. Формы производства въ ремеслѣ.

Индивидуальное производство во всѣхъ его известныхъ намъ разновид-ностяхъ: одиночное производство, семейное производство, производство съ по-мощниками,—является такимъ производственнымъ строемъ, который какъ нельзя глубже соответствуетъ ремесленной организаціи производства. Но при известныхъ условіяхъ ремесло уживается и съ такими формами производства, которыя можно назвать переходными. Если ремесленникъ стремится расши-рить общіе размѣры своей дѣятельности, онъ, увеличивъ число своихъ под-мастерьевъ, пользуется такой формой, какъ „расширенное производство съ

1) M. Voigt, „Die römischen Altertümern“, въ „Handbuch der klassischen Altertumswis-senschaft“ IV, 2 (2. Aufl. 1893), стр. 307 и сл., 378 и сл., 442 и сл. Сравн. Maeguardt, „Röm. Priv.-Leben“ 2 (1883), 485 и сл., и особенно Liebenau, „Römisches Vereinswesen“ (1890), особенно стр. 107 и сл., где даны тщательные сопоставленія матеріала надписей, почти совершенно не использованного М. Фойгтомъ.

помощниками¹⁾, при чём природа рабочаго процесса сохраняется неизмѣнной. Тогда передъ нами выступасть тотъ типъ, который мѣтко былъ названъ „крупнымъ ремесленникомъ“ ²⁾.

Но бываетъ и такъ, что формою ремесленаго производства оказывается собственно „крупное производство“, по меньшей мѣрѣ индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ. Чтобы привести историческіе примѣры ремесленаго крупнаго производства, намъ неѣть нужды напоминать непремѣнно только вспомогательныя производства средневѣковыхъ цеховъ ³⁾. Мы могли бы напомнить также организацію солеваренныхъ товариществъ, старыхъ товариществъ горнорабочихъ и строительного промысла, послѣдняго—вплоть до нашего вѣка.

Новѣйшая литература ⁴⁾, раскрывшая для нашего взора формы производства въ ремеслѣ на самыхъ раннихъ ступеняхъ его развитія, настолько богата содержаніемъ, что мы можемъ не обращаться къ ближайшему разсмотрѣнію этихъ формъ. И вообще въ нашу задачу теперь входитъ только одно: показать, что ремесло по своему существу не требуетъ необходимо одной како-либо вполнѣ опредѣленной формы производства. Напротивъ, въ предѣлахъ ремесленной формы хозяйства всегда остается мѣсто для различныхъ формъ производства, хотя, какъ уже было сказано, отдельныя формы производства въ большей или меньшей степени адѣкватны природѣ ремесленной формы хозяйства. Повидимому, ремесло вполнѣ исключаетъ только крупное общественное производство, по вполнѣ понятнымъ причинамъ.

Но что специфически характерно для ремесла, такъ это—тотъ способъ, какимъ устанавливаются юридическая и экономическая отношенія между лицами, которые соединяются для общей дѣятельности,—характерно для ремесла его внутреннее расчлененіе. Своебразность внутренняго расчлененія прямо вытекаетъ изъ того же верховнаго принципа ремесленной организаціи, который, какъ мы видѣли, находитъ себѣ выраженіе въ цѣляхъ субъекта этой организаціи, ремесленника.

Отношеніе руководителя ремесленаго производства, „мастера“, къ его вспомогательному персоналу: подмастерьямъ, Gesellen, Knechten, Knappen, Knaben, Dienern, Helfern, Gehilfen ⁵⁾ и какъ они еще тамъ называются, а также къ ученикамъ, и отношеніе вспомогательнаго персонала къ мастеру мы правильно поймемъ лишь при томъ условіи, если припомнимъ, что ремесло на первыхъ ступеняхъ своего развитія всегда носить характеръ семейственности. Семейная община—старѣйшій носитель ремесленной

1) R. Stegemann, „Die Organisation des Handwerks“, въ Schmollers Jahrbuch XVIII (1894), стр. 136.

2) Справн. ниже.

3) О старой организаціи солеваренаго и горнаго дѣла см. литературу, указанную выше. Относительно докапиталистической организаціи строительнаго промысла слѣдуетъ обратиться: для среднихъ вѣковъ—къ Heideloff, „Die Bauhütten“ (1844), Japnig, „Die B. H. des. M. A.“ (1876 г.); для позднѣйшаго времени—къ соответствующимъ статьямъ въ Krüppitz und Bergius, „Polizey- und Cameral-Magazin“ (см., напр. статью „Zimmermann“ въ 6 Bd., „Neue Folge“, 1780).

4) Исторія русскаго ремесла не выработала такого богатства оттѣковъ для выраженія одного и того же основнаго понятія: „подмастерье“.

формы хозяйства, она продолжаетъ играть эту роль даже тогда, когда къ участію въ ремеслѣ начинаютъ привлекать лица, чуждыхъ семьѣ. Подмастерья и ученики вступали въ семейный союзъ всею своею индивидуальностью, и, что слѣдуетъ отмѣтить прежде всего, охватывались этимъ союзомъ во всѣхъ проявленіяхъ своего бытія. Семья вмѣстѣ съ подмастерьями и учениками есть производственная и домохозяйственная единица. Мастеръ — опекунъ всѣхъ членовъ ея; всѣ они вмѣстѣ съ нимъ составляютъ органическое цѣлое какъ дѣти со своими родителями.

Мы никогда не могли бы притти къ представлению, будто родители существуютъ для дѣтей или же дѣти для родителей; точно такъ же нелѣпо было бы думать, что голова существуетъ для сердца или же сердце для головы. То же самое и въ отношеніяхъ мастера къ подмастерьямъ и ученикамъ: никто изъ связанныхъ совмѣстною дѣятельностью не мыслится какъ дѣйствующій ради другого; всѣ категоріи ремесленаго персонала, слѣдовательно, и вспомогательный персональ — подмастерья и ученики, — являются, напротивъ, самоцѣлью, или, что равносильно этому, органомъ на службѣ общему цѣлому.

Существованіе учениковъ, какъ еще будетъ показано, коренится въ свойствахъ того строя труда, которымъ характеризуется ремесло. Поэтому, гдѣ бы мы ни встрѣчались съ ремесломъ, какъ формой хозяйства, всегда съ типическою послѣдовательностью повторяется и явленіе ученичества: въ Германіи¹⁾, Франціи²⁾, Италии³⁾, Англіи⁴⁾ съ среднихъ вѣковъ и до нашего времени, а также въ древнемъ Римѣ⁵⁾, въ древнемъ Египтѣ⁶⁾, въ древней Индіи⁷⁾. Въ другой связи мы еще будемъ говорить о томъ, какъ передавалось эмпирическое умѣніе отъ мастера къ ученику; здесь же достаточно констатировать тотъ фактъ, что ученичество представляетъ стереотипное явленіе, вытекающее изъ природы ремесла. Ремесло, какъ цѣлое, безъ учениковъ невозможно: ученикъ — это связующее звено между отдѣльными поколѣніями, онъ обезпечиваетъ ремеслу историческую непрерывность, спасаетъ его отъ вымирания.

Не совсѣмъ то же придется сказать о другой категоріи вспомогательного персонала у ремесленника, о подмастерьяхъ. Возникновеніе этой категоріи не обусловливается необходиимо сущностью ремесла, и, съ другой стороны, ее можно открыть въ исторіи не повсюду. Получается даже такое впечатлѣніе, какъ будто при зарожденіи ремесленной организаціи общимъ

1) Самое подробное изложеніе у Stahl, „Das deutsche Handwerk“, 1 (1874), стр. 35 и сл., особенно 205 и сл.

2) Martin-S t.-Léon, „Hist. des corpor.“, 70 стр. и сл. Для древнѣйшаго времени „Le livre des m tiers“,  d. Lespinasse - Bonnardot (1879), стр. С и сл.

3) См., напр., B. Goldschmidt, „Univ.-Gesch. des Handelsrechts“ (1891 г.).

4) Ashley, 1, 84 и сл.; 2, 86 и сл.

5) Сравн. Friedländer, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms, 1° (1881), 275—76.

6) Сравн. цитированная выше работы.

7) „Мастеръ наказывалъ его и кормилъ его, и обучалъ работать“. (The apprentice) (съ ученикомъ) „ обращались какъ съ сыномъ“. E. Washburn Hopkins, „Ancient and modern Hindu guilds“ (Yale Review May and August 1898. Стр. 28).

правиломъ вездѣ былъ немедленный переходъ въ мастера всячаго ученика, какъ только оканчивалась его выучка¹⁾.

Но гдѣ ни встрѣчается подмастерье, первоначально онъ всегда является подсобникомъ („Gehilfe“) мастера, его помощникомъ²⁾ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, его „компаньемъ“³⁾. Мы уже упоминали, что онъ вступаетъ въ домашнюю общину мастера⁴⁾. Онъ является мастеромъ въ процессѣ развитія; онъ пока что работаетъ подъ чужимъ кровомъ, но его работа совершается уже не столько для пользы и удовольствія мастера, сколько въ его собственныхъ интересахъ. Отсюда вытекаютъ въ ранию эпоху постановленія о странствованіяхъ подмастерьевъ и т. д.; цѣлью ихъ было тогда содѣйствие возможно всесторонней подготовкѣ подмастерьевъ, и только впослѣдствіи они сдѣлались орудіемъ исключительной политики мастеровъ. До какой степени естественно для ремесла то представление, что подмастерье существуетъ для себя самого, а не для мастера, показываетъ уже одинъ часто повторяющійся фактъ признанія за подмастерья права на трудъ и заработокъ. Съ нимъ мы встрѣчаемся не только въ старое время, но даже и до половины XIX вѣка, напр., въ сводахъ саксонскаго ремесленнаго права⁵⁾.

Повсюду, гдѣ только сущность ремесла еще сохраняется въ чистомъ видѣ, положенія ученика и подмастерья являются лишь подготовительными ступенями къ званію мастера. Это, сказаль бы я, почти самый важный признакъ настоящей ремесленной организаціи. Какъ студентъ есть только восходящій кандидатъ на судебнаго должностіи, а послѣдний — только восходящій судья, такъ и ученикъ есть развивающійся подмастерье, а подмастерье — мастеръ въ процессѣ развитія. Уже не одинъ разъ и съ полнымъ правомъ указывали на то обстоятельство, что при такихъ условіяхъ рѣшительно необходимо изѣбѣстное количественное соотношеніе между числомъ кандидатовъ на мѣста мастеровъ и числомъ этихъ послѣднихъ: когда число подмастерьевъ превышаетъ половину числа мастеровъ, тамъ, по всей вѣроятности, уже не каждый подмастерье можетъ надѣяться на достиженіе положенія мастера⁶⁾. Поэтому уже въ самую эпоху расцвѣта ремесла количество вспомогательного персонала по современнымъ нашимъ понятіямъ было поразительно мало. Напр., по добросовѣстнымъ вычисленіямъ Бюхера, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ отношеніе числа подмастерьевъ къ числу мастеровъ въ XIV и XV столѣтіи окажется какъ разъ нормальное — 1 : 2. Бюхерь, положивши въ основу своихъ изслѣдований аналогичныя штутгартскія данныя и использу-

1) Во Франціи такъ было до XIII столѣтія. Martin - St. - Léon, I. c., стр. 84.

2) „Deine meister — von seinem untertan, der sein helfer (помощникъ) ist“... Bambergischer Gerichtsbuch aus dem 14 Jahrh. „Le terme de valets... signifiait aide, jeune serviteur, escuyer“. Martin - St. - Léon, I. c. Въ era Le livre de métiers (стр. CXI) названіе „ouvreries“ распространяется и на мастеровъ.

3) „Kumpane“ — такъ назывались подмастерья-плотники въ Любекѣ: Wehrmann, 462.

4) Сравн. Stahl, I. c., 274 и сл.; Schönb erg, 116 и сл.

5) Ср. G. E. Herold, „Die Rechte der Handwerker und ihrer Innungen“. 2 Aufl. 1841. Стр. 8.

6) Сравн. вычисленія И. Д. Гофмана и основанныя на нихъ выводы Штутгартера, Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im XIX Jahrhundert (1870), 338—39; Бюхерь въ U. VI, стр. 444—45, приходитъ къ такимъ же результатамъ.

зовавши богатый, но не пригодный для прямыхъ выводовъ материалъ, приходить къ тому результату, что во Франкфуртѣ-на-Майнѣ приходилось¹⁾:

въ 1387 г.	на 1554	самостоятельныхъ	750—800	подмастерьевъ,
„ 1440 „ „	1498 „ „		660—700	„

Но если требовалось большее количество подмастерьевъ—по особенностямъ ли техники производства или по другимъ причинамъ,—выходъ открывался въ томъ, что почти совершенно стиралось различие между мастеромъ и подмастеремъ, материальное и идеальное, и мастеръ становился просто *primus inter pares* (первый между равными). Такова основная идея, напр., въ строительномъ промыслѣ, и особенно въ организаціи средневѣковыхъ каменотесовъ. Послѣднимъ, правда, было необходимо мастеръ въ качествѣ организатора и руководителя; но подмастерья почти совсѣмъ не уступали ему ни въ высотѣ заработной платы, ни по занимаемому ими положенію²⁾.

Какъ бы по временамъ ни фронтировалъ подмастерье противъ режима мастеровъ, онъ все-таки никогда не забывалъ, что со временемъ и съ нимъ можетъ случиться то же, что онъ задумалъ противъ своего мастера. Эти соображенія рельефно выражались въ слѣдующихъ стихахъ³⁾:

Ein jeder Gesell oder Knecht
Der seinen stand will branchen recht.
Es sey mit Arbeit oder wandlen,
Was dan sein Herrschaft hat zu handeln.
Darina soll er sich brauchen schon,
Wie er wolt das man im solt thon.
Dann wie einer dienet auf Erden,
So wird im auch gedienet werden.
Gedenkt wenn ich zu Ehren kom,
Dient man mir also wiederumb⁴⁾.

1) Вѣчегер, „Bevѣlkerung Frankfurts a. M.“ 608. Относительно Франціи сравн. Левассеаг, 12, 313.

2) „Подъ непосредственнымъ руководствомъ способнѣйшаго изъ нихъ, ставшаго ихъ главою, воздвигали каменщики эти готические монументы XII вѣка“. Martin-St.-Léon, 169. Сравн. цитированные выше работы о строительномъ промыслѣ. См., напр., договоръ, относящейся къ 1458 г., у Япнег, 107 и сл.

3) Взято съ одного политика 1600 г. Факсимиле у E. Mummenhoff'a, *Der Handwerker in der deutschen Vergangenheit*, (1901), 94.

4) [Каждый подмастеръ или слуга, желающій блюсти свое сословіе, въ отношеніи къ господамъ долженъ поступать такъ, какъ онъ хотѣлъ бы, чтобы съ нимъ поступали. Погому что какъ служить кто-либо на землѣ, такъ и ему будутъ служить. И если я дошелъ до почета, миѣ также служить“.]

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Условія существованія ремесла.

А. Форменные условия существования.

На основанії предыдущаго анализа мы можемъ сказать, что вопросъ: какимъ образомъ возможно ремесло,—равносиленъ вопросу: при какихъ условіяхъ промышленные рабочіе среднихъ дарований могутъ, какъ самостоятельные производители, найти для себя достаточное пропитаніе въ мѣновомъ оборотѣ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ гласить такъ: прежде всего при условії строя хозяйства, стоящаго въполномъ соотвѣтствии съ цѣлями этихъ рабочихъ. Дѣйствительно, почти повсюду, где мы встрѣчаемся съ ремесленными формами, мы наблюдаемъ сходный въ основныхъ чертахъ строй права и правоъ; отсюда естественно умозаключить, что осуществленіе стремленій ремесленника стоитъ въ зависимости отъ опредѣленнаго строя хозяйства,—хотя мы и не можемъ прослѣдить эту зависимость до деталей.

Какъ намъ теперь известно, почти во всѣ ремесленныя эпохи хозяйственной жизни постоянно повторяется явленіе своеобразнаго строя корпоративныхъ отношеній между отдельными ремесленниками одного мѣста или одного промысла: повторяется то, что мы привыкли называть гильдейской, цеховой организацией.

Правда, мы еще очень недалеко ушли отъ того времени, когда возникновеніе товарищескихъ формъ, примѣрами которыхъ могутъ служить ремесленныя и торговыя гильдіи германскаго средневѣковья, старались объяснять не столько исторически, сколько этнологически. Тогда говорили о своеобразныхъ задаткахъ пароднаго духа у германскихъ племенъ, о томъ, что идея товарищества коренится именно въ глубинахъ этого духа,—и мало ли еще о чёмъ говорили.

Объясненіе такого важнаго явленія, какъ товарищество, при помощи гипостазированной „народной души“ уже не можетъ удовлетворить насъ въ настоящее время. Мы отказались бы отъ такого метода объясненія даже въ томъ случаѣ, если бы не располагали подавляющимъ изобилемъ фактovъ, которые показываютъ, что самые разнообразные народы и расы создали совершенно одинаковыя формы товарищеско-ремесленной организаціи.

Такъ, на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ только когда-либо существовало ремесло, повторяется то характерное явленіе, что ремесленники одного и того же промысла поселяются рядомъ, на однѣхъ улицахъ. Такія улицы ремесленниковъ были широко распространены въ Германіи, Австріи и Швейцаріи среднихъ вѣковъ, — обѣ этомъ дошло до насъ много свидѣтельствъ¹⁾; точно такъ же мы встрѣчаемся съ ними въ средневѣковой Италии²⁾, Англіи³⁾, Франціи⁴⁾, и не въ меньшей степени на крайнемъ Сѣверѣ⁵⁾. Въ древнее время⁶⁾ и даже при жизни Христа⁷⁾ онѣ существовали въ Палестинѣ и представляютъ не менѣе распространенное явленіе въ древнемъ Египтѣ⁸⁾, въ древней Финикии⁹⁾, въ древней Греціи¹⁰⁾, въ древнемъ Римѣ и въ другихъ итальянскихъ городахъ римской эпохи¹¹⁾; въ древней Мексикѣ¹²⁾ это такое же распространенное явленіе, какъ въ царствѣ калифовъ¹³⁾.

Но даже больше: опираясь на матеріалъ, возросшій до чудовищныхъ размѣровъ, и собственно товарищескія организаціи ремесленниковъ, цехи и гильдіи, мы должны теперь признать явленіемъ, общимъ для разнообразнѣйшихъ племенъ и народовъ. Мы уже съ давнихъ поръ знаемъ, что они существовали у всѣхъ германскихъ народностей. Новѣйшія же изслѣдованія обнаружили ихъ и у другихъ націй. Они открыты и у народовъ классической древности, что такъ долго оспаривалось теоріей германскаго народнаго духа¹⁴⁾.

1) Обстоятельный данины у Mauier, *Städte Verf.* 2, 31 и сл. Изъ новѣйшей специальной литературы: H. Lemke, *Die älteren Stettiner Strassennamen*, 1885; W. Brecht, *Die Strassennamen i. d. Stadt Lübeck* (*Zeitschr. d. Ver. f. Lüb. Gesch.* 6, стр. 1 и сл.); H. Markgraf, *Die Strassen Breslaus*, 1896. Сравн. также Gengler, *Die Stadtrechtsquellen* (1882), стр. 95 и сл.

2) Относительно Флоренціи Doren, *Florentiner Zünfte* (1897), стр. 39.

3) Доказательства у Asbley, 1, 95; 2, 19 и сл.

4) Guillot, *Le dit des rues de Paris*, въ Collection des Fabliaux publ. par Barbzan, 2 (1808), 258 и сл.

5) Для Бергена, Hegel, *Städte und Gilden*, 1, 330.

6) Книга Царствъ 4, 23 (улица горшечниковъ), Иеемія, 3, 23 (улицы торговая, ювелировъ).

7) Delitzsch, *Jüdisches Handw.-Leben zur Zeit Jesu*, passim.

8) J. Gardner Wilkinson, *The Manners and Customs of the ancient Egyptians* 1, 283.

9) Movers, *Die Phönizier*, 2 (1849), 522 (улицы ловцовъ пурпуровыхъ раковинъ, красильщиковъ въ пурпуръ, стекольщиковъ, ювелировъ и т. д.).

10) H. Francotte, *L'industrie dans la Gréce anc.*, 1 (1900), стр. 304.

11) Liebenam, *Röm. Vereinswesen*, стр. 9—10.

12) Drei Berichte des Don Fernando Cortez an Kaiser Karl V. Aus dem Spanischen übers. von C. W. Kopp e. 1834, стр. 102 и сл. Цит. у Andree, *Geogr. des Welthandels*, 1 (1867), стр. 66.

13) V. Kromer, *Kulturgeschichte des Orients*, 2 (1877), стр. 187.

14) Относительно Рима срав., кроме старыхъ работъ Heineccius'a, Mommsen'a и др., многочисленныя новѣйшія, представляющія очень неравную цѣнность, докторскія диссертации парижской Faculté de droit. Дальше—T u r a l d o - B a s s i a. *Les classes ouvrières à Rome*, 1892; E. Wezel, *De opificio opificibusque apud veteres Romanos*, 1881. Hegel, C. Maué, *Die Vereine der fabri, centonarii und dendrophori im römischen Reich*, 1886; Pernice, *Labeo* 1, 290, и особенно Liebenam, *Zur Gesch. und Organis. des römischen Vereinswesens* (1890), стр. 3 и сл.—О цеховыхъ организаціяхъ въ позднѣйшую эпоху

Такимъ образомъ мы вынуждены признать и за товариществами ремесленниковъ характеръ всеобщаго явленія, выступающаго на опредѣленной ступени хозяйственнаго развитія¹⁾, слѣдовательно—явленія, которое—какъ и явленіе пространственной сплоченности жилищъ ремесленниковъ—следуетъ объяснить, не прибѣгая къ помощи „народной души“. При этомъ следуетъ замѣтить, что „объяснить“ не значитъ необходимо объяснить рационалистически, т.-е. изъ сознательной постановки прѣлей заинтересованными лицами.

Большая часть причинъ, которыя въ первое время повели къ организаціи цеховъ и гильдій, къ此刻ю этихъ товарищескихъ формъ, лежитъ, несомнѣнно, въ сферѣ какихъ бы то ни было соображеній цѣлесообразности. Здѣсь мы просто наблюдаемъ проявленія потребности въ объединеніи съ равными себѣ, потребности, которая ощущительна даже и въ настоящее время, а надѣль первобытнымъ человѣкомъ господствовала, конечно, еще сильнѣе, чѣмъ надѣль современнымъ индивидуалистомъ. Чтобы объяснить возникновеніе цеховъ, думается миѣ, въ особенности необходимо подчеркнуть слѣдующее обстоятельство: ремесленники въ нашемъ значеніи этого слова были первыми существами, которымъ суждено было начинать жизнь въ качествѣ самостоятельныхъ лично-

Рима указанія, между прочимъ на матеріаль надписей, содержатся у Goldschmidt, Universalgesch. d. Handelsrechts (1891), стр. 88, обѣ упадкѣ цеховыхъ организацій, пережишихъ имперію. см. у него же стр. 158 и сл., и Ludo M. Hartmann, Zur Geschichte der Zünfte im frühen Mittelalter, Zeitschrift für soc. u. W. G. 3, 109 и сл.—Относительно Греции сравни Angelo Mauri, I cittadini lavoratori dell' Attica nei secoli V e IV A. C., 1895, и особенно E. Ziebarth, Das griechische Vereinswesen, 1896, стр. 96—110. Еще Büchsen schütz, Besitz und Erwerb im Altertum (1869), указалъ для азіатскихъ городовъ многочисленныя корпораціи ремесленниковъ (стр. 332), но считалъ возможнымъ рѣшительно отрицать ихъ существованіе въ Греціи (стр. 330 и сл.). Этотъ взглядъ раздѣлился большинствомъ писателей, и только новѣйшія изслѣдованія показали всю ошибочность мнѣнія, „будто у грековъ, у которыхъ ремесло достигло такой высокой ступени развитія, нѣть никакихъ слѣдовъ ремесленныхъ профессиональныхъ союзовъ—цеховъ и гильдій“ (Ziebarth).—Конечно, было бы излишнимъ трудомъ доказывать распространеніе цеховъ ремесленниковъ рѣшительно во всѣхъ странахъ среднеевропейской Европы. Мы сослываемся лишь на обобщающія положенія: относительно Англіи—Ashley, Gross; для Франціи—Levassieur, St. Martin-Léon; для Бельгіи—Vanderkinderen, Mahaim (Etudes sur les assoc. profess. 1891). Для Италіи указуемъ Pertile, Storia del diritto italiano, 2^а ed. Vol. II. Parte Ia (1897), 178 и сл.; тамъ же указанія на не особенно богатую итальянскую литературу. Изъ немецкой литературы слѣдуетъ отмѣтить работы относительно отдельныхъ городовъ,—Sieveking, Broglio d'Ajano и особенно Dögen; въ иностранной литературѣ выдѣляется работа E. Rodocanachi, Les corporations ouvrières à Rome depuis la chute de l'empire, 2 vol. 1894. Сжатый обзоръ даютъ работы Hegel, Gesch. der Städteverfassung von Italien, въ 2 том. (1847) и Goldschmidt, Univ. Gesch. des Handelsrechts, 3 Auf. 1891. Для Испаніи нѣть такихъ обстоятельныхъ изложеній. Полезно сравнить: J. M. Bonn, Spaniens Niedergang (1896), стр. 72 и сл. Для Японіи: Takuzo Fukada, Die gesellschaftliche und wirtschaftliche Entwicklung in Japan (1900), стр. 156 и сл. О каліфатѣ: v. Kremser, Kulturgeschichte des Orients, 2, 186 и сл.

1) „Впрочемъ, какое огромное участіе при образованіи свободныхъ цеховъ и гильдій могъ имѣть обстоятельства, слѣдовательно, нѣкоторая (!) внутренняя необходимость, доказываетъ именно история восточныхъ цеховъ, распространяющихся до Китая: о нихъ вѣдь никто не скажетъ, чтобы они имѣли хотя бы только отдаленное вліяніе на развитие германского права“. v. Maurer, Städteverf., 2, 345.

стей, в и є старыхъ общинныхъ союзовъ, отрѣшившимися отъ племени, деревни, семьи. Съ этой точки зрѣнія, ихъ союзы на первыхъ ступеняхъ развитія—не что иное, какъ продолженіе старыхъ кровныхъ и территоріальныхъ общинъ. Однаковая профессія такъ же служить точкой кристаллизаціи, какъ раньше служила одинаковость крови или одинаковость мѣста: одинаковость профессіи—это такое общее, которое какъ нельзя болѣе понятно для примитивного человѣка¹). И лишь послѣ того, какъ мы научимся такимъ образомъ видѣть въ гильдіяхъ и цехахъ исторически-преемственныя формы товарищества, можно будетъ обратить вниманіе и на другую сторону дѣла, на телесологическое значеніе этихъ союзовъ, можно приступить къ ихъ изученію какъ союзовъ, преслѣдующихъ извѣстныя профессіональныя цѣли²). Какъ таковыи, имъ обща та основная идея, что члены ихъ, нежизнеспособные какъ отдѣльные индивидуумы, могутъ обеспечить свое существованіе путемъ взаимнаго объединенія.

Обезпечить существованіе духовное и матеріальное,—и то и другое. Но мы будемъ имѣть здѣсь въ виду только послѣднєе.

1) Древнійшія товарищества ремесленниковъ все еще требовали для себя всего человѣка, т.-е. всецѣло захватывали его; они на первыхъ порахъ существовали не для достижения опредѣленныхъ отдельныхъ цѣлей. О. Гіетѣ, „Genossenschaftsrecht“ 1 (1868), 226 и сл. Именно такъ понимаетъ дѣло Гирке, который и въ товариществахъ ремесленниковъ выдвигаетъ на первый планъ ихъ общечеловѣческий характеръ,—эта идея стоить въ связи съ его общими возврѣніями. Онъ же первый рѣшительно указалъ на соотношеніе между цехами и древними естественными союзами: „ихъ (цеховъ) возникновеніе приходится на эпоху начинаяющагося разложенія старыхъ товарищескихъ союзовъ, въ особенности же товарищеско-родовыхъ“ (стр. 224). Но дѣло въ томъ, что онъ открываетъ германскую народную душу повсюду, где фактически передъ нимъ просто эпохи общаго историческаго развитія. Сравн. также тонкія замѣчанія у Г. Семоллера, „Das Wesen der Arbeitsfteilung und der sozialen Klassenbildung“ въ его „Jahrbuch“ XIV (1890), стр. 77 и сл. По всему ходу мысли сюда же относится и книга М. Рарренбергъ, „Die altdiutischen Schutzgilden“ 1885: гильдія въ городахъ должна была возмѣстить то, что въ деревнѣ самъ по себѣ давалъ естественный союзъ.

2) „Потребность повела къ возникновенію первыхъ свободныхъ цеховъ“; в. Майегъ „Städteverfassung“ 2,355: „такамъ же потребности объединенія для общихъ цѣлей вызвала къ жизни въ германскомъ мірѣ товарищества такого же типа, какъ раньше въ римскомъ мірѣ“; Негель, „Städte und Gilden“ 1, 10.—Относительно възникновенія средневѣковыхъ цеховъ среди историковъ, какъ извѣстно, теперь меньше согласія, чѣмъ когда-либо въ другое время. Само собой разумѣется, что въ той связи, въ которой мы разсматриваемъ здѣсь феноменъ цеховъ, для насъ не имѣютъ никакого значенія контроверзы по вопросамъ: помѣщичье учрѣженіе или свободный союзъ, римское или германское происхожденіе и т. д. По всей вѣроятности, средневѣковый дѣхъ возникалъ весьма разнообразными способами, такъ что здѣсь приходится говорить не „или тотъ или другой способъ“, но „какъ тотъ, такъ и другой“. Однако уже тотъ фактъ, что, несмотря на величайшее разнообразіе способовъ възникновенія, въ развитіи цеховъ въ концѣ-концовъ проявляются однѣ и тѣ же основныя тенденціи, заставляетъ умозаключить къ наличности глубокихъ причинъ ихъ существованія. Въ данномъ случаѣ насъ только и интересуетъ эта глубокая *ratio esseendi*. По отношенію къ свободному союзу встаетъ вопросъ о причинахъ его възникновенія; но совершенно также по отношенію къ корпораціи помѣстного происхожденія всталъ бы вопросъ о причинахъ ея дальнѣйшаго существованія и среди свободныхъ ремесленниковъ. Чтобы ориентироваться въ современномъ состояніи исторического изученія цеховъ, можетъ служить Р. Еберштадт, *Der Ursprung des Zunftwesens etc.*, 1900; особенно полемическая часть, стр. 142 и сл.

Если бы въ нашу задачу входило описание цехового устройства, намъ пришлось бы обратиться теперь къ подробному изображенію колективной дѣятельности товариществъ ремесленниковъ. Но въ данной связи обѣ этомъ не можетъ быть рѣчи. Тѣмъ болѣе, что едва ли удалось бы сказать что-либо новое. Со временъ фонъ-Маурера, Гирке и Шёнберга—а съ появленія ихъ работъ уже цѣлое поколѣніе сошло со сцены—обѣ интересующей настѣ сторонѣ цехового устройства было сказано не очень-то много существенно-новаго, важнаго. И прежде всего работа Шёнберга¹⁾ представляется мнѣ мастерскимъ произведеніемъ, не превзойденнымъ до настоящаго времени; въ ней содержится почти все, что позволительно, соблюдая надлежащую осторожность, сказать о старой цеховой организаціи ремесленниковъ. Поэтому я ограничусь простымъ указаніемъ на три, особенно существенныя, на мой взглядъ, функции цеховъ, „какъ формъ общенія средневѣковаго промышленного труда, служащихъ производительнымъ цѣлямъ“ (Шенбергъ). Функции эти таковы:

1) Цехи открываютъ передъ ремесленникомъ возможность самостоятельности въ обоихъ отношеніяхъ, указанныхъ выше: самостоятельности ремесленника, какъ исключительно промышленного рабочаго, и самостоятельности его, какъ главы мелкаго производства.

Ремесленникъ можетъ оставаться только промышленнымъ рабочимъ лишь потому, что цехъ (или городъ) беретъ на себя все, что потребовало бы другихъ способностей, чѣмъ какими обладаетъ ремесленникъ, въ особенности способностей торгово - спекуляторскихъ; слѣдовательно, беретъ на себя, напримѣръ, оптовую закупку необходимаго сырого материала, или закупку на далѣкихъ рынкахъ²⁾, или организацію сбыта продуктовъ въ отдаленныхъ мѣстахъ³⁾.

Съ другой стороны, несмотря на прогрессирующее развитіе техники, ремесленникъ все же можетъ производить, не выходя изъ рамокъ мелкаго производства, но можетъ потому только, что цехъ (или городъ) содержитъ за общий счетъ для общаго пользованія учрежденія для промышленного труда въ широкихъ размѣрахъ. Извѣстные примѣры слѣдующіе: шерсто-очистительная заведенія для очистки немытой шерсти; чесальныя заведенія, въ которыхъ шерсть расчесывалась; сукновальни, аппретурныя, прокатныя, пресевальныя, красильныя заведенія; помѣщенія, гдѣ сукно растигивалось на рамкахъ для просушки; сады для бѣленія суконъ; закройныя заведенія, изъ которыхъ сукно шло въ продажу⁴⁾. Коротко говоря: повсюду, гдѣ требуется коллективное, кооперативное выполненіе работы или примѣненіе средствъ производства

1) G. Schönb erg, „Zur wirtschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftwesens im Mittelalter“, 1868.

2) Особенюо поучительный примѣръ—регламентація закупки шерсти для ифорцгеймскаго сукновѣлія; см. Gothein, „Bilder aus der Geschichte des Handwerks“ (1885), стр. 10, въ W. Gesch. 1, 568.

3) Особенюо поучительный примѣръ — организація сбыта ремѣйской мелочнай же-лезнай индустрии; сравни. Thun, 2, 110 и сл.

4) Обѣ общихъ мѣстахъ для продажи сравн. еще многочисленные примѣры у v. Maugger, 2, 45 и сл., 54 и сл., 61 и сл.

въ крупномъ масштабѣ, тамъ всегда выступаетъ цехъ въ качествѣ производительного товарищества¹⁾, какъ сказали бы мы, употребляя современное название.

2) Цехи облегчаютъ передачу ремесленного умѣнья отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Ремесло, какъ таковое, не можетъ существовать, если нѣтъ какого-либо приспособленія для того, чтобы путемъ личныхъ наставлений передавать учебный материалъ ближайшему поколѣнію. Одно изъ самыхъ простыхъ приспособленій — превратить ремесленное искусство въ семейную традицію, то-есть уже данную исторіей организацію кровнаго родства сдѣлать носительницей непрерывности ремесленного искусства. Наслѣдственность профессій ремесленниковъ и художниковъ, въ особенности какъ она довольно часто наблюдается у народовъ Востока²⁾), стоитъ въ несомнѣнной связи съ потребностью въ надежномъ способѣ преемственной передачи учебнаго материала. Когда впослѣдствіи развиваются цехи, они оказываются организацией, созданной какъ будто именно для того, чтобы взять на себя эту функцию. Что они дѣлали это сознательно, о томъ свидѣтельствуютъ многие признаки. Напримѣрь, тогдѣ взглядъ, согласно которому ученикъ принадлежитъ не отдельному мастеру, а ремеслу, какъ щѣлому³⁾.

3) Къ важнымъ функциямъ цеховъ слѣдуетъ также отнести ту дѣятельность, посредствомъ которой они добиваются развитія и примѣненія закона дательства, лежащаго въ интересахъ ремесла и направленного къ его защите.

Подъ названіемъ: „законодательство по охранѣ ремесла“, я разумѣю всѣ тѣ постановленія старыхъ промышленныхъ уставовъ, которыхъ призваны къ тому, чтобы на пользу и благо ремесленныхъ формъ устранить всѣ помѣхіи нормальному теченію ремесленной дѣятельности, то-есть разумѣю то, что вообще называются цеховыми строемъ. Онъ описывался уже безчисленное множество разъ⁴⁾ Мы остановимся на немъ въ самыхъ короткихъ чертахъ, чтобы не разрывать хода нашихъ построений.

Если всѣ стремленія ремесленника дыгутся въ сущности идеаломъ достаточнаго пропитанія и самостоятельнаго положенія его, какъ производителя, то все содержаніе законодательныхъ нормъ по охранѣ ремесла должно

1) Это выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: такъ, уже въ XIII столѣтіи кельнскій цехъ ткачей простишей „a communis bono fraternitatis“ устраиваетъ мѣсто, где полотняно-ткачи могли бы продавать свои произведения. Документъ 11+9 г., у *La c o m - b l e t*, U. B., 1 (1840), 251.

2) Сравн. для древнаго Египта *E g y p t*, 2, 610; для царства иаковъ—William H. Prescott, *Geschichte der Eroberung von Peru* 1 (1848), 116.

3) Этой основной идеей по справедливости проянкнуто изложеніе у *Stahl*, „Das deutsche Handwerk“, 1, 168.

4) Одной изъ послѣднихъ и самыхъ полныхъ сводокъ является статья В. Штиды „Zunftwesen“ въ H. St. [переведена въ сборникѣ „Исторія труда“]. Тамъ же обзоръ важнейшихъ источниковъ и главныхъ произведений литературы. Среди послѣднихъ все еще выдѣляется уже названная работа Schönb ergа. Иль новѣйшихъ сравн. Kulischer, „Zur Entwicklungsgeschichte des Kapitalzinses“. Zweite Abteilung, въ „Jahrbüchern für Nationalökonomie“, III. F., Bd. 19, стр. 449 и сл., 593 и сл.

сводиться къ стараніямъ обезпечить ремесленнику пропитаніе и самостоятельность. Такъ оно и было въ дѣйствительности. Поэтому основную идею вся-
каго цехового законодательства можно бы характеризовать съ отрицательной
стороны слѣдующимъ образомъ: оно стремилось устранить кон-
куренцію изъ-за потребителей.

Руководствуясь такою цѣлью, необходимо было прежде всего позаботиться о томъ, чтобы ремеслу, какъ цѣломъ, была обезпечена доста-
точная область для сбыта его труда или его продуктовъ. А это можетъ быть достигнуто двумя способами. Прежде всего—такимъ способомъ, что ре-
месло опредѣленного города, если это было возможно, получало монопольное
право на сбытъ въ самомъ этомъ городѣ или даже и въ чужихъ мѣстахъ.
Если же нельзя было провести монополію въ полной мѣрѣ, тогда прибѣгали
къ другому способу и старались по возможности затруднить проникновеніе
чужихъ въ свою область сбыта. Отсюда многочисленныя, постоянно повторя-
емыя строгія постановленія гостинаго права, предписаній о рынкахъ и
яриаркахъ и т. д. Цѣлью ихъ было создать для иногороднихъ во существу
худшія или по меньшей мѣрѣ не лучшая условія сбыта, чѣмъ для своихъ.

Идея монополіи производства первоначально имѣла въ виду исключи-
тельно ремесло, какъ таковое, безъ всякаго различія личностей, соста-
вляющихъ ремесло. Потомъ, съ течениемъ времени, въ нее вносится тотъ
оттѣнокъ, что привилегія распространяется лишь на ограниченное число ма-
стеровъ; это находитъ себѣ послѣдовательное выраженіе въ „закрытіи“ ре-
месла, постепенно получающемъ все болѣе общий характеръ.

Стремленію къ монополізациіи сбыта соотвѣтствовало стремленіе къ моно-
польной закупкѣ сырья матеріаловъ. Отсюда многочисленныя постановленія,
которыя задавались цѣлью воспрепятствовать вывозу сырья или даже полу-
фабрикатовъ изъ „естественной“ области закупокъ извѣстнаго ремесла¹⁾.

Но по причинамъ, съ которыми мы еще познакомимся, защита отъ дѣль-
наго ремесленника отъ конкуренціи его товарищей привле-
кала, особенно въ раннія эпохи ремесленного производства, еще больше вни-
манія, чѣмъ даже обезспеченіе всей области сбыта для всего ремесла. Стремясь
достигнуть того, чтобы каждый ремесленникъ трудомъ рукъ своихъ сниски-
валъ себѣ достаточное пропитаніе, необходимо было обезпечить ему такое
количество работы, чтобы онъ могъ жить ея реализацией. Слѣдовательно, разъ
общіе размѣры производства были достаточно строго опредѣленными для всего
ремесла, необходимо было позаботиться о томъ, чтобы ни одинъ мастеръ не

1) Въ XIV столѣтіи многие цехи льноткачей и шерстоткачей Германіи добились извѣстныхъ пріемуществъ—если не полной монополіи—въ дѣль закупки сырья и пряжи въ окружавшихъ мѣстностяхъ, что выразилось въ запрещеніи вывоза. Сравн. Schmolleг., „Tucher- und Weberzunft“, стр. 88. Извѣстно, что идея монополізациіи закупокъ сырого матеріала и монопольного сбыта готовыхъ продуктовъ національной промышленности сдѣлалась одной изъ основныхъ ідей меркантильной экономической политики; послѣдня во многихъ отношеніяхъ и вообще была не чѣмъ инымъ, какъ цеховымъ устройствомъ, распро-
страненнымъ на область національного хозяйства. Однимъ изъ первыхъ шаговъ въ такомъ расширеніи исключительной политики, первоначально не національной, а городской, яв-
ляется эдиктъ Филиппа Красиваго (1305 г.), воспрещающій вывозъ шерсти. Сравн. Gou-
rand, „Hist. de la politique commerciale en France“, 1 (1854), 71—72.

захватывалъ столько работы, что у другого заработка окажутся недостаточными для поддержания существования.

Для достижения этой цѣли служили:

а. Предписанія, которыя стремились создать для всѣхъ ремесленниковъ равные условия какъ у пк сырыхъ матеріаловъ.—Способы для достижения этого были разнообразны: или всѣмъ мастерамъ предписывалось дѣлать закупки не иначе какъ по рыночнымъ днямъ, на установленномъ опредѣленномъ мѣстѣ,—и нигдѣ больше¹⁾; или цѣны сырья устанавливались должностными лицами, и каждый мастеръ долженъ былъ соблюдать ихъ²⁾; или же устанавливался максимумъ закупокъ для одного лица³⁾; или издавались общія воспрещенія какихъ бы то ни было перекупокъ⁴⁾; или же каждому ремесленнику предоставлялось право принимать участіе въ закупкахъ всякаго другого⁵⁾.

в. Постановленія, которыя ограничиваютъ размѣры производства или количество производимыхъ продуктовъ.—Сюда относятся наблюдаемыя почти повсюду опредѣленія максимальнаго числа подмастерьевъ и учениковъ, которое позволяетъ держать каждому мастеру. Хотя число это въ разныхъ цехахъ подвергалось колебаніямъ, но оно очень рѣдко поднимается выше четырехъ,—въ это число большую частью включается одинъ или два ученика. Если же по самой природѣ промысла такое ограниченіе недѣйствительно или вообще неосуществимо, тогда примѣняются другія средства, чтобы воспрепятствовать слишкомъ сильному росту производства у отдельного ремесленника, помѣшать развитию крупнаго производства⁶⁾.

Или же, безъ всякихъ обходовъ, прямо устанавливается максимальное количество продуктовъ, какое позволялось произвести отдельному ремесленнику въ теченіе опредѣленнаго времени. Чаще всего такъ дѣлалось въ тѣхъ случаяхъ, когда продукты по существу были однородны, слѣдовательно, прежде всего въ ткацкомъ дѣлѣ⁷⁾, но отчасти и въ скорилжномъ и въ кожевенномъ⁸⁾ и т. д.

с. Постановленія, которыя задаются цѣлью установить по возможности одновременное, равно какъ и однородное предложеніе.—Сюда относятся многосложныя предписанія о способѣ, мѣстѣ и времени продажи, а также многочисленныя воспрещенія перебивать потребителей или покупателей у товарища по цеху, перехватывать у него работу; сюда же относится и

1) *Werner, „Iglauer Tuchmacherzunft“* (1861), стр. 6.

2) *Gothein, „Bilder aus der Geschichte des Handwerks“* (1885), стр. 10.

3) *Schmoller, „Tucher- und Weberzunft“, стр. 88.*

4) Многочисленные примѣры воспрещенія перекупки у *M. Neumann, „Gesch. des Wuchers“* (1868), стр. 101 и сл.

5) Примѣры для Франціи у *Martin - Saint - Léon*, стр. 127; для Германіи — у *Schönberg*, стр. 45 и сл.; для Англіи — у *Gross 2, 46, 150, 161* и др.

6) Сравн. обѣ этомъ *Schönberg*, I. с., стр. 81 и сл. Строгія постановленія о допустимыхъ размѣрахъ вспомогательнаго персонала содержатъ уже *Livre des métiers* (XIII вѣкъ). См. *Martin - Saint - Léon*, стр. 71 и сл.; относительно Англіи см. *Ashley*, I, 89 и сл.

7) Сравн. *Schmoller, „Tucherzunft“*, стр. 101.

8) См. многочисленные примѣры у *Schönberg*, стр. 89 и сл.

часто наблюдаемое воспрещение продолжать работу, начатую товарищемъ по цеху, и многія другія¹⁾.

Результаты всего сказанного выше мы могли бы формулировать следующимъ образомъ: ремесло, стремясь поддержать свое существование, создаетъ корпоративное расчлененіе, цеховую организацію и соотвѣтствующее его потребностямъ охранительное законодательство — цеховой строй. Все это бросается прямо въ глаза, и потому уже многіе наблюдатели замѣтили это и описали.

Но можемъ ли мы удовлетвориться такимъ результатомъ? Конечно, нѣтъ. Наше мышеніе не успокаивается на немъ. За тѣмъ, что представляется здѣсь отвѣтомъ, тотчасъ же встаетъ новый и несравненно важнѣйший вопросъ:

Допустимъ, что, какъ это показано, опредѣленный строй объективно необходимъ для существованія ремесла: но не связано ли въ свою очередь съ наличностью опредѣленныхъ условій самое существованіе этого строя и реальная сила его предписаній и запрещеній?

Иначе говоря, не можетъ ли случиться такъ, что если всѣ эти условія имѣются въ наличии, — ремесло будетъ существовать даже безъ особыхъ охранительныхъ мѣръ? Или, разъ мы встрѣчаемся съ такими мѣрами, уже это одно не показываетъ ли, что названныя условія осуществлены только отчасти? Слѣдовательно, наоборотъ, не можетъ ли случиться, что разъ эти условія совершенно отсутствуютъ, тогда даже превосходившій цеховая организація и превосходившее цеховое законодательство оказываются недѣйствительными средствами и не могутъ поддержать ремесло? Едва лишь поставивъ эти вопросы, мы уже видимъ, что достигли только до первого этапа въ разрѣшеніи проблемы: какъ возможно ремесло? и что требуются дальнѣйшія усиленія, чтобы дойти до конца. Тотъ прискорбный фактъ, что большинство изслѣдований о ремеслѣ вообще не касалось этой послѣдней части задачи, вынуждаетъ меня приступить теперь къ болѣе обстоятельному анализу, чѣмъ на предыдущихъ страницахъ.

Мы можемъ прежде всего констатировать, что исторія знакомить насъ съ двоякаго рода фактами, которые оправдываютъ попытку углубить вопросъ объ объективныхъ условіяхъ существованія ремесла:

1) Несмотря на возрастающую строгость охранительного законодательства, проникающую цеховые уставы, паденіе ремесла не можетъ быть задержано: фактъ настолько извѣстный и бесспорный, что онъ не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

2) Въ свое время ремесленное производство,ничѣмъ не угрожаемое, существовало и безъ охранительного законодательства. Это послѣднее обстоятельство — его до сихъ поръ не всегда замѣчали въ достаточной мѣрѣ — въ особенности вызываетъ на размыленія. Ясное дѣло: тѣ "времена, когда ремесло было возможно и безъ охранительныхъ нормъ, должны быть такими,

1) См. опять-таки Schönb erg, стр. 112 и сл.; для Франціи аналогичныя постановленія см. у Martin - Saint - Léon, стр. 126 и сл.

когда обстоятельства, благоприятствующія его существованію, осуществлялись въ выдающейся степени.

Такое состояніе права, когда нѣтъ охраны для промышленного производства, мы называемъ „свободой промышленности“ („промышленной свободой“). Слѣдовательно, послѣдня, оказывается, совмѣстима съ существованіемъ ремесла, что, на мой взглядъ, не представляетъ ничего поразительнаго.

Что въ древности промышленное право отличалось широкой свободой, повидимому, не подлежитъ никакому сомнѣнію¹⁾.

Но и въ средневѣковой Европѣ нѣть недостатка въ примѣрахъ режима промышленной свободы; я сейчасъ приведу иѣкоторые изъ нихъ:

Въ Иглѣ у „даже къ концу XIV столѣтія“, чтобы заниматься промышленностью, достаточно было натурализоваться и уплатить пошлину за свидѣтельство²⁾; только уставъ 1442 года „прокладываетъ дорогу“ принужденію вступать въ цехъ и цеховыми ограниченіями³⁾.

Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ до самаго XIV столѣтія у скорняковъ, кожевниковъ, рыбаковъ, матросовъ, кровельщиковъ, садовниковъ, ткачей не было принужденія вступать въ цехъ⁴⁾: оно развилось лишь въ XV вѣкѣ.

Въ Базелѣ еще въ 1429 году 20%₀ всего населенія, въ томъ числѣ и ремесленники, стояло въ цеховыхъ рамокъ⁵⁾.

Въ Нюрибергѣ, промышленное право котораго, какъ известно, всегда отличалось особенно либеральнымъ характеромъ, первые признаки цехового принужденія встрѣчаются въ одномъ документѣ рыбаковъ, относящемся къ XV столѣтію⁶⁾.

Кельнскіе портные-закройщики и другіе ремесленники въ XIV столѣтіи⁷⁾, бременскіе башмачники въ XIII столѣтіи еще вовсе не знаютъ цехового принужденія⁸⁾.

Еще въ XV вѣкѣ фрайбургское сукнодѣліе организовано на пачалахъ промышленной свободы⁹⁾, точно такъ же какъ промыселъ баденскихъ портовыхъ рабочихъ¹⁰⁾.

Приказъ госларскаго городского совѣта еще въ 1419 году декретируетъ для портныхъ полную промышленную свободу¹¹⁾.

1) „Чтобы вся ремесленники опредѣленной отрасли производства вступали въ организацию, это не было закономъ даже въ первыя три столѣтія имперіи, всъ говоря уже объ эпохѣ республики“. Liebenam, „Röm. Vereinswesen“, стр. 28.

2) Werner, „Iglauer Tuchmacherzunft“, стр. 5.

3) L. c., стр. 17.

4) E. Fromm, „Frankfurter Textilgewerbe im Mittelalter“ (1895), стр. 9, 14. Bücher „Bevölkerung Frankfurts a. M.“, стр. 68, 100, 117 и сл.

5) Tr. Geering, „Handel und Industrie Basels“ (1896), стр. 46—47.

6) Jos. Baader, „Nürnbergische Polizeiordnungen“ (1861), 153 и сл. Сравн. Hegel, „Chroniken deutscher Städte“, 2, 513, а въ послѣднее время—E. Mumehoff, „Der Handwerker in der deutschen Vergangenheit“ (1901), стр. 22 и сл., 29 и сл.

7) E. Fromm, l. c., стр. 34.

8) V. Böhmert, „Beiträge zur Geschichte des Zunftwesens“ (1862), стр. 15.

9) Gothein, „Wirtschaftsgeschichte“ 1, 536, 539.

10) Тамъ же, стр. 434 и сл. Сравни его же „Bilder aus der Geschichte des Handwerks“ (1885), стр. 4—5.

11) Hegel, „Städte und Gilden“ 2, 411.

Въ Любекѣ цеховое принуждение пріобрѣтаетъ вполнѣ всеобщій характеръ лишь въ XVI столѣтіи¹⁾.

Силезія была страной величайшаго разнообразія: „тамъ можно было встрѣтить всѣ состоянія—отъ абсолютнѣйшей промышленной свободы, по наимѣнѣю понятіямъ, и переходъ черезъ всѣ оттенки ея, до послѣдней возможной ступени ограниченія промышленности“²⁾.

Что касается виѣрманскихъ земель,—въ Англіи, повидимому, очень рано получиль господство промышленный строй, проникнутый исключительными тенденціями. По крайней мѣрѣ, уже изъ XII столѣтія до настъ дошли свѣдѣнія о монополіи гильдіи торговцевъ, въ которую входили и многочисленные ремесленники³⁾; къ тому же времени относится надѣление лондонской и юркской гильдій суконщиковъ и ткачей исключительной привилегіей на веденіе производства⁴⁾.

Во Франціи развитіе обнаруживаетъ различныя тенденціи въ Парижѣ и сѣверной Франціи, съ одной стороны, и въ южно-французскихъ городахъ—съ другой. На сѣверѣ уже въ XII и XIII столѣтіяхъ начинаютъ распространяться проникнутые ограничительными духомъ промышленные уставы и цеховья привилегіи⁵⁾; напротивъ, Провансъ, напр., сохраняетъ промышленную свободу до XIV столѣтія⁶⁾.

Въ городахъ Испаніи промышленный строй часто складывался подъ вліяніемъ подражанія городамъ южной Франціи, поэтому уставы признаются здесь свободу промышленности⁷⁾.

Итальянскіе города, какъ извѣстно, пережили въ средніе вѣка эпоху почти полной свободы промышленности. Такъ было въ Генуѣ, Венеціи, Флоренціи и другихъ городахъ.

Въ городахъ сѣверной Европы свобода промышленности также господствовала до XIV столѣтія. Копенгагенское городовое право въ 1294 г. постановляется: рожденными въ Копенгагенѣ жителямъ по уплатѣ фогту и городу пошлинь за свидѣтельство предоставляемое свободно заниматься вся-

1) E. Fromm, I. c.

2) „Cod. dipl. Sil.“ 5, XXXIII.

3) Сравн. документы, указанные у Gross'a, 1, 47 и сл., т. II.

4) Привилегіи, данная Генрихомъ II (1154—1189); Liber Custumarum, стр. 33; сравн. Hegel, 1, 77. Ashley, „Eng. Wirtschaftsgesch.“, 1, 120.

5) Относительно Парижа сравн. Le Livre de M tiers; publ. par Ren  de Lespinasse et Fran ois Bonnardot, 1879. „L'exercice du m tier  tait un monopole... L'ouvrier libre et ind pendant n'exista pas“, Introductions, стр. XCVI. Цеховое принуждение въ Руанѣ въ XII вѣкѣ. Hegel, 2, 13. Напротивъ, въ Понтуазѣ промышленная свобода въ XII вѣкѣ. Fagniez, „Documents r latifs   l'histoire de l'industrie et commerce en France“ (1898), XXXVII.

6) „La legislation de ces m tiers demeure au surplus anim e de l'esprit le plus liberal et nombreux sont les artisans de chaque profession qui en dehors de la corporation vivent et travaillent insol ement et dont les m tiers respectent l'ind pendance“. Martin-Saint-L on, стр. 263. Levassieur, 12, 276. Въ Пуату свобода промышленности до XVII столѣтія. Boissonade, 2, 4, 76 и сл.

7) Для Валенсіи сравн. L. Talamouges Blasco, „Instituciones gremiales in origen y organisacion in Valencia“ (Валенсія 1889 г.), стр. 73. Цит. у Martin-Saint-L on.

кимъ ремесломъ, какое они знаютъ и которымъ хотятъ заниматься. Тогда же отмѣнены и запрещены на будущее время нѣкоторыя ограниченія сапожного и пекарного промысла¹⁾. Такимъ же духомъ проникнуто и городовое право Роскильда, относящееся къ 1269 году. Оно по соображеніямъ обь общественныхъ интересахъ рѣшительно выступаетъ противъ стремленій къ цеховому принужденію: „non obstante quadam, ut dicitur, consuetudine, que progressus dicenda est corruptela“²⁾. Въ Высби медленное развитіе принужденія всту-пать въ цехъ начинается лишь въ XIV столѣтіи, и лишь въ XV и XVI вѣкѣ становится основнымъ принципомъ промышленного права³⁾.

В. Реальная условія существованія.

Теперь мы отправимся въ поиски за обстоятельствами, одного дѣйствія которыхъ было бы достаточно, чтобы сдѣлать возможнымъ существованіе ремесла, не прибѣгающаго къ помощи колючей изгороди охранительныхъ приспособленій, или по меньшей мѣрѣ въ поиски за такими обстоятельствами, ча-стичное осуществленіе которыхъ представляется необходимымъ для того, чтобы охранительные мѣропріятія обладали дѣйствительной силой. Но необходимо съ самаго же начала замѣтить, что мы должны остерегаться того, чтобы видѣть въ такихъ обстоятельствахъ достаточную причину для существованія ремесла. То, что мы откроемъ, есть необходимое условіе, а не достаточная причина. И вопросъ: „какъ ремесло слагается въ дѣйствительности?“ какъ небо отъ земли далекъ отъ того вопроса, который мы ставимъ теперь: „какъ возможно ремесло?“

Отношенія численности населенія и состояніе техники—вотъ основные факты, къ которымъ позволительно свести всѣ условія соціальной жизни, не-обходи在我的 для существованія извѣстной формы хозяйства. Чтобы достигнуть болѣе удовлетворительного выясненія причинной связи въ томъ комплексѣ явлений, который настѣнко занимаетъ此刻, мы вынуждены разматривать эти факты какъ данные, какъ не разложимые дальше, слѣдовательно, какъ эле-ментарные факты.

I. Стношенія численности населенія

или особенности этихъ отношеній могли въ трехъ отношеніяхъ получить рѣ-шающее значеніе для жизнеспособности ремесла.

1) Характеръ тенденцій къ возрастанію населенія.—Чѣмъ ниже средняя норма прироста населенія, слѣдовательно, говоря другими словами, чѣмъ медленѣе совершается абсолютный приростъ населенія, тѣмъ лучше для ремесла. Но именно таково и было положеніе Европы въ теченіе огромнѣйшей части среднихъ вѣковъ.

Какъ ни скучны материалы для статистики средневѣковаго населенія,

1) Hegel, „Städte und Gilden“ 1, 193; сравн. также стр. 203.

2) Hegel, 1, 186.

3) Hegel, 1, 324, 336.

тѣмъ не менѣе съ нѣкоторою увѣренностю позволительно установить слѣдующее¹⁾.

Относительно Германіи мы можемъ признать, что медленный ростъ населенія продолжался до XIII столѣтія. Въ тѣхъ частяхъ ея, о которыхъ имѣются изслѣдованія Лампредта, норма ежегоднаго прироста составляла 0,5% въ 1100—1150 годахъ, 0,4%—въ 1150—1200 гг., 0,3%—въ 1200—1237 годахъ²⁾. Нельзя, дальше, не согласиться съ утвержденіемъ Шмоллера: „о возрастаніи населенія съ 1250 по 1450 годъ вообще едва ли можетъ быть рѣчь“³⁾.

Такую же картину представляютъ и другія страны:

въ Англіи приростъ въ періодъ отъ Domesday Book до Hundred Rolls; потомъ остановка до 1500 года⁴⁾;

во Франціи возрастаніе до XIV столѣтія; потомъ остановка, если не уменьшеніе, до XVI вѣка⁵⁾;

въ Бельгіи быстрый ростъ населенія въ XII и XIII столѣтіяхъ⁶⁾; въ XIV столѣтіи онъ, несомнѣнно, простоянавливается⁷⁾.

Зная условія жизни средневѣковаго населенія, мы не придемъ въ изумленіе передъ этими фактами. Какъ извѣстно, positive checks to population [положительная препятствія росту населенія — терминологія Мальтуса] были до такой степени мощны, что возникающихъ пробѣловъ не могли заполнить даже самыя высокія цифры рождаемости. Мы просто напомнимъ здѣсь давно извѣстныя вещи:

- a. полное отсутствіе гигіиіи въ городѣ и деревнѣ;
- b. частыя и кровопролитныя войны; но на первомъ планѣ стоять
- c. два бича среднихъ вѣковъ: голодовки и эпидеміи, которая часто приходили одновременно⁸⁾.

Всѣ страны одинаково посѣщались ими⁹⁾, и повсюду онѣ производили

1) О скучности источниковъ см. Inama-Sternegg, статья „Bevölkerung“, въ H. St. 2². (Переводъ по первому изданію въ сборникѣ „Народонаселеніе“ etc., изд. Водовозовой).

2) Lamprecht, D. W. L. 1, 164.

3) Schmoller, „Die histor. Entw. des Fleischkonsums etc. in Deutschland“, въ „Zeitschr. f. d. ges. Staatswiss.“ 27 (1871), 299.

4) Cunningham, „Growth“, I, 170. W. Denton, „England in the XV cent.“ (1888), 128—131. Th. Rogers, „The industrial and commercial history of England“, 1898, стр. 46 и сл.

5) Levassieur, „La Population fran aise“, I (1889), 140 и сл.

6) E. de Borchgrave, „Hist. des colonies belges du Nord de l’Allemagne“ (1865), стр. 37.

7) Vanderschueren, стр. 135 и сл.

8) „Слѣдомъ за нуждой, можно бы сказать, почти всегда идуть опустошительныя народныя болѣзни; mortalitas и pestilentia — вораздучные спутники всякой голодовки“. F. Gurschmann, „Hungersnöte im Mittelalter“ (1900), стр. 60.

9) О голодовкахъ см. названную въ предыдущемъ примѣчаніи книгу, которая недавно появилась какъ въ томъ „Leipziger Studien aus dem Gebiete der Geschichte“. Сравн. дальше, Denton, I. c., стр. 91 и сл. „Голодовки... были настолько обычны въ Англіи, что все попытки перечислить годы, пущены въ вѣли бы лишь въ заблужденіе“ (92 стр.). Для Франціи см. Levassieur, 12, 528; онъ пишетъ, что во Франціи въ XIV вѣкѣ было 19 голодныхъ годовъ, а въ XV вѣкѣ — 17. О чумѣ см., кроме извѣстной работы Нे-

одинаковыя опустошения. Больше другихъ вѣковъ пострадало XIV столѣтіе: это—столѣтіе чумы хат' ёсоуї.

Конечно, можно спорить о томъ, до какой степени заслуживаютъ вѣры приводимыя современниками данныя о высотѣ смертности,—о томъ, наприм., пала ли въ Англіи жертвой чумы одна треть, или половина населенія, или еще больше¹⁾). Но одно не подлежитъ никакому сомнѣнію: опустошения были достаточны для того, чтобы на цѣлое столѣтіе задержать ростъ населения.

2) Рѣшающее значеніе для жизнеспособности всякой формы хозяйства въ области индустриального производства имѣеть, дальше, норма прироста избыточнаго сельскохозяйственнаго населенія, слѣдовательно, выражаясь другими словами, той части населенія, для которой нѣть мѣста въ области сельскохозяйственной дѣятельности. Необходимымъ условіемъ для существованія ремесла въ промышленности является малочисленность избыточнаго сельского населенія, или, выражая ту же самую мысль иначе, широкая возможность для прироста сельского населенія использовать свою рабочую силу, повышая ли интенсивность культуры или заселяя новыя земли. Но это именно и характерно для первыхъ столѣтій среднихъ вѣковъ, по отношенію къ которымъ, какъ мы видѣли, можетъ быть рѣчь вообще только о нѣкоторомъ возрастаніи населенія. Въ Германіи обратное завоеваніе Востока германскимъ міромъ, слѣдовательно, колоссальное расширеніе прежде заселеній территорій, совпадаетъ по времени съ разложеніемъ крупныхъ самопотребляющихъ старопомѣстныхъ и монастырскихъ хозяйствъ,—слѣдовательно, съ благопріятной коньюнктурой для крестьянской собственности и крестьянскаго хозяйства²⁾). Въ согласіи съ такимъ положеніемъ дѣла мы видимъ, что вплоть до XIV столѣтія городская политика характеризуется не только предоставлениемъ полной свободы, но отчасти даже прямымъ покровительствомъ поселенію въ городахъ³⁾). И лишь постепенно, въ иогу съ воз-

ескег-Нирш, „Die grossen Volkskrankheiten des Mittelalters“, 1865, слѣдующія: для Германіи—Р. Нѣнгер, „Der schwarze Tod in Deutschland“, 1882; К. Лечнер, „Das grosse Sterben in Deutschland“, 1884. Для Франціи—Левассе, „Classes ouvri  rs“, стр. 521 и сл.; Pop. fran  , 1, 176 и цитируемую тамъ литературу. Для Италіи—обширная работа А. Соргади, „Annali delle Epidemie“, т. I (1865), по 1500 г. Она касается и исторіи голодовокъ. М. Ковалевскы, въ Zeitschr. f. Soc. und W. G. 3, 406. Для Нидерландъ, въ особенности для Бельгіи—обстоятельная работа Л. Торфс, Fastes des calamit  es publiques survenues dans les Pays-Bas et particuli  rement en Belgique etc.: Epid  mies—Famines—Inondations, 1859. Въ Англіи проблема нашла въ особенности обстоятельную разработку. Важнѣйшія работы недавно подверглись сводкѣ и критикѣ у С. Ретти-Дутаилль, „Introduction histor.“ къ А. Ревилье, „Le soul  vement des travailleurs d'Angleterre en 1831“, въ „M  m. et doc. publ. par la Soc. de l'  cole des chartes“, 2 (1898), XXX и сл.

1) Роджерсъ принимаетъ $\frac{1}{3}$, Кенингемъ— $\frac{1}{2}$, Дентонъ—еще больше.

2) Сравн. Ламргехт, „Deutsche Geschichte“ 3, 57 и сл. [Руск. пер.: „Історія германскаго народа“]; его же, „Zum Verst  ndnis der wirtschaftlichen und sozialen Wanderungen in Deutschland vom 14. zum 16. Jahrhundert“ („Zeitschrift f  r Soc. und Wirtsch. Gesch.“, 1, 191 и сл.).

3) Сравн., напр., Стѣhl, „Das deutsche Handwerk“, 1, 8 и сл. Вѣбер, „Die inneren Wanderungen und das St  dewesen in ihrer entwicklungsgeschichtlichen Bedeutung“, въ книгѣ „Entstehung der Volkswirtschaft“, 2 Aufl. (1898), 382 и сл.

растущей тенденцией къ исключительности промышленного законодательства, развивается и ограничительная, исключительная политика по отношению къ городскимъ новымъ пришельцамъ: именно, она прогрессирует параллельно тому, какъ—по причинамъ, на которыхъ мы не можемъ здѣсь останавливаться—возрастаетъ численность сельского избыточного населения.

Но и въ другихъ странахъ *terra libera* [свободная, незанятая земля] исчезаетъ лишь въ позднѣйшую эпоху среднихъ вѣковъ. Относительно Франціи еще въ эпоху 1200—1350 гг. сообщаютъ: „каждый день приходятъ известія о томъ, что захватываются новые земли, о новыхъ завоеваніяхъ рабочаго“¹⁾. Въ Англіи XIV столѣтія, какъ и въ Германіи, область заселенія искусственно расширена разложеніемъ помѣщичьихъ хозяйствъ²⁾. Такая сравнительно густо населенная область, какъ Бельгія, посыпаетъ свое избыточное населеніе въ соѣднія, рѣдко населенные страны, въ Германію³⁾ и Англію⁴⁾. А потомъ—крестовые походы и все, что связано съ ними!

3) Значительное вліяніе на жизнеспособность всякой формы хозяйства въ индустриї оказываетъ, наконецъ, степень плотности населения и скопленія его въ опредѣленыхъ центрахъ (агломерація населения). Какъ мы знаемъ—или съ увѣренностью можемъ предполагать—и плотность и агломерація населения были ничтожны на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ. Англія до XVI вѣка имѣла населеніе въ $2\frac{1}{2}$ миллиона душъ; въ другихъ европейскихъ странахъ—за исключеніемъ, можетъ быть, Италіи и Франціи—плотность населения была немногимъ больше. Во Франціи XIV вѣка на квадратный километръ приходилось до 40 человѣкъ, потомъ плотность населения падаетъ и лишь въ концѣ XVI столѣтія снова достигаетъ того уровня, на которомъ оно стояло за 200 лѣтъ передъ тѣмъ⁵⁾.—Что агломерація населения въ городахъ на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ была очень низкая, это доказано изслѣдованіями послѣднихъ десятилѣтій. „Большими городами“ въ XIV вѣкѣ были города съ 40—60 тысячами жителей, а такихъ во вѣзѣ Европѣ была какая-нибудь дюжина⁶⁾: Миланъ, Венеція, Генуя, Болонья, Флоренція, Неаполь, Палермо, Барселона, Лондонъ, Брюгге, Гентъ, Кельнъ, Любекъ и, по всей вѣроятности, еще некоторые города во Франціи и Испаніи; только въ Парижѣ да Константинополѣ насчитывалось въ то время по нѣскольку сотни тысячъ жителей. Далѣе, для XV столѣтія можно назвать еще нѣкоторые немногочисленные торговые центры съ 20—40

1) D'Avanel, 1, 273 и сл.

2) Rogers, „Hist. of Agriculture and Prices in England“, 1 (1866), 24 и сл. Seeböhm, „Engl. Vill. Comm.“ (1883), 33 и сл., 54.

3) Справл. E. de Borchgrave, „Hist. des colonies belges du Nord de l'Allemagne“ (1865).

4) W. Cunningham, „Die Einwanderung von Auslndern nach England im 12. Jahrhundert“, въ „Zeitschr. fr Soc. u. W. G.“, 3, 177 и сл.

5) Levasseur, „Popul. fran“ 1, 166 и сл., 288 (общій обзоръ).

6) J. Beloch, „Die Entwicklung der Grosstdte in Europa“, въ Comptes rendus et Mmoires du VIII Congrs international d'Hygine et de Dmographie (1894), 7, 58.—Согласно одному „достовѣрному“ источнику, Иперъ въ XIII вѣкѣ имѣлъ будто бы 200.000 (!) жителей. A. Vandenpeereboom, Ypriana, 4 (1880), 24. Документъ отъ 1258 года сводить цифру жителей до 40.000. Pirenne, „Gesch. Belg.“, 1, 311.

тысячами жителей: въ Германии¹⁾, напр., Данцигъ (1415 г.) съ 40.000, Гамбургъ (1419) — 22.000, Аугсбургъ (1475!) — 18.300, Нюрнбергъ (1449) — 20—25 тысячъ, Страсбургъ (1473—1477) — 20—30 тысячъ, Ульмъ (1427) — почти 20.000, Бреславль (1415) — 21.866. Но подавляющее большинство средневѣковыхъ городовъ составляли города посредственной величины, въ которыхъ число жителей не достигало даже 10.000; даже въ такихъ несомнѣнно важныхъ торговыхъ городахъ, какъ Франкфуртъ на Майнѣ или Роштокъ, жителей насчитывалось не больше: въ первомъ (1440 г.) — до 9.000, во второмъ (1387 г.) — 10.785.

II. Техника.

Чтобы ремесло могло существовать, техника съ количественной и качественной стороны должна удовлетворять определеннымъ требованиямъ.

Что касается количественной стороны, производительность сельско-хозяйственного труда, какъ результатъ соотвѣтственно развившейся техники, должна достигнуть такого уровня, чтобы одинъ человѣкъ могъ производить количество средствъ существованія и сырыхъ материаловъ, достаточное для двоихъ. Несомнѣнно, лишь при этомъ условіи переработка и обработка сырыхъ материаловъ въ индустриальные продукты можетъ достигнуть такой степени утонченности, что одно определенное лицо получаетъ возможность посвятить себѣ исключительно промышленной дѣятельности.

Такимъ образомъ, извѣстный минимальный уровень въ развитіи сельско-хозяйственной техники представляетъ само собой подразумѣвающееся необходимое условіе всякой промышленной дѣятельности, составляющей профессію определенныхъ лицъ. Напротивъ, благосостояніе ремесла, какъ еще будетъ показано, связано съ тѣмъ, чтобы не переходился извѣстный максимумъ производительности промышленного труда и труда по транспортировкѣ; следовательно, необходимымъ условіемъ для него является сравнительно низкій уровень какъ промышленной техники, такъ и техники транспорта.

По вполнѣ понятнымъ причинамъ нѣть возможности in concreto определить тотъ максимумъ техническаго развитія, съ которымъ связано процвѣтаніе ремесла. Тѣмъ не менѣе можно рѣшительно констатировать тотъ фактъ, что всѣ времена, когда ремесло процвѣтало, были временами низкаго развитія производительности промышленного труда. Есъ сожалѣнію, мы располагаемъ лишь немногими положительными данными объ уровни производительности труда въ тѣ времена. То единственное общее изслѣдованіе²⁾, которымъ мы располагаемъ, произведено въ XIX столѣтіи, следовательно, лишь условно пригодно для нась. Для прежнихъ эпохъ, и особенно для среднихъ вѣковъ, мы вынуждены обратиться къ косвеннымъ доказатель-

1) См. сводку у Илата H. St. 2¹, 663 и сл., где около каждой цифры указаны источники, изъ которыхъ она заимствована. О методахъ изысканій съ наибольшою обстоятельностью трактуетъ J. Jastrow, „Die Volkszahl deutscher Städte zu Ende des Mittelalters“. 1886.

2) Издание бюро труда Соединенныхъ Штатовъ Америки: „Hand and machine labour“; обстоятельное обсужденіе его — во второмъ томѣ этой работы.

ствамъ. Какъ бы то ни было, имѣется достаточно фактовъ, которые позволяютъ умозаключить къ необыкновенно низкому уровню производительности средневѣковой промышленной техники. Главнѣйшіе изъ этихъ фактовъ слѣдующіе:

1) Высокія цѣни промышленныхъ произведеній.—Въ XIV столѣтіи тонна желѣза стоила въ Англіи 9 фунтовъ стерлинговъ, что по теперешней валюте составить 27 фунтовъ стерлинговъ, а по современной цѣнности денегъ — 100 фунтовъ¹⁾ (около 1.000 руб.). Между тѣмъ тонна лучшаго иѣменскаго литого желѣза не въ дѣлѣ стоила на мѣстѣ производства въ Дюссельдорфѣ: въ 1899 г. — 81,6 марокъ, въ 1900 г. — 101,4 марокъ²⁾ (около 50 рублей).

2) Количество занятыхъ рабочихъ.—Въ Везель въ 1428 году 5.140 кусковъ сукна было произведено 342-мя ткацкими мастерами³⁾. Считая па одного ткацкаго мастера (или, по Шмоллеру, вообще на одного ткача) всего лишь пару другихъ лицъ, занятыхъ въ производствѣ сукна (а эта цифра, несомнѣнно, много ниже действительной), мы придемъ къ тому выводу, что для производства 5.140 штукъ сукна (т.-е. такого количества, которое современная большая фабрика производить въ одинъ мѣсяцъ) требовалось 1.000 человѣкъ, — разъ въ 20 больше, чѣмъ требуется въ настоящее время.

3) Продолжительность періода производства.—Чтобы изготовить хороший замокъ, еще въ концѣ XV столѣтія требовалось 14 дней⁴⁾. Время для изготовлія художественныхъ произведеній считалось годами. Вся тайна произведеній средневѣковой архитектуры и художественной промышленности, такъ часто повергающихъ насъ въ изумленіе, лежитъ въ невѣроятной продолжительности періодовъ производства. Извѣстно, что постройка нѣкоторыхъ городскихъ домовъ и церквей продолжалась столѣтіями. Но не одно лишь производство недвижимостей растягивалось на цѣлые годы. Стоить только просмотрѣть дошедшіе до насъ въ большомъ количествѣ списки именъ тѣхъ лицъ, которые изготавляли кресла на хорахъ, врата, шкатулки и т. д., — и мы убѣдимся, что при производствѣ выдающихся въ какомъ-либо отношеніи предметовъ иногда смѣнялся рядъ поколѣній⁵⁾. На работу при алтаряхъ церкви св. Іакова въ Пистоѣ и въ крещенской церкви Флоренціи лучшіе ювелиры затратили болѣе 150 лѣтъ. Надъ великолѣпными дверями, которые были бы достойны закрывать входъ въ рай, Гиберти проработалъ 40 лѣтъ⁶⁾.

4) Характеръ пріемовъ, примѣняемыхъ при производствѣ.—Здѣсь мы переходимъ къ вопросу о качественной сторонѣ техники.

По причинамъ, съ которыми мы познакомимся въ непродолжительномъ времени, количественно низкая производительность труда является, какъ уже

1) T. h. Rogers, „Ind. and comm. history“, стр. 10.

2) Stat. Jahrb. f. d. D. R. 1901.

3) Сообщено у E. Liesegang, „Niederrh. Städteleben“ (1897), стр. 610, 680.

4) Boissonade, „Org. du travail en Poitou“, 1, 370.

5) E. Foerster, „Gesch. der italien. Kunst“. 3 (1872), 130 и сл.; 4 (1875), 69 и сл.

6) G. Semper, Der Stil 2² (1879), 514.

сказано, необходимымъ условіемъ для процвѣтанія ремесла. Пожалуй, почти съ еще большею увѣренностью мы можемъ теперь описать тѣ требования, которыми техника должна удовлетворять съ качественной стороны, чтобы быть приспособленной къ ремеслу. Здѣсь можно съ полною опредѣленностью сказать, что та техника промышленного производства, которая единственно совмѣстима съ ремесломъ, которая прямо представляется какъ бы ремесленной техникой, одновременно съ которой ремесло живеть и погибаетъ,— что эта техника есть эмпирическая техника. Она господствовала въ видустріи на всемъ протяженіи исторіи, до второй половины XVIII столѣтія. Эмпирические пріемы имѣютъ характеръ искусства¹⁾. Въ нихъ находить себѣ выраженіе такое умѣнье, въ основѣ которого лежитъ индивидуальное, личное знаніе о томъ, какая опредѣленная манипуляція окажутся цѣлесообразными для достижениія опредѣленнаго результата. Строительный мастеръ знаетъ, какого рода требуется матеріаль, какъ его слѣдуетъ расположить, чтобы придать дому необходимую прочность; кожевникъ знаетъ, что кожа быка выдѣбится, если положить ее на годъ въ отваръ изъ дубовой коры; сапожникъ знаетъ, что слѣдуетъ сдѣлать, чтобы изъ куска кожи изготовить пару сапогъ. Всѣ они знаютъ, что и какъ надо дѣлать въ рабочемъ процессѣ. Всѣ они работаютъ по опредѣленнымъ правиламъ. Ихъ взглядъ на вещи чистоteleологический въ томъ смыслѣ, что они всякий пріемъ, всякую манипуляцію обураждаютъ исключительно съ точки зреінія намѣченной цѣли.

Слѣдовательно, техническое умѣнье связано съ опредѣленной личностью, съ „мастеромъ“. Умѣнье съ нимъ живеть и съ нимъ умираетъ. Поэтому, чтобы искусство сохранялось и передавалось слѣдующимъ поколѣніямъ, необходимо, чтобы мастеръ лично обучалъ „ученика“. Я уже упоминалъ выше, до какой степени вся структура ремесла, а также и строй цеха, опредѣлялись своеобразными особенностями эмпирической техники; упоминалъ и о томъ, что они въ значительной степени должны были служить такой цѣли, какъ передача техническаго умѣнья извѣстнаго времени слѣдующему поколѣнію. Для первыхъ ступеней человѣческой культуры, когда еще не возникло такихъ учрежденій, было самымъ обычнымъ явленіемъ, что цѣль преемственности то и дѣло прерывалась, и каждому поколѣнію приходилось снова отыскивать пути къ обладанію старымъ умѣньемъ.

Но и послѣ того, какъ организація обученія мастерами въ существенныхъ чертахъ обезпечила непрерывность техническаго умѣнья, развитіе техники, разъ она сохраняетъ эмпирический характеръ, все еще остается стѣсненнымъ узкими рамками. Причины тому двоякаго рода:

Во-первыхъ, производственный процессъ никогда не можетъ всецѣло эмансирироваться отъ органическихъ функций рабочаго. Все производство постоянно остается выражениемъ опредѣленной личности, его результатъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ глаза, уха, руки этой личности. Такимъ образомъ съ количественной и качественной стороны пріемы труда ни-

1) Подробнѣе объ этомъ см. мою статью „Die gewerbliche Arbeit“, стр. 17 и сл., и третью главу второго тома.

когда не могутъ выйти за предѣлы тѣсной сферы индивидуально-органическихъ возможностей.

Во-вторыхъ, тотъ способъ, который при господствѣ эмпирической техники служить для увеличенія техническихъ знаній и умѣній, очень несовершененъ. Это увеличеніе всецѣло предоставляется случаю; здѣсь совершенно отсутствуетъ стремлѣніе къ измѣненіямъ и улучшеніямъ; напротивъ, наблюдается стремлѣніе все дѣлать точно такъ же, какъ уже дѣлалось; а если и усвоивается что-либо новое, то лишь такія открытія, которыя совершенно случайно дѣлаются во время работы, безъ всякихъ исканій со стороны рабочаго, и падаютъ къ нему какъ бы съ неба. Если же вообще и обнаруживается желаніе усовершенствованій, проявленіемъ его служить неумѣлое опущивание вптымахъ, беспомощное испробование то того, то другого, безъ яснаго пониманія задачи, требующей опредѣленнаго рѣшенія.

Исключительно своеобразными особенностями эмпирической техники объясняется рядъ характерныхъ явлений, во всѣ времена свойственныхъ доказателесточному строю промышленности, и прежде всего—разграничение сферъ различныхъ профессій: оно развивается „органически“ въ точномъ значеніи этого слова; оно опредѣляется и руководствуется исключительно личными способностями производителя, т.-е. совершается безъ всякихъ соображеній объ объективныхъ требованіяхъ производственного процесса.

Но и профессиональная гордость, специфически ремесленная „профессиональная честь“, тоже немыслима безъ эмпирической техники. Требуются столѣтія передавасмаго отъ поколѣнія къ поколѣнію чисто индивидуального искусства, чтобы сознаніе принадлежности къ опредѣленной профессіи начало доставлятьносителю этого искусства особенное наслажденіе. Горнорабочій, каменотесъ, мечникъ-кузнецъ нѣкогда были хранителями каждый своего специального искусства; общее обладаніе имъ, приобрѣтенное путемъ личной выучки, естественно должно было обособлять ихъ отъ всѣхъ непосвященныхъ. Само собой разумѣется, ни фабрика удобрительныхъ туковъ, ни заведеніе для производства наилучшей жидкости для волосъ или самыхъ прочныхъ резиновыхъ шинъ не могутъ породить такихъ душевныхъ настроеній ни въ предпринимателяхъ, ни въ рабочихъ. Природой эмпирической техники легко объясняются и всѣ такія явленія, какъ робкое благоговѣніе передъ „мистеріями“ промышленного искусства или стремлѣніе его адептовъ окружать его покровомъ таинственности и всѣми силами оберегать отъ профанаций.

Здѣсь будетъ умѣстно напомнить, что такой взглядъ на промышленную дѣятельность какъ на что-то сверхъестественнное, волшебное, поскольку она непонятна, приводить насъ къ общимъ для всѣхъ народовъ земли сказаніямъ о божественномъ происхожденіи искусствъ и умѣній. На первыхъ ступеняхъ культуры мистическая представленія окутываютъ прежде всего добываніе и обработку желѣза. „Изумленіе человѣчества передъ чудеснымъ искусствомъ, которое можетъ плавить твердый металль на огнѣ и выковывать изъ него цѣнныя вещи, повело къ тому, что изобрѣтеніе этого искусства было приписано неземнымъ существомъ; точно такъ же человѣчество не могло представить себѣ, чтобы это дѣло выполнялось земными созданіями безъ помощи

таинственныхъ, волшебныхъ средствъ. Такое воззрѣніе... распространено по всей Европѣ¹⁾.

Но какъ разъ въ періодъ ремесленаго производства мы на каждомъ шагу встречаемся съ этимъ воззрѣніемъ. Въ самой тѣсной связи съ нимъ стоитъ постоянная игра въ тайну, характерная для огромнаго числа средневѣковыхъ ремесль, и особенно для строительного промысла. „Строительное искусство держали въ тайнѣ и съ этою цѣлью закутывали его въ оболочку символического языка и символическихъ формъ. Сообщать о немъ что-либо чужимъ было воспрещено. Точно такъ же воспрещалось составлять письменныя записи тайного ученія“²⁾. Сюда же относится и обычай клятвы въ постояннѣ мѣстопребыванія, который мы такъ часто встречаемъ въ средневѣковой Европѣ: напримѣръ, братья золингенскаго ремесла мечниковъ, — кузнецовыхъ, за-каливальщиковъ и полировщиковъ, — не должны были „ни покидать страну, ни вывозить тайну, ни обучать кого-либо, кромеъ своихъ собственныхъ сыновей, своему искусству“³⁾.

Можно бы привести много и другихъ примѣровъ такой связи между ремесленной организацией и своеобразными особенностями эмпирической техники⁴⁾. Но все это оказалось бы лишь небольшую услугу въ достижениіи той цѣли, которую мы преслѣдуемъ въ настоящее время. Наша задача не въ томъ, чтобы на рядѣ частныхъ случаевъ показать, какъ отдѣльные феномены ремесла обусловливаются техникой,—наша задача заключается въ принципіальномъ доказательствѣ того положенія, что ремесло невозможно безъ такого уровня техники (безъ низкой степени ея развитія или безъ своеобразныхъ особенностей въ приемахъ труда), на которомъ она стояла въ прошлое время, особенно въ эпоху среднихъ вѣковъ. Показать это возможно (если вообще возможно), только идя окольными путями. Уже раньше кое-кто указывалъ на то обстоятельство, что своеобразный строй сбыта составляетъ необходимое условіе для существованія ремесла, но при этомъ, конечно, не дѣжалось даже и попытки систематического обоснованія такой обусловленности. Мы же постараемся теперь уразумѣть самый этотъ строй сбыта въ его зависимости отъ количественнаго и качественнаго развитія производительныхъ силъ въ ремесленную эпоху хозяйства, въ его зависимости отъ техники и отношений численности населенія, отъ того, что для нась является вторымъ изъ основныхъ фактовъ, имѣвшихъ решающее значеніе для ремесла.

1) O. Schrader, „Sprachvergleichung und Urgeschichte“. 2 Auft. 1900, стр. 236 и сл. Объ этомъ сувѣрномъ страхѣ первобытныхъ народовъ передъ кузнецами подробно говорить K. Andree, „Die Metalle bei den Naturvölkern“ (1884), стр. 40 и сл.

2) Сравн. Heideloff, „Bauhütte des M.-A.“, стр. 16—18, и v. Mauger, 2, 483.

3) Thun, „Ind. am Niederrhein“, 2, 9.

4) Къ этой же области относится и упорное сопротивленіе настоящаго, истиннаго ремесленника всякому техническому новшеству. Исторія даетъ намъ множество примѣровъ этого рода. Много любопытныхъ иллюстрацій сообщаетъ Levasseur, 12, 625 и сл. Изъ области текстильной промышленности я напомню борьбу противъ проклейки (Geeling, стр. 362), противъ примѣненія марганца (Gothein, W. G., 1, 541), а также вообще многочисленные запреты применять усовершенствованные техническіе приемы. Сравн., напр., E. Mumenthoff, „Der Handwerker“, стр. 110.

Подъ отношеніями сбыта въ широкомъ значеніи я понимаю двоякаго рода условія:

1) Условія, при которыхъ производитель (ремесленникъ) вступаетъ во владѣніе необходимыми средствами производства.

2) Условія, при которыхъ онъ сбываетъ свои продукты.

Въ первомъ случаѣ мы можемъ говорить объ отношеніяхъ пріобрѣтенія, въ послѣднемъ—объ отношеніяхъ сбыта въ узкомъ значеніи или объ отношеніяхъ реализаціи.

1) Отношенія пріобрѣтениія, чтобы быть приспособленными къ ремесленной организації, должны прежде всего отличаться величайшою ясностью и простотою. Только тогда средній ремесленникъ, средняго разумѣнія, безъ специальныхъ знаній и навыковъ, можетъ ориентироваться въ нихъ и овладѣть ими между прочимъ, не покидая своей основной дѣятельности, оставаясь промышленнымъ рабочимъ. А такія отношенія складываются повсюду, гдѣ сырье материалы или полуфабрикаты пріобрѣтаются разъ заведеннымъ способомъ отъ сосѣда-крестьянина, живущаго въ окрестностяхъ, или отъ сосѣда-ремесленника съ близкой улицы. Такъ оно часто и дѣлается на примитивной ступени хозяйства: дерево, шкуры, рогъ, хлѣбъ, мука, кожа, ленъ, шерсть, красящія вещества, простые мѣха на первыхъ ступеняхъ мѣнового хозяйства въ большинствѣ случаевъ получаются изъ ближайшихъ окрестностей города, если не изъ самого города. Впослѣдствіи мы еще покажемъ, что при господствѣ старого ремесла промышленное производство характеризуется большою неподвижностью и низкою способностью къ расширению. Но уже теперь слѣдуетъ замѣтить, что при такихъ обстоятельствахъ ремесленнику не стоитъ особенного труда добыть материалы, необходимые для его производства.

Если же сфера закупокъ начинала расширяться, если оказывалась нужда въ произведеніяхъ сравнительно обширной территории, какъ, напримѣръ, въ шерсти изо всѣхъ частей страны, если сырье материалы закупались въ болѣе или менѣе значительныхъ массахъ, и тогда выходъ былъ не особенно труденъ: пока явленія рынка правильно повторялись, были ясны и ничѣмъ не нарушались, тогда потребностямъ ремесленниковъ все еще могло удовлетворить представительство цеха или наемъ специалиста-закупщика¹⁾. Особенно если при этомъ принимались мѣры съ той цѣлью, чтобы необходимые сырьевые материалы не вывозились изъ „естественной“ области закупокъ цеха. Впрочемъ, когда появляются воспрещенія вывоза, это уже свидѣтельствуетъ о томъ, что прежняя простота закупокъ сырья поставлена подъ вопросъ и что основы, на которыхъ поконится ремесло, испытали серьезное потрясеніе²⁾.

Но не слѣдуетъ думать, что ремесло необходимо и всегда должно ограничиваться переработкой сырья, получаемаго изъ ближайшихъ окрестностей.

1) Объ этомъ см. Schmoller, стр. 58. У страсбургскихъ шерстобитовъ уже въ 1300 году было „тринацдцать закупщикъ, на которыхъ они смотрѣли въ большей или меньшей степени какъ на своихъ подчиненныхъ“.

2) Крайнее въ ремесленной суконной промышленности XVI вѣка было вызвано главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что сырой материалъ начали вывозить изъ окрестностей городовъ. Schmoller, стр. 154.

Уже поверхностное размышление убеждает насъ въ томъ, что даже слаб развитая промышленность не можетъ обойтись безъ материаловъ, получаемых изъ совершенно исключительныхъ мѣстъ нахожденія и производства: желѣзъ и бронзу, благородные металлы, роскошные мѣхъ, пѣнныестроительные благородные камни, нѣкоторыя красящія вещества, какъ квасцы, искони приходилось вывозить изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ странъ. И настоящее ремесленное производство въ теченіе ряда столѣтій очень удачно приспосѣблялось къ такимъ условіямъ пріобрѣтенія сырья.

Но и для этого необходимой предпосылкой является, чтобы отношенія пріобрѣтенія были ясныя, устойчивыя, совершенно свободныя отъ элементовъ спекуляціи. А при такихъ обстоятельствахъ уже и имѣть особенного значенія, самъ ли ремесленникъ или представители его цеха будутъ предпринимать отдаленные поездки¹⁾, или же онъ будетъ дѣжидаться торговца, который обычнымъ способомъ доставляетъ ему необходимые материалы.

Ремесленнику не приходится особенно опасаться торговца, пока послѣдний развиваетъ свою дѣятельность среди неизмѣняющихся условій какъ бы стереотипированной хозяйственной жизни, то-есть пока онъ при наличності разъ установившихся отношеній доставляетъ одни и тѣ же товары на одинихъ и тѣхъ же условіяхъ и является такимъ образомъ своего рода „ремесленникомъ товарного сбыта“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, познакомившись съ отношеніями сбыта, адекватными ремеслу, мы увидимъ, когда можно утверждать, что только что намѣченные условія имѣются въ дѣйствительности²⁾.

Но, кроме общаго строя отношеній пріобрѣтенія, благопріятными для ремесленника дѣлаетъ ихъ и низкій уровень цѣни на сырье материалы и полуфабрикаты. Всѣдствіе этого расширяется кругъ тѣхъ лицъ, которые могутъ приступать къ производству съ собственнымъ имуществомъ, то-есть сохранять свою самостоятельность. При наличности примитивныхъ хозяйственныхъ отношеній, на первыхъ ступеняхъ мѣнового хозяйства, цѣнъ сырья низка по сравненію съ тою цѣнностью, которая присоединяется къ материаламъ благодаря ихъ переработкѣ ремесленникомъ. Причины тому слѣдующія: 1) въ случаѣ закупокъ вблизи приходится возмѣстить только затраты на производство, издержки транспорта покрывать не приходится; 2) въ всѣхъ вообще случаяхъ еще не дается знать о себѣ роль земельной ренты которая со временемъ такъ сильно гонитъ въ вышину цѣны всѣхъ аграрныхъ продуктовъ. Въ другой связи мы еще увидимъ, какое огромное значе-

¹⁾ Какъ видно изъ первого городового права Страсбурга, скорняки сами отправлялись во Франкфуртъ для закупокъ сырого материала. Сравн. также v. Below, „Grosshändler und Kleinhändler im deutschen Mittelalter“, въ „Jahrbüchern für N. O.“, III, F., Bd. 26 ст. 48. Какъ одинъ капитуль (въ Ксантенѣ), пользуясь командировками строительного мастера и одного каноника, обыкновенно самъ пріобрѣтать строительные материалы, необходимые для постройки церкви, это очень наглядно изображается у St. Beissel, S. J. „Geldwert und Arbeitslohn im Mittelalter“ (1885), стр. 37 и сл.

²⁾ Особенно поучительный примеръ того, какъ въ интересахъ ремесла регулировались отношенія пріобрѣтенія ввозныхъ материаловъ, представляютъ закупки хлопка, необходимаго для базельскихъ ткачей щертига; см. Geegieng, стр. 306 и сл. Сравн. также W. Hildebrand, въ его „Jahrbüchern“, 6, 129 и сл.

ніє для жизнеспособности ремесла имѣло развитіе земельной ренты. Для настоящаго же времени будетъ достаточно только что сдѣланаго краткаго указанія.

2) Но какой видъ должны имѣть отношенія сбыта въ узкомъ значеніи, то-есть какимъ способомъ продукты должны доставляться потребителю, чтобы это соотвѣтствовало требованіямъ ремесла? Ближайшій отвѣтъ на этотъ вопросъ гласить въ самой общей формѣ: сбытъ долженъ быть обеспеченымъ и неизмѣннымъ въ количественномъ и качественномъ отношеніи, или, говоря другими словами, онъ не долженъ превращаться въ проблему. Будетъ ли тогда заниматься сбытомъ самъ ремесленникъ, выполняя эту функцию между прочимъ, или же ее станетъ исполнять классъ профессиональныхъ торговцевъ, — это уже не имѣть значенія. Въ послѣднемъ случаѣ такъ же, какъ и въ первомъ, могутъ имѣться въ дѣйствительности всѣ условія, которыя дѣлаютъ возможной или даже необходимой ремесленную организацію производства.

Существенно здѣсь только одно: чтобы отъ производителя не требовалось никакихъ другихъ качествъ, кромѣ какъ отъ промышленного рабочаго. А это условіе вполнѣ удовлетворяется въ томъ случаѣ, если промышленный рабочий, спокойно занимался своимъ дѣломъ, никогда не подвергается опасности, что онъ вообще не сумѣеть реализовать свой продуктъ или же не сумѣеть реализовать его по стоящимъ цѣнамъ.

Но когда такъ бываетъ, когда сбытъ до такой степени обезпечень и постояненъ?

Господствующая теорія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: тогда и до тѣхъ поръ, пока отношенія между производителемъ и потребителемъ суть непосредственные отношенія, т.-е. когда сбытъ совершаются безъ помощи промежуточныхъ звеньевъ, или въ особенности когда продукты сываются знаемымъ лицамъ по ихъ прямому заказу. Несомнѣнно, такой моментъ, какъ регулярность отношеній между производителями и тѣснымъ кругомъ потребителей, дѣлающихъ заказы, имѣть очень существенное значение для обезпеченности и постоянства отношеній сбыта; и совершенно вѣрно, что значительная часть ремесленного производства характеризуется именно такою непосредственностью отношеній. Но точно такъ же несомнѣнно — мы уже указывали на это, — что понятія ремесленного производства и производства непосредственно на потребителя не покрываютъ одно другого. Производство на потребителя далеко не всегда создаетъ такія отношенія сбыта, чтобы сдѣлать возможнымъ существование производителей — ремесленниковъ. Портновское ремесло, напр., погибло, хотя по существу ничто не измѣнилось въ отношеніяхъ потребительского заказа. Портновская работа на потребителя принадлежитъ къ числу тѣхъ производствъ, которые раньше всего стали вестись капиталистически; какъ ремесло, это производство было расшатано въ Лондонѣ уже въ началѣ XVIII столѣтія¹⁾). И далеко не такъ рѣдки случаи, когда разложеніе ремесленной организаціи начинается съ производствъ, кото-

1) Сравн. S. and B. Webb, „History of Trade Unionism“ (1894), стр. 25 и сл. [Рус. пер.: С. и Б. Уэббъ, „История рабочаго движенія въ Англіи“].

рыя работают не для вывоза за границу, а для сбыта на местъ, следовательно, на болѣе или менѣе ограниченный кругъ потребителей¹⁾). Напротивъ, мы выше наблюдали уже достаточное количество случаевъ, когда несомнѣнно ремесленная организація производства успѣшно процвѣтала при кругѣ покупателей, составленномъ вовсе не изъ непосредственныхъ потребителей,—процвѣтала, несмотря на экспортъ и торговцевъ-посредниковъ.

Обезпечень и постояненъ сбытъ скорѣе всего во всѣхъ тѣхъ случаяхъ—и только въ такихъ случаяхъ,—когда между предложеніемъ и спросомъ сохраняется постоянное равновѣсие или же существуетъ несоответствіе такого рода, что предложеніе обгоняетъ спросомъ; и когда, кроме того, условія производства и сбыта для отдельныхъ производителей остаются по существу приблизительно равными.

При ближайшемъ изслѣдованіи, несомнѣнно, окажется, что такія условія обезпеченнаго и постоянного сбыта осуществляются не только при работе непосредственно на потребителя. Работающій на рынокъ или торгующій въ разность ремесленникъ находится въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и работающій непосредственно на потребителей по ихъ заказу, разъ онъ съ полной опредѣленностью знаетъ, что никто не зайдетъ его мѣста на рынкѣ, пока онъ не явится самъ, и никто не отправится по улицамъ, пока онъ самъ не выступитъ въ дорогу со своимъ мѣшкомъ или телѣжкой. То же самое сохраняетъ свою справедливость и по отношенію къ ремесленнику, работающему на продажу торговцу: въ одно и то же время передъ его дверями является одинъ и тотъ же купецъ, чтобы забрать у него такое же количество продуктовъ по такимъ же цѣнамъ, какъ это было и раньше²⁾). Превосходнымъ примѣромъ такого стереотипнаго сбыта товаровъ, соединенного съ широчайшимъ экспортомъ, является средневѣковая торговля оружиемъ, произведеннымъ въ ремесленныхъ районахъ, расположенныхъ по Нижнему Рейну; Тунь далъ памъ ея описание³⁾). Слѣдовательно, мы должны отправиться глубже въ поискахъ за причинами, которые придаютъ сбыту обезпеченностъ и постоянство. Тогда мы откроемъ слѣдующія:

1. Причины на сторонѣ спроса.

Спросъ долженъ быть качественно и количественно постояннымъ и обезпеченнымъ, т.-е. необходимо, чтобы постоянно былъ спросъ на одно и то же количество однѣхъ и тѣхъ же вещей.

1) Относительно парижскаго ткацкаго дѣла памъ извѣстно, что уже въ XIII столѣтіи процессъ дифференціаціи зашелъ въ немъ такъ далеко, что бѣдные мастера начали работать на богатыхъ, какъ на скупщиковъ. „Это сужло, которое конкурировало съ сукномъ изъ Фландріи и Бове, продавалось скупщикамъ, которые снабжали имъ своихъ портныхъ“. Martin-Saint-Léon, „Hist. des corporations“, стр. 174.

2) Огромные колебанія цѣнъ аграрныхъ продуктовъ такъ же характеризуютъ ранніе періоды хозяйства, какъ и сравнительное постоянство цѣнъ промышленныхъ произведеній. Обясненіе первого феномена давалось часто, попытка объясненія второго будетъ дана въ дальнѣйшемъ ходѣ этого изложения.

3) Thun, „Industrie am Niederrhein“, 2, 16—17.

Качественно спросъ будетъ тѣмъ неизмѣнѣе, чѣмъ менѣе измѣняются категоріи лицъ, выступающихъ покупателями, и чѣмъ меньшимъ перемѣнамъ подверженъ вкусъ этихъ лицъ. Но чѣмъ ничтожнѣе измѣняется общественное разслоеніе, т.-е. чѣмъ устойчивѣе общественная структура, тѣмъ больше постоянства въ рядахъ покупателей. Сохраняющееся столѣтиемъ расчлененіе какого-либо народа въ исконныя „сословія“: духовное, рыцарское, крестьянское и городское, знаменуетъ, следовательно, стереотипность спроса; послѣдній тѣмъ постояннѣе, чѣмъ менѣе измѣняются внутри этихъ группъ нравы и обычай, или, употребляя современную терминологію, чѣмъ рѣже смыняется мода. Крестьянство, въ теченіе столѣтий выработавшее и сохранившее потомъ однообразную одежду, и населеніе современныхъ большихъ городовъ, которое въ какія-нибудь десять лѣтъ успѣваетъ смѣнить десятокъ модъ въ одѣяніи и пять стилей въ мебели,—вотъ крайнія противоположности по отношенію къ спросу.

Въ средневѣковой Европѣ, когда ремесло переживало эпоху расцвѣта, отмѣченная условіемъ качественно постоянныхъ отношеній спроса осуществлялись въ дѣйствительности, — это вполнѣ очевидно. Въ тѣ времена почти совершенно отсутствовало явленіе, которое мы обыкновенно обозначаемъ теперь словами „смѣна моды“. „Интересъ среднихъ вѣковъ самъ по себѣ былъ направленъ на привычное изстари, на традиціонное. До половины XIV столѣтія въ Германіи не наблюдается смѣны моды, и даже съ того времени она больше затрагиваетъ покрой платья, чѣмъ характеръ матеріи. Въ средніе вѣка безграницно и наивно во всѣхъ сферахъ жизни вѣрили: „такъ должно быть“—даже въ сферѣ экономическихъ потребностей и техники“¹⁾.

Но самой существенной гарантіей качественно постоянного спроса является крайняя трудность измѣненій производственного процесса, вытекающая изъ эмпирическаго характера техники.

Количество и постоянною и обезпеченному спросъ будетъ при томъ условіи, если увеличеніе массы производимыхъ товаровъ совершается не быстрѣе, чѣмъ ростъ покупательной силы у покупателей.

Но это опять-таки характерно для всѣхъ ступеней зарождающейся культуры, и въ частности для средневѣковой Европы. Явленіе это прежде всего обусловливается прогрессивнымъ движениемъ сельскохозяйственного производства. До конца среднихъ вѣковъ благосостояніе крестьянского сословія все возрастаетъ. Во всѣхъ странахъ до XIV столѣтія, а отчасти и послѣ того покупательная сила оброичнаго крестьянства растетъ, потому что въ эту эпоху доходность земли значительно увеличивается, а платежи, если и повышаются,

¹⁾ Schmoller, „Tucher- und Weberzunft“, стр. 20. Замѣтимъ кстати: Шмольеръ переворачиваетъ здѣсь причину и слѣдствіе. Въ другой связи мы еще покажемъ, каковы дѣйствительныя движущія силы при сменѣ моды, и почему моды могутъ оставаться сравнительно устойчивыми. Здѣсь же достаточно просто указать на качественную неизмѣнность спроса, какъ на условіе ремесленного производства и какъ на фактъ, имѣвший мѣсто въ теченіе длиннаго периода европейской средневѣковой истории—того периода, когда ремесло достигло высокаго процвѣтанія. Относительно устойчивости сбыта оружія въ средніе вѣка мѣткія замѣчанія у Thun, „Industrie am Niederrhein“, 2, 16 и сл.

то въ сравнительно меньшей степени¹⁾). Рядомъ съ крестьянствомъ въ деревнѣ, а также и въ городахъ выступаетъ классъ духовныхъ и свѣтскихъ получателей ренты, которые тоже не дѣлаются бѣднѣе²⁾). Отсюда—платежеспособный спросъ и возрастающая ёмкость деревенского рынка. А это дѣствовало обратно на промышленное сословіе и, обусловливая высокія цѣны и высокое вознагражденіе за его продукты, въ свою очередь поддерживало его покупательную силу. Тѣмъ болѣе, что всѣ члены промышленного сословія все еще получали, пользуясь современной терминологіей, „полный результатъ своего труда“ или приблизительно полный: я имѣю въ виду высокій уровень заработной платы подмастерьевъ, составлявшей, какъ известно всякому, общее правило до конца среднихъ вѣковъ.

Наконецъ, мы просто упомянемъ о томъ, что экстенсивность рынка, обусловленная своеобразнымъ характеромъ разселенія въ ранишее время, послужила своего рода естественнымъ предохранительнымъ приспособленіемъ для ремесла.

2. Причины на сторонѣ предложенія.

Что нарушаетъ изъ области предложенія пріятную увѣренность въ совершенно обезпеченному сбыту, такъ это опасность, что сосѣдъ одержить верхъ благодаря добротѣ произведений или благодаря дешевымъ цѣнамъ. Слѣдовательно, сбыть обезпечивается устраниеніемъ возможности вытѣсненія одного производителя другимъ, по крайней мѣрѣ устраниеніемъ этой возможности, какъ постояннаго явленія въ хозяйственной жизни, съ которымъ каждый долженъ волей-неволей считаться. Нечего и говорить, что въ исключительныхъ случаяхъ одинъ производитель всегда будетъ опережать другого,—совершенное устраненіе этого невозможно. Пользуясь современнымъ словомъ, мы могли бы такъ выразить нашу мысль: чтобы ремесло могло существовать, конкуренція должна сдѣлаться невозможной.

Но при какихъ условіяхъ конкуренція между производителями отсутствуетъ или почти совершенно отсутствуетъ?

Прежде всего, конечно, тогда, когда производится въ общемъ мало по сравненію съ размѣрами спроса. Потому что тогда конкурировать между собою приходится потребителямъ; производители же могутъ сохранять выжидательное положеніе,—порядокъ вещей, который во все времена каждо-

1) Цифры для Германіи см. у Лампрехта, W. L. 2, 612 и сл., сравн. также 1, 621 и сл. Но я не могу согласиться съ теоретическими объясненіями Лампрехта. Для Англіи сравни. Rogers, 4, 740 и passim; для Франції—Levassier; для Италии—С. Вегтагнолі, „Le vicende dell'agricoltura in Italia“ (1881), 246 и сл. G. Віансі, „La proprietà fondiaria“ (1891), 95 и сл.; для Бельгіи: Н. Ріеппе, „Gesch. Belgien“, 1 (1899), 342 и сл.

2) Именно получатели земельной ренты на первыхъ ступеняхъ культуры были единственнымъ классомъ покупателей предметовъ роскоши (оружія, драгоценностей, тканей, мѣховъ и т. д.) и потому имѣли рѣшающее значеніе для существованія средневѣковаго ремесла. Я наставлю на этой иллѣ въ противоположность мнѣніямъ, которыхъ недавно опять заявили о своемъ существованіи.

му настоящему ремесленнику представлялся естественнымъ¹⁾. Что касается размѣровъ производства, они опредѣляются двумя факторами: количествомъ рабочихъ силъ и уровнемъ ихъ производительности.

Чѣмъ меньше производителей, тѣмъ ничтожнѣе опасность „перепроизводства“ и, следовательно, затрудненій для сбыта. Въ настоящее время мы лишь съ трудомъ могли бы представить себѣ такое положеніе, когда чувствуется недостатокъ въ промышленныхъ производителяхъ. Наблюдая его во вновь заселяемыхъ территоріяхъ далекаго запада, мы тотчасъ же обнаруживаемъ склонность объяснить такое положеніе—и мы правы—какъ результатъ исключительного стечения обстоятельствъ, какъ переходное состояніе. И тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, бывали времена, когда недостатокъ ремесленниковъ составлялъ не исключение, а общее правило. „Въ XIV и въ первую половину XV столѣтія мы нерѣдко наблюдаемъ, какъ цѣлые города употребляютъ свои силы на то, чтобы заполучить нѣсколько красильщиковъ: такъ было съ Бритценомъ въ 1355 году, Эслингеномъ—въ 1401 г., съ Лейпцигомъ—въ 1469 году“²⁾). А это, вѣдь, уже сравнительно позднія эпохи развитія.

Посмотримъ теперь, стечеіе какихъ обстоятельствъ было необходимо, чтобы привести къ отсутствію конкуренціи между ремесленниками. Какъ на главные, на рѣшающіе моменты мы указали бы на слѣдующіе. Прежде всего—и это самое важное—избыточное сельское населеніе, которое могло бы увеличивать ряды промышленныхъ производителей, должно быть количественно ничтожно. А мы уже видѣли, что этому условію въ общемъ и цѣломъ удовлетворяетъ ранній періодъ среднихъ вѣковъ. Дальнѣйшій моментъ, отъ которого могло исходить противодѣйствіе слишкомъ быстрому росту числа промышленныхъ производителей, заключается въ трудности техническаго образованія молодежи. Пока оно требовало прохожденія ряда ступеней, установленнаго срока ученичества, пока оно требовало личныхъ, добросовѣстныхъ указаний мастера—а все это было необходимо при эмпиризмѣ производственныхъ пріемовъ,—до той поры воспитаніе молодого поколѣнія промышленныхъ

1) Въ 1646 году базельскіе позументщики выступили съ жалобами противъ тѣхъ лицъ, которымъ городской совѣтъ разрѣшилъ на два года жительство въ Мюнхенштейнѣ: они ведутъ себя наперекоръ „всякимъ приличіямъ“, они „рыскаютъ съ работой по всемъ мѣстамъ и деревнямъ“. Geeling, стр. 600. И въ настоящее время все еще справедливо признается „основнымъ правиломъ ремесла“, что потребитель долженъ разыскивать производителя (U. VI, 662). Авторъ одного отчата, обнаруживая тонкую наблюдательность, пишетъ о современномъ слесарномъ промыслѣ въ Грацѣ слѣдующее: „Многимъ изъ нихъ... не хватаетъ подвижности. Во многихъ головахъ все еще сидитъ кое-что изъ старыхъ цеховыхъ правилъ: мастеръ долженъ ожидать работы въ своей мастерской, а не разыскивать ее гдѣ-нибудь въ мастерской. Есть такие мастера, которые безъ всякихъ обиняковъ заявляютъ, что они скорѣе предпочли бы влечь жалкое существование, чѣмъ просить о работе“ (U. Se., стр. 269). Но дѣло въ томъ, что такой образъ дѣйствій — совершенное доникхічество для настоящаго времени.

2) Schmollet, „Tucher-und Weberzunft“, стр. 92. Лучшимъ доказательствомъ малочисленности ремесленниковъ служатъ характерные для прежнаго времени различные виды покровительства и привилегій, которыми князья и города старались прикрѣпить иноземныхъ ремесленниковъ къ своимъ областямъ. При общезѣмѣстности факта было бы излишне приводить подтвержденія.

производителей было стѣснено по самому существу дѣла очень узкими рамками. Переходимъ, наконецъ, къ послѣдней причинѣ, которая должна была противодѣйствовать переполненію ремесла подготовленными рабочими силами и проявлялась въ раннія времена, то-есть въ эпоху, оказавшуюся наиболѣе приспособленной къ требованіямъ ремесла. Это — отмѣченная выше особенность количественныхъ отношеній населенія, получившая выраженіе въ чрезвычайно высокой смертности и, слѣдовательно, въ низкой нормѣ прироста. Поэтому эпоха самого острого недостатка ремесленниковъ и рабочихъ на-дается на вторую половину XIV столѣтія, когда слѣдствія черной смерти ощущались съ наибольшою силой. Несоответствіе между спросомъ и предложениемъ дошло тогда до такихъ волюющихъ размѣровъ, что во многихъ мѣстахъ почувствовалась необходимость установить максимальныя цѣны и за ремесленный трудъ¹⁾.

Разъ цифра производителей дана, размѣры всего ихъ предложенія, ясно, зависятъ отъ уровня производительности ихъ труда. Чемъ неразвитѣе послѣдняя, тѣмъ меньше опасность затрудненій для сбыта. И никогда нельзя слишкомъ часто и слишкомъ рѣшительно повторять, до какой степени мирное существование ремесла во всѣ прежнія времена зависѣло отъ низкаго уровня производительности. Послѣ всего вышесказанного связь между этими фактами не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Но всѣ изложенные до сихъ поръ причины, которыя проявляются въ области предложенія и дѣлаютъ возможнымъ существование ремесла, касаются только характера отношеній сбыта, опредѣляемыхъ особенностями производства какъ цѣлаго. Теперь остается изслѣдовывать, каковы тѣ обстоятельства, которыя обеспечиваютъ сравнительно спокойное существование и для каждого отдельного участника во всемъ производствѣ, для каждого отдельного ремесленника, или, говоря другими словами, каковы тѣ обстоятельства, которыя ведутъ къ устраненію конкуренціи и между представителями одного и того же промысла²⁾.

Сущность конкуренціи между продавцами товаровъ опредѣляется способностью отдельного производителя доставлять на рынокъ болѣе доброкачественные или болѣе дешевые товары, чѣмъ доставляеть его сосѣдъ, или, коротко говоря, конкуренція вытекаетъ изъ возможности для отдельного производителя опередить своихъ товарищей. Гдѣ нѣтъ этой возможности, тамъ нѣтъ и конкуренції³⁾. Но возможность эта ограничена во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда

1) Сравн. для Франціи *Levassieur*, 12, 500; для Италіи—*Kovalewski*, I. c., стр. 414 и сл.; для Англіи—*Culpingham*, I, 306 и сл.

2) Насколько мѣрѣ известно, единственнымъ изслѣдователемъ, который вообще поднялъ этотъ вопросъ, является *Franz Oppenheimer*, „Die Siedlungsgenossenschaft“ (1896), стр. 133 и сл., и „Grossgrundbesitz und sociale Frage“ (1898), стр. 330 и сл. Его попытки дать положительное объясненіе, конечно, не могутъ удовлетворить меня. Но за кѣмъ стали бы мы отрицать право на заблужденіе на такихъ непротореянныхъ путяхъ!

3) Такую конкуренцію можно назвать качественной и противопоставить ей количественной конкуренціи, которая обусловливается простымъ фактомъ переполненія извѣстнаго промысла. Въ ходѣ развитія послѣдняя была извѣстна и въ эпоху ремесленного производства: этимъ объясняются для позднѣйшаго времени тенденціи цеховъ къ исключительности. Дальнѣйшее о сущности конкуренціи см. во второмъ томѣ.

1) въ производствѣ господствуютъ эмпиріческіе пріемы. При такихъ условіяхъ всякое удешевленіе или усовершенствованіе возможно только какъ результатъ длиннаго процесса преобразованій. Мы знаемъ, до какой степени быстрый прогрессъ техники чуждъ самому существу эмпіризма. Мы знаемъ, что лишь стеченіе счастливыхъ случайностей приводить къ смѣнѣ традиціонныхъ, исконныхъ пріемовъ болѣе цѣлесообразными. Но мы знаемъ также, что все эмпірическое умѣніе связано съ опредѣленною личностью и что оно не могло бы передаваться безъ содѣйствія личности. Предположимъ, что какой-нибудь ремесленникъ началь примѣнять существенное усовершенствованіе, благодаря которому продуктъ производится дешевле или лучшаго качества; послѣ всего сказанного ясно, что новый пріемъ на первыхъ порахъ такъ и не выйдетъ изъ сферы личной дѣятельности этого ремесленника. Послѣдній обладаетъ какъ бы естественнымъ патентомъ на свое изобрѣтеніе. Оно получаетъ болѣе широкое примѣненіе лишь въ той мѣрѣ, какъ ремесленникъ передаетъ свое повышенное умѣніе путемъ личнаго обученія. Но на первыхъ порахъ оно остается его исключительною собственностью и на формирование общихъ отношеній сбыта дѣйствуетъ въ самыхъ скромныхъ предѣлахъ, опредѣляемыхъ продуктивностью труда лишь самого изобрѣтателя. Въ настоящее время ограниченіе размѣровъ производства сферою дѣятельности одной личности является особою привилегіей только для художественныхъ произведений; но въ эпоху чисто эмпірической техники эта привилегія имѣла вполнѣ общий характеръ и распространялась на большинство усовершенствованныхъ пріемовъ, которые служили или повышенню качественной привлекательности или уменьшенню издержекъ производства какого-либо продукта.

2) Итакъ, самая природа эмпірическихъ пріемовъ обусловливаетъ медленность техническаго прогресса и, слѣдовательно, выдвигаетъ цѣлый рядъ помѣхъ для серьезной конкуренціи на товарномъ рынке. Но все это чувствуется съ особенною остротой въ тѣхъ случаяхъ, когда отсутствуютъ условия, которыя собственно только и дѣлаютъ возможными усовершенствованія въ характерѣ пріемовъ или практическое ихъ примѣненіе. Условія эти, какъ еще будетъ показано: утилизациѣ болѣе или менѣе мощныхъ силъ природы, и прежде всего, какъ уже известно намъ, объединеніе многочисленныхъ рабочихъ силъ въ одномъ крупномъ общественномъ производствѣ. Если первое зависитъ отъ прогресса техническихъ знаній, то второе — отъ двухъ соціальныхъ условій: во-первыхъ, отъ наличности массы людей, готовыхъ работать, и, во-вторыхъ, отъ накопленія цѣнностей, которая въ теченіе известнаго времени могутъ служить для содержанія массы занятыхъ рабочихъ, равно какъ и для приобрѣтенія средствъ производства, необходимыхъ при дѣятельности этихъ рабочихъ, — или, употребляя ходячее выраженіе, зависить отъ соответствующаго накопленія капитала.

Если дѣятельность не удовлетворяетъ этимъ обѣимъ условіямъ или даже только одному изъ нихъ, тамъ при всемъ желаніи оказалось бы невозможнымъ выйтѣснить съ рынка какого-нибудь производителя, хотя бы его конкурентъ усвоилъ болѣе совершенные техническіе пріемы. Но здѣсь мы въ своемъ изслѣдованіи забѣгаемъ впередъ, переходимъ въ ту область, къ которой намъ придется обратиться впослѣдствіи. Въ послѣдніхъ положеніяхъ

мы выразили мысль, которая въ сущности понятна сама по себѣ: необходимымъ условиемъ процвѣтанія ремесла является отсутствие тѣхъ условій, съ которыми связано существованіе капитализма. Каковы именно послѣднія, будетъ точнѣе установлено ниже. Показать, какъ они слагаются въ ходѣ исторіи, составляетъ главную задачу слѣдующихъ отбловъ, къ которымъ мы и отсылаемъ читателя.

А теперь необходимо сдѣлать еще одно замѣчаніе. Напомнимъ, что, кромѣ всѣхъ упомянутыхъ до сихъ порь моментовъ, существуетъ и еще одно обстоятельство, которое само по себѣ при данномъ уровнѣ техники повело бы къ полному устраниенію конкуренціи въ современномъ значеніи этого слова, по крайней мѣрѣ—къ устраниенію конкуренціи между производителями изъ различныхъ мѣстъ. Это обстоятельство—трудность распространенія по широкой территоріи продуктовъ, хотя бы они были произведены усовершенствованными пріемами или вообще при какихъ бы то ни было сравнительно благопріятныхъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что общее несовершенство техники въ какую-либо эпоху въ существенной степени означаетъ несовершенство и техники транспорта.

Примемъ во вниманіе низкій уровень техники транспорта вплоть до нѣвѣшаго времени, а въ особенности въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ, вспомнимъ прямо невѣроятное состояніе проселочныхъ дорогъ,—и мы не можемъ удержаться отъ изумленія: какимъ образомъ вообще было возможно до нашего времени такое сильное товарное движеніе, какъ оно наблюдалось въ дѣйствительности? Изумленіе наше не сдѣлается менѣе, если даже мы припомнимъ, что сообщеніе совершалось почти исключительно по воднымъ путямъ и что техника водного транспорта не страдала такой отсталостью, какъ техника сухопутнаго передвиженія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что даже водный транспортъ обходился очень дорого и что тѣ надбавки, которыхъ расходы транспорта присоединяли къ цѣнамъ производства товаровъ, достигали воистину поразительной высоты; вздорожаніе, вытекавшее изъ безчисленныхъ таможенныхъ пошлинъ, мы оставляемъ пока въ сторонѣ¹⁾. Высокія издержки транспорта, подобно естественнымъ „охранительнымъ пошлинамъ“, имѣли, конечно, благопріятное вліяніе на туземные продукты каждого опредѣленного мѣста. Итакъ, примемъ во вниманіе и это преимущество, которымъ мѣстный производитель пользовался передъ иногороднимъ, оѣнѣмъ, дальше, по достоинству почти непреодолимую трудность сократить издержки производства,—и мы убѣдимся, что товарное производство, работающее на отдаленный рынокъ, вообще было возможно лишь при условіи монополіи своего рода; другими словами, доступъ на чужіе рынки вообще могли

1) Пошлины по рѣкамъ иногда ложились такою огромною тяжестью, что торговцы предпочитали гужевую перевозку. Относительно Рейна см. Schulte, I, 435, и Th. Sommerland, „Die Rheinzölle im Mittelalter“, 1894. Боченокъ вина, путешествуя по Эльбѣ, долженъ былъ между Дрезденомъ и Гамбургомъ оплачиваться пошлинами на 30 мѣстахъ обложенія. Falke, „Zollwesen“, стр. 221. До устья Эльбы число таможень составляло 17. Изъ новѣйшихъ работъ см. B. Weissenborg, „Die Elbzölle und Elbstapelpfälze im Mittelalter“ (1901), и дальше сказанное въ 9 главѣ этой работы о высотѣ издержекъ транспорта.

находить почти только одни особые товары, способъ производства которыхъ оставался тайной¹⁾). Такимъ образомъ мы видимъ, что товарамъ какъ мѣстныхъ, такъ и инигороднихъ производителей, встрѣчавшимся на средневѣковыхъ рынкахъ, принадлежала [на этихъ рынкахъ естественная монополія, и что монополія эта вытекаетъ опять-таки изъ своеобразныхъ особенностей эмпирической техники. Монополія обеспечивала сбыть и туземнымъ и чужимъ продуктамъ и, слѣдовательно, давала ремеслу возможность существовать²⁾.

Но мы еще не можемъ считать завершеннymъ наше изслѣдованіе реальныхъ условий существованія ремесла: намъ остается бросить взглядъ на особенности образованія цѣнъ на ремесленныя произведенія. Въ образованіи цѣнъ передъ нами разомъ выступаетъ совокупное дѣйствіе обстоятельствъ, обусловливающихъ данный способъ производства; слѣдовательно, здѣсь мы найдемъ подтвержденіе правильности анализа, произведенного выше. Если мы обратимся къ ближайшему изученію цѣнъ на промышленные про-

1) „... не только не было... равномѣрнаго представительства всѣхъ отраслей текстильной промышленности, наблюдалось, наоборотъ, прямо противоположное. Одна область опережала другую въ той или другой отрасли производства: здѣсь лучше окрашивали въ голубой цветъ, въ другомъ мѣстѣ успѣшиѣ справлялись съ производствомъ простыхъ суконъ, третью мѣсто обладало какими-нибудь другими преимуществами“ А. Schulte, I, 112. „Производство (шерстяныхъ тканей) специализировалось уже въ ранніяя времена; въ Ульмѣ окрашивали въ красный цветъ, въ Аугсбургѣ—въ черный, Кельнъ получила известность искусствомъ окрашивать въ зеленый и черный цветъ и особенно изготавливать клѣтчатыя, голубое съ бѣлымъ, материи („Cölsch“)... Базельцы изготавливали голубыя материи или голубое съ бѣлымъ“. Geerling, стр. 308. Наглядное представление о широкой специализации въ производствѣ суконъ даетъ фландрское стихотвореніе XII столѣтія, „Conflictus ovis et lini“, v. 169—212, воспроизведенное въ „Zeitschrift für deutsches Altertum“, 11, М. Гаупта (1859), стр. 220 и сл. Но шелковая промышленность даже еще дольше, чѣмъ шерстяная, оставалась монополіей отдельныхъ городовъ. И въ самой Италии потребовались столѣтія на то, чтобы она изъ Лукки распространилась на Геную, Миланъ и другие города.—Извѣстно, до какой степени специализировалась вторая выдающаяся промышленность среднихъ вѣковъ, работавшая для экспорта,—металлическая индустрия и особенно производство оружія. Клиники изъ Толедо, Брескіи и Паскау, панциры и щиты изъ Милана, Инсбрука и Ниориберга повсюду пользовались монополіей. Сравн. W. Böhheim, I. c., H. von Duyse, „Ueber den Handel mit Hiebwaffen in verschiedenen Epochen“, въ „Zeitschr. für histor. Waffenkunde“, 1, 65 и сл. Чтобы составить себѣ правильное представление о томъ, до какой степени отдельные отрасли средневѣковаго производства были связаны съ опредѣленными мѣстностями, мы могли бы сравнить его, напр., съ современнымъ производствомъ особыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Сельское хозяйство, благодаря своей зависимости отъ естественныхъ условий мѣста производства, до настоящаго времени характеризуется, особенно въ производствѣ деликатесовъ, далеко заходящей локализацией своихъ произведеній. Для гурмановъ издаются специальная карты, въ которыхъ перечисляются знаменитѣйшія мѣста производства отдельныхъ составныхъ частей хорошей кухни. Сравн., напр., Chatillon-Plessis, „La vie à table à la fin du XIX siècle“ (1894), стр. 225. Такой же видъ имѣла бы и географическая карта средневѣковой промышленности.

2) „Новые отрасли ввоза шли ей, т.-е. торговлѣ, на пользу лишь постольку, поскольку соответствующее туземное производство отсутствуетъ. Но коль скоро возникло соответствующее ремесло, торговому ввозу приходилось отступать передъ нимъ, потому что оно могло продавать дешевле его, благодаря сбереженіямъ на торговомъ рискѣ и на высокихъ издержкахъ транспорта“. Относительно Базеля—Geerling, стр. 139—139.

времени развиваются въ выработанную искусственную систему, прогрессирующую по мѣрѣ того, какъ подвергается опасности существованіе одного ремесла за другимъ.

Однако зданіе ремесленной промышленности остается непотрясенныи въ теченіе всей этой эпохи. Вся хозяйственная жизнь попрежнему сохраняетъ свой ремесленный отпечатокъ. Даже вновь возникающія формы хозяйства, съ которыми мы познакомимся ниже, первоначально выступаютъ въ ремесленной оболочкѣ. Причина заключается въ томъ, что условія ремесленного производства въ значительной мѣрѣ сохраняются въ теченіе всего этого длиннаго періода. До какой степени сохранились они, мы сумѣемъ надлежащимъ образомъ опѣнить, лишь познакомившись съ общимъ строемъ хозяйственной жизни въ концѣ этой эпохи,—въ Германіи, слѣдовательно, около половины XIX столѣтія. Только съ этого времени и начинается третій періодъ въ исторіи ремесла. Послѣднее оставляетъ историческую арену, на которой теперь появляется совершенно новая обстановка и начинается совершенно новое дѣйствіе: открывается эпоха съ преобладающимъ капиталистическимъ отпечаткомъ; всѣ жизненныи отношенія преобразуются съ такой быстротой, что отъ насы, людей 1900 года, эпоха 1850 года отстоитъ дальше, чѣмъ эпоха 1350 года отстояла отъ нашихъ отцовъ, жившихъ въ половинѣ XIX столѣтія.

Показать, какъ шагъ за шагомъ осуществлялись предпосылки капиталистического строя хозяйства, составляетъ собственно задачу дальнѣйшаго изложенія. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ ней, необходимо дополнить предыдущее изложеніе и описать еще одну сферу докапиталистической хозяйственной жизни,—ту сферу, которая вмѣстѣ съ ремесломъ въ области промышленного производства только и дастъ намъ „хозяйство какъ ремесло“ во всей его полнотѣ. Мы имѣемъ въ виду сферу докапиталистической торговли. Остановиться на ней тѣмъ болѣе необходимо, что слишкомъ часто торговля и ремесло изображаются какъ двѣ противоположности и что слишкомъ часто всякую торговлю представляютъ, какъ форму проявленія капитализма¹⁾). Въ противоположность этому необходимо показать, что какъ промышленное производство, такъ и торговля долгое время существовали безъ всякаго капиталистического налета: послѣдняя была единородныи и во всякомъ случаѣ говорчивымъ братомъ ремесленной промышленности. Изображенію докапиталистической торговли и будетъ посвящена слѣдующая глава.

¹⁾ „Торговля по самой своей природѣ должна вестись капиталистически“. Rich. Ehrenberg, „Entstehung und Bedeutung grosser Vermögen“, въ „Deutsche Rundschau“ отъ 15 апрѣля 1901 г., стр. 123.

всего въ особенностихъ отношенийъ сбыта, которая, въ свою очередь, обусловливаются определеннымъ характеромъ техническаго умѣнья и количественныхъ отношенийъ населения.

Стремясь свести къ единству формальная и материальная условія ремесленного производства, мы можемъ назвать цеховую организацію и цеховое законодательство вспомогательными приспособленіями, цѣль которыхъ заключается въ томъ, чтобы обеспечить существованіе ремесла. Это—вспомогательные приспособленія, одно возникновеніе которыхъ уже показываетъ, что отъ зданія ремесла начали отрываться отдѣльныя части, или, по меньшей мѣрѣ, что элементы его заколебались. Если всѣ предпосылки, которыя мы признали необходимыми для ремесла, имѣются въ дѣйствительности, тогда вообще нѣтъ никакой надобности въ вспомогательныхъ приспособленіяхъ. И наоборотъ: если условія, отъ которыхъ зависитъ существованіе ремесла, совершенно отсутствуютъ, тогда бесполезны всѣ искусственные вспомогательные приспособленія. Въ промежуткѣ между этими двумя крайними полюсами лежитъ область примѣненія цеховой организаціи ремесла. И область эта, несомнѣнно, очень обширная. Ясно, во-первыхъ, что степени, въ какихъ осуществляются необходимыя условія для существованія ремесла, могутъ быть безконечно различны и что, во-вторыхъ, въ одно и то же время условія эти могутъ быть различны изъ мѣста къ мѣсту и отъ производства къ производству.

Одинъ бѣглый взглядъ на историческое развитіе показалъ бы намъ, до какой степени это справедливо.

И прежде всего: едва ли можно съ полной определенностью утверждать, что въ какое-нибудь определенное время во всѣхъ мѣстахъ и для всѣхъ производствъ осуществлялись всѣ тѣ условія, которыя, какъ теоретически установлено пами, необходимы для существованія ремесла. Несомнѣнно, такъ бывало только въ теченіе сравнительно короткихъ періодовъ; слѣдовательно, во время ихъ ремесленное сословіе существовало, ничего не опасаясь, и при либеральномъ промышленномъ строѣ¹⁾). Мы уже указывали, что такой максимумъ благопріятныхъ условій для европейскаго ремесла сложился, повидимому, въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ,—въ Германіи приблизительно около конца XIII столѣтія.

Какъ бы то ни было, одно не подлежитъ никакому сомнѣнію: безконечно дольше тянется второй періодъ въ исторіи ремесла, періодъ „вспомогательныхъ приспособленій“, слѣдовательно тотъ періодъ, когда условія существованія ремесла постепенно ухудшаются одно за другимъ, когда ремесленное производство вообще начинаетъ подвергаться опасности. Для Германіи мы можемъ измѣрять этотъ періодъ доброй полутысячей лѣть, т.е. съ 1300—1350 гг. по 1800—1850 гг. Это, очевидно, эпоха цехового законодательства и цеховой организаціи, которая изъ незамѣтныхъ зародышей съ теченіемъ

1) Цехи, какъ намъ известно, лишь отчасти обязаны своимъ возникновеніемъ потребності въ защитѣ и оборонѣ, слѣдовательно, лишь между прочимъ служить и этой цѣли. Поэтому существованіе цеховъ возможно—и дѣйствительно наблюдалось—въ такія времена, когда у ремесленника была, какъ у всякаго человѣка, потребность въ объединеніи съ равными себѣ, но не было потребности въ помощи и поддержкѣ товарищей, какъ производителей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Докапиталистическая торговля.

А. Первоначальные ступени торговли, какъ особой профессіи.

Подъ словомъ „торговля“ мы разумѣемъ: составляющую особую профессію дѣятельность закупки товаровъ съ цѣлью ихъ перепродажи, при томъ предположеніи, что въ періодъ отъ закупки до продажи торговецъ не производить никакихъ измѣненій въ формѣ товаровъ (или производить только несущественные измѣненія).

Слѣдовательно, слово „торговля“ мы всегда употребляемъ въ значеніи хозяйственной дѣятельности, составляющей особую профессію.

Но если мы принимаемъ понятіе „торговля“ въ такомъ смыслѣ, то намъ приходится признать тотъ фактъ, что торговля представляетъ сравнительно позднее явленіе хозяйственной жизни. Должны были пройти долгія, неизмѣримо долгія времена, прежде чѣмъ товарный обмѣнъ началъ осуществляться профессіональными торговцами; да и самъ этотъ обмѣнъ, какъ мы теперь знаемъ, лишь съ большою постепенностью и затрудненіями развился изъ немѣнового хозяйства¹⁾.

Мы можемъ признать общимъ правиломъ, что на первыхъ ступеняхъ развитія мѣнового оборота обмѣнъ совершался при посредствѣ самихъ производителей (или ихъ представителей, каковы вожди и т. п.). Это—состояніе обмѣна благъ при отсутствіи торговли; ему, несомнѣнно, главнымъ образомъ принадлежало господство въ средневѣковой Европѣ. На этой ступени развитія всякий хозяйствующій субъектъ, производящій для обмѣна, есть торговецъ; во многихъ средневѣковыхъ документахъ слово *magcator*, какъ известно, употребляется въ значеніи „посѣщающаго рынокъ“ и въ значеніи „горожанина“ (сравн. экскурсъ I).

Но и послѣ того, какъ посредничество въ дѣлѣ товарнаго обмѣна развилось въ функцию особой категоріи лицъ, занявшихъ на ряду съ производителями особое положеніе, мы еще не имѣемъ основаній тотчасъ же умозаключать къ существованію профессіональной торговли. Между послѣдней и простымъ обмѣномъ благъ вторгаются еще двѣ ступени развитія, которыхъ мы могли бы

1) См. экскурсъ I къ этой главѣ.

назвать первоначальными ступенями профессиональной торговли. Это—ступени торговли-разбоя и случайной торговли.

Разбойничья торговля—близнецъ разбоя. Она заключается въ томъ, что продаются товары (и торговля здѣсь является уже обыкновенно профессией), которые не произведены, не куплены продавцомъ, но захвачены силой. Слѣдовательно, такую торговлю можно назвать, пожалуй, односторонней торговлей. Какъ извѣстно, море представляетъ излюбленную арену для дѣятельности торговцевъ-разбойниковъ. Пиратство—разбойничья торговля—въ теченіе тысячи члѣтъ было особой профессией.

Nur mit zwei Schiffen ging es fort,
Mit zwanzig sind wir nun im Port;
Was grosse Dinge wir gethan,
Das sieht man unsrer Ladung an.
Das freie Meer befreit den Geist,
Wer weiss da, was besinnen heisst.
Da f rdert nur ein rascher Griff,
Man f ngt den Fisch, man f ngt ein Schiff;
Und ist man erst der Herr zu drei,
Dann hackelt man das vierte bei;
Da geht ~~etwas~~ dem f nften schlecht;
Man hat Gewalt, so hat man Recht.
Man fragt ums Was? und nicht ums Wie? !)

Такъ поучаетъ насть остроумный трактать о пиратскомъ промыслѣ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнию, что всѣмъ торговымъ народамъ до профессиональной торговли и въ одно время съ нею была извѣстна и разбойничья торговля; точно такъ же доказано, что средневѣковая Европа не составляла исключенія изъ общаго правила, и что даже новѣйшему времени пришлось считаться съ пиратствомъ, какъ съ широко распространеннымъ, обычнымъ явленіемъ (сравн. экскурсъ I).

Но, насколько я знаю, до сихъ поръ не обращали надлежащаго вниманія на слѣдующее обстоятельство: въ тѣхъ комплексахъ юридическихъ нормъ, которые вырабатывала для себя торговля, еще долгое время продолжала заявлять о себѣ идея разбойничьей торговли,—долгое время послѣ того, какъ профессиональная торговля уже превратилась въ хозяйственную дѣятельность. Въ другой связи я подробнѣе поговорю о монополіяхъ и привилегіяхъ—строѣ отношеній, который для первичной торговли представлялся естественнымъ. Здѣсь же я укажу только на одну сторону дѣла: идея, получающая выраженіе въ исключительности строя торговли (монополіи, привилегіи), есть та же самая идея, которая лежитъ въ основѣ односторонней торговли и которая единственно понята для первобытного человѣка. Идея эта такова: товары,

¹⁾ [Мы отплыли только съ двумя кораблями, а теперь прибыли въ портъ съ двадцатью. Что за великия вещи мы совершили, это тотчасъ увидишь, взглянувши на грузъ. Вольное море даетъ духу свободу, если не забывать, что значить быть начеку. Тамъ пользу приносить только быстрый ударъ: какъ ловится рыба, тамъ ловятъ корабль. Начавъ господиномъ трехъ кораблей, къ нимъ прибавляешь четвертый, а тамъ жутко придется и пятому. Кто силенъ тамъ, тотъ правъ. Вопросъ идетъ лишь о томъ, что (изловить), а не какъ].

которые служать объектами продажи, могутъ быть приобрѣтены не путемъ вольной купли-продажи, но съ наибольшими удобствами—путемъ захвата всѣякоаг вознаграждения или съ низкимъ вознаграждениемъ за захваченные товары. Вся колониальная торговля даже до настоящаго времени въ значительной мѣрѣ остается односторонней торговлей, т.-е. продажею произведеній, которыхъ эксплуататорскимъ способомъ захвачены у другихъ.—Мы здѣсь ограничимся также простымъ упоминаніемъ о томъ общезвестномъ фактѣ, что возникновеніе и дальнѣйшее существованіе разбойничьей торговли стоять въ самой тѣсной связи съ противоположностью между членами племени и чужаками.

Вторая первоначальная ступень профессіональной торговли—она часто наблюдается рядомъ съ только что упомянутой—есть та форма посредничества въ обмѣнѣ товарами, которую я называю случайной торговлей. Она характеризуется тѣмъ, что хотя это уже двусторонняя торговля, т.-е. хотя въ основѣ ея лежитъ покупка товаровъ съ цѣлью ихъ продажи, но, съ другой стороны, она обладаетъ не всѣми качествами собственно торговли, такъ какъ еще не составляетъ профессіи. Торговая дѣятельность на этой ступени развитія носить случайный характеръ, исполняется, какъ постороннее занятіе, случайными лицами (но только не производителями продаваемыхъ товаровъ)—главнымъ образомъ богатыми людьми: землевладѣльцами, высшими чиновниками и т. под. Случайная торговля такъ же, какъ и разбойничья, представляетъ широко распространенное явленіе у всѣхъ народовъ на ступени примитивной культуры; въ частности, въ средневѣковой Европѣ она играла значительно болѣе важную роль, чѣмъ заставляютъ предполагать прежнія описанія средневѣковой торговли¹⁾. Съ извѣстнымъ правомъ можно бы даже сказать, что во всѣхъ случаяхъ, когда въ средніе вѣка наблюдается торговля въ широкомъ масштабѣ, эта торговля есть случайная торговля, и занимается ею не каста профессіональныхъ торговцевъ.

Этотъ фактъ не покажется удивительнымъ для того, кто составилъ себѣ правильное представленіе о существѣ прежней профессіональной торговли. Необходимо съ величайшею рѣшительностью повторять, что во всѣ раннія времена—въ Италии до XIV столѣтія, а въ остальной Европѣ, несомнѣнно, на протяженіи всей средневѣковой эпохи—торговая дѣятельность развилась въ самыхъ тѣсныхъ рамкахъ и носила отпечатокъ вполнѣ ремесленного занятія. Доказать это составляетъ задачу слѣдующаго изложенія. Докапиталистическую торговлю я называю ремесломъ съ тою цѣлью, чтобы съ самого начала выразить въ одномъ яркомъ словѣ предметъ доказательства; это облегчитъ для читателя пониманіе дѣла, такъ какъ пробудить въ немъ совершенно определенная ассоціаціи и направить его вниманіе на ряды представленій, выдѣляющіеся съ полною рельефностью.

B. Торговля какъ ремесло.

I. Размѣры предпріятій.

Огромное значеніе для правильнаго пониманія докапиталистической торговли имѣло бы точное знакомство съ ея количественными отношеніями, въ

¹⁾ Сравн. экскурсъ I.

оебенности съ количествомъ товаровъ или съ суммами цѣнностей, которыя приводились въ оборотъ отдельнымъ торговцемъ. Но, къ сожалѣнию, для нась достуши до настоящаго времени лишь случайныя сообщенія источниковъ, и, вѣроятно, будущее не принесетъ въ этомъ отношеніи никакихъ существенныхъ измѣненій. Во всякомъ случаѣ и того, что извѣстно намъ теперь о размѣрахъ оборотовъ средневѣковой торговли, вполнѣ достаточно для того, чтобы составить приблизительное представление о ея количественномъ значеніи. Разнообразнѣйшія документально заświadѣтельствованыя цифры, а также постепенное распространеніе статистического пониманія и на цифры торгового оборота, понемногу начинаютъ дѣлать свое дѣло, — правда, много медленіе, чѣмъ въ области статистики населенія! — и разрушаютъ старыя фантастическія представленія о размѣрахъ средневѣковой торговли. Такія представленія были порождены въ головахъ историковъ, напр., числовыми данными Мочениго и Марино Сануто относительно Венеціи, данными Виллани — относительно Флоренціи; они и теперь еще играютъ извѣстную роль, напр., въ извѣстномъ трактатѣ генераль-почтмейстера Стефана¹⁾. И въ тѣхъ случаяхъ — и даже въ особенности въ такихъ случаяхъ, — когда дѣло идетъ о торговлѣ и обмѣнѣ, мы должны усвоить себѣ привычку съ извѣстною подозрительностью относиться ко всѣмъ цифрамъ изъ прошлаго, если не можемъ исклюѣовать съ полною обстоятельностью способа ихъ получения. Прямо поразительно, какъ историки по специальности, которые до совершенства развили критическое отношеніе къ даннымъ литературы и документовъ, — какъ они иногда совершенно некритически, съ наивнымъ дилетантизмомъ утилизируютъ всѣ статистическія данные, какія только открываютъ въ источникахъ. Кто только, напр., беззаботно не списывалъ у своихъ предшественниковъ, что ежегодный оборотъ товаровъ въ Fondaco dei Tedeschi въ Венеціи составлялъ 1.000.000 дукатовъ? И, однако, насколько я знаю, нѣть никакихъ положительныхъ основаній, которыя побуждали бы нась признать правдоподобной эту цифру, сообщенную однимъ расхваставшимся бургомистромъ.

Не менѣе подозрительна цифра — 100.000 кусковъ сукна, которые, по сообщенію Виллани, будто бы произведены во Флоренціи въ 1308 году; еще Доренъ называетъ эту цифру стоящею „вѣ въсякихъ сомиѣній“²⁾). Но чтобы показать всю ся невѣроятность, стоить только произвести слѣдующія вычисления. Въ концѣ XIII столѣтія весь экспортъ шерсти изъ Англіи въ Италію составлялъ около 4.000 мѣшковъ³⁾). Предполагаютъ, что изъ мѣлка шерсти выходило три куска сукна⁴⁾). Слѣдовательно, все количество шерсти, ввезенное въ Италію, дало бы производство всего въ 12.000 кусковъ. И пусть бы даже Флоренція получала шерсть еще откуда-нибудь — Англія все же оставалась главной экспортirющей страной. Между тѣмъ, приведенная цифра вы-

1) Stephan, Das Verkehrsleben im Mittelalter, въ Raumers Historischen Taschenbuch, Vierte Folge, zehnter Jahrgang, 1869.

2) Doren, Studien 1, 68.

3) Въ патентахъ (1277—1278 г.) цифра опредѣляется въ 4.235 мѣшковъ. K. Kippe Hanseakten aus England (1275—1412). Hans. Geschichtsquellen. Bd. 6 (1891), стр. 332.

4) Doren, Studien 1, 54.

воза опредѣляетъ количество шерсти, вывезенной во всю Италію, а не въ одну только Флоренцію!

Для насъ пока достаточно этого *exempli gratia*.

Существуютъ два способа для того, чтобы составить правильное представление о размѣрахъ оборотовъ у отдѣльныхъ торговцевъ въ прежнія времена. Мы должны или раздѣлить общую сумму торсгового оборота въ какомъ-либо мѣстѣ на число торговцевъ, принимавшихъ участіе въ оборотѣ, или же должны поискать прямыхъ данныхъ о размѣрахъ дѣла у отдѣльныхъ торговцевъ, т. е. прямо установить количество товаровъ, проданныхъ отдѣльнымъ торговцемъ.

Цифровыя данныя объ общемъ оборотѣ того или другого мѣста или о количествѣ товаровъ, передвигавшихся по той или другой торговой дорогѣ, для ранніхъ временъ конечно особенно рѣдки. Какъ бы то ни было, въ нашемъ распоряженіи имѣются нѣкоторыя очень поучительныя и вполнѣ достовѣрныя статистическія данныя; изъ нихъ мы приведемъ здѣсь слѣдующіе демонстративные примѣры.

Прежде всего—размѣры вывозной торговли важнѣйшихъ ганзейскихъ городовъ въ XIV столѣтіи. Въ послѣдній изъ тѣхъ годовъ, за которые содержатся данныя въ нашемъ источникѣ¹⁾, вывозъ составлялъ:

Ревель (1384).	131.053 любекск. мар., или 1.245.305 мар. въ современ. валюте.
Гамбургъ (1384).	336.000 " " 3.192.000 "
Любекъ (1384)	293.760 " " 2.790.720 "
Ростокъ (1400)	76.640 " " 728.080 "
Штральзундъ (1378)	330.240 " " 3.137.280 "

Согласно вычисленіямъ Шульте, годичный торговый оборотъ, совершающійся черезъ Санкт-Готардъ, для позднѣйшей эпохи среднихъ вѣковъ слѣдуетъ опредѣлить въ 1.250 тоннъ, что, какъ известно, составило бы грузъ одного-двухъ товариныхъ поѣздовъ.

Совершенно точныя свѣдѣнія имѣются у насъ о размѣрахъ городской торговли хлѣбомъ въ Средніе вѣка и къ началу новаго времени. Количество хлѣба, которое въ XVI и XVII столѣтіяхъ поступало въ торговый оборотъ въ двухъ важныхъ центрахъ хлѣбной торговли, въ Штеттинѣ и Гамбургѣ, составляло: въ Штеттинѣ двѣ-три тысячи тоннъ, въ Гамбургѣ—вдвое больше; следовательно, весь оборотъ штеттинской торговли хлѣбомъ въ эпоху расцвѣта составилъ бы грузъ лишь одного современнаго корабля, оборотъ Гамбурга—двухъ кораблей²⁾.

1) W. Stieda, Revaler Zellbicher und Quittungen des 14. Jahrhunderts. Hans. Geschichtsquellen. Bd. 5 (1887). LVI, LVII. Введеніе Штиды къ этому изданію, несомнѣнно, представляетъ одну изъ самыхъ цѣнныхъ работъ о средневѣковой торговлѣ.

2) Сравн. W. Naudé, Deutsche stadtische Getreidehandelspolitik vom 15. bis 17. Jahrhundert etc. 1889, и мои замѣчанія на эту книгу въ Schmoller's Jahrbuch XVI, 312 и сл. Я сдѣлала тамъ попытку путемъ вычислений и сравненій съ современными отношеніями дать болѣе точное представление о размѣрахъ хлѣбной торговли Гамбурга и Штеттина въ эпоху ихъ процвѣтанія. Результатъ получился такой: „Если мы обратимся къ количеству хлѣба, поступавшаго въ торговлю, то получимъ для Штеттина приблизительно двѣ-три тысячи тоннъ, для Гамбурга—вдвое больше. Невозможно было бы привлечь для сравненій

Еще более точные свѣдѣнія имѣются у насъ о количествѣ шерсти, вывозимой изъ Англіи въ теченіе среднихъ вѣковъ. Напр., въ 1277—78 гг. оно составляло 14.301 мѣшковъ; считая въ мѣшкѣ на кругъ 2 двойныхъ центнера, мы получимъ, слѣдовательно, нѣсколько меньше 30.000 двойныхъ центнеровъ, или 3.000 тоннъ. Шерсть, экспортированная въ томъ же году изъ Англіи ганзейскими купцами, дала цифру въ 1.655 мѣшковъ,—въ круглыхъ числахъ 3.300 dz (двойныхъ центнеровъ), или 330 t (тоннъ)¹⁾, между тѣмъ какъ въ 1899 году въ Германію было ввезено шерсти 210.667 t.

Всѣ эти цифры пріобрѣтаютъ для насъ интересъ лишь въ томъ случаѣ, если мы узнаемъ число торговцевъ, которые совершили обороты такого размѣра.

Число гамбургскихъ хлѣботорговцевъ XVI столѣтія опредѣляется въ 6—12 человѣкъ,—опредѣляется, правда, такимъ свидѣтелемъ, который видимо былъ заинтересованъ въ преуменьшении цифръ. Какъ бы то ни было, и другія данныя приводятъ къ тому выводу, что „крупный“ хлѣботорговецъ взятаго нами сравнительно позднѣйшаго періода продавалъ никакъ не больше 400 ластовъ хлѣба²⁾.

Экспортомъ шерсти изъ Англіи въ указанномъ выше году было занято не менѣе 252 торговцевъ, такъ что на каждого торговца приходится въ среднемъ 56 мѣшковъ, или приблизительно 110 dz шерсти; въ то же время

какой-либо современный центръ хлѣбной торговли, потому что и ничтожнѣйшій изъ нихъ все же въ десять разъ значительнѣе, чѣмъ величайшій изъ центровъ того времени; мѣста второго разряда, какъ современный Данцигъ, Кёнигсбергъ, Рига, даютъ ежегодный оборотъ, который разъ въ 200 больше, чѣмъ былъ въ Штеттинѣ, и въ 80—100 разъ больше, чѣмъ былъ въ Гамбургѣ XVI и XVII столѣтія. Даже третьюстепенные пункты хлѣбной торговли, какъ Ревель, Бременъ и т. д., даютъ оборотъ въ 50—60 разъ большій. Штральзундъ въ 1888 году вывелъ моремъ 21.000 тоннъ хлѣба, слѣдовательно, все еще въ 10 разъ больше, чѣмъ прежний Штеттинъ, и въ 4—5 разъ больше, чѣмъ прежний Гамбургъ. Такая заброшенная пристань, какъ Leerъ, мѣстечко съ 10.000 жителей, все же ввозила въ 1884 году 20.916 тоннъ хлѣба. Мы должны спуститься еще ниже, чтобы отыскать аналогіи съ нашими „выдающимися“ пунктами хлѣбной торговли изъ исходѣ среднихъ вѣковъ. Но здѣсь статистика, къ сожалѣнію, насъ покидаетъ: о такихъ пристаняхъ, какъ Штольмюнде, Рюгенвалде, Деепѣ, Висмаръ, у насъ нѣтъ никакихъ цифръ. Но именно только съ этими пунктами и было бы позволительно сравнивать прежніе Гамбургъ и Штеттинъ³⁾.

1) Hans. Geschichtsquellen 6 (1891), 332. Приведенные цифры опредѣляютъ размѣръ того вывоза, на который даны были патенты (разрѣшенія), слѣдовательно, выражаютъ обыкновенно не достигавшійся въ действительности максимумъ вывоза.

2) Одинъ хвастливый хроникеръ пишетъ около 1500 года (Nайдѣ, 32): „Есть у насъ граждане, которые отправляютъ на корабляхъ зерна наѣброе до 400 ластовъ въ годъ“. Слѣдовательно, это представлялось чудомъ. Въ 1580 году штеттинскіе купцы ходатайствовали: чѣмъ требовать отъ нихъ присяги, предписали бы лучше, какое максимальное количество хлѣба — 60 или 100 ластовъ — можетъ покупать торговецъ, соображаясь съ условиями времени. 60 или 100 ластовъ за цѣлый годъ? Это покажется намъ почти неправдоподобнымъ. Но если 400 ластовъ представляютъ что-то особенное, тогда 100 ластовъ, какъ результатъ принудительного ограниченія, будетъ вовсе не такъ мало. Въ томъ же (1580) году члены гильдіи жалуются: „къ сожалѣнію, 6—8, самое большое 11 или 12 лицъ всю хлѣбную торговлю захватили въ свои руки“ (I. c., стр. 73). Слѣдовательно, уже такое положеніе дѣлъ представлялось нездоровымъ; поэтому для болѣе раннаго времени мы должны предположить несравненно большее число торговцевъ.

число немецкихъ торговцевъ составляло 37, ихъ участіе въ экспортѣ выражалось, слѣдовательно, среднею цифрою 45 мѣшковъ, или 90dz на каждого.

Въ общемъ, мы можемъ признать, что насколько ничтожна была въ средніе вѣка общая цифра товарного обращенія, настолько же огромна была, напротивъ, цифра торговцевъ, принимавшихъ участіе въ оборотѣ.

Извѣстно, какъ издѣвались надъ тѣми историками, „которые населили безчисленное множество городовъ, отъ Кельна и Аугсбурга до Медебаха и Радольфцелля, торговцами въ современномъ значеніи слова, слѣдовательно, ссылающими купцовъ, развившимся въ профессію“. Издѣвались, разумѣется, справедливо, поскольку имѣется въ виду перенесеніе современнаго крупнаго купца въ средневѣковые города. Но несправедливо, на мой взглядъ, поскольку дѣло идетъ просто о числѣ торговцевъ (притомъ торговцевъ вполнѣ ремесленнаго типа). Несомнѣнно, число ихъ было безмѣрно высоко. Дѣйствительно, средневѣковые города, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые занимались торговлей, буквально кишѣли торговцами и представителями вспомогательнаго торговаго персонала. Перенесемся мыслю въ Геную или Венецию XII или XIII столѣтія или въ ганзейскій городъ на исходѣ среднихъ вѣковъ: повсюду мы встрѣчимъ одну и ту же толпу мелкихъ и среднихъ торговцевъ того приблизительно типа, какъ наши торговцы „естественнymi произведеніями“ или скотомъ въ какомъ-нибудь маленькому окружномъ городишкѣ провинціи Познань. Постараемся представить себѣ, чтѣ это значитъ: 252 торговца шерстью призываютъ участіе въ экспортѣ 30.000 dz шерсти! Или напомнимъ, что для того, чтобы справиться съ гамбургской хлѣбной торговлей такихъ размѣровъ, какъ охарактеризовано выше, требовалось 48 присяжныхъ мѣрильщиковъ зерна и 132 присяжныхъ носильщиковъ. Или вообразимъ себѣ сутолоку въ венецианскомъ Fondaco dei Tedeschi, въ которомъ до 1505 года было 56 исключительно жилыхъ помѣщеній, впослѣдствіи 72 и 80 помѣщеній, постоянно занятыхъ, и въ которомъ, кромѣ того, обдѣливали свои дѣла 30 маклеровъ, 38 упаковщиковъ тюковъ, 40 аукціонныхъ продавцовъ и гибель администраціоннаго персонала¹⁾. Или вспомнимъ армію служащихъ, организованныхъ на началахъ раздѣленія труда и подчиненныхъ парижскому *prevôte* и *écheven'амъ*, — тѣхъ служащихъ, которые исполняли различные, строго отграниченныя одноть другой, вспомогательныя торговыя функции. Или перелистаемъ Chartae въ Historiae patriae Monumenta — и мы придемъ въ изумленіе: почти каждый день въ Генуѣ XII столѣтія заключался договоръ комманды относительно какого-нибудь торгового предпріятія ничтожнѣйшаго калибра.

Однако, наша цѣль будетъ лучше достигнута, если мы, не ограничиваясь этими соображеніями общаго свойства²⁾, постараемся разыскать конкретный цифровой матеріальь относительно размѣровъ дѣла и оборота товаровъ у отдельныхъ торговцевъ. Къ счастію, въ такомъ матеріалѣ нѣть недостатка. Послѣдній изъ названныхъ въ текстѣ источниковъ содержитъ нотаріальные

1) Simonsfeld, Der Fondaco dei Tedeschi 2 (1887), 10, 18 и сл., 112.

2) Симптомомъ — онъ тоже симптомъ общаго свойства — ничтожныхъ оборотовъ торговли является также долгое сохраненіе на практикѣ серебряной валюты. Первые золотыя монеты отчеканены въ Германіи въ 1325 году (Schulte, 1, 329); въ Англіи въ 1344 году (Th. R. M. Foedera etc., 5, 403).

Договоры о временныхъ торговыхъ предпріятіяхъ; договоры эти, указывая

бры фондовъ, вложенныхъ въ производство, служать превосходной точкой опоры для правильного сужденія о количественныхъ отношеніяхъ средневѣковой торговли. Во второмъ томѣ *Chartae*, опубликованномъ въ 1852 году, зачинная съ № 293, т.-е. съ 16 апрѣля 1156 года, содержится длинный рядъ договоровъ комманды¹⁾ и договоровъ товарищества (*societas*), въ которыхъ даны свѣдѣнія о размѣрахъ вложенного имущества. Я подвѣль итогъ 50 первыхъ изъ этихъ договоровъ и вычислилъ среднее для указанного въ нихъ «товарищескаго имущества». При общемъ итогѣ въ 7.470 генуэзскихъ ливровъ — такую сумму даютъ все 50 договоровъ — средняя опредѣляется круглымъ числомъ въ 150 ливровъ, т.-е., при отношеніи лиры къ флотину равномъ 5 : 4, — въ 120 $\frac{1}{2}$ флотиновъ, следовательно, въ 1000—1100 марокъ въ переводѣ на современную валюту.

Изъ отдѣльныхъ суммъ высшая опредѣляется въ 900 ливровъ, двѣ слѣдующихъ — выше 400 ливр., двѣ дальнѣйшихъ — выше 300 ливр. каждая, остальные не достигаютъ этихъ размѣровъ. И тѣмъ не менѣе во многихъ случаяхъ дѣло идетъ о торговыхъ сношеніяхъ съ чужими землями: № 431, договоръ о 297 ливрахъ — торговля съ Александріей; № 484 (224 ливр.) — съ Тунисомъ; № 441 (150 ливр.) — съ Александріей; № 457 (300 ливр.) — съ Сициліей, и т. д. Нерѣдко ная оплачиваются товарами (въ *pannis*): одинъ ремесленникъ, который производить сукна, вступаетъ въ товарищество съ другимъ, который долженъ вывозить сукна сухимъ путемъ или моремъ.

Совершенно такія же цифры, какъ въ Генуѣ XII столѣтія, мы находимъ въ любекскихъ товарищескихъ договорахъ XIII столѣтія²⁾.

Если бы прежніе изслѣдователи дали себѣ небольшой трудъ и подсчитали суммы, которыя лежать въ основѣ договоровъ комманды и договоровъ *societas*, тогда мы избавились бы отъ множества бесполезныхъ разглагольствованій о „хозяйственной природѣ“ этихъ формъ товарищества, въ которыхъ съ самаго начала хотѣли услышать вѣнти крыльевъ капитализма³⁾.

Въ такой же мѣрѣ, какъ эти товарищескіе договоры, точкой опоры для сужденій о товарномъ оборотѣ въ средневѣковыхъ торговыхъ предпріятіяхъ могутъ служить цифры, выражающія размѣры имущества у купцовъ.

При продолжительности періодовъ оборота капитала въ средневѣковое время, мы смѣло можемъ принять, что ни одинъ торговецъ въ теченіе года

1) [Коммѣнда — товарищество, организовавшееся на короткое время, обыкновенно на срокъ выполненія лишь одной торговой операции. Чаще всего такія товарищества организовались лицами, принимавшими участіе въ морской торговлѣ. Договоръ комманды заключался въ такихъ случаяхъ между лицами, которые отправлялись въ путешествіе, и лицами, которые оставались на мѣстѣ. Договоръ *societas*, товарищества, представляетъ одну изъ многочисленныхъ разновидностей договора комманды].

2) См. примѣры у C. W. Rauli, „Lüb. Zustände“ 1, 140 и сл.

3) Въ литературѣ обѣ отношенияхъ комманды и т. п. — въ общемъ Гольдшмидтъ въ совершенствѣ разработалъ ее — выдаются слѣдующія работы: Lastig, „Beiträge zur Geschichte des Handelsrechts“, въ „Zeitschrift für das ges. Handelsrecht“, Bd. 24; Lattes, „Il diritto commerciale nella legislazione statutaria delle cittâ italiane“ (1884), 154 и сл., и Max Weber, „Zur Geschichte der Handelsgesellschaften im Mittelalter“. 1889. Сравн. ниже, III. Стой докапиталистической торговли.

всёльдъ за Штидой, что корабельный ласть равняется $2\frac{1}{2}$ имперскихъ тоннъ (1 гамбургскій ласть въ поздиѣшее время равнялся по вѣсу 3 тоннамъ); тогда мы придемъ къ тому результату, что даже огромнѣйшая торговыя суда Ганзы въ эпоху ея расцвѣта окажутся судами, приближающимися по своимъ размѣрамъ къ современному рыбакскому ботику или къ рѣчной баркѣ незначительной величины. Корабль въ 150 ластовъ — слѣдовательно, одинъ изъ крупнѣйшихъ — имѣлъ грузоподъемную силу не болѣе 4 — 5 сотенъ тоннъ (это — максимумъ), между тѣмъ какъ въ настоящее время на барки по Рейну нагружаютъ 1200 тоннъ и даже больше.

Итакъ, грузъ и самъ по себѣ былъ невеликъ; но въ нагрузкѣ каждого корабля, какъ общее правило, принимало участіе значительное число купцовъ. Отсюда мы съ полнou вѣроятностью можемъ умозаключить, что размѣры отдельныхъ торговыихъ дѣлъ были невелики. Штида сообщаетъ намъ въ высшей степени поучительныя данные какъ о цѣнности грузовъ, отправленныхъ изъ Ревеля въ 1369 году на 12 корабляхъ, такъ и о числѣ купцовъ, принимавшихъ участіе въ нагрузкахъ этихъ судовъ. Число купцовъ, отправившихъ на 12 корабляхъ свои товары, составляло 178; общая же цѣнность всѣхъ грузовъ на нихъ выразилась въ цифре $29.304\frac{1}{2}$ любекскіхъ марокъ. Слѣдовательно, каждый купецъ транспортировалъ товаровъ среднимъ счетомъ цѣнностью на 164 любекскіхъ марокъ, или приблизительно на 1.600 марокъ въ современной валюте¹⁾. Эта цифра одна говорить больше, чѣмъ цѣлые томы. Другие случаи — всѣ они даютъ совершенно одинаковую картину — показываютъ, что въ такихъ количественныхъ отношеніяхъ не было ничего исключительного. Въ общихъ чертахъ мы уже упоминали объ англійскихъ торговцахъ шерстью. Возвратимся къ нимъ еще на одинъ моментъ, чтобы познакомиться съ ними поближе. Перенесемся въ XIII—XIV столѣтія, въ главную гавань, черезъ которую экспорттировалась англійская шерсть, въ Бостонъ. Тамъ мы встрѣчаемъ, напр., въ 1303 году не менѣе 47 ганзейскихъ торговцевъ шерстью, которые вывозили въ общей сложности 749 мѣшковъ²⁾. Самый крупный среди нихъ — Вальтеръ изъ Ревеля, экспортirующій 91 мѣшокъ $1\frac{1}{2}$ штейна; слѣдующій за нимъ вывезъ моремъ 68 мѣшковъ $15\frac{1}{2}$ штейновъ; потомъ идутъ трое, которые вывезли болѣе чѣмъ по 40 мѣшковъ; потомъ еще семь купцовъ, которые экспортировали болѣе чѣмъ по 10 мѣшковъ; на всѣхъ остальныхъ — на 35 торговцевъ — приходится 305 мѣшковъ $17\frac{1}{2}$ штейновъ; каждый изъ нихъ, слѣдовательно, пріѣхалъ въ Англію, чтобы экспортировать домой менѣе чѣмъ по 20 dz шерсти.

Что сухопутная торговля развивалась въ еще меньшемъ масштабѣ, это несомнѣнно уже а priori и подтверждается обширнымъ документальнымъ материаломъ. Въ XIII столѣтіи полагали, что стоитъ труда заключать дого-

манскимъ рыбкамъ. См. таблицу въ VII томѣ „Всемирной исторіи“, редактируемой Гансомъ Ф. Гельмольтомъ (1900), между 36 и 37 стр. [вышло уже нѣсколько томовъ и въ русской переводѣ].

1) Stieda, „Revaler Zollbücher“ LXXXVIII и сл. Сравн. также Stieda, „Schiffahrts-

ворь комманды въ суммѣ на „3 pecias telarum de Basle“ ¹⁾). Но мы не удивимъ въ этомъ ничего изумительного, если узнаемъ, что еще въ XVI столѣтіи Іос. Крамеръ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей Аугсбурга, послать своего фактора въ Венецію, чтобы закупить 16 мѣшковъ хлопка ²⁾), по 4 дуката 17 грошей за центнеръ. Два лильскихъ купца, ограбленныхъ въ 1222 году близъ Комо, везли съ собою $13\frac{1}{2}$ кусковъ сукна и 12 паръ штановъ ³⁾). Цѣнность каравана базельскихъ купцовъ, направлявшихся въ 1391 году на франкфуртскую ярмарку и ограбленныхъ рыцарями, опредѣлялась въ 9.544 флорина, или 12.430 ливровъ. Купцовъ же въ караванѣ участвовало не менѣе 61 (!), слѣдовательно, каждый изъ нихъ предпринялъ утомительную поѣздку, имѣя при себѣ товаровъ въ среднемъ на 156 флориновъ. Годичный оборотъ у богатѣйшихъ базельскихъ купцовъ составлялъ тогда 1.200—1.400 флориновъ, но у большинства оборотъ даже приблизительно не достигалъ такой суммы. Изъ тѣхъ 61 купцовъ, которые ѿхали на франкфуртскую ярмарку, 27 заявили о потерѣ менѣе чѣмъ въ 100 флориновъ, изъ которыхъ даже еще менѣе—въ 13, 10, 9, 8, $7\frac{1}{4}$ флориновъ ⁴⁾.

Все это становится еще правдоподобнѣе, если мы узнаемъ, что рядовой жѣнецкій торговецъ XIV столѣтія сбывалъ въ Новгородѣ товаровъ максимум на 100 марокъ,—слѣдовательно, менѣе чѣмъ на 10.000 марокъ въ переводѣ на современную валюту.

И повсюду передъ нами одна и та же картина: оставляя въ сторонѣ немногочисленныхъ сравнительно крупныхъ, не-профессиональныхъ купцовъ, мы видимъ цѣлый рой мелкихъ и мельчайшихъ торговцевъ, такихъ, съ которыми встрѣчаемся еще и въ настоящее время на ярмаркахъ какого-нибудь Коница и Кротошина, или которыхъ могли бы увидать на проселочныхъ дорогахъ захолустныхъ областей странствующими со своимъ коробомъ за спиной или разыѣзжающими въ телѣжкѣ, запряженной одною кляченкою.

II. Торговецъ.

Въ послѣднихъ строкахъ мы уже начали обрисовывать образъ тѣхъ людей, которые въ докапиталистическое время были носителями профессиональной торговли. Уже размѣры оборотовъ въ ихъ предприятияхъ заставляютъ думать, что это были собственно подобныя ремесленникамъ существа. Весь строй ихъ мышленія и чувствованій, ихъ соціальное положеніе, характеръ ихъ дѣятельности,— все это показываетъ, что они сродни мелкимъ и среднимъ представителямъ промышленной дѣятельности своего времени. И

¹⁾ Schulte, 1, 116.

²⁾ „Chroniken deutscher Städte“ 5, 128, 132 („Chron. des Burkard Zink“).

³⁾ Schulte, 2, 105 („Urkunde № 188“).

⁴⁾ Geeling, 145. Для сравненій можно обратиться, напр., къ жалобѣ Риги противъ Англіи (1406 г.); въ ней перечислены товары трехъ погибшихъ ганзейскихъ кораблей и владельцы этихъ товаровъ. И въ этомъ случаѣ передъ нами сотни мелкихъ торговцевъ; у каждого изъ нихъ было на кораблѣ не больше товара, чѣмъ разносить съ собою на спинѣ современный коробейникъ или мозить на телѣжкѣ современный „разыѣзжій разносчикъ“. Документы воспроизведены въ „Hans. Geschichtsquellen“ 5, 241 и сл. (№ 326).

действительно, трудно представить себѣ что-либо болѣе иеразумное, чѣмъ старанія историковъ населить средневѣковые города купцами съ экономической подготовкой, съ капиталистическимъ строемъ чувствованій. Специфический ремесленный характеръ торговца старого стиля проявляется прежде всего въ своеобразности цѣлей, которыя онъ ставитъ передъ собою. И для него, для тайниковъ его души, ничего не можетъ быть болѣе чуждаго, чѣмъ стремление къ барышу въ современномъ предпринимательскомъ смыслѣ; и онъ не хочетъ ничего другого, какъ во что бы то ни стало заработать себѣ трудами рукъ своихъ пропитаніе, приличествующее его сословію — не больше и не меньше; и у него вся дѣятельность подчиняется идеѣ пропитанія.

Мы еще увидимъ, какъ эта идея нашла себѣ выраженіе прежде всего въ своеобразныхъ формахъ юридического строя и нравовъ старой торговли.

Здѣсь же мы просто напомнимъ, что ремесленный духъ первоначальной торговли, представлявшейся какъ нельзя больше естественнымъ на протяженіи значительной части среднихъ вѣковъ, заявляетъ о себѣ и во всѣхъ обличительныхъ и реформаторскихъ произведеніяхъ, которыя съ началомъ новаго времени появляются въ огромномъ количествѣ, какъ бы вырастая изъ земли. Мы уже воспользовались „Реформацией императора Сигизмунда“ для характеристики ремесленныхъ промышленныхъ производителей. То же самое произведение и за купцами признаетъ право только на возмѣщеніе издержекъ по транспорту и путешествіямъ и категорически воспрещаетъ предпринимательскій барышъ. Что касается реакціонныхъ реформаторовъ, и прежде всего Лютера, — цитата, поставленная эпиграфомъ этой книги, ясно показываетъ, съ какимъ вѣрнымъ инстинктомъ понимали они старую торговлю, доставлявшую „пропитаніе“. Въ томъ же направлениѣ развивается мысль у Христіана Куппенера въ знаменитомъ произведеніи о ростовщичествѣ (1508 г.). И здѣсь то же самое противопоставленіе: съ одной стороны, новые люди, которые стремятся къ безпредѣльнымъ барышамъ; съ другой — *petit commerce solide*, который обеспечивалъ ремесленному торговцу и его семье достатокъ, приличествующій его званію¹⁾. Въ центре доводовъ всѣхъ этихъ критиковъ стоитъ одна идея: торговецъ долженъ смотрѣть на свой заработокъ, какъ на вознагражденіе за приложенный трудъ. Въ этомъ — корень идеи о „справедливой“ цѣнѣ, идеи, которая господствуетъ на протяженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ. На взглядъ обличителей, и торговецъ есть просто технический рабочій или, по меньшей мѣрѣ, долженъ быть таковыми, потому что такъ требуютъ исконные обычай и нравы²⁾. Они мѣтко попадаютъ такимъ обра-

1) „Позволительна выручка купца... если она получается для какого-нибудь честного и насущного дѣла, какъ для содержанія его дома и его дѣтей и его домашнихъ слугъ въ соответствии съ его сословіемъ“. Она становится „непозволительной“ и „безбожной“ прежде всего благодаря отвратительной, незаконной, непомѣрной жадности человѣка“. Цитир. по извлечениямъ изъ произведенія Христ. Куппенера о ростѣ, сдѣланнымъ у М. Нейманн., „Geschichte des Wuchers in Deutschland“. Beilage E, стр. 594, 595. Дѣл E 1. Совершенно ремесленнымъ духомъышатъ и „Regeln frommer Kaufmannschaft“, 1. с., стр. 606 (F 3v); правило № 4 возвѣщаетъ: барышъ изъ купеческихъ дѣлъ долженъ извлекаться не по жадности, а какъ возмѣщеніе за затраченный трудъ.

2) Такъ, еще Генрихъ фонъ-Лангенштайнъ ставитъ купца рядомъ съ крестьяниномъ и ремесленникомъ, ибо это — человѣкъ, „который въ потѣ лица своего, физи-

зомъ въ самое ядро дѣла. Дѣйствительно, если мы захотимъ составить себѣ правильное представление о купцѣ старого стиля, мы на первомъ планѣ должны позабыть обо всемъ, что извѣстно намъ о современной торговлѣ и ея представителяхъ.

Представитель современной торговли прежде всего, а въ настоящее время почти исключительно, организаторъ сбыта. Искусство, которымъ онъ занятъ и которое со временемъ развилось въ особую науку, заключается въ томъ, что мы называемъ теперь „господствомъ надъ рынкомъ“. Торговецъ ставить передъ собой такую задачу, какъ доставка товаровъ потребителю, а своеобразный строй современной хозяйственной жизни приводить къ тому, что на исполненіе этой задачи установился взглядъ, какъ на исполненіе функции, за которую подобаетъ высокое вознагражденіе. Настоящая сфера для дѣятельности современного купца начинается собственно тамъ, где рынокъ переполненъ, гдѣ за однимъ покупателемъ устремляется двое производителей. При такихъ условіяхъ купецъ становится господиномъ положенія и приводить производителей въ зависимость отъ себя. Но, съ другой стороны, купецъ будетъ хорошимъ купцомъ только въ томъ случаѣ, если онъ умѣеть искусно вычисливать, взвѣшивать, спекулировать. И вотъ благодаря неразвитости производственной техники ничего этого не знаетъ прежнее время, въ особенности не знаютъ тѣ столѣтія, которыя мы называемъ средними вѣками. Имъ чуждо то стѣсненіе сбыта, которое только и породило современный капитализмъ. Какъ общее правило, два купца устремляются за однимъ производителемъ. Сбытъ движется въ привычныхъ рамкахъ, по набѣженнымъ колеямъ. Количество обращающихся товаровъ незначительно. Надъ чѣмъ же приходилось бы здѣсь торговцу раздумывать, спекулировать, вычисливать? Но тѣ же самыя обстоятельства, которыя задерживаютъ развитіе торговца въ капиталистического предпринимателя, дѣлаютъ необходимымъ цѣлый рядъ трудовыхъ операций техническаго характера, о чѣмъ совсѣмъ не приходится думать купцу нашихъ дней. Если у средневѣковаго торговца не было поводъ вычисливать, производить выкладки и спекулировать,—тѣмъ болѣе приходилось ему упаковывать, вымѣривать, транспортировать, раздѣлять на части, а иногда заниматься и самою фабрикаціей. Извѣстно¹⁾, какимъ хлопотливыми и обыкновенно опасными занятиемъ было всякое торговое дѣло, разъ

ческимъ трудомъ, доставлять себѣ и другимъ необходимыя средства для жизни"; Лангенштейнъ противопоставляетъ купца представителямъ умственного труда и праздношатающимся, къ числу которыхъ принадлежать и ростовщики, заключающіе договоры. *Tractatus de contractibus emtionis et venditionis*, въ приложениі къ кельнскому изданию *Gerson's Opp.*, 4, 185 и сл., у *Janssen*, 1, 480.

¹⁾ Сравн. обѣ этомъ общее изложеніе у *Schmoller*, „Die Thatsachen der Arbeitsteilung“, въ его *Jahrbuch*, 13, 1055 и сл., и *Gengler*, „Deutsche Stadtrechtsaltertum“ (1882), 456 и сл. Большой материалъ у *Kloden*, особенно 2 и 3, и *Falke*, „Zollwesen“, 194 и сл. Изъ новѣйшей литературы выдѣляются *A. Doreen*, „Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters“, 1893, и *Des Marez*, „La lettre de foire à Ypres au XIII. siècle“ (1901), 75 и сл. Здѣсь умѣстно будетъ напомнить, что понятіе *Handel* (торговля) первоначально совпадало съ понятіемъ „Wandel“, транспортировка, или *Wandern*, странствованіе. Это убѣдительно доказано *Schraderomъ*, I. с., стр. 68, 79, и другими.

требовалась транспортировка товаровъ (а она требовалась почти во всѣхъ случаяхъ); известно дальше, что самъ торговецъ отправлялся въ поездку опоясанный мечомъ, что ему недѣлями и мѣсяцами самому приходилось играть роль возчика и трактирщика—и все это съ тою цѣлью, чтобы благополучно доставить на мѣсто нѣсколько штукъ товара. Тогдашній купецъ разъѣзжалъ много больше, чѣмъ современный; мы видимъ, что многочисленные мелкие торговцы среднихъ вѣковъ заглядывали во всѣ уголки обширныхъ странъ и появлялись то въ одномъ, то въ другомъ городѣ¹⁾.

Возвратившись домой, торговецъ становился за прилавокъ и усердно работалъ аршиномъ и вѣсами, какъ это дѣлалъ передъ тѣмъ въ чужихъ краяхъ, на рынкахъ и ярмаркахъ²⁾. Торговецъ сунулъ опять садился за ткацкій станокъ, а мелкий торговецъ изъ закупленного шафрана, перцу и имбиремъ изготавлялъ Spieswurz, Gutwurz, Kintpetterwurz или gefarbten Wurz³⁾. Куда мы ни взглянемъ, выполнение техническихъ работъ составляетъ главную долю дѣятельности докапиталистического торговца. Само собой разумѣется, на немъ лежитъ также и выполнение собственно купеческихъ функций, связанныхъ съ обращениемъ товаровъ, слѣдовательно, функций купли-продажи. Его профессія — большие, чѣмъ профессія его коллеги, сидящаго за верстакомъ или тисками—вела его въ таинственный міръ чиселъ. Тѣмъ не менѣе, поскольку онъ былъ торговецъ въ узкомъ и настоащемъ значеніи слова, мы должны мыслить его дѣятельность еще лишенной всякой экономической рациональности. „Веденіе дѣла“ и „пріемы“ носили у него вполнѣ эмпирически-традиционный характеръ, какъ и его коллеги, промышленного ремесленника.

Искусство читать и писать въ Италии до XIII столѣтія, а въ остальной Европѣ на протяженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, несомнѣнно, было знакомо самой ничтожной части профессиональныхъ торговцевъ. О Венеціи X столѣтія известно, что тамъ лишь немногіе купцы умѣли подписать свое имя⁴⁾. Конечно, и въ позднѣйшія столѣтія среднихъ вѣковъ отношеніе между неграмотными и грамотными осталось такое же, и во всякомъ случаѣ измѣнялось лишь съ большою постепенностью. Еще лучше мы знаемъ, что и с-

1) Von Maigret, „Städteverfassung“ 1, 403 и сл.

2) На мой взглядъ, фонъ-Белову въ его часто упоминавшихся статьяхъ („Jahrbücher für N. Oe.“ 20, 1 и сл.) вполне удалось показать, что (въ Германіи) до XVI столѣтія не было особыхъ „оптовыхъ торговцевъ“ и что, напротивъ, всѣ импортеры и экспортёры продавали и въ розницу, т.-е. были „Krämer“ или „Gewandschneider“ (мелочными торговцами или закройщиками). Исключение изъ этого общаго правила составляла (по вполне понятнымъ причинамъ), самое большое, случайная торговля богатыхъ людей. На стр. 48 фонъ-Беловъ дѣлаетъ очень мѣткое замѣченіе (ниже, опираясь на обширный матеріалъ, мы найдемъ подтвержденія его справедливости). „Даже владѣлецъ крупнаго предприятия, занимавшагося ввозомъ товаровъ,—говорить онъ,—вообще не могъ бы покрыть своихъ издержекъ, если бы онъ не пользовался на своей родинѣ правомъ на розничную торговлю“. Апріорныя экономическія соображенія въ этомъ случаѣ находятъ въ источникахъ яркое подтвержденіе.

3) Geeling, 240—42.

4) Изъ 69 представителей, которые въ 960 году подписали документъ относительно запрета торговли рабами, только 35 собственноручно подписали свои имена; въ документѣ 971 года, относительно торговли деревомъ и оружиемъ съ сарацинами, подписались изъ 81 представителей всего только 18; около именъ остальныхъ лицъ стоятъ: „signum manus“. „Fontes reg. auctio“, 12, 22 и сл., 28 и сл.

ку^ство счи^тать, представляющее для профессио^{нального} купца, пожалуй, еще большую важность, въ теченіе ряда столѣтій стояло на самомъ низкомъ уровне¹⁾, и что купецъ на протяженіи почти всѣхъ среднихъ вѣковъ обходился безъ такого важнаго вспомогательнаго средства, какъ запись. И затѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ, мы должны признать, что Италія опередила остальную Европу на два столѣтія. Въ теченіе всей позднѣйшей эпохи срѣднихъ вѣковъ Италія была для Сѣвера учительницей въ arts computandi. Еще въ началѣ XVI вѣка Лука Ремъ отправляется въ Венецию, чтобы научить... счи^тать²⁾). И притомъ — что это было за счетъ! Это было едва ли больше, чѣмъ изученіе четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій съ цѣлыми числами, решенія задачъ на простое тройное правило и элементарныхъ расчетовъ па „правило товарищества“. А если кто-либо умѣлъ правильно производить дѣленіе, — это считалось уже признакомъ высшей купеческой подготовки. Даже въ концѣ XVI столѣтія Іеронимъ Фробенъ и Андре Риффъ нѣсколько похваляются тѣмъ, что, производя дѣленіе, они правильно находятъ частное³⁾.

Самое искусство счи^тать еще не пошло дальше неуклюжихъ формъ „счетной доски“ [устраивалась по тому же принципу, какъ русскіе счеты], счетныхъ пифениковъ и должно было обходиться безъ обозначенія разряда цифръ занимаемымъ ими мѣстомъ, безъ нуля (въ Италіи — до XIII столѣтія, на Сѣверѣ — до пятнадцатаго).

Само собою понятно, что при такомъ состояніи счетнаго искусства и рѣчи не могло быть о точности расчетовъ. Не могло бы быть и въ томъ случаѣ, если бы этому моменту придавали большую важность, чѣмъ то было въ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ средніе вѣка совсѣмъ и не стремились къ „точности“. Чтобы счета „сходились“, — это специфическое современное требование. Прежнее же время, при новизнѣ цифровой оценкѣ вещей и цифрового способа выраженія, всегда довольствовалось лишь приблизительнымъ описаніемъ количественныхъ отношеній. Всякий, кто изучалъ средневѣковыя вычисленія, знаетъ, что провѣрка выведенныхъ въ нихъ суммъ очень часто даетъ совсѣмъ не такие итоги, какъ обозначены. Недосмотры и прямые ошибки — самая обычная вещь⁴⁾). Путаница въ цифрахъ, можно сказать, почти общее правило для такихъ вычислений⁵⁾). Приходится думать, что для людей того времени было непреодолимою трудностью удерживать цифры въ

1) См. экскурсъ II къ этой главѣ.

2) Самъ Ремъ въ своемъ дневнике (изд. Greiff, 1861, стр. 5) разсказываетъ, какъ онъ побѣжалъ въ Венецию, чтобы изучить „abacus“, т.-е. искусство счи^тать: „тамъ въ 5½ мѣсяцѣнъ я совершенно научился счи^тать“. Другие примѣры нѣмцевъ, обучившихся счету въ Венеции, приводятъ Simonsfeld, Fondaco 2 (1887), 39—40 стр.

3) Geering, 2, 12.

4) Сравн., напр., C. Sattler, „Handelsrechnungen des deutschen Ordens“ (1887), стр. 8, или введение Коппмана къ Tölners Handlungsbuch, въ Geschichtsquellen der Stadt Rostock, 1 (1885), XVIII и сл.

5) Этотъ упрекъ распространяется даже на Пеголотти и Уззано. Въ другомъ мѣстѣ, где я привожу вычислениа издержекъ по перевозу, напр., при закупкѣ англійской шерсти, встречаются такие случаи: вычислениа вачинаются съ одной основной цифрой, а потомъ, въ дальнѣйшемъ ходѣ вычислений, она съ величайшимъ хладнокровiemъ замыкается совершенно другой.

памяти хотя бы только на короткое время — такою же трудностью, какъ для нашихъ дѣтей.

Весь этотъ недостатокъ хотѣнія и умѣнія сдѣлать вычисленія точными получаетъ самое яркое выраженіе въ *soi-disant* бухгалтеріи среднихъ вѣковъ. Кому случалось перелистывать эти записи какого-нибудь Тѣльнера, Вико фонъ-Гельдерсена, Виттенборга, Отто Рулянда, толь лишь съ трудомъ представить себѣ, что эти писцы для своей эпохи были выдающимися купцами. Вся ихъ бухгалтерія сводится исключительно къ беспорядочнымъ записямъ итоговъ продажъ и покупокъ, къ такимъ, какъ въ настоящее время дѣлаетъ почти всякий мелкій торговецъ маленькаго провинциального городка. Это — въполнѣ смыслъ слова „журналы“, „меморіалы“, т.-е. всего лишь записная книжка, которая замѣнила завязываніе узелковъ на платкахъ — приемъ, къ которому прибегаютъ крестьяне, отправляясь въ го-родъ на рынокъ. И все это, кромѣ того, полно неточностей. Не меньшая шаткость и либерализмъ въ установлении суммы долговъ и притязаній. „Тогда же и одинъ тюкъ съ перчатками, а сколько ихъ, не знаю я“; „тогда же и еще одинъ покупалъ вмѣстѣ съ выше записаннымъ; за нимъ осталось 19 рейнскихъ гульденовъ за разныя четки... а имя я позабылъ“. Но что въ особенности налагаетъ на эти записи средневѣковыхъ купцовъ самую яркую печать полной ремесленности производства, толь это ихъ въ высшей степени личный характеръ. Онъ неотдѣлимъ отъ личности своего автора. Никто другой не можетъ — да и не долженъ — распутать эту суматошу разрозненныхъ записей. Онъ носять, слѣдовательно, рельефную печать эмпиризма. Здѣсь и рѣчи не можетъ быть о сколько-нибудь систематической попыткѣ дать состоянію имущества объективное выражение. Но если крупнейшие торговцы вели свои книги такимъ образомъ, то мы можемъ умозаключить, что подавляющее большинство купцовъ того времени обходилось и вовсе безъ книгъ.

Итакъ, интересъ къ расчисленіямъ, къ попыткамъ объективированія и систематизаціи, совершенно отсутствовалъ. Этому соответствуетъ состояніе мѣръ и вѣсовъ; эта сторона дѣла, какъ известно, упорядочивалась тогда тоже чисто эмпирическимъ способомъ, въ значительной степени пріурочиваясь къ органическимъ методамъ измѣренія и взвѣшиванія.

III. Стой донализтической торговли.

Въ мою задачу не входить изслѣдоватъ хотя бы въ основныхъ чертахъ ту многосложную проблему, на которую указываетъ послѣдній подзаголовокъ. Въ послѣднее время многочисленные ученые приступали къ ней не безъ остроумія и съ пониманіемъ дѣла. Ихъ изслѣдованія лежать въ основѣ нашихъ дальнѣйшихъ краткихъ замѣчаній. Послѣднія не преслѣдуютъ никакой другой цѣли, какъ только показать, что формы торгового права и торговые нравы тоже позволяютъ умозаключить къ совершенно некапиталистическому характеру средневѣковой торговли.

Я при этомъ имѣю въ виду не тѣ элементы юридического строя, объясненіе которыхъ лежитъ въ первоначальномъ отожествлении торговли и гра-

бежа,—къ числу такихъ элементовъ я отношу весь комплексъ привилегий и монополий, право на взиманіе пошлинъ съ провозимыхъ товаровъ, береговое право, право относительно иноземцевъ и многое другое. Нѣтъ, я скорѣе имѣю въ виду строй самой ремесленной торговли. Я намѣренъ показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, съ какою ясностью ремесленность докапиталистической торговли обнаруживается изъ ея юридическихъ нормъ.

1. Товарищеское право и его развитіе прежде всего позволяютъ намъ глубже проникнуть въ характеръ торговли quo ante.

Извѣстно, съ какими трудностями вырабатывалось представленіе о паевомъ участіи отдѣльныхъ товарищѣй въ издержкахъ и прибыляхъ. Первоначальные союзы—преимущественно семейные—только и знали, что общую кассу, изъ которой отдѣльные члены ея брали столько, сколько требуется на содержаніе, въ зависимости отъ ихъ личныхъ потребностей¹⁾). Можно ли представить себѣ, чтобы принципъ удовлетворенія потребностей, какъ цѣли хозяйственной дѣятельности, выступалъ съ большою рельефностью, чѣмъ въ этомъ старомъ возврѣніи на общность пользованія и общность содержанія? Я не думаю этого.

Я уже говорилъ, что вся дѣятельность торговцевъ опредѣлялась той же основной идеей, которая господствовала и надъ ремесломъ въ сферѣ индустріи, и что въ торговцѣ видѣли просто-напросто особаго техническаго рабочаго. Все это нашло себѣ выраженіе въ томъ способѣ, какъ завязывались и получали юридическую формулировку взаимныя отношенія между отдѣльными товарищами, которые сообща организовали торговыя поѣздки, а въ особенности въ томъ способѣ, какъ оформливались юридически отношенія между ремесленниками-торговцами, отправлявшимися въ путешествіе, и ихъ товарищами, которые, оставаясь дома, деньгами принимали участіе въ дѣлѣ. Очевидно, я имѣю при этомъ въ виду вызывавшій многочисленные споры институтъ комманды и родственныхъ ему формъ товарищества. Какъ извѣстно, изслѣдователи часто обнаруживаютъ стремленіе видѣть во всевозможныхъ коммандныхъ отношеніяхъ особую форму капиталистической организаціи торговли. Но, на мой взглядъ, ничего не можетъ быть ошибочнѣе, чѣмъ такая точка зрѣнія. Комманда по своему истинному существу есть, напротивъ, проявленіе чисто ремесленного характера средневѣковой эпохи. Я думаю, что это доказано даже изслѣдованіями Ластига, хотя его терминологія, а часто и его собственное пониманіе дѣла обнаруживаютъ большую склонность къ противоположному истолкованію комманды (т.-е. къ взглду на нее, какъ на одну изъ формъ капиталистической торговли). Согласно Ластигу²⁾, комманда есть „трудовое отношеніе: капиталистъ, аккоммандантъ, привлекаетъ на

1) „Во время существованія общины вообще не выступаетъ иная паевыхъ притязаний, какъ масштабъ тѣхъ правъ, которыхъ принадлежать отдѣльному индивидууму; напротивъ, потребности индивидуума, велики онъ или малы... покрываются изъ общей кассы, безъ всякаго вычета его долговъ кассѣ; въ нее же, съ другой стороны—и это въ особенности характерно—поступаютъ и вся заработка индивидуума, велики ли они или малы, безъ всякихъ вычетовъ въ его личную пользу“. Max Weber, „Zur Geschichte der Handelsgesellschaften“, 45—46.

2) „Zeitschrift fr das gesamte Handelsrecht“ 24, 400 и 414.

свою службу другое лицо (рабочаго), аккоммандатаріуса, съ тѣмъ, чтобы оно на врученій ему капиталъ(!)... вело торговыя дѣла за его (капиталиста) счетъ, но отъ своего (рабочаго) собственаго имени, за что это лицо получаетъ долю въ прибыли". На его взглядъ, коммѣнда есть „одностороннее трудовое товарищество". „Коммѣндатаріусъ, или комплементарь, просто находится на службѣ у коммандора или аккомманданта, или же у *societas accommendantium*... онъ обязанъ съ врученіемъ ему капиталомъ въ начертанныхъ ему предѣлахъ вести дѣла за счетъ своего господина, но отъ собственаго имени, и получаетъ за то — иногда на руку съ опредѣленіемъ жалованіемъ — извѣстную долю изъ доходовъ предпріятія... Всѣ права и обязанности по отношенію къ третьимъ лицамъ несеть на себѣ только коммѣндатаріусъ, или комплементарь". Для экономиста въ этой конструкціи, на первый взглядъ, открывается что-то прямо отталкивающее; ему кажется, будто она перевертываетъ кверху ногами дѣйствительное соотношеніе вещей. Но приглядѣвшись поближе, мы находимъ, что конструкція вполнѣ основательна, что она въ надлежащей мѣрѣ считается съ экономическими отношеніями. Именно, она даетъ прямое подтвержденіе того, что торговля средневѣковой эпохи носила всепѣло ремесленный характеръ: въ ней находить себѣ яркое выраженіе тотъ фактъ, что собственникъ денегъ и торговецъ были разныя лица. Собственникъ денегъ стоить здѣсь еще виѣ всяка го соприкосновенія съ торговою дѣятельностью; послѣдняя, напротивъ, является исключительно дѣломъ особаго техническаго рабочаго. Деньги, передаваемыя въ дѣло, еще не получили характера капитала даже въ самой ничтожной степени: онѣ представляютъ пока не что иное, какъ фондъ производства¹⁾). Я снова напомню о размѣрахъ тѣхъ суммъ, которыя обыкновенно лежать въ основѣ договоровъ коммѣнды: это — суммы по иѣскольку сотенъ марокъ въ переводѣ на наши деньги. Уже по своей ничтожности и при дорогоизнѣ рабочей силы въ раннѣе время, онѣ никакъ не могли бы приобрѣсти свойства капитала. Конечно, мы не будемъ отрицать, что изъ этихъ компанейскихъ начинаний, въ которыхъ участвовали владѣльцы денегъ и ремесленники, въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія могли выработаться отношенія зависимости, а въ концѣ-концовъ — и капиталистическая отношенія. Но это никакъ не опровергаетъ того факта, что коммѣнды первоначально были обязаны своимъ возникновеніемъ чисто ремесленной организаціи хозяйственной жизни.

Наконецъ, я выдвину еще одну точку зрѣнія, которая, по-моему, никогда не пользовалась надлежащимъ вниманіемъ со стороны изслѣдователей докапиталистического торгового права (вѣдь этими изслѣдователями были почти исключительно юристы!). Дѣло въ томъ, что уже простой фактъ преобладанія товарищескихъ организованныхъ торговыхъ предпріятій служить наилучшимъ доказательствомъ ихъ ремесленного характера. Въ большинствѣ случаевъ только объединеніе ничтожныхъ имуществъ, накопленныхъ отдѣльными лицами, и дѣлало возможнымъ веденіе

1) „Несомнѣнно, деньги находили примѣненіе въ торговлѣ, но это не былъ капиталъ въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь употребляемъ этотъ терминъ". *Cubbingham, Growth*, 1, 4.

торговли въ далекихъ странахъ, хотя бы по размѣрамъ она была самая скромная¹⁾. Здѣсь то же явленіе, какъ и въ области мореплаванія: корабль, хотя бы такой ничтожной вмѣстимости, какъ тогдашня морскія суда, все же, какъ общее правило, могъ быть сооруженъ лишь при участіи нѣсколькихъ лицъ. Поэтому общества корабельщиковъ (правильнѣе — артели или товарищества корабельщиковъ)²⁾, равно какъ и торговые общества (правильнѣе — торговые артели или товарищества) суть юридическая формы, въ высшей степени характерные для средневѣковой торговли и сношеній.

2. Нормы права и обычая, регулировавшія формы торговаго дѣла, равно какъ и самыя эти формы не менѣе важны для уясненія ремесленного характера средневѣковой торговли. Я напомню, что древнійшій изъ извѣстныхъ намъ векселей, подписанный нѣмецкими купцами, относится къ 1323 году³⁾, и что даже во Франціи начало векселей заходить не дальше XIII столѣтія⁴⁾; я напомню, дальше, что въ Германіи еще въ XV вѣкѣ иногда встрѣчается воспрещеніе подрядныхъ операций и даже всякихъ спераций, основанныхъ на кредитѣ⁵⁾; что даже во Флоренціи XIV столѣтія формы торговли деньгами по сравненію съ современными находились еще на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія⁶⁾.

Но что здѣсь въ особенности заслуживаетъ упоминанія, такъ это слѣдующее: доказательствомъ ремесленности средневѣковой торговли является каноническое воспрещеніе процента. По вопросу о практическомъ значеніи этого воспрещенія все еще кипятъ горячіе споры⁷⁾. Лицамъ, которыхъ

1) Большая распространенность такой формы, какъ товарищеская торговля, находитъ дальнѣйшее объясненіе и въ томъ фактѣ, что въ раннія эпохи экономического развитія случайная торговля, какъ намъ извѣстно, была очень обычнымъ явленіемъ. „Важнымъ“ людямъ, благодаря ихъ богатствамъ, легче всего было начать торговлю въ сравнительно широкомъ масштабѣ; но они часто могли или хотѣли дѣлать это лишь въ такой формѣ, что веденіе дѣла возлагали на професіонального (ремесленника) торговца, съ которымъ они вступали зато въ отношенія, основанныя на участіи въ прибыляхъ. Сравн. von Below, въ *Jahrbücher*, 20, 38 и сл.

2) О докапиталистическихъ товариществахъ корабельщиковъ см. Goldschmidt, 336 и сл., и въ особенности поучительную *Tabula de Amalisa*, которую издалъ и комментировалъ Лебандъ въ „Zeitschr. für das ges. Handelsrecht“ 7, 305 и сл.

3) Schulte, 1, 281.

4) № 135, 167, 171 въ „Documents relatifs à l'histoire de l'industrie et du commerce en France, publ. par G. Fagniez“ (1898). Сравн. Introduction XLV и сл.

5) Въ Любекѣ еще въ 1417 году воспрещеніе подрядовъ выражено въ такихъ словахъ: „никто не долженъ покупать сельдей, пока они не поймавы, зерво — пока не выросло, одежду — пока она не сшита“. Neumann, „Geschichte des Wuchers“, 37. Воспрещеніе всякихъ дѣлъ въ кредитъ встрѣчается въ городовыхъ положеніяхъ Германіи еще въ XV вѣкѣ. Neumann, 88 и сл.

6) „Le cambiari a scadenza protattia, il deposito a interesse fermo, il nome stesso di banchieri, le fiere dei cambi, i banchi pubblici, operazioni ed istituti che s'incardinano sopra l'uso generale e costante del mutuo feneratizio appartengono tutte all'et  moderna“. G. Topiolo, L'economia di credito etc., въ „Rivista internazionale di scienze sociali“ 8, 571.

7) Извѣстно, что споръ загорѣлся съ Эндемана, съ его „Studien in der romanisch-kanonistischen Wirtschafts- und Rechtslehre“, 2 Bde, 1874—83; точку зренія, противоположную Эндеману, защищаютъ главнымъ образомъ Ластигъ и Гольдшмидтъ. Было бы безполезно приводить здѣсь дальнѣйшія указания на литературу предмета: въ виду обще-

отрицаются за существованием запрещения почти всякое практическое значение, следовало бы побольше остановиться на той мысли, что для *всехъ эпохъ*, когда господствовали ремесленные воззрѣнія, всякая прибыль, получаемая безъ технически-исполнительного труда, т.-е. безъ осозательныхъ манипуляцій надъ предметами вышней природы, действительно, могла представляться безчестной, непозволительной¹⁾). Такимъ образомъ въ юридической нормѣ, воспрещавшей процентъ, очевидно нашло себѣ выраженіе не что иное, какъ безусловное признаніе хозяйственного принципа, адекватнаго ремесленной организаціи хозяйственной жизни; и этотъ принципъ таковъ: трудомъ должны удовлетворяться потребности. Потому-то, какъ известно, воспрещеніе распространялось даже и на простое стремленіе къ барышу²⁾). Но для опасы или презрѣнія, которымъ подвергалось взиманіе процента, было и объективное оправданіе. Дѣло въ томъ, что, какъ общее правило, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ деньги въ дѣйствительности еще не обладали силой увеличиваться сами собою, такъ какъ онѣ еще не пріобрѣли свойства капитала, другими словами—употребленіе ихъ еще не могло приводить къ повышению производительности труда. Поэтому первоначальный денежный заемъ есть не что иное, какъ *nobile officium*, услуга, оказываемая товарищемъ товарищу, горожаниномъ своему городу, благодѣтелемъ—бѣднымъ и угнетеннымъ. Само собой разумѣется, деньги даются при этомъ не для того, чтобы извлекать изъ нихъ прибыль, *nihil inde sperans*³⁾: даются точно такъ же, какъ въ настоящее

извѣстности проблемы, они не нужны для специалиста, тѣмъ болѣе что вся прежняя литература использована въ изложении Гольдшмидта. Изъ новѣйшей литературы я укажу только соответствующую (6) главу у W. J. A shley, „Englische Wirtschaftsgeschichte Bd. II (нѣм. пер. 1896 г.) [русскій переводъ 1897 г., въ одномъ томѣ: Эшли, Экономическая история Англіи].

1) „Или евреи лучше христіанъ,—спрашивалъ еще Гейлеръ фонъ-Кайзербергъ,—что они не хотятъ работать работко рукъ своихъ? Или на нихъ не распространяется заповѣдь Божія: „въ потѣ лица своего ты долженъ добывать хлѣбъ свой?“ Заниматься денежнѣмъ ростовщичествомъ—это значитъ не работать, но, живя въ праздности, обирать другихъ.“

2) „huismodi homines pro intentione luci, quam habent (cum omnis lesura et superabundantia prohibentur in lege) judicandi sunt male agere“. „Decr. Greg.“ lib. V., tit. XVIII., cap. 10 (1186). Дальнѣйшая иллюстрація гоненій на usuraria voluntas см. у Neumann, 85 и сл.

3) Item si aucun homme ou femme de la dite fraternit ... sanz sa defaute propre chiefe en pouert , la dite fraternit  lui apprestera une somme dargent pur marchander et profiter pur un an ou deux a lour auys sanz rien prendre de gauy“. Статуты „Gilda Mercatoria de Couentre“ (14 вѣка), у Gross, Gild merchant, 2, 50. Нѣмецкіе подмастерья дѣлали въ своихъ союзахъ тоже безпроцентные займы; сравн. G. Schanz, „Z. Gesch. d. deutsch. Ges.-Verb nde“ (1877), 72. Еще для XV столѣтія многочисленныя примѣры безпроцентныхъ займовъ, заключенныхъ городами, которые были въ нуждѣ, см. у Neumann, 507 и сл. Но на мой взглядъ, Нейманъ не оцѣнилъ въ должной мѣрѣ всего значенія, всей естественности первоначально безпроцентныхъ займовъ. Въ одномъ венеціанскомъ документѣ 1187 года средневѣковый взглядъ на дѣло, по существу вытекающій изъ вполнѣ естественныхъ чувствованій, получилъ такое выраженіе: „cum nos—dux vide-remus nostro comuni necessarium esse pro guerra — pecuniam invenire ad eos precibus du-ximus recurrentum, qui possunt nostre patri  hoe necessitatis tempore subvenire. Rogavimus igitur omnes viros, quorum nomina inferius continentur, ut pro sua liberalitate comuni nostro

время помогают нуждающемуся другу, съ котораго лишь послѣ его настоящийныхъ просьбъ соглашаются брать проценты за ссуженную сумму. Вообще, отвратительная для наивнаго чувства идея ссуды, приносящей проценты, могла возникнуть только въ сношенихъ съ чужаками (евреи! ломбарды!). Но зато человѣкъ, опускавшійся до такого мерзкаго дѣянія: брать съ нуждающимся въ деньгахъ проценты, — разумѣется, долженъ быть представляться для окружающихъ человѣкомъ презрѣннымъ. Таковы были нравы — безразлично, существовало или не существовало церковное воспрещеніе процента, и самое воспрещеніе это въ данномъ случаѣ служило только выражениемъ гласа народнаго. Иначе, несомнѣнно, было бы трудно понять, почему даже въ итальянскихъ городахъ до XV и XVI столѣтій „usurari“ оставались исключенными изъ купеческихъ гильдій и торговыхъ палатъ¹).

Только превращеніе денегъ въ капиталъ, сдѣлавшее процентъ какъ нельзя болѣе понятнымъ, до извѣстной степени освободило ростовщичество (а таковымъ является всякая ссуда на цѣли потребленія) отъ его дурной славы. А изъ этого мы, несомнѣнно, имѣемъ право сдѣлать тотъ выводъ, что вѣкъ столѣтія, когда законодательство и народное чувство подвергало гоненію ссуды подъ проценты, не ощущали даже самаго легкаго вѣянія капиталистического строя хозяйства.

3. Наконецъ, величайшую прозрачность отличается и корпоративное право, усвоенное средневѣковой торговлей. Оно въ самыхъ ясныхъ очертаніяхъ отражаетъ безусловно ремесленную структуру тогдашней торговли.

Какъ извѣстно, между цехами ремесленниковъ и цехами торговцевъ иногда не было строгаго разграничения и что въ свою очередь гильдіи круп-

in tali necessitate hoc tempore constituto de praefata pecunia subveniret, qui quoniam terre nostre veri sunt amatores promiserunt nostro communi dictam pecuniam se daturos etc. Перепеч. у W. Lenel., „Die Entstehung der Vorherrschaft Venedigs an der Adria“ (1897), 43. Совершенно такая же мотивировка въ винчестерскихъ статутахъ. „Archäol. Journal“, 9, 73.— Самая обычная форма, которую пользовались монастыри въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ, приходя съ материальными услугами на помощь къ зависимымъ отъ нихъ лицамъ и просто къ вѣрюющимъ, были ссуды деньгами и вещами; при этомъ о процентахъ не могло быть и рѣчи, хотя за возвратомъ самой ссуженной суммы садились очень строго. Сравн. Sackur, „Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte französischer und lothring. Klöster im 10 und 11 Jahrh.“, въ „Zeitschrift für Soc. W. Gesch.“, 1, 163 и сл. Cunningham, 1, 239, сообщаетъ объ одномъ частномъ лицѣ, которое (въ XII столѣтіи) „vicinis suis indigentibus numeros non tamen ad usuras accommodabat“.

1) По статутамъ флорентийскихъ торговцевъ сукномъ (въ XIV столѣтіи), ростовщикъ или рѣшительно исключается изъ ихъ цеха, или же, если уже миновала давность для ростовщическихъ дѣяній, долженъ искупить свой позоръ двойнымъ взносомъ. Для того же цеха ростовщичество — достаточный мотивъ, чтобы выгнать члена, котораго виновата тварищетъ признаетъ виновнымъ. Съ 1429 года и цехъ шелковщиковъ начинаетъ исключать ростовщиковъ-рецидивистовъ. Въ статутѣ цеха мѣнялат (1867 г.) категорически воспрещено „подъ угрозою штрафа въ 100 лиръ сужать за процентъ — подъ залогъ или вексель — или заниматься какимъ бы то ни было видомъ ростовщичества“. Въ ковид XIV столѣтія начинаяются самыя строгія воспрещенія процента (въ статутахъ всѣхъ флорентийскихъ цеховъ). R. Rohmann, „Die Wirtschaftspolitik der florentiner Renaissance“ (1878), 53, 84. Такія же постановленія въ статутахъ Милана (1396), Бергамо (1497), Пезаро (1532). Сравн. Lattes, Il diritto commerciale etc. 32—33, 147 и сл., п L. Zdekauer, въ „Arch. stor. it.“, V. Ser. t. XVII. 1895. Стр. 63 и сл.

ныхъ купцовъ находились въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ гильдіями мелкихъ торговцевъ¹⁾). Мы должны освоиться съ тою мыслью, что хотя средневѣковый профессіональный торговецъ иногда и считалъ себя болѣе важнымъ лицомъ, чѣмъ некоторые ремесленники, — но въ этомъ отношеніи онъ никакъ не отличался отъ членовъ какого угодно „высшаго“ ремесленнаго цеха. Купецъ вообще отдѣлялся отъ ремесленника различіями всего лишь въ степени, а не по существу. Часто онъ считался „высшимъ“ ремесленникомъ, какъ и ювелиры и пекари считались въ другихъ мѣстахъ тоже „высшими“ ремесленниками; но все же по своему мышленію и чувствованію онъ всецѣло принадлежалъ къ ремесленнымъ сферамъ.

Кто еще сомнѣвается въ этомъ, тому стоитъ только пересмотрѣть статуты купеческихъ гильдій, уставы „подворій“ и „конторъ“ въ чужихъ городахъ²⁾). На каждой страницѣ онъ найдетъ подтвержденіе правильности нашего взгляда. Въ эти документы почти безъ всякихъ измѣненій перенесены всѣ идеи ремесленныхъ цеховъ.

Прежде всего во всѣхъ статутахъ ремесленныхъ цеховъ мы встрѣчаемъ выраженіе верховнаго принципа ремесленнаго строя: товарищу, который по примѣру отцовъ исполняетъ свой трудъ, долженъ быть обеспеченъ достатокъ, „пропитаніе“³⁾). Завоеваніе по возможности обширнаго поля кормленія, защищенаго отъ сосѣдскихъ вторженій; равномѣрие, упорядоченное распределеніе отдѣльныхъ частей этого поля между товарищами, — слѣдовательно, полное устраненіе какъ внутренней, такъ и вѣнчайшей конкуренціи⁴⁾: вотъ фундаментъ, на которомъ поконится вся докапиталистическая торговля. И всѣ отдѣльныя запрещенія и заповѣди гильдейскихъ статутовъ направлены къ достижению этой цѣли: къ достижению беззатѣжнаго трудового существованія, не угрожаемаго конкуренціей, стоящаго вѣдь дѣйствія перемѣнъ, вносимыхъ индивидуальной спекуляціей и пронсками. Въ этихъ статутахъ въ стереотипной формѣ повторяется все, что мы наблюдали въ цехахъ ремесленниковъ: воспрещеніе перекупки⁵⁾, обязательство допускать товарищей къ участію въ

1) Когда мы сталкиваемся съ исключительностью „купеческихъ гильдій“, мы можемъ быть увѣрены, что передъ нами союзы патриціанскихъ родовъ, которые ведутъ случайную торговлю. Въ другой связи мнѣ еще придется говорить объ этомъ.

2) Яркая картина жизни нѣмецкаго купца въ чужихъ странахъ набросана у I. Falke, „Gesch. d. deutsch. Handels“, 1, 200 и сл.

3) Едва ли требуется приводить особыя подтвержденія того, что идея пропитанія оказывается господствующей въ статутахъ торговыхъ цеховъ. Особенно поучительны отношенія въ англійскихъ цехахъ торговцевъ, описанныя Карломъ Гроссомъ. Чтобы въ общихъ чертахъ ориентироваться въ вопросѣ, пригоденъ также А. Вогел, „Kaufmannsgilden im Mittelalter.“ Сравн. у него стр. 60, 97, 147, W. Kiesselbach, „Der Gang des Welthandels“ (1860), 206. Относительно Франціи слѣдуетъ прежде всего обратиться къ сѣдующимъ авторамъ: Le vaseur, Fagniez, Pigeon въ ед.

4) „Задача заключалась въ томъ, чтобы устранить взаимную конкуренцію констанційскихъ продавцевъ (золотна) и укрѣпить престижъ констанційского купечества“. Schulte, I, 163.

5) Статутъ мореплавателей (датскихъ) въ Штадѣ (XIV столѣtie): „were dat yementinder kumpenye deme andern dar vorekop dede de schal der kumpenye dat beteren mit 4 olden groten“. „Hans. Urkundenbuch“ III. n., 183, art. 7.

покупкахъ¹⁾, воспрещеніе отбивать клиентовъ у товарищей²⁾, воспрещеніе соглашеній относительно цѣнъ³⁾)—и многія тому подобныя постановленія.

Итакъ, со всѣхъ сторонъ мы получаемъ подтвержденіе нашего положенія: профессиональная торговля въ средніе вѣка—или говоря точнѣе, торговля въ Италии до XIV столѣтія, а въ остальной Европѣ до XVI столѣтія—носитъ явный отпечатокъ ремесленности. Въ виду этого можно совсѣмъ отказаться отъ изображенія реальныхъ условій существованія докапиталистической торговли: эти условія—тѣ же самыя, которыя дѣлаютъ возможнымъ существование ремесла.

Экскурсъ I къ главѣ седьмой.

Первоначальная ступень торговли.

1. Изображеніе генезиса мѣновой торговли не входитъ въ рамки нашего изслѣдованія, такъ какъ оно начинается съ значительно позднѣйшаго періода. Въ послѣднее время эта интересная проблема не разъ становилась предметомъ ученыхъ и остроумныхъ изысканій. Капитальное значеніе для большинства позднѣйшихъ работъ имѣетъ O. Schrader, „Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde“. 1886. Къ поразительнымъ выводамъ поводомъ потомъ использование матеріала наблюдений, сделанныхъ путешественниками надъ примитивными культурами. Критическую сводку матеріала даютъ работы Ios. Кулишера; послѣдняя изъ нихъ, изданная на немецкомъ языке („Zur Entwicklungsgeschichte des Kapitalzinses“, въ „Jahrbücher für N. Oe.“ III. F. Bd. XVIII, стр. 305 и сл.), подводитъ итоги прежнихъ

1) „Членъ гильдій обыкновенно былъ обязанъ дѣлиться всѣми покупками со своими товарищами, т.-е. если о旤ъ покупалъ извѣстное количество извѣстныхъ товаровъ, всякий другой членъ гильдіи могъ потребовать себѣ часть этихъ товаровъ по той же самой цѣнѣ, которая была заплачена первымъ“. Gross 1, 49. Примѣры на стр. 2, 46, 150, 161, 185, 218, 219, 226, 290, 352. § 2 статутовъ с.-американской гильдіи содержитъ слѣдующее постановленіе: „si quis vero gildam habens mercatum aliquid non ad victum pertinens valens V gr. s. et supra taxaverit et alius gildam habens supervenerit si voluerit in mercato illo porcionem habebit“. Доген, 60. Нерѣдко постановленія предписываютъ также, что покупатель, пока покупка не завершена, обязанъ предоставлять половинное участіе въ покупкѣ каждому члену товарищества, который потребуетъ этого. Сравн. F. Conze, „Kauf nach hanseatischen Quellen“. Bonner I. D. 1889, с. 16 и сл.

2) Статутъ флорентийской Societas camporum (1299 г.) воспрещалъ членамъ цеха расхаживать по городу въ поискахъ за размытыми сѣваками. „Банкиры“ должны спокойно выжидать по своимъ мѣстамъ, пока сами клиенты не явятся къ нимъ,—льшь тогда условія заработка будутъ по возможности равны для всѣхъ членовъ цеха. H. Sieveking, „Genueser Finanzzuwsen“, 2 (1899), 44 стр. То же предписывается въ 1380 г. одинъ страсбургскій статутъ, имѣющій въ виду членовъ торговыхъ домовъ. Статья 35-я воспрещаетъ мѣняламъ перебивать другъ у друга клиентовъ, которые прямо направляются къ опредѣленному мѣнялю. Точно такъ же ст. 37-я говоритъ: „занимающіе по пятницамъ свои мѣста и занимающіеся размѣномъ не должны никого призывать къ себѣ изъ-за вала криками или знаками“... Перепечат. у K. Eheberg, „Ueber das ältere deutsche Mänzwesen und die Hausgenossenschaften“. 1879. Стр. 188, 189. Съ нѣкоторыми отличіями сообщено у I. Cahin, „Münz und Geldgeschichte der Stadt Strassburg im Mittelalter“. 1895. Стр. 31.

3) Воспрещеніе соглашеній относительно цѣнъ въ итальянскихъ городахъ—см. I. Köhler, „Strafrecht der italienischen Communen“, 1892. Сравн. также A. Lizier, „La vita sociale del secolo XII.—XVI. nella legislazione penale degli statuti italiani di quel tempo“ въ „Rivista intern. di scienze soc.“. Апрѣль 1900, стр. 510.

работь. Большую цѣнность представляетъ также очеркъ: *Sartorius von Waltherhausen*, „Entstehung des Tauschhandels in Polinesien“, въ „Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte“ Bd. IV, стр. 1 и сл.,—большую цѣнность потому, что онъ написанъ экономистомъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о послѣдней основательной разработкѣ предмета,—M. Pantaleoni, „L'origine del baratto: a proposito di un nuovo studio del Cognetti“, въ „Giornale degli Economisti“. Ser. II-a, T. XVIII, XIX, XX (1899, 1900).

Какъ ни расходятся въ частностяхъ отдельные изслѣдователи,—въ одномъ пунктѣ нѣть никакого различія мнѣній: всѣ согласны, что было необходимо безконечно долгое развитіе, чтобы преодолѣть естественное для первобытного человѣка недовѣрчивое отношеніе ко всякому обмѣну вообще и къ обмѣну съ иноплеменниками въ особенности. Въ средневѣковой Европѣ только что выступившія на арену исторіи дикія племена быстрѣе побѣдили это недовѣріе, такъ какъ они сразу были захвачены высшей культурой. Но недовѣріе все же находитъ себѣ выраженіе въ выработанной системѣ положеній объ иноzemцахъ, которая есть не что иное, какъ совокупность охранительныхъ мѣръ, вызванныхъ опасеніемъ обмана со стороны иноплеменниковъ (и иногороднихъ).

2. (Первобытный обмѣнъ благами.) „Ясно, что при старииной мѣновой торговлѣ—а она всегда должна служить для насъ исходною точкою—покупатель есть въ то же время и продавецъ, и продавецъ — въ то же время и покупатель“. Schrader, I. c., стр. 63: „Междуд племенами приблизительно одинакового культурнаго уровня... мѣновыя отношенія обыкновенно цѣлыми тысячелѣтіями двигались по стариинной скромной колѣ; поворотъ наступаетъ лишь съ того времени, когда народъ, достигшій болѣе высокой ступени цивилизациіи, предлагаєтъ на обмѣнъ свои произведенія“, I. c., стр. 67. „Только у Гезіода (за 606 л. до Р. Х.) слово *ερποῖο* употребляется въ абстрактномъ значеніи „торговля“. Еще въ гомеровскомъ языкѣ нѣть слова для этого понятія. И для понятія купецъ у Гомера еще нѣть строго опредѣленного обозначенія“, I. c., стр. 73.—Необходимо имѣть въ виду эти факты, чтобы разобраться въ спорѣ о значеніи, въ которомъ средневѣковые документы употребляютъ слово „mercator“. Что касается литературы этого вопроса, слѣдуетъ сравнить: Goldschmidt, 127 и сл. (множество примѣровъ изъ первоисточниковъ), S. Rietschel, „Markt und Stadt“ (1897), 42 и сл., 140 и сл. (резюме) и др. Позднѣйшия работы: von Below, въ „Zeitschrift für Soc. und Wirtschaftsgeschichte“ 5, 138, въ „Jahrbücher für N. Oe.“ 20, 23. H. Riquet, „Villes, marchés et marchands au moyen âge“, въ „Revue historique“ 67 (1899), 64 и сл.

3. (Разбойничья торговля.) Слова „lucrum“ и „Lohn“ (вознагражденіе, плата, заработка плата) первоначально означали не что иное, какъ добыча, побѣдная награда. Schrader, 59. О повсемѣстномъ распространеніи разбойничьей торговли на примитивныхъ ступеняхъ культуры сравни. Schrader, 68 и сл., Kulischer, Jahrbücher, 18, 318 и сл. и др. Много материала, но не всегда обработанного, даетъ K. Andree, „Geographie des Welthandels“ 1 (1867), 314 и сл. Сравни. также Letourneau, „L'évolution du commerce“ (1897), 95 и сл., 335 и сл. (есть русскій переводъ). Въ раннія эпохи на пиратство всегда смотрѣли, какъ на вполнѣ позволительный, никакъ не безчестящій промыселъ. Извѣстно, что ассоціаціи пиратовъ (*επι λειτου*) были признаны и законами Солона и государственнымъ договоромъ между Халеемъ и Энтіемъ въ Локридѣ. Goldschmidt, 27. Точно такъ же скandinавскіе „вікинги“ являются одновременно и мореплавателями-купцами, и морскими разбойниками, точно говоря, это—торговцы-разбойники, что признано и древнимъ сѣвернымъ положеніемъ о товариществахъ. Пизанскіе крупные купцы XIII столѣтія смотрѣли на морскую войну и морской грабежъ „съ точки зрѣнія дѣлового человѣка,—какъ на предприятія, приносяща прибыль“. Schaub, „Das Konsulat des Meeres in Pisa“ (1888), 38. Въ генуэзскихъ документахъ той же эпохи упоминаются „ruraticam artem exercens“. Ed. Несук, „Genua und seine Marine“ (1886), 182. Въ 1322 году одинъ морякъ изъ Уинчелса ограбилъ английскій корабль, который принадлежалъ купцамъ изъ Дорсета; а черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался мэромъ въ своемъ родномъ городѣ. Denton, „Engl. in the

XV cent.“, 85. Въ счетахъ голландской вестъ-индской компаніи въ теченіе всего XVII столѣтія фигурируетъ графа „завоеванныхъ имуществъ“; въ 1696 году, налр., она дала цифру въ 8.671.274 flor. Сравн. составленное по выпискамъ проф. Людера изложение F. Saalfeld, „Geschichte des holländischen Kolonialwesens in Ostindien“, 2 (1813), 170 и сл. Въ одномъ отчетѣ индійского правительства, представленномъ (въ 1764 г.) Зибцепнерамъ, говорится: „Благодаря добрымъ отношеніямъ съ султаномъ Мальдирономъ (на Цейлонѣ), мы занимаемся выгодной охотой на чужія суда. Въ 1764 г. мы опять изловили 11 судовъ и забрали 200.369 фунтовъ корицы, цѣнностью по 312 гульденовъ за фунтъ“. Вокемеуг, „Die Molukken“ (1888), 278. Психологическая необходимость грабежа, какъ способа перемѣщенія имущества, который предшествуетъ обмѣну, недавно тонко анализирована у G. Simmel, „Die Psychologie des Geldes“ (1900), стр. 53 и сл. Поэтическое возвеличеніе разбоя можно найти въ бедуинскомъ романѣ „Anthar“, перев. съ арабскаго Terrick Hamilton. 1819.

4. (Случайная торговля.) Въ классической древности случайное участіе въ торговлѣ людей богатыхъ и знатныхъ всегда составляло обычное явленіе. О юалестѣ и Гиппократѣ известно, что они занимались торговлей, и Платонъ заработалъ деньги на поездку продажею въ Египтѣ оливковаго масла. Негманъ, „Privataltertümer.“ 3 Aufl. Стр. 419 и сл.

Извѣстно, что римскіе сенаторы обнаруживали большую склонность къ участію въ negocio maritima. Часто цитируемые слова Цицерона (De off., 1, 42, 150): „mercatura..., si tenuis est sordida putanda est: sin magna et copiosa, multa undique apportans multis que sine vanitate imperiens, non est admodum vituperandum“, — я привель бы въ связь съ тѣмъ фактъ, что случайныя торговыя предприятия знатныхъ людей были въ Римѣ самымъ обычнымъ явленіемъ. Само собой разумѣется, въ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о mercatura copiosa. Пятно, лежавшее на профессиональныхъ (мелкихъ) торговцахъ, невозможно было распространять и на городскихъ вельможъ. Они должны были оставаться свободными отъ подозрѣній въ барышничаціи: точно такъ же, какъ, напр., современный восточно-прусскій юнкеръ, принимающій участіе въ биржевыхъ спекуляціяхъ, конечно, все же считается чѣмъ-то другимъ, чѣмъ-то болѣе именитымъ, чѣмъ профессіональный биржевой спекулянтъ. Здѣсь корень искусной теоріи ловкаго Цицерона.

Не менѣе общее правило, сказаль бы я, составляетъ и для средневѣковой Европы то явленіе, что всѣ крупныя торговыя операциіи выполняются некупцами. Категорію случайныхъ торговцевъ составляли главнымъ образомъ (на югѣ точно такъ же, какъ и на сѣверѣ)

- 1) члены городскихъ совѣтовъ и бургомистры: венеціанскій дожъ не рѣже, чѣмъ городской совѣтникъ Гамбурга или Любека (Вако фонъ-Гельдерсенъ! Виттенборги!);
- 2) патриціансіе роды, въ особенности богатыя землевладѣльческія фамиліи;
- 3) корпораціи, монастыри, ордена, духовныя лица разныхъ степеней.

Короче говоря: все, что въ средніе вѣка располагало достатками. Въ другой связи, съ другой точки зрѣнія мы еще изслѣдуемъ этотъ фактъ обстоятельнѣе; поэтому я отказываюсь здѣсь отъ документальныхъ подтвержденій и отсылаю читателя къ изложенному въ двѣнадцатой главѣ.

Экскурсъ II къ главѣ седьмой.

Искусство считать въ средніе вѣка.

Въ началѣ XV столѣтія въ Германіи появляются первыя школы. „Трудно представить себѣ, до какой элементарности доходило... обученіе счету во всѣхъ этихъ школахъ. Едва ли гдѣ-нибудь обученіе переходило за дѣйствія съ цѣлыми числами“. Унгер, „Methodik der praktischen Arithmetik“ (1888), 17 — 19. Ясное представление о состояніи счетнаго искусства даютъ намъ старинныя руководства по ариѳметикѣ или компендіумы по математикѣ, употреблявшіеся въ средневѣковой Европѣ. Того уровня, котораго въ

Италии начала XIII столѣтія достигъ Леонардо Пизано—впрочемъ, подобно Йордану, опредившій свое время—нѣмецкія руководства ариѳметики едва ли достигли даже въ концѣ XV столѣтія. Какъ низко стояли даже монастырскія школы, показываетъ, напр., ариѳметика Бернарда, относящаяся къ 1445 году. Она обучаетъ всего лишь старому учено му счету, который примѣнялся въ Европѣ до временъ Йордана. И даже въ университетахъ „уровень обученія ариѳметикѣ... былъ не выше, чѣмъ въ приготовительныхъ школахъ“. М. Сантог, „Vorlesungen über Geschichte der Mathematik“ 2 (1892), 159—160. Отъ Grammateus'a мы узнаемъ, что ариѳметическая таблицы М. Георгія Беурбахія,—онъ содержитъ примѣрно такое количество ариѳметическихъ знаній, какимъ въ настоящее время располагаетъ десятилѣтній ребенокъ,—„составлены были для студентовъ высшей школы въ Вѣнѣ“. Унгер, 25.

Первая нѣмецкая печатная книга по ариѳметикѣ (Бамбергъ, 1483 г.) содержитъ всего лишь первые элементы алгебры. И однако издание такого руководства, предназначеннаго для купцовъ, знаменовало уже огромный прогрессъ по сравненію съ прежнимъ временемъ. Такіе плоды начало приносить арабское вліяніе въ Италии, итальянское—на сѣверѣ Европы. О различныхъ типахъ ариѳметическихъ руководствъ сравни. Унгер, 37 и сл., Сантог, 202 и сл.

Относительно XVI столѣтія Унгер, „Methodik“, 112, дѣлаетъ такое заключительное замѣчаніе: „Умѣніе хорошо считать представлялось тогда вовсе не легкимъ дѣломъ, но искусствомъ въ полномъ значеніи этого слова“.

Въ Италии арабскія цифры, нуль и определеніе значенія цифръ по занимаемому ими мѣсту завоевываютъ права гражданства въ XIII столѣтіи, но завоевываютъ лишь съ большою медленностью. Еще въ 1299 году членамъ одного флорентійскаго цеха воспрещается ихъ примѣненіе! Въ Германіи они дѣлаются народнымъ достояніемъ не раньше 1500 года, въ Англіи около того же времени. Сравн. кромѣ работы Унгера и Кантора еще Н. Напке, „Zur Geschichte der Mathematik im Altertum und Mittelalter“ (1874), 340 и сл. Старѣйшее изъ извѣстныхъ намъ нѣмецкихъ руководствъ (базельская рукопись) относится къ 1445 году. Оно издано и переведено Ф. Унгеромъ, „Das älteste deutsche Rechenbuch, въ „Zeitschrift für Mathematik und Physik“. XXXIII. Jahrg. (1888), Histor.-litter. Abteilung, 125 и сл.

Насколько медленно прогрессировало въ Италии счетное искусство, показываетъ рукопись „Introductorius liber qui et pulveris dicitur in mathematicam disciplinam“, относящаяся ко второй половинѣ XIV столѣтія; авторъ вперемежку пользуется арабскими цифрами, измѣняющими значение въ зависимости отъ занимаемаго ими мѣста, римскими цифрами, счетомъ по пальцамъ и по систавамъ. Сантог, 2, 143.

Примѣреніе счетовъ къ сѣверу отъ Альповъ во всю позднѣйшую эпоху среднихъ вѣковъ носитъ такой же всесобщій характеръ, какъ и употребленіе счетныхъ пфенниговъ (jetons, counters), которые остаются въ ходу до XVIII столѣтія.

Италия уже раньше покончила со всѣми этими вещами; въ концѣ XV столѣтія Ериолао Барбаро (+1495) говоритъ о счетѣ по жетонамъ, какъ обѣ обычай, „qui... bodie apud barbaros fere omnes servatur“,—значить, въ Италии они были уже оставлены. Сравн. Сантог, 1. с., стр. 100, 112, 197 и сл. Но уже счетный мастеръ Симонъ Якобъ изъ Кобурга правильно понималъ, насколько неуклюже присчитываніе по сравненію съ вычислѣніемъ; онъ писалъ: „какъ пѣшеходъ, который идетъ падѣкѣ, не обремененный никакой тяжестью, имѣть выгоду передъ пѣшеходомъ, подавленнымъ тяжелой ношкой, такъ и искусный счетчикъ имѣть выгоду передъ счетчикомъ, который пользуется простымъ присчитываніемъ“. Унгер, 70.

КНИГА ВТОРАЯ.

Генезисъ современного капи- тализма.

„...но господинъ Іаковъ Фуггеръ постоянно говорилъ ему въ отвѣтъ:... у него (Фуггера) совершенно другой складъ ума,—онъ хотѣлъ приобрѣтать, насколько онъ можетъ“.

(Изъ Promemoria Ant. Fuggers.)

„Tre cose maxime sonno oportune: a chi vole con debita diligentia mercantare. De le quale la potissima è la pecunia numerata: e ogni altra faculta substantiale.

„La seconda cosa che si recerca al debito trafico: sie che sia buon ragionerij e prompto computista...

„La terza: e ultima cosa oportuna sie: che con bello ordine tutte sue facende debitamente disponga: acio con breuita: possa de ciascuna hauer notitia“.

(Три главныхъ вещи важны для того, кто хочетъ торговать съ должнымъ разумѣніемъ. Изъ нихъ важнейшая—это наличные деньги и всякия другія существенные средства.

Вторая вещь, которая требуется при должностной торговлѣ,—это хороший расчетъ и быстрая смекалка.

Третья и послѣдняя вещь нужна, чтобы въ хорошемъ по-рядкѣ распоряжаться должнымъ образомъ дѣлами,—это дѣйствовать быстро, имѣя о каждомъ нужный познанія.)

(Lucas de Burgo) „Summa de Arithmetica.“ Изд. 1523 г., стр. 198, II.

ОТДЕЛЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Понятіе и сущность капитализма.

(Капиталистическое предпріятіе.)

A. Понятіе.

Я принадлежу къ числу тѣхъ старомодныхъ людей, которые могутъ изобразить генезисъ только того, о чёмъ они точно знаютъ, что подразумѣвается подъ даннымъ названіемъ. Итакъ, капитализмомъ мы называемъ такую систему хозяйства, для которой специфическою формой хозяйства является капиталистическое предпріятіе. Слѣдовательно, мы должны прежде всего дать опредѣленіе капиталистического предпріятія и охарактеризовать его въ его существенныхъ особеностяхъ: такова задача этой главы, являющейся введеніемъ. Капиталистическимъ предпріятіемъ я называю такую форму хозяйства, цѣль которой заключается въ томъ, чтобы извлечь выгоду изъ материального имущества, т.-е. чтобы воспроизвести его съ известной надбавкой (прибылью) для собственника; средствомъ для этого служить рядъ договоровъ о дѣйствіяхъ, получающихъ денежную оцѣнку. Материальное имущество, которое утилизируется такимъ способомъ, называется капиталомъ.

B. Анализъ понятія.

I. Конститутивные признаки нашего понятія капиталистической формы хозяйства мы открываемъ прежде всего въ своеобразности поставляемыхъ цѣлей. Мы сразу замѣчаемъ, что цѣль, которая выдвигается здѣсь, опредѣляется не тѣмъ или инымъ отношеніемъ къ реальной личности. Напротивъ, средоточіемъ нашего анализа съ самаго начала становится абстракція: вещественное имущество. Мы преднарѣдили остановились на такомъ опредѣленіи цѣли капиталистической формы хозяйства, которое отрѣшено отъ конкретной, индивидуальной личности хозяйствующаго субъекта: въ этомъ находить себѣ выраженіе, какъ рѣшающій признакъ капиталистического предпріятія, абстрактность самой цѣли и въ то же время ея безграничность.

Важно съ самаго начала признать тотъ фактъ, что всякая дѣятельность, развивающаяся въ капиталистическомъ предпріятіи, направляется уже не строго опредѣленною въ количественномъ и качественномъ отношеніи потребностью известной личности или такою же потребностью большинства людей: нѣтъ, количественную и качественную сторону дѣятельности капиталистического предпріятія необходимо рассматривать исключительно съ безличной точки зрењія, съ точки зрењія реализаціи капитала. Но въ преодолѣніи конкретности цѣлей лежитъ въ то же время преодолѣніе ихъ ограниченности. Цѣли капиталистического предпріятія абстрактны—и потому безграничны. Пониманіе капиталистической организаціи неразрывно связано съ пониманіемъ этого элементарного факта. Констатируя такую основную особенность капиталистического предпріятія, мы, очевидно, характеризуемъ его какъ совершенѣйшій типъ промысловаго хозяйства.

Благодаря особенности цѣлей, выдвигаемыхъ капиталистическимъ предпріятіемъ, вещественное имущество пріобрѣтаетъ самостоятельное существованіе. На сколько важно послѣднее обстоятельство, видно изъ того, что лишь оно и обуславливаетъ возможность эмансираціи отъ тѣхъ ограничений, которыя вытекаютъ изъ чисто индивидуальныхъ умѣнія и желаній, имѣющихъ, какъ таковыя, шаткий, случайный характеръ.

Поскольку субъектъ хозяйства (хозяйствующій субъектъ), т.-е. капиталистический предприниматель, является просто представителемъ вещественного имущества, постольку онъ можетъ быть замѣненъ и представленъ какимъ-либо другимъ лицомъ. Дѣятельность, совершающаяся въ рамкахъ капиталистического предпріятія, не опредѣляется непремѣнно индивидуальнымъ умѣніемъ хозяйствующаго субъекта (какъ, напр., въ ремеслѣ); напротивъ, она опредѣляется силами, вытекающими изъ утилизаціи вещественнаго имущества, и способностями какихъ угодно другихъ лицъ. Въ этомъ направленіи слѣдуетъ искать объясненія той колоссальной энергіи, которую можетъ развить капиталистическое хозяйство.

Итакъ, количественная сторона того, что достижимо въ рамкахъ капиталистического предпріятія, расширяется до безграничныхъ размѣровъ. Но въ то же время объективируется, получаетъ самостоятельное существование, т.-е. опять-таки эмансириуется отъ всѣхъ случайностей, связанныхъ съ индивидуумомъ, и та энергія, съ какою ставятся цѣли. Благодаря сложному психологическому процессу реализація, использование капитала—слѣдовательно, цѣль всякаго капиталистического предпріятія—въ концѣ-концовъ начинаетъ представляться собственику материальнаго имущества, т.-е. вещественнаго субстрата капиталистического предпріятія, объективно необходимостью, навязываемою ему извнѣ съ принудительной силой. Стремленіе къ барышу или пріобрѣтательская побужденія, которые, какъ извѣстно, первоначально были душевными настроеніями, носившими въ высшей степени личный характеръ, отныне объективируются, пріобрѣтаютъ самостоятельное существование.

„Am Ende hängen wir doch ab
Von Kreaturen, die wir machten“¹⁾.

1) „Въ концѣ-концовъ мы сами попадаемъ въ зависимость отъ того, что создано нами“.

Своебразности цѣли соотвѣтствуетъ своеобразность средствъ, которыми пользуется капиталистическое предпріятіе. Когда мы будемъ говорить о различныхъ типахъ капиталистического предпріятія, мы скажемъ и о тѣхъ многосложныхъ способахъ, которые могутъ служить для того, чтобы утилизировать вещественное имущество въ направленіи, соотвѣтствующемъ цѣлямъ капиталистической организаціи. Здѣсь же мы ограничимся однимъ указаниемъ: дѣятельность, развивающаяся въ капиталистическомъ предпріятіи, всегда и повсюду можетъ быть сведена къ известной суммѣ договоровъ двухъ сторонъ о дѣйствіяхъ, получающихъ оцѣнку въ деньгахъ; въ умѣломъ заключеніи такихъ договоровъ состоить въ послѣднемъ счетѣ все искусство руководителя хозяйства; содержаніе договоровъ имѣсть решающее значеніе для вопроса, достигнуты ли цѣли капиталистического предпріятія. Въ чёмъ заключаются дѣйствія — въ обмѣнѣ ли работы на вещественные блага или въ обмѣнѣ вещественныхъ благъ на вещественные блага, — безразлично: дѣло всегда сводится исключительно къ тому, чтобы въ рукахъ капиталистического предпринимателя въ конечномъ итогѣ остался тогъ прибавокъ къ общественному имуществу, достижение которого является центромъ всей его дѣятельности. Получивъ выраженіе во всеобщемъ товарномъ эквивалентѣ, въ деньгахъ — этой воплощенной мѣновой цѣнности, — все содержаніе договоровъ о доставкѣ товаровъ или работъ лишается всякаго слѣда качественныхъ различий и приобрѣаетъ чисто количественное выраженіе; благодаря этому открывается возможность подсчета результатовъ капиталистического предпріятія въ арифметическихъ величинахъ дебета и кредита. Въ томъ, чтобы „долженъ“ и „имѣть“ главной книги закончились сальдо въ пользу капиталистического предпріятія, въ этомъ эффектѣ заключаются всѣ успѣхи и все содержаніе дѣйствій, совершаемыхъ въ капиталистической организаціи.

Отсюда вытекаютъ и всѣ второстепенные особенности въ существѣ и родѣ дѣятельности капиталистического предпринимателя (или его замѣстителя). Дѣятельность его всегда

1) распорядительско-организующая. Этимъ мы хотимъ сказать, что по существу она направлена на то, чтобы поставить другихъ лицъ въ известныя взаимныя отношенія. Существу капиталистической организаціи вполнѣ чуждо выполнение работы одиночкъ рабочимъ, имѣюще въ высшей степени личный, индивидуально-изолированный характеръ. Особенность художественного или научного творчества заключается въ томъ, что оно избѣгаетъ толпы:

„Nur wo du klar ins holde Klare schaust,
Dir angehörst und dir allein vertraust,
Dorthin, wo Schönes, Gutes nur gefällt,
Zur Einsamkeit! — Da schaffe deine Welt“¹⁾!

И ремесленникъ еще въ значительной степени сохранилъ это тяготѣніе всего творческаго къ одиночеству: лучшее, что создаетъ онъ, получается такимъ образомъ, что онъ сообщаетъ мертвай матеріи отпечатокъ своей личности. Напротивъ, капиталистический предприниматель въ одиночествѣ неиз-

1) „Туда, гдѣ глубины ясны для взора, гдѣ ты одинъ, себѣ принадлежаишь, туда, гдѣ только красота и благо,—въ уединенье! Тамъ создай свой міръ!“

бъжно погибъ бы, потому что онъ живеть именно сношеними съ другими людьми. Въ томъ обстоятельствѣ, что капиталистическое предпріятіе непрерывно должно устанавливать связь между людьми, лежитъ корень его специфической силы—созидать общество. Его можно поэтому по справедливости назвать предпріятіемъ, разсчитаннымъ на сношения¹⁾, а тотъ строй хозяйства, въ которомъ господство принадлежитъ капиталистическому предпріятію,—строемъ хозяйства, разсчитаннымъ на сношения.

Далѣе, дѣятельность капиталистического предпринимателя имѣть

2) расчетно-спекулятивный характеръ. Символомъ этой формы хозяйства служить главная книга: ея жизненный нервъ въ счетѣ прибылей и убытковъ. Въ счетѣ: слѣдовательно, въ искусствѣ считать, въ переводѣ всякаго явленія на языкъ цифръ, въ вычисленіяхъ и провѣрочныхъ вычисленіяхъ, въ чисто денежной оцѣнкѣ всякаго дѣйствія. Такъ въ міръ вошла идея необходимаго соотвѣтствія между всякимъ дѣйствіемъ и отвѣтнымъ на него дѣйствіемъ. То психическое предрасположеніе, которое лежитъ въ основѣ поведенія, характеризованаго выше, мы могли бы назвать расчетливостью. Однако при многосложности отношеній, которыхъ вынужденъ завязывать капиталистический предприниматель, его расчеты довольно часто оказываются расчетами съ неизвѣстными величинами. Благодаря этому его расчетливая, калькуляторская дѣятельность становится дѣятельностью спекуляторской. Такимъ-то образомъ въ одномъ и томъ же индивидуумѣ очень нерѣдко возникаетъ въ высшей степени своеобразная психологическая смѣсь, представляющая пеструю мѣшанину расчетливости и спекуляціи, острого трезвеннаго ума и богатой фантазіи. Предприниматель, обладающій творческою способностью, спекулятивная голова,—синтетикъ, стоящій въ такомъ же отношеніи къ заурядному предпринимателю, къ простому человѣку расчета, какъ геніальный мыслитель—къ ученному рутинеру. Односторонне спекулятивные дарованія порождаютъ Джоновъ Ло и Лессепсовъ, этихъ Байроновъ для міра капиталистическихъ предпріятителей. Но самый роскошный цвѣтокъ предпринимательского типа—это такія лица, въ которыхъ геніальная спекуляція уравновѣшивается ихъ способностями къ трезвенной расчетливости: Г. Г. Мейеръ, Альфредъ Круппъ, Вернеръ Сименсъ.

Наконецъ, дѣятельность субъектовъ капиталистического хозяйства всегда

3) рационалистическая. Это значитъ, что ихъ дѣйствія во всѣ времена—сознательныя дѣйствія, въ основѣ которыхъ лежитъ признаніе причинной связи явлений. Для обоснованія своего образа дѣйствій капиталистические хозяйствующіе субъекты нуждаются въ открытіи причинныхъ отношеній, въ упорядоченіи вещей по категоріи причины и слѣдствія. Благодаря такой своеобразности капиталистического строя мышленія, вытекающей изъ сущности капиталистической организаціи, онъ становится мощнымъ двигателемъ рационалистического и въ частности причинного міросозерцанія: специфически-

1) „Verkehrsunternehmung“. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ говорить просто: „мѣновое предпріятіе“, „мѣновое хозяйство“ и т. д. При этомъ смысль термина Зомбартса, очевидно, не претерпѣваетъ существенныхъ измѣненій, такъ какъ „сношения“ въ данномъ случаѣ почти исключительно мѣновые сношения.]

современное міронониманіе, въ основѣ которого лежить постулатъ строгой причинности, родилось изъ нѣдѣя капиталистического духа. Можно бы показать, что первые умы, которые слѣдуетъ назвать современными въ указанномъ значеніи слова, были и могли быть таковыми потому только, что они были купцы. Изъ „главной книги“ родилось даже современное естествознаніе.

II. Различные типы капиталистического предпріятія выступаютъ передъ нами смотря по тому, съ какой точки зреія взглянемъ мы на предметъ. Мы можемъ замѣтить:

1. различія въ содержаніи дѣятельности, совершающейся въ предпріятіи, различія въ направленіи промысла. Для насъ будетъ достаточно, если мы перечислимъ важнейшія категоріи капиталистическихъ предпріятій. Бываютъ:

a) предпріятія для оказанія услугъ за известное вознагражденіе. Примѣры: справочныя бюро, литературныя бюро, бюро для туристовъ, театры, цирки и тому подобныя учрежденія для удовлетворенія нашей потребности въ зрѣлищахъ, дома терпимости, газеты предпріятія (доставка известій, политическихъ, эстетическихъ или научныхъ мнѣній и т. д.), учрежденія для дрессировки собакъ, выставки разнаго рода, учебныя заведенія, учрежденія для передачи известій, конторы для доставки прислуги, заведенія цирюльниковъ и парикмахеровъ, учрежденія для рекомендаций художниковъ, предпріятія для „организаціи цѣлесообразной рекламы“, для „выработки проектовъ совершенной рекламы“.

b) Учрежденія для доставленія за плату материальныхъ благъ, готовыхъ къ потребленію. Примѣры: отели и рестораны, извозчыя заведенія, купальни и бани, заведенія, отпускающія на прокатъ маски, страховая учрежденія (?) (возмѣщеніе убытковъ или предоставление въ условленный срокъ средствъ къ существованію).

Многія учрежденія одновременно доставляютъ и материальная блага для потребленія и услуги: это слѣдуетъ сказать о многихъ изъ уже названныхъ учрежденій, каковы, напр., театры, дома терпимости, рестораны. Но въ особенности яркими примѣрами могли бы служить бюро похоронныхъ процессій, предпріятія для организаціи обществъ и празднествъ, санаторіи и больницы, врачебныя учрежденія разнаго рода.

c) Предпріятія для перемѣщенія материальныхъ благъ. Сюда относятся двѣ важныхъ отрасли торговаго предпріятія: та, которая средствомъ приобрѣтенія дѣлаетъ обмѣнъ благъ, и транспортное предпріятіе, которое находить это средство въ передвиженіи благъ съ одного мѣста на другое.

Не подходя ни къ одной изъ названныхъ категорій, соприкасаясь съ ними со всѣми, до совершенно исключительного значенія развились

d) предпріятія для предоставленія кредита или для посредничества въ этомъ дѣлѣ: банки, страховая учрежденія (?) Сравн. п. b).

Намъ еще остается назвать важнейшую категорію капиталистическихъ предпріятій—

е) предпріятія для созданія материальныхъ благъ, производственные предпріятія. Разновидностью (случайной) въ способѣ

утилизациі капитала является здесь или добываніе материальныхъ благъ изъ земли или дальнѣйшая техническая переработка этихъ благъ.

Производственное предпріятіе всегда характеризуется тѣмъ, что собственникъ материального имущества, необходимаго для инсценировки этого предпріятія, или, говоря попросту, собственникъ капитала, является руководителемъ производственного процесса на всѣхъ его стадіяхъ; это обстоятельство— по меньшей мѣрѣ въ принципѣ — рѣзко отличаетъ его отъ хозяйствующаго субъекта въ торговомъ предпріятіи, который постоянно просто принимаетъ продукты отъ другихъ хозяйствующихъ субъектовъ, изъ области производительного хозяйства.

2. Различія соотвѣтственно положенію, какое предприниматель занимаетъ по отношенію къ предпріятію. Они обусловливаются прежде всего различіями размѣра капиталистического предпріятія.

Чтобы лучше выяснить дѣло, мы беремъ исходною точкою теоретически нормальный (но нѣтъ никакой необходимости, чтобы и исторически онъ былъ таковыемъ) случай полнаго предпріятія. Подъ этимъ называемъ я разумѣю такое капиталистическое предпріятіе, въ которомъ капиталистъ является только организаторомъ и руководителемъ, — и организаторомъ и руководителемъ является только капиталистъ. Примѣрами могутъ, очевидно, служить такие юридические случаи, какъ единоличная фирма и торговое товарищество на вѣрѣ; хотя, съ другой стороны, было бы далеко не правильно всегда характеризовать эти типы какъ полное предпріятіе: въ извѣстныхъ случаяхъ (Крупигъ!) они могутъ относиться и къ классу крупныхъ предпріятій. Крупнымъ же предпріятіемъ я буду называть такое, въ которомъ капиталистъ тоже всегда является только организаторомъ и руководителемъ, но, съ другой стороны, капиталистъ не есть единственный организаторъ и руководитель: напротивъ, другіе, наемные, люди, состоящіе у него на службѣ, выполняютъ организаторскія функции наряду съ нимъ или вместо него. Юридически сюда относятся такие случаи, какъ акционерные общества, экономически же, какъ уже сказано, и крупная единоличная предпріятія. Но если мы остановились здесь на различіи предпріятій, вытекающемъ изъ различія въ отношеніи предпринимателя къ предпріятію, то сдѣлали это исключительно съ тою цѣлью, чтобы указать на имѣющій большое значеніе третій типъ капиталистического предпріятія, который мы предложили¹⁾ назвать именемъ мелко - капиталистического предпріятія. Послѣднее характеризуется тѣмъ, что, хотя такія функции, какъ организація и руководительство, выполняются въ немъ только капиталистомъ, но онъ выполняетъ функции не только организатора и руководителя, но, кроме того, и техническаго рабочаго. Слѣдовательно, мелко - капиталистическое предпріятіе съ точки зрѣнія систематики представляетъ гермафронтную форму, а въ исторіи—явление переходное: въ немъ сочетаются элементы капиталистического предпріятія съ элементами ре-

1) Устами моихъ учениковъ, въ соответствующихъ работахъ „Untersuchungen“. Такую терминологію усвоили и другіе, не указывая источника. Я совсѣмъ не упоминалъ бы объ этомъ до крайности неважномъ фактѣ, если бы тѣ же люди не выступали съ обвиненіями въ томъ, что на выработанную ими терминологію теперь смотрѣть, какъ на несъемлемое достояніе науки.

месленной организації. Руководитель такого предпріятія въ большинствѣ случаевъ—въ сущности техническій рабочій, который достаточно много усвоилъ изъ того, что характеризуетъ капиталистического предпринимателя, а съ другой стороны, благодаря значительности своего материального имущества, настолько расширилъ сферу руководимой имъ дѣятельности, что его никакъ нельзя было бы назвать ремесленнымъ мастеромъ, ремесленного типа торговцемъ и т. д. Хозяйствующій субъектъ, который разсчитываетъ, который специализируетъ, который большую долю своей дѣятельности посвящаетъ распоряженіямъ и организаціи, который расширилъ область своего предпріятія за предѣлы индивидуального выполненія работы, въ сферу представлений которого—и это самое важное—уже выѣдрилось признаніе необходимости реализовать материальное имущество, и реализовать притомъ интенсивнѣе, чѣмъ то возможно въ узкихъ рамкахъ его собственного техническаго труда, — такой субъектъ хозяйства, несомнѣнно, утратилъ всѣ существенные признаки ремесленника. Потому-то и слѣдуетъ назвать его капиталистическимъ предпринимателемъ, хотя бы и съ присовокуплениемъ слова „мелко“. По вѣшности онъ нерѣдко представляется тожественнымъ съ крупнымъ ремесленникомъ. Размѣры его производства, число лицъ, получающихъ отъ него работу, остается то же самое, что и у крупнаго ремесленника. Несмотря на то цѣлые міры отдѣляютъ мелко-капиталистического предпринимателя отъ крупнаго ремесленника. Конечно, невозможно было бы усмотрѣть различіе между ними, если бы отнести и того и другого въ технико - производственную категорію „производства среднихъ размѣровъ“ (которое служить ареной дѣятельности того и другого). Въ данномъ случаѣ даже для близорукаго глаза ясна будетъ настоятельная необходимость принять предложеніе мною различіе хозяйства и производства. Слѣдуетъ пріучиться къ тому, чтобы формулировать категоріи экономической науки на основѣ не вѣшнихъ признаковъ, бросающихся въ глаза при поверхностномъ взглядѣ, а на основѣ того духа, который господствуетъ въ экономическихъ явленіяхъ. Такова основная идея этой книги.

3. Различія въ зависимости отъ положенія, какое техническій рабочій занимаетъ по отношенію къ руководителю производства.

Материальное имущество можетъ вступать въ двоякаго рода принципиально различные виды отношеній къ техническому рабочему: или въ краткосрочную, непрочную связь, или же въ солидныя брачныя отношенія на радость и горе. Въ первомъ случаѣ оно еще не сдѣлалось капиталомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ здѣсь еще нѣтъ капиталистического предпріятія въ строгомъ значеніи слова. Капиталъ находится въ состояніи куколки. Но въ интересахъ упрощенія дѣла мы склонны провиниться въ маленькой неточности и будемъ называть капиталомъ и такое материальное имущество, которое занимается всего лишь флиртомъ съ техническимъ рабочимъ. Въ такомъ случаѣ этотъ первый видъ отношеній между капиталомъ и трудомъ (для сокращенія употребляемъ это слово вмѣсто „техническій трудъ“) можно характеризовать, какъ

I—случаи носвенной зависимости от капитала.

1. Капиталистъ (обыкновенно въ образѣ торговца) просто оказываетъ давление на техническаго рабочаго (обыкновенно въ образѣ ремесленника). Онъ пользуется рыночными конъюнктурами съ той цѣлью, чтобы присвоивать себѣ доли результатовъ труда ремесленника. На практикѣ всегда очень трудно решить вопросъ, имѣемъ ли мы дѣло именно съ такими случаями; единственный способъ найти правильный отвѣтъ заключается въ сравненіи временъ „независимости“ съ временами „зависимости“, уровня жизни (standard of life) рабочаго тогда и теперь.

2. Капиталистъ (въ большинствѣ случаевъ въ образѣ торговца) оказываетъ влияніе на характеръ производства, даетъ ему направление. Ремесленникъ начинаетъ работать „по заказу“ купца. На первыхъ порахъ — совершенно невинныя отношенія, но съ течениемъ времени они, разумѣется, легко могутъ приводить къ серьезнымъ послѣдствіямъ.

3. Капиталистъ ссужаетъ въ кредитъ средства для производства техническому рабочему; въ остальномъ же онъ или совсѣмъ не заботится о дѣятельности своего должника, какъ производителя, или же заботится лишь настолько, насколько того требуетъ обеспеченность его ссуды. Въ такую форму зависимости отъ владѣльцевъ денегъ, какъ известно, очень легко попадаютъ воздѣлывающіе землю ремесленники, т.-е. крестьяне, и ремесленного типа торговцы, мелкіе лавочники; но на этомъ пути нерѣдко утрачиваются свою невинность и промышленные рабочіе.

Если же собственникъ денегъ ссужаетъ техническому рабочему средства, необходимыя для производства, и въ то же время оказываетъ опредѣленное влияніе на характеръ и направление производства — это очевидно будетъ комбинація 2-го и 3-го изъ только что упомянутыхъ случаевъ, — тогда мы получимъ въ принципѣ

II—капиталистическое производственное предпріятіе,

получимъ при томъ условіи, что собственникъ денегъ вседѣло береть на себя сбытъ продуктовъ, слѣдовательно, дѣятельность по ихъ продажѣ.

Итакъ, собственникъ денегъ, или, какъ мы теперь могли бы назвать его съ полнымъ правомъ, капиталистический предприниматель имѣетъ возможность ссужать средства, необходимыя для производства, — или всѣ средства или только часть ихъ (притомъ далеко не одинаковую часть въ различныхъ случаяхъ). Благодаря этому возникаетъ рядъ разновидностей капиталистического предпріятія, которыхъ мы могли бы рассматривать какъ различные формы производства въ предѣлахъ капиталистического производственного предпріятія. Мы получаемъ послѣдовательный рядъ ступеней, которыхъ изображаютъ, какъ отношенія между техническимъ рабочимъ и капиталомъ становятся все тѣснѣе, или, говоря иначе, какъ производственные формы все болѣе и болѣе развиваются въ направленіи къ обобществленію. Впослѣдствіи, когда мы будемъ говорить объ эмпирическихъ, о существовавшихъ въ исторіи формахъ промышленно-капиталисти-

ческой организації, у нась будеть слуچай ближе познакомиться съ особенностями различныхъ производственныхъ формъ капиталистического производственного предпріятія. Въ виду этого теперь мы можемъ ограничиться слѣдующей схемой:

1. Ссуда (въ натурѣ или деньгами)

- a) средствъ для жизни,
- b) сырого материала,
- c) средствъ для труда (инструментовъ, машинъ), —

ссуда приводить къ тому, что мы называемъ „Verlagssystem“¹⁾ (системой работы изъ скопища) или, не совсѣмъ точно, „Hausindustrie“ („домашняя промышленность“, „кустарная промышленность“).

Въ технико-производственномъ отношеніи рѣшающее значение имѣетъ то обстоятельство, что капиталистъ еще не взялъ на себя руководительства производствомъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ передъ нами — формы производства, помѣщенные въ нашей таблицѣ формъ производства подъ цифрами 1—5 (см. вторую часть главы второй). Въ зависимости отъ того, ссужаетъ ли предприниматель одну или нѣсколько категорій предметовъ, мы получаемъ различные нюансы кустарной организаціи.

2. Ссуда средствъ для жизни (по большей части въ деньгахъ, т.-е. въ формѣ заработной платы) и всѣхъ материальныхъ факторовъ производства (по большей части въ натурѣ) обыкновенно приводить къ организаціи „крупнаго производства“, такъ какъ на практикѣ предприниматель всегда беретъ на себя и руководительство выполнениемъ работы, „руководительство производствомъ“. Крупное производство, въ зависимости отъ степени обобществленія рабочаго процесса, можетъ быть, какъ намъ известно (сравн. вторую часть главы второй), индивидуальнымъ производствомъ въ широкихъ размѣрахъ, мануфактурой или фабрикой. Въ „крупномъ производствѣ“ отношенія техническаго рабочаго и предпринимателя кореннымъ образомъ измѣняются: технический рабочій утрачиваетъ самостоятельность и независимость, которыми онъ пользовался какъ руководитель производства. Если крупное индивидуальное производство въ его капиталистической формѣ характеризуется тѣмъ, что рабочій процессъ совершается не въ одномъ пункѣ, а во многихъ пространственно разбросанныхъ мѣстахъ, то я называю такие случаи случаями „виѣдомашней промышленности“; классическимъ примѣромъ можетъ служить малярное дѣло въ большихъ городахъ.

III. Формы капитала,

суть не что иное, какъ различныя точки зрѣнія, съ которыхъ мы можемъ рассматривать самое капиталистическое предпріятіе. Поэтому намъ можно ограничиться очень немногими, по существу терминологическими указаніями.

1) „Если кто-либо въ надеждѣ на прибыль ссужаетъ средства, необходимыя для занятія ремесломъ, о немъ говорятъ, что онъ ремесло verlege“ (заставляетъ работать на себя). Krünitz, 21, 542.

1. Всякий капиталъ въ ходѣ процесса своей реализаціи принимаетъ различныя формы проявленія: съ нимъ совершаются метаморфозы такимъ образомъ, что капиталъ всегда начинаетъ ихъ въ денежной формѣ и всегда въ ней же оканчивается, а въ промежуткѣ всегда превращается въ тѣ материальные и личные факторы производства, которые, будучи поставлены въ извѣстныя взаимныя отношенія, обусловливаютъ реализацію цѣнности капитала. Въ частности капиталъ производственного предпріятія находится или въ формѣ рабочихъ силъ и средствъ производства—въ сферѣ производства, или же въ формѣ готовыхъ товаровъ—въ сферѣ обращенія. Слѣдя за Марксомъ, мы будемъ называть временемъ производства то время, въ теченіе которого капиталъ остается въ сферѣ производства; временемъ обращенія—то время, въ теченіе которого онъ находится въ сферѣ циркуляціи, и, наконецъ, временемъ оборота—сумму времени производства и времени обращенія. Изъ всего времени производства лишь извѣстная часть составляетъ рабочій періодъ, именно то время, въ теченіе которого фактически совершаются рабочій процессы.

2. Въ зависимости отъ того, служитъ ли капиталъ для закупки материальныхъ или же личныхъ факторовъ производства, мы различаемъ реальный капиталъ и персональный капиталъ. Эти выраженія замѣняютъ у насъ выраженія постоянный и перемѣненный капиталъ Маркса, которыхъ, какъ извѣстно, обязаны своимъ наименованіемъ особенностямъ его теоріи цѣнности, чуждой моей системѣ.

3. Въ зависимости отъ того, какимъ способомъ функционируютъ при реализаціи капитала его отдѣльные составныя части, на которыхъ распадается первоначальный денежный капиталъ, мы, какъ это привято, различаемъ основной, или неподвижный, и обращающійся, или оборотный капиталъ. Первый состоить изъ всѣхъ тѣхъ материальныхъ факторовъ производства, которые хотя и утилизируются въ теченіе извѣстного ограниченного періода—при этомъ большую частью принимается годъ,—но не изнашиваются и, слѣдовательно, въ теченіе этого періода утрачиваются лишь нѣкоторую часть своей цѣнности. Оборотный капиталъ составляютъ, напротивъ, всѣ тѣ составныя части всего капитала, которая въ теченіе этого періода со всею своею цѣнностью приносится въ жертву такой цѣли предпріятія, какъ реализація цѣнности,—слѣдовательно, совершенно изнашиваются, такъ что становится необходимымъ полное возобновленіе ихъ. Ясно, что весь персональный капиталъ есть капиталъ оборотный, напротивъ, изъ реальнаго капитала оборотнымъ капиталомъ является только та часть, которая вложена въ сырой материалъ и вспомогательные материалы.

С. Предпосылки и условія капиталистического предпріятія.

Въ вопросѣ о предпосылкахъ и условіяхъ капиталистического предпріятія заключается важный, основной вопросъ: какъ возможенъ капитализмъ? Ставя вопросъ о предпосылкахъ и объ условіяхъ капитализма, я вкладываю въ эти слова слѣдующія различныя значенія: прежде всего я стремлюсь привести въ извѣстность тѣ качества, которыми долженъ обладать хозяйствующій субъектъ, разъ онъ является иниціаторомъ въ организаціи капиталистического пред-

пріятія. При отсутствії субъекта, обладающаго такими качествами, капиталистическое предпріятіе не можетъ быть построено даже въ умѣ, его неѣтъ даже въ идеѣ, не говоря уже о его реализаціи. Тѣ условія, которымъ необходимо доженъ удовлетворять хозяйствующій субъектъ, мы по справедливости можемъ назвать субъективными предпосылками. Далѣе мы можемъ противопоставить ихъ, какъ таковыя, тѣмъ условіямъ, которые должны обрѣтаться въ наличности въ мірѣ, окружающемъ хозяйствующаго субъекта, и безъ которыхъ не могутъ быть достигнуты цѣли, въ проектѣ намѣченного хозяйствующимъ субъектомъ и реализуемыя въ рамкахъ капиталистического предпріятія. Эти условія мы будемъ называть объективными условіями.

I. Послѣ того анализа, какому мы подвергли понятіе капиталистического предпріятія, нетрудно будетъ выяснить субъективные предпосылки этой формы хозяйства. Такъ какъ во всякомъ капиталистическомъ предпріятіи дѣло сводится къ реализаціи цѣнности материальнаго имущества, то, очевидно, на пути къ капиталистическому предпріятію нельзѧ сдѣлать ни шагу, пока не накоплено и не поступило въ распоряженіе хозяйствующаго субъекта материальное имущество соотвѣтствующихъ размѣровъ. Материальное имущество „соотвѣтствующихъ размѣровъ“ — это выражено очень неопределенно, но тѣмъ не менѣе такого неопределенного указанія будстъ достаточно. Намъ вѣдь известно, чѣму должны соотвѣтствовать его размѣры: потребности въ заключеніи многочисленныхъ сдѣлокъ съ собственниками товаровъ или рабочей силы, такого количества сдѣлокъ, чтобы заключеніе ихъ вполнѣ поглощало рабочую силу хозяйствующаго субъекта и чтобы его чисто распорядительская дѣятельность въ достаточной мѣрѣ приводила къ реализаціи цѣнности его имущества. Всякая попытка опредѣлить ту минимальную величину материальнаго имущества, при которой оно можетъ получить свойство капитала — Марксъ, какъ известно, предпринялъ такую попытку¹⁾, — по самому своему существу обречена на неудачу: въ дѣйствительности не существуетъ никакихъ прочныхъ точекъ опоры для определенія этой величины. Марксъ крайне односторонне обращался за примѣрами къ производственному предпріятію, и все же даже по отношенію къ нему не разрѣшилъ проблемы. Дѣло въ томъ, что, вычисляя прибыль извѣстнаго предпріятія, было бы ошибочно брать за базисъ вычисленій ту прибавочную цѣнность, которая произведена наемными рабочими именно этого предпріятія: такой приемъ недопустимъ даже съ точки зрѣнія самой Марковой системы, какъ цѣлаго. Это — расплата за чрезмѣрный схематизмъ, который Марксъ внесъ въ определеніе понятій „капиталъ“ и „капиталистическое предпріятіе“.

Итакъ, намъ приходится, при томъ навсегда, отказатьтсѧ отъ определенія той минимальной величины материальнаго имущества, при которой оно способно къ капиталистической реализаціи, къ капиталистическому способу использования; но эмпирически въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ можно безъ труда установить, когда материальное имущество выходитъ за рамки простого рабочаго фонда и становится фондомъ для организаторской дѣятель-

1) Сравн. „Kapital“, II, 272 и сл., 296 съ Шн., 139.

ности. Теоретически же мы должны удовольствоваться установлениемъ того общаго положенія, что капиталистическое хозяйство немыслимо безъ предварительного накопленія материального имущества въ надлежащихъ размѣрахъ. Мы можемъ иѣсколько расширить это важное, даже основное положеніе, или же внести въ него большую точность, строже опредѣливши видовой характеръ этого материального имущества, которое является предпосылкой капиталистической организаціи: необходимо, чтобы это имущество существовало какъ денежная собственность. Отчасти забѣгая впередъ и намѣчая одно изъ объективныхъ условій, необходимыхъ для существованія капиталистической организаціи, мы можемъ сказать: пока общество не воплотило своихъ представлений о цѣнности въ такой абстрактной формѣ всеобщаго товариаго эквивалента, какъ деньги, и притомъ именно металлическія деньги (или ихъ суррогаты), до той поры капитализмъ даже не можетъ быть мыслимъ. Только при осуществлении этой предпосылки и мыслима расчетливость хозяйственныхъ дѣйствій, характеризующая самое существо капиталистического предпріятія; только тогда и мыслимо безпрепятственное, непрерывное заключеніе сдѣлокъ, руководимое числовымъ подсчетомъ всякаго отдѣльного момента въ нихъ и составляющее внутреннее ядро капиталистического предпріятія. Въ виду такихъ соображеній мы теперь можемъ выразиться съ большою точностью и сказать, что самою первою, первоначальнѣйшою и важнѣйшою субъективною предпосылкою капиталистической организаціи является накопленіе (металлическихъ) денегъ въ рукахъ отдѣльныхъ субъектовъ хозяйства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы наблюдаемъ возникновеніе капитализма въ исторіи, мы можемъ показать, что и въ эмпирической дѣйствительности фактъ особенно быстрого и успѣшнаго накопленія денегъ получаетъ выдающееся значеніе, какъ побужденіе къ капиталистической утилизациіи материального имущества. Но сейчасть для насъ будетъ достаточно чисто теоретического выясненія этой первой субъективной предпосылки капиталистической формы хозяйства.

Однако накопленіе денегъ, хотя бы и въ самомъ крупномъ масштабѣ, само по себѣ далеко еще не составляетъ достаточной предпосылки даже для выработки простого плана капиталистического предпріятія. Въ состоятельномъ хозяйствующемъ субъектѣ должно обрѣтаться еще иѣчто, безъ чего немыслимо превращеніе накопленныхъ денежныхъ суммъ въ капиталъ, и это иѣчто есть специфически капиталистический духъ собственника денегъ. Подъ капиталистическимъ духомъ слѣдуетъ разумѣть всѣ тѣ психическая настроенія, съ которыми мы познакомились, какъ съ характерными для капиталистического предпринимателя: стремленіе къ прибыли, духъ расчетливости, экономический рационализмъ. Чтобы капитализмъ сдѣлся возможнымъ, для этого было необходимо не большее и не меньшее чудо, какъ вочековѣченіе именно этого экономического рационализма, выступившее во образѣ economical man'a („экономического человѣка“) классической политической экономіи.

II. Объективныя условія, съ наличностью которыхъ связана возможность существованія капиталистической организаціи, — это, какъ мы видѣли, стеченіе определенныхъ обстоятельствъ въ той части вицѣнтия міра, съ которой субъектъ капиталистического хозяйства вынужденъ вступать въ известныя отношенія для осуществленія своихъ цѣлей. Мы можемъ точнѣ

опредѣлить природу этихъ обстоятельствъ, выразившиь такимъ образомъ: необходимо, чтобы реализовались въ дѣйствительности тѣ условія, которыя открываютъ передъ капиталистическимъ предпринимателемъ возможность заключенія съ третьими лицами сдѣлокъ, соответствующихъ его потребностямъ. Эти условія имѣютъ частью формальный, частью материальный характеръ.

Если мы прежде всего спросимъ себя: при какихъ условіяхъ формально возможно заключеніе сдѣлокъ въ капиталистическомъ смыслѣ? — самъ собою получится слѣдующій отвѣтъ: для этого юридической строй долженъ быть таковъ, чтобы онъ по меньшей мѣрѣ допускалъ такія правовые отношенія и сдѣлки, которыя требуются существомъ капиталистического предприятия. Значитъ, онъ долженъ допускать прежде всего частную собственность и на средства производства; онъ долженъ допускать дальше такие виды сдѣлокъ: покупку, аренду, заемъ, наемъ предметовъ и услугъ, — всѣ сдѣлки, которыя очевиднымъ образомъ требуются для того, чтобы капиталистический предприниматель могъ реализовать свое материальное имущество тѣмъ или инымъ способомъ: предложеніемъ ли услугъ или готовыхъ къ потребленію материальныхъ благъ, посредничествомъ ли въ передачѣ материальныхъ благъ, или ихъ производствомъ, или же еще какимъ-нибудь способомъ. Онъ долженъ постоянно находить продавцовъ или покупателей, сдатчиковъ или наемщиковъ, сдающихъ въ аренду или арендующихъ материальные блага, а также покупателей и въ особенности продавцовъ различныхъ дѣйствій (услугъ), — долженъ находить всѣхъ этихъ людей, съ которыми онъ можетъ заключать сдѣлки. Но всѣ эти сдѣлки, очевидно, только въ томъ случаѣ покоятся на прочномъ фундаментѣ, если капиталистическому предпринимателю предоставлена свобода дѣйствій во всемъ, что касается дальнѣйшаго отчужденія или переработки уже приобрѣтенныхъ материальныхъ благъ, слѣдовательно, если признана частная собственность на всѣ категории материальныхъ благъ, и въ особенности на материальные блага, съ которыми связана возможность производства новыхъ благъ, т.-е. на материальные факторы производства. Все это — какъ нельзя болѣе понятныя вещи: достаточно было просто напомнить о нихъ и указать на дѣйствительную связь между ними. Важно однако съ особенною рѣшительностью подчеркнуть слѣдующее обстоятельство: иѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы юридический строй прямо, категорически признавалъ допустимость только что упомянутыхъ юридическихъ отношеній. Напротивъ, какъ нетрудно представить себѣ, юридический строй можетъ имѣть такой характеръ, что онъ совершенно исключаетъ, а то и прямо воспрещаетъ всякое изъ названныхъ юридическихъ отношеній — и отношенія частной собственности и всѣ перечисленные виды сдѣлокъ. Для того, чтобы существованіе капитализма стало возможнымъ, было бы вполнѣ достаточно, если бы упомянутыя отношенія могли фактически осуществляться тѣмъ или инымъ способомъ: *praeter* ли *legem*, или же *contra legem*.

Каждый знаетъ — и мы еще не разъ будемъ имѣть возможность найти подтвержденіе этому на частныхъ примѣрахъ, — что историческое развитіе капитализма въ дѣйствительности очень часто совершалось въ рамкахъ юриди-

ческаго строя, рѣшительно воспрещавшаго всѣ юридическія отношенія, въ которыхъ нуждается капитализмъ для своего существованія. Чтобы сдѣлать очевидной всю справедливость этого утвержденія, стоитъ только напомнить воспрещеніе процента въ средніе вѣка или законодательство цеховъ, исключавшее всякую свободу въ договорѣ купли и найма. Что касается того юридического строя, который больше всего соотвѣтствуетъ потребностямъ капитализма — строя свободы промышленности, — его долженъ быть завоевывать для себя самъ капитализмъ въ трудной борьбѣ, растянувшейся на столѣтія. И это все—тоже общепрѣстѣнныя вещи, о которыхъ, пожалуй, не стоило бы даже упоминать. Но, къ несчастью, теоретикъ въ нашей науцѣ не всегда свободенъ отъ докучливой необходимости тратить слова сть той цѣлью, чтобы установить даже самыя тривіальные истины: вѣдь экономическая „теорія“ новѣйшаго направленія больше всего излюбила такую игру, какъ затемненіе ясныхъ соотношеній или перевертываніе причины и слѣдствія.

Чтобы капитализмъ былъ возможенъ, требуется не только то, чтобы вообще могли совершаться сдѣлки, необходимость которыхъ коренится въ существѣ капиталистической организаціи: онъ должны кромѣ того заканчиваться въ смыслѣ, благопріятномъ для капиталистического предпринимателя, т.-е. приводить въ конечномъ результатахъ къ воспроизведенію его материальнаго имущества сть нѣкоторымъ надбавкомъ, сть прибылью. Нечего и говорить, что это связано въ свою очередь сть совершенно опредѣленными объективными условіями. Условія эти—слѣдовательно, тѣ условія, отъ осуществленія которыхъ зависитъ реализація цѣнности капитала—представляютъ не что иное, какъ упомянутыя выше объективные условія материальнаго характера. Вскрыть ихъ значитъ отвѣтить на вопросъ:

— какъ возможна прибыль?

Открытие „законовъ“ капиталистического хозяйства со всѣми ихъ развѣтвленіями составить особую задачу позднѣйшаго изложенія. Поэтому поставленный вопросъ можетъ найти здѣсь лишь предварительное разрѣшеніе, насколько оно необходимо для пониманія отношеній между ремесломъ и капитализмомъ.

Отвѣтъ въ значительной степени данъ уже самой постановкой вопроса. Послѣдняя прямо показываетъ, что дѣло здѣсь вовсе не въ томъ, чтобы разрѣшить иенаучную (ненаучную потому, что она этическая) проблему „права“ капитала на прибыль. Вся эта скучная исторія обѣ „эксплуатациі“, „подобающемъ“, „заслуженномъ“, и все, что сюда относится, лежитъ совершеннѣи виѣ области нашего интереса: внимательный читатель уже могъ убѣдиться въ этомъ по всему содержанію нашей книги. Научный характеръ нашихъ изслѣдований самъ по себѣ исключаетъ такой наивный взглядъ на вещи.

Поставивъ свой вопросъ, мы, съ другой стороны, не помышляли и о психологической мотивировкѣ „полученія процента“—о задачѣ, къ разрѣшенію которой, какъ извѣстно, сводятся построенія Бѣмъ-Баверка, самаго значительного изъ живущихъ теперь теоретиковъ капитала.

Наша задача сводится къ разрѣшенію другой проблемы, болѣе простой, если угодно, но не менѣе важной для соціологического пониманія, именно

проблемы, которая выдвигается вопросомъ о происхожденииѣ всякой предпринимательской прибыли; другими словами,—къ разрѣшеню проблемы: какъ объективно возможно получение прибыли (и процента). Ясно, что этотъ вопросъ имѣть свое совершенно самостоятельное значеніе на ряду съ упомянутыми выше вопросами объ оправданіи и психологической мотивации прибыли. Но не менѣе ясно, что въ учениѣ объ объективныхъ условіяхъ капитализма намъ вообще придется заниматься однимъ только этимъ вопросомъ.

Исходной точкой въ отвѣтѣ на него намъ послужатъ два слѣдующихъ основныхъ положенія:

1. The annual labour of every nation is the fund, which originally supplies it with all the necessaries and conveniences of life which it annually consumes ¹⁾.

2. Подъ трудомъ въ предыдущемъ положеніи подразумѣвается только трудъ техническихъ рабочихъ, т.-е. лицъ, непосредственно дѣйствующихъ въ процессѣ труда, производящаго блага. Трудъ въ смыслѣ этого положенія—отнюдь не трудъ капиталистического предпринимателя, который является просто распорядителемъ и организаторомъ чужого труда, и не трудъ городового, изобрѣтателя, государственного чиновника или профессора высшей технической школы,—не трудъ этихъ лицъ, хотя бы ихъ дѣятельность была абсолютно необходима для того, чтобы вообще получился полезный экономический эффектъ.

Аксиоматический или, если угодно, априористический характеръ этихъ положеній исключаетъ не только возможность, но и необходимость доказательства ихъ справедливости. Они выдвинуты какъ вспомогательные средства для мышленія, т.-е. потому, что безъ нихъ невозможна наука о капиталистическомъ хозяйствѣ. Вопросъ о ихъ допустимости решается, следовательно, исключительно тѣмъ полезнымъ эффектомъ, который они могутъ дать для теоріи, т.-е. тою помощью, которую они въ состояніи оказать для приобрѣтенія материальнаго экономического познанія. Sapienti sat. А для неумныхъ я не пишу.

Но если результатъ труда одной части населенія составляетъ тотъ фондъ, которымъ живеть все общество, то всѣ лица, не принадлежащія къ числу техническихъ рабочихъ, живуть долями отъ результатовъ труда первой части населенія. Или, выражаясь точнѣе, они живуть тѣми прибавочными результатами, которые доставляются трудомъ техническихъ рабочихъ и составляютъ превышеніе надъ количествомъ благъ, присвоемыхъ или потребляемыхъ самими техническими рабочими. Къ категоріи многочисленныхъ лицъ, живущихъ прибавочными результатами техническаго труда (я преднаѣмѣнно избѣгаю словъ „прибавочная цѣнность“, чтобы не породить въ читатель цѣлаго ряда неправильныхъ представлений), очевидно, принадлежитъ, кромѣ государственныхъ министровъ и куртизановъ, университетскихъ про-

1) „Годичный трудъ всякой націи составляетъ тотъ фондъ, который служить источникомъ для доставленія ей всѣхъ предметовъ необходимости и комфорта, ежегодно потребляемыхъ ею“.

фессоровъ и балетныхъ танцовщицъ, также и классъ капиталистическихъ предпринимателей всевозможныхъ оттѣниковъ. Другими словами: предпринимательская прибыль—будеть ли она производственною или торговою прибылью или же является въ своей производной формѣ, въ формѣ процента на заемный капиталъ—предпринимательская прибыль всегда представляетъ долю резуль-татовъ труда техническихъ рабочихъ. Это положеніе непосредственно вытекаетъ, какъ логическій выводъ, изъ двухъ только что выставленныхъ основ-ныхъ тезисовъ и потому не нуждается въ дальнѣйшемъ обоснованіи. Однако, чтобы предупредить возможныя недоразумѣнія, будеть полезно добавить къ сказанному слѣдующія пояснительныя замѣчанія, иначе туманные покровы этическихъ сантиментовъ могли бы затуманить ту ясность теоретического пони-мания, которую наши положенія способны создать.

1. Хотя предпринимательская прибыль всегда представляетъ долю ре-зультата труда техническаго рабочаго, все же нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы это уменьшало выручку отъ труда, достающуюся техническому рабочему. Напротивъ, можетъ случиться такъ—и въ эмпирической дѣй-ствительности вещи слагаются, какъ общее правило, именно такъ,—что остатокъ отъ результата труда, получающійся по вычетѣ той доли, которая падаетъ на прибыль, представлять большее количество благъ, чѣмъ полу-чилось бы безъ вмѣшательства капиталистического предпринимателя. Конечно, купецъ, который занять обмѣномъ товаровъ двухъ ремесленниковъ, можетъ получить прибыль при томъ лишь условіи, что каждый (или одинъ) изъ обоихъ производителей отдаетъ ему известную долю результатовъ своего труда (мы представляемъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто вся земля на-селена только парой ремесленниковъ да однимъ торговцемъ). И тѣмъ не менѣе благодаря посреднической дѣятельности купца количество благъ, при-ходящихся на долю отдельного ремесленника, по сравненію съ прежнимъ временемъ можетъ удвоиться вслѣдствіе повышенія относительной производи-тельности труда. Точно такъ же количество продуктовъ, соответствующее заработной платѣ и выпадающее на долю ткачей, организованныхъ въ капи-талистическомъ предпрѣлѣтіи, можетъ быть больше, чѣмъ составила бы сумма благъ, которыя могло бы произвести то же количество ткачей, работающихъ какъ ремесленники, каждый за свой собственный счетъ: это—слѣдствіе по-вышенія абсолютной производительности труда. Путаныя головы (*Konfusionare*) построили на этомъ фактѣ свою теорію „производительности капитала“. Здѣсь такая же неясность мышленія, какъ и въ томъ случаѣ, когда, какъ это быва-етъ теперь чаще, чѣмъ въ какое-либо другое время, хотя признавать техническихъ рабочихъ „производительными“—или даже единствено производи-тельными—и въ этомъ смыслѣ противополагаютъ ихъ „непроизводительнымъ сословіямъ“ торговцевъ. Между тѣмъ, съ экономической точки зрѣнія распо-рядительная дѣятельность капиталистического предпринимателя, заключаетъ ли онъ договоры купли-продажи товаровъ или же договоры найма рабочихъ силь, вносить въ плодотворность техническаго труда по меньшей мѣрѣ столько же, если не больше, какъ и самый техническій трудъ. Можетъ ли сапожникъ изготавить въ день одну пару или двѣ пары сапогъ—это въ концѣ-концовъ, разумѣется, въ такой же мѣрѣ зависить отъ организующей дѣятельности

капиталиста, какъ и отъ дѣятельности сапожника, работающаго на его фабрикѣ. И основаніе и управлѣніе сапожной фабрикой въ экономическомъ отношеніи, конечно, болѣе „производительная“ дѣятельность, чѣмъ всѣ манипуляціи ремесленного сапожника съ молотомъ и шиломъ. Но мы достигли бы уже самаго верха безсмыслицы, если бы вздумали выводить этическое обоснованіе такъ называемаго права на полный продуктъ труда изъ того факта, что капиталистический предприниматель можетъ достигать прибыли, только удерживая у организованныхъ имъ рабочихъ часть результатовъ ихъ техническаго труда.

2. Слѣдуетъ отмѣтить еще одно совершенно превратное представленіе: будто прибыль капиталистического предпринимателя можетъ слагаться всегда только изъ долей результатовъ труда рабочихъ, состоящихъ на службѣ у него или у другихъ капиталистическихъ предпринимателей. Ошибочный исходный пунктъ, взятый Карломъ Марксомъ въ его ученіи о прибавочной цѣнности,—изъ сферы циркуляціи!—привелъ гениальнаго человѣка именно къ такому ложному въ своей основе воззрѣнію. Въ противоположность этому слѣдуетъ рѣшительно констатировать, что прибыль такъ же можетъ составляться изъ удерживаемыхъ результатовъ труда класса наемныхъ рабочихъ, какъ и изъ долей, которая притекаютъ къ капиталисту отъ результатовъ труда самостоятельныхъ производителей (ремесленниковъ или крестьянъ). Въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ объясненіе того, какъ могли существовать капиталистическая торговыя предпріятія среди ремесленного или крестьянского производства,—объясненіе того случая, который Марксъ, какъ известно, всегда могъ истолковать только какъ аномальное явленіе. Но скажите пожалуйста, почему бы такое капиталъ въ миллионы марокъ, вложенный въ парикмахерское дѣло, почему бы онъ не могъ нормально реализовать свою цѣнность, хотя бы дѣятельность, поддерживаемая имъ, развивалась исключительно среди крестьянъ или ремесленниковъ: всякая плата за мытье шампунемъ по существу представляется не что иное, какъ уступку парикмахерскому заведенію известной доли результатовъ труда крестьянина или ремесленника, который производить самостоятельно и которому заведеніе оказываетъ услуги.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ теперь обратиться къ отвѣту на вопросъ: какъ возможна прибыль? Намъ не зачѣмъ долго останавливаться на томъ фактѣ, что общей предпосылкой существованія прибыли является опредѣленный уровень производительности техническаго труда: этимъ мы высказали бы простую тавтологію. Напротивъ, мы должны обратиться къ ближайшему изслѣдованію вопроса, какія условія должны быть осуществлены, чтобы полученный ими возможный прибавочный результатъ техническаго труда дѣйствительно превратился въ прибыль.

Согласно развивающему здѣсь воззрѣнію, прибыль можетъ возникнуть или изъ полученія доли отъ результатовъ труда покупателей (покупателей товаровъ и услугъ) или изъ полученія доли отъ результатовъ труда продавцовъ (продавцовъ работы). Поэтому рѣшающее значеніе для возможности образования прибыли получаетъ:

1. Характеръ покупателей товаровъ или услугъ. Клиенты всякаго капиталистического предпріятія, очевидно, могутъ принадлежать къ

двумъ различнымъ категоріямъ хозяйствующихъ субъектовъ. Или они рекрутятся изъ лицъ, которымъ могутъ платить только собственнымъ трудомъ. Это—техническіе рабочіе, которые производятъ самостоітельно или въ зависимости отъ другихъ лицъ: слѣдовательно, съ одной стороны, свободные крестьяне и ремесленники, съ другой—наемные рабочіе, оброчные или вообще зависимые крестьяне и т. д. Ясно, что эти лица всегда захотятъ или могутъ уступить капиталистическому предпринимателю въ уплату за товары или за пользованіе услугами вообще лишь небольшое количество благъ: максимумъ этого количества какъ разъ соотвѣтствуетъ результатамъ ихъ собственнаго труда, а эффективная величина, разумѣется, никогда не можетъ даже отдалено приблизиться къ этому максимуму. Слѣдовательно, если капиталистический предприниматель намѣренъ извлекать прибыль изъ такихъ хозяйствующихъ субъектовъ, онъ достигнетъ успѣха при томъ лишь условіи, если будетъ сбывать свои товары или услуги очень широкому кругу клиентовъ. Но это возможно, въ свою очередь, лишь при наличности одного изъ двухъ слѣдующихъ условій: или при очень плотномъ заселеніи страны или при очень высокомъ развитіи техники транспорта.

Но необходимость въ этихъ условіяхъ совершенно отпадаетъ, если клиенты нашего предпринимателя принадлежатъ къ той второй категоріи хозяйствующихъ субъектовъ, на которую выше мы сдѣлали намекъ, т.-е. если это—лица, которымъ могутъ платить чужимъ трудомъ. Слѣдовательно, это—всѣ тѣ, кто на основаніи какого-либо юридического притязанія имѣеть право на долю въ продуктахъ, производимыхъ техническими рабочими. Сюда относятся бюджеты государствъ и монарховъ, пополняемые налогами и другими сборами, сюда относится важная категорія получателей земельной ренты, сюда относятся всѣ виды свободныхъ профессій, всѣ чиновники, сюда же относятся, наконецъ, и всѣ капиталистические предприниматели. Ясно, что всѣ лица перечисленныхъ категорій, оплачивая товары или услуги, никакъ не стѣснены узкими границами результатовъ своего личнаго труда: имѣя возможность предложить въ качествѣ платы какія угодно количества результатовъ чужого труда, они въ случаѣ необходимости могутъ предоставить продавцу очень либеральные условія, только бы удалось получить желанные товары или воспользоваться цѣнными услугами. Если богатый средневѣковый владѣлецъ помѣстя покупалъ фунтъ перцу или кусокъ шерстяной матеріи „на вѣсъ золота“, какъ въ настоящее время Вандербильтъ отдаетъ за одну почтовую марку цѣлое состояніе, это значитъ, что покупатель жертвуетъ для цѣлей приобрѣтенія соотвѣтственно крупной суммой результатовъ чужого труда.

По чтобы прибыль могла возникнуть такимъ способомъ, т.-е. передачею права на часть результатовъ чужого труда, для этого требуется осуществленіе одной предпосылки: необходимо предварительное соотвѣтственно крупное накопленіе такихъ долей въ рукахъ лицъ, которымъ охотно употребили бы свое богатство на покупку чужихъ товаровъ или на оплату предлагаемыхъ услугъ.

При наличии этой предпосылки въ указанныхъ случаяхъ для приобрѣтенія товаровъ можетъ булачиваться какая угодно высокая плата. По аналогичнымъ же причинамъ, когда перечисленныя категоріи лицъ выступаютъ

продавцами материальныхъ благъ, условия могутъ слагаться въ высшей степени благодійныя для покупателей: товаръ въ такихъ случаяхъ иногда продается за цѣнность, которая даже отдаленно не соответствуетъ воплощенному въ немъ труду.

2. Характеръ продавцовъ работы долженъ быть таковъ, чтобы они были въ достаточномъ количествѣ въ распоряженіи капиталистического предпринимателя, готоваго воспользоваться ими за плату, оправдывающую пользованіе ими въ капиталистическомъ предприятіи. Но для этого необходимо прежде всего, чтобы они вообще были въ наличности; следовательно, необходимо, чтобы среди населения было достаточное количество лицъ, которыхъ не хотятъ или не могутъ сдѣлаться самостоятельными производителями, иль рентьерами, или министрами, и потому стремятся заработать себѣ пропитаніе наемнымъ трудомъ на службѣ у капиталистического предпринимателя.

Въ настоящее время очень нерѣдко можно наблюдать случаи, когда лица, имѣющія возможность существовать какъ самостоятельные производители, несмотря на то предпочитаютъ поступленіе наемными рабочими въ капиталистическое предприятіе. Но подобные случаи предполагаютъ уже очень высокую ступень развитія капиталистического хозяйства и предполагаютъ прежде всего уже очень позднюю стадію въ разложеніи докапиталистической организаціи. Что касается первоначального развитія капитализма, здесь эти случаи имѣютъ лишь ничтожное значеніе, да и вообще-то они до сихъ поръ еще никогда не пріобрѣтали характера массового явленія.

Несравненно важнѣе тотъ случай, когда въ распоряженіе капиталистического предпринимателя поступаютъ лица, которыхъ не могутъ иначе протянуть свое существованіе, какъ только наемнымъ трудомъ. Это могутъ быть лица, которыхъ уже были самостоятельными производителями, но не могли удержаться въ такомъ положеніи. Могло случиться, что ихъ насильственno выбили изъ ихъ позицій: таковы экспропрированные крестьяне, которыхъ страннымъ образомъ почти однихъ только и упоминаетъ Марксъ, когда онъ говоритъ о первоначальномъ контингентѣ наемныхъ рабочихъ. Могло также случиться, что ихъ существованіе было расшатано постепенно, цѣльнымъ рядомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ: наприм., у крестьянского хозяйства отнято пользованіе общинной землей или ремесленникъ задавленъ конкуренціей высшихъ формъ хозяйства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собою контингентъ рабочихъ, который рекрутится изъ рядовъ лицъ, бывшихъ прежде самостоятельными производителями. Сродни имъ тѣ лица, которыхъ, правда, и раньше не были самостоятельными производителями, но все же какимъ-либо другимъ способомъ находили опору, такъ что не нуждались въ наемномъ труде, чтобы существовать; теперь они благодаря стечению тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ тоже, лишились своихъ источниковъ пропитанія и тоже достались въ добычу капиталистическому предпринимателю. Сюда принадлежать уволенные солдаты-наемники, лишившіеся поддержки получатели милостыни, члены семьи, которые раньше могли утилизировать свою рабочую силу въ домашнемъ хозяйстве, а теперь вынуждены искать заработковъ на сторонѣ, и тому подобные люди.

Всѣ эти, такъ сказать, разорившіяся существованія мы объединимъ въ

понятие добавочное население. Добавочное население, какъ было известно еще Марксу, составляетъ тотъ резервуаръ, изъ которого капитализмъ почерпаетъ для себя контингентъ рабочихъ, когда является необходимость внезапного расширения дѣла. Но его далеко превосходитъ по своему численному значению та часть населения, которую мы назовемъ избыточными и населениемъ и которая составляетъ изъ всѣхъ лицъ, не имѣющихъ возможности сдѣлаться самостоятельными производителями (или занять положеніе, равносильное этому). Слѣдовательно, это—слой населения, который еще не былъ самостоятельнымъ, да и вообще не можетъ войти въ составъ экономически самостоятельного населения, слѣдовательно—это элементы населения, существующіе виѣ самостоятельной его части, рядомъ съ нею. Очевидно, что эти элементы рекрутируются изъ прироста населения, и потому въ своей способности къ расширению они замыкаются въ рамкахъ органическаго роста. Избыточное население образуется во всѣхъ тѣхъ случаѣахъ, когда число мѣстъ самостоятельныхъ производителей по какимъ-либо причинамъ не испытываетъ увеличенія, соответствующаго нормѣ прироста населения. Въ деревнѣ такое положеніе наступаетъ, когда прекращаются расчистки подъ новую пашню, когда исчерпывается terra libera (свободная, незанятая земля), когда, наконецъ, и въ заселенной области преикращается всякий дальнѣйшій раздѣлъ источниковъ крестьянскаго пропитанія. Въ городской промысловой жизни такое положеніе наступаетъ, когда ремесла искусственно „захрываются“, или, по меньшей мѣрѣ, когда достижение званія мастера связывается съ извѣстными болѣе тяжелыми условіями, чѣмъ то было раньше. Но точно такое же положеніе наступаетъ и въ томъ случаѣ, если въ ходѣ хозяйственнаго развитія ремесло стѣсняется капиталистической конкуренціей, сдерживается ею въ тѣхъ самыхъ рамкахъ, какихъ оно уже достигло, и въ особенности въ томъ случаѣ, когда ремесло начинаетъ медленно утрачивать почву.

Существенная часть содержанія этой работы будетъ посвящена тому, чтобы въ деталяхъ прослѣдить причины, лежащія въ основѣ генезиса пролетариата. Но раньше, въ этой главѣ намъ было необходимо въ общихъ чертахъ познакомиться съ многосложными возможностями, съ тѣмъ, какъ могъ сложиться классъ наемныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ мы теоретически установили послѣдній рядъ объективныхъ условій, съ осуществленіемъ которыхъ связана капиталистическая организація. Стремясь къ точности въ мышленіи, мы должны были дать этотъ теоретический очеркъ сущности и условій интересующей нась формы хозяйства. А теперь пора возвратить къ жизни безплотныя схемы нашихъ абстрактныхъ представлений. Для этого существуетъ только одинъ способъ: мы должны взглянуть на самыя вещи, о которыхъ у нась идетъ рѣчь. Но этого мы достигнемъ при томъ лишь условіи, если обратимся къ обзору того, какой эмпирическій видъ имѣло капиталистическое предпріятіе въ исторіи. Итакъ, обратимся къ исторіи и прежде всего генетически прослѣдимъ, какъ осуществлялись субъективныя предпосылки капитализма.*

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Возникновеніе капитала.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Образованіе имуществъ въ ремесленномъ хозяйствѣ.

Quidam pergens negotiando lucam fecit ibi duplum; et expendit inde d. 12. Qui egrediens inde perrexit florentiam; fecitque ibi duplum et expendit d. 12. Cum rediret pisas et ibi faceret duplum et spenderet d. 12, nil ei proponitur remansisse".

(Переводъ на стр. 218.)

Leon. Pisano, ed. Биопсомраги,
1 (1857), 258.

„Min dinge mach ick recht en slecht,
Daerum blif ic een arm Knecht“¹⁾.

Афоризмъ одного инструментального мастера, на гравюрѣ Израеля фонъ Меккенема. XV вѣкъ. Wien, K. K. Kupferstichsammlung, B. 222.

Изображеніе того, какъ осуществляются субъективныя предпосылки капиталистического способа хозяйства, представляетъ проблему, которая распадается на двѣ части: ученіе о генезисѣ вещественнаго имущества, пригоднаго къ капиталистическому примѣнію, и ученіе о пресуществленіи вольнаго пріобрѣтателя, случайного торговца или ремесленника въ economical man [„экономического человѣка“ — терминологія классической политической экономіи], который необходимъ для осуществленія капитализма.

Что касается ученія о генезисѣ вещественнаго имущества, способнаго превратиться въ капиталъ, — оно по содержанію совпадаетъ съ главой, которой Карлъ Марксъ далъ название: „О первоначальномъ накоплениѣ“; но мы сейчасъ же замѣтимъ, что взглядъ Маркса на существо накоплениія согласуется съ нашимъ только въ постановкѣ проблемы. Подъ „первоначальнымъ накоплениемъ“ мы разумѣемъ самый простой фактъ: какъ сравнительно большія денежныя суммы сосредоточиваются въ рукахъ отдельныхъ лицъ,

1) „Я дѣлаю свои вещи, какъ доведется, и потому остался бѣднымъ слугой“ (подмастеръемъ).

переходить въ ихъ постоянное владѣніе, какъ онъ потомъ... и т. д. Здѣсь, несомнѣнно, возможны два различныхъ способа: имущество эти образуются или въ рамкахъ нормальной хозяйственной дѣятельности, или же они обязаны своимъ возникновеніемъ не-экономическимъ процессамъ.

Извѣстно, что согласно господствующимъ взглядамъ возникновеніе крупныхъ имуществъ при посредствѣ накопленія торговой прибыли представляется самою несомнѣнною, самою нормальною формою первоначального накопленія. Генуя, Венеція, Аугсбургъ, Любекъ, Лондонъ, Брюгге и т. д. „разбогатѣли посредствомъ торговли“: торговая прибыль, скопившаяся въ рукахъ купцовъ, послужила потомъ базисомъ для капиталистической промышленности, которая на исходѣ среднихъ вѣковъ развивается или въ самыхъ торговыхъ городахъ или въ зависимыхъ отъ нихъ мѣстностяхъ. Эта связь между фактами представляется такой несомнѣнной, что большинство изслѣдователей думаетъ, будто бы доказывать ее значить напрасно затрачивать трудъ. Если же они доходятъ до обоснованія своихъ взглядовъ, то и въ этомъ случаѣ поступаютъ до чрезвычайности просто. Они или довольствуются приемомъ *post hoc ergo propter hoc*; или цитируютъ ничего не говорящія фразы старинныхъ писателей, не останавливаясь на вопросѣ, можно ли предполагать у нихъ болѣе глубокий взглядъ на дѣйствительную связь вещей, чѣмъ у современныхъ изслѣдователей; или же, наконецъ, когда хотятъ обнаружить будто бы особую основательность, ссылаются на высокія надбавки къ покупной цѣнѣ товаровъ и принимаютъ, что это—характерная общая особенность средневѣковой торговли.

Напр., даже такой серьезный писатель, какъ Аири Пирениѣ, въ своей книжѣ по истории Бельгіи (1, 410—412) посвящаетъ трудной проблемѣ о генезисѣ совремѣнного богатства всего лишь слѣдующія замѣчанія:

„Уже очень рано, во всякомъ случаѣ съ начала XII столѣтія, возникающая буржуазія умѣла создавать (!) для себя крупныя имущества. *Gesta pontificum cameracensium* сообщаютъ съ массою живописныхъ (! это, конечно, плохой переводъ слова *pittoresque*) и поучительныхъ подробностей исторію того или другого баловня судьбы, у котораго въ молодости ничего не было, но который въ немногіе годы накопилъ (!) значительная богатства. Богатства, соединявшіяся такимъ (!) образомъ въ рукахъ купцовъ, давали имъ возможность превращаться въ землевладѣльцевъ“ (!). *C'est tout.*

Доказательства такого рода—историки по профессіи обыкновенно даютъ имъ красивое название „документальныхъ“—не могутъ удовлетворить меня. Тѣ результаты, къ которымъ приходятъ они, стоять въ полномъ противорѣчіи со всѣми моими представленіями о существѣ средневѣковой торговли, и съ тою дальновидностью въ экономическихъ вопросахъ, которую, думается мнѣ, я обладаю. Чтобы разрѣшить свои сомнѣнія, я опять обратился къ испытанию мою методу: я началъ подсчитывать. И результатъ не заставилъ себя ждать. Сопоставленіе и обработка цифровыхъ данныхъ, содержащихся въ документахъ, привели прежде всего къ слѣдующему выводу: въ предѣлахъ ремесленной торговли или какой-либо другой хозяйственной дѣятельности ремесленного характера по меньшей мѣрѣ очень невѣроятно возникновеніе имуществъ, достаточно крупныхъ для того, чтобы они могли дать тол-

чокъ преобразованію хозяйственной жизни въ капиталистическомъ направлении. Или, выражаясь съ большою точностью: предполагать, будто богатые люди, съ которыми мы встрѣчаемся въ городахъ Западной Европы на исходѣ среднихъ вѣковъ, выдѣлились благодаря своей ремесленной дѣятельности изъ рядовъ мелкихъ *mercatores* (торговцевъ или продавцовъ на рынкахъ), населявшихъ эти города въ первыя столѣтія ихъ существованія,—предполагать это значитъ вѣровать въ чудо.

Это пока чисто отрицательный выводъ. Но я въ свою очередь обязаю обосновать его, что и постараюсь сдѣлать слѣдующимъ образомъ.

1) Я начну съ того кончика, который обыкновенно выплетается въ доказательства представителей господствующаго взгляда: съ указанія на высокія надбавки къ цѣнамъ. Ближайшее изученіе источниковъ показываетъ, что въ прежнія времена, особенно въ средніе вѣка, дѣйствительно, нерѣдко дѣлались очень значительныя надбавки къ цѣнамъ. Правда, тѣ же источники показываютъ, съ другой стороны, что это—не безусловно всеобщее явленіе. На ряду съ продажными цѣнами, которые превышаютъ покупныя цѣны разъ въ десять, мы встрѣчаемъ другія продажныя цѣны, которые выше покупныхъ всего на 5, 10, 20, 30%. Въ этомъ убѣждаетъ примѣры, которые приведены въ первомъ экскурсѣ къ настоящей главѣ.

Однако экономическія соображенія необходимо приводить настъ къ тому выводу, что высокія надбавки къ цѣнамъ легко могли превратиться въ общее правило. Тѣ обстоятельства, которыхъ обусловливаютъ высокія надбавки къ цѣнамъ, мы должны признать обычными для среднихъ вѣковъ. Обоснованіе этого взгляда читатель найдетъ во второмъ экскурсѣ къ настоящей главѣ. Но, признавши это, чего же мы достигаемъ для разрѣшенія вопроса о торговлѣ, какъ источникѣ вновь возникающихъ состояній? Ничего, решительно и абсолютно ничего. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ отъ высокихъ надбавокъ къ цѣнамъ позолительно прямо умозаключать, напр., къ высокому уровню прибыли?! Между тѣмъ мы почти убѣждены, что такой ошибочный выводъ дѣлаютъ очень многіе историки. Поэтому намъ приходится вести наше изслѣдованіе дальше и поставить вопросъ, дѣйствительно ли средневѣковая торговля давала высокія прибыли. Я съ самаго начала установлю свою точку зренія и прямо скажу, что, на мой взглядъ,

2) при своеобразности средневѣковой торговли, высокія надбавки довольно часто сопровождались низкими нормами прибыли.

Надбавки къ цѣнамъ представляютъ валовую прибыль торговца; стремясь опредѣлить чистую прибыль, извлекаемую изъ данного дѣла, мы должны, выражаясь купеческимъ языкомъ, изъ суммы надбавокъ вычесть накладные расходы, которые несетъ это дѣло. Это—вещь общеизвѣстная. Но мы знаемъ дальше, что въ тѣ времена, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, накладные расходы были, по современнымъ понятіямъ, необычайно высоки. Они слагались:

а) изъ очень значительныхъ издержекъ транспорта;

в) изъ не менѣе значительныхъ издержекъ по оплатѣ таможенныхъ сборовъ;

с) изъ тѣхъ издержекъ или потерь, источникъ которыхъ—небезопасность дорогъ. Она или требовала дорого стоящаго конвоя или же приводила

къ частымъ ограбленіямъ и убыткамъ,—значить, всегда удорожала транспортъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на сцену выступало уже особаго рода страхованіе товаровъ: страховая премія, конечно, не могли не быть очень высокими.

Изъ богатаго матеріала, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи, я остановлюсь прежде всего на одномъ образцомъ примѣрѣ и детально покажу, какъ большая часть огромнѣйшихъ надбавокъ могла поглощаться чрезвычайно высокими накладными расходами. Для иллюстраціи я возьму произведенное Узано очень обстоятельное исчисленіе накладныхъ расходовъ, которые ложились на англійско-флорентійскую торговлю шерстью¹⁾. Необходимо замѣтить при этомъ, что вычисленіе Узано относится къ позднѣйшей эпохѣ среднихъ вѣковъ— „Pratica della mercatura“ написана въ 1442 году—и имѣеть въ виду итальянскія отношенія, которыхъ характеризуются уже высоко развитою организаціей транспортировки и морского страхованія. Слѣдовательно, примѣръ даетъ, несомнѣнно, не максимумъ, а скорѣе минимумъ накладныхъ расходовъ. Изъ данныхъ Узано непонятны только нѣкоторыя, во всякомъ случаѣ очень незначительныя. Но они вообще слишкомъ сложны, и потому я постарался придать имъ болѣе наглядную форму, сведя всѣ вычисленія къ 100 флорентійскихъ фунтовъ и 100 флорентійскихъ гульденовъ, а также опустивши мелкія суммы. Тогда получается слѣдующая картина.

Покупная цѣна 100 фунтовъ шерсти (брутто) составляетъ на мѣстѣ производства, въ Англіи, $10\frac{1}{2}$ флориновъ. Расходы по упаковкѣ и перевозкѣ, а также пошлины, которыхъ приходится уплатить на пути до англійскаго берега, выражаются въ цифре $5\frac{1}{4}$ флориновъ, слѣдовательно, составляютъ уже 50%₀ покупной цѣны. Сюда входятъ затраты на мѣшочный холстъ, на упаковку въ меньшіе мѣшки и т. д.; издержки на сухопутную перевозку, за мѣсто въ складахъ, за переноску; платежи „консулу“ гавани, а также вывозная пошлина; всевозможные „на водку“ монастырскимъ служителямъ, таможеннымъ надемотрикамъ и т. д.

Накладные расходы на перевозку отъ англійскихъ береговъ до Флоренціи въ свою очередь достигаютъ высоты въ $8\frac{1}{4}$ флориновъ за 100 фунтовъ. При этомъ необходимо замѣтить, что морской транспортъ обходится сравнительно дешево, именно, $2\frac{1}{2}$ флор. за росса, а на мѣшокъ въ 420 англійскихъ (=560 флорентійскихъ) фунтовъ приходилось двѣ россы; правда, зато премія за морское страхованіе составляетъ 12—15%₀ цѣнности, слѣдовательно, 200%₀ издержекъ по перевозкѣ и даже болѣе.

Когда шерсть достигаетъ до Флоренціи, дальнѣйшая судьба ея такова: она прежде всего уменьшается приблизительно на одну третью своего вѣса, такъ какъ, вообще говоря, такое количество приходится на подмоченную шерсть или на испорченную по другимъ причинамъ. Слѣдовательно, изъ общаго вѣса приходится вычесть цѣлую треть, какъ тару, и потому 300 фунтовъ брутто выражается въ 200 фун. нетто. Цѣны же раскладываются на чистый

1) (Pagnini), „Della decima e di varie altre gravezze imposte dal commune di Firenze“. (О десятинѣ и другихъ различныхъ тяглахъ, наложенныхъ флорентійской общиной.) 4 vol. 1765. 4, 118.

весь, на весь нетто. А цены въ действительности таковы: хорошая шерсть за 100 фунтовъ 40—50 флориновъ, худшая (Majana) за 100 фун. 30—35 флор.; на худшую въ нашемъ примѣрѣ пришлась одна восьмая всей шерсти, такъ что при вычислениі ценъ $\frac{1}{8}$ всего количества шерсти слѣдуетъ положить по 30—35 флориновъ и $\frac{7}{8}$ —по 40—50 флор. Тогда у насъ получатся слѣдующіе результаты.

300 фунтовъ брутто во Флоренціи стоять для торговца 72 флорина, включая сюда и накладные расходы, которые, какъ мы видѣли, составляютъ до 130% покупной ценѣ; 200 фунтовъ нетто, заключающіеся въ этихъ 300 фунт. брутто, принесутъ торговцу выручку въ 76—88 фл.; барышъ составляетъ, слѣдовательно, на каждые 100 фун. 4—16 флор., т.-е. $5\frac{1}{2}$ —22, или, среднимъ числомъ, $13\frac{3}{4}\%$. Мы видимъ такимъ образомъ, что, несмотря на огромную надбавку къ ценамъ, дѣйствительно получаемая прибыль отнюдь не можетъ быть названа исполнѣнно высокой.

Безспорно, конечно, что въ другихъ случаяхъ извлекалась болѣе высокая прибыль. Но я долженъ предостеречь противъ преувеличенныхъ представлений объ уровнѣ нормы прибыли въ докапиталистической торговлѣ. Напротивъ, насколько мы располагаемъ точными цифровыми данными, оказывается, что прибыль очень часто не выходила изъ предѣловъ только что приведенного образца. Для доказательства этого мы можемъ привести дальнѣйший числовой материалъ¹⁾.

Да мы и не можемъ думать, чтобы нормы прибыли были существенно выше²⁾. Норма прибыли, разъ норма барыша дана, опредѣляется тѣмъ, сколько разъ въ теченіе года обернется имущество, вложенное въ предприятіе. Поэтому для насъ непонятно, какимъ бы это способомъ можно было достигнуть того, чтобы норма прибыли значительно превышала норму барыша: все, что известно намъ о періодахъ обращенія имущества, вложеннаго въ средневѣковыя торговыя предпріятія, позволяетъ умозаключить, что оно могло въ теченіе года сдѣлать, самое большее, два оборота³⁾.

Съ этими общими соображеніями согласуются, далѣе, и тѣ данныя—правда, случайныя,—которыя имѣются у насъ относительно нормы торговой

1) Сравн. экскурсъ первый къ этой главѣ.

2) [Зомбартъ въ дальнѣйшемъ, очевидно, употребляетъ слово „прибыль“ (Profit) въ смыслѣ годичной прибыли отъ предпріятія, слово „барышъ“ (Gewinn)—въ смыслѣ прибыли отъ одного оборота.]

3) Западная фландрская эскадра Венеции регулярно посѣщала Неаполь, Сицилію, Триполи, Тунисъ, Алжиръ, Оранъ, Танжеръ, Марокко, Испанію, Португалію, французскіе берега, Лондонъ, Брюгге, Антверпенъ и возвращалась черезъ Кадиксъ и Барселону. Эта поѣзда продолжалась среднимъ числомъ одинъ годъ. Steinhart, 324 (безъ указанія на источникъ). Въ сношеніяхъ итальянскаго торгового флота съ Левантомъ одна поѣзда въ годъ, повидимому, тоже составляла общее правило. Heyd 1, 453. Такой продолжительный періодъ обращенія представляется весьма вѣроятнымъ, такъ какъ дѣло идетъ преимущественно о сельскохозяйственныхъ продуктахъ. Одинъ ганзейскій купецъ совершилъ поѣздку изъ Ревеля или Риги черезъ Балтийское море два раза въ годъ. Stieda, „Revaler Zollbuchscher“, CXVII. Дальнѣйшія данныя о продолжительности рейсовъ въ средніе вѣка (а это имѣетъ рѣшающее значение для продолжительности періода обращенія) см. у Götz, „Verkehrswege“ (1988), 515 и сл. Rogers, 1, 184 и сл. О значительной продолжительности періодовъ обращенія даже въ XVI вѣкѣ и въ позднѣйшее время см. ниже, глава тринацатая.

прибыли въ прежнія времена. Рядомъ съ колоссальными цифрами—множество суммъ среднихъ размѣровъ. И это—даже въ XVI столѣтіи, поскольку нормы прибыли еще не были взвинчены кверху начавшейся эксплуатацией вновь открытыхъ земель и народовъ. Въ общемъ, опираясь на материалъ первоисточниковъ, конечно, не особенно богатый, можно сказать слѣдующее: даже крупные предприятия, если они въ существенномъ ограничиваются европейской торговлей, даютъ поразительно низкія нормы прибыли; а если мы и встречаемся съ высокими нормами прибыли, какъ съ постояннымъ явлениемъ, ихъ приходится поставить на счетъ или счастливыхъ колониальныхъ предприятий или на счетъ крупныхъ денежныхъ ссудъ. Это относится прежде всего къ сообщаемымъ ниже цифрамъ прибыли знаменитыхъ итальянскихъ домовъ, которые, какъ известно, были чѣмъ угодно, но только не торговыми предприятиями.

Что касается достовѣрныхъ данныхъ относительно размѣровъ прибыли, дѣйствительно полученной съ имущества, вложенного въ средневѣковые предприятия, мнѣ известны всего лишь слѣдующія. Прибыли Перуцци за годы 1308—1324 въ среднемъ составляли 16%; прибыли Барди за годы 1310—1330 въ среднемъ 20%, и прибыли Строцци за годы 1318—1330 въ среднемъ выводѣ 13,52%¹⁾. Торговое общество В. Цинка (1441 г.) за три года получило барышъ въ 23%, следовательно, 7½%₀ годовыхъ²⁾. Шайерль въ годы 1449—1461 извлекалъ изъ дѣла въ среднемъ 24%, въ годы 1451—1461 среднимъ числомъ 14%₀³⁾.

Для XVI столѣтія материалы богаче. Можно бы думать, что влияние колониальной торговли, въ которой въ большей или меньшей степени принимали участіе всѣ крупнейшіе торговые дома, должно было повести къ тому, что повсюду получались колоссальные прибыли. На самомъ же дѣлѣ этого не было. Правда, отдельные дѣловыя предприятия, кратковременные, основанные на 2—3 года товарищескія начинанія, давали огромные барыши: остьянская экспедиція Вельсеровъ, Фуггеровъ и др. (въ 1505 году), какъ известно, дала будто бы барышъ въ 175%. Тѣмъ не менѣе даже въ эту эпоху всеобщей горячки общая норма прибыли, которая получалась, какъ средний выводъ за нѣсколько лѣтъ, далеко не всегда достигала такого чрезмѣрного уровня, какъ это обыкновенно представляется профанамъ. Напр., въ торговлѣ Вельсеровъ за 1502—1567 годы она составляла въ среднемъ 9%₀ годовыхъ; у Рема за 1518—1540 гг. въ среднемъ 8½%₀; у Имгофа за 1481—1523 гг. въ среднемъ 8¾%₀⁴⁾.

Для подтвержденія сказанного я могъ бы сослаться на слова І. Гартунга, изъ которыхъ видно, что этотъ выдающійся знатокъ истории торговли

1) R. Davidsohn, „Forschungen zur Geschichte von Florenz“, 3 (1901), 201 и сл.
2) „Chroniken der deutsch. Städte“ 5, 184.

3) Rich. Ehgenberg, „Das Zeitalter der Fugger“, 1 (1896), 390—391. Многія данные о высотѣ прибыли въ средневѣковой торговлѣ непригодны по той причинѣ, что отсутствуютъ свѣдженія о продолжительности времени, за которое исчислены эти прибыли. Таковы, напр., данные о прибыли торгового общества Гильдебранда Веклинхузена. Сравн. Stieda, „Hans.-v. Handelsbeziehungen“ (1894), стр. 35 и сл., и стр. 162 и сл., на которыхъ вычисленіе воспроизведено въ оригиналѣ.

4) Ehgenberg, 1, 194, 227, 237.

пришелъ къ результатамъ, сходнымъ съ моими. Приведя цифры прибылей, полученныхъ (за 1531—1562 годы) аугсбургскимъ торговымъ домомъ Гауга и Линка, онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе¹⁾: „Результаты предпріятія за эти 30 лѣтъ въ общемъ служать подтвержденіемъ моего взгляда, изложенаго въ другой связи (въ „Schmollers Jahrbuch“, XIX, 4, 108): совмѣстная торговля деньгами и товарами—а большинство крупныхъ предпріятій того времени вели именно такую торговлю—давала при расчетѣ за продолжительные періоды прибыль между 10 и 20%. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда получаемые излишки, повидимому, возвышаются надъ этой границей, главная причина этого заключается въ томъ, что капиталъ производства, имѣющій право на прибыль, малъ по сравненію съ размѣрами дѣла; это приходится констатировать какъ для 1533, такъ и для 1560 года. Слѣдовательно, зависимость между относительно небольшимъ дѣлителемъ для прибыли и особенно высокими дивидендами дважды выступаетъ передъ нами; это обстоятельство даетъ намъ важное въ методическомъ отношеніи указаніе на то, какъ мы должны думать о единичныхъ случаяхъ высокихъ купеческихъ прибылей въ средніе вѣка, прибыль, которая при своей чрезмѣрий высотѣ не разъ вызывали сомнѣнія въ справедливости дошедшихъ до насъ свѣдѣній“.

Въ дополненіе къ этому я бы добавилъ, что, насколько мнѣ известно, прибыли торговыхъ домовъ колебались около минимальной изъ только что приведенныхъ среднихъ цифръ (10—20%); прибыли же финансовыхъ предпріятій, напротивъ, варьировали около максимальной цифры.

3) Но главное заключается въ томъ, что и высота нормы прибыли еще не имѣть рѣшающаго значенія для возможной и дѣйствительной энергіи накопленія. Послѣдняя, очевидно, опредѣляется уровнемъ нормы накопленія, т.-е., съ одной стороны, отношеніемъ капитализируемой къ потребляемой части прибыли, а съ другой стороны—общею массою прибыли. Между уровнемъ нормы накопленія и массою прибыли существуетъ прямое отношеніе: чѣмъ обширнѣе массы прибыли, достающіяся отдельному лицу, тѣмъ больше и тѣ суммы, которая онъ лично не потребляетъ, а, слѣдовательно, накапливаетъ. Все это вещи—понятныя до осознательности. Поэтому для нашихъ цѣлей достаточно просто напомнить, какъ малы были имущества, которая вкладывались въ ремесленную торговлю²⁾,—малы и сами по себѣ и благодаря раздробленію между товарищами общей прибыли, даваемой сравнительно крупными торговыми предпріятіями, построеннымъ на товарищескихъ началахъ. Въ виду

1) J. Hartung, „Aus dem Geheimbuche eines deutschen Handelshauses im 16. Jahrhundert“, въ „Zeitschr. f. Soz. und Wirtschaftsgeschichte“ 4 (1898), 68.

2) Я приведу еще слѣдующее мѣсто изъ признания извѣстнаго казнокрада Ричарда Педеликота (начало XIV столѣтія): „Онъ говорилъ, что онъ былъ странствующій торговецъ шерстью, сыромъ и масломъ и былъ арестованъ во Фландрии, въ Брюсселѣ, за королевскіе долги, и здѣсь у него было взято 14 ливр. 17 шиллинговъ... и онъ сдѣлался бѣднякомъ благодаря потерямъ, понесеннымъ во Фландрии“. H. b. Hall, „The antiquities and curiosities of the exchequer“ (1891), 25. Средневѣковый торговецъ шерстью, который кромѣ того торгууетъ и масломъ и сыромъ, встаетъ здѣсь передъ нами какъ живой!

этого мы можемъ признать, что даже при высокой нормѣ прибыли очень низкія нормы накопленія, а слѣдовательно, и низкія суммы накопленія все же составляли общее правило. Общимъ правиломъ было, что торговецъ добывалъ своею дѣятельностью пропитаніе для себя и родныхъ, точно такъ же какъ и современный мелкій торговецъ. Такое положеніе дѣль стояло въполномъ соотвѣтствіи съ его ремесленными возврѣніями. И пусть въ благоріятныхъ случаяхъ онъ откладывалъ за плинтусъ или пряталъ въ чулокъ нѣсколько штуки золотыхъ: несмотря на то идея, будто средневѣковые купцы по профессії—ихъ подавляющее большинство—могли при помощи торговой дѣятельности достигнуть богатства, представляется прямо чудовищной.

Примѣръ Леонардо Пизано всегда производилъ на меня глубокое впечатлѣніе: мнѣ казалось, что онъ, какъ вспышка молніи, разомъ освещаетъ отношенія средневѣковой торговли. Въ переводѣ это мѣсто (см. эпиграфъ, поставленный въ началѣ настоящей главы) гласить такъ: одинъ человѣкъ отправляется въ Лукку по дѣламъ, которыя онъ заканчиваетъ прибылью въ 100%, „fecit duplum“, и затрачиваетъ въ дорогѣ 12 дукатовъ. Потомъ онъ направляется во Флоренцію, чтобы заниматься торговлей, и опять зарабатываетъ 100%, и опять на расходы уходитъ 12 д.; наконецъ, онъ возвращается въ Пизу, опять-таки для продажи товаровъ, отъ операций съ ними опять получаетъ 100% прибыли; пропитаніе и въ этотъ, послѣдній разъ опять составляетъ 12 д. И конечный результатъ всѣхъ торговыхъ операций: у него не осталось рѣшительно ничего!

Разумѣется, дѣла не всегда обстояли такъ плохо. Но если мы примемъ во вниманіе всѣ обстоятельства, характерные для торговли старого стиля, движавшейся въ ремесленныхъ рамкахъ—мелкие размѣры оборотовъ, продолжительность поездокъ и пребыванія на чужбинѣ,—то мы придемъ къ слѣдующему выводу: 99% всѣхъ торговцевъ могли быть доволены, если за покрытиемъ того, что они затрачивали во время поездки, имъ удавалось привезти съ собою домой достаточную сумму для того, чтобы обеспечить содержаніе своей семьи и уплатить землевладѣльцу аренду за свой домикъ. Въ самомъ дѣль, постараемся еще разъ представить себѣ, что за ничтожная общая сумма прибыли получалась отъ торговыхъ сдѣлокъ всѣхъ торговцевъ какого-нибудь средневѣковаго города! Припомнимъ общую цѣнность вывоза изъ такихъ городовъ, какъ Любекъ, Ревель и др. въ эпоху ихъ расцвѣта—цифры сообщались уже выше, въ Ревель онъ для большинства годовъ выражались въ 100—150 тысячахъ любекскихъ марокъ, — предположимъ самыя высокія нормы прибыли, вычтемъ барыши нѣсколькихъ крупныхъ случайныхъ торговцевъ, раздѣлимъ полученный такимъ образомъ суммы прибыли на число торговцевъ, которыми живѣли средневѣковые города, и спросимъ себя: да что же могло бы оставаться здѣсь у отдельного лица для накопленія?

То, что сказано у насъ о торговлѣ, въ соотвѣтствией мѣрѣ относится и ко всѣмъ другимъ отраслямъ докапиталистического хозяйства, слѣдовательно, прежде всего къ ремеслу въ сфере промышленности. Страннымъ образомъ, о немъ почти вовсе не вспоминаютъ, когда изслѣдуютъ источники образованія имущества въ средніе вѣка. И однако для индустрии, пожалуй, скорѣе чѣмъ для торговли, можно представить себѣ, какъ

отдельные лица поднялись выше уровня первоначальной бедности. Несомненно, нетрудно вообразить, какъ вслѣдствіе стечения благопріятныхъ обстоятельствъ имущество могли возникнуть и въ области ремесла. Я только считаю необходимымъ предостеречь здѣсь отъ слишкомъ высокой оценки этой возможности. Мы должны представлять дѣло такъ: изъ сферы ремесла выбивается на ряду съ горстью баловней судьбы толпа среднихъ людей, кучка мелко-капиталистическихъ предпринимателей, или, какъ я сказалъ бы: выбираются счастливые люди, которые попадаютъ на солнечную сторону въ процессѣ диференціаціи, переживаемомъ ремесломъ въ его дальнѣйшемъ развитіи.

Словомъ, нѣтъ основаній думать, чтобы денежная имущество — возникновеніе которыхъ является исходной точкой современного капиталистического развитія,—чтобы они возникли исключительно или только главнымъ образомъ въ сферѣ индустріального или торгового ремесла. Предполагать это значило бы издѣваться и надъ исторической истиной и надъ всѣми экономическими соображеніями. Тѣ богатства, которыя были вложены въ дѣло торговли, сношеній, а отчасти уже и производства, въ итальянскихъ и нидерландскихъ городахъ уже въ половинѣ среднихъ вѣковъ, а на исходѣ среднихъ вѣковъ — также во Франціи, Германіи, Англіи, — эти богатства не могли возникнуть изъ „копеечныхъ сбереженій“ мелкихъ ремесленниковъ: таковъ результатъ нашего анализа. Но мы могутъ возразить: доказано же однако, что богатые люди позднѣйшихъ столѣтій среднихъ вѣковъ были „купцы“ и что, значитъ, ихъ обогатила торговля. На это я отвѣтилъ бы, что я не дохожу до безмыслицы, не отрицаю даже и для среднихъ вѣковъ возможности обогащенія отъ торговли и энергического накопленія торговой прибыли. Я утверждаю только одно: эти богатые торговцы были уже состоятельными людьми, когда они начали торговать, или же они приобрѣли свое имущество помимо торговли. Я отвѣтилъ бы словами старого Панини, которыми онъ закончилъ свое мастерское описание обширной торговли флорентийскихъ купцовъ: „mi trovo... in dovere di spiegare... d'onde ricavassero le somme necessarie per farlo“ (я нахожу необходимымъ изслѣдоввать... откуда взялись средства, необходимыя для того, чтобы осуществить это), именно — ихъ торговлю. И торговля можетъ въ широкихъ размѣрахъ вести къ образованію имуществъ при томъ лишь условіи, если она уже выбилась изъ рокового круга, въ которомъ, какъ мы видимъ, замыкалась она: ограниченный оборотъ, высокие накладные расходы, незначительныя суммы прибыли, полное отсутствіе накопленія.

Такимъ образомъ рядъ убѣдительныхъ соображеній приводить насъ къ гипотезѣ: въ своихъ поискахъ за моментами, имѣвшими решающее значеніе для развитія капитала, мы должны выйти изъ сферы тѣхъ нормальныхъ экономическихъ процессовъ, которые носятъ ремесленный характеръ.

Экскурсъ I въ главѣ девятой.

Надбавки къ цѣнамъ и накладные расходы въ средневѣковой торговлѣ.

1. Надбавки къ цѣнамъ. Торговля сукномъ. Пять тюковъ фландрскаго сукна, о судьбѣ которого сообщаетъ намъ торговая книга (1345—1350 гг.) I. Тельнера, ис-

пытала при продажѣ слѣдующія надбавки къ покупной цѣнѣ: 26%, 27%, 21%, 19%, 31%, слѣдовательно, въ среднемъ 25%. „Joh. Tölpers Handlungsbuch“, ed. K. Korpman p. n., въ „Geschichtsquellen der Stadt Rostock“ 1 (1885).

Совершенно согласуются съ этимъ и тѣ надбавки къ цѣнамъ сукна, о которыхъ мы узнаемъ изъ торговой книги Вико фонъ-Гельдерсена. Въ годы 1370—1376 онѣ составляли 15, 9, 18%, 19, 21%, 29%, 25%, 22%, 12, 22½ %. „Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen“, ed. H. Niggliheim (1895), LXVIII.

Иоганнъ Виттенборгъ въ одномъ случаѣ (1356 г.) могъ сдѣлать къ покупной цѣнѣ сукна изъ Брюгге надбавку въ 70%, но въ другомъ случаѣ (1353 г.) на 32 куска по-перингскаго сукна сдѣлалъ надбавку всего въ 5%. „Das Handlungsbuch von Herm. und Joh. Wittenborg“, ed. C. Molliwo (1901), LXXI.

Гильдебрандъ Веклинхузенъ покупаетъ (1409 г.) въ Кёльнѣ саржи на 2½ дуката и выручаетъ за нее въ Венеціи 3 дуката. Stieda, „Hans.-ven. Handelsbeziehungen“ (1894), 110.

20 кусковъ сукна (panni bianchi di Cadix) куплены въ Кадиксѣ за (флориновъ) 256. 13. 4, а во Флоренціи проданы за 395 flor.; другая партія сукна, 35 кусковъ, куплена за 207,6 flor., продана за 408 фл.; третья куплена за 262 flor., продана за 300—350 фл.; въ четвертой партіи кусокъ сукна при покупкѣ стоить 20 фл., при продажѣ 26—28 фл.; въ пятой при покупкѣ 21 фл., при продажѣ 32—34 фл. Всѣ эти данные у Uzzano, 123—130.

Панталони. Г. Веклинхузенъ покупаетъ за 4 м. 5 ш. дюжину, а продаѣтъ за 6½ дукатовъ. Stieda, I. c., 111 стр.

Шапки въ XIV—XV столѣтіи являются предметомъ фландрско-флорентійской торговли; онѣ иногда продаются съ невѣроятной надбавкой къ цѣнѣ; высшаго сорта шапки: покупная цѣна 1½ фл. дюжина, продажная — 15 фл. (!); средняго сорта — соответствующа циѳры ¾ и 6 фл.; простыя (tonde a otrecchi) ¾ и 2—2½ фл. Uzzano, 128 и сл.

Желѣзо въ штыкахъ покупается (за 1 Tausender=1 migliaio=980 флор. фун.) по 12—13 фл., продаѣтъ по 17—18 фл.; въ другой разъ желѣзо, проданное по 47 венецианскихъ лиръ di grossi, куплено было за 42 лиры. Uzzano 168, 4.

Оловянная посуда (Stagno lavorato=piatelli, scodelle, salsieri) куплена въ Лондонѣ по цѣнѣ 8 фл., во Флоренціи продана по 13½—13¾ flor. (въ обоихъ случаяхъ цѣна вычислена за 100 англ. фун., что соотвѣтствуетъ 133½ фл. фунтовъ).

Въ XIII столѣтіи стояли:

100 килогр. перцу

100 килогр. воску

въ Марсель . . .	(1264)	481 мар.	въ Пьемонтѣ . . .	(1262)	335 мар.
» Ломбардія . . .	(1263)	512 "	" Шампани . . .	(1262)	420 "
» Шампани . . .	(1262)	602 "	" Англія . . .	(1259—1270)	530 "
» " . . .	(1265)	629 "			
» Англія . . .	(1265)	683 "			
» " . . .	(1159—1170)	796 "			

A. Schaub e, „Ein italienischer Kursbericht von der Messe von Troyes aus dem 13. Jahrhundert, „Zeitschrift für Soc. und Wirtschaftsgeschichte“ V, 279, 282.

Одна пипа масла стоитъ при

покупкѣ:

продажѣ:

1374 г. 22 ф. ст. 5 ш. 6 пенс.

23 фун. стерл.

1375 " 17 " 8 " — "

21 " "

„Handlungsbuch Vickos von Geldersen“, LXII.

2. Ичислени¤ накладныхъ расхѣдовъ. Извѣстно, насколько часто вся торговая прибыль, а то такъ и весь транспортъ товара становился жертвою всякаго рода сухопутныхъ и морскихъ разбойниковъ. „Если ты ѳешь на ярмарку черезъ

гоєподекія владіння или л'єсь, смотри за своею повозкою и берегись, какъ бы тебѣ не пришлось платить провозную пошлину, — иначе твоя прибыль погибла", предостерегаетъ одинъ сборникъ правилъ для торговцевъ, который цитируется у Stephan, I. c., 360 стр. Если же искали защиты отъ ограбленія въ сильномъ конвой—это оказывалось тоже очень дорогимъ удовольствіемъ. Напр., на дорогѣ отъ Ульма (до Базеля) конвой смѣнялся въ Геккенгеймѣ, Биберахѣ, Остракѣ, Пфуллендорфѣ, Штоккахѣ. Онъ обходился $\frac{2}{3}$ —1 фл. на каждую повозку (за каждый конецъ?). Geeling, 196. Конвой и самыи транспорты нерѣдко обходились поровну. „Chron. deutsch. Städte“ 1, 103. Опасности торговли по Ла-Маншу живо изображаетъ Чосеръ въ своихъ „Canterbury Tales": см. Cunningham, Growth, 1, 278 и сл. О томъ, какъ товары удорожались пошлиными, мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ. Сравн. выше, глава шестая. На тотъ боченокъ вина, о которомъ тамъ была рѣчь, на дорогѣ отъ Дрездена до Гамбурга легко таможенныхъ пошлинъ 9 талеровъ 9 грошей 4 пфенига. Falke, 221. И рѣшительно повсюду—та же самая история. Finch-Brentano, „Philippe le Bel en Flandre“ (1896), 65 стр., пишетъ о бельгийской торговлѣ шерстью: „Владѣльцъ мѣшка шерсти, уплативъ за право вывоза при отправкѣ изъ Англіи и за право ввоза, прибывъ въ Даммъ (a Damm), долженъ былъ, чтобы провезти черезъ Escaut и Scarpe отъ Рупельмонда до Дуэ, уплатить 17 заставныхъ пошлинъ“. Сравн. также G. Steinhausen, „Der Kaufmann in der deutschen Vergangenheit“ (1899), 23 и сл., 50 и сл.; для Франції I. I. Glamagran, „Hist. de l'impôt en France“ 1 (1867) 205 и слѣд.

Множество данныхъ о стоимости транспорта въ Англіи 1263—1400 гг. собралъ Роджерсъ (2, 600—605). Но они, къ сожалѣнію, мало пригодны для насъ, такъ какъ указанія на цѣнность транспортируемыхъ товаровъ отсутствуютъ. Это отмѣчено только въ двухъ случаяхъ (товары не названы): стоимость транспорта изъ Пензенскаго въ Брадфордъ составила почти 8%, изъ Миддлтона въ Мальборо почти 30% стоимости отправленія.

Изъ другихъ извѣстныхъ мѣръ вычисленій стоимости транспорта—многія изъ нихъ, къ сожалѣнію, непригодны для насъ, такъ какъ они остаются невнятными благодаря ли какому-нибудь выражению, по другимъ ли причинамъ—я приведу еще слѣдующія:

Шерсть. По даннымъ Uzzano („Della dec.“, 4, 186—187), 11 тюковъ англійской шерсти куплены въ Кале (слѣдовательно, накладные расходы уже составили къ этому времени 50% стоимости; если не больше) за 612 flor., накладные расходы до Милана составили сумму въ 348 фл.; такимъ образомъ, въ Миланѣ шерсть стоила 960 фл., и была продана здѣсь за 1315½ фл., слѣдовательно, съ барышомъ въ 36%. На пути отъ Лукки до Пармы (около 100 миль) шерсть удорожалась на 24—26% своей стоимости издержками на перевозку и другими накладными расходами (I. e., 177).

Солодъ. I. Виттенборгъ при покупкѣ солода въ Пруссіи заплатилъ за 1000 шеффелей 130 любекскихъ марокъ; транспортъ до Любека обошелся въ 12 м. 4 с. 5 д., слѣдовательно, около 10% покупной цѣны. Въ другой разъ издержки транспорта такого же количества солода и на такое же разстояніе составили 13 м. 14 с. 10 д., въ третій разъ—17 мар. 1 с. 1 ден. „Handlungsbuch der Wittenborgs“, LXXII.

Соль (и вино). Фрахтъ изъ Лиссабона во Фландрію (1404 г.) 18-ти фламандскихъ Hundert составляетъ (по 7 ливр. за Hundert) 126 ливр. 10 ботовъ (botti?) вина 4 ливр., итого 120 лив. Соль и вино вмѣстѣ стоять 250 ливр. Слѣдовательно, товаръ удорожается (морскимъ) фрахтомъ почти на 50%. „Handelsberechnungen des deutschen Ordens“, ed. C. Sattler (1887), 9—10.

Сукна. 20 кусковъ сукна куплены въ Кадиксѣ за 256.13.4 flor. (золотомъ), накладные расходы до Флоренціи повысили эту сумму до 351.19.0 фл., слѣдовательно приблизительно на 40%, продажная цѣна выразилась въ 395 фл., прибыль—приблизительно 12½%. Uzzano, 130—131 стр. Транспортъ 12 кусковъ сукна изъ Пюмбино въ Римъ обходится въ 10 фл., изъ Пизы въ Гаэту—16. Тамъ же, стр. 181. Отъ Брюгге до Милана расходы на сухопутный транспортъ выражались въ 6 фл. за 100 фун., перевозка по водѣ отъ Брюгге до Пизы обходилась за Sacca (=250 фун.) 6 фл. та є ріa mandano per mare che per terra. Uzzano, 128. На сукна, которые были куплены въ

окрестностяхъ Монпелье, расходы по перевозкѣ водою ложились тяжестью въ 10%₀ покупной цѣни; фрахтъ изъ Aigues-mortes до Пизы составлялъ на кусокъ сукна (средняя стоимость его=15 фл.)^{1/2} фл., слѣдовательно, 3—4%. Uzzano, 171. Перевозка одного центнера сукна отъ Антверпена до Базеля въ XVI столѣтіи обходилась въ 2^{1/4} флор. Ryff, 106, 110.

Перецъ. Партия перцу продана на ярмаркѣ въ Труа въ Шампани (XIII вѣкъ) за 542 лив. 16 с. 7 д.; расходы по доставкѣ изъ Ломбардіи до ярмарки составили 88 л. 16 с. 1 д., слѣдовательно, пройдя такое разстояніе перецъ удорожился почти на 20%, A. Schaubе, въ „Zeitschr. für Soc. und Wirtschaftsgesch.“ 5, 269—270. Это вполнѣ согласуется съ данными Ульмана Штромера, по которымъ 1 центнеръ перцу стоилъ въ Генуѣ 30 лив., въ Нюрибергѣ же, считая и накладные расходы, стоилъ 34^{2/5} лив., т.-е. транспортъ на этомъ разстояніи удорожалъ его приблизительно на 15%, „Chron. deutsch. Städte“ I, 100 и сл.

Такие же накладные расходы ложились и на другіе товары, какъ *винные люди* (Stieda, „Zur Charakteristik des kaufmänn. Privatverkehrs in Lübeck während des 15 Jahrh.“, „Zeitschr. des Ver. f. Lüb. Gesch.“ 6, 208), *воскъ* (Schaubе, I. с.), *сахаръ* (Uzzano, I. с.), *шрафанъ* (Geering, I. с.). Для послѣдней статьи у насъ имѣются подробныя исчисленія расходовъ по транспорту на пути отъ Барселоны до Констанца. Провозная плата составляла:

Барселона—Авиньонъ	2	гульдена	0	орть	за центнеръ.
Авиньонъ—Женева.	2	"	1	"	"
Женева—Бернъ.	0	"	3	"	"
Бернъ—Констанцъ	1	"	0	"	"

6 гульден. — — за центнеръ.

что для XIV столѣтія, къ которому относится это вычисление, выразилось бы при перевѣде на современную валюту въ 9 маркахъ.

Книги. Кобергеръ сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что на транспортъ въ Венецию и оттуда въ Ліонъ ему пришлось затратить 400 фло., „и требуется большое счастье, чтобы мнѣ удалось возвратить мои главные затраты“. Geering, 333.

Таковы цифры. А мы привели здѣсь только изъкоторые примѣры. Въ виду этого у насъ нѣтъ необходимости непремѣнно предполагать обманъ (какъ это дѣлаетъ Штида, для даннаго случая, пожалуй, небезосновательно), чтобы объяснить, какъ такое Гансъ Франкѣ, пайщикъ въ торговомъ обществѣ Гильд. Веклинхузена (начало XVI столѣтія) сообщаетъ намъ слѣдующее: отъ продажи одной партии товаровъ онъ выучилъ 5.344 фло.; напротивъ, накладные расходы: „потери, провозная плата и пошлины“, — 5312 фл. 10 гр. Stieda, „Hans.-ven. Handelsbeziehungen“, 174—175. Мы сейчасъ же вспоминаемъ странствующаго торговца у Леонардо Низано.

Экскурсъ II къ главѣ девятой.

Объективная возможность высокихъ надбавокъ къ цѣнамъ въ средневѣковой торговлѣ.

Ясно, что для объясненія того феномена, который наскъ занимаетъ теперь, очень мало или совсѣмъ ничего не подѣлаешь съ субъективно-психологическими соображеніями. Товары продаются дешево потому, что ихъ производители или другіе продавцы низко „цѣнятъ“ ихъ,—это или невѣрное или совсѣмъ тривиальное утвержденіе; то же надо сказать и объ обратномъ случаѣ, когда констатирують, что при продажѣ товаровъ получается высокая выручка потому, что покупатели даютъ имъ высокую оценку. Насъ интересуетъ здѣсь выясненіе того, какимъ образомъ были объективно

возможны высокія надбавки къ цѣнамъ. При этомъ часто и съ правомъ указывается на слѣдующія обстоятельства:

1. Монопольное положеніе, которымъ нерѣдко пользовались торговцы прежнихъ временъ. Монополія могла быть или только фактической, обусловленной отношеніями рынка, безъ всякаго содѣйствія извнѣ, или же, кромѣ того, и юридической монополіей, которой сумѣли добиться корпораціи торговцевъ, дѣйствовавшихъ обособленно или же съ помощью государственной и городской власти.

Монопольная организація, т.-е. формальна монополія докапиталистической и ранней капиталистической торговли, созданная правомъ и обычаями,—явленіе слишкомъ общезвестное. Поэтому мы можемъ ограничиться короткимъ упомянаніемъ ва него и прежде всего напомнить, что оно носило всеобщій характеръ. I. Кулишеръ недавно собралъ (*Jahrbücher*, I. c.) обширный матеріалъ иллюстрацій, къ которому мы и отсылаемъ читателя.

Конечно, монополисты смѣняли другъ друга, и то однъ городъ, то одно государство съ успѣхомъ оспаривали у другого безпрепятственную эксплуатацию извѣстной торговой области; но все это ничего не измѣняетъ въ томъ фактѣ, что торговцамъ прежнихъ временъ въ общемъ и цѣломъ не приходилось опасаться вторженія конкурирующихъ торговцевъ въ захваченную ими область. Едва ли есть нужда въ особомъ напоминаніи, что незначительность количества товаровъ, поступавшихъ въ торговый оборотъ, была необходимымъ условіемъ для осуществленія привилегій и монополій.

Монопольное положеніе средневѣковыхъ торговцевъ по отношению къ покупателямъ, повидимому, не имѣло такого общаго характера, какъ по отношенію къ конкурентамъ — торговцамъ. Здѣсь у насъ неѣтъ документальныхъ доказательствъ, и потому намъ приходится обратиться къ соображеніямъ общаго свойства. Результатъ получится слѣдующій:

Въ тѣхъ случаяхъ, когда привилегированные торговцы какого-нибудь общества сталкивались съ дикарями или полуварварами, первымъ въ дѣлѣ купли-продажи принадлежало такое доминирующее положеніе, что здѣсь едва ли оставалось място для торговли въ собственномъ смыслѣ этого слова: она вытѣсняется грабежомъ, какъ я еще покажу въ главѣ, посвященной хозяйству въ колоніяхъ. Но мы должны напомнить, что средневѣковая Европа пользовалась свободою грабежа только въ Россіи (ганзейцы! генуэзы!), въ другихъ же путяхъ, ведущихъ въ позднѣйшія колоніальные области, она встрѣчалась съ арабами, какъ посредниками, которые могли бы помѣряться съ нею.

Что касается культурныхъ странъ, торговецъ, покупая сырые продукты, иногда могъ диктовать цѣны производителю — и диктовалъ ихъ, напр., англійскому королю, стѣсненному нужною въ дѣпъгахъ. Однако доминирующее положеніе торговца, несомнѣнно, превращалось въ свою противоположность, когда ему приходилось имѣть дѣло съ промышленнымъ производителемъ, съ ремесленникомъ. Правда, мы (насколько я знаю) не располагаемъ въ этомъ случаѣ документальными доказательствами, но зато тѣмъ больше у насъ априорныхъ экономическихъ доводовъ, которые говорятъ въ этомъ смыслѣ и съ которыми мы въ существенныхъ чертахъ уже познакомились. И самый первый доводъ — скудость промышленного производства во времена неразвитой техники, и особенная скудость его по сравненію съ большими платежеспособными спросомъ на всѣ предметы роскоши.

Слѣдовательно, тѣ же самыя причины, которыхъ обусловливали относительную слабость позицій торговца, когда онъ встрѣчался съ промышленнымъ производителемъ, предлагавшимъ свои продукты, обеспечивали ему перевѣс силы по отношенію къ спросу.

2. Теперь мы должны раскрыть причины, почему торговецъ прежнихъ временъ могъ использовать свое монопольное положеніе такимъ образомъ, что онъ дѣйствительно продавалъ товары иногда съ колоссальными надбавками къ цѣнамъ. Объясненіе этого факта, который бросается въ глаза всякому экономисту, лежитъ тоже въ экономической природѣ продавцовъ и покупателей. Высокія надбавки мыслимы только въ

soi-disant торговли, которая ведется или съ народностями, въ действительности подвергающимися ограблению (см. главу о колониальномъ хозяйствѣ), или съ „богатыми“ людьми, т. е. съ такими, которые живутъ трудомъ не собственныхъ рукъ. „Богатые“ люди для среднихъ вѣковъ — главнымъ образомъ получатели земельной ренты; только принять во вниманіе, насколько решающую роль играла эта категорія продавцовъ и особенно эта категорія покупателей,—только тогда мы и сумѣемъ понять, какъ средневѣковая торговля вообще могла существовать въ культурныхъ странахъ.

У получателей ренты можно было покупать въ особенности дешево. Напр., англійскіе монастыри, у которыхъ флорентійскіе и ганзейскіе торговцы дѣлали закупки шерсти¹⁾, при опредѣленіи цѣни не знали никакой опредѣленной низшей границы, которая необходимо связываетъ всякаго самостоятельного производителя. Они вѣдь продавали шерсть, которую имъ бесплатно доставили (зависимые отъ нихъ крестьяне), слѣдовательно, продавали продуктъ, который имъ вообще ничего не стоилъ; поэтому они съ радостью разставались съ имъ, если только получали за него хотя бы сравнительно ничтожную сумму денегъ. Если бы мы при всякихъ условіяхъ считали трудъ, воплощенный въ какомъ-либо продуктѣ, „цѣнностью“ этого продукта, тогда мы сказали бы такъ: упомянутые получатели ренты могли, не испытывая никакого ущерба, постоянно продавать попавшіе въ ихъ распоряженіе товары ниже ихъ цѣнности. Говоря другими словами: тѣ надбавки, которые впослѣдствіи дѣлались покупателями къ закупной цѣнѣ этихъ товаровъ, до извѣстной степени соотвѣтствовали суммѣ труда, вложенного въ товары зависимыми крестьянами, обязанными уплачивать ренты.

Итакъ, средневѣковая торговля, особенно на первыхъ ступеняхъ своего развитія, была главнымъ образомъ торговлею съ деревенскими получателями ренты; но мы вполнѣ оцѣнимъ значеніе этого факта лишь при томъ условіи, если посмотримъ, какую роль сыгралъ онъ по отношенію къ продажѣ, особенно къ продажѣ цѣнныхъ предметовъ. Утверждаютъ — и это не значитъ сказать слишкомъ много, — что три четверти всѣхъ колониальныхъ продуктовъ и всѣхъ промышленныхъ произведеній, которые сбывались докапиталистической торговлей, сбывались получателями ренты: князьямъ, рыцарямъ, церквамъ, монастырямъ, духовнымъ корпораціямъ.

Статистики покупателей, которая содержала бы данныя объ ихъ соціальномъ положеніи, конечно, не существуетъ. Но все, что мы узнаемъ о характерѣ покупателей изъ случайныхъ сообщеній торговыхъ книгъ — этого почти единственного надежного и пригодного первоисточника для истории торговли, — все это подтверждаетъ наше предположеніе, что очень крупную часть покупателей составляли получатели ренты.

Произведенія Востока находили для себя покупателей, конечно, исключительно въ высшихъ слояхъ общества. Большое количество этихъ произведеній можно было встрѣтить въ феодальныхъ замкахъ и въ княжескихъ дворцахъ. Церкви, какъ платежеспособному покупателю восточныхъ продуктовъ, принадлежитъ въ особенности видное мѣсто; церковь нуждалась въ нихъ для убранства своихъ зданій, для украшенія служителей, для того, чтобы придать великолѣпіе своему культу. Поэтому она постоянно спрашивала пышные ризы, занавѣсы, покровы и ковры, жемчугъ и благородные камни, ладанъ и благовонія вещества. Сравн., напр., B. H. Prutz, „Kulturgeschichte der Kreuzzige“ (1885), 45.

Я придаю огромное значеніе этому обстоятельству. Надлежащая оцѣнка его —

1) Въ дѣловомъ отчетѣ Джерарди, вояжера флорентійской фірмы Спилати-Спини (1284 г.), упомянуто 24 англійскихъ монастыря, которые продали свою шерсть этой фірмѣ на 4—11 лѣть впередъ. Della decima 3, 324 и сл. Въ записной книжкѣ Балд. Пеголетти (XIV столѣтіе) приведено до 200 названий англійскихъ учрежденій въ монастырей, которые доставляли шерсть флорентійскимъ торговцамъ. Списокъ воспроизведенъ у S. L. Regini, „Storia del commercio, e dei banchieri di Firenze dal 1200 al 1345“ (1868), 71 и сл. Списокъ Перуци полагае, чѣмъ у V a g e n b e r g h, Hist. des relat. diplom. etc. (1874), 214—217 стр., который заимствовалъ его въ Arch. de Douay Reg. L. fol. 44; но я въ первомъ, какъ показала миссъ Е. Диксонъ, есть пробѣзы. Сравн. „Transactions of The Royal Hist. Soc.“, 12, 151.

необходимое условіе для пониманія средневѣковыхъ торговыхъ отношеній. Подъ его вліяніемъ, несомнѣнно, находилось образованіе всѣхъ цѣнъ. Благодаря ему всѣ перечисленные товары, какъ и сырье материа́лы, можно было закупать ниже ихъ „цѣнности“ (въ томъ смыслѣ, какъ сказано выше) и въ то же время продавать выше ихъ цѣнности. Можнo быlo: это необходимо подчеркнуть. Дѣло въ томъ, что они оплачивались опять-таки получателями ренты, и потому для нихъ совершенно отпадала какая бы то ни было граница, сверху полагавшая границы цѣнъ. Если рыцарь уплачивалъ за миланскіе доспѣхи годичною рентою не двухъ или двадцати крестьянъ, а четырехъ или сорока—отъ этого вооруженіе не стоило ему ни гроша больше; точно такъ же тѣлесное или духовное благоденствіе монастырскаго аббата не претерпѣвало никакого ущерба, если онъ за драгоценную ризу или за нѣсколько фунтовъ переплатить лишняго, напр., сборъ съ двухъ или трехъ оброчныхъ гуфъ. Слѣдовательно, та надбавка, которую торговецъ дѣлаетъ при продажѣ къ закупной цѣнѣ, и въ этомъ случаѣ оказывается земельною рентой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Образование капитала посредствомъ перемѣщенія имуществъ.

А. Исторически-прѣемственное образование имуществъ.

Старый Панини впослѣдствіи дѣйствительно сдержалъ обѣщаніе, которое онъ далъ, какъ мы видѣли выше. Онъ дѣйствительно указалъ на источникъ тѣхъ состояній, съ которыми, по его мнѣнію, богатые купцы его родного города могли начать торговлю въ широкихъ размѣрахъ. Этотъ источникъ, полагаетъ онъ, заключается въ ихъ дѣятельности въ качествѣ банкировъ римской куріи¹⁾). Если бы даже съ тѣхъ порь многочисленные другіе писатели не схватились за эту попытку объясненія, уже тотъ авторитетъ, которымъ по справедливости пользуется Панини (одинъ изъ величайшихъ экономистовъ-историковъ всѣхъ временъ), обязываетъ насъ къ ближайшему разбору хода его мысли.

Но прежде чѣмъ я приступлю къ этому, необходимо сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній, которая помогутъ орентироваться въ вопросѣ.

Мы должны разрѣшить здѣсь такую проблему, какъ возникновеніе капитала, слѣдовательно, говоря другими словами, возникновеніе сравнительно крупныхъ денежныхъ состояній, которые предназначены служить материальными субстратомъ капиталистического предпріятія. Проблема эта, очевидно, не вполнѣ совпадаетъ съ проблемой образованія болѣе или менѣе крупныхъ состояній вообще. Послѣдняя проблема шире. Она охватываетъ возникновеніе вещественного имущества и въ такихъ мѣстахъ и такого рода, что о его превращеніи въ капиталъ не можетъ быть рѣчи. Напомню, напр., развитіе первобытныхъ отношеній власти и управления; изъ нихъ съ такою же легкостью можно вывести возникновеніе крупныхъ вещественныхъ имуществъ, какъ и развитіе соціальныхъ отношеній господства и подчиненія. Возникновеніе рабства и несвободы, развитіе оброчныхъ отношеній, образованіе крупныхъ общинъ, возникновеніе государственной и церковной организацій—все это одновременно даетъ и различные методы для сосредоточенія вещественнаго

1) „La Corte di Roma servendosi de'Banchieri per ritirar le sue rendite da diversi luoghi del mondo, porgeva loro il comodo di accumulare del denaro con darli una certa mercede dell'opera“. „Римская курія, пользуясь банкирами для того, чтобы извлекать доходы изъ различныхъ странъ вселенной, предоставила имъ выгоду накоплять деньги, давая имъ известную плату за ихъ трудъ“. Della dec. 2, 127.

имущества въ однѣхъ рукахъ. Изображеніе генезиса этихъ методовъ, конечно, не входитъ въ задачу нашей работы, которая стремится вскрыть только источникъ имущества-капитала.

Такимъ образомъ исторія процесса общественной диференціації до момента рожденія капитала отходитъ для насть къ доисторической эпохѣ. Слѣдовательно, наше изложеніе отправляется какъ отъ *fait accompli* (уже существующаго, совершившагося факта) отъ известнаго состоянія соціальной группировки, именно отъ того состоянія, которое сложилось въ Европѣ приблизительно къ половинѣ среднихъ вѣковъ. Разумѣется, мы такимъ способомъ не доберемся до послѣднихъ корней капитализма, не прослѣдимъ генезиса богатыхъ, начиная съ первыхъ зачатковъ соціальной диференціації: *le premier qui ayant enclos un terrain s'avisa de dire „ceci est à moi“ et trouva des gens assez simples pour le croire, слѣдовательно le vrai fondateur de la soci t  civile*¹⁾ — онъ былъ также и основателемъ капитализма. Это само собою понятно. И, дающе, его развитіе было бы невозможно, если бы въ ростѣ, продолжавшемся долгія тысячелѣтія, не развились то древо общественныхъ учрежденій, на которомъ онъ могъ распуститься подобно цвѣтку. Но не будетъ никакой бѣды отъ того, если мы махнемъ рукою на иѣсколько миллионовъ лѣтъ, которые лежать между зачатками культуры и средневѣковой Европой: мы только облегчимъ отчасти разрѣшеніе нашей проблемы, если начнемъ съ какой-нибудь промежуточной стадіи исторического процесса развитія и удовольствуемся тѣмъ, что изберемъ исходную точкой въ нашихъ изслѣдованіяхъ то состояніе общества, которое сложилось на этой стадіи, какъ результатъ предшествующаго развитія. Такой пріемъ вполнѣ примѣнимъ и въ данномъ случаѣ, когда мы стараемся прослѣдить зачатки имущества-капитала. Слѣдовательно, если мы можемъ показать, напр., что уже въ докапиталистическое время существовали вещественные или денежныя имущества въ какой-либо формѣ — въ нашу задачу не входитъ объясненіе самаго этого факта. Какое важное значеніе для эволюціи капитализма ни имѣеть наличность имуществъ, все же наша задача сводится лишь къ выясненію того, какимъ способомъ они содѣйствовали образованію капитала. Что они содѣйствовали фактически, это съ первого же взгляда представляется какъ нельзя болѣе вѣроятнымъ. И если мы возьмемъ изъ объясненія Панини его принципіальную сторону и освободимъ его изъ-подъ влиянія случайныхъ мѣстныхъ условій, оно послужить для насть именно указаніемъ на одинъ изъ способовъ, какимъ наличное денежное имущество пресуществлялось въ имущество-капиталъ. Такимъ образомъ объясненія Панини заставляютъ насть внимательнѣе взираться, гдѣ именно на исходѣ докапиталистической эпохи были сосредоточены сравнительно крупныя денежныя имущества, которыя могли послужить источникомъ для капитала; мы должны также посмотретьъ, каковы были методы ихъ превращенія въ капиталъ. Въ данномъ случаѣ для насть неважно, находились ли эти имущества въ постоянномъ владѣніи известнаго лица или учрежденія, или

¹⁾ [„тотъ первый человѣкъ, который, огородивъ участокъ земли, дерзнулъ сказать: „это мое“, и нашелъ людей, достаточно простодушныхъ для того, чтобы повѣрить ему, — слѣдовательно, истинный основатель гражданского общества“... Р у с с о].

же попадали къ нему только для временнаго пользованія.—Итакъ, мы только теперь вполнѣ уразумѣемъ заголовокъ настоящей главы: нась занимаютъ здѣсь тѣ случаи, которые мы назвали случаями образованія капитала посредствомъ перемѣщенія имущества.

Но гдѣ же то мѣсто, въ которомъ въ средніе вѣка сосредоточивались подъ единымъ управлениемъ сравнительно крупныя денежныя суммы, сосредоточивались раньше, чѣмъ возникло имущество-капиталъ?

Панини уже называлъ намъ одно изъ такихъ мѣстъ, несомнѣнно самое важное:

1) Camera apostolica.

Когда Camera apostolica называются *mater pecuniarum*¹⁾, этимъ даются выраженіе той несомнѣнно правильной идеѣ, что первое накопленіе крупныхъ денежныхъ состояній въ средневѣковой Европѣ слѣдуетъ свести къ финансовымъ операциямъ папъ. Обложеніе христіанъ во всѣхъ странахъ лентой св. Петра восходитъ къ IX вѣку, а въ XIII столѣтіи финансовое дѣло папъ уже развивается въ ту импозантную систему, съ какою мы встрѣчаемся въ позднѣйшее время. Зародышемъ финансовой системы папства (а слѣдовательно, и вообще современной системы финансовъ), какъ извѣстно, послужили мѣропріятія Иннокентія III (1198—1216 г.). Съ этого времени всеобщія церковныя подати все болѣе выдвигаются на первый планъ и по своимъ размѣрамъ оставляютъ позади и вотчинные патrimonіальные сборы и феодальный цензъ; наконецъ, къ исходу средніхъ вѣковъ система церковныхъ налоговъ разрастается въ тотъ „универсальный фискализмъ церкви“, который въ заключеніе привѣль къ революції.

Финансовая система папства сыграла огромную историческую роль благодаря въ особенности одному обстоятельству: тому именно, что она до чрезвычайности покровительствовала тенденціи къ превращенію крупныхъ сборовъ въ денежные платежи. Нетрудно было бы прослѣдить, какъ скопленіе безконечнаго множества платежей и услугъ, обусловленное обложениемъ въ пользу папъ, необходимо приводило къ тому, что первоначально натуральная приношенія стали замѣняться денежными. Такъ, мы находимъ, что десятина первоначально возникла повсюду какъ натуральная подать; это вполнѣ согласовалось съ тѣмъ, что доходы епископовъ, монастырей и т. д. носили пре-

1) *Glossa in reg. 66 capc. Innoc. VIII*, цит. у Р. б. Woker, „Das kirchliche Finanzwesen der Päpste“. 1878. Стр. 2. Книга Вокера до сихъ поръ остается самой обширной работой о папскихъ финансахъ. Въ разработкѣ отдѣльныхъ частей ее давно превзошли работы Кирша, Готтлоба, Мюнца и др., но какъ цѣлое она незамѣшима. Достопримечательнѣй тотъ фактъ, что сужденія автора верѣдко омрачаются партійнымъ фанатизмомъ (онъ протестантъ),—упрекъ, котораго, напротивъ, совсѣмъ не заслуживаютъ новѣйшия документальныя изслѣдованія, написанныя католиками. Среди этихъ изслѣдованій выдѣляются: A. Gottlob, „Aus der Camera apostolica des 15. Jahrhunderts“, 1889; онъ же, „Die päpstlichen Kreuzzugssteuern des 13. Jahrhunderts“, 1892; онъ же, „Päpstliche Darlehnsschulden des 13. Jahrhunderts, Historisches Jahrbuch“ 20 (1899); Joh. Peter Kirsch, „Die päpstlichen Kollektoren in Deutschland während des 14. Jahrhunderts. Quellen und Forschungen, hrsg. von der Görres-Gesellschaft“. Bd. III. 1894; E. Müntz, „L'argent et le luxe à la Cour pontificale d'Avignon“, въ „Revue des questions historiques“, 33. ann e. N. S. t. XXII (1899), стр. 1 и сл.

имущественно натуральный характеръ. „Переходъ къ централизації (доходовъ) обусловилъ, напротивъ, развитие чисто денежнаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, развѣѣ была какая-нибудь возможность настроить по всему миру папскіе десятинные амбары, десятинные погреба, десятинныя житницы и тому подобныя дорогія сооруженія?“ Гонорій III въ 1217 году отдалъ епископамъ Венгрии такое повелѣніе: „ut vicesimam fideliter redigant in pecuniam“. Въ позднѣйшее время натуральные сборы представляютъ въ центральной и южной Европѣ только рѣдкое исключеніе, на сѣверѣ же, напротивъ, они сохраняются еще въ теченіе долгаго времени. Но и здѣсь дѣлаются попытки во что бы то ни стало превратить ихъ въ денежные, хотя это было часто сопряжено съ довольно серьезными затрудненіями. Въ такихъ случаяхъ, чтобы добыть недостающія суммы денегъ, приходилось переплавлять золотую или серебряную посуду¹⁾.

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ гнетъ папскихъ налоговъ приводить къ тому, что среди натуральнаго по существу хозяйства крупныя суммы денегъ появляются будто бы изъ земли и слагаются въ мѣшкахъ и сундукахъ папскихъ сборщиковъ въ очень почтенные итоги. У насъ имѣются свѣдѣнія и о высотѣ суммъ, которые накоплялись такимъ способомъ; по крайней мѣрѣ известныя намъ вычисленія за отдѣльные годы даютъ возможность опредѣлить, какихъ размѣровъ достигали регулярно притекавшія суммы. Въ общемъ слѣдуетъ сказать, что прежнія представленія о колоссальныхъ суммахъ, которыми будто бы располагали папы, были сильно преувеличены. Тѣмъ не менѣе для того времени это были все же очень почтенные суммы.

Самые крупные доходы доставляли такъ называемыя „десятины на крестовые походы“. Съ XII столѣтія десятину эту начинаютъ взимать періодически и очень скоро не на тѣ цѣли, на которыхъ она первоначально предназначалась. Лучшій знатокъ этого предмета опредѣляетъ для XIII столѣтія въ 800.000 торнайскихъ фунтовъ всѣ суммы, доставленныя папскою десятиной со всего христіанскаго міра²⁾; это составило бы въ переводѣ на современную валюту около 15—20 миллионовъ металлической цѣнности. Но необходимо принять во вниманіе, что десятины взимались не ежегодно, а черезъ болѣе или менѣе значительные промежутки времени. Напримѣръ: въ 1199—1209—1225—1228—1238—1240—1243 году... Далѣе, вся сумма распредѣлялась по огромному количеству мѣстъ и никогда не сосредоточивалась въ одномъ центрѣ: только небольшая часть ея отправлялась въ Римъ, а наибольшая съ мѣстъ сбора прямо направлялась въ мѣста потребленія. Суммы, регулярно поступавшія въ распоряженіе папы, были значительно менѣе общаго итога десятины, но еще менѣе были тѣ суммы, которыхъ фактически сосредоточивались въ кассахъ его святѣйшества. Послѣднія суммы въ XIV столѣтіи выражались въ цифре 200—250 тысячъ гульденовъ золотомъ ежегодно (гульденъ 9—10 марокъ) и даже въ слѣдующемъ столѣтіи лишь незначительно превысили эту сумму. Въ эпоху Сикста IV доходы апостолической церкви опредѣлялись въ 250—260 тысячъ дукатовъ; доходы Пія II—въ 300 тысячъ ду-

1) Gottlob, „Kreuzzugssteuern“, 236—37.

2) Gottlob, I. c., 135.

катовъ. Къ этой суммѣ надо прибавить еще до 100.000 дукатовъ, которые, не поступая въ главную кассу, все же попадали въ распоряженіе куріи, такъ что общіе доходы ея достигали приблизительно 400.000 дукатовъ. Остальная часть доходовъ не доходила до Рима¹⁾. Во всякомъ случаѣ реальные доходы папъ были достаточно велики для того, чтобы по меньшей мѣрѣ отдѣльные преемники Петра могли накопить относительно крупныя состоянія. Такъ, Климентъ V оставилъ чистыми деньгами 1.000.000, Иоаннъ XXII (1316—1334)—775.000 гульденовъ золотомъ²⁾.

Но значительно—и очень—выше папскихъ доходовъ были суммы, которыя могли накоплять въ центральныхъ пунктахъ своей дѣятельности

2) рыцарскіе ордена³⁾. Самую главную роль играла здѣсь земельная рента; ордена въ большинствѣ случаевъ прямо, безъ всякихъ посредниковъ, получали ее со своихъ колоссальныхъ владѣній. А послѣднія, какъ извѣстно, были разбросаны почти по всему свѣту, открытыму для людей той эпохи. Имѣнія храмовниковъ встрѣчались въ XIV столѣтіи на пространствѣ отъ Греціи до Португаліи, отъ Сициліи до Нидерландовъ и Шотландіи; по уничтоженію ордена они были присоединены къ владѣніямъ юанитовъ, и безъ того уже огромныя. Въ XIII столѣтіи число маноровъ (помѣстій) у храмовниковъ составляло 9.000, а къ 1307 году поднялось до 10.500; цифра маноровъ у госпиталитовъ уже въ XIII столѣтіи опредѣлялась въ 19.000. Каждый изъ нихъ могъ скардить и содержать одного рыцаря, что соотвѣтствовало ежегодной рентѣ въ 1.900 франковъ (въ переводѣ на современную валюту). Такимъ образомъ ежегодную ренту ордена приходится оцѣнивать въ 36.100.000 франковъ; рента же тампліеровъ оцѣнивается не менѣе какъ въ 2 миллиона фунтовъ.

Допустимъ, что только нѣкоторая часть этихъ рентъ превращалась въ деньги и что изъ денегъ въ свою очередь лишь извѣстная часть направлялась въ центральныя кассы; намъ все же извѣстно, что гофмейстеры орденовъ пользовались возможностью свободно располагать огромными суммами денегъ. Въ 1191 году у тампліеровъ хватило средствъ, чтобы купить у короля Ричарда англійского островъ Кипръ за 100.000 византиновъ золотомъ (соответствуетъ приблизительно 1.000.000 франковъ), и немедленно уплатить изъ этой

1) Gottlob, „Aus der Camera apostolica“, 257; онъ же, въ „Historisches Jahrbuch“, 20, 669; здѣсь онъ опирается на Ehrle, „Prozess über den Nachlass Clemens V“, въ „Archiv für Litteratur- und Kirchengeschichte“, 5, 147.

2) По Sägmüller, „Der Schatz Johanas XXII“, въ „Histor. Jahrb.“, 18, 37 и сл.

3) Съ финансами духовныхъ рыцарскихъ орденовъ даетъ общее знакомство Н. Рутц, „Kulturgeschichte der Kreuzzüge“ (1883), 244 и сл. О владѣніяхъ ордена госпиталитовъ подробно говорить онъ же въ „Zeitschrift der deutschen Palästina-vereins“ 4, 157 и сл. Обзоръ владѣній тампліеровъ (храмовниковъ) къ началу XIV столѣтія даетъ Wilcke, „Geschichte des Ordens der Tempelherren“ 22 (1860), 7 и сл. По уничтоженіи ордена тампліеровъ его владѣнія перешли въ собственность юанитовъ. Въ только что названной книжѣ, стр. 489, воспроизведено распоряженіе папы Климента V, предписывающее (1310 г.) подвергнуть владѣнія тампліеровъ секвестру впередъ до дальнѣйшихъ распоряженій. Относительно передачи рентъ изъ различныхъ владѣній въ центральную кассу Яковъ von Vitry въ „Hist. Hieros.“, въ Bongars Gesta Dei, 1, 120, говоритъ съдѣющее: „amplis possessionibus tam citra mare quam ultra dilatati sunt in immensem, villas, civitates et oppida ex quibus certam pecuniae summam... summo eorum magistro, cuius sedes principalis erat Hierosolymis, mittunt annuatim“. Цит. у Wilcke, I. c., 1, 103.

суммы 40.000 византиновъ. А когда Іаковъ де-Моле, великий магистръ ордена тамплиеровъ, отправился по приглашению папы въ свою роковую поѣзdkу на западъ, онъ, какъ рассказываютъ, захватилъ съ собою 150.000 слитковъ золота и десять муловъ, нагруженныхъ серебромъ ¹⁾.

Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ съ папами и рыцарскими орденами, вѣроятно, могли бы помѣряться своими богатствами только французские и англійские короли да еще, можетъ быть, города Венеция и Миланъ.

3) Французскій король.

Филиппъ-Августъ оставилъ послѣ своей смерти 893.000 марокъ серебромъ (следовательно, около 38.000.000 марокъ въ современной валюте ²⁾).

Въ 1238 году валовой доходъ далъ сумму (въ парижскихъ фунтахъ) 235.285,7 лив.; въ 1248 г.—178.530,12,9 лив. ³⁾.

Къ концу царствованія Филиппа Красиваго старѣйшая французская государственная роспись опредѣляетъ обыкновенные доходы въ 177.500 торнайскихъ ливровъ (фунтовъ) ⁴⁾.

Для указанного времени парижскій фунтъ слѣдуетъ считать за 22—23 франка, торнайскій фунтъ за 16—17 фр. въ переводѣ на современную валюту. Слѣдовательно, доходы въ XIII столѣтіи и въ началѣ XIV опредѣляются въ размѣрѣ 4—5 миллионовъ на современную валюту. Для 1292 года Бутарикъ ⁵⁾ исчисляетъ чрезвычайные доходы въ 10.625.000 ливровъ. Доходы Карла V (1364—1380), говорятъ, составляли 1.600.000 ливровъ, доходы Карла VII въ 1439 г.—1.700.000 лив., въ 1449 г.—2.300.000 лив. ⁶⁾.

4) Англійскій король.

Въ бюджетѣ казначейства (Wardrobe Account) за 1300 годъ доходы опредѣляются въ размѣрѣ 58.155 фун. стерл. 16 шил. 2 пен., расходы—64.105 фун. стерл. 0 шил. 5 пен. ⁷⁾. Списокъ расходовъ за 1346 г. даетъ 154.139 фун. стерл. 17 шил. 5 пен. ⁸⁾; за 1370—155.715 фун. стерл. 12 ш. 1½ п. (годы войны и дороговизны). Доходы королевскаго двора въ эпоху Плантагенетовъ Стеббсъ ⁹⁾ опредѣляетъ въ 120.000 фун. стерл. (въ среднемъ). Такъ какъ фунтъ той эпохи слѣдуетъ приравнять къ 50—60 мар. въ современной валюте, то, въ переводѣ на послѣднюю, доходы опредѣлились бы такимъ образомъ въ 60—70 миллионовъ марокъ. Неудивительно, что на эту свѣтъ съ особенною настойчивостью стремились всевозможные Барди, Фрескобальди, Перуари!

1) Prutz, „Kulturgeschichte der Kreuzzige“, 282—83.

2) C. Leber, „Essai sur l'appréciation de la fortune privée au moyen âge“, 2. ed. 1847, стр. 28.

3) De Wailly, „Dissertation sur les dépenses et les recettes ordinaires de St. Louis“, въ „Recueil des Historiens des Gaules et de la France“. Т. XXI (1855), стр. LXXVI.

4) „Ordonnance fixant le budget des recettes et des dépenses de l'État“ (1311), воспроизведено у E. d. g. Boutaric, „La France sous Philippe le Bel“, 1861, стр. 342 и сл.

5) Boutaric, 339. Сравн. также A. d. Vuitry, „Études sur le régime financier de la France“ Nouv. Ser., т. I, 1883, 3-е étude, ch. VII.

6) Clamageran, 1, XXIV, LXVIII; Vuitry, tome II, 4-e études; chap. VII.

7) William Stubbs, „The Constitutional History of England“ 2⁴ (1896), 575.

8) Sir John Sinclair, „Hist. of. the Public Revenue of the British Empire“, 1³ (1803), 128.

9) W. Stubbs, I. c., стр. 581.

Не мѣшаетъ напомнить, что въ то самое время, когда англійскіе короли располагали уже миллионными доходами въ денежной формѣ, бюджетъ германской имперіи отставалъ отъ доходовъ всячаго, сравнительно крупнаго феодала. Императоръ Сигизмундъ въ 1412 году заявилъ, что приходы имперіи, полученные отъ германскихъ земель, составляли около 13.000 флориновъ (дукатовъ) ¹⁾.

5) Феодалы. Подъ этимъ названіемъ мы объединяемъ всѣ средневѣковые общественные элементы, кроме названныхъ выше (и городовъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже), которые располагали болѣе или менѣе крупными имуществами или доходами. Въ данномъ случаѣ для насы безразлично, въ чемъ заключался источникъ ихъ богатства: въ прямыхъ ли притязаніяхъ на ренты и оброки или же въ верховныхъ правахъ, переданныхъ другими. Важно одно: мы должны представлять себѣ средневѣковыя страны населенными огромнымъ полчищемъ богатыхъ людей. Само собой разумѣется, слѣдуетъ помнить, что ихъ состоянія по размѣрамъ располагались въ чрезвычайно длинный рядъ ступеней. Отъ доходовъ графа фландрскаго или какого-нибудь англійскаго герцога или архиепископа, конечно, очень большое разстояніе до доходовъ какого-нибудь простого сквайра, или сеньора, или рыцаря. Но для правильнаго пониманія современнаго развитія въ высшей степени важно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что у феодальныхъ элементовъ средневѣковаго общества были сосредоточены обширные фонды богатства,—такія суммы накопленныхъ состояній или, по меньшей мѣрѣ, притязаній на полученія, что какія бы то ни были преувеличенія въ ихъ оцѣнкѣ почти невозможны. Конечно, большая часть доходовъ въ этомъ случаѣ—доходы натуральные; но, съ другой стороны, несомнѣнно, что съ течениемъ времени и денежные доходы начинаютъ играть въ средніе вѣка все болѣе видную роль.

Возможность яснаго пониманія структуры средневѣковаго общества обеспечила бы намъ только статистика доходовъ и имуществъ, которыми располагали только что названные общественные слои. И было бы благодарной задачей для образованнаго экономиста-историка въ pendant къ многочисленнымъ описаніямъ городскихъ отношеній имущества и доходовъ написать исторію средневѣковаго богатства въ деревнѣ. На мой взглядъ, не было бы невыполнимой задачей прослѣдить, наприм., имущества свѣтскихъ и духовныхъ господъ въ ихъ развитіи, начиная съ *Domesday-Book* и *Politiiqueen X* и *XI* столѣтія. И здѣсь главное дѣло—въ постановкѣ вопроса. Тѣ знанія, которыми располагаемъ мы въ настоящее время, конечно, не болѣе, какъ жалкіе обрывки. Впрочемъ, даже ихъ достаточно, чтобы составить приблизительное представление о состояніи богатства въ средневѣковой деревнѣ. Такъ, можно признать вполнѣ установленнымъ тотъ фактъ, что до глубины среднихъ вѣковъ крупными имуществами (включая сюда и такъ называемыя „движенія“ состоянія, въ особенности благородные металлы) обладали только свѣтскіе феодалы, капитулы и монастыри. Города, какъ Любекъ или Гамбургъ, даже въ эпоху ихъ расцвѣта навѣрно не располагали такими доходами, какіе извлекали крупный англійскій лордъ изъ своихъ владѣній или богатый мо-

¹⁾ Gottlob, „Aus der camera apostolica“, 183.

настырь—изъ налоговъ и рентъ. Мы уже не говоримъ о такихъ крупныхъ феодалахъ, какъ герцоги бургундскіе или графы фландрскіе, которые были наполовину монархами. Въ общемъ слѣдуетъ думать, что переходъ отъ королевскихъ состояній къ состояніямъ деревенскихъ вѣльможъ въ средніе вѣка не отличался такою рѣзкостью, какъ въ настоящее время. Grandseignerы (крупные феодалы) въ теченіе столѣтій фактически сохраняли за собой положеніе, очень близкое къ положенію государей. Изъ эпохи Эдуарда IV до настъ дошла любопытная „статистика доходовъ“ ¹⁾, которая подтверждаетъ это предположеніе.

Согласно этому документу, имѣли доходъ:

Король въ	13.900	фун. стерлинговъ.
Герцогъ „	4.000	„ „
Маркизъ „	3.000	„ „
Графъ „	2.000	„ „
Виконтъ „	1.000	„ „
Баронъ „	500	„ „
Баронетъ „	200	„ „
Рыцарь „	200	„ „
Сквайръ „	50	„ „

Что эти цифры не преувеличены, доказывается случайно дошедшими до настъ свѣдѣніями объ имуществѣ и доходахъ нѣкоторыхъ крупныхъ феодаловъ среднихъ вѣковъ. Наприм., намъ известно, что въ 1313 году бюджетъ расходовъ графа лейстерского опредѣлился въ 7.309 фун. стерл. ²⁾; въ XV столѣтіи венеціанскій посолъ Джюстиніані оцѣнивалъ ежегодные доходы герцога букингемскаго въ 30.000 дукатовъ ³⁾). Относительно Орсии и Колонна сообщаютъ, что въ XV столѣтіи они получали по 25.000 флориновъ въ годъ ⁴⁾.

Съ грандами свѣтскими соперничали духовные князья и владыки. Дворцы у обоихъ архіепископовъ Англіи, говоритъ Стѣббсъ, были какъ герцогскіе; епископы жили какъ графы. Что монастыри въ теченіе среднихъ вѣковъ накопили княжескія богатства — это фактъ извѣстный. И притомъ — на мой взглядъ, необходимо еще разъ подчеркнуть это — „феодальные“ доходы и состоянія монастырей составлялись далеко не изъ одной земельной собственности и сберовъ натурой. Напротивъ, приходится думать, что въ періодъ отъ паденія Римской имперіи и до поздней эпохи среднихъ вѣковъ огромная часть всего запаса благородныхъ металловъ сосредоточивалась въ хранилищахъ у феодаловъ, капитуловъ и монастырей. Въ ту эпоху, когда деньги представляли великую рѣдкость, почти всѣ монастыри, благодаря приношенніямъ вѣрующихъ, пользовались неопѣненною привилегіей: они располагали

1) Сообщено, наприм., у Stubb's, „Cons. Hist.“, 3⁵ (1896), 557.

2) Anderson, „Annals of commerce“. 1, 282.

3) Denton, „Engl. in the XV cent.“ (1888), 266.

4) Carte Strozziiane Ms., сообщено у Gregorovius, „Gesch. der Stadt Rom“ 7⁴ (1894), 342—43. [Издается русскій переводъ: Грего́ровиусъ, „Исторія города Рима въ средніе вѣка“].

богатыми денежными ресурсами¹⁾). Конечно, благородный металль, сосредоточившись въ одномъ мѣстѣ, очень нерѣдко измѣнялъ свой видъ, и изъ денежной формы превращался въ утварь и украшенія. Только такимъ способомъ и можемъ мы объяснить дошедшія до нась отъ среднихъ вѣковъ извѣстія о колоссальныхъ богатствахъ, о массѣ золотыхъ и серебряныхъ предметовъ, которыми располагали церкви, монастыри, государи и феодалы. „Кто познакомится съ громадными списками движимостей у королей и у принцевъ (а также у церквей и монастырей—могли бы мы добавить къ этому) XIV и XV столѣтій, тотъ составить себѣ лишь нѣкоторое представление о колоссальномъ накопленіи богатствъ. Никакое воображеніе не въ силахъ представить себѣ такія количества золота и серебра“²⁾ И то, что говорится здѣсь по отношенію къ Франціи, подтверждается еще разъ, если мы просмотримъ инвентарі англійскихъ³⁾ или итальянскихъ⁴⁾ церквей или почитаемъ о тѣхъ богатствахъ, какія въ старинное время сохранялись у дворянскихъ родовъ Флоренціи въ видѣ золотой и серебряной утвари⁵⁾.

Въ виду поставленныхъ нами цѣлей было бы излишне приводить дальнѣйшія иллюстраціи того факта—вообще говоря, никѣмъ не оспариваемаго,—что во всѣхъ указанныхъ сейчасъ пунктахъ уже совершилось значительное накопленіе состояній, и совершилось въ такое время, когда только начиналось развитіе городского богатства, которому суждено было открыть эру капиталистического хозяйства. Такимъ образомъ при возникновеніи новыхъ богатствъ дѣло заключалось для подавляющего большинства случаевъ всего лишь въ перемѣнѣ собственника, въ перемѣщеніи состояній.

6) Хотя городскіе бюджеты переносятъ нась уже къ новому времени, мы для полноты все же должны упомянуть о нихъ, какъ о центрахъ, около которыхъ въ теченіе среднихъ вѣковъ сосредоточивались крупныя денежныя состоянія. Несомнѣнно, на груди городовъ были взлѣзаны многіе homo novus („новые люди“). Конечно, по значенію своихъ бюджетовъ города далеко уступали элементамъ, отмѣченнымъ выше. Мы уже упоминали, что въ теченіе среднихъ вѣковъ только городскіе бюджеты Венеціи, Милана и Неаполя, вѣроятно, до извѣстной степени приближались къ доходамъ папъ и королей. Согласно одному манускрипту,—я не въ состояніи составить собственное сужденіе о его цѣнности,—въ 1492 году Венеція располагала будто бы доходомъ въ 1.000.000 флориновъ, а Миланъ и Неаполь—по 600.000 флориновъ каждый⁶⁾. Съ другой стороны, сообщаютъ, напротивъ, будто уже въ 1395 году Джіанъ Галеаццо Висконти, первый герцогъ Милана, получилъ

1) H. Pirenne, „Gesch. Belgiens“, 1 (1899), 148 и сл. Сравн. Sackur, „Beiträge zur W. Gesch. der französ. und lothring. Klöster etc.“, въ „Zeitschr. für Soc. und W. G.“, 1, 167 и сл.

2) Douet d'Argu, „Sur le comtes des ducs de Bourgogne, publ. par M. de Labrod“, въ „Bibliothéque de l'école chartes“, 3 сér., t. IV (1853), стр. 125 и сл.

3) У Rhymer, „Foedera“, чит. у Anderson, 1, 309.

4) Сравн., наприм., документы о дареніяхъ у C. A. Marin, „Storia civile e politica del Commercio de Veneziani“, 1 (1798), 273 и сл.

5) Davidsohn, „Gesch. von Florenz“, 1, 762.

6) Arch. Flor. Carte Strozzi App. F. 11, стр. 189; чит. у F. Gregorovius, „Gesch. der Stadt Rom im Mittelalter“, 7⁴ (1894), 342—43.

доходъ въ 1.200.000 флор. ¹⁾). Относительно Болоньи мы располагаемъ достовѣрными данными. Въ 1406 году доходы выразились тамъ въ цифре 320.611,18,11 ливровъ ²⁾). Для Флоренціи Виллани, какъ извѣстно, опредѣляетъ цифру доходовъ въ 300.000 флориновъ. Ни одинъ изъ остальныхъ городовъ Италии не достигалъ такой суммы. Съ итальянскими городами могли бы еще соперничать, самое большее, Парижъ, Лондонъ, Барселона, Севилья, Лиссабонъ, Брюгге и Гентъ, а въ позднѣйшее время Антверпенъ. Города Германіи далеко отставали отъ только что названныхъ. Доходы богатѣйшаго изъ нихъ (Нюриберга) въ эпоху расцвѣта (1483 г.) выразились въ цифре всего 421.926 ливровъ. 19 ш. 8 п., то-есть немногимъ побольше 60.000 флориновъ ³⁾). Кёльнъ въ 1370 году располагалъ доходомъ въ 114.780 марокъ (въ переводѣ на современную валюту), въ 1392 г.—441.397 мар. И даже наши „великіе“ приморскіе центры имѣли такіе доходы: Гамбургъ въ 1360 году—35.440 мар., въ 1400 г.—102.104 мар.; Любекъ въ 1421 г.—96.617 мар., въ 1430 г.—87.576 мар., все въ переводѣ на современную валюту ⁴⁾). Такое же положеніе въ подавляющей массѣ французскихъ и англійскихъ городовъ. Ихъ доходы—доходы бароновъ средней руки.

В. Формы перемѣщенія состояній.

Обратимся теперь къ вопросу, какимъ образомъ все эти владѣнія и доходы пресуществляются въ частную собственность нового поколѣнія—поколѣнія современныхъ людей. Мы открываемъ длинный рядъ методовъ такого превращенія, но у нихъ всѣхъ та черта—общая, что въ основе ихъ лежать платежи за оказанныя „услуги“. Въ этомъ смыслѣ можно бы также сказать, что новыя имущество „пріобрѣтены“, „заработаны“. Что касается услугъ, это можетъ быть услугою или въ узкомъ значеніи слова или же въ смыслѣ оказанія материальной помощи (предоставленіе вещественныхъ благъ). Кража и обманъ съ началомъ новаго времени въ свою очередь пріобрѣтаютъ видъ „заработка“.

Пріобрѣтеніе можетъ совершаться или отъ общественныхъ властей или отъ частныхъ лицъ ⁵⁾). Въ зависимости отъ этого мы получаемъ слѣдующее подраздѣленіе:

I. Пріобрѣтеніе доли въ общественныхъ доходахъ.

Можно думать, что мы скорѣе всего встрѣтимъ имущество производнаго характера у чиновниковъ, особенно у важныхъ и высшихъ государственныхъ

1) Согласно Corio, Cibario, „Ec. pol.“ 32, 200. По Чибраріо, флоринъ=14,51 лив.; на мой взглядъ, это слишкомъ много.

2) Giov. Nic. Pasq. Alidosi, „Instruzione delle cose notabili della citta di Bologna“, 1621, стр. 35—36.

3) Lochner, „Nürnberg Vorzeit und Gegenwart“, 1845, стр. 84. Сравн. также Chr. d. St. T. I.

4) По W. Stieda, „Stadtische Financeen im Mittelalter“, въ „Jahrbücher für N. O.“, 17, 11—12.

5) Конечно, вполнѣ справедливо, что далеко не всегда возможно рѣзкое разграничение этихъ двухъ случаевъ, въ особенности когда дѣло идетъ о средневѣковыхъ отношеніяхъ. Но раздѣленіе задается у насъ только одною цѣлью: расположить интересующія насть явленія въ иѣкоторомъ виѣнѣшнемъ порядкѣ.

сановниковъ. Дѣйствительно, исторія знаетъ многочисленные примѣры сборщиковъ налоговъ, контролеровъ финансовыхъ, министровъ и канцлеровъ, которые начали свою карьеру круглыми бѣдняками, а умерли богачами, которымъ, слѣдовательно, при жизни удалось отвести въ свои карманы часть колоссальнаго потока налоговъ, направлявшагося въ кассы ихъ государей.

Въ такихъ странахъ, какъ Франція, въ которой сравнительно рано развилась своеобразная бюрократія, напоминающая современную, образованіе состояній изъ чиновничихъ окладовъ и посредствомъ простого воровства представляло весьма обычное явленіе. Что касается размѣровъ жалованья, въ старину они были значительно выше, чѣмъ въ настоящее время. Во Франціи уже въ эпоху Филиппа Красиваго мы встрѣчаемъ слѣдующіе оклады: два президента Chambre des comptes (счетной палаты, казначейства) получали по 2.000 парижскихъ ливровъ въ годъ (слѣдовательно, около 40—50 тысячъ франковъ въ переводѣ на современную валюту), члены по 400—600 ливровъ. У канцлера и первого президента парламента были оклады по 1.000 ливр.¹⁾. У одного французскаго маршала (1350 г.) было окладъ въ 500 ливр., такой же, какъ у воспитателя принца (1328 г.). Три лица, занимавшія высшія придворныя должности (1408 г.), получали по 2.000 ливровъ, великий канцлеръ (1472)—400 ливр.²⁾.

Должности по горному управлению также повсюду открывали возможность чрезвычайно быстраго обогащенія³⁾.

Правящія фамиліи въ городахъ, конечно, довольно часто наполняли свои карманы общественными суммами; мы можемъ предполагать это, если бы даже не встрѣчали въ источникахъ категорического подтвержденія⁴⁾.

Однако, если бы мы подумали, что описанный путь былъ самый торный путь къ тому, чтобы сколотить частныя состоянія изъ общественныхъ доходовъ, это значило бы вполнѣ забыть сущность средневѣковыхъ отношеній. Чтобы открыть самый обычный путь, мы должны вспомнить своеобразныя особенности финансового управления въ средніе вѣка. Какъ извѣстно, для всего феодального финансового хозяйства, и даже для финансового хозяйства городовъ на первыхъ ступеняхъ ихъ развитія, характерно слѣдующее явленіе: верховныя фискальныя права, какъ и всякия другія, отдѣляются отъ личности

1) Vaitry, „Etudes sur le r g. fin. de la France“. Nouv. S r., 1 (1883), 287. Пьер Реми, генеральный контролеръ финансовыхъ, оставилъ послѣ своей смерти (1328) состояніе въ 1.200.000 ливровъ (52 миллиона франковъ на современную валюту). D’Avenel, „Hist. con.“, 1, 149. Канцлеръ Дюпра—состояніе 500.000 эку и 300.000 ливровъ. Ibid. 154.

2) По даннымъ у Lebeg, 64 и сл.

3) „Къ концу XV столѣтія (1496 г.) королевскіе доходы отъ рудниковъ въ Куттенбергѣ (Богемія) сильно сократились; причина—недобросовѣстность поставленныхъ надъ рудниками чиновниковъ, которые открыто обогащались отъ нихъ“. Gmelin, „Beytr ge zur Gesch. des teutschen Bergbaus“ (1783), 89 стр.

4) „Nochtan vindt man vele ghiere
Die scepdom copen diere
Om tfordeel dat man daer in vindt
Maer om ghorechtichede twind“.

первоначального субъекта права и переносятся на классъ новыхъ субъектовъ права, которые самостоятельно осуществляютъ эти права. Мы наблюдаемъ, что повсюду въ очень раннее время взиманіе налоговъ и пошлинъ, управлениі монетныхъ дѣломъ и т. д. переходитъ въ руки мѣстныхъ вельможъ. Таможенный чиновникъ и монетный мастеръ, шерифъ¹⁾ и балль со своими *sous-baillis* и *prévôts* — это средніе типы. Имъ переданы монархами верховныя права, они управляютъ самостоятельно, и обязаны только доставлять опредѣленныя суммы, оплачивать изъ доходовъ тѣ работы, которыя они взялись выполнить; остатки предстаиваются въ полное ихъ распоряженіе. Въ нашу задачу не входить изслѣдованіе того, насколько различно совершилось развитіе въ разныхъ странахъ: въ одной первоначальная верховныя права короля благодаря пожалованіямъ и дареніямъ постепенно свелись къ нулю, такъ что у казначея вырывается слѣдующее признаніе:

„Wir haben so viel Rechte hingegeben,
Dass uns auf nichts ein Recht mehr ubrig bleibt“²⁾.

Въ другой странѣ королевство, напротивъ, было достаточно сильно, чтобы сохранить верховныя права въ своихъ рукахъ. Я намѣтилъ бы здѣсь только одну мысль: если въ Германіи крупныя состоянія возникли много позже, чѣмъ въ Англіи и Франції, это, несомнѣнно, слѣдуетъ отчасти приписать различіямъ въ ходѣ развитія верховныхъ правъ въ названныхъ странахъ: когда наступило время для образованія имущество производного характера, капиталисты Англіи и Франції могли черпать изъ богатыхъ резервуаровъ королевскихъ доходовъ; между тѣмъ ихъ немецкимъ коллегамъ приходилось утолять свою жажду изъ мелкихъ ручейковъ епископскихъ и феодальныхъ доходовъ.

Большій интересъ для насть представляеть переходъ отъ первоначально феодальнаго управления финансами къ новымъ формамъ, при которыхъ оно получаетъ особенное значеніе для накопленія капитала. По мѣрѣ того, какъ денежное хозяйство дѣлаетъ все новыя завоеванія и управлениіе финансами становится сложнѣе, министеріалы, сеньоры и лорды осуществляютъ верховныя фискальныя права все съ большею неудовлетворительностью. Возникла потребность въ подготовленныхъ силахъ. Такими силами, въ соотвѣтствіи съ эпохой, являются прежде всего дѣловые люди: торговцы товарами и особенно торговцы деньгами. Послѣдніе были тѣмъ симпатичнѣе для монарховъ, что они могли удовлетворить потребности, которая становилась все ощутительнѣе для этикъ высокихъ господъ: потребности въ наличныхъ деньгахъ. Трудно было бы выдумать лучшій способъ для ея удовлетворенія, чѣмъ слѣдующій: общественные сборы отдавались этой *pouva gente* въ аренду или какъ залогъ, подъ который государи получали авансомъ денежныя суммы, принимавшія форму ссуды. На мѣсто старыхъ, феодальныхъ чиновниковъ выступаетъ новый общественный классъ, классъ капиталистовъ, буржуа, финансистовъ,

¹⁾ Сравн. недавно появившуюся любопытную работу: G. J. Tuggeg, „The Sheriff's Farm“, въ „Transactions of the R. Histor. Soc.“, 12 (1898), 117—149.

²⁾ „Мы пораздавали такъ много правъ, что у насъ уже ни на что не осталось права“.

скажемъ мы, слѣдя установившемуся словоупотребленію. Превращеніе иѣ-
когда феодального управления финансами въ буржуазное представляетъ явленіе,
общее для всѣхъ странъ въ теченіе среднихъ вѣковъ.

Начиная съ XIII столѣтія, въ Германіи и въ Италии, во Франції, Англіи
и въ Бельгіи число дѣловыхъ людей, занимающихъ мѣста сборщиковъ нало-
говъ, монетныхъ мастеровъ и т. д., все увеличивается. Итальянцы пользуют-
ся особою славой: они снабжаютъ всю Европу такими дѣльцами, — точно
такъ же, какъ въ настоящее время Швейцарія, напр., разсылаетъ во всѣ
концы свѣта мастеровъ по изготавленію сыра ¹⁾). Въ большинствѣ странъ
монетчикамъ принадлежала также и очень доходная привилегія мѣны денегъ ²⁾.

Особенною знаменитостью пользовались *sampsores camerae apostolicae* (сборщики папской куріи), на которыхъ указывалъ намъ уже старый Панини. Ихъ судьбамъ посвящены многочисленныя основательныя специальные изслѣ-
дованія, написанныя съ совершеніемъ исключительно любовью къ предмету.

Мы знаемъ теперь съ полною обстоятельностью, какую искусственную си-
стему сборовъ устроили папы, чтобы направить въ свои центральные кассы тѣ
деньги, которыя стекались къ нимъ изъ всѣхъ государствъ. Мы можемъ
прослѣдить всѣ странствованія генераль-коллекторовъ, коллекторовъ (сборщи-
ковъ) и субъ-коллекторовъ; намъ известны мѣшки и сундуки, въ которыхъ
обыкновенно сберегались деньги, пока онѣ не поступали въ главный центръ,
известны иногда даже надписи на мѣшкахъ и ящикахъ. Поэтому намъ известно
теперь и то, что интересуетъ насъ въ данномъ слѣдствіи: уже съ XIII столѣтія
сборъ и передача папскихъ денегъ по назначению были возложены на купцовъ.

¹⁾ Ріge опреац, 1, 266, такъ разсказывается о зажиточныхъ сборщикахъ налоговъ
уже въ XII вѣкѣ: „Эти буржуа обязаны вносить въ кассу поземельные подати данного владѣнія и у каждого изъ нихъ есть ключъ отъ сундуковъ, въ которыхъ хранятся въ казнѣ Темпля
налоги, взимаемые королемъ“ „Ломбарды“ въ теченіе XIII столѣтія являются сборщиками
во Франції. С. Piton, „Les Lombards à Paris et en France“, 1 (1891), 36. Сэръ Ciapre-
rello Distaiuti da Prato, известный герой въ одной изъ новеллъ Боккачіо, въ 1288—1298
году служилъ въ Оверніи сборщикомъ подати, известной подъ названіемъ baillie. Piton, 1, 69; въ 1295 г., при Филиппѣ Красивомъ,—сборщикомъ и другихъ налоговъ. Братья
де-Бони (XIV вѣкъ) тоже были сборщиками таллии (tailles). „Le livre de comptes des Frères
Bonis“, изд. E. Forestié, 1 (1890), XXVII. Ордонансы 1323 и 1347 г. воспрещаютъ прини-
мать итальянцевъ на службу, но безуспѣшно. J. J. Clamagere, „Hist. de l'impôt en
France“, 1 (1867), 337. И въ Англіи мы встрѣчаемъ ломбардовъ въ должностяхъ сборщиками
налоговъ; но на ряду съ ними постепенно возвышаются и туземные дѣловые люди. Сравн.
немного ниже. Итальянские монетные мастера за границей: во Франції, Piton, passim;
въ 1278 г. договоръ между французскими королемъ и товариществомъ ломбардовъ и то
сканцевъ. При Эдуардѣ I одинъ изъ Флорентийцевъ призванъ въ Англію для завѣдыванія
монетнымъ дѣломъ. Della dec., 2, 74. Въ Сиріи и Палестинѣ — въ государствахъ кресто-
носцевъ—управление монетными дворами въ большинствѣ случаевъ находилось въ рукахъ
венецианцевъ, которые „несомнѣнно извлекали изъ этого очень значительный барышъ“.
Ррутц, „Kulturgechichte der Kreuzzige“, 373. Объ огромномъ количествѣ итальянцевъ на
иѣменскихъ монетныхъ дворахъ см. обстоятельное изложеніе у Schulte, 1, 328 и сл.
Сравн. также S. Alechi, „Die Münzmeister der Calimala- und Wechslerzunft in Florenz“, въ
„Zeitschrift für Numismatik“ 17 (1890), 258 и сл.

²⁾ Сравн. для Германіи: K. Eheberg, „Das ältere deutsche Münzwesen etc.“
(1879), 50 и сл.; о прѣбыльномъ „обезвѣніи монеты“ см. въ особенности стр. 55 и сл.
Для Англіи: Cunningham, 1, 301 и сл. Для Франціи: Vuitry, „Etudes“, 2, 261.

Съ первыми „банкирами“ куріи мы встрѣчаемся при папѣ Григоріи IX (1227—1241¹). Но огромное значение института campsores camerae apostolicae получило позднѣе, въ XIV столѣтіи, особенно послѣ уничтоженія ордена тампліеровъ, которымъ во время его существованія особенно часто пользовались для собиранія денегъ. Въ первое время функции этого рода исполнялись купцами изъ разнообразнѣйшихъ итальянскихъ городовъ: изъ Лукки, Пистой и особенно изъ Сиены; но съ течениемъ времени флорентійцы все рѣшительнѣе завоевывали въ свою пользу влиятельное положеніе около священнаго трона, пока, наконецъ, они едва не монополизировали всѣ банковскія операции. Синьи и Спилати, Барди, Черки, Пульчи, Альфани—всѣ они постоянно почитали за особую честь для себя зарѣдывать денежнными дѣлами св. отца. Въ концѣ концовъ ихъ всѣхъ вытѣснили Медичи, которые въ теченіе XV и XVI столѣтія были папскими банкирами *rag excellence* — Ротшильдами итальянского возрожденія. *

Мы уже упоминали, что въ особенности дорога была piuova gente для монарховъ (и городовъ), такъ какъ она могла служить наличныя деньги. Ея представители, первоначально исполнявшіе функции чиновниковъ, контролируемыхъ монархами, обыкновенно превращаются въ откупщиковъ налоговъ, монеты и пошлины, т.-е. въ кредиторовъ, которымъ верховная власть отдается въ аренду свои фискальныя права. Въ концѣ же этого развитія мы въ качествѣ сборщиковъ встрѣчаемъ уже только однихъ кредиторовъ.

Всѣ функции этого рода исполнялись прежде всего опять-таки торговыми домами съверной Италии. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ отдача въ аренду налоговъ и пошлинъ была, можно сказать, господствующей системой взиманія налоговъ въ этихъ городахъ: естественное наслѣдіе римскаго финансового управления. Но купцы итальянскихъ городскихъ республикъ въ своей дѣятельности мытарей далеко не ограничивались своей родиной. И вотъ мы видимъ, что торговые дома съверной Италии такъ же часто выступаютъ арендаторами папской десятины, какъ откупщиками княжескихъ сборовъ въ средней Германіи, талы во Франціи, таможенныхъ сборовъ—въ англійскомъ королевствѣ.

Однако, во всѣхъ этихъ странахъ и туземный дѣловoy міръ кое-чemu научается у ломбардцевъ и нерѣдко (напр., въ Англіи) смѣняетъ ихъ въ исполненіи функций финансистовъ короны. А впослѣдствіи, въ XVI столѣтіи, крупные торговые дома Германіи до извѣстной степени берутъ на себя ту роль, которую въ XIII и XIV вѣкѣ играли ломбардцы.

Въ слѣдующихъ строкахъ я для иллюстраціи воспроизвожу рядъ замѣтокъ, которыхъ собраны у меня объ этомъ предметѣ.

1) Древнейший документъ, который подтверждаетъ, что купцами пользовались для управления папскими финансами,—это письмо Григорія IX (отъ 1233 г.), въ которомъ онъ свидѣтельствуетъ: „ad Angelicum Solasicum quamdam campsorem nostrum et eius socios mercatores senenses de omnibus rationibus, quos in Anglia, Francia et Curia Romana vel etiam alibi nostro vel Ecclesiae Romanae nomine receperunt“. Изъ Cod. Cenc. Cam., воспроизведено у Migatorii, „Ant. Ital. diss“, 16., t. I. стр. 118. Сравн. „Della dec.“ 2, 126.

Кромѣ того, слѣдуетъ указать на упомянутыя выше работы Кирша, Готтлоба, Шнейдера; общее положеніе ихъ результатовъ далъ Шульте, который добавилъ множество новыхъ деталей.

Аренда доходовъ отъ налоговъ, таможенныхъ сборовъ etc.

Папы. Отдача въ аренду или залогъ десятинъ случалась очень часто. Точные данные см. у Schneider, 42 и сл.; Gottlob, „Kreuzzugssteuern“ 250.

Рыцарскіе ордена, оказывается, тоже завязывали сношения съ купцами, которые являлись по отношенію къ нимъ банкирами, а при случаѣ (при огромныхъ доходахъ орденовъ это представляется почти невѣроятнымъ) оказывали услуги ссудами. По меньшей мѣрѣ, такъ было съ юаннитами, которые въ 1320 году задолжали домамъ Барди и Перуцци. J. Bosio, „Dell'istoria della sacra religione et ill^{ma} militia di S. Giovanni h^{er}erosolimitano“, 2 (1594), 28. Кромѣ только что названныхъ итальянскихъ домовъ, мѣниады въ Монпелье и Нарбоннѣ также служать банкирами для госпиталистовъ. Сравн. Heyd, „Gesch. des Levantehandels“, 1, 576.

Владыки итальянской церкви. Въ 1218 году епископъ Паганусъ сдастъ доходы одного рудника въ аренду флорентийскимъ капиталистамъ. Davidsohn, „Forsch.“, 3, 3 (№ 8).

Итальянскія коммуны. Венеция. Уже въ 1112 г. республика вынуждена къ продажѣ монетного двѣла. W. Lenel, „Vorherrschaft“, 40. Сравн. стр. 42 и сл. Въ томъ же столѣтіи, когда некоторые граждане собрали денегъ на возстановленіе флота, „promissum fuit civibus, restituere mutuataam pecuniam eis obligantes redditus communis“. H. Simonsfeld, „Venetianische Studien“, 1, 137. Такимъ образомъ понемногу были заложены у кредиторовъ государства доходы отъ соляной монополіи, деньги, вырученные отъ десятинъ, поземельный налогъ terra firma. Ferraga, „Docum. per servire alla storia de banchi Veneziani“, въ „Arch. Veneto“ 1871, 1, 106 и сл., 332 и сл. Сравн. Lattes, dir. comm., 232.

Генуя. Отдача на откупъ или залогъ многочисленныхъ пошлинъ и налоговъ, соляной монополіи, чеканки монеты и т. д. начинается съ XII столѣтія. „Отдача налоговъ въ аренду до паденія республики является господствующей системой взиманія налоговъ“. Sievekind, „Genueser Finanzwesen“, 1, 41. Генуэзцамъ принадлежитъ треть таможенныхъ сборовъ въ акционской гавани: Rutz, 378.

Низа. Davidsohn, „Gesch. von Flor.“, 685.

Флоренція. Acciaiuoli и К^о въ 1329 г. взяли подъ залогъ соляной налогъ. Davidsohn, „Forsch.“, 3, 186.

Неаполь. Государственный мѣста часто отдаются флорентийцамъ въ аренду. Davidsohn, „Forsch.“, 3, XVII (обзоръ).

Амілк. Обстоятельной разработкой предмета занялся Bond, въ „Archaeologia“, т. 28. Первымъ королемъ, который воспользовался услугами иностранныхъ купцовъ, былъ, повидимому, Іоаннъ; при Генрихѣ III это становится уже обыкновеннымъ явленіемъ. Въ 1276—1292 гг. купцы изъ Лукки занимаютъ мѣста сборщиковъ пошлинъ; въ 1294 году 10 различныхъ торговыхъ домовъ изъ Лукки и Флоренціи принимаютъ участіе въ сдѣлкахъ съ шерстью. Въ началѣ XIV столѣтія Фрескобальди сосредоточили въ своихъ рукахъ почти все таможенные сборы королевства, какъ залогъ за ссуду, сдѣланную ими английской коронѣ. Della dec. 2, 70; здѣсь цитируется английский источникъ. Сравн. также Toniole, „L'econ. di credito etc.“, въ „Riv. int.“, 8, 563; Stubbs, „Const. Hist.“, 2^а, 561. Дальнѣйший фактический материалъ см. у Fox Bourne, „English merchants“, нов. изд. 1886, и до чрезвычайности любопытную новую статью Alice Law, „The English „Nouveaux-Riches“ in the fourteenth Century“, въ „Transactions of the R. Hist. Soc.“ New Series. Vol. IX., 1895, стр. 49 и сл. Миссъ Лоу показываетъ, что за Барди и Перуцци, которые еще въ 1340 г. владѣли девятинами въ шести графствахъ, скоро послѣдовалъ рядъ английскихъ домовъ, устраивавшихъ свои двѣла по примѣру итальянцевъ. „Они брали на себя не только аренду таможенныхъ пошлинъ, но даже и военныхъ субсидій; въ вознагражденіе за наличные деньги, которые они уплачивали королю, имъ было позволено взимать не только узаконенную пошлину въ 40 ш. съ мѣшка, но и дополнительный налогъ, какой только удавалось имъ при случаѣ выпустить отъ торговцевъ шерстью“, 63 стр. Англичане смѣнили итальянцевъ и въ управлѣніи монетнымъ двѣломъ, ibid., стр. 64 и сл.

Франция. Материалъ въ указанной выше работѣ Питона. Наши друзья де-Бони тоже были „арендаторами десятицъ и другихъ церковныхъ сбровъ“, т. е., стр. XXVII. Сравн. также стр. XVI. Davidsohn, „Forsch.“, 3, XVIII (обзоръ).

Бельгія. Мы видимъ, что у Крепена изъ Арраса, у Перуци изъ Флоренціи „почти всегда велись счета съ Гентомъ и Брюгге“. V ander kindere, 232.

Германія. Данцигъ и Вормсъ съ XIII столѣтія, Нюрибергъ съ 1360 г. и другие города отдавали свои доходы въ аренду. Neumann, „Gesch. des Wuch.“, 538 и сл.; въ XIV столѣтіи въ средней Германіи часто встречаются итальянцы, какъ арендаторы сбровъ въ пользу монарховъ, ib., 377. Сравн. также A. von Kostanecki, „Der öffentl. Kredit im Mittelalter“ (1889), стр. 32 и сл., и богатое собрание соответствующихъ данныхъ въ новой работе Schulte 1, 328 и сл. „Italiener an deutschen Zöllen“.

Въ XIV столѣтіи кёльнский архіепископъ Вильгельмъ сдастъ I. Гирцелину за 4.450 золотыхъ управление имѣніемъ близъ Бирбруена; ему же за 9.000 золотыхъ сдастъ архіепископъ мельничные и проѣздные сборы въ городѣ. „Chr. d. St.“, 14, CXXVI.

О залогѣ пошлинь и т. под. у евреевъ см. O. Stobbe, „Die Juden in Deutschland während des M. A.“, 1866. Стр. 116 и сл. Мы часто наблюдаемъ, что члены торговыхъ домовъ арендуютъ монетное дѣло. Въ 1296 году епископъ Конрадъ фонъ-Лихтенбергъ сдалъ на четыре года семи гражданамъ чеканку монеты въ Страсбургѣ. Str. U. B. 2. D. 201 и сл. Въ половинѣ XIII столѣтія архіепископъ майнцкій въ вознаграждение за ссуду сдастъ монетчикамъ чеканку монеты на два года. Kirchhoff, „Die ältesten Weistümer der Stadt Erfurt“, стр. 168. Въ Регенсбургѣ чеканка монеты тоже нерѣдко отдавалась на откупъ. Maffat, „Beiträge zur Geschichte des bayrischen Münzwesens“, въ „Abhandlung der Kgl. bayr. Akad. d. Wiss.“, III. Klasse, Bd. IX., Abt. I., стр. 217 и сл. Въ теченіе XIV и XV столѣтій чиновники, управлявшіе государственными предпріятіями, и монетчики нерѣдко захватывали лучшіе шахты и рудники; получая по временамъ ничтожное жалованье, они требовали для себя отъ горныхъ мастеровъ и рабочихъ участія въ дѣлѣ и приношеній. K. Sternberg, „Umriss einer Geschichte der böhmischen Bergwerke“ 2 (1838), 184. Дальнѣйшіе примѣры залога рудниковъ и горныхъ заводовъ:

Въ 1805 г. король Фридрихъ II завѣщалъ, чтобы еженедѣльно седьмая часть дохода отъ куттенбергскихъ рудниковъ отдавалась кредиторамъ въ уплату его долговъ; и король Рудольфъ на покрытие долговъ, оставшихся послѣ умершаго короля, выплачивалъ изъ доходовъ отъ Куттенберга по 1.000 марокъ серебра въ недѣлю. Hagec, „Böhmisches Chronik“, ч. I. пер. 1697 г., стр. 492; цит. у Gmelin, „Beyträge zur Geschichte des teutschen Bergbaus“ (1783), 82 стр.

Въ 1429 г. король Сигизмундъ предоставилъ совѣту и гражданамъ города Эгера въ полное завѣдываніе всяческую разработку всѣхъ рудниковъ близъ деревни Вессъ, въ Бехинскомъ округѣ; подъ залогъ рудниковъ онъ получилъ ссуду въ 300 шокковъ богемскихъ грошей. Gmelin, 94 (1 шоккъ богемскихъ грошей въ переводѣ на современную валюту соответствуетъ 19—20 маркамъ).

О залогѣ силезской горной и монетной регалии см. A. Steinbeck, „Geschichte des schlesischen Bergbaus“ 2 (1857), 134 и др.; саксонской: H. Ermisch, „Cod. dipl. Sax. reg.“ 13 (1886), XLVI: „изъ всего этого слѣдуетъ, что монетные мастера того времени (XIV столѣтія) были не столько чиновниками, сколько банкирами своихъ государей и арендаторами монетнаго дѣла“.

Уже въ XVI столѣтіи регалии въ большинствѣ современныхъ государствъ были заложены у богатыхъ кредиторовъ. Относительно Венгрии см., напр., F. Dobel, „Der Fugger Bergbau und Handel in Ungarn“, въ „Zeitschrift des histor. Vereins für Schwaben und Neuburg“ 6 (1879), 43 и сл. Съ 1487 года начинаются многочисленные договоры относительно горнаго дѣла, заключенные между Фуггерами и эрцгерцогами тирольскими; согласно этимъ договорамъ Фуггерамъ предоставлялось, съ одной стороны, взимать съ горнодѣловъ платежи, которые тѣ обязаны были уплачивать государству, съ другой стороны—самостоятельно заниматься горнымъ дѣломъ. F. Dobel, „Ueber den Bergbau und Handel des Jacob und Anton Fugger in Kärnten und Tirol“ (1495—1560), въ „Zeitschrift des hist. Ver. für Schwaben und Neuburg“ 9 (1882) 198 и сл.

Христофоръ Шейрль тоже ссудилъ (1494 г.) императору Максимилиану „почтенную“ сумму денегъ подъ серебро изъ тирольскихъ рудниковъ; императоръ, съ своей стороны, обязался ежегодно доставлять Шейрлю и его сотоварищу Генриху Вольфу по меньшей мѣрѣ 12.000 марокъ серебра, изъ которого Шейрлю предоставлялось чеканить императорскую монету въ свою пользу. А. в о п S c h e u r l, „Christoph Scheurl“ (1884), 17.

Точно такъ же какъ тирольскіе и венгерскіе рудники перешли къ Фуггерамъ, какъ залогъ за ссуженные ими деньги, перешли въ ихъ владѣніе и рейхенштейскіе рудники, принадлежавшіе герцогамъ мюнстербергъ-эльскімъ; Фуггеры также извлекали изъ нихъ крупныя выгоды. E. F i n k, „Die Bergwerksunternehmungen der Fugger in Schlesien“, въ „Zeitschrift des Vereins für Geschichte und Altertum Schlesiens“, 28 (1894), 309 и сл. Первоначально связь торговыхъ домовъ съ рудниками сводилась къ тому, что домамъ предоставлялись права на сборы въ пользу государей. Но дома этимъ не ограничивались и постепенно или подчиняли себѣ горнодѣлами или же сами становились предпринимателями-горнодѣлами, какъ будетъ показано ниже.

II. Пріобрѣтеніе привилегій, связанныхъ съ частнымъ землевладѣніемъ.

Итакъ, папы, короли и богатые города, предоставляя крупнымъ торговымъ домамъ участіе въ своей собственности, служили для нихъ источникомъ быстраго обогащенія. Такую же роль для среднихъ и мелкихъ, особенно для начинающихъ, сыграли духовные и свѣтскіе феодалы - землевладѣльцы. И здесь въ основѣ всѣхъ едѣлоѣ лежало то же самое, что и въ предыдущихъ случаяхъ: или вознагражденіе за оказанныя услуги или (таково общее правило) вознагражденіе за ссуду денежныхъ суммъ.

Обратимся прежде всего къ первому способу накопленія имущества. Больѣе крупные изъ частныхъ землевладѣльцевъ готовы были воспользоваться услугливыми и знающими дѣло купцами, вообще говоря, для такихъ же функций, съ которыми мы уже познакомились, когда говорили объ организаціи королевскаго и папскаго управлѣнія. Должности сборщиковъ ренты, управляющихъ имѣніями, regisseurs, intendants, bailiffs, reeves — и какъ бы еще тамъ ии назывались сборщики рентъ въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ, — таковы были мѣста, которымъ торговые дома оказывали особенное предпочтеніе. И въ этомъ случаѣ мы чаѣвѣ всего встрѣчаемся съ ломбардцами („ломбардами“), разсѣявшимися по цѣлой Европѣ. Въ вознагражденіе за услуги получатели ренты не только щедро дѣлились со своими служащими своими доходами, но нерѣдко передавали имъ часть владѣній въ полную собственность¹⁾.

1) Во Франціи, на баптировъ возлагался также сборъ доходовъ крупныхъ частныхъ собственниковъ; они въ извѣстномъ смыслѣ выполняли функции управляющихъ или интендантовъ. Именно таковъ былъ въ концѣ XIV вѣка Динье Рашондъ, пользозвавшійся почетомъ ломбардецъ, у которого были конторы въ Парижѣ и Брюгге. Онъ заѣдалъ дѣлами герцога Бургундскаго, графа Фландрскаго, d'Олонда Кассельскаго, сира Тремуала и, несомнѣнно, сотенъ другихъ лицъ“. „Могущественные принцы отдавали ломбардцамъ домуны въ благодарность за ихъ услуги“. D'A u p e l, „Hist. écon.“ 1, 109—110. Сравн. также Magx, „Kapital“ 1⁴, 709—710. То же явленіе и въ другихъ странахъ. Въ годы 1403—1411 якій Oddonius Asinerii Domicellus является одновременно кредиторомъ и каstellenомъ графа Грейерскаго въ помѣстьяхъ Обони и Конле. J. F. A m i e t, Die französischen und lombardischen Geldwucherer des Mittelalters naivertlich in der Schweiz, въ „Jahrbuch für Gesch.“ 2,251 и сл.

Но выдача ссудъ въ дѣлахъ съ частными лицами еще чаще является средствомъ для того, чтобы получить право на часть чужой собственности,— много чаще, чѣмъ даже въ сдѣлкахъ съ общественными властями. Важная историческая миссія денежного займа—или, выражаясь точнѣе, ростовщичества—заключалась въ томъ, что при его посредствѣ феодальное богатство въ широкихъ размѣрахъ превращалось въ богатство буржуазное, и ростовщичество послужило такимъ образомъ подготовительной стадіей къ современной капиталистической хозяйственной жизни. Но здесь же необходимо отмѣтить, что всѣ средневѣковые денежные займы, поскольку они не сводились къ ростовщической эксплуатации землевладѣльцевъ, особенно крупныхъ феодаловъ—землевладѣльцевъ,—всѣ они играли такую же ничтожную роль въ накопленіи капитала, какъ профессиональная торговля, имѣвшая ремесленный характеръ. Безспорно, въ разныxъ заходустьяхъ существовало множество ростовщиковъ, которые жили эксплуатацией мелкаго люда—класса зависимыхъ или ремесленниковъ¹⁾. Но кто хотѣлъ разбогатѣть ростовщичествомъ, тому слѣдовало добраться до землевладѣльца, собственно даже до крупнаго землевладѣльца. Въ средніе вѣка дѣла обстояли точно такъ же, какъ и въ настоящее время: мелкій кредиторъ, который ссужаетъ деньги лицамъ, занятымъ въ промышленности, крестьянамъ, мелкимъ чиновникамъ, рабочимъ и т. под. люду, какіе бы высокіе проценты онъ ни взималъ, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ сколотить богатство,—вообще же для этого необходимо охотиться за крупною дичью. Для эпохи экстенсивнаго населенія и неразвитой техники сношеній это справедливо еще въ большей степени, чѣмъ для настоящаго времени, когда, при наличности благопріятныхъ обстоятельствъ, является возможность „оперировать надъ массой“.

И вотъ, если бы еще требовались доказательства, цѣлый рядъ источниковъ подтверждаетъ, какую господствующую роль играли въ средневѣковыхъ кредитныхъ сдѣлкахъ духовные и свѣтскіе землевладѣльцы; источники съ икошевержимо убѣдительностью показываютъ, какія крупныя земельныя цѣнности при посредствѣ кредита перешли въ руки обладателей денегъ.

Какъ известно, духовные владыки больше всего запутывались въ долгахъ благодаря ихъ обязательствамъ по отношенію къ Риму, благодаря исполненію servitia communia. Всѣдѣствіе этого потребность духовенства въ деньгахъ была для всѣхъ странъ общимъ явленіемъ, и потому болѣе состоятельный собственники денегъ располагали очень крупными шансами для быстраго обогащенія. Издѣлованія Готтлоба, Шнейдера (стр. 50 и сл.) и др., а также до чрезвычайности богатое собраніе матеріаловъ у Шульте (1,235 и сл. стр.), до мельчайшихъ деталей знакомятъ насъ съ взаимными отношеніями прелатовъ, нуждавшихся въ деньгахъ, и ихъ кредиторовъ. Намъ известно теперь, что итальянскіе торговые дома и въ этомъ случаѣ стояли на первомъ планѣ, что они и за предѣлами Италии устраивали дѣла съ владыками церкви.

Тѣмъ не менѣе, кредитныя сдѣлки съ свѣтскими крупными землевладѣльцами, въ особенности съ деревенскимъ дворянствомъ, имѣли,

1) См. экскурсъ въ концѣ этой главы.

на мой взглядъ, еще большее значение для накоплениі имуществъ. Причина заключается прежде всего въ томъ, что здѣсь для кредитора открывалась наибольшая возможность не только получить часть ренты, но захватить и саму землю,—и это иногда за сравнительно ничтожную сумму долговъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучительны опять-таки итальянскія отношенія. Въ Италии мы наблюдаемъ съ полной ясностью, какъ потомство старинныхъ землевладѣльцевъ, дворяне, развиваются въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: они или сохраняютъ за собою свое вліятельное положеніе, продѣливая процессъ урбанизаціи (урбанизація—превращеніе въ городское сословіе), какъ будетъ показано ниже; или же, если имть не удается такая метаморфоза, они бѣднѣютъ, попадаютъ въ руки ростовщиковъ, въ собственность которыхъ переходитъ въ концѣ - концовъ значительная часть ихъ владѣній. Это — первичная стадія накоплениія, которое и въ данномъ случаѣ имѣеть производный характеръ. А на слѣдующей стадіи землевладѣніе съ его доходами становится базисомъ, на которомъ въ городахъ развиваются денежныя состоянія ростовщиковъ, этой *gente nuova*. Легко видѣть, что общую причину разоренія сельского дворянства, неспособнаго приспособиться къ новымъ условіямъ, было развитіе городовъ. Напр., мы наблюдаемъ, что въ флоrentийской области, где отношенія отличаются особенною прозрачностью, крупное дворянство уже съ конца XI столѣтія начинаетъ впадать въ долги и, слѣдовательно, бѣднѣть. Обычно формою обезспеченія долговыхъ обязательствъ здѣсь былъ залогъ, принимавшій при извѣстныхъ условіяхъ видъ продажи за неустойку; продажа, конечно, обыкновенно совершалась по цѣнѣ, далеко отстававшей отъ действительной стоимости. Документы о продажѣ отдавались въ залкладъ кредитору; договоръ продажи снабжался оговоркой, согласно которой онъ утрачивалъ силу, разъ къ условленному сроку возвращалась сумма долга вмѣстѣ съ процентами. Въ противномъ случаѣ собственность немедленно отчуждалась, и кредиторъ превращался въ собственника заложеннаго имѣнія. „Поэтому имущества и достоянію дворянъ, равно какъ и монастырскихъ учрежденій, постоянно угрожала опасность попасть въ руки ростовщиковъ“. Съ XII столѣтія мы могли бы съ полной ясностью прослѣдить въ области Флоренціи возвышеніе такихъ кредиторовъ - губителей. Къ ихъ числу принадлежитъ большое количество самыхъ выдающихся въ позднѣйшее время флоrentийскихъ торговыхъ и банкирскихъ домовъ; извѣстно, что всѣ эти Перуцци, Пеголотти, Мораччи, Тиніози, Эбріачи и др. разбогатѣли ростовщическою эксплуатаціей крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ другихъ странахъ Западной Европы мы наблюдаемъ то же самое, что и въ Италии: въ Швейцаріи и въ Германіи, во Франціи и въ Англіи — вездѣ владѣльцы денегъ, пускавшіе ихъ въ ссуду, разбогатѣли путемъ присвоенія земельной ренты или земельной собственности. Крестовые походы въ значительной степени отмѣчаютъ переломъ въ развитії. Ихъ организація уже сама по себѣ требовала крупныхъ наличныхъ средствъ, которыми не располагало большинство крестоносцевъ. Они закладывали городскимъ кредиторамъ, нерѣдко итальянцамъ по происхожденію, доходы со своихъ ленныхъ имѣній или съ какой-либо другой недвижимой собственности. А когда походы на Востокъ начали приносить свои плоды, когда открылась эпоха прогрессивнаго

расцвѣта городовъ и, следовательно, все городское стало пріобрѣтать въ глазахъ современниковъ большую цѣнность, когда начали пробуждаться стремленія къ роскоши и комфорту,—тогда обладаніе деньгами необходимо и все рѣшительное стало превращаться въ предметъ самыхъ горячихъ помышлений дворянства. Но дворянство часто не могло достать денегъ другимъ способомъ, какъ только посредствомъ легкомысленной задолженности. Все, что мы наблюдаемъ въ Италии XIII столѣтія, въ совершенно такихъ же формахъ повторяется въ Германии XV вѣка. Дворянство—такъ ему думалось—должно въ дѣлѣ роскоши ити впереди горожанъ. „Франтовство и грубость въ одинаковой мѣрѣ сдѣлались характерными чертами рыцаря“. Щегольская одежда была главной причиной его задолженности. „Въ большой мѣрѣ отъ пышности одежды,—говорить одинъ моралистъ—проповѣдникъ,—произошло то, что дворянство падаетъ въ германскихъ земляхъ; они (дворяне) хотѣли красоваться пышностью, какъ это дѣлаютъ богатые купцы въ городахъ... Но у нихъ нетъ денегъ, которыхъ, напротивъ, имѣются у купцовъ... Такъ входятъ они въ большие долги и попадаютъ въ руки ростовщиковъ—евреевъ и евреевъ-христианъ, а потомъ должны продавать свои имѣнія вполнѣ или отчасти“. Такъ, одна вдова, по имени фонъ-Гейдорфъ, продала за ничтожную сумму деревню Геппингенъ на Аблахѣ, потому что по случаю турнира ей хотѣлось пріобрѣсти юбку изъ голубого бархата. Въ одномъ только Верхнемъ Гессенѣ за послѣднія столѣтія среднихъ вѣковъ исчезло 200 рыцарскихъ фамилій. Относительно вестфальского дворянства Колевинкъ изливается въ такихъ жалобахъ: „Нашъ иѣкогда такой почтенный родъ падаетъ изо дня въ день. Чужие владѣютъ нашимъ наследіемъ“.

Я приведу еще дальнѣйшіе примѣры, которыми иллюстрируется ростовщическая эксплуатациѣ сельскаго землевладѣнія.

Италия. Для Флорентіи см. Davidsohn, „Gesch. von Florenz“ 1,284 и сл. 795 и сл. „Forschungen“ (1896), 158 и сл. Уже изъ XII столѣтія до насъ доходить извѣстія о разореніи части дворянства въ Венеціи: „Multos nobiles, qui ad paupertatem devenerunt,“ поддерживаетъ дожъ Ціани, который самъ „обладалъ колоссальнымъ состояніемъ“. „Можно видѣть, какъ, несомнѣнно, не малая часть дворянства, неспособного считаться съ требованіями времени, впадала въ бѣдность“. Lebel, Vorherrschaft, 46. Ясно, что имѣнія этого дворянства должны были раньше всего перейти въ другія руки, и это могли быть только руки ростовщиковъ. Для Савои см. Q. Sella, „Del codice d'Asti etc., Atti della R. Acc. dei Lincei. Ser. 2^a Vol. IV. 1887, 229 и сл.

Но итальянские капиталисты умѣли обогащаться ростовщической эксплуатациѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и за предѣлами Италии. „I Fiorentini... in Inghilterra ed in Francia prestando a Signori sopra le loro terre ragunatono immense ricchezze“. (Флорентинцы... въ Англіи и Франціи, ссужая синьорамъ подъ ихъ земли, накопляли громадныя богатства). G. Manzi, „Discorso sopra il commercio degli italiani nel sec. XIV.“ (1818), 53.

Для Франціи сравн. D'Avencen, 1, 109 и сл. „Дворяне и ростовщики, имѣя нужду другъ въ другѣ, жили, казалось,... въ добромъ согласіи“. Интереснымъ документомъ является завѣщаніе богатѣйшаго изъ парижскихъ ростовщиковъ XIII столѣтія извѣстнаго Гандульфа де-Арселя (Гандуфля), который, мучимый страхомъ на смертномъ одрѣ, какъ это неизѣкко бываетъ, перечислилъ всѣ жертвы своей профессіональной дѣятельности и приказалъ возвратить имъ полученные отъ нихъ „usurae“. Списокъ содержитъ почти исключительно имена духовныхъ и свѣтскихъ господъ. Его воспроизвелъ Piton, 161 и сл.

Mes peres fu francs hom et de grant parenté:
Pui kei en malage et en grant poverté,
Et engaga ses terres, petit l'en fu remés.
Cis hom ert par usure en grant avoir montés:
A mon pere fist toute se tere racater;
Puis m'i dona a feme...

Ajol. v. 7065 suiv. 7111 suiv.

Изд.: Sociétés des anciens textes franç.

„ Jaques Normand et Gast. Raynard.

Сравн. также хроникера Rigord, „Vie de Philippe Auguste“, въ Collect. des Mém. rél. à l'Hist. de France“, 1825. стр. 22 (нумеръ тома не обозначенъ). Davidsohn, Forsch. 3 Nr., 139 (очень поучительные документы). Во всей поэзии трубадуровъ крупную роль играетъ дворянинъ, мучимый своими кредиторами.

Въ Англии сначала евреи, а потомъ ломбардцы являются наследниками богатыхъ крупныхъ землевладельцевъ. „Евреи получали сорокъ процентовъ за ссуду денегъ расточительнымъ или подавленнымъ налогами землевладельцамъ“. Cuningham, 1, 189 и сл., 328. Въ 1325 году король и большинство прелатовъ сдѣлались должниками ломбардцевъ, такъ что архиепископъ лондонскій хотѣлъ было выслать ихъ, но пана воспротивился этому. Piton, 216. Сравн. также Madox, „The History and Antiquities of the Exchequer of the Kings of England“, 1 (1769), 222 и сл., 249 и сл.

Ростовщической эксплуатацией крупныхъ землевладельцевъ во Фландріи занимались дѣловые люди оиатъ-таки изъ Италии, особенно изъ Сиены. Богатый материалъ собранъ у G. des Magaz., „La lettre de Foire à Ypres au XIII sc.“, 1901; сравн. стр. 165, 174, 183, 195, 254 и сл. Авторъ вполнѣ справедливо замечаетъ (стр. 54): „Въ средніе вѣка ростовщической кредитъ (подъ залогъ) по сравненію съ ипотечными кредитомъ былъ явленіемъ еще болѣе распространеннымъ, чѣмъ даже въ настоящее время. Залогъ въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, фактически былъ равносителенъ окончательному отчужденію, такъ какъ возвратъ его обставлялся въ сущности невыполнимыми условіями“. Сравн. также Vanderkindere, 223.

Въ Гюи де-Дампьера, напр., денежные люди, особенно итальянцы, вѣшли не хуже, чѣмъ „вши въ шкуру“. Милую характеристику этого великолѣпного, истинно барственного типа, у которого никогда не было денегъ, но тѣмъ больше было долговъ, даетъ Finch-Brentano, „Philippe le Bel en Flandre“, 76 и сл.

Для Германіи и Швейцаріи, насколько дѣло касается итальянцевъ, сравн. Schulze, 1, 290 и сл.; вообще же — Lampricht, „Zum Verständniß etc.“, въ Zeitschrift für Soc. und Wirtschaftsgesch., 1, 233 и сл., и Jannissen, 1, 444; все они сходятся въ сужденіяхъ о положеніи дворянства, хотя въ другихъ отношеніяхъ ихъ взгляды очень различны. О ростовщической эксплуатации землевладельцевъ евреями см. Stobbe, 117 и сл., 240. Документъ 1287 г.: Гюнтеръ фонъ-Шварцбургъ заложилъ у одного еврея участокъ земли tali pacto, ut si termino statuto non redimeremus, quod tunc sibi absque contradictione maneret et titulo proprietatis liberae suum esset; следовательно, и здесь передъ нами своеобразная покупка, обставленная извѣстными оговорками. Stobbe, 240. Такъ какъ права евреевъ владѣть земельною собственностью были ограничены, то они выдавали ссуды большою частью подъ залогъ драгоценныхъ камней, другихъ цѣнныхъ предметовъ, серебряной утвари и украшений. Примѣры см. у Stobbe, 240.

Ростовщической эксплуатацией крестоносцевъ см.: Heyd, „Levantehandel“, 1, 159. Prutz, „Kulturgeschichte der Kreuzzüge“, 364 и сл. Schaub, въ „Jahrbüchern für N.-Oe.“, 15, 605 и сл. Cunningham, Growth, 1, 191. Piton, 1, 21. Итальянскія коммуны, особенно венеціанская, сумѣли ростовщически эксплуатировать крестоносцевъ, взявъ на себя ихъ перевозку. Конечно, транспортъ былъ для итальянцевъ самымъ удобнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы вытянуть изъ беспомощныхъ крестоносцевъ постыдные гроши. Сравн. Prutz, „Kulturgeschichte“, 100 и сл.

Наконецъ, я долженъ упомянуть еще о троякаго рода обстоятельствахъ. Всѣ они лежатъ виѣ нормального хода ликвидации феодальныхъ богатствъ

(подъ этимъ названіемъ можно объединить большинство отмѣченныхъ выше методовъ перемѣщенія состояній), и всѣ были способны содѣйствовать быстрому "образованію новыхъ имуществъ. Я имѣю въ виду:

1) по меньшей мѣрѣ временную экспроприацію владѣній ордена тамплиеровъ, которая въ особенно широкомъ масштабѣ была произведена въ Англіи¹⁾;

2) следствія чумы въ XIV столѣтіи, особенно въ 1350-хъ и 1360-хъ годахъ: значительная часть имущества внезапно потеряла владѣльцевъ; оставшіеся въ живыхъ могли массами захватывать эти имущества посредствомъ наслѣдованія или другими способами;

3) закрытие монастырей и конфискация монастырских имуществъ, что относится, впрочемъ, уже къ значительно позднѣйшему времени.

С. Количественное значение перемещения состояний.

Уже предыдущая часть этой главы, думаю я, могла привести къ убѣжденію, что посредствомъ простого перемѣщенія была „заработана“ очень значительная часть новыхъ имуществъ. Или, говоря другими словами, многие представители зажиточной городской буржуазіи, которая въ свое время должна была послужить зародышемъ класса капиталистовъ, были обязаны своими богатствами своему участію въ общественныхъ доходахъ или завладѣнію феодальною собственностью.

Но какъ это ни ясно, я все же намѣрѣнъ прибѣгнуть къ цифровымъ даннымиъ и такимъ образомъ еще болѣе усилить то впечатлѣніе, которое получилось у насть отъ знакомства съ историческими событиями. Насколько мы располагаемъ числовымъ материаломъ о средневѣковыхъ денежныхъ сдѣлкахъ, мы смѣло можемъ сдѣлать такой выводъ: было бы затруднительно преувеличить размѣры передвиженій имущества, совершившихся въ Европѣ въ періодъ отъ XII до XV столѣтія только что описаннымъ способомъ. Во всякомъ случаѣ одно несомнѣнно: если мы сопоставимъ цифры цѣнностей, обращавшихся въ сферѣ торговли, съ цифрами кредитныхъ сдѣлокъ за одинъ и тотъ же періодъ, первыя совершенно стушуются и исчезнутъ передъ вторыми. Что же касается суммъ, которыхъ по всей вѣроятности зарабатывались на кредитныхъ сдѣлкахъ, онѣ еще болѣе превосходили самыя высокія прибыли, о какихъ только могъ помышлять средневѣковый торговецъ. Въ са-
момъ дѣлѣ обратимъ вниманіе хотя бы на слѣдующія сопоставленія: почти въ то самое время (середина и конецъ XIV столѣтія), когда общая пѣни-

1) „era tanta la sete ch'ognuno haveva d'havere di quei benedetti beni de' Templari; ch'anco in Inghilterra alcuni marchesi, conti e baroni impadroniti s'erano di tutti i beni soprattuti che negli Stati loro si trovavano e talmente occupati gli tenevano che non volevano intendere parola d'avergli à restituire“ (такова была жажда, которую каждый пыталъ къ получению благодатныхъ имѣній тамплеровъ, что даже въ Англіи изъкоторые маркизы, графы и бароны заполучили всѣ вышесказанныя имѣнія, находившіяся въ ихъ странахъ, и таъ ими завладѣли, что не хотѣли и занятьться обѣихъ возвращеній). Bosio, l. c., стр. 28. Въ 1308 г. владѣнія тамплеровъ въ Англіи были конфискованы; въ 1334 г., „послѣ множества споровъ и тяжбъ“, переданы госпиталитамъ; слѣдовательно, въ промежуточное время ихъ расхищали креатуры короля. И не прошло 30 лѣтъ, какъ большую часть этихъ владѣній уже растащили. Сравн. Alice Law, l. c., стр. 52—54.

ность вывозной торговли такого города, какъ Ревель, составляла 1— $1\frac{1}{2}$ миллиона марокъ, а цѣнность вывоза „великаго“ Любека составляла 2—3 миллиона марокъ (въ переводѣ на современную валюту, по вычислѣніямъ Штиды), въ это самое время одинъ единственный флорентийскій банкирскій домъ (Барди) ссудилъ англійскому королю свыше 8 миллионовъ марокъ на современную валюту (900.000 flor. d'oro), а другой (Перуцци) болѣе 5 миллионовъ марокъ ¹⁾. Въ то время, когда всѣ гамзейскіе купцы закупали въ Лондонѣ шерсти на 500—600 тысячъ марокъ, а всѣ итальянскіе—на $1\frac{1}{2}$ —2 миллиона марокъ на современную валюту, въ то самое время (конецъ XIII столѣтія) у одного единственнаго парижскаго ростовщика оборотъ достигалъ 546.000 марокъ, а у всѣхъ ломбардцевъ, оперировавшихъ въ Парижѣ, былъ обложеніемъ налогомъ оборотъ, достигавшій 61.440.000 марокъ въ современной валюте ²⁾. Что значилъ бы по сравненію съ этимъ даже оборотъ въ миллионъ дукатовъ въ Fondaco dei Tedeschi, если даже предположить, что эта цифра соотвѣтствуетъ дѣйствительности! Или напомнимъ такія, напр., суммы: уже въ XII столѣтіи генуэзы и пизанцы ссудили крестоносцамъ передъ Акконой 264.000 марокъ серебра, 2.220 торнайскихъ ливровъ и 920 унцій золота ³⁾, следовательно, около $1\frac{1}{2}$ миллиновъ марокъ на современную валюту; Людовикъ Святой сдѣлалъ у купцовъ заемъ въ 102.780 $\frac{2}{3}$ торнайскихъ ливровъ, т.-е. болѣе чѣмъ въ $2\frac{1}{2}$ милл. марокъ въ переводѣ на современную валюту ⁴⁾; въ 1350 году, когда въ Регенсбургѣ были уничтожены всѣ долговые обязательства передъ евреями, они выражались въ суммѣ около 1 миллиона марокъ. „А сколько еще потеряли регенсбургскіе евреи за иногородними должниками!“ ⁵⁾

Болѣе точными свѣдѣніями располагаемъ мы относительно дѣловыхъ операций ломбардскихъ ростовщиковъ въ Парижѣ около 1300 года, а также относительно оборотовъ папскихъ банкировъ. Я приведу еще нѣсколько цифръ.

Выше уже упоминалось о цѣнности оборота парижскихъ ломбардцевъ, подвергшейся обложению. Цифра представляется невѣроятной, но она, повидимому, соотвѣтствуетъ истинѣ. Филиппъ Красивый ввелъ на обороты ломбардцевъ особый налогъ въ размѣрѣ 1 d. на ливръ ⁶⁾; въ рапортахъ, представленныхъ Филиппу VI, мы читаемъ подъ 1344 годомъ ⁷⁾: „item la taille des Lombars, de quoyn l'on ne lieve mais riens, souloient estre estimée XV jm

1) Согласно Виллани, на которого въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, можно положиться. Въ 1320 году юаниты задолжали обоимъ названнымъ въ текстѣ банкирскимъ домамъ 575.000 гульденовъ золотомъ. *Bois o. I. c., 2, 28.*

2) Согласно даннымъ, указаннымъ ниже.

3) Piton, 21.

4) Schaub, „Wechselbriefe“, 608.

5) Stebbes, 137.

6) Clamageran, I, 300. Я не знаю, изъ какого источника получены свѣдѣнія о высотѣ обложения.

7) Ed. Moragnelli, „Rapports à Philippe VI sur l'état de ses finances“, въ „Bibl. de l'Ecole des Chартes“, XLVIII, стр. 387. Сравн. стр. 383: „Les cent solz sus 100 l. que payent certains marchandz IX m. 1.“ (A. 1339). Другой официальный документъ опредѣляетъ доходъ отъ (чрезвычайного?) военного налога на ломбардцевъ въ 598.549 l. 12 s. 11 d. (за периодъ 1296—1315 гг.). Сообщ. у *Boitardis*, 305.

I. t. par an¹. Сообщаемыя Питономъ¹) извлечения изъ окладныхъ листовъ (за годы 1296—1300) даютъ общую сумму меньшихъ размѣровъ. Но они позволяютъ намъ хорошо ориентироваться въ дѣловыхъ operaціяхъ отдѣльныхъ итальянцевъ. Руководствуясь ими, я насчиталъ для 1296 года 27 домовъ съ оборотами отъ 2.400 до 7.200 ливровъ (налогъ 10—30 ливр.), следовательно, въ переводѣ на современную валюту отъ 40 до 120 тысячъ марокъ; 14 домовъ съ оборотами отъ 7.200 до 12.000 ливр. (налогъ 30—50 ливр.), или отъ 120.000 до 200.000 мар. на совр. вал.; одинъ домъ (известного Муше) съ оборотомъ въ 19.800 ливр. (82.10 ливр. налога), или почти въ 316.800 мар. на совр. вал., и одинъ домъ (уже нѣсколько разъ упоминавшагося оберъ-ростовщика Гандуфля) съ оборотомъ въ 34.200 ливр. (242.10 ливр. налога), или, какъ уже сказано, въ 546.800 мар. на современную валюту.

Представление о дѣловыхъ operaціяхъ папскихъ банкировъ даютъ намъ слѣдующія цифры²):

23 июня 1299 года Бонифацій VIII далъ Франчези расписку относительно трехлѣтняго сбора по цѣлой Италии; изъ выручки отъ него агенты банка передали въ Римъ 18.000 флориновъ. Послѣ Климента V въ періодъ отъ 6 мая 1300 г. и до смерти Бонифація VIII (1303 г.) Спини получили 137.213½ фл., следовательно, круглымъ числомъ по 45.000 фл. въ годъ. При Бенедиктѣ XI (1303—4 г.) Барди получили 94.715½ фл., Черки—50.107½ фл.

Съ такою же точностью известны намъ и суммы, которыя ссужались итальянскими банкирскими домами епископамъ и т. д. Если мы воспользуемся вычисленіями, произведенными Шнейдеромъ (стр. 53), то окажется, что въ періодъ съ 1295 по 1304 годъ дали епископамъ въ кредитъ:

Модци	282.460	марокъ (въ пер. на совр. вал.).
Аббати	525.868	" " " " "
Кіаренти	706.280	" " " " "
Амманати	942.274	" " " " "
Спини	1.629.465	" " " " "

Но въ виду поставленной нами цѣли все эти цифры имѣли бы очень небольшую ценность, если бы у насъ не было свѣдѣній о суммахъ, которыя были „заработаны“ на этихъ operaціяхъ. Для множества случаевъ у насъ имѣются и такія свѣдѣнія. И мы смѣло можемъ сказать, что, вообще говоря, прибыли стояли въ полномъ соотвѣтствіи съ размѣрами ссужавшихся суммъ. Мы, напримѣръ, съ достаточною точностью знаемъ барыши папскихъ банкировъ. Мы знаемъ, что суммы, поступавшія въ оборотъ, давали двоякаго рода „заработокъ“. Во-первыхъ, „заработокъ“ на размѣнѣ денегъ и, во-вторыхъ, „заработокъ“ на учетѣ. Послѣдній былъ очень значительный. Въ известныхъ мнѣ случаяхъ онъ составлялъ 8, 11, 12½, 24, 25, 35%³.

1) Pito n, 124 и сл.

2) Scheider, „Flor. Bank.“, 22, 24, 28.

3) Schneider, 37; Gottlob, „Kreuzzugssteuern“, 249; Davidsohn, „Forsch.“, 3, „Urk.“, № 771, 787.

Точно такъ же у насъ имѣется достаточно свидѣтельствъ о доходности такихъ должностей, какъ сборщиковъ налоговъ, монетныхъ мастеровъ и т. под. Сиръ де-Жуанвиль, вѣроятно, былъ не такъ уже неправъ, когда онъ рассказывалъ въ 1269 году: „je fu moult pressé du roy de Navarre de moy croisier. A ce respondis-je que, tandis comme j'avoie ét ... outremer... les serjans au roy de France et le roy de Navarre m'avoient destruite ma gent et apouroieze si que il ne seroit jam s heure que moi et eulz n'en vausissent piz“¹⁾. Это косвенно подтверждаютъ ордонансы 1254 и 1256 года, констатирующіе многочисленныя злоупотребленія при взиманіи налоговъ²⁾. Мы уже говорили о разбогатѣвшихъ высшихъ чиновникахъ во Франціи. То же и въ Англіи. Въ 1348 году, при сдачѣ налоговъ въ аренду (*farm of the subsidy*), общины обвинили купцовъ-арендаторовъ въ томъ, что они „заработали“ 60%³⁾. Мы хорошо знаемъ, насколько доходны были мѣста при управлениі монетными дѣлами англійской короны, знаемъ также, что завѣдываніе финансовыхъ дѣлами въ Германіи тоже приводило не къ бѣдности⁴⁾. А относительно саксонскихъ монетныхъ мастеровъ мы читаемъ, что они настолько обогащались отъ своей должности, что приобрѣтали потомъ замки въ Саксоніи⁵⁾. Больше всего зарабатывали монетчики на размѣрѣ денегъ,—дѣло, которое, какъ мы видѣли, въ большинствѣ странъ было ихъ привилегіей.

Само собою понятно, что ссужавшіяся суммы отдавались только подъ ростовщические проценты, такъ какъ и рыцари и короли входили въ долги всегда лишь подъ давлениемъ крайности. Притомъ аренда налоговыхъ сборовъ у вельможъ, продажа имѣній рыцарей и господъ за неустойку служили пре-восходнымъ средствомъ для того, чтобы получить ни съ чѣмъ несуразное воздаяніе за суммы, отданныя въ долги. Что при наличности особой нужды „заработка“ поднимались до баснословныхъ размѣровъ, въ этомъ убѣждаютъ случайно дошедшія до насъ сообщенія. Такъ, Ричардъ Леджонъ изъ Уинчелсіи ссудилъ (въ 1375—76 годахъ) англійскому королю 20.000 мар. (856.000 мар. на совр. вал.) изъ 50%⁶⁾. Въ особенности доходны были во всѣ времена поставки для цѣлей войны, потому что здѣсь является возможность использовать затруднительное положеніе цѣлаго государства. Такъ, до насъ дошли свѣдѣнія объ англійскихъ купцахъ XIV столѣтія, быстро разбогатѣвшихъ благодаря военнымъ подрядамъ⁷⁾. Къ области такихъ же операций относится, конечно, и эксплуатация крестоносцевъ итальянскими городами. Намъ извѣстно, напр., что венеціанцы заставили уплатить себѣ по 8½ марокъ серебра (=340 мар.=200 австрійскихъ флориновъ въ современной валюѣ)⁸⁾ за перевозку одного рыцаря съ двумя оруженосцами, 1 лошадью и 1 конюхомъ, между тѣмъ какъ

1) „M m. du Sire de Joinville“, въ „Nouv. Coll. des m m. pour servir   l'hist. de France“; изд. Michaud“, 1 (1836), 323—24.

2) Clamagereau, I, 264.

3) Alice Law, „Nouveaux Riches“, 63 и сл.

4) Muffat, I. c., 225.

5) „Cod. dipl. Sax. reg.“, Bd. 13. „Urk.“, 1003.

6) Alice Law, I. c., стр. 66.

7) Alice Law, I. c., стр. 67.

8) Prutz, „Kulturgeschichte“, 100 и сл.

въ настоящее время австрійскій Ллойдъ за переѣздъ пзъ Триеста въ Константинополь взимаетъ: въ первомъ классѣ 124,4 фл., во второмъ 85,6 фл., въ третьемъ—37 фл.

Дальнѣйшій свѣтъ на перетасовку имущества въ эпоху среднихъ вѣковъ могутъ бросить цифры, относящіяся къ аналогичнымъ операциямъ финансовыхъ силъ XVI столѣтія. Масштабъ операций, конечно, возросъ до колоссальныхъ размѣровъ, но относительный уровень прибыли, получавшейся въ теченіе среднихъ вѣковъ, несомнѣнно, не уступалъ барышамъ Фуггеровъ и К°. Обращаясь къ послѣднимъ, мы видимъ, что аренда Maestrazzos обходилась имъ въ 1538—42 годахъ въ 152.000 дукатовъ ежегодно, а приносила въ среднемъ по 224.000 дукатовъ въ годъ, въ годы же 1551—54 чистый барышъ составилъ даже 85%. За 40 лѣтъ, съ 1563 по 1604 г., Фуггеры заработали на этомъ откупѣ 2.127.000 дукатовъ чистой прибыли. За годы 1551—54 выручка составила 114.646,370 дукатовъ въ годъ. За отдѣльные годы 1563—1604 получались слѣдующіе барши 1).

1563—1567	около	200.000	дукатовъ
1567—1572	"	570.000	"
1572—1577	"	490.000	"
1577—1582	"	167.000	"
1582—1594	"	400.000	"
1595—1604	"	300.000	"

Что ростовщичество этого рода дѣйствительно могло послужить источникомъ огромныхъ богатствъ, въ этомъ настѣ достаточно убѣждать примѣры людей, имущество которыхъ вѣдь всякаго сомнѣнія состоялось отъ такихъ операций. Фуггеры—главный примѣръ. Своимъ огромнымъ богатствомъ они обязаны ростовщической эксплуатацией королей и (какъ мы еще увидимъ) горному дѣлу. Смѣдно было бы предполагать, что такое состояніе, какъ у Фуггеровъ, накоплено изъ прибылей отъ торговли. Но то же самое слѣдуетъ сказать и о большинствѣ богатыхъ итальянскихъ, особенно же флорентійскихъ торговыхъ домовъ: мы безъ всякихъ колебаний можемъ признать, что старый Панини былъ правъ въ этомъ случаѣ 2).

1) Составлено по K. Häbler, „Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien“. Ergänzungsheft zur Zeitschrift für Soc.-und Wirtsch. Gesch., Heft 1 (1897), 72 и сл., 82 и сл., 145, 169, 176; 193.

2) Послѣ новѣйшихъ изысканій Давидсона (Forsch. 3) можетъ казаться, что Барди, Перуци и др. въ большей мѣрѣ занимались торговлей товарами, чѣмъ это предполагалось до настоящаго времени. Давидсонъ имѣлъ возможность точно установить по документамъ количество хлѣба, „вывезенного“ флорентійскими компаниями въ XIII и XIV столѣтіи изъ областей южной Италии. Однако несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ передъ нами не торговля дѣйствительными товарами, а закупка с видѣтельствомъ на право вывоза, которыми спекулировали флорентійские дома. Самая торговля хлѣбомъ была въ рукахъ купцовъ ремесленного типа. Сравн. документы у Davidson, 3, 224. Еще одно замѣчаніе о количествахъ хлѣба, которые при этомъ поступали въ торговлю. Давидсонъ признаетъ, что они были значительны. Это справедливо, если имѣть въ виду средневѣковые отношенія. Въ XIV столѣтіи средніе размѣры вывозныхъ пошлинъ, взятыхъ въ аревду флорентійскими спекулянтами, заставляютъ опредѣлить количество вывоза въ 100—120 тысячъ сальмъ, что, по моимъ вычисленіямъ, составить 10—15 тысячъ тоннъ. Это, во вся-

лѣтія вытѣсняющая иноzemцевъ и быстро сколотившая значительныя богатства, повидимому, въ большинствѣ случаевъ приобрѣла свои имуществоа такимъ же способомъ, т.-е. посредствомъ перемѣщенія состояній. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что всѣ эти Пультиен, Филипо, Чирчеманы, Уольворты, Уиттингтоны, де-ла-Поли ¹⁾ и др. являются королевскими кредиторами, откупщиками пошлинь, военными поставщиками или завѣдующими монетнымъ дѣломъ. Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что они именно, какъ кредиторы, откупщики, поставщики и т. д., приобрѣли тѣ фонды, опираясь на которые они могли потомъ открыть новую эпоху въ исторіи англійской торговли. Но особенно яркимъ доказательствомъ доходности крупнаго ростовщичества въ средніе вѣка могло бы служить быстрое обогащеніе евреевъ. Какъ известно, богатства никогда подолгу не задерживались у евреевъ, потому что государи и города немедленно выжимали евреевъ какъ губку, едва лишь у нихъ накоплялись достаточныя состоянія. Но прямо изумительно, съ какой быстротой умѣль израиль становился отнятое у него достояніе, и не менѣе изумительно, какія огромныя суммы иногда оказывались у него въ случаяхъ разграбленія. Мы приведемъ лишь немногія иллюстраціи.

1375 г. „Въ это время жители Аугсбурга захватили всѣхъ своихъ евреевъ и бросили ихъ въ темницу и оцѣнили ихъ, т.-е. обложили налогомъ, въ 10.000 flor.“.

1381 г. „Захватили повсюду евреевъ, и они должны были дать городу 5.000 flor.“.

1384 г. При такихъ же обстоятельствахъ—20.000 flor. и т. д. ²⁾.

Въ 1385 году, когда нюрнбергскіе евреи были подвергнуты обложенію, некоторые изъ нихъ уплатили 13.000 flor.; Екель въ Ульмѣ и его два сына—150.000 flor. ³⁾.

Въ 1414 г. король Сигизмундъ „оцѣнилъ“ евреевъ Нюрнберга и Кёльна по 12.000 flor. въ каждомъ городѣ, евреи Гейльбронна должны были уплатить 1.200 flor., одинъ еврей въ Винсгеймѣ—2.400 flor., одинъ еврей въ швабскомъ Галль—2.000 flor. ⁴⁾.

Въ Англіи, по всей видимости, евреи въ теченіе XIII столѣтія достигли большого богатства. Мы видимъ, что многие изъ нихъ владѣютъ замками и сельскими виллами—при случаѣ все это отнималось у нихъ—и, конечно; владѣютъ прежде всего крупными денежными состояніями. Нѣкоторое представление объ имуществахъ евреевъ тогдашняго времени (въ 1290 г. они, какъ известно, были изгнаны) даютъ суммы особыхъ налоговъ и многочисленныхъ выкуповъ, которые налагались на нихъ.

комъ случаѣ, не уступаетъ годичной потребности бреславльского потребительского союза. Но, съ другой стороны, въ настоящее время Россія вывозитъ хлѣба приблизительно въ три тысячи разъ больше, а одна только Германія ввозитъ въ 3—4 сотни разъ больше.

¹⁾ Въ 1338 году король былъ долженъ де-ла-Полю 78.000 фун. стерл. R h u m e r 5,91, цит. у A n d e r s o n , 1, 310.

²⁾ Chron. des Burkard Zink, въ Chron. d. St., 5, 13, 27, 30. Дальнѣйшіе примѣры обложений („оцѣнокъ“) евреевъ въ Германіи см. у N e u m a n n , „Gesch. d. Wuchers“, 328 п сл.

³⁾ Chron. d. St., 1, 121 и сл.

⁴⁾ S t o b b e , 37.

Общие итоги „оцѣнокъ“: 1210 г.—66.000 марокъ (около $2\frac{1}{2}$ милл. металл. мар. на совр. вал.¹⁾); въ 28 годъ правлениі Генриха III—20.000 мар. (выкупъ), около того же времени—60.000 мар. (налогъ). Итоги отдельныхъ оцѣнокъ: иѣкій Исаакъ, „своерукій“, уплатилъ (въ 1210 г.) 1.336 ф. ст. 9 ш. 6 пенс. налога (слѣдовательно, около 60.000 мар. на современную валюту); въ 23-й годъ Генриха II одинъ еврей уплатилъ выкупъ въ 2.000 мар. (по вѣсу), другой—500 ливр., третій—3.000 мар. Уже упомянутый Исаакъ изъ Норвича въ правлениі Іоанна уплатилъ штрафъ въ 10.000 мар.; Авраамъ, сынъ Рабби,—2.000 ливр. и т. д.²⁾.

Во Франції—та же картина. „Евреи до того разбогатѣли, что присвоили себѣ почти половину города“... полагаетъ уже въ концѣ XIII столѣтія хронікѣРигоръ. Что въ теченіе XIII вѣка они действительно достигли огромнаго богатства,—это прямо подтверждается свѣдѣніями о цѣнности ихъ имуществъ, подвергшихся конфискаціи (въ 1306 и 1311 годахъ): до нась дошли иѣкоторыя изъ данныхъ этого рода. Можно думать, что конфискація по существу распространилась только на землевладѣніе: по крайней мѣрѣ, только о немъ и говорять дошедшіе до нась документы. Бароны привели въ извѣстность имѣнія евреевъ, конфискованныя (королемъ) въ предѣлахъ ихъ области. Король вошелъ въ сдѣлку и подѣлился съ баронами. Такимъ образомъ виконтъ нарбонскій получилъ на свою долю 5.000 торнайскихъ ливровъ, иѣсколько домовъ и участковъ земли³⁾. Въ тулузскомъ сенешальствѣ продажа съ аукціона (*non compris les bioux*) дала выручку въ 75.264 тор. ливр.⁴⁾. Въ 11 мѣстахъ орлеанскаго бальянжа выручено (не считая выручки отъ украшений и серебряной утвари) 33.700 ливр. 46 с. 5 д.⁵⁾ (пар.), въ городѣ Тулузѣ—45.740 ливр.⁶⁾. Въ 1321 г.—новое преслѣдованіе и конфискація имуществъ. Король выручить при этомъ 150.000 ливр.⁷⁾.

Конечно, какъ уже сказано, имуществомъ, накопленнымъ средневѣковыми евреями, каждый мигъ угрожала экспропріація; тѣмъ не менѣе слѣдуетъ думать, что въ дѣлѣ накоплений они вообще сыграли не малую роль. Какъ-никакъ они имѣли большое значеніе въ разложеніи феодальнаго общества. Дѣло въ томъ, что разъ конфискованныя имущества, разумѣется, только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ возвращались опять къ своему прежнему феодальному замкнутому бытію. Приведенные въ движеніе, они уже не останавливались и если не попадали снова въ руки какого-либо еврея, то все же путь ихъ оканчивался у какого-нибудь другого представителя *monied interest* (т.-е. денежнаго интереса; процента). Ясно, что у ста тысячъ флориновъ, вытяну

1) Все время, если иѣть особой оговорки, счетъ ведется на марки по вѣсу; при расчетѣ на серебро такая марка соотвѣтствуетъ 42, 8 мар. въ совр. вал.

2) Данныя заимствованы изъ VII главы первого тома *Madoх*, „Hist. of the exchequer“; здѣсь собрана огромная масса документальнаго материала, который еще ждетъ разработки.

3) *Rigord*, „Vie de Philippe Auguste“, въ „Coll. des Mém. r  l.   l’Histoire de France“, 1825, стр. 22.

4) *Boutaric*, „Philippe le Bel“, 303.

5) *Boutaric*, 304.

6) *Vuitry*, „Etudes“, 1, 96.

7) „Coll. des M  m. etc.“, 13.352.

гыхъ ростовщиками изъ нѣсколькихъ сотенъ рыцарей и сдѣлавшихся потомъ добычею какого-нибудь государя,—что у нихъ было теперь больше шансовъ пріобрѣсти свойства капитала, чѣмъ въ то время, когда они порознь лежали въ рыцарскихъ замкахъ, въ окованныхъ жѣлезомъ сундукахъ.

Итакъ, послѣ всего, что мы узнали, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не малая часть современнаго богатства возникла посредствомъ простого перемѣщенія уже существовавшихъ состояній и рентъ. Но и послѣ того остается открытымъ вопросъ: какое значеніе имѣть эта форма сосредоточенія имущество для таکъ называемаго первоначальнаго накопленія, т.-е. для возникновенія капиталовъ-имуществъ ехъ піїліо (изъ ничего); остается не изслѣдованнымъ вопросъ, имѣемъ ли мы дѣло въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ съ зародышами буржуазнаго богатства, съ корнями этого дерева, или, на-противъ, уже съ самимъ стволомъ и кроной. Или, вспоминая доводы предыдущей главы, мы бы могли таکъ формулировать нашу проблему: завладѣвая уже существующими имуществами, пользуясь для этого всевозможными формами ростовщичества, могли ли разбогатѣть такимъ способомъ и люди, которые начали свою дѣятельность какъ „*marchands ou manouvriers sans hertiages*“ („торговцы или ремесленники безъ наследства“)?

Я выражу свое убѣжденіе въ короткихъ словахъ: такой способъ образования имуществъ ехъ піїліо я не считаю абсолютно невозможнымъ, но въ то же время я не могу думать, чтобы онъ составлялъ общее правило. Мои доводы въ пользу этого взгляда отчасти тѣ же, какіе уже были приведены противъ предположенія, будто современное богатство возникло путемъ накопленія торговой прибыли *mercator'овъ*. Хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ для торговли, тѣмъ не менѣе для всѣхъ денежныхъ операций сохраняетъ свою силу то общее правило, что норма накопленія (а отъ нея, какъ мы видѣли, все зависитъ) необходимо остается низкой, пока размѣры оборотовъ ничтожны: какъ бы высоки (относительно) ни были барышы, это дѣла не измѣняетъ. Кто, начинаетъ ростовщическая операциія съ нѣсколькими сотнями гульденовъ, тотъ при первой же неуплатѣ процентовъ, при первой потерѣ ссуженной суммы отbrasывается къ исходной точкѣ своей дѣятельности, т.-е. къ полной несостоительности. Но допустимъ даже, что счастіе никогда не измѣняетъ ему: все же излишки доходовъ надъ необходимыми средствами для существованія настолько ничтожны, что изъ нихъ могли бы накопляться сравнительно крупные суммы лишь съ безконечною медленностью, черепашьимъ шагомъ. И противъ этого, какъ и раньше, было бы неправильно ссылаться на тотъ фактъ, что изъ соединенія многихъ мелкихъ суммъ слагались же сравнительно крупные капиталы. Я очень хорошо знаю, что такъ часто бывало¹⁾). Но такое

1) Такъ, мы наблюдаемъ, что въ XIII столѣтіи въ устройствѣ одной ссуды въ 1.000 торнайскихъ ливровъ, взятой графомъ де-Форе, приняло участіе 12 денежныхъ людей изъ Тосканы; въ устройствѣ займа въ 3.500 ливр. для господина де-Конса—8 человѣкъ, для господина Гоше де-Шатильона (3.750 ливр.)—8 человѣкъ, для господина де-Бомона (1.500 ливр.)—тоже 8. Schaube, „Die Wechselbriefe Ludwigs des Heiligen“, въ „Jahrbücher für N.-Oe.“ 15, 723—34. Въ 1368 году франкфуртскій совѣтъ занять подъ вексель у 4 евреевъ 10.000 гульденовъ. Kriegk, „Frankfurter Zustände“ (1862), 546, прим. 208. Такія же паевые ссуды во Фландріи. G. Des Marlez, „La lettre de foire à Ypres an-

возраженіе не можетъ ослабить моихъ аргументовъ: дали прибыли, проходившія на пай отдѣльныхъ участниковъ, и, слѣдовательно, свободныя части прибыли, составлявшія фондъ накопленія, оставались такими же низкими, какъ и въ отдѣльныхъ мелкихъ предприятияхъ.

Во всѣхъ сдѣлкахъ, которыхъ мы разсмотрѣли въ этой главѣ, остается правиломъ, что дѣйствительного богатства могли достигнуть только люди и безъ того уже состоятельный. „У кого есть, тому дается“, — для первыхъ ступеней въ развитіи богатства это справедливо въ несравненно большей степени, чѣмъ даже для позднѣйшаго времени. Я живо представляю себѣ, какъ первые феодалы, первые епископы, оказавшіеся въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, отправлялись къ горожанину — или направляли своего управляющаго къ горожанину, — о которомъ было известно или котораго только подозрѣвали въ томъ, что въ его сундукѣ хранился хорошо наполненный денежный кошелекъ. И представляю, дальше, какъ начинали кругомъ говорить, что въ такомъ-то и такомъ-то мѣстѣ можно достать денегъ; какъ Исаакъ или Ааронъ все рѣшительнѣе стягивали къ себѣ всѣхъ знатныхъ клиентовъ изъ цѣлой округи, — и какъ въ то же время слуги и дѣвицы, портные и мыловары оставались на шеѣ у мелкаго „будто бы капиталиста“. Да и почему бы все это было тогда иначе, чѣмъ въ настоящее время?

Отношенія быстро устаковились: иѣсколько крупныхъ, пользующихся извѣстностью домовъ, — для жирныхъ кусковъ; кучка среднихъ фирмъ — для средняго клиента, для milites и armigeri, и огромная масса — для впавшихъ въ нищету, для проигравшихся, для misera contribuens plebs. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такихъ клиентовъ, какъ папы, архиеписконы и короли, могли заполучить только наикрупнѣйшіе владѣльцы денегъ. Хорошо освѣдомленный Питонъ (XII) вполнѣ справедливо замѣчаетъ о выдающихся фирмахъ, которая только и приходится имѣть въ виду, когда идетъ рѣчь о быстромъ образованіи состояній: „не слѣдуетъ предполагать, что эти люди, ссужающіе деньги, эти финансисты — какие-нибудь проходимцы; напротивъ того, они носятъ имена самыхъ знатныхъ фамилій Генуи и Пизы; у нихъ есть родственники въ арміи крестоносцевъ, напр., развѣ Пацци-де-Пацци не первый водрузилъ свое знамя на конькѣ стѣны во время взятія Йерусалима?“

Итакъ, послѣднія соображенія, повидимому, опять удаляютъ насъ отъ нашей цѣли, къ которой, казалось намъ, мы подошли было почти совсѣмъ вплотную. Руководимые надежнымъ Панини, мы постарались открыть зародыши буджузанаго богатства въ различныхъ методахъ перемѣщенія уже имѣв-

XIII sc.“, 165 и сл. Съ другой стороны, мы наблюдаемъ, какъ слагаются опредѣленныя формы ассоціаціи, цѣль которыхъ заключается въ томъ, чтобы составить крупныя суммы, предоставляемые участвовать въ дѣлѣ многимъ владѣльцамъ мелкихъ денежныхъ суммъ. Напр., въ итальянскихъ коммунахъ откупщики налоговъ часто составляли такимъ способомъ суммы, необходимыя для аренды налоговъ: они заблаговременно выпускали пай, представлявшіе идеальные доли, такъ называемыя portiones въ объектѣ аренды. Пріобрѣтатели этихъ portiones назывались portionarii, partitionarii и participes, ихъ отношеніе къ организатору всего дѣла — partecipatio. Такія же явленія мы наблюдаемъ и при арендѣ какого-либо рудника и т. пох. Lastig, „Beiträge zur Geschichte des Handelsrechts“, въ „Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht“, 24, 425.

шихся состояній. Но тамъ, гдѣ мы открываемъ типичныхъ представителей нового богатства, въ дѣйствительности мы наталкиваемся на les noms des plus célébres familles de Genes et de Pise (имена самыхъ знаменитыхъ фамилій Генуи и Пизы) или, по меньшей мѣрѣ, на людей, уже состоятельныхъ. Такъ что и эту главу приходится закончить словами Панини: mi sento in dovere di spiegare d'onde ricavassero le somme necessarie... etc. (я чувствую необходимость изслѣдовать, откуда взялись средства, нужные для того, чтобы осуществить это, и т. д.).

Вопросъ о происхожденіи первичнаго богатства, который намъ приходится поставить еще разъ, получаетъ двоякое значеніе въ зависимости отъ того, идетъ ли рѣчь о состоятельныхъ евреяхъ или же о состоятельныхъ христіанахъ. Кто могъ бы сказать, откуда взялись у евреевъ тѣ деньги, съ которыми они получили возможность заниматься ростовщичествомъ въ широкомъ масштабѣ? Во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что какъ разъ многие изъ евреевъ начали въ средніе вѣка свою карьеру, уже будучи состоятельными людьми. Весьма вѣроятно, что изъ тѣхъ состоятельныхъ евреевъ, съ которыми мы повсюду встречаемся въ позднѣйшую эпоху римской имперіи, значительная часть сумѣла спасти среди гибнущаго древніяго міра золото, украшения и драгоценную утварь и съ этого собственностью перешла въ средневѣковое время.

Иное дѣло тѣ христіане, которые, какъ мы наблюдаемъ, тоже имѣли свою часть въ богатствѣ среднихъ вѣковъ. У нихъ не было исторического прошлаго, какъ у евреевъ. Такъ откуда же могли взяться у нихъ первоначальные фонды, съ которыми они пріобрѣли крупнаго состоянія? Слѣдовательно, передъ нами опять выступаетъ старый вопросъ: вопросъ о зачаткахъ буржуазнаго богатства въ городахъ среднихъ вѣковъ; мы надѣемся, что наконецъ-то найдемъ отвѣтъ на него. Итакъ, источникомъ ~~его~~ послужила не торговля, не денежныя ссуды, не откупъ налоговъ, не монетное дѣло. Что же въ такомъ случаѣ? Минѣ думается, что у всякаго, кто поразмыслитъ надъ возможностью генезиса капитала, теперь явится такая идея: первоначальные фонды имущества сложились изъ денежнаго товара, пріобрѣтенного путемъ непосредственнаго присвоенія,—изъ массы вновь добываемыхъ изъ земли благородныхъ металловъ. Изученію этой гипотезы будетъ посвящена слѣдующая глава.

Экскурсъ иъ главѣ десятой.

О мелкомъ кредитѣ въ средніе вѣка.

Евреи и итальянцы, повидимому, въ особенности часто занимались мелкимъ ростовщичествомъ. Въ 1385 году, когда городъ Пирнбергъ уничтожилъ всѣ долговыя обязательства передъ евреями, среди ссудъ, на ряду со ссудами духовнаго и свѣтскими графами, государями и рыцарями, оказались и ссуды слугамъ, служанкамъ, женщинымъ и т. д. Размѣры долговыхъ суммъ позволяютъ судить о большомъ раздробленіи ссудъ. У десяти евреевъ было отдано въ ссуду свыше 1000 флор., у каждого, у восемнадцати, напротивъ, по 1000 флор. и меньше. „Chronik deutsch. Städte“ 1,120—123.

Относительно итальянцевъ Шульте (I, 316 и сл.) сообщаетъ, что „ссуды подъ залогъ и безъ залога, предоставившіяся мелкому люду, были средоточиемъ дѣловой жизни“. Изъ одного фрайбургскаго нотаріального списка (1356—59) мы узнаемъ о 119 ссудахъ; наибольшая сумма ссуды составляетъ 133 фл. (и здесь же 144 ливр.), наименьшая—36 шил., большинство приближается къ этой низшей границѣ. А т.е. I, с. 2, 226—240. Въ одной книжечкѣ, инвентарѣ філіального отдѣленія, которое было у Турка близъ Большого С.-Бернарда, приведено 719 ссудъ, размѣрами отъ 2 сол. до 101 фун., средняя сумма ссуды составляетъ 2 фун. ст. 11 ш. 8 пен. Среди должниковъ встречаются женщины, общины, священники. *Quintino Sella, Del codice d'Asti detto de Malabayla. Atti della K. Acc. dei Lincei 1875 — 76, Ser. II., Vol. 4, стр. 254* и сл. „Евреи такъ грабятъ и обираютъ бѣднаго человѣка, что невозможно дольше терпѣть, и Богъ долженъ умилосердиться“, жалуется въ 1487 году трактирщикъ Эразмъ изъ Эрбаха. „Евреи-ростовщики прочко вѣдрились вплоть до ничтожнейшихъ деревушекъ, и если они даютъ въ долгъ пять гульденовъ, то берутъ шестикратный залогъ и взимаютъ проценты на проценты, а на эти снова проценты, такъ что бѣдный человѣкъ теряетъ все, что у него было“. Изъ Bodmanns Nachlass сообщ. Böhmer (Ms.), у Jahn 1, 458—59.

О мелкихъ ростовщикахъ во Франціи см. D'Avénel 1, 80 и сл. Мы встрѣчаемся здесь съ „расьте serve“, которая береть въ долгъ 25 су подъ залогъ своей лучшей юбки. Она платить 47%. Но д'Авенель замѣчаетъ по этому поводу: „это самый высокий процентъ изъ всѣхъ замѣченныхъ мною“. Онъ полагаетъ, что средний размѣръ процента у (мелкихъ?) ростовщиковъ во Франціи составлять въ средніе вѣка 20—25%, ближе къ 20, чѣмъ къ 25.

Очень наглядную картину строя мелкаго ростовщичества въ средніе вѣка даетъ новѣйшая работа: L. Zedekineg., „L'intero d'un banco di peggio nel 1417“, въ Arch. stor. ital., V ser., t. XVII (1896), стр. 63 и сл. Здесь даны отрывки изъ дѣловой книги одного ростовщика (христіанина), у которого въ Пистое было значительное количество мелкихъ клиентовъ. Въ книгу внесено достаточно много ссудъ, такъ что мы можемъ составить ясное представление о ходѣ дѣлъ. Среди клиентовъ мы встрѣчаемъ плотника или столяра, закладывающаго пилу, кожевника, закладывающаго кожу, ткача—полотно, кузнеца—свой молотъ, коротко говоря, встрѣчаемъ „il popolino“ изъ города и деревни. Это иногда самые краткосрочные займы, на 2—3 дня; часто они заключаются по нуждѣ, но нерѣдко по случаю карнавала или проигрыша въ лото, что переносить нась въ средневѣковую обетановку. Въ числѣ клиентовъ мы встрѣчаемъ немало завсегда-таевъ, которые въ теченіе мѣсяца заявляются несолько разъ; это люди того сорта, которые обыкновено отправляютъ потомъ свои долговыя расписки своимъ патронамъ, чтобы склонить ихъ сердце къ свидѣтельнымъ подачкамъ. Короче, у насъ получается такое впечатлѣніе, какъ будто въ 1417 году подъ мрачными сводами нашего друга изъ Пистой постановка дѣла мало отличалась отъ того, что мы наблюдаемъ теперь въ какой-нибудь ссудной кассѣ, къ которой обращается разная „мелкота“. А что такія дѣла давали тогда еще меньше выгода, чѣмъ въ настоящее время, это лучше всего доказывается все тою же дѣловой книгой. Ученый издатель ея полагаетъ, что передъ нами — „крупная“ ссудная касса, и что изъ ея книгъ до насъ дошелъ только изданный имъ остатокъ. Это, конечно, возможно. Я не знаю, было ли это „много“ для Пистой 1417 года—выдача въ одинъ день 26 ссудъ (максимумъ). Въ настоящее время успѣшно дѣйствующая касса въ большомъ городѣ выдаетъ ссуды, несомнѣнно, въ десять разъ больше. Но что особенно бросается въ глаза, такъ это жалкіе шансы на барышъ, которые были у пистойскаго ростовщика несмотря на его 26 ссудъ въ день. Дѣло въ томъ, что размѣры ссужаемыхъ суммъ были очень малы: суммы выше одного ливра (= приблизительно 1/5 флор.) встрѣчаются рѣдко, общее правило составляютъ ссуды въ 16, 10, 8, 4 солда, притомъ краткосрочные ссуды. Установивши такие размѣры ссудъ, легко произвести слѣдующее примѣрное вычисление. Предположимъ, что въ день выдается среднимъ числомъ 20 ссудъ, каждая размѣромъ въ 1 ливръ (судя по дошедшемъ до насъ случаямъ, это скорѣе слишкомъ высокія, чѣмъ низкія цифры); тогда размѣры ссудъ нашего друга опредѣлились бы въ 300 ливр.—при средней продолжи-

тельности ссуды въ 15 дней, въ 600 ливр.—при среднемъ срокѣ въ 1 мѣсяцъ. Прибыль его составила бы въ первомъ случаѣ при 20%—60 ливр. въ годъ, при 40%—120 ливр., а въ послѣднемъ случаѣ—120 или 240 ливр.!

Если же иногда до нась доходить извѣстія, что люди, занимавшіеся мелкимъ ростовщичествомъ, достигали богатства, то мы во всѣхъ такихъ случаяхъ должны изслѣдовать прежде всего, не обогатились ли они преимущественно отъ вельможъ. Это спрашивало, напр., по отношенію къ упомянутымъ выше Турки, которые, несомнѣнно, занимались мелкимъ ростовщичествомъ только между прочимъ. Дошедшій до нась инвентарь філіального отдѣленія указываетъ долговыхъ притязаній въ общей сложности всего на 2037 ливр. 19 с. 3 д.; между тѣмъ изъ того же источника намъ извѣстно, что тѣ же Турки ссудили отдельнымъ феодаламъ суммы въ 600, 900, 2400 флор. ливровъ золотомъ, а графамъ Савойскимъ (въ 1361 г.) даже 18.625 флор., т. с., стр. 256.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Непосредственное возникновение состояний.

Самой осязательной формой накопления денежныхъ состояний при капиталистическомъ строѣ хозяйственной жизни, а также и до всякаго капитализма является непосредственное добываніе денежного товара, прямое извлеченіе его изъ недръ земли при посредствѣ горнаго дѣла: мы по справедливости могли бы говорить здѣсь о прямомъ накопленіи¹⁾. И однимъ изъ корней современнаго капитализма, несомнѣнно, служать именно состоянія, заработанныя непосредственно самими мелкими горнодѣлами.

Конечно, въ теченіе среднихъ вѣковъ во всей западной Европѣ только „горная благодать“ извѣстныхъ областей Германіи и Австро-Венгрии имѣла существенное значеніе. Изъ остальныхъ странъ только рѣки Франціи доставляли нѣсколько золота, Норвегія, Швеція, Италия (Сардинія) и Испанія—немного серебра, и того и другого настолько немного, что обѣ этомъ не стоило бы и упоминать²⁾. До открытия Нового Свѣта земли нѣмецкой ко-

1) Образованіе имущества при помощи горнаго дѣла мы дѣйствительно могли бы назвать „непосредственнымъ накопленіемъ“, такъ какъ здѣсь дѣйствительно прямо накапливаются деньги и не требуется ни обмѣна, ни измѣненія формы произведенаго продукта. Само собой разумѣется, 1) что это относится къ горному дѣлу, добывающему руды, изъ которыхъ получается денежный товаръ, съдовательно—къ добыванію золота, серебра и отчасти мѣда, и 2) что мы предполагаемъ наличность (матеріальной) свободы чеканки денегъ изъ этихъ металловъ. Послѣднее условіе мы можемъ предположить на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ. Петолотти (*Della dec.*, 3, 194 и др.) категорически констатируетъ существование въ итальянскихъ городахъ формальной свободы чеканки серебряной монеты. Точно такъ же въ Испаніи всякому предоставлялось чеканить золото, серебро и веллонт (мѣдь). Тотъ, кто превращалъ эти металлы въ монету, освобождался отъ „алкабалы“ и различныхъ другихъ налоговъ. М. І. Воппи, „Spaniens Niedergang während der Preisrevolution des 16 Jahrhunderts“ (1896), 43. А если гдѣ и не было прямо признаннаго права свободной чеканки (напр., въ Германіи), недостатокъ благородныхъ металловъ въ средневѣковое время приводилъ къ тому, что спросъ на этотъ товаръ всегда превосходилъ предложеніе.

2) Сравн. обзоръ у Лексиса, статьи „Золото“ и „Серебро“ въ Н. С. О добываніи серебра въ XII столѣтіи близъ Флоренціи см. R. o. D a v i d s o h n , „Geschichte von Florenz.“, Bd. I, 1896; въ XIII столѣтіи—D a v i d s o h n , „Forschungen zur Geschichte von Florenz“, 3 (1901), 3; во Франціи XIII столѣтія—P i g e o n p e a n , 1, 264. До какой степени средневѣковая Германія по своему горному дѣлу превосходила всѣ остальные страны, видно между прочимъ изъ того, что нѣмецкіе горнорабочіе повсюду занимались своимъ искусствомъ

роны играли роль Перу и Мексики¹⁾. Въ средніе вѣка яѣмецкія области окаймлялись процвѣтающими горными городами, какъ будто вѣнкомъ. Копи Леберталя въ Эльзасѣ-Лотарингіи, близъ Массюнстера, въ Шварцвальдѣ, Мансфельдѣ, Госларь на Гарцѣ, Фрейбергъ въ Саксоніи, Трентъ, Иглау, Куттенбергъ въ Богемії, Хемницъ въ Бенгрии съ первыхъ столѣтій среднихъ вѣковъ извѣстны намъ какъ пункты, выдающіеся по производству золота и серебра. Въ XV и XVI столѣтіяхъ къ нимъ присоединяются богатыя залежи Андреасберга, Готтесберга, Тарновица, Шнееберга, Аннаберга, Иоахимстала и Шваца; въ періодъ съ 1470 по 1570 годы добыча въ нихъ была чрезвычайно богата; количество благородныхъ металловъ возросло въ неизѣдомыхъ разыше размѣрахъ, и яѣмско-австрійское горное дѣло переживало эпоху расцвѣта, который, какъ справедливо замѣчаетъ Шмольеръ, по своей оранжерейной быстротѣ напоминаетъ состояніе Калифорніи въ новѣйшее время²⁾. Добыча золота составляла (по Зѣтберу) въ областяхъ Австро-Бенгрии среднимъ числомъ: за 1493—1520 гг. 5,58 миллионовъ марокъ; за 1521—1544 гг.—4,18 милл.; 1545—1560 гг.—2,79 милл.; 1561—1580 гг.—2,79 милл.; 1581—1600 гг.—2,79 милл. мар. Она достигла зенита въ XV столѣтіи, когда венгерско-трансильванскіе и зальцбургскіе рудники переживали свою блестящую пору. Общее производство серебра въ Европѣ (слѣдовательно, главнымъ образомъ въ германско-австрійскихъ земляхъ) Зѣтберъ опредѣляетъ для начала XVI столѣтія въ 47.000 килограммовъ, цѣнностью въ 8.460.000 серебряныхъ марокъ. Лексисъ предполагаетъ, что среднее ежегодное производство серебра составляло: въ періодъ 1450—1500 гг. 8 милл.; 1250—1450 гг. 5 милл.; въ первую половину XIII вѣка и въ XII столѣтіи 3 милл., въ X и XI столѣтіи, можетъ быть, 2 милл.; въ VIII и IX столѣтіи—до 1 милл. серебряныхъ марокъ. Но можемъ ли мы показать, что эти суммы, прежде чѣмъ попасть въ обращеніе, слагались въ крупныя состоянія, находившіяся въ рас-

ствомъ. Относительно Италии см. Schulte, 1, 610. Одинъ яѣмецкій горнорабочій открылъ рудныя залежи въ Шотландіи и обучилъ шотландцевъ горному дѣлу. Въ 1452 году англійскій король пригласилъ горнорабочихъ изъ Германіи и Австріи и поручилъ имъ разработку королевскихъ рудниковъ. См. примѣры у Janssen, 1, 415. Что яѣмецкіе горнорабочіе дѣйствовали и во Франціи, обѣ этомъ мы можемъ судить по тому факту, насколько часто французскіе термины, относящіеся къ горному дѣлу, имѣютъ яѣмеческое происхожденіе.

1) Такъ называется ихъ еще F. Ch. J. Fischer, „Geschichte des teutschen Handels“, 2 (1785), 489.

2) А слѣдующія описанія приводятъ намъ на память Клондайкъ: „In Rotenberg vallis Oeni (въ долинѣ Инна) inventa notabili minera argenti, ex omnibus terris multitudine confluxit mercantium, tot et tam variis contractibus, ut vix pecunia amplius aestimaretur: adeoque homines illi ad ditandum avidi fuerunt, ut sine ratione et prudentia pecunias suas effuderint“. „Salzburgische Chronik ad annum 1463“, у H. e. P. e z, „Script. rer. austr.“, 2, 265. Точныхъ данныхъ о размѣрахъ дѣйствительной добычи не имѣется. Цифры A l b i n u s'a (Meissnische Berg-Chronica. 1590) давно признаны фантастически преувеличенными. Сводка достовѣрныхъ данныхъ сдѣлана А. д. Зѣтбера мѣромъ въ его замѣчательной работѣ о производствѣ благородныхъ металловъ и отношеніи цѣнности золота и серебра (57. ErgÃ¤nzungsheft къ Petermanns Mitteilungen. 1879). Согласно Зѣтберу (стр. 21) средняя ежегодная добыча серебра въ Германіи составляла:

1493—1520 г.	22.145	фунтовъ
1520—1544 г.	31.180	„

поряжениі горнодѣльческаго населенія, т.-е. можемъ ли мы показать, что онѣ въ свое время составляли „накопленныя“ состоянія, прежде чѣмъ вступили на дорогу, которая вывела ихъ въ повседневную жизнь? Само собой разумѣется, благодаря свойствамъ документальнаго материала, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только очень несовершеннымъ: насколько я знаю, обширная литература по исторіи горнаго дѣла до сихъ поръ вообще даже не поставила этого вопроса. Тѣ выводы, которые позволительно сдѣлать, исходя изъ сущности горнодѣльческаго хозяйства среднихъ вѣковъ, мы постараемся подкрѣпить нѣкоторыми сообщеніями хроникъ горныхъ городовъ, имѣющими, правда, въ значительной мѣрѣ случайный характеръ.

Если и можно сказать что-либо съ довольно большою опредѣленностью, такъ это слѣдующее: тѣ доли добычи, которыхъ изстари приходилось отдавать владѣльцамъ регалій (или землевладѣльцамъ), были источникомъ крупныхъ денежныхъ состояній для лицъ, располагавшихъ правомъ на эти доли. О Генрихѣ Сіятельномъ, маркграфѣ Мейссенскомъ, сообщаютъ, что отъ горной десятины онъ собралъ въ своихъ кладовыхъ такія сокровища, что могъ бы купить на нихъ герцогство Богемію¹⁾. То же самое, несомнѣнно, справедливо и для длиннаго ряда свѣтскихъ и духовныхъ владыкъ, которые сумѣли сохранить за собой свои права на доли въ горномъ дѣлѣ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, где мы говорили объ участіи частныхъ лицъ въ доходахъ монарховъ отъ регалій, я уже имѣлъ случай привести нѣкоторыя точныя данныя о высотѣ доходовъ этого рода.

Но есть ли у насъ основанія думать, что путемъ такого непосредственно-первоначальнаго накопленія возникали значительныя состоянія и у частныхъ лицъ? Думаю, что таѣ! При зарожденіи нѣмецкаго горнаго дѣла ремесленники, собственнолично занимавшіеся горнымъ дѣломъ, какъ известно, только одинъ (изъ всѣхъ частныхъ лицъ) и пользовались правомъ на доходъ и ни съ кѣмъ не дѣлились³⁾. Здѣсь всякий счастливо заложенный шурфъ

1) *Chron. Vetero Cellense*: „Dicitur et scribitar, quod argentifodina in Freiberg temporibus suis (Henrici sc. Illustris) adeo fertilis et bona fuit quod turres repleverit argento, quo si voluissest, ducaitum Bohemiae comparare potuisset“. См. *Gmelin*, „Beyträge zur Geschichtte des deutschen Bergbaus“, (1783), 270. Относительно другихъ маркграфовъ мейссенскихъ намъ также известно, что они разбогатѣли отъ своихъ долей въ горномъ дѣлѣ. Благодаря такого рода доходамъ маркграфъ Оттонъ „Богатый“ имѣлъ возможность укрѣпить многіе города своей страны, приобрѣсти обширныя земли даже за предѣлами марки и сдѣлаться щедрымъ государемъ по отношенію къ церквамъ и монастырямъ; въ 1190 году 30.000 марокъ серебромъ ппала отъ него въ руки богемцевъ. И. *Ermisch*, „Das sachsische Bergrecht des Mittelalters“ (1887), XX.

2) Какъ известно, „исторію“ горнаго дѣла въ существенной части переполняютъ распри различныхъ инстанций общественной власти изъ-за горной регалии, первоначально составлявшей королевскую собственность, и изъ-за связанныхъ съ нею правъ на доходы. Кому же именно принадлежало въ концѣ-концовъ право на нихъ, въ данномъ случаѣ для насъ, конечно, неинтересно. Въ особенности наглядное описание этихъ споровъ въ горнодѣльческихъ областяхъ Шварцвальда см. у *Gothein*, „Wirtschaftsgeschichte“, 583 и сл. Во многихъ мѣстахъ при (монопольной) чеканкѣ металловъ монетная пошлина и т. д. тоже составляла значительный источникъ доходовъ. Сравн. „Cod. dipl. Sax. reg.“, 13 (1886).

3) См. выше, глава пятая. Сравн. также *A d. Zschäa*, „Das Recht des ältesten deutschen Bergbaus bis ins 13 Jahrh.“ (1899), стр. 79 и сл.

могъ, слѣдовательно, привести къ богатству изъ ничего. Но даже и тѣ „старатели“ раннаго времени, которые сами уже не прикладывали своихъ рукъ къ дѣлу, даже и они, по меньшей мѣрѣ отчасти, состояли изъ представителей мелкаго люда: городскихъ ремесленниковъ, которые на свои сбереженія приобрѣтали одну куксу (пай въ горномъ дѣлѣ), какъ въ другихъ случаяхъ они покупали ренту¹⁾; крестьянъ, которые въ качествѣ вознагражденія за землю получали известное количество куксъ²⁾, или же, какъ члены марки, пользовались правомъ промытки золота³⁾, и изъ представителей тому подобныхъ элементовъ; для всѣхъ ихъ каждый случай необычайно богатой добычи изъ рудника представлялъ не что иное, какъ созданіе совершенно новаго состоянія. Эти соображенія общаго свойства, дѣйствительно, подтверждаются случайными сообщеніями о фактахъ обогащенія мелкихъ старателей. Авессаломы въ Тодтиау, Крейцы въ Миинстерѣ поднялись изъ рядовъ сословія горнорабочихъ и приобрѣли такимъ состояніемъ, что близко примкнули къ дворянству, а дочери ихъ представляли желанную партію для сыновей изъ дворянскихъ фамилій, которымъ приходилось заботиться о новой позолотѣ для своихъ дворянскихъ гербовъ⁴⁾.

О такихъ же случаяхъ сообщаетъ Гагекъ въ своей „Богемской хроникѣ“⁵⁾: у кого въ 1363 году было право на $\frac{1}{5}$ рудника въ Эйле, тому за одну четверть (года) досталась добыча въ 50.000 венгерскихъ гульденовъ.

Въ Анибергѣ одинъ разъ, вскорѣ послѣ начала разработки рудника, на одну куксу за четверть года пришлась добыча въ тысячу гульденовъ⁶⁾. Изъ Шнееберга тоже сообщаютъ⁷⁾, что „на одну куксу пришлось, пожалуй, до тридцати двухъ тысячъ гульденовъ, и Рёмеры изъ Цвиккау разбогатѣли отъ этого. Потому что тамъ за одинъ разъ на куксу пришлось при раздѣлѣ сто марокъ серебра и шестьсотъ рейнскихъ гульденовъ“. Изъ исторіи своей собственной дорогой для него „долины“ (Joachimsthal—„Долина Йоакима“)

1) Въ 1447 году горнорабочіе фрейбергскаго округа жалуются, что состоятельный гражданин Фрейберга не принимаютъ участія въ горномъ дѣлѣ. „Слѣдовательно, мы, бѣдному горнорабочему, приходится одному съ нѣсколькими бѣдными ремесленниками разрабатывать рудникъ моего господина“. U. B. der Stadt Freiberg, въ Cod. dipl. Sax. reg. ed. H. Ermisch, 13 (1886), 102.

2) Въ Силезіи владѣльцамъ пахатныхъ полей (а не только феодаламъ) верѣдко предоставлялось требовать, вмѣсто вознагражденія за землю, приема въ горнодѣльческое товарищество, при чемъ они получали право собственности на $\frac{1}{8}$ копи (т.-е. $13\frac{1}{2}$ куксъ). Такимъ образомъ феодалы и крестьяне (кромѣ ласситовъ) становились совладѣльцами рудниковъ. Steinbeck, „Gesch. des schles. Bergbaus“, 2 (1857), 186. Такое же право существовало въ Саксонії. Здѣсь тотъ, кому принадлежало наслѣдство (если онъ былъ свободный крестьянинъ), могъ потребовать свою „часть поля“, т.-е. ему предоставлялось „участовать въ руднике“ одною тридцать второю частью. H. Ermisch, „Das sachsische Bergrecht im Mittelalter“ (1887) XXXV. Аналогичное явленіе—въ Богеміи.

3) Промыскою золота въ Шварцвалдѣ занимались всѣ члены марки съ зависимымъ землевладѣніемъ. Gothein, 609—612.

4) Gothein, 603, 637.

5) Chronica Wenceslai Hageci, jetzt aus böhmischer in die teutsche Sprache... transferieret... durch Joh. Sandel“ (1596), I, 95.

6) Joh. Matthesius, „Sarepta“ (1587), 16 b.

7) Joh. Matthesius, I. c.

любезный пасторъ сообщаетъ намъ, „какъ одинъ бѣдный горнорабочій, ко-
торый самъ со своею женою работалъ въ этихъ мѣстахъ, добылъ до ста ты-
сячъ грошей золотомъ“ ¹⁾.

Еще въ 1539 году Рѣрербюльскій рудникъ въ Тиролѣ, чрезвычайно бо-
гатый съ самого начала (въ 1552 году онъ давалъ уже 22.913 марокъ се-
ребра), какъ рассказываютъ, былъ довѣренъ Михаиломъ Райнеромъ одному
бѣдному горнорабочему и двумъ его товарищамъ, которые въ своихъ стран-
ствованіяхъ открыли руду ²⁾.

Но здѣсь передъ нами выступаетъ вопросъ: можно ли приписывать та-
кимъ случаямъ, какъ только что отмѣченные, большое значеніе въ общемъ
ходѣ развитія? Категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли возможенъ:
мы вѣдь не знаемъ исторіи возникновенія всѣхъ частныхъ состояній въ
течение среднихъ вѣковъ и располагаемъ, самое большое, нѣсколькими общими
очерками такой исторіи для нѣсколькихъ дюжинъ фамилій. Однако я сошлюсь
на рядъ обстоятельствъ, въ силу которыхъ мы не можемъ приписывать
непосредственному накопленію слишкомъ большого значенія для генезиса ка-
питала. Это прежде всего—чрезвычайно сильное раздробленіе, ко-
торому на протяженіи большей части среднихъ вѣковъ, и во всякомъ случаѣ
до XV столѣтія, подвергалась при распределеніи выручка отъ рудниковъ.
Мы уже видѣли, что въ горномъ дѣлѣ на первыхъ стадіяхъ его развитія
господствовала чисто ремесленная организація и что даже въ позднѣйшее
время горнодѣльская товарищество составлялись изъ мелкихъ людей, ко-
торымъ въ рудникѣ принадлежало всего какихъ-нибудь одна или двѣ куксы.
Представимъ себѣ ничтожны размѣры рудниковъ, вспомнимъ, что выручка
отъ нихъ дѣлилась на 128 частей ³⁾), — и тогда мы поймемъ, насколько ничтож-
ные въ общемъ доходы извлекали изъ рудниковъ отдѣльные члены товари-
щества. Большинство не получало никакихъ барышей: тѣ крошечны суммы,
которая приносили имъ пан въ горномъ дѣлѣ, были просто пріятной добав-
кой къ средствамъ, добытымъ трудами собственныхъ рукъ и всецѣло ухо-
дившимъ на скромное пропитаніе,—такою добавкой иничѣмъ больше. Боль-
шинство владѣльцевъ куксъ находилось въ такомъ же положеніи, какъ отецъ
нашего почтеннаго юахимсталскаго пастора. Отецъ его былъ „видный Ge-
werk“ (членъ горнодѣльского товарищества) и тѣмъ не менѣе не располага-
ла достаточными средствами для обучения сына. И лишь когда по мило-
сердію Божію благодарные родители его учениковъ „добавили ему нѣсколько
куксовечекъ“, у него оказались средства, „на которыя я,—такъ пишетъ онъ, —
во второй разъ проучился два года въ Виттенбергѣ и пріобрѣлъ хороший ма-
ленький пай“ (Предисловіе къ „Sarepta“). Просмотримъ чудовищно длинный
списокъ разрабатывавшихся рудниковъ, который составленъ Маттезіусомъ ⁴⁾
для Йоахимстала (и который, слѣдовательно, еще для XVI столѣтія даетъ

1) Joh. Matthesius, „Sarepta“, 17a.

2) von Sperges, „Tyrolier Bergwerksgeschichte“, 120.

3) [„Капиталъ“ каждого рудника (или горнодѣльского товарищества) обыкновенно
составлялся изъ 128 куксъ (паевъ), и во всякомъ случаѣ изъ числа кратнаго двухъ].

4) Matthesius, „Chronik von Joachimsthal“; списокъ составляется въ „Sarepta“
девятнадцатую проповѣдь, но появился также и отдѣльнымъ изданіемъ.

картина горного дѣла, поставленного на товарищескихъ началахъ), — приглядимся дальше къ совершенно ничтожнымъ для большинства случаевъ цифрамъ добычи, выпадавшей на куксу: мы тогда укрѣпимся въ своемъ убѣжденіи, что въ подавляющей массѣ случаевъ пайщики могли получить отъ своихъ правъ все что угодно, но только не крупныя состоянія.

Если мы стремимся къ правильной оцѣнкѣ дѣйствительной роли непосредственного накопленія, намъ необходимо принять во вниманіе еще одно важное обстоятельство: съ половины XV столѣтія, т.-е. какъ разъ съ того времени, когда нѣмецкое горное дѣло начинаетъ становиться доходнымъ, пай въ горномъ дѣлѣ съ стремительно возрастающей быстротой ускользають изъ рукъ старыхъ членовъ товариществъ и скапуаются состоятельными людьми — дворянами или крупными торговыми домами, особенно нюрнбергскими и аугсбургскими.

Легче всего прослѣдить это на рудникахъ Тироля и Венгріи. Здѣсь наиболѣе состоятельные изъ чужеземныхъ торговыхъ людей наперебой помогались захватить для себя извѣстную долю... въ рудникахъ, а тѣ, кого принимали членами въ горнодѣльческое товарищество въ Швацѣ, считали себя счастливыми¹⁾). Въ XVI столѣтіи мы встрѣчаемъ здѣсь въ числѣ „старателей“ Фюгеровъ, Лихтенштейновъ, Фирміановъ, Тэнцелей изъ Трацберга, Іехедей изъ Іехельстурна, Штеккелей и другихъ иотаблей страны, которые отъ эксплуатации рудниковъ пріобрѣли большія богатства²⁾). Но мы встрѣчаемъ также и Линковъ и Гауговъ, Шейрлей, Футгеровъ и другихъ, явившихся изъ Аугсбурга, и можемъ на основаніи точныхъ цифровыхъ данныхъ прослѣдить, какія колоссальные суммы притекали въ тѣ дни отъ „горныхъ благъ“ въ сундуки и безъ того уже состоятельныхъ торговыхъ домовъ³⁾.

Но то, что съ такою очевидностью обнаруживается въ Тиролѣ, не менѣе рѣзко выступаетъ и въ большинствѣ другихъ горнодѣльческихъ округовъ: повсюду совершается вытѣсненіе мелкихъ пайщиковыхъ могущественными денежными людьми. Въ позднѣйшую эпоху мы вездѣ — въ Силезіи⁴⁾, въ Саксоніи⁵⁾, въ Богеміи⁶⁾, въ Шварц-

1) von Sperges, „Tir. Bergwerksgesch.“, 97—98.

2) von Sperges, I. c., стр. 105 и сл.

3) Активъ торгового общества Линкъ и Гаугъ въ Швалѣ воросъ съ 60.262 flor. въ 1533 г. до 193.547 flor. въ 1563 году; активъ того же общества въ 1560 г. (первый годъ) составлялъ въ Нейзольѣ 5.020 flor., въ Тестенѣ 8.853 flor., а въ 1562 г. уже 10.191 и 54.504 flor. J. Hartung, „Aus dem Geheimbuch eines deutschen Handelshauses im 16 Jahrhunder“, въ „Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgesch.“, 4, 39.

4) E. Fink, „Die Bergwerksunternehmungen der Fugger in Schlesien“, въ „Zeitschr. des Ver. f. Gesch. und Altertum Schlesiens“ 28 (1894), и C. Faulhaber, „Die ehemalige schlesische Goldproduktion“, Bresl. Diss., 1896.

5) Ehrenberg, „Zeitalter der Fugger“, 1, 187 и сл.

6) A. von Scheurl, „Christoph Scheurl“ (1884), 30. Футгеры и Турдо получили въ годы 1495—1504 изъ своихъ венгерскихъ рудниковъ дивидендъ въ 119.500 рейнскихъ флотиновъ. Въ 1504—1507 гг. дивидендъ на каждую часть составлялъ 238.474 flor., въ 1507—1510 гг.—142.609 flor. Одни Футгеры исчисляли свою чистую прибыль отъ „венгерского горнодѣлія“ (сюда, несомнѣнно, были включены и взятые на откупъ доходы короны; см. главу десятую) въ 1.297.192 рейнскихъ гульдена. F. Dobel, „Der Fugger Bergbau und Handel in Ungarn“, въ „Zeitschr. des historischen Vereins für Schwaben und Neuburg“, 6

вальдѣ¹⁾) — открываемъ слѣды крупныхъ торговыхъ домовъ, принимавшихъ участіе въ горномъ дѣлѣ.

Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣмецкое горное дѣло въ XV и XVI столѣтіи оказалось серьезнѣе содѣйствіе ускоренію накопленія денегъ: оно столько доставляетъ въ десятокъ лѣтъ, сколько торговля старого стиля не могла бы принести въ сотню лѣтъ. Однако, то образованіе крупныхъ состояній, которое въ этомъ случаѣ совершается передъ нашими глазами, еще не есть возникновеніе капитала. Само оно, какъ мы еще покажемъ потомъ, для большинства случаевъ является уже слѣдствиемъ капиталистического хозяйства, а потому не можетъ быть въ то же время и причиной его. Въ виду всего этого мы можемъ притти къ такому выводу: хотя для первоначального накопленія накопленіе непосредственное и играетъ извѣстную роль, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ преоцѣнивать значеніе послѣдняго; мы можемъ даже сказать: оно играетъ извѣстную роль въ совершенно исключительныхъ случаяхъ.

Слѣдовательно, мы опять не достигли своей цѣли: намъ опять не удалось отыскать корни буржуазнаго богатства. Намъ не остается ничего другого, какъ опять начать новую главу, т.-е. снова отправиться въ путь по новому направлѣнію, по которому, надо надѣяться, мы дойдемъ, наконецъ, до своей цѣли.

(1879), 33 и сл. Въ непосредственной связи съ развитіемъ добыванія серебра стояла прямо невѣроятная доходность добывающей ртути: изобрѣтеніе способовъ амальгамированія сдѣлало возможнымъ совершенное извлеченіе серебра изъ руды, и потому въ 16 столѣтіи ртуть послѣ серебра и золота была предметомъ самыхъ горячихъ желаній. Фуггеры, monopolyzировавъ разработку заарендованныхъ ими альмаденскихъ пріисковъ, и на добываніи ртути приобрѣли колоссальныя богатства. Прибыль ихъ составляла 85 и 100%; въ одно пятилѣтіе аренды они получили 166.370 дукатовъ, въ 1572 — 1582 гг. приблизительно 300.000 дук., въ 1582—1594 гг. 636.000 дук., въ 1595—1604 гг. приблизительно 600.000 дук. К. Нѣbler, „Gesch. der Fuggerschen Handlung in Spanien“, 102 и сл., 156, 169, 176 и сл., 193.

1) „Аугсбургскіе банкиры повсюду прилагали свою руку; въ горномъ дѣлѣ Мюнстерталя Фуггеры въ концѣ-концовъ тоже смѣнили патрициевъ Фрейберга“. Gothein. 599.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Зачатки буржуазного богатства.

Я думаю, намъ лучше всего удастся раскрыть тайну, окружающую зачатки буржуазного богатства, если мы поближе взглянемъ въ черты тѣхъ людей, которые уже въ средніе вѣка выступаютъ передъ нами какъ богатые люди. Можетъ быть, мы откроемъ тогда своего рода фамильное сходство и, исходя изъ него, нападемъ на слѣды происхожденія этихъ людей.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію прежде всего тотъ фактъ, что въ городахъ средневѣковой Европы мы можемъ наблюдать, какъ съ теченіемъ времени классъ богатыхъ людей рѣзко обособляется отъ широкой массы остального городского населения. Это замѣчается по меньшей мѣрѣ въ большихъ, процвѣтающихъ центрахъ торговли, которые только и имѣютъ значеніе, когда идетъ рѣчь о возникновеніи богатства: во Флоренціи и въ Брюгге, въ Аугсбургѣ и Лондонѣ, въ Монпелье и Базелѣ.

Majores, divites, riches, richen, nobili, poorters, popolo grasso приходятъ къ сознанію, что они выше popolo minuto, plebs, minores, populares et importentes (Кельнъ), rurperes, vulgares, ткачей и мѣщанства (Кельнъ). Мы, конечно, не встрѣтимъ противорѣчія, если констатируемъ далѣше (по существу мы уже признали это, признавши только что установленный фактъ), что къ классу „divites“ принадлежать все крупнѣйшие торговцы, все богатые денежные и банковскіе дома, все состоятельные откупщики налоговъ и пошлинъ, все монетчики и привилегированные мѣнялы, все крупные горнодѣлы. Дальше наблюденія показываютъ, что не только промышленные ремесленники, но и торговцы ремесленного типа все болѣе становятся въ сознательно антагонистическія отношенія къ этому новому, буржуазному классу. Постепенно правиломъ становится то, что (насколько я знаю) не имѣло общаго характера въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ: отдѣльныя товарищества торговцевъ предъявляютъ особенно высокія требования къ соціальнымъ качествамъ вновь поступающаго члена, воспрещаютъ ему торговлю менѣе цѣнными товарами, требуютъ отказа отъ занятія ремесломъ¹⁾ и т. под. Такимъ образомъ, можно бы

1) Въ особенности ясныхъ формахъ этотъ поворотъ совершился въ Англіи; только merchants adventurers (т.-е. купцы, ведущіе преимущественно иностранную торговлю) начинаютъ требовать, чтобы члены были „liberi homines, qui non sunt alicuius artis manualis“. См. документы у Gross, 2, 360.

въ совершенствѣ прослѣдить, какъ въ концѣ среднихъ вѣковъ торговцы распадаются на два класса, рѣзко обособленные одинъ отъ другого: rich и poor merchants, крупные торговые дома и marchands... sans hérítages, а въ Германии съ XV столѣтія—крупные, богатые торговцы и мелкие „ремесленники и торговцы“. Притомъ противоположность эта была не только, и даже не преимущественно, противоположностью между оптовой и мелочной торговлей, но въ существенныхъ чертахъ противоположностью между торговлей въ крупныхъ размѣрахъ и торговлей въ мелкихъ размѣрахъ. Бѣдные английскіе торговцы шерстью, которые въ XIV столѣтіи жалуются на стѣсненія со стороны богатыхъ¹⁾, тоже вели „оптовую торговлю шерстью“; и мелкие „торговцы и промышленники“ въ Германии, у которыхъ въ XVI столѣтіи могущественные „торговые общества“ урѣзывали ихъ „пропитаніе“²⁾, въ свою очередь были „импортерами“ пряностей и колоніальныхъ товаровъ. Правда, въ биберахскомъ цеховомъ и ремесленномъ уставѣ 1485 года говорится³⁾: „всякій гражданинъ можетъ продавать колокольный металль, мѣдь, олово, свинецъ, сталь, желѣзо, воскъ, пряности и сукна, но лишь при томъ условіи, чтобы онъ продавалъ не иначе, какъ большими количествами“. Однако и въ этомъ случаѣ имѣется въ виду не привычная для настъ противоположность между продажею посредникамъ и продажею послѣднимъ потребителямъ, а всего лишь различіе между крупной и мелкой торговлей; подъ „продажей большими количествами“ здѣсь разумѣется: „одинъ центнеръ колокольного металла, одинъ центнеръ мѣди, свинцу, олова, пять центнеровъ желѣза, одинъ центнеръ стали, цѣлый кусокъ сукна; пряности цѣлыми мѣшками, сахарный тростникъ, имбирь, перепѣцъ и шафранъ по одному (!) фунту“.

Но эти состоятельный люди, которые такимъ образомъ обособились отъ многихъ, очень и очень многихъ,—кто были они? Не были ли они счастливцами-внукаами „mercatores“, которые, какъ мы видѣли, въ началѣ среднихъ вѣковъ переходили изъ страны въ страну со своими коробами за спиной? Не была ли противоположность богатыхъ и бѣдныхъ результатомъ процесса диференціаціи въ средѣ первоначально гомогенныхъ (однородныхъ) элементовъ, т.-е. въ массѣ торговцевъ, имѣвшихъ свойства ремесленниковъ? Можно думать, что такие случаи встрѣчались въ дѣйствительности, хотя общія соображенія, развитыя нами въ девятой главѣ, заставляютъ считать подобное предположеніе слишкомъ ужъ смѣльнымъ. Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что предположеніе это (едва ли позволяющее для теоретика) для историка совершенно недопустимо. Дѣло въ томъ, что изученіе средневѣковой хозяйственной жизни съ принудительной необходимостью приводить настъ къ признанію слѣдующаго факта: тѣ торговцы ремесленного характера, которыхъ мы только и встрѣчаемъ въ раннее время, но которые, конечно, не исчезаютъ и въ позднѣйшую эпоху, не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ тому богатому купеческому сословію, выступающему передъ нами въ большихъ городахъ на исходѣ

1) John Smith, „Memoirs of Wool“, 1 (1757), 25—26.

2) Сравн., напр., отдельныя мѣста у Шмидлера, въ „Zeitschr. f. die ges. St. Wiss.“, 1860, стр. 496 и сл., 632.

3) Jäger, „Jur. Magazin f. die Reichsstädte“, 4, 174 и сл., цит. у Roth von Schreckenstein, „Das Patriciat“ (1856), 559.

среднихъ вѣковъ; никакого моста не существуетъ между этими двумя группами, да, принимая во вниманіе всю структуру средневѣковаго общества, и не могло существовать.

Чтобы показать это, мы должны еще разъ иѣсколько ближе взглядѣться въ тѣхъ таюгахъ, въ тѣхъ nobili и poorters, изъ которыемъ, какъ видѣли мы, принадлежало буквально все, что только было богатаго въ городахъ. Тогда мы замѣтили, что денежная аристократія въ существенныхъ чертахъ совпадала съ тѣмъ, что (употребляя современное выраженіе) можно назвать аристократіей родовой. Элементы, изъ которыхъ составлялись „*pouvoirs riches*“, были слѣдующіе:

1) сельское дворянство, поселявшееся въ городахъ добровольно или по принужденію;

2) городской патриціатъ, „городское дворянство“ въ узкомъ значеніи слова.

Ниже я постараюсь, насколько это возможно, „статистически“ доказать, что въ средніе вѣка родовая аристократія совпадала съ денежной аристократіей. Здѣсь же наскѣкъ интересуетъ пока только одинъ вопросъ: изъ какихъ именно элементовъ образовалася городской патриціатъ?

Какъ извѣстно, объ этомъ вопросѣ по обыкновенію идетъ ожесточенный споръ между историками, которые, конечно, оказываются только историками-„сочинителями“¹⁾). Къ счастью, у насъ есть нужды ближе вникать въ эти споры; какъ бы ни расходились изслѣдователи по вопросу о томъ, были ли предками городскихъ патриціевъ простые свободные члены марки, или министеріалы [министеріалы—управляющіе имѣніями и различными отраслями хозяйства государей или простыхъ феодаловъ], или еще кто-нибудь,—въ одномъ пункѣ устанавливается полное единодушіе: господствующій впослѣдствіи классъ составили тѣ фамиліи, которыхъ, первоначально водворяясь въ городахъ, получили въ нихъ земельную собственность²⁾.

Слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ городскую общину развивалась деревенская, это были члены марки, Hufnerы, полноправные хозяева, ceux qui ont entre leurs mains une portion du sol communal³⁾; „coloro che partecipavano a questi medesimi beni“⁴⁾; „люди, осѣвши на землѣ городской марки“, „жившіе въ городской маркѣ и сами воздѣлывавшіе свою землю“⁵⁾, „burgage tenants“⁶⁾. Если права этихъ хозяевъ на землю въ предѣлахъ марки и были ограничены въ началѣ развитія городовъ всевозможными узураторскими покушеніями верховнаго собственника, намъ все же приходится предположить, что они очень быстро сумѣли освободиться отъ всякихъ ограничений. „Развитіе города, какъ общины, въ существенныхъ чертахъ заключается

1) [Непереводимый каламбуръ, основанный на игрѣ словомъ „Verfassung“ („Verfassungs-Historiker“). Конецъ фразы можетъ означать: „которые, само собой разумѣется, хотѣть быть только историками (соціального) строя“.]

2) Объ относящейся сюда литературѣ см. приложеніе къ этой главѣ.

3) Vanderkinderen, 58.

4) Pertile, 22, 15.

5) von Maurer, 2, 194 и сл.

6) Ashley, 1, 73.

именно въ томъ, что община по возможности устраиваетъ зависимость и возвращаетъ для себя то положеніе, въ которомъ находилась она въ періодъ до развитія крупныхъ феодаловъ, слѣдовательно, приблизительно въ докарловингское время¹⁾.

Но бывало и такъ, что городская территорія, вся или отчасти, переходила въ полную собственность императора, графа или епископа; въ такихъ случаяхъ она посредствомъ даренія или леннаго пожалованія обыкновенно попадала въ руки министеріаловъ, которые, опираясь на свое землевладѣніе, пріобрѣтали тогда всѣ права гражданина и давали начало городскимъ патриціанскимъ родамъ²⁾.

Наконецъ, если мы наблюдаемъ городскія общини, развивающіяся въ новой, только что занятой странѣ, въ колонизуемыхъ областяхъ, мы съ полной ясностью можемъ прослѣдить то обстоятельство, что первоначальная община есть община землевладѣльцевъ. Въ Любекѣ³⁾ и Гамбургѣ⁴⁾ феодаль, несомнѣнно, передаетъ поселяющимся тамъ „купцамъ“ крестьянскіе участки въ полную собственность или въ пользованіе, передаетъ, конечно, прежде всего съ тою цѣлью, чтобы „купцы“ могли заниматься на нихъ крестьянскимъ хозяйствомъ.

Землевладѣніе полноправныхъ гражданъ въ первыя времена бывало настолько обширно, что для обработки земли приходилось обращаться къ труду колоновъ⁵⁾. Большая часть земли, какъ известно, фактически попала въ руки потомковъ этихъ *primi et beati possidentes* фамилій. Въ первыя столѣтія развитія городовъ собственность на городскую территорію распредѣлялась исключительно между капитулами и монастырями, которымъ принадлежала большая часть городской области, особенно въ епископскихъ резиденціяхъ⁶⁾, между городскими общинами, которая въ теченіе среднихъ вѣковъ непрерывно стремились посредствомъ прикупокъ расширить свое землевладѣніе⁷⁾, и между патриціанскими родами⁸⁾, которые, съ ускоряющимся развитіемъ

1) von Below, „Die Entstehung der deutschen Stadtgemeinde“ (1889), 50.

2) Сравн., напр., von Maigret, I, 204; Arnold, „Freisttde“, I, 243,

3) Pauli, „Lüb. Zust.“, I, 42 и сл.

4) Hamb. U. B., N 285.

5) Такъ было въ Цюрихѣ, Вормсѣ, Магдебургѣ, Майнцѣ, Зѣстѣ, Шпайерѣ, Страсбургѣ. См. примѣры у von Maigret, I, 101.

6) Сравн., напр., Arnold, „Gesch. des Eigentums“, 257 и др. Однако, я думаю, что обширность территоріи, не составлявшей собственности патриціанскихъ родовъ, слишкомъ преувеличивается, когда исследователи составляютъ себѣ представление о распределеніи земельной собственности на основаніи дошедшихъ до насъ документовъ. Документы, само собой разумѣется, болыше всего говорятъ о собственности капитуловъ и монастырей.

7) Флоренція въ XIII столѣтіи: C. Frey, „Die Loggia dei Lanzi“, 1881, документы. Гамбургъ въ XIV столѣтіи: C. G. Gaedechens, „Histor. Topographie“, 58.

8) Германія. Для Любека: Pauli, „Lüb. Zust.“, I, 48; для Кельна (еще въ XIII столѣтіи въ старомъ городѣ обширная владѣнія богатыхъ родовъ: Сафировъ, Цемереровъ и др.): Eilwen, „Gesch. von Kln“, I, 665 и сл., 671 и сл.; для Франкfurta-на-Майнѣ: Bhmer, Cod. Moenofi. (1836), 155, 315, 469; для Страсбурга (XIII столѣтіе): A. Schulte, „Strassb. U. B.“, 3 (1884), X и сл. („роды, въ рукахъ которыхъ сосредоточено почти все городское землевладѣніе“; фактъ, представляющейся поразительнымъ для епископской территоріи). Другія страны. Для французскихъ городовъ: Flach, „Origines de l'ancienne France“, 2

города, во многихъ случаяхъ распредѣляли между собой и городскія альменды (общинныя земли) ¹⁾.

Патриціанскіе роды въ большинствѣ городовъ, несомнѣнно, составляли лишь ничтожное число фамилій. Оно и понятно: какъ слѣдуетъ думать, ихъ родоначальники вели самостоятельное сельское хозяйство, а это, при данныхъ размѣрахъ городскихъ полей, должно было вести къ ограниченію ихъ числа.

Если справедливо, что въ Страсбургѣ члены компаний были вполнѣ тожественны съ патриціатомъ, мы получимъ замѣчательно высокія цифры ²⁾: въ 1216 году было уже 359 членовъ, 1283 г.—даже 454, 1300 г.—361, 1332 г.—227, 1347 г.—302 и т. д. На основаціи этихъ цифръ мы можемъ думать, что въ Страсбургѣ было не менѣе 100 патриціанскихъ фамилій. Но по всей вѣроятности, не всѣ члены компаний принадлежали къ патриціанскимъ родамъ. Для Кельна мы располагаемъ слѣдующими цифрами: въ купеческой гильдїи, въ Richer Zechе, въ XIV столѣтіи было 361 членъ ³⁾. Все, что мы знаемъ относительно другихъ городовъ, заставляетъ насъ думать, что число патриціанскихъ фамилій вообще было еще менѣе. Въ Аугсбургѣ въ 1383 году къ патриціанскому обществу принадлежало 51 фамилія, но вѣроятно число патриціанскихъ родовъ въ Аугсбургѣ было больше ⁴⁾. Въ Базелѣ (1456 г.) число патриціанскихъ родовъ верхней палаты составляло 14, нижней—9, слѣдовательно въ тогдашнемъ Базелѣ существовало въ общей сложности всего 23 фамиліи, которыхъ были признаны, какъ патриціанскіе роды ⁵⁾. Grandi во Флоренціи вмѣстѣ съ „nuova gente“ составляли въ XIII столѣтіи не болѣе 60 фамилій ⁶⁾. Число „Landheeren“, т.-е. старинныхъ фамилій, которымъ земля Гента принадлежала какъ ленъ, какъ „laetchap“, составляло въ XVIII столѣтіи 75 ⁷⁾.

Итакъ, всякий, кто вносились въ городахъ, всѣ эти толпы купцовъ и ремесленниковъ, marchands et manouvriers sans hritage, однимъ словомъ, все городское населеніе—если только оно не находило пристанища на городской территоріи во владѣніяхъ церквей и монастырей—все оно водворялось на землѣ этой горсти фамилій. Необходимо имѣть въ виду, что въ начальѣ развитія городовъ все трудящееся населеніе въ нихъ представляло людей оторванныхъ отъ землевладѣнія, поселявшихся на участкахъ, которые составляли собственность немногихъ землевладѣльческихъ фамилій. Слѣдова-

(1893), 263, 268, 342, 345, 348; для фландрскихъ городовъ, особенно для Гента: W a n k o e n i g, „Flandrische Staats-und Rechtsgesch.“, 1 (1835), 340 и сл.; 2 (1836), 21 и сл., 78 и сл.: V a n d e r k i n d e r e, 58, 63, 69. Для Флоренціи см. ссылки въ концѣ этой главы. Для Лондона: L a r p e n b e r g, „Urk. Gesch. des Stahlhofs“, 1851, Urk. Buch.

¹⁾ von Maugel, I, 410.

²⁾ H a n a u e r, „Etudes“, I, 140.

³⁾ E n n e n und E c k e r t, „Quellen“, I, 140.

⁴⁾ P. v o n S t e t t e n, „Gesch. der adel. Geschlechter in der... Stadt Augsburg“, 1762, стр. 42—43.

⁵⁾ O c h s, „Gesch. der Stadt Basel“, (1786), 480.

⁶⁾ O. H a r t w i g, „Ein Menschenalter florentiner Geschichte“ (1250—1292), въ „D. Zeitschr. fr Gesch. Wiss.“, 2, 84.

⁷⁾ „Almanak for het Jaer 1787 tot Gent“, стр. 63, цит. у W a n k o e n i g, 2, 79.

города, во многихъ случаяхъ распредѣляли между собой и городекія аль-

моніи (общинные земли)¹⁾.

Патрицианские роды въ большинстве городовъ, несомнѣнно, составляли
— *фамилій. Оно и понятно: какъ слѣдуетъ думать, изъ*
— *самостоятельное сельское хозяйство, а это, при дан-*
— *ыхъ городскихъ полей, должно было вести къ ограничению*

Если справедливо, что въ Страсбургѣ члены компаний были вполнѣ тожественны съ патриціатомъ, мы получимъ замѣчательно высокія цифры²⁾: въ 1216 году было уже 359 членовъ, 1283 г.—даже 454, 1300 г.—361, 1332 г.—227, 1347 г.—302 и т. д. На основаніи этихъ цифръ мы можемъ думать, что въ Страсбургѣ было не менѣе 100 патриціанскихъ фамилій. Но по всей вѣроятности, не всѣ члены компаний принадлежали къ патриціанскимъ родамъ. Для Кельна мы располагаемъ слѣдующими цифрами: въ купеческой гильдіи, въ Richer Zeche, въ XIV столѣтіи было 361 членъ³⁾. Все, что мы знаемъ относительно другихъ городовъ, заставляетъ насть думать, что число патриціанскихъ фамилій вообще было еще менѣе. Въ Аугсбургѣ въ 1383 году къ патриціанскому обществу принадлежало 51 фамилія, но вѣроятно число патриціанскихъ родовъ въ Аугсбургѣ было больше⁴⁾. Въ Базелѣ (1456 г.) число патриціанскихъ родовъ верхней палаты составляло 14, нижней—9, слѣдовательно въ тогдашнемъ Базелѣ существовало въ общей сложности всего 23 фамиліи, которая были признаны, какъ патриціанскіе роды⁵⁾. Grandi во Флоренціи вмѣстѣ съ „nuova gente“ составляли въ XIII столѣтіи не болѣе 60 фамилій⁶⁾. Число „Landheereen“, т.-е. старинныхъ фамилій, которымъ земля Гента принадлежала какъ ленъ, какъ „laetchap“, составляло въ XVIII столѣтіи 75⁷⁾.

Итакъ, всякий, кто впослѣдствіи поселялся въ городахъ, всѣ эти толпы купцовъ и ремесленниковъ, marchands et manouvriers sans h ritage, однимъ словомъ, все городское населеніе—если только оно не находило пристанища на городской территории во владѣніяхъ церквей и монастырей—все оно водворялось на землѣ этой горсти фамилій. Необходимо имѣть въ виду, что въ начальѣ развитія городовъ все трудящееся населеніе въ нихъ представляло людей оторванныхъ отъ землевладѣнія, поселявшихся на участкахъ, которые составляли собственность немногихъ землевладѣльческихъ фамилій. Слѣдова-

(1893), 263, 268, 342, 345, 348; для фландрскихъ городовъ, особенно для Гента: Warkoenig, „Flandrische Staats-und Rechtsgesch.“, 1 (1835), 340 и сл.; 2 (1836), 21 и сл., 78 и сл.: Vanderkinderen, 58, 63, 69. Для Флоренціи см. ссылки въ концѣ этой главы. Для Лондона: Lappenberg, „Urk. Gesch. des Stahlhofs“, 1851, Urk. Buch.

¹⁾ von Maurer, 1, 410.

²⁾ Напанег, „Etudes“, 1, 140.

³⁾ Eppen und Eckert, „Quellen“, 1, 140.

⁴⁾ P. von Stetten, „Gesch. der adel. Geschlechter in der... Stadt Augsburg“, 1762, стр. 42—43.

⁵⁾ Ochs, „Gesch. der Stadt Basel“, (1786), 480.

⁶⁾ O. Hartwig, „Ein Menschenalter florentiner Geschichte“ (1250—1292), въ „D. Zeitschr. f r Gesch. Wiss.“, 2, 84.

⁷⁾ „Almanak for het Jaer 1787 tot Gent“, стр. 63, цит. у Warkoenig, 2, 79.

тельно, это были прежде всего неполноправные граждане; во всякомъ случаѣ, пока они не сдѣлялись домовладѣльцами, они находились въ экономической зависимости отъ полноправныхъ гражданъ, отъ владѣльцевъ участковъ и, какъ извѣстно, очень часто становились къ нимъ прямо въ отношенія клиентовъ къ патронамъ¹⁾). Такимъ-то образомъ создалась противоположность между двумя составными частями городского населенія (землевладѣльцами и „чехами“, т.-е. зависимыми отъ землевладѣльцевъ позднѣйшими поселенцами—всѣми лицами, занятymi промысловымъ трудомъ). Изъ нея только впослѣдствіи вытекаетъ различіе политического влиянія въ городахъ, которое, слѣдовательно, имѣетъ производный характеръ. Противоположность эта настолько сильна, что передъ ней стушевываются всѣ мѣстныя различія въ развитіи сословій средневѣковаго города; она повсюду ведетъ къ величайшей напряженности въ отношеніяхъ, которая находитъ исходъ въ борбѣ между классами, разразившейся въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Единообразіе въ развитіи городовъ во всѣхъ государствахъ Западной Европы осталось бы совершенно необъяснимымъ, если бы мы не могли свести его къ тому факту, что отношенія землевладѣнія во всѣхъ городахъ развивались въ одинаковыхъ формахъ, виѣ всїкой зависимости отъ всѣхъ прочихъ условий: отъ политической структуры города, отъ слуچайныхъ обстоятельствъ его основанія.

Но въ настоящее время настѣнко интересуетъ другое, именно фактъ, который уже и самъ по себѣ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій, вытекаетъ изъ того, что сказано выше: въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ городская земельная рента должна была возрастать, какъ *ineagned increment* („незаслуженный“ или „незаработанный“ доходъ) немногихъ городскихъ землевладѣльческихъ фамилій. Документальнымъ подтвержденіемъ этого бесспорного положенія можетъ служить всякая запись, наслѣдство, всякий городской сборникъ частныхъ документовъ, дошедший до насъ отъ среднихъ вѣковъ. Но для нашихъ цѣлей будетъ достаточно намѣтить лишь слѣдующіе пункты.

1. Патриціанскіе роды утилизировали землю, находившуюся въ ихъ распоряженіи, не только такимъ способомъ, что они передавали ее промысловому населенію для постройки жилыхъ помѣщений: нѣть, они кроме того сами возводили мастерскія, лавки и т. под. и передавали ихъ въ пользованіе за определенную плату. Такой способъ утилизации былъ, конечно, въ особенности доходенъ. Каждый землевладѣлецъ имѣлъ право устраивать на своей землѣ улицы и рынки и воздвигать на нихъ все, что угодно: частные дома, а также лавки для ремесленниковъ, палатки, ремесленные ряды и т. д., и взимать за пользованіе ими сборы въ той или иной формѣ. Такимъ образомъ—какъ мы можемъ предполагать, и какъ прямъ извѣстно относительно

¹⁾ von Maagel, 2, 235 и сл. Эта геніальный исследователь до сихъ поръ лучше всего вводить въ пониманіе соціальной структуры средневѣковыхъ городовъ. Arnold, „Freistdte“ 2, 192 и сл. Новѣйшія исследования вскрыли все глубокое значеніе такого положенія вещей для общаго хода развитія городовъ. Для Кельна сравн., напр., введеніе K. Гегеля къ 14 тому его Chr. d. St.; для Констанца въ особенности поучительны работы K. Beyerle, „Grundeigentums- und Brgerrechtsverhltnisse im mittelalterlichen Konstanz“ (1901), 66 и сл.

многихъ городовъ¹⁾—многіе старинные патриціанскіе роды были собственниками мясныхъ и хлѣбныхъ лавокъ, крупорушиныхъ заведеній, мельницъ и т. п., промышленныхъ учрежденій, которыя они сдавали ремесленникамъ за извѣстное вознагражденіе. Наконецъ, возможность еще болѣе интенсивной утилизациі земельной собственности открывалась благодаря всевозможнымъ привилегіямъ, связаннымъ съ опредѣленными участками земли: таково, напр., исключительное право варить пиво, торговать виномъ²⁾, устраивать мельницы³⁾ и т. под.

2. Формой пользованія⁴⁾ первоначально была главнымъ образомъ аренда, наемъ, въ видѣ ли аренды наследственной или срочной, въ послѣднемъ случаѣ аренды пожизненной⁵⁾ или на опредѣленный срокъ, напр., на 100 или на 200 лѣтъ⁶⁾. Такая юридическая форма, какъ отдача въ наемъ, стояла въ соотвѣтствіи съ низкою производительностью труда въ раниe время и съ низкою же, въ зависимости отъ этого, платежеспособностью промысловаго населенія. Арнольдъ вполнѣ правильно указалъ на такую связь между явлениями. Въ экономическомъ отношеніи подобная форма землепользованія, характерная для прежняго времени, приобрѣтаетъ особенное значеніе потому, что она позволяетъ землевладѣльцу извлекать выгоды изъ всякаго повышенія ренты. Мы должны думать, что даже при наследственной арендѣ сборы отъ времени до времени повышались⁷⁾, что рента выкупалась при случаѣ, что часто или въ большинствѣ случаевъ устанавливалось право предпочтительной покупки при отчужденії⁸⁾. При отчужденіи, а также всегда, какъ только истекалъ срокъ аренды⁹⁾, землевладѣлецъ, слѣдовательно, получалъ полную возможность обеспечить для себя или получение повышенной ренты или продажу участка на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Благодаря этому землевла-

1) Сравн., напр., относительно Гамбурга: Lib. act. I. c., XVIII, 13 и сл.; LXVII, 12; CXLVII, 9, 26. Относительно Франкфурта: Joh. Carl von Fichard, „Die Entstehung der Reichsstadt Fr. etc.“, 1819, стр. 150—51, и Вѣтхег., 217, 247, 288, 350, 352, 384. Для Аугсбурга: P. von Stetten, „Kunst- und Gewerbe gesch. von Augsh.“, 1 (1779), 4. Для Бюрибурга: Rosenthal, „Gesch. des Eigentums in der Stadt W.“ (1878), 44. Относительно Бреславля: Klosep., „Von Breslau. Dok. Gesch. und Beschreibung“, 1 (1781), 501, 56, 632; Tschoppe u. Stengel, Sammlung zur Gesch. der Städte etc. (1832), 259.

2) von Maigk, 2, 179.

3) Относительно Кельна: „Chr. d. St.“, 14, XXIII.

4) По этому предмету мы располагаемъ наиболѣе богатыми свѣдѣніями, благодаря литературѣ по истории права. Указанія на литературу приведены въ началѣ экскурса къ этой главѣ, куда я и отсыпаю читателя.

5) Сравн., напр., Strassb. U. B. T. III, № 225, 313.

6) Strassb. U. B., 3, № 75, 120, 173.

7) Особенно многочисленные приѣмы содержитъ „Lubecker Ober-Stadtbuch“. См. Рѣйтѣ, I. c. (ниже, въ приложениe къ этой главѣ).

8) См., напр. относительно Бюрибурга у Rosenthal, I. c., 49.

9) По всей вѣроятности, въ средневѣковыхъ городахъ былъ распространенъ и простой наемъ; см. относительно Констанца Beuerle, 76. И здесь слѣдуетъ сказать, что отъ рѣжкости документальныхъ подтверждений нельзѧ умозаключать къ тому, что давныя юридическія отношенія встрѣчались рѣдко. Согласно стариннымъ нѣмецкимъ воззрѣніямъ, съ наймомъ, какъ извѣстно, не связывалось материальныхъ послѣдствій; наемъ былъ не юридической сѣдлкой въ собственномъ смыслѣ этого слова, а скорѣе своего рода соглашеніемъ, не имѣвшимъ юридической силы. Поэтому въ большинствѣ случаевъ сѣдлка найма документально не закрѣплялась. Сравн. von Gruppel, „Zur Geschichte der Miete und Pacht in den deutschen und germanischen Rechten des M. A.“, въ „Zeitschr. f. R. G.“, 1, 138 и сл.

дѣніе могло сохраниться въ рукахъ первоначальныхъ собственниковъ до того времени, когда цѣнность земли поднялась до ужасающей высоты по сравненію съ прежнимъ временемъ.

3. Если бы даже у насть не было никакихъ документальныхъ доказательствъ, мы все же должны думать, какъ уже мимоходомъ упомянуто въ послѣдней фразѣ, что дѣйствительное повышение земельной ренты въ средневѣковыхъ городахъ было очень значительнымъ. Я думаю, что (относительный) ростъ городской земельной ренты въ теченіе среднихъ вѣковъ, и особенно въ періодъ съ 1200 по 1400 годы, былъ таковъ, что съ нимъ могло бы сравняться — конечно, если оставить въ сторонѣ древнее время — лишь соответствующее явленіе въ городахъ XIX вѣка.

Быстрый ростъ населенія, значительное повышеніе производительности труда, огромная скученность населенія внутри кольца городскихъ стѣнъ, — все это совмѣстно дѣйствовало въ томъ направленіи, что стремительно взвинчивало кверху цѣны земельныхъ участковъ и довело ихъ до уровня, который повергаетъ насть въ изумленіе. Трудно поверить, чтобы во Флоренціи конца XIII столѣтія квадратный метръ земли подъ постройки при продажѣ большими количествами (500 квадратныхъ метровъ) стоилъ отъ 5 до 6 марокъ въ переводѣ на современную валюту, а при продажѣ мелкими участками (продавали по пяти квадратныхъ футовъ) — даже отъ 10 до 20 марокъ; и однако это съ полною несомнѣнностью вытекаетъ изъ кучихъ крѣпостей, съ которыми мы еще познакомимся. Конечно, чтобы достигнуть такихъ цѣнъ, требовалось все богатство быстро выраставшей Флоренціи; но, однако, и относительно другихъ городовъ мы узнаемъ, что въ XIII и XIV столѣтіяхъ цѣны земли необыкновенно быстро шли въ вышину и что мѣста для построекъ скоро пришлось „оплачивать невѣроятно высокими цѣнами“¹⁾). Напр., во Франкфуртѣ-на-Майнѣ цѣна ренты въ одну марку составляла (при покупкѣ ренты):

1304 г.	14—15 марокъ ²⁾
1314/18 г.	16—17 "
1323/27 г.	18 "
1333 г.	19 "
1358 г.	24 "

Отъ такого повышенія цѣны ренты, конечно, позволительно умозаключить къ приблизительно такому же росту земельныхъ цѣнъ.

4. По мѣрѣ того, какъ развиваются средства сношеній, на мѣсто аренды въ городахъ все рѣшительнѣе выступаетъ продажа земли: для патриціанскихъ родовъ приходитъ пора превратить землевладѣніе въ серебро, возрастающія денежные суммы начинаютъ приливать къ ихъ рукамъ. Приливъ еще больше усиливается, когда въ отдельныхъ городахъ — въ Любекѣ, напр., уже съ конца XIII столѣтія³⁾, въ другихъ городахъ позднѣе, въ Вѣнѣ⁴⁾, напр.,

1) Arnold, „Gesch. des Eigentums“, 64 (относительно Базеля); Pauli 1, 46 (относительно Любека).

2) Bacheg, „Bevölkerung“, 340.

3) Здѣсь уплачивалась 20-кратная, иногда даже 25-кратная рента; Pauli, 48.

4) Здѣсь требовалась для выкупа 12½-кратная цифра ренты; Eulenburg, въ „Zeitschr. für Soc.-und WG.“, 1, 287.

въ XIV столѣтіи, въ Базель въ половинѣ XV столѣтія¹⁾)—допускается и въ большинствѣ случаевъ осуществляется выкупъ рентъ и платежей.

Мы достигли цѣли, разоблачили тайну. Зачатки буржуазнаго богатства открыты. Тѣ суммы, на которыхъ въ Италии и Фландріи съ XIII вѣка и даже раньше, а въ другихъ странахъ съ XIV столѣтія уреждались финансовые и торговые предпріятія въ широкомъ масштабѣ; тѣ суммы, которыхъ по всей справедливости слѣдуетъ разсматривать, какъ первичныя состоянія: эти суммы представляютъ не что иное, какъ накопленную земельную ренту. Для сельскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, относительно которыхъ, какъ мы видѣли, можно показать, что и они были составною частью городскихъ *divites, nobili, poorters*,—для нихъ ничто не могло быть понятнѣе, какъ образованіе денежныхъ состояній на основѣ землевладѣльческихъ правъ; это, думаю я, путемъ сравнительно длиннаго ряда мыслей съ полной убѣдительностью раскрылось и для городского патриціата, землевладѣніе котораго было меньше, но зато, какъ расположено на городской территории, допускало болѣе интенсивную утилизацію. Обратимся, однако, отъ юридическихъ титуловъ (собственность на землю), подъ которыми совершилось приобрѣтеніе, къ тому источнику, изъ котораго возникали первичныя состоянія. Этотъ источникъ—въ одномъ случаѣ „прибавочная цѣнность“ сельского труда, въ другомъ—„прибавочная цѣнность“ труда городского. Въ ходѣ развитія, совершающагося на протяженіи ряда вѣковъ, параллельно съ ростомъ производительности труда открывалась возможность присвоивать прибавочную цѣнность и накоплять. Слѣдовательно, капиталъ явился на свѣтѣ не въ такомъ ужъ зловѣщемъ кровавомъ видѣ, какъ это предполагаетъ Марксъ. Это было осторожное, постепенное, незамѣтное для трудящагося населенія урываніе крошечныхъ долекъ труда, которымъ съ течениемъ времени суждено было составить фонды для капиталистического хозяйства. Но, кстати сказать, суждено было составить эти фонды лишь послѣ того, какъ различные способы повели къ многократному увеличенію основныхъ состояній. Способы эти—съ одной стороны, всевозможныя ловкія манипуляціи, съ примѣрами которыхъ мы отчасти уже познакомились въ предыдущихъ главахъ, а съ другой стороны—дерзостный захватъ богатства и рабочей силы у чужихъ народовъ, съ чѣмъ насыть познакомить слѣдующая глава.

Прежде чѣмъ покончить съ предметомъ этой главы, я долженъ еще въ нѣсколькихъ словахъ указать на ту связь, которая фактически существуетъ между выясненнымъ теперь накопленіемъ земельной ренты и генезисомъ капитала. Я лучше всего достигну своей цѣли, если покажу, какъ и когда землевладѣльческие патриціанскіе роды обратились къ торговлѣ. Произошло это такъ. Возрастаніе денежнаго богатства *u divites* въ городахъ, разумѣется, было немыслимо безъ перемѣщенія экономической основы ихъ существованія. Оно вѣдь было обусловлено развитіемъ города; послѣднее же знаменовало возрастающее ограниченіе первоначальной промысловой дѣятельности гражданъ, суженіе сельскаго хозяйства. Параллельно тому, какъ воздѣльваніе городской территории прогрессировало и, слѣдовательно, цена земли повы-

1) Arnold, „Gesch. des Eigentums“, 217.

шалась,—гуты¹⁾ и общиная земля все сокращались въ размѣрахъ, пока, на конецъ, самостоятельное веденіе сельскаго хозяйства не сдѣлалось прямо немыслимымъ.

Но это самое обстоятельство открыло возможность жить исключительно отъ оброковъ и рентъ точно такъ же, какъ уже раньше начало жить сельское дворянство, поселявшееся въ городахъ. И многие изъ старинныхъ патриціанскихъ родовъ, дѣйствительно, использовали такую возможность. Это—*otiosi, ledechangers*²⁾ источниковъ, тѣ тунедцы, которые „теперь хотятъ пребывать въ праздности“³⁾. На противъ, бережливые домовладѣльцы (можетъ быть, какъ разъ богатѣйши?) были далеки отъ того, чтобы полностью потреблять свои увеличившіяся доходы. Доходы у нихъ сберегались, и при томъ, соответственно духу времени, главнымъ образомъ въ формѣ внѣгородской земельной собственности или посредствомъ пріобрѣтенія рентъ въ городахъ: наступаетъ время—превосходно извѣстное всякому историку хозяйства,—когда патриціансіе роды все чаще и чаще дѣлаютъ прикупки въ окрестностяхъ города, когда у всякаго состоятельныхъ человѣка оказывается своя книга рентъ, какъ у Вико фонъ-Гельдерсена. Тогда-то не могло не открыться, что такой способъ утилизациіи денегъ снова и снова приводить къ ихъ возрастанію. Возникаетъ избытокъ денегъ, денежное полнокровіе особаго рода; поэтому постепенно, по мѣрѣ того какъ развивается *spiritus capitalisticus* (капиталистический духъ)—объ этомъ рѣчь будетъ ниже,—помыслы должны направляться на то, какъ бы изыскать для денегъ другое прибыльное помѣщеніе. Наступаетъ время, когда деньги предстаиваютъ нуждающимся городскимъ общинамъ, сначала, быть можетъ, безъ всякаго барыша; но уже очень скоро ихъ начинаютъ ссужать знатнымъ господамъ за извѣстное вознагражденіе. Наступаетъ время, когда фактору довѣряются суммы, на которыхъ онъ долженъ вести торговлю въ города, — слѣдовательно, время случайной торговли патриціанскихъ родовъ. Въ концѣ-ковцовъ намъ приходится признать, что участіе послѣднихъ въ торговлѣ первоначально носило именно случайный характеръ. Торговая предпріятія на первыхъ порахъ имѣютъ видъ временныхъ, торговыя компаніи заключаются на срокъ отъ 3 до 6 лѣтъ. Сами состоятельные граждане на первыхъ порахъ въ большинствѣ случаевъ оставались въ своемъ родномъ городѣ, гдѣ они посвящали свое время общественнымъ дѣламъ и управлению недвижимыми имуществами⁴⁾. Мы можемъ вполнѣ понять какого-нибудь венеціанскаго патриція или какого-нибудь Виттенборга или Гельдерсена именно только какъ такихъ случайныхъ торговцевъ. Постарался ли кто-нибудь подсчитать число статей товара, означенныхъ въ „торговой книжкѣ“ одного изъ такихъ членовъ городского совѣта? Тогда получились бы изумительные результаты: въ теченіе цѣлаго года въ книгу вносилось

1) [Гута—совокупность земель, такъ или иначе утилизируемыхъ крестьянской хозяйственной единицей. Гута охватываетъ, слѣдовательно, усадебную землю, огородъ, пашню и т. д., входящіе въ составъ одного крестьянскаго хозяйства, т.-е. хозяйства одной крестьянской семьи.]

2) *Vanderkinderen*, 69.

3) *Ochs*, „Gesch. der Stadt Basel“, 1, 481.

4) Сравн. *Bücher*, „Bevölkerung“, 246—47.

не более 20—30 статей. Подумайте: въ среднемъ одна статья за каждыя 14 дній. Куда бы дѣвать несчастному человѣку свое время, если бы онъ, какъ иногда предполагаютъ, дѣйствительно былъ професіональнымъ торговцемъ? Впослѣдствіи, съ теченіемъ времени, у отдѣльныхъ фамилій такая спорадическая, перемежающаяся дѣятельность развивается, конечно, въ постоянную профессію банкира или торговца. Слѣдующій фактъ можетъ служить прямымъ подтвержденіемъ только что изложенныхъ взглядовъ: товарное и денежное обращеніе начинаетъ повсемѣстно принимать болѣе широкіе размѣры, болѣе крупный масштабъ (только въ крупномъ масштабѣ, какъ уже сказано, оно и становится прибыльнымъ) съ того самаго момента, когда возрастааетъ приливъ денегъ изъ указанного источника къ богатымъ патриціанскими родамъ. Для отдѣльныхъ городовъ мы можемъ точно указать этотъ моментъ. Патриціанскае роды начинаютъ заниматься торговлей въ Нюрибергѣ около 1300 года¹⁾, въ Аугсбургѣ не ранѣе 1368 г.²⁾, въ Англіи поворотъ совершается тоже въ теченіе XIV столѣтія, въ то самое время, когда *gentry* (дворянство) начинаетъ принимать болѣе энергичное участіе въ городской жизни³⁾. Что касается Италии и Фландріи-Брабанта, ихъ первенство передъ другими странами вытекаетъ исключительно изъ того обстоятельства, что здѣсь городской патриціатъ нѣсколькоими столѣтіями раньше спускается въ юдоль хозяйственной жизни, а сельское дворянство въ свою очередь раньше переселится въ города и несравненно радикальнѣе втягивается въ буржуазную жизнь. Но въ послѣдніемъ замѣчаніи заключается мысль, на которой приходится остановиться нѣсколько дольше.

Если изложенный нами взглядъ дѣйствительно вѣро воспроизводить фактическую связь явлений, то мы получаемъ слѣдующій критерій для пониманія того хода, какой приняло развитіе отдѣльныхъ городовъ и мѣстностей въ теченіе Среднихъ вѣковъ: шансы достигнуть богатства и силы (насколько послѣдняя обусловливалась состояніями, сосредоточенными въ рукахъ зажиточныхъ гражданъ) для каждого города были тѣмъ благопріятнѣе, чѣмъ выше были суммы земельной ренты, которая присвоивались, превращались въ денежнную форму и накаплялись господствующимъ классомъ (господствующимъ потому, что это былъ землевладѣльческий классъ). Размѣры созданныхъ изъ такого источника состояній опредѣляютъ въ то же время, въ какой мѣрѣ городъ принялъ участіе въ ликвидациіи средневѣковаго богатства (глава 10), въ непосредственномъ накопленіи благородныхъ металловъ (глава 11), а также въ прибыльныхъ торговыхъ и колоніальныхъ предпріятіяхъ (глава 13).

Если мы теперь поставимъ вопросъ: какія именно условія опредѣляли мѣру этого участія (его можно бы сравнить съ приходящейся на городъ долей въ томъ акціонерномъ капиталѣ, который послужилъ для основанія современаго капиталистического хозяйства), или, иначе говоря, какіе моменты опредѣляли величину первоначального фонда, т.-е. величину всей суммы накопленныхъ земельныхъ рентъ,—мы, несомнѣнно, придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) R o t h, „Gesch. des Nürnberger Handels“, 1, 22.

2) S t e t t e n, „Gesch. der adel. Geschlechter“, 149, 150.

3) R. P a u l i, „AufsÄtze zur englischen Geschichte“, 274.

1. Высота городской земельной ренты въ существенной степени зависѣла оть степени той притягательной силы, съ какою городъ дѣйствовалъ на трудающеся населеніе окружающихъ мѣстностей. Чѣмъ больше иммигрантовъ, тѣмъ выше были тѣ суммы, которая можно было удержать отъ продуктовъ ихъ труда. Разумѣется, известную роль играли и другіе моменты, и прежде всего степень производительности, какой могъ достигнуть промышленный трудъ въ томъ или другомъ городѣ. Если, напр., въ городѣ расцвѣтало производство, работающее на вывозъ, землевладѣльцы, очевидно, могли откладывать въ свои карманы большія суммы цѣнностей, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда такого производства не было. Мы еще увидимъ, до какой степени счастливыя обстоятельства этого рода ускоряли въ отдѣльныхъ городахъ накопленіе ренты. Примѣръ — Флоренція! Не малую роль играли дальше и топографическая условія города: чѣмъ тѣснѣе пространство, на которомъ приходилось скучиваться населенію, тѣмъ выше норма прибавочной цѣнности, взимаемой съ него, какъ земельная рента. Примѣрами могутъ служить Генуя, Венеція, Констанцъ, многіе фландрскіе города (по причинѣ болотистыхъ окрестностей!). Несомнѣнно, быстрое развитіе крупныхъ состояній въ ихъ стѣнахъ слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ приписать особенностямъ ихъ географического положенія.

2. Размѣры сельской земельной ренты, которая въ городѣ принимала форму денегъ (если она не была какой-либо особой формой городской земельной ренты), зависѣли, съ одной стороны, оть притягательной силы, съ какою городъ дѣйствовалъ на сельскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, слѣдовательно, главнымъ образомъ на сельское дворянство (поскольку дѣло идетъ о среднихъ вѣкахъ); а съ другой стороны — оть плодородія той области, которая находилась подъ властью урбанизированныхъ (привлеченныхъ въ города) землевладѣльцевъ. До настоящаго времени изслѣдователи слишкомъ мало обращали вниманіе на то обстоятельство, что (по отмѣченнымъ сейчасъ причинамъ) богатство средневѣковыхъ городовъ въ несравненно меньшей степени обусловливалось такъ называемымъ торговымъ положеніемъ, чѣмъ плодородіемъ и плотностью населенія въ окружающей области. Между тѣмъ именно здесь коренятся причины первенства (во времени) Сѣверной Италии и Фландрии, которая уже въ началѣ среднихъ вѣковъ напоминали роскошный, хорошо воздѣланный садъ. Чтобы составить правильное представленіе о причинахъ ранняго расцвѣта городовъ по нижнему течению Рейна, слѣдуетъ обратиться къ описаніямъ фландрской деревни въ эпоху Филиппа. Необходимо также обратить вниманіе и на то обстоятельство, что, напр., въ приморскихъ городахъ Фландрии, какъ Ніенпорть, Арденбургъ, Дамъ и даже Брюгге, богатство развило много позднѣе, чѣмъ во внутреннихъ городахъ, какъ Ипериѣ и Гентъ. Но, разумѣется, необходимой предпосылкой для использования благопріятныхъ естественныхъ условій было такое положеніе вещей, при которомъ прибавочные продукты деревни могли накапливаться въ городахъ; а для этого требовалось вовлеченіе землевладѣльцевъ въ сферу городского населенія.

По какимъ причинамъ это вовлеченіе въ однихъ случаяхъ совершалось въ менѣе, въ другихъ — въ болѣе рѣшительныхъ формахъ, мы можемъ не изслѣдоввать здѣсь, гдѣ дѣло заключается не въ раскрытии многосложнаго въ

общемъ, а въ раскрытии общаго въ отдельныхъ явленіяхъ. Будущимъ историкамъ придется обратиться къ изученію этого вопроса. Я думаю, впрочемъ, что въ этомъ случаѣ существенный опредѣляющій моментъ слѣдуетъ видѣть во вліяніи римской культуры, по преимуществу городской. Въ этомъ, несомнѣнно, лежитъ причина сильной въ Италии тенденціи къ урбанизаціи сельскаго дворянства, въ этомъ же причина того, что сельские крупные землевладѣльцы болѣе концентрируются и въ тѣхъ виѣ-итальянскихъ городахъ, гдѣ Римъ оставилъ по себѣ болѣе замѣтный слѣдъ: напр., концентрація сильнѣе въ прирейнскихъ и южныхъ областяхъ Германіи, чѣмъ въ негостепріимныхъ колонизуемыхъ областяхъ Сѣвера и Востока. Но нѣкоторую опредѣляющую роль могли сыграть и другія обстоятельства. Въ Англіи, напр., своеобразный строй политической жизни, равно какъ и права наслѣдованія, рано привели младшихъ сыновей высшаго дворянства—къ удаленію въ города, а *gentry* (среднее и мелкое сельское дворянство)—къ сліянію съ буржуазіей.

Впрочемъ, для хода развивающихся здѣсь мыслей совершенно безразлично, какія причины въ каждомъ отдельномъ случаѣ усиливали притокъ сельскихъ получателей ренты въ извѣстный городъ или въ города извѣстной страны. Для насъ важно констатировать лишь слѣдующее: развитіе буржуазнаго богатства, виѣ всячаго сомнѣнія, въ большой мѣрѣ опредѣлялось силой этого притока, къ нему же не въ послѣднемъ счетѣ слѣдуетъ свести и различія въ ходѣ развитія городовъ. Историки должны обратить большии вниманія на указанный пунктъ, чѣмъ это дѣлалось до настоящаго времени. Они бы, несомнѣнно, увидали тогда, что, напр., большее богатство итальянскихъ и фландрскихъ городовъ слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ свести къ одной причинѣ: къ тому, что этимъ городамъ много радикальнѣе и раньше, чѣмъ средневѣковымъ городамъ Германіи или Франціи, удалось принудить сельское дворянство къ участію въ городской жизни, т.-е. говоря другими словами, заставить его превратить свои ренты въ денежную форму; благодаря этому городамъ удалось поставить свою торговлю и всю хозяйственную жизнь на широкій базисъ большихъ состояній. Правда, и въ Германіи совершился сильный приливъ крупныхъ сельскихъ землевладѣльцевъ къ такимъ городамъ, какъ Аугсбургъ или Нюрнбергъ, Кельнъ или Базель: безъ этого мы лишь съ трудомъ могли бы представить себѣ, какъ бы въ этихъ городахъ развилось богатство. Но историческое развитіе Германіи—ему аналогично еще только развитіе Испаніи,—какъ извѣстно всѣмъ, приводить къ тому, что дворянство все больше и больше отчуждается отъ городовъ, и противоположность между деревней и городомъ все болѣе обостряется вмѣсто того, чтобы сглаживаться къ выгодѣ городовъ, какъ это было въ Италии и Бельгіи. Въ то время, когда средневѣковые приближаются къ концу, когда сѣверно-итальянскіе и бельгійскіе города вполнѣ ассимилировали большую часть сельскихъ фамилій, когда ренты, собираемыя послѣдними въ плодородныхъ мѣстностяхъ Италии и Бельгіи, начали приливать въ расцвѣтающіе центры городской жизни, когда въ Англіи *gentry* все рѣшительнѣе обращается къ городской жизни, — именно въ это самое время враждебное отношеніе сельскаго дворянства Германіи къ „мѣшкамъ, наполненнымъ перцемъ“, достигаетъ своего высшаго уровня. Война городовъ окончилась счастливо для дворянства: вмѣсто того чтобы сломить его,

война только укрепила дворянство въ его надменности. Опасность дорогъ никогда не достигала такой степени, какъ въ началѣ XV столѣтія; самое яркое выражение получаетъ она въ рѣшеніи швабскихъ городовъ (1429 г.)—отказаться впредь отъ посѣщенія франкфуртской ярмарки. Въ итальянскихъ республикахъ сельское и городское населеніе объединилось, слилось въ единой высшей культурѣ; напротивъ, въ Германии уже въ началѣ Нового времени Ульрихъ фонъ-Гуттейнъ могъ написать свой діалогъ „Die Anschauenden“, въ которомъ находитъ себѣ язвительно рѣзкое выраженіе непримиримая вражда между вѣрнымъ стариннымъ нравамъ рыцарствомъ и городами.

Когда фрейбургское, гамбургское (1120 г.) и другія городовыя положенія воспрещаютъ дворянству жить въ городахъ—*nullus de hominibus vel ministerialibus ducis vel miles aliquis in civitate habitabit*, постановляетъ городовое положеніе Фрейбурга,—въ это самое время могущественная Генуя заставляетъ маркграфа Альдерамо (1135 г.), графа де-Лавалля (1138 г.) и другихъ мѣстныхъ вельможъ принести слѣдующую клятву: *ego habitator Janue reg me vel per filium meum et tenebor adimplere sacramentum compagne*,—и въ это же время въ такомъ маленькомъ городѣ какъ Тревизо одинъ годъ (1200 г.) даль болѣе 60 феодаловъ, отчасти могущественныхъ и богатыхъ, которые натурализовались въ городѣ¹⁾.

Въ Германии возрастающая противоположность между сельскими сословіями и городомъ съ теченіемъ времени распространилась еще болѣе вширь. Она овладѣла и тѣмъ, что города уже приобрѣли, чѣмъ они уже владѣли. Подобно тому, какъ собственно рыцарское сословіе постепенно выдѣлилось изъ свободныхъ жителей деревни, изъ вассаловъ и министеріаловъ, которые прежде считались равными рыцарямъ; подобно тому, какъ отличительнымъ признакомъ настоящаго рыцаря сдѣлался рыцарскій образъ жизни, т.-е. жизнь, не запятнанная какой бы то ни было промысловою дѣятельностью, всецѣло исчерпывающаяся рыцарскими упражненіями: точно такъ же и дворянскія фамиліи въ городахъ или такія, которая хотятъ сдѣлаться дворянскими, и что особенно важно, даже часть городского патриціата, проникнутая сословнымъ самосознаніемъ,—точно такъ же и они всѣ начинаютъ избѣгать торговли и вообще промысловой дѣятельности. Ассимиляція дворянства *roture'ой* [„разиочинцами“] какъ бы внезапно прерывается; только часть патриціата не забрасываетъ промысловой жизни и стремится применить къ цехамъ, остальные же, „*gens vivants noblement*“ [„люди благородного образа жизни“], на-всегда захлопываютъ торговыя книги и только такимъ образомъ сохраняютъ за собою право на участіе въ турнирахъ и равенство съ сословіемъ сельскихъ рыцарей. Легко видѣть, какое мощное вліяніе на весь строй хозяйственной жизни долженъ быть оказывать этотъ поворотъ, начало котораго относится въ существенныхъ чертахъ къ XVI столѣтію. Онъ послужилъ, несомнѣнно, одной изъ причинъ экономического упадка Германии въ XVI вѣкѣ. Съ другими же причинами мы еще встрѣтимся. Но довольно!

Переходя изъ страны въ страну, и даже изъ города въ городъ, мы вездѣ можемъ замѣтить слѣдующее: способность каждого города къ экономи-

1) Bonifacio, „Ist. di Trivigi“ (1744), 153.

ческому развитию, могущество, престиж и богатство далеко не въ последней степени опредѣляются размѣрами сельской ренты, которая поступает въ городъ для потребления, и прежде всего для того, чтобы быть производительно вложенной въ торговлю, денежные ссуды, мореплаваніе, производство. Но этотъ несомнѣнныи фактъ является новымъ доказательствомъ правильности той гипотезы, которую мы здѣсь защищаемъ: земельныя ренты, превращенные въ денежную форму, послужили основой для возникающаго современнаго капитализма; по меньшей мѣрѣ они впервые подготовили тѣ фонды, которые, будучи употреблены извѣстнымъ способомъ, стали приносить деньги на деньги. Поэтому города, въ которые приливали крупныя суммы сельской ренты, обладали значительнымъ преимуществомъ передъ тѣми, въ которыхъ фонды первыхъ большихъ состояній образовались изъ одной только городской земельной ренты. Задачей историковъ будетъ или показать до деталей справедливость этого хода мыслей, или же—чему я буду радъ—противопоставить моей гипотезѣ какую-либо другую. Но если оставить въ сторонѣ немногія (по большей части ошибочные или одностороннія) замѣчанія у Маркса, вопросъ о корняхъ современнаго хозяйства, какъ извѣстно вся кому, до сихъ поръ не былъ даже поставленъ, объ отвѣтахъ же, которые могли бы удовлетворить, и говорить нечего. Что касается меня самаго, въ мою задачу здѣсь не входить дать обстоятельное эмпирическое доказательство справедливости моего пониманія. Матеріалъ историческихъ примѣровъ, которые уже приведены мною и будутъ еще приведены дальше, имѣтъ исключительно такое значеніе: показать путь, по которому профессиональные знатоки источниковъ должны отправиться въ своихъ будущихъ историко-экономическихъ изысканіяхъ, чтобы достигнуть болѣе глубокаго пониманія хозяйственнаго развитія.

Нѣкоторыя специальная указанія на связь между накопленіемъ земельной ренты и образованіемъ капитала.

Предварительное замѣчаніе.

„Точное“ доказательство — въ шутку я сказалъ бы „статистическое“, такъ какъ въ сущности только оно и будетъ точнымъ—должно бы удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: оно должно бы „документально“ показать, что каждое крупное состояніе, которое мы наблюдаемъ на исходѣ среднихъ вѣковъ въ городахъ, особенно у людей, занимавшихся торговыми и денежными операциими,—что всякое такое состояніе возникло изъ накопленной земельной ренты. Но сказать это значитъ признать недостижимость „точного“ доказательства. Мы должны быть довольны, если въ отдельныхъ случаяхъ намъ иногда удастся „документально“ подтвердить такую связь. Въ общемъ—такъ какъ индуктивное доказательство, опирающееся на теоретическія соображенія, никогда не убѣдитъ историковъ, согласие которыхъ въ данномъ случаѣ для меня, разумѣется, всего важнѣе,—въ общемъ у насъ остается только путь косвенныхъ доказательствъ. Онъ сводится къ тому, что мы постараемся показать, что упомянутые владѣльцы денегъ были или членами сельскаго дворянства или членами городскаго патриціата. Если это удастся, тѣмъ самымъ во всякомъ случаѣ будетъ установлено, что всѣ эти лица сумѣли составить основное имущество, которымъ они не обязаны ни торговой дѣятельности, ни какому бы то ни было другому „промышловому“ занятію, и которое, напротивъ, возникло изъ землевладѣльческихъ правъ. Но здѣсь я долженъ предупредить возможное возраженіе: въ опроверженіе моей гипотезы, можетъ быть, кто-либо сошлется на богатыхъ

людей, которые занимались торговыми и денежными операциями, но которые, какъ до-
подлинно извѣстно, не принадлежали ни къ сельскому дворянству, ни къ городскому
патриціату. Однако, ясное дѣло, что, установивши это (а установить это можно путемъ
ссылокъ лишь на совершенно единичные случаи), далеко еще не докажутъ слѣдующаго:

- 1) что источникомъ первичнаго состоянія, которымъ обладаетъ тотъ или друг-
ой *dives*, послужили не землевладѣльческія права; и еще менѣе дока-
жутъ мнѣ,
- 2) что онъ обогатился „торговлей“ или „денежными ссудами“, такъ какъ онъ
богатый торговецъ или кредиторъ.

Доказать мнѣ нѣчто развѣ въ томъ случаѣ, если моему оппоненту дѣйствительно
удастся привести документальныя доказательства (на основаніи подлинныхъ торговыхъ
книгъ), что другой способъ образованія состояній, кроме какъ посредствомъ торговой
дѣятельности, совершенно невозможенъ. Но доказать это было бы трудновато для оппо-
нента. Если же онъ располагаетъ лишь такими фактами: 1) передъ нами является бо-
гатый купецъ, который 2) не былъ дворяниномъ, и о первичномъ имуществѣ котораго
3) у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній,—при наличности только такихъ фактовъ утвержде-
ніе: этотъ человѣкъ достигъ богатства такимъ-то или такимъ-то способомъ, стоять въ
всякой связи съ документальнымъ обоснованіемъ. Напротивъ, оно будетъ тео-
ретическимъ положеніемъ политической экономіи и, какъ таковое,
должно быть доказано теоретически. Мнѣ нѣтъ нужды добавлять, что попытка подоб-
наго доказательства до сихъ порь не предпринята ни однимъ изъ историковъ, убѣжд-
денныхъ въ чудодѣйственной силѣ торговли, способной будто бы приводить къ богат-
ству *ex nihilo*. Необходимо пожелать лишь одного: чтобы историки побольше, чѣмъ до
настоящаго времени, сознавали, когда именно они переходять границы „докумен-
тального“ доказательства и на всѣхъ парусахъ выплываютъ въ безбрежное море теорій.
Для данного случая мнѣ будетъ достаточно просто констатировать, что возможныя воз-
раженія противъ правильности моей гипотезы представляли бы (пока что необоснован-
ную) теорію, выдвигаемую противъ теоріи же, обоснованной, какъ я думаю, въ ея
существенныхъ пунктахъ. Такимъ образомъ выборъ не представить для насъ затруд-
неній. Я долженъ добавить ко всему этому, что, само собой разумѣется, можно пред-
ставить себѣ многочисленныя возможности (и несомнѣнно, онъ имѣлъ мѣсто въ дѣй-
ствительности), какимъ способомъ тотъ или другой человѣкъ—не дворянинъ и не пат-
рицій—былъ въ состояніи образовать первичное имущество изъ землевладѣльческихъ
правъ:

- 1) онъ могъ приобрѣсти земельную собственность благодаря даренію, пожало-
ванію въ ленъ, наслѣдованію, браку (довольно частый случай!);
- 2) онъ могъ получить въ собственность значительная земельныя цѣнности или
земельныя рецы благодаря счастливой случайности или спекуляціи, если,
напр., на свои сбереженія онъ покупалъ участки земли для использованія
ихъ въ сельскохозяйственныхъ цѣляхъ, а впослѣдствіи, съ расширениемъ
города, цѣна ихъ значительно возрастила.

Специальная литература

по вопросу, поставленному въ этой главѣ, до чрезвычайности неудовлетворительна.
Это да послужитъ мнѣ извиненіемъ въ томъ, что сдѣланнныя мною сопоставленія оказы-
ваются совершенно отрывочными. Необходимо обратиться къ литературѣ изъ трехъ
областей:

1. Литература по исторіи фамилій. Истинный камень преткновенія для исто-
риковъ, такъ какъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ встрѣчаешь фальсификацію, особенно
когда дѣло касается ссылокъ на дворянское происхожденіе, — слѣдовательно, пункта,
который представляетъ для насъ исключительную важность. Во всякомъ случаѣ мы
располагаемъ рядомъ пригодныхъ для насъ работъ по юстїнѣ истории; читатель уви-
дѣть, что мы использовали нѣкоторыя изъ нихъ. Но что въ особенности затрудняетъ
преслѣдованіе цѣли, поставленной въ нашемъ изслѣдованіи, такъ это то обстоятель-

ство, что именно исторіи дворянскихъ фамилій меньше всего занимаются торгоюо дѣятельностью, которой отдавались отдельные члены.

2. Литература по исторіи торговли. Уже и сама по себѣ, какъ извѣстно, очень скудная, для нашей цѣли она почти совсѣмъ непригодна. И это совершенно естественно: кто пишетъ исторію торговли, тогдѣ обыкновенно всегда хочетъ рассказывать чудеса о торговлѣ и, кромѣ того, проникнуть убѣжденiemъ въ способности торговли порождать богатства. Большинство изложений, относящихся къ этой области литературы, вообще не задается такою цѣлью, какъ раскрытие генезиса отдельныхъ купеческихъ состояній. Выдающееся мѣсто въ литературѣ по исторіи торговли занимаетъ работа Шульте, которую мы много пользовались въ нашей книгѣ; она выгодно выдѣляется также и въ томъ отношеніи, что въ разработку предмета внесена индивидуализація, т.-е. личности не теряются изъ виду. Конечно, Шульте далекъ отъ моей постановки вопроса. Изъ остальныхъ работъ все еще почетное мѣсто занимаютъ изслѣдованія старого Рота и старого пастора Егера, знакомыя каждому. Панини, возвѣщавшій про все, зг҃есь измѣняется. Въ данномъ случаѣ ему вредить его гениально-общій способъ изложения. Для Англіи въ F. Bourges English merchants мы имѣемъ рядъ хорошихъ, разработанныхъ по первоисточникамъ, изслѣдований по исторіи отдельныхъ купеческихъ фамилій; они выгодно отличаются отъ кучи не имѣющихъ никакой цѣнности книгъ о „знаменитыхъ купцахъ“.

3. Литература по исторіи землевладѣнія или землевладѣльцевъ въ городахъ. Она должна бы дать намъ самый богатый материалъ. Вмѣсто того она почти совершенно непригодна для насъ.

Общаго изложенія исторіи землевладѣнія въ средневѣковыхъ городахъ, написанного съ точки зрѣнія экономиста, вообще вовсе не существуетъ. Такое изложение является одной изъ настоительнѣйшихъ потребностей экономической исторіи. Основное значеніе имѣетъ незамѣнная до сихъ поръ книга: W. Arnold, „Zur Geschichte des Eigentums in den deutschen Städten,“ 1861,—одна изъ очень малочисленныхъ работъ по истории права, обнаруживающихъ экономическое пониманіе. Напротивъ, за послѣднія десятилѣтія значительно возросъ материалъ опубликованныхъ документовъ, которые должны послужить основой будущаго изложенія. Почти всѣ сборники документовъ различныхъ городовъ содержатъ большое количество частныхъ документовъ относительно покупки, залога и т. д. земельной собственности. Замѣчательно по богатству страсбургское U. B. въ 3 т., а также изданные материалы изъ кельнскихъ архивовъ: L. Enea und G. Eckert, „Quellen zur Geschichte der Stadt Köln,“ Bd. I—6, 1860—1879, и въ особенности K. Höpiger, „Kölner Schreinsurkunden,“ Bd. I, 1884—88, Bd. II, 1893. Особая изданія материаловъ изъ книгъ наслѣдованія (земельной собственности) имѣются у насъ слѣдующія: для Гамбурга—въ „Zeitschrift des Vereins für Hamburger Geschichte“ Bd. I. 1841; для Любека—P. Rehme, „Das Lübecker Ober-Stadt-Buch“, 1895; для Вюрцбурга—E. Rosenthal, „Zur Geschichte des Eigentums in der Stadt Würzburg,“ 1878, а также и для некоторыхъ другихъ городовъ. См. обзоръ у L. M. B. Albert, „Beiträge zur Gesch. der deutschen Grundbücher,“ въ Zeitschrift für Rechtsgeschichte 14, 1 и сл.

Что касается иностранныхъ городовъ, особенно много материала опубликовано въ „Hist. gén. de Paris“ напр., у Longnon, „Paris sous la domination anglaise“.

Любопытное собрание документовъ, касающихся Флоренціи, находимъ у C. Frey, Die Loggia dei Lanzi zu Florenz. 1885.

Такимъ образомъ материалъ уже теперь нельзя назвать незначительнымъ; но до самаго послѣдняго времени едва ли предпринималась разработка его съ экономической точки зрѣнія. Онъ больше разрабатывался съ топографической точки зрѣнія (C. Frey, I. c., C. F. Gaedechens, „Hist. Topographie der Stadt Hamburg,“ 1880, и др.) или же общее правило)—съ формально-юридической точки зрѣнія: Rehme, I. c., Rosenthal, I. c. Jos. Gobbers, „Die Erbleibe und ihr Verhältnis zum Rentenkauf im mithelalterlichen Köln des 12 bis 14. Jahrh.,“ въ „Zeitschr. für Rechtsgeschichte“ 4, 130—214. A. Schulte, „Einleitung zum U. B. der Stadt Strassburg,“ Bd. 3., 1884. К. Вейерле, I. c. Уже этотъ томъ содержитъ многочисленные документы, касающиеся отношеній

землевладѣнія, и представляетъ особенную цѣнность благодаря указаніямъ на связь между землевладѣніемъ и господствомъ патриціанскихъ родовъ. Особое собрание документовъ дадутъ дальнѣйшіе томы.

Въ послѣдующемъ, какъ увидитъ читатель, я даю собранный отовсюду материалъ и не имѣю ни малѣйшихъ притязаній на полноту. Цѣль здѣсь только одна: побудить къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Я распредѣлилъ материалъ въ географической послѣдовательности. Можеть быть, въ обработкѣ материала Германія, по сравненію съ другими странами, занимаетъ у меня особое положеніе. По отношенію къ Германіи я старался прежде всего показать, что въ концѣ среднихъ вѣковъ большая часть богатыхъ торговыхъ домовъ принадлежала лицамъ патриціанского происхожденія; только мимоходомъ я указываю на связь между накопленіемъ земельной ренты и торговымъ расцвѣтомъ. Для другихъ же странъ, особенно для Италии, я видѣлъ свою задачу въ указаніи на то важное, рѣшающее значеніе, какое имѣло для развитія буржуазного богатства въ городахъ *Inurbamento della nobilità* (привлеченіе дворянства въ города, „урбанизація“ дворянства). Само собой разумѣется — если мы иногда и не повторяемъ этого,—что во всѣхъ случаяхъ, когда можно прослѣдить сильный приливъ сельскихъ рентъ къ торговымъ и денежнымъ operaціямъ, мы можемъ предполагать, что тамъ одновременно обнаруживала свое дѣйствіе и городская земельная рента, что и она проявляла свою силу образовать состоянія.

Г е р м а н і я .

Я начну указаніемъ на тотъ фактъ, что почти во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ монетное дѣло и по большей части соединенный съ нимъ размѣнъ денегъ на первыхъ ступеняхъ развитія предоставлялись министерскими, а впослѣдствіи состоятельными патриціанскими родами. Слѣдовательно, эти доходныя должности, на которыхъ, какъ уже сказано, скорѣе всего можно было приобрѣсти состояніе, были доступны только людямъ, которые состояніями уже владѣли, т.-е. „нужно уже было обладать богатствомъ, чтобы, вступая въ эту ассоціацію, имѣть возможность обогащаться“¹⁾.

Въ виду исчерпывающей сводки материала, данной фонъ-Мауреромъ²⁾, мы можемъ не приводить доказательствъ той исключительности, какою характеризовались товарищества монетныхъ мастеровъ и торговыя компаніи.

Необходимо дальнѣе обратить вниманіе на то обстоятельство, что большое количество и другихъ доходныхъ занятій во многихъ мѣстахъ составляло привилегію людей, уже и безъ того богатыхъ; я имѣю въ виду и родажу вина и т. под.³⁾.

Далѣе—главнымъ образомъ это мы и должны показать здѣсь на нѣсколькихъ яркихъ примѣрахъ—торговля въ ея различныхъ отрасляхъ и видахъ, насколько она переросла рамки ремесленного веденія дѣла, находилась (какъ уже сказано выше) почти исключительно въ рукахъ состоятельныхъ землевладѣльцевъ. Или, обращаясь къ личностямъ торговцевъ, мы скажемъ: тѣ выдающіеся купцы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ позднѣйшую эпоху среднихъ вѣковъ, отнюдь не потомки *mercatores* и *institores* ранней эпохи среднихъ вѣковъ, а вновь выдвинувшіеся на сцену патриціанскіе роды или отпрыски сельского дворянства, стоящіе въ постояннѣмъ сознательномъ антагонизмѣ къ профессіональнымъ торговцамъ. Сейчасъ я установлю это обстоятельство по отношенію къ нѣкоторымъ важнѣйшимъ городамъ.

А у г с б у р гъ .

Аугсбургъ, краса позднѣйшей эпохи среднихъ вѣковъ въ Германіи, тотъ нѣмецкій городъ, богатства которого хотя бы и отдалено, но все же ближе всего напоминали блескъ итальянскихъ и фландрскихъ городовъ,—Аугсбургъ можетъ послужить прямо

¹⁾ Такъ говорить по отношенію къ брюгской Ганзѣ *Faneck Brentano*, „Philippe le Bel“, 60.

²⁾ von Maugel, „Städteverfassung“ 1,298 и сл.

³⁾ von Maugel, I. c. I, 327 и сл.

школьнымъ примѣръмъ, чтобы иллюстрировать справедливость развитыхъ здѣсь воззрѣй.

Всякій, кто хотѣлъ бы написать, наконецъ, эзотерическую исторію аугсбургской торговли, т.-е. вскрыть то, что оставалось сокровеннымъ до настоящаго времени, долженъ прежде всего концентрировать свое вниманіе на слѣдующихъ пунктахъ;

- 1) къ Аугсбургу очень рано начинается сильный приливъ сельского дворянства;
- 2) аугсбургскій патриціатъ рано вступаетъ въ браки съ представителями сельского дворянства;
- 3) аугсбургскій патриціатъ рано получаетъ въ собственность крупныя сельскія имѣнья;
- 4) аугсбургскій патриціатъ большою частью переноситъ къ торговлѣ;
- 5) сельское дворянство, которое пріобрѣтalo въ Аугсбургѣ гражданскія права, тоже часто участвовало въ торговлѣ.

Все это должно было повести къ тому, что въ рукахъ богатыхъ аугсбургцевъ со-редоточились значительные фонды состояній, а это должно было дать возможность серьезнаго расширения аугсбургской торговли, аугсбургскихъ денежныхъ операций и аугсбургскихъ горнодѣльческихъ предприятій. Между тѣмъ, до сихъ поръ такая связь явлений не была установлена. Мы все еще должны пользоваться старымъ Штеттеномъ¹⁾, который въ соотвѣтствіи съ своей задачей („Исторія дворянскихъ родовъ въ вольномъ имперскомъ городѣ Аугсбургѣ“) только въ случаѣахъ крайней необходимости сообщаетъ о торговыхъ предприятияхъ своихъ героеvъ. Слѣдовательно, то участіе патриціанскихъ родовъ въ торговлѣ, о которомъ сообщаетъ Штеттенъ, представляетъ во всякомъ случаѣ мнимумъ, что въ виду поставленной нами цѣли имѣть свои хорошия стороны. Основываясь на данныхъ Штеттена, я даю ниже списокъ тѣхъ фамилій, которая съ XIV столѣтія участвовали въ торговлѣ Аугсбурга, и относительно которыхъ есть указанія, что они были представителями или сельского дворянства или землевладѣльческихъ патриціанскихъ родовъ. Я принимаю при этомъ, что тѣ „благородныя“ фамиліи, которая въ 1368 году вступили въ цехи (главнымъ образомъ въ цехѣ торговцевъ), принимали участіе въ торговлѣ. Ихъ я отмѣщаю звѣздочкой (*), сельское же дворянство—крестикомъ (+). Однако и среди тѣхъ патриціанскихъ фамилій, которая послѣ 1368 года сумѣли предохранить себя отъ вѣнчанаго соприкосновенія съ цехами, были такія, которые занимались торговлей. Относительно ихъ приходится дѣлать особыя замѣчанія.

Айслингенъ * +

Альтисюферъ *

фонъ-Арлюнъ * (Эденъ); „этотъ былъ въ осо-
бенности богатый человѣкъ; съ рентъ и
недвижимостей онъ получалъ доходовъ
2600 flor. въ годъ“ (58).

Арцитъ *

Бамбрехтъ *

Бартенъ *

Баумартнеръ +; „въ Швабіи, говорятъ,
они были могущественными дворянами
и основали и построили одинъ старин-
ный монастырь“. Въ среду патриціата
они были приняты лишь въ 1538 году;
но намъ известно, что уже въ XIV столѣ-
тіи Баумартнеры породнились съ пат-
риціанскими родами другихъ городовъ

(напр., съ Тейфелями изъ Нюриберга).
Stetten, 195 и сл. Значеніе ихъ, какъ
торгового дома, известно.

Беккенъ фонъ-Беккенштейнъ * +

Байшеръ * +

Брейшъ *

Бюттрихъ *

Вельзеръ *. Здѣсь не требуется никакихъ
комментаріевъ. Для характеристики
Штеттена отмѣчу, что въ своей исторіи
этой фамиліи онъ ни однимъ словомъ не
упоминаетъ о томъ, что она занималась
торговлей.

Вессисброннеръ *

Виландъ *

Винтеръ *

Виттольфъ *

¹⁾ P. von Stetten, „Geschichte der adeligen Geschlechter in der freyen Reichs-Stadt Augsburg etc.“ 1762.

*Вольфенъ фонъ-Вольфсталь + **

Герварть; старѣйший изъ родоначальниковъ фамилии, Вернеръ Герварть (1175), вступилъ въ бракъ съ Зенсгеймъ. *Stetten*, 101 и сл. Герварты—представители одного изъ крупныхъ торговыхъ домовъ, которые „работаютъ въ Италии“. *Schulte*, 1,656; вноскѣствіи у нихъ кирпичные заводы. *Stetten*, „Kunst und Handw. Gesch.“ 1,87.

*Гернеръ **

фонъ-Гой. Въ 1325 г.—городской попечитель; въ 1456 году мы встрѣчаемъ среди членовъ городского совѣта одного фонъ-Гоя, „который ведетъ очень большую торговлю“. *Stetten*, 112.

Госсембротъ; одна изъ древнѣйшихъ патриціанскихъ фамилий Аугсбурга (*Stetten*, 80 и сл.). Въ 1505 году принимаетъ участіе въ экспедиціи Вельзеровъ. *Chr. d. St.* 25, 278.

*Готтеръ **

*Грейдущеръ **

*Гримолтъ **

*Грундлеръ **

*Гунольдъ (Гонольдъ) **

*Даксъ **

*Дендрихъ **

*Дрекслеръ **

*Зульцеръ **

Ильзунгъ +. Всѣ историки согласны въ томъ, что фамилія Ильзунговъ ведетъ свое происхожденіе отъ стариннаго баварскаго графскаго рода Ильзунговъ фонъ-Мерингеръ. *Stetten*, 107 и сл.

Въ 1241 году одинъ Ильзунгъ упоминается какъ аугсбургскій землевладелецъ. Объ ихъ занятіяхъ торговлей говорять документы 1405 года, приведенные у *Stetten*а. 2, 251.

Имгофъ +. Родоначальники этого дворянскаго рода, отпрыски котораго распространялись по многимъ городамъ южной Германіи, въ XIII столѣтіи жили близъ Лауингена. Самая известная вѣтвь—ниорнбергская. Мы, конечно, можемъ принять, что и аугсбургскіе Имгофы занимались торговлей.

Карлъ. Въ 1368 году входятъ въ городской совѣтъ. Примыкаютъ частью къ патриціанскимъ родамъ, частью къ цехамъ.

Въ подтвержденіе того, что аугсбургскій патриціатъ рано получилъ притокъ крови (и прежде всего собственности) отъ сельскаго дворянства, я сошлось на авторитетъ фонъ-Штеттена („отъ времени до времея, особенно же во время беспорядковъ междуцарствія, къ этимъ стариннымъ гражданамъ переходили многие жившіе въ деревнѣ

Stetten, 125. Въ 1405 г. ведутъ торговлю съ Италіей. Документы у *Schulte*, 2, 251.

*Лауингнеръ **

*Мейхинеръ **

*Мейтина **

*Мюнцимайстеръ **

*Нордлингеръ **

*Нотнаель **

*Пейтинеръ **

*Плоссенъ **

*Пфистеръ **

*Рейхеръ **

*Рейнботъ **

*Ремъ *.* Извѣстны также какъ владѣльцы кирпичныхъ заводовъ. *Stetten*, „Kunst und Handw. Gesch.“ 1,87

*Ресслеръ **

*Рехитабъ **

*Ридереръ **

*фонъ-деръ-Розенъ + **

Ротъ. Одинъ изъ Ротовъ, Конрадъ, „патрицій и членъ городского совѣта въ Аугсбургѣ“, примѣнялъ въ 1573 году „новое искусство сахароваренія“. Кроме того, онъ занимается торговлей. *Magx Weller*, *Chron.*, 3, 137.

*Трансмайръ **

Фелинъ. Занимали почетное положеніе въ Меммлингенѣ, лишь позже (въ 1505 г.) въ Аугсбургѣ; принимали участіе въ экспедиціи Вельзеровъ, ихъ пай составилъ 20.000 флор.

*Фельманъ **

*Фиттель **

Фолквайнъ. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ къ числу тѣхъ патриціевъ, у которыхъ въ 1270 г. епископъ Германъ аугсбургскій закладываетъ чашу Ульриха. Въ XIV столѣтіи они занимались торговлей. *Stetten*, 125.

*Фолльраммеръ **

*фонъ-Фюлленбахъ **

*Целлеръ фонъ-Кальтенбергъ и Эпсахъ + **

*Цоттманъ **

Энгенбергъ +

*Эндорферъ **

*Энгельшалькъ фонъ-Мурнау * +*

*Эрлингеръ **

*Эргинеръ * +*

благородные и рыцари и пріобрѣтали... гражданская права, потому что они... часто вступали также и въ браки съ ними". Стр. 7—8), а также на тотъ фактъ, что Фольквейны состояли въ свойствѣ съ Паппенгеймами, Портнеры—съ Теттингенами и фонъ-Эхингенами, Вельзеры (уже въ XIII и XIV столѣтіяхъ)—съ фонъ-Вильдекками, фонъ-Эггенбергами, фонъ-Вартензъ и другими. *Stetten*. 34.

Уже въ эпоху, когда было бы нечестно предполагать, что въ предшествовавшій періодъ совершилось значительное накопленіе состояній изъ торговой прибыли, — уже въ эту эпоху аугсбургскіе граждане владѣли обширною земельною собственностью; въ подтвержденіе этого *Штеттенъ* (стр. 16) приводить многочисленныя документальныя доказательства, которыя оставляютъ „внѣ всякаго сомнѣнія“, „что граждане владѣли не только отдельными усадьбами, но также и деревнями и даже вотчинами“; точно такъ же „легко было бы показать, что граждане владѣли многими ленами отъ князей и господъ, но особенно отъ епископовъ“. Сравн. документы 1276 года у *Moser'a*, „Reichstt. Handb.“, 1, 92, и аугсбургское городовое положеніе 1276 г. *Ed. Chr. Meyer* (1872), 13.

Я думаю, что предпринятый нами обзоръ доказалъ справедливость выставленныхъ съ самаго начала положеній. Если даже мы согласимся, что у насъ есть достаточного ручательства за патриціанское или дворянское происхожденіе той или другой купеческой фамиліи, за купеческую дѣятельность той или другой дворянской фамиліи, — все же не остается мѣста никакому сомнѣнію на тотъ счетъ, что масса старинныхъ землевладѣльческихъ фамилій Аугсбурга направила свои состоянія въ область торговли и что всѣ имена, знаменитыя въ исторіи аугсбургской торговли, ведутъ патриціанско-дворянское происхожденіе. Но мы до сихъ поръ еще ни разу не упоминали объ одномъ не особенно-то маленькомъ домѣ: о домѣ Фуггеровъ! Происхожденіе Фуггеровъ до сихъ поръ окутывается непроницаемымъ туманомъ. Мы знаемъ за этотъ счетъ только слѣдующее: 1) въ концѣ XIV столѣтія они прибыли въ Аугсбургъ изъ провинціи (изъ деревни); 2) въ Аугсбургъ они прибыли уже съ значительнымъ состояніемъ. Таковъ результатъ добросовѣстныхъ изысканій *Schulte*, „Neues über die Anfnge der Fugger“, въ приложениі къ „Augsb. Zeitung“ 1900, N 118. Что родоначальникъ этой міровой фирмы пріобрѣлъ первоначальное состояніе не тканемъ плиса и не отъ разносной торговли наволочками, я буду настаивать на этомъ до тѣхъ поръ, пока кто-либо не докажетъ мнѣ противоположнаго,—не докажетъ „документально“!

Я лишь бѣгло коснусь иѣкоторыхъ, другихъ городовъ.

Бреславль.

Значительный прицѣлъ сельскаго дворянства. Многія фамиліи, занесенныя въ списокъ совѣта, суть дворянскіе роды. Таковы Кольнеры, Померіо, Плессель, Мюльгеймы, Циндали. С. *Grünlage*, „Breslau unter den Piasten“ (1861), 28. Мы опять встрѣчаемся съ ними, когда узнаемъ о богатыхъ фамиліяхъ, занимавшихся торговлей. *Henricus rampe*, въ *Cod. dipl. sil.* 3 (1860), 18, и С. *Grünlage*, „Die Herren von Reste. Ein Beitrag zur Geschichte des Breslauer Patriciats im 14 Jahrh.“, въ „Zeitschr. für Gesch. u Altert. Schles.“ 7 (1866), 35 и сл.

Городскія приходо-расходныя книги, сохранившіяся съ начала XIV столѣтія, ясно показываютъ, что выдающіеся патриціи настолько часто занимались торговлей, что слова „*seniores*“ и „*mercatores*“ часто получали тожественное значеніе. Документы у *Tzschoppe* и *Stengel*, 570, № 167. Но „не слѣдуетъ думать, что всѣ купцы ео ipso принадлежали къ числу сеньоровъ: напротивъ, сеньорами были только старшія и постаршія купеческія фамиліи“, которыми былъ открытъ доступъ въ городской совѣтъ. *Grünlage*, „Piasten“, 29. Слѣдовательно, это были потомки изстари поселившихся землевладѣльцевъ. Мы видимъ, что эти фамиліи еще въ XIII столѣтіи владѣютъ значительною земельною собственностью. Ихъ торговля была случайной торговлей; это, думается мнѣ, видно изъ того, что упомянутыя фамиліи однажды навычили на совѣтъ иѣкоторое количество сукна, а совѣтъ уже долженъ былъ продаивать его, какъ знаетъ. *Grünlage*, I. c., стр. 30.

Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Въ торговыхъ и денежныхъ операціяхъ, какъ мы наблюдаемъ, въ XV столѣтіи изъ патриціанскихъ фамилій принимаютъ участіе Бромы, Штальбурги, фонъ-Рюккінгены, Блюме, Рорбахи и др. Но та торговля, которой они занимались, была случайная торговля. Ихъ главное богатство заключалось въ недвижимыхъ имуществахъ, рентахъ и т. д., управлению которыми они главнымъ образомъ и посвящали свое время. Въ сего, „Bevölkerung“, 248. Что касается владѣльцевъ первыхъ банковъ,—здесь мы встрѣчаемъ только патриціанскія имена. Otto Speyег, „Die ältesten Kredit-und Wechselbanken in Frankfurt a. M.“ (1883), 22 и сл.

Кельнъ.

Старинные городские роды (*optimates, nobiles terrae, domini terrae*), слившись съ министеріалами, образуютъ патриціатъ; они уже въ раннее время имѣютъ внѣгородскую недвижимую собственность. L. Eppen, „Gesch. d. Stadt Köln“ 1 (1863), 443, 450. Они ведутъ тути quanti торговлю. Энненъ, самъ не сознавая того, мастерски изображаетъ действительную связь явлений: „когда торговля достигла того, что она вовлекла въ свою сферу гордые своею свободой элементы изъ коллегіи шеффеновъ, она быстро развилась до такого значенія, какого отъ нея нельзѧ было и ожидать“.

Въ числѣ „хозяевъ закроїщиковъ“ мы встрѣчаемъ много лицъ съ патриціанскими и даже рыцарскими именами. Quellen, 1, 398 и сл.; то же и среди кредиторовъ архиепископа. Chr. d. St. 14, XXV.

Любекъ.

Всѣ изстари поселившіеся землевладѣльцы занимались торговлей, т.-е. всѣ лица того „замкнутаго, тѣно сплоченаго круга богатыхъ и пользующихся почетомъ старинныхъ гражданъ“, изъ которого развивается позднѣйший патриціатъ. C. M. Pauli, „Lüb. Zust.“, 1 (1847), 71, 75. Мы видимъ, что съ XIV столѣтія они владѣютъ большими имѣніями. Тамъ же, стр. 73. Паули думаетъ, что притокъ дворянства изъ деревни въ городъ не имѣлъ мѣста. За это говорятъ многія соображенія. Тогда въ этомъ слѣдовало бы искать одну изъ существенныхъ причинъ отсталости въ развитіи Любека (и, конечно, большинства городовъ съверной Германіи?), который никогда не могъ достигнуть такого уровня богатства, какъ южно-немецкие города. Стоить только сравнить приведенные выше бюджеты Любека и Кельна!

Нюрнбергъ.

Здѣсь мы снова находимъ такой же солидный фундаментъ для энергичнаго коммерческаго и промышленнаго развитія, какъ въ Аугсбургѣ. Патриціанскіе роды образуются благодаря слиянію министеріаловъ и осѣвшихъ на мѣстѣ землевладѣльческихъ фамилій съ сельскимъ дворянствомъ, переселившимся въ городъ. Дворянство, какъ кажется, образовало далеко не незначительную составную часть нюрнбергскаго патриціата. Изъ его среды вышли, несомнѣнно, Гиршфогелі, родоначальникъ которыхъ въ 1320 году „съ большимъ состояніемъ и значительными имѣніями“ обосновался въ Нюрнбергѣ. Roth, „Gesch. des nürnb. Handels“, 1, 126. Тотъ фактъ, что всѣ старинные нюрнбергскіе роды занимались торговлей и что въ XV столѣтіи въ ихъ рукахъ находилась почти вся торговля широкаго стиля, слишкомъ извѣстенъ, такъ что не требуетъ особыхъ подтвержденій. Будетъ достаточно, если я просто напомню громкія имена Бегаймовъ, Эбнеровъ, Паумгертеровъ, Грундгерровъ, Имгофовъ, Галлеровъ, Гольцшухеровъ, Шюрштабовъ, Шейрлай, Пфинциговъ, Пиркгеймеровъ, Тухеровъ, Штромеровъ. Сравн., кромѣ названной работы Рота, въ особенности K. Hegel, „Die Ehrbaren und das Patriciat von Nürnberg“, въ Chron. d. St., 1, 214 и сл.; относительно торговой дѣятельности нюрнбергскихъ патриціанскихъ родовъ Sebulte, 2, 330 стр. Изъ новѣйшихъ работъ L. C. Beck, „Zur Gesch. der Nürnb. Handw. und Fabrik“, въ Festschrift zur 40. Hauptversammlung d. Ver. deutscher Ingenieure zu N. 11—15, VI, 1899, стр. 350.

Наконецъ, я окидываю взоромъ старый цвѣтущій имперскій городъ Ульмъ и открываю, что отношенія, къ выясненію которыхъ мы здѣсь стремимся, во многихъ отношеніяхъ получаютъ настолько прозрачный характеръ, что стонть труда въ не- сколькихъ словахъ дать о нихъ представление читателю. Можетъ быть, такою ясностью мы обязаны тому обстоятельству, что для исторіи Ульма у насъ имѣется мастерское изложеніе. Старый пасторъ изъ Бюрга близъ Гейльбронна (Carl Jäger, „Ulms Verfas- sung, bürgerliches und kommerzielles Leben“, 1831) такъ глубоко взглянуль въ корень вещей, какъ немногіе историки хозяйства; въ частности онъ даетъ такую ясную и пластическую картину ульмской торговли, что превзойти его рѣшительно невозможно. Но что по изложению Егера дѣлается для внимательного читателя очевиднымъ до осознанности, такъ это коренное различие между старинной мелкой, ремесленной профес- сиональной торговлей и смѣнившей ее торговлей въ сравнительно широкомъ масштабѣ, которой занимались патриціанскіе роды и которая первоначально имѣла характеръ случайной торговли. Вся задача этой главы и заключается въ томъ, чтобы показать, какъ развивалось это различіе.

Съ самаго начала приходится опять-таки констатировать, что всѣ крупные и извѣстнѣйшиe владѣльцы ульмскихъ торговыхъ домовъ XIV столѣтія ведутъ свое происхожденіе отъ патриціанскихъ родовъ или отъ министеріаловъ (большинство ульмскихъ патриціевъ были въ свою очередь министеріалы или же стояли въ ленныхъ отношеніяхъ къ королямъ и монастырямъ, Jäger, 190), слѣдовательно, базисомъ для ихъ состояній была накопленная земельная рента. Будетъ достаточно, если я приведу въ извѣстность слѣдующія фамиліи: Бальдингеръ, Бессерерь, Эгингеръ, Гюнцбургеръ, Гверлицъ, Гольц-геймъ, Крафтъ, Мархталеръ, Мерлинъ, Нейтгарть, Ремъ, Ротъ, Шелеръ, Штаммлеръ, Штрелинъ, Вайнакенъ.

Что сейчасъ представляетъ для насъ особенный интересъ, заключается въ слѣ- дующемъ: совершившо независимо отъ только что названныхъ фамилій, которая почти лишила однѣ и извѣстны намъ изъ исторіи торговли, въ Ульмѣ изстари существовалъ цехъ торговцевъ. Это—тѣ превосходные люди, которые, какъ мы наблюдаемъ, съ пер- выхъ столѣтій среднихъ вѣковъ хлопочутъ на рынкахъ и ярмаркахъ, тѣ ремесленные marchands sans hérâitge, которыхъ можно встрѣтить въ исторіяхъ торговли зачисленными въ категорію „крупныхъ торговцевъ“, такъ какъ они дѣйствительно отли- чались отъ мелочныхъ торговцевъ: въ Ульмѣ на ряду съ цехомъ торговцевъ су- ществовалъ и цехъ мелкихъ торговцевъ („лавочниковъ“). Торговцы ремесленного типа, которые, по удачному замѣчанію Егера, „занимали средину между ремеслен- никами и свободными землевладѣльцами“ — въ особенности по своему положенію въ обществѣ,—первоначально составляли одинъ цехъ съ „марнерами“ (ткачами),—и это опять-таки характерно для ихъ существа. Можно думать, что патриціанскіе роды, разъ „обратившись къ буржуазнымъ промысламъ“, приблизились къ профессіональнымъ тор- говцамъ. Это, несомнѣнно, было сопряжено съ всевозможными выгодами: если у патри- ціанскихъ родовъ не было недостатка въ небольшихъ деньгахъ, которымъ требовались для веденія серьезнѣйшей торговли, зато торговцы обладали болѣе выработанной рути- ной. Благодаря этому иногда случалось, „что они (патриціанскіе роды) не отказывали- сь отъ вступленія въ одно торговое товарищество съ членами цеховъ“ (252 стр.). Напр., въ 1434 году патриціи Штрелинъ, I. Мерлинъ и Уль фонъ-Рольгеймъ вступили въ ассоціацію съ двумя членами цеховъ, Кюрблеромъ и Лехнеромъ, для совмѣстнаго веденія торговли. Патриціи все чаще вступали и прямо въ цехъ торговцевъ, разу- мѣется, по мѣрѣ того, какъ ихъ торговля пріобрѣтала профессіональный характеръ. Вслѣдствіе этого возвышалось соціальное положеніе цеха. „При большомъ количествѣ патриціевъ, находившихся въ цехѣ торговцевъ, этотъ цехъ въ концѣ XV столѣтія (замѣтите, въ какую эпоху!) разсчитывалъ присвоить себѣ чѣмъ большее, чѣмъ остальные цехи, и учредилъ собственную торговую комнату“ (252 стр.), на ряду съ собственнымъ музеемъ, устроеннымъ обществомъ патриціевъ. Но это было вовсе не по нутру тѣмъ патриціямъ, которые какъ-ни-какъ, а старались поддержать свой престижъ. „Поэтому

остальные патрициі, которые опасались последствий, пагубныхъ для ихъ правъ, открыто выступили противъ учрежденія этой комнаты торговцевъ. Въ 1503 г., въ пятницу передъ праздникомъ Обращенія Павла, Матвѣй Лупинъ и Зимпрехть Лейнѣцъ были призваны въ домъ патриціи Вильгельма Бессерера. Здѣсь сидѣли Вильгельмъ Бессереръ, Вильгельмъ Нейтгардъ, шуринъ Лейнса Яковъ и Вальтеръ Эгингеръ и др., какъ старшины комнаты патриціевъ, и упрекали приглашенныхъ въ томъ, „будто они въ домѣ известного Роттенгаттерса намѣрены устроить комнату для одного цеха“ и т. д. Но комизмъ заключается въ томъ, что все трое поименованныхъ патриціанскихъ старшинъ занесены въ списокъ у Шульте, т.-е. все они (и, конечно, въ еще большей мѣрѣ остальные представленные ими члены патриціанской комнаты!) въ наилучшемъ видѣ занимались торговлей. И несмотря на то они стараются провести рѣзкую логорничную линію между патриціями и цехомъ куницъ, отъ которыхъ заботливо сторонятся, какъ отъ цеховыхъ. Миѣ думается, было бы невозможно яснѣе очертить тотъ цѣлый міръ, который отдѣляетъ старую торговлю отъ новой. Какъ дополнительная иллюстрація, можетъ служить еще слѣдующій разсказъ, которымъ нашъ замѣчательный пасторъ заканчиваетъ интересную главу своей книги и который можетъ для насъ тоже послужить заключенiemъ: „Послѣ того какъ Карль V нисцровергъ демократію, ульмскіе патрициі: Левены, Бессереры, Эгингеры, Роты, Крафты, Найттарды, Штреллы, Либери, Ремы, Унгельдеры, Гюнцбургеры, Штаммлеры, Шадены, Шермайлеры, Гесслеры и Бальдингеры... думали, что при такихъ блестящихъ перспективахъ для аристократизма будеть своевременно очиститься передъ глазами міра отъ подозрѣнія, будто они залятинали себя грязью общности съ цехами, и потому, чтобы добиться дворянской грамоты, они написали императору, что, хотя они и жили въ Ульмѣ, по всегда обособлялись отъ другихъ, подлыхъ гражданъ [„die gemeinen Bürgern“ противополагается патриціямъ, какъ въ русской исторіи „подлые люди“, „смерды“ и т. под. — „житіемъ“, „лучшимъ“ и т. под. людемъ] и, вопреки чисто облыжнымъ навѣтамъ на нихъ (съ полнымъ правомъ полагаетъ разсерженный пасторъ), никогда не входили ни въ какой цехъ, пользовались почетомъ со стороны торговцевъ и ремесленниковъ за свое дворянское происхожденіе, вступали въ браки съ живущими въ деревнѣ дворянствомъ, сами владѣли, какъ собственностью и на ленныхъ началахъ, замками, рынками и деревнями... (следуетъ аргументація, представляющая чисто мѣстный интересъ)... Императоръ, конечно, не могъ противостоять такимъ убѣдительнымъ доводамъ и потому въ собственноручно написанной грамотѣ на дворянство обезпечилъ имъ ихъ права“. Вотъ какую позицію занимали отцы современного капитализма.

Наконецъ, въ Ульмѣ съ особеною ясностью выступаетъ тотъ способъ, какой примѣнили отдельные могущественные патриціанские роды, чтобы использовать свои землевладѣльческія права и достигнуть богатства. Здѣсь я предоставлю слово замѣчательному знатоку ульмскіхъ отношеній.

„Если мы представимъ себѣ совокупность всѣхъ владѣній и правъ, которыми, согласно соображеніямъ „Urkunden“ и „Chronik“, располагала въ XIII и XIV столѣтіяхъ фамилія Ротовъ, послѣ Феликса Фабри старѣйшая патриціанская фамилія въ городѣ, мы придемъ къ выводу, что она въ это время была въ экономическомъ отношеніи прямо владыкою города. Послѣ Фабри ей принадлежитъ не только доходная *inspectio vestanicorum*, сборы за контроль надъ производствомъ плиса, возложенный на этотъ домъ: въ ея наследственномъ владѣніи были также и сборы съ мостовъ, дорогъ и воротъ, и многие другіе, которые впослѣдствіи община беретъ на себя“. Фамилія эта, кроме того, собственница многочисленныхъ ларей для продажи; напр., въ 1369 году Конрадъ Ротъ взимаетъ сборы съ шести мясныхъ лавокъ. Е. Nübling, Ulms Handel und Gewerbe im Mittelalter 2: Ulms Fleischereiwesen (1892), 12 стр. Сравн. того же автора: „Ulms Lebensmittelgewerbe“ (1892), 7—8.

А н г л і я .

Мы уже отмѣтили мимоходомъ, что благодаря своеобразному развитію англійской конституціи къ промышленной жизни англійскихъ городовъ обращалось больше элементовъ сельского землевладѣльческаго дворянства, чѣмъ, напр., въ Германіи. Съ XIII сто-

льтія строго проводится наследование въ майоратномъ порядке (къ старшему сыну), следовательно, младшіе сыновья высшаго дворянства устраются отъ участія въ землевладѣніи. W. Stubb's, „Const. Hist.“, 2⁴, 188. Въ связи съ установившимся въ Англіи обычаемъ — что дворянское званіе, строго говоря, переходитъ по наследству только къ старшему сыну — это принуждало обращаться къ промысловой жизни младшихъ сыновей даже высшаго дворянства, если они не находили места себѣ на государственной службѣ или въ либеральныхъ профессіяхъ. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что въ государственно-правовомъ отношеніи рыцари (тоже съ XIII вѣка) рѣзко обособились отъ бароновъ. Поэтому они стремятся прижмнуть къ городской аристократіи. „Младшіе сыновья сельского рыцаря ищутъ жену, занятій и состояній въ городахъ“. Stubb's, 197. Отсюда — важная особенность англійской жизни, заключающаяся въ томъ, что низшее дворянство обнаруживаетъ все больше тяготѣнія къ буржуазіи. „Третье сословіе въ Англіи отличается отъ третьаго сословія въ континентальныхъ странахъ, такъ какъ въ него входятъ землевладѣльцы ниже баронскаго ранга“. Stubb's, 197. Понятно, какая важная послѣдствія должно было имѣть это обстоятельство для развитія буржуазнаго богатства. Параллельно тому, какъ въ городахъ богатые роли обращаются къ торговлѣ и вытесняютъ старую торговлю ремесленнаго характера — а это, какъ мы кажется, важный и рѣшающій фактъ, получающій вѣнчаніе выраженіе въ томъ, что *merchants adventureres* вытесняютъ ремесленниковъ-торговцевъ, — параллельно тому, какъ во главѣ гражданскій промысловой жизни становятся *liberi homines, qui non sunt alieius artis manus* (Gross, „Gild. merch.“, 2, 360), промысловая жизнь все решительнѣе обнаруживаетъ свою притягательную силу до отношенію къ *gentry* и къ нѣкоторой части высшаго дворянства. Мы могли бы замѣтить, какъ все новыя и большія части откалываются отъ сельскаго дворянства, переносятся въ царство городской промысловой жизни и содѣйствуютъ здѣсь возникновенію буржуазнаго богатства.

Но у насъ нѣтъ возможности до деталей прослѣдить, какъ этотъ процессъ развивался въ Англіи. Миѣ приходится ограничиться тѣмъ, что я приведу лишь нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе спраедливости сказаннаго выше. Въ Англіи опять подтверждается то правило, что крупными и самыми могущественными торговцами были крупные землевладѣльцы, часто крупные землевладѣльцы-дворяне. Богатый материаль- содержитъ книга H. R. Fox Woygne, „English merchants“, new edition, 1886.

Относительно де-ла-Полей изъ Гулля — дворянскаго рода, пребывшаго вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Завоевателемъ — намъ известно, что въ XIII столѣтіи они „получили въ пожалованіе большія земли въ Монгомеришайре“; въ 1264 году Вильямъ де-ла-Поль миддлэссекскій „недавно украшенъ рыцарскимъ поясомъ“ (I. c., 33). Извѣстно, что де-ла-Поли пользовались репутацией крупныхъ торговцевъ. Изъ лондонскихъ купцовъ въ XIV столѣтіи между прочими выдавались:

Сиръ Джонъ де-Пультеней, „предокъ Пультенеевъ, графовъ Батскихъ“.

Симонъ Фрэнсисъ († 1360 г.); онъ — собственикъ „двѣнадцати богатыхъ маноровъ въ Лондонѣ и Миддлэссексѣ“ (49).

Сиръ Ричардъ Уайтингтонъ, младшій сынъ сира Вильяма Уайтингтона, потомка старинной варварской фамиліи и собственника Герефорда. „Будучи младшимъ сыномъ, онъ послѣдовалъ о бѣчной практикѣ младшихъ сыновей того времени, когда для выбора существовало очень мало другихъ профессій, и сдѣлался купцомъ“. Свое и безъ того крупное состояніе онъ еще болѣе увеличилъ значительнымъ приданымъ, которое принесла ему жена, дочь сира Гуга Фицуорена Торрингтонскаго, владѣльца многихъ помѣстій въ Девоншире, Глостершире и т. д. Уайтингтонъ сдѣлался крупнейшимъ лондонскимъ купцомъ среднихъ вѣковъ (52).

Въ Бристолѣ XV и XVI столѣтія однимъ изъ знаменитѣйшихъ купеческихъ родовъ были Торны. Намъ сообщаютъ о нихъ слѣдующее: „Ведя свое происхожденіе отъ Гульдриха Торнскаго, дяди Ролло, герцога Нормандскаго, и занимая положеніе штандартъ-юнкера (знаменосца) Нормандскаго дома до того времени, когда Вильгельмъ Завоеватель пришелъ въ Англію, они дали начало различнымъ отпрыскамъ: Toenis, Tains, Thalies, Thorreyes и др., упоминаемымъ между прочими въ Domesday Book [Книга

Страшного Суда“] къ концу одиннадцатаго столѣтія; они занимали влиятельное положение на протяженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ“ (104).

Въ XVI столѣтии среди лондонскихъ купцовъ выдаются Грэшемы. Ихъ прошлое таково: „Грэшемы сначала обосновались въ Норфолкѣ. Джонъ Грэшемъ изъ Грэшема, дворянинъ, прапрадѣдъ известнаго Томаса Грэшема, жилъ въ послѣднюю половину XIV столѣтія и унаследовалъ значительное родовое имѣніе отъ предковъ, которые, повидимому, дали округу свое имя“ (111).

Гокинсы изъ Плимута—тоже дворянского происхожденія (136).

Сиръ Ліонель Дѣккетъ, сынъ ноттингемскаго дворянина, крупный лондонский купецъ въ XVI столѣтии.

Особорны, Гьюэты, Миддльтоны и многіе другие представители самыхъ крупныхъ и богатыхъ домовъ ведутъ свое происхожденіе отъ землевладѣльцевъ (по большей части дворянъ), если только они не пріобрѣли или не пріумножили своихъ богатствъ посредствомъ браковъ.

Наконецъ, я напомню еще одну очень известную купеческую фамилію, которая ведеть свое происхожденіе тоже отъ землевладѣльческаго дворянства: Блэковъ. Сравн. R. Rauli, „Aufstze zur Englischen Geschichte“ (1869), 273—74.

Б е л ь г і я.

Фландрская и брабантская деревня развивалась такъ же, какъ въ областяхъ съверно-итальянскихъ республикъ; отсюда вытекаетъ, какъ уже было отмѣчено, такое же развитіе богатства, какъ въ съверно-итальянскихъ республикахъ. Своеборазность развитія Фландріи и Брабанта стоитъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что городская коммуна рано подчиняетъ себѣ сельское дворянство. Брюгге, Гентъ, Ипернъ, Лилль, Дуэ и др. города захватили прямо сюзеренную власть по отношенію къ большому количеству мелкихъ городовъ и цѣлыхъ территорій: „Брюгге имѣлъ сюзеренную власть надъ всѣмъ городскимъ округомъ Франкъ и городъ Гентъ надъ Quatre-Mtiers. Верховенство крупныхъ городовъ во Фландріи все возрастаетъ въ теченіе XIV столѣтія. Въ эпоху Артевельдовъ крупные города дѣйствительно господствовали въ странѣ“. Funck-Vegentano, „Philippe le Bel.“, 45—46.

Гегемонія крупныхъ городовъ впослѣдствії, само собой разумѣется, накладываетъ свой отпечатокъ на соціальную структуру общества. Какъ характерная черта процвѣтающихъ фландрско-брабантскихъ центровъ торговли, обращаетъ на себя вниманіе быстрое слияніе сельскаго феодального дворянства съ городскимъ патрициатомъ. Только постоянно имѣя это въ виду, мы и сумѣемъ объяснить, напр., такую аристократическую по своему существу форму, какъ ганза фландрскихъ городовъ, представителемъ которой былъ одинъ „quens“ (графъ), а его замѣститель—„Skildrake“ (оруженосецъ). См. статью у Warnkönig, „Flandrische Staats-und Rechtsgeschichte“, I (1835), Urkundenbuch, стр. 81 и сл. Другая отличительная черта бельгийскихъ городовъ заключается въ томъ, что съ самаго ихъ возникновенія граждане владѣли обширною земельною собственностью; къ этому присоединяется, наконецъ, быстрый ростъ земельныхъ рентъ и быстрое накопленіе ихъ въ самыхъ городахъ, о чемъ выше уже упоминалось. И въ результатѣ: необыкновенно мощный притокъ денегъ къ развивающейся торговлѣ,—настолько мощный, что съ нимъ можно бы сравнить только аналогичное явленіе въ съверной и средней Италии. „Къ торговлѣ“ въ широкомъ масштабѣ: едва ли есть нужда упоминать о томъ, что скоро наступившее преобладаніе городовъ побудило и всѣхъ *divites*, переселившихся въ города, вкладывать свои состоянія въ торговыя и денежныя операции.

Что касается образованія классовъ въ средневѣковыхъ городахъ Фландріи—больше всего свѣта на этотъ предметъ бросаетъ незамѣнимая до сихъ поръ работа Варнкёнига; на нее въ общемъ приходится опираться всѣмъ современнымъ изслѣдователямъ, даже бельгийскимъ. Специальная работы обѣ экономическомъ развитіи городовъ Брабанта и Фландріи отсутствуютъ. По меньшей мѣрѣ библиографія по бельгийской исторіи, составленная Пиреномъ (второе изданіе печатается), обнаруживаетъ

въ этой области несомнѣнныиые прбѣлы. Поэтому будѣтъ позволительно обратиться къ Варнѣнгу, какъ къ авторитетному свидѣтелю. Онъ различаетъ слѣдующіе классы городскихъ жителей (1, 348):

1. „Отдѣльные крупные собственники, дворы или помѣстя которыхъ лежали на городской территории. Они назывались *seignuries enclavées*. Они жили въ укрѣпленныхъ замкахъ. Крупные собственники были *viri hereditati*, *erwachtige* Маннеп. Они составляли высшее дворянство города.

2. „На одномъ уровнѣ съ ними стояли лица, которые владѣли крупными ленными имѣніями; напр., въ Гентѣ—Варнѣ Эвикѣ и Венемары, владѣвшіе ленами въ Варнѣ Эвикѣ и Венемарѣ-Кастель...

3. „Первоначально свободные люди, которые жили въ собственныхъ домахъ или же на участкахъ, обложенныхъ извѣстными піатежами. Первые—тоже *viri hereditati*“.

(4. Духовенство. 5 и 6. Плебесь).

Слѣдовательно, дворяне, поселявшіеся въ городахъ, не переставали „владѣть своими замками и деревнями вънѣ городовъ“.

Купечество рекрутировалось (къ 1300 году) изъ всѣхъ сейчасъ названныхъ классовъ. „Въ этомъ лежитъ объясненіе того факта, что въ то время во Фландріи не существовало такой перегородки между феодальнымъ дворянствомъ и купечествомъ, какъ впослѣдствіи наблюдалось въ другихъ странахъ“ (351). Именно *divites* потомъ образовали тѣ проникнутыя духомъ исключительности „купеческія“ гильдіи, о которыхъ уже была рѣчь. „Coomans“ занимаютъ мѣсто древнихъ наслѣдственныхъ буржуа; въ сущности это тѣ же лица, которые къ монополіи земельной собственности присоединили монополію торговли“. *Vanderkinderen*, 63. „Ленные дворяне не гищутъ во Фландріи заниматься торговлей; большинство изъ нихъ поселилось въ городахъ, они слились тамъ съ первыми гражданами. Такимъ образомъ Гентъ и Брюгге напоминаютъ Флоренцію и Венецію не только блескомъ искусствъ, но и потому, что эти города пережили тѣ же общественные условия“. Впослѣдствіи богатые буржуа приобрѣтали земельную собственность въ деревнѣ. Они слились съ феодальнымъ дворянствомъ. „Такимъ образомъ въ фланандскихъ городахъ, какъ и въ итальянскихъ, образовался патриціатъ, т.-е. торговая аристократія“. *Finsc-Bentano*, введеніе къ „Annales Gandenses“. Новое изд., Парижъ, 1896, стр. XXXVII и сл.

Представителями богатѣйшихъ торговыхъ домовъ Бельгіи въ XIII столѣтіи были Берту, дворяне изъ Мехельна. Архіепископъ кельнскій сообщаетъ о нихъ, что у нихъ было состояніе въ 5—6 миллионовъ золотомъ и серебромъ, которое они приобрѣли главнымъ образомъ торговлею съ Левантомъ. *Van den Bogaerde de Ter-Brugge*, „Essai sur l'importance du commerce etc. dans les Pays-bas“, 1 (1845), 37.

Италія.

Процвѣтаніе итальянскихъ торговыхъ республикъ я уже нѣсколько разъ приводилъ въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что итальянскимъ республикамъ удалось болѣе радикальная, чѣмъ городамъ какой-либо другой страны (за исключеніемъ, можетъ быть, Бельгіи), ассимиляція сельского дворянства, *inurbamento della nobiltà*, и что землевладельческое дворянство, переселившіеся въ города, по большей части обратилось къ торговымъ и денежнымъ операциямъ. Нижеслѣдующій обзоръ долженъ показать, между прочимъ, какую преобладающую роль въ итальянской торговлѣ играли фамиліи, которая прежде жили въ деревнѣ. Я еще разъ напомню, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда на это нѣть прямыхъ указаний, городская земельная рента (попадавшая къ патриціату, къ потомкамъ *viri hereditati*), послужившая основой коммерческой и промышленной жизни, сыграла по меньшей мѣрѣ такую же роль, какъ и въ Германіи, говоря о которой я обратилъ на это обстоятельство особенное вниманіе. Если теперь мы указываемъ еще и на деревенскую земельную ренту, какъ на фондъ первоначальныхъ состояній, этимъ мы всегда указываемъ только на приданокъ къ той субстанціи, которая могла быть вложена въ сферу „торговли“.

Сиена.

Банкиры и крупнейшие торговцы по большей части вышли из дворянскихъ фамилий. Schulte, 1, 278. Сиена рано подчинила себѣ обширную округу, которая доставляла крупные доходы собственникамъ, жившимъ въ городѣ. Roggi, „Cenni storici sull' agricoltura“, 2 (1845), 202 и сл.

Пистоя.

Къ болѣе крупнымъ Campores Camerae apost. принадлежали такія фамиліи, какъ Амманати, Бакарелли, Кларенти, Бальди, Ильдебрандини. Gottlob, „Kreuzzugssteuern“, 247.

Піаченца.

Выдающіеся банкиры—Опіціо де-Фариньяно, Роландъ де-Рипальта, членъ товарищества Бернарда Скотта. Gottlob, 1. с.

Генуя.

Вся торговля въ широкомъ масштабѣ и здѣсь обязана своимъ возникновенiemъ землевладѣльцамъ-дворянамъ. Въ „сопрagna“, эту ячейку городской коммуны, „входило прежде всего землевладѣльческое дворянство, патриціанские роды стояли даже во главѣ ея“. Sieveking, „Genueser Finanzwesen“, 1 (1898), 5. Сопрagna же была, внѣ вся-каго сомнѣнія, товариществомъ, скрѣпленнымъ главнымъ образомъ общностью интересовъ въ торговлѣ и мореплаваніи; ея цѣль прежде всего заключалась въ томъ, чтобы обеспечить членамъ торговые выгоды. Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ ее поэтому просто гильдіей торговцевъ или „товариществомъ капитала“. Напр., Goldschmidt, „Univ. Gesch.“, 140. Также Нейск, „Genua und seine Marine“, 1886. Дѣйствительно, только члены Сопрagna имѣли право на крупную заморскую торговлю и особенно на организацію комманды — формы, въ сущности необходимой для веденія такого рода торговли. Мы видимъ, что всѣ сравнительно крупныя морскія суда находятся въ собственности nobilis; populus располагаетъ только сравнительно мелкими судами. G. Саго, „Genua und die Mächte“, 1 (1895), 10. Въ XII столѣтіи, когда Генуя распространила свое владычество на всю Лигурію, маркграфы и графы были вынуждены войти въ составъ генуэзской сопрagna. Такимъ образомъ подверглись урбанизаціи маркграфы Альдерамы, графъ Вентимилья, маркграфъ Лорето, графъ Лаванья, маркграфъ Гави. Въ 1135 году Альдерамъ: „ego habitator Janue per me vel filium meum et tenebor adimplere sacramentum compagine“; въ 1138 г. графы Лаванья: „ego habitator Januae et sacramentum... compagine... adimplebo“; см. Partile, 2², 24. „Имъ пришлось вступить въ сопрagna, они приобрѣли земельную собственность въ городѣ и съ того времени составили одинъ изъ элементовъ городского дворянства“. Sieveking, 23. Въ 1102 г. изъ четырехъ консуловъ три—графскаго рода. Сравн. Нейск, 142 и сл. Выдающіеся торговые дома старинной Генуи—Гримальди, Фіески, Спинула, Дорія и т. д.—все фамиліи, могущество которыхъ основывается „не только на ихъ торговлѣ“, „но и на ихъ земельной собственности въ Лигуріи, которую они владѣли изстари или же, какъ чиновники коммуны, получили въ качествѣ леновъ“. Sieveking, 61. Когда требовалось достать сравнительно крупныя суммы денегъ, еще въ XII столѣтіи приходилось обращаться почти исключительно къ стариннымъ дворянскимъ родамъ. Среди кредиторовъ, которые въ 1253 году устроили заемъ для короля Людовика Святого, болѣе крупные—сплошь представители знатнѣйшихъ фамилій. Мелкие профессиональные трущобные ростовщики приняли участіе въ ссудѣ мелкими суммами, по нѣскольку сотенъ торнайскихъ фунтовъ (=26 мар. въ современной валютѣ); въ то же время (при общихъ размѣрахъ ссуды въ 102.780%, фунт.) отдѣльные лица ссудили королю:

Lercari	20.100 фунт.
Grilli	5.800 "
de Camilla	5.370 "

de Marino	5.200 фут.
de Nigro	4.900 "
Spinola	4.755 "
de Fossatelli	4.050 "
Grimaldi	3.300 "

и т. д.

Schäuble, „Die Wechselbriefe König Ludwigs des Heiligen“, въ „Jahrbüchern für N. Oe.“, 15, 606 и сл. Сравн. также стр. 740.

И, какъ бы по заранѣе составленной программѣ, намъ сообщаютъ о генуэзскихъ nobili: „Въ ихъ собственности была значительная часть земли въ городѣ“. G. Cаго, „Genua und die Mächte“, 1, 10.

Венециа.

Всякому извѣстно, что венецианская торговля держалась дворянскими фамиліями, патриціанскими родами, изстари поселившимися въ Венеции. Денежные люди, о которыхъ извѣстно иль, въ раннюю эпоху принадлежали тоже къ представителямъ старинныхъ извѣстныхъ патриціанскихъ родовъ. Такъ, члены товариществъ, которыхъ въ XII столѣтіи брали на откупъ государственные доходы, почти всегда оказываются членами господствующихъ патриціанскихъ родовъ. Въ устройствѣ займа 1164 года принимаютъ участіе: Себастіантъ Ціани, Оріо Малиніеро, Аланія Квирино, Гатонъ Дандоло, Трибанусъ Бароци, Лео Фалетрусь, Іоганнъ Вайцо. W. Lenel, „Entstehung der Vorherrschaft Venedigs an der Adria“ (1897), 42.

Но что это за фамиліи? Какъ и можно предполагать, источники содержать на этотъ счетъ лишь скучныя свѣдѣнія. Кто жилъ на островахъ въ эпоху Кассидора, который въ извѣстномъ письмѣ даетъ описание жизни на лагунахъ? Можетъ быть, самостоятельные солепромышленники? (Намъ извѣстно, что однимъ изъ самыхъ старинныхъ источниковъ жизни венецианцевъ было солевареніе.) Или, напротивъ, солевареніе уже тогда находилось въ рукахъ феодаловъ? Этотъ вопросъ остается неразрѣшимымъ. Одно несомнѣнно: уже въ ту эпоху, къ которой относятся самые старинные дошедши до насъ документы, произошла дифференціація между рабочимъ — крестьянскимъ и промышленнымъ—населеніемъ, съ одной стороны, и между землевладѣльцами — съ другой. Территорія, на которой добывалась соль, „si cedeva dal proprietario... ad un condutore o a piu consorti: per alcuni anni o per livello di anni 29 col solito canone (pensio) al termine per rinnovarlo; o in feudo“. (Уступалась собственникомъ предпринимателю или цеху на нѣсколько лѣтъ или на срокъ въ 29 лѣтъ съ обычными условіемъ возобновлять аренду по окончаніи срока, или же уступалась въ ленное владѣніе.) B. Ceschetti, „La vita dei Veneziani fino al secolo XIII“, въ „Arch. venezio“, 2 (1871), 75. Солевареніемъ занимались найщики (consorti). До насъ дошли договоры обѣ арендѣ, относящіеся къ годамъ 1034, 1140, 1170. Кроме того, намъ извѣстно, что около той же эпохи собственники передавали свои виноградники для обработки издѣльнымъ арендаторамъ. Ceschetti, 76.

Слѣдовательно, уже для XI столѣтія можно документально доказать существованіе землевладѣльческаго класса въ Венеции. Но какимъ образомъ возникъ этотъ классъ? Источники, разумѣется, и на этотъ счетъ умалчиваютъ. Однако, думается мнѣ, съ нѣкоторою увѣренностью можно сказать, что землевладѣльческая аристократія ведетъ свое происхожденіе отъ знатныхъ фамилій, переселившихся въ Венецию: „esisteva un elemento aristocratico... fino dal primo reggimento dei tribuni, perch esisteva fra mezzo alle plebi fuggiasche“. (Существовалъ аристократический элементъ съ первого правления трибуновъ, такъ какъ онъ существовалъ среди пришедшаго народа.) Ceschetti, 80. Какъ бы мы ни предполагали: съ самаго ли начала здѣсь было населеніе, занимавшееся землевладѣліемъ и добываніемъ соли, или же оно сложилось изъ переселившихся въ эти мѣста, — во всякомъ случаѣ приходится думать, что съ началомъ иммиграціи населеніе распадается на два класса: классъ состоятельныхъ землевладѣльцевъ (при первомъ предположеніи имъ пришлось бы скупать землю у существовавшихъ въ то время деревенскихъ общинъ) и классъ неимущихъ ремесленниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, вся исторія

Венеціі обязана своимъ своеобразнымъ отпечаткомъ слѣдующему обстоятельству: съ самаго начала рѣшающимъ факторомъ въ развитііи городской общины становится группа богатыхъ фамилій — богатыхъ деньгами и особенно землевладѣніемъ, — т.-е. группа переселившихся въ Венецію оптиматовъ. Если положеніе: городъ сдѣлался богатымъ не потому, что онъ занимался торговлей, но, наоборотъ, онъ потому только могъ прибыльнымъ образомъ заниматься торговлей и другими промыслами, что былъ богатъ, — если это положеніе вообще справедливо, то въ особенности справедливо оно по отношенію къ Венеціи. Въ подтвержденіе этого мы приведемъ еще некоторые доводы.

Между тѣми бѣглецами, которые переселялись на лагуны изъ унадающихъ римскихъ городовъ, — Аквилеи, Альтинума, Іесоло, Торчелло, Падуи, — несомнѣнно, были и многочисленныя фамиліи оптиматовъ. „Когда населеніе Ріальто переживало эпоху расцвѣта, туда понемногу переселялись старинныя фамиліи (изъ Аквилеи) и вливали благородную римскую кровь въ артеріи молодой городской общины“; „ея самыя почетные роды покинули ее (Эраклею), чтобы... искать счастія въ Венеціи“; въ Іесоло „повторяется обычная исторія: благородныя фамиліи выселяются въ Ріальто“; въ Торчелло, которая еще въ X столѣтіи была процвѣтающей предшественницей Венеціи, изъ Альтинума выселяются крупные роды; „но и Торчелло не избѣжала общей судьбы всѣхъ городовъ на лагунахъ: и ея состоятельный патриціанская фамилія выселилась изъ нея“ (въ Венецію). Такъ сообщаетъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ древнейшей венеціанской исторіи. J. von Schlosser, „Die Entstehung Venedigs“, въ приложеніи къ „Allgemeine Zeitung“, 1897, № 7, стр. 4. Что касается источниковъ, изъ которыхъ, конечно, въ значительной степени черпаетъ и фонъ-Шлоссеръ, — это извѣстная старая хроники; среди нихъ выдающееся мѣсто занимаетъ такъ называем. „Chr. Altinate“. Не мѣшаетъ замѣтить, что какъ источникъ для соціальной исторіи эти хроники не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній, — напротивъ, онъ очень полезны въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ къ такому выводу пришелъ чрезвычайно осторожный Г. Симонефельдъ въ „Venetianischen Studien“, I, (1878), 101 и др., passim.

Итакъ, въ Венецію переселялись знатные роды, и, само собой разумется, они приходили туда не съ пустыми руками. Отправляясь въ Венецію, они или превращали въ серебро свою прежнюю собственность или же, что всего вѣroятнѣе для тѣхъ тревожныхъ временъ, когда большую частью совершились переселенія, они, поселяясь въ Венеціи, все еще оставались собственниками земли въ *terra ferma*. Дѣйствительно, „molto probabile, che parecchie famiglie illustri conservassero colà qualche parte dell' antica fortuna. Non è credibile infatti che i nostri volontariamente avessero abbandonato tutto il retaggio dei padri, mentre è certo che un numero rilevante di Veneto-Romani, antichi possessori del suolo, vi si mantenevano come fanno fede le carte antiche nel Codice diplomatico di Padova“ (весма вѣроятно, что подобная именитыя семейства сохранили некоторую часть старинного состоянія. Нельзя предположить, чтобы наши добровольно покинули все наслѣдіе отцовъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что значительная часть венетовъ — прежнихъ владѣльцевъ земли — удерживалась на мѣстахъ, какъ это удостовѣряютъ старинныя записи падуанского дипломатического кодекса). P. G. Moltenti, „La Storia di Venezia nella Vita privata“. 1880, стр. 20.

Напомнимъ дальше, что къ первоначальнымъ иммигрантамъ римского происхожденія присоединились еще знатные роды греческаго происходженія, какъ Партецианы, или лонгобардской крови, какъ Кандіаны, — все это еще до IX вѣка; что уже въ X столѣтіи Венеціи были подчинены Даціация и Истрия. Въ виду всего этого мы можемъ смѣло предположить, что большая часть того, что было въ Венеціи знатнаго и вліятельнаго, было обязано знатностью и вліяніемъ своему землевладѣнію на *terra ferma* (въ деревнѣ); землевладѣніе же въ свою очередь послужило въ городѣ базисомъ для оптиматовъ и новой опорой для дальнѣйшаго обогащенія (изъ такого источника, какъ городская земельная рента). Въ пользу этого говорить и цѣлый рядъ дальнѣйшихъ прямыхъ подтвержденій.

Въ 785 году пала Адріанъ I пишеть Карлу Великому: „Мы исполнили пришедшее отъ васъ къ намъ повелѣніе, чтобы немедленно удалить изъ страны венецианскихъ купцовъ, поселившихся въ экзархатѣ и Пентаполисѣ, и приказали архиепископу равенскому изгнать венецианцевъ изъ всѣхъ владѣній и замковъ, которыми они владѣли въ предѣлахъ нашей области“. Сеппі, „Mon. dom. pont.“, 1, 459 и сл., цитир. у Gfröger, „Byzantinische Geschichten“, 1, 88—89.

Въ документѣ отъ 23 февраля 840 года, выданномъ Лотаремъ въ интересахъ Венеціи, говорится, что дожь, патріархъ, епископы и народъ Венеціи должны безпрепятственно владѣть всею собственностью, приобрѣтенную на землѣ итальянского материка (или франкскаго царства), и что имъ предоставляется владѣніе въ такихъ же размѣрахъ, какъ это было обезпечено въ эпоху Карла Великаго государственнымъ договоромъ, заключеннымъ (въ 810 г.) съ греками. Gfröger, 1, 182. Въ охранной грамотѣ, выданной 13 мая 883 года Карломъ Толстымъ дому Іоанну II Партеніапаццо, говорится: симъ доводится до всеобщаго съѣдѣнія, что Іоаннъ, венецианскій дожь, обратился черезъ посла съ просьбою къ намъ, чтобы мы выдали ему охранную грамоту на владѣнія, приобрѣтенные имъ какъ въ Венеции, такъ и по сю сторону, въ предѣлахъ нашего царства. Böhmer, „Reg. Carol.“, № 957.

Значительный приростъ испытало землевладѣніе знатныхъ венецианцевъ благодаря бракамъ соответствующаго рода. Въ X столѣтіи дожь Кандіано IV женился на Вальдрадѣ, сестрѣ маркграфа Гуго, лоятобардкѣ, „a qua servorum et ancillarum copia ingenti praediisque maximis dotalitii juris accepit“... Даидоло, у Migatori, стр. 12, 209.—Лео, „Gesch. der italienischen Staaten“, 1, 381 стр., сообщаетъ о бракѣ Петра Кандіана III (942 г.), доставившемъ ему огромныя владѣнія въ королевствѣ Италии, такъ что онъ сдѣлался богатѣйшимъ человѣкомъ въ Венеции,—богатымъ благодаря своему землевладѣнію. Невозможно установить, не касаются ли оба эти сообщенія одного и того же лица. Намъ сообщаютъ, далѣе, что въ XIII столѣтіи у Лоренцо Тіеполо были въ Морѣ ленныя владѣнія и что его сыновья женились на богатыхъ наследницахъ какъ въ Далмации, такъ и на итальянскомъ материкѣ. Sanudo, „Vite dei Duchi di Venezia“ (Rer. it. script., 22, 567).

Нетрудно замѣтить, что богатство Венециіи возрастаетъ параллельно тому, какъ венецианская фамилія расширяютъ свое землевладѣніе во вновь приобрѣтенныхъ или завоеванныхъ земляхъ, расположенныхъ къ югу, вдоль берега. На первомъ планѣ стояло подчиненіе Истріи; Венеція обезпечивала себѣ церковное и политическое первенство надъ ней въ той мѣрѣ, какъ знатные венецианцы приобрѣтали на полуостровѣ землю въ ленное владѣніе или въ полную собственность. Сравн., напр., документъ отъ 30 мая 998 года, которымъ Оттонъ III даровалъ доминику Кандіано земли, расположенные въ Истріи. Migatori, „Antiqu. Ital.“, 1, 577. Даидоло — „Pactum Justinopolitana“ (отъ 14 янв. 933 г.), въ „Fontes rer. austri.“, 12, 8, и Даидоло, у Migatori 12, 203 и сл.: „такъ какъ Винтеръ, маркграфъ Истріи... принуждалъ къ тяжелой барщинѣ вассаловъ, которые воздѣлывали истрійскія земли, принадлежащія венецианскимъ помѣщикамъ“... Gfröger, 236. Тотъ же Винтеръ заявляетъ „debita, quae Hystrienses ad Veneticos solvere debebant, detinebamus“, и потому обѣщаетъ, что онъ будетъ съ уважениемъ относиться къ „proprietates... quas ille et Venetici ubicumque habere et possidere visi sunt in finibus Istriæ“... (Font. cit., 11, 13).

Къ X столѣтію относится и завоеваніе Далмации Петромъ II Орсеоли, первымъ женихомъ Адріатики; этимъ открывается для Венециіи новый періодъ въ накоплении богатства: какъ намъ известно, многія знатныя венецианская фамилія владѣютъ земельною собственностью или дѣлаются землевладѣльцами въ только что завоеванной береговой области. Напр., въ 1165 году является Доменико Морозини, графъ Цара, и требуетъ инвеституры на половину графства Осеро со всѣмъ принадлежащимъ къ нему; Морозини ссылается на документъ о надѣлѣніи леномъ, выданный ему и его наследникамъ покойнымъ дожемъ, его отцомъ. Lenel, „Vorherrschaft Venedigs“, 126—127; здесь воспроизведенъ in extenso и упомянутый документъ.

Слѣдуетъ наконецъ упомянуть что въ Константинональской въ лененіи

форму огромная масса земельныхъ рентъ, которыя поступали въ распоряжение церковныхъ владыкъ, избравшихъ Венецию своей резиденцией. До насъ дошли свѣдѣнія обѣширныхъ владѣніяхъ Попо, патріарха аквилейскаго, который въ XI столѣтіи переселился въ Венецию. У Liruti, „Notizie delle cose del Friuli“, 3, 273 и сл., 276 и сл., 308 и сл. и въ другихъ мѣстахъ упоминается большое количество отдельныхъ замковъ, мѣстечекъ, мѣстностей, мызы и округовъ, которые, какъ дары, постепенно переходили къ аквилейской церкви. Цитир. у Leo, „Gesch. d. ital. Staat.“, 1, 497.

Я преднаимѣрею избрать только тѣ данные о землевладѣніи венецианцевъ, которыя относятся къ раннему времени; мнѣ хотѣлось съ самаго начала предупредить возможное возраженіе: всѣ эти владѣнія представляютъ результатъ богатства, уже накопленного въ торговлѣ. Такое утвержденіе нельзя было бы назвать безусловно неосновательнымъ, если бы оно относилось къ XIII и XIV столѣтіямъ. Но для болѣе ранней эпохи эта идея прямо абсурдна. Не слѣдуетъ забывать, что еще въ XII столѣтіи Венеция была городомъ деревянныхъ домовъ, крытыхъ соломой и гонтомъ, и что среди нихъ однокіе torri нобилей (т.-е. именно крупныхъ землевладѣльцевъ) возвышались, какъ острова. Сравн. Molmenti, 127.

Мы уже упоминали, что въ послѣдующее время и городская земельная рента въ Венеции скорѣе всего должна была сдѣлаться источникомъ для образованія крупныхъ состояній. По соображеніямъ Мочениго—правда, далеко не надежнымъ—дома Венеции представляли (въ 1423 г.) цѣнность въ 7 миллионовъ дукатовъ и приносили доходъ въ 500.000 дукатовъ. Мигаторі, стр. 22, 959. Собственники выступаютъ передъ нами опять-таки и въ качествѣ купцовъ. Такъ, братья Соранцо, владѣвшіе состояніемъ въ 9.900 дукатовъ, вложили въ домовладѣніе 3.000 дукатовъ, которые стали приносить имъ ежегодный доходъ въ 230 дукатовъ. Около землевладѣнія развились сильная спекуляція. Сравн. H. Sieveking, „Aus venezianischen Handlungsbüchern“, въ „Schmollers Jahrbuch“, XXV.

Флоренція.

Если какой-либо цвѣтущій городъ среднихъ вѣковъ въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ блескомъ урбанизаціи землевладѣльческаго дворянства, такъ это—Флоренція. Радикальнѣе, чѣмъ большинство другихъ городовъ, даже городовъ сѣверной Италии, Флоренція проводила по отношенію къ деревенскимъ юнкерамъ (помѣщиковъ) принужденіе вступать въ составъ городской общины; какъ известно, Флоренція даже обязала юнкеровъ записываться въ какой-либо изъ цеховъ, если они хотѣли приобрѣсти полныя гражданскія права. Такимъ-то способомъ сознательная политика горожанъ создала солидный базисъ, на которомъ могла развиваться торговля и промышленность. Въ исторіи Флоренціи можно съ полной осознательностью прослѣдить, что земельные ренты, превращенные въ денежную форму, послужили одной изъ главныхъ основъ, на которыхъ расцвѣла дѣятельность горожанъ; здѣсь съ особенной ясностью можно прослѣдить процессъ превращенія денежныхъ состояній въ капиталъ и, параллельно съ этимъ, метаморфозу старинныхъ нобилей въ одну изъ составныхъ частей буржуазной аристократіи. Насколько крупную роль сыграло землевладѣльческое дворянство въ экономической жизни Флоренціи, мы можемъ судить по тому положенію, какое дворянѣ занимаютъ въ XIII и XIV столѣтіи среди представителей крупнейшихъ домовъ, ведущихъ торговлю товарамъ и деньгами (какъ известно, значеніе средневѣковой Флоренціи основывалось именно на ея денежныхъ операцияхъ).

Чтобы доказать только что изложенная положенія, будеть цѣлесообразнѣе всего, если въ послѣдующемъ я просто подъ рядъ перечислю тѣ изъ известныхъ мнѣ фамилій старой Флоренціи, относительно которыхъ можно документально установить, что они вели дворянское происхожденіе и въ то же время были собственниками значительныхъ торговыхъ домовъ. Эти фамиліи слѣдующія:

Abbatі, гибеллинская дворянская фамилія. R. Santini, „Società della torri in Firenze“, въ Arch. stor. ser. IV., t. XX, стр. 47, 200. Вся работа Сантини цѣлкомъ основана на первоисточникахъ и въ этомъ отношеніи неуязвима.—Члены названной

фамилии—крупные банкиры: Schneider, „Florentiner Bankiers“, 9. Один изъ Abbati уже въ 1203 г.—консулъ торговцевъ; Santini, 201. „Delizie degli Eruditi Toscani“, 7, 142.

Acciaiuoli, дворянского происхождения? Villani, „Croniche“, VI, 79, „Della dec.“, 2, 276. Въ 1306 г. упоминается de Azagloli. Davidsohn, „Forschungen zur Gesch. von Florenz“, 3 (1901), 319; известны, какъ крупные банкиры. Vill., IX, 138. XII, 155. Сравн. новѣйшую работу Davidsohn, „Forschungen“, Bd. III.

Adimari, франкскаго происхождения, приобрѣли въ эпоху завоеванія обширныя владѣнія—замки и земли; Davidsohn, „Geschichte von Florenz“, 1, (1896), 305, 360. (Въ тѣхъ случаяхъ, когда у меня есть возможность подтвердить фактъ работами Давидсона, я, при установившейся авторитетности этого автора, думается мнѣ, могу ограничиться этимъ и успокоиться.) Внослѣдствіи занимаютъ видное мѣсто среди городского дворянства и въ эпоху расцвѣта города выступаютъ какъ собственники одной изъ прекраснѣйшихъ Loggien (биржевой залы). Сравн. „Studi sul centro di Firenze“ (1889), 89 и сл. W. Gossrau, „Florentiner Bankiers“, въ „Vierteljahrsschrift f. V. W.“, 95 (1887), 103. Въ 1287 году—арендаторы рынка: Davidsohn, „Forsch.“, 3, 34; въ 1298 г.—кредиторы: тамъ же, стр. 67; въ 1302 г.—члены одного торгового товарищества: тамъ же, стр. 85.

Alberti представляютъ одну изъ богатѣйшихъ землевладѣльческихъ старинныхъ фамилий графства (Davidsohn, „Geschichte“, 357 и сл., 433 и сл., и др.), а послѣ подчиненія послѣдняго (въ XII столѣтіи) являются владѣльцами одного изъ самыхъ могущественныхъ банковскихъ домовъ города. Peruzzi, „Storia del Commercio e dei banchieri di Firenze“ (1868), 145 и сл. Schulte, 1, 282 и сл. Сравн. также (Passerini), „Gli Alberti“, 2 Vol. 1869.

Albizzi. Въ 1172 году, а также не разъ и въ послѣдующее время, мы встрѣчаемъ ихъ, какъ консуловъ (Del. degli Erud. Tosc., 7, 131), позднѣе—какъ собственниковъ одной изъ прекраснѣйшихъ биржевыхъ залъ во Флоренціи. Gossrau, 103; какъ „лombardцевъ“ въ Парижѣ: Piton, 85 и сл.; въ 1309 г. они образуютъ торговое товарищество: Davidsohn, „Forsch.“, 3, 113.

Aldobrandeschi и Aldobrandini, известные дворянские роды: одинъ Альдобрандини, Бруній, — членъ товарищества Альфани. Gottlob, „Kreuzzugsteuer“, 246.

Alfani; въ XIII столѣтіи этотъ значительный банковскій домъ получиль въ пользованіе государственная помѣстья по Арно, близъ Фучекъ и сань Миніато. Schneider, 12.

Altoviti. Въ 1276 г. одинъ изъ нихъ получаетъ название фактора „ad lucrandum et mestrandum“. Davidsohn, „Forsch.“, 3, 28.

Amieri. Старинная дворянская фамилия? Villani V, 39. VI, 33. Компаньоны товарищества Скали. Peruzzi, 161.

Angelotti. Угуччіо и ді-Анжелотти — членъ товарищества Жандоннати-Фианти и въ 1192 г.—консулъ Калимала.

Ardinghi. Старинный дворянскій родъ? Vill. IV, 11; купцы,—Peruzzi, 161. Davidsohn, „Forsch.“, 3, 2.

Bargacci. Vill. IV, 10, упоминаетъ ихъ, какъ богатыхъ нобилей въ XI столѣтіи; внослѣдствіи они известны, какъ компаньоны Скали. Peruzzi, 160.

Della Bella, одна изъ самыхъ знатныхъ рыцарскихъ фамилий „di amica nobilita“: Santini, 201. Въ 1201 г.—консулы (Del. 7, 12). Въ 1192—93 г. одинъ Делла Белла—консулъ купцовъ. Davidsohn, 1, 667. Въ документахъ 3 тома работы Давидсона они часто упоминаются, какъ крупные торговцы.

Bellincioni. Въ 1203 г. одинъ изъ нихъ—консулъ и членъ товарищества, завѣдавшаго башенными сборами: Santini, I. c., стр. 200. Въ 1256 г. упоминается въ „Del. degli Erud. Tosc.“, 9, 39. Значительный торговый домъ. Peruzzi, 160.

Bernardinii, старинная фамилия сельского дворянства, въ XII столѣтіи, когда ея замки были разрушены, вынуждена поселиться въ городѣ (Davidsohn, 539); въ XIII столѣтіи мы находимъ ее здѣсь среди крупныхъ купцовъ, имена которыхъ со-

общаетъ намъ Peruzzi (161 стр.). Другие отпрыски этой фамиліи извѣстны какъ торговцы въ Сиенѣ и Луккѣ. Schulte, 1, 258, 598.

Buon del monte (Montebuoni) постигнуты въ XII столѣтіи такой же судьбой, какъ Бернардини (Davidsohn, 416—17); послѣ этого они тоже обращаются къ купческой профессіи. Еще въ XV столѣтіи мы встрѣчаемъ ихъ въ Турціи, какъ флорентійскихъ купцовъ. См. Pagnini, 3, 303.

Buonfantini въ XI столѣтіи упоминаются, какъ Gastalden у маркграфини Матильды. Davidsohn, „Forschungen zur älteren Geschichte von Florenz“ (1896), 62; въ XIV столѣтіи, какъ богатые купцы, берутъ въ швабскомъ Галль на откупъ монетное дѣло. Schulte, 1, 332.

Caponsacchi. Гранды изъ Fieseolae. Vill., IV, 11; въ XIII столѣтіи—купцы. Peruzzi, 160.

Cavalcanti принадлежать къ числу знатѣйшихъ рыцарскихъ фамилій Флоренции. Santini, I. c., 201 и др. Въ 1192—93 г. одинъ Кавальканти — консулъ купцовъ. Davidsohn, „Gesch. von Florenz“, 1, 667. Въ 1220 г.—консулъ Калималы, въ 1245 г.—ростовщикъ: Davidsohn, „Forsch.“, 3, 229, 9.

Chiarelli, гибеллинскій родъ, состоящий въ дружбѣ съ Колоннами; любимые банкиры папы Николая IV.

Falconieri, старинный дворянскій родъ, извѣстенъ по борьбѣ съ Висцомини, Vill. VIII, 1. Знаменитый банкирскій домъ. A. Beerg, „Gesch. des Welthandels“, 1, 211. Въ 1243 г. „clarissimus Falconieri civis et mercator Flor.“. Davidsohn, „Forsch.“, 3, 7.

Fifanti, знатная рыцарская фамилія, сравн., напр., Hartwig, „Flor. Gesch.“, 2, 77. Santini, I. c. Консулы въ 1185, 1191, 1192 г. (Delizie, 7, 138); въ 1192—93 г. одинъ изъ консуловъ торговцевъ—изъ этой фамиліи. Davidsohn, 1, 667.

Guidi, старинная сельская дворянская фамилія; ея замки разрушены въ 1138 г., въ XIII столѣтіи она подчинена окончательно. Сравн., напр., Davidsohn, 1, 435 и сл., 451. O. Hartwig, „Flor. Gesch.“, 1, 33. Santini, I. c., стр. 201. Уже въ 1278 г. Карусь Гвидонись завѣдуетъ передачей собровъ отъ десятины изъ Германии во Францию, въ 1306 г. такую же роль играетъ Симонъ Гвиди. Gottlob, „Kreuzzugssteuern“, 246—247. Уже въ 1248 г. у Гвиди есть контора въ Парижѣ; въ 1307 г. Биччю Гвиди—„maître général des monnaies“. Pigeonpeau, 1, 255.

Lamberti, извѣстный старинный дворянскій родъ. См., напр., Hartwig, „Flor. Gesch.“, 2, 77; Santini, 201, 203. Въ 1195 г.—консулы (Delizie, 7, 139); купцы (Peruzzi, 160).

Pazzi, старинная дворянская гвельфская фамилія. См., напр., Hartwig, „Flor. Gesch.“, 2, 66—78; Davidsohn, „Studien“, 3, 285; одна изъ 35 рыцарскихъ фамилій „a spion doro“ (имѣющихъ право носить золотыя ширмы). „Della dec.“, 2, 277; извѣстный банкирскій домъ.

Pillio; въ 1197 г. одинъ изъ Пилло—городской консулъ („i consoli... appartenevano indubbiamente alla nobiltà“). Въ 1202—cons. dei mercatanti; въ 1216 г.—другой тоже консулъ торговцевъ и т. д. Santini, I. c., стр. 199, 201. Сравн. Guis. Centi, „Saggio di storia di alcuni edifizi del Centro di Firenze“, въ „Studi sul centro di Firenze“, 92 и сл.

Rinuccini, предки ихъ жили въ знаменитомъ замкѣ близъ Санть-Донато; съ XIII—XIV столѣтія принадлежать къ торговому сословію, послѣ смерти Франческо по размѣрамъ землевладѣнія превосходятъ всѣ остальные фамиліи города. Reumont, „Beiträge zur ital. Gesch.“, 5 (1857), 354 и сл., 360. Ринуччины организовали одну компанію. (Delizie, 7, 241—242). Въ торговомъ договорѣ 1329 года, заключенномъ съ Пизой, Ринуччины упоминаются среди членовъ самыхъ видныхъ флорентійскихъ торговыхъ домовъ: „Della decima“, 3, 24. Они занимали одинъ изъ 20 fondachi Калималы, существовавшихъ въ 1336 г. Регицци, 67; одинъ Ринуччины, messer Франческо, сопровождалъ Ліонардо ди Никколо Фрескобальди въ его поѣздкѣ на Востокъ. Ed. Manzi (1818), 174.

Sealì, нобили? *Vill.* IV, 10; VI, 79; банкирский домъ, известный между прочимъ по банкротству. *Vill.*, X, 4. Сравн. также *Peguzzi*, 161 и сл., и *Davidson*, „*Forsch.*“, 3.

Spinì, дворянский родъ? (*Vill.*, VI, 79). Въ 1266 году у нихъ разрушенъ *tartisum palatio* (*Del. d. Erud.*, 7, 238); крупный банкирский домъ, устроенный въ товариществѣ съ

Stozzi, тоже дворянскимъ родомъ; „съ 1050 года о нихъ доходятъ извѣстія, какъ въ владѣльцахъ Муджелло и Нуоволе“ (*Gothaischer Kalender*); они принадлежать къ числу богатѣйшихъ крупныхъ землевладѣльцевъ и, какъ извѣстно, въ то же время собственниковъ одного изъ видѣйшихъ торговыхъ домовъ въ городѣ. *Reumont*, „*Beiträge*“, 5 (1857), 175 и сл. Бенедетто Дей называется ихъ въ числѣ 35 рыцарскихъ фамилий, имѣвшихъ право носить золотые шпоры. „*Della dec.*“, 2, 277.

Uberti въ упоминаются какъ владѣльцы многочисленныхъ замковъ (*Villani* VIII, 89; *Santini*, I. с., стр. 191 и слѣд.), въ 1181 г. — какъ консулы (*Del. d. Er. Tosc.*, 7, 187) и какъ куницы (*Peguzzi*, 160). То же самое слѣдуетъ сказать объ

Ughini о графскомъ родѣ

Ugolino. Замѣчательно, что обѣ

Uberti такой выдающейся знатокъ флорентийской исторіи, какъ *Давидсонъ* (стр. 668), пишетъ слѣдующее: „существовали (среди могущественныхъ, старинныхъ городскихъ родовъ) исключенія, какъ Уберти, которые совершеяно не занимались торговлей“. Но намъ извѣстно, что они совмѣстно съ Пульчи дали ссуду епископу Зигфриду фонъ-Вестербургу (1274—97). *Еппен*, „*Quellen*“, 3, № 359. Теперь къ самому *Давидсону* сообщають обѣ одномъ нобилѣ Уберти, который въ 1314 году торговалъ шерстью. „*Forsch.*“, 3, 131.

Vespucci принадлежать къ числу тѣхъ 35 рыцарскихъ фамилий съ золотыми шпорами, о которыхъ Бенедетто Дей сообщаетъ въ своей хроникѣ („*Della dec.*“, 2, 277) и упоминаетъ о нихъ, какъ владѣльцахъ крупного торгового дома. Извѣстѣйший членъ этой фамиліи — Америго Веспуччи, который далъ свое имя Новому Свѣту.

Конечно, можно сомнѣваться относительно того, происходилъ ли отъ сельского дворянства тотъ или другой родъ, который, какъ мы видимъ, принималъ участіе въ торговлїи Флоренции; во всякомъ случаѣ даже тотъ небольшой обзоръ, который данъ здѣсь, съ полной несомнѣнностью свидѣтельствуетъ обѣ одномъ фактѣ — о важности накоплениія земельной ренты для развитія промысловой городской жизни. Но чтобы вполнѣ оцѣнить все значеніе этого обстоятельства, мы должны обратиться къ одновременному развитію аграрныхъ отношеній. Какъ извѣстно, въ сѣверной Италии урбанизація почти повсемѣстно сопровождается, съ одной стороны, освобожденіемъ сельского населенія отъ крѣпостныхъ отношеній, а съ другой — введеніемъ или всеобщимъ распространениемъ половничества: послѣднее какъ нельзѧ больше приспособлено къ тому, чтобы, не прибегая къ контролю, принудить рабочаго къ самому интенсивному труду. Параллельно тому, какъ возрастаетъ стремленіе землевладѣльца къ повышенію ренты, обнаруживается общая тенденція къ ухудшенію условій труда, начинается въ особенности измѣненіе къ ущербу рабочаго той доли въ урожаѣ, которая раньше поступала къ нему: говоря другими словами, проявляется тенденція къ увеличенію того прибавочного продукта, который господинъ береть у рабочаго. Тенденція эта находитъ себѣ выраженіе во всѣхъ новыхъ законахъ и статутахъ, которые издаются начиная съ XII столѣтія и распространяются на сельское населеніе. Такъ, мы видимъ, что флорентийскіе статуты устанавливаютъ таксус заработной платы и грозятъ за нарушеніе ея (конечно, рабочими!) тюрьмой; они содержатъ цѣлую сокровищницу постановлений, которая были бы способны превратить колоновъ въ послушныя орудія ихъ господина; „*nulla regnò statuirono circa ai diritti dei lavoratori e delle loro famiglie*“ (но ничего не установили относительно правъ землевладѣльцевъ и ихъ семействъ). *Poggi*, „*Cenni intorno all' agricoltura*“, 2, 454. Мѣрошрѣдія, которые, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же авторъ (стр. 175), показываютъ, „*che le servili catene degli agricoltori non furono spezzate per puro sentimento di carità, ma principa-*

lemente per favorire l'interesse della casta mercante" (что цѣпи рабства, лежавшія на земледѣльцахъ, были расторгнуты не благодаря чистому чувству состраданія, а главнымъ образомъ въ цѣляхъ покровительства интересамъ торгового класса).

Что касается вы соты рентъ, которая колонъ должна была уплачивать господину, мы наблюдаемъ, что въ флорентійской области онѣ сильно повысились въ теченіе XII и XIII столѣтій, т.-е. въ то самое время, когда землевладѣльцамъ требовались все большия и большия фонды для ихъ торговыхъ и денежныхъ операций. Прежде колоны были обязаны отдавать господину только отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{3}$ урожая; а съ половины XII столѣтія постепенно устанавливается, какъ общее правило, раздѣлъ урожая на двѣ равныя доли. Poggii, 2, 127 и сл., Sugenbeim, „Aufhebung der Leibeigenschaft“ (1869), 200. Сравн. также Davidsohn, „Gesch. von Florenz“, 1, 778 и сл.

Какъ уже указывалось, одновременно съ этимъ увеличеніемъ доли господь въ валовомъ продуктѣ земли совершается и значительное повышеніе интенсивности воздѣлыванія; такимъ образомъ фонды, поступающіе въ города, увеличиваются въ двухъ направленіяхъ, такъ что не было ненѣбѣжной необходимости въ томъ, чтобы материальное положеніе крестьянства ухудшилось.

Но я долженъ попросить терпѣливаго читателя еще разъ возвратиться со мною во Флоренцію и бросить взглядъ на составъ богатыхъ фамилій, которая мы встрѣчаемъ здѣсь на рубежѣ XIII столѣтія. Даже тотъ, кто лишь поверхностно знакомъ съ флорентійской исторіей, съ первого же взгляда замѣтитъ, что въ моемъ обзорѣ отсутствуетъ цѣлый рядъ владѣльцевъ самыхъ значительныхъ торговыхъ домовъ, отсутствуютъ именно тѣ, о богатствѣ которыхъ въ XIV столѣтіи мы располагаемъ наиболѣе достовѣрными свѣдѣніями. Я, разумѣется, имѣю въ виду прежде всего Барди, Мощи и Перуцци; но, кроме того, мнѣ приходится на память и Черки, Франчези, Фрескобальди, Герардини, Россіи.

Что же это были за люди? Можетъ быть, всѣ они вышли изъ рядовъ мелкихъ ремесленниковъ и разносчиковъ и такимъ образомъ могутъ служить для рѣзкаго отпора развитымъ здѣсь взглядамъ? Мы должны добросовѣстно изслѣдовать этотъ вопросъ.

Приходится съ самого же начала констатировать, что всѣми историками только что перечисленныя фамиліи относятся къ такъ называемой „gente nuova“: Данте первый подальше примѣръ относить къ числу высокочекъ (парвеню) все, что въ эпоху около 1300 года начинаетъ играть во Флоренціи извѣстную роль.

Для доказательства 'обыкновенно цитируютъ слѣдующія мѣста изъ „Inferno“, 16, 73—75:

„La gente nuova e i subili guadagni
Orgoglio e dismisura han generata
Fiorenza in te, si che tu giâ ten piagni“,

а также изъ „Paradiso“, 16, 59 и сл.

Сравн., напр., Hegel, „Städteverfassung“, 2, 202. Но я долженъ признаться, что считаю божественнаго поэта въ высшей степени ненадежнымъ свидѣтелемъ относительно такихъ вещей, какъ происхожденіе гульфскихъ фамилій. Человѣкъ, до такой степени желчный и партійный, какъ Данте, не въ состояніи притти къ безпристрастному сужденію о качествахъ своихъ противниковъ. Могло случиться, что Чеки и Буондельмонте прибыли во Флоренцію только въ XIII столѣтіи; но чтобы „andava l'avolo alla sesta“, — это, несомнѣнно, только желчная передергака.

Слѣдовательно, я могу отклонить показанія Данте. Руководствуясь первоисточниками, я постараюсь составить представление о томъ, какъ поднималась „gente nuova“. Для всѣхъ ея представителей обще одно,—всѣ они вышли изъ Borgo Oltr'Arno. Но что намъ извѣстно обѣ этой части города? Извѣстно прежде всего, что до 1200 года она состояла изъ немногихъ домовъ и что всѣ они подраздѣлялись на 3 Borghi. Сравн. Miss E. Dixon, „The Florentine Wool Trade“, въ „Transactions of the R. Hist. Soc.“, 12, 170. Эти три Borghi, очевидно, представляли три деревни: окрестности такого города, какъ Флоренція, конечно, не могли быть пустынными. Въ теченіе XIII столѣтія развивается именно область по ту сторону Арно: здѣсь поселяются низшіе слои насе-

денія, здѣсь же находить себѣ пристанище быстро развивающееся суконное производство. Источники говорятъ, что въ періодъ 1150—1300 г. населеніе Флоренціи стремительно возрастило,—Гартвигъ предполагаетъ, что за это время оно увеличилось впятеро („D. Zeitschr. f. Gesch. Wiss.“, I, 19). Если это вѣрно, у насъ есть основанія думать, что добрая доля прироста пришлась и на Oltr' Arno. Въ пользу этого свидѣтельствуетъ даже и быстрое увеличение числа мостовъ черезъ Арно. Въ 1218—1220 г. построены Ponte nuovo, въ 1236—37 г. Ponte Rubaconte, въ 1252 г. начатъ постройкою Ponte S-a Trinità. Villa ni, „Cron.“, V, 41, 42; VI, 26, 50. Слѣдовательно, въ теченіе тридцати съ небольшимъ лѣтъ къ существующему Ponte Vecchio прибавилось не менѣе трехъ новыхъ мостовъ. Въ хроникѣ Don. Veluti (изд. Manni, 1731 г., стр. 74) говорится между прочимъ: „Sesto d'Oltrarno e di San Piero Scheraggio erano maggiori che gli altri di persone orrevoli e di ricchezza“ (части города за-арнска и San Piero Scheraggio являлись болѣе многолюдными и богатыми, чѣмъ другія части города).

Слѣдствіемъ всего этого развитія должно было, несомнѣнно, явиться необыкновенное повышение цѣнности земли, особенно въ Oltr' Arno. Если мы сравнимъ относящіяся къ 1266 году оцѣнки, о которыхъ сообщаетъ намъ Del., 7, 203 и сл. стр., съ тѣми многочисленными примѣрами земельныхъ цѣнъ, о которыхъ сообщаетъ Frey, I. c., основываясь на документахъ о продажѣ, относящихъ къ 90-мъ годамъ XIII столѣтія,—мы, дѣйствительно, не можемъ тогда не признать необыкновенного повышенія цѣнности земли, происшедшаго за этотъ короткій промежутокъ времени. Слѣдовательно, счастливцы, владѣвшіе крупными комплексами земли, должны были сильно разбогатѣть отъ ея утилизации. Читатель видѣть куда я мѣчу: тѣ фамиліи изъ Oltr' Arno, богатства которыхъ въ XIV столѣтіи повергаютъ насть въ изумленіе, были главнымъ образомъ землевладѣльческими родами этой области, на которую, какъ мы видѣли, распространился теперь быстрый ростъ города. Этотъ фактъ уже и самъ по себѣ, при всей совокупности обстоятельствъ, является до чрезвычайности очевиднымъ для всякаго человѣка, безъ предвзятой мысли подходящаго къ дѣлу; но мы могли бы привести и документальная подтвержденія. Что всѣ названные фамиліи не были просто-напросто сбродомъ, что, напротивъ, они уже давно (во всякомъ случаѣ съ половины XIII столѣтія) принадлежали къ нотаблямъ городской части Oltr' Arno и, слѣдовательно, къ числу изстари поселившихся здѣсь родовъ,—это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что они часто упоминаются въ документахъ какъ поручители и т. под. Мы видимъ также, что почти всѣ они уже тогда титулуются какъ „Ser“, „Dominus“, „Messer“. Я сошлюсь на документы 1278 и 1280 г. (Del. degli Er. Tosc., 9, 50 и сл., 74 и сл., 103 и сл.); въ нихъ Моччи, Фрескобальди, Герарди, Чеки, Барди, Росси являются съ указанными сейчасъ титулами. Но мы знаемъ и нечто большее. Мы прямо знаемъ относительно многихъ изъ названныхъ сейчасъ фамилій, что въ половинѣ XIII столѣтія у нихъ были крупныя владѣнія въ Oltr' Arno. Мы знаемъ, что въ 1260—66 г. въ части Oltr' Arno было разрушено 7 „torri“ (Santini, въ „Arch. stor.“, IV ser., t. XX, стр. 28), и среди лицъ, получившихъ вознагражденіе, прямо упомянуты многія изъ только что названныхъ фамилій. У Барди перечислено не менѣе восьми различныхъ владѣній. Delizie, 7, 203 и сл. И это были старинныя владѣнія: уже въ 1112 году Барди могли пожертвовать церкви S-a Reparata различныя земли. Piton, „Les Lombards“, 61. Въ виду такихъ убѣдительныхъ свидѣтельствъ источниковъ, можно ли называть слишкомъ поспѣшнымъ такое заключеніе: для gente piuova, которая съ XIII столѣтія быстро поднимается среди флорентійскихъ родовъ въ вершину общественной лѣстницы и выходить главнымъ образомъ изъ Oltr' Arno,—для этой gente piuova основою ея богатствъ послужили огромныя выгоды, которая она могла извлекать изъ своего землевладѣнія, пользуясь необыкновеннымъ повышениемъ цѣнности земли. Рѣшительно безразлично, были ли это старинныя гуфы крестьянъ,—относительно Маскіатто Франчези Dino Compagni (Cron., ed. Del Lungo, 1, 1879 г., 207 стр.) говоритъ: „venuto su prima da condatino fiorentino a mercantante, poi in Francia da mercantante a cavaliere“ (сначала обратился изъ флорентійского горожанина въ купца, а затѣмъ во Франціи—изъ купца въ дворянину),—или же мы имѣемъ дѣло съ ловкой спекуляціей съ собственностью, уве-

нченою прикупками при благопріятныхъ услоўяхъ [намъ известно, что въ позднѣйшее время Барди въ широкомъ масштабѣ спекулировали землей: въ 1340 году они продали коммунѣ участки земли стоимостью въ 8750 flor. и въ 333 дивр. 17 сол. (флорентійской валюты). Urkunde № 96 въ dok. VII, у Frey.] Каково бы ни было происхожденіе землевладѣнія, базисомъ для богатства во всякомъ случаѣ послужила капитализированная и накопленная земельная рента.

Такимъ образомъ, исторія nuova gente во Флоренціи не только не говоритъ ни-
его противъ справедливости излѣженного здѣсь возврѣнія: посѣднее, наоборотъ, во
всѣхъ отношеніяхъ подтверждается этой исторіей.

Барди и Перуцци такъ же, какъ Гентилиссы и Вельсеры, не могутъ служить для
основанія общаго убѣжденія, будто „торговое сословіе поднималось“, начиная съ
рулицъ.

*

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Колониальное хозяйство.

„O monte Abyla e o nobre fundamento
„De Ceuta toma, e o torpe Mahometa
„Deita fóra“.

(Беретъ гору Абиль и благородный оплотъ Цеуты и ужаснаго Магомета.)

Luz de Camões, „Os Lusiadas“, Canto IV., 49.

„Мы толкуемъ о скрѣпленной кровью основѣ процвѣтанія Нового Орлеана или Гаваны: посмотримъ у себя дома. Что подняло Ливерпуль и Манчестеръ изъ провинциальныхъ городковъ до положенія исполнительныхъ городовъ? Что даже теперь поддерживаетъ ихъ энергичную промышленность и быстрое накопление богатства? Обмыть ихъ продукты на производствѣ, произведенные американскими рабами. Ихъ современное богатство въ такой же мѣрѣ проистекаетъ отъ труда и лишений негровъ, какъ если бы руки послѣднихъ сооружали ихъ доки и производили паровыя машины“.

H. Merivale, „Lectures on colonization and colonies“.

Если я посвящаю особую главу тому накоплению денежныхъ состояній, которое является слѣдствиемъ колониального хозяйства европейскихъ державъ, то я руководствуюсь слѣдующимъ соображеніемъ: хотя колониальное хозяйство не всегда создаетъ совершенно новые методы накопления, зато оно всегда въ достаточной мѣрѣ модифицируетъ уже существующія формы образования имущества и потому имѣеть право на особое разсмотрѣніе. Своеобразную печать колониальное хозяйство получаетъ прежде всего благодаря усиленію дѣйствія всѣхъ методовъ накопленія, при чмъ усиленіе это распространяется и въ ширь и вглубь. Колониальное хозяйство характеризуется тѣмъ, что здѣсь отпадаютъ всѣ границы въ присвоеніи произведенныхъ продуктовъ. Или, выражаясь яснѣ: внутреннее существо колониального хозяйства составляютъ ничѣмъ не прикрытыя эксплуатация и разграбленіе чужихъ странъ и народовъ, свободныя отъ всякихъ соображеній обѣ обычаяхъ и законѣ, которые на родинѣ все же кладутъ извѣстныя границы эксплуатации. Этимъ-то и обусловливается специфическое значеніе колониального хозяйства

для генезиса капитализма, возрастающее въ зависимости отъ большаго или меньшаго протяженія области эксплуатациі по сравненію съ размѣрами населенія въ предѣлахъ самого европейскаго государства. Въ общемъ, было бы трудно дать преувеличенную оцѣнку того значенія, какое разграбленіе чужихъ народовъ посредствомъ колоніальной политики получило для развитія капитализма.

Если Западная Европа пережила такое мощное развитіе капитализма, какъ, насколько мы знаемъ, ни одна страна раньше, объясненіе этого факта не въ малой степени лежитъ въ томъ обстоятельствѣ, что европейцы Запада въ большей мѣрѣ, чѣмъ какой-либо изъ прежнихъ народовъ, могли подчинить и подчищали себѣ чужие народы. Не слѣдуетъ забывать, что необходимой предпосылкой экономического развитія Западной Европы было разграбленіе трехъ частей свѣта; что только благосостояніе многочисленныхъ преуспѣвающихъ и богатыхъ народовъ Старого и Нового свѣта и дало тѣ средства, которыя вызвали къ жизни европейскій капитализмъ. Какъ богатство итальянскихъ городовъ было бы немыслимо безъ обнищанія остальныхъ странъ по Средиземному морю, такъ и расцвѣть Португаліи, Испаніи, Голландіи, Франціи, Англіи бытъ бы немыслимъ безъ предшествовавшаго уничтоженія арабской культуры, безъ разграбленія Африки, безъ обнищанія и опустошенія Южной Азіи и ея острововъ, плодородной Остѣ-Индіи и цвѣтущихъ государствъ инковъ и ацтековъ.

A. Различные методы разграбленія.

I. Колоніальная торговля.

Среди методовъ, которые послужили тому, чтобы перемести богатство чужихъ народовъ въ карманы западныхъ европейцевъ, мы на первомъ планѣ встрѣчаемъ первоначальнѣйшій изъ способовъ присвоенія, получившій извѣстность подъ названіемъ „торговля“ (commerce). При ближайшемъ взглядѣ на вещи, эта *soi disant* торговля представляетъ искусственный пріемъ, задача котораго заключается въ томъ, чтобы при помощи добровольной, по видимости, мѣновой торговли, а въ дѣйствительности посредствомъ обмана и силы отнять, если можно, безъ всякаго вознагражденія цѣнныя объекты у беззащитныхъ народностей. Пріемъ этотъ, конечно, примѣнялся съ тѣмъ большою выгодою, чѣмъ большій перевѣсъ силы оказывался на сторонѣ европейскаго государства. Въ теченіе среднихъ вѣковъ колоніальная торговля западно-европейцевъ замыкалась въ сравнительно тѣсныхъ границахъ. Народы, не способные оказать сопротивление какой бы то ни было эксплуатациі, жили тогда только въ русскомъ царствѣ; къ нему протянулись щупальца съ сѣвера ганзейцевъ, съ юга — генуэзцевъ. Напротивъ, между народами Востока и Западной Европы стояли торговцы-арабы, которые въ общемъ могли помѣряться съ европейскимъ торговцемъ какъ равносильная сторона. Въ теченіе тысячелѣтія арабы эксплуатировали восточные народы въ своихъ интересахъ и воспользовались богатствомъ Востока, какъ мощной опорой для своей блестящей культуры.

Поэтому вытѣсненіе арабовъ изъ посреднической позиціи между

востокомъ и западомъ получило рѣшающее значеніе для европейскаго запада. Это событіе, которое отмѣчаетъ границу между средней и новой исторіей, съ котораго мы по справедливости можемъ считать начало новаго отдѣла въ исторіи, было, какъ извѣстно, дѣломъ португальцевъ. Господство магометанъ въ Африкѣ и Остъ-Индіи было сломлено силой оружія: вытѣсненіе ихъ изъ Африки начинается завоеваніемъ Цеуты (Сеуты) (1415 г.) и завершается битвой при Аласерь Кебирѣ; завоеваніемъ Малакки (1511 г.) было уничтожено вліяніе арабовъ въ Индіи. Повсюду распространилась вѣсть о несокрушимой силѣ португальцевъ; со всѣхъ сторонъ, даже отъ королей Сіама и Пегу, приходили послы для заключенія союзовъ и торговыхъ договоровъ. Но впослѣдствіи отъ проницательного взора Альбукирка не укрылось и то обстоятельство, что необходимо напасть на арабовъ въ ихъ собственной землѣ, преградить имъ доступъ къ Красному и Персидскому морямъ, которыхъ служили связующими путями въ посреднической торговлѣ арабовъ, следовательно, поразить ихъ въ самое сердце. Этой цѣли служило завоеваніе Адена и Гормуса. Тогда дѣйствительно открылась новая эпоха въ исторіи культуры: къ Западной Европѣ окончательно перешло наслѣдіе царства ка-лифовъ. Познакомившись съ тѣми чудовищными надбавками, которыми арабы дѣлали къ цѣнамъ товаровъ, перепродавая послѣдніе дальше, мы сумѣемъ опѣнить все значеніе такого факта, какъ перемѣщеніе прибыли отъ арабской посреднической торговли въ европейскіе карманы ¹⁾. Одно дошедшее до нась вычисленіе, произведенное въ XVI вѣкѣ англійскими торговцами, показываетъ, что ость-индійские товары въ Лондонѣ стоили вдвое дешевле, чѣмъ въ Алеппо, и что цѣны товаровъ, закупленныхъ непосредственно въ Остъ-Индіи или получаемыхъ черезъ Алеппо, держались на такомъ уровнѣ ²⁾:

	Цѣны товаровъ въ Остъ-Индіи.	Цѣны въ Англіи при закупкѣ въ Алеппо.
1 фунтъ перцу	0 шил. $2\frac{1}{2}$ п.	0 шил. 20 п.
1 " гвоздики	0 " 9 " . . . 5 "	0 "
1 " мускатного орѣха	0 " 4 " . . . 3 "	0 "
1 " мускатного цвѣта	0 " 8 " . . . 6 "	0 "
1 " индиго.	1 " 2 " . . . 5 "	0 "
1 " шелка-сырца	2 " 0 " . . . 20 "	0 "

Итакъ, вытѣснивъ арабовъ съ востока, португальцы добрались прямо до беззащитныхъ народовъ; съ другой стороны, уже во второй половинѣ XV

1) Въ какой значительной степени базисомъ для богатства арабовъ послужила торговая эксплуатация африканскихъ и особенно азиатскихъ народностей, объ этомъ говорить всякое изложеніе истории арабовъ. Сравн. между прочимъ Stüwe, „Die Handelszüge der Araber unter den Abbassiden“ (1836), и особенно von Klemm, „Kulturgeschichte des Orients“, 2 (1877), 274 и сл., 189 (богатства купцовъ; состоянія въ 20—30 милл. франк.).

2) Сообщ. у H. Scherzer, „Allgem. Geschichte des Welthandels“, 2 (1853), 115. Согласно другому прѣскуранту, которымъ мы обязаны одному анонимному спутнику Васконе-Гамы, въ Александріи инбиръ стоилъ 11 крусадъ (дукатовъ) за квинталъ, а въ Калькуттѣ—20 крусадъ за баҳарь, который равняется 5 квинталамъ. Въ Александріи ладанъ стоилъ 2 крусады за квинталъ, а въ Меккѣ—ровно столько же за баҳарь. Roteiro da viagem em descobrimento da India (1838), 115. Цит. у O. Peschel, „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen“ (1858), 27.

столѣтія Португалія открыла для себя импозантную область эксплуатации на западномъ берегу Африки: теперь западно-европейскіе торговцы могли наброситься на совершенно новую, еще никѣмъ не тронутую часть свѣта. Но до всѣхъ этихъ вновь открытыхъ странъ можно было добраться только на корабляхъ, и это обстоятельство имѣть важное, рѣшающее значеніе. Открытие новыхъ странъ вообще знаменовало расширение области эксплуатации. Уже въ началѣ XVI столѣтія въ Лиссабонъ ежегодно приходило четыре саагаса, съ грузомъ пряностей въ общей сложности до 7.000 тоннъ; это была такая масса, которую въ теченіе среднихъ вѣковъ не легко было бы увидѣть за одинъ разъ, на одномъ мѣстѣ: напр., вѣсъ пряностей, проходившихъ черезъ общественные вѣсы Кельна (въ среднемъ выводъ за 1491—1495 годы), составлялъ лишь до 10 (!) тоннъ ¹⁾). Португалія же въ XVI столѣтіи одного только перца ввозила изъ Остѣ-Индіи до 200.000 центнеровъ ²⁾).

Уже достаточно часто описывалось, какимъ образомъ велась „торговля“ въ тѣ времена. Извѣстно безчисленное множество машинацій, при посредствѣ которыхъ удавалось выманивать у туземцевъ драгоценные товары и въ особенности золотой песокъ, слитки и деньги въ обмѣнъ на предметы, не имѣющіе рѣшительно никакой цѣнности, или же принуждать туземцевъ къ продажѣ по неѣроятнымъ цѣнамъ. Здѣсь не могло быть и рѣчи объ обмѣнѣ эквивалентовъ ни въ объективномъ, ни въ субъективномъ значеніи. Коррегидоръ навязывалъ индѣйцамъ европейскіе товары безъ всякаго соображенія съ существующими потребностями. Согласно Бодену, старые сапоги оцѣнивались въ такихъ случаяхъ въ 300 дукатовъ, испанская мантія въ 1.000 дукатовъ, 1 лошадь въ 4—5 тысячъ дукатовъ, 1 бочонокъ вина въ 200 дукатовъ. Несчастные туземцы часто получали такія вещи, обѣ употребленій которыхъ у нихъ не было ни малѣйшаго представленія. Они могли потомъ возражать противъ этого сколько угодно: „продавцы“ все равно отказывались принимать обратно что бы то ни было. Нерѣдко бывало такъ, что туземцы лишь съ трудомъ зарабатывали скучное прочитаніе для себя и своей семьи, и въ то же время они должны были ходить въ шелкѣ и бархатѣ и украшать зеркалами голыя стѣны своихъ полуразрушенныхъ хижинъ; имъ навязывали кружева, ленты, пуговицы, книги и тысячи другихъ бесполезныхъ вещей—и все это по самымъ бѣшенымъ цѣнамъ. Такое распределеніе предметовъ европейскаго ввоза въ испанской Америкѣ называли *ripertimientos* ³⁾.

Рассказываютъ, что компанія Гудсонова залива еще въ началѣ XVIII столѣтія продавала туземцамъ товары съ барышомъ въ 2.000% ⁴⁾). Португальцы зарабатывали на своемъ экспортѣ „обыкновенно 400%“ ⁵⁾.

¹⁾ Geering, въ „D. Mitteil. a. d. Stadtarchiv v. Kœln“ 11 (1887), 43.

²⁾ „Les états, empires et principautés de tout le monde“ (1615), 150, цат. у F. Saalfeld, „Gesch. d. portugies. Kolonialwesens in Ostindien“ (1810), 148.

³⁾ Сравн. описание у Scherzer, 225 и сл.; Волп, Spaniens Niedergang, 111; здѣсь указаны и источники. До сихъ поръ колониальное хозяйство не нашло научной разработки, которая соответствовала бы современнымъ требованиямъ.

⁴⁾ Roscher, Kolonien etc., 3 Aufl. (1885), 263.

⁵⁾ F. Saalfeld, „Geschichte des portugies. Kolonialwesens in Ostindien“ (1810), 147. Главный источникъ для Заальфельда: Ругард де ла Вал, „Voyage aux Indes orientales etc.“ 1679.

Не мене известны и тѣ смѣхоториыя цѣны, по которымъ „покупались“ у туземцевъ ихъ произведенія. Бахаръ гвоздики на Молуккскихъ островахъ стоилъ 1—2 дуката, на Малаккѣ за него приходилось платить уже 10—14 дукатовъ, а въ Калькуттѣ уже 50—60 скуди золотомъ ¹⁾). Голландская ость-индская компания покупала перецъ по $1\frac{1}{2}$ —3 штюбера за фунтъ, а продавала его въ Голландіи по 17 штюбера ²⁾). Португальцы въ Ост-Индіи платили отъ 3 до 5 дукатовъ за центнеръ перца, а въ Лиссабонѣ выручали за него 40 дукатовъ ³⁾). На 250.000 фунт. мускатного орѣха они получали барышъ почти въ 900 тысячъ флориновъ, на 10.000 фунт. мускатного цвѣта—550.000 флор., на 600.000 фун. корицы—3.450.000 флор. ⁴⁾). Въ 1663 году пять кораблей доставили въ Голландію грузъ, который при закупкѣ стоилъ 600.000 флор., а при продажѣ было выручено 2.000.000 флор., въ 1697 году цѣна при покупкѣ 5 милл., при продажѣ 20 милл. флор. ⁵⁾). На Цейлонѣ прибыль голландской ость-индской компании, получавшейся отъ разныхъ статей торговли, которая ввозилась туда и вывозилась оттуда, составляла: въ 1764 г. въ среднемъ выводѣ—142%, въ 1783 г. въ среднемъ выводѣ—145 $\frac{1}{8}\%$. Въ Суратѣ и Малабарѣ въ 1764 г. полученъ средний барышъ въ 176 $\frac{3}{4}\%$, на Малаккѣ въ 1647 г. средний барышъ въ 52 $\frac{1}{2}\%$, въ 1784 г.—40 $\frac{1}{2}\%$ ⁶⁾.

Тотъ способъ, какимъ торговля исполняла свою известную культурную миссию, лучше всего характеризуется встроениемъ, порожденнымъ ею въ туземцахъ. Мы наблюдаемъ, что новоюду, какъ основное настроение, проявляется отчаяніе или же ярость то или другое,—въ зависимости отъ расовыхъ свойствъ. Обитатели Молуккскихъ острововъ отчасти сами уничтожали пряные деревья ⁷⁾), которыхъ представлялись имъ причиной ихъ тяжкихъ страданій. Крѣпости должны были охранять „торговцевъ“ отъ мести туземцевъ. „Если забывали запереть вечеромъ ворота укрѣплений, иначе въ нихъ вторгались и избивали своихъ купцовъ, можетъ быть, тѣ самые индѣйцы, съ которыми купцы въ теченіе дня вели „мирную торговлю“. Этотъ пейзажикъ, относящийся къ „торговой области“ компании Гудсонова залива ⁸⁾, повторяется

1) Odoardo Barbosa, у Ramusio, „Delle navigationi“, I (1563), 323 и сл. О такихъ же покупкахъ, произведенныхъ во чистожилыхъ цѣнамъ на островѣ Жиголо, рассказывается Акт. Пигафетта: бахаръ гвоздики покупали за 10 локтей хорошей или за 15 локтей плохой матеріи, или за 35 стеклянныхъ стакановъ и т. д. Viaggio di A. P. attorno al mondo, у Ramusio, 1, 366 В.

2) Saalfeld, „Geschichte des holländischen Kolonialwesens in Ostindien“ I (1812), 258.

3) F. Saalfeld, „Geschichte des portugies. Kolonialwesens“, 148. По даннымъ изъ „Les états, empires et principautés de tout le monde“ (1615), 150.

4) Saalfeld, I, 282, 290; тамъ же имѣются и многочисленныя другія вычисления цѣнъ; большинство изъ нихъ относится, впрочемъ, къ концу XVIII столѣтія. Можно думать, что на первыхъ ступеняхъ индѣйской торговли различія между цѣнами покупки и продажи были несравненно значительнѣе.

5) Lüders, „Geschichte des holländischen Handels“, цит. у Scherzer, 2, 301—2.

6) H. Boekemeyer, „Die Molukken“ (1888), 278.

7) Scherzer 2, 170.

8) Сравн. Roscher, „Kolonien“, 3, 267. Въ особенности переполнены терминами были, конечно, стези пионеровъ, каковыми на Востокѣ являются португальцы. Сравн. F. Saalfeld, „Gesch. des portugiesischen Kolonialwesens in Ostindien“ (1810). Очень обстоятельное

ряется, несомнѣнно, во всѣхъ областяхъ колоніальной торговли на первыхъ ступеняхъ ея развитія. Да и къ чему бы иначе требовалось военное снаряженіе для рѣшительно всѣхъ крупныхъ торговыхъ компаний?

Однако все это слишкомъ извѣстныя вещи, настолько извѣстныя, что иѣтъ нужды дольше останавливаться на ихъ описаніи. Минѣ необходимо было только еще разъ показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, что примитивная колоніальная торговля была просто-напросто замаскированнымъ ограбленіемъ беззащитныхъ народовъ, и что она лишь немногимъ отличается отъ многочисленныхъ формъ прямой эксплуатациіи колоніальныхъ областей, отъ тѣхъ формъ, рѣчь о которыхъ идетъ ниже.

II. Принужденіе къ производству.

Что среди формъ прямой эксплуатациіи первое мѣсто занимаетъ принудительный трудъ—это фактъ общеизвѣстный: западно-европейское колоніальное хозяйство, а слѣдовательно, и западно-европейское богатство вообще, построено на такомъ базисѣ, какъ безвозмездное присвоеніе колоссальной массы продуктовъ вынужденного труда. Безразлично при этомъ, какую именно форму принялъ принудительный трудъ въ томъ или другомъ частномъ случаѣ: является ли онъ въ формѣ просто насильственного захвата доли продукта, или въ формѣ принужденія къ труду людей, свободныхъ въ другихъ отношеніяхъ, или же выступаетъ передъ нами, какъ совершенное рабство. Формы измѣняются, суть остается одна и та же: въ Левантѣ (на востокѣ, главнымъ образомъ, въ Малой Азіи) то же самое, что на индійскомъ архипелагѣ, въ Африкѣ то же, что въ Вестъ-Індіи и на континентѣ Америки.

Коммуны Италіи во всѣхъ отношеніяхъ являются пionерами современного колоніального хозяйства; то, что въ XVI столѣтіи создали португальцы, испанцы и голландцы, было въ дѣйствительности просто перенесеніемъ принциповъ, примѣнявшихся въ итальянско-левантскихъ колоніяхъ, на болѣе широкія отношенія. Поэтому всякое описание современной колоніальной системы должно бы съ особеною обстоятельностью трактовать о колоніальномъ творчествѣ итальянцевъ по Средиземному морю; однако выдающееся значение этого творчества для современного капиталистического развитія, конечно, до сихъ поръ еще ни разу не находило надлежащей оцѣнки¹⁾. Послѣдующее

описание борьбы португальцевъ въ Остъ-Індіи недавно далъ Н. Вокемеуг, „Die Molukken“, 45—79. Изъ болѣе старыхъ описаний слѣдуетъ обратиться еще къ de Veer, „Heinrich der Seefahrer“ (1864), 86 и сл. Конечно, общее изложеніе вещей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, можно найти въ каждой изъ извѣстныхъ работъ по истории эпохи открытій; чтобы ориентироваться въ предметѣ хотя бы въ общихъ чертахъ, лучше всего можетъ служить Sophus Ruge, „Gesch. des Zeitalters der Entdeckungen“, 1881.

1) Въ работахъ, которые ехъ professo трактуютъ исторію современной колонізациіи, обыкновенно вообще ни однімъ словомъ не упоминается о левантскихъ колоніяхъ итальянцевъ. Ни Рашеръ не говоритъ о нихъ, ни Мериваль не упоминаетъ о нихъ въ своихъ „Lectures on colonization and colonies“ (2 Vol., 1841, 42), работѣ, которая до настоящаго времени остается лучшимъ теоретическимъ изслѣдованіемъ о колоніальномъ хозяйстве. Не нашли себѣ мѣста эти колоніи и въ нашемъ теперь общемъ очеркѣ европейской колони-

изложение не можетъ заполнить такого пробѣла. Съ меня будетъ достаточно, если я рѣшительно выясню то обстоятельство, что отношенія Италии и Леванта въ средніе вѣка имѣли колоніально-хозяйственный характеръ.

Систематическая эксплуатациѣ народовъ по Средиземному морю при помощи принудительного труда образуетъ тотъ фундаментъ, на которомъ возвышается могущество Венеции и Генуи; на ряду съ ними маленькая „левантская торговля“ является *quantit  n gl ig able*. Заслуживаетъ живѣйшаго сожалѣнія тотъ фактъ, что въ основательнѣйшемъ описании средневѣковыхъ отношеній Италии къ Леванту, сѣланномъ рукою выдающагося ученаго, совершенно извращено дѣйствительное соотношеніе вещей: колоніальная пріянтія постоянно изображаются такимъ образомъ, какъ будто это было простой придатокъ къ „торговлѣ“, между тѣмъ какъ они составляли самое ядро дѣятельности итальянцевъ въ Леванте. Напротивъ, самыя колоніальные пріянтія, если о нихъ упоминается въ той же работе, описываются такъ, какъ будто все дѣло исчерпывалось устройствомъ „контроль“, между тѣмъ какъ въ дѣятельности это было колоніальное царство въ полномъ значеніи этого слова.

Что касается государствъ крестоносцевъ, они еще не были колоніями въ современномъ значеніи слова; но зато они впервые открывали для итальянскихъ городовъ возможность вѣбраться въ поры чуждой народности и заложить такимъ образомъ базисъ для позднѣйшаго колоніального хозяйства. Извѣстно, что буржуазные элементы изъ итальянскихъ коммунъ съ самаго начала крестовыхъ походовъ въ большомъ количествѣ сопровождали полчища крестоносцевъ, какъ коршуны, которые высѣживаютъ добычу; извѣстно также, что эти люди, лично ли или какъ представители своего государства, съ самаго начала сумѣли сдѣлаться необходимыми для крестоносцевъ и потому рано получили богатую долю завоеванныхъ областей Палестины. Изъ городовъ Арсуфа, Цезареи и Аккона, завоеванныхъ въ 1101 и 1104 годахъ, Генуя получила по трети каждого и по третьей же долѣ окружающихъ областей. За Генуей послѣдовали Пиза и Венеция; послѣднія принимала участіе въ борьбѣ съ 1100 года, и въ томъ же году заставила крестоносцевъ выдѣлить ей третью богатаго Сидона, а въ 1123 году третью часть Тира¹⁾. Къ городамъ Палестины всегда причислялась обширная область; одни только венецианцы, напр., въ окрестностяхъ Тира владѣли приблизительно 80-ю помѣстьями²⁾.

Съ этого времени всѣ помыслы и стремленія большихъ, главенствующихъ городскихъ общинъ Италии были направлены на расширение ихъ колоніальныхъ владѣній въ области Средиземного моря. И вотъ, дѣйствительно,

запіи, въ книгѣ R. Leroy-Beaulieu, „De la colonisation chez les peuples modernes“, 4-е ed. 1891; описание ихъ, повидимому, не входитъ въ планъ и обширной работы A. Zimmette грамп'a, „Die europ. Kolon.“, T. I, Португалия и Испанія, 1896, томы II и III, Великобританія, 1898—99. Съ книгою Непту C. Moggis, „The history of colonization from the earliest times“, 2 Vol., New-York, 1900, къ сожалѣнію, я не могъ познакомиться свое-временно, такъ какъ въ Европѣ ея нельзя было достать.

1) H. Prutz, „Kulturgeschichte der Kreuzzige“, стр. 377 и сл.

2) H. Prutz, l. c. 390 стр. Heyd, 1, 170 и сл.

возникли колоніальныя царства настолько могущественныя (конечно, по сравнению съ размѣрами метрополії), что всемірная история, несмотря на Римъ и Англію, не знаетъ другого такого примѣра.

Колоніальныя владѣнія Венециі, какъ извѣстно, получили внезапное, мощное расширение благодаря раздѣлу византійской имперіи, при чёмъ городъ лагунъ получилъ три восьмыхъ колоссальной территории византійцевъ¹⁾. Въ его владѣніе перешли такія земли, какъ Эпиръ, Акарнанія, Этолія, Іоніческіе острова, Пелопонесъ, острова Архипелага, расположенные къ югу и западу²⁾, некоторые города по Дарданельскому проливу и Мраморному морю, фракійскіе внутренніе города, какъ Адрианополь и др., Пера, пригородъ Константина, Кандія (Критъ), а въ непродолжительномъ времени и Кипръ, получившій потомъ особенно выдающееся значеніе. Въ ходѣ столѣтій эта безмѣрная территорія постоянно округлялась пріобрѣтеніями въ Арmenіи, по Черному морю и т. д.

Но здѣсь господство Венециі встрѣтилось съ самымъ опаснымъ соперникомъ: съ Генуей³⁾. Въ Крыму, равно какъ и на континентѣ, у генуэзцевъ было обширное землевладѣніе. Центромъ ихъ колоніи по Черному морю была Каффа, въ которой они господствовали съ 1266 года. Говорятъ, будто въ XIV столѣтіи этотъ городъ насчитывалъ 100.000 жителей. Въ рукахъ генуэзцевъ были, кроме того, приносившіе богатые доходы острова Хіосъ, Самосъ, Никарія, Эніусса, Санта Панагія, части Кипра (Фамагуста), Корсика (до 1768 г.) и Сардинія (послѣдняя была потомъ отнята у Генуи арагонскимъ королевствомъ), владѣнія въ Испаніи, въ Греціи⁴⁾, на берегахъ Арmenіи, въ Сиріи и въ Палестинѣ.

По сравненію съ колоніальными царствами Венециі и Генуи, колоніи другихъ итальянскихъ городовъ представляются ничтожными. Однако, колоніальныя владѣнія Пизы⁵⁾ и Флоренціи⁶⁾ по существу тоже не были незначительными. Оба города съ XII столѣтія проникли въ Сирію и Пале-

1) „Vint à la part de Venise la quarte part et la moitié de la quarte part de tout l'empire de Romaine“ (на долю Венециі приходилась четвертая часть и половина четвертой частіи всей Римской имперіи). Le livre de la Conqueste. Ed. Buchon (1845), 21. Точные данные см. у J. A. C. Buchon, „Recherches et matériaux pour servir à une histoire de la domination française au XIII, XIV et XV sc. dans les provinces démembrées de l'empire grec.“, 1 (1851), 13 и сл. Самые документы отпечатаны у Thomas u. Tafel, 1, 452 и сл.

2) Здѣсь до 1372 г. господствовали Sanudos, которые называли себя ducs des douze îles; ихъ потомъ смѣнили Crispo. Buchon, 352 и сл., 357 и сл. Это событие получило название „conquête de familles“.

3) Нѣкоторое знакомство съ колоніальными владѣніями Генуи даютъ Heuck, „Genua und seine Marine“ (1886), 154; Sieveking, „Genues. Finanzwesen“ 1, 178 и сл.; 2, 102; Cibrario, „Ec. pol.“, 32, 280 (который цитируетъ Ms. Semino, „Mem. stor. sul commercio de Genovesi dal sec. X al XV“), и, конечно, Heud.

4) О греческихъ владѣніяхъ генуэзской фамиліи Gentarioni см. Buchon, I. c. 304 и сл.

5) A. Maini, „I Pisani alle prime crociate“ (1893), докт. у Tonioolo, „L'economia di credito e le origini del capitalismo nella rep. fiorent.“, въ „Riv. intern.“, 8, 37 и сл.

6) Tonioolo, I. c. Davidsohn, „Gesch. von Florenz“, I, 282. Ida Masetti-Bencini, „F. e le isole della Capraia e della Pianosa“, въ „Arch. stor. Ital.“ ser. V, t. XIX (1897), стр. 110 и сл.

стину; Пиза въ раннее время встала твердой ногой на африканскомъ берегу, а въ Греціи съ давнихъ поръ доминировали флорентійскія фамиліи ¹⁾.

Въ высшей степени ошибочно было бы предполагать, будто всѣ эти колоніальныя владѣнія служили для итальянскихъ городовъ исключительно только „опорными пунктами“ для ихъ торговли. Во многихъ случаяхъ это были, дѣйствительно, лишь цитадели, которыя устраивались во враждебной странѣ, чтобы пробудить въ ея обитателяхъ симпатію къ *deux commerce* (къ „прелестямъ торговли“). Но главное все же было не въ томъ, а въ утилизації подчиненныхъ областей съ цѣлями производства продуктовъ, такъ и промышленныхъ произведеній.

Когда западно-европейцы впервые вступали въ страну, чтобы заняться высыпываніемъ ея, она шоходила на садъ. Палестина и Сирія, которая половину тысячелѣтія пользовались благодѣніями укрѣшившейся тамъ арабской культуры, расцвѣли въ истинный рай. Современники крестоносцевъ не находили словъ, чтобы изобразить изобиліе и богатство этой страны. И при томъ — походу образцовая земледѣльческая культура. Въ садахъ, особенно въ подобныхъ раю окрестностяхъ Триполи и Тира, въ изобиліи произрастали южные фрукты: лимоны, апельсины, смоковницы, миндаль. Бездѣ производилось вино и оливковое масло; дальше, занимались воздѣлываніемъ сахарного тростника и хлопчатника, разводили шелковичныхъ червей, культивировали индиго и красильную марену. А въ горахъ шумѣли лѣса изъ лимонныхъ и кипарисныхъ деревьевъ и пасли свои стада кочевые арабы ²⁾.

Такое же изобиліе и на материкѣ Малой Азіи и прежде всего — на островахъ Эгейскаго моря ³⁾; всѣ они еще поражали своимъ плодородiemъ, когда итальянцы взялись здѣсь за свою работу. Жемчужинами среди нихъ были Кипръ, Критъ и Хіосъ, — послѣдній знаменитый по богатству мастичными деревьями, но богатый также виномъ, оливковыми и туловыми деревьями, смоковницами и т. д. Что касается Кипра, онъ доставлялъ соль, вино, хлопокъ, индиго, лавдановую смолу, колоквины и прежде всего сахаръ. На большинствѣ этихъ острововъ не только воздѣлывали въ плантаціяхъ большія количества сахарного тростника, но тамъ же добывали изъ него и сахаръ. Въ области Лимиссо венеціанская фамилія Корнаро владѣла обширной и доходной сахарной плантаціей, которую *Ghistele* называетъ истин-

1) Въ XIV столѣтіи фамилія Acciauoli получаетъ званіе герцоговъ аенискихъ. Въ *chon.*, 346 и сл.

2) Сравн. описание у Heyd, 1, 195 и сл.; Prutz, 315 и сл. Кроме того Вейгнот, „Mémoire sur le régime des terres dans les principautés fondées en Syrie par les Frans“ (Bibliothèque de l’École des chartes, 3 série, t. 5. 1854. 258 и сл.), и А. von Кремегер, „Kulturgeschichte des Orients“ 2 (1877), 320 и сл. Недавно даже сводка суждений поэтомъ того времени: Emil Dreesbach, „Der Orient in der alter französ. Kreuzzugsliteratur“. Bresl. Diss.; 1901, стр. 24 и сл., 49 и сл.

3) Кроме Heyd’s (особенно приложение I), сравн. статью „Giustiniani“, у Ersch и Gruber. Изъ новѣйшей литературы Е. Gerland, „Kreta als venetianische Kolonie“, въ „Historisches Jahrbuch“ 20 (1899), 1 и сл. Герхандъ руководствуется главнымъ образомъ Н. Noiret, „Docum. inédits pour servir à l’histoire de la domination vénétienne à Crète“ (Bibliothèque des écoles françaises d’Athènes et de Rome, fasc. 21, 1892).

ной житницей сахара для цѣлаго Кипра: въ то время, когда итальянецъ Ка-
сола посѣтилъ это имѣніе (1494 г.), въ немъ приготовленіемъ сахара было
занято 400 человѣкъ.

Но что придавало итальянскимъ владѣніямъ въ особенности высокую
цѣнность, такъ прежде всего то обстоятельство, что населеніе здѣсь повсюду
уже обладало значительною степенью промышленаго искусства; это откры-
вало возможность организовать въ широкихъ размѣрахъ всевоз-
можныя производства. Среди нихъ выдаются шелковыя ману-
фактуры. Онѣ процвѣтали въ Антиохіи, Триполи и Тирѣ. Одна рецензія,
въ которой для насы сохранилось данное Бурхардомъ описание Святой земли,
опредѣляетъ число шелко- и камллото-ткачей въ Триполи въ 4.000 человѣкъ
и даже больше. Тиръ производилъ главнымъ образомъ дорогую бѣлую парчу,
которая вывозилась въ далекія страны ¹⁾). Однако и на другихъ островахъ,
почти на всѣхъ, итальянцы встрѣтили процвѣтающую шелковую промышлен-
ность или же сами устроили шелковыя мануфактуры, какъ было въ Сициліи
и Морѣ. Кромѣ шелковой промышленности, въ этихъ владѣніяхъ существова-
ла хлопчато-бумажная промышленность, напр., въ Арменіи ²⁾), стеклодѣлательная и гончарная, напр., въ Сиріи ³⁾, и др. Нако-
нецъ, высокіе доходы давали рудники, особенно рудники квасцовъ,
разрабатывавшіеся главнымъ образомъ на полуостровѣ Фокея. Здѣсь страну
въ теченіе многихъ поколѣй эксплуатировалъ генуэзскій домъ Zaccaria.
Ман. Zaccaria (умеръ въ 1288 г.) добываніемъ квасцовъ пріобрѣлъ богатства,
„которые не поддаются оцѣнкѣ“). Для иллюстраціи укажемъ, что въ 1298 г.
650 центнеровъ квасцовъ было продано за 1.300.000 лиръ ⁴⁾), между тѣмъ
какъ ежегодная добыча составляла среднимъ числомъ 14.000 центнеровъ ⁵⁾.

Какой же строй хозяйства быть усвоенъ итальянцами, чтобы из-
влечь разнообразнѣйшія сокровища? Поставивъ этотъ вопросъ, мы встрѣ-
чаемся съ поразительнымъ фактомъ: этотъ строй хозяйства первоначально
быть не что иное, какъ феодальная система, перенесенная пришельцами на
новую область; въ этомъ случаѣ, конечно, сказалось прежде всего вліяніе
крестоносцевъ, которое на первыхъ ступеняхъ колонизаціи повсюду чувство-
валось въ Левантѣ. Дѣло большою частью сводилось къ простой смѣнѣ го-
сподъ: какъ въ царствахъ, перешедшихъ подъ владычество турокъ, такъ и
въ прежнихъ византійскихъ земляхъ господствовалъ феодальный режимъ,
больѣе или менѣе родственный западно-европейскому ⁶⁾). Но что въ особенности
любопытно, такъ это слѣдующее: идея феодальной зависимости, которая
нашли самое яркое выраженіе въ вассальныхъ отношеніяхъ, расширила сферу

¹⁾ Heyd, I, 197.

²⁾ A d. Beer. „Allg. Gesch. des Welthandels“, I (1860), 188—89.

³⁾ Heyd, I, 197.

⁴⁾ Art. Giustiniani, у Ersch und Gruber, стр. 310.

⁵⁾ Pegolotti, I. c., стр. 370.

⁶⁾ „Quands les Turcs eurent été complètement expulsés de la Syrie, ce pays se trouva dans toute son étendue soumise comme un royaume d'Europe, au régime féodal“ (Когда турки были вполне изгнаны изъ Сиріи, эта страна оказалась на всемъ своемъ пространствѣ подчиненной феодальному строю, какъ европейское государство). Eugnot, I. c. 4, 42.

своего обычного дѣйствія и нашли примѣненіе къ совершенно гетерогеннымъ отношеніямъ. Когда итальянскимъ купцамъ предоставили земли и за то возложили на нихъ обязательство выходить на войну¹⁾, уже это выглядело довольно-таки странно; но феодализмъ совсѣмъ превратился въ карикатуру феодализма, когда на такихъ же основаніяхъ начали раздавать въ ленное владѣніе и города. И однако та форма, въ которой новые господа получали территоріи во владѣніе, напр., въ Сиріи и Палестинѣ,—дѣйствительно представляла не что иное, какъ модифицированное надѣленіе ленами.

Напримѣръ, генуэзцамъ и венеціанцамъ было предоставлено по „одной трети“ Триполи и Аккона со всѣми жителями, домами, садами, людьми и животными,—совершенно такъ же, какъ франкскими рыцарями въ свое время были предоставлены земельная владѣнія со всѣми людьми, жившими въ нихъ. То, что тремя столѣтіями позже испанцы ввели въ Америкѣ подъ видомъ такъ называемой энкоміенды,—это самое уже давнимъ-давно было формою заселенія въ левантскихъ колоніяхъ; и форма эта по своему духу была не что иное, какъ надѣленіе ленами. Но, конечно, въ ходѣ развитія „безумнѣмъ разумное стало“. Въ основе феодального устройства лежала идея военной службы; здѣсь же, въ Левантѣ, эта идея улетѣчилась безъ слѣда. На шелкоткачей, которые достались венеціанцамъ въ ихъ трети Триполи, уже невозможнѣ было смотрѣть какъ на вассаловъ, которые обязаны были являться вооруженные по зову господь; они служили, напротивъ, цѣлямъ совершенно другого порядка. На нихъ здѣсь смотрѣли прежде всего какъ на объекты для извлеченія прибыли. Содержаніе отношеній между господами и вассалами измѣнилось, хотя форма осталась прежняя. Это могло бы служить школьнымъ примѣромъ того, какъ новые принципы хозяйства въ теченіе долгаго времени пользуются старыми формами хозяйства, пока наконецъ они не создадутъ новыхъ формъ по своему образу и подобию.

Итакъ, можно смѣло сказать, что энкоміенда была господствующей формой колоніального хозяйства въ Левантѣ; или, употребляя болѣе привычныя для настѣнѣ выраженія, такой формой было ленное владѣніе,—безразлично, надѣлялись ли имъ отдельные лица или же сравнительно большие союзы, колонизаторскія общества. Изъ такихъ колонизаторскихъ обществъ—примѣромъ ихъ можетъ служить для настѣнѣ генуэзская маона²⁾—развилась впослѣд-

1) Такъ было на Критѣ. Сравн. Noiget, I. c., и введеніе къ этой книжѣ, написанное А. Найдесонгомъ.

2) Знаменитѣйшая маона—хіосская; она возникла въ 1347 г., слѣдующимъ образомъ: флотъ, снаряженный мореплавателями, частными лицами, для другихъ цѣлей, завоевалъ Хіосъ. Возвратившись, они, согласно условію, потребовали отъ правительства вознагражденіе въ 203.000 диръ. Такъ какъ правительство не могло уплатить такой суммы, 26 февраля 1347 года долгъ былъ превращенъ въ Сотрега или Maona Chii. Для обезпеченія долга и процентовъ кредиторы получили въ ленное владѣніе Хіосъ и Фокею. Въ теченіе двухъ столѣтій постѣ того маонѣ принадлежало dominium utile по отношенію не только къ Хіосу и Фокею, но и къ островамъ Самосу, Никею, Энусею и Санта Панагію; кромѣ того, ей долгое время принадлежала монополія торговли мастичнымъ деревомъ съ Хіоса и квасцами изъ Фокеи. См. статью Giustiniani, I. c., 316 и сл., 327 и сл. Goldschmidt, „Universalgeschichte“ 295, называетъ хіосскую маону „древнѣйшимъ акціонернымъ союзомъ“. Въ 1374 году основана кипрская маона, въ 1403 г.—новая кипрская маона; въ 1378 году одной маонѣ передана Корсика. Sieveking, I, 178.

ствія большая привилегированная индійская компанія XVI и XVII столѣтія, которая, съдовательно, была просто подражаніемъ стариннымъ созданіямъ итальянцевъ. Само собой разумѣется, что первоначальная форма леніаго владѣнія въ ходѣ столѣтій претерпѣла многія измѣненія. Постепенно утратилась всякая связь съ феодальнымъ строемъ, и энкоміenda въ концѣ-концовъ сдѣлалась просто формою монополізаціи или формою извѣстныхъ привилегій по отношенію къ опредѣленнымъ отраслямъ производства. Прежнія леніага отношенія превращаются въ регальныя отношенія (государственные регалии на опредѣленные отрасли производства), а изъ стараго феодальнаго государства въ ряду незамѣтныхъ переходовъ, какъ бабочка изъ гусеницы, развивается современное меркантильное государство¹⁾.

Что при всѣхъ такихъ измѣненіяхъ характеръ труда оставался по существу одинъ и тотъ же — это понятно почти само по себѣ. Феодъ или регалия: рабочій и въ томъ и въ другомъ случаѣ былъ лишень права само-опредѣленія, быть несвободенъ. Отношенія, въ которыхъ былъ поставленъ трудъ, въ одномъ случаѣ можно бы назвать половничествомъ, въ другомъ — крѣпостной зависимостью, въ третьемъ — ничѣмъ не прикрашеннымъ рабствомъ: для экономического эффекта это не имѣть значенія оно оставался одинъ и тотъ же. Важно лишь то обстоятельство, что итальянскія коммуны, пока у нихъ были колоніи, заставляли ихъ населеніе безвозмездно работать на себя. Только въ этомъ и лежитъ ключъ къ нѣкоторому объясненію такого факта, какъ быстрый ростъ богатства въ итальянскихъ городахъ среднихъ вѣковъ.

Мы приведемъ сейчасъ нѣкоторые доводы въ пользу своихъ утвержденій. Въ деревнѣ тѣхъ областей, которыя раньше находились подъ арабскимъ или турецкимъ владычествомъ, западно-европейцы встрѣтили полу-крѣпостное населеніе, обязанное къ отбыванію оброковъ и барщинъ, въ теченіе ряда столѣтій пребывавшее въ отношеніяхъ зависимости. Всѣ дошедшія до насъ сообщенія о тактикѣ новыхъ господъ заставляютъ думать, что положеніе крестьянъ при франко-итальянскомъ господствѣ скорѣе ухудшилось, чѣмъ улучшилось. „Черта безчеловѣчной суровости характеризуетъ французскія учрежденія въ этой области; едва ли можно привести другой примѣръ такого безпощаднаго примѣненія суроваго права завоеванія, которое распространялось побѣдителями не только на побѣжденныхъ враговъ, но и на единовѣр-

¹⁾ Исторія управления венецианскими колоніями уже въ XV столѣтіи даетъ многочисленные примѣры надѣлекъ привилегіями, имѣвшими совершенно современный характеръ. 16 марта 1429 года Петру Квирино предоставлено на десять лѣтъ исключительное право на добываніе квасцовъ на островѣ Критѣ. *Noiret*, „Doc. inéd.“, 327—28; 20 июня 1465 г.—Николао Женусу такое же исключительное право на закладку мѣдныхъ, серебряныхъ и золотыхъ рудниковъ, *Noiret*, 495—96; 3 апреля 1480 года—такое же право на добываніе селитры, при чѣмъ открыть кредитъ въ 300 дукатовъ, *ib.*, 547; 16 марта 1445 года продаются съ торговъ монополія на добываніе квасцовъ въ теченіе десяти лѣтъ; *ib.*, 410. 31 июля 1442 года Фомѣ Квирину и его сокомпанѣямъ предоставлены привилегія на ввозъ мастичного дерева на островъ Критѣ; тогда же ему даровано на 20 лѣтъ исключительное право на воздѣлываніе мастичныхъ деревьевъ, *ibid.*, 402; 24 июля 1428 года за Маркомъ Заново признано на десять лѣтъ исключительное право на воздѣлываніе сахарного тростника на островѣ Кратѣ, *ibid.*, 324—25, и т. д.

цевъ... Поэтому по всей справедливости приходится признать, что почти все сельское население мѣстностей, занятыхъ франками, попало просто-напросто въ рабство¹⁾.

О территоріяхъ Византійской имперіи, занятыхъ итальянцами, слѣдуетъ сказать то же, что и о земляхъ, находившихся прежде подъ арабско-турецкимъ владычествомъ: итальянцы, вступившіе на мѣсто прежнихъ господъ, и здѣсь получили въ свое распоряженіе сильно обремененное оброками и барщинами крестьянство, большую частью прикрепленное къ землѣ, и, несомнѣнно, лучше своихъ предшественниковъ умѣли выжимать изъ него соки²⁾. Такой взглядъ находитъ себѣ подтвержденіе всякой разъ, когда источники болѣе подробно говорятъ объ обстоятельствахъ разселенія въ земляхъ, занятыхъ итальянцами. Такъ, у насъ имѣются подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ итальянцы обосновывались на Критѣ. Послѣ первого же возстанія критянъ имущества „бунтовщиковъ“ были разомъ подвергнуты систематической „конфискаціи“ и потомъ ~~переданы~~ венеціанскимъ нобилямъ. Помѣстя со всѣмъ инвентаремъ „скота и рабовъ“ перешли въ руки венеціанскихъ колонистовъ. Каждому колонисту для обработки его земли было предоставлено по 25 „villani“ (т. е., несомнѣнно, крѣпостныхъ), какъ первая порція³⁾. На Xioсѣ рагоїкоi (villani) были крѣпостными маоны или отдѣльныхъ ея членовъ. Положеніе ихъ было такое тяжелое, что многіе пытались найти спасеніе въ бѣгствѣ съ Xioса⁴⁾.

Я не могъ съ полною ясностью отвѣтить на вопросъ, каковы были тѣ юридическія отношенія, въ которыхъ находилось въ городахъ промышленное населеніе до прибытія итальянцевъ или въ которыхъ оно попало въ позднѣйшее время. Однако, судя по всему, что намъ извѣстно о составѣ и организациіи населенія⁵⁾, позолительно, кажется мнѣ, притти къ тому выводу, что большая часть населенія находилась въ господствующимъ классамъ въ отношеніяхъ, близкихъ къ отношеніямъ рабства, и во всякомъ случаѣ должна была отбывать тяжелые оброки и баршины. Если бы этого не было, т.-е. если бы господинъ города не извлекалъ изъ гражданъ никакихъ выгодъ, тогда не имѣло бы никакого смысла брать во владѣніе цѣлыхъ части

1) Prutz, „Kulturgeschichte“, 327. Въ согласіи съ этимъ Венгют, I. с., замѣчаетъ: „Le servage sous les Francs ne paraît avoir eu d'autre règle que la volonté absolue, illimitée des propriétaires“ (единственнымъ правиломъ крѣпостного права подъ властью франковъ была безусловная и безгранична воля господь). Мы видимъ, что въ 160 деревняхъ, принадлежавшихъ тамплерамъ въ округѣ Сафеда, работало не менѣе 11.000 рабовъ. Prutz, I. с. Формула даренія была такова: „передаются... всѣ права и собственность на мужчинъ, женщинъ и дѣтей“. Сравн. H. Prutz, „Die Besitzungen des deutschen Ordens im heiligen Lande“ (1877), 60.

2) Мы располагаемъ хорошимъ матеріаломъ относительно многоразличныхъ градаций крѣпостныхъ отношеній въ Восточной Римской имперіи. Но въ настоящее время мы можемъ считать несомнѣннымъ, что въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ въ Византійской имперіи существовало и настоящее рабство. Otto Langer, „Sklaverei in Europa während der letzten Jahrhunderte des Mittelalters“ (1891), 8—10.

3) Noiret, I. с., и, кромѣ того, A. Haudecour, введеніе.

4) Ст. Giustiniani, I. с., стр. 338 и сл.

5) Von Kremer, „Kulturgeschichte“, 2, 152 и сл. Въ царствѣ калифовъ большая часть городского населения состояла изъ рабовъ.

города; а онь вѣдь, какъ общее правило, распредѣлялись между побѣдителями.

Чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить обширность того поля эксплуатациіи, которое въ Левантѣ открылось для итальянцевъ, мы должны принять во вниманіе, что во все времена ихъ владычества въ этихъ колоніяхъ рабочій материалъ неизмѣнно увеличивался постояннымъ энергичнымъ ввозомъ рабовъ. Уже византійцы и въ особенности арабы вели обширную торговлю рабами. Въ калифатѣ ежегодно импортировались многія тысячи какъ черныхъ, такъ и бѣлыхъ рабовъ. Первыхъ получали изъ Завилы, тогда главнаго города въ странѣ Феоданѣ, гдѣ былъ главный рынокъ рабовъ, а также изъ Египта и съ восточныхъ береговъ Африки,— „и притомъ тавыми массами, что часто имѣли мѣсто опасныя восстанія рабовъ“¹⁾. Бѣлые рабы шли изъ центральной Азіи или изъ франкскихъ и греческихъ земель²⁾. Все, что известно намъ о позиціи, занятой итальянцами, прямо приводить насъ къ заключенію, что они не только не препятствовали ввозу рабовъ, но скорѣе усиливали его, съ тѣмъ лишь различіемъ, что они теперь обращали въ рабство не взятыхъ на войнѣ христіанъ, а захваченныхъ на войнѣ мусульманъ. Если бы даже мы не располагали такимъ множествомъ частныхъ указаний на то, что въ это время рабы дѣйствительно находили примѣненіе и дѣйствительно велась торговля рабами³⁾, то общій смыслъ законовъ и распоряженій, изданныхъ въ колоніальныхъ областяхъ, все же привелъ бы насъ къ слѣдующему убѣждѣнію: въ колоніяхъ мы имѣемъ передъ собою строй хозяйства, который въ ходѣ развитія все болѣе основывается на употребленіи рабовъ и ничѣмъ не отличается отъ строя, въ позднѣйшее время усвоеннаго въ своихъ колоніяхъ португальцами, испанцами и голландцами.

Передъ нами прежде всего огромная масса распоряженій, сдѣланныхъ правительствами метрополій; въ нихъ нашла себѣ выраженіе забота о сохраненіи и увеличеніи наличнаго контингента рабовъ. Чтобы усилить ввозъ рабовъ, назначаются преміи, подобно тому какъ до настоящаго времени ссужаются извѣстныя суммы лицамъ, которые изъявляютъ готовность позабочиться объ увеличеніи количества лошадей⁴⁾. Или же само правительство прямо ввозило въ колоніи рабовъ и военнооплѣнныхъ. Благодаря такой мѣрѣ численность населенія, напр., Крита поднялась при господствѣ венеціанцевъ съ 50.000 до 192.725⁴⁾.

Съ другой стороны—и даже прежде всего—не было недостатка и въ декретахъ, которые становятся прямо необходимыми при хозяйствѣ, построеннымъ на рабскомъ труде: не было недостатка въ назначеніи карь на

1) Von Клемег, 2, 152.

2) O. Langer, 14 и сл., 16.

3) „De conductendo ad dictam nostram insulam Crete majorem quantitatem sclavorum masculorum qui sint ab annis quinquaginta infra“, венецианское правительство даетъ ссуду въ 3.000 hyperpergi (около 500—700 дукатовъ). Noiret, „Doc. inéd.“, 54.

4) Наidecours, I. c. 15 января 1447 года правительство Крита отправляетъ въ подарокъ султану вавилонскому корабль съ 44 рабами въ знакъ призательности за облегченіе торговыихъ сношеній. Noiret, 416.

случай побѣга раба, въ предохранительныхъ мѣрахъ отъ восстаній рабовъ¹⁾, и т. д.

Кто возьметъ на себя трудъ перелистать сборники этихъ декретовъ, тотъ въ корень исцѣлится отъ мнѣнія, которое нерѣдко защищалось даже въ послѣднее время,—отъ мнѣнія, будто средніе вѣка знали исключительно лишь болѣе или менѣе патріархальное, домашнее рабство²⁾. Нѣтъ, въ Левантѣ рабское хозяйство было нисколько не „благодушное“, чѣмъ въ позднѣйшее время въ Америкѣ и въ Индіи. И въ Левантѣ оно было учрежденіемъ, благодаря которому начальникъ не сдерживаемые торговцы обогащались въ широкомъ масштабѣ за счетъ чуждыхъ народностей.

Всѣмъ известно, какъ начиная съ 1500 года по ту сторону океана (Атлантическаго) повторились—но только въ болѣе крупномъ масштабѣ—тѣ самыя явленія, которая въ теченіе трехъ вѣковъ разыгрывались на берегахъ и островахъ Средиземного моря. Однако необходимо усвоить привычку обращать больше вниманія на дѣйствительно центральные пункты въ колоніальной исторіи,—на то именно, что истинное ядро въ ней тоже составляетъ прибыльная эксплуатация чуждыхъ народностей (разселеніе единоплеменниковъ въ далекихъ земляхъ разумѣется само собою). Это вполнѣ понималъ уже Колумбъ, который выразился однажды такимъ образомъ: „истинное богатство новооткрытыхъ странъ составляютъ люди, ихъ населяющіе“³⁾. Колоніи, не имѣющія рабочихъ, которыхъ можно было бы эксплуатировать,—все равно какъ ножъ безъ клинка. Поэтому во всѣ времена колоніальная проблема остается одна и та же: созданіе возможно многочисленныхъ объектовъ эксплуатации. И проблема эта принимаетъ двойкую форму въ зависимости отъ того, идетъ ли дѣло о плотно заселенныхъ областяхъ или объ областяхъ, бѣдныхъ людьми. Въ одномъ случаѣ приходится просто изыскать способы для того, чтобы по мѣрѣ возможности выжимать соки изъ наличнаго контингента людей; въ другомъ случаѣ необходимо принять мѣры съ той цѣлью, чтобы привлечь требующіяся контингентъ.

Мы можемъ предполагать, что всякий знаетъ, какъ западно-европейскія

1) „si aliqui ex hominibus quos habebit ad suum stipendium sive salarium pro conuendo seu laborando dictos zuerat fugerent, possit et liceat sibi hostales fugitivos ubique in terris et super Insula intromittere et capere et illos ponere in manibus Rectorum nostrorum qui fugitivi tractentur et puniantur eodem modo, quo tractantur faliti galeraum“. Ноигет, 325. Можно бы думать, что дѣло идетъ здѣсь о „свободныхъ наемныхъ рабочихъ“. Но тогда выйдетъ, что труда въ сущности такой же принудительный труда, какъ труда обыкновеннаго раба.—Общая угроза наказаніемъ (11 марта 1398 года) тому, кто приметъ къ себѣ бѣглыхъ рабовъ: „Item concedatur sibi et quiaque personis apud eum licentia armorum ac die et de nocte, in omnibus terris et locis Insule Crete pro securitate personarum et rerum suarum“,—эта угроза проведена въ интересахъ крупныхъ промышленниковъ: все признаки, которые показываютъ, что это рабство далеко не отличалось „благодушнымъ“ характеромъ.

2) Это возвращеніе все еще защищаетъ даже Кипръ, отличающійся ясностью зренія. См. его „Der Ursprung der Sklaverei in den Kolonien“, въ *Vgao's Archiv*, 2 (1889), 138 и слѣд.

3) „Los Indios desta isla espanola eran y son la riqueza della“ (индейцы этого испанского острова были и составляютъ теперь его богатство). Изъ записки 1505 года, у *Las Casas*, lib. II, cap. 37. Цитир. у *Peschel*, „Zeitalter der Entdeckungen“, 396.

нації разрѣшили указанную проблему въ трехъ частяхъ свѣта, которые стояли въ ихъ распоряженіи.

И въ XVI столѣтіи феодальная система послужила той формой, въ которой населеніе Америки было подчинено экономическимъ цѣлямъ колоніальныхъ предпринимателей. Но въ одномъ случаѣ форма эта получила название *encomiendas* и *repartimientos*¹⁾, въ другомъ — *capitanien* и *sesmarias*²⁾. Отъ нѣмецкихъ предпринимателей, которые съ первыхъ же десятилѣтій приняли въ особенности ревностное участіе въ разграбленіи Америки, съ самаго начала не укрылся истинный смыслъ всѣхъ этихъ формъ пожалованія ленами: имъ дали название договоровъ обѣ открытияхъ³⁾. Въ XVII столѣтіи уже не за воеватели рыцарского типа, а самые обыкновенные купцы взяли на себя такое дѣло, какъ воспитаніе чуждыхъ народностей къ труду на Западную Европу; и вотъ съ этого времени передача земли и людей для пользованія выступаетъ уже только въ такомъ чисто дѣловомъ освѣщении, какъ дарование привилегій и монополій, какъ „договоры обѣ открытий“.

Но всегда, при всей многосложности формъ, которыми европейцы пользовались для завладѣнія новыми областями, эффектъ получался одинъ и тотъ же: порабощеніе туземного — краснаго и желтаго — населенія.

„Порабощеніе“ опять-таки въ многочисленныхъ оттѣнкахъ: въ принципѣ нерѣдко оставляли туземцамъ свободу. Такъ, видѣцъ обыкновенно заставляли только отбывать барщину. Въ теченіе 8—9 мѣсяцевъ они находились въ распоряженіи европейскихъ повелителей для полевыхъ работъ или для промыванія золота; остальное же время года они могли оставаться дома и воздѣлывать свои поля⁴⁾. Или же просто обусловливалось доставленіе

1) Свѣдѣнія обѣ этомъ даютъ всякая работа о колоніальной политикѣ Испаніи. Я назову изъ этой области только новѣйшую вещь: К. Нѣблер, „Amerika“, въ *Helmut's Weltgeschichte*, I (1899), 396 и сл. Обѣ анкоміендахъ подробнѣе всего трактуетъ Агт. Нелпс, „The Spanish conquest in America and its relation to the history of slavery and to the government of colonies“, 3 (1857), 99 и сл. Тамъ же (стр. 135) дано (по Ant. de Leon, *Confirmaciones reales parte I*, cap. I) знаменитое опредѣленіе *repartimiento*. Работы Гельпса (4 тт., 1855—61) и Прескотта — послѣдняя будетъ названа ниже — до сихъ поръ остаются весьма пригодными для того, чтобы получить первоначальное знакомство съ завоеваніемъ и захватомъ Америки испанцами. Съ нихъ появленіемъ материаль первоисточниковъ, несомнѣнно, сильно возросъ, но несмотря на то онъ все еще разработанъ далеко не весь. Нетрудныя сокровища индійскаго архива въ Севильѣ, по сообщенію Геблера, богаты настолько, что возбуждаютъ прямой ужасъ. Печатное собраніе материаловъ — „Collection, de documentos ineditos relativos al descubrimiento, conquista y colonizacion de las posesiones Espanolas en America e Oceania“, 1864 и сл.

2) Н. Нанделманн, „Geschichte von Brasilien“, (1860), стр. 47.

3) Такие договоры обѣ открытияхъ часто заключали Фуггеры, Вельсеры, Эгингеры и др. Обстоятельно воспроизводить одинъ такой договоръ К. Нѣблер, „Geschichte der Fuggerschen Handlung“, 56 и сл. Сравн. дальше Герм. А. Schuhmacher, „Die Unternehmungen der Augsburger Welser in Venezuela“ etc., въ „Hamburger Festschrift zur Erinnerung an die Entdeckung Amerikas“, Bd. II, 1892, и К. Нѣблер, „Welser und Ehinger in Venezuela“, въ „Zeitschrift des histor. Ver. f. Schwaben und Neuburg.“ 1895, стр. 66 и сл. Сводку богатой литературы обѣ отношенияхъ Вельсеровъ къ Венесуэлѣ даетъ Victor Нантѣч, „Deutsche Reisende des 16 Jahrh.“ въ 4 Несце первого тома „Leipz. Studien aus dem Gebiet der Gesch.“ (1898), 17—18.

4) Въ инструкціи Овандо отъ сентября 1500 года говорится: „que los Indios pagasen

определенного количества известныхъ продуктовъ. Въ энкомиендахъ, напр., розданныхъ Колумбомъ въ 1499 году, говорилось о 10—20 тысячахъ *matas* корней маниока. На катика (главу племени) потомъ возлагалось обязательство заставить своихъ людей обработать поля. Туземцы вообще не дерзали уклоняться отъ барщинъ, потому что испанцы выслѣживали бѣглцовъ и прода-вали ихъ въ рабство, если только не дѣлали чего-либо еще болѣе худшаго¹⁾.

Такую же систему ввели и португальцы въ своихъ африканскихъ колонияхъ, въ которыхъ, напр., на островѣ св. Фомы, воздѣливали главнымъ образомъ сахарный тростникъ. Уже въ началѣ XVI столѣтія мы находимъ здѣсь плантациіи съ 150 — 300, рабочихъ, „*fra negri et negre, liquali hanno questa obligatione, di lavorar tutta la settimana per il patron, eccetto il sabbato che lavorano per causa di vivere*“... (негровъ и негритянокъ, которые обязаны работать всю неделю на хозяина за исключениемъ субботы, когда они работаютъ для собственного существованія)²⁾. Слѣдовательно, „необходимый“ трудъ стоялъ здѣсь къ „прибавочному“ труду въ ужасающемъ отношеніи 1 : 6.

Эта система косвенного принужденія къ труду или вынужденныхъ поставокъ впослѣдствіи достигла въ голландскихъ колоніяхъ знаменитости подъ именемъ системы ванъ-день Буша. Она представляеть, несомнѣнно, такой же утонченійший способъ эксплуатации, какъ въ настоящее время *trôle*³⁾. Мы встрѣчаемся съ этой системой при собираніи гвоздики на Молуккскихъ островахъ⁴⁾, при воздѣливаніи кофе и сахарного тростника на Явѣ⁵⁾, при добываніи корицы на Цейлонѣ⁶⁾, при разведеніи мускатнаго дерева на островахъ Банда⁷⁾ и т. д.

tributos y derechos como los demas vassallas á sus altezas y que serviesen en coger el ogo pagandoles su trabajo“ (чтобы индѣйцы платили дань и подати, какъ прочие вассалы, своимъ господамъ и чтобы служили, добывая золото, платя имъ своимъ трудомъ). Schuhmacher, I. c., стр. 300.

1) O. Peschel, 503.

2) „Navigatione da Lisboa all' isola di san Thome ec.“ (плаваніе отъ Лиссабона до острова св. Фомы) у Ramusio, „Delle navigationi ec.“ (3. ed., 1563), 117 A.

3) [О системѣ *trôle* см. въ концѣ этого тома, гл. 21 С. Ова сводится къ тому, что напр., столяръ, не дожидалась заказа, изготавливаетъ известные сорта мебели и потому вынужденъ упрашививать магазины купить эту мебель.]

4) Saalfeld, „Gesch. des holländ. Kolonialwesens“, I, (1812), 276.

5) Saalfeld, I, 233 и сл.

6) Saalfeld, I, 288 и сл.

7) Saalfeld, I, 280 и сл. Хотя работы Заальфельда, какъ слѣдовало ожидать, построены на недостаточномъ матеріалѣ первоисточниковъ, тѣмъ не менѣе, думается мнѣ, онѣ и теперь вполнѣ пригодны для общаго ознакомленія съ предметомъ. Но кто хочетъ обстоятельно заняться этой темой, тотъ безъ труда найдетъ дорогу къ источникамъ. Для первого периода голландскаго колоніального хозяйства матеріалъ актовъ вполнѣ отпечатанъ: De Jonge, „Opkomst van het Nederlandsch gezag in Oostindie“. Дополненіемъ этой работы служать работы директора библіотеки Р. А. Tiele, а также использовавшееся имъ матеріалъ первоисточниковъ и отчасти опубликованное, уже не разъ упоминавшееся мое исследование: H. Bokemeyer, „Die Molukken. Geschichte und quellenmäßige Darstellung der Eroberung und Verwaltung der ostindischen Gewürzinseln durch die Niederländer“. 1888. Тамъ же извлечения изъ официальныхъ отчетовъ о принудительныхъ поставкахъ, стр. 275 и сл.

Люди желтой расы оказались въ высшей степени квалифицированными вычными животными; напротивъ, кровь въ жилахъ краснокожихъ, какъ извѣстно, была слишкомъ благородна для того, чтобы они въ продолженіи значительного времени выносили обиданія европейцевъ¹⁾. Извѣстно, до какого отчаянія были доведены эти племена, какъ они искали спасенія въ воздержаніи отъ половыхъ сношеній и въ массовомъ самоубійствѣ. Если положеніе, созданное въ областяхъ, вновь открытыхъ для культуры, и отразилось въ чёмъ-либо, такъ именно въ дошедшихъ до нась описанияхъ событий этого рода. Одинъ испанскій миссіонеръ сообщаетъ намъ изъ Оахаки, что индѣйцы племени Чондалъ вошли съ соглашеніемъ воздерживаться отъ всякаго соприкосновенія со своими женщинами, примѣнять всякие способы для предотвращенія зачатій и для изгнанія плода, если зачатіе все же случится. Какую бездну страданій раскрываетъ передъ нами этотъ разсказъ! И какой ужасный трагикомизмъ въ извѣстныхъ анекдотахъ, которые вплетаетъ Лась Ка-засъ въ свои сообщенія о массовомъ самоубійствѣ индѣйцевъ. Одному кубанскому генералитету донесли, что индѣйцы его гардіamento собираются повѣститься. Онъ успѣлъ еще вѣ-время захватить ихъ, но такъ какъ никакія мѣры не могли заставить ихъ отказаться отъ своего намѣренія, то онъ попросилъ у нихъ дать и ему веревку, чтобы покончить со собой, ибо ему безъ нихъ все равно пришлось бы помереть съ голоду. Эта просьба дала другое теченіе мыслямъ несчастныхъ: они устрашились, что, если ихъ господинъ отправится на тотъ свѣтъ слѣдомъ за ними,—ихъ рабство и тамъ не окончится. И потому, чтобы имѣть спокойствіе по меньшей мѣрѣ по смерти, они возвратились къ своимъ земнымъ страданіямъ²⁾.

Итакъ, съ индѣйцами ничего нельзя было сдѣлать. Тѣ индѣйцы, которыхъ Колумбъ называлъ истиннымъ богатствомъ Нового Свѣта, уготовали своимъ господамъ горькое разочарованіе. Они оказались неспособными для того, чтобы пріобщиться къ благословеніямъ европейской культуры. Тогда колоніальная проблема выступила передъ колонизаторами Америки въ своеобразномъ видѣ: какъ изыскать другіе способы для того, чтобы добывать необходимые объекты эксплуатации. Какъ извѣстно, проблема получила блестящее разрешеніе: богатая людьми Африка представляла неисчерпимый резервуаръ, изъ которого можно было почерпать рабочія силы. Черное рабство начало исполнять свою всемирно-историческую миссію³⁾. Ареной для него послужили Центральная Америка, Бразилія и Вест-Индія. Въ этихъ областяхъ торговля неграми распространяется съ поразительной быстротой. Въ 1501 году, насколько намъ извѣстно, впервые начинаютъ ввозить негровъ; въ 1510 году Лиссабонъ открываетъ торговлю неграми, которые употребляются въ горныхъ

1) Самое веподраженіе, хотя отчасти иѣсколько одностороннее изложеніе „колонизаторской работы“ испанцевъ даетъ Arth. Helps. Въ существенныхъ чертахъ за нимъ склоняется A. Del Mar, „A history of the precious metals“ (1880), 44 и сл.

2) Las Casas, Lib. III, cap. 81, у Peschel, 548.

3) Это не значитъ, что оно началось только съ этого времени: рабы-негры существовали въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ; торговля неграми въ теченіе долгаго времени поддерживалась маврами. Сравн. Sprengel, „Vom Ursprung des Negerhandels“, 14 и сл.; съ 1446 года роль мавровъ переходитъ къ португальцамъ. Peschel, 68 и сл.

работахъ; на годы 1513—1515 падаетъ начало воздѣлыванія сахариаго тростника на Антильскихъ островахъ; въ 1518 году заключенъ первый *aciento de negros*; въ 1530 году посльдовало воспрещеніе обращать индѣйцевъ въ рабство,—и уже въ 1520 году рабы-негры на Санть-Доминго были такъ многочисленны, что европейскимъ колонизаторамъ приходилось съ тревогой помышлять о возможности возстанія черныхъ. Приблизительно такія же отношенія складывались иногда и на Порто-Рико. Уже въ 1535 году на Санть-Доминго было 30 сахароваренныхъ заводовъ¹⁾.

Однако мы, конечно, не можемъ прослѣдить всего этого. Здѣсь намъ было бы необходимо только одно: получить по возможности количественно опредѣленное представление о томъ значеніи, какое колоніальное хозяйство имѣетъ для развитія европейскаго капитализма,—имѣеть прежде всего благодаря своей способности содѣйствовать накопленію. Этотъ вопросъ, ~~известно~~, никогда не можетъ получить прямого отвѣта. Но возможно, что мы найдемъ кое-какія точки опоры и тогда сумѣемъ дать приблизительно вѣрный отвѣтъ. Что касается остального — здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, мы можемъ удовольствоваться тѣмъ, что опѣнимъ принципіальное значеніе того или другого важнаго феномена.

Итакъ, мы постараемся выяснить двѣ стороны дѣла: размѣры примѣненія принудительного труда и его прибыльность.

В. Экономический эффектъ колоніального хозяйства.

Что касается размѣровъ принудительного труда, изъ кото-
рого итальянцы почерпали свое богатство, на этотъ счетъ у насъ совер-
шенно отсутствуютъ надежныя данныя. Описания арабской работоторговли, а
также случайно дошедшия до насъ сообщенія—цифры, приводимыя въ по-
слѣднихъ, правда, носятъ иѣсколько сказочный характеръ—показываютъ,
что уже тогда рабы иногда составляли значительныя массы. Мы слышимъ,
наприм., что въ 1310 году, среди глубокаго мѣра, сицилійскій флотъ напалъ

1) Свѣдѣнія о рабствѣ негровъ даютъ всѣ извѣстныя изложенія исторіи колонізаціи Америки. Существуетъ, кроме того, обширная специальная литература, но, конечно, лишь очень немногія работы удовлетворяютъ требованиямъ строгой научности. И здѣсь намъ все еще приходится обращаться къ болѣе старымъ работамъ. Будетъ достаточно, если мы назовемъ слѣдующія изъ нихъ: M. Chr. Sprengel, „Vom Ursprung des Negerhandels“, 1799; „An Essay on the Slavery and Commerce of the human species particularly the african“, 1786 (содержитъ обзоръ другихъ произведений современной литературы). F. iconbridg'e, „An account of the slave trade“, 1788; иѣм. перев. 1790. Th. F. Vixton, „The african slave trade“, 1839; иѣм. перев. 1841 (я пользовался иѣменемъ переводомъ). A. Moreau de Jonnѣs, „Recherches statistiques sur l'esclavage colonial“, 1842. Среди всѣхъ работъ выдѣляются: H. G. Wilson, „Hist. of the rise and fall of the slave power in America“, 4 ed., 3 Vol., 1875 и сх. G. F. Кларр., „Der Ursprung der Sklaverei in den Kolonien“, въ „Brauns Archiv“, Bd. II 1889. K. H  bler, „Die Anf  nge der Sklaverei in Amerika“, въ „Zeitschr. f  r Social- und Wirtschaftsgeschichte“, Bd. IV. Самая важная изъ новѣйшей литературы работа—Luc. Рeуtraud, „L'esclavage aux Antilles fran  aises avant 1789“ (1897); она даетъ основаніе исключительно на материалахъ колоніального архива изложеніе рабскаго хозяйства въ однѣй области, но, кроме того, богата и замѣчаніями о развитіи рабскаго хозяйства вообще.

близь тунисского берега на остров Герба и что при этомъ было обращено въ рабство 12.000 женщинъ и дѣтей; что въ 1355 году одинъ генуэзский адмираль невзначай напалъ на Триполи, разграбилъ его и потомъ увелъ въ рабство 7.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей¹⁾.

Но само собой разумѣется, и мы уже не разъ указывали на это, что эксплуатация колоний, этотъ базисъ, на которомъ стояли итальянскіе города, былъ ничтоженъ по сравненію съ тѣмъ, на которомъ поднималось зданіе европейскаго капитализма съ 1500 года. Нелегко составить себѣ правильное представленіе о колоссальныхъ массахъ людей, поглощенныхъ въ четыре послѣднихъ столѣтія въ трехъ частяхъ свѣта, подчиненныхъ европейцамъ. Никогда не слѣдуетъ забывать такой вещи: Западная Европа, чтобы забраться на вершину ея теперешняго могущества, не только захватывала продукты труда вѣнѣ-европейскихъ народовъ, при чемъ для эксплуатируемыхъ все же сохранилась возможность дальнѣйшаго существованія и нормального развитія: нѣть, кромѣ того, она вела въ истинномъ смыслѣ этого слова хищническое хозяйство съ миллионами людей и до такой степени высасывала ихъ, что они утрачивали способность къ дальнѣйшему воспроизведенію. Если мы хотимъ подвести правильный балансъ западно-европейскаго капитализма, мы, какъ уже упоминалось мимоходомъ, должны будемъ подписать на сторонѣ дебета чудовищное потребленіе человѣческихъ жизней въ періодъ существованія этого капитализма. Мы сдѣлались богатыми потому, что цѣлые расы и племена вымерли для насъ и цѣлые части свѣта для насъ обезлюдили.

Все это въ общемъ тоже до чрезвычайности извѣстныя вещи, и намъ приходится здѣсь только понять ихъ въ надлежащей связи.

Какъ нельзя болѣе извѣстно быстрое угасаніе краснокожихъ подъ гнетомъ европейскаго владычества, угасаніе, которое, по справедливому замѣчанію Пешеля²⁾, „очень близко напоминаетъ вытѣсненіе видовъ животныхъ на протяженіи цѣлаго геологическаго періода“. Когда испанцы явились на Багамскіе острова, послѣдніе были плотно населены. Въ 1629 году, когда англичане обосновались на Новомъ Привиданѣ, здѣсь уже не было ни одного туземца³⁾. Въ 1503 году на Ямайкѣ поселились первые испанцы, и уже въ 1558 году всѣ индѣйцы исчезли⁴⁾. Въ Эспаньоль въ 1508 году (при завоеваніи) было 60.000 жителей-туземцевъ, а въ 1548 году—уже всего только 500⁵⁾. На Кубѣ уже въ 1548 году исчезло туземное населеніе⁶⁾. Перу въ 1575 году (следовательно, почти черезъ полвѣка по завоеванію) все еще насчитывало почти 1.500.000 жителей-туземцевъ, а въ 1793 году—уже только 600.000⁷⁾. Такъ же растаяло и населеніе въ Мексикѣ.

1) O. Langer, „Schlavery in Europe“, 16.

2) O. Peschel, I. c., 196 стр.

3) K. Andr  e, „Geographie des Welthandels“, 2 (1872), 705.

4) K. Andr  e, I. c., стр. 706.

5) O. Peschel, 546.

6) O. Peschel, 547.

7) A. von Humboldt, „Nouv. Esp.“, 1², 298—99. О плотности населения Перу сравни также K. H  bler, „America“, въ Helmolt's Weltgeschichte, 1 (1899), 310, 312.

Но и желтой расѣ пришлось принести тяжелыя жертвы человѣческими жизнями. Баньюваньи, одна провинція на островѣ Явѣ, еще въ 1750 г. насчитывала свыше 80.000 жителей, а въ 1811 г.—уже только 8.000 ¹⁾). Въ 1617 году привилегированная компания Зибцепнеровъ настоятельно повторила послѣдовавшій уже въ 1615 году приказъ своему намѣстнику Коену: искоренить населеніе на островахъ Банда и вновь заселить ихъ послушными племенами или рабами. Спустя нѣсколько лѣтъ кровавое дѣло было осуществлено на практикѣ: 15.000 людей пало жертвою интересовъ Зибцепнеровъ ²⁾). Еще чаще сообщаютъ намъ о такихъ избѣніяхъ съ острововъ, которые находились въ собственности голландцевъ. Избѣнія обыкновенно стояли въ связи съ уничтоженіемъ прямыхъ деревьевъ, которое предпринималось компанией, чтобы совершенно монополизировать торговлю продуктами ихъ ³⁾). Нѣть возможности дать точныхъ цифры объ уменьшеніи численности населенія; во никто не отрицаєтъ того факта, что оно имѣло мѣсто въ действительности. Такой осторожный писатель и выдающійся знатокъ дѣла, какъ Бокемейеръ, слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свой приговоръ: „Уменьшеніе населенія (на Молуккскихъ островахъ), уродства и накожныя болѣзни, распространяющіяся среди островитянъ отъ поколѣнія къ поколѣнію,—таково непреложное свидѣтельство вѣкового угнетенія и страданій, тяготѣвшихъ, какъ проклятие, надъ этой прекрасной страной“ ⁴⁾.

Но все это совершиению стущевывается передъ гекатомбами негровъ, которые были принесены въ жертву Молоху колоніального хозяйства. Было время, когда обнаруживалась склонность считать фантастическими дошедшия до насъ цифры, которыми опредѣляется вывозъ рабовъ изъ Африки; но по-томъ убѣдились, что въ ихъ основе лежитъ истина. При самой низкой изъ известныхъ намъ оценкѣ экспортъ опредѣляется въ 100.000 головъ ежегодно ⁵⁾; напротивъ, Бѣкстонъ полагаетъ, что по путямъ христіанской работорговли въ рабство ежегодно уводили 400.000 негровъ, по путямъ магометанской торговли—100.000 негровъ ⁶⁾. Какъ само собой разумѣется, всѣ такія массовые оценки основываются на болѣе или менѣе произвольныхъ

1) Th. Stamford Raffles, „Java and its dependencies“ (1817), цитир. у Магх., „Капитал“, 14, 717.

2) Бокемейеръ, „Die Molukken“, 132 и сл. Онъ добавляетъ къ этому въ одномъ примѣчаніи (стр. 133): „Пока архивъ старой компаніи оставался недоступнымъ, обыкновенно предполагали, что Зибцепнеры не хотѣли искорененія банданезѣвъ и что не они были инициаторами приговора объ уничтоженіи... Но изъ официальныхъ документовъ вытекаетъ, что Зибцепнеры были точно осведомлены о всѣхъ деталяхъ, и что сами они отдавали кровавыя приказанія“.

3) Бокемейеръ—1. с.: „Нидерландцы не могли скупить всѣхъ приностей, такъ какъ количество было бы слишкомъ велико для ихъ складовъ и ихъ потребностей; пмъ поэтому не оставалось ничего другого, какъ рѣшиться совершенно искоренять излишне лѣса“ (стр. 179).

4) Бокемейеръ, 293 и сл.

5) „Essay on the Slavery“ (1786), 94. Самъ авторъ замѣчаетъ по этому поводу: „эта цифра менѣе тѣхъ, которыхъ обыкновенно даются и были опубликованы“. Почти къ такому же результату приходитъ S. Holligworth, „Anmerkungen über die Abschaffung des Sklavenhandels“ (1789), 61.

6) Buxton, 147.

обобщеніяхъ имѣющагося матеріала. Но послѣдній во всякомъ случаѣ достаточно обширенъ для того, чтобы оправдать предположеніе, что годичный вывозъ составлялъ (въ XVIII столѣтіи) не менѣе 100.000 головъ.

До настѣ дошло, наприм., извѣстіе о 401 корабляхъ, которые принадлежали англійскимъ работорговцамъ и въ періодъ 1783 — 1787 гг. транспортировали 109.540 негровъ, слѣдовательно, среднимъ числомъ по 26.300 въ годъ¹⁾. Это — суммы, установленыя фактически, притомъ лишь для одной страны; дѣйствительныя же цифры, конечно, были несравненно выше. Послѣднее утвержденіе достаточно оправдывается уже официальными и цифрами ввоза, дошедшими до настѣ отъ нѣкоторыхъ колоній. На французскіе Антильскіе острова въ періодъ 1780 — 1789 гг. среднимъ числомъ ввозилось ежегодно по 30—35 тысячъ негровъ²⁾, а ввозъ негровъ въ бразильскія гавани составилъ въ 1829—30 году по меньшей мѣрѣ 78.331 головъ³⁾. Теперь примемъ во вниманіе тотъ фактъ, что лишь нѣкоторая часть захваченныхъ негровъ достигала до мѣста назначенія: предполагаютъ, что число достигавшихъ до мѣста относилось къ числу захваченныхъ какъ 3 : 7. Тогда мы придемъ къ цифрамъ, которыя, дѣйствительно, заставляютъ настѣ считать не совсѣмъ-то ужъ фантастической ту оцѣнку, которая опредѣляетъ въ полмілліона ежегодный вывозъ негровъ изъ Африки. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ теченіе трехъ столѣтій Африка отдала въ плантациіи и рудники европейскихъ колоній многіе миллионы людей, которые должны были работать тамъ для наполненія предпринимательскихъ кармановъ, а потомъ... а потомъ переселиться къ праотцамъ, не оставивъ никакого слѣда своего земного существованія, исчезнувъ въ продуктѣ, какъ сырой матеріалъ. Эти миллионы были водворены на новое мѣсто не для того, чтобы нормально развиваться на немъ, какъ раньше: они были водворены, чтобы погибнуть. Въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія, когда были приведены въ извѣстность все вольноотпущенники и рабы во всѣхъ европейскихъ колоніяхъ, въ нихъ оказалось не болѣе 2½ миллионовъ головъ⁴⁾. Что касается остатальной огромной части ввоза, — въ теченіе 300 лѣтъ она была постепенно потреблена на службѣ европейцамъ. И вслѣдствіе этого цѣлая часть свѣта подверглась застою и упадку⁵⁾.

Но тотъ фактъ, что за время существованія европейскихъ колоній на ихъ счетъ падаетъ колоссальное потребленіе человѣческихъ жизней, конечно, еще не доказываетъ, что колонисты извлекли изъ колоній соотвѣтственно высокія суммы, или, говоря точнѣе, не доказываетъ, что они систематически извлекали высокія цѣнности изъ потребляемаго контингента людей: другими

1) A. Moreau de Jonnès, 10—12, 102 и сл.

2) Peutraud, 139, 140.

3) Buxton, 13.

4) Moreau de Jonnès, I. c. Точная цифра — 2.471.594. Согласно надежнымъ выкладкамъ Peutraud, число рабовъ на французскихъ Антильскіхъ островахъ составляло въ 1780-хъ годахъ 683.121. Онъ полагаетъ, что это — остатокъ отъ ввоза размѣромъ почти въ 3 миллиона.

5) Слѣдствія работорговли для Африка живо изображаетъ Scherzer, „Gesch. des Welthandels“, 2, 101 и сл.

словами, этот фактъ еще ничего не говорить о доходности колониального хозяйства, а следовательно, и объ его силѣ содѣйствовать накоплению.

И какъ разъ въ послѣднее время въ рядѣ остроумныхъ работъ съ авторитетной стороны едѣланы были попытки показать, что рабскій трудъ не производитель, а потому и невыгоденъ, что рабство знаменуетъ „ограниченіе прибыли“ и имѣть тенденцію свести ее на самую низкую ступень¹⁾. Изъ этого необходимо вытекалъ бы тотъ выводъ, что европейцы въ теченіе ряда столѣтій по существу бесполезно приносили въ жертву такіе многіе миллионы человѣческихъ жизней, такъ какъ они не достигали своей цѣли: наращивать свое имущество высокими барышами.

Въ виду такихъ взглядовъ представляется небезполезнымъ напомнить о томъ, что бездоходность рабскаго труда, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ уровнемъ цѣни на продукты. Только въ томъ случаѣ, если трудъ болѣе дешевыхъ свободныхъ рабочихъ оказываетъ угнетающее дѣйствіе на цѣны, трудъ работъ перестаетъ давать какую бы то ни было „прибавочную цѣнность“. Но паденіе цѣни на продукты по такого рода причинамъ происходитъ лишь въ позднѣйшее время, „т.-е. когда спросъ на рабочихъ удовлетворенъ въ изобилии. Когда давленіе населенія приводить къ тому, какъ это наблюдается во всѣхъ старыхъ странахъ, что свободный человѣкъ предлагаетъ свой трудъ за вознагражденіе, едва лишь превышающее естественный минимумъ заработной платы, тогда съ большою увѣренностью можно сказать, что услуги свободнаго человѣка болѣе производительны и обходятся менѣе дорого, чѣмъ услуги крѣпостного. А если такъ, то ясно, что достигается граница прибыльного существованія рабства, разъ населеніе доходитъ до такой плотности, что становится дешевле пользоваться свободнымъ наемнымъ трудомъ“²⁾). Но, думается мнѣ, было бы вполнѣ возможно и эмпирически показать, что не маловажная часть имуществъ, накопленныхъ въ мегрополіяхъ, представляла не что иное, какъ „прибавочную цѣнность“ рабскаго труда въ колоніяхъ.

Уяснимъ себѣ прежде всего, что колоссальные суммы „зарабатывались“ на рабахъ раньше, чѣмъ послѣдніе доходили по назначению,—„зарабатывались“ на работорговлѣ. Это было какъ нельзя больше известно уже срединѣ вѣка³⁾). Главнымъ образомъ здѣсь лежитъ источникъ горячихъ усиленій венеціанцевъ и генуэзцевъ захватить посты на Черномъ морѣ и вытѣснить византійцевъ,—чтобы совершенно овладѣть расположеннымъ тамъ

¹⁾ A. Loria, „Die Sklavenwirtschaft im modernen America und im europäischen Altertum“, въ „Zeitschr. für Social- und Wirtschaftsgeschichte“, 4 (1896), 67 и сл.; здесь возможныя автора развиты съ наибольшою обстоятельностью. Сравн. также его новѣйшую работу: „Il capitalismo e la scienza“ (1901), въ особенности стр. 218 и сл.

²⁾ Merivale, „Lect. on Col.“, 1, 297—98.

³⁾ Кромѣ уже названныхъ работъ, сравн. еще Heyd, 2, 542 и сл.—L. Cibrario, „Della schiavitù e del servaggio“, 2 Vol., 1868 (я не могъ достать ее). Онъ же, „Nota sul commercio degli schiavi a Genova nel secolo XIV“, въ его „Operette varie“ (1860). V. Lazarini, „Del traffico e delle condizioni degli schiavi in Venezia nei tempi di mezzo“, въ „Miscellanea di storia italiana“, 1 (1862), 463 и сл. F. Zamboni, „Gli Ezzelini, Dante e gli schiavi“—Nuova ed., 1897 (богатая библиографія). Wattenbach, „Sklavenhandel im Mittelalter“, въ „Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit“, N. F. 21 (1874), 37 и сл.

рынками рабовъ. И отъясненіе Венеціи отъ доходной работорговли съ Египтомъ принесло ей несравненно больше вреда, чѣмъ даже утрата торговли съ Левантомъ; между тѣмъ отъясненіе это было необходимымъ слѣдствіемъ завоеванія береговъ Малой Азіи турками.

Мнѣ неизвѣстно, существуютъ ли детализованныя исчислениа прибыли отъ средневѣковой работорговли. Но какъ огромное тяготѣніе къ торговлѣ рабами, постоянно обнаруживающееся снова и снова, несмотря на многоократные воспрещенія и ограниченія, такъ и все, что извѣстно намъ о доходности работорговли въ позднѣйшія времена, позволяетъ притти къ тому выводу, что много дворцовъ въ Генуѣ и Венеціи было построено на рабскихъ тѣлахъ, что много нобилей въ этихъ городахъ — какъ впослѣдствіи крупные купцы въ Бордо, Амстердамѣ и Ливерпульѣ — было обязано своимъ богатствомъ и своимъ положеніемъ этой своеобразной отрасли коммерческихъ операций.

На торговлѣ неграми зарабатывали по очереди всѣ европейскія государства. Сливки сняли португальцы, но въ общемъ самые крупные барышы достались англичанамъ, потому что они захватили эту отрасль торговли въ періодъ ея высшаго процвѣтанія. Въ промежуткѣ испанцы и генуэзы, голландцы и французы, датчане и шведы старались одни передъ другими пріобрѣться къ благословеніямъ работорговли. И когда маленький Бранденбургъ при Великомъ курфюрстѣ водрузилъ свой флагъ на берегу Африки, дѣйствительной пружиной этого предпріятія, насколько роль приманки играло не золото Золотого берега, было страстное желаніе приблизиться къ такому источнику богатства, какъ торговля рабами. Насколько высоко цѣнилась работорговля, показываетъ, напр., такой фактъ: когда при заключеніи уtrechtского мира (1713 г.) Англія было предоставлено право ввозить рабовъ въ испанскую колонію, Англія смотрѣла на это завоеваніе какъ на самое значительное изъ всѣхъ, обезпеченныхъ ей по уtrechtскому договору¹⁾.

Было бы не трудно открыть причины доходности торговли рабами. Человѣческая рабочая сила, которая составляетъ здѣсь объектъ торговли, представляетъ такой „товаръ“, при покупкѣ котораго утрачивается всякое отношеніе къ издержкамъ его производства. Цѣны за рабовъ могутъ быть назначены произвольно низкія, онѣ всегда минимыя цѣны, ихъ уровень зависить исключительно отъ большей или меньшей силы и хитрости, съ какою выступаетъ торговецъ. Съ наибольшою ясностью такое положеніе вещей обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда рабовъ вообще не покупаютъ, а похищаютъ. Но товаръ „человѣческая сила“ обладаетъ тою особенностью, что онъ можетъ оплачиваться своимъ собственнымъ трудомъ; благодаря этому пріобрѣтатель можетъ платить за него несравненно болѣе высокія цѣны, чѣмъ за какой бы то ни было другой товаръ. Примемъ, наконецъ, во вниманіе, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда работорговля юридически не пользуется монополіей (какъ это было въ теченіе длиннѣйшаго періода ея существованія), фактически, благодаря всѣмъ своимъ особенностямъ, она все же имѣеть до извѣстной степени монопольный характеръ. Въ виду всѣхъ такихъ обстоя-

1) Сравн. C. Grünberg, статья „Unfreiheit“, въ H. St., 6, 334 (русскій переводъ, подъ заглавиемъ: „Состояніе личной зависимости“, въ сборникѣ „Исторія труда“).

тельствъ мы ноймемъ, какъ это было возможно, что работорговля въ теченіе ряда столѣтій давала чудовищные, необычайные барышы. Основываясь на дошедшихъ до насъ числахъ, мы съ достаточнouю точностью можемъ опредѣлить высоту этихъ прибылей. При этомъ мы совсѣмъ не будемъ говорить о барышахъ, которые получались на первыхъ ступеняхъ рабства негровъ, когда вожди послѣднихъ совершенно не умѣли отстаивать свои собственные интересы. Сначала, особенно въ центральныхъ частяхъ Гвинеи, были возможны такие случаи, какъ покупка молодого, хорошо развившагося и здороваго человѣка за кусокъ полотна, цѣнностью въ 3 миткаля¹⁾ или за одинъ анкеръ водки; въ то время негритянскіе князья давали за одну лошадь 10—15 человѣкъ, какъ эквивалентъ²⁾.

Но и для позднѣйшаго времени мы имѣемъ достаточно свидѣтельствъ о томъ, что прибыль отъ торговли неграми едва ли составляла когда-либо менѣе 50%, обыкновенно же много больше, до 180 и 190%. Одинъ отчетъ, который 26 марта 1693 года составилъ мистеръ Курбъ, „Commandant Directeur et Inspecteur g n ral de Guin e“, содержитъ слѣдующія цифры: 800 рабовъ куплено за 29.200 ливровъ и продано за 240.000 ливровъ. Онъ добавляетъ къ этому: „au S n g al on traite commun ment 200 captifs qui ne coûtent pas plus de 30 livres la pi ce et sont vendu aux îles 300 livres au moins“³⁾. (Въ Сенегалѣ обыкновенно продаются по двѣсти плѣнныхъ; они стоятъ не болѣе 30 ливровъ каждый, а продаются на острова по крайней мѣрѣ по 300 ливровъ). Въ исторіи англійской работорговли мы находимъ слѣдующія офиціальная вычисленія расходовъ. Какъ засвидѣтельствовано судомъ, корабль „Firm“ (въ XIX столѣтіи) получилъ валовую выручку въ 145.000 долларовъ; валовой расходъ на покупку, съѣстные припасы, оборудование, наемъ экипажа и т. д. составилъ 52.000 долларовъ; следовательно, прибыль—180%. На корабль „Venus“ было нагружено 850 рабовъ, которые при покупкѣ обошлись въ 3.400 фун. стерл., накладные расходы до прибытія на мѣсто составили 2.500 фун. стерл., выручка отъ продажи достигла огромной суммы въ 42.500 фун. стерл. И такихъ пріемѣровъ извѣстны намъ цѣлые дюжины. Но бесполезно было бы умножать иллюстраціи, чтобы показать, какое значеніе имѣла работорговля для накопленія имуществъ въ приморскихъ городахъ европейскихъ государствъ⁴⁾.

Множество свидѣтельствъ убѣждаетъ насъ далѣе въ томъ, что произ-

¹⁾ Согласно сообщенію Валентина Фердинанда объ Аргумѣ. Сравн. F. Kunstm an въ „Die Handelsverbindungen der Portugiesen mit Timbuktu“, въ Abhandl. der III. Klasse der K. bayr. Akad. der Wiss. Bd. VI, 1. Abt., стр. 179.

²⁾ Alvise de la da Mosto (1454), отчетъ о путешествіи, см. Ramusio, „Delle navigationi“ (1563), 99 стр., на оборотѣ. Правда, тогда цѣны при продажѣ негровъ стояли много ниже, чѣмъ въ XVII и особенно въ XVIII столѣтіи. До конца XVIII столѣтія продажныя цѣны возросли въ семь и даже въ восемь разъ. Reutgraaf, 127.

³⁾ Reutgraaf, 99—103.

⁴⁾ Въ XIX, 165 и сл. Первое же пожномочіе на покупку рабовъ, которое было предоставлено рыцарю де ла Бреза, послѣднему удалось тотчасъ же перепродать генуэзцамъ за 25.000 дукатовъ. Кнапр, 141. Дальнѣйшая свѣдѣнія о доходности первоначальной монополіи—въ теченіе нѣкотораго времени она, какъ извѣстно, служила для обогащенія и нѣмецкихъ купцовъ—см. у Нѣвег, въ „Zeitschrift f r Social- und Wirtschaftsgeschichte“, 4, 206 и сл.

водство съ рабами или съ рабочими, которые принудительно привлекаются къ труду какимъ-либо другимъ способомъ, въ свою очередь можетъ быть до чрезвычайности выгоднымъ. Очень характерно развитіе на французскихъ Антильскихъ островахъ. Сначала здѣсь находили себѣ работу, были „engagés“, „свободные“ рабочие; но хотя они брали на себя обязательство работать въ теченіе трехъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе они постепенно исчезли, такъ какъ конкуренція негровъ-рабовъ была непосильна для нихъ! ¹⁾.

Однако не имѣемъ ли мы достаточного количества и прямыхъ доказательствъ большой выгодности рабскаго труда? Напомнимъ хотя бы тѣ баснословные доходы, которые извлекали испанцы послѣ завоеванія изъ своихъ имѣній въ Перу и Мексикѣ, не прибѣгая даже къ такому способу эксплуатации ихъ, какъ горное дѣло ²⁾). Или вспомнимъ высокіе дивиденды, которые въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ выдавались большинствомъ привилегированныхъ компаний ³⁾.

Мы придемъ къ тому же самому результату, если познакомимся съ вычисленіями доходности, которыхъ дошли до настъ отъ отдѣльныхъ рабскихъ хозяйствъ. Около 1700 года одна плантация на французскихъ Антильскихъ островахъ оцѣнивалась, согласно Labat'у, въ 350 — 400 тыс. франковъ, а дохода приносила она 90.000 франк., слѣдовательно—около 25% ⁴⁾). Согласно другому, вычисленію ⁵⁾, получается слѣдующій счетъ прибылей и убытковъ

¹⁾ „Cet abandon resulta... de l'exemple des autres colonies dans lesquels on se servait des nègres, dont le travail donnait de grands bénéfices aux propriétaires et aux traitants. Sans l'attrait de ces gains funestes, l'émigration européenne eût continué, car elle n'a pas cessé à raison du climat des Antilles; mais par suite de la traite des nègres“. (Это прекращеніе произошло... по примѣру другихъ колоний, въ которыхъ пользовались неграми, трудъ которыхъ приносилъ большие барышы собственникамъ и продавцамъ. Безъ приманки этихъ злополучныхъ барышей европейская эмиграція продолжалась бы, тѣмъ какъ она прекратилась не въ силу климатическихъ условій Антильскихъ острововъ, а благодаря торговлѣ неграми). José Sacop, „De la suppression de la traite des esclaves africains dans l'île de Cuba“. „Revue Coloniale“. Mars, 1845, t. V, стр. 258; у Peutraud, 25.

²⁾ См. ниже, въ концѣ этой главы.

³⁾ См. соответствующія статьи (Р. Эренберга) въ H. St. и указанную тамъ литературу. Необходимо предостеречь противъ того, чтобы изъ низкихъ дивидендовъ привилегированныхъ компаний—такіе случаи, какъ извѣстно, бывали нерѣдко—прямо умозаключать, что прибыли ихъ были тоже не высоки. На самомъ дѣлѣ въ такихъ случаяхъ возможно другое объясненіе: сосудъ, въ которомъ должна была собираться вся прибыль, былъ, пожалуй, нѣсколько худоватъ, и слишкомъ многія части прибыли попадали въ руки отдѣльныхъ членовъ или служащихъ. Характерны въ этомъ отношеніи цифры, которая приводитъ Бокемейеръ („Die Molukken“, 279) относительно голландской ость-индской компании. Здѣсь, съ одной стороны, возрастаютъ потребности отдѣльныхъ конторъ и увеличиваются расходы на ихъ содержаніе. А съ другой стороны—все учащаются отправки въ метрополію по частнымъ векселямъ. Въ 1705 г. эта статья составляла не болѣе 274.434 флор., въ 1746 году поднялась до 1.209.586 флор., а въ 1764 г.—до 1.333.419 флор. Отѣльными лицами попадаютъ очень значительныя суммы. По отчетамъ за 1746 г., одинъ флексалъ, возвратившійся на родину, вносить подъ вексель 55.386 флор.; мастерамъ амстердамского спиртного дома передано 74.808 флор., уtrechtскаго—117.766 флор., гравевагскаго—37.839 флор., дельфтскаго—33.258 флор.

⁴⁾ Peutraud, 453.

⁵⁾ По Нипе, „Darstellungen aller Veränderungen des Negerhandels“ (1820). Schelegel, „Geschichte des Welthandels“, 2, 111 и слѣд.

для одной сахарной плантаци (въ концѣ XVIII столѣтія), цѣнность которой вмѣстѣ съ землями, постройками и 220 рабочими (считая женщинъ и дѣтей) опредѣлялась въ 35.000 фунт. стерлинговъ:

Выручка отъ производства: 500 бочечковъ сахара	
по 20 фунт. стерлинговъ	10.000
Ромъ и сиропъ	800
	10.800
Издѣржки производства: издѣржки по содержанію зда-	
ній, рабовъ и т. д.	1.200
Покупка 12 новыхъ негровъ	600
	1.800

Слѣдовательно общая выручка 9.000 фунт. стерл.

что опять-таки соотвѣтствуетъ нормѣ прибыли почти ровно въ 25%.

Вообще же барышъ, доставляемый однимъ работѣ въ теченіе года, опредѣляли: для сахарныхъ и кофейныхъ плантаций—въ 30 фунт. стерлинговъ, при воздѣлываніи хлопчатника—25 фунт. стерлинговъ, риса—20 фунт. стерлинговъ, табаку и хлѣба—15 фунт. стерлинговъ. Уже первые два года обыкновенно окупали покупную цѣну раба, а потомъ, конечно, оставался значительный излишекъ надъ издѣржками содержанія, которыхъ были очень низкія. Labat опредѣлялъ ихъ для плантаций съ 120 неграми въ 6.610 ливровъ, слѣдовательно всего въ 55 ливровъ на человѣка въ годъ; Schoelcher приходить къ цифре въ 100 ливровъ¹⁾.

Но что дѣлало колоніальное хозяйство въ особенности доходнымъ для предпринимателей въ метрополіяхъ, такъ это слѣдующее важное обстоятельство: одинаковымъ шагомъ съ эксплуатацией человѣческой силы шло разграбленіе странъ, — высасываніе силъ почвы, расхищеніе естественныхъ богатствъ фауны и флоры. Гдѣ ни ступила нога europѣйца—страна превратилась въ пустыню, міръ растений заchaхъ. Въ странахъ по Средиземному морю это наблюдалось въ такой же мѣрѣ, какъ почти во всѣхъ колоніяхъ нового времени. Лозунгомъ повсюду были слова: хищническая культура. Мы уже знаемъ, въ какой садѣ вступили франки, когда они прибыли въ Сирію и Палестину, въ настоящее время представляющія пустыню; мы слышали о плодородіи такихъ острововъ Средиземного моря, какъ, напр., Кипръ, а теперь больше чѣмъ половина его описывается какъ пустыня²⁾; намъ разсказываютъ о роскошныхъ кипарисныхъ лѣсахъ, которые шумѣли на островѣ Критѣ—и пали потому подъ тяжелымъ венеціаціевъ³⁾.

1) Reutrand, J. c. Къ такимъ же результатамъ приходятъ von Spix и von Martius, „Reise in Brasilien“; цитир. у F. Nedenius, „Ueber die Natur und die Ursachen des öffentlichen Kredits“, 2. Aufl. 1829, стр. 58, прим. Самъ Небеніусъ дѣлаетъ при этомъ некоторыя удачные замѣчанія.

2) Unger und Kotschy, „Die Insel Cypern“ (1865), 426 и сл. Въ 1573 году—черезъ два года по окончанію венеціанского господства,—когда островъ объѣхалъ Гансъ Ульрихъ Крафтъ, онъ наимѣлъ Кипръ уже опустошеннымъ. Сравн. замѣтки Крафтта, изданныя въ 1862 году Адольфомъ Кономъ подъ заглавіемъ: „Ein deutscher Kaufmann des 16 Jahrhunderts“, стр. 81 и сл.

3) Haudecourt, „Introduction“.

Та же картина опустошения—и въ заатлантическихъ колоніяхъ новѣйшаго времени. Въ Вестъ-Индіи культура сахара дѣйствовала такимъ истощающимъ образомъ, что скоро почти всѣ лучшіе участки земли сдѣлались непригодными для воздѣлыванія¹⁾; то же сообщаютъ изъ провинцій Минасъ (въ Уругваѣ) и Багія (въ Бразилии)²⁾.

Величественные лѣса повсюду падали жертвой европейскихъ предпринимателей. Уже въ 1548 году лѣсы въ окрестностяхъ Санть-Домінго были настолько опустошены, что дрова приходилось привозить за 12 миль³⁾.

Школьный примѣръ хищническаго хозяйства представляетъ дѣятельность голландской Остѣ-Індской компаніи. „Исключительное стремление къ барышу приводило къ тому, что виѣшнія владѣнія подвергались полному истощенію; радикальные средства, которыя примѣнялись для достижениія цѣлей Зибценеровъ, вездѣ заканчивались иниціетою захваченныхъ этими средствами странъ: имѣнія подвергались расхищенію, а племена доводились до самой глубокой степени бѣдности... Потомъ еще разъ наступилъ періодъ успѣха, когда царство Матарамъ (Ява), сохранившее свои силы еще нерастроченнымъ,пало жертвой компаніи. Контрабанди и принудительныя поставки „om niets“ („за ничто“) или по крайне низкимъ цѣнамъ снова наполнили кассы компаніи, пока, наконецъ, и этотъ послѣдній источникъ не началъ изсякать все больше и больше и не былъ исчерпанъ“⁴⁾.

Если мы примемъ все это во вниманіе, тогда не останется мѣста для сомнѣній на тотъ счетъ, какое значеніе имѣло колоніальное хозяйство для возстанія богатства въ Европѣ, или, говоря точиѣ, для развитія капитализма. На первыхъ порахъ весь эффектъ этого хозяйства заключался, конечно, единственно въ томъ, что огромныя денежныя состоянія сосредоточивались въ рукахъ отдельныхъ лицъ, которыя доставили необходимые фонды для веденія капиталистическихъ предпріятій.

Но что обусловливаетъ прежде всего то выдающееся положеніе, какое, несомнѣнно, принадлежитъ колоніальному хозяйству въ исторіи развитія капитализма,—такъ это слѣдующее важное, рѣшающее обстоятельство: колоніальное хозяйство позволяетъ накоплять производственные прибыли, прежде чѣмъ осуществились всѣ необходи-

1) Megival, „Lectures on colonization and colonies“, I, 41 и сл., 75 и сл. „Упадокъ Вестъ-Индіи, начавшійся задолго до прекращенія рабства, вытекаетъ главнымъ образомъ изъ той спекулятивной горячки, съ какою стремились воздѣлывать всю землю подъ предметы экспорта и, напротивъ, ввозить сюда издалека всѣ предметы, необходимые для жизни“. Roscher, Kolonien⁴, 99.

2) J. von Liebig, „Chemische Briefe“, 6. Aufl (1878), стр. 423.

3) Peschel, „Zeitalter der Entdeckungen“, 559. Объ уничтоженіи лѣсовъ на Курасао испанцами см. Friedemann, „Niederländisch-Ostindien“ (1860), 262; цитир. у Веег, „Gesch. des Welthandels“, 2, 199. Опустошеніе лѣсовъ въ Мексикѣ: A. von Humboldt, „Essai politique sur le royaume de la nouvelle Espagne“, 2 ed., 1 (1825), 283. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о систематическомъ уничтоженіи многихъ растеній, особенно гвоздичныхъ лѣсовъ, предпринятомъ голландцами на Молуккскихъ островахъ съ тою цѣлью, чтобы обеспечить за собой торговую монополію. Н. Вокешевег, „Die Molukken“, стр. 117 и сл., 179 и сл.

4) Н. Вокешевег, 275.

мыя условія для капиталистического производства. Такую роль оно играетъ лишь потому, что оно основано на принудительномъ труде. Это обстоятельство даетъ ему способность доставлять предпринимателю прибыль, прежде чѣмъ совершилось необходимое накопление денегъ, прежде чѣмъ образовался неимущій пролетаріатъ, прежде чѣмъ исчезла *terra libera* (свободная, незанятая земля)¹⁾. Поэтому колоніальное хозяйство не капитализмъ, но содѣствуетъ его основанію. Потому-то мы и занялись колоніальнымъ хозяйствомъ уже здесь, гдѣ намъ приходится прослѣдить генезисъ современного капитализма. Въ теоріи послѣдняго необходимо отвести мѣсто колоніальному хозяйству, какъ одному изъ существенныхъ способовъ, ускоряющихъ накопление денежныхъ состояній.

С. Усиленный привозъ благородныхъ металловъ изъ колоніальныхъ областей.

Сейчасъ мы займемся и другими формами накопленія и ихъ модификаціями въ рамкахъ колоніального хозяйства, слѣдовательно, познакомимся какъ съ прямымъ, безъ всякихъ промежуточныхъ звеньевъ, присвоеніемъ денежного товара, такъ и съ накопленіемъ, совершающимся при посредствѣ перенесенія имущества изъ однѣхъ рукъ въ другія. Важность этихъ видовъ накопленія въ европейскихъ колоніяхъ выяснится лучше всего, если мы напомнимъ тотъ фактъ, что съ ними стоитъ въ связи одно важное явленіе, имѣвшее рѣшающее значеніе для генезиса современного капитализма. Явленіе это—обусловленное пріобрѣтеніемъ колоній измѣненіе количества благородныхъ металловъ, на протяженіи всей европейской хозяйственной территории. Существуютъ основанія съ полною рѣшительностью утверждать, что все накопленіе, поскольку мы прослѣдили его до настоящаго времени, едва ли было бы въ состояніи (развѣ лишь въ бесконечно медленномъ темпѣ) привести къ капиталистическому хозяйству,—едва ли было бы въ состояніи, если бы не встрѣтилось того обстоятельства (случайного, какъ мы должны сказать, съ точки зрѣнія нашего ограниченаго познанія), что западно-европейцы нашли въ своихъ колоніяхъ богатое изобиліе благородныхъ металловъ, уже добытыхъ или доступныхъ для добыванія. Только стеченіе этихъ двухъ фактovъ: во-первыхъ, Западная Европа въ такихъ широкихъ размѣрахъ могла эксплуатировать чужія страны посредствомъ не знавшаго никакого удержу колоніального хозяйства; во-вторыхъ, страны эти были до чрезвычайности богаты металлическими деньгами или благородными металлами,—только это и сдѣлаетъ для насъ понятнымъ генезисъ современного

1) Лоріа превосходно выясняетъ связь между этими явленіями. Страннимъ образомъ онъ упоминаетъ такой аргументъ въ пользу своей теоріи *terra libera*—впрочемъ, она уже имѣется implicite у Мериваля и Уэклифъда, а схѣмой за ними и у Маркса,—какъ фактъ упадка большинства колоній вслѣдствіе уничтоженія рабства. Богатый материалъ относительно этого даетъ К. Andr  e, „Geographie des Welthandels“, 2 (1872), 695 и сл. Сравн. также Metivale, 1, 84 и сл., а изъ новѣйшихъ работъ—A. Weber, „Zur wirtschaftlichen Lage in den tropisch-s  damerikanischen Staaten“, въ „Schmollers Jahrbuch“, 52 (1901), 222 и сл.

капитализма. Здѣсь мы еще разъ и съ полною ясностю можемъ видѣть, насколько абсурдна абстрактная теорія капитализма. Европа безъ своихъ колониальныхъ владѣній окончила бы, вѣроятно (какъ только нѣмецкіе рудники подверглись бы истощенію), не капитализмомъ, а натуральнымъ хозяйствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы наблюдаемъ, что по меньшей мѣрѣ до самого XV столѣтія запасъ благородныхъ металловъ становится все скучнѣе. Причины извѣстны: прежде всего большая доля наличныхъ денегъ, которыхъ распространила римская культура въ Западной Европѣ, въ формѣ налоговъ утекла въ Византію, когда для послѣдней наступила эпоха расцвѣта. Остальную же часть поглотила торговля съ Левантомъ. Извѣстно, что въ этой торговлѣ балансъ для Западной Европы былъ съ самого начала пассивный и что, начиная съ римской эпохи, крупныя суммы благородныхъ металловъ постоянно отливали на Востокъ. Чѣмъ болѣе процвѣтала торговля, тѣмъ чувствительнѣе становилось это кровопусканіе. Въ средніе вѣка сложилось вообще такое положеніе: Италия — главнымъ образомъ Венеція — выкачивала посредствомъ торговли весь добываемый въ Германіи благородный металль: въ торговлѣ между ними активный торговый балансъ былъ, разумѣется, на сторонѣ Италии¹⁾. Но потомъ итальянцы нагружали нѣмецкое золото и серебро на свои галеацы и плыли съ нимъ въ Левантъ, чтобы тамъ передать его арабамъ²⁾. Общее положеніе Европы удачно характеризуется слѣдующими словами Пешеля³⁾: „Съ древнѣйшихъ историческихъ временъ распределеніе добываемыхъ металловъ между народами совершалось по своимъ собственнымъ правиламъ. Культура постоянно стремилась на Западъ, золото и серебро всегда шли на Востокъ, и притомъ металлы должны были направляться къ Востоку именно потому, что оттуда шла культура“. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ процессовъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, все болѣе чувствительный недостатокъ денегъ въ Европѣ конца среднихъ вѣковъ (объ Италии, въ которой уже началось исходящее движеніе, мы, конечно, не говоримъ). Эта феноменъ находить для себя самое ясное выраженіе въ увеличеніи покупательной силы серебра — фактъ, который констатируется повсюду⁴⁾.

1) „Германія... не уступаетъ... по богатству всякими металлами никакому царству земли; ибо всѣ нации: итальянская, галльская, испанская и другія, несомнѣнно, получаютъ все серебро отъ нѣмецкихъ купцовъ“. „Buch der Chroniken“ (1493), у Janssen, 1, 419.

2) Излишнѣй выводъ надѣ ввозомъ благородныхъ металловъ изъ Венеціи въ Александрию составлялъ въ XV столѣтіи ежегодно 300.000 дукатовъ. Мнѣніе венецианского посланника Тревизано въ „Journal Asiatique“. Tome IV (1829), стр. 28, волр. XI, цитиров. у Peschel, 28.

3) O. Peschel, „Histor. Erörterungen über die Schwankungen der Wertrelationen zwischen den edlen Metallen und den übrigen Handelsgütern“, въ „Deutschen Vierfjahrsschrift“, 1853, 4. Heft, стр. 35.

4) Увеличеніе покупательной силы серебра могло выражаться въ паденіи цѣнъ, но, съ другой стороны, какъ показываетъ опытъ, часто сопровождалось и неизмѣнностью цѣнъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда параллельно съ повышеніемъ цѣнности серебра шла порча монеты. См. примѣры у D'Avensel, „Hist. écon.“, 1 (1894), 24 и сл. Leber, „Fortune privée“, 16—17. Lamprecht, 2, 619 и сл. Напацег, „Etudes écon. sur l'Alsace“, 2, 604 и сл.; кроме того, работы о папскіхъ финансахъ. Сравн. Iwanowa-Sternegg, „Die Goldwährung im Deutschen Reich während des Mittelalters“, въ „Zeitschr. f.

И въ pendant къ этому—баснословное богатство золотомъ и серебромъ, отчеканенными и неотчеканенными въ монету, въ византійскомъ и арабскомъ государствахъ среднихъ вѣковъ. Всѣ дошедшія до насъ изъ этихъ государствъ описавія роскоши, великолѣпія обстановки, изобилія золотой и серебряной утвари, драгоцѣнныхъ украшеній изъ благородныхъ металловъ и т. д.,—все это кажется намъ какими-то сказками изъ „Тысячи и одной ночи“. Въ дворцахъ государей и вельможъ были сосредоточены такія массы золота и серебра, какихъ еще никогда до того времени не видывалъ міръ и какія внослѣдствіи онъ видѣлъ еще только разъ—въ замкахъ Анагуака и Монтеzuмы¹⁾.

Но оба государства обладали огромнымъ изобиліемъ благородныхъ металловъ и въ формѣ монеты; объ этомъ мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ цифрамъ денежныхъ состояній, доходовъ, окладовъ жалованья, судебныхъ пошлинъ и т. д. Напр., юстиніановскіе своды законовъ даютъ указанія на такія сказочно высокія суммы окладовъ чиновниковъ, судебныхъ издережекъ и т. д., что намъ волей-неволей приходится предположить совершенно исключительное паденіе цѣнности денегъ въ эту эпоху. Такое же явленіе и въ калифатѣ. Напр., денежный доходъ Гаруна аль-Рашида составлялъ 125 миллионовъ диргамовъ золотомъ, свыше 400 миллионовъ серебромъ²⁾), доходъ его матери—болѣе 160 милл. диргамовъ³⁾; объ одномъ частномъ лицѣ сообщаютъ, будто оно ежедневно (?) получало 100,000 диргамовъ дохода, о камѣстникахъ—будто ихъ ежегодный доходъ составлялъ 13 миллионовъ диргамовъ. Въ IX столѣтіи окладъ кайрскаго судьи составлялъ 48.000 диргамовъ⁴⁾.

Но гдѣ теперь эти сокровища, куда дѣлись эти массы денегъ? Несомнѣнно, значительная часть износилась, закопана, пропала. Но большая часть должна существовать гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Она возвратилась или вновь утекла въ Западную Европу,—вновь утекла, потому что, разумѣется, благородный металль шелъ на Востокъ не изъ одной только Европы: африканскіе золотые рудники тоже доставили свою добрую долю⁵⁾). Но какъ благородный металль могъ найти дорогу въ Западную Европу? Мы уже видѣли, что не посредствомъ торговли или, по меньшей мѣрѣ, не главнымъ образомъ посредствомъ торговли⁶⁾. Такимъ образомъ остается только одна возможность.—

Soc.- und W. G.^a. Bd. III, и G. Wiebe, „Zur Geschichte der Preisrevolution im 16 und 17 Jahrhundert“ (1925), 60 и сл. Но самое надежное доказательство возрастающаго недостатка благородныхъ металловъ—это уже упомянутая ограничительная политика всѣхъ средневѣковыхъ государствъ и городовъ, стѣсняющая торговлю золотомъ и серебромъ.

¹⁾ Относительно Византіи я отсыпал читателей къ извѣстнымъ описаніямъ у J. N. Кгаузе, „Die Byzantiner im Mittelalter“ (1869), 49, 51 и сл., 55 и сл., 280. Относительно царства калифорніи—къ описаніямъ у A. von Кремег, „Kulturgeschichte des Orients“, 2 (1877), 194 и сл., 300 и сл.

²⁾ von Кремег, въ „Verhandlungen des VII. Internationalen Orientalisten-Kongresses. Semit. Sektion“. Wien, 1888, стр. 12.

³⁾ 1 диргамъ=приблизительно 1 франку. von Кремег, „Kulturgeschichte“, 2, 193.

⁴⁾ von Кремег, „Kulturgeschichte“, 2, 190—193.

⁵⁾ Подробнѣе объ этомъ см. ниже, а также экскурсъ къ настоящей главѣ.

⁶⁾ Торговля приносила арабскія деньги только въ сѣверные страны Европы, у которыхъ благодаря доставкѣ мѣховъ торговый балансъ всегда былъ активный. Какъ известно, бохшія находки арабской монеты сдѣланы въ сѣверной Европѣ. За

именно, что итальянцы непосредственно вытягивали золото изъ своихъ колоний. Но, къ сожалѣнію, мы лишь очень плохо можемъ прослѣдить этотъ процессъ. Намъ приходится обратиться къ косвеннымъ заключеніямъ, судить по тому, какъ вели себя европейцы въ заатлантическихъ колоніяхъ: во всякомъ случаѣ получится не особенно большая разница отъ того, какъ итальянцы дѣйствительно держались въ левантскихъ колоніяхъ.

А если такъ, мы получимъ слѣдующіе способы присвоенія итальянцами благородныхъ металловъ:

1) Непосредственное накопленіе, которое известно намъ до сихъ поръ только въ формѣ

а) горнаго дѣла. Основываясь на теперешнихъ нашихъ знаніяхъ, мы не можемъ сказать, играло ли оно сравнительно видную роль въ средневѣковомъ Леванте. Зѣтберъ склоняется къ мнѣнію, что въ послѣднюю эпоху среднихъ вѣковъ страны Балканского полуострова и Малой Азіи давали „не малыя количества золота и серебра“. И большая часть наиболѣющихъ рудниковъ, несомнѣнно, была въ рукахъ итальянцевъ. Напр., намъ известно относительно сербскихъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ въ Новобродо, Яново и Котово, что въ 1433 году они были отданы въ аренду венецианцамъ за ежегодную плату въ 200.000 дукатовъ. Г. Агринола упоминаетъ о богатыхъ серебряныхъ рудникахъ Аргентаро, къ сѣверу отъ горы Атосъ; въ его время рудники эти приносили турецкому султану по 600.000 дукатовъ въ годъ. У насъ есть основанія думать, что они—какъ и серебряные рудники въ Малой Азіи, близъ Трапезунта, известные уже въ древности—раньше эксплуатировались итальянскими домами. Мы должны дальше напомнить, что въ рамкахъ колоніального хозяйства непосредственное накопленіе принимаетъ и другія—я сказалъ бы: болѣе первобытныя—формы; для ихъ обозначенія нашъ безпомощный языкъ можетъ пользоваться только выраженіями, которыхъ чисто юридически квалифицируютъ соотвѣтствующіе способы присвоенія. Мы имѣемъ въ виду непосредственное накопленіе въ формѣ:

в) даренія и

с) хищенія, или добычи.

У насъ имѣются довольно точныя свѣдѣнія относительно той роли, какую

подтверждѣніями можно обратиться къ старой литературѣ, напр., къ Heyd, I, 65 и сл. Трудно решить, былъ ли у итальянскихъ городовъ, особенно у Венеции, активный торговый балансъ въ ихъ сношеніяхъ съ арабами и мароккскаго берега. Намъ известно, напр., что они вывозили отсюда золото (Отчетъ о поѣздѣ M. Aloiso da cada Mosto, у Ramusio, „Delle navigationi“, etc., 1563 г., 100 стр., на оборотѣ); но возможно, что золото получалось въ обмѣнѣ за серебро: источникъ вполнѣ допускаетъ такое истолкованіе. Притомъ количество золота, вывозимаго изъ Марокко, было исключительно. Во всякомъ случаѣ я не могу согласиться съ мнѣніемъ Зѣтбера (Petermanns Erg.-Heft, 57, 43), будто западно-африканское золото, вывозимое черезъ Марокко благодаря торговлѣ, главнымъ образомъ и позволило итальянскимъ городамъ или побудило ихъ решительно вездѣ принять въ XIII вѣкѣ золотую валюту (въ 1252 году появляется флоринъ, „д'ого“, 1283 г.—венецианский дукатъ). По меньшей мѣрѣ такое же сильное влияніе оказали: 1) вывозъ главнымъ образомъ серебра; 2) возвращеніе золота изъ Леванта тѣмъ способомъ, какъ изложено въ текстѣ: итальянское колоніальное господство въ Леванте продолжалось почти цѣлое столѣтіе, прежде чѣмъ въ метрополіи была введена золотая валюта.

играли почетные подарки въ левантскихъ колоніяхъ¹); напротивъ, намъ малоизвѣстно о послѣдней изъ только что названныхъ формъ непосредственнаго накопленія. И тѣмъ не менѣе мы должны считать ея значеніе очень серьезнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы прямо чудомъ, если бы при завоеваніи Константинополя и другихъ греческихъ и арабскихъ городовъ грабежъ и разбой не нашли для себя самого широкаго поприща. И мы стояли бы въ полномъ согласіи съ фактами, если бы предположили, что именно такимъ способомъ были получены сокровища Востока, составившія цѣлые корабельные грузы и моремъ отправленныя въ итальянскіе города²).

Необходимо отмѣтить еще одну форму накопленія, имѣвшую огромное значеніе для колоній, именно

2) обложеніе и производное по отношению къ нему образованіе частныхъ состояній. Основываясь на отдельныхъ дошедшихъ до насъ случаяхъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что и здѣсь итальянцы какъ нельзя лучше умѣли эксплуатировать подчиненные имъ области. Средствомъ для того служили или прямые поборы („оцѣнки“) или взиманіе пошлинъ и т. д. „Документальное“ подтвержденіе этихъ и безъ того понятныхъ вещей мы получимъ не раньше, чѣмъ будетъ написана исторія средневѣковыхъ левантскихъ колоній, для которой теперь существуютъ лишь крайне скучные зачатки.

Переходя къ измѣненіямъ, обусловленнымъ событиями на исходѣ среднихъ вѣковъ, мы должны одѣнить значеніе слѣдующихъ обстоятельствъ. Установленіе прямыхъ сношеній съ Остѣ-Индіей и, какъ результатъ этого, оживленіе европейско-индійской торговли сначала увеличило количествомъ благородныхъ металловъ, особенно серебра, отливавшихъ къ Востоку. Серебро было обычнымъ грузомъ судовъ, отбывающихъ изъ Лиссабона; каждая саракка захватывала 40—50 тысячъ испанскихъ талеровъ для покупки церда³). Голландцамъ тоже приходилось оплачивать наличными деньгами большую часть своего вывоза изъ Остѣ-Индіи; „вывозъ другихъ товаровъ“ (кромѣ серебра) „быть не особенно значителенъ“⁴).

Но, съ другой стороны, установленіе прямыхъ сношеній съ народами Востока повело къ此刻юю созданию ряда причинъ, обусловившихъ обратный-приливъ благородныхъ металловъ въ Европу. Отмѣтимъ прежде всего, что теперь европейцы вообще впервые могли слѣдить по меньшей мѣрѣ попытку оплачивать ввозъ изъ Остѣ-Индіи произведеніями своей собственной промышленности: пока арабамъ принадлежало первенство, это было рѣшительно невозможно. Попытка, какъ извѣстно, увѣнчалась успѣхомъ. Послѣ 1500 года всевозмож-

1) Срвн. Нейд., I, 224, 252, 260, 265.

2) Матвій Парижскій такъ говорить о добычѣ, полученной въ 1098 г. при завоеваніи Антиохіи: „aedificis... omniibus cum penetalibus et apothecis ubique contractis aurum, argentum, vestes preciosas, gemmas, vasa impreciabilia cum tapetis et olosericis inter se aqua sorte distribuentes qui prius esurientes in exercitu mendicabant, tunc bonis omnibus abundant“. Matth. Par., Chron. maj. in Rer. br. med. Aevi SS. Ed. H. Richards Luard, Vol. II. 1874, стр. 78—79.

3) Рургѣд, Voyage P. 2. ch. 14, 15, цит. у F. Saalfeld, „Portug. Kol.“, 145.

4) Wurfbains, „14-jähriger ostindischer Kriegs- und Oberkaufmannsdienst“ (1686), 4. Saalfeld, „Holländ. Kol.“, I, 218 и сл.

ныя бездѣлушки Европы все въ большемъ и большемъ количествѣ поступаютъ въ обмѣнъ на продукты Востока. Даѣще, колониальное заселеніе открываетъ возможность обложенія данями, грабежа и вымогательства, разбоя и кражи. Какъ намъ сообщаютъ, португальскій губернаторъ (на Малабарскомъ берегу) въ дѣлѣ обмана и вымогательства шелъ впереди своихъ подчиненныхъ; пираты накопляли богатства и обременяли сокровищами возвращались въ Португалию¹⁾. Въ 1511 году, когда Альбукиркъ разграбилъ Малакку, его добыча составила миллионъ дукатовъ²⁾. Извѣстно, какъ грабили чиновники голландской ость-индской компаніи: одинъ финансовый чиновникъ, умершій въ 1709 году, оставилъ послѣ 3—4-лѣтней дѣятельности состояніе въ 300.000 талеровъ; губернаторъ Валькениръ (1737—1741 г.), возвратившись въ Европу, привезъ съ собою 5 миллионовъ гульденовъ, которые онъ награбилъ за время своей службы³⁾.

Грабительственная система вторгавшихся европейцевъ имѣла, конечно, тѣмъ больше успѣха, чѣмъ богаче была территорія благородными металлами,— безразлично, были ли металлы уже добыты туземцами или же ихъ еще приходилось добывать изъ земли. Обстоятельства показали, что и континентъ Азіи, и въ особенности азіатскіе острова, когда обосновывались здѣсь португальцы, были до чрезвычайности богаты золотомъ. Этотъ фактъ въ настоящее время настолько забытъ, что объ азіатскомъ золотѣ ни словомъ не упоминаютъ наши первоклассные специалисты по статистикѣ благородныхъ металловъ⁴⁾. И однако, чтобы до такой степени быстро истощить эти богатыя золотомъ области, португальцы несомнѣнно должны были въ теченіе XVI столѣтія извлечь изъ своихъ владѣній огромныя массы золота: еще около 1500 года острова Азіи были золотоносными странами первого ранга. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что, какъ мы можемъ прослѣдить, арабы къ тому времени проникли уже во всѣ мѣста добыванія золота и получали изъ нихъ этотъ металль на протяженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ⁵⁾.

Можно думать, что арабское господство далеко не имѣло такого рокового значенія для источенія благородныхъ металловъ въ Южной Азіи, какъ господство падкихъ до золота европейцевъ: на что арабамъ потребовались вѣка, европейцы совершили въ десятилѣтія.

1) По Hamilton, „A new account of East Indies“, 1, 251. Beer, „Gesch. des Welthandels“, 2, 118—19.

2) Изъ нихъ король получиль на свою долю 200.000 дукатовъ. Peschel, „Zeitalter der Entdeckungen“, 605. O doardo Barbosa говорить всего лишь о „Sacco d'incredibile ricchezze in oro e mercanzie“, см. Ramusio, 1, 318 D.

3) P. Leger-Bauleau, „De la colonisation“, 4, 73. Новѣйшія цифры у Бокемеуг, 279 и сл. Сравн. также выше, стр. 329.

4) Ни у Зѣтбера („Petermanns Erg.-Heft“, 57), ни у Зюсса („Die Zukunft des Goldes“, 1877) Азія, какъ страна золота, не находится отынки. И даже Del Mar, „History of the Precious Metals“ (1880), въ качествѣ источника золота знаетъ только Японію. То же слѣдуетъ сказать относительно Лексиса (статья „Gold“ въ H. St²).

5) Сравн. экскурсъ. Возможно, что уже древній міръ большую часть своего золота получалъ изъ указанныхъ въ текстѣ областей Южной Азіи, но больше всего добывалось золота въ то время въ Центральной Азіи. Сравн. A. von Humboldt, „Ueber die Schwankungen der Goldproduktion etc.“, въ „Deutsche Vierteljahrsschrift“, Heft IV (1838).

Но все, что мы сказали о золотоносныхъ странахъ Азіи, не въ меньшей степени справедливо и для богатыхъ золотомъ областей Африки¹⁾. Послѣднія—всего въ Африкѣ существуетъ три золотоносныхъ области—въ теченіе долгаго періода среднихъ вѣковъ тоже эксплуатировались арабами и тоже были до чрезвычайности далеки отъ истощенія, когда португальцы добрались до нихъ. Когда европейскіе завоеватели впервые достигли до золотыхъ пріисковъ области Сенегала, а вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ—и до богатыхъ восточно-африканскихъ пріисковъ по берегу Софала, это опять знаменовало колоссальный приростъ количества золота, притекавшаго въ европейскія страны.

Всѣ знатоки дѣла признаютъ, что едва ли возможно выразить точными цифрами количества золота, которое ввозилось въ Европу въ тѣ отдаленные времена. Если бы даже удалось съ приблизительной правильностью установить количество металла, „добытаго“ самими европейцами,—масса награбленнаго ими золота и серебра во всякомъ случаѣ не поддается никакимъ вычислениямъ. Съ такой оговоркой мы приведемъ тѣ цифры вывоза золота изъ Африки, который даетъ Зѣтберъ. По мнѣнію этого выдающагося ученаго, средній годичный вывозъ золота составлялъ въ періоды:

1493—1520 г.	3.000	килogr., или 8.370.000	марокъ.
1521—1544 „	2.500	” ” 6.975.000	”
1545—1600 „	2.000	” ” 5.580.000	”
1601—1700 „	2.000	” ” 5.580.000	”

Вывозъ золота изъ Японіи Лексісъ опредѣляетъ для второй половины XVI столѣтія въ 300 миллионовъ и для XVII столѣтія—въ 400 миллионовъ марокъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить массы золота, вывезенныхъ португальцами изъ ихъ азіатскихъ владѣній; но здѣсь нѣть никакой точки опоры для вычислений²⁾.

А потомъ Америка! Здѣсь европейцы вступили въ храмъ, который носилъ имя *corticancha*, въ переводѣ на русскій языкъ—„золотое мѣсто“. На западной стѣнѣ было символически изображено божество: человѣческій ликъ, въ сіяніи безчисленнаго множества лучей, исходящихъ отъ него по всѣмъ направленіямъ, какъ иерѣдко у настъ символически изображается солнце. Фигура его была вырѣзана на золотой доскѣ-самородкѣ колоссальныхъ размѣровъ, густо усыпанной изумрудами и благородными камнями. Она стояла противъ восточныхъ дверей, такъ что луча утренняго восходящаго солнца тотчасъ же

1) См. экскурсъ.

2) Всѣ приведенные цифры представляютъ, по моему мнѣнію, минимумъ, что вытекаетъ изъ изложенныхъ выше соображеній. Въ частности, что касается добыванія золота изъ Африки,—для меня стоитъ вѣдь всякаго сомнѣнія, что въ дѣйствительности цифры здѣсь были много крупнѣе, чѣмъ это думаетъ Зѣтберъ. Вероятно, и Зѣтберъ дальше бы боялся крупныя цифры, если бы онъ познакомился съ данными Фомы Лопеца относительно производительности софальскихъ пріисковъ. Въ то время, когда сюда прибыли португальцы, ежегодная добыча изъ нихъ уже опредѣлялась въ $2\frac{1}{2}$ милл. миткалей (1 миткал.= $1\frac{1}{3}$ дуката; слѣдовательно, $2\frac{1}{2}$ милл. миткаль.=24 милл. марокъ). Но европейцы, конечно, добывали больше, чѣмъ арабы. Th. Lopez, „Navigatione verso le Indie orientali“ (1502), у Ramusio 1, 134 С. Съ этимъ согласуются давніяя, которая на основаніи другихъ источниковъ сообщаетъ намъ Saalfeld, „Portug. Kol.“, 174, и согласно которымъ добыча золота составляла будто бы $1\frac{1}{2}$ милл. фун. стерл.

падали на нее и наполняли все пространство сверхъестественно сияющимъ блескомъ, отражающимъ отъ золотыхъ украшений, которыя сплошь покрывали стѣны и потолокъ. Во всѣхъ внутреннихъ частяхъ этого храма исходили лучи отъ блистающихъ листовъ и колоний изъ чистаго золота. Карнизы, обходившіе по стѣнамъ, вокругъ святилища, были въ золота, и золотой же фризъ, вѣвланный въ каменную кладку, окружалъ снаружи все зданіе. Золото, думали тамъ, — это слезы, которыми плакало солнце ¹⁾). Поэтому храмъ, посвященный лунѣ и примыкавшій къ сориканеха, былъ сдѣланъ не изъ золота, а изъ серебра. И вся утварь въ обоихъ святилищахъ, служившая для религіозныхъ обрядовъ, была сдѣлана изъ золота и серебра. Въ садахъ, которые окружали храмы, сияли изображенія животныхъ и растеній изъ золота и серебра.

Таковъ былъ Куско, таково было Перу, такова была Америка ²⁾, въ которую теперь вторгся грубый народъ Европы, чтобы утолить здѣсь свою жажду золота. Подобно хищнымъ звѣрямъ,—по справедливости говорять объ испанцахъ,—рыскали они по новымъ землямъ, высматривая, какъ хищные звѣри, добычу. Обманъ и хитрость, грубость и насилие,—все это послѣдовательно находило себѣ примѣненіе, чтобы сдѣлать собственностью новыхъ господъ тѣ—сокровища, которыхъ были накоплены здѣсь въ теченіе тысячелѣтій. Испанцы вымогали деньги за выкупъ туземныхъ владыкъ, вскрывали гробницы, отрывали золотые плиты со стѣнъ храмовъ, отнимали предметы украшенія у аборигеновъ. Одна экспедиція, снаряженная Вельсерами во внутрення части Венесуэлы (1535 г.), принесла добычу въ 40.000 пезеть золотомъ, полученную изъ гробницъ, жилищъ и въ качествѣ выкупа; при другомъ походѣ у одного племени было взято 140.000 пезеть чистаго золота и 30.000 пезеть—менѣ цѣнного ³⁾). У Монтезумы захватили такія сокровища, что, перелитыя въ слитки, они представляли цѣнность въ 162.000 пезеть, а болѣе мелкіе предметы украшенія стоили 500.000 дукатовъ ⁴⁾). Цѣнность добычи, полученной при завоеваніи главнаго города Мексики и потомъ переплавленной, опредѣляется въ 19.200 унцій, или 131.000 пезеть ⁵⁾). Въ одномъ письмѣ епископа Зумарагга изъ Мексики отъ 17 августа 1529 г. упоминается, что, когда арестовали Салазара, замѣстителя Кортеца, у него было найдено 30.000 пезеть чистаго золота: это осталось у него послѣ отправки золота въ Испанию. Другіе чиновники награбили, по его словамъ, по 25—30 тысячъ пезеть. Отъ плѣнного кацапа Мехоакана потребовали выкупъ изъ 800 золотыхъ слитковъ по половинѣ марки вѣсомъ и 1.000 серебряныхъ слитковъ по

1) I al oгe asimismo decian que era lagrimas que sol llorava.

2) См. описание богатства Перу золотомъ и серебромъ у W. H. Prescott, „Gesch. der Eroberung von Peru“, чѣм. пер. 1848 г., 1, 22 и сл., 74 и сл., 194, 214, 329 и сл., 348, 354—358 (выкупъ за Атагуальпу), 397 и сл. Относительно Мексико—Prescott, „Gesch. der Eroberung von Mexiko“, чѣм. пер. 1845 г., 1, 143, 239, 448, 539 и сл. О богатствахъ въ странѣ Chibcha, и особенно въ царствѣ Zippa von Bogotá и Zaque въ Tunja—см. Häßler, „Amerika“, 300.

3) Негт. A. Schuhmacher, „Die Unternehmungen der Augsburger Welser in Venezuela“, стр. 72, 124. von Langegger, „El Dorado“ (1888), 13—14.

4) Prescott, „Eroberung von Mexiko“, 1, 541.

5) Негтегера, Dec. IV, 3, 8.

одной маркѣ въсомъ. Въ другомъ письмѣ, отъ апрѣля 1532 года, упоминается, что нѣйный Ухихила награбилъ у туземцевъ Мехоахака золотыя украшения и переплавилъ ихъ въ 15—16 слитковъ, но изъ этого количества не утаилъ только двухъ¹⁾. Въ „Registro del Consejo de Indias“ имѣется указание, что въ 1535 году изъ Перу въ Севилью прибыло на четырехъ судахъ золото и серебро, чѣнностью въ 2 мил. дукатовъ. Это была добыча, которая досталась испанцамъ при разрушеніи царства Атагуальпы²⁾, или, говоря точнѣе, выкупъ за Атагуальпу, составлявшій 1.326.539 пезеть золота и 51.610 марокъ серебра³⁾. Не менѣе точными свѣдѣніями располагаемъ мы и относительно количества золота и серебра, награбленного въ 1535 г. при завоеваніи Куско: въ „Archivio de Indias“ до сихъ поръ сохраняется подлинникъ протокола⁴⁾. Согласно этому документу, добыча составила 242.160 кастеллано-золота и 83.560 марокъ 5 унцій серебра. Выкупъ за Иинку и добыча въ Куско составили въ общей сложности свыше 33.000.000 марокъ (въ переводѣ на современные деньги). Это—цифры, которыя приведены въ извѣстность. А какія огромныя суммы доставались, кроме того, завоевателямъ мелкими долями—при каждомъ грабежѣ, при всякомъ хищеніи⁵⁾.

Второй формой присвоенія уже добытыхъ благородныхъ металловъ было обложеніе налогами, взиманіе даней и т. п. И этимъ способомъ завоеватели воспользовались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Частные лица получали изъ этого источника извѣстную долю въ формѣ жалованій, или же имъ прямо передавались доходы съ болѣе или менѣе обширныхъ территорій. Помѣстья, пожалованныя въ Перу испанскимъ офицерамъ, какъ разсказываютъ, приносили до 150—200 тысячъ пезеть ежегодно⁶⁾. Фамилія Кортеса получила въ качествѣ маркизства долину Оахака съ населеніемъ въ 17.700

1) Сообщ. у Soetbeer, I. c.

2) K. Häßler, „Zur Geschichte spanischen Kolonialhandels im 16. u. 17. Jahrh.“, въ „Zeitschrift für Soc.- u. Wirtschaftsgesch.“, 7, 392 и сл.

3) Prescott, „Eroberung von Peru“, 1, 356—357. Съ этими данными почти вполнѣ совпадаютъ данные изъ „Acta de reparticion del rescate de Atahualpa“, перепечатанные у M. J. Quintana, „Vidas de Espagnoles celebres“, 1 (1841), 389 и сл.

4) Перепечатанъ въ „Coleccion de documentos ineditos relativos al descubrimiento, conquista y colonizacion de las posesiones Espagnolas en America e Oceania“; въ извлеченияхъ у Soetbeer, I. c., 65—66.

5) Чтобы составить себѣ извѣстное представление о тактике завоевателей, которая, действительно, приводить на память хищныхъ звѣрей, необходимо въ оригиналѣ прочитать описанія Неггера, Хегеза, Домагаы, изъ которыхъ Прескоттъ, Гельпъ и др. даютъ намъ извлеченія. Когда завоеватели расхищали изъ зданій золотыя и серебряныя украшения, туземцы должны были оказывать сопротивленіе имъ; если они не проявляли должной испосѣщенности, испанцы грабили (Prescott, „Реги“, 1, 349). При вступлениі въ Куско, а также и въ другіе города, они нападали на храмы, подвергали ихъ разграбленію, открывали гробницы, чтобы стащить украшения съ мумій. „Жадные завоеватели не оставляли ни одного мѣста не обысканнымъ, и потому иногда они наталкивались на кладъ, изъ-за которого стоило потрудиться“ (397). За ними оставалась пустыня. Мѣсто, на которомъ стоялъ храмъ Дѣвь Сознца, „менѣе чѣмъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ по завоеванію можно было признать только по чудовищнымъ массамъ развалинъ, которая покрывали землю“ (215); такую картину представляли и все вообще страны.

6) Roscheg, I. c. (ссылка у него неправильная). Согласно Неггера, Dec. VII, 6, 3, помѣстья Гонзalo Пизарро приносили больше доходовъ, чѣмъ епископство толедское.

душъ¹⁾), которое въ эпоху Кортеса должно было уплачивать податей 60.000 дукатовъ. Губернаторъ португальской колоніи Мозамбикъ по истечениі трехъ лѣтъ своего управления обыкновенно получалъ прибыль въ 30.000 крузадо²⁾.

Но нѣть никакой возможности дать числовое выражение тѣмъ суммамъ золота и серебра, которыхъ такимъ способомъ попали въ Европу; поэтому приходится ограничиваться главнымъ образомъ цифрами добыванія благородныхъ металловъ въ рудникахъ. На этиѣ счѣты мы, дѣйствительно, располагаемъ сравнительно достовѣрнымъ матеріаломъ, чѣмъ мы обязаны прежде всего интересамъ фиска³⁾.

Даты, къ которымъ пріурочивается добываніе благородныхъ металловъ въ Америкѣ, извѣстны: въ 1519 г. завоеваніе Мексики, откуда въ 1521 г. отправляется первый транспортъ серебра; въ 1535 г. завоеваніе Перу; въ 1545 г. открытие въ Боливіи серебряныхъ рудниковъ Потози. Послѣдніе въ первое время, до конца XVII столѣтія, доставляли колоссальную добычу и, при невѣроятныхъ цифрахъ добыванія, завоевали воистину господствующее положеніе на рынкѣ благородныхъ металловъ. Съ конца XVII столѣтія Потози начинаетъ ослабѣвать, и Мексика, въ которой цифры добычи быстро растутъ, занимаетъ первое мѣсто. Въ конечномъ итогѣ по количеству добытаго серебра Мексика до половины XIX столѣтія, когда наступилъ поворотъ, далеко превосходитъ всякую другую страну. Но здѣсь насы интересуютъ только первыя времена, для нихъ-то мы и приведемъ сейчасъ нѣкоторыя цифровыя данныя.

Годичное производство благородныхъ металловъ по цѣнности (въ современной валюте) составляло (въ тысячахъ марокъ):

	1521—1544		1545—1560		1561—1580		1581—1600	
	Серебро.	Золото.	Серебро.	Золото.	Серебро.	Золото.	Серебро.	Золото.
Мексика	612	586	2.700	446	9.036	949	13.374	1.339
Новая Гранада	—	5.580	—	5.580	—	5.580	—	5.580
Перу	4.914	1.953	8.640	837	8.280	697	8.280	697
Потози	—	—	32.976	2.790	27.324	2.232	45.776	3.348
Чили	—	—	—	5.580	—	1.116	—	1.116

Если мы сравнимъ эти цифры съ приведенными выше суммами добычи изъ европейскихъ рудниковъ, то окажется, что до половины XVI столѣтія

¹⁾ Humboldt, „Essai“, 2, 191.

²⁾ Saalfeld, „Portug. Kol.“, 174.

³⁾ Образцовая сводка матеріала дана въ неоднократно упомянутой статьѣ Зетбера („Petermanns Erg.-Heft“, 57). Изложеніе, данное въ текстѣ, въ существенныхъ чертахъ опирается на вычисления Зетбера.

германские и австро-венгерские рудники дали столько же золота и серебра, какъ и рудники только что открытой части свѣта, и что общая сумма добычи за этотъ періодъ приблизительно вдвое больше, чѣмъ добыто въ среднемъ выводѣ въ теченіе XV столѣтія. А потомъ, съ половины XVI столѣтія, съ открытиемъ Потози, наступаетъ рѣшительный поворотъ: чрезвычайный ростъ общихъ размѣровъ добычи, которая до 1560 года увеличивается вчетверо, а съ этого времени—впятнро и вшестеро по сравненію съ тѣмъ, что было до 1500 года. Въ то же время центръ тяжести добыванія перемѣщается въ заатлантическія страны: съ половины XVI столѣтія Америка доставляетъ около $\frac{3}{4}$ общей добычи, а въ концѣ XVI столѣтія уже болѣе $\frac{4}{5}$.

Само собой разумѣется, такое быстрое увеличеніе количества благородныхъ металловъ должно было пріобрѣсти огромное значеніе для накопленія состояній частными лицами. Прежде всего, сами завоеватели пріобрѣли себѣ богатства грабежомъ и расхищеніемъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ памятью точностью извѣстны тѣ суммы, которые достались на долю отдѣльныхъ участниковъ въ юрисдикціяхъ, предпринимавшихся изъ-за добычи; выше я уже привелъ нѣкоторыя данныя этого рода. Упоминавшійся выше протоколь содергитъ детальная свѣдѣнія о доляхъ, полученныхъ отдѣльными лицами изъ выкупа за Атагуальпу¹⁾. Согласно протоколу получили:

Губернаторъ . . .	2.350	марокъ серебра и	57.220	пезеть золота
Эрнандо Пизарро .	1.267	"	31.080	"
Эрнандо де Сомо .	724	"	17.740	"
Р. Жуанъ де Соза .	310	"	7.770	"
Жуанъ Пизарро .	407	"	11.100	"
48 рыцарей, каждый				
около	360	"	9.000	"

Остальные 170 участниковъ получили приблизительно по половинѣ этой суммы.

Къ завоевателямъ, какъ вторая категорія непосредственно накоплявшихъ лицъ, присоединяется большая часть искателей золота и серебра. Конечно, до насъ дошли извѣстія о многочисленныхъ разочарованіяхъ; съ другой стороны, къ разработкѣ рудниковъ, особенно серебряныхъ, нерѣдко обращались уже и безъ того состоятельные люди. Несомнѣнно, однако, что какъ въ старой Европѣ, такъ и въ только что открытыхъ частяхъ земного шара—въ послѣднихъ даже въ еще большей мѣрѣ—многочисленныя состоянія возникли изъ ничего, путемъ непосредственнаго накопленія.

Крупный пай изъ добычи завоевателей, а также и изъ добычи отъ рудниковъ получаетъ, дальше, корона, которая заявляетъ притязанія на пятую долю добычи, а иногда, и очень нерѣдко, и дѣйствительно получаетъ ее.

1) „Testimonio de la Acta de reparticion del rescate de Atahualpa otorgada por el escribano Pedro Sanchez“. Ap. VI. à la Vida de Pizarro. Quintana, „Vidas de espanoles celebres“, 22 (1841), 387 и сл.

Но все эти три группы получателей денегъ нерѣдко были только своего рода рѣшетомъ, черезъ которое просыпались быстро приобрѣтенные богатства. Быстрый ростъ количества благородныхъ металловъ потому именно и приобрѣтаетъ особенное значение для накопленія состояній, что теперь много быстрѣе совершается и накопленіе посредствомъ перемѣщенія имущества. Съ этого времени начинаетъ играть важную роль обогащеніе изъ такихъ источниковъ, какъ оклады жалованья, даренія, аренда доходовъ короны, извлечеіе процентовъ изъ ссудъ, — и на первомъ планѣ торговая прибыль. Севильские купцы, которые поставляли предметы первой необходимости для „колонистовъ“ Нового Свѣта, умѣли извлекать до 500%, прибыли въ теченіе какихъ-нибудь 9—12 мѣсяцевъ¹⁾; одинъ-единственный флотъ съ серебромъ нерѣдко привозилъ для нихъ изъ Америки болѣе 1.000 миллионовъ *maravedis* чистоганомъ (около 300.000 дукатовъ)²⁾.

Но такимъ же способомъ значительная часть испано-американской добычи благородныхъ металловъ скоро уходила къ другимъ народамъ: черезъ Испанію или даже помимо Испаніи. Мы уже упоминали, что немецкіе предприниматели иногда сами вступали на стезю охоты за добычей. Однако несравненно важнѣе другой путь: при посредствѣ торговли и денежныхъ ссудъ не-испанскія націи все ближе и ближе подбирались къ американскімъ благороднымъ металламъ. Взять однихъ только Фуггеровъ: какія массы золота и серебра выкачивали они изъ Испаніи! Почти 800.000 дукатовъ составляла цѣнность серебра, конфискованаго Филиппомъ II въ Антверпенѣ, куда испанскій флотъ доставилъ его для Фуггеровъ. Около испанскаго двора расположились тоже иностранные кредиторы, особенно генуэзцы, о которыхъ *Sagavia della Calle* говорить: „questi affanati e voraci lupi ogni cosa inghiottino, ogni cosa destruggono, ogni cosa confondono“ (эти голодные и прожорливые волки все выедываютъ, все разрушаютъ, все губятъ).

Наконецъ, увеличеніе массы благородныхъ металловъ иногда должно было ускорять накопленіе состояній окольными путями (следствіе возвышенія цѣнъ). Наприм., сравнительно крупные ремесленники или торговцы нерѣдко могли заложить базисъ для значительныхъ состояній, если цѣны доставляемыхъ ими товаровъ повышались быстрѣе, чѣмъ цѣны производства или цѣны закупки; такъ же и многіе арендаторы, уплачивая аренду по разсчету на прежнюю цѣнность денегъ, быстро обогащались, если всѣ земледѣльческие продукты поднимались въ цѣнѣ³⁾; наоборотъ — и это, несомнѣнно, чаще случалось — землевладѣльцы приобрѣтали значительныя денежныя состоянія, такъ какъ земельная рента или цѣна аграрныхъ продуктовъ безъ всякаго содѣствія съ ихъ стороны шла въ вышину.

1) Вопн, 109.

2) Häßler, „Blüte Spaniens“, 69. Сравн. также Häßler, „Zur Geschichte des spanischen Kolonialhandels im 16 und 17 Jahrh.“, въ „Zeitschr für. Soc.- und Wirtschaftsgesch.“, 7, 373 и сл., въ особенности 413 и сл.

3) Замѣчательно, что Марксъ видѣть только эту связь между увеличеніемъ количества благородныхъ металловъ и „первоначальнымъ накопленіемъ“ — или же по меньшей мѣрѣ только и отмѣчаетъ ее. „Kapital“, I, 709.

Экскурсъ къ главѣ тринацдцатой.

Азія и Африка, какъ страны золота въ эпоху прибытія португальцевъ.

1. Азія.

Сіамъ и Малакка. „Si trova in detto regno molto oro che si coglie, nel paese e spetialmente nella signoria di Paam“. Libro di Odoardo Barbosa, y Ramusio, I, 317 D. (nella citta di Malacca): „vi si trova tanta quantit  d'oro che li mercatanti grandi non stimano le lor facult  ne le contano, salvo a misura di Bahares d'oro che sono quattro cantara l'uno“. idem, I. c., 318 B.—„Il re di Malaca ha grandissimo thesoro per le grandi entrate che ei riscuote da i datij costui si fece tributario il signor di Paam... nella qual terra di Paam si trova molto oro basso“. idem, I. c., 318 D.

Островъ Суматра: „vi sono molte miniere d'oro“; (nel regno di Menancabo dalla banda di mezzodi) „  il principal fonte dell'oro di questa isola così di miniere come di quello che si ricoglie appresso le rive d'i fiumi che   cosa maravigliosa“. idem, I. c., 318 E. F. „In questa isola nasce... l'oro in grande abbondanza“. Nic. di Conti Viaggio nelle Indie, y Ramusio, I, 339 D.

Островъ Целебесъ: „portano a vendere... oro assai“, idem, I. c., 319 F.

Островъ Софоръ (?): „in questa isola si trova molto oro lavorando la terra e nelli fiumi in granelli“, idem, I. c., 320 A.

Кохинхина: „le mercantie di questa terra   oro e argento“. Sommario di tutti li regni ecc., y Ramusio, I, 336 F.

Филиппинскіе острова: „Buthuan и Caleghan“: „in quella isola... si trovavano gran pezzi d'oro come sarian noxi over voua (яйца), erivellando la terra. tutti li vasi del Re sono d' oro... (il Re) „alle orecchie vi tiene applicati duei grandi anelli d'oro e grossi... da un lato ha un pugnale col manico d'oro lungo... in ciascun dito ha tre come anelli d'oro“. M. Ant. Pigafetta, Viaggio attorno il mondo, y Ramusio, I, 357 B.

Минданао: „vi   oro molto singolare che si cava delle mine dell'isola“. Relazione di Ivan Gaetan, y Ramusio, I, 375 E.

Сарангани: „hanno oro“, I. c., 376 C.

Санггинъ: „vedemmo oro“, I. c., 376 E.

Калькутта: „il thesoro suo (государа Калькутты) sono due magazzeni di verghe doro e moneta stampata d'oro, le quali dicevano molti Bramini... che non lo portariano cento muli carichi e dicono che questo thesoro   stato lasciato da 10 o 12 Re passati“; Itinerario di Lodovico Barthema, y Ramusio, I, 162 A. Сравн. Navig. del Cap. P. Alvares, I. c., I, 124.

2. Африка.

Изъ трехъ главныхъ мѣсторожденій золота въ Африкѣ для португальцевъ имѣли значение только два: область Сенегала и берега Софалы. Относительно первой области Зѣтберъ далъ исчерпывающее изложеніе: онъ съ большимъ искусствомъ даетъ сводку и истолкованіе соответствующихъ мѣстъ изъ обоихъ источниковъ (Alvize da ca da Mosto и Valent n Ferdinand). Мнѣ кажется только, что Зѣтберъ не оцѣнилъ въ должной мѣрѣ значенія того факта, что португальцы сами проникли на югъ,—по меньшей мѣрѣ, онъ упоминаетъ въ сущности только о томъ, что золото шло къ нимъ черезъ Аргунь. Между тѣмъ, когда португальцы достигли на своихъ судахъ до мыса Верде, это повело къ двумъ рѣшающимъ перемѣнамъ: 1) золотоносная область (Вангара) сдѣлалась ближе къ берегу на одну четвертую, пятую или шестую часть прежнаго разстоянія (въ зависимости отъ того, какъ шелъ путь для транспорта: Аргунь, Марокко-Тунисъ или Египетъ); благодаря полученню золота съ Золотого берега и здѣсь было устраниено посредничество арабскихъ торговцевъ.

Мы не знаемъ, занимались ли сами португальцы добываніемъ золота въ области Вангара. Но что касается другой африканской области, въ которой португальцы встрѣ-

тили богатыя золотыи розсыпи—прибрежной полосы Южной Африки,—на этот счѣт до нась дошли прямые свидѣтельства. Зетберъ (I. c., стр. 44) говорить по этому поводу: „Несомнѣнно, португальцы и на восточномъ берегу Африки, овалѣвъ Мозамбикомъ и другими мѣстами, т.-е. въ началѣ XVI столѣтія, добыли или получили посредствомъ обмѣна значительныя количества золота. Du arte Barbosa и de Vaggos восхваляютъ приобрѣтенные тогда въ этихъ мѣстахъ розсыпи, а также Софалу, богатую золотомъ“.

Болѣе обстоятельный свѣдѣнія, чѣмъ только что названные авторы, даетъ намъ о рудникахъ Софалы Th. Lopez, который въ 1502 г. предпринялъ путешествіе въ африканскія страны. Ему мы обязаны прежде всего приведенными выше числовыми данными. Интересующее нась важное мѣсто изъ Lopez'a гласитъ въ переводѣ Ramusio, I, 134 C.: „vennero alla capitana certi Mori honorati habitanti in detta isola (т.-е. Мозамбикъ)... a quali per allhora si domando assai de la casa della mina di Ceſſalla, e quelli in presentia d'assai genti che qui vi erano, risposono che hora donde veniva l'oro, havevano per certo che v'era gran guerra e che per tal causa non veniva punto d'oro alla mina, e quando vi fosse pace si puo trarre di detta mina due millioni di mitigalli d'oro, et ciascuno mitigallo vale un ducato e un terzo, e che gli anni passati quando era pace nel paese, le navi della Mecca e di Zidem e di molte altre parti levavano di detta mina detti duo millioni“. Названныя лица увѣряютъ далѣе, что эти рудники—тѣ самые, изъ которыхъ царь Саломонъ добылъ свои сокровища. Что добыча золота въ этой области не уменьшалась въ теченіе всего XVII столѣтія—объ этомъ мы можемъ судить на основаніи заявлений Rygارد'a (1679), Tavernier'a (1681), Warfbains'a (1686) и др.,—на ихъ отчетахъ о путешествіяхъ Saalfeld построилъ свое изложеніе.

Въ заключеніе я долженъ еще упомянуть, что, по даннымъ нѣкоторыхъ авторовъ, французы будто бы уже въ XIV столѣтіи проникли со своимъ флотомъ черезъ мысъ Верде къ африканскимъ берегамъ, и будто бы они прямымъ путемъ доставляли въ Европу большія количества золота: „en 1364—66 les Diéppois promenaient leurs flottes aventureuses dans les eaux de l'Afrique, s'emparaient du Sénégal, pénétraient jusqu'à Sierra-Leone, sur la côte de Malaguette et jetaient, dans cette autre Egypte, les fondements d'un nouveau commerce... Le nom de l'un des forts qu'ils construiserent... le fort de la Mine d'or indique assez la nature de son produit le plus précieux, c'était la poudre d'or“ (въ 1364—66 гг. жители Діеппа плавали на своихъ отважныхъ судахъ по африканскимъ морямъ, завладѣли Сенегаліей, проникли до Сиерра-Леона на берегу Малагетты и пытались въ этомъ новомъ Египтѣ положить основаніе новой торговли... Название одного изъ фортовъ, основанныхъ ими... фортъ Золотого рудника—достаточно ясно указываетъ на то, каковъ былъ его самый цѣнный продуктъ, а именно—золотой песокъ).

Цит. по Cliquot, „De l'Etat du commerce de France depuis la premi re croisade jusqu'à Louis XIII“. Leber, „Appreciation de la vie priv e“, 30—31.

Точно такъ же разсказываются, будто Jacques Coeur предпринималъ морскія поѣздки въ Африку, ib., стр. 320.

У меня не было возможности проверить правдоподобность этого удивительного сказанія. Въ научныхъ работахъ по истории открытій объ этомъ не упоминается ни однимъ словомъ.

Добавление.

Коллективное накопление.

Въ заключение бросимъ бѣглый взглядъ на ту форму накопления, которую я назову коллективнымъ накопленіемъ въ противоположность индивидуальному. Сущность его заключается въ томъ, что иѣсколько собственниковъ денегъ соединяютъ свои состоянія—полностью или части состояній—въ общее, коллективное состояніе, которое благодаря этому можетъ пріобрѣсти свойства капитала, между тѣмъ какъ отдельные состоянія не обладали такими свойствами. Какъ известно, это наблюдается во всѣхъ формахъ товарищества и въ депозитныхъ операций разного рода [т.-е. въ разнообразнѣйшихъ формахъ вкладовъ или отдачи денегъ на сохраненіе].

Правда, оба эти явленія не стоять въ необходимой связи только съ капиталистическимъ перѣходомъ хозяйства. Мы уже видѣли, насколько распространены были въ докапиталистическую эпоху товарищества торговцевъ, разные виды комманды. Но и „депозитные банки“ существовали много раньше, чѣмъ появились хотя бы слабые признаки капитализма. Въ докапиталистическую эпоху депозитными операций въ самыхъ широкихъ размѣрахъ занимались рыцарские ордена, особенно тампліеры. Леопольдъ Делиль даль преизобилія доказательства того, что дома ордена тампліеровъ пользовались правомъ на сохраненіе капиталовъ королей, принцевъ, буржуа и купцовъ¹⁾.

Но, разумѣется, и для генезиса капитализма депозитные банки и торговые товарищества сыграли впослѣдствіи крупную роль.

Банкротство Перуци и Барди только для одного духовенства повело за собою потерю 550.000 flor. вкладовъ. При банкротствѣ Скали и Аміери въ 1326 году было потеряно вкладовъ болѣе чѣмъ на 400.000 florин.: „chi avea danari in Firenze perdè con loro“²⁾). И Ластигъ, хотя и съ иѣкоторыми ограниченіями, разумѣется, правъ, когда онъ утверждаетъ³⁾: „Вексельные и банковыя учрежденія были центрами для всего тогдашняго обращенія“.

1) Léop. Delisle, „Mémoire sur les opérations financières des Templiers“, въ „Mém. de l'inst. nation. de France“, tome 33, deux. partie (1889), 9.

2) Villani, „Libro X“, cap. IV.

3) Lastig, „Beiträge zur Geschichte des Handelsrechts“, въ „Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht“, 23, 152 и сл. Тамъ же дальниѣ указанія на источники. Сравн. Latte, „Dir. commerce“, 204, 208 и сл., 223 и сл.

цѣнностей и торговли цѣнностями. Частный человѣк вкладывалъ въ нихъ свои деньги, чтобы получить прибыль... Вкладываніе денегъ въ торговый про-мысел другого лица было обычнымъ и вполнѣ легальнымъ способомъ для того, чтобы оплодотворить капиталъ” (читай: денежное имущество). Несомнѣнно, многія капиталистическая предпріятія въ итальянскихъ городахъ были финансированы именно такимъ способомъ,—точно такъ же, какъ въ позднѣйшее время въ сѣверныхъ городахъ для этого послужили денежные вклады, положенные къ Гёхштеттерамъ и др. „Къ Амвросію Гёхштеттеру, читаемъ мы, (въ концѣ XV столѣтія) государи, графы, дворяне, горожане, крестьяне, слуги и служанки вкладывали тѣ деньги, какія были у нихъ, и онъ платилъ имъ за это по пяти съ сотни. Многіе батраки, у которыхъ было не болѣе 10 flor., и тѣ отдавали эти деньги ему въ его общество... Благодаря этому одно время ему приходилось уплачивать проценты на миллионы гульденовъ.. Разсказываютъ, будто онъ такимъ образомъ сумѣлъ скупить всѣ товары и достигнуть повышенія цѣнъ“¹⁾). Что касается прежнихъ товариществъ торговцевъ, то мы просто напомнимъ тѣль извѣстный фактъ, что они въ первыя столѣтія капиталистического хозяйства развились въ капиталистической общеста и что послѣднія послужили основой для многочисленныхъ крупныхъ предпріятій. И вообще слѣдуетъ признать характерной чертой ранней капиталистической эпохи то обстоятельство, что сравнительно крупныя предпріятія основывались лишь на базисѣ коллективнаго накопленія. „Трудно было бы сдѣлать крупную коммерцію безъ объединенія силъ“, писалъ еще Саварі въ „Parfai n gociant“ (1675 г.)²⁾.

Однако для нашихъ цѣлей будетъ вполнѣ достаточно, если мы ограничимся простымъ констатированіемъ важности коллективнаго накопленія. По сравненію съ индивидуальнымъ накопленіемъ оно отступаетъ на второй планъ уже потому, что индивидуальное накопленіе обыкновенно является необходимой предпосылкой для коллективнаго. Въ научномъ отношеніи коллективное накопленіе не представляетъ никакого интереса.

1) Clemens Sander, цит. у Ehrenberg, 1, 212—13.

2) Savary, „Le parf. n g.“, 1, 10. Сравн. Schmoller въ его „Jahrbuch“, 17, 1013 и сл.

ОТДЕЛЪ ТРЕТИЙ.

Генезисъ капиталистического духа.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Пробужденіе пріобрѣтательскихъ стремленій.

Накопленные движечные знаки еще не пріобрѣтаютъ свойствъ капитала, пока собственики ихъ не связываютъ съ ними определенныхъ цѣлей, характерныхъ для капиталистического предпріятія: въ этомъ нась убѣждаютъ прежде всего теоретическая соображенія. Исторія въ свою очередь показываетъ, что и эмпирически проникновеніе собственниковъ денегъ капиталистическимъ духомъ отнюдь не совпадаетъ по времени съ возникновеніемъ болѣе или менѣе крупныхъ денежныхъ состояній. Мы уже не будемъ говорить о простомъ откладываніи драгоцѣнностей у некультурныхъ и варварскихъ племенъ: даже въ такой обстановкѣ, какая сложилась въ средневѣковой Европѣ, мы встрѣчаемъ достаточное количество собственниковъ денегъ, которымъ совершенно чужды всякие слѣды капиталистического; предпринимательского духа. Миѣ стоять напомнить только князей и королей, епископовъ и папъ, монастыри и ордена. Въ ихъ рукахъ раньше всего сосредоточились болѣе или менѣе крупныя денежныя состоянія. Однако для нихъ всѣхъ общимъ является тотъ взглядъ, что деньги существуютъ для того, чтобы ихъ расходовать: за тѣмъ, чтобы вызвать войну или крестовый походъ, или чтобы оказать помощь бѣднымъ и нуждающимся, или же за тѣмъ, чтобы создать для себя и своихъ близкихъ приятную жизнь. Повсюду заявляетъ о себѣ основная идея всѣхъ докапиталистическихъ временъ: тотъ, кто богатъ, богатствомъ пріобрѣлъ привилегію не помышлять болѣе о хозяйственныхъ дѣлахъ. Такой взглядъ переносится и на частныхъ лицъ, собственниковъ денегъ. Въ сферу идей рыцари необходимымъ элементомъ входитъ представление, что ни пріобрѣтеніе, ни употребленіе богатства отнюдь не должно входить въ соприкосновеніе съ грязною хозяйственою дѣятельностью. Мечомъ и копьемъ создается и охраняется собственность; приличествующая сословію жизнь—вотъ цѣлесообразный способъ ея употребленія. „Промысловая жизнь“—дѣло бѣдного. Такъ смотрѣль на вещи богатый тамплеръ, такъ смотрѣль на нихъ и благородный испанскій гіадальго еще въ XVI столѣтіи. И великой же силой должны были обладать эти возврѣнія, если они изъ рыцарскихъ сферъ распространялись даже на

буржуазные элементы населения и отчуждали послѣдніе отъ промысловой дѣятельности, едва лишь они достигали богатства. Такъ было не только въ Испаніи, но отчасти и въ Германіи. Объ испанскихъ торговцахъ и промышленникахъ XVI и XVII столѣтія намъ извѣстно, что они, всецѣло слѣдя рыцарскимъ принципамъ, уходили отъ дѣловой жизни, какъ только имъ удавалось приобрѣсти достаточное богатство для того, чтобы купить земельную собственность и выдавать себя за дворянъ. А другіе жертвовали свои деньги на храмы или превращали ихъ въ предметы украшенія и утвари, или же прятали въ сундуки для храненія¹⁾.

Итакъ, можно съ полной увѣренностью утверждать, что специфически капиталистической взглѣдь на денежную собственность — тольѣ взглѣдь, который получалъ яркое выраженіе въ вопросѣ Кальвина: *quis dubitat pecuniam vacuat inutile esse?* — что этотъ взглѣдь представляетъ исторически позднѣйшее явленіе. Но, спросимъ мы, какъ могла созрѣть такая изумительная идея: деньги существуютъ для того, чтобы увеличиваться посредствомъ хозяйственной дѣятельности? Чѣмъ вытѣсняется рыцарской взглѣдь на вещи, что обеспечиваетъ всеобщее признаніе лавочно-дѣловому воззрѣнію?

Приступая къ отвѣту на этотъ вопросъ, необходимо съ самаго начала и разъ навсегда установить, что въ этомъ случаѣ мы несомнѣнно не имѣемъ передъ собою одинъ изъ тѣхъ фактъ развитія, которые общи всему человѣчеству. Ссылки на человѣческую „природу“ и присущія ей побужденія совершенно неумѣсты. Достаточно бросить бѣглый взглѣдь на другіе примѣры высокой культуры — на культуру китайскую, индійскую, древне-американскую, не породившія даже слабыхъ слѣдовъ специфически капиталистического духа,—чтобы увидать, насколько неудовлетворительно и для этого случая то воззрѣніе, которое видѣть въ генезисѣ современнаго капитализма не что иное, какъ одно изъ проявленій „всеобщаго закона развитія“ человѣческаго хозяйства.

Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ передъ собой скорѣе явленіе, специфически характерное для европейскихъ народовъ. А разъ такъ, то, казалось бы, намъ приходится обратиться къ двумъ слагаемымъ европейской, какъ и всякой культуры: къ климату и расѣ, или, правильнѣе говоря, къ естественнымъ и этнографическимъ условіямъ развитія.

И, нѣтъ сомнѣнія, добрую долю явленій современной хозяйственной жизни въ ихъ своеобразіи можно объяснить дѣйствіемъ одного изъ этихъ двухъ факторовъ или же ихъ совмѣстнымъ дѣйствиемъ. Уже не разъ и справедливо указывалось на то обстоятельство, что только въ области умѣренного пояса съ его скудостью благъ готовыхъ для потребленія, съ его богатствомъ производительными силами, съ его плодородiemъ среднаго уровня, — что только здѣсь хозяйственная культура и могла достигнуть той степени интенсивности, какъ мы наблюдаемъ въ настоящее время. И съ такимъ же правомъ указывали, что безъ специфическихъ особенностей европейскихъ расъ (мы должны

1) Сравн. Jacob, „Historical Inquiry into the production and consumption of the precious metals“. Нѣм. пер. 1838, 2, 42 и сл. Вопр. „Spaniens Niedergang“, 177 и сл. Источникомъ для послѣдняго служить главнымъ образомъ Colmeiro.

разматривать последнюю какъ цѣлое, ибо въ виду хозяйственного процвѣтанія итальянскихъ республикъ было бы неправильно относить сказанное только къ германскимъ расамъ), безъ ихъ энергіи въ трудѣ, безъ ихъ живого темперамента, безъ ихъ міросозерцанія, направленного на земное,—что безъ всего этого трудно было бы представить себѣ возможность экономического развитія послѣднихъ столѣтій.

Все это хорошо, превосходно. Но все это решительно ничего не даетъ намъ. Все это не выводить насъ изъ области нѣсколькоихъ общихъ и потому ничего не говорящихъ истинъ. Мы уже совершенно умалчиваемъ о томъ, что въ пѣти соціальной причинности обращеніе къ расовымъ особенностямъ всегда равносильно обходу затрудненій, разрубанію узла, тамъ гдѣ его требуется развязать. Использовать признаки расы для объясненія явлений—это значитъ очень рано оборвать исходящій причинный рядъ, отказаться отъ вскрытия болѣе глубокой психологической связи, и по существу знаменуетъ полное банкротство дѣйствительного объясненія. Потому-то все остроумные дилетанты, стремясь открыть связь между историческими явленіями, и любятъ до такой степени оперировать съ расовыми особенностями. На мой взглядъ, на такихъ объясненіяхъ слѣдуетъ успокоиваться только въ случаяхъ самой крайней нужды и, устанавливая причинную связь между соціальными явленіями, всегда привлекать къ разсмотрѣнію моментъ расы какъ обусловленный, но отнюдь не какъ обусловливающій моментъ.

Неудовлетворительнымъ представляется міжъ объясненіе современаго капитализма и принадлежностью къ опредѣленнымъ вѣроисповѣданіямъ. Что протестантізмъ, въ особенности въ такихъ его видахъ, какъ кальвинизмъ и квакерство,оказалъ существенное содѣйствіе развитію капитализма, — это фактъ слишкомъ извѣстный, и потому намъ нѣть нужды останавливаться на его обоснованії¹⁾). Но если бы кто-нибудь возразилъ противъ такой попытки объясненія (и сослался бы при этомъ, напр., на высокое развитіе капиталистического духа не только въ итальянскихъ коммунахъ съ половины среднихъ вѣковъ, но и въ нѣмецкихъ городахъ XV столѣтія,—слѣдовательно, у самыхъ вѣрныхъ служителей единой Церкви), что протестантская религіозная система скорѣе содѣйствіе, чѣмъ причина современному капиталистическому духу, то было бы трудно показать, что такое пониманіе дѣла ошибочно. Намъ пришлось бы обратиться къ эмпирическому раскрытию конкретно-исторической связи между явленіями. Слѣдовательно, къ помощи этого приема намъ приходится прибѣгать каждый разъ, когда мы желаемъ получить хотя бы до нѣкоторой степени удовлетворительное объясненіе возникновенія современаго капитализма.

Я такимъ образомъ представляю себѣ связь между конкретными историческими явленіями.

¹⁾ „Кто постарается вскрыть слѣды капиталистического развитія, въ какой бы странѣ Европы ни совершилось оно, тотъ всегда встрѣтится съ однимъ и тѣмъ же фактомъ: кальвинистская діаспора послужила питомникомъ для капиталистического хозяйства. Испанцы съ горькою покорностью судьбы выражали это въ такой формѣ: еретичество благопріятствуетъ торговому духу“. Gothein, „Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes“, I, 674.

Стечење ряда обстоятельствъ приводить къ тому, что въ теченіе среднихъ вѣковъ оцѣнка денежнай собственности все повышается и, наконецъ, приобрѣаетъ необычную до того времени интенсивность. Правда, повсюду, куда мы ни взглянемъ, человѣку присуще страстное стремленіе къ сияющему, блестящему золоту,—это явленіе знакомо каждому человѣку. Эта жажда золота, какъ извѣстно, характерна и для самыхъ примитивныхъ ступеней культуры: здесь она обыкновенно воплощается въ сагахъ о волшебныхъ кладахъ и объ отважныхъ авантюристахъ, искателяхъ золота. Въ походѣ Аргonautовъ, въ сагѣ о Мидасѣ, въ пѣснѣ о кольцахъ Нibelунговъ, въ чудесномъ сказаніи о Дорадо,—повсюду находятъ себѣ выраженіе одни и тѣ же чувства, одни и тѣ же теченія мысли, вслѣдъ человѣчество выступаетъ передъ нами съ неутолимой жаждой обладанія тѣмъ роковымъ благомъ, которое заманиваетъ людей, чтобы погубить ихъ. „Въ концѣ-концовъ къ золоту все стремится, все тяготѣеть“.

Однако эта золотая горячка, къ которой, какъ-можетъ казаться, у человѣчества существуетъ предрасположеніе отъ природы, въ извѣстныя времена приобрѣаетъ особенно острый характеръ. Такую эпоху человѣчество пережило между прочимъ на исходѣ среднихъ вѣковъ. Для объясненія этого явленія необходимо напомнить, что стечење разнообразнѣйшихъ причинъ привело къ тому, что дѣйствительная потребность въ деньгахъ возросла во всѣхъ слояхъ населенія. Мы знаемъ, что эта потребность сначала вытекала изъ чисто идеальныхъ стремленій и что удовлетвореніе ихъ предъявляло все болѣе и болѣе высокія требования къ платежеспособности носителей этихъ стремленій. Великая идея борьбы противъ невѣрныхъ, господствовавшая надъ всѣми христіанами среднихъ вѣковъ и согрѣвавшая ихъ своимъ жаромъ, страстныя порыванія къ отвоеванію Гроба Господня,—вотъ что потребовало колоссальныхъ денежныхъ суммъ, вотъ на что, не зналъ устали, собирали деньги папы и короли. Правда, на первыхъ порахъ очень многое было сдѣлано безъ помощи денегъ. Но уже очень скоро то обстоятельство, что борцы были оторваны отъ родной земли, а въ особенности то, что во всѣхъ крупнѣйшихъ дѣлахъ этого рода (въ крестовыхъ походахъ) посредничество итальянскихъ торговыхъ республикъ сдѣгалось рѣшительно необходимымъ,—все это уже очень скоро породило возрастающую потребность въ наличныхъ деньгахъ. „Вѣроятно, деньги никогда не играли болѣе выдающейся роли въ войнѣ, чѣмъ въ XIII вѣкѣ“, говорить одинъ изъ лучшихъ знатоковъ той эпохи¹⁾. И даже въ XVI вѣкѣ испанскіе государи содѣйствовали путешествіямъ на Золотой берегъ единственно по тому соображенію, что они думали добить такимъ способомъ средства, которыя позволили бы имъ съ новой энергией продолжить борьбу противъ невѣрныхъ.

Но, какъ это часто бываетъ въ исторіи, то, что было достигнуто въ концѣ-концовъ, представляло полную противоположность тому, къ чему стремились сначала. Отправлялись въ походы для вѣнчаго прославленія Бога, преисполненные идеальными мотивами, а привезли съ собою духъ сыновъ этого мира: секуляризація всего міросозерцанія, повсемѣстно наблю-

1) A. Gottlob, „Ppstliche Darlehensschulden“, въ „Histor. Jahrbuch“, 20 (1899), 666.

даемая нами къ концу среднихъ вѣковъ, была непосредственнымъ слѣдствіемъ тѣхъ многочисленныхъ религіозныхъ войнъ, которыя вели предыдущія поколѣнія. Соприкосновеніе съ богатыми, полными блеска культурами византійцевъ и арабовъ пробудило смыслъ къ радостямъ этого мѣра, породило жажду роскоши и раздолъя. Кто не зналъ этого? А такъ какъ центръ тяжести жизни постепенно перемѣстился въ города, то само собою понятно, что для приобрѣтенія благъ, которыхъ должны были послужить украшенію и обогащению жизни, все болѣе и болѣе требовалось посредничество денегъ. И случало было угодно, чтобы въ то самое время, когда жажда материальнаго благополучія охватывала новые и новые слои населенія, — чтобы одновременно открылись средства и способы для удовлетворенія этой жажды. Наступаютъ времена, когда въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ едва не моментально сосредоточиваются крупныя состоянія. Разграбленіе Востока ведетъ къ накопленію неизмѣримыхъ богатствъ въ городахъ Италии, и — что самое важное — на исходѣ среднихъ вѣковъ въ добываніи благородныхъ металловъ наблюдается снова быстрѣйший прогрессъ.

Но тогда же открывается эпоха, когда въ человѣческой психикѣ совершаются тотъ изумительный процессъ, ходъ которого недавно обрисовалъ намъ Георгъ Зиммель¹⁾ съ присущимъ ему мастерствомъ: совершается превращеніе абсолютнаго средству, денегъ, въ высшую цѣль. Параллельно тому, какъ люди наблюдали — или думали, что наблюдаютъ — силу денежной собственности, ея способность достичнуть всего, всѣ ихъ стремленія концентрируются около горячаго, пламенного, неутолимаго требованія денегъ. *Auri sacra fames* опять начинаетъ свое опустошительное шествіе черезъ разныя страны. Въ Италии уже въ XIV столѣтіи раздаются жалобы моралистовъ на возрастающую алчность до золота. Мы уже упоминали о „*Subiti guadagni*“, о которыхъ сообщаетъ намъ Данте. Въ „*Descriptio Florentiae* (1339 г.) мы читаемъ: *nimium sunt ad querendam pecuniam solliciti et attenti, ut in eis qualiter dici possit: semper ardet ardor habendi et illud: o prodiga rerum luxuries! nunquam parvo contenta paratis et quaesitorum terra pelagoque ciborum ambitionis fames*²⁾. Далѣе, изъ эпохи XV и XVI столѣтій до насъ дошли многочисленныя заявленія, которыхъ свидѣтельствуютъ о томъ, что повсюду въ Западной Европѣ деньги начинаютъ занимать свое господствующее положеніе. „*Pecuniae obediunt omnia*“, жалуется Эразмъ. „Деньги — земной богъ на землѣ“, возвѣщаетъ Гансъ Заксъ. Достойнымъ сожалѣнія называетъ Вимфелингъ свое время, когда управлять начали деньги. А Колумбъ въ одномъ извѣстномъ письмѣ къ королевѣ Изабеллѣ въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ словахъ восхваляетъ достоинства денегъ: „*El olo es excellentissimo, con el se hace tesoro y con el tesoro quien lo tiene, hace cuanto quiere en el mundo y llega que echa las animas al paraiso*“³⁾.

1) [Въ „Philosophie des Geldes“].

2) Въ извѣстныхъ мнѣ печатныхъ воспроизведеніяхъ „*Descr. Flor.*“, а также въ перепечаткѣ у С. Фрэу, „*Loggia dei Lanzi*“, читата искажена, но издатели не говорятъ, иѣтъ ли искаженія въ самыхъ рукописяхъ. Стихи взяты изъ „*Pharsalia*“ Лукана, Lib. IV, V, 373—376. Такимъ образомъ я могъ исправить текстъ.

3) Цит. у А. von Humboldt, „*Examen critique de l’histoire de la Géographie du nouveau continent*“, 2 (1837), 40.

Такая преувеличеннная оцѣшка денегъ необходимо должна была повести къ тому, что стремлениѣ обладать деньгами усилилось. А стремлениѣ это въ свою очередь должно было направить помышленія на средства и способы для его удовлетворенія. И вотъ мы дѣйствительно наблюдаемъ, какъ на исходѣ среднихъ вѣковъ умножаются различные способы пріобрѣтенія денегъ. Каждый по мѣрѣ возможности изыскивалъ методы, которые могли бы привести его къ обладанію драгоцѣннымъ благороднымъ металломъ. Тотъ, кто занималъ въ государствѣ вліятельное положеніе, опирался на него, чтобы достигнуть такой вожделѣнной цѣли. Императоры и короли, а за ними и другие сильные люди измыслили новые налоги и подати, если не предпочитали такого способа, какъ „оцѣнка“ городовъ (обложение своего рода данью) или разграбленіе общинъ евреевъ. А рыцарь, мелкий землевладѣлецъ, вспоминалъ о томъ, что и у него есть крестьяне, превращащіе ихъ повинности въ деньги и повсемѣстно увеличивавшіе бремя платежей. Или же онъ следовалъ указаніямъ майстерзингера¹⁾, который обращается къ нему съ такимъ совѣтомъ:

„Wiltu dich erneuren
du junger edelman,
folg du miner lere
sitz uf, drab zum baal
halt dich zu dem grünen wald
wan der bur ins holz fert
so renn in freischl an!
derwüscht in bi dem kragen
erfreuw das herze din
nimim im was er habe
span uss die pferdelin sin!“²⁾.

Такъ дѣлалъ онъ, если не предпочиталъ охотиться на болѣе благородную дичь и вытряхивать грузъ изъ „перечныхъ мѣшковъ“. Грабежъ все болѣе превращался въ естественный промыселъ знатного человѣка, ренты котораго сами по себѣ оказывались недостаточными для того, чтобы удовлетворить возрастающія потребности какъ въ повседневныхъ затратахъ, такъ и въ роскоши. На разбой смотрѣли какъ на вполнѣ почтенное занятіе: духу рыцарства какъ нельзя болѣе соответствовало, чтобы каждый захватывалъ все, чего онъ могъ достичь концомъ своего копья и острымъ мечомъ. Извѣстно, что благородный также же обучался рыцарскому разбою, какъ сапожникъ — сапожному ремеслу. И одна пѣсня весело заявляетъ:

„Ruten, roven, det en is gheyn schande
dat doynt die besten van dem lande“³⁾.

Что касается папы, онъ, опираясь на свою духовную власть надъ вѣрующими душами, могъ извлекать деньги изъ кармановъ вѣрующихъ при посред-

1) Uhland, „Alte hoch-und niederdeutsche Volkslieder“, 1 (1844), 339.

2) [„Если ты, молодой дворянинъ, хочешь прокормиться, то послѣдуй моему ученію: садись на коня и впередъ на дорогу! Притаски въ зеленомъ лѣсу, и когда крестьянинъ пойдетъ за дровами, стремительно бросайся на него! Вѣнчись ему въ воротника и отведи свою душу: возьми у него все, что только есть у него, и выпяжи его лошадку!“].

3) [„Разбояничать и грабить — въ этомъ нетъ позора: это дѣлаютъ лучшіе въ странѣ“].

ствѣ торговли отпущеніями, а также многими другими способами. Всѣ они давали папамъ возможность накоплять изъ маленькихъ суммъ большія сокровища¹⁾.

И только въ тѣхъ случаяхъ, когда такое простое средство, какъ сила, давало осбчу, господствующему классу приходилось вступать въ соглашеніе, въ сдѣлки съ состоятельными горожанами, склонять ихъ къ выдачѣ ссуды. Это было крайнее средство; съ течениемъ времени необходимость въ немъ все возрастала. Мы уже видѣли, какъ оно привело въ концѣ-концовъ къ ликвидациіи феодального богатства.

Но что было дѣлать тому, кто не пользовался властью надъ другими, — ни духовною, ни физическою? Кому никто не сталъ бы ссужать болѣе или менѣе значительныхъ суммъ? Какъ бы могъ утолить онъ свою жажду деньгъ, если у него не было слугъ? Стремленіе выбраться изъ такого печальнаго положенія ведетъ къ двумъ комплексамъ явлений, которые въ особенности характеризуютъ начаю называемаго новаго времени: ведетъ къ золотоискательству и къ алхиміи.

Мефистофель въ облаченіи шута набросаль полную программу этихъ неисторичныхъ стремлений, которыхъ въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ поглотили значительную долю силъ европейскихъ народовъ:

„Ich schaffe, was Ihr wollt und schaffe mehr.
Zwar ist es leicht, doch ist das Leichte schwer.
Es liegt schon da, doch um es zu erlangen
Das ist die Kunst: wer weiss es anzufangen?“²⁾.

Неизъяснимое волшебство окутываетъ тѣ времена и каждого подчиняетъ своей власти, у кого сохраняется еще хотя нѣкоторое чутье къ поэзіи и романтику. Для наст., людей, исущенныхъ въ пустынѣ экономического рационализма, представляется почти невѣроятнымъ, какъ это цѣлымъ поколѣніемъ могли блуждать, направляемыя фантастическими сказками, какъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій лучшіе люди своего времени могли ухлошывать свою жизнь на погоню за химерами, — и все это потому только, что большая жажда золота овладѣла ихъ дѣтски-довѣрчивыми умами. Однако здѣсь не мѣсто спѣдоваться за всѣми такими блужданіями человѣчества. Тѣмъ болѣе, что перо, которое пишетъ эти строки, едва ли обладаетъ достаточной силой, чтобы съ подобающей яркостью изобразить такой запутанный клубокъ психологическихъ и психопатическихъ состояній и вытекавшія изъ послѣднихъ авантюристскія начинанія. Мнѣ приходится ограничиться только однимъ: показать, какое мѣсто занимаютъ всѣ эти явленія въ общей связи хозяйственно-исторического развитія. Самыя же явленія, на которыхъ намъ приплось бы останавливаться, пользуются всеобщей извѣстностью.

Золотоискательство находить себѣ выраженіе одинаково какъ въ

1) Кроме уже указанныхъ работъ о папскихъ финансахъ, см. еще Wiskemann, „Ansichten“, 15.

2) [„Я сдѣлаю, что вы хотите, я сдѣлаю больше. Хотя это легко, но это легкое трудно. Оно лежитъ уже здѣсь, но требуется искусство, чтобы достигнуть его: кто сумѣетъ приступить къ дѣлу?“].

разрываниі кладовъ, которое пріобрѣтало эпидемический характеръ, такъ и въ пароксизмѣ разработки пріисковъ, нѣкоторые примѣры чего мы уже видѣли выше. Но для всѣхъ явлений этого рода въ то время была характерна одна черта, которая указываетъ на существенное отличіе ихъ отъ такихъ же современныхъ явлений: всѣ они окружались сказками и легендами. Именно суевѣріе романтическихъ временъ и сообщаетъ картинѣ сочины, теплыя, яркія краски. „Была мрачная, бурная ночь“, когда выходилъ искатель кладовъ; онъ изученнымъ способомъ раскальвалъ землю, отыскивая старинный кладъ на мѣстѣ, возвѣщавшемъ присутствіе клада. Но всѣ химерическая представленія становились прямо чудовищными, болѣзнями, когда они получали пищу въ отрывочныхъ сообщеніяхъ о далекихъ, неизвѣстныхъ странахъ. Такъ могла возникнуть граціозная сага о Дорадо, о томъ волшебномъ принцѣ, который каждый день облачался въ новое одѣяніе изъ чистаго золота и каждый вечеръ терялъ его въ струяхъ озера. Такъ выступалъ миражъ золотого дома солнца и города Маноа передъ напряженными взорами тѣхъ людей, которые обладали достаточной фантазіей для того, чтобы вѣрить всѣмъ этимъ волшебнымъ сказкамъ, и достаточною рѣшительностью и дерзновеніемъ для того, чтобы вырабатывать и осуществлять самые смѣлые планы рискованныхъ путешестій. Въ этомъ случаѣ передъ нами явленіе, вообще довольно обычное въ сравнительно первобытныя времена: стремленіе, направленное вполнѣ и исключительно на материальное обладаніе, тѣмъ не менѣе выступаетъ въ исторіи разукрашенное рѣдкостными узорами и завитками вѣрующей романтики, окруженное готовымъ на жертвы идеализмомъ.

То же надо сказать и объ алхиміи. Впрочемъ, здѣсь можно наблюдать даже еще болѣе поразительное явленіе: первоначальная цѣль—добыть золото — по временамъ совершило, беззѣдно стущевывается здѣсь передъ мощнымъ стремленіемъ вырвать у природы ея тайны ¹⁾). Въ концѣ-концовъ укореняется представленіе, что занятіе „герметическимъ искусствомъ“ (алхиміей)—священное дѣло и что, слѣдовательно, благочестіе—необходимое условіе для удачи ²⁾.

Но несомнѣнно, что впослѣдствіи, съ XV столѣтія, алхимія все рѣшительнѣе превращается исключительно въ средство обогащенія. Къ большой досадѣ истинныхъ „адептовъ“ за тигель теперь хватаются разные профаны, всевозможные Гансы и Кунцы, чтобы попытать своего счастія. Слыщатся жалобы ³⁾:

1) Конечно, „слѣдуетъ помнить, что болѣе тысячи лѣтъ всѣ химическія знанія имѣли такой видъ, что по существу это была сплошная алхимія, и что, слѣдовательно, они служили для разрѣшенія одной проблемы: какъ достичь искусственного производства благородныхъ металловъ“ (Н. Корр, „Die Alchemie“, 1, 1886, стр. 12). Но, съ другой стороны, необходимо напомнить, что средневѣковые люди, стоявшіе на такомъ высокомъ интеллектуальномъ уровѣ, какъ Геберъ, Альбертъ Великій, Рожеръ Бэконъ, Пико Мирандола и мн. др., страстию отдавались искусству золотодѣлania, несомнѣнно, по болѣе высокимъ мотивамъ, чѣмъ простое стремленіе къ обладанію деньгами.

2) Сравн. Корр, I. с., 1, 210 и сл. Хорошимъ дополненіемъ къ работѣ Коппа можетъ служить книга Schiedege, „Geschichte der Alchymie“, 1832: Шмидеръ и самъ еще не утратилъ вѣры, поэтому онъ представляетъ цѣнность въ томъ отношеніи, что позволяетъ проникнуть въ психический міръ адептовъ алхиміи.

3) Нѣмецкій переводъ изъ „Examen alchemisticum“, у Корр, 1, 234.

„Es will ast jedermann ein Alchimiste heissen:
Ein grober Idiod, der Jünger mit den Greissen,
Ein Scherer, altes Weib, ein kurtzweiliger Rat,
Der kahl geschorne Mönch, der Priester und Soldat“ ¹⁾.

„Теперь всякому хотѣлось бы вычитать въ письменахъ алхиміи также штуки или искусства, которые были бы легки и даже ничтожны, но которые позволили бы безъ всякой проволочки сдѣлать много золота и серебра“ ²⁾. Въ XVI столѣтіи лихорадка золотодѣланія впервые достигла своего высшаго уровня: страсть къ „герметическимъ работамъ“ охватила тогда всѣ слои населения. Отъ крестьянина и до монарха всѣ вѣрили въ истинность алхиміи. Жажда быстраго обогащенія и заразительное дѣйствіе примѣра повсюду породили желаніе отдаваться занятіямъ алхиміей. Во дворцѣ и въ хижинѣ, у бѣднаго ремесленника и въ домѣ богатаго буржуа—повсюду устраивались приспособленія, при помощи которыхъ въ теченіе ряда лѣтъ старались открыть философскій камень. Даже дверные рѣшетки монастырей не могли воспрепятствовать проникновенію алхимического искусства. Въ то время не было ни одного монастыря, въ которомъ не стояло печи для золотодѣланія ³⁾.

Но въ это самое время достигла до апогея и жажда путешествий, преисполненныхъ авантюры. Мы наблюдаемъ, какъ фантасмагоріи герметиковъ сливаются съ миражами ненасытныхъ путешественниковъ въ единый комплексъ представлений. Философскій камень начинаетъ какъ бы отождествляться съ Дорадо. Такъ, Лаврентій Вентура съ своимъ *Aenigma della Pietra phisica* (1571 г.) говоритъ:

„Nell' India (parte piu calda del mondo),
Nasce pietra talhor ch'en se rinc'hude
Virtù infinite che vengon dal cielo“ ⁴⁾.

Итакъ, разбойничающее рыцарство и обираніе крестьянъ, золотоискательство и распивътъ алхиміи — все это съ націей точки зреінія явленія одного и того же порядка, все это — различные средства для достиженія одной и той же цѣли, для быстраго обогащенія. Но главный интересъ для настъ представляеть одно обстоятельство: во всѣхъ этихъ способахъ добыванія или умноженія денегъ совершенно отсутствуютъ всякие, хотя бы самые слабые слѣды капиталистического духа. Лишь какъ результатъ абсолютно новаго ряда идей могло явиться пониманіе того обстоятельства, что для увеличенія денегъ могутъ служить не только названные сейчасъ, представляющіеся первобытному человѣку естественными, способы добыванія ихъ, но и

1) [„Почти всякий претендуетъ на званіе алхимика: круглый идіотъ, юнецъ, старикъ, бараностригъ, старая баба, совѣтникъ-комикъ, наголо остриженный монахъ, священникъ и солдатъ“].

2) *Paracelsus*, въ „Coelum philosophicum seu liber vexationum“, у Копр, 1, 39.

3) Louis Figuier, „L'Alchimie et les alchimistes“, 3-e ed. (1860), 136. „C'est donc au seizi me si cle qu'il faut se reporter, si l'on veut prendre une id e exacte de l' tonnante influence que les id es alchimiques ont exerc e sur l'esprit des hommes“ (чтобъ составить себѣ точное понятіе о поразительномъ вліяніи алхіміи на умы людей, нужно обратиться къ XVI столѣтию).

4) Цит. у Chr. G. von Mugg, „Litterarische Nachrichten zu der Geschichte des sog. Goldmachens“ (1805), 40.

нормальная хозяйственная деятельность, которая до того времени выполнялась безъ пониманія этого обстоятельства. Теперь мы лишь съ трудомъ можемъ представить себѣ, какая невѣроятная уточненість мышленія требовалась для того, чтобы овладѣть мыслью: хозяйство можетъ служить для того, чтобы зарабатывать деньги. Такой поворотъ разносиленъ тому, что повседневная дѣятельность, которая раньше рассматривалась какъ цѣль или какъ средство для цѣлей совершенно другого порядка (для добыванія средствъ къ жизни), теперь становится въ отношеніе средства по отношенію къ совершенно гетерогенной цѣли, къ приобрѣтенію денегъ.

Когда, гдѣ и какимъ образомъ эта идея впервые явилась въ мірѣ— это, по всей вѣроятности, навсегда останется закутаннымъ непроницаемыми туманами. Но мы тѣмъ не менѣе можемъ съ значительной степенью вѣроятности предполагать, въ какихъ именно сферахъ и при какихъ условіяхъ она пустила первые корни. Она укоренилась, конечно, прежде всего среди тѣхъ людей, у которыхъ не было другихъ возможностей для приобрѣтенія вождѣлѣній денегъ, кроме приобрѣтенія посредствомъ хозяйственной дѣятельности, слѣдовательно, среди людей низшаго сословія, горяче. Да же, это были, несомнѣнно, люди, въ психикѣ которыхъ не было места для грязи и фантасмагорій золотоискателей и герметиковъ: слѣдовательно, трезвенный натуры безъ истиннаго размаха души. Зато они были одарены способностями различенія; это были люди холоднаго расчета и разсудочнаго пониманія вещей, надѣленные даромъ быстро ориентироваться въ дѣйствіяхъ другихъ. Наконецъ, они должны были обладать известнымъ знакомствомъ съ повседневными мелочами хозяйственной жизни, и, да же, благодаря кредитнымъ сдѣлкамъ случайного характера у нихъ уже должно было развиться инстинктивное чутье, что изъ денегъ дѣйствительно можно дѣлать деньги.

Итакъ, слѣдуетъ думать, что капиталистический духъ вочековѣчился среди болѣе выдѣляющихся лавочниковъ, въ сферѣ захолустныхъ ростовщиковъ. Приобрѣтательскія стремленія въ выясненномъ смыслѣ — специфически плебейское душевное состояніе. Они были той движущей силой, которая дала массамъ возможность расшатать устои старого аристократического міра. Это—стремленія, въ высшей степени характерныя для выскочекъ, парвеню. Но потомъ сами они оказываются, какъ легко видѣть, демократизующее вліяніе и становятся настоящимъ фундаментомъ современаго общества. Они дѣйствуютъ разрушительно главнымъ образомъ потому, что они быстро распространяются, какъ заразительная болѣзнь, и скоро охватываютъ всѣ круги населенія, даже людей болѣе или менѣе знатныхъ. Послѣ того какъ имъ подпадаетъ все общество, послѣ того какъ они вызываютъ новое разслоеніе всего населенія,— пятно ихъ происхожденія постепенно изглаживается. Но мы, поставивъ своею задачей именно раскрытие того, откуда явились эти стремленія, просто повторимъ еще разъ, что они вышли снизу, изъ глубинъ общества.

И еще одно можно сказать съ нѣкоторой увѣренностью: приобрѣтательскія стремленія развились въ сношеніяхъ съ иноплеменниками. Только здесь могла пустить корни та мысль, что хозяйственными операциими можно воспользоваться съ той цѣлью, чтобы, искусно организовавши ихъ,

достигнуть обогащения. Да и вообще платный обменъ развивался впервые лишь между чужими. Мы уже упоминали, что естественному чувству понятна только безвозмездная помощь или дарение:

If thou wilt lend this money, lend it not
As to thy friends; for when did friendship take
A breed for barren metal of his friend?
But lend it rather to thine enemy
Who, if he break, thou mayst with better face
Exact the penalty¹⁾,—

такъ еще Антоніо говорить Шейлоку.

Естественно поэтому искать объясненія для быстрого развитія западноевропейской промысловой жизни въ томъ обстоятельствѣ, что въ среду европейскихъ народовъ внѣдились многочисленные иноплеменные элементы (евреи). И несомнѣнно, что евреи сыграли значительную роль въ генезисѣ капиталистического духа; этому благопріятствовали между прочимъ и ихъ расовые особенности и ихъ нерѣдко угнетенное положеніе.

Однако, думается мнѣ, не слѣдуетъ переопредѣливъ ихъ вліянія въ этомъ направлениі. Какъ разъ въ итальянскихъ городахъ численность ихъ слишкомъ незначительна для того, чтобы они могли играть рѣшающую роль. Въ Генуѣ XII вѣка жили только двѣ еврейскихъ фамиліи. Въ Пизѣ, Луккѣ, Мантуѣ были лишь небольшія еврейскія общины. И только въ Венеціи въ 1152 году еврейская колонія насчитывала 1.300 душъ²⁾). „До поздняго времени во Флоренціи имъ не разрѣшали оставаться на долгій срокъ. Тѣ самые интересы, которые побуждали сопротивляться насколько возможно поселенію тамплеровъ въ городѣ, устраяли и этотъ дѣятельный эlementъ отъ конкуренціи съ местными жителями“³⁾). Во всякомъ случаѣ на ряду съ евреями новые люди массами выходили также изъ слоевъ арійского населения. Что касается арійцевъ, необходимый просторъ для развитія пріобрѣтательскихъ стремленій открывался прежде всего въ области сношеній съ иного родними: медленно, въ ходѣ столѣтій, пріобрѣтательскія стремленія развивались въ витерлокальной, междугородской торговлѣ, въ средѣ *mercatores* и *institores*. Но что въ особенности благопріятствовало ихъ расцвѣту, такъ это расширение колоніального хозяйства: въ немъ слѣдуетъ видѣть истинный питомникъ капиталистического духа, въ особенности въ одноть отношеніи, о которомъ сейчасъ будеть рѣчь: въ томъ отношеніи, что оно содѣйствовало развитію экономического рационализма.

1) „Если ты будешь давать деньги взаймы—не давай ихъ своему другу; ибо развѣ дружба отниметъ за деньги хлѣбъ у друга? Но, напротивъ, ссудай деньги своему врагу, котораго, если онъ обанкротится, ты не колеблясь можешь подвергнуть карѣ“.

2) По Benj. von Tudelas Berichten, H. Grätz, „Gesch. der Juden“, 6, 284.

3) Davidsohn, „Gesch. von Florenz“, 1, 789—90.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Развитіе экономического раціонализма.

Какъ видно изъ предыдущей главы, намъ приходится обращаться почти исключительно къ обще-психологическимъ соображеніямъ, если мы желаемъ хотя бы отчасти освѣтить тотъ мракъ, который окутываетъ часть рожденія пріобрѣтательскихъ побужденій. Напротивъ, обращаясь къ вопросу, какимъ образомъ идея новой цѣли развивается въ заключенную систему капиталистическихъ возврѣній на хозяйство, мы находимъ въ фактахъ больше точекъ опоры для его разрѣшенія. Капиталистическая хозяйственная возврѣнія характеризуются, какъ намъ известно, особымъ строемъ воли, направленнымъ на пріобрѣтательство, и, во-вторыхъ, экономическимъ раціонализмъ, — такимъ раціонализмомъ, какого міръ еще не выдалъ до того времени. Мы лишь тогда можемъ говорить о новомъ капиталистическомъ духѣ въ истинномъ значеніи этихъ словъ, когда экономической раціонализмъ соединяется съ пріобрѣтательскими побужденіями въ единое органическое цѣлое.

Переходя къ изученію чрезвычайно сложнаго психогенезиса капитализма, мы опять наблюдаемъ въ высшей степени поразительное явленіе. Именно, мы наблюдаемъ, какъ новому представлению о цѣли постепенно удастся въ корень преобразовать въ соответствии съ его характеромъ средство для его реализації, т.-е. хозяйственную жизнь,— и преобразовать такимъ способомъ, что хозяйственная жизнь сводится къ ряду отдельныхъ ариѳметическихъ задачъ, а послѣднія въ свою очередь искусственно сочетаются въ единое цѣлое: или, говоря коротко, хозяйствование превращается въ предпріятіе.

Но для этого человѣческое мышленіе нуждается въ своеобразной техникѣ; въ Европѣ выработка ея падаетъ на послѣднія столѣтія среднихъ вѣковъ.

Необходимо было выработать, во-первыхъ, методъ для точного, определенного, числового выраженія всякаго отдельного элемента въ дѣловомъ предпріятіи, и, во-вторыхъ, методъ для того, чтобы систематически охватить разомъ какое-либо дѣловое предпріятіе въ цѣломъ. Математика развила эти методы въ теченіе XIII, XIV и XV столѣтій. Пограничными пунктами въ созданіи новой дѣловой техники мы можемъ признать годы 1202 и 1494. Они связаны съ именами Леонардо Пизано и Луки Пачіоло.

Леонардо Пизано — бессмертная работа его сама родилась изъ

нѣдѣль капиталистического духа—заложилъ основы для точныхъ расчетовъ¹⁾. Мы склонны генезисъ экономического рационализма приводить въ связь съ развитиемъ системы, опредѣляющей значеніе цифръ по занимаемому ими мѣсту, и, напротивъ, слабое развитіе капиталистического хозяйства связывать съ отсутствиемъ системы цифръ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что 1202 годъ отмѣчаетъ поворотный пунктъ во всемирной исторіи. И если бы требовалось опредѣлить годъ рожденія современного капитализма, я безъ всякихъ колебаній называлъ бы таковымъ 1202 годъ,—тѣмъ болѣе, что на него приходится и еще одно всемирно-историческое событие: Венеція выступаетъ на завоеваніе Константина Поля. Съ этого года собственно и начинается эпоха захвата Востока западно-европейцами, въ частности итальянскими коммунами, и, следовательно, открывается денежное накопленіе въ болѣе или менѣе широкомъ масштабѣ.

Что касается работы Фра Луки,—она объединяетъ все, что выработало арифметическое мышленіе за три предыдущіе вѣка²⁾ и, кроме того, какъ известно всякому, даетъ въ 11 разсужденій 9 отдѣла 1 части древнѣйшую, но несмотря на то изложенную съ классическимъ совершенствомъ систему двойной бухгалтеріи³⁾. Благодаря этому новая система хозяйства получаетъ въ свое распоряженіе средства, которыя служать ей для того, чтобы реализовать на практикѣ соотвѣтствующую ея существу систематику дѣловыхъ операций.

Что касается исторіи современной бухгалтеріи, или постановки счетной части, наши знанія на этотъ счетъ до сихъ поръ отличаются отрывочностью. Какъ бы то ни было, позволительно съ полной определенностью утверждать, что къ концу XIII вѣка развитіе простой бухгалтеріи можно считать завершившимся: къ годамъ 1279—80 относятся извѣстные счетные документы папы Николая III⁴⁾, къ 1303 году — расходы флорентийской коммуны⁵⁾. Но и начатки двойной бухгалтеріи, конечно,

¹⁾ Liber Abbaci издалъ Вионсомрагні въ 1857 году. Свѣдѣнія о Леонардо Пизано имются во всякой исторіи математики. Обзоръ литературы даетъ Унгеръ, „Methodik“, стр. VI и сл.

²⁾ Уже и этимъ дано было далеко не tanto мало, какъ подумаютъ некоторые. Сравн. Треутlein, „Das Rechnen im 16 Jahrhundert“ (Supplement zur „Zeitschrift füre Mathematik und Physik“. XXII. Jahrgang, 1877). „Слѣдующій за Леонардо Пизано періодъ въ цѣлыхъ три столѣтія представляетъ для исторіи математики печальную картину“ (стр. 6). Впрочемъ, это едва ли справедливо, насколько дѣло касается развитія коммерческой арифметики,—въ это время въ Италии она достигла высокаго развитія какъ въ теоріи, такъ и въ практическихъ приложеніяхъ. Сравн. дальнѣйшее изложеніе въ текстѣ, а также Libri, „Hist. des sciences mathématiques“, 2, 214 и сл., и R. Via nello, „Luca Pacioli nella storia della ragioneria“ (1877), 77 и сл. Школьное хѣло также сдѣлало за это время значительный прогрессъ. Въ XIV столѣтіи во Флоренціи было 6 школъ, которыя регулярно посѣщались 1.200 мальчиками, обучавшимися тамъ l'abaco ed i principi della mercatura. Villani, Chron. Lib. XI, XCIV.

³⁾ Нѣмецкое изданіе—E. L. Jäger, „Lucas Pacioli und Simon Stevin“, 1876.

⁴⁾ Изданы G. Palmieri; цит. у G. Brambilla, „Storia della ragioneria italiana“, (1901), 30.

⁵⁾ A. Gherardi, „L'antica Camera del Comune di Firenze“, въ Arch. stor. IV ser., t. 16, стр. 313 и сл.

относятся къ эпохѣ задолго до Пачіоло. Въ лучшемъ историческомъ изложении, посвященномъ этому предмету, они открываются уже въ XIII вѣкѣ¹⁾. Изслѣдованиемъ Корнеліо Десимони²⁾ документально доказано, что уже въ 1340 году городское управлѣніе Генуи вело свои книги на основѣ *partita doppia*; веденіе отличалось притомъ такимъ совершенствомъ, что приходится думать, что до 1340 года система эта примѣнялась въ теченіе уже очень долгаго времени. Даље, изъ XV столѣтія до насъ дошли неоднократныя свидѣтельства о томъ, что двойная система нашла примѣненіе для подсчета въ общественныхъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ. Самый известный примѣръ — дошедшія до насъ дѣловыя книги братьевъ Соранцо въ Венеціи (1406 г.)³⁾.

Однако Фра Лука, впервые давшій научное изложеніе двойной бухгалтеріи, первый сдѣлалъ ее доступнымъ для всякаго вспомогательнаго средстvомъ при веденіи дѣла. Тѣмъ самымъ онъ рѣшительно порвалъ со старой ремесленной эмпіріей, носившей въ высшей степени личный характеръ.

Если мы приписываемъ двойной бухгалтеріи такое рѣшающее значеніе для развитія сущности капитализма, причина тому лежить въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: только она въ полномъ совершенствѣ и открываетъ возможность систематизаціи, необходимой для капиталистического веденія дѣла. Двойная бухгалтерія — впрочемъ, въ извѣстномъ смыслѣ это относится и ко всякому систематическому веденію книгъ — является прежде всего совершеннымъ выражениемъ специфически-капиталистической рационализтики, поскольку необходимой предпосылкой ся примѣненія служить проекція тщательно выработанного плана на будущее. Выработка общаго плана веденія хозяйства на болѣе или менѣе длинные періоды уже очень рано должна была найти себѣ мѣсто въ области общественного хозяйства; этого требуетъ самый характеръ послѣдняго; напротивъ, въ сферѣ частной хозяйственной жизни потребность въ составленіи такихъ плановъ создаетъ только капиталистическое предпріятіе. И потребность эта находитъ для себя адекватное выраженіе въ двойной бухгалтеріи, которая, повторяемъ, можетъ служить представительницей вообще научнаго веденія книгъ.

Существуетъ одно обстоятельство, которое именно двойную бухгалтерію дѣлаетъ въ особенности пригодной для капиталистического предпріятія: основнымъ фактотъ хозяйственной дѣятельности, а следовательно, и базисомъ веденія хозяйства двойная бухгалтерія рѣшительно признаетъ отдѣленіе вещественнаго имущества отъ личности руководителя дѣла. Эта идея впервые возникла тоже въ сферѣ общественного хозяйства, но для капиталистического предпріятія она становится прямо душою. Капиталъ персонифицируется, самъ онъ становится какъ бы личнымъ существомъ. Онъ ведеть по отношенію къ

1) G. Brambilla, 39.

2) Corr. Desimoni, „Cristoforo Colombo ed il banco di S. Giorgio“. Studio di Henry Harisse esaminato, въ „Atti della soc. ligure di storia patria“. Vol. XIX, fasc. 3, 1889 г., стр. 600 и сл., 617 и сл.

3) Alfieri Vitt., „La partita doppia etc.“, 1889; цит. у G. Brambilla, 35. Изъ новѣйшихъ работъ — H. Sieveking, „Aus venezianischen Handlungsbüchern“, въ Schmollets Jahrbuch, XXV.

предпринимателю какъ бы самостоятельное существование, — обстоятельство, остановившись на которомъ, Лоренцъ фонъ-Штейнъ пришелъ къ тому выводу, что предприниматель въ предприниматель можетъ быть обманутъ предпринимателемъ.

Въ то же время систематизация веденія дѣла освобождается отъ всего случайного и произвольного, связанного съ индивидуальностью руководителя, какъ таковой,—освобождается отъ всего, съ чѣмъ оно было связано въ ремесленный періодъ хозяйства. Современная бухгалтерія организована такимъ образомъ, что она, независимо отъ произвола и умѣнья отдельного хозяйствующаго субъекта, по внутреннимъ научнымъ правиламъ, формируетъ для хода хозяйственной жизни вполнѣ определенные, объективные нормы. Мы можемъ сказать — какъ бы мистически ни звучало это, оно все же справедливо, а послѣ всего сказанного совсѣмъ не покажется таинственнымъ,—итакъ, мы можемъ сказать, что благодаря современной бухгалтеріи капиталъ самъ диктуетъ для себя законы своего движения. „Независимо отъ формъ какой бы то ни было специальной системы... бухгалтерія должна такимъ образомъ наглядно представить вложенный въ предпріятіе капиталъ, чтобы въ соотвѣтствіи съ организацией и расчлененіемъ предпріятія были видны функционирующія въ каждой отрасли производства составныя части имущества и чтобы при помощи средствъ, развивающихся рука обѣ руку съ производствомъ, подвергались регистраціи всѣ относящіеся къ дѣлу случаи, т.-е. всѣ факты, которые вызываютъ измѣненіе имущества, и притомъ подвергались бы регистраціи въ такомъ систематическомъ порядкѣ, чтобы система хозяйственного производства являлась одновременно и системой бухгалтеріи“¹⁾.

Мы не можемъ здѣсь изслѣдоватъ дальше, какъ способность расчета и схематистика постепенно распространяются на весь общественный организмъ и какъ благодаря этому открываются новые источники питания для капитализма. Иначе мнѣ пришлось бы показать въ частности, какъ искусство считать при помощи устнаго обученія и обученія по книгамъ распространяется все на болѣе широкія сферы — въ Италии съ XIV столѣтія²⁾, а на сѣверѣ съ XV и особенно съ XVI столѣтія³⁾, — какъ все болѣе развивается склонность къ точности, къ строгому измѣрению пространства и времени: какъ въ итальянскихъ городахъ XIV вѣка появляются первые зародыши землемѣрного

¹⁾ Seidler, „Die theoretischen Grundlagen der doppelten Buchhaltung“, въ „Zeitschrift fr Volkswirtschaft“ etc. 10 (1901), 55.—Мы должны ограничиться этими немногими указаниями на особую приспособленность двойной бухгалтеріи къ капиталистическому веденію дѣла. Огромная литература о бухгалтеріи, насколько я знаю, до сихъ поръ вообще даже не ставила затронутыхъ въ текстѣ вопросовъ. Только что названная статья профессора Зейдлера тоже не оправдываетъ вызванныхъ ея заголовкомъ надеждъ: въ существенныхъ чертахъ она даетъ лишь изложеніе (правда, изъ известныхъ мнѣ самое ясное) принциповъ двойной бухгалтеріи, но не проводитъ ихъ въ связь съ цѣлями господствующей системы хозяйства. Самую глубокую разработку проблема нашла въ новѣйшемъ трудѣ обт этомъ предметѣ, въ глубокой книжѣ Léo Gomberg, „La science de la comptabilit  et son syst me scientifique“ (1901). Сравн. въ особенности стр. 35 и сл.

²⁾ Vianello, „Luca Paciolo“, 77 и сл.

³⁾ Unger, „Methodik“, 1 и сл., 35 и сл.

искусства, составляются первые планы городов¹), какъ прогрессируетъ измѣреніе времени, удовлетворяющее потребностямъ публики²), какъ развивается рациональная система мѣры и вѣса. Миѣ пришлось бы также изложить, какъ въ современной статистикѣ общество открываетъ своего рода главную книгу со множествомъ отдельныхъ счетовъ, что позволяетъ ему учитывать ведение своихъ собственныхъ дѣлъ³), — коротко говоря, мыѣ пришлось бы дать обзоръ всей культуры возрожденія, которая по своему внутреннему существу стоитъ въ самой непосредственной связи съ только что описанными, впервые выступившими на сцену явленіями хозяйственной жизни, — по своему внутреннему существу, которое часто характеризуютъ, какъ индивидуализмъ. Въ самомъ дѣлѣ, новый капиталистический духъ далъ большинство тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложился индивидуализмъ. Мы имѣемъ въ виду не только развитіе рационализма, но и постоянное, рѣзкое подчеркиваніе притязаній отдельнаго хозяйствующаго субъекта, благодаря чему съ побѣдоносной силой выступила идея свободной конкуренціи, — решительное торжество индивидуальныхъ интересовъ, безусловное признаніе личной самоответственности.

Но все это по существу относится къ другой главѣ, къ которой намъ неѣтъ необходимости приступать въ настоящее время, — къ той главѣ, которая должна трактовать о созданіи объективныхъ условій капиталистического хозяйства. Въ настоящемъ же отдѣлѣ мы намѣрены были прослѣдить лишь одно: какъ осуществлялись субъективныя предпосылки современаго капитализма. Второю и послѣднею изъ нихъ является очерченный здѣсь въ его возникновеніи специфический духъ нового субъекта хозяйства. Въ то время, когда Колумбъ открываетъ новую часть свѣта, а въ Италии нѣсколькими столѣтіями раньше, эта странная фигура съ человѣческимъ лицомъ, этотъ *homo sapiens Lombardstrandarius, economical man*, герой всѣхъ эпопей Рикардо, Сеніора, Макъ-Келлока, — въ это время онъ выступаетъ передъ нами уже совершенно развившимся, — таковы, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторые яркие образцы. Уже Яковъ Фуггеръ можетъ послужить для насть классическимъ представителемъ этого типа. „Извѣстно, — пишетъ Антонъ Фуггеръ въ своемъ дневнику, — что покойный господинъ Іергъ Турпо отправился на покой, поселился въ Аугсбургѣ и хотѣлъ совсѣмъ бросить торговлю; неоднократно онъ говоривалъ покойному господину Якову Фургеру, что не想要 ни приобрѣтать, ни терять... Мы

¹⁾ Лучший обзоръ этихъ и родственныхъ имъ явленій даетъ глубокая книга Libri, „Hist. des sciences mathém.“, 2 (1838), 86 и сл., 218 и сл., 233 и сл., и др.

²⁾ Часы въ Миланѣ — съ 1306 г., у frères Prêcheurs. Giulini, „Mehorotie di Milano“ (1770), 9, 109. Въ теченіе XIV вѣка уже всѣ крупнѣйшия города Италии обзавелись часами, которые выбивали 24 часа. Migatori, „Script. reg. it.“, 12, 1011 (Миланѣ); 18, 172 (Болонья, 1356 г.). E. Geleicht („Geschichte der Uhrmacherkunst“, 5 издание, 1892, стр. 24) упоминаетъ, будто общественные часы были въ Италии уже въ XIII вѣкѣ; но я не могу найти документальныхъ подтвержденій этого. Точно такъ же мыѣ представляется невѣроятнымъ, чтобы уже въ 1228 году имѣлись общественные часы на Бестminsterскомъ соборѣ въ Лондонѣ, какъ утверждаетъ C. Schlegel, „Die Uhr in kulturgeschichtlicher Bedeutung“ (1890), стр. IX—X. Въ противоположность этому сравни. Anderson, „Annals“, 1, 354.

³⁾ О первыхъ начаткахъ статистики въ итальянскихъ республикахъ сравни. Libri, 2, 238. Virechardt, „Kultur der Renaissance“ 1³, 75 и сл., и прежде всего — Pagani, 1, 27; для позднѣйшаго времени — Handbuch'и по статистикѣ.

должны устраститься, ибо, моль, достаточно долго мы пріобрѣтали, надо и другимъ дать пріобрѣтать... но господинъ Яковъ Фургеръ всегда отвѣчалъ ему: „онъ малодушенъ... онъ же (самъ Фургеръ) имѣетъ совершенно другіе взглѣды и хочетъ пріобрѣтать, пока можетъ“¹⁾.

Онъ хочетъ пріобрѣтать, пока можетъ, — это становится девизомъ капиталистического предпринимателя. При этомъ мы замѣчаемъ еще одну не маловажную перемѣну въ сферѣ представлений хозяйствующаго, субъекта. Именно, мы наблюдаемъ, какъ медленно переворачивается отношеніе средства и цѣли. Это было новое явленіе,—смотреть на хозяйственную дѣятельность, какъ на средство для цѣли пріобрѣтательства. А впослѣдствіи снова совершается поворотъ въ томъ смыслѣ, что и эта новая цѣль утрачиваетъ свое обаяніе, и самая хозяйственная дѣятельность опять представляется цѣлью. Но такой она представляется уже въ формѣ, носящей отпечатокъ нового времени: въ видѣ расчетовъ, спекуляціи, дѣловыхъ операций. Молохъ предпринимательской психики постепенно расправляетъ свои когти и съ возрастающимъ успѣхомъ поглощаетъ поколѣніе за поколѣніемъ.

Сначала вещественное имущество персонифицировалось, само сдѣлалось личностью, а потому человѣческая личность постепенно становится вещью, лишенной собственной воли колесикомъ въ исполинскомъ механизме современныхъ дѣловыхъ отношеній. Благодаря тому и бываетъ такъ, что долгожданный спустя послѣ того, какъ умеръ всякий интересъ къ обладанию деньгами, предприниматель, захваченный механизмомъ дѣловой жизни, подражи ему безустанно отдается пріобрѣтательству, пока, наконецъ, послѣднее не начинаетъ представляться ему истинной цѣлью всей дѣятельности и всего существованія. Весь міръ превращается въ его глазахъ въ одно исполинское дѣловое предпріятіе, въ которомъ открыто столько счетовъ, сколько существуетъ въ немъ государствъ, городовъ, классовъ или даже отдельныхъ индивидуумовъ. Оцѣнка при посредствѣ денегъ, цифровое определеніе всякаго дѣйствія и услуги, дебетъ и кредитъ становятся категоріями его міросозерцанія. И надѣль всѣмъ этимъ горятъ написанныя золотыми буквами слова, являющіяся какъ бы девизомъ нового міра:

Дебетъ и Кредитъ!

1) F. Döbel, Der Fugger Bergbau und Handel in Ungarn, въ Zeitschrift des Historischen Vereins für Schwaben und Neuburg, 6 (1879), 42. При этомъ предприниматель можетъ быть (и очень часто бываетъ) самъ по себѣ бесприятельскимъ человѣкомъ, который пріобрѣтаетъ только для того, чтобы пріобрѣтать. „Если промыселъ, въ которомъ заявляешься, доходень, и особенно если прибыль извлекается изъ всякаго расширения дѣла, оно часто становится настолько привлекательнымъ въ его глазахъ, что онъ постепенно проникается страстью къ нему, и тогда вѣтъ для него никакихъ другихъ удовольствій, кроме какъ видѣть ежедневное возрастаніе его богатства. Въ этомъ заключается причина, почему промышленность увеличиваетъ бережливость, и почему среди торговцевъ скриги преобладаютъ надъ расточителями, между тѣмъ какъ среди землевладѣльцевъ наблюдается противоположное явленіе“. Наше, Essays., 2, 57.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Начатки промышленного капитализма и препятствія его развитію.

ГЛАВА ШЕСТЬНАДЦАТАЯ.

Замѣчанія о ходѣ и направленіи первоначального капиталистического производства.

Мы уже знаемъ, что субъективныя предпосылки капиталистического хозяйства осуществляются, какъ только накопление денегъ въ рукахъ людей, въ душѣ которыхъ загорается искорка капиталистического духа, достигаетъ соответствующей высоты. Тогда на сцену выступаютъ хозяйствующіе субъекты, которые обладаютъ личнымъ и вещественнымъ имуществомъ въ такой мѣрѣ, чтобы направить хозяйственную жизнь въ новые формы. Хозяйствующимъ субъектамъ теперь только одного не достаетъ для реализаціи ихъ плановъ,—не достаетъ осуществленія объективныхъ условій ихъ дѣятельности. Нѣкоторые читатели, можетъ быть, ожидаютъ, что мы сейчасъ же будемъ говорить о томъ, какъ осуществлялись эти условія. Но мы не можемъ удовлетворить такимъ ожиданіямъ, такъ какъ подобное расположеніе матеріала цѣло бы въ разрѣзъ съ основной идеей нашей работы. Мы вообще стремимся провести рѣзкую границу между изложеніемъ фактовъ въ томъ случаѣномъ видѣ, какой они приняли въ эмпирической дѣйствительности, и между раскрытиемъ того закономѣрнаго хода, какой принимаетъ хозяйство, разъ эти факты дады.

„Das erste steht uns frei, beim zweiten sind wir Knechte“¹⁾.

Генезисъ субъекта капиталистического хозяйства или генезисъ капиталистического хозяйственного принципа мы рассматриваемъ съ точки зреінія случайности; напротивъ, то, какимъ образомъ онъ создаетъ міръ по своему образу и подобію,—это мы рассматриваемъ съ точки зреінія закономѣрности. Къ послѣднему способу разсмотрѣнія мы примѣняемъ название „теорія“. Такимъ образомъ учение о томъ, какъ возникли объективныя условія капиталистического способа хозяйства, должно быть отнесено къ теоретической, а не къ исторической (генетической) части нашего изложенія. Но теоретическая часть, составляющая содержаніе второго тома, построена такъ, что она ограничивается указаніемъ на закономѣрность преобразованія рабянаго капитали-

1) „Въ первомъ мы свободны, во второмъ—рабы“.

стического въ завершено - капиталистическое народное хозяйство. Слѣдовательно, изложению этого преобразования мы должны предпослать анализъ ранней капиталистической организаціи хозяйства, въ періодъ ея наибольшаго развитія, и установить моментъ, съ котораго начинается процессъ преобразования. Эта задача разрѣщается въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Но у насъ получился бы чувствительный пробѣль, если бы мы обошли полнымъ молчаніемъ все, что совершилось въ ранній періодъ капиталистического хозяйства, и вѣсъ характеризующія его условия развитія. Въ виду этого мы дадимъ въ настоящей главѣ по крайней мѣрѣ короткій обзоръ, который позволитъ ориентироваться въ томъ, какъ шло послѣ осуществленія субъективныхъ предпосылокъ капитализма.

Необходимо съ самаго начала констатировать, что, какъ только осуществились онъ, слѣдствіемъ этого было немедленное возникновеніе зачатковъ капиталистического хозяйства. Въ ходѣ нашего изложения мы сами не разъ наблюдали это съ полною несомнѣнностью — по меньшей мѣрѣ въ области дежной и товарной торговли. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что торговля въ итальянскихъ городахъ съ XIV столѣтія, а въ городахъ южной Германіи съ XV столѣтія носитъ въ значительной мѣрѣ капиталистический отпечатокъ. Технический трудъ самого купца все рѣшительнѣе отодвигается на задній планъ. Онъ перестаетъ сопровождать обозы съ товарами. Распоряженіе, управление имуществомъ начинаетъ составлять все содержаніе его дѣятельности. Мы уже видѣли, что такие банкирскіе дома XIV вѣка, какъ Барди или Перуцци, раскидываются на широкія области цѣлую сѣть своихъ отдѣлений. При низкомъ уровнѣ техники сообщеній, такія обширныя дѣла требовали, конечно, приложенія колоссальнаго количества рабочихъ силъ. Напр., въ годы 1335—38 у Перуцци состояло не менѣе 137 наемныхъ служащихъ (*fattori*)¹⁾. Уже благодаря одной этой причинѣ руководителямъ такихъ предприятий приходилось направить главное вниманіе на управление и организацію.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно возрастающаго участія членовъ богатыхъ торговыхъ домовъ въ чужихъ предприятияхъ²⁾). И здѣсь изглаживается первоначально личный характеръ докапиталистического товарищества торговцевъ и главнымъ дѣломъ все болѣе становится управление имуществомъ.

Но изслѣдовать все это у насъ тѣмъ менѣе основаній, что именно эта сторона ранн资料的 капиталистического развитія разработана рядомъ выдающихся ученыхъ. Въ ходѣ нашего изложения у насъ уже неоднократно былъ случай указывать на относящіяся сюда сочиненія. Потому сейчасъ мы просто еще разъ сошлемся на упомянутыя хорошія работы и еще разъ напомнимъ чита-

1) *Rerigazzi, Storia del commercio*, 261 и сл.

2) Напр., мы наблюдаемъ, что въ первой половинѣ XVI столѣтія дома Вельсеровъ время отъ времени принимаютъ участіе въ самыхъ разкородныхъ предприятияхъ самыхъ различныхъ компаний и въ однихъ случаяхъ играть роль руководителя, а въ другихъ — скорѣе роль руководимаго. Картину такой же интенсивной дѣятельности раскрываетъ передъ нами дневникъ Луки Рема. *Häbler, „Fuggersche Handlung“*, 7. Дневникъ Рема (1494—1541) изданъ В. Greiffoномъ, 1861.

телю, что своего рода обобщающее описание денежной и товарной торговли в XVI веке даеть Эренбергъ въ своемъ „Zeitalter der Fugger“. Правда, точки зрѣнія, съ которыхъ Эренбергъ сгруппировалъ свой материалъ, существенно отличаются отъ тѣхъ, которыя выдвигаются на первый планъ въ нашей книжѣ. Но послѣ того, какъ мое изложеніе изощрило взоръ читателя къ общей связи явлений, онъ съ большой пользой и съ истиннымъ удовольствіемъ можетъ заняться замѣчательными изслѣдованіями Эренберга.

Но и зачатки современного капиталистического производства уже не разъ были описаны въ рядѣ полезныхъ работъ. Изъ ихъ числа я напомню сочиненія Geering'a, Gothein'a, Hübling'a, Stied'a, Schmoller'a, Thun'a, Troeltsch'a, Schönlanck'a—относительно Германіи и Швейцаріи; Cunningham'a, Cooke W. Taylor'a, Ashley, James'a—относительно Англіи; Sieveking'a, Broglie d'Ajano, а въ настоящее время прежде всего Doren'a—относительно Италии.

Благодаря этимъ работамъ мы можемъ составить себѣ довольно ясное представление если не о размѣрахъ, то о направлении и ходѣ принципиаго капиталистического производства. Мы наблюдаемъ, какъ быстро овладѣваетъ капитализмъ, съ одной стороны, производствами, которые раньше велись какъ ремесло: горнымъ дѣломъ и разными отраслями горной промышленности, отдѣльными частями текстильной промышленности, metallurgической промышленности, промышленности по обработкѣ дерева и т. д.; какъ онъ, съ другой стороны, подчиняетъ себѣ новыя отрасли промышленной дѣятельности, которая возникла, или по меньшей мѣрѣ достигла расцвѣта, только при капитализмѣ: фабрикація бумаги, фарфоровой посуды и др. Мы наблюдаемъ, какъ въ случаяхъ первого рода капиталистическая организація по большей части пріурочивается къ уже существующимъ ремесленнымъ формамъ, и какъ капитализмъ возникаетъ иногда и въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ прежде не было соотвѣтствующаго ремесла¹⁾.

Слѣдуетъ признать общимъ правиломъ, что при сравнительно высокой степени накопленія къ сферѣ производства раньше всего обращается торговый или банковый капиталъ; случаи, когда ремесленные производители превращаются въ капиталистическихъ предпринимателей, на первыхъ ступеняхъ развитія встрѣчаются рѣже. Своего рода закономъ развитія промышленнаго капитализма представляется такая связь между явленіями: капиталъ начинаетъ играть свою роль прежде всего въ формѣ ссуднаго капитала и лишь постепенно выдвигается на положеніе производственнаго капитала. Тѣ случаи, когда связь между капиталистомъ и техническимъ рабочимъ носить сравнительно непрочный характеръ, мы назвали случаями косвенной, непрямой зависимости отъ капитала. Почти во всѣхъ отрасляхъ производства они представляютъ первую стадію капиталистической организаціи или, если угодно, приготовительную стадію къ ней. Къ этой стадіи потомъ непосредственно примыкаетъ ссуда сырыхъ материаловъ въ натуральной или въ денежной формѣ: простой договоръ развивается въ капиталистическое предпріятіе. Такъ было

¹⁾ Примѣромъ такого случая Доренъ признаетъ флорентійскую суконную промышленность. „Studien“, 1, 23.

въ горномъ дѣлѣ. Относительно Христофора Шейрля мы знаемъ, что въ союзѣ въ Вельсерами онъ ссужалъ старателямъ деньги для разработки оловянныхъ и серебряныхъ рудниковъ въ Шлатгенвальдѣ и Иоахимстамѣ, „дабы такимъ способомъ создать для себя прибыльную торговлю оловомъ и серебромъ“ ¹⁾). Въ Силезіи мы наблюдаемъ такія же отношевія. Одинъ купецъ, по имени Францъ Боттнеръ, ссужаетъ деньги на разработку Рейхенштейнского золотого рудника, чтобы превратить старателей въ работниковъ для себя ²⁾). Въ качествѣ такого рода кредиторовъ — „Verleger’овъ“, раздатчиковъ, скупщиковъ — по отношению къ силезскимъ старателямъ мы встрѣчаемъ далѣе Фуггеровъ ³⁾, Вельсеровъ, Имгофовъ, Гумпіссовъ и др. ⁴⁾). О купцахъ, которые ссужали „бѣднымъ подмастерьямъ деньги на производство“ для разработки силезскихъ оловянныхъ рудниковъ, намъ сообщаютъ, что они сильно эксплуатировали горнорабочихъ, платили имъ за центнеръ олова всего 10—12 талеровъ, а сами значительно обогащались на этомъ ⁵⁾).

Какъ при посредствѣ ссуды техническій рабочій постепенно подпадалъ подъ власть кредитора, а въ результатѣ окончательно утрачивалъ свою независимость, краснорѣчивая иллюстрація этого содергитъ торговая книга Отта Руланда. Какъ известно, этотъ милый человѣкъ промышлялъ преимущественно четками и деревянными досками (употреблявшимися для печатанія), которая онъ скупалъ у ремесленниковъ изо всѣхъ странъ. Ловкой выдачей ссудъ онъ умѣлъ понемногу приводить дѣло къ тому, что ремесленники со всѣмъ, что у нихъ было, мало-по-малу, шагъ за шагомъ, попадали въ полное его распоряженіе, пока наконецъ, они ни обязывались на многіе годы поставлять ему свои работы въ уплату и погашеніе долговыхъ обязательствъ. „Я, Отть Руландъ, купилъ у столяра Фрица въ Зальцбургѣ его работу, что можетъ онъ сдѣлать со Срѣтенія въ теченіе трехъ лѣтъ, по одной дюжинѣ такихъ-то досокъ (следуетъ детальное перечисленіе сортовъ), при чемъ онъ получилъ 15 грошей золотомъ“. „Четочникъ Пернгардъ остается долженъ мнѣ 400 рейнокихъ гульденовъ, которые я готовъ оставить ему, и зато онъ долженъ дать мнѣ столько-то четокъ“. Такими-то и тому подобными записями полна книга Руланда ⁶⁾). И все это заканчивается оговоркой, которая обуславливаетъ продажу въ своего рода рабство: „они должны никому ничего не продавать изъ этого, — развѣ они дадутъ кому-либо одну доску, но ни подъ какимъ видомъ не скupщику“ ⁷⁾).

Таково же развитіе и въ области ткацкаго дѣла. Отть Руландъ въ большинствѣ случаевъ занимаетъ здѣсь такое же положеніе, какое въ докапита-

1) A. von Scheurl, „Christoph Scheurl“ (1884), 30.

2) Бреславльскій городской архивъ. Grafschaft Glatz III, 19a., 113—114. Въ извлеченияхъ сообщено у C. Faulhaber, „Die ehemalige schlesische Goldproduktion“. Bresl. Diss. 1896, стр. 17—18.

3) E. Fink, „Die Bergwerksunternehmungen der Fugger in Schlesien“, въ „Zeitschrift des Vereins f. Gesch. und Altert. Schl.“, 28, 309.

4) Urkunde vom 26 ноября 1510 г., у Faulhaber, 19.

5) A. Steinbeck, „Geschichte des schlesischen Bergbaus“ 2 (1857), 10.

6) E. Hassler (1843), 9, 15, 19.

7) L. c., стр. 19. Такая же оговорка въ договорахъ о ссудѣ и займѣ съ фюрентийскими ткачами: Doren, „Studien“, I, 270 и сл.

листическое время купецъ занималъ по отношению къ ремесленнику: онъ—скупщикъ товаровъ, поставляемыхъ ткачемъ. „Я, Отть Руландъ, договорился съ Каспаромъ изъ Дорнека относительно сотни штукъ сукна, но я ничего не купилъ у него, и изъ этого числа 35 должно быть окрашено въ зеленый цветъ и 35—въ коричневый, и 15—въ красный, и 15—въ сафло-синий и васильковый и черный. Если онъ пришлетъ ихъ мнѣ, я долженъ уплатить ему въ ближайшую осеннюю ярмарку въ 51 году. Если же онъ не пришлетъ мнѣ, я ничего не долженъ ему“¹⁾). Та же самая картина и въ Англіи²⁾. А вслѣдствіи начинаются ссуды деньгами—иногда это дѣлаетъ уже и Отть Руландъ—или пряжей. Такимъ способомъ закладывается фундаментъ для самостоятельного капиталистического предприятия. Уже въ XIV столѣтіи флорентійскіе торговцы заставляютъ ткать за ихъ счетъ грубыя сукна во Фландрии и Брабантѣ³⁾. И въ то же самое время мы наблюдаемъ, какъ въ Генуѣ, Венеціи, Флоренціи текстильныхъ производства ремесленного характера преобразуются въ домашнюю промышленность⁴⁾. Въ XV столѣтіи базельскіе торговцы и дѣятельные компанійцы покупаютъ хлопокъ и поручаютъ его перерабатывать въ ткани полотно-ткачамъ, которые до того времени были производителями, работавшими по найму, на заказъ, *Lohnwerker*ами; потомъ торговцы съ большой выгодаю продавали эти ткани⁵⁾.

Въ XVI столѣтіи въ Германіи работали такимъ образомъ на Фуггеровъ уже цѣлья мѣстности, жители которыхъ, повидимому, находились и въ юридической зависимости отъ раздатчиковъ⁶⁾. Крупнейшіе торговые дома уже содержать специально для этой стороны дѣла—для скupки, раздачи—особыхъ служащихъ, „факторовъ“. У насъ имѣются на этотъ счетъ точныя свѣдѣнія, такъ какъ до насъ дошла тайная книга одной такой фирмы—торгового дома Гауга и Линка. Намъ известно, что въ 1533 году у этого дома ко времени подсчета въ бѣлильнѣ было пису на 3.612 florinovъ, и относительно того же года сообщается, что на 177 ткачей за доставленный имъ сырой матеріалъ легъ долгъ въ 4.000 florinovъ⁷⁾.

Повидимому, и книгоизданіе сначала велось такимъ образомъ, что состоятельные кредиторы сужали необходимыя средства печатникамъ ремесленного типа: ие даромъ слово *Verleger* (раздатчикъ, скупщикъ, издатель) до новѣйшаго времени употреблялось именно въ области книгоиздательства для обозначенія собственно предпринимателя. Для тѣхъ, кто былъ занятъ новымъ искусствомъ, оно было въ ихъ глазахъ вообще отнюдь не однімъ изъ видовъ промысловой дѣятельности, но скорѣе орудіемъ науки, сред-

¹⁾ O. Ruland, „Handlungsbuch“, изд. Hassler (1843), 17, 20, 26. Янь Гагенъ, съ которымъ договаривается Руландъ (стр. 17), уже и самъ не торговецъ, а сукнами?

²⁾ John James, „History of the Worsted Manufacture in England from the earliest times“, 1857.

³⁾ „i panni di Flandra e di Brabante, che si facevano fabbicare da nostri mercanti medesimi“. Della decima 3, 98 и сл.

⁴⁾ Справк. работы Sieveking'a, Broglie d'Ajano, Doren'a.

⁵⁾ Geerling, 262.

⁶⁾ C. Jäger, 648. „Фуггеръ... приказалъ ткачамъ своего помѣстья“...

⁷⁾ J. Hartung, „Aus dem Geheimbuch eines deutschen Handelshauses im 16. Jahrh.“, въ „Zeitschr. für Soc. und Wirtsch. Gesch.“ 4, 56.

ствомъ гуманистической пропаганды. Многіе книгопечатники обучались въ университетахъ; поэтому они часто были проникнуты сознаніемъ, что они служить великой культурной задачѣ человѣчества. Базелецъ Іоганнъ Амербахъ хочетъ non tam teum questum quam suum divinum honorem quaerere. Слѣдовательно, въ числѣ прочихъ субъективныхъ предпосылокъ капиталистического предприятия здѣсь еще совершенно отсутствуетъ и капиталистический духъ, intentio lucri. На помошь такимъ художникамъ или ремесленникамъ являются богатые люди: именно такъ печатается „impressis“ того или другого лица, если только необходимое вещественное имущество не составляется посредствомъ товарищескаго объединенія. Въ годы 1501—1536 въ 1121 базельской книгопечатнѣ 826 „impressis“ изданы Verlegerами, издателями, и 124—товарищами книгопечатниковъ¹⁾). Производства даже знаменитыхъ книгопечатниковъ зачастую не превосходили по своимъ размѣрамъ сравнительно крупныхъ ремесленныхъ производствъ: у Іоганна Амербаха въ 1497 году—8 помощниковъ, 2 метранажа и 1 корректоръ; Гансъ Фробенъ въ эпоху расцвѣта его гуманистического книгоиздательства печаталъ на 4 станкахъ, впослѣдствіи на 7 станкахъ; въ 1558—64 годахъ у Фробена и Епископія въ ихъ двухъ типографіяхъ было по 1 корректору и лектору, по 6 наборщиковъ и 5—6 печатниковъ; Гансъ Герргротъ въ Нюрнбергѣ въ эпоху расцвѣта его перепечатокъ (1524 г.) держалъ только 4 помощниковъ²⁾.

Договоръ между Гутенбергомъ и Фустомъ (22-го августа 1450 г.) по существу имѣлъ только одинъ смыслъ: Фустъ, денежный человѣкъ, становился „раздатчикомъ“, Verlegerомъ, по отношенію къ ремесленнику Гутенбергу. „Іоганнъ Фустъ, корыстный и безчестный—такой, какъ мы его знаемъ—вѣроятно, уже при заключеніи своего договора съ Гутенбергомъ принялъ рѣшеніе выманить у бѣднаго денегами изобрѣтателя тайну его искусства, ссужая ему деньги, и потомъ спокойно захватить въ свои руки награду за чужие труды и работу“³⁾.

Но, съ другой стороны, мы наблюдаемъ, что капиталистическое предприятие уже очень скоро начинаетъ пользоваться и крупнымъ производствомъ въ формѣ мануфактуры и такимъ образомъ ведеть къ преобразованію рабочаго процесса. Несомнѣнно, книгопечатаніе уже очень рано развилось въ крупныя производства на капиталистическомъ базисѣ. Все, что известно намъ о Кобергерахъ, заставляетъ думать, что производство, кото-

1) Geering, 328. Сравн. также Oskar Hase, „Die Koberger“, 2 изданіе (1885), 143 и сл. Въ 1504 году Кобергеры остановили собственную книгопечатнью и съ этого времени стали простыми „раздатчиками“ по отношенію къ постороннимъ печатникамъ (ремесленного типа).

2) Hase, I. c., 411.

3) Karl Falkenstein, „Geschichte der Buchdruckerkunst in ihrer Entstehung und Ausbildung“ (1840), 113. Упомянутый договоръ опубликованъ in extenso I. Веттеромъ, въ его „Die kritische Geschichte der Erfindung der Buchdruckerkunst“ (1836), 284—290; въ извлеченіяхъ его дается также Falkenstein, I. c., стр. 103. Подробнѣе объ этомъ см. G. Zedler, „Gutenberg-Forschungen“ (1901), 61 и сл. О такомъ же договорѣ между Гутенбергомъ и Гумери см. Falkenstein, I. c., стр. 119. Вообще о книгопечатаніи см. F. Karp, Geschichte des deutschen Buchhandels, 1886, и Wold. Koehler, „Entwickelungsgeschichte der buchhändlerischen Betriebsformen“, Bas. Diss. 1896.

рое они организовали въ концѣ XV столѣтія въ Нюрибергѣ — въ немъ было въ ходу 24 станка и работало свыше 100 „подмастерьевъ“: наборщиковъ, корректоровъ, печатниковъ, переплетчиковъ, брошировщиковъ, раскрашивальщиковъ,—что это производство было по существу благоустроенной капиталистической мануфактурой. Это предположеніе подтверждается между прочимъ и совершенно новымъ для того времени положеніемъ, какое занимаютъ вспомогательные силы по отношенію къ руководителю типографіи. Нейдѣрферъ¹), которому мы обязаны данными о производствѣ Кобергеровъ, присовокупляетъ къ своему сообщенію слѣдующее замѣчаніе: „Онъ всѣхъ ихъ („подмастерьевъ“) приводольствовалъ въ другихъ мѣстахъ; въ извѣстный часъ они должны были приходить на работу и уходить съ работы; ни одного изъ нихъ не пускали безъ другихъ въ домъ, который стоялъ на С. Гильгенгофѣ, но они должны были поджидать одинъ другого передъ воротами дома“²). Параллельно книгоизданию развивается капиталистическая фабрикація бумаги; сначала размѣры производства, конечно, самые скромные, но постѣмъ и здѣсь наблюдается перестройка всего производства³).

Но капиталистическое предпріятіе въ области текстильной промышленности, повидимому, еще раньше, чѣмъ въ бумагодѣлательной, доразвилось до такихъ формъ производства, какъ крупная мануфактура или даже фабрика. Правда, мы теперь знаемъ, что шести и семистажные дома въ Генуѣ, которые приводили въ изумленіе Луку Рема и которые склонны были считать фабриками, представляли въ дѣйствительности жилыя помещения; однако въ другихъ итальянскихъ городахъ, кажется, существовало крупное производство, по крайней мѣрѣ въ сферѣ прадіенія. Рассказываются, будто въ 1341 году въ Болоньї были большія прадільни, которыхъ приводились въ ходъ силой воды и производство которыхъ соответствовало по размѣрамъ производству 4.000 прадільщицъ⁴). Въ

1) Neudörffer, „Nachrichten von den vornehmsten Künstlern und Werkleuten so in Nürnberg gelebt haben“, 1546—47. Изд. F. Campe, 1828, стр. 56 и сл.

2) O. Hase, I. c., 54—55.

3) Бумажная мельница Ульмана Штромера въ Нюрибергѣ въ XIV вѣкѣ приводилась въ движение тремя толчеями; Chron. d. St., I, 4, 77 и сл. Бумажные мельницы Гальбизена въ Базеле еще въ XV вѣкѣ представляли производства съ шестью помощниками; мельницы Галлицианіи—тоже. Geerling, 287 и сл., 313 и сл. Рѣшительное революционизированіе организаций производства въ бумагодѣлательной промышленности начинается лишь съ 1670 года, т.-е. съ изобрѣтеніемъ „голандера“. Сравн. „Buch der Erfindungen“ 679. Для болѣе раннаго времени см. также Hase, 62 и сл.

4) Alidosi, „Instruzione delle cose notabili di Bologna“ (1621), 37. Описаніе Алидози, насколько я знаю, содержитъ старѣйшее упоминаніе о крупномъ промышленномъ производствѣ современного типа. До сихъ поръ на него не обратили вниманія, и потому я дословно привожу соотвѣтствующее мѣсто: „Sono certe machine grandi, le quali mosse da un piccolo cavalletto d'qua di Reno fanno ciascuna di loro con molta prestezza Filare, Torzere ed addoppiare quattro mila fila di Seta, operando in un istante quel, che farebbono quattro mila Filatrici e quell'acqua ha propriet  di fare la Seta buona e vaga e lavorano ogn'anno centottanta mila libre di Seta, cio  centomilla di forestiera, e ottantamilla di nostrana con la seta doppia, e secondo, che n'e abbondanza. E la pi  antica memoria che di questi h  trovata   stata dell'anno 1341 ¸ 23 giugno, che la citt  concesse licenza ¸ Bolognino di Barghesano da Luca, habitante in Bologna, nella Capella di S. Lucia di potere construere un filatoio da seta nella capella di S. Biagio sopra il fossato presso le mura della Citt . Et

1515 году мы уже встречаемъ въ Ульмѣ шелковая мануфактуры крупныхъ размѣровъ¹⁾.

Но и другія важныя отрасли промышленности, особенно горная промышленность, подъ воздействиемъ растущей капиталистической организаціи и благодаря прогрессу техники съ XVI столѣтія, мощно развивались въ направлении къ крупному производству. Разработка рудниковъ предъявляла все большія требованія къ гидротехникѣ и къ искусству закладывать штолни и, следовательно, обусловливала расширение производства²⁾. Но въ особенности желѣзодѣлательная промышленность—въ концѣ пятнадцатаго вѣка она пережила коренную, радикальную революцію. Уже на исходѣ среднихъ вѣковъ начинаютъ пользоваться силой воды, чтобы приводить въ движение толчей, молоты и раздувальныя мѣхи³⁾. Это подготовило тотъ великий поворотъ въ желѣзодѣлательной промышленности, который нашелъ себѣ временное завершеніе лишь въ XVI вѣкѣ. Завершеніе выразилось въ улучшении операций, примѣняемыхъ для подготовки руды (промываніе и увлажненіе), и главнымъ образомъ въ усовершенствованіи доменной печи, возникновеніе которой следуетъ отнести къ первой половинѣ XV вѣка⁴⁾. Доменная печь стоитъ на рубежѣ между техникой среднихъ вѣковъ и техникой нового времени, между приготовленіемъ кусковъ желѣза при посредствѣ огня и молота и выплавкой чугуна посредствомъ силы угля и вдуваемаго воздуха.

Намъ извѣстны и тѣ суммы, которыя поглотило горное дѣло XVI вѣка и, увеличивъ ихъ богатою прибылью, возвратило обратно. Въ послѣднюю четверть XV и въ первую четверть XVI вѣка совершаются процессъ концентраціи капиталовъ, вложенныхъ въ горное дѣло, процессъ настолько быстрый, что въ наше время онъ едва ли идетъ съ большою быстротой. Мы можемъ прослѣдить это на основаніи одного относящагося къ тому времени манускрипта, который принадлежитъ къ числу интереснейшихъ документовъ экономической исторіи. Это—уже использованный Альбертомъ Егеромъ⁵⁾ и Зѣтберомъ⁶⁾ (использованный въ другомъ отношеніи, чѣмъ у наст.) манускриптъ № 3078, сохранившийся въ вѣнской королевской дворцовой библіотекѣ. Манускриптъ этотъ даетъ перечень старателей или плавильщикъ, принимавшихъ участіе въ швацкомъ горномъ дѣлѣ, а также списокъ количества переплавленной серебряной руды.

Я просмотрѣлъ этотъ списокъ и вычислилъ для всѣхъ годовъ, къ кото-

nel 1345 fu fatto un decreto, che Giovanni Oreto della Capella di S. Colombano potesse havere acqua per un filatoio da seta nel borgo Polecino". Для 1371 года Альдози указываетъ (стр. 38) 13 „filatigli di seta“, которые все принадлежали коммунѣ и сдавались въ аренду предпринимателямъ.

1) Carl Jäger, 649.

2) Справл. цитированные работы Штейнбекка (относительно Синдзин), Готейна (о Шварцальдѣ), Шмохлера и др.

3) Beck, „Geschichte des Eisens“, I (1884), 754.

4) „Buch der Erfindungen“ (1901), 180.

5) Alberth Jäger, „Beitrag zur Tirolisch-Salzburgischen Bergwerksgeschichte“ въ „Archiv für österreichische Geschichte“, томъ 53 (1875), стр. 345 и сл.

6) A. Soetbeer, „Edelmetallproduktion“, въ Petermanns Erg.-Heft, 57 (1879) 27 и сл.

рымъ относится онъ (1470—1534 годы), число старателей, доставлявшихъ руду (слѣдовательно, принимавшихъ участіе въ горномъ дѣлѣ). Оказалось, что въ 1470 году,—когда процессъ концентраціи, несомнѣнно, уже начался—поименовано все еще 38 „старателей“, а къ 1534 году число ихъ сократилось до шести (хотя добыча руды отнюдь не сдѣлалась меньше). При вычислѣніи по отдѣльнымъ пятилѣтіямъ мы получимъ слѣдующую картину развитія: въ горномъ дѣлѣ принимали участіе (среднимъ числомъ) за годы

1470—1474	31,2	„старателей“
1475—1479	29,4	„
1480—1484	19,0	„
1485—1489	15,6	„
1490—1494	15,2	„
1495—1499	13,8	„
1500—1504	10,4	„
1505—1509	8,0	„
1510—1514	9,2	„
1515—1519	8,6	„
1520—1524	8,4	„
1525—1529	8,8	„
1530—1534	6,0	„

Въ 1534 году было переплавлено 40.663 марокъ 7 лотовъ серебра. Эта сумма распредѣлялась между отдѣльными плавильщиками такъ:

Реймъ и Айт. Іер. Фуггеръ . . .	9.187	мар.	12	лот.
Гансъ Пуацль и Христ. Гервартъ .	10.161	„	10	„
Гансъ Штѣклъ	7.949	„	3	„
Гансъ Паумгартенъ	8.710	„	14	„
Христ. Рейффера наследники . . .	1.552	„	7	„
Братья Танцль	3.101	„	9	„

Что эта руда уже добывалась въ дѣйствительно крупныхъ производствахъ, въ этомъ убѣждаютъ насы случайно дошедшія до насы описанія того, какъ велось горное дѣло на Швацѣ. Изъ этихъ описаній мы знаемъ, что надъ удаленіемъ воды изъ рудниковъ ежедневно работало 600 человѣкъ, которые въ кожаныхъ ведрахъ передавали въ рядъ одинъ другому воду отъ лужи въ шахтѣ до выхода изъ штолни и потому извѣстны были подъ наименіемъ водоподъемщиковъ; они обходились въ годъ болѣе чѣмъ въ 20.000 гульденовъ¹⁾.

¹⁾ Von Sperges, „Tyr. Bergwerksgesch.“ 116.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Помѣхи капиталистическому развитію.

Такія производства, какъ упомянутыя въ послѣдней главѣ, позволяютъ намъ составить иѣкоторое представлѣніе объ уровнѣ капиталистического развитія въ различныхъ европейскихъ странахъ XV и XVI столѣтій. Но если мы подведемъ итогъ развитію до конца раннаго капиталистического періода (слѣдовательно, въ Англіи приблизительно къ концу XVIII вѣка, а въ остальныхъ странахъ, и въ частности въ Германіи, къ половинѣ XIX вѣка), то поѣдѣ всего изложенаго придемъ въ самое неподѣльное взумленіе: какъ ничто жны, поразительно малы были до новѣйшаго времени завоеванія капитализма,—и это несмотря на то, что накопленіе состояній уже достигло во всякомъ случаѣ далеко не низкаго уровня. Если мы поставимъ вопросъ о причинахъ такого поразительного явленія, мы не можемъ удовлетвориться тѣмъ отвѣтомъ, что въ указаный періодъ объективныя условія капиталистического хозяйства осуществлялись слишкомъ ужь медленно. Подобный отвѣтъ ничего бы не объяснилъ, а только отодвинулъ бы объясненіе. Въ ходѣ нашего изложенія мы еще увидимъ, съ какою изобрѣтательностью капитализмъ обыкновенно самъ создаетъ для себя тѣ условія существованія, въ которыхъ онъ нуждается. А потому спрашивается, почему такое онъ создалъ эти условія лишь въ теченіе XIX вѣка и почему не создалъ ихъ раньше? Нѣть, мы должны стремиться къ тому, чтобы открыть тѣ обстоятельства, которые во всѣ столѣтія задерживали естественное, какъ мы можемъ выразиться, развитіе капитализма. Всѣ противодѣйствующія ему теченія мы назовемъ помѣхами капиталистическому развитію. Всѣ ихъ можно отнести къ двумъ основнымъ комплексамъ явлений. Одна крупная группа противодѣйствующихъ тенденцій создается стечениемъ ряда обстоятельствъ, которые приводятъ къ замедленію накопленія или къ тому, что накопленія имущества употребляются на вѣкапиталистическую цѣль: приводятъ, слѣдовательно, къ своеобразному разслабленію капиталистической энергіи. Другая группа помѣхъ лежитъ въ сферѣ количественныхъ отношеній населенія и сводится къ особенностямъ движенія населенія въ докапиталистическую эпоху, къ тѣмъ особенностямъ, которая въ новое время, какъ и въ средніе вѣка, — въ новое время отчасти даже сильнѣе, — все еще препятствуютъ быстрому росту общей численности населенія, и прежде всего (что самое важное) — возникновенію массы элементовъ, лишенныхъ всякой собствен-

ности, следовательно, генезису пролетариата. Сейчас мы обратимся къ этимъ обѣмъ группамъ противодѣйствующихъ капитализму тенденцій. Вообще говоря, намъ и здѣсь опять придется имѣть дѣло съ вещами, которыхъ извѣстны всякому и которыхъ мы должны, следовательно, только поставить въ надлежащую связь.

То, что я называю ослабленіемъ капиталистической энергіи, создается прежде всего употреблениемъ накопленныхъ денежныхъ суммъ на вѣхозавѣтные, на такъ называемыя „непроизводительные“ цѣли, среди которыхъ выдающееся положеніе занимаютъ военные цѣли. Такое отклоненіе эмбрионовъ капитала съ ихъ истиннаго пути начинается одновременно съ самимъ накопленіемъ. Медленное развитіе капитализма, несомнѣнно, не въ малой мѣрѣ слѣдуетъ приписать уже для среднихъ вѣковъ быстрому поглощенію войнами всѣхъ денежныхъ состояній, какія только можно было добыть. Процессъ поглощенія начинается крестовыми походами. Вожди запутались въ долгахъ, и крупные феодалы и ихъ вассалы подобно высохшей губкѣ впитывали всѣ наличныя денежныя состоянія. Для итальянскихъ торговцевъ не могло быть болѣе выгодныхъ операций, какъ употребить всѣ сбереженія на займы¹⁾. Какія огромныя суммы поглощали всѣ эти походы, обѣ этомъ даютъ намъ извѣстное представленіе дошедши до насъ документы о крестовыхъ походахъ Людовика IX: общая сумма расходовъ на первый крестовый походъ составила 1.537.570 торн. ливр. 10 сол. 10 ден., расходы въ 1250—1253 годахъ—1.053.476 ливр. 17 с. 3 д.²⁾.

Между тѣмъ войны идеть за войной. Вести борьбу прежде всего приходится папству—то противъ императоровъ, то противъ невѣрныхъ. Въ XIII столѣтіи Альбигойскія войны, въ XIV и XV столѣтіи—войны противъ турокъ, во время которыхъ папы постоянно поддерживали все новыми и новыми суммами борющихся грековъ, рѣдосцевъ и киприанъ³⁾. Во всѣхъ этихъ войнахъ деньги играютъ уже рѣшающую роль, тѣмъ болѣе, что они велись по большей части наемниками⁴⁾. Теперь мы поймемъ, какъ это могло случиться, что значительныя суммы, которыхъ притекали въ кассы апостолической церкви, были быстро растратчены, и что и этого не хватало и приходилось дѣлать долги за долгами: папскій престолъ, какъ жаловался Иннокентій IV, обыкновенно былъ non solum in mobilibus bonis suis pene exhausta, sed et maximis quoque debitibus obligata⁵⁾. Какъ папы, такъ и города Италии, сообразно ихъ природѣ, должны были превратить веденіе войны въ чисто денежній вопросъ⁶⁾. Уже изъ XIII столѣтія до насъ доходятъ извѣстія о „Soldati“ catalani, borgognoni, tedeschi ed altri cavalieri oltremontani che vanno ogni giorno crescendo di numero“.

¹⁾ Сравн., напр., Schaub, „Die Wechselbriefe Ludw. d. Heil.“, въ „Jahrb. f. N. Oe.“, 15, 605 и сл., 621, 740.

²⁾ Gottlob, „Päpstl.“ Kreuzzugssteuern“, 48 и сл.

³⁾ Gottlob, „Aus der Camera apostolica“, 179.

⁴⁾ Kirsch, „Die päpstl. Kollektor. in Deutschland“, XII.

⁵⁾ Gottlob, въ „Histor. Jahrb.“ 20, 666, 675 и сл.

⁶⁾ Это хорошо показалъ P. Villari, „I primi due secoli della storia di Firenze“, 1, 311 и сл.

А какая колоссальная суммы приходилось даже маленькимъ общинамъ приносить въ жертву Молоху войны, которая снова и снова становилась необходимой благодаря нескончаемымъ расприямъ! Постараемся представить себѣ, что это значило, когда такой городъ, какъ Флоренція, въ 1260 году выставилъ противъ Сиены 30.000 человѣкъ¹⁾. Чтобы покрыть расходы, необходимо было привлечь всѣ состоянія, какія только оказались подъ рукой. Общественные займы, начало которыхъ относится къ тому времени, служать для того, чтобы привлекать въ кассы городскихъ управлений частныя состоянія, накопляемыя въ разныхъ мѣстахъ. Для состоятельныхъ гражданъ такимъ образомъ открывается въ высшей степени удобный и прибыльный способъ утилизации состояній. Въ XIII вѣкѣ богатые деньгами люди стараются воспрепятствовать тому, чтобы городъ погасилъ свои долговыя обязательства, ибо „въ процентныхъ государственныхъ займахъ они видѣли вожделѣній способъ помѣщенія денегъ“²⁾. Постоянный долгъ Генуи беретъ начало съ 1257 года. Въ 1322 году весь государственный долгъ Генуи выражался въ цифре 831.496 ливр.; по нему уплачивалось 8—12%. Въ 1354 году консолидированный долгъ возросъ до 2.962.149 ливр. 9 сол. 6 ден.; въ 1378—81 годахъ, во время войны съ Венецией, было предпринято 10 принудительныхъ займовъ, круглымъ числомъ въ 100.000 флор., по которымъ уплачивалось 8%, такъ что къ упомянутымъ 2,9 милл. ливр. въ концѣ XIV столѣтія прибавилось еще 2½ милл. ливр.³⁾.

Флоренція затратила на войну противъ Mastius'a II della Scala 600.000 гульденовъ золотомъ; затянувшаяся на шесть мѣсяцевъ война противъ графа Virtù обошлась въ 3½ милл. флор.; въ 1377—1406 годахъ на военные цѣли израсходовано 11½ милл. флор.; война противъ герцога миланскаго, окончившаяся въ 1418 году, менѣе чѣмъ въ два года поглотила 3½ милл. флор.; въ 1430—1453 годахъ 70 фамилій внесли въ *conto di grazie* 4.875.000 флор.⁴⁾.

Въ Венеции — та же картина. И здѣсь сильное тяготѣніе къ общественнымъ займамъ. Въ 1353 и 1398 годахъ продаютъ дома, чтобы на выручку приобрѣсти государственные долговыя обязательства⁵⁾. Въ 1423 году дожъ Мочениго оставляетъ бремя долговъ въ 6 милл. дукатовъ, хотя онъ успѣлъ погасить 4 милл. дук.⁶⁾. Въ 1520 году имущество Monte Vecchio составляло 8.675.613 дук. 14 гр.⁷⁾.

Однако, въ существенныхъ чертахъ то же самое наблюдается и въ другихъ странахъ. Нѣмецкіе города въ войнахъ городовъ въ конецъ исчерпываютъ свои денежныя силы, т.-е. денежныя силы своихъ состоятельныхъ

¹⁾ O. Hartwig, „Eine Mobilmachung in Florenz“, въ „Quellen und Forschungen zur ältesten Geschichte der Stadt Florenz“, 2 (1880), 299.

²⁾ Sieveking, „Gen. Fin.“, 1, 47.

³⁾ Sieveking, l. c., 100, 110, 160.

⁴⁾ См. подтвержденія у Pagnini, I, 33.

⁵⁾ Sieveking, „Gen. Fin.“, 1, 174.

⁶⁾ Muratori, SS. 22 col. 959. Тамъ же дальнѣйшия цифры.

⁷⁾ Sieveking, 1, 161. Сравн. также Lastig, „Beitr. zur Gesch. des Handelsrechts“, въ „Zeitschr. für das ges. H. R.“, 23, 160.

людей. Постараемся представить себѣ, что означаютъ такие, напр., факты: военный бюджетъ такого города, какъ Нюрибергъ, за какие-нибудь 14 мѣсяціевъ составилъ въ 1388 году 78.466 flor., почти вѣ три раза больше общей цифры городскихъ расходовъ въ обыкновенные годы¹⁾; государственный долгъ Базеля въ годы 1390—1430 возросъ до 160—240 тысячъ florиновъ, т.-е. до одной четверти или до одной шестой всей частной собственности базельцевъ²⁾. Но если города Германіи дѣлали крупнѣйшія затраты для собственныхъ войнъ, то этимъ дѣло еще не кончалось: являлся императоръ и окончательно исчерпывалъ средства при помощи своихъ обложений. Напр., въ 1374 году императоръ Карлъ выкачалъ изъ отдельныхъ городовъ слѣдующія суммы: изъ Ульма — 72.000 flor., изъ ульмскихъ евреевъ — 12.000 flor., изъ Нѣрдлингена, Динкеспала, Попфингена, Эсслингена и 9 другихъ городовъ — 70.000 flor., Мемингена — 11.000 flor., Аугсбурга — 37.000 flor.³⁾.

Однако, несмотря на безконечная кровопусканія, Италия, какъ мы видѣли, хотя и съ трудомъ, но все же успешно развивалась въ направлениі къ капитализму—прежде всего благодаря мощному накопленію, совершившемуся въ колоніяхъ. Напротивъ, другія страны не въ состояніи были бороться съ такими чрезмѣрными препятствіями. Здѣсь должны были наступить совершенно исключительныя события, чтобы довести накопленіе до такой высоты, при которой, несмотря на всѣ отклоненія, возможно основаніе капиталистического хозяйства. Мы уже видѣли, какого рода были эти события: мощное расширеніе производства благородныхъ металловъ, наблюдаемое въ особенности въ Германіи съ половины XV вѣка.

Но въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія скоро открылось, что вмѣстѣ съ повышеніемъ производства благородныхъ металловъ возросло въ своихъ размѣрахъ и употребленіе быстро накапливаемыхъ денежныхъ состояній на внѣхозяйственныя цѣли. Въ сущности только теперь, въ XVI вѣкѣ, войны и приобрѣтаютъ наибольшіе размѣры и остроту. Распри между Карломъ V и Францискомъ I потребовали такихъ расходовъ, по сравненію съ которыми все, что было раньше, представляло сущій пустякъ. Наемная солдатчина только теперь и достигаетъ полнаго завершенія. Съ конца XV столѣтія все рѣшительнѣе выступаетъ—прежде всего во Франціи—принципъ современного постояннаго войска. Званіе солдата съ этого времени начинаетъ превращаться въ профессію, въ промыселъ (*métier*), между тѣмъ какъ раньше оно было карьерой для единицъ, для авантюристовъ. Вербовка становится источникомъ войска, сначала главнымъ образомъ пѣхоты: договоръ о вербовкѣ дѣлается основою военной службы прежде во Франціи, а скоро и вообще въ Европѣ. Это предъявляетъ колоссальныя, все возрастающія требования къ финансовымъ силамъ монарховъ, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время и содержаніе полчищъ наемниковъ обходится все дороже, такъ какъ конкуренція изъ-за рабочей силы въ періодъ войны все возрастаетъ. Именно эта эпоха экономической истории получила превосходную разработку въ рядѣ

1) „Chronik d. St.“, 1, 188.

2) Geering, 218.

3) „Chronik des Burk. Zink“, въ „Chron. d. St.“, 5, 7.

изслѣдований, а потому здѣсь нѣтъ никакой необходимости обращаться къ деталямъ. Мы знаемъ, что всѣ огромныя состоянія, особенно въ Германіи—среди нихъ не на послѣднемъ планѣ находится и состояніе Фуггеровъ—были поглощены кассами королей и князей по большей части для того, чтобы уже никогда не возвратиться обратно,—точно такъ же, какъ ненасытный Эдуардъ III въ свое время поглотилъ состоянія Перуцци и Барди¹⁾). Мы знаемъ, что еще и въ XVI столѣтіи, и даже именно въ XVI столѣтіи, общественные займы дѣйствовали притягательнымъ образомъ и на среднія и на мелкія состоянія благодаря тѣмъ выгоднымъ условіямъ, которыя заемщики по крайней мѣрѣ сулили государственнымъ кредиторамъ,—совершенно такъ же, какъ Барди и Перуцци въ свое время сумѣли собрать всѣ наличныя состоянія, чтобы потомъ бросить ихъ въ пасть англійскаго государственного бюджета.

Объ успѣхѣ, какимъувѣничался *grand parti* короля Генриха II въ 1555 году, одинъ современникъ пишетъ: одному Богу извѣстно, какое возбужденіе вызвала въ людяхъ алчность до этихъ чрезвычайныхъ барышей: всякий спѣшилъ вложить свои деньги въ *grand parti*,—всякій, кончая прислугой, которая приносila свои сбереженія. Женщины продавали свои украшенія, вдовы разставались со своими пенсіями, чтобы принять участіе въ *grand parti*, короче—все стремилось туда, какъ будто на огонь²⁾.

Слѣдовательно, опять-таки совершенно такъ же, какъ нѣсколькими столѣтіями раньше все стремилось къ Барди и Перуцци, къ Скали и Аміери. Виллани пишетъ о деньгахъ, которыя Перуцци ссудили королю Эдуарду: „e nota che i detti danari erano la maggior parte di gente che gli aveano dati loro in accomandigia e in deposito, e di piu cittadini e forestieri“³⁾.

Слѣдовательно, при возрастающихъ военныхъ потребностяхъ снова и снова опустошаemыя кассы монарховъ съ непреодолимою силой всасывали всѣ денежныя состоянія, какія только имѣлись въ странѣ и были вполнѣ готовы къ тому, чтобы превратиться въ капиталъ. Насколько радикально совершилось это въ XVI вѣкѣ, превосходно видно изъ слѣдующихъ цифръ: согласно Зѣтберу, производство благородныхъ металловъ на всемъ земномъ шарѣ въ періодъ 1521—1560 гг. составило 115 милл. марокъ; съ другой стороны, Эренбергъ вычислилъ, что требованія, предъявленыя купцами къ обанкротившимся коронамъ Испаніи, Франціи и Португаліи и къ нидерландскимъ казначействамъ, выразились въ цифре почти вдвое большей—200 милл. мар.⁴⁾.

Конечно, случаи такой полной потери денежныхъ состояній, въ томъ числѣ и крупныхъ и самыхъ крупныхъ, съ XVII столѣтія постепенно становятся рѣже, поскольку причиной ихъ раньше были частыя прѣостановки платежей и банкротства монарховъ; становятся рѣже потому, что именно съ XVII вѣка начинается развитіе современныхъ формъ займовъ, банковскаго, биржевого и налогового дѣла. Но, съ другой стороны, снова и очень значительно возрастаютъ и требования, предъявляемыя къ государственнымъ средствамъ. Постоянное войско и огромные военные флоты XVII и XVIII столѣтій

1) О банкротствѣ Барди и Перуцци сравн. Villani, L. 12, с. 55.

2) Цитир. у Ehrenberg, 2, 107.

3) Villani, 11, 88.

4) Ehrenberg, 1, 178.

требуютъ денежныхъ суммъ, по своимъ размѣрамъ безконтрольно превосходящихъ денежные расходы на войны въ эпоху Фуггеровъ¹⁾). Теперь Голландія съ ея быстро развивающимися богатствами становится тою страною, изъ которой воюющія державы Европы выкачиваютъ потребныя деньги. Англія и Франція заключили здѣсь первые государственные займы въ концѣ XVII столѣтія; скоро за ними, въ XVIII вѣкѣ, послѣдовали Россія, Данія и некоторые немецкія государства²⁾). Национальный долгъ одной только Англіи возросъ съ 664.263 фун. стерлинговъ въ 1688 году до 249.851.628 фун. стерл. въ 1783 г.³⁾.

Итакъ, нескончаемыя распри между отдельными государствами играли роль препятствій капиталистическому развитію въ томъ смыслѣ, что онѣ не давали состояніямъ многихъ частныхъ лицъ превратиться въ капиталъ, а иногда совершенно разоряли торговые дома и вынуждали опять, съзнова, начинать накопленіе. Но тѣ же самыя распри оказывали еще въ одномъ направленіи еще болѣе сдерживающее дѣйствіе на „естественный“ ходъ хозяйственной жизни. Именно, онѣ задерживали все развитіе цѣлыхъ государствъ, разрушали въ нихъ сложившіеся зачатки капитализма, такъ что послѣднему приходилось все начинать снова въ какой-нибудь новой странѣ. Если одна страна одерживаетъ въ борьбѣ съ другой побѣду надъ ней, это будетъ съ точки зренія первой страны, конечно, благопріятнымъ условіемъ для развитія капитализма; но для капиталистического развитія въ цѣломъ это знаменуетъ, несомнѣнно, задержку, помѣху развитію, поскольку побѣжденной странѣ причиняется вредъ. Въ теченіе многихъ столѣтій европейскія государства старались вырывать другъ у друга колоніальную добычу, дрались другъ съ другомъ изъ-за господства надъ морями и изъ-за гегемоніи во всемирной торговлѣ. Все это, само собой разумѣется, на столько же столѣтій задержало свободное развитіе капитализма, для которого вѣдь совсѣмъ безразлично, совершается ли оно въ Голландіи, въ Италии, въ Германіи или Англіи. Ясно, въ самомъ дѣлѣ, что всякое перемѣщеніе въ отношеніяхъ силы означаетъ такое же разрушеніе или, по меньшей мѣрѣ, такую же помѣху въ развитіи побѣженной страны, какъ для страны-побѣдительницы—выигрышъ.

Перемѣщеніе отношеній міровой торговли тоже дѣйствовало какъ задерживающая причина. Тѣ зачатки капитализма, которые развились въ Италии въ теченіе трехъ столѣтій, начинаютъ отмирать, когда Италия потеряла свои колоніальные владѣнія на Востокѣ. Но въ то же время въ Испаніи и Португаліи показываются новые побѣги и развиваются отчасти съ помощью итальянского капитала (Генуя). Однако едва на Пиренейскомъ полуостровѣ почва начинаетъ упрочиваться для капитализма, какъ на него толпою набрасываются иностранные государства и стараются задушить его. Чего не удавалось достигнуть, съ позволеніемъ сказать, мирнымъ путемъ, къ тому стремятся принудить открытою силою. Въ честь французы въ годы 1556—1559 потерпѣли неудачу, это посчастливилось нидерландцамъ въ ихъ „освободитель-

1) Ehrenberg, 2, 322.

2) Scherer, „Gesch. des Welthandels“, 2, 364.

3) Scherer, I. c., 465.

ной войнъ" (1568—1648 годы): колоніальна сила Іспанії, єя супрематія въ мірової торгівлі сломлена; въ развитії національної хозяйственій жизни вызванъ застой; капіталізмъ переселиться въ Нідерланды. Но едва онъ во-дворяется сюда, какъ у него уже опять оказываются завистливые сосѣди, которые косо поглядываютъ на его здоровое развитие. Борьбу съ Нідерлан-дами открыывает Кромвель: въ 1651 году Навигаціонные акты, въ 1652—1654 годахъ—торговая война. Въ 1672—1678 годахъ въ союзѣ съ Англіей Франція и Швеція борются противъ расцвѣтающихъ Нідерландовъ. А потомъ на нѣкоторое время во главѣ капиталистическаго развитія становится Франція. Одно время казалось, какъ будто близко уже объединеніе французской тор-говли съ испанскими колоніальными владѣніями. Но сейчасъ же появились завистники: въ 1688—1697 годахъ Германія, Голландія, Англія составили коалицію и сообща ведутъ войну противъ мощно развивающейся Франціи; въ войнѣ изъ-за испанского наслѣдства (1701—1714 гг.) Голландія и Англія успѣшио борются съ Франціей изъ-за испанскихъ колоній. Наконецъ, какъ-послѣдніе и самые сильные соперники, ведутъ борьбу между собою Франція и Англія (1756—1763 гг.). Англія выходитъ побѣдительницей изъ этой борьбы и такимъ образомъ полагаетъ начало своей супрематіи на міровомъ рынкѣ. Теперь для Англіи открывается эпоха мирного собирания, которой она пользуется для того, чтобы довести до мощнаго развитія зародыши капіталізма. А тамъ—новое нарушеніе въ наполеоновскую эпоху. Потомъ начинается по-ріодъ мира для всѣхъ европейскихъ государствъ¹⁾. Съ этого времени всякий, кто хотя отчасти сохранилъ экономическая силы изъ эпохи раздоровъ, быстро до полнаго расцвѣта развиваетъ капіталістическую систему хозяйства: ран-няя капіталістическая эпоха начинаетъ переходить въ позднюю капіталі-стическую эпоху.

Въ тѣ вѣка, когда одно государство отрывало куски отъ другого, судьбы Германії носили своеобразный характеръ. Никто не боролся противъ ея эко-номическихъ успѣховъ, но зато она сама изъ себя породила достаточно серьез-ныхъ помѣхъ экономическому прогрессу. Рѣшающее значеніе для дальнѣйшаго развитія капіталізма въ Германії получило внесапнное оскудѣніе производства благородныхъ металловъ (въ половинѣ XVI вѣка). Къ этому присоединились всевозможныа распри, раздиравшія Германію изнутри. Рошерь правъ не-сомнѣнно, предполагая²⁾, что хозяйственное пропиѣтаніе Германії было над-ломлено раньше, чѣмъ надъ страной разразились ужасы Тридцатилѣтней войны.

Второй комплексъ помѣхъ капіталістическому развитію, какъ мы уже сказали, лежать въ количественныхъ отношеніяхъ населенія. Если мы познакомимся съ движениемъ населенія въ раннюю капіталістическую

¹⁾ Будеть умѣстно напомнить здѣсь тотъ фактъ, что государственный долгъ Англіи съ 1817 года не только не возросъ, но, напротивъ, уменьшился. Въ 1817 году онъ соста-влялъ 848.282.000 фун. стерл., въ 1898 г.—634.436.000 фун. стерл. См. сводку у Сопгад, „Grundriss zum Studien der pol. Oekon.“, 3. Theil., § 86.

²⁾ Roscher, „Die deutsche Nationalökonomik an der Grenzscheide des 16 und 17 Jahrhunderts“, Bd. IV „Abhandlungen der philol.-histor. Klasse der Kgl. Sächs. Ges. der Wissenschaften“, № 3. Вышла также отдельнымъ изданіемъ, 1862 г.

эпоху, мы придемъ прежде всего къ тому выводу, что общая численность населенія возрастала все еще значительно медленнѣе, чѣмъ въ настоящее время. То, какъ мы видѣли, характерно для среднихъ вѣковъ, попрежнему имѣть мѣсто и въ раний капиталистическое время: огромныя массы населенія уничтожаются голодомъ, эпидеміями, войнами. Въ послѣдній разъ голодъ посѣтилъ западную европу въ 1847 году. Чума вплоть до XVIII вѣка отъ времени до времени приходила за жертвами и была настолько свирѣпа, что по сравненію съ ней холера, ея младшая сестра, заслуживаетъ названія милосердной.

Народы попрежнему были поставлены передъ ужасной дилеммой: или ряды ихъ разрѣжала чума или же всыхивалъ голодъ. Въ своемъ сообщеніи о великой дорожизнѣ въ 1483 году Штолле говорить въ тюрингенско-эрфуртской хроникѣ: „и было тогда очень много народа“, ибо уже 20 лѣтъ не было настоящей смертности. „Множество смертей и заразы“, говорится въ „Eyn cristlich ermauung“ 1503 года, „суть величія кары Божіи, дабы люди не сдѣлялись слишкомъ изобильны“. „А ежели безъ смертей—народу въ странѣ было бы слишкомъ ужъ много, и это было бы нехорошо въ видахъ пропитанія“¹⁾.

Ко всему этому присоединялось опустошительное дѣйствіе вѣчныхъ войнъ: сраженія всегда приобрѣтали кровопролитный характеръ, и полчища наемниковъ быстро таяли. Однако при безпощадномъ способѣ веденія войны и несражающіеся претерпѣвали иногда ужасныя опустошенія.

При скучности и ненадежности источниковъ невозможно точно, въ числовыхъ данныхъ, установить движеніе населенія до XIX вѣка. Тѣмъ не менѣе и того цифрового материала, какой имѣется у насть, вполнѣ достаточно для того, чтобы подкрѣпить справедливость нашего общаго вывода: европейское населеніе вплоть до XVIII столѣтія въ общемъ увеличивалось лишь съ большою медленностью, и „даже въ XVIII вѣкѣ возрастаніе все еще оставалось незначительнымъ“²⁾.

Въ Германіи XV и XVI вѣка условія во многихъ отношеніяхъ сдѣлялись болѣе благопріятными для возрастанія населенія, но Тридцатилѣтняя война „на долгое время понизила... численность населенія, и въ XVIII вѣкѣ утерянное наверстывается въ общемъ медленно“. Во Франціи, по Фромантю, при Генрихѣ III (1574—1589 гг.) было 14 миллионовъ жителей; по смерти Людовика XIV—18 миллионовъ, и лишь въ половинѣ XVIII вѣка населеніе Франціи снова достигаетъ такой численности, какой оно достигло уже въ первую половину XIV столѣтія. Въ Бельгіи и Голландіи „явленіе очень медленного возрастанія населенія наблюдается въ теченіе трехъ столѣтій“. Что касается территории священнаго королевства Италіи, населеніе ея во вторую половину XVI вѣка можно опредѣлить приблизительно въ 11 миллионовъ. Почти такова же была его численность и въ началѣ XVIII столѣтія; и лишь съ этого времени начинается движеніе вверху. Въ Испаніи въ XVI вѣкѣ, но еще больше въ XVII, населеніе „чрезвычайно сильно

1) Сравн. Janssen, 1, 356—57. Тамъ же большой статистический материалъ.

2) von Inama, въ H. St. 2², 661. Изъ того же авторитетнаго источника заимствованы и данные относительно отдельныхъ странъ.

уменьшилось". Въ Англіи до конца XVI столѣтія населеніе находится въ неподвижномъ состояніи, съ указанного времени начинаетъ расти, но даже въ половинѣ XVIII столѣтія достигаетъ численности всего въ 6 миллионовъ.

Итакъ, мы можемъ признать установленнымъ тотъ фактъ, что, несмотря на высокія цифры рождаемости, европейскія страны вплоть до XIX столѣтія были бѣдны людьми. Мы теперь понимаемъ, почему излюбленной идеей всѣхъ государственныхъ дѣятелей и экономистовъ XVII и XVIII вѣка сдѣлалась мысль о томъ, какъ бы "населить" государства. Въ полномъ соотвѣтствіи съ эпохой, вся экономическая политика руководствовалась тогда двумя главными пожеланіями: денегъ и людей! Достаточно бѣглого взгляда на экономическое состояніе того времени, чтобы окончательно убѣдиться, что развитіе капитализма тормозилось не только недостаткомъ денегъ, но въ такой же мѣрѣ и недостаткомъ людей. Изъ Испаніи XVI вѣка—а она въ то время быстрѣе всѣхъ открывала шествіе по дорогѣ капитализма—до насъ доносятся жалобы кортесовъ на недостатокъ рабочихъ, который они стремятся предотвратить цѣлымъ рядомъ законовъ. Въ 1579 году они умоляютъ: да будуть воспрещены ремесленникамъ празднества и удовольствія въ будніе дни. То же предлагается и по отношенію къ батракамъ: ихъ число тогда возрастетъ, они сдѣлаются трудолюбивѣе¹⁾.

Въ XVII столѣтіи скупщики-раздатчики деревенской кустарной промышленности въ окрестностяхъ Базеля жалуются въ одномъ сообщеніи: „нуждано столько въ работѣ, сколько нужда, недостатокъ въ рабочихъ“. Въ то же время городской совѣтъ Базеля устраиваетъ „исправительный (каторжный) и сиротскій домъ“, заключенные въ которомъ принуждаются къ промышленнымъ работамъ²⁾.

О недостаткѣ рабочихъ могутъ свидѣтельствовать и многочисленныя законодательныя опредѣленія максимума заработной платы, которыхъ мы наблюдаемъ съ конца среднихъ вѣковъ.

Но, думается мнѣ, для объясненія извѣстнаго всѣмъ недостатка рабочихъ силь, особенно въ континентальныхъ странахъ Европы до конца XVIII вѣка, слѣдуетъ обратиться еще къ одному моменту, кромѣ медленнаго роста общей численности населенія. Необходимо яркоять во вниманіе, что, едва лишь возникалъ избытокъ населенія, передъ нимъ были открыты чрезвычайные ресурсы для того, чтобы добѣть себѣ пропитаніе. Для мужского населенія такимъ ресурсомъ была прежде всего служба въ наемныхъ войскахъ, численность которыхъ, какъ извѣстно, быстро увеличивалась параллельно съ развитіемъ современныхъ государствъ. Наемное войско открывало передъ неимущими возможность получать хорошее содержаніе: наемная плата солдатамъ всегда была высока, во всякъ случаѣ значительно выше, чѣмъ плата за обыкновенную работу поденщикамъ. Наприм., въ Аугсбургѣ XV столѣтія послѣдняя плата составляла 10—12 ден., а наемникъ получалъ 1½ flor. въ мѣсяцъ и продовольствіе³⁾.

Далѣе, не слѣдуетъ забывать, что во все времена, о которыхъ у насъ

1) Bonn, „Spaniens Niedergang“, 108, 122.

2) Geering, 602.

3) „Chron. d. St.“, 5, 438; сравн. также 1, 259.

теперь идетъ рѣчъ, *terra libera* (свободная, незанятая земля) еще почти нигдѣ не исчезла. Если не въ родной странѣ, то въ колоніальныхъ областяхъ избыточные элементы населенія находили широкое поле для свободной дѣятельности. Всякое расширение колоній, т.-е. всякое расширение той арены, на которой извѣстный народъ можетъ добывать себѣ пропитаніе, въ томъ смыслѣ дѣйствуетъ какъ помѣха капиталистическому развитію, что позволяетъ рабочей силѣ избѣжать зависимости отъ капиталистического предпринимателя. Шайка, участвовавшая въ экспедиціи Вельсеровъ (1526 г.), составилась изъ псарай и коюховъ, цирюльниковъ, плотниковъ, сапожниковъ, кузнецовыхъ, прислуги, военныхъ, горнорабочихъ и т. д.¹⁾. Первыми поселенцами на французскихъ Антильскихъ островахъ являются *des gens sans ressources, domestiques sans place, compagnons sans travail ou dégoutés de ne pouvoir devenir maîtres, paysans las de la corvée* и т. д.²⁾.

Впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ теченіи ранняго капиталистического периода, препятствія, стоящія на пути увеличенію населенія, все болѣе и болѣе исчезаютъ силы. „Великія смерти“ становятся рѣже, голодовки теряютъ свой острый характеръ, войны—и это главное—уже не производятъ такого опустошительного дѣйствія, какъ въ прежнее время. Въ Англіи, какъ сказано выше, періодъ болѣе быстрого роста населенія наступаетъ уже въ XVII вѣкѣ: это было слѣдствіемъ продолжительного мира и въ то же время одной изъ главныхъ причинъ того явленія, что капитализмъ въ Англіи опередилъ континентальный капитализмъ на 50—100 лѣтъ. На континентѣ Европы рѣшительный поворотъ наступаетъ лишь съ начала XIX вѣка, въ особенности по окончанію наполеоновскихъ войнъ. Въ это время ростъ населенія разомъ принимаетъ небывалый до того времени темпъ: деревенское населеніе возрастаетъ до такой степени, что, несмотря на все еще сильный отливъ въ колоніальныя области, очень скоро возникаетъ избытокъ предложенія надъ спросомъ на рабочія силы³⁾. Это, какъ мы еще обстоятельнѣе покажемъ впослѣдствіи, является характернымъ для количественныхъ отношеній населенія въ концѣ ранняго капиталистического періода, который такимъ образомъ созрѣваетъ для того, чтобы уступить мѣсто новой фазѣ въ развитіи капитализма.

Теперь мы закончили наше странствованіе—мѣстами стремительно-бурное—черезъ періодъ, охватывающій три столѣтія. Послѣ этого мы должны перевести духъ и самымъ внимательнымъ образомъ приглядѣться къ тѣмъ формамъ, какія приняла хозяйственная жизнь въ началѣ новой эпохи.

1) Негр. A. Schuhmacher, „Die Unternehmungen der Augsburger Welser“, 41, 43.

2) L. Peutraud, „L'esclavage aux Antilles fran aises“, 13—14.

3) Въ своемъ краткомъ наброскѣ мы, само собой разумѣется, могли указать лишь на самыя общія черты развитія. Что касается частности,—каждая страна, конечно, представляла свои различія. Здѣсь мы упомянемъ лишь объ одномъ обстоятельствѣ, въ которомъ выразилось уклоненіе отъ типического хода развитія,—о томъ, какъ религіозныя преслѣдованія заізли на состоаніе рабочаго рынка. Эмигранты во многихъ мѣстахъ послужили основой для образованія немнущаго промышленнаго пролетаріата, прежде чѣмъ вообще осуществились необходимыя условія для его возникновенія. Такъ было, напр., въ области Шварцвальда и Базеля. Сравн. Geering, 549 и сл., 593 и сл.

ОТДЕЛЪ ПЯТЫЙ.

Промышленность и капитализмъ въ концѣ ранней капиталистической эпохи.

(Промышленная жизнь Германіи въ половинѣ XIX вѣка.)

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Сфера господства промышленного капитализма.

Конецъ ранней капиталистической эпохи я пріурочиваю для Англія къ половинѣ XVIII вѣка, для Франціи—ко времени начала юльской монархіи, для Германіи—ко времени спустя одно или два десятилѣтія послѣ основанія Таможенного союза, слѣдовательно, приблизительно къ половинѣ XIX вѣка. Въ дальнѣйшемъ я имѣю въ виду нарисовать картину промышленной жизни именно около этого времени; притомъ главное вниманіе будетъ обращено на Германію, другихъ же странъ я коснусь лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ то же время, сообразно плану работы, главное вниманіе придется обратить на положеніе ремесла и его отношеніе къ промышленному капитализму.

Слѣдуетъ замѣтить, что это задача не легкая. Имѣющійся въ нашемъ распоряженіи материалъ—это, съ одной стороны, громадная куча непрофіянныхъ числовыхъ и иныхъ фактическихъ данныхъ, изъ которой лишь съ значительнымъ трудомъ и съ большою осторожностью можно выдѣлить наиболѣе существенные пункты (положеніе—какъ разъ противоположное тому, въ какомъ находятся историки хозяйства давно минувшихъ эпохъ), съ другой—это сообщенія современниковъ о своемъ времени. Послѣдній источникъ почти совсѣмъ непригоденъ для использования: самое большое, эти извѣстія могутъ служить въ качествѣ симптомовъ, въ качествѣ отраженій тогдашняго настроенія. Если бы кто пожелалъ на основаніи ихъ возсоздать себѣ картину хозяйственной жизни тогдашняго времени, то получилась бы такая же карикатура, какъ если бы мы вздумали изучать, напр., современную организацію розничной торговли на основаніи агитационныхъ сочиненій, выходящихъ изъ-подъ пера нашихъ „политиковъ средняго сословія“: имѣющіяся въ на-

шемъ распоряженіи сочиненія того времени¹⁾ въ сущности представляютъ собой тенденціозныя сочиненія, ламентациі. Если бы мы вздумали принимать за чистую монету все, о чёмъ они сообщаютъ, то пришлось бы думать, что все ремесло, наприм., въ Германіи конца сороковыхъ годовъ прошлого вѣка находилось въ полномъ упадкѣ. Но во-время вспоминаешь, что уже 10 ст. у съ Мёзера²⁾ столѣтіемъ раньше возвѣстилъ гибель ремесла, и что еще за сто лѣтъ до этого такое же заявленіе мы слышимъ отъ Шрёдера³⁾, и еще за два столѣтія до того—отъ Себастіана Бранта⁴⁾, Ганса Сакса⁵⁾, отъ автора „Реформаціи короля Сигизмунда“ и отъ нѣкоторыхъ другихъ⁶⁾. И начинаешь сознавать, что съ такими тенденціозными преувеличеніями многоаго не сдѣлаешь и что изъ нихъ едва ли возможно узнать, какъ въ дѣйствительности въ то время обстояли дѣла. Прежде всего становится яснымъ, что необходимо строго различать между положеніемъ ремесла, какъ формы хозяйства, которой угрожаетъ капитализмъ, и положеніемъ ремесленниковъ, которое (вслѣдствіе чрезмѣрности ихъ числа и т. п.), конечно, можетъ быть очень неустойчивымъ даже въ то время, когда твердыня ремесла стоитъ еще незыблемо.

Въ дѣйствительности промышленная жизнь въ концѣ рабочаго капиталистического периода представляетъ собой въ общихъ чертахъ такую картину: промышленный капитализмъ въ теченіе столѣтій завоевалъ себѣ прочную позицію. Но онъ самъ продолжаетъ еще жить исключительно въ формахъ ремесленной организаціи: онъ возникъ обыкновенно, непосредственно примыкая къ докапиталистическимъ промысламъ, и развивался сначала среди условій, соотвѣтствующихъ этимъ промысламъ. Онъ носитъ еще какъ бы случайный характеръ, въ своемъ существованіи онъ еще не порвалъ съ традиціонными формами, съ той почвой, на которой онъ родился, его техника носитъ эмпірический характеръ. Сфера его дѣятельности осталась почти той же, какую онъ завоевалъ при своемъ возникновеніи. Онъ сталъ хозяиномъ лишь въ сферѣ прежняго интерлокального, междугородского ремесла: въ горной промышленности, въ текстильной, въ мелкой желѣзодѣлательной и въ немногихъ другихъ промыслахъ.

Однако онъ готовъ уже перейти и въ сферу ремесла, работающаго на

1) О нѣкоторыхъ изъ нихъ въ дальнѣйшемъ еще будетъ рѣчь. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ имѣются въ моемъ сочиненіи: „Германія наканунѣ экономического переворота“, переводъ Ф. Капелюша. Издание О. Н. Половой. Спб. 1900.

2) J. M ö z e r, „Patriotische Phantasien“ 1 (1780), 7 и слѣд., 181 и слѣд. Написано въ 1768 и 1769 гг.

3) Schröder, „Fürstliche Schatz- und Rentkammer“ (1685), 91.

4) Seb. Brant, Narrenschiff: der XLVIII. Narr „Von Handwerks Narren“.

5) Hans Sachs, въ стихотвореніи „Der Eigennutz, das gräulich Tier mit seinen zwölf Eigenschaften“.

6) Ср., наприм., факсимиле одного политицажа 1600 года у Е. Мимтенhoffа, „Der Handwerker“, 95, гдѣ ремесленникъ жалуется:

„Ахъ, Боже, дороговизна, война и смерть
Довели теперь мое сословіе до гибели,
Такъ что я едва могу пропитать себя
Долгой работой, скучной пищей“.

мѣстный, на ограниченный рынокъ. Въ Германіи сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія мы можемъ встрѣтить первые слѣды разложенія также и этихъ ремесль, однако именно только слѣды. Въ общемъ же строй докапиталистической промышленной организаціи остается еще совершенно нетронутымъ. Сейчашь я постараюсь подвести итогъ тому, чего достигъ промышленный капитализмъ къ концу сороковыхъ годовъ.

Изъ цифровыхъ данныхъ, какія даетъ намъ промышленная статистика сороковыхъ годовъ, мы можемъ вполнѣ ясно усмотретьъ, что центръ тяжести нѣмецкой „индустрії“ (въ смыслѣ промышленного капитализма) находился тогда еще исключительно въ горной и текстильной промышленности¹⁾. Число рабочихъ, занятыхъ въ горной промышленности въ предѣлахъ Таможенного союза, компетентнымъ источникомъ опредѣляется для конца сороковыхъ годовъ въ 60.800 чел.²⁾, цифра, которую, конечно, нельзя сравнивать съ аналогичными цифрами нашего времени, но слѣдуетъ оцѣнивать исключительно по сравненію съ остальными цифрами промышленной статистики прежняго времени.

На ряду съ горною промышленностью, въ такихъ же внушительныхъ цифрахъ, выступаетъ текстильная промышленность, въ особенности ткацкая³⁾. Прядильныхъ заведеній было въ сѣверо-нѣмецкихъ государствахъ 3.050, число веретень въ нихъ равнялось 1.337.306, число рабочихъ—53.171; въ южно-германскихъ государствахъ (т.-е. Баварія, Баденъ, Гессенъ, Нассау) соответствующія цифры были—143, 251.171 и 7.172. Въ „промышленномъ“ (т.-е. домашне-промышленномъ, кустарномъ) ткачествѣ было занято:

въ сѣверной Германіи . . .	333.896	рабочихъ на 252.539 станкахъ.
въ южной Германіи . . .	420.893	” ” 333.276 ”

тогда какъ „ткацкихъ фабрикъ“ („Fabriken fr Gewebe“) было соответственно 15.185 и 18.846, число станковъ—96.460 и 120.928 и рабочихъ—232.572 и 272.106.

По сравненію съ этими цифрами, слѣдующія цифры кажутся ничтожными: „фабрикъ по обработкѣ металловъ“ и проч. было въ сѣверной Германіи 15.185 съ 121.782 рабочими, въ южной Германіи—21.004 и 155.788 рабочихъ. „Прочихъ фабрикъ“, наконецъ,—подъ ними разумѣются все остальные заведенія—было въ сѣверной Германіи 13.115 съ 100.297 рабочими, въ южной—4.671 и 30.288 рабочихъ.

Эти „прочія фабрики“ по отдельнымъ отраслямъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1) О состояніи англійской промышленности въ концѣ разнѣй капиталистической эпохи—она въ основныхъ чертахъ представляетъ собой вполнѣ аналогичную картину—см. А. Тойнби, „Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣтіи“. М. 1898 г.—R. Whately Cooke Taylor, „The modern factory system“, 1891, стр. 17 и слѣд.

2) W. Oechelhauer, „Uergleichende Statistik der Eisenindustrie aller Lander und Erorterung ihrer okonomischen Lage im Zollverein“ (1852), 124, 128.

3) Приводимыя ниже цифры взяты изъ „Statistischen bersicht der Fabrikations- und gewerblichen Zustnde in den verschiedenen Staaten des deutschen Zollvereins in Jahre 1846“, въ „Mitteilungen des statistischen Bureaus in Berlin“, 4 Jahrgang (1851), стр. 252 и слѣд.

	Число заведений.	Число рабочихъ.	ЗАМѢЧАНІЯ.
Писчебумажные фабрики . .	706	12.142	„больше всего въ Баденѣ и Саксонії“
Фабрики экипажей . .	90	2.586	„больше всего въ Гессенѣ“
Дубильный заводенія и производство клея . .	8.622	20.609	„больше всего въ Баваріи и Кургессенѣ, однако въ большинствѣ случаевъ носятъ ремесленный характеръ“.
Табачные фабрики . .	1.226	18.936	Наибольшее число въ Кургессенѣ, въ герц. Гессенѣ, Нассау, Тюрингенѣ.
Сахарные заводы (трост. сахаръ)	50	3.463	Наибольшее число въ Пруссіи, а затѣмъ въ Саксонії.
Свеклосахарные заводы . .	108	9.153	Наибольшее число въ Тюрингенѣ и Пруссіи.
Кожевенные заводы и производство изъ кожи . .	551	4.435	„размѣры производства крупище, чѣмъ по рубрикой 3-й, главнымъ образомъ въ вѣщахъ Гессенѣ, Нассау, Тюрингенѣ, затѣмъ въ Пруссіи“.
Остальные фабрики . .	6.443	59.261	

Отношеніе числа промышленныхъ рабочихъ, включая сюда и рабочихъ на мельницахъ и всѣхъ кустарей, ко всему населенію для Пруссіи выражается въ 2,98%¹⁾.

Само собой разумѣется, что промышленное развитіе было не одинаково въ различныхъ частяхъ Германіи: королевство Саксонія, Рейнская провинция и Вестфалія, нѣкоторыя части Баваріи стоять впереди другихъ областей. Однако это ничего неизмѣняетъ въ той общей картинѣ, какая вырисовывается передъ нами на основаніи приведенныхъ цифръ. Чтобы еще дополнить эту картину для одной какой-либо мѣстности, можно въ частности остановиться здѣсь на цифрахъ промышленной статистики Берлина²⁾, „самаго крѣнаго фабричного и торговаго пункта монархіи“³⁾. Промышленныхъ заведений въ Берлинѣ въ 1846 году было 1.153 съ общимъ числомъ рабочихъ 24.991.

1) Von Reden, „Erwerbs- und Verkehrsstatistik“ 1 (1853), 281.

2) Тамъ же, S. 427 и сл. Недавно одинъ изъ историковъ берлинской промышленности охарактеризовалъ ея состояніе въ концѣ сороковыхъ годовъ слѣдующими словами: „Ремесло еще было господствующей формой производства (читай: формой хозяйства) лишь въ немногихъ пунктахъ было стѣснено развивавшейся фабричной системой... последние годы этого периода пришлаась всеобщая германская промышленная выставка 1844 года... На ней впервые и широкіе круги публики увидали, что дая Германіи началъ новый периодъ промышленного подъема и что берлинская промышленность заняла первое мѣсто“. O. Wiedfeldt, „Statistische Studien zur Entwicklungsgeschichte der Berliner Industrie von 1720—1890“ (1898), 82.

3) Von Reden, a. a. 1, 416.

	Число заведений.	Число рабочихъ.
(Механическія) шерстопрядильни	3	82
Бумагопрядильни	3	123
Суконные фабрики	4	99
Фабрики бумажныхъ и полуsherстяныхъ тканей .	95	986
Фабрики льняныхъ тканей	3	14
Фабрики шелковыхъ тканей	85	2.219
Фабрики золотыхъ и серебряныхъ издѣлій	11	262
Фабрики издѣлій изъ нового золота и нового серебра .	11	365
Фабрики желѣзныхъ издѣлій	6	405
Фабрики машинъ	36	2.857
Химическія фабрики	25	546
Фабрики табаку и сигаръ	90	1.720
Кожевенные заводы и производство изъ кожи . . .	46	469
Фабрики экипажей	14	548

для всего административного округа Потсдама.

Но эти цифры статистики рабочихъ и фабричныхъ заведений пріобрѣтаютъ свое полное значеніе лишь тогда, когда мы сопоставимъ ихъ со степенью производительности промышленнаго труда въ то время. Мы лишь при томъ условіи сумѣемъ уяснить себѣ, какъ поразительно ничтожно было развитіе промышленнаго капитализма, когда припомнить, что производство было еще почти повсюду сковано путами эмпирическихъ методовъ, что машинная и механическо-двигательная техника сдѣлала лишь незначительные успѣхи, а производство по своей организаціи все еще оставалось производствомъ среднихъ или мелкихъ размѣровъ.

Въ дальнѣйшемъ я привожу немногія данные, которыхъ однако, какъ я думаю, будетъ достаточно для того, чтобы получить довольно отчетливое представление объ основныхъ чертахъ германской промышленности въ домартовскую эпоху.

Желѣзодѣлательная промышленность именно въ сороковыхъ годахъ начинаетъ пріобрѣтать свой теперешній характеръ: коксовая доменная печь медленно вытесняетъ доменные печи, потребляющія древесный уголь, кричный огонь и желѣзный молотъ медленно уступаютъ свое мѣсто системѣ пудлингованія. По даннымъ Вахлера, въ Верхней Силезіи еще въ 1846 г. было на ряду съ 52 доменными печами на древесномъ углѣ лишь 9 коксовыхъ, на ряду съ 240 кричными огнями—лишь 9 заведений, примѣняющихъ пудлингование¹⁾.

И та картина, какую развернуль передъ нами превосходный Якоби,

1) L. W. (Wachler), „Die Eisenerzeugung Oberschlesiens“, 1847.

когда онъ писалъ о положеніи дѣлъ въ западно-нѣмецкомъ угольномъ и желѣзодѣлательномъ округѣ¹⁾), характеризуется еще преимущественно чертами „доброго старого времени“. Доменные печи еще малы и приспособлены для отопленія древеснымъ углемъ. Во время прогулокъ въ лѣсной чащѣ вы слышите повсюду веселые звуки молотовъ, обрабатывающихъ желѣзо, выжимающихъ изъ него плаки. Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ округѣ Зигена еще не было ни одной коксовой доменной печи, и въ 1847 году тамъ было произведено²⁾:

на древесномъ угль—желѣза	41.000	цент.
“ ” “ стали	16.500	”
“ ” “ пудлингового желѣза . . .	25.000	”

О незначительныхъ размѣрахъ нѣмецкихъ доменныхъ печей того времени даютъ иѣкоторое представление цифры производительности доменныхъ печей въ различныхъ странахъ, которая сообщаетъ Петръ Мишлеръ³⁾.

По этимъ даннымъ, въ годъ давала желѣза:

англійская доменная печь	70.000	центнеровъ.
американская ”	50.000	”
бельгійская ”	30.000	”
русская ”	12.000	”
французская ”	9.000	”
нѣмецкая ”	7.000	”

(противъ 618.000 цент. въ 1899 г.).

Цифры эти подтверждаютъ справедливость наблюдений одного англійскаго свидѣтеля, о которомъ намъ придется еще довольно часто упоминать, и который свое изображеніе рейнско-вестфальской горной промышленности резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Читатель, вѣроятно, уже пришелъ къ выводу, что горное дѣло и горная промышленность, какъ они описаны у насть, очень сильно напоминаютъ систему земледѣлія, описанную въ нашей первой книгѣ: въ результатѣ и отъ собственниковъ можетъ потребоваться огромная затрата труда, при чѣмъ они могутъ получить за это лишь скучную прибыль, лишь немного превышающую размѣры заработной платы, которая стоитъ въ дѣйствительности на довольно низкомъ, нищенскомъ уровнѣ. Именно таково положеніе вещей“⁴⁾.

Сравненіе съ тогдашней Англіей особенно рѣзко подчеркиваетъ недостаточную производительность нѣмецкой желѣзодѣлательной промышленности того времени. Въ Англіи (1841 г.) 1.400.000 тоннъ желѣза было получено при со-

1) L. H. W. J a c o s i , „Das Berg-, Hütten- und Gewerbeleben des Reg.—Bez. Arnsberg in statistischer Darstellung“. 1856.

2) J a c o s i , 341.

3) P. M i s c h l e r , „Das deutsche Eisenhüttenwesen“, Bd 1 (1852), стр. 150. Книга Мишлера—самый важный источникъ для изученія нѣмецкой желѣзодѣлательной индустрии въ половинѣ XIX вѣка. Въ обоихъ томахъ содержится поразительная масса материала.

4) B a n f i e l d , „Industry on the Rhine“ 2, 100. Очень хороша и общая характеристика степени развитія рейнской индустрии: „Въ этомъ состоялъ медленного перехода отъ незначительныхъ машинъ и водяной силы къ крупной мануфактурѣ, приводимой въ движение силой пара, мы и находимъ рейнскій мануфактурный округъ Пруссіи“, 2,23. Ср., впрочемъ, ниже первое примѣчаніе къ слѣдующей главѣ.

дѣйствію 10.949 горнорабочихъ и при 29.496 другихъ рабочихъ, тогда какъ желѣзодѣлательная промышленность въ Пруссіи въ 1842 г. дала 117.000 т., при 9.272 горнорабочихъ и 27.703 другихъ желѣзодѣлательныхъ рабочихъ. Слѣдовательно, въ то время, какъ въ Англіи одинъ горнорабочій добывалъ 140 т., а каждый рабочій—47 т., въ Пруссіи изъ одного горнорабочаго приходилось только 13 т., а на каждого рабочаго—4 т. При такихъ обстоятельствахъ становится понятнымъ, почему совершило незначительная потребность въ желѣзѣ (въ 1834/35 гг.—11,60 фунт., въ 1848/50 гг.—21,79 фунт. противъ 309,8 ф. въ 1899 г.) не могла быть вполнѣ удовлетворена однимъ внутреннимъ производствомъ¹⁾.

Какъ незначителенъ средний размѣръ фабричнаго производства того времени, это видно уже изъ приведенныхъ цифръ. Здѣсь будутъ умѣстны еще нѣкоторыя болѣе подробныя данныя. Въ 153 бумагопрядильняхъ Пруссіи въ 1846 г. было всего лишь 170.433 веретенъ, слѣдовательно, на каждое производство немного больше 1.100; даже въ Саксонскомъ королевствѣ среднее число веретенъ на одну фабрику доходило лишь приблизительно до 3.600²⁾. „Бумагопряденіе въ Самсоніи, какъ и все бумагопряденіе того времени, страдало отъ несовершенства его техническаго оборудования и недостатка руководства“³⁾. Въ Аахенскомъ округѣ „въ сороковыхъ годахъ быть введенъ станокъ Єппу, и пряденіе (лишь теперь) въ теченіе двухъ десятилѣтій стало вполнѣ способнымъ къ конкуренціи“⁴⁾. Въ Гладбахскомъ промышленномъ округѣ „въ 1845 г. устроена была первая механическая прядильня“⁵⁾. 55 механическихъ прядильенъ, которыя насчитывались въ административномъ округѣ Дюссельдорфѣ, имѣли, согласно официальной статистикѣ, въ общей совокупности машины съ 664½ лошадиныхъ силъ, т.-е. каждая въ среднемъ приблизительно по 12 лошадиныхъ силъ⁶⁾.

Но господству ющей формой производства во всей тогдашней индустрии является все еще чисто кустарная промышленность. Для ткацкой промышленности это ясно уже изъ приведенныхъ данныхъ: на ряду съ 217.388 ткацкими станками въ „заведеніяхъ“, 585.835 было еще на дому⁷⁾. Борьба фабрики съ кустарными ткачествомъ начинается какъ разъ въ то критическое пятое десятилѣтіе XIX вѣка, которое мы здѣсь обозрѣваемъ, и даже для прядильной индустрии эта борьба въ указанное время еще не вполнѣ закончена⁸⁾. Что касается многочисленныхъ отраслей южно-герман-

1) W. Oechelhäuser, a. a. O. S. 124—128.

2) Von Reden, I. c., 3 (1854), 1648.

3) R. Martin, „Der wirtschaftliche Aufschwung der Baumwollspinnerei im Königreich Sachsen“, въ „Schmollers Jahrbuch“ XVII (1893), стр. 648.

4) A. Thun, „Industrie am Niederrhein“, I (1879), 23.

5) A. Thun, a. a. O., стр. 160.

6) Ср. также Bauffield, I. c., 2, 232 и слѣд.

7) „Mitteilungen des stat. Bureaus in Berlin“ IV (1851), 252 и слѣд.

8) Ср. напримѣръ для Саксоніи: Robert Heym, „Maschinen oder Handarbeit?“ (1848): „въ настоящее время въ ткацкомъ дѣлѣ идетъ борьба между кустарной промышленностью и фабричнымъ производствомъ“ (S. 44). То же самое было справедливо и для Силезіи, съ той только разницей, что здѣсь развитіе, быть можетъ, нѣсколько запоздало сравнительно съ тѣмъ, что было на западѣ и югѣ Германіи. Въ половинѣ сороковыхъ

ской промышленности, особенно тѣхъ, которые изготавливаютъ изделия изъ дерева и галантерейный товаръ и которыхъ еще и въ настоящее время отчасти не вышли изъ стадіи кустарной промышленности, онѣ какъ разъ въ это время или получили свое начало или стали превращаться изъ работы для разносной торговли въ работу на скопщиковъ. Мы видимъ, говорится въ одномъ сообщеніи того времени, „что именно въ наши дни стали замѣтны особенные стремленія основывать новые отрасли промышленности, въ особенности производство галантерейного товара въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, где населеніе увеличилось до чрезвычайности“¹⁾. Что большая часть производствъ Вюртемберга точно такъ же носитъ характеръ кустарничества, это мы видимъ изъ очень поучительного официального отчета „Überblick über die industriellen Verhältnisse Württembergs“ за 1855 г.²⁾. Извѣстно, какъ сильно тяготѣетъ рѣйнская мелкая желѣзодѣлательная промышленность къ системѣ

годовь механическія ткацкія фабрики и даже прядильни считаются еще за времена новшества, и, напримѣръ, преимущества ручного пряденія въ льняной индустрии встрѣчаются еще горячихъ защитниковъ. Срв.: Т г е и м и н д В е л п (Ed. Pelz), „Über den Einfluss der Fabriken und Manufakturen in Schlesien“: 1 Brief—„Die Gebirgsdistrikte“, 1843, S. 7 ff.; 2 Brief—„Polemisches“, 1844 ff., S. 29 ff. А. К р о к к е р, „Schlesiens Zustände. Seine Vergangenheit, seine Gegenwart, seine Zukunft“. Въ Beilage zu Nr. 78 der „Schlesischen Zeitung“ (vom 1. IV. 1849). А л е x а n d e r С h n e e g, „Über die Not der Leinenarbeiter in Schlesien und die Mittel, ihr abzuholen“. 1844, S. 8 f., 193 f. А. R ü f i n, „Die deutsche Flachszeit und ihre Verbesserung“, 1846. S. 18 ff. О нъ же, „Der Flachsbau und die Flachsbereitung in Deutschland“, 1853. S. 37 ff. Впрочемъ, что касается текстильной индустрии, то можно отослать къ исперывающимъ изслѣдованіямъ и доказательствамъ Schmoller'a въ соответствующихъ главахъ его „Geschichte der deutschen Kleingewerbe“ и въ его сочиненіи: „Die Entwicklung und die Krisis der deutschen Weberei im 19th Sec.“ (1873). Однако и на земляхъ Германіи пряденіе шерсти и льна не совсѣмъ еще утратило характеръ сельской кустарной промышленности, и самая возможность сохранить эту форму производства серьезно еще дебатировалась въ то время. Ср. Г. Л. Функе, „Über die gegenwärtige Lage der Heuerleute in Fürstentum Osnabrück“, 1847. S. 15 f., 75 f. Также и основаніе прядильныхъ и полотняныхъ товариществъ и прядильныхъ и ткацкихъ школъ было еще (или уже?) въполномъ ходу, какъ мы узнаемъ объ этомъ на 75 стр. названного сочиненія. Ср. также Rüfin, а. а. О. S. 13. „Современная фабричная промышленность въ бояхъ крупномъ масштабѣ—разумѣется Аахенскій округъ—возникла лишь за послѣднія 20—30 лѣтъ, и въ ткацкой промышленности далеко еще не преобладаетъ усовершенствованный механическій станокъ“. А. Т и п, „Industrie am Niederrhein“ 1 (1879), 39. Для Эльберфельда: „Въ срединѣ нашего вѣка кончается эпоха ручного производства, и оно замираетъ благодаря введенію машиннаго фабричнаго производства“; а. а. О. 2. 197. Для Бармена: „Поворотный пунктъ наступилъ въ 1849 г.: съ этого времени начинается слава барменской индустрии“; а. а. О. S. 200.

¹⁾ „Bericht der Beurteilungskommission bei der allgemeinen deutschen Industrieausstellung in München“ 1854, 1855, X Heft., S. 127. Изъ отчета видно, что предпринимателямъ—скопщикамъ приходится еще затрачивать громадныя усиія, чтобы овладѣть промышленнымъ производствомъ; ср. S. 125—126. Хорошій обзоръ многихъ тогдашнихъ кѣменецкихъ кустарныхъ промысловъ даетъ L. Wilkens, „Die Erweiterung und Vervollkommenung des deutschen Gewerbebetriebs, die Mittel zur Herstellung des richtigen Verhältnisses zwischen Bevölkerung und deren Bedürfnisse, mit besonderer Rücksicht auf das Grossherzogtum Hessen“. 1847. Какъ уже видно изъ самого заглавія, авторъ защищаетъ введеніе новыхъ отраслей промышленности въ перенаселенныхъ крестьянскихъ общинахъ своего бозе тѣснаго отечества (т.-с. Гессена).

²⁾ Въ „Exposition des produits de l'industrie de toutes les nations à Paris en 1855“.

производства на скупщика: въ то время она имѣла чисто кустарный характеръ, а отчасти (Ремшайдъ) велась даже ремесленнымъ способомъ¹⁾.

Если мы видимъ еще самые первые зачатки примѣненія механической силы, то это соответствуетъ мелкимъ размѣрамъ производства и преобладанію кустарной промышленности. Число паровыхъ машинъ въ промышленности и земледѣліи королевства Саксонскаго въ 1846 г. равнялось 197 съ 2.446 лошадиными силами²⁾). Во всей Пруссіи въ 1846 г. было лишь 1.139 неподвижныхъ паровыхъ машинъ съ 21.716 лошадиными силами³⁾; по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности онъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: прядильное, ткацкое и валяльное производства — 237 машинъ съ 3.236 лошадиными силами; машиностроительные и metallurgicheskie заводы — 208 машинъ съ 4.857 лошадиными силами; мельница — 144 машины съ 1.699½ лошадиными силами; горнозаводская промышленность — 273 машины и 9.508 лоп. сил.; различная прочая фабрики — 277 машинъ и 2.415 лош. силъ⁴⁾. Такимъ образомъ, почти еще половина лошадиныхъ силъ въ горнозаводской промышленности! Тогдашній Берлинъ (1849) имѣлъ къ своимъ услугамъ паровыхъ силъ не больше, чѣмъ въ настоящее время ихъ имѣть любое болѣе крупное горнозаводское предпріятіе: 1.265 лошадиныхъ силъ на 113 паровыхъ машинъ⁵⁾). Промышленность Бреславля располагала въ 1846 г. 10 паровыми машинами съ 28 лошадиными силами⁶⁾).

Другія цифры подтверждаютъ этотъ результатъ. Таковъ уже известный намъ размѣръ привоза на ярмарки, черезъ которыя, навѣрно, проходила еще очень значительная часть предназначенныхъ для внутренняго потребленія товаровъ, вышедшихъ изъ сферы капиталистического производства. А въ 1847 г. на всѣхъ ярмаркахъ Таможеннаго союза зарегистрировано въ общей совокупности 696.415 цент., т.-е. 34.820 тоннъ товаровъ⁷⁾), — количество, не превышающее теперешняго вывоза Германіи по одной лишь статьѣ шерстяныхъ товаровъ.

Въ заключеніе я хотѣлъ бы предостеречь отъ часто повторяющейся ошибки. Она заключается въ томъ, что, основываясь на цифрахъ экспортной торговли и пользуясь масштабомъ современныхъ отношеній, дѣлаютъ поспешные выводы о строеніи тогдашняго капитализма. Ничто не

1) Ср. Thun, „Industrie am Niederrhein“, Bd. 2, 1879. Также Jaseobi, „Das Berg-Hütten- und Gewerbewesen des Reg.-Bez. Arnsberg“, въ особенности стр. 375 до 390. Якобы констатируетъ для того времени, когда онъ писалъ (1855), „стремленіе“ къ замкнутому фабричному производству.

2) E. Engel, „Das Zeitalter des Dampfes“, 2. A. 1881. S. 130. Здѣсь имѣются также и параллели съ другими странами.

3) 1899=70.813 съ 3.192.575 лошадиными силами.—Stat. d. D. R. N. F. II9, 119.

4) „Statistische Uebersichten der im Preuss. Staate gezählten Dampfmaschinen“ въ „Mitteilungen des statist. Bureaus in Berlin“. V Jahrgang (1852), S. 19, 41, 42.

5) Ср. „Beiträge zur Geschichte des Berliner Handels und Gewerbeleisses aus der ältesten Zeit bis auf unsere Tage. Festschrift zur Feier des 50-jährigen Bestehens der Korporation der Berliner Kaufmannschaft am 2. III 1870“, Berlin o. J. S. S. 95 ff.

6) M. von Ysselstein, „Lokalstatistik der Stadt Breslau“, 1866, S. 70.

7) Dieterici, „Statist. Uebersicht der wichtigsten Gegenst nde des Verkehrs und Verbrauchs im deutschen Zollverein“, 5 Fortsetzung 1851, S. 563.

приводить легче къ переоценкѣ степени развитія промышленности въ изучаемый нами периодъ. И приводить именно потому, что вывозная торговля въ то время, несомнѣнно, играла несравненно большую роль, чѣмъ въ настоящее время. Къ сожалѣнію, статистика не даетъ намъ прочныхъ точекъ опоры, чтобы доказать отмѣченное преобладаніе экспорта: сравненіе, напримѣръ, количества вывоза съ числомъ рабочихъ, произведенное мною для 1882 и 1895 гг. съ тою цѣлью, чтобы иллюстрировать такимъ образомъ паденіе доли экспорта, совершенно непригодно для того случая, о которомъ теперь идеть рѣчь, такъ какъ степень производительности труда въ сравниваемые періоды была бы слишкомъ различна. Но для всякаго, кто знакомъ съ исторіей важнѣйшихъ отраслей промышленности, напримѣръ, текстильной индустрии, кто при этомъ не упускаетъ изъ виду плохого состоянія дорогъ въ тогдашнихъ государствахъ, о чемъ въ дальнѣйшемъ будетъ еще рѣчь, кто, кроме того, не забываетъ о сравнительной легкости сношеній береговыхъ странъ,—для того едва ли понадобятся цифровыя доказательства, что вывозъ того ранняго времени составлялъ гораздо большую долю всего продукта какой-либо отрасли промышленности, чѣмъ это наблюдается въ настоящее время. Если не обращать должнаго вниманія на это различие и о промышленности Таможенного союза сороковыхъ годовъ судить, напримѣръ, по отчетамъ всемирныхъ выставокъ, напримѣръ, первой въ Лондонѣ¹⁾, то легко притти къ ошибочному заключенію, будто уже въ то время мы имѣемъ дѣло съ промышленнымъ государствомъ первого ранга.

Какъ ничтожна была въ дѣйствительности степень развитія тогдашней нѣмецкой „индустрии“, т.-е. промышленного капитализма, объ этомъ лучше всякихъ сухихъ цифръ этой главы можетъ повѣдать описание того, насколько широка была сфера докапиталистической организаціи промышленности. Этому и будетъ посвящена слѣдующая глава.

1) „Amtlicher Bericht über die Industrieausstellung aller Völker zu London im Jahre 1851—1852“. Cp., напримѣръ, въ этомъ отчетѣ die „Ausprache an den Gewerbestand zur Besichtigung der Londoner Industrieausstellung des Jahres 1851“, где имѣется превосходный обзоръ тогдашнихъ экспортныхъ отраслей промышленности Пруссіи (S. 93 ff.), и, кроме того, Volz, „Grossbritannien und Deutschland auf der Industrieausstellung zu London im Jahre 1851“, III. „Deutschland zu Grossbritannien“ („Zeitschr. f. die ges. Staatsw.“, VIII (1852), 434 ff.).

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Докапиталистическая промышленность.

А. Деревня.

Типическими формами промышленной жизни здѣсь являются еще исключительно домашнее производство для собственного потребления и стоящее въ связи съ нимъ ремесло, работающее на заказъ, по найму (*Lohnhandwerk*).

I. Крестьянское хозяйство.

Потребность крестьянина въ пищевыхъ продуктахъ, конечно, удовлетворяется еще почти исключительно въ его собственномъ хозяйстве. Такихъ хозяйственныхъ манипуляцій, которая приходится выполнять въ собственного хозяйства, очень немнога: кое-гдѣ встречается мясникъ; однако часто обходятся и безъ него, и количество убойного скота, въ особенности крупного, который требуетъ уже извѣстного искусства для убоя, въ крестьянскомъ хозяйстве незначительно¹⁾. Хлѣбъ перемалывается, крупа рушится на водяныхъ и вѣтряныхъ мельницахъ, которая разбросаны по всей странѣ. Работа мельника вознаграждается опредѣленной долей смолотаго хлѣба — по большей части шестнадцатый шеффель²⁾; рѣдко получаетъ онъ наличныя

1) „The Slaughtering of horned cattle in a village is...a rare occurrence“. T. C. Vanfield, „Industry of the Rhine“. Series I. „Agriculture“. 1846. Ser. II. „Manufactures“. 1848. До сихъ поръ совершенно не использованный, въ высшей степени цѣнный источникъ для ознакомленія съ хозяйственной жизнью Германіи въ сороковые годы. 1, 146.

2) U. IV, 230; VIII, 47. 12-й шеффель въ Эйслебенѣ: U. IX, 298; 16-й шеффель въ Силезіи. Въ провинції Силезіи въ сороковыхъ годахъ насчитывалось еще около 5.000 мельниковъ, по большей части обязаныхъ чиникомъ помѣщикамъ; въ интересахъ ихъ дальнѣйшаго существованія законодательство вплоть до 1845 г. сильно затрудняло основаніе новыхъ мельницъ. Однако уже въ это время мы слышимъ жалобы на начинаяющуюся капиталистическую конкуренцію. Ср. „Die schlesischen Mühlenbesitzer und das Gewerbegegesetz vom Jahre“ 1845. „Schlesische Provinzialblätter“ 1846, S. 576 ff.; 1847, S. 128 ff. „Начиная съ сороковыхъ годовъ въ (провинціи) Познани сильно распространяются паровые мельницы“... Однако „еще въ семидесятыхъ годахъ имъ приходилось отправлять въ Англию и Данію побочные продукты своего производства, т.-е. различныя отруби; на родинѣ продукты эти находили малый сбытъ“. Вол. von Brodnicki, „Beiträge zur Entwicklung der Landwirtschaft in der Provinz Posen während der Jahre 1815—1890“. (1893), S. 96. Объ Альтенбургскомъ округѣ изъ сороковыхъ годовъ сообщаютъ: „Также и въ улучшении мельничного дѣла достигнуты были успѣхи. Много вѣтряныхъ мельницъ было построено по

деньги. Хлебъ печется или дома въ собственной печи ¹⁾, или же тѣсто заготавливается дома и затѣмъ поступаетъ уже въ руки деревенскаго пекаря ²⁾, или послѣдній получаетъ муку и обязанъ доставить опредѣленное число хлѣбовъ, а за работу съ каждаго испеченаго хлѣба получаетъ нѣсколько шенниковъ ³⁾.

Потребность въ жилищахъ носить скромный характеръ. Еще преобладаютъ постройки изъ глины и дерева наряду съ постройками по типу кѣтчатыхъ построекъ ⁴⁾, съ соломенной крышей или крышей изъ драны ⁵⁾. Постройка нового дома составляетъ, конечно, цѣлое событие. Необходимый сырой матеріаъ доставляютъ общинальные угодья: изъ общинного лѣса берутъ дерево, собственная земля или земля сосѣда или общины доставляетъ камень для постройки, глину и песокъ; собственное хозяйство даетъ солому. Постройка ведется или собственными силами или съ помощью односельчанъ, которые при случаѣ вознаграждаются такой же услугой. Въ случаѣ необходимости предлагается свои услуги плотникъ, или каменщикъ, или стеколь-

образцу голландскихъ. Въ округѣ Альтенбургъ на ... 642,5 человѣка приходится одна мельница. Обыкновенно мельница этихъ достаточно для удовлетворенія потребности населенія; но въ сухія лѣта этихъ мельницъ, какъ известно, недостаточно, и приходится возить зерно на мельницы, расположенные по Эльстеру и Мульдѣ (!). Въ среднемъ каждая мельница въ округѣ Альтенбургъ размалываетъ около 1.870,3 шеффеля зерна разныхъ сортовъ⁶⁾. W. L ö b e, „Geschichte der Landwirtschaft im Altenburgischen Osterlande“, 1845, S. 213. Нашъ англійскій свидѣтель описываетъ сельскія мельницы въ посѣщеній имъ мѣстности тѣми же чертами и дляясненія добавляетъ: „до сихъ поръ еще во всей Германіи существуетъ у крестьянъ обычай самимъ молоть свое зерно“. T. C. Walfield, I. c., 1, 89.

1) U. V, 37 (Gahlenz bis 1866); VIII, 67. „Въ здѣшней мѣстности существуетъ обыкновеніе, чтобы колонъ (крупный крестьянинъ) позволялъ Ненгтманну (т.-е. полубатракъ, полуарендаторъ) печь хлѣбъ въ своей печи, и за это онъ пользовался его услугами при трепаніи лыни, при посадкѣ и уходѣ за калустой, при сторожѣ“. G. Z. W. Fu n k e, „Über die gegenwärtige Lage der Hauerleute im Fürstentum Osnabrück“ etc., 1847, S. 36.

2) U. VIII, 47.

3) U. VII, 580.

4) Промежутки между сложенными въ видѣ кѣтковъ брусками заполняются кирничемъ, глиной или мелкими кѣсомъ и поверхъ обмазываются глиной.

5) О характерѣ сельскихъ построекъ въ различныхъ прусскихъ провинціяхъ за это время кое-что мы узнаемъ изъ цифръ страховыхъ обществъ. Такъ (1841 г.), оцѣнка построекъ въ „Landschaftliche Feuersocietät für Ostpreussen“: для I класса (строенія съ вплювомъ огнеупорными наружными стѣнами, включая сюда и глиняные стѣны) равнялась 1.943.230 тал.; во II классѣ (немассивная строенія съ огнеупорной крышей)—2.990.500 тал.; въ III классѣ (всѣ остальные строенія, исключая особенно опасныхъ)—7.585.050 тал. Въ „Hinterpommerschen Landfeuersocietät“ вся страховая сумма (1843 г.) достигала 29.790.900 тал.; изъ нихъ на долю не массивныхъ или крытыхъ камышомъ, деревомъ, соломой или дранью строений приходилось 22.786.575 тал. „Постройки въ общемъ не свидѣтельствуютъ о благосостояніи. Обычный типъ крестьянской постройки изъ дерева: крыша изъ камыша или соломы, стѣны глиняны; обычна высота строенія 6—8 футовъ, благодаря чѣму комнаты низкія и не отвѣчающія требованіямъ гигиены. Часто живѣе соединено съ помѣщениемъ для лошадей и скота, и птица тутъ же въ сѣнняхъ“. A. von Lengenke, „Entwurf einer Agrikulturstatistik des preussischen Staats“, 1847, S. 91. „При изобилии въ Помераніи крупнаго и мелкаго камня, высказывается сожалѣніе о томъ, что матеріаъ этотъ не служить такъ часто, какъ это могло бы быть, для постройки домовъ въ Восточной Помераніи. Какъ говорятъ, недостаетъ опытныхъ каменщиковъ для этой работы“. A. Radberg, „Die ländliche Verfassung in der Provinz Pommern“, 1861, 2, S. 53. Оцѣночная стоимость строеній,

щицъ, переходящие изъ деревни въ деревню; за свои услуги они получаютъ продовольствие натурой и определенную денежную плату¹⁾. Обыкновенная фигура, въ особенности въ восточной Германии,—это странствующий кровельщикъ: онъ кроетъ новые соломенные крыши и чинить старые; нерѣдко онъ является изъ Россіи.

Собственное хозяйство и работа семьи доставляетъ крестьянину также и значительную часть необходимой одежды. Какъ общее явленіе, крестьянинъ воздѣлываетъ ленъ или коноплю²⁾, а иногда также и необходимый для окраски матерій крапъ. Тамъ, где, какъ, напр., въ сѣверо-западной Германии, сильно развито овцеводство, шерсть обыкновенно идетъ на собственную одежду. Ленъ крестьянинъ или самъ чешетъ или отдастъ его канатчику, который выполняетъ работу за плату³⁾; иногда же для чесанія льна приходить въ домъ крестьянина ткачъ⁴⁾. Шерсть ими отдается чесальщи-

не крытыхъ огнеупорнымъ матеріаломъ, застрахованныхъ въ Kurgärtische Generalfeuersocietät, равнялась (1841) 34,1 миллионамъ талеровъ; на долю строеній съ огнеупорной крышей приходилось 25,2 милл. тал., включая сюда также и не массивные строевія.— Въ Neumärkische Landfeuersocietät страховая сумма массивныхъ строеній съ огнеупорной крышей (1841) равнялась 2,0 милл. тал.; не массивныхъ или съ неогнеупорной крышей—12,9 милл. тал. Въ Силезіи строенія съ огнеупорной крышей были застрахованы (1843 г.) въ 12,1 милл. тал., а строенія безъ огнеупорной крыши—въ 74,9 милл. тал. „Statistisches Jahrbuch“ etc. 1, 143 ff. Сравн. также Meitzen, „Der Boden“ etc., 2, 145 f., где точно такъ же съ половины столѣтія отмѣчается новый періодъ строительной дѣятельности и техники. Сравненіе приведенныхъ цифръ съ цифрами у Мейцена (а. а. 0. 3, 62) указываетъ, насколько измѣнился характеръ построекъ до 1867 года.

¹⁾ Schmoller, „Kleingewerbe“, 177; по Bavaria, I, 1, 283.

²⁾ О большомъ распространении воздѣлыванія льна для собственного потребленія я отыскалъ лишь слѣдующія точныя цифры, которыхъ однако смыло можно обобщить. Всѣ показываютъ урожай льна въ 1852 г. въ провинціи Саксоніи и заимствованы изъ данныхъ von Lengerke. Согласно имъ:

Округъ.	Урожай льна.	Часть урожая, идущая на собственное потребленіе.
Mühlhausen	16—17.000 коп.	все.
Weissensee	6.184 центнеровъ.	5.468
Worbis	3.062 "	2.439
Langensalza	5.175 "	4.305
Heiligenstadt	8.000 "	около $\frac{1}{2}$
Ziegenrück	400 "	300
Neubaldensleben	54 "	все.

Сравн. Meitzen, „Der Boden“ etc. 2, 416. Въ великому герцогству Баденскомъ еще въ 1856 г. льномъ было засѣяно 3.003 моргена; въ 1859—2092 морг. „Воздѣлываніе льна распространено по всей странѣ“, говорится въ одномъ описаніи сельского хозяйства въ Баденѣ, „однако ограничивается производствомъ для собственного потребленія, хотя и, этоѣ спросъ никогда не удовлетворяется вполнѣ, такъ какъ ввозится еще много льна и пакли“. „Festschrift für die Mitglieder der XXI Versammlung deutscher Land- und Forstwirte“, 1860, S. 151 и 159.

³⁾ U. VI, 180. „Однимъ изъ самыхъ главныхъ и доходныхъ занятій для канатчиковъ во многихъ мѣстахъ было чесаніе крестьянскаго льна, который затѣмъ прядли девицы и девушки“.

⁴⁾ U. VIII, 122.

ку шерсти, или же эта операция выполняется дома¹⁾). Затемъ наступаетъ чередъ дальнѣйшей переработки: деревенская прядильная изба, много разъ воспѣтая и много поносимая, служитъ мѣстомъ, где значительная часть льна или шерсти подвергается дальнѣйшимъ операциямъ²⁾). Затемъ пряжа переходитъ на собственный станокъ въ крестьянской избѣ, или же, где такового нѣть, она переходитъ въ руки деревенскаго ткача, который выполняетъ свою работу за плату. Въ 1846 г. 12,6% всѣхъ станковъ для тканья сукна и даже 86,1% всѣхъ станковъ для тканья полотна принадлежали лицамъ³⁾), которые ткачествомъ занимались, какъ подсобнымъ промысломъ,—слѣдовательно, это были деревенскіе ткачи, занимавшіеся въ то же время сельскимъ хозяйствомъ, или же земледѣльцы, занимавшіеся на дому и переработкою сырыхъ материаловъ. Если у крестьянина не было собственныхъ приспособленій для крашенія, то изготовленные куски ткани отвозились къ красильщику, который обиталъ обыкновенно въ сосѣднемъ маленькомъ городкѣ и жилъ по большей части на доходъ отъ своего ремесла⁴⁾.

Затемъ часть одежды—блѣ, разумѣется, цѣликомъ—изготавливается руками женщинъ у крестьянина на дому. Когда работа крестьянкамъ не по плечу, то на сценѣ появляется фигура ловкаго странствующаго портного—

1) „Промыселъ шерсточесовъ, который раньше шелъ очень бойко, теперь, хотя въ немъ еще занято 105 человѣкъ (изъ нихъ 103 въ деревняхъ) со многими подмастерьями, вѣдь гораздо тише. По болѣйшей части шерсточесаніе служить подсобнымъ промысломъ для сельскихъ жителей, большинство которыхъ занимается этимъ дѣломъ лишь часть года“.

W. L ö b e, „Geschichte der Landwirtschaft im Altenburgischen Osterlande“, 1845, S. 214. Здѣсь говорится безъ различія о кустарной промышленности, о домашнемъ производствѣ (для собственнаго потребленія) и ремесленной работѣ, выполняемой по найму.

2) О прядильныхъ избахъ и ихъ поэзіи сравн. K. B i c h e r, „Entstehung der Volksw.“ 2 Aufl., S. 260 ff., и „Arbeit und Rhythmus“, 2. Aufl. (1899), S. 95 ff. (русскій переводъ: Работа и ритмъ). Тамъ же указания дальнѣйшей литературы. Что этотъ порядокъ вещей сохранился въ прежнемъ видѣ въ отдѣльныхъ мѣстахъ до половины XIX вѣка, обѣ этомъ свидѣтельствуютъ, напр., цитированный Бюхеромъ („Arbeit und Rhythmus“, 96) разсужденія И а и р т а и С ч и м а л е г а, „Volkslieder der Wenden in der Ober- und Niederausitz“, 1841—42, 2, 220. Часть льна или конопли перерабатывалась, конечно, также и на веревки. U. VI, 178: „въ саксонскихъ Рудныхъ горахъ авторъ еще въ восьмидесятихъ годахъ видѣлъ, какъ крестьяне изъ льна выѣлывали веревки; деревенскій плотникъ дѣлалъ необходимыя для этого приспособленія“.

3) S c h i m o l l e r, a. a. O. S. 506, 506; Ср. также II томъ, глава 5с этой работы.

4) Сравн., напр., U. VII, 541/42. То же самое констатировано въ Верхней Штирии, U. Oe., 394. Еще въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ Я к о б и нашелъ въ болѣйшей части мѣстностей округа Арисбергъ это домашнее пряденіе и ткачество почти въ полной неприкословенности. Онъ разсказываетъ, какъ крестьянскія семьи, не имѣющія собственнаго ткацкаго станка, занимаются таковой у сосѣда на 8—14 дней. „Въ теченіе мѣсяцевъ марта и апрѣля въ крестьянскихъ хозяйствахъ ткацкій станокъ на короткое время приводится въ движеніе, и женская половина семьи сама удовлетворяетъ неотложнѣйшую нужду въ грубомъ холѣтѣ (обыкновенный холѣтъ). Послѣ этого станокъ вновь разбирается и хранится до ближайшаго года въ конюшнѣ или на чердакѣ. Каждое домохозяйство (т.-е. въ округѣ Зигенъ) само возвращиваетъ необходимый ему ленъ, сама прядеть пряжу, а затѣмъ производится тканье или на собственномъ станкѣ или на станкѣ сосѣда; въ постѣднемъ случаѣ въ видѣ вознагражденія уплачивается обыкновенно 8 локтей съ каждого куска полотна. Послѣ Рождества Христова приносится убранный до этого гдѣ-либо ткацкій станокъ, и на немъ начинается усердная работа“.

J a c o b i, op. c. S. 445.

тиль изъ рассказовъ Розеггера: нѣсколько дней въ недѣлю онъ ёсть, спить и работаетъ въ избѣ крестьянина, вычиниваетъ всю одежду семьи, гдѣ въ этомъ встрѣчается надобность, или же шьетъ новое платье—событіе, случавшееся разъ въ нѣсколько лѣть.

Въ этомъ круговоротѣ текстильной промышленной дѣятельности медленно, словно дубъ, выросли мѣстные народные костюмы, которые вплоть до нашихъ дней приводятъ путешественника или въ восторгъ или въ ужасъ. Въ половинѣ прошлаго вѣка народные костюмы еще сохраняются почти въ полной неприкосновенности; лишь въ наиболѣе развитыхъ частяхъ западной Германіи они медленно исчезаютъ. Нашъ англійскій свидѣтель передаетъ намъ свои впечатлѣнія въ слѣдующихъ словахъ: „Деревенская община съ ея различіями въ одеждѣ, въ способахъ обработки и обычаяхъ сохранилась въ Германіи дольше того времени, когда въ другихъ странахъ она уже исчезла благодаря связаннымъ съ нею стѣсненіямъ. Въ настоящее время всякая деревня отличается своеобразнымъ цвѣтомъ костюмовъ, къ которому и мужчины и женщины пытаются особенную приверженность, а также—характеромъ мужскихъ головныхъ уборовъ; послѣдніе диктуются обычаемъ даже съ большою принудительностью чѣмъ женскіе чепчики. Смѣнить привычную и традиціонную одежду на костюмъ горожанина—это равнозначительно въ Германіи перемѣнѣ званія. Крестьянинъ, который поступаетъ такъ, становится „бюргеромъ“, т.-е. горожаниномъ. Въ Рейнской области, по которой я путешествовалъ, влияніе промышленности уменьшило всѣ эти примитивныя различія“¹⁾. Между работами Союза Соціальной Политики имѣется одна, которая наглядно изображаетъ процессъ производства гутахской одежды въ Шварцальдѣ—самые примитивныя формы этого производства. Будетъ небезполезно привести оттуда соотвѣтствующія мѣста, которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ послужатъ иллюстраціей къ нашему изложению“ (U. VIII, 121, 123).

„Сырымъ материаломъ служать воздѣлываемые крестьянами для собственнаго потребленія конопля и ленъ; а часто также шерсть отъ собственныхъ овецъ. Овѣцъ стригутъ дома, и шерсть можетъ безъ особенной предварительной обработки превращаться въ пряжу. Ленъ и конопля, наоборотъ, требуютъ такой обработки, прежде чѣмъ приступать къ приданію. Эта предварительная обработка состоитъ въ сушкѣ, трепаніи и чесаніи. Сушка и трепаніе производится самими крестьянами. Процессъ чесанія состоитъ въ распутываніи льняной и конопляной массы при помощи гребицъ... Чесаніе—тяжелая и утомительная работа, которая требуетъ специального умѣнья, и потому семья крестьянина не можетъ ее выполнить. Ее въ качествѣ „посторонняго заработка“ выполняютъ ткачи. Такъ какъ немногочисленныя чесальни приспособленія легко переносить съ мѣста на мѣсто, то для чесанія ткачъ приходитъ въ домъ къ крестьянину. Въ теченіе четырехнедѣльного чесальнаго сезона въ октябрѣ онъ работаетъ поденно у различныхъ крестьянъ—только съ той разницей, что работаетъ онъ за сдѣльную плату. Кроме харчей онъ получаетъ съ фунта пряжи по 8 пфенинговъ и при рабочемъ днѣ въ 15 ча-

1) T. C. Banfield, „Industry of the Rhine“, 1 (1846), 37.

совъ, включая сюда и время на ъду, онъ можетъ заработать до 40, а иногда даже до 50 пр.

„При чесаніи прядево получается трехъ сортовъ: длинное, короткое и кудель. Первоначально всѣ эти три сорта крестьяне пряли въ теченіе зимы у себя дома; но уже съ давнихъ поръ кудели — это самый низкій сортъ — обыкновенно отправлялась на одну фабрику въ Равенсбургѣ, гдѣ изъ нея пряли или даже ткали матеріи. Изготовленная пряжа затѣмъ переходитъ въ руки къ ткачу, который, смотря по качеству и составу пряжи (конопля, ленъ, шерсть, въ настоящее время примѣщиваются также хлопокъ), приготовляетъ изъ нея различнаго тонкія матеріи. Но какъ мало этотъ ткачъ является ремесленникомъ въ современномъ смыслѣ, это явствуетъ изъ того, что плату онъ получаетъ одну и ту же, независимо отъ того, много или мало труда требуется данный сортъ; плата устанавливается разъ навсегда, съ локтя. Въ прежнее время весь матеріалъ, необходимый для одежды, и все полотно изготавлялись этими ткачами здѣсь же на мѣстѣ: только собственно сукно изготавлялось не на мѣстѣ, а въ Виллингенѣ и Эйхальденѣ суконщиками.

„Ткачи изготавлили матерію для брюкъ (Zwillich), полуширокое тонкое сукно для принадлежностей траура (Wiefel), бѣлое грубое постельное бѣлье (длинныя и короткія полотнища), болѣе тонкій сортъ постельного и кухоннаго бѣлья (камчатное полотно—Drillich) и полосатую матерію для скатертей, одѣялъ и пр. (Kolsch). Шитье изъ этого матеріала производилось отчасти портными, отчасти же руками самой крестьянки“.

Вполнѣ еще связаны съ деревенской общиной какъ непремѣнныи ея члены тѣ два самостоятельныхъ ремесленника, которые могутъ быть названы деревенскими ремесленниками *хх' єсцд* (по преимуществу): кузнецъ и колесникъ. Они доставляютъ крестьянину всю необходимую въ хозяйствѣ утварь, чинять телѣги, плуги, борона, катки¹⁾— почти все это изготавливается еще изъ дерева,—а кузнецъ подковываетъ лошадей. Кузнецъ—это типичный деревенскій ремесленникъ; это—своего рода Деміургъ, который много тысячъ лѣтъ однимъ и тѣмъ же способомъ, какъ у Гомера, выполняетъ свою работу въ деревнѣ. Часто кое-гдѣ еще и въ настоящее время—это какъ бы деревенский служащий: онъ получаетъ отъ общины не-

1) Само собой разумѣется, что значительную часть починокъ, а также и новыхъ подѣлокъ крестьянинъ выполнялъ самъ. Еще въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ можно встрѣтить на крестьянскихъ дворахъ такъ наз. мастерскія, которыхъ снабжены всѣми возможными ремесленными инструментами, напр., даже токарнымъ станкомъ. Раньше въ этихъ мастерскихъ кипѣла оживленная работа. Ср., напр., о жителяхъ Рудныхъ горъ U. V, 13. „Большинство крестьянъ также и кузнецы“, сообщаетъ о Тирскомъ округѣ A. von Lengenke въ своихъ „Skizzen von Rheinpreussen“ (1853). S. 188. А дворовый староста у Иттермана думаетъ: „Дуракъ тотъ, кто отдастъ кузнецу ту работу, которую онъ самъ въ состояніи выполнить“. Послѣ этихъ крѣпкихъ словъ „онъ взялъ въ руки наковальню (на которой онъ выковывалъ также большие обшивные гвозди)... и понесъ ее вмѣстѣ съ молотомъ и клемшами подъ небольшой навѣсъ между домомъ и амбаромъ, гдѣ были столярный станокъ, пила, долото и прочія принадлежности для плотничихъ и столярныхъ работъ; тутъ же лежали, стояли или висѣли дерево и доски разнаго рода“. На Виттовѣ (островъ Рюгенъ) батракъ, который въ такъ наз. „Haubusse“ (сарай, приспособленный въ видѣ мастерской для плотничихъ и столярныхъ работъ) занимался изготавленіемъ различной утвари и починкой другихъ земледѣльческихъ орудий, назывался

обходимое содержание и за небольшую плату обязывается выполнять необходимые въ крестьянскомъ хозяйствѣ работы. Въ одномъ сообщеніи изъ Накеля (U. IV, 238) положение такого общиннаго кузнеца изображается слѣдующимъ образомъ:

„Доходы общиннаго кузнеца слѣдующіе:

Наличными	90	мрк.
Рожь, 20 центнеровъ	100	"
Ячмень 8 цнтр.	40	"
10.000 кусковъ торфу	30	"
Дрова для топлива	20	"
Выгонъ (безъ зимняго корма)	100	"
Жилище	150	"
Огородъ (1 моргенъ)	20	"

„Къ этой суммѣ, за которую кузнецъ обязанъ быть подковывать крестьянскихъ лошадей и починять въ случаѣ надобности всѣ сельскохозяйственныхъ орудія членовъ общины, можно присоединить еще около 200 марокъ за особо оплачиваемыя работы, какъ: за накладку новыхъ шинъ на колеса (3 марки), за оковку новыхъ телѣгъ (15 мар.). Послѣдняя работа включаетъ въ себѣ изготавленіе и налаживание всѣхъ необходимыхъ въ телѣгѣ желѣзныхъ частей. Обязанность довольствоваться кузнецомъ лежитъ на общинѣ, такъ какъ договоръ заключается отъ ея имени. Но общинные кузнецы обязаны сами собирать свое довольствіе съ отдѣльныхъ поселянъ самыми незначительными дозами—до $\frac{1}{4}$ осьмыни. Сборы производятся по четвертямъ года. Доля каждого домохозяина разъ навсегда опредѣляется сообразно размѣрамъ землевладѣнія или числу лошадей; однако математически точный расчетъ долей не въ обычай: доли опредѣляются скорѣе круглымъ счетомъ“.

Этотъ общинный кузнецъ въ Накель служить связующимъ звеномъ исторической традиціи между нашимъ временемъ и временами Ригведы. Это—чистый типъ промышленнаго рабочаго, какъ необходимаго сочлена деревенскаго союза. На его примѣрѣ мы можемъ понять характеръ стариннаго деревенскаго хозяйства, какъ производственной единицы.

Наконецъ, общей своеобразной чертой всякаго деревенскаго ремесла является его тѣсная связь съ сельскимъ хозяйствомъ. Промышленные рабочіе въ деревняхъ старого стиля—это нечто среднее между ремесленникомъ и сельскимъ хозяиномъ, и часто они сами не знаютъ, принадлежать ли они къ первой или ко второй категоріи. Мы еще будемъ имѣть случай познакомиться съ ними поближе, когда поведемъ рѣчь объ ихъ существованіи при современныхъ условіяхъ¹⁾.

Bildhewer (рѣзчикъ). Вообще, кажется, рюгенскіе крестьяне были особенно универсальными и совершенными производителями для собственнаго обихода; они занимаются, какъ гласить одна хроника того времени, „кромѣ земледѣлія, скотоводства и рыбной ловли, еще и изготавлениемъ различныхъ полезныхъ вещей: прядутъ, ткуть, вяжутъ, шьютъ, они портняжничаютъ, саложничаютъ, искусно вырѣзаютъ по дереву и не лишены способности къ механическимъ работамъ“. G r ü n b e , „Geografisch-statistisch-historische Darstellungen von der Insel Rügen“, 1847, S. 60 ff.

¹⁾ Ср. то, что говорится въ 27-й главѣ.

Здѣсь же мнѣ было важно отмѣтить своеобразный характеръ стараго крестьянскаго промышленнаго строя, какъ цѣлаго: производство для собственнаго потребленія и примыкающее къ нему ремесло, работающее не на продажу, а по найму крестьянину¹⁾, — такова найденная нами специфическая характерная черта этого строя. Для полноты картины можно еще отмѣтить, что тѣ немногія промышленныя произведенія, которыя нашъ крестьянинъ стараго стиля не могъ изготовить указаннмъ способомъ, онъ или приобрѣталь въ сосѣднихъ городахъ на ярмаркахъ, тогда находившихся еще въполномъ расцвѣтѣ, или покупалъ у многочисленныхъ разносчиковъ. Кромѣ вѣкоторыхъ предметовъ домашней утвари, посуды, предметовъ одежды и пр., изъ такого источника, повидимому, прежде всего приобрѣтается обувь. Эта важный предметъ потребленія уже не изготавляется въ собственномъ хозяйствѣ крестьянина, онъ не заказывается уже и куму-сапожнику, но въ болѣе значительномъ количествѣ за разъ въ готовомъ видѣ покупается или у разносчика или въ сосѣднемъ городѣ на ярмаркѣ.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ хорошиe наблюдатели тогдашней промышленной жизни; такъ, напр., мы читаемъ: „большая часть поселянъ запасается обувью на ярмаркахъ“; „громадное большинство поселянъ, на ряду съ низшими классами населенія даже въ наиболѣе крупныхъ городахъ, предпочитаетъ покупать готовую обувь, чѣмъ заказывать ее“²⁾.

Затѣмъ нѣтъ также недостатка въ специальныхъ сообщеніяхъ о привозѣ башмачнаго товара на ярмарки³⁾, а также о существованіи центровъ башмачнаго и сапожнаго производства, такъ наз. „сапожныхъ городовъ“ — и это уже въ сороковыхъ годахъ и даже раньше. Такими центрами были, напр., Гейде въ Norddithmarschenѣ, „который въ половинѣ нашего столѣтія снабжалъ обувью весь Шлезвигъ и часть Ютландіи“ (U. I, 5); Preetz въ округѣ Plön (I, 6); Loitz an der Peene въ Neu-Vorgrommern — „издавна городъ сапожниковъ“ (I, 37); въ Силезіи — мѣстечки Neustadt O/S., Neumarkt, Patschkau и др. (IV, 45); въ королевствѣ Саксоніи: Döbeln, Dohna, Groitzsch, Königsbrück, Leisnitz, Liebstadt, Lommatzsch, Nossen, Oschatz, Pegau, Pulsnitz, Radeburg, Saida, Siebenlehn, Stolpen, Taucha и др.⁴⁾; въ Пфальцѣ: Rirmsdorf; также и въ Вюртембергѣ были мѣстечки, гдѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія „уже нѣсколько десятилѣтій многочисленные сельскіе мастера изготавлили обувь для разносной торговли и для ярмарокъ“ (III, 222, 230⁵⁾).

¹⁾ „Мясники, столяры и плотники, сапожники и портные, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Шварцвалдъ, такъ и въ области господства гутахскаго костюма, были всегда лишь „обученными поденщиками“. U. VIII, 125.

²⁾ I. G. Hoffmann, „Die Befugnis zum Gewerbebetriebe“ (1841), 295, 369.

³⁾ Ср. для Лены и окрестностей — U. IX, 30 f.; для баденскихъ мѣстечекъ — VIII, 65.

⁴⁾ E. Engel, „Das Königreich Sachsen in statistischer und staatswissenschaftlicher Hinsicht“, I. Bd, 1853, S. 160 f.

⁵⁾ Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что потребность въ обуви по меньшей мѣрѣ въ столѣже значительномъ количествѣ еще удовлетворялась собственнымъ производствомъ крестьянинъ. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ уже хотя бы сохранившіеся до нашихъ дней остатки странствующихъ по селамъ сапожниковъ. См. иллюстраціи въ 26-й главѣ.

II. Помѣщичье хозяйство.

Какъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, такъ и въ помѣщичьемъ хозяйствѣ того времени значительнейшая часть промышленныхъ продуктовъ получалась еще посредствомъ производства для собственного потребленія.

Для производства и въ особенности для починки построекъ, различного рода орудій и пр. на помѣщичьемъ дворѣ имѣются свои помѣщичьи ремесленники, съ которыми заключается определенный контрактъ: это кузнецъ, колесникъ, шорникъ, мельникъ, кирпичникъ и т. д. Присутствие кирпичного мастера указываетъ на то, что потребность въ постройкахъ, какъ отчасти это имѣеть мѣсто еще и нынѣ, удовлетворялась собственнымъ хозяйствомъ помѣстій. Кирпичные и известко-обжигательные заводы устраивались повсюду. Другой матеріалъ для построекъ получался съ собственныхъ полей и лѣсовъ. Еще проще было собственное производство клѣточныхъ построекъ: „Лѣсь дешевъ, по большей части онъ имѣется въ собственныхъ лѣсахъ, всюду имѣются также и прочіе строительные матеріалы: солома и глина. Помѣщики помѣстія исполняютъ немногія необходимыя при этомъ каменные работы, а также и болѣе частныя плотничіи работы; часто въ деревіѣ проживаютъ на службѣ у помѣщиковъ обученные плотники, которые сходно работаютъ за определенную плату... Большинство хозяйственныхъ построекъ представляютъ собой клѣточную постройку, съ глиняными стѣнами... и соломенными крышами“¹⁾). Какъ и упомянутые выше общинные ремесленники, помѣщичьи ремесленники получаютъ продовольствіе натурой и, сверхъ того, нѣкоторую денежную плату, за что они обязываются выполнять всѣ необходимыя работы²⁾). Въ Силезіи тутъ помѣщичій рабочій, которому поручено завѣдываніе такъ называемой Schirrkammer, т.-е. тѣмъ сараемъ, въ которомъ находятся телѣги, земледѣльческія брудія, косы, называется ширрохтомъ; по большей части это—обученный колесникъ или столяръ³⁾.

Точно такъ же и потребности въ пищѣ и одѣждѣ, по крайней мѣрѣ ничтожныя потребности помѣщичьихъ рабочихъ, большую частью удовлетворяются безъ содѣйствія постороннихъ рабочихъ. Въ помѣстіи прядутъ, ткутъ, а также портняжатъ и сапожничаютъ; само собой разумѣется, пекутъ и убиваютъ скотъ тоже въ самомъ помѣстіи.

Насколько еще было въ обычѣ доставлять рабочему въ натурѣ, кромѣ пищевыхъ средствъ, и другіе необходимыя предметы потребленія или по крайней мѣрѣ цеобходимы для этого элементы, объ этомъ могутъ свидѣтельствовать слѣдующіе примѣры, наудачу выхваченные изъ массы.

Въ Фримарѣ (Тюрингенъ) въ 1845—1854 гг. батракъ получалъ натурой

1) A. von Lengerke, „Schilderungen der baltischen und westfälischen Landwirtschaft“, 1 (1849), 186/187.

2) О такомъ помѣщичьемъ кузнецѣ см. U. IV, 237.

3) U. IX, 509. Для западной Пруссіи даже еще въ настоящее время. См. U. IX, 531. „Кромѣ пастуховъ, въ болѣе крупныхъ помѣстіяхъ содержатся еще женатые кузнецы, колесники или Schirrknechты“. Oberamtmann Proselger, „Über den Zustand der landwirtschaftlichen Verhältnisse im Graudenzer Kreise 1843“, въ „Annalen der Landwirtschaft“, herausgeg. von Lengerke, Bd. VIII, 1846, S. 71 ff.

между прочимъ: 15 локтей холста, 1 фунтъ шерсти, 1 пару подошвъ; батракъ-подростокъ—2 холщевые рубашки, блузу, фунтъ шерсти, пару подметокъ. Служанка получала (1845 г.): 15 локтей льняного холста, юбку, пару башмаковъ, пучокъ льна, фунтъ шерсти, передникъ, мотокъ бѣленой пряжи и т. п.¹⁾.

Аналогичные факты сообщаются и о Брауншвейгскомъ округѣ: и здесь въ вознаграждение рабочаго входять различные материалы для одежды или даже готовая одежда (батракъ—30 локтей холста; девушка—2 пары башмаковъ, 2 фунта шерсти, 30 локтей полотна, 1 гектаръ посѣва льна)²⁾.

А. Падбергъ сообщаетъ, что вознаграждение уплачивается натурой и въ номеранскихъ помѣстьяхъ³⁾. Въ округѣ грейфсвальдскихъ университетскихъ помѣстий батракъ, между прочимъ, получалъ 12 локтей холста и 6 локтей холстинки; батракъ-подростокъ, девушка, пастухъ—по 6 локтей; въ округѣ Анкламъ батракъ получаетъ 18 локтей холста, 6 локтей холстинки, фунтъ шерсти; девушка—матеріи на шерстяную юбку, 24 локтя полотна, фунтъ шерсти и нѣсколько осьминъ линяного сѣмени; въ округахъ Лauenбургъ и Бютовъ выдаются сапоги, холстъ, шерсть, ленъ; въ округѣ Засигъ батракъ получаетъ 3 осьмины льна въ посѣвѣ, 2 пары штановъ, 2 рубашки, 2—3 фунта шерсти; девушка—фартукъ, платокъ, чепчикъ и платье; тоже и въ другихъ округахъ.

Въ графствѣ Глацкомъ еще въ шестидесятыхъ годахъ батраки получали 24 локтя холста, $\frac{1}{4}$ моргена льна въ посѣвѣ; девушки—24 локтя холста, 2—3 осьмины засѣянаго льна, 2 фунта шерсти⁴⁾.

Наконецъ, для сравненія еще одна картина изъ пятой мѣстности, носившей совершенно иной характеръ, изъ Hundsrück'a! Здесь еще въ половинѣ прошлаго вѣка въ вознаграждение башмаковъ, между прочимъ, входитъ 2 пары башмаковъ и одна пара подметокъ для башмаковъ; фунтъ шерсти, две рубашки, 2 холщевыхъ штановъ, 1 такая же куртка, пара гамашъ, синяя линяяя блуза; у девушекъ, между прочимъ, пара башмаковъ и пара подошвъ къ нимъ, фунтъ шерсти, 2 рубашки, 2 передника, косынка⁵⁾.

B. Городъ.

Города—центры самостоятельного ремесла, но, какъ вполнѣ правильно полагалъ уже Шмольеръ⁶⁾, въ 60-хъ годахъ центрами ремесла были только мелкіе города; а въ то время, какое мы имѣемъ въ виду, центрами самостоя-

1) H. Franz, „Die Landwirtschaft in Thüringen und ihre Entwicklung in den letzten fünfzig Jahren“, 1896, S. 56.

2) „Festschrift für die Mitglieder der XX Vers. deutscher Land- und Forstwirte“, 1858, S. 36.

3) A. Padberg, „Die ländliche Verfassung in der Provinz Pommern“, 1861, S. 13. Тоже у A. von Lengerke, „Schilderungen der baltischen... Landwirtschaft“, 1849, 1, 16 f.

4) Paul Hornig, „Die Lage der ländlichen Arbeiter in der Grafschaft Glatz“. Jenaer Diss., 1899, S. 11.

5) A. von Lengerke, „Landwirtschaftliche Skizzen von Rheinpreussen“, 1853, S. 110.

6) Schmoller, „Kleingewerbe“, 278.

тельного ремесла были вообще города. Ибо потребности, которыя не удовлетворялись бы продуктами ремесла, даже въ большихъ городахъ 40-хъ годовъ были такъ незначительны, что о нихъ едва ли стоить упоминать. Лишь кое-гдѣ одинъ-два магазина готоваго мужскаго платья ¹⁾, галантерейный магазинъ ²⁾, въ которыхъ продавались предметы, изготовленные на магазинъ кустарями; кромѣ этого, даже въ крупныхъ городахъ были только мелкія лавки съ небольшимъ количествомъ готоваго товара, въ которыхъ мастеръ принимаетъ отъ своихъ клиентовъ заказы.

Болѣе опаснымъ конкурентомъ для ремесленника, въ особенности въ небольшихъ городахъ, пожалуй, могло бы служить домашнее производство для собственного потребленія, сильно распространенное даже среди горожанъ. Тѣсто для хлѣба и въ особенности для пироговъ, конечно, изготавлялось во многихъ семействахъ дома, и лишь самыи процессъ печенія производился будочникомъ за плату. Точно такъ же и домашній убой скота далеко еще не вышелъ изъ моды даже у болѣе состоятельныхъ слоевъ населения: „Для зажиточнаго средняго сословія, — разсказываетъ Гофманъ ³⁾, — дороговизна мяса въ мясныхъ лавкахъ является лишь побужденіемъ къ тому, чтобы самимъ бить скотъ для собственнаго потребленія и чаще прибѣгать къ соленому и конченому мясу“. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ закусокъ, также приготовляемыхъ дома и сохраняемыхъ въ погребахъ и кладовыхъ („Speisekammer“): солонина сохранялась въ большихъ боченкахъ въ погребахъ, различные маринады и соленья — въ кувшинахъ въ кладовыхъ. Отто Бэръ въ своей любопытной книжкѣ (она описываетъ время нѣсколько болѣе раннѣе, чѣмъ 40-е годы) сообщаетъ, что въ Кассельѣ многіе жители имѣли передъ воротами небольшой огородъ, въ которомъ они сами вращивали необходимые овощи, плоды, ягоды. Домашняя хозяйка-горожанка еще сама варить въ кухнѣ мыло, лить свѣчи, варить сусло ⁴⁾.

Точно такъ же одежда и домашняя утварь пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ значительной части производились въ собственномъ же хозяйствѣ. Извѣстно наглядное описание, которое оставилъ намъ Kieselbach ⁵⁾, изобразившій въ своихъ „Трехъ поколѣніяхъ“ (Drei Generationen) жизнь въ „городскомъ бургерскомъ или чиновничемъ домѣ“ „добраго стараго времени“:

„Веретено — читаемъ мы здѣсь — все еще было символомъ домашней хозяйки; считалось за честь и гордость носить бѣлье изъ собственнаго полотна ⁶⁾; быть хорошій обычай, чтобы девушка всякаго круга не вступала

¹⁾ О Берлинѣ см. H. Grandke, „Entstchung der Berliner Wäscheindustrie“, а. а. О. S. 246 f.

²⁾ Уже Chodowiecki служилъ въ такомъ магазинѣ.

³⁾ Hoffmann, „Befugnis“, 288. Въ такомъ городѣ, какъ Заальфельдъ (правда, въ двадцатыхъ годахъ, слѣдоват., нѣсколько раньше нашего периода) убивалось: свиней — у мясниковъ 2.690, дома 1.773; рогатаго скота — у мясниковъ 552, дома 393; С. IX, 263. Цехъ мясниковъ жаловался: „продажа мяса въ здѣшнемъ городѣ незначительна, такъ какъ обыватели сами обыкновенно бѣть скотъ и свиней“. Ib., S. 561.

⁴⁾ Otto Bähr, „Eine deutsche Stadt vor 60 Jahren“, 1886, S. 59.

⁵⁾ „Deutsche Vierteljahrsschrift“, 1860. 3 Heft, S. 1—57.

⁶⁾ Ср. H. Grandke, а. а. О. S. 240 f.

въ бракъ раньше, чѣмъ будеть въ состояніи сшить себѣ приданое изъ полотна, выпряденаго ея собственными руками. Пряжа передавалась ткачу, который и превращалъ ее въ полотно; бѣлить полотно было опять дѣломъ хозяйки. И не только полотно, но и сукно и даже кожа старательно изготавлялись дома и держались въ запасѣ; шкаты должны были быть полны запасами. Бѣлье, одежда, даже обувь (?) изготавлялись у себя дома; портной, сапожникъ являлись лишь въ качествѣ техническихъ помощниковъ. Также и перины, подушки и кровати изготавливались тутъ же. Перья съ убитой дома птицы оципывались особыми специально для этого нанятыми женщинами; конскій волосъ тщательно очищался; особенно зоркій хозяйствскій глазъ требовался, когда работать матрацникъ, чтобы перины, матрасы, кушетки дѣйствительно набивались пред назначеніемъ для этого матеріаломъ и въ достаточномъ количествѣ¹⁾.

Пусть даже нарисованная картина грѣшитъ иѣкоторымъ преувеличеніемъ, и домашнее производство для собственного потребленія въ чисто городскомъ хозяйствѣ половины прошлаго вѣка охватывало въ дѣйствительности менѣе широкую сферу,—несомнѣнно одно, что и въ городахъ промышленная жизнь въ значительной степени еще не выходила изъ рамокъ семьи. Въ общемъ, больше тяготѣли къ собственному производству; старались возможно больше производить у себя дома. „Вообще не при каждомъ случаѣ обращались къ ремесленнику“²⁾. Еще сохранялось желаніе производить возможно больше самимъ, и это было возможно, потому что весь укладъ жизни былъ проще. „Чтобы повѣсить занавѣсы, рѣдко прибѣгали къ помощи обойщика. Это дѣлала сама хозяйка“ (Bähr, I. c.). Прекрасно. Но кто, кроме специалиста—обойщика, превращеннаго обученіемъ въ ничего не понимающаго „художника—ремесленника“,—кто еще сумѣлъ бы въ настоящее время придать нашимъ портьерамъ и драпировкамъ видъ гордыхъ парусовъ?

А теперь отъ домашняго хозяйства отдѣльныхъ семействъ мы хотимъ перейти въ лавки и мастерскія главнѣйшихъ ремесленниковъ, произведеніями которыхъ удовлетворялись остальная потребности обывателей. И здесь мы опять начнемъ съ потребности въ пищевыхъ продуктахъ и ея удовлетворенія, преимущественно при посредствѣ булочника и мясника.

I. Ремесла, производящія пищевые продукты.

Ремесло булочника, одно изъ самыхъ древнихъ, почти повсюду организованное въ цехи, въ теченіе шести вѣковъ оставалось въ иѣменскихъ городахъ почти въ одномъ и томъ же видѣ: почти никакихъ перемѣнъ не произошло ни въ техникѣ производства, ни въ условіяхъ сбыта. Гдѣ въ сороковыхъ годахъ еще сохранился старый цеховой строй, тамъ въ основѣ булочного ремесла еще лежать почтенныя старины привилегіи, съ ихъ стро-

1) „Работа матрацника выполнялась раньше почти исключительно по заказу, какъ работа по найму. Заказчикъ бралъ къ себѣ въ домъ обойщика, доставляя матеріалъ для набивки и для верха... и заставляя работать подъ своимъ присмотромъ“. U. V, 354.

2) Bähr, a. a. O. S. 31.

гими запретами, направленными въ особенности противъ пекарей прянниковъ и т. п., кондитеровъ и другихъ явлений новѣйшаго времени. Противъ новшествъ началась жестокая борьба.

Исторія пекарнаго ремесла въ Лейпцигѣ можетъ послужить для иллюстраціей¹⁾. Лишь медленно кондитерское ремесло завоевываетъ себѣ мѣсто рядомъ съ старымъ булочнымъ производствомъ. Первые робкіе шаги его приходятся въ Лейпцигѣ на тридцатые и сороковые годы; лишь „съ 1849 года можно прослѣдить болѣе быстрый ростъ кондитерскихъ“²⁾. Почтеннное булочное ремесло царilo еще безраздѣльно; лишь кое-гдѣ его беспокоила непріятная конкуренція деревенскихъ пекарей хлѣба³⁾; послѣдніе иногда захватывали въ свои руки еженедѣльные базары и годичныя ярмарки въ сосѣднихъ мѣстечкахъ.

Товаръ сбывается непосредственно потребителямъ, безъ посредничества магазиновъ и т. п., и при томъ отдельнымъ потребителямъ, еще не объединеннымъ въ товарищества, на что слѣдуетъ обратить вниманіе. Бѣлый и черный хлѣбъ печется безъ различія большинствомъ пекарей. Мука покупается на ближайшей мельнице или даже еще въ видѣ зерна и затѣмъ за собственный счетъ перемалывается на мельнице. Въ Лейпцигѣ еще въ 1844 г. налогъ уплачивался на $\frac{2}{3}$ съ муки и на $\frac{1}{3}$ съ зерна⁴⁾.

О Берлинѣ мы узнаемъ слѣдующее: „Мучная торговля въ Берлинѣ въ сороковыхъ годахъ была совсѣмъ незначительна; прямой ввозъ извѣй былъ ничтоженъ... Поэтому Берлинъ свою потребность въ муке почти цѣликомъ покрывалъ мукой изъ мѣстныхъ и окрестныхъ мельницъ... Обыкновенно дѣгалось такъ, что булочникъ и другіе болѣе крупные потребители сами покупали зерно и отдавали его на мельницы, при чёмъ за помоль уплачивалось деньгами“⁵⁾. Еще въ 1854 г. Берлинъ имѣлъ въ своеемъ податномъ округѣ на ряду съ 4 паровыми мельницами: 23 вѣтряныхъ мельницы на козлахъ (шатровыхъ мельницы), 5 голландскихъ вѣтряныхъ мельницъ, 1 водяную мельницу, 2 конныхъ мельницы⁶⁾.

Такой же характеръ носило и ремесло мясника. Мясникъ закупаетъ скотъ, колеть его, затѣмъ перерабатываетъ мясо въ различные готовые продукты и самъ же торгуется ими. Закупка скота производилась въ большинствѣ случаевъ самимъ же мастеромъ. Въ собственной телѣгѣ ёдетъ онъ по окрестнымъ помѣстямъ и крестьянскимъ дворамъ; купленный мелкий скотъ онъ захватываетъ съ собой въ задкѣ телѣги, а крупный доставляетъ помощникъ. Лишь въ немногихъ крупнѣйшихъ городахъ торговля скотомъ, возможно, происходила при посредствѣ торговцевъ и могла распространяться на значительный районъ. Во всякомъ случаѣ это не было правиломъ. Въ пользу такого мнѣнія говорить незначительный размѣръ въ сущности децен-

1) У. II, 365/66.

2) У. II, 349.

3) О Лейпцигѣ это сообщается уже въ XVII вѣкѣ. У. II, 371.

4) У. II, 356.

5) „Berlin und seine Eisenbahnen etc.“, 2, 311/12.

6) Eduard Müller, „Berliner Statistisches Jahrbuch fü r das Jahr 1854“, (1856),

трализованного городского спроса на мясо,—децентрализованного потому, что города были расположены среди обширныхъ сельскохозяйственныхъ районовъ. Мясникъ собственоручно рѣзалъ закупленный скотъ: или на бойняхъ, которые появились въ болѣе крупныхъ городахъ довольно рано, или же у себя на дворѣ (мелкій скотъ). Одинъ и тогъ же мастеръ въ случаѣ надобности бѣть всякий скотъ, какой только случится. Специальная бойни появляются позже, напр., въ Лейпцигѣ въ половинѣ прошлаго вѣка нѣтъ ни одной такой бойни¹⁾. Переработка мяса, въ особенности свинины въ колбасу, производится въ домѣ мясника; послѣ того какъ со времени введенія топки каменнымъ углемъ копченіе колбасъ отдѣлилось отъ домашнаго хозяйства, эта часть производственнаго процесса также перешла къ мяснику. Производятся немногіе простые сорта колбасы: кровяная, ливерная и тоикая копченая колбаса (*Knackwurst*)²⁾. Отбросы, сало, которое мясникъ въ предыдущія столѣтія самъ перерабатывалъ въ мыло и свѣчи, онъ доставляетъ теперь мыловару³⁾, права котораго на мыловареніе засвидѣтельствованы особыми документами. Кромѣ мяса и колбасъ, мясникъ изготавливаетъ также различные виды готоваго жаркого, въ особенности въ маленькихъ городахъ, гдѣ онъ обыкновенно не только мясникъ, но и собственикъ или арендаторъ харчеванія для проѣзжающихъ. Свои продукты онъ продаетъ прямо потребителямъ по большей части съ мясныхъ полокъ. Въ Лейпцигѣ первая настоящая мясная лавка открыта въ 1873 г.⁴⁾. Даже въ большихъ городахъ мы почти совсѣмъ не встречаемъ лавочниковъ-посредниковъ, торгующихъ мясомъ и различными деликатесами. Въ 1848 г. въ Лейпцигѣ было всего лишь 4 мясныхъ торговли (1852—уже 15)⁵⁾. Едва ли нужно упоминать о томъ, что сбытъ въ сущности ограничивался окрестъ того города, въ которомъ имѣлъ свое мѣстопребываніе мясникъ.

II. Ремесла, производящія предметы одежды.

О главнѣйшемъ изъ относящихся сюда производствъ—о сапожномъ дѣлѣ—мы уже говорили, когда мы старались дать общее представление о промысловой жизни въ деревнѣ. Какъ указано выше, сапожное дѣло въ деревнѣ вылилось въ форму разноснаго торга и ярмарочной торговли. Теперь мы должны познакомиться съ нимъ, какъ съ городскимъ ремесленнымъ производствомъ на заказчика.

Безъ сомнѣнія, уже въ половинѣ прошлаго вѣка старое сапожное ремесло, еще не переходя въ новѣйшія формы, подверглось нѣкоторымъ второстепеннымъ видоизмененіямъ. Такъ какъ развитіе его въ болѣе крупныхъ городахъ подвинулось дальше, чѣмъ въ городахъ небольшихъ, то необходимо отдельно разсмотрѣть эти два случая. Правда, о сапожномъ ремеслѣ въ Берлинѣ одинъ современникъ говорить намъ, что оно еще вполнѣ сохранило старыя формы, и „что можно проводить различіе только между производствомъ

1) U. IV, 24.

2) U. VI, 26: „вплоть до восьмидесятыхъ годовъ“.

3) Заальфельдъ: U. IX, 260.

4) U. VI, 55.

5) U. VI, 36.

мужской и дамской обуви"; но, возможно, онъ былъ недостаточно освѣдомленъ на этотъ счетъ; возможно также, что на примѣрѣ Берлина онъ хотѣлъ только еще рѣзче оттѣнить высокое развитіе этого промысла въ Парижѣ, о чемъ собственно у него и идетъ рѣчь ¹⁾. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ детальныя описанія другихъ "большихъ городовъ" того времени, которыхъ развертываются передъ нами болѣе пеструю картину. Я остановлюсь здѣсь на описаніи Бреславля, который въ 1846 г. имѣлъ 112.194 жителей.

Въ рассматриваемый періодъ, которой для сапожного ремесла особенно характеренъ, такъ какъ онъ непосредственно предшествуетъ важнѣйшему техническому перевороту въ рабочемъ процессѣ (первая швейная машина появилась въ Германіи въ 1850 г.), въ Бреславль было четыре различныхъ типа сапожниковъ. Изъ нихъ одинъ типъ мы можемъ оставить въ сторонѣ, такъ какъ это уже знакомая намъ фигура: это такъ называемый "Budenmeister", "мастеръ-лавочникъ", который и въ Бреславль является со своимъ грубымъ сапожнымъ товаромъ изъ такъ называемыхъ сапожныхъ городовъ и распродаетъ здѣсь изъ лавки свой готовый товаръ. Остальные три типа слѣдующіе ²⁾.

1. Магазинный мастеръ. Мастера, хорошо знавшіе свое дѣло, обладавшіе нѣкоторой купеческой сметкой и небольшимъ количествомъ денегъ, нападали на одной изъ главныхъ улицъ города лавку, которую и обставляли какъ можно лучше: стеклянными шкафами и т. п. Въ этихъ шкафахъ они выставляли сработанную про запасъ бальную и выходную обувь, дѣтскую обувь, лѣтнія туфли и тому подобный товаръ, удовлетворяющій скорѣе роскоши, чѣмъ первымъ потребностямъ. Но главною ихъ специальностью была работа на заказъ, выполнявшаяся превосходно. Въ собственной мастерской—и первоначально только въ собственной мастерской,—которая обыкновенно находилась при ихъ квартирѣ, во всякомъ случаѣ въ болѣе дешевой части города, они поручали своимъ лучшимъ подмастерьямъ дѣлать изящную, модную обувь, за которую выручались высокія цѣны. Мастеръ кроилъ самъ; у него былъ собственный складъ кожи, где имѣлся богатый выборъ тонкихъ сортовъ. Это служило ему болѣшимъ подспорьемъ въ его дѣлѣ.

2. Рабочіе-одиночки. Послѣ 1810 г. еще большее число рабочихъ чѣмъ прежде старается достичнуть самостоятельности. Все ихъ достояніе заключалось въ ихъ рабочихъ рукахъ. Ихъ умѣніе отвѣчало лишь скромнымъ требованиямъ. Имѣть было не подъ силу покупать разомъ цѣлую кожу. Поэтому они занимались главнымъ образомъ почтой или же пробовали работать на мастеровъ-лавочниковъ. Самая желанная и выгодная для нихъ работа—изготовление новой обуви на заказчика—становится мало-по-малу доступной для нихъ, когда развилась торговля кожей, подготовленной заготовщиками. Такимъ образомъ они получили возможность покупать кожу для отдѣльнаго заказа, хотя, разумѣется, съ крупной надбавкой къ цѣнѣ. Въ 1849 г. въ городѣ было уже 222 торговца-заготовщика; слѣдовательно, дѣло это уже имѣть за со-

1) „Amtlicher Bericht über die allgemeine Pariser Weltausstellung im Jahre 1855.“ 1856, S. 654 f.

2) U. IV. 26—28 (этотъ современникъ—Ніго Кантег).

бой долгій путь розвитія. Ізъ небольшихъ лавокъ, торговавшихъ кожей, виникли лавки заготовщиковъ. Торгую заготовкою и имѣя къ услугамъ покупателей по мелочамъ всѣ необходимыя въ сапожномъ ремеслѣ принадлежности, какъ колодки, смолу, дратву, ушки и т. п., онѣ создали себѣ обширную клиентуру. Для покупателей мелочная торговля имѣла крупныя преимущества передъ оптової, хотя цѣни въ послѣдней были, разумѣется, ниже.

3. Мастера-владѣльцы мастерскихъ. Посрединѣ между рабочимъ-одиночкой и мастеромъ-собственникомъ магазина, образуя цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней, стоить старый типъ ремесленного мастера, который имѣть у себя дома нѣсколько связокъ наиболѣе ходкихъ сортовъ кожи, не болѣе двухъ подмастерьевъ, а чаше только учениковъ, и работаетъ на определенный кругъ заказчиковъ. Работа — солидная, средняго качества; починка обуви играє круіну роль. Если у него много работы, то кое-что перепадаетъ на долю рабочаго, занятаго работой у себя на дому. Этотъ типъ мастера — наиболѣе распространенный; и мы упоминаемъ о немъ въ концѣ лишь для того, чтобы обратить на него больше вниманія. Именно изъ-за области сбыта этихъ мастеровъ ведется въ новое время, или, пожалуй, уже велась, ожесточеннѣйшая борьба.

Типичными для отношеній въ среднихъ и мелкихъ городахъ являются, конечно, лишь вторая и третья категоріи сапожныхъ мастеровъ.

На ряду съ ремесленнымъ сапожнымъ дѣломъ въ то время, повидимому, уже появляются зачатки капиталистического сапожнаго производства.

Уже Гофманъ сообщаетъ¹⁾ о владѣльцахъ лавокъ съ готовымъ сапожнымъ товаромъ, работой на которая занято много сапожниковъ въ городѣ и окрестностяхъ. А одно современное извѣстіе о положеніи сапожниковъ въ Эльберфельдѣ и Барменѣ²⁾ гласить даже: „Большая часть (!) башмаковъ и сапогъ изготавливается не въ Вупперталѣ: какъ бѣдные, такъ и богатые люди покупаютъ себѣ башмаки и сапоги большою частью въ лавкахъ“, — и къ этому добавляется: „что приводить къ гибели и этой премыселъ и всякий (!) другой“, — такъ это (кромѣ системы займа) либеральная промышленная свобода, „при которой отдѣльные ремесленники уже не въ силахъ бороться противъ фабрикъ“.

Это несомнѣнно чрезмѣрныя преувеличенія.

Въ этомъ убѣждаетъ нась имѣющійся въ нашемъ распоряженіи положительный цифровой матеріаль. Что должно означать, напр., что Эрфуртъ, „самый значительный городъ сапожниковъ въ Пруссіи“ (на ряду съ Калау), имѣть въ 1849 г. 5 крупныхъ сапожныхъ заведеній съ 148 рабочими³⁾; что должны означать подобныя же цифры для Майнца и Франкfurta-на-Майнѣ⁴⁾? Только то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ скромными зачатками капиталистической промышленности, о которыхъ преувеличенно говорили, какъ о чёмъ-то

1) Hoffmann, „Befugnis“, 396.

2) Gesellschaftsspiegel, herausgeg. von M. Hess. Neue Ausg. u. d. Tit. „Die gesellschaftlichen Zustände d. civilisierten Welt“, 1 (1846), „Berichte“, 89/90.

3) „Mitteilungen des Statistischen Bureaus in Berlin“, 1 (1848), 234/35.

4) E. Francke, „Schuhmacherei in Bayern“ (1893), 24.

неслыханномъ. Отсталость нѣмецкой капиталистической сапожной промышленности обнаружится съ полною ясностью, если сравнить ее, напр., съ лондонской или парижской. Официальный отчетъ о Парижской всемирной выставкѣ 1855 г. наглядно изображаетъ противоположность между парижскою сапожною промышленностью, уже сильно захваченою капитализмомъ, и нѣмецкою, которая въ сущности двигалась еще въ ремесленныхъ рамкахъ¹⁾.

Только въ связи съ сапожнымъ промысломъ, прежде всего въ формѣ его второго и третьаго типовъ, можно понять организацію важнѣйшаго вспомогательнаго для сапожнаго дѣла промысла—ремесленаго дубленія. Обработка кожи въ то время получила отчасти уже капиталистическую организацію. Въ перечнѣ фабрикъ за 1846 г. мы встрѣчаемъ внушительныя цифры, свидѣтельствующія о сравнительно высокомъ развитіи индустриальной обработки кожи въ Германіи: въ этомъ году числилось 8.622 „дубильныхъ заведеній“ съ 20.609 рабочими и 551 „кожевенныхъ заводовъ и фабрикъ кожаныхъ издѣлій“ съ 4.435 рабочими: первыя — главнымъ образомъ въ Баваріи и Кургессенѣ, послѣдніе — въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ, въ Нассау, Тюригенѣ, затѣмъ въ Пруссіи. Если обратить вниманіе на движение торговли шкурами и кожей, экспортirуемыми за предѣлы Таможеннаго союза²⁾, то мы придемъ къ выводу, что капиталистическая организація обработки кожи уже въ половинѣ XIX вѣка достигла въ Германіи такой степени развитія, какъ очень немногія другія отрасли промышленности. Этимъ развитіемъ Германія первоначально была обязана дешевизнѣ дубовой коры (главнаго материала для дубленія), что стоять въ связи съ общою экономическою отсталостью страны; извѣстную роль играло также и широкое развитое овцеводство³⁾.

По само собою разумѣется, что кожа, изготовленная для интерлокаль-наго (междугородскаго) и международнаго сбыта, составляла лишь незначительную часть общаго производства нѣмецкихъ дубильныхъ заведеній. Мы уже знаемъ, что въ 1847 г. черезъ границы Таможеннаго союза было вывезено 30.115 центнеровъ кожи; на всѣ нѣмецкія ярмарки въ томъ же году изъ предѣловъ Таможеннаго союза было привезено и куплено непосредственно изъ заведеній 101.532 центн.⁴⁾, слѣдов., приблизительно то количество товара, какое было сбыто въ предѣлахъ Таможенной области посредствомъ интерлокальной торговли. Напротивъ, вообще въ предѣлахъ Таможеннаго союза было произведено кожи въ 1844 г. 1 миллионъ центнеровъ⁵⁾. Если и не весь остатокъ, т.-е. 8—900.000 центнеровъ, 6 — 7-микратная цифра „посту-

1) „Amtlicher Bericht über die allgemeine Pariser Weltausstellung im Jahre 1855“ (1856), 654/55.

2) Въ 1847 г. ввозъ шкуръ и кожи въ предѣлы Таможеннаго союза составлялъ 241.325 цнт., вывозъ кожи (и издѣлій изъ нея) — 30.113 цнт. Dieterici, „Übersichten“ etc., S. 20.

3) Еще въ 1828 г. Германія вывозила дубовую кору за границу: ввозъ — 57.780 цнт., вывозъ — 147.229 цнт. (Dieterici, „Volkswohlstand“, 162); двадцать лѣтъ спустя потребность туземнаго дубленія уже не могла удовлетворяться внутреннимъ производствомъ коры; въ 1848 г. ввозъ равнялся 55.863 цнт., вывозъ — 38.488 цнт. (Dieterici, „Übersichten“, 415).

4) Dieterici, „Übersicht“, 562.

5) Viebahn, „Statistik des zollvereinten und nördlichen Deutschlands“, 3, 613.

шившаго въ торговлю“ количества, приходится на долю мѣстнаго ремесленнаго производства, то во всякомъ случаѣ—очень крупная часть. Мы имѣемъ и другія доказательства, что ремесленное дубленіе, которое, конечно, отчасти работало и для широкаго рынка, преуспѣвало вплоть до половины 50-хъ годовъ ¹⁾, и что представители этого промысла обыкновенно причислялись къ самыми почетными ремесленникамъ въ городахъ. Причина послѣдняго явленія, несомнѣнно, заключается въ томъ, что значительный имущественный достатокъ требовался для сооруженія даже самой мелкой дубильни, особенно для выдѣлки сырой материи ²⁾.

Не всегда дубильный промыселъ составлялъ самостоятельное занятіе. Еще въ половинѣ XIX вѣка мы часто встрѣчаемъ его въ качествѣ подсобнаго промысла: у шорниковъ, мясниковъ и въ особенности у сапожниковъ ³⁾. Въ прежнее время это было общимъ правиломъ. Какъ сапожники организовали дубленіе, объ этомъ у насъ имѣются яркія сообщенія изъ „сапожнаго города“ Лойтца ⁴⁾.

До 1850 г. почти при каждой сапожной мастерской устраивалась дубильная мастерская. Занимавшіеся землемѣлемъ и скотоводствомъ горожане и крестьяне въ изобилии доставляли шкуры. Въ маѣ, когда древесный сокъ поднимался между стволомъ и корой къ верхушкѣ дерева, магистратъ прода валъ дубовую кору изъ городского лѣса. Мастерь съ подмастерьями и учениками отправлялся въ старые, большие зеленѣющіе окрестные лѣса, и скоро зеленые своды оглашались ударами молотковъ, при помощи которыхъ сапожники отбивали съ деревьевъ кору. Въ теченіе нѣсколькихъ дней добытая кора сушилась тутъ же въ лѣсу и затѣмъ уже отвозилась домой. Между тѣмъ сухія кожи лошадей, коровъ, быковъ и телятъ вымачивались въ водѣ, а затѣмъ ихъ клали на нѣсколько дней въ наполненную известью яму. Больше всего цѣнилась кожа, полученная отъ рогатаго скота, и некрашенный опоекъ; впослѣдствіи стали больше цѣнить лошадинную кожу. Изъ цѣльной лошадиной шкуры добросовѣстный мастеръ вырѣзаль только двѣ пары сапогъ, и на это шла часть, покрывавшая заднія бедра; а остальную часть употребляли на подиарядъ и на заднюю обшивку обуви. Приходилъ скориакъ, скоблилъ кожи, затѣмъ чистилъ ихъ въ мѣстѣ, изстари принадлежащемъ сапожному цеху,—на нынѣ опустѣлой каменной скамьѣ на берегу рѣки. Заготовленныя такимъ образомъ шкуры мастеръ клалъ въ чаны; черезъ 12 недѣль ихъ вынимали, а шкуры, предназначенные для подошвы, вынимали черезъ годъ; они отличались такой твердостью и прочностью, какъ нынѣ едва ли найдешь. Кто не хотѣлъ или почему-либо не могъ самъ заниматься дубленіемъ, тотъ могъ получить кожу изъ соседнихъ городовъ Деммина и Трентова на Толль: здѣсь дубильный промыселъ былъ господствующимъ ремесломъ.

1) Даже въ королевствѣ Саксонскомъ: U. V., 451.

2) U. I., 164. Еще отъ конца пятаго десятилѣтія мы имѣемъ важное свидѣтельство, говорящее о недостаткѣ кожевенныхъ заводовъ: C. G. Rehle n., „Geschichte der Handwerke und Gewerbe“, 3 Ausgabe, 1858. S. 140.

3) О борьбѣ отдельныхъ ремесленниковъ изъ-за дубленія въ Бюргембергѣ см., напр., U. VIII., 461.

4) U. I., 38.

Этотъ же промысель, какъ уже упомянуто выше, встрѣчается нерѣдко въ небольшихъ городахъ и въ деревнѣ въ видѣ дубленія на заказъ: именно въ тѣхъ случаахъ, когда крестьянинъ, мясникъ, шорникъ или сапожникъ отдаютъ для выдѣлки принадлежащія имъ шкуры специалисту-дубильщику. Но дубильщикъ иногда поднимается до положенія „торговца-ремесленника“, работающаго на продажу. Если онъ производить простую желтую кожу, то при благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ устраиваетъ собственную мельницу, на которой перемалываетъ дубовую кору, этотъ главнѣйший вспомогательный материалъ; но часто онъ пользуется общей мельницей, принадлежащей нѣсколькимъ товарищамъ по профессии (U. VIII, 440). Кору онъ покупаетъ въ окрестныхъ лѣсахъ, непосредственно у лѣсовладѣльцевъ; обширные лѣса Германіи, которые какъ разъ пригодны для съемки коры, даютъ ея достаточное количество ¹⁾). Шкуры доставляетъ мясникъ ²⁾ изъ сосѣдняго города или изъ окрестностей. Готовая кожа продается по большей части сосѣднимъ же мастерамъ: сапожнику или сумочнику, шорнику или перчаточнику (кошелечнику). Эти мастера имѣютъ еще столько работы, что могутъ разомъ купить и переработать по крайней мѣрѣ одну цѣлую кожу. Выше было уже отмѣчено, что дубильный промысель легко превращается въ интерлокальное производство ³⁾). Такъ, дубильный мастеръ нерѣдко нагружаетъ излишними кожами свою повозку и самъ отправляется торговатъ ими, иногда довольно далеко. Но онъ еще господинъ положенія: вплоть до шестидесятыхъ годовъ торговля кожей остается въ рукахъ сапожниковъ и дубильщиковъ ⁴⁾).

Изъ остальныхъ промысловъ, превращающихъ кожу животныхъ въ предметъ одежды человѣка, наиболѣе важные: перчаточное производство, сѣдельное, сумочное и скорнячное.

Перчаточное производство въ половинѣ прошлаго вѣка, повидимому, въ значительной степени сохраняетъ еще ремесленный характеръ. Шмольеръ ⁵⁾ пріурочиваетъ переходъ къ „болѣе крупному производству“ къ срединѣ сороковыхъ годовъ, новѣйшая данная ⁶⁾ подтверждаютъ это. Задимствованное изъ Франціи производство лайковыхъ перчатокъ, очевидно, никогда не было чисто мѣстнымъ ремесломъ: оно съ самого начала было втянуто въ сферу товарно-капиталистическихъ отношеній. Наоборотъ, старое нѣмецкое перчаточное производство и въ 40-хъ годахъ сохраняло ремесленную организацію: оно производило главнымъ образомъ грубыя кожаные, полотняные и шерстяные перчатки, спроектированные на которыя въ то время было больше, чѣмъ нынѣ.

Сѣдельное ремесло никогда съ достаточнотью опредѣленностью не обособлялось отъ другихъ производствъ ⁷⁾; во всякомъ случаѣ, въ 40-хъ го-

1) Значеніе первоначально мѣстного производства коры для ремесленного дубленія подробно указано въ U. VIII, 436 ff.

2) U. VIII, 461 (отчасти еще и нынѣ); VIII, 139 („раньше исключительно“).

3) Для Бюргемберга слова U. III, 223, 237, 244.

4) Для Саксоніи U. V, 462.

5) Schmoller, „Kleingewerbe“, 635.

6) U. VI, 689/90. „Festschrift der H. K. Halberstadt zur Feier ihres 25-jährigen Bestehens 1873—1898“. S. 85.

7) Въ Саксоніи сумочники и обойщики лишь въ 1849 г. сливаются въ одинъ промысель: U. V, 353.

дахъ оно было ремесломъ, производящимъ главнымъ образомъ сбрую, или же сливалось съ сумочнымъ промысломъ. Послѣдній можно причислить къ производствамъ предметовъ одежды, такъ какъ онъ доставляетъ необходимыя дорожныя принадлежности. Съдельщики, а также и сумочники еще довольно строго отмежевываются отъ обойщиковъ и портфельщиковъ. Обойщики выдѣляются въ самостоятельный промыселъ, этому благопріятствуетъ возрастающій спросъ на матрацныя работы; но матрацныя работы стремятся удержать за собой сумочники, и потому въ первой половинѣ XIX, когда пеховой строй еще сохранялся, между сумочниками и обойщиками идетъ ожесточенная борьба. Что собственно считалось сферой производства сумочниковъ еще въ половинѣ прошлаго вѣка, объ этомъ можно судить по изданіямъ въ 1852 г. правиламъ устава „соединенного цеха сумочниковъ и обойщиковъ“¹⁾, въ которыхъ сумочникамъ категорически предоставлялось „изготовленіе и продажа дорожныхъ чемодановъ и изящныхъ сундуковъ изъ дерева, кожи и мѣха, военныхъ, дорожныхъ, дамскихъ и школьніхъ портфелей, кожаныхъ и изъ другого материала конторскихъ и вексельныхъ папокъ, футляровъ для шляпъ, зонтовъ и шкатулокъ, всякаго рода охотничихъ и дорожныхъ принадлежностей“.

Скорнячный промыселъ издавна распадается на двѣ различныя категории: простое скорнячичество и, какъ можно было бы сказать, скорнячичество тонкое²⁾. Первое перерабатываетъ кожи туземныхъ животныхъ. По своему характеру это — мѣстное ремесло: главные продукты его — овчины и заячьи мѣховыя шапки для крестьянъ и жителей мелкихъ городовъ. Сырой материалъ скорнякъ получаетъ тутъ же, на мѣстѣ; товаръ производить онъ по заказу ближайшихъ мѣстныхъ жителей. Наоборотъ, тонкое скорнячичество, ютиющееся въ большихъ городахъ, издавна одной ногой стояло уже на почвѣ товарно-капиталистического хозяйства; скорнякъ долженъ быть обладать значительной суммой наличныхъ денегъ, чтобы закупать на собственный страхъ дорогие чужеземные мѣха въ большихъ центрахъ торговли. Онъ былъ такимъ образомъ издавна скорѣе купцомъ, чѣмъ просто ремесленникомъ. Едва ли какія перемѣны произошли въ его дѣятельности къ половинѣ прошлаго вѣка; въ своей мастерской онъ перерабатываетъ по заказу дорогие сорта мѣховъ, начиная съ сырья и кончая готовымъ продуктомъ: шубой, мѣховой шапкой, муфтой, дорожными мѣховыми мышками для ногъ и т. п. При плохомъ состояніи путей сообщенія на всѣ эти предметы существовалъ тогда значительный спросъ, хотя поѣздки предпринимались рѣдко и благосостояніе населенія стояло на низкомъ уровнѣ.

Одежда современнаго человѣка, за немногими исключеніями, состоитъ изъ кожи или тканей; послѣднія изготавливаются изъ шерсти животныхъ или изъ растительныхъ волоконъ. Мы уже разсмотрѣли производство одеждъ изъ кожи; теперь мы остановимся нѣсколькою на производствѣ одеждъ изъ тканей. Эти производства естественно распадаются на производство собственно тканей

1) У. В., 353.

2) Это обозначеніе не употребительно. Вместо того нынѣ различаютъ простое и галантерейное скорнячичество. Однако послѣднее обозначеніе не вполнѣ покрываетъ ту часть промысла, которую я обозначаю какъ тонкое скорнячичество.

и далъе на ихъ переработку въ готовые продукты. Въ производствѣ шляпъ и шапокъ оба эти вида дѣятельности совмѣщаются воедино, пока здѣсь царить ремесло. Въ сороковыхъ годахъ это—еще преобладающее явленіе.

Мѣховая и суконная шапка въ то время была самыи распространеннымъ головнымъ уборомъ. Производствомъ шапокъ занимались по большей части мелкіе скорняки-мастера; какъ разъ этой работой они въ теченіе долгаго времени и поддерживали свое скучное существованіе¹⁾.

Шляпа являлась предметомъ роскоши, производилась для состоятельныхъ лицъ. Обыкновенно она дѣлалась изъ заячьей и кроличьей шерсти²⁾. Производство такихъ шерстяныхъ шляпъ еще въ половинѣ XIX вѣка сохраняетъ ремесленную организацію. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка шляпочникъ весь производственный процессъ сосредоточивалъ въ своей собственной мастерской. Надъ лавкой большинства шляпочниковъ въ зимніе мѣсяцы висѣла дощечка съ надписью: „Здѣсь покупаются заячыи шкурки“. За шкурку платили 10—15 крейцеровъ; иной щляпочникъ за годъ скупалъ въ розницу у домохозяевъ своей округи 400—500 шкурокъ. Конечно, этихъ шкурокъ не хватало для удовлетворенія всего спроса, и заячыи шкурки привозились изъ Богеміи, Моравіи и даже изъ Молдавіи и Валахіи³⁾. „Все производство было разсчитано на мѣстный рынокъ. Производство велось исключительно въ видѣ ремесла. Сбывался продуктъ прямо потребителямъ безъ посредства перекупщиковъ. Исключеніемъ изъ этого правила были заказы греческихъ купцовъ на дѣтскія шляпы. Однако заказы эти были незначительны (2—3 дюжины на мастера) и нерегулярны (производились они лишь во время ярмарокъ). Наконецъ, они совсѣмъ прекратились. Это не оказалось никакого вліянія на развитіе промысла. Такимъ образомъ во время обслѣдованія 1856 г. можно было сказать, что щляпное производство тѣлается еще исключительно цеховымъ промысломъ и что оно не встрѣчаетъ конкурентіи со стороны фабричнаго производства“. Сбывались шляпы или на ярмаркахъ (U. VI, 301)⁴⁾ или на мѣстѣ производства. Производилась эта торговля или въ самомъ жилищѣ шляпочника или же, что въ половинѣ XIX столѣтія бывало чаще, въ отдѣльныхъ торговыхъ помѣщеніяхъ внѣ собственнаго жилища. Такъ, изъ 13 лейпцигскихъ шляпочниковъ въ 1845 г. 10 содержали отдѣльныя лавки⁵⁾. „Ремесленное производство войлочныхъ шляпъ, какъ предмета роскоши, на мѣстный рынокъ, производство,

¹⁾ U. II, 327 ff. Еще „въ шестидесятыхъ годахъ спросъ на шапки былъ необыкновенно великъ“; и далъе VII, 63 f.

²⁾ Шелковая шляпа была еще мало распространена; лишь съ половиной XIX вѣка она получаетъ большее распространеніе: U. VI, 298, 312; шерстяная шляпа, въ былое время самая распространенная форма шляпы—однако она была тяжела и груба,—почти совсѣмъ вышла изъ моды. Въ половинѣ XIX вѣка она была какъ бы вновь „открыта“, когда техникѣ удалось изготовлять легкія, гладкія шляпы изъ войлока: срв. U. VI, 295, 296, 316. Содоменная шляпа, нигдѣ не была предметомъ ремесленного производства. Объ отдѣльныхъ рампахъ случалось капиталистического производства шляпъ уже въ половинѣ XIX столѣтія въ Германіи см. L. Wilkens, „Die Erweiterung und Vervollkommenung des deutschen Gewerbebetriebes etc.“ (1847). S. 170/71.

³⁾ О Вѣнѣ: UOe., 22.

⁴⁾ О Лейпцигѣ: U. VI, 312.

⁵⁾ U. VI, 300.

находившееся въ рукахъ небольшой, но обезпеченной группы ремесленниковъ, не угрожаюю никакой вѣнчаней конкуренціей,—такова картина шляпочного производства въ Брюнѣ и во всѣхъ другихъ городахъ въ первыя десятилѣтія нашего столѣтія¹⁾.

Всѣ остальные отрасли производства одежды изъ тканей издавна распадаются на производящія ткань и на подвергающія ее дальнѣйшей переработкѣ. Первые обозначаются именемъ текстильной индустріи (обработка волокнистыхъ веществъ): это—преимущественно прядильное, ткацкое и красильное производства. Однако въ данномъ случаѣ намъ не зачѣмъ останавливаться подробно на нихъ: ремесленный характеръ они совершенно утратили уже въ половинѣ XIX столѣтія. Извѣстно, какъ много мѣста Шмоллеръ удѣляетъ въ своей книжѣ этимъ старымъ, почтеннымъ и важнымъ отраслямъ промышленности, и такое внимательное отношеніе къ нимъ вполнѣ отвѣчаетъ времени, когда писалъ Шмоллеръ. Онъ пришелъ тогда къ такимъ же результатамъ относительно ремесленной текстильной индустріи, какъ мы—по отношенію ко всему остальному ремеслу. Онъ исчерпывающе изобразилъ ея гибель.

Къ работѣ ткача примыкаетъ портняжное дѣло—беру это выраженіе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Можно установить три главныхъ вида портняжничества: 1) шитье одежды; 2) изготавленіе бѣлья; 3) изготавленіе мелкихъ туалетныхъ вещей, какъ чепчики, галстуки и пр. Послѣдніе два вида портняжничества характеризуются тѣмъ, что они никогда въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ не были ремесломъ. Ремесленниками могли бы считаться только такъ наз. (въ Вѣнѣ) Pfaidlerы, занятіе которыхъ состояло главнымъ образомъ въ изготавленіи „различнаго рода чепцовъ изъ разныхъ сортовъ матеріи, модныхъ и дѣтскихъ чепцовъ, подвязокъ, подтяжекъ, нагрудниковъ, разнаго рода шапочекъ, чепцовъ съ бѣлыми и черными оборками и дамскіхъ чешковъ“²⁾. Но какъ ограничения была сфера ихъ дѣятельности—это хорошо видно изъ незначительного числа мужчинъ, занятыхъ такого рода работами³⁾. Причиной слабаго развитія ремесленного производства бѣлья, несомнѣнно, является сохранившійся до послѣдняго времени обычай изготавливать бѣлье домашнимъ способомъ. Выше было уже отмѣчено, что въ половинѣ XIX вѣка этотъ обычай составлялъ общее правило.

Что касается шитья платья, то шитье дамскаго платья точно такъ же принадлежитъ до извѣстной степени къ тѣмъ промысламъ, которые дольше всего оставались, а отчасти и теперь остаются въ рамкахъ хозяйства семьи. Работа выполняется при содѣйствіи приглашенной на дому портнихи. Такимъ образомъ главную основу ремесленного портняжничества издавна составляло изготавленіе мужскаго (и дѣтскаго) платья. Обычной формой въ половинѣ XIX вѣка являлось ремесло, производящее не на продажу, а по найму заказчика. Вотъ какъ происходило дѣло въ маленькомъ городѣ: „Потребитель покупаетъ въ мануфактурномъ магазинѣ матерію и прикладъ къ ней, затѣмъ является къ портному, если только послѣдний не присутствовалъ

1) УОе., 470.

2) УОе., 75.

3) Въ Вѣнѣ въ восемнадцатомъ вѣкѣ число ихъ ограничивалось всего 12: а. а. О. S. 76.

уже при самой покупкѣ, и заказываетъ ему то, что требуется изготовить. О платѣ за работу ведется долгій торгъ, по крайней мѣрѣ у тѣхъ мастеровъ, у которыхъ нѣтъ постоянныхъ солидныхъ заказчиковъ. Благодаря этому наблюдается при такой системѣ большое различіе въ заработкаѣ и въ доходахъ". (U. IV, 181/82). Но, кажется, и въ болѣе крупныхъ городахъ такая работа за плату оставалась общимъ правиломъ. По крайней мѣрѣ Гофманъ увѣряетъ настѣ: ¹⁾ „только очень немногіе изъ наиболѣе состоятельныхъ портныхъ въ крупныхъ городахъ держать запасы готоваго платья или имѣютъ большой выборъ матеріала къ услугамъ своихъ заказчиковъ: громадное большинство исполняетъ лишь работу по заказу, да и то матеріаль для нея доставляютъ обыкновенно заказчики". Слѣдствіемъ такой организаціи портняжничества, а также и причиной ея сохраненія являлась привычка обращать вниманіе больше на прочность матеріала, чѣмъ на элегантность и въ особенности на модность костюма. Ношеное платье охотно передѣлывалось и въ случаѣ возможности переходило въ длинной очереди отъ одного младшаго члена семьи къ другому. Какое глубокое значеніе для человѣка тѣхъ счастливыхъ временъ имѣлъ сохранявшійся въ теченіе всей жизни конфирмационный сюртукъ или свадебный фракъ, объ этомъ мы довольно хорошо знаемъ по описаніямъ жизни нашихъ отцовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ портняжномъ дѣлѣ мы замѣчаемъ первые признаки капиталистическаго преобразованія. Въ 1852 г. Герzonъ даетъ работу въ Берлинѣ слѣдующему персоналу: 5 мастеровъ, 3 директрисы, 120—140 работницъ въ мастерской, 150 мастеровъ (каждый съ 10 подмастерьями) въ дома, 100 приказчиковъ, надемотрщиковъ и пр. въ торговомъ помѣщеніи ²⁾. А изъ хорошаго изображенія портняжнаго промысла въ Пренцлау, какое мы находимъ у Майера ³⁾, видиб, что и въ провинціи въ то время уже начала распространяться язва конфекції (т.-е. такой организаціи портняжной промышленности, при которой портные попадаютъ въ косвенную зависимость отъ капитала). Отъ лица портняжнаго цеха этого города 5 іюня 1847 года была отправлена правительству петиція съ просьбой объ уничтоженіи или по крайней мѣрѣ объ ограниченіи аукціоновъ, которые, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, вели торговлю готовой одеждой. „Въ мотивировкѣ указывается, какъ со времени возникновенія желѣзнодорожного сообщенія съ Берлиномъ лучшіе заказчики все чаще и чаще начинаютъ удовлетворять свои потребности въ столицѣ. А теперь благодаря аукціонамъ ремесленники лишаются заказчиковъ изъ средняго и низшаго слоевъ населенія" (I. c., S. 120) ⁴⁾. Съ тонкимъ чутьемъ кровнаго революціонера графъ Бисмаркъ почуялъ революціонное значеніе переворота, который подготовлялся такимъ образомъ, и предостерегъ своихъ коллегъ въ нижней прусской палатѣ отъ содѣйствія этому перевороту созданиемъ законовъ о свободѣ про-

1) Hoffmann, „Besugnis“, 300.

2) „Vergleichende Ubersicht des Ganges der Tuchindustrie etc. im preuss. Staat“ (1865), S. 10 ff. 208.

3) U. II, 119 ff.

4) О большихъ конфекціонныхъ предприятияхъ въ это время (60 и болѣе рабочихъ!) см. опять-таки цитированный выше „Отчетъ о выставкѣ“, II, 648/49.

мышленности. Совсемъ въ духѣ Карлайля—Кингсли онъ восклицаетъ: „Я полагаю, что наши дешевые сюртуки изъ магазиновъ въ концѣ-концовъ окажутся намъ очень стѣснительными, если ихъ производители утратятъ надежду поддерживать честными способами свое существование“¹⁾). На сѣвѣрѣ ремесленниковъ провинціи Силезіи²⁾ президентъ Лешбургъ изъ Бреславля говоритъ о стѣсненіи положенія портняжного ремесла. По его словамъ, дѣло дошло уже до того, что большая часть мастеровъ вмѣстѣ съ подмастерьями сидятъ безъ работы или вынуждены работать на магазины готоваго платья. Цѣлые классы общества покупали себѣ платье въ такихъ магазинахъ. Къ этому ведеть, продолжалъ Лешбургъ, кажущаяся дешевизна, и быстрая смѣна моды маскируетъ происходящій отсюда ущербъ.

Но опять-таки не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло лишь съ первыми зачатками преобразованія, и что самое констатированіе этого факта свидѣтельствуетъ въ извѣстномъ смыслѣ объ устойчивомъ положеніи портняжного ремесла. Упомянутое выше предпріятіе Герзона было основано въ 1842 г. И лишь въ концѣ сороковыхъ годовъ конфекціонное производство одежды начинаетъ медленно распространяться и на деревню, какъ обѣ этомъ свидѣтельствуютъ жалобы портныхъ изъ Пренцлау: 26 июня 1848 г. въ Пренцлау, который по своему положенію долженъ быть скорѣе всего подвергнутся нападенію, явилось нѣсколько берлинскихъ конфекціонеровъ³⁾). Въ Мюнхенѣ всякая привилегія на продажу готоваго платья уничтожены лишь въ 1847 г. Только съ этого времени появляются большие магазины готоваго платья⁴⁾). Точно такъ же и для Вѣны пятидесятые годы являются тѣмъ временемъ, „когда приобрѣтаетъ значеніе торговли готовымъ платьемъ какъ для внутренняго потребленія, такъ и для экспорта“⁵⁾). Если Пруссія уже въ 1842 г. вывозить бѣлья 406 цнт., то въ 1847 г. этотъ вывозъ достигаетъ всего лишь 987 цнт., тогда какъ къ 1851 г. эта цифра быстро возрастаетъ до 5.489 центнеровъ⁶⁾). Въ 1854 г. въ Германіи появляется первая швейная машина!

III. Строительные ремесла.

Строительный промыселъ въ Германіи половины XIX вѣка тоже имѣеть еще чисто ремесленный характеръ⁷⁾). Правда, статистика того времени сообщаетъ намъ о производствахъ каменщиковъ и плотниковъ такихъ размѣровъ, что мы схематически должны бы отнести ихъ къ категоріи „крупныхъ“. Въ

1) „Furst Bismarck als Redner“; Coll. Spem. 2,95.

2) „Protokolle des 1 konstituierenden Handwerkertages der Provinz Schlesien“ (1848), 13/14.

3) U. IV, 21.

4) Herzberg, „Schaeidergewerbe in Muenchen“ (1894), 41/43.

5) Uoe., 499.

6) H. Grandke, „Die Entstehung der Berliner Wäscheindustrie im 19 Jahrhundert“ въ Schmollers Jahrbuch, 22, 249.

7) Преобразованія совершились: въ Бреславлѣ—„съ пятидесятыхъ годовъ“ (U. IX, 387), въ Лейпцигѣ—съ конца шестидесятыхъ годовъ (U. IX, 583), въ Карлсруэ современный способъ возведенія построекъ беретъ начало въ „шестидесятыхъ годахъ“ (U. III, 70), во Франкфуртѣ-на-Майнѣ тридцать лѣтъ тому назадъ. (U. I, 326).

Прускому королевству въ 1846 г. на 100 мастеровъ-каменщиковъ приходилось 438 подмастерьевъ, на 100 мастеровъ-плотниковъ—387 подмастерьевъ¹⁾. Для Бреславля (1849 г.) Dieterici на каждого мастера считаетъ соотношительно 28 и 24 подмастерьевъ; новѣйший изслѣдователь строительныхъ про-мысловъ въ Бреславлѣ насчитываетъ 20 подмастерьевъ (U. IX, 387); для Лейпцига соотвѣтствующія цифры опредѣляются даже въ 34 и 15 (U. IX, 598).

И все же передъ нами ремесло. Въ этомъ мы убѣждаемся, познакомившись съ особенностями организаціи стариннаго строительного промысла. Въ немъ неѣть еще ни одной черточки капитализма. Самая процедура производства была такова. Въ небольшихъ городахъ строительный про-мыселъ,—въ настоящую минуту я имѣю въ виду только обѣ главныя отрасли, работу каменщиковъ и плотниковъ, т.-е. конструктивныя отрасли строитель-наго дѣла,—оставался еще ремесломъ, производившимъ работы на заказъ, по найму. Владѣлецъ постройки, т.-е. то лицо, которое желало построить для себя домъ, покупалъ за собственный счетъ необходимый сырой мате-риалъ и приглашалъ на работу соответствующихъ строительныхъ рабочихъ—мастеровъ и подмастерьевъ; въ субботу, по вечерамъ, онъ выплачивалъ еженедѣльный заработокъ; мастеръ, какъ это велось изстари, получалъ за каждого занятаго подмастерья такъ называемый „Meistergroschen“. Слѣдова-тельно, „мастеръ“ игралъ здѣсь только роль вербовщика и надсмотрщика за рабочими, какъ это имѣло мѣсто въ средніе вѣка.

Въ большихъ городахъ только что обрисованное положеніе ма-стера по отношенію къ собственику постройки и къ рабочимъ уже до извѣстной степени измѣнилось. Мастеръ, въ особенности при крупныхъ постройкахъ, заключаетъ контрактъ съ хозяиномъ постройки и береть на себя выполненіе всей строительной работы за опредѣленную сумму; съ своими рабочими онъ договаривается тоже особо. Матеріалъ однако попрежнему доставляетъ соб-ственикъ постройки; подряжѣнную сумму онъ выплачиваетъ „мастеру“ по частямъ. Благодаря всему этому даже для крупныхъ подрядовъ мастеръ нуждается лишь въ незначительной суммѣ денегъ²⁾). Съ другой стороны, даже для выполненія большихъ городскихъ построекъ не требовалось ничего другого, кромѣ элементарныхъ познаній эмпирически подготовленнаго мастера-каменщика или плотника. Архитектора въ качествѣ постояннаго фактора въ строительному дѣлѣ мы встрѣчаемъ лишь съ половины XIX столѣтія. До этого времени благодаря особенностямъ тогдашнихъ построекъ обходились и безъ него³⁾). Встарину дома строились по типичнымъ планамъ, которые въ теченіе десяти-лѣтій сохраняли одинъ и тотъ же характеръ, такъ что возрастъ зданій было бы нетрудно опредѣлить по ихъ архитектурѣ. Всѣ они возводились по одному и тому же плану, даже съ одинаковой высотой этажей; ширина и высота пролета дверей и оконъ, ширина простѣнковъ—все это одно и то же повсюду.

1) Schmoller, 381.

2) Для Эйслебена U. IX, 310, 313.

3) Для Бреславля U. IX, 386.

4) Ср. описание для Карлсруэ III, 7, для Лейпцига U. IX, 572.

Форма фасадовъ поэтому была и проста и типична. Единственнымъ украшениемъ служили незначительно выступавшіе карнизы, раздѣлявшіе отдѣльные этажи и расположенные въ цѣломъ рядѣ домовъ на одинаковой высотѣ, и столь же простые карнизы сверху домовъ. Такъ же бѣдно, просто и шаблонно было внутреннее устройство домовъ. Лѣпныхъ или живописныхъ украшений не было и въ поминѣ. Такой домъ могъ построить всякий каменщикъ-мастеръ, получившій ремесленную подготовку. О детальномъ планѣ или о сметѣ не могло быть и рѣчи: цѣны были столь же незыблѣмы, какъ и планъ, который подвергался иѣкоторымъ видоизмѣненіямъ лишь настолько, насколько того требовали различія длины фасада по улицѣ. Дома заказывались по образцамъ уже имѣющихся построекъ. Сосѣди замѣняли надсмотрщиковъ. Постройка производилась не спѣша, въ теченіе 2 лѣтъ. Къ архитектору обращались только при болѣе крупныхъ постройкахъ, возводившихся государствомъ; въ крайне рѣдкихъ случаяхъ академически образованные архитекторы изъ политечническихъ школъ составляли планы барскихъ домовъ.

Отдѣльные мастера-ремесленники, принимавшіе участіе въ постройкѣ, обыкновенно заключали особые договоры непосредственно съ хозяиномъ постройки, такъ что между мастерами не было отношеній начальствованія и подчиненія.

Благодаря техникѣ старинной клѣточной постройки домовъ¹⁾ центромъ тяжести въ строительной дѣятельности оставались попрежнему плотничіе работы. Въ 1849 г. въ Пруссіи числилось 5.966 мастеровъ-каменщиковъ, а мастеровъ-плотниковъ было 6.574. Плотники на мѣстѣ стройки производили ремесленнымъ способомъ всю деревянную работу, начиная съ обчистки ствола и кончая отдѣлкой балокъ и карнизовъ.

Когда каменщики и плотники заканчивали постройку дома, тогда наступала очередь для массы другихъ ремесленниковъ, которые придавали дому окончательную отдѣлку: кровельщикъ, штукатуръ, красильщикъ, маляръ, обойщикъ, столяръ, слесарь, жестяникъ, гончаръ, стекольщикъ,—всѣ они принимаютъ въ отдѣлкѣ болѣе или менѣе значительное участіе²⁾. Чтобы не слишкомъ удлинять изложеніе, я укажу лишь на иѣкоторые особенности, характерные для всѣхъ этихъ ремесленниковъ.

Всѣмъ этимъ мелкимъ строительнымъ ремесленникамъ обще то, что вплоть до половины XIX столѣтія всѣ они сохраняли исконную ремесленную организацію. Главная же функция отдѣльныхъ изъ этихъ ремесленниковъ слѣдующая:

Кровельщикъ кроетъ крыши шиферомъ или черепицей; цементированные крыши распространяются лишь съ сороковыхъ годовъ, сначала въ Силезіи. Сырой материалъ кровельщикъ получаетъ или отъ хозяина постройки или же покупаетъ его на рынкѣ у крестьянъ³⁾.

1) Въ Касселѣ зачатки каменной постройки—въ половинѣ сороковыхъ годовъ. Вѣнг, а. а. О. S. 27.

2) О степени участія отдѣльныхъ ремесленниковъ въ постройкѣ дома см. Oldenberg, „Das deutsche Bauhandwerk der Gegenwart“, Berl. Diss. 1888, S. 30. А также U. IX, 545.

3) Во Франкфуртѣ и М. до открытия желѣзныхъ дорогъ: U. I, 323. Наглядную картину состоянія постройки городскихъ домовъ въ то время рисуютъ слѣдующія цифры. Оцѣноч-

Малаяръ и живописецъ окрашиваютъ стѣны снаружи и изнутри; они безразлично принимаютъ всякия работы, заключающіяся въ окраскѣ. Краски они еще трутъ сами. Это занятіе заполняетъ все свободное время въ течение зимнихъ мѣсяцевъ. Тамъ, гдѣ окраска стѣнъ начинается вытѣсняться бумажными обоями, не-цеховой промыселъ обойщиковъ старается завладѣть этой работой. При обычной въ то время скучности комнатнаго убранства ничтожную роль играли декоративныя работы, которыя въ настоящее время даютъ такой значительный заработка обойщикамъ. „Домашняя обстановка была въ общемъ очень проста. Совсѣмъ еще не знали о „стильномъ“ украшении комнатъ... Точно такъ же и мягкая пружинная мебель встрѣчалась лишь въ лучшихъ домахъ“¹⁾.

Изъ-за производства деревянныхъ частей и установки ихъ внутри дома издавна шла борьба между плотниками и столярами. Какъ разъ въ половинѣ XIX вѣка борьба эта, повидимому, закончилась въ пользу послѣднихъ (U. IX, 56). Столляръ изготавляетъ двери и окна, а также полъ и деревянныя лѣстницы, которыя были тогда въ наибольшемъ ходу. Полъ иногда представляетъ художественную работу, особенно когда онъ устилается прекраснымъ паркетомъ, носящимъ на себѣ печать индивидуального творчества²⁾. Простыя формы паркета еще неизвѣстны. Всѣ эти принадлежности дома столяръ производить безъ помоющи машинъ въ своей мастерской, расположенной тутъ же, на мѣстѣ постройки, и затѣмъ самъ же ихъ устанавливаетъ. Необходимое дерево онъ покупаетъ у окрестныхъ крестьянъ на базарѣ³⁾.

Несмотря на то, что въ прежнее время при постройкахъ употребляли желѣза гораздо меньше, чѣмъ въ настоящее время, слесарю при постройкахъ принадлежала болѣе видная роль. Дѣло въ томъ, что почти до половины XIX столѣтія слесарь не только прилагается на мѣстѣ всѣ желѣзныя принадлежности, необходимыя для постройки: замки, ключи, принадлежности для дверей и оконъ,—онъ самъ и изготавливаетъ всѣ эти вещи въ своей мастерской. Ему доставлялся только сырой материалъ въ видѣ кусковъ полосового желѣза различной длины и ширины, въ видѣ проволоки и листового желѣза⁴⁾. Работа слесаря, какъ и большинства другихъ строительныхъ ремесленниковъ того времени, тоже распадается на работу въ мастерской и

ная стоимость зданій, застрахованныхъ въ „Stttsche Feuersociett fr die Kurmark, Neumark und Niederlausitz“, въ 1841 г. равнялась: I классъ—это въ сущности массивныя зданія—7.775.600 тал.; II классъ—это въ сущности зданія типа клѣточной постройки—29.303.042 тал. Страховая сумма зданій, застрахованныхъ въ „Stttsche Feuersociett fr die Provinz Sachsen“, равнялась: для зданій съ массивными наружными стѣнами—5.564.067 тал.; для зданій типа клѣточныхъ построекъ—36.629.468 тал. „Statistisches Jahrbuch“ etc. I (1863), S. 143—149.

¹⁾ O. Bhr, a. a. O. S. 30.

²⁾ На промышленной выставкѣ въ Фрейбургѣ въ 1842 г. одинъ мастеръ отличился особенно прекрасными образцами паркета: U. VIII, 238. Въ Берлинѣ еще въ 40-хъ годахъ паркетное производство входило какъ часть въ столярное ремесло: U. IV, 339.

³⁾ Срв. U. II, 58.

⁴⁾ U. II, 120/31 (Лейпциг); IV, 85 f. (Бреславль). Предварительная переработка желѣза въ полосовое желѣзо, листы и проволоку уже на исходѣ среднихъ вѣковъ ускользаетъ изъ рукъ слесаря.

работу на мѣстѣ постройки. Первую можно отложить на тѣ части года, когда собственно строительная дѣятельность останавливается. Изготовление и установка кровельныхъ желобовъ изъ цинка, мѣди или оцинкованного желѣза, сточныхъ и печныхъ трубъ, обивка желѣзомъ крышъ и печныхъ трубъ, накладываніе цинка на углы крышъ, если послѣднія вообще не покрыты цинкомъ, отдѣлка крышъ и карнизовъ—все это работа для жестяныхъ дѣлъ мастера. Употребленіе при новыхъ постройкахъ оцинкованного желѣза, какъ взамѣнъ шиферной кровли, такъ и для обшивки ея пока не получило значительного распространенія. Точно такъ же лишь съ половины XIX вѣка начинаютъ употреблять оцинкованное желѣзо на производство башенокъ, вышекъ, колоннъ, консолей, листьевъ, фигуръ и т. д. (U. VII, 256, 57).

Участіе стекольщика при работахъ старого стиля было сравнительно незначительно (U. V, 179); напротивъ, гончаръ игралъ тѣмъ большую роль, что на его долю выпадало изготавленіе кафеля и кладка кафельныхъ печей. Комната и кухня, какъ общее правило, отапливались дровами. Комнатная печь топилась дровами, затѣмъ золу выгребали, печная заслонка и находившаяся въ вытяжной трубѣ печная задвижка запирались. Отопленіе каменнымъ углемъ и его спутникъ, желѣзная печь, появились только впослѣдствій. Какъ кафели, такъ и посуду гончаръ изготавливъ у себя въ мастерской на гончарномъ кругу, а потому онъ же устанавливалъ ихъ въ новой постройкѣ. Лишь со второй половины XIX вѣка начинаетъ сильнѣе распространяться фабричное производство печей¹⁾.

IV. Ремесла, производящія предметы утвари²⁾.

Подъ этой рубрикой я намѣренъ коротко охарактеризовать главнымъ образомъ слѣдующіе промыслы: мебельное производство, бочарное, токарное, жестяночное, часовое и переплетное.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мебельное производство въ Германіи половины XIX столѣтія носить уже довольно явные слѣды капиталистического развитія. Уже изъ сороковыхъ годовъ до нашего слуха доносятся жалобы на возрастаніе „закабаленности мастеровъ магазинамъ“³⁾, и ремесленные конгрессы направляютъ свои главныя нападки противъ системы работы на скущика въ столярномъ промыслѣ⁴⁾. Благодаря этой системѣ,

1) U. VI, 252, 253, 340, 359.

2) Не наслыла родового языка, я могу, думается мнѣ, обозначить такъ всѣ отрасли производства, которая не входятъ въ группу производства пищевыхъ продуктовъ, одежды или строительныхъ ремеселъ. Такимъ способомъ можно правильно выразить ихъ отношеніе къ определенному кругу потребностей и избѣжать той ужасной систематики, которая свой критерій классификаціи заимствуетъ наполовину отъ момента цѣли, наполовину отъ материала, перерабатываемаго ремесломъ. Перечень въ родѣ: 1) производство пищевыхъ продуктовъ, 2) производство одежды, 3) строительные промыслы; 4) промыслы, перерабатывающіе дерево и т. д.—такой перечень производить на меня впечатлѣніе, словно я во время быдъ попалъ зубами на песчинку.

3) Hoffmann, „Befugnis“, 396.

4) „Verhandlungen des 1. deutschen Handwerker- und Gewerbekongresses“. Darmstadt (1848), 77. „Protokoll des Schlesischen Handwerkertages“, 13 f. Ср. также F. Dahl, „Über Associationen im Gewerbeleben“ etc. Отдельный оттискъ изъ Rau-Hanssen, „Archiv der pol. Ökon.“ (1848), 3 ff.

доказывалъ уже графъ Бисмарк¹⁾ (тогда онъ былъ еще графомъ) во второй Прусской палатѣ, „эта мебель... упала до такой низкой цѣны... что она становится доступной даже для лицъ малосостоительныхъ“. И рядомъ съ системой работы на скопщика—крупная мебельная фабрика: такъ, на Вѣнской промышленной выставкѣ 1845 г. среди экспонентовъ мы встречаемъ одного художественного столяра изъ Вѣны, у которого работаетъ 20 человѣкъ, мебельную фабрику изъ Праги съ 48 рабочими, паркетную фабрику изъ Плосса съ 70 рабочими, художественное столярное производство изъ Праги съ 40 рабочими, мебельную фабрику изъ Праги же съ 100 рабочими и т. д.²⁾.

Однако и въ этомъ случаѣ не мѣшаетъ сохранять известную осторожность: несмотря на особенно превосходныя работы о столярии промыслѣ въ „Изслѣдованіяхъ союза соціальной политики“, мы, къ сожалѣнію, не въ состояніи дать точную во всѣхъ деталяхъ картину тогдашняго состоянія этого промысла и должны навсегда удовольствоваться лишь болѣе или менѣе общими соображеніями.

Во всякомъ случаѣ съ иѣкоторою увѣренностью можно сказать слѣдующее: по крайней мѣрѣ въ крупныхъ городахъ уже тогда мебельный магазинъ начиналъ играть известную роль; мы думаемъ такъ на основаніи цифръ, касающихся отдѣльныхъ городовъ; доказывается это и тѣмъ фактъ, что въ 40-хъ годахъ во многихъ мѣстахъ у мастеровъ-столяровъ обнаруживается стремленіе воспользоваться товарищеской организацией и сдѣлать общедоступными выгоды, связанные съ магазинами. Однако не слѣдуетъ обманываться на счетъ характера тогдашнихъ мебельныхъ „магазіновъ“. Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что значительная доля ихъ принадлежала зажиточнымъ столярнымъ мастерамъ; слѣдовательно, это были „лавки“ ремесленниковъ-столяровъ, соответствующія типу открытыхъ лавокъ другихъ ремесленниковъ. Затѣмъ и по характеру того, что въ нихъ имѣлось, они представляли собой нѣчто совершенно иное, чѣмъ, напримѣръ, современный мебельный магазинъ въ большомъ городѣ. Сюда поступала немногочисленная мебель, изготовленная про запасъ или почему-либо оставшаяся у ремесленника; но, конечно, здѣсь не было полныхъ обстановокъ, какъ въ современныхъ мебельныхъ магазинахъ. Не слѣдуетъ забывать, что лишь на Вѣнской всемирной выставкѣ 1873 г. быть сдѣланъ починъ напередъ составлять полную обстановку комнаты. Поэтому выставка отдѣльныхъ предметовъ мебели въ магазинѣ, конечно, еще не исключаетъ того, что собственникъ магазина въ томъ же домѣ или гдѣ-либо въ боковой улицѣ имѣлъ свою мастерскую, въ которой наибольшая часть работы была ремесленной работой на заказчиковъ. Я рѣшительно склоняюсь къ тому мнѣнію, что послѣдній видъ работы, въ особенности въ маленькихъ городахъ, куда, несомнѣнно, доходило поразительно мало готовой мебели, въ 40-хъ годахъ игралъ наибольшую роль въ

1) Рѣчи отъ 18 и 19 февр. 1849 г.: „Furst Bismarck als Redner“. Coll. Speerapp, 1, 93.

2) „Bericht über die 3 allgemeine österreichische Gewerbeausstellung in Wien 1845“; (1846), 2, 750—763. Я привожу эти примѣры изъ Австріи потому, что въ экономическомъ отношеніи Австрія, несомнѣнно, стоитъ еще ниже, чѣмъ Германія.

дѣятельности мебельщиковъ-столяровъ. Но этимъ мы вовсе не отрицаємъ, что далеко зашедшій процессъ диференціаціи провелъ уже рѣзкую грань между обезпеченнymъ столярнымъ мастеромъ, владѣльцемъ магазина, съ одной стороны, и полупролетаризированнымъ одиночкой-рабочимъ—съ другой.

Что техника мебельного промысла еще носила совершенно ремесленный характеръ; что машина еще не находила примѣненія; что специализація находилась еще на первыхъ ступеняхъ развитія,—это никѣмъ не оспаривается (U. IV, 338). И въ данномъ случаѣ дерево получается тѣмъ же способомъ, какъ это имѣло мѣсто у столяра, работающаго на постройкахъ.

Форма мебели была до поразительного безвкусна; сороковые годы—это то время, когда наши родители обзаводились своей ужасающей обстановкой. За исключеніемъ нѣкоторыхъ оазисовъ вкуса—такъ, кажется, Майнцъ остался вѣренъ своимъ старымъ традиціямъ и въ теченіе этого позорно трезваго времени¹⁾—во всѣхъ нѣмецкихъ столярныхъ мастерскихъ того времени господствовало полное запустѣніе. Слишкомъ хорошо известно, что рисунки мебели, сдѣланные Шинкелемъ и вызвавшие такой большой шумъ, на практикѣ не имѣли никакого влиянія²⁾. Правда, авторъ отчета о всеобщей нѣмецкой промышленной выставкѣ 1844 г. въ Берлинѣ, утверждая противоположное, говоритъ, что „благодаря стараніямъ бессмертнаго Шинкеля столярное ремесло въ отношеніи вкуса поднялось на необыкновенную высоту“³⁾; но этимъ доказывается лишь свое незнакомство съ фактическимъ положеніемъ вещей. То же надо сказать и о его коллегѣ Нейкrautѣ, который увѣрялъ⁴⁾, будто нѣмецкій мебельный промыселъ въ послѣднія десятилѣтія „также и относительно формъ поднялся на такую необыкновенную высоту, что въ отдѣльныхъ случаяхъ нельзя даже представить себѣ болѣе высокую степень совершенства!“ Невозможно найти лучшаго доказательства для печального состоянія тогдашняго „художественного мебельного промысла“ въ Германіи, какъ тотъ смѣшной фактъ, что на упомянутой выставкѣ среди предметовъ роскоши находилось, напр., кресло съ музыкой (!?)⁵⁾.

Бондарный промыселъ, изготавляющій деревянную посуду, въ южной Германіи распадается на производство бочекъ и оборудование погребовъ (Küferei) и производство посуды изъ мягкаго дерева (Küblerei); въ половинѣ XIX столѣтія онъ стоялъ еще въ зенитѣ своего развитія и давалъ хороший заработокъ многочисленнымъ ремесленникамъ. Его расцвѣть вполнѣ соответствовала тогдашнему состоянію Германіи, съ ея богатствомъ деревомъ

¹⁾ U. III, 297 f. Однако, относительно Майнца категорически констатируется, что до начала 40-хъ годовъ работа производилась исключительно на мѣстный рынокъ: a. a. O. S. 298. ~

²⁾ Ср., напримѣръ, B. E. Groth, „Das Kunstgewerbe als Nährquelle für das Handwerk“, „Kunstgewerbeblatt“, VI (1895), S. 151: „Поразительно, что толчокъ, данный Шинкелемъ, остался тогда безъ влиянія на развитіе цѣмѣцкаго ремесла“. Замѣчу лишь мимоходомъ, что и самые рисунки образцовъ Шинкеля не могутъ удовлетворить развитого вкуса.

³⁾ „Amtlicher Bericht“, 3 (1846), 93, относительно всеоб. нѣмецкой промышленной выставки въ Берлинѣ въ 1844 г.

⁴⁾ Въ его „Ausf\u00fchlicher Bericht \u00fcber die allgemeine Gewerbeausstellung“, S. 537 f.

⁵⁾ „Amtl. Bericht“, 3, 95. Ср. впрочемъ въ этомъ труѣ томъ II, глава пятиадцатая.

и съ ея деревянными нравами. Деревянная посуда была въ употреблении повсемѣстно.

Въ домашнемъ обиходѣ употреблялись: деревянные ванны для купанья, корыта для стирки, кружки для пива и молока, деревянные ведра, боченки для солонины и пива и т. п.; въ промышленности и въ торговлѣ: различного рода чаны на винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводахъ и на многихъ другихъ фабрикахъ, деревянные корыта для пойла скота, боченки для масла, миски для молока; наконецъ, очень много деревянной посуды употреблялось для транспорта. Сколько такого рода издѣлій требовалось для быстро росшихъ въ то время винокуренныхъ и сахарныхъ заводовъ! И этому громадному спросу должно было удовлетворять еще почти исключительно старинное ремесло. Въ „Statistische Übersichten für das Königreich Preussen im Jahre 1849“ еще ни словомъ не упоминается фабричное бочарное производство ¹⁾. Тѣмъ не менѣе внѣшняя торговля бочарными издѣліями уже въ то время даетъ довольно крупныя цифры. Въ 1846 году внѣшняя торговля Таможенного союза выражается въ слѣдующихъ цифрахъ ²⁾:

	Ввозъ.	Вывозъ.
Грубая бондарная издѣлія	5.443 цнтн.	5.455 цнтн.
Грубая, сырья, некрашенная бондарная, токарная и столярная издѣлія . . .	27.526 "	28.273 "

Во всякомъ случаѣ это не такія количества, чтобы причинить значительный ущербъ туземному бондарному ремеслу.

Токарное ремесло въ половинѣ XIX столѣтія уже утратило нѣкоторую часть прежней сферы своего производства. Однако, какъ цѣлое, оно стоитъ еще твердо: мастеру-токарю мало еще приходится задумываться надъ тѣмъ, какъ обеспечить успешный ходъ своего дѣла. Спросъ на прядильное колесо все еще остается значительнымъ; изготовление трубокъ и палокъ тоже даетъ недурной заработка. Конкурентѣ могли бы угрожать только ввозимые извѣтѣ токарные издѣлія; но, какъ видно изъ только что приведенныхъ цифръ, количество ихъ незначительно; о фабричномъ же производствѣ токарныхъ издѣлій и помину еще неѣть въ Германіи конца 40-хъ годовъ.

То же самое слѣдуетъ сказать о жестяничномъ ремеслѣ, съ которымъ мы познакомились выше, когда говорили о строительныхъ производствахъ. Центромъ дѣятельности жестяниковъ былъ строительный промыселъ (U. II, 139); тѣмъ не менѣе и производство предметовъ утвари въ половинѣ прошлаго вѣка было все же довольно значительно. Свинцовые табакерки, клѣтки для птицъ, различная хозяйственная утварь, фонари и лампы были важнѣшими предметами его производства. Изготавлялось все это почти исключительно жестяникомъ-ремесленникомъ. Размѣръ ввоза незначителенъ. Въ 1846 г. черезъ границы Таможенного союза было ввезено ³⁾:

1) Ср., напр., die Übersicht въ Hubners Jahrbuch, 1852, S. 54 f.

2) Dieterici, „Übersicht“, 417.

3) Dieterici, a. a. O. S. 448 ff.

Тонкихъ свинцовыхъ издѣлій, какъ игрушки и т. п.	8 цнт.
Тонкихъ, а также лакированныхъ цинковыхъ издѣлій	40 "
Тонкихъ, а также лакированныхъ издѣлій изъ олова	35 "

Изготовление лампъ съ возрастаниемъ усовершенствованій въ области освѣщенія доставляло ремесленнику особенно хорошие заработки. Въ Берлинѣ, этомъ главномъ центрѣ современной ламповой индустріи, въ 1849 г. существовала только одна „ламповая фабрика“ съ 9 рабочими (U. VII, 252).

Часовыхъ дѣлъ мастерство уже въ половинѣ XIX вѣка испытывало крупный переворотъ: изготавление новыхъ часовъ, между прочимъ и башенныхъ, переходитъ къ капиталистической промышленности ¹⁾). Но кое-гдѣ можно замѣтить иѣкоторые остатки и ремесленного производства. Такъ, относительно Лейпцига намъ известно, что здѣсь еще въ началѣ 40-хъ годовъ одинъ часовщикъ дѣлалъ по заказу комнатные часы, а другой такие часы дѣлалъ даже про запасъ, для продажи на ярмаркѣ (U. V, 68). Фабрикація карманныхъ часовъ давно уже перешла къ шварцвальдскимъ и швейцарскимъ кустарямъ и на англійскія фабрики. Однако кругъ дѣятельности тогданшаго часовщика былъ все же шире, нежели у нынѣшняго: репассажъ часовъ обозначалъ тогда нечто совершенно иное, чѣмъ въ настоящее время. Эта операциѣ скорѣе походила на теперешній финишажъ: отдѣльныя, особо изготавляемыя части часовъ нуждались въ серьезнѣйшей отдѣлкѣ, чтобы ихъ можно было употребить въ дѣло. Но починка часовъ точно такъ же доставляла много работы, потому что отдѣльные части не продавались въ готовомъ видѣ въ фурнитурныхъ магазинахъ: изготавливать ихъ приходилось самому часовщику (U. V, 70).

Наконецъ, переплетное дѣло, о которомъ мы должны упомянуть здѣсь, какъ о послѣднемъ изъ группы ремесль, изготавляющихъ предметы утвари, въ описанное время находилось еще вполнѣ въ состояніи ремесленного цѣломудрія.

Символомъ переплетного ремесла, общимъ для всѣхъ его отраслей, является горшокъ съ клейстеромъ: все что можно kleить — это сфера его дѣятельности. Поэтому, помимо собственно переплетного дѣла, переплетчикъ первоначально занимался изготавленіемъ картонокъ, картоновъ, футляровъ, бумажныхъ свертковъ ²⁾ и т. д.

Желаннымъ восполненіемъ работы для переплетчика, которому постоянно угрожала опасность остаться и безъ работы и безъ достаточныхъ средствъ къ существованію, служили также иѣкоторыя операциї по выдѣлкѣ бумаги. „Старшее изъ живущихъ нынѣ поколѣній еще помнить то время, когда тряпичникъ доставлялъ собранное имъ тряпье на бумажную фабрику, расположенную

1) U. I, 68 f.; IX, 433.

2) Первоначально такіе свертки обыкновенно изготавливались мальчиками, служившими при колоніальныхъ магазинахъ. И было уже признакомъ возрастанія торговыхъ оборотовъ, если эту операцию начинали выполнять вѣнѣ магазина, если она переходила въ руки переплетчика. Лишь съ конца 50-хъ годовъ начинается въ обширныхъ размѣрахъ фабрічное изготавленіе бумажныхъ свертковъ. Относительно округа гальберштадтской торговой камеры см. „Festschrift zur Feier ihres 25-jährigen Bestehens“ (1873—1898), S. 91.

женную на ближайшей рѣчкѣ; здѣсь тряпье превращалось въ жидкую массу, изъ которой изготавлялся затѣмъ грубый, пористый сортъ бумаги. Лишь подъ искусными руками переплетчика послѣдняя становилась пригодной для переплетного дѣла. Онъ мочилъ ее въ kleевой водѣ или въ отварѣ изъ телячьихъ ножекъ, сушилъ ее и затѣмъ при помощи костяной гладилки придавалъ осѣвшему слою связывающаго вещества гладкость и лоскъ. Введеніемъ красящихъ веществъ въ жидкость онъ придавалъ ту или иную окраску бумагѣ. Для того, чтобы наложить на бумагу краску, употреблялась кисточка, или же два свѣже-окрашенные листа складывались лицевой стороной, на которую уже была наложена краска, и затѣмъ медленно разъединялись¹⁾.

Всѣ эти операций, или по крайней мѣрѣ значительная доля ихъ, до половины XIX вѣка оставались въ рукахъ переплетчика²⁾. Лишь впослѣдствіи начинается переворотъ, и прежде всего, въ техникѣ переплетного дѣла: съ половины 40-хъ годовъ вводится въ употребленіе коленкоръ, а вмѣстѣ съ нимъ и многочисленныя машины: машина для обрѣзки, ножницы для обрѣзыванія картона и прессъ для позолоты, позднѣе — машины для брошировки и для лакированія и т. д.

Теперь мы можемъ закончить скучное изображеніе частностей. Мы не могли избѣжать ихъ, разъ мы хотѣли дать читателю достаточно ясную картину докапиталистической промышленности наканунѣ ея переворота. Это детальное изложеніе служить вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы дополненіемъ къ тому, что говорится въ четвертой, пятой и шестой главахъ этого тома, въ которыхъ въ общихъ чертахъ мы изобразили сущность ремесленной организаціи. Пусть теперь читатель еще разъ припомнить какъ можно отчетливѣе содержаніе перечисленныхъ главъ; пусть припомнить ихъ при чтеніи слѣдующей главы, въ которой я намѣренъ немногими штрихами охарактеризовать общественную структуру въ концѣ ранн资料ого капиталистического периода, поскольку она сложилась подъ влияніемъ строя тогдашняго производства, въ особенности подъ влияніемъ строя промышленного производства.

1) Elisabeth Gnauck-Kuhne, „Die Lage der Arbeiterinnen in der Berliner Papierwarenindustrie“, въ „Schmolliers Jahrbuch“, XX, (1896), S. 374/75.

2) Нѣкоторыя части обработки картона уже перешли въ другія руки. Такъ, въ пе-речѣ прусскихъ фабрикъ за 1849 г. мы находимъ 39 „картонажныхъ“ фабрикъ, фабрикъ для производства портфелей, визитныхъ карточекъ, разноцвѣтной бумаги, золоченаго бор-дюра, золоченаго багета, картинъ, образцовъ для вышивокъ и вязанья“; этими работами занято на фабрикахъ 828 рабочихъ. Однако это вторженіе въ старинное переплетное ре-месло не имѣло серьезнаго значенія: многія изъ перечисленныхъ здѣсь отраслей производ-ства вообще никогда не входили въ кругъ переплетного ремесла.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Общественная структура.

Цѣль слѣдующихъ данныхъ заключается прежде всего въ томъ, чтобы дать числовое выраженіе той картины народно-хозяйственной жизни, которую мы постарались набросать въ двухъ предыдущихъ главахъ. Самое непосредственное отношеніе къ предыдущему имѣть тѣ данные, которыя характеризуютъ собой профессіональную группировку народонаселенія. Само собой разумѣется, преобладаетъ земледѣльческое населеніе. По переписи, предпринятой въ концѣ 1843 г., группировка населенія въ Пруссіи была такова¹⁾.

	% ₀ всего народонаселенія.
Собственно земледѣльческое населеніе	9.413.022—9.490.381 = 60,84—61,34
Населеніе, занятое обработкой сырья, т.-е. собственно промышленное на- селеніе	3.614.370 = 23,37
Торговое населеніе	149.421 = 0,97
Населеніе, занятое въ перевозочной про- мышленности	60.655 = 0,39
Гостиницы и торговля напитками и пр.	90.604 = 0,59
Чиновники, военные, рантье, не имѣю- щіе занятій	— = 4,5—5

Промышленное населеніе, въ свою очередь, распредѣлялось по главнымъ рубрикамъ такимъ образомъ:

Механические рабочіе („художники“) и ре- мѣшники	2.040.566 = 13,19% ₀ всего населенія.
Ткацкое дѣло	505.161 = 3,27 "
Горнозаводская промышленность	262.443 = 1,69 "
Мельницы разнаго рода	237.177 = 1,53 "
Пивоваренное и винокуренное производство.	179.443 = 1,16 "
Машинопрѣдѣніе	58.356 = 0,38 "
Остальная фабрики	331.224 = 2,15 "

Всего, какъ и выше, 3.614.370 = 23,37%₀ всего населенія.

¹⁾ Составлено F. v. Redenомъ, „Vergleichende Kulturstatistik“ etc., 1848, S. 412 ff.

Такой же характеръ — только въ еще болѣе отсталомъ видѣ — представляетъ и группировка населенія въ Баварскомъ королевствѣ того времени¹⁾. Здѣсь изъ каждыхъ 100 лицъ населенія въ 1840 г. приходилось на:

Сельское и лѣсное хозяйство	65,7
Промышленныя и торговая профессіи	25,7
Высшіе чиновники, художники, ученые, рантье	5,4
Военное сословіе	1,4
Зарегистрированные пауперы	1,8
	100,0

Чтобы по достоинству оцѣнить то значеніе, какое имѣютъ эти цифры для характеристики общественного состоянія Германіи въ концѣ ранией капиталистической стадіи ея развитія, необходимо прежде всего уяснить себѣ тотъ духъ, который царить въ отдельныхъ профессиональныхъ слояхъ и въ соответствующихъ соціальныхъ классахъ. Мы придемъ тогда къ слѣдующимъ результатамъ.

Внутри ремесла все еще царить чисто ремесленный духъ. Правда, процессъ диференціаціи между состоятельными крупными мастерами, обладателями „почестей“ и „привилегій“, членами цеховъ, по большей части закрытыхъ, съ одной стороны, и бѣдными мастерами-одиночками, съ другой, сдѣлалъ новые шаги впередъ. Однако это — лишь количественная различія, а не классовая противоположность. Этихъ послѣднихъ еще не замѣти и во взаимныхъ отношеніяхъ мастера и подмастерья; они въ сущности чувствуютъ себя еще членами одной и той же профессіи; у нихъ попрежнему сохраняется общность труда, а въ большинствѣ случаевъ и общность всей жизни. Мастерь и подмастерье попрежнему оставались техническими промышленными рабочими, познанія и стремленія ихъ по существу были тождественны. Правда, указывалось на движение подмастерьевъ въ 1848 г., какъ на доказательство классового антагонизма между подмастерьями и мастерами. Но это, по моему мнѣнію, совершенно неправильно. Оппозиція и жалобы подмастерьевъ отнюдь не могутъ служить доказательствомъ, что старинныя отношенія группировки и общности канули въ вѣчность. Иначе пришлось бы признать, что они исчезли уже нѣсколькими столѣтіями раньше. Если повнимательнѣе присмотрѣться къ движению подмастерьевъ въ годы революціи 1848 года, мы убѣдимся въ полной ремесленности ихъ стремленій, если можно такъ выражаться. Такъ, намъ извѣстно, что они начинаютъ выступать самостоительно лишь послѣ того, какъ ихъ попытка ити въ движениі сообща съ мастерами потерпѣла крушеніе. Но то, чего они потомъ добиваются сами, — это въ сущности не что иное, какъ преуспѣяніе ремесла и улучшеніе ихъ положенія въ немъ. Они чувствуютъ себя еще исключительно членами ремесла и сами борются за его существованіе. Въ другомъ мѣстѣ я уже указывалъ, что нѣ-

1) F. B. W. von Hermann, „Über die Gliederung der Bevölkerung des Königreichs Bayern“, 1855, S. 14. Аналогичныя англійскія цифры въ первую половину XVIII вѣка ср. Тойя и др., стр. 37 (англ. изд.); а также J. Goldstein, „Berufsgliederung“, I, 44 f.

мечкое движение 1848 года въ своемъ скрытомъ теченіи характеризуется именно господствомъ духа ремесленныхъ подмастерьевъ. При незначительномъ развитіи пролетаріата это было вполнѣ естественно.

Къ сожалѣнію, невозможно опредѣлить, до какой степени характерная для ремесла общность труда находила себѣ вѣщнее выраженіе въ такой формѣ, какъ принадлежность подмастерья къ домохозяйству мастера. По крайней мѣрѣ общія статистическая свѣдѣнія объ этомъ у меня имѣются лишь для 60-хъ годовъ. Однако я думаю, что въ 40-с годы еще очень широко практиковалась совмѣстная жизнь подмастерья съ семьей мастера, а ученикъ всегда жилъ въ семье хозяина. Такъ заставляютъ думать очень многіе остатки такого обычая, сохранившіеся до настоящаго времени,— въ другой связи я еще возвращусь къ этому пункту; то же самое, кажется мнѣ, вытекаетъ изъ надлежащей оцѣнки прямыхъ сообщеній, относящихся къ описываемой эпохѣ. Совѣтникъ губернскаго правленія Мюльманъ въ половинѣ 60-хъ годовъ, правда, жалуется на то¹⁾, что въ Рейнской провинціи „почти повсюду исчезъ старый патріархальный обычай относить подмастерьевъ къ числу домочадцевъ“. Но не слѣдуетъ забывать, что онъ пишетъ „двадцать лѣтъ спустя послѣ годовъ революціоннаго развитія, и пишетъ о наиболѣе передовомъ промышленномъ нѣмецкомъ округѣ. Поэтому весьма вѣроятно, что однімъ поколѣніемъ раньше даже здѣсь, а въ менѣе развитыхъ частяхъ Германіи даже въ 60-е годы, „старый патріархальный обычай“ еще сохранилъ свою силу. Развѣ иначе Мюльманъ сталъ бы такъ сильно печаловаться объ его исчезновеніи? Его коллега, Якоби, еще въ половинѣ 50-хъ годовъ безъ всякихъ ограниченій пишетъ объ округѣ Аризбергѣ: „Жилище и довольствіе подмастерья обыкновенно... получаютъ отъ мастера; исключеніе составляютъ для нѣкоторыхъ мѣстностей главнымъ образомъ подмастерья строительного промысла... Въ деревнѣ, а также у фабричныхъ кузнецовъ въ округахъ Гагенъ и Алтена подмастерье обыкновенно ианимается къ мастеру наподобіе сельскохозяйственныхъ рабочихъ за годовую плату, и название оно получаетъ характерное, въ прежнее время общеупотребительное для подмастерьевъ: „Knecht“ (слуга)²⁾.

Итакъ, мы думаемъ, что въ 40-хъ годахъ мастеръ и его подмастерье, какъ общее правило, были членами одного и того же домохозяйства, по крайней мѣрѣ во всѣхъ среднихъ и небольшихъ городахъ. Къ тому же заключенію приводятъ меня и нѣкоторыя цифровыя данныя, касающіяся столярнаго промысла въ Берлинѣ. Здѣсь изъ подмастерьевъ и учениковъ у мастера жило: въ 1867 г.—12,9%; въ 1871—7,3% (U. IV, 347). Если предположить, что процентъ не менѣе быстро понижался и въ предыдущее время, то для 40-хъ годовъ мы получали бы 40%, живущихъ въ домѣ мастера. И это въ одномъ изъ тѣхъ промысловъ, въ которыхъ процессъ разложенія зашелъ дальше всего,—притомъ въ Берлинѣ, въ самомъ большомъ городѣ! Мои взгляды находятъ себѣ подтвержденіе и въ тѣхъ сообщеніяхъ,

1) „Statistik des Reg.-Bez. Düsseldorf“, II, 2, 491—93.

2) L. H. W. Jacoby, „Das Berg-, Hütte und Gewerbeleben des Reg.-Bez. Arnsberg“, 1856, S. 539.

которая дѣлаеть Шиеръ въ своей извѣстной книжѣ о положеніи рабочихъ классовъ въ Бреславль (онъ „пользуется официальными источниками королевскаго полицей-президіума магистрата“). Мы находимъ здѣсь одну сводную таблицу ¹⁾), въ которой точно описывается родъ вознагражденія подмастерьевъ въ различныхъ ремеслахъ. Шиеръ различаетъ двѣ категоріи: „работа за повременную плату“ и „работка за поурочную, или сдѣльную, плату“. Послѣднюю мы встрѣчаемъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности; первая—тоже во всѣхъ, за исключеніемъ производства обуви и мужскаго платья. Невозможно рѣшить, не зависить ли отсутствіе повременной платы въ этихъ двухъ про-мыслахъ просто отъ неполноты таблицы. Изъ данныхъ о вознагражденіи подмастерьевъ видно, что при повременной платѣ подмастерье всегда живеть и продовольствуется у мастера; при сдѣльной платѣ это также составляеть общее правило. Недѣльные заработка и въ томъ и въ другомъ случаѣ почти всегда совпадаютъ, и лишь у ювелировъ, кожевниковъ и столяровъ проводится рѣшительное различие между заработкомъ безъ довольствія и заработкомъ съ довольствіемъ. Изъ этой таблицы я выношу впечатлѣніе, что при-надлежность подмастерьевъ къ дому мастера все еще сохраняется, хотя и становится менѣе распространеннымъ явленіемъ. Этотъ взглядъ находить себѣ подтвержденіе и въ томъ разговорѣ, который, по сообщенію Шиера, ему пришлось имѣть съ однимъ старымъ подмастеремъ ²⁾.

Вопросъ. Многіе ли изъ васъ дѣлаютъ сбереженій?

Отвѣтъ. Порядокъ и бережливость довольно-таки общее явленіе среди подмастерьевъ моего ремесла ³⁾; я знаю много примѣровъ, когда подмастерья, не имѣвшіе ни копейки за душой, сумѣли за время, пока были подмастерьями, скопить себѣ столько, что этого сбереженія хватило имъ, чтобы стать само-стоятельными мастерами.

Вопросъ. Чему припишете вы эту сравнительно большую любовь къ порядку среди подмастерьевъ вашего ремесла?

Отвѣтъ. Это зависитъ въ особенности отъ того, что жизнь въ домѣ мастера развивается въ нихъ моральную стойкость; здѣсь они находятся подъ зоркимъ глазомъ, чего лишены бываются подмастерья, по большей части молодежь, въ другихъ ремеслахъ, если они не живутъ въ домѣ мастера.

Вопросъ. Какъ вы думаете: получаются ли эти выгоды больше бла-годаря семейному характеру взаимныхъ отношеній или же благодаря стро-гой дисциплинѣ; отъ того ли, что подмастерье не чувствуетъ потребности выходить изъ дома или же отъ того, что все его удовольствія, а въ особен-ности ихъ продолжительность, находятся подъ контролемъ?

Отвѣтъ. Я склоненъ приписывать такие результаты больше строгому надзору и дисциплинѣ, ибо нигдѣ нѣть тѣснѣхъ семейныхъ отношеній между подмастеремъ и членами семьи мастера; и если даже подмастерье обѣдаетъ

1) Alexander Schneeg, „Über die Zustände der arbeitenden Klassen in Breslau“, 1845, S. 22.

2) A. Schneeg, a. a. O. S. 23.

3) По некоторымъ даннымъ о доходѣ и т. д. видно, что рѣчь идетъ о подмастерья скориачнаго ремесла.

за однимъ столомъ съ мастеромъ, то въ остальныхъ отношеніяхъ онъ все же остается чуждымъ ему и его семье.

Таковы отношенія, существовавшія въ городѣ, имѣвшемъ тогда около 100,000 жителей.

Поразительно яркій свѣтъ на интересующія насъ явленія бросаютъ пренія на учредительномъ конгрессѣ ремесленниковъ провинціи Силезіи, который засѣдалъ 19 и 20 июня 1848 г. въ Бреславль. Съѣхалось на него нѣсколько сотъ представителей всѣхъ ремесль изъ всѣхъ частей Силезіи. Въ обсуждавшемся здесь уставѣ проектированного „большого промышленного товарищества всѣхъ ремесль“ § 16 гласилъ между прочимъ слѣдующее ¹⁾:

„Мастеръ обязанъ содержать своихъ подмастерьевъ въ своемъ домѣ и продовольствовать ихъ за собственнымъ столомъ; поэтому не могутъ быть терпими женатые подмастерья... Кто посыаетъ своихъ подмастерьевъ ночевать въ иочлежныя мѣста, тотъ долженъ подвергаться болѣе высокому обложению“. По поводу этого параграфа возникли слѣдующія поучительныя пренія ²⁾. Представитель изъ Бреславля замѣчаетъ, что для мастеровъ-каменищиковъ и плотниковъ невозможно содержать своихъ подмастерьевъ въ своемъ домѣ и продовольствовать ихъ за собственнымъ столомъ, „такъ какъ (!) подмастерья могутъ работать только часть года, и число подмастерьевъ, которыхъ занимаетъ мастеръ, уже слишкомъ зависитъ отъ случая. Кроме того, въ обоихъ этихъ промыслахъ съ незапамятныхъ временъ ведется обычай, что подмастерья женятся и продовольствуются сами“. Такимъ образомъ здесь мы имѣемъ дѣло съ отмѣченными выше исключительными положеніемъ строительныхъ ремесленниковъ; если оставить ихъ въ сторонѣ, дѣсъ остальные ремесленники состоятъ, повидимому, однородную массу. Поэтому параграфъ 16-й былъ принятъ съ той поправкой, что мастерамъ-каменищикамъ и плотникамъ дозволяется содержать своихъ людей внѣ своего дома, и что заключительный пунктъ о болѣе высокомъ обложеніи долженъ быть вычеркнутъ. Предложеніе изъять изъ-подъ дѣйствія этого параграфа и маларовъ, „которые въ течение всей зимы также остаются совсѣмъ безъ работы“, было отклонено, послѣ того какъ фабричный комиссарь Гофманъ еще разъ отмѣтилъ, насколько важно для ремесла сохранить старыя патріархальныя отношенія между мастеромъ и подмастерьемъ.

Какъ глубоко коренился этотъ старый обычай въ нѣмецкомъ ремесль того времени—объ этомъ свидѣтельствуетъ, наконецъ, и тотъ фактъ, что другой представитель, также изъ Бреславля, эмфатически заявилъ, не встрѣчая никакого противорѣчія: волесники вотъ уже 400 лѣтъ твердо сохраняютъ правило не терпѣть ни одного женатаго подмастерья; всѣ довольствуются и ночуютъ въ домѣ мастера. Этотъ обычай оказывалъ всегда благотворное вліяніе на образъ жизни подмастерьевъ; послѣдніе сами блодутъ за его выполнениемъ даже строже самихъ мастеровъ: они тотчасъ же лишаютъ подмастерья всякой поддержки, лишь только онъ обнаружитъ намѣреніе жениться.

1) Ср. „Protokoll des ersten Konstituierenden Handwerkertages der Provinz Schlesien“ (1848), S. 7.

2) A. a. O. S. 12 f.

Подумайте только: такой порядокъ вещей существовалъ въ колесномъ ремеслѣ Бреславля еще въ концѣ 40-хъ годовъ¹⁾.

Но особенно характернымъ для той экономической эпохи, социальную структуру которой мы теперь изучаемъ, является тотъ фактъ, что ремесленный духъ царить не только въ самомъ ремеслѣ: онъ еще не совсѣмъ исчезъ и изъ тѣхъ сферъ, где уже вдворился капитализмъ. Объ этомъ можно судить прежде всего по соціальному положенію промышленныхъ наемныхъ рабочихъ тогдашняго времени. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ тѣсно эти рабочіе были связаны съ земледѣлемъ. Здѣсь же настѣнко интересуетъ лишь тотъ фактъ, что самыя условія труда сплошь еще покрыты скорлупой ремесленной организації.

Всюду: при производствѣ бумаги и жалѣза, кожи и тканей—мы встрѣчаемъ, какъ и въ прежнее время, „мастера“ съ его „подмастерьями“; послѣдніе иногда такъ и называются „слугами“²⁾. Вознагражденіе натураой и долгосрочный контрактъ представляютъ далеко не рѣдкое явленіе; въ особенности часто встрѣчается оно въ горнй промышленности, которая вообще очень упорно хранить старыя формы. Здѣсь рабочіе группируются въ цеховыхъ организаціяхъ, братства и т. п.

Общимъ выраженіемъ этого наполовину ремесленного, наполовину капиталистического строя труда, является почти цѣлое отсутствіе пролетарскаго классового сознанія. Даже въ сферѣ капитализма расчлененіе промышленного населенія по существу вертикальное, а не горизонтальное: сословная часть отдѣльныхъ профессій даже въ капиталистической индустрии связывается совершенно патріархальными узами предпринимателя и рабочаго; въ виду этого горизонтальное расчлененіе на предпринимателей и пролетаріевъ отступаетъ на задній планъ. Наиболѣе ярко отмѣченное явленіе обнаруживается, можетъ быть, въ образѣ мыслей горныхъ рабочихъ. Стоитъ прочесть характеристики горнорабочихъ, данныхъ П. Мишелеромъ. Онъ говоритъ: „все, что носить имя горнозаводскаго обитателя, будеть ли это горнорабочій, или управляющій рудниками, или правительственный чиновникъ,—все это подъ однимъ и тѣмъ же угломъ зрѣнія смотрить на бургесскую жизнь и на всѣ соціальные отношенія; въ себѣ же самихъ они видятъ

1) Привожу еще нѣкоторыя другія указанія, которыхъ категорически доказываютъ принадлежность подмастерьевъ къ домохозяйству мастера для того времени: Reuter, „Verhltnisse und Lage der handarbeitenden Volkssklassen in den deutschen Gegenden des mittleren Rhein- und unteren Main- und Neckargebiets“ („Zeitschr. des Vereins fr deutsche Statistik“. I, 366/67). A. Flotz, „Arbeitslhne u. Lebensmittelpreise... in Altone“ (тамъ же, стр. 900 f.). Здѣсь въ числѣ не живущихъ у мастера поименованы: портные, „нѣкоторые башмачники“, столяры, „нѣкоторые кузнецы“ (S. 901). von Reden, „Die Verhltnisse der handarbeitenden Bevlkerung im Fst. Hohenzollern-Sigmaringen etc.“ (тамъ же, стр. 637). Относительно Франкфурта-на-Майнѣ см. Paul Kappfmeuer, „Vom Frankfurter Zunftgesellen zum klassenbewussten Arbeiter“ (Arbeiter-Sekretariat Frankfurt-a.-M. Erster Jahresbericht fr 1899). Это—очень поучительная работа, заключающая въ себѣ переработку богатаго материала; она представляетъ собой вообще одно изъ лучшихъ изображеній положенія рабочихъ и подмастерьевъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

2) [„Knecht“, соотвѣтствуетъ англійскому „servant“—„слуга“. Любопытно, что и въ Англіи это название—и соотвѣтствующія нормы права—переносилось на промышленныхъ рабочихъ. См. исследованіе С. и Б. Веббъ по истории англійскихъ тредъ-юніоновъ].

одно сословіе¹⁾). „Общая опасность, общая радость, когда случай пошлетъ счастливый забой; общая надежда и ожиданіе давно желанного успѣха,—все это, одинаково раздѣляемое и стоящими высоко и стоящими низко, создаетъ въ представителяхъ горнаго дѣла особую психику; она-то какъ разъ и порождаетъ горнодѣльское сословіе и его своеобразную жизнь“,—такъ говорить другой знатокъ тогдашнихъ отношеній²⁾.

Если рабочіе начинаютъ бунтовать, если даже бунтъ не сводится къ протесту противъ машины или къ разгрому фабрикантскихъ салоновъ³⁾), то и въ такихъ случаяхъ съ полною отчетливостью выступаетъ неразвитость ихъ классового сознанія. Тогда они выставляютъ требованія, выдвигаютъ идеалы, которые переносятъ насть въ міръ ремесла. Для иллюстраціи я сошлюсь здѣсь только на характеръ стремленій нѣмецкихъ рабочихъ въ эпоху движенія 1848 года: за исключениемъ немногихъ областей, въ которыхъ уже начинало обнаруживаться вліяніе духа Маркса, стремленія эти носятъ еще вполнѣ характеръ требованій подмастерьевъ — тамъ, где передъ нами выступаютъ фабричные рабочіе, и цеховой характеръ,—гдѣ требованія исходятъ отъ кустарей⁴⁾.

¹⁾ P. Mischler, „Das deutsche Eisenhütten gewerbe“, 2 Bde, 1852, 54. 1,127.

²⁾ Freiesleben, „Darstellung der Grundlagen der Sächsischen Bergwerksverfassung“, S. 270. Цит. у Gustav Schmoller, „Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung“, X. „Die deutsche Bergwerksverfassung von 1400—1600 (Jahrbuch XV, 964—1.029). Здѣсь подробно изображенія носявшія вполнѣ ремесленный характеръ старинныхъ отношеній труда въ нѣмецкомъ горномъ дѣлѣ, правда, главнымъ образомъ въ разработкѣ серебряныхъ рудниковъ. „То, что тогда было заложено, имѣло опредѣляющее значеніе въ теченіе столѣтій, создало сословіе горнозаводскихъ рабочихъ, какъ оно существовало въ Германіи еще 30 лѣтъ тому назадъ“ (I. c., стр. 1.009). Здѣсь же будетъ уместно напомнить, что лишь прусское горное законодательство 1851—65 г. создало въ Пруссіи правовой базисъ для современного (высоко) капиталистического горнаго дѣла. Лишь тогда были уничтожены горные регалии и участіе государства въ долѣ дохода отъ рудниковъ; тогда же уничтожена и бюрократическая опека надъ частными рудниками, и горнопромышленные общества, приблизившись къ акціонернымъ обществамъ, получили форму, необходимую для успѣшнаго развитія дѣла.

³⁾ Возстанія ткачей въ Силезіи въ 40-е годы! „Во многихъ изъ васъ,—говорить Robert Heum, фабрикантъ-машиностроитель изъ Хемница, обращаясь къ нѣмецкимъ рабочимъ,—въ числѣ многихъ другихъ предразсудковъ укоренился главнымъ образомъ одинъ опасный предразсудокъ... Именно нѣкоторые полагаютъ, что они могутъ добить себѣ работу и получить заработокъ, если будетъ устранина та или другая машина. Ситцевопечатники, напримѣръ, желаютъ уничтоженія набивныхъ и прокатныхъ машинъ или по крайней мѣрѣ такого ихъ ограниченія, чтобы на ряду съ ними въ любомъ мѣстѣ можно было бы дать работу наличному количеству печатниковъ; ткачи въ разныхъ мѣстахъ противятся введенію механическаго ткацкаго станка и всѣми силами хотятъ помѣшать его примѣненію; чесальщики требуютъ, чтобы была устранена чесальная машина. Въ Майцѣ тамошніе ручные рабочие даже принудили владѣльцевъ паровыхъ машинъ и машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе лошадьми, пристановить свое производство“. K. Heum, „Maschinen- oder Handarbeit? Ein Wort an den deutschen Arbeiter“, 1848, S. 8.

⁴⁾ Въ высшей степени поучительны для характеристики положенія рабочихъ того времени требованія крефельдскихъ шелко-ткачей, получившихъ частичное удовлетвореніе (27 марта 1848 г.). Того, чего они добиваются, полсотней лѣтъ раньше требовали азглійскіе рабочіе: возстановленія старого цехового строя и старой части мастеровъ и его привилегій. Ср. описание у Thun, „Industrie am Niederhein“, 1, 914 ff.; а относительно аналогичныхъ стремленій въ Англіи, напр., A. Held, „Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands“, 1881.

То же самое слѣдуетъ сказать и о предпринимательскомъ классѣ. Въ домартовской Германии почти совершенно отсутствуетъ настоящій классъ крупныхъ промышленниковъ съ самостоятельной жизнью: фактъ, достаточнымъ доказательствомъ для котораго можетъ служить самый характеръ движенія 1848 года. Революція, которая была начата охваченными буйствомъ лавочниками столицы, которой руководили мелкобуржуазные профессора-красибай, которая уже въ самомъ началѣ была низвергнута штыками феодального королевства,—такая революція мыслима только въ странѣ, въ которой совершенно отсутствуетъ настоящій позвоночный столбъ буржуазныхъ революцій—сознательный классъ промышленныхъ предпринимателей. Масса отдельныхъ признаковъ подтверждаетъ справедливость нашего диагноза. Несомнѣнно, въ Германии были уже очень состоятельные, даже богатые предприниматели буржуазного склада. Но это были главнымъ образомъ торговые люди; поэтому мы встрѣчаемъ ихъ преимущественно въ крупныхъ торговыхъ городахъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы наблюдаемъ собственно промышленниковъ, передъ нами по большей части тотъ типъ скороспѣлого парвено, изъ всѣхъ поръ котораго такъ и кричитъ выскочка, самая жалкая карикатура, какая когда-либо появлялась въ мировой исторіи: еще безъ своей собственной жизни, что-то среднее между пролетаріемъ и патриціемъ и прежде всего нечто гибельно-роковое для эстетического развитія, даже въ сфере промышленного производства,—знаменитое „первое поколѣніе“ промышленныхъ предпринимателей, миновать которыхъ не суждено ни одной странѣ.

Но на ряду съ этимъ все же чисто предпринимательскимъ типомъ повсюду кишитъ разнаго рода полуkapitalistическими фигурами. Передъ нами прежде всего вышедший изъ ремесленниковъ „мелкій фабрикантъ“, мелко-kapitalistический предприниматель, какъ мы называемъ его: подмастеръ-жестяночникъ, основывающій фабрику металлическихъ изделий; суконныхъ дѣлъ мастеръ, который ставилъ одинъ станокъ за другимъ, пока онъ не превратился въ собственника „суконной фабрики“¹⁾),—всъ тѣ двойственные фигуры, которые и въ настоящее время встрѣчаются на каждомъ шагу, но уже не задаютъ главного тона предпринимательской жизни, какъ въ прежнее время. Насколько доминировали они въ 40-хъ годахъ, объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ бѣглый взглядъ, брошенный нами на статистику производства: какъ мы уже могли убѣдиться, незначительность среднихъ размѣровъ производства была характерной чертой для половины XIX столѣтія.

Далѣе, въ некоторыхъ отрасляхъ промышленности передъ нами выступаютъ полу-феодальные землевладѣльцы, которые организовали въ своихъ владѣніяхъ промышленныя предприятия, чтобы лучше использовать получаемые изъ имѣній продукты. Таково, напр., большинство тогдашнихъ собственниковъ рудниковъ и горныхъ заводовъ въ Силезіи²⁾.

1) Ср. Schmoller, „Kleingewerbe“, 580/81. О Берлинѣ: „Въ сущности (?) крупная индустрия выросла изъ ремесла, ибо способные, интеллигентные мастера, прошедшие пре-восходную школу королевского промышленного института, заканчивали свое техническое образование за границей, въ особенности въ Парижѣ, и по возвращеніи на родину открывали фабрики“. О. Wiedfeldt, a. a. O. S. 79.

2) „Поземельный собственникъ является здѣсь собственникомъ желѣзныхъ рудниковъ и ежегодно добываетъ лишь столько, сколько это возможно при тѣхъ запасахъ дровъ,

Наконецъ, мы встрѣчаемъ—опять-таки главнымъ образомъ въ горной промышленности—другія не менѣе своеобразныя гермафродитныя формы: на-половину крестьяне, наполовину собственники доменной печи или горнозаводскаго предприятия, они занимаются своимъ ремесломъ или какъ мелкие производители-одиночки¹⁾, или же соединяются въ товарищества, которыхъ сначала носили чисто ремесленный характеръ и лишь постепенно прониклись капиталистическимъ духомъ. Такія товарищества въ половинѣ прошлаго вѣка, несомнѣнно, были еще господствующей формой хозяйства въ горной промышленности²⁾.

* * *

Итакъ, припомнимъ еще разъ ту картину первыхъ начатковъ капитализма, которая бѣгло набросана выше, когда рѣчь шла у насъ объ исходѣ среднихъ вѣковъ (глава шестнадцатая); припомнимъ немногія указанія этой главы—и мы увидимъ, что все это подтверждаетъ тотъ выводъ, которымъ закончили мы шестую главу, трактующую о сущности ремесленного хозяйства: общий характеръ нѣмецкой хозяйственной жизни въ половинѣ XIX столѣтія, слѣдовательно въ концѣ ранией капиталистической эпохи, дѣйствительно не

которые онъ не можетъ использовать другими способами": въ обстоятельствѣ этомъ видѣли существенный тормозъ въ дѣлѣ развитія горнозаводскаго дѣла. R. Mischl eг, a. a. O. 1, 201/2.

1) Banfield, 2, 100. „На десяти печахъ для выплавки жѣлѣза въ округѣ (Зигенскомъ) работаютъ главнымъ образомъ собственники; лишь немногіе зигенскіе капиталисты имѣютъ нѣсколько паевъ. Крестьяне-собственники являются также пайщиками въ рудникахъ, а также въ лѣсахъ, въ которыхъ добывается необходимый для производства древесный уголь. Они распредѣляютъ свое время между рудниками, лѣсами, доменными печами и землей такимъ образомъ, какъ это необходимо для веденія дѣла, и распредѣленіе это производится по довольно точному расчету... Рѣшительно повсюду въ Германіи—исключеніемъ являются лишь сами капиталисты—наблюдаются враждебное отношеніе ко всякой концентраціи капитала въ немногихъ рукахъ.“

2) „Жѣлѣзодѣлательные и сталелитейные заводы въ округѣ Зигенъ и въ долинахъ Seel и Burbach... ведутся многочисленными старателями. Доли отдѣльныхъ старателей называются „Hüttentage“, каждый изъ нихъ ведетъ отдѣльное производство и домохозяйство и пользуется заводомъ, принадлежащимъ всѣмъ. Каждый отдѣльный старатель имѣть свои собственные мѣста для добыванія жѣлѣзной руды и угольные сараи въ непосредственномъ сосѣдствѣ отъ завода, самъ добываетъ жѣлѣзную руду и древесный уголь, перерабатываетъ ихъ въ опредѣленной очереди въ назначенное для него время и затѣмъ продааетъ полученный чугунъ. Этотъ порядокъ, существовавшій въ теченіе столѣтій, оказываетъ вредное влияніе на техническое совершенство производственныхъ операций и производства... но онъ до такой степени сросся со всѣми жизненными условіями старателей, что изъ немедленное уничтоженіе его, даже при полномъ знаніи всѣхъ его вредныхъ сторонъ, слѣдуетъ смотрѣть какъ на дѣло невыполнимое“, говоритъ еще въ половинѣ 50-хъ годовъ Ясоби, I. c. S. 133, знакомый какъ съ этой мѣстностью, такъ и съ дѣломъ. Въ то время, когда писалъ Ясоби, отношенія въ вестфальскомъ горномъ округѣ (Oberbergamtsbezirk) достигли уже болѣе высокой ступени развитія. Неоднократно упоминаемый имъ, для него наиболѣе важный фактъ—это то, что во всемъ рейнско-вестфальскомъ жѣлѣзномъ и угольномъ округѣ вътъ уже десять лѣтъ какъ совершается полный переворотъ. Переворотъ этотъ обусловливается развитіемъ современного крупнаго капитализма, въ основѣ которого лежитъ неорганическая техника. Ср. еще S. 61, 71/72. 118.

такъ-то существенно отличался отъ того, что характеризуетъ хозяйственную жизнь около 1350 г. или по крайней мѣрѣ около 1450 г. И-только теперь, съ половины XIX вѣка, начинается тотъ великий, колоссальный переворотъ, который за какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ отодвинулъ нась отъ исходнаго пункта дальше, чѣмъ это были въ состояніи сдѣлать предыдущія полтысячи лѣтъ.

Дать слабое представление о характерѣ и размѣрахъ этого переворота и составлять задачу послѣднихъ отдѣловъ этого тома. Основная цѣль, которая поставлена мною, слѣдовательно такова: нарисовать панораму къ тому очерку промышленной жизни въ концѣ ранніго капиталистического периода, который до извѣстной степени данъ у меня въ предыдущемъ отдѣлѣ. Необходимо показать, какія перемѣны за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ произошли, или еще происходятъ, въ структурѣ промышленного производства,—происходятъ, разумѣется, въ направлениіи, благопріятномъ для капиталистической системы хозяйства. Наша задача такимъ образомъ точно очерчена въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ: прежде всего необходимо изобразить завоеванія капитализма въ сферѣ старыхъ формъ организацій (6-й отдѣлъ); затѣмъ въ связи съ этимъ слѣдуетъ дать обзоръ тѣхъ измѣненій, какія произошли въ самихъ этихъ формахъ, въ ихъ составѣ и сущности (7-й отдѣлъ). Первую часть этой задачи мы выполнимъ лучше всего, если всѣ безчисленные случаи капиталистическихъ новообразованій сгруппируемъ сообразно тѣмъ формамъ, которыми пользуется капитализмъ, чтобы овладѣть соответствующей сферой промышленного производства. При этомъ мы будемъ исходить изъ той попытки схематизаціи, которую мы дали въ главѣ восьмой (В. II), при анализѣ капиталистического предприятия. Напротивъ, изъ рамокъ настоящаго изслѣдованія пока совершенно выходитъ детальное изображеніе преобразовательного процесса, пережитаго въ концѣ ранніго капиталистического периода давно завоеванными капитализмомъ отраслями промышленности, слѣдовательно, прежде всего промышленностью горной и текстильной. Это составить предметъ одного изъ послѣдующихъ томовъ, гдѣ, какъ я уже неоднократно упоминаль, вниманіе будетъ сосредоточено на тенденціяхъ развитія самого капитализма. Въ заключительной главѣ первого тома будетъ однако данъ суммарный обзоръ нынѣшняго положенія вещей во всей области промышленного производства; въ ней, слѣдов., будутъ приняты во вниманіе, по крайней мѣрѣ въ ихъ конечныхъ результатахъ, и преобразованія въ сферахъ производства, изстари захваченныхъ капитализмомъ.

ОТДЕЛЬ ШЕСТОЙ.

Побѣдное шествіе современаго промышленнаго капитализма.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Случаи косвенной зависимости отъ капитала.

А. Булочное, мясное, слесарное производства.

Въ косвенной, но тѣмъ не менѣе очень ощутительной зависимости отъ капитала находятся многочисленные *булочники* крупныхъ городовъ.¹⁾ Статистика почти повсюду отмѣчаетъ очень значительное увеличеніе числа булочныхъ заведеній, притомъ заведеній самыхъ малыхъ размѣровъ, въ особенности же тѣхъ, которые относятся къ категоріи одиночныхъ производствъ. Эти булочные заведенія живутъ не дольше мотылька подёнки; это — эфемерная созданія капиталистической спекуляціи на стремленіе булочныхъ мастеровъ и подмастерьевъ стать самостоятельными хозяевами. Такъ, въ Карлсруэ съ 1888 — 1892 г. было открыто 45 новыхъ заведеній, не считая тѣхъ, которыхъ за это время снова погибли. Многія изъ нихъ живутъ недолго: въ тотъ же періодъ времени закрылось 21 изъ 99 булочныхъ, числившихся въ началу указанного періода (U. II, 16). Въ Лейпцигѣ было (U. II, 350) въ 1886 г. — 127, 1887 г. — 135, 1888 г. — 141, 1889 г. — 140, 1890 г. — 152, 1891 г. — 139, 1892 г. — 139, 1893 г. — 141, 1894 г. — 152 булочныхъ заведеній. Денежныя средства, съ какими подобные пекаря начинаютъ свое дѣло, — это въ лучшемъ случаѣ вклады въ сберегательную кассу, сдѣланные горничной или кухаркой и принесенные мужу въ приданое. А часто дѣло начинается и вовсе безъ средствъ. Въ такихъ булочныхъ мастерахъ слѣдуетъ видѣть просто работниковъ, состоящихъ на службѣ капитала. Послѣдний надвигается на нихъ съ двухъ сторонъ: со стороны торговца мукою и со стороны строительного спекулянта.

Первый, *торговецъ мукою* или *собственникъ мельницы*, стремясь найти сбыть своему товару, открываетъ неимущимъ пекарямъ кредитъ мукою. Уплата производится пекаремъ по мѣрѣ распродажи булочного товара, напр., послѣ первой четверти года. „Лишь немногіе булочники, — читаемъ мы въ отчетѣ о

¹⁾ Не отъ отдѣльного капиталиста, — и это слѣдуетъ помнить. Послѣдний именно въ данномъ случаѣ часто самъ находится въ трудномъ положеніи!

Бреславль (U. VII, 111), — въ состояніи покупать муку за наличныя: большинство прибегаетъ къ кредиту, и благодаря большой конкуренціи среди торговцевъ мукою (ихъ больше 60) кредитъ этотъ получить очень легко сравнительно продолжительный срокъ. Въ среднемъ кредитъ дается на 2 мѣсяца, но въ большинствѣ случаевъ этотъ кредитъ длится 3, иногда даже 4 мѣсяца". Наличного капитала въ сущности вовсе не нужно. "Все сводится лишь къ тому, чтобы уплатить наемную плату за помѣщеніе за первую четверть года и при случаѣ обзавестись инвентаремъ; мука берется въ кредитъ, который буквально ломится къ пекарю" (а. а. О. S. 114) ¹⁾. Или вотъ что сообщаютъ намъ о Берлинѣ (U. VII, 147): "Междуд крупными торговцами мукою и булочникомъ часто стоитъ въ качествѣ посредника агентъ по продажѣ муки. Булочникъ покупаетъ у него муку сравнительно небольшими партиями"; булочникъ, у которого есть необходимыхъ для покупки муки капиталовъ — а это „обычное явленіе въ подавляющемъ большинствѣ, мелкихъ производствъ“, — попадаетъ въ зависимость отъ мучного торговца. „Значительной и, конечно, не всегда добросовѣстной конкуренціи мучныхъ агентовъ, открывающихъ кредитъ завѣдомо неплатежеспособнымъ булочнымъ мастерамъ" ... слѣдуетъ приписать появленіе многихъ мелкихъ производствъ, которыхъ возникаютъ безъ всякой мѣстной потребности въ нихъ, исключительно благодаря тому, что мучной торговецъ „посадилъ" здѣсь пекаря. Та же картина и въ Мюнхенѣ ²⁾.

Такую же роль по отношенію къ пекарямъ беретъ на себя и *затраченный на спекулятивное домостроительство капиталъ*: въ поискахъ за барышомъ онъ „сажаетъ на мѣсто" булочниковъ. Во многихъ нынѣшихъ домахъ напередъ устраивается пекарная печь, иногда вполнѣ оборудованное пекарное заведеніе, и сдаются неимущимъ булочникамъ въ аренду. Это даетъ сильную опору для тѣхъ, кто мечтаетъ о „самостоятельности". Такъ, ростъ числа булочныхъ заведений въ Карлсруэ отчасти объясняется „болѣе легкую возможностью открыть новую булочную, потому что домовладѣльцы въ послѣднее время не-

1) Срв. также Olden堡, „Der Maximalarbeitstag im Bäckergewerbe“ (1894), 125, Friedrich Frhr. zu Weichs-Glon, „Die Brotfrage und ihre Lösung“ (1898), 18 f.

2) Ph. Arnold, „Das Münchener Bäckergewerbe“ (1895), 46 f. Совершенно такія же отношенія въ Парижѣ, гдѣ 90% всѣхъ булочныхъ заведений находятся въ зависимости отъ мельниковыхъ. Срв. „Le petite industrie à Paris“, tome I (1893), p. 42 (Publication des Office du travail), а для Вѣны: M. Wolfram, „Das Bäckergewerbe in Wien“ (Deutsche Worte, hrsg. von F. Регнерсторфер, XVII Jahrgang (1897), S. 43/44). „Эти отношенія — читаемъ въ превосходномъ резюме, — позволяютъ предпріимчивымъ булочникамъ открывать новые предпріятія, хотя бы у нихъ было мало денегъ въ карманѣ: быль бы только предпріимательской пыль. И какъ быстро возникаютъ эти предпріятія, такъ же быстро и гибнутъ. Этимъ можно объяснить тотъ фактъ, что вновь зарегистрированнымъ предпріятіямъ почти регулярно соотвѣтствуетъ приблѣжительно равное число прекратившихъ свое существование. Эти пекаря, конечно, обостряютъ конкуренцію въ тѣмъ большей степени, что они во что бы то ни стало хотятъ утвердиться, убѣжденные, что важно только стать на ноги, а мѣста хватить для всѣхъ: все могутъ найти для себя удобное мѣсто, если только другіе не потребуютъ себѣ слишкомъ много. Неизвѣніе техники булочного дѣла приводить людей къ краху, а ихъ экономическая немощь, недостатокъ капитала. Они губятъ другъ друга, разоряются, умираютъ въ хозяйственномъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшаютъ условія существованія и для жизнеспособныхъ элементовъ“.

рѣдко сооружаютъ въ своихъ новыхъ домахъ за собственный счетъ хлѣбную печь и потому сдаются вмѣстѣ съ лавкой и жильемъ булочникамъ въ аренду. Такимъ образомъ и неимущіе подмастерья получаютъ возможность устраивать булочные заведенія, тогда какъ раньше почти необходимымъ условіемъ для этого было обладаніе собственнымъ домомъ" (U. III, 16).

То же сообщается и относительно Мюнхена: „мелкое производство" растетъ благодаря возросшей возможности открыть заведеніе. А это въ свою очередь зависитъ отъ того, что хлѣбные печи нерѣдко являются собственностю домовладѣльца. Домовладѣльцы спекулируютъ на мелкихъ булочникахъ: отсюда тѣсная связь между развитіемъ булочного дѣла и строительной спекуляціей. „Большинство мюнхенскихъ ручныхъ булочныхъ заведеній вмѣстѣ съ ихъ обстановкой составляетъ собственность домовладѣльца, а мастеръ является лишь арендаторомъ"¹⁾.

Какъ мелкій пекарь находится въ зависимости отъ мучного торговца, точно такъ же и мелкій мясникъ дѣлается мясникомъ лишь по милости скотопромышленника или коміssіонера. Крупные торговцы скотомъ и коміssіонеры на отдѣльныхъ рынкахъ большихъ городовъ занимаютъ монопольное положеніе и нерѣдко пользуются этимъ съ той цѣлью, чтобы подчинить себѣ мелкихъ мясоторговцевъ. Лейпцигъ можетъ послужить намъ примѣромъ. Здѣсь торговецъ скотомъ давить лишенного средствъ мясника (и его самого въ свою очередь угнетаетъ богатый мясникъ!). „Нѣкоторые (т.-е. мясники), говорятъ, дошли до того, что они могутъ бить скотъ только тогда, когда это заблагоразсудится торговцу. Приходятъ такие бѣдяки на рынокъ,—торговецъ, указывая имъ нѣсколько штукъ скота, замѣчаетъ: Это я приготовилъ для тебя». Цѣна попросту назначается торговцемъ" (U. VI, 72). То же самое сообщается и относительно Берлина, въ которомъ въ годы низкихъ цѣнъ на мясо, словно грибы изъ земли, вырастаютъ лишенныя капитала, нежизнеспособныя мясные лавки. И все это благодаря кредиту со стороны коміssіонеровъ. Но достаточно невыгодной коньюнктуры, — и все это рушится²⁾. Описанная выше форма мелкаго булочного производства является типичной формой для пекарнаго промысла и оказываетъ сильное влияніе на производственные отношенія; напротивъ, организація мясного дѣла, какъ мы еще увидимъ впослѣдствіи, развивается, вообще говоря, въ другомъ направленіи³⁾.

1) P. H. Arnold, a. a. O. S. 37.

2) Levy von Halle, „Die Berliner Fleischpreise im letzten Jahrzehnt und die Reform des Vieh- und Fleischhandels" въ Schmollers Jahrb. etc., XVI (1892), S. 721. Въ Вѣнѣ, где раньше царили такие же порядки, учрежденіе кредитной кассы положило конецъ связи кредитныхъ операций съ посредничествомъ; благодаря этому уничтожилась такая зависимость мелкихъ мясниковъ отъ капитала. Срв. R. Riedl, „Der Wiener Schlachtviehhandel in seiner geschichtl. Entwicklung"; въ Schmollers Jahrbuch XVII (1893), S. 855 f., 871 f.

3) Точно такъ же не кажется мнѣ типичнымъ тотъ случай, о которому сообщаютъ изъ деревни Унзебургъ въ провинціи Саксонія. Но ради полноты уломаемъ здѣсь и о немъ. Въ Унзебургѣ крупнейшее розничное торговое заведеніе, своего рода современный базарь, взяло въ свои руки и часть мясного промысла. Скотъ бить наятый специально для этого, бывшій ранее самостоятельнымъ, мастеръ-мясникъ и его ученикъ. Въ періодъ успѣшной торговли ежедневно убивается одна свинья и еженедѣльно двѣ головы рогатаго скота. Мясная торговля этого базара самая крупная во всей мѣстности. Срв. F. Flechtnier, „Der Detailhandel in Unseburg" въ изслѣдованіи о „die Lage des Kleinhandels in D.", 1, (1899), 170.

Вообще говоря, то же слѣдуетъ сказать и о слесарномъ промыслѣ. Впрочемъ, въ отдельныхъ случаяхъ намъ сообщаютъ, что здѣсь иногда складываются такія же отношенія зависимости, съ какими мы познакомились въ булочномъ производствѣ. Нюрибергскіе желѣзоторговцы, напр., открываютъ настолько широкій кредитъ, что охотно отпускаютъ различныя орудія и матеріаль даже тѣмъ, кто не представляетъ имъ ни малѣйшей гарантіи (U. III, 472/73). Въ концѣ - концовъ такие предупредительные торговцы часто терпятъ ущербъ, но это ничего не измѣняетъ въ томъ фактѣ, что здѣсь передъ нами „мастера-поденки“, которые обязаны своимъ существованіемъ стремлению капитала къ реализаціи. Аналогичное явленіе представляетъ, наконецъ, и мелкій столяръ, обязанный своею самостоятельностью конкуренціи торговцевъ деревомъ (U. IV, 493).

По областю, гдѣ косвенное подчиненіе ремесленныхъ формъ интересамъ капитала играетъ особенноную роль, являются строительные промыслы.

В. Строительные промыслы.

Современная организація строительныхъ промысловъ очень сложна и многообразна, и потому необходимо остановиться подробнѣе на различныхъ формахъ ея организаціи. Хотя почти повсюду въ болѣе крупныхъ городахъ всѣхъ культурныхъ странъ выработались однѣ и тѣ же формы, но изложеніе затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, къ сожалѣнію, обозначеніе различныхъ факторовъ въ строительномъ промыслѣ мѣняется отъ мѣста къ мѣstu. По мѣрѣ возможности я попытаюсь изобразить самую сущность дѣла и попутно буду отмѣтить различія въ номенклатурѣ¹⁾.

Революціонированіе строительного промысла самимъ тѣснымъ образомъ связано съ развитіемъ спекулятивнаго строительства, т.-е. съ постройкой зданій уже не на заказъ, а въ качествѣ товара на рынокъ. Въ крупныхъ и среднихъ городахъ Германіи рыночное производство домовъ съ конца 50-хъ годовъ неизмѣнно растетъ въ соотвѣтствіи съ возрастаніемъ населенія и съ повышеніемъ земельной ренты; въ 70-хъ годахъ оно быстро и побѣдоносно идетъ впередъ и въ настоящее время господствуетъ почти безраздѣльно, по крайней мѣрѣ поскольку рѣчь идетъ о домаѣ съ отдающимися въ наймы квартирами. Наприм., франкфуртская торговая палата въ своемъ отчетѣ за 1883 г. констатируетъ, „что заказы отъ частныхъ лицъ становятся все рѣже“, а въ 1886 г. она уже замѣчаетъ: „Частныхъ построекъ, т.-е. построекъ

1) Что касается литературы, то прежде всего можно указать цѣлый рядъ полезныхъ работъ въ „Untersuchungen“; самые подробныя изъ нихъ касаются Бреславля и Лейпцига. Кромѣ того, слѣдуетъ назвать: K. Olden堡, „Das Deutsche Handwerk“, 1888. Вингтала, „Die Schäden im modernen Bauwesen“ въ „Neue Zeit“, 1896/97, Bd. I, S. 358 ff. „Missstände im Baugewerbe. Eine Arbeiterdarstellung“, herausgeg. von der Generalkommis. der Gewerkschaften Deutschlands (обработалъ Ф-р М. Quarck), 1897. G. Heinkel, „Ein Beitrag zur Geschichte der baugewerblichen Arbeiterschutzgesetzgebung in Deutschland“, 1897. Интересныя замѣчанія о развитіи современнаго строительного промысла содержатся, между прочимъ, также у I. Schmoele, „Die sozialdemokratischen Gewerkschaften in Deutschland etc.“, Zweiter Teil: „Einzelne Organisationen“. Erste Abteilung: „Der Zimmererverband“, 1898. Сравн. также Р. M. Gehrke, „Technische Fortschritte im Bauwesen“, „Neue Zeit“ XIX² (1900/1901), 54 ff. Изъ иностранной литературы

на заказъ, почти совсѣмъ уже не встрѣчается”¹⁾. Особенность рыночнаго производства домовъ заключается въ томъ, что оно почти всегда стоитъ въ непосредственной связи съ спекуляціей на строительные участки земли, т.-е. прибыль стараются получить въ большинствѣ случаевъ не только отъ строительной дѣятельности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ использованія приобрѣтенныхъ спекулятивнымъ путемъ земельныхъ участковъ. Благодаря этой двойственной природѣ спекуляціи домами и наблюдается то явленіе, что капиталъ вторгается въ строительные промыслы съ двухъ совершенно различныхъ сторонъ: во-первыхъ, со стороны домостроителей и, во-вторыхъ, со стороны собственниковъ земельныхъ участковъ. Благодаря первымъ, самая постройка домовъ преобразуется на капиталистический ладъ, и капиталъ въ стремлениі къ реализаціи придаетъ производству капиталистический характеръ. Вслѣдствіе этого развивается крупное строительное дѣло, капиталистическое строительное предпріятіе въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ другомъ мѣстѣ у насъ еще будетъ случай поговорить о такомъ предпріятіи. Нѣть никакой необходимости въ томъ, чтобы капиталистически преобразованное домостроительство ограничивалось исключительно спекулятивными постройками: крупное строительное предпріятіе, съ сотнями рабочихъ, производящее постройки по заказу частныхъ лицъ или учрежденій, все же остается капиталистическимъ предпріятіемъ. Конечно, оно можетъ строить дома и на рынокъ. Въ этомъ случаѣ строительная фирма можетъ ничѣмъ не отличаться отъ строительного спекулянта,—но можетъ и отличаться. Прибыль строительной фирмы прежде всего—произведенная прибыль, но иногда она можетъ восполняться и спекуляторскимъ барышомъ.

Если же исходныи пунктомъ для капитала служить спекуляція земельными участками, то и здѣсь возможны два способа использованія капитала въ производственной сферѣ: или капиталъ строить за собственный счетъ, т.-е. самъ непосредственно даетъ работу строительнымъ рабочимъ—опять-таки безразлично, будуть ли послѣдніе работать отъ крупной строительной фирмы, или же это—рабочие строительныхъ ремесль; или же онъ предоставляетъ строить другому лицу. Въ послѣднемъ случаѣ въ качествѣ руководителя работами на сцену появляется формально самостоятельный „строительный предприниматель“; но въ дѣйствительности для большинства случаевъ это—не что иное какъ подставное лицо, за которое прячется капиталъ, чтобы свести до возможнаго минимума свой собственный рискъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи эту креатуру я буду называть „предпринимателемъ-посредникомъ“²⁾.

следуетъ прежде всего опять указать на работы P. de Margu ssem'a „Question Sociale“, первый томъ которыхъ превосходно трактуетъ о Charpentier (т.-е. о плотникахъ). Недавно появилась интересная работа о строительныхъ промыслахъ въ Ліонѣ: A. Bleton, „L'industrie du bâtimen t à Lyon“ во вновь основанныхъ Рис и Godart'омъ, „Questions Pratiques de Législation ouvrière et d'Economie politique“, 1-е Année (1900), № 7—9.

1) Справн. У. I, 223 f., 327; о Карлеруз III, 70; о Лейпцигѣ IX, 583 f.; о Бреславѣ IX, 389 f., 394 f.

2) Въ литературѣ эта фигура обыкновенно именуется „строительнымъ предпринимателемъ“. Но это обозначеніе ведеть къ ложнымъ представлѣніямъ, такъ какъ подставной предприниматель отнюдь не представляетъ собой нормальный типъ капиталистического предпринимателя. „Строительный предприниматель“ въ точномъ значеніи этого слова является

Мы повсюду наблюдаемъ то явленіе, что капиталъ, вложенный въ строительные участки, первоначально реализуется въ производствѣ такимъ способомъ, что землевладѣлецъ самъ организуетъ строительство, т.-е. производить постройки за свой собственный счетъ, но что постепенно онъ оставляетъ эту форму реализаціи и переходитъ ко второй, т.-е. къ выполнению построекъ черезъ посредниковъ-предпринимателей. Въ Бреславль, наприм., послѣ войны съ Франціей возникли такъ назыв. строительные банки¹⁾, задачей которыхъ было организовать строительныя предпріятія на капиталистической основе. Эти банки приобрѣли обширные участки пригодной для построекъ земли, произвели на нихъ канализаціонныя работы, работы по замощенію улицъ и т. д., разбили всю землю по обѣ стороны вновь проложенныхъ улицъ на небольшіе участки и стали застраивать ихъ за собственный счетъ. Но уже въ 1878 г. они прекратили эту дѣятельность и ограничились на будущее время спекуляціей на земельные участки и денежной поддержкой предпринимателей-посредниковъ,—на чмъ сейчасъ мы остановимся подольше. Какъ на причину такой перемѣны указывается на то обстоятельство, что, при обострившейся конкуренціи, постройка домовъ стала производиться недоброкачественно, и банки не пожелали открыто участвовать въ такой недобросовѣтной конкуренції. Но истинная причина поведенія банковъ лежала вовсе не въ этомъ: они просто нашли болѣе выгоднымъ для себя использовать свой капиталъ черезъ посредниковъ. Тѣмъ болѣе, что при такой постановкѣ дѣла рискъ сводился до минимальныхъ размѣровъ.

То же, что въ Бреславль, мы видимъ и въ другихъ городахъ. Такъ, въ Карлеруэ въ началѣ 70-хъ годовъ существовало „Рейнское строительное общество“. Оно устроило собственный крупный кирпичный заводъ, вело въ широкихъ размѣрахъ торговлю строительными участками и за собственный счетъ производило постройки. Однако оно просуществовало недолго и съ большими убыtkами ликвидировало дѣла (U. III, 79). Большинство капиталистическихъ предпріятій, занимающихся спекуляціей на строительные участки, въ настоящее время называется просто „земельными обществами“ („Terraingesellschaften“²⁾).

Слѣдовательно, преобладающее большинство разсчитанныхъ на спекуляцію построекъ въ настоящее время выполняется съ помощью предпринимателя-посредника. За нимъ стоять владѣлецъ денегъ. Владѣлецъ денегъ въ этомъ случаѣ—или строительный банкъ или же крупный капиталистъ; обыкновенно, наприм., въ Бреславль, это—еврей. Главное занятіе и промыселъ такого капиталиста заключается въ покупкѣ и продажѣ незастроен-

собственникомъ капиталистического строительного дѣла. Положеніе вещей въ этомъ отношеніи одинаково во всѣхъ крупныхъ городахъ. Сравн. также Oldenb erg, a. a. O., S. 12/13.

¹⁾ Въ 1871 г. „Schlesische Immobilien-Aktienbank“, въ 1872 г. „Breslauer Baubank“, U. IX, 393.

²⁾ На берлинской биржѣ котируются бумаги болѣе 30 „строительныхъ обществъ“, отчасти очень крупныхъ; но большинство изъ нихъ лишь „земельные общества“. Поскольку рѣчь идетъ дѣйствительно о строительныхъ крупныхъ предпріятіяхъ,— я возвращусь къ нимъ въ другой связи. Срав. 25-ю главу.

ныхъ земельныхъ участковъ. Съ домостроительствомъ, какъ уже упомянуто, капиталиста связываетъ пользующіяся у него кредитомъ посредникъ-предприниматель.

Посредниками - предпринимателями въ настоящее время обыкновенно являются каменщики и плотники (иногда также и столяры), которые раньше были подмастерьями или полировщиками и сами кое-что понимаютъ въ строительномъ дѣлѣ. Въ 70-хъ годахъ въ качествѣ предпринимателей часто можно было встрѣтить людей всевозможныхъ профессій, какъ парикмахеры, извозчики и т. п. Но въ настоящее время это является уже исключениемъ. Одно осталось безъ перемѣнъ: въ большинствѣ случаевъ средства у этихъ „предпринимателей“ совершенно отсутствуютъ. Лишь изрѣдка можно встрѣтить среди нихъ человека со средствами; въ общемъ, они находятся въ очень печальномъ положеніи, постоянно угнетаемые кредиторами, всегда опасаясь тяжелыхъ уголовныхъ карь за возможныя несчастія, почти неизбѣжныя при плохой постановкѣ строительства, которую они однако не въ силахъ измѣнить къ лучшему, если они вообще хотятъ существовать¹⁾.

Данное сейчасъ подробное описание современного строительного дѣла было необходимо, чтобы достигнуть правильного пониманія современной зависимости ремесленныхъ формъ строительного дѣла отъ капитала. Для большей ясности подчеркнемъ еще разъ, что мы имѣемъ дѣло пока только съ тѣмъ случаемъ, когда самое веденіе постройки еще не перешло въ руки капиталистовъ-предпринимателей и нынѣшнему остается въ рукахъ „самостоятельныхъ“ строительныхъ ремесленниковъ.

Переходъ въ выясненію того, какъ развивается процессъ постепенного подчиненія „самостоятельныхъ“ ремесленниковъ капиталу, мы должны строго разграничить два разныхъ случая.

Первый случай мы обозначимъ именемъ законнаго подчиненія, второй назовемъ случаемъ мошеннической эксплуатации. Первый случай (законное, легальное подчиненіе) встрѣчается повсюду, гдѣ строительный ремесленникъ вместо того, чтобы, какъ онъ дѣлалъ раньше, заключать договоръ о постройкѣ съ частнымъ лицомъ, собственникомъ строящагося дома, заключаетъ его съ капиталистическимъ предпринимателемъ: безразлично, будетъ ли это „посредникъ-предприниматель“ только что описаннаго типа, или солидный

1) Суровый, но, насколько я могу судить, справедливый приговоръ произносить своеобразному отношенію капитала къ современному спекулятивному строительству L. E s c h - w e g e, „Privilegiertes Spekulantentum“ (1899), S. 16: „Тотъ фактъ, что дѣйствительный, солидный капиталъ теперь устранился отъ строительной дѣятельности, зависитъ отъ того, что отношенія въ этой отрасли принимали все болѣе несолидную форму. Значительное число построекъ въ большихъ городахъ являются спекулятивными предпріятіями, выполняемыми лицами или безъ средствъ или съ самыми ничтожными средствами. Часто они разсчитываютъ лишь на то, чтобы пожить въ роскоши искоторое время за счетъ легковѣрныхъ строительныхъ ремесленниковъ (срав. нѣсколькими страницами ниже). Строится домъ въ большинствѣ случаевъ на участкѣ, цѣну котораго спекуляція подняла до невѣроятныхъ размѣровъ. Что же тутъ удивительного, если за это дѣло берутся лишь такие люди, которымъ уже нечего терять, а выиграть они могутъ все? Если предпринимателю такой постройки удастся сбыть домъ спустя 4 недѣли по его окончаніи, то хорошо; въ противномъ случаѣ домъ продается съ аукціона; домовладѣльцу бодро береть въ руку дорожную палку и одно утѣшениѣ остается при немъ: меньше, чѣмъ раньше, у него и теперь не можетъ быть“.

архитекторъ, или строительное предпріятие, строительная фирма, или что-либо подобное; безразлично также, является ли самая постройка постройкой на заказъ или же спекулятивной постройкой. Во всѣхъ этихъ случаяхъ положеніе вещей одинаково измѣнилось не къ выгодѣ строительного ремесленника: противоположная сторона стремится получить прибыль и увеличить ее, сокращая выручку самого ремесленника. Она старается вызвать самую ожесточенную конкуренцію между товарищами ремесленника и достигаетъ этого безъ особенного труда, такъ какъ положеніе мелкихъ ремесленниковъ обыкновенно очень неустойчивое. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы создать жестокую конкуренцію, является система сдачи подряда на постройку съ торговъ¹⁾: ремесленниковъ приглашаютъ подать заявленія объ условіяхъ, на которыхъ они согласны выполнить всю постройку, и по неопытности ли, или же въ силу необходимости, ремесленники назначаютъ самую низкую цѣну, такъ что въ лучшемъ случаѣ ихъ выручка по окончаніи всего дѣла не превышаетъ приличной заработной платы. Слѣдующіе примѣры могутъ подтвердить сказанное.

Объ Аугсбургѣ мы узнаемъ слѣдующее (U. III, 534): „Во всѣхъ этихъ случаяхъ строитель-столяръ имѣть дѣло уже не съ частнымъ лицомъ, но съ тертымъ и свѣдущимъ дѣльцомъ, который въ силу необходимости и по привычкѣ смотритъ на свои отношенія къ строительному ремесленнику съ дѣловъй точки зрѣнія и стремится использовать въ своихъ интересахъ все, что только возможно. Строительные столяры очень жалуются на низкія цѣны при поставкахъ и работахъ для построекъ“.

О Карлсруэ (U. III, 80): „Какъ и въ другихъ мѣстахъ, здѣсь нѣть конца жалобамъ, что цѣны мало-по-малу упали, въ особенности при сдачѣ подрядовъ съ торговъ,—и сбиваются цѣны не крупныя, солидныя фирмы, а преимущественно мелкие, слишкомъ уже безпритязательные мастера“.

О Франкфуртѣ-на-Майнѣ (U. I, 328): „Лучшія жилыя и торцовые зданія теперь строятся крупными строительными фирмами, которые располагаютъ всѣми выгодами крупнаго производства, изобилія капиталовъ и раздѣленія труда между многочисленными рабочими. Имъ же поручаются постройки и богатые частные люди. Планъ постройки они заказываютъ самостоятельному архитектору или же технику какой-либо строительной фирмы. Самая постройка, включительно до послѣднихъ мелочей, производится подъ руководствомъ строительной фирмы, которая въ свою очередь сдаетъ отдѣльныя работы строительнымъ ремесленникамъ. Кровельщикъ, столяръ, стекольщикъ уже не входятъ ни въ какія отношенія съ собственникомъ строящагося дома. Работы они получаютъ отъ строительной фирмы, отъ нея же получаютъ вознагражденіе и отвѣтственны только передъ нею. Строительный предприниматель

1) Система сдачи подряда на постройку съ торговъ представляетъ обычное явленіе при производствѣ общественныхъ построекъ. Однако въ этихъ случаяхъ обыкновенно выступаютъ соискателями болѣе крупныя, даже богатыя капиталомъ общества,—что можетъ служить существеннымъ коррективомъ противъ гибельного вліянія системы торговъ. Объ этой системѣ статью „Submissionswesen“ въ H. St., (Bd. VI (1 Aufl. Lexis, 2 Aufl. F. F. Huber). Кромѣ указанной тамъ литературы, срав. еще Oldenbourg, a. a. O. S. 14 f. и U. Index s. h. v.

въ большинствѣ случаевъ уже не передаетъ работы, послѣ личныхъ переговоровъ, какому-либо знакомому мастеру, а подобно городскимъ и государственнымъ учрежденіямъ предлагается нѣсколькимъ ремесленникамъ взять подрядъ на работы съ торговъ. Они назначаютъ самыя низкия цѣны, опасаясь, что какой-либо конкурентъ перебьетъ у нихъ работу, сдѣлавъ ии-чтоиную скидку съ цѣны. Строительный предприниматель въ высшей степени заинтересованъ въ обострѣніи конкуренціи мастеровъ. Всякая сбавка съ цѣны, если только она не связана съ ухудшеніемъ работы, повышаетъ его прибыль. Поэтому, при вполнѣ свободныхъ торгахъ, строительные работы нерѣдко сдаются за такую низкую цѣну, что о прибыли для мастера не можетъ быть рѣчи. Легкомысленные, неопытные ремесленники или такие, у которыхъ въ данное время не хватаетъ занятій для ихъ многочисленныхъ рабочихъ, молодые мастера, которые стремятся поскорѣе выдвинуться,—всѣ они во что бы то ни стало стараются заполучить объявленныя работы. Они не только понижаютъ цѣны своихъ конкурентовъ процентовъ на 25, но часто берутъ на себя дополнительные обязательства, какъ установка лѣсовъ и т. п., что значительно повышаетъ ихъ издержки".

О Берлинѣ (U. IV, 291): „При такихъ обстоятельствахъ, конкуренція мелкихъ мастеровъ (строительныхъ слесарей), создаваемая солидными предприятиями, становится все тяжелѣе, а потомъ ихъ труднымъ положеніемъ пользуются строительные предприятия, прибѣгающія къ прямому обману. Мастеръ ищетъ работы, беретъ по необходимости все, что ни попадается, за минимальную плату — и въ результатѣ даже и такой платы не получаетъ“. „Не хочется онъ взяться—берется его конкурентъ, и ему, быть можетъ, придется удовольствоваться еще менѣе надежнымъ заказчикомъ“¹⁾.

Уже приведенные сообщенія показываютъ, что въ такъ наз. „мелкихъ“ строительныхъ ремеслахъ, т.-е. въ столярномъ, слесарномъ, стекольномъ, горшечномъ, жестяночномъ и проч. промыслахъ степень зависимости гораздо больше, чѣмъ въ промыслахъ крупныхъ, именно у каменщиковъ и плотниковъ; причина заключается въ томъ, что послѣдніе промыслы въ большинствѣ случаевъ представляютъ собой предприятия съ солидными капиталами; поэтому здѣсь способность къ сопротивлению выше. Съ наибольшою ясностью обнаруживается это при второмъ способѣ подчиненія ремесленника капиталомъ: въ тѣмъ случаѣ, который я называлъ мошеннической эксплуатацией. Этотъ случай наблюдается почти только при спекулятивныхъ постройкахъ, выполняемыхъ посредниками-предпринимателями. Здѣсь дѣло идетъ не только объ урѣзкѣ прибыли ремесленного мастера, а объ его ограбленіи,—конечно, законными способами. Оно выполняется такъ.

Мы видѣли уже, что тотъ посредникъ-предприниматель, услугами котораго обыкновенно пользуется капиталъ, вообще говоря, не располагаетъ средствами. Для веденія строительныхъ работъ ему приходится кредитоваться, добывать такъ называемое „пособіе на постройку“. Въ большинствѣ случаевъ пособія недостаточно, чтобы оплатить всѣ строительные работы. Раньше другихъ получаютъ вознагражденіе каменщики и плотники. „Предпринима-

1) H. Freese, „Der Schutz der Bauhandwerker“ (1898), S. 22.

тель" стремится укрепить такимъ образомъ довѣріе къ свой платежеспособности. Съ другой стороны, каменные и плотницкія работы выполняются болѣе крупными фирмами, которая не позволяютъ шутить съ собой и, разъ не уплачено за произведенныя въ недѣлю работы, попросту останавливаютъ дальнѣйшую стройку и приводятъ все въ замѣшательство. Что касается работъ, выполняемыхъ "мелкими" строительными ремесленниками, то подрядчикъ старается какъ можно дольше пользоваться кредитомъ, и это нерѣдко удается ему благодаря конкуренціи между этими въ большинствѣ случаевъ бѣднѣющими ремесленниками.

Прослѣдимъ теперь судьбу денегъ, кредитованныхъ посреднику-предпринимателю. Для этого необходимо еще разъбросить взглядъ на взаимныя отношенія владѣльца денегъ и посредника-предпринимателя. Первый, какъ мы видѣли, въ большинствѣ случаевъ земельный спекулянтъ. Онъ заботится, слѣдовательно, прежде всего о томъ, чтобы какъ можно выгоднѣе использовать свой участокъ земли. Съ этой цѣлью онъ продає земельный участокъ посреднику-предпринимателю (подрядчику).

Такъ какъ предприниматель находится въ полной зависимости отъ владѣльца денегъ, то онъ вынужденъ покупать необходимый ему для постройки участокъ за ту цѣну, какую заблагоразсудится назначить капиталисту. При такомъ положеніи вещей владѣлецъ денегъ, конечно, не довольствуется скромною прибылью, а назначаетъ за участокъ возможно большую цѣну, чаще всего въ два-три и больше разъ дороже, чѣмъ самъ заплатилъ за него. Предприниматель не вноситъ назначеннай платы, такъ какъ онъ вообще не имѣть никакихъ средствъ; поэтому владѣльцу денегъ приходится превратить продажную цѣну въ гипотечный долгъ. Дальше ему приходится, какъ мы уже знаемъ, выдать предпринимателю иѣкоторое "пособіе на постройку", безъ чего подрядчикъ вообще не въ состояніи строить. Эту сумму вмѣстѣ съ другими расходами тоже исчисляютъ съ самого начала и точно такъ же превращаютъ въ гипотечный долгъ, который ложится на воздвигаемый домъ. Владѣлецъ денегъ, конечно, стремится возвратить затраченную сумму возможно скорѣе, чтобы снова начать ту же операцию. Поэтому онъ старается передать свою гипотеку или какому-либо частному лицу, или, что бываетъ гораздо чаще, переводить долгъ въ какой-либо поземельный банкъ. Но такъ какъ гипотечные банки выдаютъ лишь до $\frac{2}{3}$, самое большее—до $\frac{3}{4}$ оцѣночной стоимости дома, то владѣлецъ денегъ старается добиться такой высокой оцѣнки, чтобы ссуда изъ банка могла вполнѣ покрыть его гипотеку.

Если "пособіе на постройку" исчерпывается, подрядчикъ попросту прекращаетъ платежи поставщикамъ. Если ремесленники вѣдумаютъ тягаться съ единствено-ответственнымъ здѣсь лицомъ, посредникомъ-предпринимателемъ,—они скоро замѣчаютъ, что толку не будетъ: у этого темнаго человѣка ничего нѣтъ за душой; а если у него и есть маленькое имущество, которое онъ именуетъ своимъ, то, навѣрно, онъ давно уже позабылся перевести его на имя жены. Тогда обманутые строительные ремесленники хватаются за другой исходъ: причитающуюся имъ сумму они соглашаются превратить въ гипотечный долгъ на земельный участокъ. Но—увы!—и здѣсь ихъ надежды напрасны. Какъ мы уже знаемъ, на такомъ участкѣ и безъ того лежать двѣ

гипотеки: первая—это ссуженная въ началѣ покупная цѣна, а въ качествѣ второй фигурируетъ „пособіе на постройку“. Такимъ образомъ къ услугамъ ремесленниковъ лишь третья закладная. Но мы знаемъ также, что иоминальная стоимость такихъ земельныхъ участковъ искусственно поднята гораздо выше дѣйствительной стоимости. Если дѣло доходитъ до аукціона, продажной цѣны хватаетъ обыкновенно только на удовлетвореніе первой и второй гипотекъ. А слѣдующія гипотеки, слѣдовательно и гипотека нашихъ ремесленниковъ, остаются ни при чёмъ. Въ теченіе ряда лѣтъ громадныя суммы, причитающіяся строительнымъ ремесленникамъ, изчезли безслѣдно на такихъ мошенническихъ постройкахъ. Вотъ нѣкоторыя данія, свидѣтельствующія объ этомъ:

Списокъ застроенныхъ участковъ земли, проданныхъ съ публичныхъ торговъ въ 1886—94 гг. въ г. Гамбургѣ и его предмѣстьяхъ съ потерей гипотечныхъ долговъ.

Годы.	Количество земельныхъ участковъ.	Размѣръ долговъ въ маркахъ.	Вырученныя цѣны въ маркахъ.	Потерянные гипотечные долги въ маркахъ.
1886	20	6.239.095	5.100.350	1.138.745
1887	58	4.689.150	3.647.600	1.041.550
1888	49	3.000.250	2.433.350	566.900
1889	53	4.496.880	3.653.840	843.040
1890	121	11.289.500	9.030.300	2.268.200
1891	202	20.404.520	16.495.900	3.908.620
1892	282	26.042.355	20.113.250	5.929.305
1893	392	36.907.107	27.005.150	9.901.957
1894	493	48.604.490	37.006.750	11.597.740
	1.740	161.673.347	124.486.490	37.196.057

Изъ этой таблицы видно, что съ 1886 г., когда строительная спекуляція достигла высшихъ размѣровъ, до 1894 г. погибло для ихъ владѣльцевъ не менѣе 37.196.057 марокъ гипотечныхъ долговъ. Опрошенные промышленной палатой свѣдущіе люди заявляли, что по меньшей мѣрѣ 90 (?) % этой суммы пало на долю поставщиковъ и ремесленниковъ.¹⁾

Для Берлина вычислено²⁾, что ежегодно ремесленники теряютъ на постройкахъ 20—30 миллионовъ марокъ. Эти колоссальные цифры мы призна-

1) Missst nde etc., S. 32.

2) Petition des Bundes f r Bodenbesitzreform an den Staatssekret r des Reichsjustizamts Dr. Bosse. „Потери при спекулятивныхъ постройкахъ въ среднихъ предпріятіяхъ доходятъ иногда до 50% заработка, въ мелкихъ иногда онъ превышаютъ въ нѣсколько разъ годовой заработокъ“. U. VII, 294.

емъ правдоподобными, если обратимъ внимание на качества самихъ посредниковъ-предпринимателей: на произведенныхъ въ Берлинѣ въ 1891 — 1892 г. 830 новыхъ постройкахъ не менѣе 222 „предпринимателей“ растратили взносы своихъ рабочихъ на больничныя кассы¹⁾.

Та же картина и для Лейпцига. Вотъ таблица для Лейпцига (съ предмѣстьями):

Годы.	Гипотечные долги на земельн. участк. въ маркахъ.	Выручка отъ продажи въ маркахъ.	Потери кредиторовъ на гипотекахъ въ маркахъ.	Та же потеря въ % (къ суммѣ долга).
1891	28.374.971	8.621.152	19.753.819	69,61
1892	13.037.007	9.274.474	3.762.533	28,87
1893	10.972.246,52	7.527.831,62	3.444.414,90	31,89
1894	12.668.058	8.408.485	4.259.573	33,62
Въ 4 года .	65.052.282,52	33.831.942,62	31.220.339,90	47,9

Какая доля потеря падаетъ на строительныхъ ремесленниковъ — этого, конечно, определить невозможно. Однако можно думать, что данные, сообщенные нѣкоторыми лейпцигскими цехами въ отвѣтъ на циркуляръ саксонского министерства отъ 6 июня 1895 г., отстаютъ отъ дѣйствительности. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, потери за послѣднія 5 лѣтъ были бы всего лишь слѣдующія:

Цехъ кровельщиковъ	110.000	марокъ.
“ стекольщиковъ	145.000	”
“ жестянниковъ	37.555	”
“ маляровъ и лакировщиковъ .	142.704	”
“ столяровъ	81.594	”
“ двухъ слесарей	3.203	”

Но необходимо напомнить, что многие, и какъ разъ самые мелкие мастера, которые особенно часто терпятъ такие ущербы, не состоять членами цеховъ или не были членами въ отчетные годы²⁾.

1) По свѣдѣніямъ правлений кассъ. Ср. H. F r e e s e , „Wohnungsnot und Absatzkrisen“, Jahrbücher, III F., Bd. VI (1894), S. 661.

2) Изъ латературы, въ особенности о спекулятивныхъ постройкахъ, см. (однако необходимо критическое отношение!), кроме уже упомянутыхъ сочиненій, еще слѣдующія: Petersen, „Eudarlung des Bauschwindel-Systems“, 1891. F r e e s e , „Das Vorrecht der Bauhandwerker“ въ Schmollers Jahrbuch, Band XVI (1892), S. 921 f. 9. Haberjand, „Baugewerbe und Bauschwindel“ 1894. B ö t t g e r , „Der Bauschwindel und das Pfandvorrecht der Bauhandwerker etc.“ 1894. P. O e r t m a n n , „Das Pfandvorrecht der Bauhandwerker“ (Сопрандс Jahrbücher, III F., Bd. V, Heft 1—3). Der Fall Seeger. Ein Notschrei des rechtlosen Bauhandwerks. Von Kassaundra, 1894. Unlauteres Geschäftsgeschehen, I. Typische Fälle etc. II. Berichte, Anträge und Verhandlungen etc. Zusammengestellt von D r. Stegemann. 1894. Georg H a v e r l a n d , „Die Verluste der Bauhandwerker“, 1895. Авторъ

С. Мебельно-столярный и обойный промыслы.

Здесь я думаю остановиться на мебельно-столярном и обойномъ промыслахъ. Поскольку они еще не захвачены крупнымъ производствомъ, мы лучше всего поймемъ ихъ своеобразную организацію, если будемъ разматривать ихъ съ точки зреінія косвенной зависимости отъ капитала. Мы дадимъ здесь обзоръ тѣхъ областей мебельно-столярного промысла, которыхъ хотя организованы уже не чисто-ремесленно, но еще не чисто-капиталистически; следовательно, рѣчь идетъ о мелкихъ мастерахъ, которые, чтобы сбывать свой товаръ, вынуждены искать помощи у капитала и, благодаря этому, попадаютъ въ зависимость отъ него. Капиталъ—если рѣчь идетъ не объ экспортѣ—является здесь въ формѣ мебельного магазина, „на который работаетъ мастеръ“. Само собой ясно, что степень зависимости столяра отъ магазина можетъ быть очень различной: начиная почти полной свободой—простые договоры о поставкѣ товара въ магазинъ—и кончая полной зависимостью, въ видѣ чисто-кустарной формы производства, когда и сырой материалъ и вся обстановка мастерской принадлежать собственнику магазина; вообще говоря, преобладающимъ оказываются здесь случаи косвенной зависимости отъ капитала.

По имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ¹⁾, работа на магазины, особенно въ большихъ городахъ, въ настоящее время получила необыкновенное распространеніе; степень зависимости отдельныхъ мастеровъ отъ капитала точно такъ же сравнительно увеличилась, и обнаруживаетъ постоянную тенденцію увеличиваться по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ среди столяровъ число мелкихъ пролетарскихъ фигуръ.

Послушаемъ описанія для отдельныхъ мѣстностей.

Берлинъ съ давнихъ порь былъ центромъ рыночного столярного производства; еще и въ настоящее время здесь сосредоточивается главнымъ образомъ производство рыночной мебели,—специальность Берлина такъ назыв. „бер-

состоять директоромъ „Берлинского земельного общества“ и потому настроено въ пользу предпринимателей. Н. F r e e s e, „Der Schutz der Bauhandwerker“, 1898. (W. B.) Die Forderungen der Bauhandwerker „Vor der Baustelle“, o. S. (1898). C a r l S c h m i d t, „Die Hypothekenbanken und der grosssttische Realkredit“, 1899. Трудъ этотъ, хотя и предназначенный для защиты гипотечныхъ банковъ, знакомить однако хорошо съ нѣкоторыми внутренними сторонами современного строительного промысла. Затѣмъ были статьи въ „Socialpolitisches Centralblatt“, „Sociale Praxis“, „Baugewerkszeitung“ и пр.—Въ послѣднее время на эту проблему обратили свое вниманіе юристы съ точки зреінія „предпочтительного права ремесленниковъ на взысканіе долга съ заложенныхъ имуществъ“, какъ это видно уже изъ заголовковъ, нѣкоторыхъ изъ указанныхъ выше сочинений. 20-й и 24-й конгрессы нѣмецкихъ юристовъ занимались этимъ вопросомъ, конечно, съ точки зреінія формально-юридической; для экономиста происходившія тамъ преція представляютъ столь же малый интересъ, какъ и значительная часть чисто-юридической литературы, о которой я поэтому не упомяну. Для ориентированія см. Р. О ег i м а n n, статья „Pfandvorrecht der Bauhandwerker“ въ H. St. Suppl. II и его же „Die Bauhandwerkerfrage und der Entwurf eines Reichs-Gesetzes, betreffend die Sicherung der Bauforderungen“ въ Grauens Archiv. Bd. XII. S. 35 ff.

1) См. многочисленныя работы въ U., среди которыхъ выдается работа P a u l V o i g t'a о столярномъ промыслѣ въ Берлинѣ (U. IV). Дополненіемъ служитъ работа того же автора: „Die Hausindustrie in der deutschen Mbelfabrikation“ въ Schr. d. V. f. Sp. Bd. 87.

линская мебель“, т.-е. отдельная подъ орѣхъ (по большей части комоды), мебель средняго качества; наибольшою известностью пользуется пресловутое „Verticow“. Повидимому, „столяры въ Берлинѣ еще не спустились до положенія... настоящихъ кустарей: необходимый сырой матеріаль они добываютъ еще сами, и обстановка мастерской точно такъ же является ихъ собственностью. Но уже наблюдаются первые шаги развитія, которое должно усилить зависимость мелкаго мастера. Различные магазины имѣютъ своихъ мастеровъ, которые работаютъ исключительно на нихъ и мастерская которыхъ устроена магазиномъ. Многіе мелкіе столяры получаютъ отдельочный матеріаль, фанеру, отъ своего мебельного торговца, за что при доставкѣ готовой мебели дѣлается известный вычетъ“ (U. IV, 404). Очевидно, громадное большинство мелкихъ столярныхъ мастерскихъ Берлина недалеко уже отъ этой заключительной фазы развитія, какъ намъ объ этомъ и сообщаетъ въ дальнѣйшемъ своеимъ изложеніи авторъ цитированной работы. Во всякомъ случаѣ, почти всѣ они работаютъ на магазины. „Обусловленная этимъ зависимость мастера отъ магазина вырисовывается во всевозможныхъ оттѣнкахъ... Зависимость отъ торговца растетъ по мѣрѣ уменьшения размѣровъ производства: во-первыхъ, потому, что мастеръ, чѣмъ меньше онъ въ состояніи выжидать и чѣмъ меньше онъ можетъ работать про запасъ, тѣмъ болѣе вынуждается по этой самой причинѣ соглашаться на всякия условія; во-вторыхъ, чѣмъ меньше производство, тѣмъ на меньшее число магазиновъ мастеръ можетъ работать, и тѣмъ больше влияние каждого отдельного магазина на его судьбу. Если крупный мастеръ работаетъ на 30—40 магазиновъ, то ему легко перенести утрату одного изъ покупателей; ему не зачѣмъ соглашаться на условія, которыя кажутся ему слишкомъ невыгодными. Мелкій мастеръ, работающій на 3—4 торговцевъ, скорѣе готовъ согласиться на невыгодныя условія, чтобы только не лишиться выгодного для него покупателя“ (ibidem., стр. 403). И, действительно, мы узнаемъ (l. c., S. 368), что изъ 3.145 берлинскихъ столярныхъ мастеровъ 2.000 работаютъ менѣе чѣмъ съ 3 подмастерьями, 1.110 вообще не имѣютъ подмастерьевъ¹⁾). Далѣе зависимость „мастера“ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе специализованъ его трудъ. А въ столярномъ промыслѣ крупныхъ городовъ какъ разъ и наблюдается особенно сильная тенденція все больше и больше развивать специализацію.

Относительно Берлина, наприм., намъ сообщаютъ: есть мастерскія, въ которыхъ производятся только шкапы, столы, стулья и комоды, швейные столики, ночные столики, умывальники, Verticowы, буфеты, кровати, зеркальные рамы, карнизы для гардинъ, софы, кресла, мужскіе и дамскіе письменные столы, кухонные шкапы, кухонные столы и т. д. Но раздѣленіе труда не останавливается на этомъ. Въ производствѣ стульевъ существуетъ строгое раздѣленіе между простыми и изящными стульями; въ производствѣ шкаповъ различаютъ гардеробы, шкапы для книгъ, для посуды и т. д.; въ производ-

¹⁾ О такихъ же совершенно условіяхъ въ Лондонѣ см. Booth, „Life and Labour of the People“, Дешевое изданіе, Vol. IV, 1893. „The Furniture Trade“, p. 157—218. По вычисленіямъ автора, изъ 7.000 столяровъ Лондона 5.700, т.-е. 88%, работаютъ въ мелкихъ заведеніяхъ съ 4—8 лицами (p. 175). Далѣе, P. de Rousier, „La question ouvri鑢e en Angleterre“, 1895, p. 136 f.

ствѣ столовъ, кроме уже указанныхъ видовъ, различаютъ еще раздвижные столы, столы для софы, для цвѣтовъ, для салоновъ и т. д., и каждый особый видъ составляетъ специальность особаго производства. Въ производствѣ изящной мебели особая специальности представляетъ производство колонокъ для салоновъ, игральныхъ столовъ, курильныхъ и т. д. Другія производства посвятили себя удовлетворенію мелкихъ потребностей домашнаго обихода и производятъ вѣшалки для платья, подставки для зонтиковъ, держалки для газетъ и т. д. Этотъ перечень различныхъ предметовъ, выдѣлываемыхъ въ специальныхъ мастерскихъ, носить далеко не исчерпывающій характеръ. Да и было бы излишне давать здесь возможно полный каталогъ; достаточно констатировать тотъ фактъ, что процессъ производства въ берлинскомъ столярномъ промыслѣ, въ значительнейшей своей части, совершается въ болѣе или менѣе специализованныхъ мастерскихъ. Берлинская мебель сбывается по всей Германіи и за границей. Всюду даетъ знать о себѣ ея конкуренція¹⁾.

Въ другихъ большихъ городахъ положеніе вещей такое же, хотя, конечно, Берлинъ съ своею гигантскою промышленностью занимаетъ исключительное положеніе какъ разъ въ производствѣ рыночной мебели, выходящей изъ мелкихъ и среднихъ мастерскихъ.

Относительно Мюнхена сообщеніе гласитъ²⁾: Изъ громадной массы столярныхъ мастеровъ, производящихъ средиѣ товаръ, слѣдовательно, главнымъ образомъ то, что раньше производилось на заказъ, многие мастера оказались вынужденными работать на магазины. Лишь часть столяровъ живеть еще работой на заказъ.

Въ Аугсбургѣ, повидимому, преимущественно мелкія заведенія доставляютъ въ магазины дешевый товаръ, тогда какъ лучшіе сорта получаются со стороны. Магазины, торгующіе въ разсрочку, и „скупщики“ (старьевщики) играютъ особенно важную роль въ жизни мелкихъ столярныхъ мастеровъ Аугсбурга и его окрестностей (U. III, 565—67).

Въ Майнцѣ „добрая третъ“ столярныхъ мастеровъ, имѣющихъ подмастерьевъ, работаетъ на фабрики, когда у послѣднихъ случаются заказы, которыхъ онѣ раньше не предвидѣли. „Само собой разумѣется, что для крупнаго производства выгоднѣе всегда имѣть въ своемъ распоряженіи рядъ мастеровъ, чтобы затѣмъ снова вытолкнуть ихъ на улицу“ и т. д. „Другая третъ, въ свою очередь, работаетъ болѣе или менѣе самостоятельно на торговца, торгующаго лучшими издѣліями, и точно такъ же находится въ полной зависимости отъ него“. Въ такомъ же положеніи находятся всѣ мастера-одиночки (U. III, 335).

Въ Кёльнѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, имѣется нѣсколько магазиновъ для болѣе цѣнной мебели (фанерной); на ряду съ ними—большая масса другихъ магазиновъ, торгующихъ дешевою, сосновою мебелью. Лучшіе сорта товара привозятся изъ другихъ мѣстъ, а обыкновенная мебель для обоихъ

1) Сообщенія о Мюнхенѣ: F. Thügneusen, „Das Münchener Schreinergewerbe“, 1897. S. 74. 90/91. Объ Аугсбургѣ—U. III, 528; Кёльнѣ—U. I, 262; Фрайбургѣ въ Брайзгау—VIII, 249; Гейѣ—IX, 58; Карлсруэ—III, 118; Шпreevald—VII, 527; Эйслебенѣ—IX, 317; окрестностяхъ Коннца—IV, 158; Накеѣ—IV, 219.

2) Thügneusen, I. c., S. 75.

видовъ магазиновъ производится кёльнскими мастерами. Кустари-мастера, работающіе на лучшіе магазины, по большей части имѣютъ 2—3 подмастерьевъ (U. I, 273); тѣ, которые работаютъ на такъ назыв. „Büchelgeschäfte“, въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ одиночки: „рѣдко у нихъ бываетъ болѣе 2 подмастерьевъ, и оплачиваются послѣдніе самыи жалкимъ образомъ“ (275). Положеніе плачевное (276). Область сбыта для „Büchelgeschäfte“ такова: въ самомъ Кёльне—низшіе слои населенія; затѣмъ окружающія деревни и въ особенности промышленный округъ городовъ Эльберфельда и Бармена, а также лежащая между этими двумя городами и Кёльномъ такъ наз. „Горная страна“; наконецъ, промышленный районъ Вестфалии (277) ¹⁾.

Ремесленный столярный промыселъ въ Познаніи достигъ почти предѣловъ специализаціи. Имѣются особые специалисты, производящіе только стулья, столы, сундуки и кровати, письменные столы и буфеты и проч. Эти специалисты, въ свою очередь, подраздѣляются на столяровъ, которые производятъ только гнутые стулья, только прямые и точеные стулья, стулья изъ орѣхового и краснаго дерева и т. д. Часто столяръ ограничивается, такъ сказать, выдѣлкой стульевъ вчериѣ, а полировка и окраска производятся въ другихъ мастерскихъ. Среди столяровъ, производящихъ буфеты, въ свою очередь, имѣются специалисты, которые изготавливаютъ только орѣховые буфеты, только простые или только дубовые и т. д. А посредникъ-торговецъ соединяетъ по томъ всѣ эти отдѣльные предметы мебели въ цѣльную комнатную обстановку; онъ доставляется ремесленникамъ рисунки и мелкая принадлежности и такимъ образомъ достигаетъ единства въ выработкѣ мебели (U. I, 84). До 60% всей мебели производится въ Познаніи такимъ способомъ (86).

Мебельное производство въ небольшихъ городахъ и въ деревняхъ, какъ и въ большихъ городахъ, тоже нерѣдко находится уже въ зависимости отъ магазиновъ или мебельныхъ фабрикъ. Почти изо всѣхъ мѣстъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія о положеніи столярного промысла, сообщаютъ, что извѣстная часть ремесленного мебельного производства вступила уже на этотъ путь развитія; такія свѣдѣнія мы имѣемъ о деревняхъ Ширевальда (U. VII, 521, 528), о многочисленныхъ деревняхъ въ Баденѣ, занимающихся производствомъ мебели (U. III, 122; VIII, 243); объ Эммендигенѣ (VIII, 215); Нейдорфѣ у Страсбурга въ Эльзасѣ (III, 388); Коницѣ въ западной Пруссіи (IV, 166). Поэтому мы можемъ говорить, какъ объ общей тенденціи развитія столярного промысла, о томъ явленіи, что оно попадаетъ въ косвенную зависимость отъ капитала. Мы уже отмѣтили выше, что зависимость эта выражается различно. Въ заключеніе я хотѣлъ бы отмѣтить еще одну въ высшей степени характерную форму такой зависимости: она можетъ показать намъ, какъ далеко идетъ единообразіе въ эволюціи формъ хозяйственной жизни. Когда недостаточное знаніе встрѣчалось съ подобнымъ единообразіемъ явленій, оно видѣло въ нихъ экономические „естественные законы“. Мы же знаемъ, что это не что иное, какъ необходимо одинаковое слѣдствіе одинаковыхъ

¹⁾ О совершенно аналогичныхъ условіяхъ въ бреславльскомъ столярномъ промыслѣ см. Soc. Praxis Jahrgang V, № 29; далѣе A. Igner, „Das Magazinsystem in der Breslauer Möbeltischlerei“, въ Schr. d. V. f. Sp. Bd. 84. S. 451 ff.

комплексовъ причинъ. Но восторгъ изслѣдователя соціальныхъ явлений отъ этого не уменьшается, когда онъ встрѣчаетъ подобная наблюденія.

Я имѣю въ виду то, что французы называютъ „trôle“¹⁾, а англичане „hawking“²⁾. Капиталь—въ нашемъ случаѣ торговыи капиталъ, вложенный въ мебельные магазины,—стремится возможно больше свалить риски съ себя на рабочаго. Нѣкоторые сорта мебели—дешевую мебель, лишенную вслыхъ индивидуальныхъ качествъ,—въ состояніи производить всякий столяръ, недостатка въ предложеніи этого товара никогда не бываетъ. Въ виду всего этого владѣлецъ магазина не считаетъ нужнымъ заблаговременно заказывать такую мебель мастеру, который не замедлитъ самъ явиться къ нему съ соответствующимъ предложеніемъ. Онъ ждетъ. А рабочий между тѣмъ цѣлую недѣлю подрядъ готовить мебель определенного качества, для которой у него пока еще нѣть покупателя. Въ субботу, или въ какой-либо другой день недѣли, онъ возить свою мебель отъ магазина къ магазину, предлагая купить ее у него. Положеніе таково, что здѣсь, при сильной конкуренціи между столярами, зависимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и низкая покупная цѣна товара достигаютъ своихъ крайнихъ предѣловъ, хотя столяръ, по видимости, и сохраняетъ свободу.

Обратимся для иллюстраціи къ описаніямъ!

Берлинъ (U. IV, 414): Имѣются сотни мастеровъ, которымъ каждую субботу приходится сбывать свой товаръ во что бы то ни стало, хотя бы за безцѣночкъ. „Эти „мастера“ работаютъ безъ всякихъ заказовъ. Когда работы закончены, у торговцевъ выпрошены въ долгъ дерево, клей и фанера, а рабочие ждутъ своей платы до продажи товара, тогда „мастеръ“ приступаетъ къ продажѣ. Онъ нагружаетъ мебель на особую повозку и разѣзжаетъ отъ магазина къ магазину, предлагая купить свой товаръ; чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ покладистѣе дѣлается мастеръ, пока, наконецъ, не сбывается свой товаръ за такую цѣну, которая едва покрываетъ расходъ на заработную плату и на дерево“.

Фрейбургъ въ Брайзгау (U. VIII, 244): „Ничтожность этихъ цѣнъ еще обременительнѣе для безработного городского мастера. Когда онъ, за неимѣніемъ заказовъ, изготовить нѣсколько штукъ мебели про запасъ, послѣ того ему приходится странствовать отъ одного мебельного магазина къ другому въ поискахъ за покупателемъ; въ концѣ концовъ онъ продаѣтъ мебель за самую низкую цѣну, чтобы только расплатиться съ торговцемъ деревомъ“.

Кёльнъ-на-Рейнѣ (U. I, 276): „Кустари прекраснѣйшимъ образомъ знаютъ кругъ своихъ покупателей и магазины; они знаютъ, какая мебель и сколько ея требуется. Цѣлую недѣлю они столярничаютъ, въ воскресенье окрашиваютъ и разрисовываютъ мебель, а въ понедѣльникъ кустарь вывозитъ въ ручной телѣжкѣ все сработанное за недѣлю и продаѣтъ своимъ отдѣльнымъ покупателямъ...“ „Это не слишкомъ рѣдкое явленіе (какъ говорятъ)—пла-

1) Ср. наглядное описание для Парижа у R. du Maroussem, „Ebéniste du Faubourg St. Germain“, 1893.

2) Сравн. для Лондона: Ch. Booth, 1. c., p. 175 seq. и R. de Rousiers, 1. c., p. 145 seq. А также First Report of the Select Committee of the House of Lords on the Sweating System (1888) содержитъ соответствующій матеріаъ.

номърная эксплуатация со стороны собственниковъ магазиновъ". Кто ходиль по улицамъ Бреславля, тому фигура тройнга знакома не менѣе¹⁾.

Въ совершенно такомъ же отношеніи къ магазину, какъ работающій на него столяръ, находится и обойщикъ, который обивает мебель. Равнымъ образомъ и онъ остается номинально самостоятельнымъ ремесленникомъ-мастеромъ—и въ то же время находится въ большей или меньшей зависимости отъ капиталистического предприятия, которое точно такъ же представляетъ собой или крупное комбинированное предприятіе, продающее цѣлые обстановки, или же простой мебельный магазинъ. Предприниматель иногда находится съ мастеромъ въ своего рода договорныхъ или, во всякомъ случаѣ, постоянныхъ производственныхъ отношеніяхъ. Въ такомъ случаѣ мастеръ обязанъ работать исключительно на даннаго предпринимателя, а послѣдній, въ свою очередь, обязанъ покрывать свой спросъ работой первого. Мастеръ получаетъ отъ магазина самый оставъ мебели, обивку и различныя матеріи, служащія для украшенія, а впослѣдствіи, при приемѣ мебели и при назначеніи цѣнъ за отдѣльные предметы, все это принимается въ разсчетъ. Остальной матеріалъ, какъ матеріаль для набивки, шнуръ, позументъ и пр., приобрѣтаетъ самъ мастеръ. Расчетъ производится по большей части черезъ долгіе промежутки времени. Историкъ берлинскаго обойнаго промысла по всей справедливости замѣчаетъ, что „это „юридическое и фактическое равенство въ положеніи договаривающихся сторонъ“, хотя и не представляется собой настоящихъ отношеній работодателя къ рабочему, однако содержитъ въ себѣ „извѣстную экономическую зависимость“ (U. I, 104). Предприниматель, который за свой трудъ отчисляетъ себѣ въ видѣ прибыли обыкновенно 33 $\frac{1}{3}$ %, достигаетъ при помощи такихъ договорныхъ отношеній того, что мастеру приходится „безпощадно эксплуатировать свои собственные силы, равно какъ и рабочую силу своихъ подмастерьевъ и учениковъ“. Но такія прочныя договорныя отношенія къ отдѣльному мастеру устанавливаются только у первоклассныхъ магазиновъ, которые торгуютъ только роскошною мебелью. Тѣ же магазины, въ которыхъ преобладаетъ дешевый товаръ и которые, какъ общее правило, торгуютъ въ разсрочку, обыкновенно даютъ работу то одному, то другому мастеру, а по большей части многимъ одновременно, пока не по-

¹⁾ То же самое констатировано и въ Прагѣ: УОе. 136. Марксъ описываетъ эту „систему“ на основаніи своихъ наблюдений надъ англійской промышленной жизнью уже въ 1865 г. Чтобы показать, въ какихъ поражающе однородныхъ формахъ совершаются данный процессъ развитія, я дословно привожу соответствующее мѣсто изъ „Капитала“ (III, 1, 319): „Именно это дѣло (фабрикація лондонской мебели) въ Tower Hamlets поставлено на самую широкую ногу. Все производство распределено на множество совершенно независимыхъ одна отъ другой отраслей. Одна занимается изготавленіемъ только стульевъ, другая—только столъ, третья—только шкаповъ и т. д. Но самое производство совершается болѣе или менѣе ремесленнымъ способомъ,—мелкимъ мастеромъ съ небольшимъ числомъ подмастерьевъ. Но все-таки производство слишкомъ велико для того, чтобы работать непосредственно на потребителей. Покупателями являются владѣльцы мебельныхъ магазиновъ. По субботамъ мастеръ отправляется къ нимъ и продаетъ свои издѣлія, при чёмъ его такъ же прижимаютъ на цѣнѣ, какъ въ ссудной кассѣ при ссудахъ подъ ту или другую вещь. Для такихъ мастеровъ необходимо еженедѣльно сбыть то, что наработано, чтобы имѣть возможность залогиться на слѣдующую неделю сырьемъ матеріаломъ и выплатить заработокъ рабочимъ“ (цит. по рус. пер., стр. 268).

явится еще какой-либо мастеръ, который еще болѣе сбиваеть цѣну и тѣмъ открываеть передъ владѣльцемъ магазина надежду на болѣе высокую прибыль. Здѣсь по большей части также въ обычай, чтобы собственикъ магазина доставлялъ оставъ мебели и обивку; мастеръ же самъ приобрѣтаетъ какъ матеріалъ для набивки мебели, такъ и всѣ прочія принадлежности. Но бываетъ и такъ, что предприниматель даетъ весь матеріалъ. Тогда положеніе мастера, работающаго на магазинъ, мало чѣмъ отличается отъ положенія кустаря: это словно двѣ капли воды, похожія одна на другую. Съ другой стороны, часто бываетъ, что мелкие мастера работаютъ вполнѣ самостоятельно, а затѣмъ уже везутъ свой товаръ отъ магазина къ магазину, чтобы найти покупателя. Такимъ образомъ и въ обойномъ ремеслѣ можно было бы встрѣтить чистый типъ *trôleur'a*. Объ этихъ мелкихъ обойщикахъ-мастерахъ нашъ берлинскій авторъ замѣчаетъ, что большинство ихъ ведетъ жалкое существованіе. „Горькая нужда и безработица вынуждаютъ ихъ работать чуть ли не за всякую цѣну; они преисполнены однимъ только желаніемъ: заполучить въ свои руки наличныя деньги“.

Въ основу этого описанія положены условія берлинскаго обойнаго промысла. Но то же самое наблюдалось во всѣхъ крупныхъ и даже въ среднихъ городахъ. Разница наблюдается, можетъ быть, только въ одномъ отношеніи: въ иѣкоторыхъ мѣстахъ, наприм., въ Лейпцигѣ, мастера, работающіе на магазины, уже превратились въ чистыхъ кустарей, работающихъ у себя на дому¹⁾.

1) Сравн. описанія для Эйслебена—U. IX, 339 f.; Карлсруэ—III, 187 ff.; Коница—IX, 529; Лейпцига—V, 373 ff.; Майнца—III, 307, 309.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Сфера кустарной промышленности

(въ особенности производство одежды).

Домашняя или кустарная промышленность, система работы на скupщика¹⁾, какъ теперь знаетъ всякий, послужила капиталу однимъ изъ самыхъ первыхъ способовъ, которымъ онъ широко воспользовался для того, чтобы проникнуть въ сферу промышленного производства. Въ задачу нашего обзора не входитъ ближайшее разсмотрѣніе тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, когда въ послѣднее время ремесленныя формы дѣятельности превратились въ производство на скupщика²⁾. Напротивъ, намъ важно отмѣтить тѣ области современного промышленного труда, которые превратились въ специфической области домашней промышленности. Такова прежде всего сфера промысловъ, занятыхъ производствомъ одежды. Тотъ фактъ, что эти отрасли промышленности повсюду захвачены капитализмомъ именно въ формѣ домашней промышленности, заставляетъ думать, что по самой природѣ своей онъ тяготѣютъ къ домашне-промышленному строю. И дѣйствительно, тѣ условія, отъ которыхъ, на мой взглядъ, зависить успѣшное существованіе этой формы производства, осуществлены въ нихъ въ выдающейся степени.

Въ самомъ дѣлѣ, продукты ихъ при достаточно массовомъ спросѣ:

1) легко переносить транспортировку;

2) представляютъ собой издѣлія, для производства которыхъ требуется много живого труда, при томъ раздробленного на отдѣльные операции: характерная черта всѣхъ „конфекціонныхъ“ издѣлій. Сверхъ того,

1) Литература о домашней индустріи въ послѣднее время особенно сильно возросла. Для общей ориентировки см. мои статьи: въ *Brauns Archiv*, Band IV (1891); *H. St.² Art. „Hausindustrie“*. [Объ статьи Зомбартъ вошли въ составъ сборниковъ: „Промышленность“ и „Исторія труда“, изд. М. Водовозовой. Отмѣтимъ кстати, что Зомбартъ нерѣдко ссылается на статьи 2-го издания „Handwörterbuch der Staatsw.“, между тѣмъ какъ въ указанныхъ сборникахъ онъ переведены по 1-му изданию.] *Jahrbücher für N. Ö.*, III F., Bd. VI (Litteraturübersicht). Послѣ того какъ сущность этой формы производства была выяснена въ достаточной степени, литература о ней представляетъ преимущественно специальную литературу. Мы ссылаемся на нее въ надлежащихъ мѣстахъ. Въ теоретическомъ отношеніи слѣдуетъ еще имѣть въ виду: R. Liepmann, „Über Wesen und Form d. Verlags“ (H. J.), 1899. Сравн. объ этомъ мои замѣчанія въ *Brauns Archiv* XIV, 320.

2) Сравн. въ *Sachregister der U. s. v. „Verlagssystem“* сводку такихъ случаевъ.

3) это—издѣлія специфически женскаго труда, что въ особенности спра-
ведливо по отношенію къ портновскому промыслу.

Сила сопротивленія кустарныхъ формъ производства по отношенію къ
высшимъ формамъ производства не во всѣхъ названныхъ промыслахъ одинаково
велика. Въ то время какъ домашняя промышленность пока что царитъ
почти безраздѣльно въ портняжномъ промыслѣ,—въ сапожномъ промыслѣ она
уже въ значительной степени утратила подъ собой почву.

Объ отношеніяхъ въ отдѣльныхъ кустарныхъ промыслахъ дадутъ нѣко-
торое представление слѣдующія данныя:

Производство башмаковъ и сапогъ въ настоящее время на обоихъ
своихъ полюсахъ, т.-е. производство какъ лучшихъ, такъ и простыхъ сор-
товъ, составляетъ область домашней промышленности. Съ одной стороны, баш-
мачники старинныхъ сапожныхъ деревень и городовъ, которые когда-то само-
стоятельно сбывали свой товаръ черезъ коробейниковъ и на ярмаркахъ, все
болѣе и болѣе подпадаютъ подъ власть капиталистическихъ скupщиковъ¹⁾.
Съ другой стороны, и самая элегантная обувь въ настоящее время нерѣдко
производится еще кустарнымъ способомъ. Примѣромъ послѣдняго можетъ слу-
жить массами вывозимая изъ Австрии обувь²⁾, а также лучшіе сорта обуви,
изготавляемой въ Германіи. Въ Бреславль и—конечно, можно сказать—во всѣхъ
большихъ городахъ³⁾ „высшій свѣтъ“ покупаетъ самую элегантную обувь въ
такъ назыв. „Verlagsmagazinen“ (магазинахъ, принадлежащихъ капиталистамъ-
скупщикамъ), расположенныхъ на самыхъ оживленныхъ улицахъ; одни наход-
ятъ готовую обувь опредѣленного номера тутъ же, въ богатомъ складѣ
при магазинѣ (такъ поступаютъ въ большинствѣ случаевъ дамы и дѣти), съ
другихъ снимаютъ мѣрку въ элегантномъ помѣщеніи магазина. Въ послѣднемъ
случаѣ—изящная работа по мѣркѣ больше всего и поддерживаетъ славу
элегантѣйшихъ магазиновъ—предприниматель поручаетъ своему вѣнскому или
парижскому закройщику выкроить изъ большого запаса лучшихъ сортовъ кожи
заказанную обувь; что касается строчки,—она производится или тутъ же, въ
мастерской, или же поручается особой мастерцѣ, живущей на сторонѣ. Затѣмъ
предприниматель выбираетъ изъ своего громаднаго запаса колодокъ,
которыя онъ часто покупаетъ въ Вѣнѣ и т. д., подходящую пару и пере-
даетъ все: кожу, колодки и вчернѣ выкроенные подошвы сапожнику-кустарю.
Эти по большей части крупные, а иногда и мелкие капиталистические мага-
зины являются преемниками описанныхъ выше мастеровъ, имѣвшихъ свои
магазины (Magasinmeister). Мы еще увидимъ потомъ, что въ сапожномъ про-
мыслѣ кустарная форма производства вытесняется фабрикой.

1) Альтона—U. I, 29 f.; Драмбург—I, 56; Грайцъ и Пегау (у Лейпцига)—II, 219 f.;
Эльмегорнъ—I, 12 f.; Кала—IX, 36; Лойпъ—I, 43 f.; Преецъ—I, 6; о вюртембергскихъ
мѣстностяхъ—III, 222, 250; о силезскихъ мѣстностяхъ—IX, 498 f.; о Галиції ср. С. v.
Raugert, „Die Soc. u. wirtschaftlich. Lage der galizischen Schuhmacher“, 1891; о Ба-
варії: E. Francke, „Die Schuhmacherei in B.“, 1893. Въ своей работѣ: „Die Hausin-
dustrie in der Schuhmacherei Deutschlands“ (Schr. d. V. f. S. P. Bd. 87), этотъ же авторъ
реанализируетъ результаты U.

2) О Вѣнѣ см. UOe. 40, 46, 53—56; о Прагѣ, тамъ же, S. 172; далѣе для всей
Австрии „Stenograf. Protokoll über die Lage des Schuhmachergewerbes“, 1892.

3) О Бреславль—U. IV, 38; о Лейпцигѣ—U. II, 232.

Напротивъ, положеніе системы производства на скушника во второмъ важномъ промыслѣ, производящемъ одежду, въ портняжномъ промыслѣ, повидимому, пока гораздо прочиѣе. Здѣсь—необходимо различать конфекціонное производство и производство на заказъ по мѣркѣ; а затѣмъ въ предѣлахъ конфекціоннаго производства—конфекціонное производство бѣлья и конфекціонное производство одежды.

Капиталистический магазинъ платья, работающій на заказъ по мѣркѣ, первоначально былъ достояніемъ исключительно большихъ городовъ¹⁾, а въ послѣднее время все болѣе и болѣе распространяется по не-большимъ городамъ и даже въ деревнѣ²⁾. Нѣть никакой необходимости въ томъ, чтобы въ основѣ его лежала непремѣнно домашняя промышленность. Владѣльцемъ его можетъ быть мастеръ или предприниматель, который производить отдельные предметы одежды въ собственной мастерской. Но нерѣдко, по крайней мѣрѣ одной ногой, онъ стоять уже на почвѣ домашней промышленности, такъ какъ извѣстная доля, если не вся работа, обыкновенно выполняется кустарными рабочими. Эта капиталистический магазинъ дамскаго и мужскаго платья, работающій на заказъ по мѣркѣ и аналогичный современному магазину обуви лучшаго качества, принадлежащему капиталисту-скушнику, производить саму элегантную одежду и работаетъ на самые зажиточные слои населенія. Подобные магазины стараются выдвинуться не столько производствомъ самыхъ ходкихъ товаровъ, сколько дорогими товарами высокаго качества³⁾. Собственикъ такого магазина, въ особенности собственикъ солиднаго магазина въ большомъ городѣ, долженъ быть состоятельнымъ человѣкомъ: ему приходится имѣть при магазинѣ богатый выборъ матерій; кроме того, своимъ рабочимъ, работающимъ лучшіе сорта одежды, онъ платить высокое вознагражденіе, а нерѣдко содержать дорого оплачиваемыхъ директоровъ и закройщиковъ; здѣсь иногда можно встрѣтить подмастерьевъ, получающихъ 3.000 марокъ содержанія (U. VII, 36). Такіе магазины, вообще производящіе, какъ это ясно само собой, въ точномъ смыслѣ слова на заказчика, нерѣдко построены на самомъ широкомъ капиталистическомъ базисѣ. Девять большихъ парижскихъ модныхъ магазиновъ дѣлаютъ оборотъ въ 25 милл. франковъ: Raquin—5 м., Doucet—4 м., Felix—3 м., Redfern—2 м.⁴⁾. Магазинъ знаменитаго дамскаго портного Ворта въ Парижѣ недавно былъ превращенъ въ акціонерное общество съ капиталомъ въ 12½ мил. франк. (по „Конфекціонеру“). У трехъ самыхъ крупныхъ парижскихъ дамскихъ портныхъ на Rue de la Paix, какъ это сдѣгалось извѣстно во время послѣдней стачки ихъ служащихъ (1900), было 2.500 работницъ, которыхъ въ общей совокупности получали 4 мил. фр. платы.

Однако часто и мелко-капиталистическая предпріятія въ этой области

¹⁾ Бреславль—U. VII, 33 f.; Карlsruhe—I, 51/52; Вѣна—UOe. 508—509.

²⁾ Деревня Галенпѣн—U. V, 48; Накель—U. IV, 209 f.; Эйслебен—IX, 303; Гена—IX, 5; Эрланген—III, 407; Лѣбау—IV, 196; Пренцлау—IV, 136 f.

³⁾ Фрачнала пара въ первоклассномъ вѣскомъ магазинѣ, работающемъ на заказъ, стоять 140—150 flor., UOe. 534. Подумать только: 250 марокъ! Хорошо извѣстно, что дамскіе туалеты, выходящіе изъ такихъ магазиновъ, стоять нерѣдко баснословно дорого.

⁴⁾ „Konfektionär“ отъ 18 мая 1899.

дѣлаютъ хорошія дѣла, въ особенности въ небольшихъ городахъ, гдѣ тоже начинаютъ распространяться капиталистические магазины, работающіе на заказъ. Тады, сообщаютъ объ одномъ такомъ магазинѣ въ Накельѣ: этотъ магазинъ держитъ 12—18 подмастерьевъ въ собственной мастерской; кромѣ того, на него работаютъ, въ качествѣ кустарей, „самостоятельный“ мастера (U. IV, 210). То же самое и въ Іенѣ (U. IX, 9—21).

Конфекціонное производство одежды¹⁾ изготавливаетъ готовое платье. Здѣсь различаются двѣ группы: 1) производство мужского и дѣтскаго платья, включая сюда рабочие и лѣтніе костюмы; 2) производство дамскаго платья, въ особенности дамскихъ накидокъ.

Главное стремленіе здѣсь—дешевизной товара создать большой сбытъ. Конфекціонное производство особенно сильно развилось за послѣднія десятилѣтія. Въ Германии можно замѣтить три главныхъ области производства мужскаго и проч. платья²⁾: сѣверно-германскую, южно-германскую и западно-германскую. Центрами сѣверно-германской производственной области являются Берлинъ и Штетинъ. Главнымъ же центромъ не только для сѣверной Германии, но и вообще для всей Германии служить безспорно Берлинъ, который вполнѣ господствуетъ на рынке лучшихъ сортовъ товара, по вмѣстѣ съ тѣмъ производить и дешевые сорта. Южно-германская производственная область концентрируется главнымъ образомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и его окрестностяхъ, въ Ашаффенбургѣ, Нюрнбергѣ и Штутгартѣ. Западно-германская производственная область охватываетъ производство рабочихъ и лѣтніхъ костюмовъ для Рейнской Вестфалии. Центрами его являются Мюнхенъ-Гладбахъ, Барменъ-Эльберфельдъ и округа: Минденъ, Герфордъ, Любекъ, городской и деревенскій округъ Билефельда.

Конфекціонное производство дамскаго платья сосредоточивается въ трехъ городскихъ центрахъ: главный центръ—Берлинъ, гдѣ производятся всякие сорта, въ особенности лучшіе и высшіе сорта; въ Бреславль и Эрфуртѣ изготавливаются средніе и низшіе „массовые“ сорта.

Конфекціонное производство одежды въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ концентрируется въ крупныхъ, по большей части, даже въ очень крупныхъ предприятияхъ. Самый крупный конфекціонный магазинъ мужскаго и дѣтскаго платья въ Бреславль изготавливаетъ ежедневно 1.000—1.800 костюмовъ (U. VII, 20); самый крупный магазинъ дамскихъ накидокъ производить ежегодно 200.000 „Piècen“ (штуки), т.-е. 200.000 дамскихъ мантий и жаке-

1) Изъ литературы, кромѣ работъ въ U., см. еще: G. Herzberg, „Das Schneidergewerbe in München“, 1894. Joh. Timm, „Die Konfektionsindustrie“, 1897. Drucksachen der Kommission für Arbeiterstatistik: Verhandlungen № 10, 11 (Nachtrag); № 13 (Nachtrag); Erhebungen № 10 содержать die Zusammenstellung der Ergebnisse u. s. w. A. Weber, „Hausindustrielle Gesetzgebung und Sweatingsystem“ въ Schmollers Jahrbuch XXI (1897), особенно S. 289 ff., а также относящіяся сюда работы въ Schr. d. V. S. P. Bd. 85 и 86. О таихъ же отношеніяхъ въ Англіи (London): Booth, „Labour and life of the people“, во Франціи: Musée Social. Série A. Circ. № 14, и La petite industrie etc. (Publ. de l'office du Travail), tome II. Le vêtement à Paris 1896; въ Австріи: UOe. 420 ff. (Преснинъ), 493 ff. (Вѣна). J. Deutsch, „Die Wiener Männerschneiderei“ („Zukunft“, 1898, № 17). См. также указатель литературы къ статьѣ „Hausindustrie“ въ H. St. 42.

2) Сравн. Zusammenstellung etc. S. 4 ff.

токъ (25). Въ самомъ магазинѣ однихъ только служащихъ 135 человѣкъ. Въ Бреславль число портныхъ и портихъ опредѣляютъ въ 25—30 тысячъ¹⁾; большинство изъ нихъ работаетъ у себя на дому на магазины готоваго платья. Въ Штетинѣ имѣется около 30 магазиновъ съ нѣсколькими тысячами рабочихъ, въ Ашаффенбургѣ—6 оптовыхъ магазиновъ приблизительно съ 2.000 рабочихъ²⁾. Сбываются свои продукты эти гигантскія предпріятія лишь въ незначительной степени на мѣстахъ производства—большинство изъ нихъ, конечно, всегда имѣеть и розничную торговлю; несравненно большая часть разсылается по всему свѣту: изъ Германіи вывозится болѣе чѣмъ на 100 мил. марокъ, главнымъ образомъ дамскаго готоваго платья³⁾). Но еще на большую сумму остается готоваго платья внутри страны. Стоимость производимыхъ въ Германіи конфекціонныхъ издѣлій оцѣнивается приблизительно въ 400 мил. марокъ; стоимость однѣхъ производимыхъ въ Берлинѣ готовыхъmantilij равняется 120—130 мил. марокъ; стоимость издѣлій австро-венгерской конфекціи равна 15 мил. flor.; до $\frac{1}{3}$, вывозится за границу (U. Oe. 424).

Организація производства готоваго платья принимаетъ двѣ разныхъ формы. Или кройка вещей производится въ центральной мастерской, а отдельные штуки работы отдаются раздѣльно работающимъ кустарямъ; или же между руководителемъ предпріятія и кустарями-рабочими стоять такъ назыв. мастерки, которые получаютъ заказъ отъ предпринимателя и уже за свой счетъ и рискъ поручаютъ ихъ выполненіе рабочимъ-кустарямъ. Если мастерки не передаютъ заказовъ рабочимъ, работающимъ у себя на дому, то они сами устраиваютъ небольшія мастерскія съ числомъ рабочихъ и работницъ до 20; здѣсь существуетъ уже нѣкоторое раздѣленіе труда и употребляютъ нѣкоторыя машины (для закройки, для уложенія). Эти мастерскія по англійскому прототипу называются „Schwitzhöllen“ (т.-е. „потогонный адъ“)⁴⁾.

1) U. VII, 3 ff. Согласно профессіональной переписи 1895 г., въ Бреславль въ „швейномъ, портняжномъ, конфекціонномъ промыслахъ“ было 6.865 самостоятельныхъ, 11.093 „прочихъ лицъ“, занятыхъ тѣми же промыслами; слѣд., всего 17.958. Для Берлина упоминается цифра 50.000 работниковъ, „которые не могутъ работать въ мастерскихъ, такъ какъ на нихъ лежать еще обязанности по дому, или же это матери, которые должны заботиться о своихъ дѣтяхъ и мужьяхъ, и дѣвушки, у которыхъ дома больная мать и т. п.“. Drucksachen, etc. Verhandlungen № 10, S. 150. Согласно съ этимъ числу лицъ, вообще занятыхъ въ конфекціи, должно быть гораздо больше. Такъ оно и было въ действительности. Профессиональная перепись 1895 г. опредѣлила въ „швейномъ, портняжномъ, конфекціонномъ производствахъ“ 32.740 самостоятельныхъ, 55.500 „остальныхъ лицъ“, занятыхъ въ томъ же производствѣ, слѣд., всего 88.240.

2) Zusammensetzung etc. S. 5, 6. Обороты одного сравнительно крупнаго предпріятія въ Штетинѣ исчисляются въ 1—2½ мил. марок., Protocoll etc. S. 96.

3) О сбытѣ конфекціонаго товара см. Zusammensetzung etc., S. 8. Официальная статистика даетъ для 1900 г. слѣдующія цифры вывоза („Stat Jahrb. f. d. deutsche Reich“, 1901, S. 107): „платья, носильное бѣлье и модный товаръ“: „бумажные и т. д.; шерстяное носильное бѣлье, корсеты“=99,6 мил. марокъ; „шелковые и полушелковые“ etc.=11,7 м. мар.; „носильное бѣлье, бумажное и полотяное“=18,3 м. мар.

4) Объ организаціи конфекціонаго производства и о проявляющихся въ немъ тенденціяхъ см. въ особенности A. Weber, a. a. O. S. 289 ff. Веберь дѣлаетъ интересную попытку показать различие въ тенденціяхъ развитія—къ децентрализаціи или къ централизаціи—различныхъ производственныхъ областей. Онъ склоненъ усматривать въ 4 восточныхъ городахъ тенденцію къ децентрализаціи, въ западной производственной области—тен-

Одежда, производимая конфекционнымъ способомъ, все болѣе и болѣе распространяется оть большихъ городскихъ центровъ въ мелкіе города и по деревнямъ.

Подобнымъ же образомъ организовано и конфекціонное производство бѣлья; только съ тою разницей, что здѣсь отступаетъ на задній планъ система мастерскихъ и преобладаютъ отдѣльные кустари-рабочіе, главнымъ образомъ женщины¹⁾). Конфекціонное производство бѣлья, т.-е. изготавленіе дамскаго и дѣтскаго бѣлья: какъ ночныхъ сорочекъ, пеньюаровъ, кофточекъ, дамскихъ блузъ, дамскаго нижнаго бѣлья (кальсонъ и юбокъ), купальныхъ костюмовъ, дѣтскихъ платьицъ и т. д., сосредоточивается преимущественно въ Берлинѣ (30 оптовыхъ фирмъ даютъ работу приблизительно 5.000 работницамъ), Бреславль и Кёльнѣ²⁾). Исторически оно получило свое начало съ двухъ сторонъ: оть магазиновъ, торгующихъ полотномъ, и оть школъ кройки и шитья³⁾). Оть остальныхъ конфекціонныхъ производствъ оно отличается существенно тѣмъ, что первоначально бѣлье производилось, какъ общее правило, не промышленнымъ способомъ, а вообще въ предѣлахъ семьи.

Наконецъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть о современныхъ мѣховыхъ магазинахъ большихъ городовъ: поскольку эти магазины вообще соприкасаются съ сферою производства, они въ значительной степени пользуются трудомъ рабочихъ-кустарей. Подобно описанному выше, близкому къ нимъ по своему характеру капиталистическому магазину обуви, и мѣховые магазины отчасти являются чисто - торговыми предпріятіями; главный предметъ ихъ сбыта — цѣнныя мѣха и дорогія готовыя шубы. Вмѣстѣ съ тѣмъ они изготавливаютъ на заказъ дорогія шубы, а нѣкоторые изъ нихъ изготавливаютъ всегда лишь дорогія мѣховые издѣлія про запасъ. Изготавливаютъ опять-таки или въ мелкихъ собственныхъ мастерскихъ или же съ помощью кустарныхъ рабочихъ. Владѣльцы такихъ магазиновъ охотно называютъ себя поизрѣнему скорняжными мастерами, но въ то же время сильно жаждутъ получить званіе „придворного поставщика“. Среди нихъ немало обученныхъ скорняковъ.

денцію къ централизації, и сводить это различіе къ различіямъ въ отношеніяхъ рабочаго рынка.

1) Хотя и при посредничествѣ посредниковъ, мастера или мастерицы. Сравн. Gertrud Duhrenfurth, a. a. O. S. 18, 92 ff. Согласно этому труду, въ изученныхъ авторомъ отрасляхъ конфекціонного производства мастера-посредники въ большинствѣ случаевъ имѣютъ только 2—3 работницъ. Нѣсколько болѣе распространены крупныя мастерскія въ производствѣ нижнихъ юбокъ, гдѣ находитъ себѣ примѣненіе цѣлая система гарнитурныхъ и швейныхъ машинъ, l. c., стр. 19.

2) Zusammensetzung, etc., S. 7. Отъ конфекціонного производства бѣлья необходимо отличать фабричное производство бѣлья, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

3) H. Grandke, a. a. O. S. 241 ff. Изъ литературы предмета см. также: въ NOe. работу о Psaillergewerbe въ Вѣнѣ. Далѣе: Drucksachen der Kommission für Arbeiterstatistik. Verhandlungen № 11 (Nachtrag); 13 (Nachtrag); Erhebungen № 10 (цит. „Zusammenstellung“ etc.). Feig, Hausgewerbe und Fabrikbetrieb in der Berliner Wäscheindustrie (Schmoller, Forschungen XIV, 3) 1897. Обѣихъ областей — конфекціонного производства какъ бѣлья, такъ и верхнаго платья — касается уже названное поучительное изслѣдованіе Gertrud Duhrenfurth, Die hausindustriellen Arbeiterinnen in der berliner Blus-, Unterrock-, Schürzen- und Tricotkonfektion (Schmollers Forschungen XV, 4). 1898.

Однако сами они никогда не работаютъ, а ограничиваются руководительствомъ торгоюю частью, что, при дорогоизнѣ сырого материала, иногда сопряжено съ значительною ответственностью. Въ такие магазины всегда вкладывается сравнительно крупный капиталъ; рѣдко падаетъ онъ ниже 30.000 марокъ; а часто онъ достигаетъ сотенъ тысячъ марокъ (ср. II, 95 ff.).

Остальные издѣлія изъ мѣха, изготовленныя кустарнымъ способомъ, это—или предметы, заказываемые крупными конфекціонными предпріятіями (чаще всего заказываются предметы одежды, обшитые мѣхомъ), или издѣлія, принадлежащія къ области крупнаго производства, но изготовленныя по порученію крупныхъ предпринимателей кустарями-работниками (муфты, воротники, шапочки и т. д.).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Внѣдомашняя промышленность

(въ особенности строительныхъ предпріятій).

Выше мы подробно уже говорили о проникновеніи капитализма въ строительные промыслы. Теперь мы постараемся отвѣтить на вопросъ: создать ли капитализмъ въ настоящее время, и въ какой именно степени, самостоятельный предпріятія въ строительномъ дѣлѣ, прежде всего въ формѣ внѣдомашняго производства (см. гл. 8-я, б. II)? Я начну съ каменщиковъ и плотниковъ. Ихъ промыслы могутъ служить примѣромъ внѣдомашняго производства: одно и то же центральное управление, т.-е. одинъ и тотъ же капиталистический предприниматель довольно часто примѣняетъ рабочія силы, которыя въ одно и то же время заняты въ различныхъ пунктахъ на разныхъ постройкахъ.

Оба эти промысла въ настоящее время имѣютъ въ большихъ городахъ вполнѣ капиталистической характеръ; но не только въ большихъ городахъ, но очень нерѣдко и въ среднихъ и въ мелкихъ. Уже въ половинаѣ прошлаго вѣка среднее число каменщиковъ и плотниковъ, приходившееся на одного мастера, было для того времени необыкновенно высоко. Но такъ какъ собственникъ постройки доставлялъ мастеру строительный материалъ, то мастера были не больше какъ *primi inter pares*, заглавными рабочими и надсмотрщиками, а отнюдь не предпринимателями. Напротивъ, въ настоящее время они почти сплошь превратились въ предпринимателей. Одна изъ важныхъ причинъ этого явленія заключается въ томъ, что они должны теперь сами доставлять необходимый строительный материалъ, т.-е. должны вести работы за собственный счетъ,—а для этого требуется значительный капиталъ. „Переходъ къ работѣ на продажу повелъ къ тому, что отъ каменщиковъ и плотниковъ теперь требуются крупные капиталы для веденія производства: цѣнность построекъ значительная, рабочій періодъ тянется долго. Поэтому мастера превратились въ капиталистическихъ предпринимателей“ (У. IX, 310).

Въ настоящее время мы иногда встречаемъ у отдѣльныхъ „мастеровъ“ лишь такое же количество подмастерьевъ, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ. Однако, не слѣдуетъ забывать, что въ такихъ случаяхъ передъ нами — нѣчто совершенно иное, чѣмъ 50 лѣтъ тому назадъ: за мастерами теперь стоитъ соотвѣтствующій капиталъ. Можно безъ преувеличенія утверждать, что bla-

годаря этому—поскольку рѣчь идетъ не о починочной работѣ и не о рабочихъ-одиночкахъ—почти весь промыселъ каменщиковъ и плотниковъ организованъ въ видѣ капиталистическихъ предпріятій: большая часть новыхъ построекъ даже въ небольшихъ городахъ и по деревнямъ строится крупными фирмами. Вотъ иѣсколько цифръ для иллюстраціи положенія въ среднихъ и мелкихъ городахъ¹⁾.

Въ Эйслебенѣ оборотный капиталъ мастера-каменщика равняется 20—25 тыс. марокъ, число занятыхъ подмастерьевъ 30—40; плотничье предпріятіе уже при 10 подмастерьяхъ требуетъ капитала въ 30—40 тыс. марокъ; такъ что „у каменщиковъ и плотниковъ „мастера“ далеко превосходятъ подмастерьевъ капиталомъ, доходомъ и образованіемъ“ (U. IX, 313).

Въ Іенѣ плотницкое производство съ 25—30 подмастерьями требуетъ 12.000 марокъ для устройства складовъ, мастерскихъ, на приобрѣтеніе мѣста и инструментовъ; 10.000—12.000 м.—на закупку дерева, на заработную плату и пр.; замѣтна тенденція къ увеличенію размѣровъ производства (U. IX, 246, 253).

Въ Россвейнѣ въ Саксоніи (фабричный городъ) 4 мастера содержать 274 каменщика и 90 плотниковъ.

Въ Дебельнѣ въ Саксоніи (фабричный городъ) у 6 мастеровъ-каменщиковъ было 1.168 рабочихъ, у 5 мастеровъ-плотниковъ 127 рабочихъ (U. VI, 423).

Въ Накелѣ (Нетце) каменщицкій и плотничій промыслы находятся въ рукахъ 3 „строительныхъ мастеровъ“, изъ которыхъ одинъ имѣть 30—40 рабочихъ, другой 80—100 рабочихъ (U. IV, 215/218).

Въ деревнѣ Месскирхѣ мастеръ - каменщикъ, у которого работаютъ 26 рабочихъ, берется „главнымъ образомъ за крупныя постройки“ (U. VIII, 49).

Особенностью предпріятій каменщиковъ и плотниковъ является то, что число занятыхъ у „мастера“ рабочихъ годъ отъ года и мѣсяцъ отъ мѣсяца сильно колеблется. Въ Берлинѣ, какъ говорять, число подмастерьевъ часто колеблется въ отношеніи 1:20 или 30; то же самое сообщаютъ изъ Бреславля (U. IX, 413).

Своеборзная черта строительныхъ предпріятій—поддерживать свое существованіе въ формѣ внѣдомашней промышленности—еще отчетливѣе обнаруживается въ цѣломъ рядѣ другихъ строительныхъ промысловъ, какъ, напр., въ малярномъ промыслѣ. Такъ какъ фабрика уже взяла въ свои руки изготавленіе красокъ, то маляру изъ всего его прежняго дѣла осталось только наносить готовыя краски на окрашиваемыя стѣны. Наблюдая маляровъ на работе, хотя бы даже надъ какимъ-либо солиднымъ общественнымъ зданіемъ, мы насчитаемъ на лѣстницахъ и лѣсахъ самое большое 2—3 дюжины маляровъ, которые выполняютъ работу ремесленнымъ способомъ. Здѣсь иѣсть мѣста „крупному производству“, машинаамъ и т. д. И тѣмъ не менѣе въ иѣдрахъ малярного промысла совершился могучій переворотъ. Такъ, мы узнаемъ,

¹⁾ Особенно интересную статистику для Карлсруэ, изъ которой отчетливо видны преобладающее крупныхъ предпріятій и тенденція къ дальнѣйшему увеличенію, мы находимъ въ U. III, 76.

напр., относительно Берлина, „что приблизительно за последний 12 лѣтъ крупное производство (читай: „капиталистическое предприятие“) побѣдоносно шло впередь и сдѣлало крупныхъ завоеванія“. „Лѣтомъ 1895 г. здѣсь было около 20 малярныхъ и живописныхъ фирмъ болѣе чѣмъ съ 50 рабочими каждая. Самая крупная фирма держала въ среднемъ 250—300 рабочихъ, въ наиболѣе горячую пору число это доходило до 600, а зимой оно падало до 150. Затѣмъ идутъ 4—5 предприятий, для которыхъ среднее число рабочихъ опредѣляется въ 100—200 человѣкъ, затѣмъ около 15 предприятий, для которыхъ среднее число рабочихъ исчисляется приблизительно въ 50—60 человѣкъ“ (U. VII, 208/209). Что означаетъ это?

Очевидно, лишь слѣдующее: хотя процессъ труда въ малярномъ промыслѣ и не подвергся существеннымъ перемѣнамъ, однако имъ уже овладѣло капиталистическое предприятие. Такимъ образомъ теоретикъ формъ промышленной организаціи и производства оказывается здѣсь лицомъ къ лицу съ очень своеобразной и прихотливой капиталистической формой. Малярное предприятие, которое по утрамъ высылается на работу по различнымъ—напр., десяти—мѣстамъ до 100 рабочихъ, является безъ всякаго сомнѣнія крупно-капиталистическимъ предприятіемъ; оно не пользуется трудомъ „домашнихъ рабочихъ, кустарей“, слѣдовательно, оно не принадлежитъ къ системѣ производства на скучищика; съ другой стороны, отъ него не находятся въ косвенной зависимости различного рода ремесленныя существа,—и, несмотря на то, оно еще не развило крупнаго производства, или, если и развило, то не повсюду, хотя въ непосредственной зависимости отъ него стоитъ большое число наемныхъ рабочихъ. Я думаю, что можно удовольствоваться этой, конечно теоретически неудовлетворительной, но вполнѣ достаточной для уразумѣнія фактовъ систематизаціей безконечно разнообразныхъ жизненныхъ формъ. Ниже мы еще увидимъ, что подобныя строительныя предприятия, какъ крупные малярные, въ которыхъ процессы труда выполняются раздѣльно, ведутъ насы къ типу универсальныхъ строительныхъ предприятий.

Отмѣтимъ еще одну отрасль строительной дѣятельности, которая точно такъ же приняла капиталистическую форму и характеризуется тѣми же самыми производственными чертами, какъ и разсмотрѣнные выше строительные промыслы, къ которымъ она примыкаетъ. Мы имѣемъ въ виду тѣ специальные предприятия, которые въ большихъ городахъ занимаются поставкой и установкой лѣсовъ и т. п. на постройкахъ. Въ прежнее время постановка лѣсовъ обыкновенно была дѣломъ соответствующихъ специальныхъ рабочихъ: внутри строящагося зданія обѣ этомъ заботился маляръ и т. п., снаружи—каменщики и кровельщики¹⁾). Въ настоящее время этотъ родъ дѣятельности начинаетъ специализироваться. По адресѣ-календарю г. Берлина, въ 1901 г.

1) То обстоятельство, что мастеръ-каменщикъ или кровельщикъ по большей части доставляетъ лѣса и для другихъ ремесленниковъ, особенно для маляровъ,—вѣроятно, объясняется прежними полицейскими ограничительными правилами. Такъ, въ прусскомъ мин. цирк. отъ 24 VI. 1856 въ § 50 предписывалось: „При работахъ со стороны вѣнчаний частей зданій никто, кроме мастеровъ плотника, каменщика, каменотеса, кровельщика шиферомъ и кровельщика черепицей, не можетъ пользоваться, безъ разрѣшения оберъ-полицейскихъ властей, наземными или висячими лѣсами“. Oldenb erg, op. c. S. 10 App. 1.

было здесь 21 специальныхъ предпріятій по установкѣ лѣсовъ для каменщиковъ и маляровъ, тогда какъ въ Бреславль мнѣ известно только одно „предпріятіе по отдачѣ въ наемъ лѣсовъ“.

Стариннымъ промысломъ, точно такъ же примыкающимъ къ строительнымъ промысламъ, является мостильный промыселъ, съ которымъ въ настоящее время начинаетъ конкурировать асфальтовый промыселъ. Когда онъ принимаетъ капиталистическую форму, это происходитъ тоже лишь въ формѣ выѣдомашней промышленности. Въ настоящее время мостильный промыселъ въ большихъ городахъ организованъ исключительно капиталистически, если только городское самоуправлѣніе не беретъ мощенія улицъ въ собственные руки, какъ это имѣеть мѣсто, напр., въ Гамбургѣ. Впереди всѣхъ по капиталистической организаціи мостильного промысла стоитъ Берлинъ, гдѣ господствуютъ крупныя предпріятія, а на долю немногихъ мелкокапиталистическихъ предпріятій, т.-е. предпріятій съ капиталомъ въ 10—50.000 марокъ, остается мало работы по замощенію новыхъ улицъ. Самое крупное предпріятіе въ 1895 г. имѣло 130—200 наемныхъ рабочихъ; это приблизительно $\frac{1}{3}$ всего рабочаго персонала въ берлинскомъ мостильномъ промыслѣ (около 500 подмастерьевъ, 123 ученика). „Крупныя предпріятія“—14, среднихъ—16, мелкихъ—12 (съ 1—6 подмастерьями, часто и безъ нихъ). Послѣднія занимаются только починочными работами и, какъ это ясно само собой, представляютъ quantit  n gl ig able. Крупныя берлинскія мостильныя предпріятія работаютъ также и за предѣлами Берлина, напр., въ Потсдамѣ и Шпандау и даже въ Данцигѣ и Штетинѣ. Они проектируютъ, въ случаѣ если будутъ вытѣснены асфальтовымъ промысломъ, перенести свою дѣятельность главнымъ образомъ въ провинцію (U. VII, 365) ¹⁾. Уже въ настоящее время мостовщики въ мелкихъ мѣстечкахъ страдаютъ отъ конкуренціи большихъ городовъ: напр., мостильщикъ въ Накель страдаетъ отъ конкуренціи своихъ бромбергскихъ и другихъ предпринимателей изъ провинціи (U. IV, 218).

Лишь въ послѣднее время, съ развитиемъ колективистического удовлетворенія потребностей, въ большихъ городахъ расцвѣть еще одинъ промыселъ, который виѣ всякаго сомнѣнія относится къ той же категоріи производствъ, какъ и только что разсмотрѣнные—инсталляціонный промыселъ. Въ составъ его входитъ прокладка газовыхъ и водопроводныхъ сооружений, при чмъ различаются работы, производимыя на улицахъ (уличная инсталляція), и работы, производимыя въ домахъ (домовая инсталляція).

Уличная инсталляція, какъ показываетъ и самое название,—это прокладка газо- и водопроводныхъ трубъ отъ центральной станціи вдоль улицъ

1) Это знаменовало бы смерть для ремесленного мостильного промысла, отчасти сохранившаяся въ небольшихъ городахъ. Кстати, если авторъ отчета о берлинскомъ мостильномъ промыслѣ старается представить дѣло такъ, словно въ столицѣ этотъ промыселъ представляетъ собой цѣлѣтущее „ремесло“, то мы имѣемъ здѣсь блестящій примеръ той абсолютной непродуманности и достойной сожалѣнія путаницы въ понятіяхъ, которыя, къ несчастію, довольно часто встречаются въ Untersuchungen, особенно у берлинскихъ авторовъ. Къ счастію, можно игнорировать разсужденія авторовъ и пользоваться лишь материаломъ, который они сообщаютъ.

до границъ частныхъ владѣній. Въ большинствѣ городовъ промыселъ этотъ сосредоточивается въ крупныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ, производящихъ подземные строительныя работы, или же въ крупныхъ производствахъ коммуны. По своей природѣ онъ принадлежитъ къ уличнымъ сооруженіямъ.

Другое дѣло—домовая инсталляція. Здѣсь дѣло не въ простой прокладкѣ и нехитромъ соединеніи проводныхъ трубъ: какъ общее правило, здесь приходится еще привести въ надлежащій видъ, обрѣзать, приспособить и т. д. отдѣльныя части проводовъ, которыхъ всѣ въ готовомъ видѣ получаются съ фабрики. Поэтому промыслы, занятые обработкой соответствующаго матеріала, изъ котораго дѣлаются проводы—промыслы слесаря, жестянника и пр.,—нерѣдко заявляютъ притязанія на производство домовыхъ инсталляціонныхъ работъ (ср. 26-ю главу). Съ другой стороны, некоторые предпріятія стали заниматься исключительно производствомъ инсталляціонныхъ работъ; на нихъ мы и должны обратить въ настоящее время особенное вниманіе.

Инсталляціонный (установочный) промыселъ носить отчасти интерлокальный, даже интернаціональный характеръ. Благодаря этому образовались особые центры инсталляціонной промышленности, которые пользуются солидной репутацией и разсылаютъ своихъ рабочихъ во все концы міра. Такими центрами являются большие города, какъ Магдебургъ, Ганноверь, Гамбургъ, Аугсбургъ, Дрезденъ и прежде всего Берлинъ¹⁾.

Въ Берлинѣ специальные газопроводы, водопроводы и т. п. предпріятія возникаютъ уже въ половинѣ XIX вѣка, и въ 1890 году въ нихъ насчитывалось въ общей сложности 3.542 человѣкъ персонала²⁾. Изъ этого числа 84,9%, было въ предпріятіяхъ болѣе чѣмъ съ 10 рабочими; 73,8% въ предпріятіяхъ болѣе чѣмъ съ 20 раб. и 63,4% въ предпріятіяхъ болѣе чѣмъ съ 50 рабочими; максимумъ руководимыхъ изъ одного центрального пункта рабочихъ равнялся 1.075 (U. VII, 254). Рабочие въ большинствѣ случаевъ специалисты, такъ называемые прокладчики трубъ. Крупныя предпріятія болѣе чѣмъ съ 50 рабочими до половины рабочихъ содержать въ самомъ Берлинѣ, а другую половину по остальной Германіи и за границей, где они принимаютъ заказы на полное оборудование въ земкахъ, учрежденіяхъ и т. д., а также на сооруженіе цѣлыхъ городскихъ газопроводовъ и водопроводовъ.

Бываетъ такъ, что одна изъ такихъ фирмъ одновременно ведетъ работы въ Берлинѣ, Вестфаліи, Россіи, въ Швейцаріи и на берегахъ Адріатическаго моря (а. а. О. С. 291). Новые сооруженія въ Берлинѣ производятся почти исключительно такими крупными и средними предпріятіями съ 11—50 рабочими. Работы въ Берлинѣ обыкновенно выполняются берлинскими фирмами; однако и имъ приходится считаться съ иногородней конкуренціей

1) Крупныя акціонерныя общества этой отрасли сосредоточиваются въ Магдебургѣ (3 м. mr.), Бременѣ (4 мил. mr.), Берлинѣ (15, а также 5½ и 9 мил. mr.), Дессау (32½ м. mr.), 1. с. Ср. Salings Börsen-Handbuch 1901—1902. S. 1219 ff.

2) Во всей Германіи (1895) въ инсталляціонномъ промыслѣ насчитывалось будто бы 1435 а., 621 в. и 6736 с. лицъ (Stat. d. D. Reichs N. F. 102 S. 109). Это, конечно, опять-таки непѣрѣно. [Германскія статистика вводить въ группу а „самостоятельныхъ“, т.-е. лицъ, стоящихъ во главѣ производствъ; въ группу б—персональ вышедшихъ служащихъ (контроллеровъ, надсмотрщиковъ, техниковъ и т. д.); въ группу с—собственно наемныхъ рабочихъ].

точно такъ же какъ въ другихъ городахъ сами онѣ оказывають мѣстнымъ фирмамъ еще болѣе серьезную конкуренцію.

Не въ Берлинѣ, а въ иѣкоторыхъ другихъ городахъ инсталляціонныи предпріятія приходится считаться еще съ конкуренціей со стороны фабрикантовъ, производящихъ предметы, необходимые для газо- и водопроводнаго дѣла. Случается, что фабриканты трубъ продаютъ послѣднія непосредственно строительнымъ предпріимателямъ и поручаютъ ихъ установку своимъ собственнымъ рабочимъ, или бываетъ, что фабриканты и торговцы газовыми кронштейнами сами выполняютъ работы по проведенію газа¹⁾ и т. п. Въ особенности часто бываетъ, что фабрики электрическихъ аппаратовъ и т. п. берутъ на себя всѣ инсталляціонныи работы въ цѣлыхъ домахъ. Благодаря этому форма производства пріобрѣтаетъ новый обликъ.

Она выступаетъ рядомъ съ другими формами производства внутри одного и того же капиталистического предпріятія, напр., съ фабрикой. Тогда летучія, мелкія виѣдомашнія производства точно такъ же представляютъ виѣшию территорію капиталистического крупнаго производства, какъ въ другихъ случаяхъ—осѣдлая кустарная промышленность. Подобнаго рода двоякую организацію мы часто встрѣчаемъ, кромѣ упомянутыхъ случаевъ, во всѣхъ тѣхъ строительныхъ промыслахъ, въ которыхъ продукты изготавливаются въ централизованномъ производствѣ, а потомъ устанавливаются на мѣстѣ постройки рабочими того же самаго предпріятія. Таковъ, напр., кровельный, горшечный, стекольный, жестяночный промыслы. Большая шиферная крыши часто кладутся рабочими тѣхъ предпріятій, которые доставляютъ этотъ материалъ. Такимъ образомъ и въ этихъ „инсталляціонныхъ промыслахъ“ капитализмъ проникаетъ въ небольшіе города и въ деревни. Въ Накельѣ, напр., шиферные крыши кроютъ бромбергскія и данцигскія фирмы, которая на ряду съ торговлей шиферомъ занимаются фабрикаціей кровельнаго толя и искусственнаго камня (U. IV, 218).

Въ Накельѣ гоичарныи работы въ значительной части выполняются фирмами изъ другихъ мѣсть, особенно изъ Бромберга; тогда какъ въ большихъ городахъ печи обыкновенно кладутся тѣми печными фабриками, которые доставляютъ кафель²⁾.

Зинцгеймеръ³⁾ сообщаетъ о летучихъ стекольныхъ производствахъ слѣдующее: „Тѣ самые рабоче, которые сегодня работали на какой-либо мельнице въ Вормсѣ, быть можетъ черезъ иѣсколько дней окажутся при постройкѣ замка гдѣ-либо въ Вогезахъ“.

Въ области жестяночаго производства крупныхъ орнаментовъ и т. д. фабрики поступаютъ точно такъ же: черезъ своихъ собственныхъ рабочихъ онѣ устанавливаютъ на мѣстѣ свои произведенія, или же здѣсь возникаютъ специальная инсталляціонная, установочная предпріятія, которымъ впослѣдствіи берутъ въ свои руки и производство орнаментовъ и т. п.⁴⁾.

¹⁾ Констатировано въ Карлсруэ, U. III, 176.

²⁾ Ср. о Лейпцигѣ U. VI, 263.

³⁾ Sinzheimer, Grenzen, S. 93—94.

⁴⁾ Ср. о Берлинѣ U. VII, 317.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Сфера специализированного крупного производства.

Общественное производство, особенно крупное производство, специализавшееся на изготовлении определенных категорий товаровъ, представляетъ ту форму производства, въ которой промышленный капитализмъ съ наибольшею ясностью выступаетъ передъ неопытнымъ взоромъ. Потому-то форму эту обыкновенно вполнѣ отождествляютъ съ капитализмомъ и только ее одну и противопоставляютъ ремеслу.

Въ описанныхъ выше формахъ промышленный капитализмъ не затрагиваетъ самого процесса труда, не разрушаетъ, вообще говоря, его первоначально примитивной структуры и только капиталистически втягиваетъ его въ мѣновое хозяйство. Напротивъ, та форма капитализма, къ которой мы сейчасъ переходимъ, характеризуется тѣмъ, что она революционизируетъ самый процессъ труда: изолированный ремесленный трудъ превращается въ основанную на разделеніи труда кооперацию, при чёмъ иногда находитъ себѣ мѣсто применение механическихъ двигателей.

Уже неоднократно указывалось, что проникновение капитализма, въ особенности крупного производства, въ сферу старинного строя промышленности не слѣдуетъ представлять себѣ такимъ образомъ, какъ будто производство предметовъ, изготавлившихся раньше ремесленнымъ способомъ, сразу подпадаетъ подъ власть новыхъ силъ¹⁾, и все дѣло съ этого момента сводится исключительно къ конкуренціи цѣнъ на одинаковые предметы. Уже то, что мы говорили выше о проникновеніи капитализма въ описанныхъ тамъ формахъ, во многихъ отношеніяхъ противорѣчитъ такому пониманію дѣла. Что касается внѣдренія крупного капиталистического производства въ область промышленной дѣятельности, мы съ извѣстной увѣренностью можемъ прослѣдить процессъ его развитія: оно постепенно, шагъ за шагомъ, часто окольными способами завоевывало прежнюю область господства ремесла, завоевываетъ ее или еще только пытается завоевать. Особенно часто бываетъ такъ, что капитализмъ сначала укореняется въ отдѣльныхъ областяхъ извѣстнаго ремесленного производства, овладѣваетъ, напр., производствомъ отдѣльныхъ предметовъ, больше всего доступныхъ для массового изготавленія: полуфабрикатовъ и вспомогательныхъ материаловъ. Такимъ-то способомъ почти

1) Ср. въ особенности Bücheg, Art. „Gewerbe“ въ H. St. A изъ новѣйшихъ авторовъ Dr. A. Voigt въ U. III, 205 f.

во всѣхъ промыслахъ постепенно опустошается область стариинаго ремесленнаго производства, и часто можно въ теченіе долгаго времени наблюдать, какъ „крупное производство“ и ремесло уживаются рядомъ. Наше время—время быстрыхъ суждений. И все же они на каждомъ шагу опережаются еще болѣе быстрымъ процессомъ преобразованія жизненныхъ формъ. Къ числу такихъ суждений относится мнѣніе, будто „крупному производству“ предопределено существовать на ряду съ ремесломъ, отвлечь отъ него главнымъ образомъ однообразныя работы, превратиться какъ бы въ „слугу“ ремесла.

А затѣмъ совершенно ошибочно и то мнѣніе, будто централизованное производство всегда съ самаго начала выступаетъ въ видѣ производства гигантскихъ размѣровъ. Въ полную противоположность этому взгляду мы можемъ наблюдать, какъ часто изъ первоначально незначительныхъ по размѣрамъ производствъ развиваются производства крупные. Такъ назыв. „среднія производства“ съ 12—15 рабочими часто являются действительнымъ исходнымъ пунктомъ крупно-капиталистического развитія. Какъ совершилось въ наиболѣе важныхъ отрасляхъ промышленности это медленное поступательное движение крупнаго капиталистического производства; какова въ настоящее время въ общихъ очертаніяхъ сфера его господства, — отвѣтъ на эти вопросы и составляетъ задачу дальнѣйшаго изложенія. Въ интересахъ наглядности и здѣсь принципомъ подраздѣленія остается уже испытавшая нами классификація сообразно сферамъ потребностей.

A. Производство предметовъ пищи.

Въ производствѣ хлѣба и тому подобныхъ средствъ пропитанія размоль муки все болѣе и болѣе переходить къ большимъ механическимъ мельницамъ, въ особенности къ паровымъ мельницамъ. Процессъ этотъ уже въ половинѣ 80-хъ годовъ сдѣлалъ очень большия успѣхи¹⁾. Въ настоящее время булочныя большихъ и среднихъ городовъ получаютъ муку преимущественно съ крупныхъ мельницъ²⁾. Но и по деревнямъ и по небольшимъ городамъ потребность въ мукѣ нерѣдко тоже покрывается крупными паровыми мельницами. Въ Зальцведель господствуетъ „въ мельничномъ дѣлѣ почти исключительно крупное производство; съ крупной паровой мельницей и съ извѣсольскими большими водяными мельницами, конечно, не въ состояніи конкурировать мелкія мельницы. Такъ какъ паровая мельница можетъ изготавлять болѣе бѣлую и болѣе чистую муку, чѣмъ вѣтряныя мельницы, и такъ какъ, кроме того, владѣльцы вѣтряныхъ мельницъ часто ведутъ себя не совсѣмъ добросовѣстно, то паровая мельница становится опаснымъ конкурентомъ и для сельскихъ мельниковъ“ (U. I, 158, 159). Необходимую имъ

1) Ср. наприм., рефератъ, „Der Übergang der deutschen Mühlerei zum Grossbetriebe“ въ Schmollers Jahrbuch VII (1884), S. 659. О современномъ развитіи см. Ludw. Hoffländер, „Die Lage der deutschen Mühlenindustrie“, 1898, и прежде всего Mohr, „Entwicklung des Grossbetriebes in der Getreidemühlerei“, 1899. Объ акционерныхъ мельницахъ см. Saling, a. a. O. S. 1338 ff.

2) Ср. о Лейпцигѣ—U. II, 391 f.; Бреславль—VII, 111 (бреславльскія, нижнесилезскія, венгерскія мельницы), Берлин—VII, 146; Мюнхен—Arnold, a. a. O. S. 46; объ Эйслебене—U. IX, 299.

муку булочники Іены „получаютъ лишь въ незначительной степени изъ многочисленныхъ водяныхъ мельницъ города и ближайшихъ окрестностей; главная же часть приходится на долю большихъ мельничныхъ производствъ въ Веймарѣ, Галле, Вурценѣ, Ошацѣ и другихъ мѣстахъ“ (U. IX, 214). Булочники въ баденской деревнѣ Ноттингенъ-Дармсбахъ покупаютъ муку на механическихъ мельницахъ и продаютъ ее ремесленникамъ и крестьянамъ (U. VIII, 67). Закупка муки крупнѣйшей изъ булочныхъ (двухъ) въ деревнѣ Галленцѣ производится всегда партиями въ 100 цент., „и притомъ дѣлается эта закупка на большихъ мельницахъ въ Ризѣ и Вурценѣ“ (U. V, 39). Булочникъ въ деревнѣ Loquard въ восточной Фрисландіи „никогда не покупаетъ пшеничную муку у мельника, такъ какъ послѣдній не производить такого хорошаго сорта, какъ паровыя мельницы; напротивъ, онъ покупаетъ ее у 3—4 различныхъ торговцевъ въ городѣ“ (U. VII, 581). Въ баденской деревнѣ Месскирхѣ „въ прежнее время мучной торговецъ и булочникъ покупали зерно и сами отдавали его молоть; въ настоящее же время они покупаютъ муку на механическихъ мельницахъ, изъ которыхъ часть находится въ городкѣ, отстоящемъ на 5 часовъ пути; благодаря этому наши мельники потерпѣли значительный ущербъ“ (U. VIII, 47).

Изъ готовыхъ произведеній булочного и кондитерскаго производства въ область крупнаго и самаго крупнаго производства раньше всего перешли въ долю сохраняющіеся товары, какъ можно обозначить ихъ однимъ выражениемъ. Всякому ребенку знакомы всемирно-извѣстныя шоколадный и конфеты фирмы¹⁾. Подобно продуктамъ этихъ производствъ, въ настоящее время предметомъ крупно-промышленнаго массового производства стали также бисквиты (большія фабрики въ Вурценѣ, Фрейбергѣ, Ганноверѣ, Гамбургѣ), десертъ, чайное и столовое печенье, вафли, пряники, медовое печенье, караульня, тянучки, фруктовое желе, мармеладъ и т. д., и т. д.

Въ производствѣ собственно хлѣба капиталистическое крупное производство достигло пока лишь слабаго развитія. Фабрики бѣлаго хлѣба очень рѣдки²⁾; фабрики чернаго хлѣба, повидимому, тоже развиваются лишь тамъ, где имѣется въ наличии значительный концентрированный спросъ; следовательно, при поставкахъ въ учрежденія, больницы, казармы и въ особенности въ связи съ потребительными обществами; кое-гдѣ въ пролетарскихъ предмѣстяхъ, какъ, напр., въ Вѣнѣ X. Въ случаихъ послѣднаго рода онъ часто получаютъ товарищескую организацію. Самая крупная потребительная хлѣбная фабрика не только въ Германіи, но и на континентѣ,—это, насколько мнѣ известно, бреславльская, съ годовымъ производствомъ (1900) въ 25.223.056 фунтовъ хлѣба³⁾. Напротивъ, частно-капиталистическое круп-

1) Отчасти гигантскія предпріятія. Такъ, штоллеркеская шоколадная фабрика имѣетъ приблизительно 2.000 рабочихъ.

2) Подобную фабрику въ Мюнхенѣ, которая (1894) ежедневно выпекаетъ 27.000 бѣлыхъ хлѣбовъ (кромѣ 4.000 килогр. чернаго), описываетъ Arnold, a. a. O. S. 30 f. 38. 57 f.

3) Въ 1875 г. производство равнялось $2\frac{1}{2}$ мил. фунтовъ. „Geschäftsbericht des Bresl. Kons.-Vereins über sein 35 Geschäftsjahr“, 1900, S. 4. См., сверхъ того, интересныя разсужденія въ U. VII, 136 f.

ное производство даже въ большихъ городахъ совершенно отступаетъ на задній планъ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ полемъ для развитія мелко-капиталистическихъ формъ являются, повидимому, кондитерскія, пекушия тонкій товаръ. Въ Бреславль, наприм., онъ представляютъ совершенно обособленный классъ довольно доходныхъ пекарныхъ производствъ. Производятся въ нихъ, кромѣ тонкихъ сортовъ печений (на маслѣ), различные кондитерскіе товары; онъ торгуютъ также хлѣбомъ изъ непросѣянной муки, хлѣбомъ Graham, вѣнской мукой, иногда кофе, чаемъ, издѣліями изъ сахара. „Собственники этихъ предпріятій сплошь люди съ капиталомъ, по большей части они и собственники дома, въ которомъ находится пекарня. Необходимое имъ сырье они покупаютъ за наличныи деньги или въ краткосрочный кредитъ; большинство изъ нихъ регулярно ведетъ приходо-расходныи книги“ (U. VII, 119/120). Эти пекарни обыкновенно стараются увеличивать свой сбытъ открытиемъ филиальныхъ отдѣлений²⁾.

Равнымъ образомъ, не особенно велики завоеванія, едѣланныя крупнымъ капиталистическимъ производствомъ Германиі въ сферѣ мясного промысла. Чтобы оцѣнить этотъ фактъ должнымъ образомъ, необходимо однако имѣть въ виду слѣдующее: 1) преимущественно коммерческий характеръ именно убоя рогатаго скота, благодаря чему прибавка къ стоимости сырья, вызываемая промысломъ мясника, сводится къ минимуму; 2) почти во всѣхъ большихъ городахъ, а въ послѣднее время и въ среднихъ, по санитарнымъ соображеніямъ устраиваются городскія бойни. Городская бойня является какъ бы своего рода фабрикой, пользованіе которой за извѣстное вознагражденіе предоставляетъ общій отдѣльныи мясникамъ: „Обязанность убивать скотъ на бойняхъ привязываетъ мясника къ опредѣленному мѣсту производства,

1) См. о Мюнхенѣ, а. а. О.; Лейпцигъ—U. II, 422; Берлинѣ—U. II, 136 ff. Самая большая хлѣбная фабрика въ Берлинѣ („Berliner Brotfabrik“, A.-G.), получившая въ 1897 г. валового дохода 373.165 мар., изъ которыхъ въ дивидендъ могло быть выплачено 11%, занимается почти исключительно мукомольнымъ производствомъ: послѣднее одно даю 371.093 м. валового дохода. Точно такъ же и за границей большія хлѣбные фабрики по большей части основываются на товарищескихъ началахъ. Ср. „Des boulangeries coopératives particulièrement en Belgique“, 1892. О Вѣнѣ, глуб, повидимому, совершается отчасти болѣе быстрое развитіе крупныхъ капиталистическихъ булочныхъ, см. M. Wolfgram, a. a. O., S. 136 ff. Однако и здѣсь процѣдѣтъ всего лишь одно крупное производство.

2) Въ Вѣнѣ мелко-капиталистическое предпріятіе, по даннымъ Wolfgram'a, a. a. O. S. 162 ff., представляется вообще господствующій типъ въ пекарномъ производствѣ. Больѣрамъ причисляеть къ „среднимъ производствамъ“, т.-е. такимъ, которымъ имѣютъ 6—12 служащихъ, 60% всѣхъ заведеній (766), принадлежащихъ къ вѣнскому товариществу пекарей. Что большая часть такихъ производствъ среднихъ размѣровъ принадлежитъ къ числу мелко-капиталистическихъ, а не ремесленныхъ заведеній, это становится яснымъ, когда мы, наприм., слышимъ, что одна пекарня съ 8 помощниками дѣлаетъ годовой оборотъ въ 72.000 фл. и даетъ 7.000 фл. прибыли (a. a. O. S. 168). Это предположеніе вполнѣ подтверждается тѣмъ, что владѣлецъ булочной въ общемъ мало заботится о дѣлахъ въ булочной; онъ почти никогда не присутствуетъ лично ночью при процессахъ печеій, и даже существенную свою обязанность—торговое управление предпріятіемъ—онъ нерѣдко съ охотой возлагаетъ на другихъ: онъ стремится избавиться отъ всякихъ стѣсненій своего досуга. Онъ мелкій промышленникъ съ тщеславiemъ капиталиста или, по меньшей мѣрѣ, домовладѣльца (a. a. O. S. 74).

которое построено городской общиной, снабжено необходимыми инструментами и машинами, и городской же общиной содержится и управляетъся; съ другой стороны, та же обязанность освобождаетъ мясника отъ заботъ о необходимыхъ производственныхъ сооруженіяхъ: къ его услугамъ готовы столь совершенныя приспособленія, какихъ никогда не могла бы, вѣроятно, создать отдѣльная личность" (U. VI, 82). Несмотря на это, и въ Германіи мы встрѣчаемъ нѣкоторые серьезные зачатки крупно-капиталистического производства въ мясномъ промыслѣ, главнымъ образомъ въ двухъ сферахъ этого про-мысла: въ убоѣ скота и въ колбасномъ производствѣ.

Насколько мнѣ известно, лишь въ Берлинѣ мы наблюдаемъ крупныхъ, или, говоря точнѣе, оптовыхъ мясоторговцевъ, какъ установившееся, широко распространенное явленіе¹⁾. Здѣсь насчитывается до 300 крупныхъ мясниковъ, на долю которыхъ приходится почти весь убойный рогатый скотъ, всѣ овцы, большая часть телятъ и около 60% битыхъ свиней. Крупные мясники, торгующіе рогатымъ скотомъ, колютъ еженедѣльно 60—80 головъ; только 2 изъ нихъ бьютъ еженедѣльно по 100 штукъ. Мясники, торгующіе телятами, бьютъ въ среднемъ 70—80 штукъ телятъ; мясники, торгующіе свиньями, рѣжутъ по 200—250 штукъ; мясникъ, торгующій баранами, еженедѣльно бьетъ 500 и болѣе головъ. У каждого изъ этихъ крупныхъ мясниковъ ежегодный оборотъ достигаетъ 700.000—1.000.000 марокъ. Крупные мясники продаютъ битый скотъ цѣлыми тушами или (рогатый скотъ) полу-тушами мясникамъ, торгующимъ въ розницу, или учрежденіямъ и т. д., или экспортirуютъ его, или, наконецъ, продаютъ на колбасныя фабрики²⁾.

При убоѣ крупнаго рогатаго скота и барановъ, разъ самыи актъ убоя законченъ, работа мясника заключается лишь въ разрѣзываніи туши на части и въ продажѣ; напротивъ, такъ наз. Selcherei, т.-е. убой свиней, тре-

1) Зачатки его наблюдаются и въ другихъ большихъ городахъ, напр., въ Бреславль и Кёльнѣ. Въ Лейпцигѣ насчитывается теперь 8 оптовыхъ скотобойныхъ заведений, которыхъ бьютъ 21% рогатаго скота и 13% свиней. Тенденція къ расширению предпріятія! U. VI, 93/24. Cp. Vorbericht über die Frage der Einführung der Grossschlachtereien in Österreich. Im Auftrage des (Handels- und Gewerbe-) Kammerpräsidiums erstattet von Dr. E. Schwiedland. 1896, S. 13 f. О положеніи вещей въ Берлинѣ,—правда, въ началѣ 90-хъ годовъ—даетъ ясное представление Dr. Levy von Halle, „Die Organisation des Berliner Vieh- und Fleischmarktes“, въ Schmollers Jahrbuch XVI (1892), S. 381 ff., въ особенности 394 f. Болѣе высокаго развитія достигли крупныя скотобойныя предпріятія въ большихъ за-граничныхъ городахъ, въ Англіи, Франціи и т. д., не говоря уже объ Америкѣ, гдѣ одно крупное скотобойное предпріятіе имѣть 8.000 служащихъ. Schwiedland, a. a. O. S. 2 ff. О положеніи вещей въ Парижѣ сообщается (основываясь на данныхъ P. du Magousser'a) Enquête des Office du travail: La petite industrie, tome I, L'alimentation à Paris. 1893, pag. 199 seq.

2) Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что крупные мясники сами занимаются продажей мяса въ розницу. Въ такихъ случаяхъ снова уничтожается раздѣление производства и въся дѣятельность мясника совершается въ рамкахъ одного крупнаго производства. Такія пред-пріятія, въ которыхъ включается вся дѣятельность, получили развитие и въ другихъ мѣ-стахъ. Такъ, въ Карлсруэ, наприм., мы встрѣчаемъ подобное крупное предпріятіе съ 50 служащими, которое бьетъ 16% всего крупнаго скота, 19% всего мелкаго скота, какой вообще убивается въ Карлсруэ: U. III, 29. Возможно, что средніе города болѣе тяготѣютъ къ этой формѣ, большіе—къ раздѣленію сферы производства между оптовыми и розничными мясниками. Во всякомъ случаѣ это весьма вѣроятно.

буетъ дополнительной затраты труда: приходится подготавливать отдельные части свиныхъ тушъ къ производству колбасъ. Эта отрасль скотобойного промысла и является той второй областью, въ которой мы встрѣчаемъ серьезные зачатки крупно-капиталистического производства. Колбасныя фабрики большихъ или меньшихъ размѣровъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ большихъ и среднихъ городахъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія: Карлсруэ (U. III, 28 f.), Лейпцигъ (U. VI, 91), Дюссельдорфъ (U. I, 236 f.). Но настоящій центръ крупно-промышленного колбасного производства представляютъ разсылочныя колбасныя фабрики (*Versandfabriken*), которыхъ со-редоточены въ отдельныхъ мѣстахъ. Мы встрѣчаемъ ихъ въ Брауншвейгѣ, Гѣтѣ, Вальтерсгаузенѣ, Эйзенбергѣ, въ многочисленныхъ посадахъ сѣверо-западной Германіи (какъ, Нортгофъ въ Голштінії), о旣 известны всякой хозяйкѣ.

Произведенія большихъ колбасныхъ фабрикъ всегда рассчитаны на интерлокальный, если не интернаціональный сбытъ. Ихъ можно встрѣтить въ любомъ гастрономическомъ магазинѣ или въ мясной лавкѣ въ самыхъ отдаленныхъ городахъ. Какія большія партии товара разсылаются такимъ путемъ внутри страны по отдельнымъ мѣстамъ, обѣ этомъ говорятъ слѣдующія цифры. Въ Карлсруэ было ввезено копченаго товара: 1882 г.—23.775 килогр., 1893 г.—74.146 килогр. (U. III).

Въ Лейпцигѣ въ 1893 г. было ввезено колбасъ и прочаго приготовленаго мясного товара изъ другихъ мѣстъ Германіи (U. VI, 156):

мяса въ приготовленномъ видѣ	120.544,40	килогр.
приготовленнаго свиного мяса	995.747,45	"

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что въ Германіи растетъ также интерлокальный и интернаціональный сбытъ и свѣжаго мяса. Конечно, трудно решить, какого рода тѣ производства, которыя посылаютъ мясо. Однако съ нѣкоторой вѣроятностью можно предполагать, что это—капиталистическая предприятія крупнаго масштаба (поскольку мясо ввозить въ города не простые деревенскіе мясники!). Тенденція къ крупному производству сама по себѣ ведетъ къ интерлокализаціи торговыхъ отношеній, въ особенности къ интерлокализаціи закупокъ: такимъ образомъ обеспечивается правильный ходъ дѣла. Такъ, обѣ одномъ скотобойномъ предприятіи въ Карлсруэ мы узнаемъ (U. III, 30), что оно бываетъ датской рогатой скотью въ Гамбургѣ, русскихъ свиней въ Каттвицѣ, а мясо ихъ ввозить затѣмъ въ Карлсруэ¹⁾. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи мало надежныхъ данныхъ, при помощи которыхъ мы могли бы выяснить дѣйствительное положеніе вещей.

Въ Берлинѣ все больше и больше ввозится по желѣзной дорогѣ „мясо, а также свиное сало“; цифры ввоза достигли уже значительной высоты. Онѣ составляли:

1) Правда, это было въ 1893 г., году дороговизны корма: тогда скотъ ввозили изъ такой дали. „Однако,—очень справедливо замѣчаетъ авторъ, I. с., S. 31,—возможность такого ввоза доказана, и, следовательно, имѣется примѣръ для будущихъ аналогичныхъ случаевъ.“

1883 г.	3.767.000	килограм.
1890 г.	8.867.000	"
1895 г.	17.890.000	"
1898 г.	20.921.000	"

тогда какъ (въ 1898 г.) изъ Берлина по желѣзной дорогѣ было отправлено 1.727.000 килогр.¹⁾.

Насколько я могу судить, статистическая даннія, относящіяся къ различнымъ мѣстностямъ, открываютъ лишь ограниченную возможность сравненій; поэтому мы вынуждены ограничиться тѣми свѣдѣніями, какія у насъ имѣются о транспортировкѣ „мяса, а также свиного сала“ по германскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Транспортировка выразилась въ цифрахъ (по Stat. Jahrb. d. D. Reichs):

1885 г.	22.000.000	килограм.
1890 г.	47.000.000	"
1895 г.	52.000.000	"
1899 г.	92.000.000	"

Наконецъ, отметимъ еще, что въвозъ иностранаго „свѣжаго и просто приготовленнаго мяса“ въ Германию въ 1898 г. равнялся 83.596 тоннъ стоимостью въ 72,5 мил. мар., 1900 г.—51.242 тонн. стоимостью въ 45,4 мил. марокъ. Чтобы дать точку опоры для сравненія, добавлю, что это составляетъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всего потребленія мяса въ Берлинѣ вмѣстѣ съ его окрестностями на разстояніи 8 километр. (потребленіе опредѣляется въ 174.988 тонн.)²⁾.

Слѣдующія цифры показываютъ, какія крупныя затраты приходится уже въ настоящее время дѣлать мѣстнымъ скотобойнымъ предпріятіямъ въ большихъ городахъ (по U. VI, 120 f.). Въ Лейпцигѣ требуется:

	Основной капиталъ.	Оборотный капиталъ.
Въ „мелкомъ предпріятіи“ (1 мастеръ и 1 подмастерье)	2.440 мар.	6.230 мар.
Въ „среднемъ предпріятіи“ (1 мастеръ, 2 подмастерья, 2 девушки)	13.391 "	14.135 "
Въ „крупномъ предпріятіи“ (1 мастеръ, 21 помощн.)	53.000 "	82.256 "

Отсюда, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ, что мясное предпріятіе въ большомъ городѣ, уже переросшее мінимальные размѣры, неправильно было бы причислять къ ремесленному производству; какъ видно изъ предыдущаго, „среднее предпріятіе“ повсюду опирается уже на (торгово) капиталистическую основу.

В. Производство предметовъ одежды.

На примѣрѣ сапожнаго производства можно особенно отчетливо прослѣдить тотъ постепенный ходъ развитія, какой крупное капиталистиче-

1) Berlin und seine Eisenbahnen etc. II, 262 и Statist. Jahrb. der Stadt Berlin (1900), 284. Въ Берлинѣ въ 1895 г. было охлажено пошлиной, т.-е. ввезено изъ-за границы, „мяса и мясныхъ экстрактовъ“ 1.395.000 килогр., 1. с., 280.

2) „Stat. Jahrb. der Stadt Berlin“ (1900), 293.

ское производство прошло въ большинствѣ и другихъ промысловъ: отъ производства отдѣльныхъ предметовъ, полуфабрикатовъ, вспомогательныхъ материаловъ оно постепенно переходило къ выработкѣ всего фабриката, изготавлившагося стариннымъ сапожнымъ ремесломъ, и отъ еще скромныхъ средняго размѣра мануфактуръ, какими они были нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, къ быстро возрастающимъ фабрикамъ.

Долгое время изъ всей сферы трудовой дѣятельности сапожного промысла за фабрикой оставалось только захваченное ею производство вырѣзки и передковъ. Появленіе фабрикъ, выдѣлывающихъ передки, самымъ тѣснѣмъ образомъ связано съ распространениемъ швейныхъ машинъ. Эти фабрики развиваются въ Германіи съ 50-хъ и 60-хъ годовъ изъ заведений, торговавшихъ сапожной заготовкой. Выше мы уже познакомились съ этими заведеніями (см. гл. 19, В. II). Богатые торговцы заготовкой и предпримчивые оптовые торговцы кожей мало-по-малу перестали довольствоваться продажей заготовокъ своимъ покупателямъ: съ помощью швейныхъ машинъ они стали изготавливать передки, и сапожное ремесло свелось такимъ образомъ къ работѣ надъ подошвой и къ другимъ окончательнымъ операциямъ надъ изготавляемою обувью. Первоначально изготавляли гладкіе образцы передковъ изъ одного куска или изъ нѣсколькихъ; образцомъ служили передки, сшитые рукой мастера. Но скоро начали изготавливать и болѣе элегантные передки съ различными украшеніями, отворотами, пуговицами и т. д., которые скоро вошли въ моду. Цѣлый рядъ введеній въ производство вспомогательныхъ машинъ открылъ возможность постояннаго совершенствованія процесса труда¹⁾. Съ этихъ порь положеніе вещей въ теченіе десятилѣтій остается въ такомъ видѣ: ремесленникъ получаетъ въ готовомъ видѣ изготовленные фабричными способомъ передки, а самъ ограничивается работой надъ подошвой и т. п. окончательными манипуляціями. Послѣдняя, окончательная часть работы надъ обувью попрежнему выполняется ремесленнымъ способомъ даже на „фабрикахъ обуви“, т.-е. въ тѣхъ крупныхъ капиталистическихъ предприятияхъ, которыя стали производить и готовую обувь. Но, наконецъ, машинная техника побѣдоносно овладѣла и болѣе важными окончательными операциями,—въ Германіи въ самое послѣднее время. Только двѣ операциіи долгое время не могли выполняться машиной: подшивка обуви гвоздями и прошивка толстыхъ кожаныхъ подошвъ. Возможность прошивать при помощи машины самую толстую кожу открылась давно, хотя, конечно, эта

1) U. IV, 49 f. Изъ литературы для этого отдѣла см. прежде всего овѣть-таки рядъ цѣнныхъ монографій въ U., изъ которыхъ работы, касающіяся Бреславля, Лейпцига и Вюртемберга, подробнѣе всего изслѣдуютъ развитіе крупнаго производства въ башмачномъ промыслѣ. Даѣтъ слѣдуетъ назвать E. F. Ганске, „Die Schuhmacherei in Bayern“, 1893. Развитіе сапожного промысла по направлению къ высшимъ формамъ совершается въ Германіи за послѣдніе годы такимъ быстрымъ темпомъ, что соответствующая литература оказывается устарѣлой черезъ самый короткій срокъ. Подобная участь постигла уже H. A. Schneider, „Die moderne Schuhfabrikation“, 2 А., 1882, и M. Schöne, „Die moderne Entwicklung des Schuhmachergewerbes“, 1888, а также die Erhebungen über die Lage der Kleingewerbe in Baden (1887). Хорошимъ дополненіемъ къ U. является теперь сводная работа Eugen Friedrichowicz, „Die Lage des Schumacherhandwerks in Deutschland“, въ „Zeitschr. f. d. ges. Staatsw.“, 55 (1899), 120 ff. и 241 ff.

работа не могла отличаться такой прочностью и чистотой, какъ хорошее ручное шитье. Но лишь совсѣмъ недавно появились американскія машины, которые представляютъ собой настоящее чудо механики. Машина съ большой быстротой прошиваетъ широкій край,—и одновременно при помощи сапожной дратвы прострачиваетъ подметки двойнымъ швомъ. Строчка равномѣрна, чѣмъ при ручной работѣ, и въ то же время работа гораздо прочнѣе, такъ какъ жидкая смола застываетъ въ образуемыхъ иглой каналцахъ, и дратва натягивается очень крѣпко. Еще большее удивленіе вызываетъ машина для подшивки обуви гвоздиками. Изготовленная съ ея помощью обувь сидитъ на колодкѣ безъ складокъ и равномѣрно, вѣнчаній видъ ея красиѣе, чѣмъ при ручной работѣ. Дальнѣйшимъ преимуществомъ машины является необыкновенная быстрота работы.

Съ 80-хъ годовъ въ Германіи начинаетъ ускореннымъ темпомъ развиваться фабричное производство готовой обуви. Крупно-промышленная фабрикація овладѣваетъ сначала лишь производствомъ иѣкоторыхъ предметовъ, въ особенности пригодныхъ для массового производства: таковы туфли, дѣтская обувь, купальная обувь. Затѣмъ наступаетъ очередь дамскихъ ботинокъ, и, наконецъ, мужской обувью замыкается кругъ всей этой отрасли производства.

Само собой разумѣется, невозможно дать цифровое выраженіе для участія фабрики во всемъ производствѣ обуви въ Германіи. Но если вѣрить имѣющимся у насъ въ изобилії свѣдѣніямъ изъ различныхъ городовъ и деревень, если вѣрить нашимъ собственнымъ наблюденіямъ, то можно смѣло сказать, что фабричная обувь готова всеплѣдо захватить весь рынокъ обуви. Сфера ея господства распространяется въ двухъ направленіяхъ: 1) на прежнюю область кустарного производства обуви и 2) на прежнюю область ремесленного изготавленія обуви. Производство хорошаго среднихъ сортовъ товара, т.-е. главная работа ремесла, въ особенности часто захватывается современной фабрикой. Низшіе сорта обуви пока остаются въ рукахъ сапожниковъ, работающихъ на ярмарки и для разноснаго торга. Однако и этотъ промыселъ быстро, гигантскими шагами идетъ навстрѣчу своей гибели¹⁾. Что касается лучшихъ сортовъ, они производятся капиталистическими фирмами большихъ городовъ, работающими по мѣрѣ; здѣсь цѣна не играетъ никакой роли. Все же, что находится между этими двумя крайними предѣлами, по-видимому, безповоротно переходитъ къ механической фабрикѣ. Поразительно, до какого низкаго предѣла довела послѣдняя цѣну на обувь: мужская ботинки — 7 мар., дамскія — 5 м., — вотъ самая распространенная въ настоящее время обувь.

Въ Германіи въ настоящее время существуетъ около 1.000 фабрикъ обуви; всѣ-онѣ обнаруживаютъ рѣшительную тенденцію къ расширению размѣровъ производства²⁾ и къ усовершенствованію пріемовъ работы. Онѣ

¹⁾ Friedrichowicz, op. cit., S. 121 ff.

²⁾ Такъ, напр., леонбергская сапожная фабрика (Вюртембергъ) въ 1888 г. имѣла 100 раб., а въ 1890 г.—300 рабочихъ: U. III, 261. Подобный же процессъ развитія совершила за это время одна крупная бреславльская сапожная фабрика. Въ 1894 г. самая крупная пѣменская сапожная фабрика находилась въ Эрфуртѣ. Ср. обзъ этомъ F. Regel, „Die

разбросаны по всей странѣ, но съ течениемъ времени возникли иѣкоторые знаменитые центры крупнаго производства предметовъ обуви: Бреславль, Майнцъ, Дрезденъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ. Самымъ значительнымъ сапожнымъ городомъ современной Германиі является Пирмазенъ въ Рейнскомъ Пфальцѣ. Но и здѣсь особенно быстрое развитіе обнаруживается лишь за послѣдніе годы: основано новыхъ фабрикъ обуви въ 1889 г.—19, въ 1890 г.—29. Уже въ половинѣ 90-хъ годовъ въ этой оригинальной мѣстности было: 98 фабрикъ обуви, 6 фабрикъ каблучковъ, 1 фабрика колодокъ, иѣсколько фабрикъ сапожныхъ розетокъ, 14 крупныхъ дубильныхъ заводовъ, 25 магазиновъ, торгующихъ кожей, 1 фабрика сапожныхъ машинъ съ 40 паровыми машинами. Число лицъ, занятыхъ въ сапожной индустрии и въ вспомогательныхъ для нея промыслахъ, простиралось до 15.000; ежегодно производится обуви 14.000.000 паръ, стоимостью въ 35 мил. марокъ. Разумѣется, и эти цифры теперь уже устарѣли. Но какая статистика была бы въ состояніи слѣдить шагъ за шагомъ за тѣмъ процессомъ преобразованій, какой совершается на нашихъ глазахъ въ сапожномъ промыслѣ, самомъ многолюдномъ и самомъ значительномъ промыслѣ?

Изъ вспомогательныхъ промысловъ сапожного производства наиболѣе тѣсно связанъ съ нимъ и съ его судьбой, какъ мы уже упоминали, дубильный промыселъ, въ особенности производство простой желтой кожи. Мы уже указывали, что въ Германіи этотъ промыселъ въ половинѣ XIX вѣка уже въ значительной степени переросъ рамки ремесла. Что касается хода развитія за послѣднее полустолѣтіе, оно привело, наконецъ, почти къ полному господству крупныхъ кожевенныхъ заводовъ, въ особенности въ области производства обыкновенной кожи. Однако значительного развитія достигли крупныя предпріятія и въ выдѣлѣ сырьемъ кожъ и въ выдѣлѣ замши. Въ рамкахъ крупнаго производства процессъ труда въ дубильномъ промыслѣ принялъ за послѣднее поколѣніе совершенно новыя формы; преобразованіе его обусловлено введеніемъ въ производство машинъ, а также, и даже прежде всего, использованіемъ завоеваній современной химії¹⁾. Что касается дубленія обыкновенной кожи, то здѣсь толчокъ къ техническому перевороту данъ работами Кнаппа, Лицмана и Римана (конецъ 50-хъ и 60-хъ годовъ). Они впервые установили ясное научное пониманіе дубильного процесса и заставили химію служить этому производству, которое до того времени велось чисто эмпирическимъ способомъ. Съ этихъ поръ прогрессирующее изученіе дубильного процесса приводитъ къ новымъ и новымъ усовершенствованіямъ техники дѣла. Въ настоящее время дѣлаются попытки примѣнить къ дубленію электричество. Если это удастся,—самая крѣпкая кожа можно будетъ вполнѣ продублить самое большее въ 4 дня и 4 ночи; такимъ образомъ будетъ достигнуто громадное повышеніе годичнаго производства кожи (U. IV, 3, 4). Примѣненіе болѣе рациональныхъ дубильныхъ матеріаловъ, какъ въ послѣднее время замѣнѣ прежней дубовой коры квебраховымъ деревомъ, точно такъ же значительно со-

wirtschaftlichen und industriellen Verhaltnisse Thuringens“, въ Katalog der Thuringer Gewerbe-und Industrieausstellung zu Erfurt“. 1894.

¹⁾ См. въ особенности работы въ U. IV, стр. 1 и сл. (Бреславль); VIII, 437 ff. (Вюртембергъ).

кратило продолжительность производственного процесса. На ряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя важныя завоеванія механики: изобрѣтеніе машинъ для расщепленія кожи, примѣняющихся въ настоящее время на всѣхъ большихъ кожевенныхъ заводахъ, и т. д.

Современная кожевенная индустрія Германіи въ настоящее время сосредоточена въ нѣсколькихъ излюбленныхъ центрахъ, гдѣ она концентрируется въ крупныхъ производства; ея продукты достигаютъ до самыхъ незначительныхъ деревень¹⁾). Наиболѣе важные центры производства слѣдующіе: для толстой кожи, идущей на подошвы,—фабрики на Рейнѣ, на Мозелѣ и въ Эйфельѣ, въ Майнцѣ, Мальмеди, Ганноверѣ, Берлинѣ, Нюрибергѣ, Паессау; для конской кожи—Берлинъ, Бранденбургъ, Гарбургъ, Гамбургъ, Ганноверъ, Мерзебургъ, Плауенъ, Перлебергъ; для овчей кожи, въ особенности предназначенной для переплетного дѣла, произведеніями котораго Германія снабжаетъ полміра,—Берлинъ, Бонамесь, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Гамбургъ, Кирнъ, Кёльнъ, Кёнигсбергъ-Кальвъ, Майнцъ, Мюльгаузенъ, Страсбургъ. Даже статистика своими цифрами доказываетъ быстрый ростъ крупно-промышленного кожевенного производства. По статистикѣ промысловъ въ кожевенномъ дѣлѣ было:

Годы.	съ 11—50 рабочими.		съ 51—200 рабочими.		съ 201—1.000 рабочими.		болѣе, чѣмъ съ 1.000 рабочими.	
	Производствъ.	Число занятыхъ въ нихъ рабочихъ.	Производствъ.	Число занятыхъ въ нихъ рабочихъ.	Производствъ.	Число занятыхъ въ нихъ рабочихъ.	Производствъ.	Число занятыхъ въ нихъ рабочихъ.
1882	456	9.127	61	5.027	10	4.342	1	1.614
1895	620	13.273	119	10.898	17	5.747	3	5.492

По сравненію съ этими 35.410 рабочими, занятыми въ крупномъ кожевенномъ производствѣ, число рабочихъ въ производствахъ менѣе чѣмъ съ 5 рабочими (5.671 чел.) и въ производствахъ съ 6—10 рабочими (5.455 чел.), представляетъ *quantit  n gligeable*. Сверхъ того, цифры рабочихъ, занятыхъ въ мелкихъ производствахъ, быстро падаютъ.

Объ остальныхъ промыслахъ, изготавлиющихъ предметы одежды, я упомяну лишь въ короткихъ чертахъ.

Въ скориажномъ промыслѣ уже съ давнихъ порь известная часть переработки мѣховъ, такъ наз. подборка мѣховъ, развивается самостоятельно въ специализированныхъ крупныхъ производствахъ. Въ Германіи эта операция производится главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Лейпцига, знаменитаго рынка пушного товара. Она сосредоточивается на большихъ

1) Такъ, сапожники въ померанскомъ городкѣ Лойцѣ предпочитаютъ, напр., гамбургскую конскую кожу, которую они получаютъ черезъ одну бреславльскую фирму. U. I., 39.

фабрикахъ, которыя отняли у скорняковъ значительную долю ихъ прежней работы ¹⁾. Изъ операций по переработкѣ мѣховъ почти совсѣмъ перешло къ крупному производству изготавление полуфабрикатовъ: подбойка хомяковыми шкурками, бѣличьимъ и горностаевымъ мѣхомъ (брюшко и спинка); приблизительно за послѣднія 20 лѣтъ такой же переворотъ пережилъ и такъ наз. галантерейный мѣховой промыселъ, т.-е. изготавленіе шапочекъ, боа, муфтъ и т. д. Производство въ этой области пока еще характеризуется незначительнымъ примѣненіемъ машинъ и раздѣленіемъ труда.

Точно такъ же и въ производствѣ шляпъ долгое время лишь полуфабрикатъ производился на фабрикахъ, тогда какъ всѣ дальнѣйшія окончательныя операции по выдѣлкѣ шляпъ не выходили изъ области ремесла. Крупное капиталистическое производство прежде всего овладѣло выдѣлкой шляпъ изъ шерсти, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, наступила очередь и для шляпъ изъ волоса: 99% всѣхъ шляпъ въ Европѣ выходятъ въ готовомъ видѣ изъ крупныхъ шляпныхъ фабрикъ, которыя въ Германіи сосредоточены главнымъ образомъ въ Оффенбахѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Эльбингѣ, Лигницѣ, Губенѣ и Альтонѣ. Появившаяся позднѣе соломенная шляпа, несомнѣнно, никогда не производилась иначе, какъ въ крупномъ производствѣ ²⁾. Объ этомъ зналъ уже лѣтъ тридцать тому назадъ Шмоллеръ, который, впрочемъ, имѣлъ въ то время основанія вѣрить въ существованіе шляпочнаго ремесла. Поприщемъ для успѣшной дѣятельности мелко-капиталистическихъ предпріятій является, повидимому, фабрикація новыхъ шелковыхъ шляпъ: и современному состоянію рынка и уровню техники болѣе всего соотвѣтствуютъ производства приблизительно съ 20 рабочими (ср. У. VI, 325).

Капитализмъ—сперва въ формѣ кустарной промышленности, а затѣмъ мало-по-малу и въ формѣ крупного производства—уже давно овладѣлъ производствомъ перчатокъ. Въ Пруссіи первое фабричное предпріятіе для выдѣлки перчатокъ по французскому образцу было основано въ Бреславлѣ въ 1828 г. ³⁾. Въ настоящее время въ Германіи имѣется приблизительно 200 перчаточныхъ фабрикъ; однимъ изъ главныхъ центровъ этой отрасли промышленности является королевство Саксонія.

Изъ всѣхъ важныхъ промысловъ, изготавляющихъ предметы одежды, меныше всего успѣло крупное производство наложить свою руку на портняжный промыселъ. Изъ-за границы до насъ часто доносятся сообщенія о быстромъ развитіи крупныхъ капиталистическихъ фабрикъ бѣлья и одежды. Напротивъ, въ Германіи мы встрѣчаемъ лишь слабые зачатки конфекціоннаго крупнаго производства ⁴⁾. Капиталистический портняжный промы-

¹⁾ Специальностью Лейпцига является кройка и связываніе мѣховъ и овечихъ шкуръ. Знаменитыя заведенія такого рода имѣются за границей въ Лондонѣ (для толстенькой кожи), Лонжѣ и Брюсселѣ (для кроличьихъ и заячьихъ шкурокъ).

²⁾ Изготавленіе полуфабриката, соломенного плетенія, получаемаго преимущественно изъ-за границы, совершается въ большинствѣ случаевъ кустарнымъ способомъ: такъ въ Китаѣ, Италии и т. д.

³⁾ Кагмагесѣ, „Geschichte der Technologie“ (1872), S. 587.

⁴⁾ Болѣшее значеніе, повидимому, фабрика имѣеть въ Германіи только для производства рабочихъ и лѣтнихъ костюмовъ. (Эльберфельдъ-Барменъ, Мюнхенъ-Гладбахъ). Но чтобы здесь „фабричное производство значительно преобладало надъ кустарнымъ производ-

сель, какъ было упомянуто выше, въ преобладающей своей части еще не вышелъ изъ сферы домашней индустрии и небольшихъ мастерскихъ. Въ Германии, насколько мнѣ известно, крупная промышленность серьезнѣе овладѣла производствомъ воротничковъ, манжетъ, верхнихъ сорочекъ и т. д., тѣмъ производствомъ, которому, слѣдовательно, вполнѣ правильно даютъ название „фабрикація бѣлья“. Однако и въ этой области кустарные промыслы имѣютъ приблизительно такое же значеніе, какъ крупное производство. Можно намѣтить три главныхъ центра фабрикаціи бѣлья¹⁾: Берлинъ, старѣйший и главный потребитель издѣлій силезской и бранденбургской линяной промышленности; Билефельдъ, центральный пунктъ вестфальской линяной промышленности и фабрикаціи бѣлья, и Ауз въ округѣ ситценабивного и хлопчато-бумажного мануфактурнаго производства. Самый крупный центръ фабрикаціи бѣлья, въ особенности воротничковъ и манжетъ,—это Берлинъ. Здѣсь на 46 фабрикахъ мужскаго бѣлья насчитывается 6.000 фабричныхъ и около 12.000 кустарныхъ работницъ; 15 фабрикъ дамскаго бѣлья въ самомъ Берлинѣ даютъ работу приблизительно 15.000 работницъ²⁾. Самая большая фабрика бѣлья въ Берлинѣ даетъ регулярную работу приблизительно 1.000 человѣкъ,—и это только въ самой фабрикѣ. По Фейгу³⁾, изъ 42 фабрикъ бѣлья въ Берлинѣ насчитывали рабочаго персонала:

17 фабр.	10—50	чел.
12 "	51—100	"
5 "	101—200	"
4 "	201—400	"
3 "	401—500	"
1 "	974	"

18 изъ этихъ фабрикъ работаютъ при помощи собственныхъ паровыхъ машинъ, 17—съ канатными, 3—съ газовыми двигателями, 4—безъ механическихъ двигателей. Также и въ Ауз крупнейшая изъ 3 фабрикъ насчитываетъ 700 фабричныхъ работницъ.

С. Строительный промыселъ.

Въ строительные промыслы, которые представляютъ собой настоящую образцовую карту всевозможныхъ организаціонныхъ и производственныхъ формъ, крупное производство проникаетъ съ двухъ совершенно противоположныхъ сторонъ и выступаетъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Съ одной стороны, здѣсь развивается крупная специальная фабрика для изгото-вленія отдельныхъ предметовъ, необходимыхъ въ строительномъ дѣлѣ (различныя части строенія); съ другой — мы наблюдаемъ, что мѣстное полное

стремленіе, какъ полагаетъ die Zusammenstellung etc.—этого я не могъ усмотреть изъ данныхъ обслѣдованія. Срв. Protokoll etc., S. 114/15.

1) Zusammensetzung etc. S. 6 ff.

2) Такжѣ и здѣсь рѣчь идетъ только о такихъ предметахъ дамскаго бѣлья какъ воротнички, манжеты и манишки, которые за послѣдніе годы все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе.

3) Op. cit. S. 30 ff.

производство въ отдельныхъ отрасляхъ строительного промысла переходитъ въ высшія формы.

I. Фабрики, изготавляющія отдельные предметы, необходи́мые для построекъ, на первыхъ порахъ ограничиваются исключительно изгото́влениемъ предметовъ, входящихъ въ ихъ специальность, и на этой ранней стадіи своего развитія не вступаютъ въ прямая отношенія съ тою строительною дѣятельностью, для которой предназначены ихъ фабрикаты. Наиболѣе важныя изъ такихъ фабрикъ, которыхъ при самомъ своемъ возникновеніи почти всегда выступаютъ въ формѣ крупнѣйшихъ капиталистическихъ производствъ, слѣдующія:

1) Фабрики, изготавляющія деревянныя части построекъ. Первоначально они появлялись въ видѣ фабрикъ для обработки дерева, которая выдѣлываются изъ цѣльныхъ стволовъ дерева балки и доски. Такія лѣсопильные заведенія довольно рано появляются преимущественно въ богатыхъ лѣсомъ мѣстахъ. Первая паровая лѣсопильня въ Германии была основана близъ Лейпцига въ 1845 г. Въ настоящее время они въ большомъ числѣ разбросаны по всей странѣ. Только въ Лейпцигѣ и его окрестностяхъ, напр., за послѣднія десятилѣтія основано 9 паровыхъ лѣсопильныхъ заводовъ, съ числомъ рабочихъ выше 700 человѣкъ. Они доставляютъ материалъ какъ для плотниковъ, такъ и для столлровъ¹⁾. Кромѣ того, фабричнымъ же способомъ производятся и другіе полуфабрикаты изъ дерева: готовыя половицы, готовая обшивка для стѣнъ, панели, карнизы всякаго рода и т. д.²⁾. И въ этой отрасли производства крупное производство переходитъ отъ изгото́влениія полуфабрикатовъ къ производству вполнѣ готовыхъ фабрикатовъ. Изъ числа цѣльныхъ, готовыхъ деревянныхъ частей, употребляющихся при постройкахъ, изгото́влениe половъ, въ особенности паркетовъ, въ настоящее время уже втянуто въ сферу крупного производства. Большая паркетная фабрики возникли во многихъ мѣстахъ, особенно въ Южной Германии, и уже въ настоящее время имъ принадлежитъ безраздѣльное господство на рынкѣ³⁾; самой крупной паркетной фабрикой является фабрика въ Берлинѣ - Пассау, съ акціонернымъ капиталомъ въ 3 миллиона марокъ, съ рабочимъ персоналомъ, иногда превышающимъ 500 человѣкъ.

Далѣе: двери и окна. Долгое время—какъ это, впрочемъ, нерѣдко наблюдается еще и теперь—Швеція доставляла въ Германию громадныя количества готовыхъ дверей и оконъ⁴⁾. Въ настоящее время эта отрасль промышленности достигла расцвѣта и въ самой Германи, въ многочисленныхъ мѣстахъ, выдѣлывающихся по богатству лѣсами. Самая крупная изъ фабрикъ дверей и оконъ лежатъ въ Эйнгаузенѣ, Вольгастѣ, Ландебергѣ на В., Вей-

1) Конечно, и для производства предметовъ деревянной утвари. О Лейпцигѣ ср. U. IX, 605. О развитіи въ Саксоніи тамъ же и Gebauer, „Die Volkswirtschaft im Kgr. Sachsen“, Bd. III, S. 561 ff.

2) Срв. Fachbericht etc. S. 90—91.

3) Ср. U. III, 98 f. 113 f. 514, 516, 533; IV, 450 ff. Thürgauyssen, оп. cit., S. 39 f.

4) Ея конкуренція даетъ себя знать въ Карлсруэ. U. III, 101. Кельцъ I, 301: „почти все двери, употребляющиеся въ здѣшнихъ постройкахъ, идутъ изъ Швеціи“.

сенбургѣ въ С. (средиля Франконія), Фрейбургѣ въ Брейзгау ¹⁾). Въ Германіи такія специальная фабрики пока еще не сдѣлались центрами столярно-строительного промысла, какъ это наблюдается, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ уже въ настоящее время всѣ деревянныя части лѣстницъ, дверей и оконъ изготавливаются почти исключительно на колоссальныхъ фабрикахъ ²⁾). Однако и въ Германіи такія крупныя предпріятія, по-всюду разсылающія свои издѣлія, начинаютъ оказывать довольно ощутительную конкуренцію мѣстному столярно-строительному промыслу ³⁾.

2) Фабрики желѣзныхъ и стальныхъ частей, употребляемыхъ при постройкахъ. Само собою разумѣется, что всѣ болѣе значительныя желѣзныя части постройки, какъ столбы, балки и т. д., выходить въ готовомъ видѣ изъ фабрики (крупные стальное- и желѣзопрокатные заводы). Но въ настоящее время изготавленіе и мелкихъ желѣзныхъ частей постройки въ значительной степени перешло въ область крупнаго производства. Въ изготавленіи этихъ составныхъ частей постройки опять-таки наблюдается знакомый намъ постепенный переходъ крупнаго производства отъ выработки простыхъ полуфабрикатовъ къ болѣе сложнымъ готовымъ фабрикатамъ. Первоначально фабрика изготавливала только оконные угольники, завертки, петли и т. п. предметы; но даже эти предметы она доставляла первоначально въ видѣ полуфабрикатовъ: напр., дверные петли хотя и были выѣланы, но окончательно отдѣливались слесаремъ. Съ теченіемъ времени и эти предметы начинаютъ выходить съ фабрики въ совершенно законченномъ видѣ. А потому наступаетъ чередъ и болѣе сложныхъ предметовъ, прежде всего замковъ и ключей, что является самымъ крупнымъ событиемъ для всего слесарно-строительного промысла. Въ Германіи почти весь спросъ на эти предметы въ настоящее время покрывается преимущественно крупными специальными фабриками, да отчасти старинною кустарною промышленностью ⁴⁾). Вотъ слова, характеризующія положеніе вещей въ слесарно-строительномъ промыслѣ въ Накельѣ (Нетце): „Въ это время—1890 г.—стали появляться фабричные товары и въ теченіе 2 лѣтъ они совершенно вытѣснили ручную работу, такъ что нынѣ лишь немногіе сельскіе жители заказываютъ себѣ замки у ремесленника, а не покупаютъ ихъ за полцѣны при такой же добротѣ въ лавкѣ“ (U. IV, 216).

3) Фабрики, изготавлиющія жестяныя, оловянныя, цинковыя и изъ листового желѣза части построекъ, производить различного рода орнаменты для построекъ, дождевые желоба и т. п. .

1) Ср. о послѣднихъ соотвѣтственно U. IV, 431 и VIII, 231.

2) J. Lessing, „Kunstgewerbe“ въ „Amtlicher Bericht über die Weltausstellung in Chicago“, 2 (1894), 769.

3) Констатировано въ Кельнѣ-на-Рейнѣ U. I, 263; Аугсбургѣ III, 533; Берлинѣ IV, 431 и др. м.; Цюрихѣ Fachberichte etc. S. 219. Ср. также Sinzheim, „Über eine Ludwigshafener Fabrik“, оп. с., S. 92.

4) Ср. Überblick über den heutigen Stand der Fabrication von Bauschlosserartikeln въ U. IV, 285 f. Слѣдуетъ только имѣть въ виду, что съ 1887 г., когда Frankenstein обнародовалъ свою книгу о кустарной промышленности въ округѣ Шмалькальденѣ, даже болѣе: съ 1891 г., когда Stegeman опубликовалъ въ „Zeitschrift für Handel und Gewerbe“ свои „Studien auf dem Gebiete der bergischen Klein- und Hausindustrie“, — переходъ отъ домашней индустрии къ крупному производству совершился въ широкихъ размѣрахъ.

4) Фабрики, изготавляющие глиняные и гипсовые части построекъ. Само собой разумѣется, что водопроводные и другія трубы въ готовомъ видѣ получаются съ фабрики. Изготовление печныхъ кафель все больше и больше переходить къ крупнымъ печнымъ фабрикамъ. Гипсовые фигуры, розетки и цѣлые потолки производятся въ крупныхъ производствахъ въ мѣста постройки. Часто употребляются изготовленные также фабричнымъ способомъ, съ помощью женского труда, орнаменты изъ папье-маше и картона (U. III, 82). Наиболѣе цѣнныя лѣпныя работы, какъ для украшения потолковъ такъ и для украшения фасадовъ зданій, производятся на крупныхъ фабрикахъ.

5) Фабрики, изготавляющие стеклянные части постройки. Само собой разумѣется, что оконные стекла производятся на стекольныхъ фабрикахъ. При растущемъ употреблении стекла въ современныхъ постройкахъ, которая нерѣдко состоятъ только изъ стекла и желѣза, производство прокатного стекла необходимо должно было получить сильное развитіе. Но фабрика завладѣваетъ въ настоящее время нерѣдко и дальнѣйшими стадіями оборудования построекъ стеклянными частями: я разумѣю здѣсь изготавленіе оконъ на большихъ оконныхъ фабрикахъ, которая достигли уже довольно значительного распространенія. Мы располагаемъ описаніемъ одной оконной фабрики въ Лейпцигѣ, которая, кромѣ персонала руководителей, имѣла 76 рабочихъ и паровую машину въ 25 лошадиныхъ силъ. Сбыть ея издѣлій, какъ и издѣлій другихъ оконныхъ фабрикъ въ Лейпцигѣ, простирался на всю Саксонію, Тюрингію и прилежащія прусскія провинціи, прежде всего на Берлинъ. Одна изъ этихъ фабрикъ доставляетъ готовыя окна даже въ Румынію (U. V, 186).

Напомнимъ теперь, что кромѣ кирпичей и другія отдельные части каменныхъ построекъ: плиты изъ песчаника и гранита, мраморные доски и глыбы,—рѣжутся и подвергаются предварительной обработкѣ далеко отъ мѣста постройки; что известъ и цементъ, кровельный толь и деревянный торецъ производятся на специальныхъ фабрикахъ¹⁾). Имѣя все это въ виду, мы придемъ къ заключенію, что существуетъ сильная всеобщая тенденція: придать домостроительству между-мѣстный характеръ, интерлокализировать его, т.-е. всѣ отдельные части постройки производить въ мѣстахъ, наиболѣе для этого приспособленныхъ, вдали отъ мѣста постройки, гдѣ остается только окончательная сборка и установка частей.

Конечно, въ Германіи мы еще очень далеки отъ подобного рода интерлокальной фабрикаціи домовъ; но мы уже знаемъ, въ какомъ направлении, по всей вѣроятности, пойдетъ ходъ развитія: примѣръ — Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Наоборотъ, уже въ настоящее время яснѣе обозначилась другая тенденція, о которой мы должны упомянуть здѣсь, хотя съ ея влияниемъ мы познакомились раньше: я имѣю въ виду стремленіе многихъ изъ названныхъ строительныхъ фабрикъ стать снова въ непосредственное отношеніе къ постройкѣ, что выражается въ установкѣ на мѣсто производимыхъ фабрикой строительныхъ предметовъ透过 посредство ея же соб-

¹⁾ Ср. также Salings Börsenhandbuch 1901 — 1902. S. 904 ff. (Baumaterialgesellschaften).

ственныхъ рабочихъ. Такъ возникаютъ тѣ виѣдомашнія отдѣленія крупныхъ предпріятій, о которыхъ была рѣчъ въ 23-й главѣ. Когда это стремленіе увѣнчивается успѣхомъ, то снова замыкается цѣль, которая одно время была разорвана: стариное едино-цѣлостное строительное производство—въ которомъ были объединены столярный, слесарный, стекольный, горшечный и т. д. промыслы—достигаетъ высшей ступени развитія, совершенно мѣняется самое мѣсто выполненія производственныхъ операций, но тѣмъ не менѣе воз становится цѣлостность.

Заключительную и высшую ступень развитія представляеть тогда соединеніе всѣхъ частичныхъ работъ, связанныхъ съ домостроительствомъ, въ одномъ центрѣ: въ крупномъ универсальномъ строительномъ предпріятіи, съ которымъ ниже мы познакомимся болѣе обстоятельно.

II. По сравненію съ развитіемъ этихъ специальныхъ строительныхъ фабрикъ, перемѣны въ технике производства старого мѣстнаго строительного промысла, на мой взглядъ, имѣютъ меньшее значеніе. Однако слѣдуетъ упомянуть и объ этихъ перемѣнахъ. Промыселъ каменщиковъ благодаря самой природѣ своей связанъ съ виѣдомашніемъ производствомъ. Во всѣхъ остальныхъ строительныхъ промыслахъ работа распадается на двѣ раздѣльныя части: изготавленіе различныхъ предметовъ, необходимыхъ для постройки виѣда мѣста постройки и самая установка ихъ на мѣстѣ послѣдней. Благодаря этому открывается возможность того, что производственные операции, выполняемыя виѣдома постройки, будуть захвачены крупнымъ производствомъ.

Изъ всѣхъ мѣстныхъ строительныхъ промысловъ промыселъ плотниковъ обнаруживаетъ сильнѣйшую тенденцію по направленію къ крупному производству. Съ давнихъ порь, какъ мы уже знаемъ, этотъ промыселъ поконится на болѣе широкой основѣ, чѣмъ какое-либо другое изъ стариныхъ строительныхъ ремеселъ, за исключеніемъ, можетъ быть, промысла каменщиковъ; въ послѣднее же время плотницкій промыселъ сильно пропитался капиталистическимъ духомъ. Техника обработки дерева идетъ навстрѣчу фабричной формѣ производства; поэтому нѣть ничего удивительного въ томъ, что даже въ небольшихъ мѣстечкахъ мы встрѣтимъ значительныя, снабженныя паровыми двигателями плотницкія заведенія. Вооруженные всѣми машинными вспомогательными приспособленіями, они перерабатываютъ сырой древесный стволъ въ готовыя специальные строительные подѣлки. Паровые плотницкія заведенія съ рабочимъ персоналомъ въ 20, 40, 100 человѣкъ мы встрѣтаемъ уже въ такихъ городахъ, какъ Накель (U, IV, 215/216), Эйслебенъ (U. IX, 311/312) и т. д. Съ давнихъ порь плотники и столяры¹⁾ съ перемѣнами успѣхомъ заявляютъ притязанія на отдѣльныя строительныя

1) Какъ известно, столярно-строительный промыселъ первоначально былъ лишь одной изъ вѣтвей плотничьяго промысла, и лишь мало-по-малу выдѣлился изъ него, чтобы теперь вновь возвратиться въ его лоно. Ходъ развитія находить свое словесное выраженіе во французскомъ „menuisier“, т. е. рабочий, обрабатывающій „menu bois“ (товкое дерево), въ отличие отъ работника, исполняющаго грубыя работы по дереву. Очень хорошо изображена эта эволюція плотничьяго промысла въ трудѣ Риегге ді Магоуссемъ, „Le charpentier de Paris“. Ср. также его „Ebeniste“, р. 28.

работы по дереву (окна, двери, полы, лестницы), какъ принадлежащія къ ихъ производственной сферѣ. Въ настоящее время, когда плотницкій промысел быстрыми шагами развивается по направлению къ крупно-капиталистической формѣ организаціи, стремленія его, повидимому, вообще направлены на то, чтобы захватить всѣ работы по дереву, связанныя съ постройками; эти усиленія, повидимому, нерѣдко увѣличиваются усилемъ¹⁾: такъ какъ плотницкія производства уже примѣняютъ паровую силу, то имъ приходится сдѣлать лишь незначительныя перемѣны въ техникѣ производства да затратить небольшой дополнительный капиталъ.

Въ столярно-строительномъ промыслѣ мы не наблюдаемъ такой всеобщей тенденціи къ крупному производству, какъ въ плотничьемъ промыслѣ. Правда, кое-гдѣ крупное производство пустило корни и въ столярно-строительномъ промыслѣ. Такъ, напр., въ Кёльяѣ имѣется 7 крупныхъ фабричныхъ предпріятій специально для столярно-строительныхъ издѣлій (U. I, 263). Однако въ другихъ городахъ мы не всегда встрѣчаемъ такое явленіе. Наоборотъ, можно думать, что мелко-капиталистическое предпріятіе создаетъ для себя поле дѣятельности въ области производства не крупныхъ, а среднихъ размѣровъ. Такъ, мы узнаемъ, что въ Берлинѣ жизнеспособныя столярно-строительные заведенія имѣютъ 15—20 человѣкъ рабочихъ, производства меньшихъ размѣровъ встрѣчаются рѣдко, но и производства съ числомъ рабочихъ болѣе 50 такъ же не многочисленны (U. IV, 428 f.). И въ такомъ крупномъ городѣ, какъ Мюнхенъ, имѣется всего лишь два дѣйствительно значительныхъ столярно-строительныхъ предпріятія²⁾. Ясно, что развитіе мѣстныхъ столярно-строительныхъ промысловъ въ крупныхъ производствахъ встрѣчаетъ препятствіе, съ одной стороны, въ развитіи крупного производства въ области плотницкаго промысла, который расширяетъ свою производственную сферу; а съ другой—въ возникновеніи фабрикъ для производства деревянныхъ частей построекъ. Если самимъ столярно-строительнымъ промысламъ не удается развиться въ такія фабричныя предпріятія, имъ приходится довольствоваться ролью инсталляціонныхъ промысловъ, занимающихся установкой на мѣстѣ постройки различныхъ готовыхъ частей. Тогда они доставляютъ капитализму только жалкія крохи, которыми можетъ удовольствоваться лишь начинаяющій.

Въ мѣстномъ строительно-слесарномъ промыслѣ мы тоже рѣдко встрѣчаемъ настоящія крупныя производства. И это понятно. По отношенію къ нимъ еще больше, чѣмъ для столярно-строительного промысла, имѣть значеніе то обстоятельство, что капитализмъ обыкновенно устра-

¹⁾ Констатировало въ Аугсбургѣ U. III, 535; окрестностяхъ Берлина VII, 490—91; Фрейбургѣ въ Баваріи VIII, 241; Эйслебенѣ IX, 311—12; Генѣ IX, 56; Мюнхенѣ: Thurneysen, op. c. S. 42 ff. 62. Здѣсь слѣдуетъ также упомянуть, что въ болѣе переходовыхъ странахъ, какъ Англія и Съв.-Амер. Соединеніе Штаты, соединеніе старинаго столярно-строительного промысла и плотницкаго промысла въ единое предпріятіе—уже совершившійся фактъ. Это находить себѣ выраженіе и въ томъ явленіи, что плотники (carpenters) и строительные столяры (joiners) образуютъ общіе профессиональные союзы, тогда какъ столяры-мебельщики (cabinetmakers) организованы отдельно.

²⁾ Tinguelyssen, op. cit., S. 47; op. S. 62 ff. То же говорятьъ отчеты объ Аугсбургѣ, U. III, 514; Фрейбургѣ въ Брайзгау VIII, 229 f.; Карлсруэ III, 98 f. 116—17.

вается за предѣлами мѣстныхъ слесарно-строительныхъ промысловъ, фабрикахъ, производящихъ желѣзныя части построекъ. Такимъ образомъ уцѣлѣвшиі остатокъ мѣстныхъ слесарно-строительныхъ промысловъ и этомъ случаѣ оказывается полемъ для дѣятельности только мѣко-капиталистическихъ предпріятій. Слесарный промыселъ— область мелко-капиталистическихъ предпріятій по преимуществу. Конечно, съ не всегда довольствуются одними только слесарно-строительными промыслами берутъ все, что имъ попадеть; къ этому они вынуждаются самимъ увеличить производства. Мы располагаемъ свѣдѣніями о процвѣтаніи мелко-капиталистическихъ слесарныхъ заведеній въ Берлинѣ (U. IV, 291/92), Карлсѣ (U. III, 151 f., 159), Нюрнбергѣ, гдѣ, какъ сообщаютъ, наблюдается тенденція къ развитію немногихъ болѣе крупныхъ предпріятій, веденіе которыхъ требуетъ „капитала и коммерческаго образованія“ (U. III, 443); въ Россвѣнѣ (U. VI, 498 f. 502) и въ другихъ мѣстахъ. Изъ Россвейна у насъ имѣтъ мнѣніе компетентнаго человѣка, „слесарного мастера“, которое сводится къ слѣдующему: „Мастерская, отвѣчающая тѣмъ требованиямъ, какъ предъявляются къ солидному слесарю, въ настоящее время должна выглядѣть словно небольшая фабрика. Тамъ есть токарные станки, сверлильныя машины, ножницы для разрѣзанія листового желѣза, планиметръ и т. д.; въ сажной мастерской прежняго времени ни о чёмъ подобномъ и не слыхалъ я имѣю, напр., три кузнечныхъ огня и 10 рабочихъ; раньше это было немыслимо“. Кромѣ того, слесарю приходится „знать толкъ и въ торговомъ дѣлѣ“¹⁾ (оп. с., S. 502).

Развитіе слесарного промысла въ указанномъ направлениі находитъ сѣ выраженіе и въ цифрахъ статистики, по крайней мѣрѣ—приблизительное выраженіе, такъ какъ статистическая данныя все еще не проводятъ никако различія между „слесарнымъ промысломъ и изготавленіемъ несгораемыхъ ящиковъ“. Въ группѣ „слесарные промыслы и производство несгораемыхъ ящиковъ“ число одиночныхъ производствъ въ періодъ съ 1882 г. до 1895 упало (9.332—7.423); число производствъ съ 2—5 рабочими осталось почти же самое (13.559—13.610); въ производствахъ болѣе чѣтырехъ съ 50 рабочими въ 1895 г. было зарегистрировано всего 12.441 человѣкъ; наоборотъ, число гла-ныхъ производствъ съ среднимъ числомъ рабочихъ составляло:

Годы.	6—10.		11—50.	
	Произ-водствъ.	Число занятыхъ въ нихъ лицъ.	Произ-водствъ.	Число занятыхъ въ нихъ лицъ.
1882	1.201	8.482	293	5.173
1895	3.110	22.525	1.113	19.945

1) Почти буквально то же самое гласитъ мнѣніе въ „Fachberichten“, S. 151, Швейцаріи: ср. далѣе о Грацѣ Uoe. 236: слесарные заведенія съ 15—20 подмастерьями 9—10 учениками идутъ успѣшно.

Мѣстное жестяно-строительное производство, наконецъ, точно такъ же обнаруживаеть лишь слабую тенденцію къ крупно-капиталистическому развитію. Что касается мелкихъ капиталистическихъ предпринимателей,—они и здѣсь часто находятъ себѣ мѣсто въ области производствъ среднихъ размѣровъ. Въ Лейпцигѣ, какъ сообщаютъ, успѣшио развиваются въ настоящее время жестяно-строительныя предпріятія съ 10—15 рабочими и съ капиталомъ 30—60 тысячъ марокъ (U. II, 154/55).

Д. Производство предметовъ утвари.

Въ столярномъ производствѣ предметовъ утвари, т.-е. вообще въ столярномъ промыслѣ, поскольку онъ не соприкасается съ строительнымъ промысломъ, можно провести различіе между универсальными „мебельными мануфактурами“ и специальными производствами для изготавленія отдельныхъ предметовъ. Въ основѣ первыхъ лежать обыкновенно комбинированныя предпріятія, и потому разсмотрѣніе ихъ будетъ удобнѣе отложить до слѣдующей главы.

Изъ настоящихъ специальныхъ производствъ столярного промысла прежде всего слѣдуетъ назвать опять-таки лѣсопильная и т. д. производства, которые доставляютъ столяру матеріалъ въ видѣ полуфабриката (срав. выше, С.). Вообще же фабрика завладѣла слѣдующими специальными отраслями столярного производства предметовъ утвари.

1. Отдельные полуфабрикаты: какъ различнаго рода планки, желоба и т. д.

2. Деревянныя модели¹⁾ для литейныхъ заводей, для машинныхъ фабрикъ и т. д. (производство моделей часто объединяется въ одно производство съ литейнымъ дѣломъ и т. д.); сюда слѣдуетъ также отнести и производство сапожныхъ колодокъ.

3. Ящики²⁾.

4. Рамы³⁾.

5. Стулья⁴⁾.

Всѣ эти предметы въ современной Германіи производятся почти исключительно на крупныхъ фабрикахъ.

Крупное значеніе для развитія всего столярного промысла—не только для специально мебельного, но и для столярно-строительного—имѣло появленіе такъ наз. дре во обработывающихъ производствъ. Эти производства за извѣстное вознагражденіе предоставляютъ столяру-ремесленнику пользоваться всевозможными дре вообрабатывающими машинами, какъ, напр., строительной машиной, круговой пилой, сверлильной машиной, плющильной маши-

¹⁾ Ср. данные обѣ Аугсбургѣ—U. III, 536; Берлинѣ—IV, 465.

²⁾ Ср. обѣ Аугсбургѣ—U. III, 515; Берлинѣ—IV, 465 f. Въ Берлинѣ числится 17 большихъ ящичныхъ фабрикъ съ паровыми двигателями, наряду съ 94 мелкими фабриками и 13 магазинами; кроме того—9 фабрикъ, изготавлиющихъ сигарные ящики. О Мюнхенѣ—Thurgauzen, op. c, стр. 41.

³⁾ Главный центръ въ Фюртѣ; о Мюнхенѣ Thurgauzen, стр. 42.

⁴⁾ Главные центры фабрикаціи стульевъ: Вѣна, Штутгартъ, Фюртъ, Дрезденъ, Миттельдай, Вальдгеймъ, Рабенау и др.

ной и т. д., и т. д. Эти предприятия нерѣдко такъ и называются: Löhnschneidereien („наемный столярный заведенія“). Столяръ является въ такое заведеніе со своимъ матеріаломъ, который ему необходимо подвергнуть той или иной предварительной обработкѣ, и по часамъ пользуется необходимыми машинами.

Слѣдовательно, передъ нами чистѣйший типъ отмѣченного выше явленія: крупное капиталистическое производство на службѣ у ремесла. Здѣсь не мѣсто выяснить, какое значеніе это явленіе можетъ иметь для способности ремесла къ конкуренціи. Въ другомъ мѣстѣ мы изслѣдуемъ этотъ вопросъ¹⁾.

Что касается остальныхъ производствъ утвари, о нѣкоторыхъ изъ нихъ я упомяну въ короткихъ чертахъ. Почти всѣ, по крайней мѣрѣ 90%, всѣхъ издѣлій прежнихъ жестяничного и токарного ремесла въ настоящее время производятся на большихъ фабрикахъ²⁾; въ области бондарного промысла важная отрасль (производство бочекъ) уже захвачена крупными капиталистическими предприятиями; изъ прежнихъ переплетныхъ работъ портфели и карточками работы давно выполняются крупными производствами; собственно переплетное дѣло въ настоящее время отошло въ область крупнаго капиталистического производства; съ его организацией мы познакомимся ниже, когда будемъ говорить о „предприятіяхъ раздатчиковъ-скучниковъ“. Въ области шорного промысла производство чемодановъ, сумокъ и тому подобныхъ предметовъ вообще уже давно получило крупно-капиталистический характеръ. Изготовленіе болѣе изящныхъ предметовъ утвари точно такъ же все рѣшительнѣе переходитъ въ область специальныхъ производствъ.

Всѣ остальные виды промышленной дѣятельности, о которыхъ здѣсь еще слѣдовало бы упомянуть, я разматриваю въ ближайшемъ отдѣлѣ, подъ общимъ названіемъ художественныхъ промысловъ.

E. Художественные промыслы.

Обособленіе разсмотрѣніе „художественныхъ промысловъ“ рѣзко нарушаетъ единство плана этой главы: художественные промыслы не стоять въ отношеніи соподчиненія съ названными выше; болѣе того—они вообще не составляютъ особенной категоріи промысловъ, такъ какъ всякий промыселъ, служить ли онъ потребности питанія, одежды, жилища или какой-либо иной, можетъ развиться въ художественный промыселъ. Однако мнѣ представляется цѣлесообразнымъ посвятить специальный отдѣлъ эволюціи капитализма въ области художественныхъ промысловъ. Дѣло въ томъ, что между крупнымъ капиталистическимъ производствомъ и художественною промышленностью, по-видимому, существуетъ болѣе тѣсная связь, чѣмъ между ними же и какою-либо другою отраслью промышленной дѣятельности; и фактъ этотъ съ пора-

¹⁾ См. описание такихъ древообрабатывающихъ производствъ въ Аугсбургѣ—U. III, 544; Берлинѣ—IV, 382 ff.; Кёльнѣ—I, 267, 278, 290; Майнѣ—III, 318 ff.; Мюнхенѣ—T h i r n e y s s e n , op. c., S. 102 ff.; Познаніи—U. I, 87.

²⁾ Подтвержденія—ниже, тамъ, где рѣчь идетъ о современномъ положеніи названныхъ ремеселъ (ср. 26 главу).

зительнымъ постоянствомъ всегда упускался изъ виду. Слѣдовательно, необходимо выдвинуть его съ величайшей рѣшительностью.

Съ извѣстной увѣренностью мы можемъ пока сказать слѣдующее: развиціе современной художественной промышленности во всѣхъ культурныхъ странахъ самымъ тѣснѣмъ образомъ связано съ развитіемъ капитализма—какъ хорошими сторонами, такъ и дурными. Уже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній не можетъ быть и рѣчи о художественномъ ремеслѣ, и 99%, всѣхъ такъ называемыхъ художественныхъ издѣлій выходятъ изъ крупныхъ и самыхъ крупныхъ капиталистическихъ производствъ.

Свой обзоръ я начну съ промысловъ, обрабатывающихъ металлы.

Производство золотыхъ и серебряныхъ издѣлій въ Германіи уже въ половинѣ прошлаго вѣка стояло на пути къ крупно-производственнымъ формамъ. Въ Берлинѣ (!) уже въ 1849 г. (!) было 7 мануфактуръ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій не менѣе чѣмъ съ 125 рабочими, а въ 1863 г. ихъ было уже 23 съ 43 завѣдующими и 711 рабочими ¹⁾). Въ настоящее время главными центрами этой отрасли промышленности въ Германіи являются Пфорцгеймъ и Ганау близъ Франкfurта-на-Майнѣ. Въ Пфорцгеймѣ (1895 г.) было 918 производствъ, которыхъ давали работу не менѣе чѣмъ 12.200 рабочимъ (U. VIII, 193) ²⁾. Другія всемирно-извѣстныя фирмы въ этой отрасли индустріи имѣютъ свое мѣстопребываніе въ Берлинѣ (Sy und Wagner, Friedl nder и др.), въ Гейльброннѣ (Bruckmann и сыновья) съ 400 рабочими, въ Швабскомъ Гмюндѣ (Hauber).

Въ близкомъ родствѣ съ художественно-промышленной обработкой золота и серебра находится изготавленіе различныхъ художественныхъ издѣлій изъ другихъ металловъ, въ особенности изъ мѣди, бронзы и нѣкоторыхъ другихъ сплавовъ: производство статуй, сосудовъ, различныхъ приспособленій для освѣщенія, канделябровъ и т. д., бездѣлушекъ и т. п. Здѣсь соединяется во-едино цѣлый рядъ химическихъ и механическихъ операций, какъ рѣзьба, литье, эмалированіе, гальванопластика, череніе благородныхъ металловъ и т. п.; такимъ образомъ достигается наивысшій художественный эффектъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшее разнообразіе производственныхъ пріемовъ. Знаменитыя производства этого рода находятся въ различныхъ мѣстахъ Вюртемберга: въ швабскомъ Гмюнде, Эслингенѣ, Людвигсбургѣ, Гейслінгенѣ ³⁾). Въ послѣднее время и Берлинъ началъ создавать себѣ славу на этомъ поприщѣ, но Вѣна опередила его (срав. UOe 611.616). Въ этой отрасли художественного производства, по крайней мѣрѣ въ производствѣ первоклассныхъ издѣлій, Германія въ общемъ находится еще въ большой зависимости отъ иностранцевъ, въ особенности отъ Франціи; во всякомъ случаѣ такъ

¹⁾ Festschrift zur Feier des 50-j hrigen Bestehens der Berliner Kaufmannschaft am 2. III. 1870. Berlin o. J., S. 109. Данныя новѣйшихъ всеобщихъ профессіональныхъ переписей и въ этомъ случаѣ едва ли пригодны для нашихъ цѣлей, такъ какъ въ группу „фабрикація золотыхъ и серебряныхъ издѣлій“ они относятъ и ювелирныя заведенія, занимающіяся починкой и продажей этихъ издѣлій.

²⁾ Ср. теперь Wernsdorf, D. kapit. Konzentr. Gesetz i. d. Pforzheim. Bijouterieind. 1899.

³⁾ Здѣсь находится знаменитая „вюртембергская металлическая фабрика“.

было до послѣднихъ годовъ минувшаго вѣка. Хотя, быть можетъ, и по старой привычкѣ, но мы все же охотнѣе покупаемъ бронзу отъ Barbédiennе'а, чѣмъ отъ какого-либо иѣменскаго фабриканта. За границей подобныя фирмы металлическихъ издѣлій, завоевавшія міровую извѣстность своими художественными произведеніями, выросли воистину въ гигантскія предприятия. Знаменитыя парижскія бронзовыя фабрики представляютъ производства величайшихъ размѣровъ; всемирноизвѣстная фирма Christofle et C°—въ Германіи она извѣстна по большей части какъ поставщица различныхъ „приборовъ Christofle“—даетъ работу нѣсколькимъ тысячамъ рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ металлическаго производства¹⁾.

Высокой степени художественного развитія достигли въ этой области и Американскіе Соединенные Штаты. Я упоминаю объ этомъ съ тою цѣлью, чтобы еще разъ отмѣтить тѣсную связь между развитіемъ крупного производства и высшимъ художественнымъ совершенствомъ продуктовъ. По ту сторону Атлантическаго океана фирма Tiffany and C° занимаетъ руководящее положеніе въ производствѣ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, а также и въ другихъ отрасляхъ metallurgического производства; всякий, кто знакомъ съ этими отраслями художественного производства, даже въ Европѣ, невольно отдастъ дань удивленія художественнымъ издѣліямъ упомянутой фирмы. Объ этой, быть можетъ, самой значительной фирмѣ въ сфере художественной промышленности I. Lessingъ даетъ такой отзывъ въ своемъ официальномъ отчетѣ о выставкѣ: „Tiffany располагаетъ цѣлой арміей превосходныхъ работниковъ и въ совершенствѣ владѣеть всѣми техническими приемами стариннаго искусства, какъ окраска металловъ, ковка ихъ, литье, наложеніе эмали... Въ противоположность столь сильно развитому въ Америкѣ раздѣленію труда, Tiffany въ своемъ собственномъ предприятіи изготавливаетъ все, вплоть до различныхъ дополнительныхъ украшеній изъ черепахи и рога, даже медальоны и коробочки²⁾... Самые рѣдкіе материалы разыскиваются фабрикой: кожа змѣй, ящерицъ, рыбъ и пр. съ чешуйками замѣчательныхъ формъ имѣется въ распоряженіи рабочихъ, не говоря уже о богатомъ выборѣ шелковыхъ и парчевыхъ матерій... Но наиболѣе важно то, что Tiffany самъ рѣжетъ свои камни и благодаря этому можетъ имѣть нужные ему брилліанты совершенно одинаковойшлифовки³⁾.

Само собой разумѣется, что литеинія мастерскія для производства художественныхъ издѣлій изъ бронзы и желѣза организованы въ крупныя производства. Вѣдь уже Венсенуто Челлий отливалъ своего Персея и другія свои крупныя произведенія въ мастерскихъ, гдѣ работало 40 рабочихъ⁴⁾. Въ настоящее время знаменитыя художественные ли-

1) Въ 1855 г. уже 1.300 рабочихъ. Ср. Amtlicher Bericht über die Allgemeine Pariser Weltausstellung... im Jahre 1855 (1856). S. 377.

2) Объ этой формѣ комбинированного предприятия ср. слѣдующую главу.

3) J. Lessing, „Kunstgewerbe“, въ „Amtlicher Bericht über die Weltausstellung in Chicago“, 1894, 2, 780—784.

4) Онъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ своемъ жизнеописаніи (я цитирую по переводу Гѣтѣ): „всѣ большия и трудныя работы, которыя я выполнилъ во Франціи при достоинственномъ королѣ Францискѣ, превосходно удались мнѣ просто потому, что этотъ добрый король всегда вливалъ въ меня великую бодрость многочисленными авансами и, кроме того,

тейная мастерская, какъ мастерская Миллера, Кустермана и др. въ Мюнхенѣ, Куна въ Штутгартѣ-Бергѣ, королевский желѣзодѣлательный заводъ въ Вассеральфингенѣ въ Вюртембергѣ, литейная мастерская въ Мегдеспунгѣ на Гарцѣ и другія—все это производства съ сотнями, даже тысячами рабочихъ.

Но точно такъ же и переработка кованаго жѣза въ художественно-промышленныя издѣлія обыкновенно совершается, въ особенности когда рѣчь идетъ о первоклассныхъ работахъ, въ крупныхъ (лишь иногда въ среднихъ) производствахъ, которые по большей части ограничиваются только этой отраслью художественного производства, т.-е. являются специальными предприятиями.

Нюрибергъ и въ наше время снова сталъ знаменитымъ центромъ художественно-слесарного производства. Изъ одного отчета въ U. III, 464 мы узнаемъ о немъ слѣдующее: „Въ составъ специализированаго крупнаго производства входятъ тѣ производства, которые занимаются исключительно изготавленіемъ старо-немецкой домашней утвари изъ кованаго жѣза. Начиная отъ простого ручного подсѣчника и до художественно выполненной люстры, отъ мелкихъ предметовъ украшенія и вплоть до всевозможныхъ предметовъ ежедневнаго обихода — все изготавливается здѣсь. Но въ послѣднее время и въ этой области совершилось извѣстное размежеваніе: одна мастерская начинаетъ производить главнымъ образомъ подсѣчники, люстры и стѣнныя лампы, другая — изготавливаетъ только столы, подставки для цѣтвѣтъ и изящные звонки“. На ряду съ крупными предприятиями такого рода мелко-капиталистическая художественно-слесарная мастерская играютъ второстепенную роль и въ Нюрибергѣ, хотя для нихъ имѣется здѣсь сравнительно благопріятная почва.

Въ другихъ городахъ художественно-слесарная мастерская носятъ еще болѣе опредѣленный крупно-капиталистический характеръ. Такъ, напр., въ Берлинѣ. Здѣсь „именно эта отрасль—т.-е. художественно-слесарная промышленность—все болѣе переходитъ къ крупному производству“ (U. IV, 292). Такихъ производствъ здѣсь около 20, каждое болѣе чѣмъ съ 50 рабочими. Самыя извѣстныя фирмы, какъ Пульсъ¹⁾ и др., даютъ работу многимъ сотнямъ рабочихъ. То же въ Мюнхенѣ, гдѣ на одной изъ двухъ наиболѣе выдающихся фирмъ—50 рабочихъ, а на другой — 70. Въ Бреславль, въ единственной значительной художественно-слесарной мастерской—около 120 рабочихъ. То же самое и во всѣхъ остальныхъ крупныхъ знаменитыхъ предприятияхъ, какъ предприятие Амбрустера во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Бэлера въ Оффенбургѣ въ Баваріи.

Изъ остальныхъ обрабатывающихъ металль художественныхъ производствъ слѣдовало бы упомянуть еще о художественно-жестяночномъ промыслѣ. Въ единственно извѣстномъ мнѣ сообщеніи о немъ говорится слѣдующее (U. VII, 315/16): „Вновь появляющіяся произведения худо-

онъ позволяли мнѣ брать столько рабочихъ, сколько мнѣ требовалось, такъ что иногда у меня бывало ихъ до 40, при чѣмъ я самъ выбиралъ ихъ“. (Lebensbeschreibung B. C. IV. Buch, 6 Kapitel, Goethe, W. W. [1881]. 12, 285).

1) Наглядное описание этого выдающагося предприятия см. въ „Über Land und Meer“, 40. Jahrg. (1897/98), № 50.

жественно-жестяночного производства суть... статуи, фигуры, орнаменты и пр.; все это делается по моделямъ и по большей части подвергается предварительной обработкѣ при помощи обыкновенныхъ большихъ машинъ на орнаментныхъ фабрикахъ. Иначе такія издѣлія стоили бы слишкомъ дорого. Эти работы выполняются существующими орнаментными фабриками, которые имѣютъ такія машины и которые для необходимой ручной работы могутъ постоянно содержать одного или несколькихъ особенно высоко оплачиваемыхъ рабочихъ».

Хорошо известно, и мы упоминаемъ объ этомъ только для полноты, что все художественно-промышленные издѣлія изъ фарфора и фаянса издавна производились въ рамкахъ крупнаго производства, нерѣдко на государственныхъ заводахъ. Я напомню мейссенскую и берлинскую фарфоровыя мануфактуры, всемирно-известную фирму Villeroy und Boch въ Германіи, Севрскую мануфактуру во Франціи, Royal Worcester Porcellain Co въ Англіи, Rockwood Pottery Co въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Снова распространяющаяся въ послѣднее время живопись по стеклу тоже организуется въ крупныя производства. Достигшая блестящаго развитія за границей (Венеція!) обработка стекла въ свою очередь никогда не покидала сферы крупнаго производства.

То же самое слѣдуетъ сказать о художественной текстильной и индустріи, которую овладѣли государственные и крупно-капиталистическая производствами величайшихъ размѣровъ.

Въ Германіи за послѣднія десятилѣтія быстро развивается художественная обработка кожи; безраздѣльное господство въ этой области принадлежитъ немногимъ всемирно-известнымъ фирмамъ, какъ Г. Гульбе въ Гамбургѣ.

Что касается остальныхъ отраслей современной художественной промышленности,—мебельное производство и тѣсно связанное съ нимъ обойное, а также книгопечатаніе и художественное воспроизведеніе изображеній, всегда развивались исключительно въ рамкахъ крупно-капиталистическихъ предприятій. Самая обычная форма здѣсь—комбинированное предпріятіе; въ связи съ послѣднимъ мы и разсмотримъ эти отрасли художественной промышленности¹⁾.

¹⁾ Нѣкоторыя данины о распространеніи художественной промышленности въ Германіи имются въ новой книгѣ F. C. Huber, „Deutschland als Industriestaat“, 1901, S. 324 ff., 362 ff.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Комбинированное предпріятіе.

Повсюду наблюдается и хорошо известенъ тотъ фактъ, что капитализмъ, съ одной стороны, разлагаетъ прежде цѣлостныя отрасли производства на рядъ специальныхъ производствъ, а съ другой—имѣть тенденцію соединять въ одномъ предпріятіи профессіи, бывшія ранѣе самостоятельными¹⁾). Явленіе это можно выяснить съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но будетъ лучше всего, если мы начнемъ свой анализъ съ продукта, вполнѣ готоваго для потребленія. Мы увидимъ тогда, что соединеніе бывшихъ ранѣе самостоятельными профессій совершается въ такой формѣ, что въ однѣхъ рукахъ соединяются несолько или все производственные процессы, необходимые для изготавленія одного и того же потребительного блага. Безразлично при этомъ, будетъ ли это соединеніе отдѣльныхъ послѣдовательныхъ процессовъ единаго цѣлокупного производственного процесса (примѣръ Круппъ), или же это будетъ только соединеніе какой-либо вспомогательной работы съ главной работой, напр., столярного производства моделей съ машиностроеніемъ, или — то и другое одновременно. Или, наконецъ, соединеніе представляетъ комбинацію двухъ (или не сколькоихъ) процессовъ производства различныхъ готовыхъ фабрикатовъ, напр., одежды и шубъ, мебели и гардинъ и т. д.; но если все дѣло ограничивается простымъ соединеніемъ доставки различныхъ предметовъ, то мы имѣемъ передъ собою переходъ къ комбинированному торговому предпріятію. Въ первомъ случаѣ объединяются въ одно цѣлое производственные процессы, во второмъ — основою объединенія служить лишь извѣстное направление спроса, потребности.

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду изучать тенденціи развитія капиталисти-

1) Въ одномъ предпріятіи; но отнюдь не всегда въ одномъ производствѣ. Фабрика, которая вѣкъ своихъ стѣнъ даетъ работу кустарнымъ рабочимъ, не является комбинированнымъ крупнымъ производствомъ, а представляется въ действительности несолько производствъ: 1) фабричное производство; 2) рядъ изолированныхъ (мелкихъ) производствъ. Связующимъ звеномъ служитъ исключительно капиталистическая организація. Согласно съ этимъ необходимо исправить то, что по этому поводу высали, напр., Вѣнег, статья „Gewerbe“, S in z h e i m e r, op. с., и другіе. Въ текстѣ я буду указывать, въ какихъ случаяхъ комбинированное предпріятіе представляетъ собой комбинированное крупное производство. Первый обратилъ вниманіе на это явленіе Карлъ Марксъ, который очень хорошо назвалъ его комбинаціей предпріятій. См. его *Untersuchungen über die Organisation der Arbeit*. Billige Ausgabe 3, 424 ff. Написано въ 1856 г.

ческаго предпріятія; это составить задачу одного изъ слѣдующихъ томовъ настоящей работы. Въ настоящее время мы намѣрены прослѣдить хозяйственныя явленія лишь до того момента, когда ремесломъ овладѣаетъ капитализмъ. Насъ интересуетъ здѣсь не то, какъ капитализмъ претворяетъ старыя организаціонныя формы, а какъ онъ ихъ поглощаетъ.

Поэтому мы поступимъ цѣлесообразнѣе, если въ дальнѣйшемъ станемъ разсматривать комбинированіе предпріятіе не съ систематической точки зре́нія (какъ намѣчено выше), а съ точки зре́нія генетической, и при томъ остановимся на немъ лишь постольку, поскольку оно вырастаетъ благодаря поглощенію прежде самостоятельныхъ ремесль. Процессъ поглощенія выражается въ трехъ различныхъ формахъ, которая часто представляютъ просто стадіи одного и того же эволюціоннаго процесса. Я обозначаю эти формы слѣдующими названіями:

При соединеніе	}	прежде самостоятельныхъ ремесль.
Включение		
Объединеніе		

При соединеніе и включение наблюдаются въ тѣхъ случаяхъ, когда капиталистическое предпріятіе отнимаетъ прежнюю самостоятельность у вспомогательныхъ промысловъ какого-либо главнаго промысла и ставить ихъ въ зависимость по отношенію къ главному промыслу, при чёмъ послѣдній не утрачиваетъ своихъ своеобразныхъ особенностей. Объединеніе, напротивъ, всегда обозначаетъ возникновеніе новаго, болѣе обширенаго по своему содержанію предпріятія, а часто и новаго производства; способомъ для этого служить комбинація различныхъ профессиональныхъ дѣятельностей, равныхъ по своему значенію, не распадающихся на главныя и подчиненные. Я постараюсь иллюстрировать это на примѣрѣ отдѣльныхъ особенно важныхъ, типическихъ случаевъ изъ новѣйшей исторіи промышленности.

1. При соединеніе не лишаетъ мастера-ремесленника его формальной самостоятельности; онъ попрежнему работаетъ въ своей мастерской, и единственное, чтоизмѣнилось,—это его экономическое положеніе. Онъ уже не работаетъ на известный кругъ частныхъ заказчиковъ, онъ не работаетъ также и на великаго незнакомца—на рынокъ, но послушнѣйшимъ образомъ выполняетъ тѣ заказы, какіе получаетъ отъ своего кормильца, капиталистического предпринимателя, совершенно ему чуждаго по своему характеру. Здѣсь складывается приблизительно такое же положеніе, въ какомъ находится мастеръ-столяръ, работающій на мебельные магазины или на мебельныя фабрики. Разница лишь та, что производственная сфера „мастера“ отличается отъ сферы производства дающей ему заказы фирмы какъ по своему содержанію, такъ и по характеру труда. Случай такого присоединенія довольно часто наблюдаются въ слѣдующихъ промыслахъ:

У токарей, которые изготавливаютъ точеные деревянныя части для столярныхъ, плотничихъ, обойныхъ заведеній и т. д.

У переплетчиковъ, которые переплетаютъ цѣлыми партіями книги для издательскихъ фирмъ или выполняютъ картонажныя работы для различныхъ предпріятій.

2. Включение выполнявшегося ранее ремесленнымъ способомъ промысла въ капиталистическое предпріятіе всегда предполагаетъ и его включение въ какое-либо уже имѣющееся налицо крупное производство; следовательно, въ этомъ случаѣ вполнѣ уместно говорить о „комбинированномъ крупномъ производствѣ“. Включение наблюдается во всѣхъ случаяхъ, когда связь соответствующей вспомогательной дѣятельности съ главнымъ производственнымъ процессомъ стала настолько тѣсной, что пространственное разъединеніе становится помѣхой успѣшному ходу дѣла, и вспомогательной работы имѣется столько, что ея можетъ хватить для постоянного занятія отдельному рабочему. Слѣдовательно, чѣмъ крупнѣе производство, тѣмъ многочисленнѣе и разнороднѣе включенные вспомогательные промыслы. Такъ, напр., на сталелитейныхъ и т. д. заводахъ Крупна мы встрѣчаемъ типографію съ 11 станками и переплетную мастерскую; на шоколадной фабрикѣ Штолльверка точно такъ же имѣется типографія съ 6 скоропечатными станками и переплетная мастерская. Но само собою разумѣется, все это пока еще исключенія. Напротивъ, значительно чаще наблюдаются слѣдующіе случаи включения прежнихъ ремесль въ капиталистическая крупныя производства:

Бондари встречаются во многихъ крупныхъ производствахъ, въ которыхъ деревянная посуда требуется при самой фабрикаціи или которыхъ разсылаются въ бочкахъ свои фабрикаты. Таковы: масло-очистительные заведенія, цементные, мыловаренные заводы, фабрики красокъ, винъ, химические заводы, винокуренные и въ особенности пивоваренные заводы¹⁾.

Токарей мы встрѣчаемъ повсюду тамъ, где готовый продуктъ содержитъ въ себѣ точенія деревянная составная части, какъ, напр., въ столярномъ производствѣ, въ предпріятіяхъ, изготавливающихъ инструменты и т. д.; или въ тѣхъ случаяхъ, когда для изготоенія продуктовъ требуется деревянные модели, отчасти или вдолинѣ точенія; это наблюдается въ литейныхъ мастерскихъ и на фабрикахъ машинъ, отчасти же и въ такихъ производствахъ, какъ, напр., шляпочное²⁾.

Слесарей и кузнецовъ для выполненія различныхъ починокъ держать почти всякое крупное производство, примѣняющее машины, безразлично, будетъ ли это сахарный заводъ или прядильня, бумажная фабрика или мельница. Такое производство, какъ шоколадная фабрика Штолльверка, имѣть свою собственную фабрику съ 80 рабочими. Кроме того, обученный кузнецъ или слесарь встречается въ большинствѣ производствъ, обрабатывающихъ или перерабатывающихъ желѣзо; перечислять ихъ было бы илишне. Иногда слесарные и кузачные мастерскія играютъ здѣсь такую крупную роль, что перестаютъ быть вспомогательными мастерскими: тогда мы имѣемъ передъ собою объединеніе такихъ мастерскихъ въ одно цѣлое съ другими одинаково важными промыслами. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ упо-

1) По вычислениямъ одного директора пивоваренного завода, рабочий персоналъ каждого крупного пивоваренного завода на 10% состоять изъ бондарей. Ср. также U. II, 46 f. На самомъ большомъ пивоваренномъ заводѣ въ Бреславлѣ изъ 140 человѣкъ рабочаго персонала 6 человѣкъ—бондари. Ср. также для послѣдующаго Stat. d. D. Reichs. N. F. 119, 103 ff.

2) Сообщается относительно Брюнна, а также и объ Австріи Uoe., 461.

мянуть еще о включении названныхъ промысловъ въ крупныя транспортировочные предпріятія: желѣзныя дороги, уличные пути сообщенія и т. д., — все эти предпріятія въ настоящее время имѣютъ свои собственныя слесарныя и кузнечныя мастерскія и выполняютъ ремонтныя работы хозяйственнымъ способомъ. Ремонтныя мастерскія прусскихъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ которыхъ соединены и другія многочисленныя ремесла, представляютъ собой, какъ известно, воистину гигантскія учрежденія. И тѣмъ не менѣе, если не производится новая работа, они остаются лишь вспомогательными производствами въ громадномъ организмѣ всего желѣзодорожного дѣла. Особеніо важенъ тотъ случай включения кузнечного промысла, когда подковываніе лошадей выполняется въ предѣлахъ крупныхъ производствъ, употребляющихъ большое количество лошадей: таковы пивоваренные заводы, строительные предпріятія, транспортировочные предпріятія, мельницы, сахарные заводы, конно-желѣзныя дороги, не говоря уже о крупныхъ помѣстьяхъ. Всѣ такія предпріятія охотно заводятъ своихъ собственныхъ „домашнихъ кузнецовъ“.

То, что было сказано о слесаряхъ и кузнецахъ, равнымъ образомъ примѣнено и къ столярамъ. Столяръ также же необходимъ во всякомъ дѣйствительно крупномъ производствѣ, гдѣ на него возлагается выполнение разнаго рода починокъ. Кромѣ того, въ многочисленныхъ предпріятіяхъ требуются и обученные столяры для выполнения новыхъ работъ. Я имѣю въ виду ищеталляціонныя предпріятія, инструментальные заводы, фарфоровыя и фаянсовыя фабрики и опять-таки фабрики машинъ, литейныя мастерскія и т. д. Всѣ эти производства нуждаются въ различного рода моделяхъ. Равнымъ образомъ и шоколадныя фабрики имѣютъ свои столярныя мастерскія и лѣсопилки. Въ большинствѣ случаевъ столярныя работы являются столь важною частью произведенія процесса, что столярное дѣло слѣдуетъ рассматривать какъ одно изъ многихъ объединенныхъ производствъ. Въ дальнѣйшемъ они еще привлекутъ къ себѣ наше вниманіе.

Жестяники изготавливаютъ жестяныя коробки на большихъ фабрикахъ консервовъ, на шоколадныхъ фабрикахъ и т. д.

Наконецъ, еще одинъ примѣръ изъ области производствъ предметовъ одежды: въ современномъ производствѣ пакидокъ часто является необходимой работа скорняка, который изготавливаетъ различного рода мѣховые отдѣлки и т. п. Поэтому на всѣхъ крупныхъ „фабрикахъ мантий“ мы всегда встрѣчаемъ нѣсколько скорняковъ¹⁾.

3. Объединеніе ранѣе самостоятельныхъ отраслей ремесла въ одномъ капиталистическомъ предпріятіи не ведеть непремѣнно къ созданію одного производства: фабрики и кустарная промышленность или нѣсколько пространственно разъединенныхъ крупныхъ или мелкихъ производствъ могутъ попрежнему существовать другъ возлѣ друга. Мы еще познакомимся съ такими случаями. Часто, конечно объединеніе въ одиѣхъ рукахъ ведеть за собою и соединеніе въ одномъ производствѣ.

1) Ср. описание крупной фабрики мантий Маннгеймера въ Берлинѣ, сдѣланное главой этой фирмы въ Drucksachen der Kommiss. f. Arb.-Stat., Verhandlungen Nr. 11 (Nachtrag), S. 5.

Объединение — и объ этомъ слѣдуетъ еще разъ напомнить — можетъ со-
вершаться въ двухъ направленихъ, на что я уже указывалъ выше: или
объединяется производство благъ, или же объединение касается доставки то-
вара, удовлетворяющаго извѣстной потребности. До сихъ поръ наблюдался
почти одинъ только первый случай; послѣдній же начинаетъ встрѣчаться
лишь въ самое послѣднее время и, очевидно, знаменуетъ собою первые ша-
ги въ эволюціи капиталистического предприятия по направленію къ высшимъ
формамъ.

Прототипъ крупнаго комбинированнаго производства, возникшаго изъ
ранѣе самостоятельныхъ ремесль, можно считать организацію „экипажной ма-
нуфактуры“. Она уже давно (Маркесъ) превратилась въ излюбленный школьн-
ый примѣръ. Но и въ настоящее время, въ подиовлениомъ изданіи, въ видѣ
„вагонной мануфактуры“, она можетъ служить самой яркой иллюстраціей
объединенія различныхъ профессиональныхъ дѣятельностей въ одиомъ новомъ
производственномъ цѣломъ. Здѣсь мы наблюдаемъ въ видѣ готоваго, закон-
ченного факта то, что въ многочисленныхъ другихъ промыслахъ находится
еще въ процессѣ развитія и рѣдко выступаетъ передъ нами въ такой закон-
ченной, въ такой чистой формѣ, если можно такъ выразиться. Такъ какъ
при современномъ положеніи вещей я не могу предполагать у всѣхъ читате-
лей болѣе или менѣе значительныхъ техническихъ свѣдѣній, то, въ интересахъ
лучшаго уразумѣнія дальнѣйшаго, полезно будетъ дать краткое описаніе
этого типа комбинированнаго крупнаго производства. Въ основу своего
описанія я положу вагонную мануфактуру — „бреславльское вагоностроитель-
ное акціонерное общество“, одно изъ крупнѣйшихъ среди однородныхъ пред-
приятій Германіи, съ капиталомъ около 13 милл. марокъ и рабочими персо-
наломъ круглымъ счетомъ въ 2.000 человѣкъ. Если мы прогуляемся по этому
предприятію, которое занимаетъ болѣе 100 моргеновъ пространства, у насъ
получится такое впечатлѣніе, какъ будто мы обозрѣваемъ многочисленныя
ремесленныя мастерскія какого-либо города: словно въ микроскопѣ, здѣсь
сконцентрированы на небольшомъ пространствѣ земли дюжины отраслей про-
мышленности. Мы начинаемъ нашу прогулку съ безконечныхъ складовъ де-
рева, гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ выдерживаются различнѣйшіе сорта де-
рева, начиная обычнымъ нѣмецкимъ деревомъ и кончая вывезенными изъ
отдаленнѣйшихъ странъ. Рядомъ съ штабелями лѣса лежатъ желѣзныя балки и
цѣлые куски сырого желѣза, которые перерабатываются въ собственныхъ
литейныхъ мастерскихъ. Отъ лѣса дорога ведетъ въ деревянное царство, отъ
желѣза — въ царство желѣзного производства. Направляясь по первой
дорогѣ, мы придемъ къ паровымъ шиламъ, паровымъ строгальнымъ и тесаль-
нымъ и т. п. машинамъ, съ помощью которыхъ бревна превращаются въ
балки или доски. Потомъ наступаетъ очередь древообрабатывающихъ ре-
месль: бревна и доски идутъ въ мастерскія колесниковъ или токарей
или столяровъ, многія сотни которыхъ стоять за работой. Повсюду рабо-
таютъ „обученные“ рабочіе, „подмастерья“. А пока идетъ обработка дерева,
не стоить безъ дѣла и желѣзодѣлательный рабочій: въ большихъ помѣщени-
яхъ мы видимъ около 200 кузнецовъ, которые группами въ 3—4 человѣка
работаютъ у горна. Техника здѣсь все еще сохраняетъ старинный, ре-

месленный характеръ; лишь изрѣдка кузнечы пользуются паровымъ краномъ или паровымъ молотомъ. Они изготавливаютъ оси, втулки и прочія желѣзныя части вагоновъ. Тамъ, гдѣ же лѣзо обрабатывается въ холодномъ видѣ, ца-рять сверлильщики и токари, а тамъ, гдѣ начинается сборка частей,— слесаріи и монтеры. Когда вагоны готовы вчера—цѣлая масса маля-ровъ и лакировщикъ приступаетъ къ окраскѣ; стекольщики вставляютъ стекла; шорники и обойщики слѣдуютъ за ними и уста-навливаютъ въ вагонахъ приготовленныя ими въ своихъ мастерскихъ мѣста для сидѣнья; а жестяники укрепляютъ различные приборы для освѣще-нія, желоба, различные проводы, клозетныя трубы—все то, безъ чего въ насторожнее время не обойдется ни одинъ благоустроенный желѣзнодорожный вагонъ.

Производства такого типа на каждомъ шагу встрѣчаются въ современ-ной крупной индустрії. Я укажу на экипажную мануфактурѣ, упомя-нутую выше и близкую по своему характеру къ вагонной фабрикѣ, на юве-лирную мастерскія, въ которыхъ совмѣщается цѣлый рядъ металличе-скихъ промысловъ; мы встрѣчаемъ здѣсь: токарей по металлу, печатниковъ, рѣзчиковъ, граверовъ, золотильщиковъ, шлифовальщиковъ, тонко-слесарное производство и т. п. Я напомню далѣе о щеточной мануфактурѣ, въ которой работаютъ изготовители ящиковъ, столяры, жестяники, слесари, то-кари и т. д.; о фабрикаціи плетеной мебели и плетенныхъ эки-пажей, при чмъ совмѣстно работаютъ корзинщики, столяры, шорники, колесники, лакировщики, слесаря, кузнецы и т. д.; а также о фабрикахъ роялей и органовъ, о различныхъ видахъ мебельныхъ фабрикъ, о заведеніяхъ оптическихъ и механическихъ¹⁾ и т. п.

Нѣкоторыя изъ этихъ отраслей промышленности, собственно говоря, никогда не входили въ сферу дѣятельности прежняго ремесла. Въ такихъ случаяхъ объединеніе ремесленной дѣятельности совершается не за счетъ существующихъ ремесленныхъ производствъ, а путемъ новообразованій. Въ другихъ случаяхъ объединеніе знаменуетъ собою гибель когда-то процвѣтав-шихъ ремеселъ, могила которыхъ уже давнымъ-давно и травой поросла. Наконецъ, третыи отрасли промышленности только теперь еще захватываются самостоятельными ремесла въ новый механизмъ капиталистического предпрія-тія. Послѣдній случай представляеть для насъ наибольшій интересъ, и пото-му мы приведемъ еще нѣсколько въ особенности важныхъ примѣровъ: безъ сомнѣнія, мы имѣемъ здѣсь передъ собою безусловно всеобщія тенденціи развитія.

Лишь спорадически можно встрѣтить случаи объединенія прежде само-стоятельныхъ ремеселъ въ сферѣ производства предметовъ питанія; мнѣ известны лишь отдѣльные попытки соединить въ одно цѣлое на капиталистической основе мукомольное и пекарное производство, далѣе пивовареніе и солодовое производство.

1) Знаменитыя оптическія мастерскія Карла Цейса въ Іенѣ заключаютъ въ себѣ между прочимъ литеиную, слесарную, столярную, кожевенную, гравировальную, полировочную и лакировочную мастерскія. Ср. Pierstorff, Die Carl Zeiss-Stiftung, отдѣльный оттискъ изъ Schmollers Jahrbuch (1897), стр. 7.

Равнымъ образомъ и въ области производства предметовъ одѣжды явленія указанного характера встрѣчаются рѣдко. Важиѣ всего и сравнительно чаще встрѣчаются соединеніе кожевенного промысла съ сапожнымъ въ одномъ предпрѣятіи. Мы видимъ, что, съ одной стороны, крупныя сапожныя мастерскія устраиваютъ для себя кожевенные заводы; а съ другой—кожевники основываютъ сапожныя фабрики. Объ обоихъ этихъ случаяхъ сообщаютъ, напр., изъ Бюргемѣнера, где въ 80-хъ годахъ крупная сапожная фабрика въ Леонбергѣ основала свое собственное производство кожаныхъ подошвъ съ 25 дубильными ямами и, обратно, иѣ-которые кожевенные заводы устроили въ Леонбергѣ сапожныя фабрики (U. VIII, 517).

Большое значеніе, и какъ разъ въ настоящее время, имѣть тенденція къ объединенію въ одно цѣлое пока еще самостоятельныхъ отраслей въ сферѣ строительныхъ промысловъ. При той тѣсной связи, въ какой находятся между собою отдельные отрасли строительной дѣятельности, сама собой возникаетъ идея объединить въ одно цѣлое всѣ эти работы, которыя направлены въ сущности на создание одного и того же продукта,—объединить по крайней мѣрѣ въ одно предпрѣятіе. Это можетъ осуществиться лишь при томъ условіи, что различные строительные ремесленники утрачиваютъ и формальную самостоятельность, становятся наемными рабочими у одного капиталистического предпринимателя. Понятно, что вслѣдь за этимъ объединеніемъ въ одномъ предпрѣятіи безъ труда можетъ совершиться и объединеніе въ одномъ производствѣ.

Что касается развитія фактическихъ отношеній, мы наблюдаемъ слѣдующее: уже въ настоящее время въ широкихъ размѣрахъ совершилось объединеніе промысла каменщиковъ и плотниковъ въ одномъ предпрѣятіи, руководитель которого въ такихъ случаяхъ обыкновенно величаетъ себя „строительнымъ мастеромъ“¹⁾). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этотъ глубокій переворотъ въ строительномъ промыслѣ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ отмѣченными выше тенденціями въ развитіи главныхъ строительныхъ промысловъ: съ сильнымъ проникновеніемъ капиталистического духа въ промыслы каменщиковъ и плотниковъ. Эта первая комбинація, объединеніе промысловъ каменщиковъ и плотниковъ, является затѣмъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ сочетаній. Мы видѣли выше, что въ (мѣстномъ) плотничествѣ промыслѣ наблюдается стремленіе въ направленіи къ крупному производству и что лишь въ формѣ крупнаго производства плотничій промыселъ можетъ вполнѣ воспользоваться завоеваніями современной техники. Я отмѣтилъ также, что стремленіе это неразрывно связано съ другимъ, именно съ тенденціей плотничьяго промысла овладѣть всею областью обработки дерева, слѣдовательно, прежде всего столярно-строительнымъ производствомъ.

1) Когда эти по большей части очень богатые „строительные мастера“ кокетничаютъ на своихъ конгрессахъ своею принадлежностью къ мастерамъ, это—не болѣе, какъ политической манипуляціи. Кто имѣетъ удовольствіе лично слышать на собранияхъ рѣчи главныхъ ораторовъ, тотъ не можетъ безъ улыбки и удивленія смотрѣть, съ какою непринужденностью эти „тѣжеловѣсные парни“ скромно натягиваютъ на себя простой костюмъ ремесленника старого пошиба.

Крупнымъ производствамъ, представляющимъ комбинацію столярно-строительного и плотничаго промысловъ, даютъ обыкновенно название строительныхъ фабрикъ. Чистый типъ такой строительной фабрики представляеть, напр., „лейпцигская строительная фабрика“. Мы находимъ въ ней паровую лѣсопильню, плотницкую мастерскую, столярно-строительную и производство паркетовъ; она берется выполнять не только постройку вчериѣ, но изготавливаетъ и вѣсъ принадлежности для окончательной отдѣлки построекъ, какъ двери, окна и т. п.; въ качествѣ особой специальности она занимается также изготавленіемъ карнизовъ, плинтусовъ и другихъ принадлежностей для настилки половъ; она производитъ даже мебель. Зимой на ней работаетъ 200 человѣкъ, а лѣтомъ, когда работа въ полномъ ходу, 400 рабочихъ (У. IX, 606). Такъ же организовано „акціонерное общество построекъ“ (въ Берлине) ¹.

Это—одинъ кристаллизационный пунктъ въ сферѣ строительныхъ промысловъ. Но, кромѣ него, существуютъ еще и другие. Промыселъ каменщиковъ, второй наиболѣе важный изъ мѣстныхъ строительныхъ промысловъ, кое-гдѣ обнаруживаетъ стремленіе захватить и производство перерабатываемыхъ имъ матеріаловъ; въ такихъ случаяхъ одинъ и тотъ же предприниматель содержитъ кирпичные заводы, цементные и т. д. Прототипъ такого комбинированнаго каменщика промысла можетъ служить, напр., „общество недвижимостей и построекъ“ въ Штутгартѣ ².

Другимъ пунктомъ, въ которомъ различные виды строительной дѣятельности обнаруживаются тенденцію къ объединенію, является фабрика, изготавлиющая отдѣльныя части дверей и оконъ. Предприниматель такой фабрики легко приходитъ къ мысли взять въ свои руки, кромѣ изготавленія деревянныхъ частей, и вставку стеколь въ окна, укрѣпленіе различныхъ желѣзныхъ частей, окраску и полировку уже готовыхъ дверей и оконъ; наконецъ, черезъ своихъ же рабочихъ онъ устанавливаетъ все это на мѣсто. Благодаря такому расширенію сферы производства, достигается объединеніе столярного, слесарного (какъ установочнаго промысла), стекольнаго, а иногда и малярнаго промысловъ.

Послѣднимъ этапнымъ пунктомъ на пути къ сліянію былъ бы тотъ случай, когда одинъ и тотъ же капиталистический предприниматель станетъ выполнять черезъ своихъ наемныхъ рабочихъ всю постройку, начиная отъ первого удара лопатой въ землю и кончая послѣдней розеткой. Это было бы вполнѣ законченное строительное предпріятіе, примѣровъ чего въ Германіи, насколько миѣ известно, еще неѣть въ настоящее время ³).

1) Ср. Salings „Borsenhandbuch“ 1901—1902, S. 861 f. О другихъ строительныхъ акціонерныхъ обществахъ, которыхъ отчасти связаны съ строительными балками, тамъ же имѣются дальнѣйшія данные. Крупныя частныя фирмы такого характера встречаются въ большинствѣ среднихъ и большихъ городовъ. Ср., напр., обѣ Эссенѣ: Н. К. Bericht f. 1897, II, 15/16.

2) Ср. P. Hirschfeld, Wurttembergs Grossindustrie und Grosshandel. S. 116 ff., у Sinzheimer, ор., с. стр. 141.

3) Самый развитой типъ комбинированнаго строительного предпріятія представляеть одно крупное строительное предпріятіе въ Мюнхенѣ (Thurneyssen, оп. с., S. 45), которое соединяетъ въ себѣ кирпичное производство, каменщикое, каменотесное, плотничкое и столярное производства. Работаетъ здѣсь около 1.000 рабочихъ.

Однако сомнительно, чтобы это руководимое одной волей строительно-производственное предприятие явилось темъ пунктомъ, къ которому ведеть ходъ развитія. Скорѣе можно думать, что отдельная капиталистическая предприятія сосредоточатъ свое вниманіе на производствѣ болѣе или менѣе близкихъ другъ къ другу частей постройки, а затѣмъ уже кто-либо изъ предпринимателей или какое-либо третье лицо, напр., капиталистъ-архитекторъ, приметъ на себя выполненіе самой постройки. Это можетъ происходить такъ, что какой-либо архитекторъ, берущій на себя исполненіе постройки по заказу третьихъ лицъ или въ спекулятивныхъ цѣляхъ, поручаетъ производство каменныхъ и плотницкихъ работъ комбинированному предприятію; остальная деревянная работы онъ заказываетъ расширенной фабрикѣ оконъ и дверей, а болѣе мелкія работы исполняютъ уже его собственные служащіе. Вообще существуетъ цѣлый рядъ возможностей, въ какомъ именно направленіи будетъ развиваться указанная тенденція къ объединенію въ строительномъ промыслѣ. Но какъ бы дѣло ни сложилось въ этомъ отношеніи, все клонится къ тому, чтобы превратить ранѣе самостоятельный ремесла въ составныя части капиталистическихъ предприятій.

Профессиональная и промышленная статистика опять-таки проливаетъ лишь слабый свѣтъ на выясленную въ текстѣ тенденцію въ развитіи строительного промысла. Правда, въ переписи (1895 г.) имѣется рубрика—В 138—„строительное предприятіе“; въ нее включены между прочимъ: „строительный бюро“, „строительные фирмы“, „строительные общества“, „технико-строительные бюро“; следовательно, она въ сущности охватываетъ то, что было обозначено нами какъ комбинированное предприятіе въ строительномъ промыслѣ. Къ сожалѣнію, статистическія цифры утрачиваются для насъ почти всякую цѣну, такъ какъ въ нихъ не дѣлается различія между строительствомъ на поверхности земли и земляными работами. А въ этихъ двухъ видахъ строительства обнаруживаются далеко не одинаковыя тенденціи развитія. Этотъ недостатокъ можно иѣсколько складить, если разматривать цифры отдельно для различныхъ мѣстностей. Мы можемъ думать, что крупныя строительныя предприятия въ мѣстностяхъ менѣе чѣмъ съ 2.000 жителей выполняютъ главнымъ образомъ земляные работы, а въ болѣе крупныхъ центрахъ они заняты преимущественно сооруженіемъ зданій. Тогда получается такая картина: по профессиональной переписи на группу В 138а приходится—38 7.607 занятыхъ въ строительномъ промыслѣ; по промышленной переписи—375.070. Согласно первой переписи (ср. оп. с., Band 110, стр. 35), занятыхъ въ строительномъ промыслѣ, который составляетъ для нихъ главную профессію, въ общинахъ менѣе чѣмъ съ 2.000 жителей было 140.476, следовательно, приблизительно двѣ пятыхъ всего числа. Притомъ они были заняты въ очень крупныхъ производствахъ: изъ этихъ 140.476 лицъ принадлежать къ категоріи b—6.784, къ категоріи c—129.904, следовательно, лишь 3.788 лицъ—къ категоріи a¹).

Что касается распределенія лицъ, вообще занятыхъ въ строительныхъ

¹) [По германскимъ переписямъ въ категорію a входятъ „самостоятельные“, въ категорію b—высший персоналъ служащихъ (управляющіе, квоторщики, надсмотрщики), въ категорію c—„технические рабочіе“, или собственно рабочіе].

предпріятіяхъ, по отдельнымъ разрядамъ предпріятій, то (согласно промышленной статистикѣ) получается такая картина. Изъ общаго числа 375.070 лицъ было занято въ производствахъ:

менѣе чѣмъ съ		5 рабочими	12.950
" " "	6— 10	"	11.187
" " "	11— 20	"	26.580
" " "	21— 50	"	80.086
" " "	51— 100	"	89.497
" " "	101— 200	"	85.380
" " "	201— 500	"	50.031
" " "	501—1000	"	14.062
болѣе " "	1000	"	5.297.

Слѣдовательно, сильно преобладаютъ крупныя производства; большинство послѣднихъ, несомнѣнно, занято земляными работами.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что 375.070 лицамъ, входящимъ въ группу В 138, во всей имперіи противостоять лишь (по промышленной статистикѣ):

284.265 въ чисто каменщицкихъ производствахъ,

133.322 " " плотницкихъ производствахъ;

следовательно, 417.587 противъ упомянутыхъ 375.070.

Повидимому, большихъ успѣховъ, чѣмъ въ области домостроительства, достигло уже въ настоящее время объединеніе прежде самостоятельныхъ профессий въ сферѣ изготавленія предметовъ, необходимыхъ для внутренней обстановки домовъ. Здѣсь передъ нами одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда мы лучше всего уразумѣмъ тенденціи къ объединенію, если посмотримъ на дѣло съ точки зрѣнія удовлетворенія извѣстнаго ряда потребностей. Все внутреннее убранство жилища должно находиться въ одиѣхъ рукахъ, все здѣсь должно совершаться по указанію изъ одного центра. Въ виду этого поставщики различныхъ предметовъ обстановки стремятся такъ или иначе расширить кругъ своей дѣятельности. Двумя наиболѣе важными исходными пунктами, при возникновеніи предпріятій для коллективнаго оборудованія внутренней обстановки жилищъ, являются мебельное и обойное производство (декоративное производство). Первое прежде всего стремилось къ тому, чтобы доставлять всю мебель въ совершенно готовомъ видѣ; сперва оно стало поставлять деревянную мебель, что повлекло за собой включеніе въ мебельное производство прежде самостоятельныхъ ремесль; а потомъ наступила очередь и за мягкой мебелью, благодаря чему обойный промыселъ точно такъ же былъ захваченъ въ кругъ мебельного производства; такомъ-то способомъ и возникла современная мебельная мануфактура. Послѣдней оставалось только взять на себя декоративное убранство жилищъ гардинами, портьерами, коврами и другими предметами укращенія,—и передъ нами выступаетъ декоративное предпріятіе, снабжающее жилища полной обстановкой. Но бываетъ и такъ, что первоначальный чисто-обойный или декорационный промыселъ присоединяетъ къ себѣ сперва декорационныя или обойные работы; затѣмъ онъ переходитъ къ изготавленію необходимой деревянной мебели, такъ что и въ этомъ

случаѣ завершается кругъ дѣятельностей, необходимыхъ для оборудованія жилищъ полною обстановкой.

Этотъ ходъ развитія совершается путемъ цѣлаго ряда постепенныхъ переходовъ въ самой разнообразной послѣдовательности; благодаря этому возникаетъ поразительнѣйшее разнообразіе организационныхъ формъ, представляющихъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ необыкновенное неструю картиву.

Но въ общемъ, думается мнѣ, положеніе вещей можно характеризовать слѣдующимъ образомъ. Поскольку дѣло касается дешевой или средняго качества обстановки жилья, настоящей декоративной работы здѣсь совсѣмъ не бываетъ: молодая чета покупаетъ мебель въ мебельномъ магазинѣ, нерѣдко въ разсрочку; коверь къ дивану, одѣяла на кровати и драпри—въ магазинѣ ковровъ, который иногда стоитъ въ связи съ мебельнымъ магазиномъ, тортгующимъ съ разсрочкой платежей. Всѣ эти цѣнныя вещи чета размѣщаетъ въ своемъ наемномъ уголкѣ. Хозяинъ и хозяйка прилагаютъ всѣ старанія къ тому, чтобы достигнуть возможно большаго изящества „обстановки“. Они неизбѣжно пользуются при этомъ содѣствіемъ обойщика, который самъ величаетъ себя „декораторомъ“. Какъ изготавливается мебель, служащая для такихъ обстановокъ, въ какой мѣрѣ производство ея организовано капиталистически, обо всемъ этомъ рѣчь была выше (глава 21-я, С.).

Иное дѣло обстановки у богатыхъ людей. Здѣсь задача заключается въ создавіи опредѣленного цѣлостнаго впечатлѣнія отъ обстановки жилища, цѣлостнаго стиля, въ особенности, если жилища эти находятся въ собственныхъ домахъ ихъ владѣльцевъ, и въ ихъ украшеній собственникъ всецѣло полагается на художественный вкусъ какого-либо архитектора. Здѣсь самому тщательному выбору подвергаются и отдѣльныя цѣнныя вещи: художественно исполненная деревянная мебель, покрытые дорогими матеріями диваны и кресла, а также ковры, занавѣсы, бездѣлушкы. То же самое слѣдуетъ сказать и о роскошно убранныхъ общественныхъ зданіяхъ, отеляхъ, ресторанахъ и т. д.

Собственно говоря, для выполненія такихъ художественныхъ или по крайней мѣрѣ бывающихъ на эффектъ обстановокъ и возникли комбинированныя обстановочные предприятия. Наиболѣе важнымъ отдѣломъ въ нихъ является мебельная фабрика, точнѣе говоря, мебельная мануфактура. Устройство ея аналогично устройству вагонной мануфактуры: это—крупное производство, въ которомъ изготавливаются обстановки разнаго рода, какъ деревянная, такъ и мягкая мебель. Мебельная мануфактура соединяетъ подъ одной крышей или во всякомъ случаѣ на одномъ дворѣ мастерскія столяровъ, токарей, рѣзчиковъ, обойщиковъ, полировщиковъ, позолотчиковъ, слесарей и т. д. и, само собой разумѣется, снабжена всѣми необходимыми древообрабатывающими машинами. Въ ея бюро работаютъ „академически“ образованные рисовальщики; они чертятъ проекты рисунковъ и оригиналы для дальнѣйшаго выполненія работъ мастерами. Какъ уже упомянуто выше, въ такихъ мебельныхъ мануфактурахъ рабочий персоналъ составляется изъ высоко квалифицированныхъ рабочихъ; здѣсь, вообще говоря, изготавливается только художественная мебель высшихъ сортовъ. И, обратно, можно безъ преувеличеній сказать, что 99%, всей дѣйствительно художественно выполненной мебели выходитъ изъ наиболѣе крупныхъ мебельныхъ мануфактуръ. Здѣсь, какъ и

въ большинствѣ другихъ отраслей промышленности, понятія: художественная промышленность и крупное производство, почти вполнѣ покрываютъ другъ друга. Это уже давно извѣстно всякому, кто хотя бы немного знакомъ съ отношеніями въ промышленности. Въ послѣднее время „Изслѣдованія“ дали новое и рѣшительное подтвержденіе такимъ взглядамъ¹⁾). Знаменитыми центрами художественной мебельной мануфактуры являются Майнцъ, Мюнхенъ, Штутгартъ.

Въ первое время мебельная мануфактура обыкновенно поручаеть обивку мебели обойщику, работающему гдѣ-либо на сторонѣ: выше мы уже констатировали такие случаи. Но съ течениемъ времени мебельная мануфактура почти всегда устраиваетъ собственный обойный мастерскій. И устраиваетъ ихъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ быстрѣе она переходить къ декоративному убранству въ внутреннихъ помѣщеній. Декоративныя работы тѣснѣйшимъ образомъ переплатаются съ обойными работами; поэтому на ряду съ собственно мебельной мастерской возникаютъ общія „обойный и декорационный мастерскій“, какъ одинъ изъ главныхъ самостоятельныхъ отдѣловъ мануфактуры. Съ этого момента передъ нами выступаетъ законченное современное обстановочное и декорационное предпріятіе круизѣйшихъ размѣровъ. При случаѣ оно не отказывается и отъ мелкихъ, различныхъ заказовъ. Но съ наибольшей охотой берется за такія работы, какъ, напр., снабженіе новой виллы въ западной части Берлина полною обстановкой, начиная съ нижняго лѣстничного ковра и кончая роскошнейшей вазой. Все это выполняетъ оно съ помощью своихъ собственныхъ людей и употребляетъ издѣлія преимущественно собственного производства. Наиболѣе крупныя изъ такихъ предпріятій имѣютъ даже собственный ткацкій фабрики мебельныхъ матерій и ковровъ. Но иногда они покупаютъ всѣ вещи, въ томъ числѣ и предметы, служащіе собственно для украшенія.

Современные комбинированныя обстановочные предприятия могутъ, конечно, развиваться и изъ другихъ отправныхъ пунктовъ. Часто случается, что обойный заведенія, первоначально получавшія деревянные оставы мебели со стороны, впослѣдствіи начинаютъ изготавлять ихъ въ своихъ собственныхъ мастерскихъ; или же крупные магазины декоративныхъ вещей и мебельной матеріи начинаютъ сами изготавлять мебель. Но какъ бы то ни было, различные пути эволюціи сходятся въ извѣстномъ пунктѣ и отсюда идутъ уже въ одномъ и томъ же направлении.

Третьимъ исходнымъ пунктомъ въ развитіи современного декорационного предпріятія въ послѣднее время послужили магазины бѣлья. Самый крупный и самый извѣстный въ Берлинѣ магазинъ бѣлья въ настоящее время

1) Объ Аугсбургѣ—U. III, 513 f.; Майнцѣ—III, 310 f.; тамъ же о многочисленныхъ другихъ городахъ. Подробнѣе всѣхъ трактуетъ о художественной мебельной мануфактурѣ крупного стиля Р. ді Магоуэзъ, „L'ébeniste du Fauborg S. Germain“, 1894. Въ новѣйшее время во всѣхъ случаяхъ, когда на художественное убранство внутреннихъ помѣщеній обращалось особенное вниманіе, поставщиками были самыя крупныя производства. Примѣры: замки Людвига II, германскій рейхстагъ и т. д. О самой новѣйшей фазѣ художественного столярного промысла и другихъ отраслей художественной промышленности, объ организаціи (за послѣдніе годы) „соединенныхъ мастерскихъ“ въ Мюнхенѣ, Дрезденѣ и т. д. я подробно говорю во 2-мъ томѣ.

береть на себя устройство роскошнейшей обстановки въ цѣлыхъ отеляхъ и т. д. Въ своемъ торговомъ помѣщении онъ оборудовалъ рядъ элегантныхъ образцовыхъ комнатъ, въ которыхъ имѣется громадный выборъ гардинъ, ковровъ и бѣлья. И почти все это—собственного производства. Вся внутренняя обстановка одного изъ новѣйшихъ и элегантнейшихъ отелей Германіи была доставлена этимъ магазиномъ бѣлья.

Само собой разумѣется, что подобного рода сложные механизмы возникли пока только въ отдельныхъ богатыхъ городахъ¹⁾. Уже потому такъ должно было быть, что виѣ центровъ цивилизаций, виѣ большихъ городовъ, вообще неѣ достаточно большого спроса на художественная жилищная обстановка. Если гдѣ-либо въ небольшихъ городахъ или въ деревнѣ спорадически встрѣчается преисполненное насыщенности богатство, то къ его услугамъ—обстановочное предпріятіе большого города, которое обставляетъ его жилище такъ же, какъ оно дѣлаетъ это на мѣстѣ своего постоянного пребыванія. Если какой-либо богатый директоръ копей въ Верхней Силезіи, или ткацкій фабриканть въ Совиныхъ горахъ, или „бѣдствующій“ аграрій пожелаетъ обставить свою виллу или свой замокъ „по-современному“, то они сами или ихъ архитекторъ обращаются, разумѣется, къ крупному предпріятію въ Бреславль или еще чаще въ Берлинѣ, и крупная фирма черезъ посредство своихъ людей выполняетъ всѣ декоративныя работы еп bloc. Всѣ известныя мнѣ роскошныя обстановки въ различныхъ провинціяхъ Германіи были выполнены именно такимъ способомъ.

Важные примѣры комбинированныхъ предпріятій въ сферѣ производства предметовъ утвари представляютъ, наконецъ, быстро развивающіяся въ послѣднее время крупныя издательскія предпріятія: книгоиздательство, изданіе газетъ и изданіе художественныхъ произведеній. Они уже такъ часто служили предметомъ детальныхъ изслѣдований²⁾, что я могу ограничиться простымъ упоминаніемъ о нихъ. Изъ ремесль въ этой области утрачиваются свою былую самостоятельность, кромѣ печатнаго и литографскаго дѣла, литье шрифта и т. д., въ особенности переплетное дѣло: оно приобрѣтаетъ характеръ крупнаго производства и входить какъ членъ въ общий организмъ. Самыми знаменитыми издательскими фирмами такого рода

1) До какой степени такія предпріятія, какъ современныя декорационныя, зависятъ отъ наличности высокаго культурнаго уровня,—объ этомъ свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что они появлялись въ Германіи лишь съ 70-хъ годовъ, а въ болѣе богатыхъ странахъ Западной Европы существуютъ уже съ давнаго времени. Въ 1874 г. I. Lessingъ писалъ: „Въ Берлинѣ тоже возникаетъ эта индустрія. Но въ Парижѣ и Лондонѣ она процветаетъ уже много лѣтъ, и даже въ Вѣнѣ и С.-Петербургѣ она пользуется успѣхомъ сравнительно долгое время. Такой декораторъ, какъ Репоп въ Парижѣ или Jackson and Graham въ Лондонѣ... имѣетъ въ своемъ магазинѣ все, что требуется для обстановки жилищъ... Если требуется обставить комнату, подобный предприниматель можетъ убрать ее всѣми тѣми безбѣушками и красивыми вещами, которыя придаютъ комнатѣ самый тонкій, изящный, привлекательный видъ... Часто декораторъ или его служащій изbrasываетъ артистическій планъ обстановки, а фабриканть уже приводить его въ исполненіе“. Слѣдовательно, чисто декорационное предпріятіе находится въ этомъ случаѣ наканунѣ перехода къ собственному производству. Ср. I. Lessing, „Das Kunstgewerbe auf der Wiener Weltausstellung“, 1874. S. 41—44.

2) Ср. Bücher, Gewerbe, op. cit., S. 947 f.; Sinzheimer, op. c., S. 139 f.

являются: F. A. Brockhaus въ Лейпцигѣ, акционерное общество „Union, Deutsche Verlagsgesellschaft“ въ Штутгартѣ, возникшее изъ слиянія книжныхъ фирмъ Gebrüder Kröner, I. G. Cotta и W. Spemann; Deutsche Verlagsanstalt (прежде E. Halberger) тамъ же, и друг. ¹⁾.

* * *

Остановимся на минуту и окинемъ однимъ взглядомъ всю ту область, которую мы подвергли изученію въ этомъ ужасно длинномъ отдельѣ. Все предыдущее приводитъ насъ къ тому несомнѣнному выводу, что капитализмъ дѣлаетъ завоеванія по всей линіи промышленного производства. Уже въ настоящее время онъ совершенно разрушилъ прежнюю ремесленную структуру промышленной жизни: на мѣсто раздѣленія на профессіи, развивавшагося въ теченіе тысячелѣтій и стоявшаго въ самой непосредственной связи съ личностью ремесленника, капитализмъ въ самое короткое время выдвинулъ новую систему производственныхъ отношеній, въ основѣ которой лежатъ объективно-раціональные принципы. Уже нынѣ капитализмъ въ одинаковой степени господствуетъ почти во всѣхъ областяхъ промышленной жизни.

Не подлежитъ сомнѣнію, что предыдущія поколѣнія заблуждались, когда они думали, что побѣдоносное шествіе капитализма совершается въ единообразныхъ формахъ. На самомъ дѣлѣ завоеванія капитализма не означаютъ равномѣрного роста общественного крупнаго производства. Въ очень и очень многихъ случаяхъ капитализмъ оставляетъ совершенно незатронутымъ процессъ труда или вносить въ него лишь незначительныя перебѣгы: случаи косвенной зависимости, домашняя промышленность, внѣдомашняя промышленность. Въ другихъ случаяхъ онъ выступаетъ передъ нами въ формѣ общественного производства; но основа послѣдняго настолько узка, что и здѣсь у насъ нѣтъ основаній говорить о развитіи крупнаго производства.

Въ дѣйствительности, какъ мы уже неоднократно упоминали, статистика показываетъ, что въ наше время обнаруживаются тенденцію къ увеличенію своей численности случаи мелко-капиталистическихъ предпріятій.

Во всей промышленной жизни можно констатировать для этой формы предпріятій слѣдующій приростъ. Число производствъ было:

	1882 г.	1895 г.	Приростъ 1882—95 г.
съ 6—10 лицами . . .	68.763	113.549	65,1%
„ 12—50 „ . . .	43.952	77.752	76,9%
„ 6—50 „ . . .	112.715	191.301	69,7%

¹⁾ Ср. о штутгартскихъ издательскихъ фирмахъ U. VIII, 416 f.; о лейпцигскихъ—Büchergesellschaften, Gewerbe, op. c.; о крупныхъ переплетныхъ предпріятіяхъ Hübel und Denek въ Лейпцигѣ см. „Illustrierte Zeitung“ vom 3.5. 1900. Ср. также описание „Einige Riesenunternehmungen an der Jahrhundertwende“ въ 119 Band (N. F.) der Statistik des Deutschen Reichs, 158 f.

Число рабочихъ было въ производствахъ:

	1882 г.	1895 г.	Приростъ 1882—95 г.
съ 6—10 лицами . . .	500.097	833.418	66,6%
„ 11—50 „ . . .	891.623	1.620.915	81,8%
„ 6—50 „ . . .	1.391.720	2.454.333	76,3%

Слѣдовательно, изъ каждыхъ 100 лицъ, занятыхъ въ промышленности, на подобныя мелко- и средне-капиталистическія предпріятія приходилось въ 1882 г. всего 19 человѣкъ, а въ 1895 г., напротивъ, 23,9 противъ 22,0 и 29,6%, занятыхъ въ собственної крупной индустріи.

Но развѣ ремесло, дѣйствительно, исчезло съ лица земли? Или, быть можетъ, несмотря на могучій натискъ со стороны капитализма, оно все еще удерживается за собой извѣстное мѣсто въ промышленной жизни? А въ такомъ случаѣ, какое именно? Отвѣтъ на эти вопросы мы дадимъ въ ближайшемъ отдѣлѣ.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Ремесло и ремесленникъ въ настоящее время.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Ремесло въ настоящее время.

Если бы кто-нибудь пожелалъ определить ту часть промышленного производства, какая въ настоящее время принадлежитъ докапиталистическимъ формамъ организаций, онъ поступилъ бы ошибочно, если бы для этого изъ прежней производственной области докапиталистическихъ формъ просто вычель то, что захвачено теперь промышленнымъ капитализмомъ. Такими пріемами невозможно достигнуть точного определенія современной сферы господства домашне-промышленного или ремесленного способа производства. Операдія вычитанія потому оказалась бы непригодной, что въ основѣ ея лежитъ ошибочное предположеніе, будто уменьшаемое въ данномъ случаѣ — неизмѣнная величина. Между тѣмъ область промышленного производства, какъ цѣлое, не представляется неизмѣнной величиной. Напротивъ, она подвергается непрестаннымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ того, растетъ или сокращается спросъ на продукты промышленности. Поэтому, если мы хотимъ определить современную сферу владѣнія старыхъ формъ промышленной организаций, мы должны принять во вниманіе слѣдующее:

1. Приростъ вслѣдствіе развитія новыхъ потребностей.
2. Потери прежней области:
 - a) вслѣдствіе того, что прежнія потребности исчезли;
 - b) вслѣдствіе успѣховъ промышленного капитализма, что приводить къ результатамъ двоякаго рода: или новый способъ производства овладѣваетъ производствомъ тѣхъ предметовъ, которые до того времени изготавливались старымъ способомъ производства; или же спросъ на эти предметы уменьшается благодаря замѣнѣ ихъ другими предметами ¹⁾.

Подчеркнемъ категорически еще разъ, что, при решеніи задачи разграничения сферъ капитализма и докапиталистическихъ формъ, общая профес-

1) Теорія перемѣщений въ области промышленного производства получила развитіе главнымъ образомъ въ работахъ Бюхера; общія очертанія этой теоріи я впервые встрѣтилъ въ цитированномъ выше сочиненіи Родбертуса, написанномъ въ 1849 г.

сіональная и промышленная статистика не можетъ оказать намъ никакой помощи. Безполезность статистическихъ данныхъ въ этомъ случаѣ зависитъ отъ того, что число лицъ, принадлежащихъ къ данной профессіи, само по себѣ еще ничего не говоритъ о долѣ ихъ участія въ общей производительной дѣятельности. Если, напр., я знаю, что данное лицо — сапожникъ, это еще ничего не говоритъ мнѣ о томъ, все ли свое время или только часть онъ посвящаетъ изготавленію новой обуви, почищѣ старой, или же онъ занимается тѣмъ, что пасетъ стадо коровъ своихъ односельчанъ, а по ночамъ сторожить свое родное мѣстечко. Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, въ этой главѣ, данными общей статистики мы будемъ пользоваться съ большой осмотрительностью, главнымъ же образомъ прибѣгнемъ къ испытанному нами индуктивному методу. Конечно, такимъ способомъ мы никогда не получимъ точнаго представленія о количественныхъ соотношеніяхъ явлений. Но зато мы уразумѣемъ общее направление перемѣнъ, совершающихся въ области промышленного производства. А это и есть самое главное. Въ самомъ дѣлѣ, если бы даже въ нашемъ распоряженіи имѣлись пути и средства для того, чтобы получить точное количественное представленіе о положеніи вещей въ настоящую минуту, радость отъ обладанія такимъ познаніемъ была бы нарушена соображеніемъ, что полученная нами картина въ тотъ самый мигъ, когда мы фиксировали ее, благодаря бѣшено-быстрому темпу развитія нашей промышленной жизни не была уже точной копіей дѣйствительности.

Въ видахъ связи съ 18-й главой и для удобства обозрѣнія, мы сохранимъ въ дальнѣйшемъ основное подраздѣленіе на сельскіе и городскіе промыслы и обратимъ главное вниманіе на положеніе вещей въ Германіи.

A. Развитіе въ деревнѣ.

Если бы кто-либо остановилъ свое вниманіе на структурѣ промышленной жизни въ деревнѣ, онъ, вѣроятно, пришелъ бы въ изумленіе передъ пестрымъ разнообразіемъ формъ организаціи промышленного труда, уживающихся одна подлѣ другой. Крестьянское и помѣщицкое самопотребляющее хозяйство, ремесло различныхъ оттѣниковъ, работающее по заказу, ремесло, работающее на продажу, всѣ формы промышленного капитализма,— все это представляло бы передъ нимъ во взаимной борьбѣ за господство.

Спрашивается теперь, возможно ли открыть въ этой пестрой картины какія-либо закономѣрные преобразованія, какія-либо постоянныя тенденціи къ перемѣнамъ въ томъ или другомъ направлениі. Я думаю, это возможно. Но прежде всего, кажется мнѣ, необходимо провести разграничение между слѣдующими тенденціями въ развитіи сельской промышленности.

- 1) Сокращеніе сферы самопотребляющаго (натурального) хозяйства.
- 2) Сокращеніе области ремесла, работающего на заказъ по найму. И то и другое—поскольку здѣсь не наблюдается прекращеніе спроса — идетъ на пользу или ремеслу, работающему на продажу, или же на пользу капитализму.
- 3) Сокращеніе области ремесла, работающего на продажу. Оно всегда

совершается на пользу капитализму. Все это можно выразить такъ: мы наблюдаемъ въ деревнѣ:

- a) распространеніе ремесленной организаціи и въ настоящее время,
- b) и въ то же время наблюдаемъ распространеніе промышленного капитализма.

Слѣдуетъ дальше отмѣтить, что отнюдь не наблюдается правильнаго чередованія организаціонныхъ формъ, но столь же часто — можно даже сказать, по большей части — совершается непосредственный переходъ отъ какого-либо изъ существующихъ примитивныхъ способовъ производства къ капиталистической формѣ хозяйства. Слѣдовательно, если мы наблюдаемъ кое-гдѣ развитіе мѣнового хозяйства на счетъ самопотребляющаго хозяйства и на счетъ примыкающей къ послѣднему работы по найму (на заказчика), это явленіе представляеть нечто большее, чѣмъ простую случайность; типичнымъ ходомъ развитія вообще слѣдуетъ признать завоеваніе капитализмомъ всего, что сохраняется отъ докапиталистического строя промышленности.

Переходя къ подкрѣпленію этихъ утвержденій фактами, я прежде всего проведу подраздѣленіе въ предѣлахъ совокупности сельскихъ промысловъ и отдѣлю то, что я назову сельскимъ ремесломъ, отъ того, что можно назвать ремесломъ въ деревнѣ. Подъ первымъ обозначеніемъ я разумѣю всѣ тѣ ремесла, которыхъ можно назвать „специфически сельскими“, такъ какъ они удовлетворяютъ потребностямъ сельского хозяина какъ производителя, и въ этомъ заключается ихъ качественное отличіе. Таковы прежде всего ремесла кузнeca и колесника. „Ремесла же въ деревнѣ“ — это всѣ остальные ремесла, которая въ такой же мѣрѣ могутъ быть и городскими ремеслами; они производятъ для удовлетворенія личныхъ потребностей сельского населенія; а эти потребности въ основныхъ чертахъ тождественны съ потребностями городскихъ жителей: различія между ними исключительно количественные! Изъ „ремесль въ деревнѣ“ особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которые, какъ ремесла, работающія по найму, непосредственно примыкаютъ къ сельскому самопотребляющему хозяйству и потому занимаютъ промежуточное положеніе между обѣими только что названными категоріями ремесла ¹⁾.

1) Таковы въ особенности мукомольное и пивоваренное производство. И статистическія давнія доказываютъ преобладаніе въ деревнѣ промысловъ, работающихъ по найму, а также и специфически деревенскихъ ремесль. Такъ, изъ цифры „E g e b u n g über Verhältnisse im Handwerk“ (1895) видно, что пивоваренный промесль, мукомольный, кузнеchnый, въ особенности ковка лошадей, колесный (и, кроме того, еще плотницкій, но этотъ лишь въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ одиночкахъ-рабочихъ) принадлежать къ тѣмъ промысламъ, въ которыхъ насчитывается больше мастеровъ, или больше рабочаго персонала, или больше тѣхъ и другихъ въ переписныхъ округахъ, лежащихъ виѣ соотвѣтствующей „самой большой общинѣ“. Ср. Bd. I, стр. 40, 41. Специальная статистика для Граца и его окрестностей показываетъ, что въ городѣ Грацѣ было 18 кузнецovъ (на ряду съ 70 слесарями), а въ округѣ торговой палаты виѣ Граца было 1.454 кузнeca (на ряду съ 217 слесарями). УОе. 312.

I. Домашнее производство для собственного потребления и работа по найму¹⁾.

Почти невозможно показать на фактахъ степень распространенія въ настоящее время домашняго производства для собственного потребленія или даже только тенденцію къ сокращенію его сферы. Намъ приходится ограничиться выводами изъ сообщений случайного характера. Кроме того, мы отсылаемъ читателя къ выводамъ въ отдѣлѣ о теоріи промышленного развитія во второмъ томѣ настоящей работы, гдѣ я привожу доказательства всей необходимости исчезновенія сельскаго самопотребляющаго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и домашнаго производства.

Во всякомъ случаѣ всѣ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о современномъ положеніи дѣла показываютъ, что, хотя домашнее производство для собственного потребленія еще въ значительной степени сохраняется въ современной Германіи, какъ и въ другихъ культурныхъ странахъ, оно тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ тенденцію къ исчезновенію. Я приведу сейчасъ найденные мною въ источникахъ отдѣльные случаи домашняго производства для собственного потребленія и примѣры существующихъ ремесленниковъ²⁾. Всякий, кто посѣщалъ глухіе углы, особенно въ горныхъ странахъ, легко дополнить ихъ собственными наблюденіями.

На западѣ Германіи, въ особенности въ Шварцвальдѣ, а въ послѣднемъ главнымъ образомъ въ области замкнутыхъ дворовъ (хуторовъ), еще въ настоящее время сохраняются значительные остатки домашняго производства. „Если гдѣ и существуетъ въ настоящее время домашнее хозяйство, — говорить историкъ промысловъ въ области распространенія гутахскаго костюма (U. VIII, 121 f.), — такъ это именно въ крестьянскихъ дворахъ Шварцвальда. Все, въ чемъ нуждается крестьянинъ, все это онъ стремится изготовить изъ своего собственнаго матеріала, все это, если только возможно, онъ производить самъ или члены его семьи. Если же это почему-либо невозможно, онъ стремится къ тому, чтобы самый процессъ изготавленія нужныхъ ему предметовъ проходилъ на его глазахъ, въ его собственномъ дому, изъ доставленнаго имъ же матеріала“. Но данное тѣмъ же авторомъ описание распаденія стариннаго способа производства доказываетъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ зачастую о желаніяхъ крестьянина, осуществить которыхъ становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ (ср. с., S. 125 f.). Это подтверждаетъ другое описание изъ великаго герцогства Баденскаго, гдѣ мы читаемъ: „Изготавленіе промышленныхъ издѣлій для собственного потребленія остается въ обычай еще во всѣхъ деревняхъ, хотя обычай этотъ все болѣе

1) [Въ передачѣ терминовъ мы вообще по большей части пользуемся извѣстными сборниками, изданными Водовозовой. Изъ контекста видно, въ чемъ заключается коренное отличие домашняго производства (это—производство въ предѣлахъ натурального хозяйства) отъ домашней промышленности (это, говоря иначе, кустарные промыслы). Общее же между ними заключается между прочимъ въ томъ, что и въ первомъ и во второмъ случаѣ дѣло идетъ о переработкѣ сырья].

2) Нѣкоторые случаи я уже сообщилъ въ 19-й главѣ; во избѣженіе повтореній, я прошу читателей припомнить для восполненія данной въ текстѣ картины приведенные тамъ факты.

и болѣе исчезаетъ¹⁾). Повидимому, уже совершенно исчезло домашнее производство въ тѣхъ сельскихъ округахъ Бадена, которые лежать близъ крупныхъ центровъ торговли; слѣдовательно, въ особенности въ мѣстахъ, гдѣ преобладаетъ карликовый крестьянинъ. Такъ, уже цитированный нами М. Гехтъ пишетъ въ своей книжкѣ²⁾: „Купецъ изъ Карлсруэ доставляетъ полотно и шерсть дешевле, чѣмъ они обошлись бы крестьянину при изготовлѣніи дома. Стоить ли послѣ этого сѣять ленъ и коноплю, стоять ли вообще и прядь, если всю одежду можно купить гораздо дешевле въ Карлсруэ?“ „Гагсфельдская крестьянка уже не имѣеть столько досуга, чтобы стирать дома бѣлье своей семьи; все грязное бѣлье посыпается для стирки въ паровыя прачечныя въ Карлсруэ!“³⁾.

О королевствѣ Бюргембергскомъ мы узнаемъ слѣдующее: „Въ округѣ Ягстѣ еще изготавляютъ промышленныя издѣлія для собственнаго употребленія; продукты изъ конопли, льна, отчасти изъ шерсти изготавляютъ въ Мергентеймѣ, пряжу производятъ въ Клюцельсау, Гераброннѣ, Крайльсгеймѣ, Эльвангенѣ—„все меныше и меныше“, въ Гейденгеймѣ—„нѣсколько больше“, Гмюндѣ, Вельсгеймѣ⁴⁾. Въ округѣ Неккара мы встрѣчаемъ: производство полотна въ Леонбергѣ, пряденіе и вязаніе въ Людвигсбургѣ, Эслингенѣ, Вайблингенѣ „еще очень распространено, хотя и уменьшается“, въ Безиггеймѣ, Гейльброннѣ, Вейнсбергѣ „уже рѣдко“, въ Файнингенѣ⁵⁾. Въ округѣ Шварцвальда домашнее производство для собственнаго потребленія „еще сильно распространено“; въ Нейенбургѣ „еще 20 лѣтъ тому назадъ... все,

1) Die Verhltnisse der Landarbeiter in Deutschland. Schriften des Vereins fr Socialpolitik, Bd. 53 (1892), S. 326. Хотя заключающіяся здесь свѣдѣнія касаются только положенія сельскихъ рабочихъ, однако они все же даютъ возможность судить правильными заключеніями о положеніи крестьянства.

2) M. H e c h t, „Drei Drf er der badischen Hard“, 1895, S. 59.

3) Ор. с., S. 16, Ann. I. Совершенно иначе и въ противорѣчіи съ другими аналитическими сообщеніями—такъ что я не могу придавать ему слишкомъ большого значенія—гласитъ описание баденской деревни Муккеншопфъ въ области Гацау, слѣдовательно, описание деревни, расположенной вблизи отъ центровъ цивилизациі. Мы приведемъ его, такъ какъ сообщенія подобного рода малочисленны. Возможно, что самыя противорѣчія и недостаточность данныхъ объ этомъ важномъ отдѣлѣ нашей хозяйственной жизни побудятъ кого-либо заняться этимъ вопросомъ и обогатить наши познанія. У Emil V g a n n a g e l, „Zwei Drf er der badischen Rheinebene“ etc., 1898, S. 21, мы читаемъ: сравнительная многочисленность ткачей „объясняется тѣмъ, что жители этой мѣстности все свое носильное бѣлье, а также все полотно, необходимое для домашнаго обихода, по большей части изготавливаютъ изъ произведенія ими матеріала. Они треплыть, чешутъ, сушать и очищаютъ растительные волокна, прядуть ихъ, а затѣмъ отдаютъ ткачу для переработки въ сукно (следуетъ сказать, конечно, въ полотно). Почти въ каждомъ дому можно встрѣтить одинъ или нѣсколько ткацкихъ станковъ, и дѣвицы и женщины съ удивительною ловкостью щиплютъ нить, сучать, а затѣмъ прядутъ ее. Ткацкій станокъ еще и нынѣ играетъ большую роль въ этой мѣстности. Зимой поочереди собираются все въ какомъ-либо большомъ помѣщеніи, гдѣ девушки занимаются пряденіемъ. Сюда же являются и парни, и работа идетъ среди веселой шутливой болтовни,—такъ проходитъ вечеръ“. Однимъ словомъ, настоящій рай земной этотъ Муккеншопфъ: идеалъ, которой совсѣмъ не коснулся пронесшійся потокъ времени. Бирочемъ, неувѣренный толькъ автора не внушиаетъ большого довѣрія къ достовѣрности его сообщенія.

4) Schriften d. V. f. S.-P., Bd. 53, S. 248.

5) Ор. с., S. 266.

что носиль крестьянинъ—все это онъ самъ изготавливъ, теперь же все покупается”; пряденіе и ткачество еще обычнай вещь въ округахъ Нагольдъ, Іальвъ, Фрейденштадтъ, изрѣдка наблюдаются въ Балингенѣ, Оберндорфѣ, Зульцѣ, Роттенбургѣ, Тюбингенѣ¹⁾; въ дунайскомъ округѣ пряденіе и ткачество „очень распространено“²⁾). Мы узнаемъ также, что крестьяне въ Вюртембергѣ кое-гдѣ заказываютъ обувь странствующему сапожнику, при чёмъ сами заказчики даютъ ему кожу, выдѣланную кожевникомъ (U., VIII, 461).

Объ Эльзасъ-Лотарингіи мы узнаемъ, что домашнее производство еще встрѣчается „въ отдельныхъ случаяхъ“³⁾.

О королевствѣ Баваріи мы имѣемъ такое сводное описание: „Изъ промышленныхъ издѣлій кое-гдѣ изготавливаются для собственнаго потребленія пряжи и ткани; однако съ каждымъ годомъ это встрѣчается все рѣже и рѣдже“⁴⁾). Обувь еще нерѣдко изготавливается странствующимъ сапожникомъ. Объ одномъ баварскомъ округѣ въ нашихъ Альпахъ у насъ имѣются такія свѣдѣнія⁵⁾: разбросанный на большомъ пространствѣ округъ заселенъ слабо и рѣдко; изъ 17 общинъ лишь нѣкоторыя представляютъ собой большія селенія, на ряду съ цѣлыми деревнями здѣсь очень много далеко разбросанныхъ другъ отъ друга хуторовъ... Сильно распространена работа странствующихъ мастеровъ. При заключеніи договоровъ съ батраками и женской прислугой, послѣдніе, кромѣ платы и содержанія, обыкновенно выговариваются одежду и 1—2 пары обуви. По мѣрѣ того, какъ годовой договоръ смыкается еженедѣльнымъ наймомъ на работу, обычай этотъ начинаетъ исчезать; однако онъ до сихъ поръ удерживается въ лучшихъ крестьянскихъ хозяйствахъ, которыя особенно цѣнить исправныхъ и постоянныхъ работниковъ. Само собой разумѣется, что работой странствующихъ мастеровъ покрывается прежде всего потребность въ обуви какъ самого хозяина, такъ и его семьи. Необходимую ему кожу крестьянинъ вымѣниваетъ у сельскаго кожевенника на кору для дубленія.

Какъ въ этомъ баварскомъ округѣ, вообще типичномъ для альпійскихъ мѣстностей, такъ и въ равнинныхъ мѣстностяхъ Верхней Франконіи потребность въ обуви нерѣдко удовлетворяется такимъ же способомъ. Скудныя, но все же хоть нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ даютъ произведенное въ 1890 г. официальное изслѣдованіе хозяйственныхъ отношеній въ 24 общинахъ королевства Баваріи. Согласно этому изслѣдованію, почти во всѣхъ общинахъ зерно или отдается для помола мельнику, работающему на заказъ, или же сматывается въ собственномъ хозяйствѣ крестьянина, а хлѣбъ печется дома почти повсемѣстно. О домашнемъ производствѣ промышленныхъ продуктовъ мы имѣемъ довольно точныя свѣдѣнія только изъ одной общины (Ротенбухъ въ округѣ Лоръ): въ Ротенбухѣ, какъ и во всемъ Шпессартѣ, уже совсѣмъ исчезла одежда, когда-то изготавливавшаяся въ собственномъ хозяйствѣ изъ собственного льна и конопли, и ее замѣнила

1) Op. c., S. 281.

2) Op. c., S. 293.

3) Op. cit., S. 402, 412, 421.

4) Schriften etc. Bd. 54, S. 155.

5) E. Francke, „Die Schuhmacherei in Bayern“, 1893, S. 83/84.

„непрочная бумажная матерія“, которую распространяют „разносчики и въ особенности комми-вояжеры“ (S. 455—56). Почти еще всюду сохраняется обычай выдавать батракамъ предметы одежды, но въ большинствѣ случаевъ эти предметы изготавливаются, повидимому, уже не въ собственномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, а покупаются. Однако мы не имеемъ объ этомъ точныхъ свѣдѣній.

Въ областяхъ средней и сѣверной Германіи, даже на равнинахъ, домашнее производство для собственного потребленія тоже исчезло еще не совсѣмъ.

Въ королевствѣ Саксонскомъ, повидимому, сохранились только слѣды всего этого. Такъ, относительно саксонскихъ Рудныхъ горъ сообщаютъ, что начиная съ 70-хъ годовъ, постепенно исчезаетъ домашнее печеніе хлѣба: теперь, напр., въ деревнѣ Галенцѣ хлѣбъ печется дома лишь въ немногихъ старинныхъ крестьянскихъ семьяхъ. Точно такъ же и такъ наз. домашняя мастерскія, которая раньше обязательно имѣлась въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ, все болѣе и болѣе забрасываются, и лишь при исполненіи незначительныхъ починокъ „иногда вновь оживаетъ старинное домашнее производство“ (U., V, 13, 37). Въ саксонскомъ Оберлаузицѣ кое-гдѣ еще изготавливается для собственного потребленія пряжа, а для дальнѣйшей переработки въ ткань она передается ткачу-ремесленнику, который получаетъ за это опредѣленное вознагражденіе ¹⁾; на сѣверо-западѣ, въ равнинѣ и въ холмистой странѣ, этотъ обычай можно встрѣтить „уже только изрѣдка“ ²⁾.

Относительно Ольденбурга Кергера ³⁾ сообщаетъ, что обработка льна и шерсти для собственного потребленія оставлена лишь въ немногихъ мѣстностяхъ; то же самое узнаемъ мы и о провинціи Ганноверѣ; въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ, богатыхъ пастбищами, находить себѣ широкое примѣненіе шерсть мелкихъ овецъ, и „почти вся одежда сельскихъ жителей изготавливается изъ самотканыхъ матерій“ ⁴⁾. „Но съ упадкомъ овцеводства начинаетъ приходить въ упадокъ и этотъ обычай“ (S. 193). То же сообщаютъ относительно Вестфалии (округъ Витгенштайнъ), Вальдекка (S. 155), Шаумбургъ-Липпе, Гессена, провинціи Шлезвигъ-Гольштейнѣ ⁵⁾.

Въ восточныхъ провинціяхъ королевства Пруссіи въ крупныхъ помѣстьяхъ царятъ такие же порядки, какъ въ деревняхъ юга и запада: и здѣсь, какъ у сельскихъ рабочихъ, такъ и въ помѣстьяхъ, наблюдаются исчезающіе остатки домашняго производства для собственного потребленія ⁶⁾. Въ помѣстьяхъ даже въ настоящее время мы встрѣчаемъ рядъ ремесленниковъ-Deputatisten ⁷⁾: колесника, кузнеца, плотника, мельника и

¹⁾ Schriften, op. c., стр. 323.

²⁾ Op. c., стр. 344.

³⁾ „Die ländlichen Verhältnisse Nordwestdeutschlands“. Schriften, Bd. 53, S. 12/13.

⁴⁾ Ibidem, S. 59, op. S. 177, 183, 193, 199.

⁵⁾ Однако уже съ прибавкой: „въ отдельныхъ случаяхъ“. Schriften, Bd. 54, S. 415, „въ иѣкоторыхъ еще мѣстахъ“ (424), „въ упадкѣ“ (436), „ко-гдѣ“ (447), „въ отдельныхъ случаяхъ“ (478).

⁶⁾ Cp. M. Weber, „Die Lage der Landarbeiter im ostelbischen Deutschland“. Schriften des Ver. f. S. P., Bd. 55 passim.

⁷⁾ [Deputatisten—особая категорія сельскихъ рабочихъ. Они характеризуются темъ, что, кроме определенного денежного жалованья и квартиры, получаютъ такъ наз. „депутатъ“, т.-е. известное количество пищевыхъ продуктовъ и топлива, и продовольствуются у себя въ семье].

т. д.¹⁾). Ихъ судьба самымъ тѣснымъ образомъ связана съ судьбой стариинаго патріархального помѣстного хозяйства: съ нимъ они живутъ, съ нимъ и исчезнутъ.

Меньше становится въ деревняхъ востока странствующихъ портныхъ²⁾, но изъ нѣкоторыхъ мѣстностей намъ все же сообщаютъ о домашнемъ приготовлении тканей для одежды³⁾.

Напротивъ, въ деревняхъ Шпревальда, повидимому, находится въ полномъ расцвѣтѣ производство промыщленныхъ продуктовъ для собственнаго потребленія, а также и его необходимый спутникъ—странствующій ремесленникъ. Это видно изъ слѣдующаго описанія, которое я заимствую изъ *Untersuchungen*, т. VII, 517 стр.

„Большая часть ремесль въ Шпревальдѣ до сихъ поръ сохраняется въ формѣ работы на заказъ, по найму, сохраняются здѣсь и странствующіе ремесленники. Крестьянинъ уже не знаетъ собственнаго дубленія кожи, а сапожникъ равнымъ образомъ уже не работаетъ у него на дому: обувь или заказывается мастеру, или покупается готовой. Но всѣ предметы одежды изготавливаются портными на дому у заказчика. Свое зерно крестьянинъ отдаетъ молоть мельнику, который удерживаетъ за это восьмую часть шеффеля; хлѣбъ печеть онъ у булочника, который получаетъ за каждый хлѣбъ (12—30 фунтовъ) всего лишь 10 пфенниговъ. Даже мясникъ—по большей части простой рабочий, переходящій изъ дома въ домъ. Впрочемъ, булочное и мясное дѣло ведутся уже отчасти и какъ настоящее ремесло. Вадумаетъ житель Шпревальда построить себѣ домъ, онъ покупаетъ камень и лѣсъ и нанимаетъ каменщиковъ и плотниковъ. Даже лынное масло онъ поручаетъ выжимать мельнику за извѣстное вознагражденіе.

„Столяръ точно такъ же работаетъ на заказъ, по найму. Когда крестьянинъ выдаетъ замужъ дочь, онъ приказываетъ срубить нѣкоторые изъ окружающихъ его дворъ ольхъ и дубовъ и владѣльцу лѣсопильни поручаетъ распилить ихъ на доски. Послѣ помолвки онъ зоветъ къ себѣ въ домъ столяра, который изготавляетъ изъ хорошо просушенного и вылежавшагося дерева необходимый домашній скарбъ. Мебель простая, прочная, безъ всякой фанерной отдѣлки; къ городскимъ издѣліямъ обитатель Шпревальда не питаетъ довѣрія. Въ теченіе цѣлыхъ недѣль столяръ живетъ въ домѣ заказчика“.

Постройка дома все рѣже производится собственными средствами домовладѣльца. Хотя крестьянинъ все еще предпочитаетъ доставлять необходимый для постройки дома матеріаляръ (срв. ниже, глава 26-я, III), однако его собственное участіе въ постройкѣ значительно сократилось по сравненію съ прежнимъ; выполненіе постройки все болѣе переходитъ къ наемнымъ рабочимъ. Главной причиной этого слѣдуетъ считать переходъ отъ старииныхъ глиняныхъ кѣточныхъ построекъ съ соломенной крышей, возведеніе которыхъ теперь вообще не разрѣшается полиціей, къ массивнымъ кирпичнымъ строй-

¹⁾ Ср. о Нижней Силезіи U. IX, 509; о Западной Пруссіи IX, 531; объ округѣ Нетце U. IV, 237/38.

²⁾ О Накелѣ U. IV, 211.

³⁾ Округъ Драмбургъ U. IV, 145.

камъ, которыхъ всецѣло сооружаются каменщиками—этими мастерами на вѣ руки при постройкѣ деревенскихъ домовъ (сравн. глава 26-я, III).

Само собой разумѣется, что тѣ сельскія ремесла, которыхъ, работая на заказъ, по найму, тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ крестьянскимъ или помѣщичьимъ самопотребляющимъ хозяйствомъ, необходимо приходить въ разстройство, лишь только начинаетъ расшатываться самопотребляющее хозяйство: такія ремесла только отъ него и питались. Примѣры: работающіе по найму ткачи, красильщики и представители другихъ промысловъ, связанныхъ съ производствомъ одежды; въ настоящее время они почти совершенно исчезли.

Сюда относятся далѣе работающія ремесленнымъ способомъ вѣтряныя и водяныя мельницы; главный источникъ ихъ дохода составляла плата за помоль зерна, которое привозили крестьяне, инсты¹⁾, помѣщики, монастыри и т. д.; упадокъ этихъ мельницъ—последству наблюдающееся явленіе. Положеніе мельницъ ухудшается еще и потому, что булочники находятъ для себя болѣе выгоднымъ—это стоять въ связи съ описанымъ выше своеобразнымъ положеніемъ мучного рынка!—покупать муку съ паровыхъ мельницъ, а не перемалывать зерно за свой собственный счетъ, какъ было раньше. Благодаря всему этому, ремесленныя мельницы вынуждены въ настоящую минуту вести отчаянную борьбу за существованіе²⁾; во многихъ случаяхъ она уже закончилась ихъ гибеллю. Напр., въ окрестностяхъ Накеля (Нете) доходъ 20 вѣтряныхъ мельницъ за послѣднія десять лѣтъ понизился на одну третью; причина—конкуренція большихъ паровыхъ мельницъ (U. IV, 230/31); однако въ виду консервативнаго духа сельскаго населенія на будущее имъ пророчать счастливую судьбу. Въ Эйслебенѣ мельницы, работающія на заказъ, уже совсѣмъ разорились (U. IX, 298/99). Въ Ноттингенѣ-Дармсбахѣ (Баденъ) „двѣ мельницы, работающія на заказъ, не въ состояніи конкурировать съ механическими мельницами“ (U. VIII, 73). Мельницы въ Месскирхѣ (Баденъ) „потерпѣли уронъ“ благодаря тому, что мучные торговцы и пекари не отдаютъ уже молоть зерно, а покупаютъ муку на механическихъ мельницахъ (U. VIII, 47). Въ деревнѣ Галенцѣ мельничное дѣло совершенно упало (U. V, 40). Въ деревнѣ Кондрау (Верхній Пфальцъ) „мельницы, по словамъ ихъ владѣльцевъ, находятся въ сильномъ упадкѣ и влечь жалкое существованіе; нѣкоторые изъ мельниковъ только временами имѣютъ работу“³⁾. Въ деревнѣ Зольбахѣ (Верхній Пфальцъ) „обѣ мельницы прежде дѣлали хорошія дѣла; но одна изъ нихъ почти совсѣмъ пала и продолжаетъ работать лишь съ однѣмъ оставшимся поставомъ, работы на заказъ у нея совсѣмъ мало, и она влечь очень печальное существованіе...“ Другая имѣеть довольно много заказовъ⁴⁾.

1) [Инсты—сельскіе рабочіе, получающіе, кромѣ небольшой денежной платы, вознагражденіе натурой: бесплатную квартиру, топливо, кормъ для коровы, ключекъ земли подъ картофель и овощи, долю въ обмолоченномъ хлѣбѣ и т. д.].

2) Борьба эта для мельницъ въ большихъ городахъ давно уже решена въ пользу крупныхъ капиталистическихъ предприятий.

3) „Untersuchungen ѡber die wirtschaftliche Lage in 24 Gemeinden des Kgr. Bayern“, 1895, S. 146.

4) Ibidem, S. 209. Въ остальныхъ 22 описаніяхъ ничего не говорится обѣ упадкѣ мукомольнаго промысла. Конечно, ни въ одномъ изъ нихъ и не ставится вопросъ обѣ уве-

Число вѣтряныхъ мельницъ въ провинціи Познани съ 1861 г., когда ихъ насчитывалось 2.698, упало до 2.383 уже къ 1885 г.; а число водяныхъ мельницъ за тотъ же срокъ понизилось съ 555 до 390¹⁾). Если принять въ соображеніе, какъ упорно цѣпляются за жизнь сельскія мельницы, несмотря на сокращеніе ихъ производства, то приведенные цифры свидѣтельствуютъ объ очень серьезномъ упадкѣ ремесленныхъ мельницъ.

II. Деревенское ремесло.

Въ совершенно иномъ свѣтѣ являются передъ нами тѣ ремесла, которыхъ я называлъ специфически деревенскими: въ особенности промыслы кузнеца и колесника. Ихъ судьба опредѣляется условіями, которыхъ не претерпѣли такихъ крупныхъ перемѣнъ, какъ описанная выше.

Если я называю кузничный промыселъ деревенскимъ ремесломъраг excellence, то я разумѣю въ данномъ случаѣ ту часть кузничного промысла, которая обыкновенно называется простымъ (грубымъ) кузничествомъ, или подковнымъ кузничествомъ. Другія специальные кузничные работы: изготавленіе циркулей, цѣпей, гвоздей, ножей, издѣлій изъ мѣди, золотыхъ вешней и т. д.,—характерны для города не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ для деревни. Но существуетъ и еще одна причина, по которой мы можемъ не останавливаться на нихъ: въ настоящее время онѣ почти уже совсѣмъ являются достояніемъ прошлаго. А то изъ кузничного ремесла, что и теперь представляеть для насъ интересъ, все, въ чемъ еще сохраняется жизнь,—все это относится къ области простого, грубаго кузничества и въ полномъ смыслѣ является деревенскимъ промысломъ.

Но бурное теченіе времени оставило замѣтные слѣды и на этой важнѣйшей отрасли стариннаго кузничного ремесла. Многаго лишилось оно изъ своей прежней производственной области. Такъ, отъ него отошло производство обыкновенныхъ орудій, т.-е. производство желѣзной мелкой утвари, топоровъ, лопатъ, молотковъ, грабель, петель (дверныхъ, оконныхъ и т. д.), винтовъ и т. д.²⁾). Его наслѣдниками въ этомъ отношеніи являются, съ одной стороны, кустари, изготавлиющіе мелкія желѣзныя вещи, а съ другой—уже крупное производство. Производство сельскохозяйственныхъ орудій и даже всякое участіе въ немъ тоже ускользаетъ изъ рукъ кузнеца по мѣрѣ того, какъ сельскохозяйственные орудія, и въ особенности машины, начинаютъ изготавливаться изъ желѣза. Производство ихъ переходитъ къ фабрикамъ³⁾.

личеніи или сокращеніи количества мельницъ (работающихъ на заказчиковъ), а только о самомъ фактѣ ихъ существованія. И въ большинствѣ случаевъ вопросъ этотъ получаетъ утвердительный отвѣтъ.

1) Bol. von Brodnicki, „Beiträge zur Entwicklung der Landwirtschaft in der Provinz Posen w hrend der Jahre 1815—1890“, 1893, S. 99.

2) Констатировано въ Накелѣ и его окрестностяхъ U. IV, 234 f.; въ деревнѣ Галенитѣ V, 18.

3) О Нотtingенѣ-Дармсбахѣ U. VIII, 70/71; о силезской деревнѣ Крампинѣ U. IX, 516. О производствѣ телѣгъ см. слѣдующія стравицы. Впрочемъ, изготавленіе этихъ предметовъ во многихъ мѣстахъ уже давно перешло къ особымъ кузнецамъ-специалистамъ по производству орудій; следовательно, оно выдѣлилось изъ простого кузничества, изготавлияющаго грубые предметы. Loquard (Восточная Фрисландія), VII, 590.

Равнымъ образомъ и ковка лошадей ускользаетъ изъ рукъ кузнеца: съ одной стороны, техника этого дѣла измѣнилась не къ его пользу съ тѣхъ поръ, какъ открылась возможность получать подковы и гвозди изъ желѣзныхъ лавокъ въ готовомъ или, по крайней мѣрѣ, въ подготовленномъ видѣ¹⁾. Кузнцу остается только приладить и прибить подкову гвоздями. Съ другой стороны, ему угрожаетъ опасность лишиться и этого занятія, такъ какъ предпріятія, въ которыхъ имѣется большое количество лошадей, обнаруживаютъ склонность держать собственныхъ кузнецовыхъ. Мы наблюдаемъ это въ крупныхъ помѣстьяхъ, а въ особенности въ городскихъ транспортировочныхъ предпріятіяхъ²⁾). Уменьшились ли вообще размѣры спроса на подковываніе лошадей вслѣдствіе сокращенія извознаго промысла, какъ это иногда утверждаютъ (U. VIII, 21), — трудно установить для отдѣльныхъ мѣстностей. Во всей Германіи до сихъ поръ количество лошадей непрестанно росло, хотя далеко не въ той пропорціи, какъ росло населеніе. Въ Германіи числилось³⁾:

въ началѣ 60-хъ годовъ	3.193.711	лошадей
въ 1873	3.352.231	"
" 1883	3.522.545	"
" 1892	3.836.256	"
" 1897	4.038.485	"
" 1900	4.184.099	"

Что принесетъ съ собой будущее, когда еще болѣе разовьются электрическія дороги, автомобили, полевыя дороги и велосипедное дѣло, — въ настоящую минуту решить это, разумѣется, трудно. Возможно, что лошадь совсѣмъ отойдетъ въ область преданій⁴⁾). Это было бы смертельнымъ ударомъ и для кузничного промысла, если только передъ нимъ не откроются совершенно новыя отрасли производства. Въ настоящее время кузничный промыселъ въ значительной степени держится ковкою лошадей. Объ этомъ единогласно говорятъ всѣ сообщенія. Кромѣ подковки лошадей, главное занятіе

1) Въ Накелѣ и его окрестностяхъ всѣ гвозди и почти всѣ подковы получаются въ готовомъ видѣ (U. IV, 240 f.), также и въ Баденской деревнѣ Месскирхѣ (U. VIII, 20). Я могу констатировать то же самое для силезскихъ деревень. О Швейцаріи см. F a e n b e r g i c h t e aus dem Gebiete der Schweiz. Gewerbe (1896), S. 166/67. Точно такъ же и обтациваніе шиповъ уходитъ изъ рукъ кузнецовыхъ съ тѣхъ поръ, какъ фабрика начала поставлять острѣя части, которыя легко удалять и замѣнять новыми.

2) Констатировано въ Берлинѣ U. IV, 303; Грацѣ UOe. 299.

3) „Statistisches Jahrbuch fü r das Deutsche Reich“, 190, S. 20..

4) Всюду можно наблюдать, что верховой спортъ очень сильно уменьшается благодаря велосипедной юдѣ. Въ Бреславѣ въ ту зиму (1898/99), когда я писалъ эти строки, послѣдній большой манежъ для верховой юзды превратился въ велосипедную школу. Возможно, что починка велосипедовъ, а въ особенности экипажей съ двигателями, отчасти послужитъ для деревенскихъ кузнечовъ возмѣщеніемъ за утраченную ими ковку лошадей. Конечно, эта новая починочная работа потребуетъ значительно болѣе высокихъ техническихъ познаваний, чѣмъ какія имѣются въ настоящее время у кузнeca. Во французской провинції, где автомобиль, какъ предметъ роскоши, повсюду становится распространеннѣйшимъ экипажемъ (лѣтомъ 1900 г. я наблюдалъ на большихъ дорогахъ Calvados въ Нормандіи, что около трехъ четвертей роскошныхъ экипажей приходится на автомобили), починка неожиданно испортившихся моторовъ или даже старыхъ автомобилей играетъ уже въ настоящее время круглую роль.

кузнецова — починка земледѣльческихъ орудій, что съ возрастаниемъ интенсивности сельскохозяйственного производства требуетъ гораздо больше труда, чѣмъ прежде. Въ этихъ двухъ сферахъ иѣкоторое число кузнецовъ-ремесленниковъ находить себѣ хорошій заработокъ, и, повидимому, въ ближайшемъ будущемъ существованію кузнечного ремесла, по крайней мѣрѣ въ деревнѣ, не угрожаетъ никакая серьезная опасность. Такое впечатлѣніе вынесъ я изъ своихъ собственныхъ наблюденій; справедливость его подтверждается также имѣющимися у насть на этотъ предметъ соображеніями. Какими бы мрачными красками ни рисовали они вообще положеніе ремесла, ихъ отзывъ о кузнечномъ промыслѣ звучитъ всегда благопріятно. Одинъ авторъ (о Накелѣ U. IV, 246) характеризуетъ кузнечное ремесло какъ „противоположность тому процессу разложения и преобразованій, какой совершаются почти во всѣхъ остальныхъ ремеслахъ“. Столь же благопріятны отзывы о Месскирхѣ въ Баденѣ (U. VIII, 30), о Галенцѣ (U. V, 18), Эйслебенѣ (U. IX, 330), даже о Берлинѣ (U. IV, 323) ¹⁾.

Дополнительнымъ ремесломъ къ кузнечному промыслу является колесный промыселъ. Во всѣхъ значительныхъ работахъ, въ особенности при изготавленіи телѣгъ и орудій, кузнецъ и колесникъ работаютъ непосредственно другъ для друга, такъ что работа переходитъ изъ рукъ одного въ руки другого. Во всѣхъ небольшихъ мѣстечкахъ ихъ мастерскія тѣсно примыкаютъ другъ къ другу. И, повидимому, ихъ ожидаетъ одинаковая судьба. Прежде всего необходимо отмѣтить потери, одинаково важныя какъ для кузнечного, такъ и для колесного ремесла: производство новыхъ земледѣльческихъ орудій — въ особенности плуговъ, боронъ, катковъ и т. д. — ускользаетъ отъ нихъ по мѣрѣ того, какъ распространяются земледѣльческія орудія изъ желѣза, производство телѣгъ терпитъ ущербъ отъ конкуренціи крупнаго производства въ городахъ; въ особенности ощутительна она въ производствѣ легкихъ телѣжекъ и саней ²⁾; если кое-гдѣ колесникъ и удерживаетъ въ своихъ рукахъ это производство, то работа его въ этой области все уменьшается по мѣрѣ того, какъ распространяется употребленіе отдѣльныхъ частей телѣги, сдѣланныхъ изъ желѣза ³⁾. Взамѣнъ этого колесникъ, какъ и кузнецъ, имѣетъ теперь больше починочной работы, такъ какъ потребность въ ремонтѣ земледѣльческихъ орудій, телѣгъ и т. д. все возрастаетъ ⁴⁾. Колесный промыселъ, благодаря этому, легко можетъ превратиться въ специально репаратурное ремесло ⁵⁾. Отзывы о колесномъ промыслѣ въ общемъ не такъ благопріятны,

1) Неблагопріятно звучитъ отзывъ о Грацѣ и его окрестностяхъ, UОе. 316. Быть можетъ, причина заключается въ томъ, что подковываніе лошадей встречаетъ очень сильную конкуренцію со стороны специальныхъ школъ ковки, въ особенности со стороны военныхъ школъ ковки: оп. с., стр. 299.

2) U. V, 16 (Галенцѣ); VIII, 30 (Месскирхѣ); IX, 319/20 (Эйслебенѣ); IX, 530 f. (Копницѣ).

3) То же самое случилось и съ работой кузнеца въ телѣжномъ промыслѣ; многое изъ того, что овѣ раньше изготавлялъ самъ, теперь доставляетъ фабрика: оси, подножки, фонари, пружины и т. п.

4) U. V, 11 f.; VIII, 31; VII, 584 (деревня въ Восточной Фрисландіи).

5) Количество починокъ относится къ новой работе какъ 2:1 (U. V, 11 f.); по большей части починки (U. IX, 509/11); новая работа отступаетъ на задний планъ по

какъ о кузнечномъ: оно и понятно, такъ какъ кузнецъ, помимо починокъ, имѣть важное подспорье въ подковываніи лошадей. Во всякомъ случаѣ на ряду съ кузнечнымъ промысломъ и колесный мы можемъ причислить къ тѣмъ ремесламъ, которыя благодаря своеобразной пространственной связи съ сельскимъ хозяйствомъ, повидимому, могутъ удержаться какъ починочные про-мыслы въ своемъ старомъ видѣ, могутъ удержаться по крайней мѣрѣ въ деревнѣ, пока здѣсь сохраняется современная организація сельского хозяйства.

Пока! А что ходъ развитія очень легко можетъ привести и эти деревенскія ремесла къ гибели, обѣ этомъ, кажется мнѣ, свидѣтельствуютъ Англія и Американскіе Соединенные Штаты.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ деревнѣ, почти совершенно отсутствуютъ кузнечное, колесное и др. ремесла. Фермеръ получаетъ необходимыя машины, орудія, утварь съ большихъ фабрикъ. А затѣмъ всякий сельскій хозяинъ старается пріобрѣсти въ этихъ ремеслахъ столько навыка, чтобы умѣть собственоручно выполнять необходимыя починки. Agricultural Colleges (земледѣльческія школы) прилагаются особенное стараніе къ тому, чтобы обучить своихъ учениковъ всевозможнымъ работамъ по дереву и по металлу,—все въ тѣхъ же видахъ. Кромѣ того, и самыя машины изготавливаются такимъ образомъ, что испортившаяся части легко замѣняются новыми; машинные фабрики снабжаютъ фермеровъ подробными каталогами, по которымъ они могутъ выписывать запасныя части¹⁾.

То же самое, хотя и въ менѣе развитомъ видѣ, повидимому, наблюдается и во многихъ мѣстахъ Англіи. „Если деревенскій лавочникъ или кузнецъ закроютъ свои заведенія, то замѣнить ихъ легко: городской торговецъ съ удовольствиемъ разошлетъ свои прейскуранты, а торговецъ желѣзомъ или машиностроитель отправить въ деревню своихъ людей“²⁾. И затѣмъ: „нѣкогда было достаточно работы для двухъ кузницъ; теперь же, хотя одинъ изъ кузнечовъ ушелъ въ городъ, оставшийся тѣмъ не менѣе жалуется, что, за исключеніемъ ковки и оттачиванія плужныхъ рѣзаковъ, ему почти нечего дѣлать. Собственникъ дорогихъ жатвенныхъ машинъ и паровыхъ плуговъ и паровыхъ молотилокъ не довѣряетъ ихъ келовкимъ рукамъ деревенскаго кузнеца, но предпочитаетъ, чтобы починки дѣлались специалистомъ, т.-е. (въ большинствѣ случаевъ) человѣкомъ, служащимъ у фабриканта машинъ“³⁾.

* * *

Всѣ остальные ремесла въ деревнѣ—а мало такихъ, которыя не имѣли бы здѣсь одного или двухъ представителей—существенно отличаются отъ

сравненію съ починкой (VIII, 32). Я не могъ замѣтить, чтобы въ колесномъ промыслѣ наблюдалась общая тенденція къ специализаціи работъ и чтобы отдельная производственная единица переходили къ производству на рынокъ или чтобы она становилась въ зависимости отъ капиталистическихъ предпріятій. Однако здѣсь можно отмѣтить тотъ фактъ, что колесники стараются покрыть понесенный ими съ другой стороны ущербъ изготовлениемъ экипажныхъ колесъ на экипажныхъ фабриках. Констатировано въ Наказѣ U. IV, 221.

1) Ср. Ваckhaus, „Die Arbeitsteilung in der Landwirtschaft“, въ „Jahrbücher für. N. Oek.“ III, F. 8, 347.

2) P. A. Graham, The rural exodus (1892), 20.

3) P. A. Graham, I. c. 39.

упомянутыхъ нами выше: для нихъ нельзя указать какихъ-либо особыхъ тенденций развитія, своеобразный характеръ которыхъ вытекалъ бы изъ характера ихъ, какъ деревенскихъ промысловъ. Напротивъ—и я хотѣлъ бы особенно подчеркнуть это—судьба ремесла (опять-таки за исключениемъ выдѣленныхъ отраслей) въ деревнѣ не носитъ специфически иного характера, чѣмъ въ городѣ; все различіе, какое мы въ этомъ отношеніи наблюдаемъ между городомъ и деревней, объясняется не чѣмъ инымъ, какъ только различіемъ стадій одного и того же процесса развитія¹⁾. Поэтому, чтобы избѣжать утомительныхъ повтореній, всѣ остальные ремесла я буду разматривать вмѣстѣ. Я сохраняю тотъ же порядокъ, въ какомъ мы уже два раза разматривали ремесла. И въ дальнѣйшемъ изложеніи я преднарѣдно пользуюсь прежнею схемой подраздѣленій, чтобы облегчить для читателя общий обзоръ. Однако я сознаю, что для группировки отдѣльныхъ промысловъ можно бы установить болѣе подходящій критерій, чѣмъ потребность, удовлетворенію которой промыслы служать.

В. Городское ремесло.

I. Ремесла, производящія предметы питания.

Область пекарного производства нисколько не сократилась, такъ какъ не произошло никакихъ измѣнений въ направленіи спроса; напротивъ, она еще расширилась вслѣдствіе уменьшенія домашнаго приготовленія хлѣба. Для сельскихъ мѣстностей и для небольшихъ городовъ это равносильно довольно значительному приросту. Выше (глава 19-я, I, и глава 24-я, А) мы уже видѣли, какая область пекарного промысла захвачена въ послѣднее время промышленнымъ капитализмомъ. Тамъ же было отмѣчено, что самостоятельность многочисленныхъ мелкихъ пекарень въ большихъ городахъ часто оказывается иллюзорной. Однако нельзя отрицать, что ремесленное булочное производство все еще удерживаетъ за собою довольно обширную область. Но иѣть никакихъ оснований пророчить ему устойчивость и въ будущемъ. Съ одной стороны, крупное производство, несомнѣнно, все рѣшительнѣе вторгается въ сферу ремесла: по мѣрѣ того, какъ растетъ организованность потребленія, создаются болѣе благопріятныя условія для производства хлѣбныхъ товаровъ въ крупномъ масштабѣ. Равнымъ образомъ, опираясь на систему филиальныхъ отдѣленій, и крупная капиталистическая пекарни безъ труда завоевываютъ почву въ большихъ городахъ. Съ другой стороны, обнаруживается тенденція къ увеличенію разсылки хлѣба на обширныя территории. Въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о строгой локализаціи пекарного промысла²⁾: со всѣхъ сторонъ до насть доходятъ со-

1) Если я рѣшительно подчеркиваю специфическое сходство въ положеніи ремесла какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ,—то, съ другой стороны, необходимо здѣсь же отмѣтить, что иѣть оснований говорить о сходствѣ въ положеніи ремесленниковъ. Въ этомъ отношеніи городъ, напротивъ, сильно отличается отъ деревни. Въ свое время мы съ большою обстоятельностью поговоримъ объ этомъ. Ср. 27-ю главу этого тома.

2) Указано уже Sinzheim'omъ, Grenzen etc. S. 94 ff.

общенія объ интерлокальному сбыте хлѣбныхъ товаровъ¹⁾). Изобрѣтеніе какъ-либо практическаго способа консервировать хлѣбъ все перевернуло бы здесь кверху дномъ²⁾. Въ свое время будуть указаны тѣ причины, которые позволили ремесленному пекарному производству сохранить за собой до сихъ поръ очень обширную территорию.

Въ мясномъ промыслѣ мы наблюдаемъ такія же условія, какъ и въ пекарномъ. Завоеванія, сдѣланныя въ этой области промышленнымъ капитализмомъ, пока еще незначительны, а въ сферѣ убоя крупнаго рогатаго скота они по существу ограничиваются исключительно большими городами. Однако будущее далеко не представляеть прочныхъ гарантій для ремесла даже въ этой сферѣ. Мы знаемъ, что въ настоящее время транспортировка мяса и мясныхъ продуктовъ все возрастаетъ. Ея дальнѣйшему росту не предвидится по существу никакихъ предѣловъ. На ряду съ транспортировкой будетъ развиваться фабрикація колбасъ и мясныхъ продуктовъ, организованная въ крупнаго специализированаго производства. Уже въ настоящее время положеніе мясного промысла существенно отличается отъ положенія пекарного промысла въ двухъ отношеніяхъ:

1. Мясной промыселъ искони носитъ болѣе коммерческій характеръ: центръ тяжести дѣятельности мясника—особенно мясника, бывающаго крупный рогатый скотъ—лежитъ въ области ското- и мясоторговли. Слѣдуетъ напомнить, кроме того, что въ крупныхъ городахъ развивается оптовый убой скота, убой скота за плату, транспортъ мяса, производство колбасъ,—и все это въ видѣ специализированныхъ производствъ. Благодаря всему этому, мелкій мясникъ уже въ настоящее время отнюдь не ремесленникъ по своему существу, а скорѣе мелочной торговецъ мясомъ.

2. Благодаря преимущественно коммерческому характеру мясного промысла, производство даже мелкаго мясника всегда требуетъ наличности болѣе или менѣе значительного капитала, какъ это видно изъ приведенныхъ выше цифръ (глава 24-я, А).

II. Ремесла, производящія предметы одежды.

Здѣсь, въ сферѣ производства предметовъ одежды, дѣло разрушенія и уничтоженія старинной промышленной структуры, быть можетъ, достигло наибольшихъ результатовъ. Пусть данные общей статистики все еще говорять намъ о сотняхъ, тысячахъ „ремесленныхъ мастеровъ“,—ни одинъ свѣдущій человѣкъ не можетъ уже не замѣтить того факта, что въ Германіи (какъ и во всѣхъ остальныхъ культурныхъ странахъ) почтенный ремесла сапожниковъ, кожевниковъ, портныхъ, скорняковъ, шляпчиковъ въ настоящее время совсѣмъ не выполняютъ новыхъ работы, а живутъ лишь починками и во всякомъ случаѣ поразительно быстрыми шагами приближа-

1) Сравн. кромѣ констатированныхъ *Sinzheimer* гомъ случаевъ: U. VI, 501; IX 211. „Allgemeine Bäckerzeitung“ passim.

2) Если бы, напр., нашелъ распространеніе для себя хваленый „великолѣпѣйший хлѣбъ наступающаго столѣтія“, „пріятный на вкусъ, удобоваримый“ и притомъ „сохраняющійся (въ свѣжемъ видѣ) болѣе 10 дней“, или какой-либо другой фабрикатъ, подобный этому хлѣбу.

ются къ полной гибели. Трупнымъ запахомъ обдастъ васъ, лишь только вы дѣлаете попытку изслѣдовать судьбу этихъ ремесль—безразлично, въ большомъ ли городѣ, или въ какомъ-либо городишкѣ, или, наконецъ, въ деревнѣ. Должны сложиться совершенно исключительные условия, чтобы въ этихъ отрасляхъ промышленности можно было встрѣтить фигуры настоящихъ ремесленниковъ—пусть читатель обратитъ на это выраженіе особенное вниманіе—ремесленниковъ, которые удержали бы въ своихъ рукахъ изготавленіе новыхъ товаровъ, или по крайней мѣрѣ дальнѣйшая судьба которыхъ была бы вполнѣ обеспечена. Нѣкоторые изъ этихъ ремесль погублены перемѣнами, происшедшими въ направлении спроса; а большинство изъ нихъ не выдержало конкуренціи промышленного капитализма, который въ самыхъ различныхъ формахъ сумѣлъ овладѣть производственной сферой этихъ старинныхъ ремесль.

А теперь приведемъ нѣсколько документальныхъ доказательствъ въ подтвержденіе сказанаго.

Я начинаю съ сапожнаго ремесла, въ которомъ занято наибольшее число людей. Я оставлю въ сторонѣ сообщенія, касающіяся прежнихъ „сапожныхъ городовъ“, такъ какъ въ послѣдніхъ сапожный промыселъ уже давно утратилъ характеръ настоящаго ремесла. Минѣя различныхъ наблюдателей я приведу въ выдержкахъ, безъ всякихъ комментаріевъ: такое сухое изложеніе облегчаетъ обзоръ.

Бреславль: „(Сапожникъ) ремесленникъ живетъ въ настоящее время въ Бреславль главнымъ образомъ отъ починокъ, хотя для ограниченного круга умѣренно зажиточныхъ лицъ онъ изготавливаетъ отчасти и новую обувь. Но и въ характерной для него области труда, въ сферѣ починки, сапожный мастеръ все болѣе и болѣе начинаетъ чувствовать конкуренцію со стороны капиталистического предпріятія“ (U. IV, 68).

Лейпцигъ: „Старое сапожное ремесло... находится... въ состояніи умирания. (Его) мѣсто занимаютъ механическія фабрики обуви... и крупные магазины обуви въ центрахъ сношеній“ (U. II, 309).

Карлеруз: „Никому будущее сапожного промысла не представляется въ благопріятномъ свѣтѣ“ (U. III, 65) ¹⁾.

Альтона: „Ряды болѣе зажиточныхъ людей, которые продолжаютъ еще себѣ заказывать обувь у ремесленника (?), значительно рѣдѣютъ; повсюду прививается обычай покупать обувь въ магазинѣ“; „сапожный промыселъ годъ отъ году все больше падаетъ, такъ какъ (?) ручная работа все больше и больше вынуждена пасовать передъ фабрикой съ ея громадною производительностью“ (U. I, 24, 29).

Лена: „Всѣ они, т.-е. сапожные мастера, считаютъ лишь вопросомъ

1) Если авторъ этого описания промысловъ въ Карлсруэ не оставляетъ „надежды на то, что мелкие промыслы не совсѣмъ будутъ вытѣснены фабрикой“, то его надежда вытекаетъ изъ смѣшнія ручной работы съ ремесломъ. Несомнѣнно, ручная работа навсегда сохранитъ свою особую привлекательность и въ сапожномъ промыслѣ, но мы уже видѣли (сравн. гл. 22-я), что въ настоящее время именно самая тонкая работа за заказъ по мѣрѣ производится въ капиталистически организованныхъ сапожныхъ предпріятіяхъ.

времени полное исчезновение ремесленного способа производства: изготовление обуви для ненормально развитых ногъ, починочная работа и т. п.—вотъ что останется для него" (U. IX, 54).

„Въ Эйслебенѣ сапожный промыселъ всегда былъ однимъ изъ самыхъ людныхъ, въ настоящее время онъ представляетъ печальную картину... въ послѣднее десятилѣтіе... подъ соединеннымъ натискомъ машинной конкуренціи и мѣстныхъ бѣдствій, онъ падъ съ ужасающей быстротой" (U. IX, 306).

Россвейнъ (корол. Саксонія): „Большинство тѣхъ (сапожниковъ), которые пока сохраняютъ свою самостоятельность, въ будущемъ перестанетъ существовать сапожнымъ промысломъ" (U. VI, 488).

Накель (Нетце): „Конкуренція фабричнаго товара... приблизительно за послѣднія десять лѣтъ становится замѣтной, и въ настоящее время она уже очень ощутительна; вѣроятно, не менѣе трети потребляемой здѣсь обуви—машинной работы". Два производства превратились въ мелко-капиталистическая предпріятія. „Изъ остальныхъ 14 мастеровъ лишь немногіе, тѣ, которые въ лучшія времена кое-что сберегли, пока еще держатся съ помощью старыхъ заказчиковъ. А другіе”—... молчаніе (U. IV, 212).

Въ Deutsch-Lissa (Силезія) ни одно изъ семи самостоятельныхъ сапожныхъ производствъ не можетъ существовать доходомъ отъ своего ремесла (U. IX, 498 f.).

Городъ и округъ Драмбургъ: „Постепенно на мѣстномъ рынкеѣ стало появляться все больше и больше продуктовъ крупной индустріи, благодаря чему конкуренція все увеличивалась; нѣкоторыя деревни къ ущербу для себя попробовали было „утраченную ими въ округѣ территорію снова завоевать за предѣлами округа"; въ результатѣ „производство возросло, а зароботокъ сталъ меньше" (U. I, 80).

Нѣттнгейнъ - Дармсбахъ (Баденъ; 809 жителей): десять обученныхъ сапожниковъ увидѣли себя вынужденными ликвидировать свои дѣла. „Раньше ремесло угнетали ярмарки... За послѣднія десять лѣтъ эти ярмарки обуви утратили всякое значеніе; но болѣе опаснымъ для ремесла конкурентомъ являются теперь базары сапожнаго товара, которые... встрѣчаются почти въ каждой деревнѣ"... „Изъ пяти сапожниковъ въ Н.-Дармсбахѣ лишь двое имѣютъ круглый годъ работу; одинъ работаетъ на ишгородній магазинъ обуви и зарабатываетъ лишь 1 марку 50 пфен." (U. VIII, 67. 68).

Деревня Галенцъ (Рудныя горы): Съ сапожниками начинаютъ все болѣе конкурировать: 1) разносные торговцы, 2) магазины обуви; 3) фабрика обуви, уже три года существующая въ Эппендорфѣ. На послѣдней покупается обувь для себя и для своей семьи даже одинъ сапожникъ изъ Галенца. Фабрика завела свою собственную мастерскую для починокъ, „и въ настоящее время наши сапожники рады, если они вообще находятъ работу, безразлично, будетъ ли то изготовление новой обуви или починка. Изъ всего количества потребляемыхъ на мѣстѣ сапожныхъ товаровъ $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ получаются со стороны, въ особенности болѣе тонкіе и легкіе сорта обуви" (U. V, 51).

Упомянемъ, наконецъ, что общія изслѣдованія, охватившія сравнительно

обширную территорию—Баварию¹⁾ и Вюртемберг²⁾—приводят к тому же результату, какъ и цитированные выше авторы. Послѣ этого и самый осторожный умъ невольно придетъ къ слѣдующему заключенію: сапожный промыселъ, какъ ремесло, изготавливающее новую обувь, въ настоящее время окончательно исчезъ съ лица земли, за исключеніемъ нѣкоторыхъ остатковъ въ небольшихъ городахъ и въ деревнѣ; утраты новой работы лишь въ неизначительной степени возмѣщается починкой; но и починочная работа далеко не всегда обеспечена за ремесломъ, какъ это будетъ еще показано во второмъ томѣ нашего изслѣдованія.

Вмѣстѣ съ сапожнымъ ремесломъ гибнетъ и его самый главный вспомогательный промыселъ³⁾, дубильный, съ тою, быть можетъ, разницей, что процессъ разложенія ремесла въ этомъ промыслѣ начался уже нѣсколькими десятилѣтіями раньше. Ремесленное производство простой кожи, повидимому, подверглось болѣе полному разложению, чѣмъ производство сыроятныхъ кожъ и производство замши. Послѣдніе виды дубильного промысла держатся еще кое-гдѣ крѣпко благодаря утилизациіи остающагося при дубленіи волоса; только съ уничтоженіемъ этого ресурса они придутъ въ окончательный упадокъ. Въ нашемъ распоряженіи имѣется немногого сообщеній о положеніи кожевенного промысла; но зато тѣ, какія имѣются, характеризуются полной опредѣленностью. Прежде всего сообщенія о нѣкоторыхъ большихъ городахъ: о Бреславль и Кельнѣ. Въ обоихъ сохранились до настоящаго времени очень незначительные остатки старого кожевенного ремесла (U. IV, 1 ff., 247 ff.). Затѣмъ идутъ небольшія мѣстечки: въ Пренцлау положеніе кожевниковъ безнадѣжно (U. I, 126 f.); ихъ положеніе и положеніе сыроятнаго кожевенного промысла въ Эйслебенѣ характеризуютъ слѣдующія цифры (U. IX, 339): здѣсь было кожевниковъ, производящихъ обыкновенную желтую кожу, въ 1790 г.—6, въ 1875 г.—1, 1895—0; сыроятниковъ: 1880—5 ч., 1895—0. Въ Лойцѣ, гдѣ изготавленіе желтой кожи раньше играло крупную роль, въ настоящее время оно совершенно исчезло (U. I, 38). Кожевники—сыромятники въ Пренцлау переживаютъ критическое положеніе, такъ какъ прибыльность торговли волосомъ падаетъ: въ особенности трудно мелкимъ изъ нихъ (U. I, 124); то же въ Вѣнѣ (U. 481—490) и Вюртембергѣ (U. VIII, 534). О кожевникахъ, производящихъ желтую кожу, мы читаемъ (VIII, 528). „Отовсюду доносятся жалобы мелкихъ кожевниковъ; изъ Рейтлингена, Майнингена, Эбингена, Оберндорфа, Эрингена раздается одинъ и тотъ же вопль по

1) E. Francke, „Die Schuhmacherei in Bayern“, 1893.

2) Dr. E. Nübling, Das Schustergewerbe in Württemberg (U. III); онъ же, Das Ledergewerbe in Württemberg (U. VIII). О положеніи сапожного ремесла въ Вюртембергѣ штутгартская торговая палата въ своемъ годовомъ отчетѣ уже за 1884 г. писала: „Годъ отъ года положеніе мелкаго сапожного промысла становится все менѣе и менѣе благопріятнымъ вслѣдствіе прогрессирующего перехода сапожного промысла отъ ручной работы къ машинному производству“. Цит. у Nübling'a. А что должно было произойти за послѣднія 17 лѣтъ!

3) Изъ оставшихъ двухъ промысловъ, которымъ кожевенное производство доставляеть кожу, перчаточный промыселъ давно уже пересталъ быть ремесломъ; а шорный промыселъ въ настоящее время продолжаетъ существовать только въ качествѣ починочного ремесла.

поводу паденія цѣнъ на кожу; благодаря этому мелкій кожевникъ не въ силахъ бороться съ механическимъ крупнымъ производствомъ, ему приходится бросать выдѣлку кожъ". Въ королевствѣ Саксонскомъ „чисто ремесленная форма кожевенного промысла... во всякомъ случаѣ уже утратила жизнеспособность" (U. V, 46). „Чисто ремесленный характеръ имѣютъ въ настоящее время въ Саксоніи кожевенные заведенія лишь въ немногихъ провинціальныхъ городкахъ, главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ, расположенныхъ вдали отъ крупныхъ центровъ торговой жизни. Въ небольшихъ городахъ на мѣсто ремесленного производства выступаетъ полу-фабричное мелкое производство, а въ крупныхъ городахъ и послѣднее не въ состояніи удержаться" (U. IX, 478).

Въ общемъ итогѣ: „повсюду,—такъ резюмируетъ одинъ отчетъ о кожевенномъ промыслѣ въ Швейцаріи¹⁾,—можно наблюдать то явленіе, что мелкія нерационально ведущіяся производства вытѣсняются крупными, вооруженными всѣми вспомогательными средствами техники".

Скорняжное ремесло потерпѣло ущербъ съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, иѣкоторая отрасли его дѣятельности перешли въ сферу промышленного капитализма; во-вторыхъ, произошли перемѣны и въ направлении спроса. Прежде существовалъ большой спросъ на мѣховую одежду даже со стороны менѣе состоятельной части населенія; теперь онъ значительно поубавился благодаря прекращенію юзды на почтовыхъ лошадяхъ и лучшему устройству отопленія въ церквяхъ и въ другихъ общественныхъ зданіяхъ; шуба стала предметомъ роскоши для богатыхъ людей. И въ результатѣ всего этого—опустѣла мастерская старинаго мѣхового мастера какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Изъ новой работы у мѣховщика осталось очень немногое: въ деревняхъ онъ изготавливаетъ отчасти грубыя овчинные шубы, въ городѣ—иногда мѣховые шапки и т. п. Нѣкоторое возмѣщеніе мѣховой мастеръ нашелъ кое-гдѣ: 1) въ починкахъ, 2) въ сбереженіи мѣховъ во время лѣтнаго сезона, 3) въ торговлѣ мѣхами, шляпами, шапками и т. п. Вотъ подтвержденія:

Бреславль: „Отовсюду тѣснимый мелкій скорняжный мастеръ влечить жалкое существованіе и съ завистью смотрѣть на рабочаго-кустаря, который работаетъ на магазинѣ. Если послѣдний лишился былой самостоятельности ремесленного мастера и не получаетъ уже предпринимательской прибыли,—зато онъ въ большинствѣ случаевъ имѣеть покупателя для своего труда и довольно обеспеченный заработокъ. Кромѣ того, ему не приходится, подобно мелкому мастеру, тратить свое время, выжидая въ лавкѣ, пока придется покупатель; ему нечего... бояться, что его продукты испортятся или выйдутъ изъ моды. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, если постепенно разоряются все новые и новые мелкіе мастера... несмотря на то, что производство и продажа мѣховыхъ издѣлій въ Бреславльѣ за послѣднее время, несомнѣнно, опять возросли". Статистика свидѣтельствуетъ о томъ, что въ 1861 г. въ Бреславльѣ работало 120 скорняковъ съ 152 подмастерьями, а въ настоящее время число мелкихъ скорняжныхъ заведеній едва превышасть 25,

¹⁾ Fachberichte, S. 159.

такъ какъ изъ 130 зарегистрированныхъ „скорняжныхъ мастеровъ“ за вычетомъ 25 и всѣ остальные работаютъ на магазины и фабрики въ качествѣ домашнихъ рабочихъ (U. VII, 97, 77).

Въ связи съ этими цифрами я сошлюсь еще на любопытныя данныя, которыя бросаютъ свѣтъ на положеніе скорняжного ремесла въ округѣ торго-промышленной палаты Брюнна. Здѣсь насчитывалось (U. 475): въ 1860 г.—460, въ 1870 г.—406, въ 1880 г.—314, въ 1890 г.—231 скорняковъ.

Эйслебенъ: „Въ скорняжномъ промыслѣ производство изящнаго мѣхового товара... совершило... захвачено... фабрикой; на долю ремесла отчасти еще остается шитье шубъ, а главнымъ образомъ сохраненіе мѣховъ и починки разнаго рода“. Въ связи съ скорняжными промыслами нерѣдко стоять торговля шляпами и шапками (U. IX, 308/9).

Франкенбергъ въ Саксоніи: починки и сохраненіе мѣховой одежды увеличили заработка; но „это нисколько не возмѣщаетъ потерю, которая становится все чувствительне... Текущий скорнякъ часто не знаетъ, чѣмъ жить ему съ конца февраля до октября. Раньше у него всегда былъ помощникъ, зимой даже двое; кромѣ того, и жена принимала въ работѣ участіе; а теперь даже въ холодное время года онъ почти одинъ справляется со всею работой“ (U. II, 326).

Въ Накель живутъ два скорняка и шапочника; одинъ изъ нихъ почти вполнѣ купецъ, торгующій перчатками, галстуками, шапками, а также ($\frac{1}{4}$) мѣховыми товарами; только $\frac{1}{20}$ продаваемыхъ имъ вещей изготавливается онъ самъ. Другой стоитъ на томъ же пути превращенія въ купца: онъ изготавливаетъ пока мѣховые и суконные шапки, а также и овчинные шубы.

Здѣсь же необходимо напомнить, что многочисленныя починки мѣховыхъ вещей, дающія за послѣднее время много работы, по всейѣроятности представляютъ преходящую коньюнктуру. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ происходили большія закупки новыхъ мѣховыхъ вещей. Купленные тогда шубы отдаются теперь въ починку и въ передѣлку. Слѣдуетъ думать, что въ будущемъ починки уменьшатся, въ особенности починки дешевыхъ шубъ.

На ряду съ скорнячнымъ промысломъ уломянемъ о тѣсно примыкающемъ къ нему производствѣ шляпъ. Здѣсь я могу ограничиться краткими замѣчаніями, такъ какъ никто не сомнѣвается въ полномъ паденіи ремесленнаго производства шляпъ. Тотъ, кто пишетъ еще въ настоящее время на вывѣскахъ: „шляпный мастеръ“, является въ дѣйствительности почти исключительно шляпнымъ торговцемъ, отчасти починочникомъ и только очень рѣдко—производителемъ новыхъ шляпъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ получаетъ неоконченную шляпу съ фабрики и въ своей мастерской только отдѣлываетъ и оканчиваетъ ее. То, что осталось отъ шляпнаго ремесла, представляетъ quantit  n gl ig able.

Въ подтвержденіе сказаннаго я приведу только слова автора описаній изъ Карлсруэ (Андреа Фойгта), неизмѣнно осторожнаго, но благосклонно относящагося къ ремеслу: „Изготовленіе шляпъ заслуживаетъ вниманія, какъ примѣръ ремесла въ отрасли производства, совершившо исчезнувшей въ Карлсруэ. Нѣкоторыя фирмы именуются на своихъ вывѣскахъ фабриками, но въ дѣйствительности онѣ только торгуютъ шляпами. Это относится къ производ-

ству войлочныхъ и соломенныхъ шляпъ. Даже починка войлочныхъ шляпъ, если она не сводится къ какой-нибудь мелочи, въ родѣ перемѣны ленты, выполняется фабрикой" (U. III, 65—66). Подобныя сообщенія имѣются у насъ изъ Лейпцига (U. VI, 319 f.), Вѣны (UOe. 38), Брюнна (UOe. 470 f.) и другихъ городовъ.

Въ маленькихъ городахъ и въ деревни производство шляпъ никогда не играло значительной роли, за исключениемъ тѣхъ мѣстностей, где крестьяне носятъ особую одежду и где производство шляпъ живеть и погибаетъ одновременно съ мѣстнымъ костюмомъ¹⁾). Интересно, съ другой стороны, наблюдение, что и шляпное ремесло въ теченіе извѣстнаго времени поддерживается своимъ смертельнымъ врагомъ—капитализмомъ: именно до тѣхъ поръ, пока онъ ограничивается изготавленіемъ полуфабрикатовъ (неоконченныхъ шляпъ)—сравн. фабрики заготовокъ для обуви! Но зато тѣмъ быстрѣе погибаетъ оно, когда фабрика завладѣваетъ и отдѣлкой шляпъ (сравн. U. VI, 319).

А что осталось въ наше время отъ старого почтеннаго ремесла портного? Съ полной увѣренностью можно сказать: только развалины гордаго стараго зданія.

Для меня не совсѣмъ понятенъ отчетъ о портняжномъ ремеслѣ въ Эрлангенѣ, составленный лично профессоромъ Нейбургомъ. Научному направлению автора соответствуетъ извѣстная неопределеннostь въ сужденіяхъ. Изъ своихъ изслѣдований онъ дѣлаетъ заключеніе, что „едва ли они приводятъ къ рѣшительному отвѣту“. „Намъ кажется, что для ремесла благопріятное чередуется съ неблагопріятнымъ“ (U. III, 424). Сравн. переполненную оговорками стр. 428!

Если оставить въ сторонѣ эту ученую работу, то всѣ остальные отчеты заявляютъ единогласно, что старое портняжное ремесло и въ деревни и въ городѣ идетъ къ быстрому упадку во всѣхъ мѣстахъ, где оно еще не совершенно исчезло.

Историкъ портняжного промысла въ Мюнхенѣ²⁾ не проводить различія между старыми ремесленниками, владѣльцами магазиновъ, продающими костюмы, сработанные на мѣриу, и мелкими мастерами, въ большей или меньшей степени утратившими самостоятельность. Однако и онъ описываетъ портняжное ремесло, какъ „организацію, которая вслѣдствіе конкуренціи большихъ магазиновъ влечетъ жалкое существованіе и непрерывно падаетъ...“ „ремесленника одолѣваетъ всегда безконечное число заботъ; его жизнь полна стараній прожить хотя кое-какъ при помощи бережливости и напряженія всѣхъ своихъ силъ“. Далѣе (стр. 134) приводятся слѣдующія слова одного компетентнаго человѣка: „Кто захочетъ быть портнымъ подобнымъ портному старого времени, работавшему медленно и спокойно, тотъ скоро увидитъ, что для него въ настоящее время нѣть мѣста и что онъ осужденъ на исчезновеніе. Лишь тотъ счастливецъ, который умѣть не только просто работать, но хорошо знаетъ свое ремесло и обладаетъ коммерческими знаніями и ловкостью въ веденіи дѣль, коротко говоря, тотъ, кто одновременно является портнымъ

1) Сравн. для области гутахскаго костюма—U. VIII, 134 и сл.

2) G. Negberg, „Das Schneidergewerbe in Muenchen“, 58.

и юнцомъ въ полномъ смыслѣ этихъ словъ,—только такой портной можетъ еще надѣяться въ настоящее время на обеспеченное положеніе“. Въ этихъ словахъ авторъ высказываетъ вѣрное сужденіе (очевидно, не совпадающее съ тѣмъ, чего желалъ бы онъ, равно какъ и авторъ цитированныхъ словъ): все, что сохранилось отъ старого портняжного ремесла, все, что еще не захвачено магазинами готоваго платья,—все это будетъ захвачено (мелко) капиталистическими предпріятіями, работающими по мѣркѣ.

Яснѣе говоритьъ отчетъ о Бреславль: „Небогатые мастера, которые пытаются самостоятельно вести дѣло въ такомъ городѣ какъ Бреславль, т.-е. женятся и открываютъ собственную мастерскую, состоящую изъ одной комнаты со скромной мебелью, съ одной швейной машиной, утюгомъ и т. д., обыкновенно уже съ самаго начала отказываются отъ мысли жить одной работой на заказчиковъ-потребителей; они заранѣе разсчитываютъ, что будутъ работать на конфекціонный магазинъ или даже на посредника—„выжимателя пота“ (U. VII, 36). Но „даже и портной, хорошо знающій свое ремесло и имѣющій иѣкоторый капиталъ для основанія собственной мастерской, можетъ лишь съ трудомъ вести дѣло“. Такіе мастера или очень быстро спускаются до положенія домашнихъ рабочихъ, или они становятся мастерами-посредниками, или, наконецъ, имъ удается подняться до теплыхъ мѣстечекъ портныхъ, работающихъ исключительно модные костюмы по мѣркѣ, но во всякомъ случаѣ они перестаютъ быть представителями старой ремесленной организаціи. Относительно будущаго тамъ же имѣется слѣдующее заключеніе: „далнѣйшее развитіе крупнаго производства въ области работы по мѣркѣ и въ продажѣ готоваго платья пойдетъ своимъ путемъ и повлечетъ за собой пролетаризацію ремесленниковъ, живущихъ еще работой на заказчиковъ“ (U., стр. 61).

Въ Вѣнѣ портняжное ремесло старого типа, повидимому, совершенно вымерло. Авторъ отчета о „производствѣ мужской одежды въ Вѣнѣ“, оставляя въ сторонѣ многочисленныхъ неумѣлыхъ мастеровъ-„кропателей“, говорить, что только среди представителей „третьаго класса портиковскихъ мастеровъ, работающихъ на заказчика“, и можно встрѣтить ремесленныхъ мастеровъ старого типа. Но онъ сейчасъ же добавляетъ (U. Ое. 510): „Но и здѣсь ремесленная форма, какъ таковая, не сохранилась въ чистомъ видѣ. И сюда проникъ торговый элементъ, и чѣмъ требовательнѣе заказчики такого портного, тѣмъ болѣе долженъ онъ быть не только портнымъ, но и торговцемъ сукномъ“.

Въ Іенѣ „успѣхъ (портновскаго) производства въ настоящее время въ большей мѣрѣ чѣмъ раньше обусловливается наличностью капитала соотвѣтствующей величины... Вслѣдствіе этого, по единогласному свидѣтельству всѣхъ заинтересованныхъ, крупныя предпріятія увеличились и въ числѣ, и по размѣрамъ и все болѣе выдвигаются на первый планъ; напротивъ того, для мелкихъ мастеровъ все труднѣе становится поддерживать свое существованіе, несмотря на повышеніе цѣнъ за работу“ (U. IX, 20—21). Въ 1874 году на 10.000 жителей въ Іенѣ приходилось приблизительно 45 самостоятельныхъ портняжныхъ фирмъ, а въ 1895 г.—только около 22.

Для Эйслебена мы располагаемъ слѣдующими цифрами: въ 1790 г.—180; въ 1875 г.—100 и въ 1895 г.—56 фирмъ (U. IX, 302). Почти всѣ портные

находятся въ большей или меньшей зависимости отъ магазиновъ мужского готоваго платья. Изъ самостоятельно ведущихъ дѣло портныхъ заняты:

4—5—непосредственно на заказчиковъ-потребителей;

10—частью на заказчиковъ-потребителей, частью на магазины;

50—исключительно домашніе рабочіе;

10—заняты почникой.

„Въ громадномъ большинствѣ портные Эйслебена не могутъ болѣе считаться самостоятельными ремесленниками“ (стр. 304).

Изъ 96 портныхъ-мастеровъ въ Пренцлау „въ лучшемъ случаѣ только треть еще совершенно независима отъ находящихся тамъ 11 магазиновъ готоваго мужскаго платья“ (U. IV, 128).

„Портновское ремесло едва ли можетъ разсчитывать на хорошее будущее. Старые мастера постепенно вымрутъ, а для молодыхъ силь ремесло будетъ только переходной ступенью къ болѣе коммерческому веденію дѣла“ (S. 138).

Портныи Зальцведеля „два года тому назадъ начали дѣлать сильную конкуренцію два возникшихъ тамъ еврейскихъ магазина. Нѣсколько мастеровъ-портныхъ, бывшихъ раньше самостоятельными, теперь работаютъ какъ зомашніе промышленники на больши магазины, которые ограничиваютъ свою дѣятельность торговлей сукномъ, сниманіемъ мѣрки и кройкой“ (U. I, 160).

Какъ было упомянуто въ другомъ мѣстѣ, въ Накель десять лѣтъ тому назадъ открылась мастерская, работающая элегантное платье по мѣркѣ. Съ этого момента начинается разложение стараго ремесла. Нѣсколько портныхъ завели у себя складъ суконъ и „такимъ образомъ удержали значительную часть своихъ старыхъ заказчиковъ. Но ихъ заработка всѣ-таки сильно упалъ. Остальные же портные все болѣе и болѣе нисходять до положенія простыхъ починщиковъ“ (U. IV, 210).

Лѣбау (Западная Пруссія; 4.295 жителей): „всѣ устои промысла мѣстныхъ портныхъ пошлились здѣсь лѣтъ 15 тому назадъ; число заказчиковъ сильно уменьшилось; они доставляютъ портнымъ заработокъ, позволяющій вести только жалкое существованіе... Изъ большихъ городовъ исходятъ силы, отнимающія хлѣбъ у ремесленниковъ маленькихъ городовъ, отвлекая отъ нихъ заказчиковъ одного за другимъ. Комми-войжеръ отъ магазиновъ въ Познани, Данцигѣ и т. д. „наносить смертельный ударъ мѣстному ремеслу“ (U. IV, 201).

Но впередъ, посмотримъ теперь на деревню. Если мы сопоставимъ даннія имѣющихся у насъ отчетовъ изъ множества деревень самыхъ разнообразныхъ уголковъ Германіи, то предъ нами откроется интересная картина развитія, точнѣе говоря, картина различныхъ этаповъ въ постепенномъ паденіи портновскаго ремесла. Впереди всѣхъ стоитъ Галенцъ (Рудныя Горы): здѣсь портные-мастера жалуются на ростъ конкуренціи, которую они испытываютъ: 1) отъ базаровъ и странствующихъ магазиновъ готоваго платья и 2) отъ многородничъ магазиновъ, работающихъ по мѣркѣ: $\frac{3}{4}$, дѣтскихъ костюмовъ, всѣ дѣтскія пальто и $\frac{1}{4}$ мужскихъ костюмовъ покупаются готовыми. „Доходность этого промысла, конечно, довольно-таки жалкая“ (U. V, 48—49).

Отношенія въ Нѣттинген-Дармсбахѣ (Баденъ) характеризуются иѣко-торой отсталостью: работа по заказу остается общимъ правиломъ, заказчики

„рѣдко выбираютъ сами материю по картѣ образчиковъ“. Но изъ пяти портныхъ только двое имѣютъ постоянную работу. „Ремесло сильно пострадало отъ конкуренціи городскихъ магазиновъ готоваго платья, такъ какъ даже земледѣльцы покупаютъ въ городѣ свои лучшіе костюмы, главнымъ образомъ пальто“ (U. VIII, 64—65).

Въ Месскирхѣ (Баденъ) то же самое: „Иногда матерія заказывается по картѣ образчиковъ“. „Ремесло потеряло и низшіе классы населенія, которые покупаютъ платье въ лавкахъ, и высшіе классы, которые замазываютъ его коммі-вояжерамъ иногороднихъ магазиновъ, работающихъ по мѣркѣ. Оно сохранило заказчиковъ только изъ средняго класса“ (U. VIII, 49).

Еще менѣе подвижилась эволюція въ городѣ Драмбургѣ и его округѣ. Работа на заказъ все еще составляетъ общее правило. Мастера только начинаютъ сами приобрѣтать матеріи по картѣ образчиковъ; выдѣлка сукна въ собственномъ хозяйствѣ потребителя сохранилась еще въ значительной степени. Но и здѣсь на горизонтѣ появился уже призракъ магазина готоваго платья: „Въ особенности замѣтна конкуренція въ области сбыта пальто и дѣтскихъ костюмовъ“. Въ округѣ существуетъ около дюжины магазиновъ готоваго платья. „Хотя и медленно, но мало-по-малу публика привыкаетъ покупать готовыя вещи въ магазинахъ...“ (U. 148—150).

Приведемъ въ заключеніе еще одну картинку изъ деревни Loquard въ маркахъ восточной Фрисландіи: „Въ промыслѣ портного только что совершилось превращеніе переходного ремесла въ ремесло... Въ соседней деревнѣ только теперь наступилъ конецъ такой формы, какъ работа ремесленниковъ, переходящихъ съ мѣста на мѣсто“. Ужасы конкуренціи только еще появляются на горизонтѣ: „иашь портной отвоевываетъ почву у иногороднихъ магазиновъ, старающихся получить заказы черезъ коммі-вояжеровъ. Готовыхъ товаровъ „не любятъ“. „Одинъ еврей попробовалъ сбывать плохой товаръ по невѣроятно дешевымъ цѣнамъ, но скоро потерялъ всѣхъ своихъ покупателей“ (U. VII, 593—95).

Итакъ, исколесивши всю Германію, мы нашли въ ея крайнемъ сѣверо-западномъ уголкѣ пару портныхъ, до которыхъ еще не докатилась волна современного мѣнового хозяйства. Состояніе невинности! Надолго ли оно сохранится¹⁾?

Я остановился очень подробно на описаніи упадка портновскаго ремесла, такъ какъ обѣ этомъ важномъ промыслѣ распространено въ особенности многосложныхъ представлений. Большая часть ихъ происходитъ отъ той путаницы

1) Поразительна аналогія съ ходомъ развитія въ Англіи, гдѣ также лишь недавно въ маленькихъ городкахъ исчезли переходные портные-ремесленники. Р. А. Гранамъ (31 стр.) живо описываетъ эту систему работы, процвѣтавшую въ англійской деревнѣ еще 25 лѣтъ тому назадъ. Затѣмъ она прибавляется: „Въ одной деревнѣ, имѣвшей приблизительно 150 жителей, двадцать лѣтъ тому назадъ жили три такихъ ремесленника, и они находили себѣ достаточно работы въ соседніхъ усадьбахъ и деревушкахъ. Одинъ изъ нихъ умеръ, второй въ работномъ домѣ, а третій, когда дѣла стали разстраиваться, началъ пьянствовать и воровать и, наконецъ, исчезъ. Послѣ вихъ не было никого, кто взялся бы за ихъ ремесло. Люди, пользующіеся прежде ихъ услугами, говорятъ, что гораздо дешевле покупать въ городѣ въ магазинахъ готоваго платья или заказывать костюмы коммі-вояжерамъ, которые разсыпаются и ищутъ заказчиковъ по деревнямъ.“

понятій, которая господствуетъ въ широкихъ кругахъ публики по вопросу о формахъ хозяйства и формахъ производства; постоянное непростительное смышиваніе ручной работы и ремесла оказывается особенно фатальнымъ при сужденіяхъ объ эволюціи портновскаго промысла. Однако надо надѣяться, со временемъ все поймутъ, что для капиталистической организаціи безразлично, ручнымъ или машиннымъ способомъ производится работа.

Въ заключеніе резюмируемъ вкратцѣ выводы, которые позволительно сдѣлать изъ послѣднихъ страницъ. Если оставить въ сторонѣ конкуренцію конфекціонныхъ магазиновъ, то надо признать, что переворотъ въ портняжномъ ремесль выразился прежде всего въ переходѣ отъ ремесла, работавшаго по найму, на заказъ, къ ремеслу, работающему на продажу. Это вынудило портного превратиться между прочимъ и въ торговца сукномъ. Торговля сукномъ дала капитализму возможность добраться и до ремесленниковъ-портныхъ, шущихъ по мѣркѣ. Какъ только ремесло стало на эту почву, стрѣлы противника уже могутъ его уязвить. Правда, въ теченіе нѣкотораго времени кажется, что опасность можно предотвратить: мы не разъ видѣли примѣры, когда портной, избѣгая необходимости имѣть собственный запасъ сукна, по картѣ образчиковъ дѣлаетъ время отъ времени заказы нужныхъ матерій какому-нибудь магазину, торгующему сукномъ. Ему помогаетъ въ этомъ случаѣ стремленіе торговаго капитала къ реализації. За послѣднія 20 лѣтъ повсюду въ Германіи возникли предприятия, которыя разсылаютъ коллекціи образчиковъ и принимаютъ заказы на какое угодно количество сукна¹⁾. Но остается фактомъ, что это даетъ лишь нѣкоторую передышку портновскому ремеслу, но не можетъ спасти его отъ гибели. Конкуренція капиталистическихъ предприятий, производящихъ въ большихъ городахъ платье по мѣркѣ, задержана только на время. Это подтверждаютъ отчеты изъ Лёбау (U. IV, 187), Эйслебена (U. IX, 334) и другихъ мѣстъ. Позже мы увидимъ причины такого явленія.

Подводя общий итогъ, мы можемъ сказать, что портновское ремесло идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и большая часть ремесль, удовлетворяющихъ личныя потребности, въ особенности потребность въ одѣждѣ: снизу конкуренція дешеваго товара отнимаетъ у нихъ заказчиковъ изъ бѣдныхъ классовъ; сверху магазины, работающіе элегантное платье по мѣркѣ, отвлекаютъ богатые классы. На нѣкоторое время ремесленникамъ-портнымъ остается еще часть

1) Въ любомъ номерѣ газеты можно найти рекламы такихъ фирмъ, и почти каждый день къ вамъ на дому приносятъ ихъ предложения. Передо мной лежитъ позднѣйши позадобныхъ прейс-курантовъ различныхъ фирмъ изъ Аугсбурга, Швейдника, Шпремберга и т. д. Въ одномъ изъ нихъ значится (это вообще типично для такихъ фирмъ): „Люди, которыми рѣдко представляется случай сдѣлать нужны имъ покупки въ надлежащемъ мѣстѣ, равно какъ и тѣ, которымъ безразлично, где бы ни покупать, могутъ удовлетворить свои потребности наиболѣе выгоднымъ для себя образомъ при помощи моего магазина, такъ какъ здѣсь не только цѣны установлены необыкновенно низкія и покупки бесплатно доставляются на дому, но каждый можетъ, кроме того, спокойно выбрать у себя дома нужный ему товаръ вполнѣ по своему вкусу, безъ всякаго понужденія со стороны продавца, изъ богатаго запаса образчиковъ, который высылается *franco*. Стоить только потребовать у меня открытый письмомъ коллекцію образчиковъ, чтобы самому убѣдиться въ доброкачественности и дешевизнѣ моихъ матерій“.

„средняго сословія“, но и она таеть какъ снѣгъ подъ лучами весенняго солнца по мѣрѣ того, какъ продукты элегантныхъ магазиновъ становятся дешевле, а дешевые конфекціонные товары становятся лучше.

III. Строительныя ремесла.

Я показалъ выше, что ремесла каменщика и плотника преобразованы капиталистически повсюду, даже въ небольшихъ городахъ и въ деревнѣ. Однако можно думать—имѣющіеся у насть отчеты не даютъ намъ точной картины,—что въ областяхъ экспенсивнаго хозяйства отчасти сохранилась ремесленная организація обоихъ промысловъ: наполовину въ видѣ ремесла, работающаго по найму, наполовину въ видѣ ремесла, работающаго на продажу. Въ деревнѣ и въ маленькихъ городкахъ, отчасти даже въ большихъ, ремонтъ выполняется большою частью ремесленными производствами, одиночками-мастерами и подмастерьями; послѣдніе иногда переходятъ, впрочемъ, въ большия города и занимаются въ строительныя предприятия. Крестьяне и мелкіе горожане все еще нерѣдко сами доставляютъ строительный материалъ для работы, хотя этотъ обычай все болѣе исчезаетъ.

Изъ Нѣттинген-Дармсбаха сообщаютъ, что изъ 6 бывшихъ тамъ каменщиковъ 4—5 работаютъ на товарищескихъ началахъ и берутъ на себя даже крупные подряды, какъ, напр., постройка церкви, дома священниковъ и т. п. „Капитала имъ почти не надо, такъ какъ, взявъ на себя подрядъ, они уплачиваютъ поставщику камня только послѣ получения ими первого взноса, а сами живутъ на прежній заработокъ“ (U. VIII, 67—68).

Въ деревнѣ Крампіцъ (въ Нижней Силезіи) живутъ 3 каменщика, которые выполняютъ какъ новыя постройки, такъ и ремонтъ старыхъ (U. IX, 514). Плотникъ здѣсь не самостоятельный ремесленникъ—ему поручаются только ремонтъ. Въ Нѣттинген-Дармсбахѣ живутъ 4 плотника, но они занимаются своимъ ремесломъ только между прочимъ. Одинъ изъ нихъ работаетъ въ теченіе цѣлаго года только 15—20 дней, другой—60 дней; третій и четвертый—120—130 дней. Материалъ большою частью доставляется заказчикомъ (U. VIII, 69). Въ Месскирхѣ плотники работаютъ „совсѣмъ какъ прежде“ (U. VIII, 49—50).

Въ восточно-фрисландской деревнѣ Loquard плотничья работа значитель-но сократилась: число самостоятельныхъ производствъ съ 6 въ 1862 году упало до трехъ. Главная причина этого явленія лежитъ въ томъ, что прежде плотники работали надъ совершенно необработаннымъ материаломъ, теперь же они получаютъ его полуобработаннымъ съ лѣсопилень (U. VII, 586—587).

Совершенно такое же положеніе наблюдалъ я лично во многихъ силезскихъ деревняхъ и провинціальныхъ городкахъ (посадахъ). При большихъ постройкахъ обыкновенно обращаются въ ближайшій городъ къ „мастера-каменщику“; мастера, живущіе въ городѣ съ 5—6 тысячами жителей, держать 30—40—50 и больше рабочихъ. Но такой способъ выполненія работъ не можетъ считаться общимъ правиломъ. То, что обыкновенно требуется для деревенской постройки, можетъ хорошо сдѣлать и мелкий мастеръ-каменщикъ. Подвалы устраиваются рѣдко; дома въ нѣсколько этажей—также, а вывести

стены здания дело нетрудное. Затемъ плотникъ или столяр прилагиваетъ окна и двери, а все тотъ же каменщикъ самъ дѣлаетъ печи, красить дома, кроетъ крышу — и постройка готова. Но постройка такого нового дома вообще составляетъ крупное событие. Обыкновенно же встречаются только починки и перестройки.

Теперь перейдемъ къ такъ называемымъ „мелкимъ“ строительнымъ ремесламъ.

Строительно-столярному ремеслу опасность грозить съ пяти разныхъ сторонъ. Какъ мы уже видѣли, капитализмъ проникаетъ въ область столярно-промышленного промысла,

- 1) подчиняя себѣ погибающихъ „самостоятельныхъ“ ремесленниковъ,
- 2) втягивая мѣстные столярно-строительные промыслы въ сферу крупнаго или средняго производства,
- 3) включая столярный промыселъ въ составъ комбинированного строительного предприятия,
- 4) развивая фабричное производство и самую широкую доставку отдельныхъ строительно-столярныхъ принадлежностей.

Къ этому присоединяется еще одно роковое для строительно-столярного ремесла обстоятельство. Это — уже знакомая намъ

- 5) тенденція плотницкаго промысла къ быстрому преобразованію въ крупное производство, которое втягиваетъ въ себя и столярно-строительные работы.

Потери, происходящія отъ конкуренціи, вознаграждаются, правда, тѣмъ, что строительно-столярный промыселъ, какъ цѣлое, получаетъ все больше работы, потому что строительная дѣятельность все возрастаетъ. Но вспомнивъ, что возрастаніе наблюдается главнымъ образомъ въ большихъ городахъ, где въ настоящее время едва ли существуетъ хоть одинъ самостоятельный столярно-строительный мастеръ ремесленного типа, мы придемъ къ заключенію, что дни столярно-строительного промысла, какъ ремесла, сочтены. Спрось на строительно-столярную работу въ деревняхъ и въ небольшихъ городкахъ землемѣрческихъ мѣстностей такъ незначителенъ¹⁾, что не можетъ поддержать сколько-нибудь значительную часть этого ремесла, если бы даже всѣ работы выполнялись исключительно самостоятельными ремесленниками-столярами. Вообще говоря, строительный столяръ можетъ не опасаться за свою самостоятельность только въ слабо заселенныхъ областяхъ, т.-е. въ такихъ, въ которыхъ отсутствуютъ условія, необходимыя для развитія и плотничьяго промысла, и въ которыхъ послѣднему, какъ уже сказано выше, сужено прозябать въ значительной степени въ видѣ ремесла, работающаго по найму. Но повсюду въ другихъ мѣстахъ плотницкій промыселъ позаботится о поглощении столярного ремесла, если только оно не исчезло уже какимъ-либо другимъ образомъ. Чтобы существовать, плотницкіе промыслы должны овладѣть столярно-строительными: плотники должны наверстать зимней работой ту потерю, которая происходитъ отъ уменьшения числа деревянныхъ построекъ и отъ того, что предварительная обработка дерева ускользаетъ изъ ихъ рукъ.

1) См., напр., данные о Месскирхѣ — (U. VIII, 50), о Неттигенѣ-Дармсбахѣ — (VIII, 69).

Въ такомъ же положеніи, какъ столярно-строительный промыселъ, находится и строительно-слесарное ремесло. На него также дѣйствуютъ всѣ формы капиталистической конкуренціи, обозначенныя выше подъ цифрами 1—4, ему также угрожаетъ опасность утратить самостоятельность. Съ другой стороны, и ему, конечно, помогаетъ увеличеніе спроса на его работу, благодаря расширению строительной дѣятельности. Не подлежитъ сомнѣнію, что это обстоятельство уменьшаетъ опасность гибели, угрожающую самостоятельному ремеслу. Трудно сказать съ увѣренностью, какое изъ двухъ теченій сильнѣе: то ли, которое возвышаетъ ремесло, или же то, которое разрушаетъ его; но наблюденія говорятъ, что разрушительные силы берутъ верхъ надъ силами поддерживающими.

Для слесарно-строительного ремесла, по сравненію со столярно-строительнымъ, неблагопріятно то обстоятельство, что его издѣлія гораздо въ большей степени производятся на специальныхъ фабрикахъ: всѣ замки, ключи, дверные и оконные петли и т. д. доставляются теперь въ готовомъ видѣ, и строительному слесарю остается только въ крайнемъ случаѣ сдѣлать въ нихъ нѣкоторые ничтожныя измѣненія; такимъ образомъ его дѣятельность ограничена одной ихъ установкой. Поскольку кузнецъ не конкурируетъ съ нимъ, слесарь изготавливаетъ еще желѣзныя лѣстницы, желѣзныя рамы, окна съ верхнимъ свѣтомъ, стеклянные крыши для оранжерей, желѣзные кронштейны для балконовъ, балконные перила и тому подобныя работы¹⁾. Помимо этихъ работъ въ нѣкоторыхъ городахъ слесаря берутъ на себя установку газо- и водопроводовъ (Берлинъ, Бреславль²), Лейпцигъ, где „работа эта выполняется исключительно ремесленными мастерами“. (U. II, 121), въ то время какъ въ другихъ мѣстахъ она выпадаетъ на долю жестянниковъ (Карлсруэ).

Но о главной опасности, которая угрожаетъ строительно-слесарному промыслу, мы еще не говорили: она состоять въ томъ, что строительные предприниматели повсюду обнаруживаютъ склонность передавать слесарно-строительные работы, если онѣ состоять изъ установки и приложиванія доставленныхъ въ готовомъ видѣ предметовъ, не ремесленникамъ-слесарямъ, а другимъ лицамъ. Такимъ образомъ возникаетъ самостоятельная категорія рабочихъ, такъ называемыхъ установщиковъ. Таковыми особенно часто являются столяры: такъ обстоитъ дѣло въ Бреславль (U. IV, 88), въ Берлинѣ (IV, 291), Нюрнбергѣ (III, 462), Нейссѣ (IX, 472), где въ дальнѣйшемъ развитіи установочного промысла усматриваютъ наибольшую опасность для строительно-слесарного ремесла. Въ Берлинѣ магазины желѣзныхъ вещей сами, безъ помощи самостоятельныхъ ремесленниковъ-слесарей, устанавливаютъ про- даваемыя ими издѣлія (U. IX, 290); въ Карлсруэ установку берутъ на себя строительные фирмы (U. III, 152)).

Третье изъ „мелкихъ“ строительныхъ ремесль, ремесло кровельщика, находится въ такомъ же положеніи, какъ и вышеописанный ремесла. Прежде всего слѣдуетъ констатировать, что оно—даже болѣе, чѣмъ слесарное и столярное производства—существуетъ въ видѣ самостоятельного промысла только

1) Ср. для Карлсруэ—U. III, 154; для Бреславля—IV, 89.

2) Слесарно-строительные заведенія въ сферу своихъ „специальностей“ часто относятъ электрическія установки, установки газового освѣщенія и т. п.

въ густо населенныхъ мѣстностяхъ, начиная съ городовъ среднихъ размѣровъ. Въ болѣе мелкихъ мѣстечкахъ кровельной работы очень немного: изготавливать и установить на крышѣ сточные желоба—это потребуетъ какую-нибудь недѣлю работы (ср., напр., U. V, 27). Даже въ такомъ городѣ, какъ Накель, имѣющемъ 7.200 жителей, строительно-жестяночные работы составляютъ всего лишь $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{8}$ всей дѣятельности въ производствахъ трехъ мастеровъ-жестяночниковъ, обрѣтающихся въ Накель; следовательно, если бы онѣ были сконцентрированы въ одномъ производствѣ, онѣ и тогда лишь на $\frac{1}{3}$ заполнили бы его дѣятельность. Въ большихъ городахъ жестяночный промыселъ сталъ уставновочнымъ промысломъ; здѣсь кровельщики устанавливаютъ приготовленныя фабричнымъ способомъ сточные трубы¹⁾, орнаменты изъ жести²⁾ и т. д. Но и этой дѣятельности кровельщиковъ-ремесленниковъ угрожаетъ опасность: такъ, напр., фабрики орнаментовъ устанавливаютъ свои произведения при помощи собственныхъ рабочихъ (U. VII, 317).

Только тамъ, гдѣ на долю жестяниковъ выпала установка газо- и водопроводовъ, и въ большихъ городахъ, гдѣ, благодаря усилившейся строительной дѣятельности промыселъ жестяника стоитъ вообще въ благопріятныхъ условіяхъ, ремесленные кровельщики-мастера находятся иногда въ сносномъ положеніи³⁾.

О будущности строительно-стекольного ремесла авторы отчетовъ большою частью судятъ неблагопріятно: фабрики, изготавливающія рамы, строительные фирмы, магазины, торгующіе стекломъ, столярный промыселъ, вторгаются въ область этого ремесла. Въ Эйслебенѣ „дни самостоятельного строительно-стекольного промысла сочтены“ (U. IX, 315), въ Лейпцигѣ „у этого промысла мало надежды на будущее“ (U. V, 198); здѣсь оно сохранилось еще въ значительной степени, потому что крупное производство ограничиваетъ свою дѣятельность быстро растущими постройками общественныхъ зданій и пока не вмѣшивается въ область ремесла (*ibid.*).

Въ слабо населенныхъ мѣстностяхъ одинъ стекольщикъ обслуживаетъ обыкновенно нѣсколько мѣстечекъ. Но чаще всего такого ремесленника здѣсь совсѣмъ нѣть, и столлры занимаются вставкой оконныхъ стеколь и т. п. работой.

Строительные гончары ограничиваются теперь только установкой печей, а иногда, кромѣ того, ведутъ торговлю печами и отдѣльными частями печей. Помимо общихъ условій конкуренціи, строительно-гончарному ремеслу грозитъ опасность съ сѣдѣющими сторонъ:

- 1) отъ фабрикъ печей, которые посылаютъ своихъ собственныхъ установщиковъ;
- 2) отъ конкуренціи желѣзныхъ печей;
- 3) отъ распространенія современныхъ аппаратовъ для приготовленія пищи и для отопленія, которые не требуютъ „установки“;
- 4) отъ вторженія каменщиковъ въ область этого ремесла.

¹⁾ Констатировано для Зальцведеля—U. I, 146.

²⁾ Ср. для Берлина—U. VII, 317.

³⁾ Ср. для Лейпцига—U. II, 141 f., 167—68; для Зальцведеля—I, 129 f.; для Карлсруэ—U. III, 166 f.; для Швейцаріи—Fachberichte etc., S. 140; для Берлина, напротивъ того, какъ уже сказано выше, констатируется полный упадокъ кровельного ремесла—U. VII, 317.

Всѣдствіе такихъ вторженій съ разныхъ сторонъ положеніе мелкаго печника очень неблагопріятно; такъ обстоитъ дѣло въ Карлсруэ (U. III, 95), Лейпцигъ (VI, 264).

Живописцамъ и малярамъ не угрожаетъ извѣй — если можно такъ выразиться — сколько-нибудь значительная конкуренція; только заготовку красокъ можно было отнять у нихъ. Напротивъ, все, что мы узнаемъ о внутреннемъ развитіи ремесла, никакимъ образомъ не позволяетъ надѣяться на прочность его существованія: въ Берлинѣ, о которомъ мы располагаемъ самыми подробными сообщеніями, мелкое ремесленное производство съ иѣкотораго времени быстро регрессируетъ. Но старый строй производства, повидимому, все еще занимаетъ прочное положеніе въ этомъ промыслѣ. Если бы только не было строительныхъ фирмъ, зависимости отъ строительного предпринимателя и эксплуатациіи со стороны строителей-спекулянтовъ!

Если мы оглянемся теперь на всѣ „мелкія“ строительныя ремесла, о которыхъ говорили выше, то мы можемъ дать такую общую характеристику ихъ положенія. Всѣ они играютъ сколько-нибудь замѣтную роль только въ городахъ среднихъ и крупныхъ размѣровъ. Сфера ихъ дѣятельности все болѣе ограничивается установкой предметовъ, доставленныхъ въ готовомъ видѣ; съ другой стороны, она расширяется благодаря росту строительной дѣятельности. Въ области мелкихъ строительныхъ промысловъ сохранилось значительное число чисто ремесленныхъ производствъ, но ихъ будущее отнюдь не представляется сбѣтлымъ. Не говоря уже объ опасности еще большаго ограничения сферы ихъ дѣятельности, что впрочемъ до извѣстной степени можетъ вознаградиться быстрымъ возрастаніемъ строительства, путь, которымъ идетъ наше ремесло, представляетъ узкій проходъ между Сциллой и Харібдой: съ одной стороны, мелкому ремесленнику грозить опасность поработаенія строительнымъ предпринимателемъ или недобросовѣстнымъ посредникомъ-предпринимателемъ; съ другой стороны, болѣе крупныя, способныя къ развитію производства, въ свою очередь, каждую минуту готовы превратиться въ (мелко-)капиталистической предпріятія. Мы показали въ другомъ мѣстѣ, что въ большихъ городахъ уже въ настоящее время многія производства въ строительномъ промыслѣ перешагнули эту границу. А позади всего этого, какъ грозный призракъ, стоять крупныя строительныя фирмы, которая успѣшио втягиваютъ въ свою область одну за другой различные отрасли строительного промысла.

IV. Ремесла, производящія предметы утвари.

Въ настоящее время отъ старого мебельно-столярнаго промысла остались только обломки, которыя я опишу здѣсь, пока они не смыты окончательно съ лица земли. Въ нашемъ распоряженіи находится множество сообщеній о мебельно-столярномъ промыслѣ въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи, какъ въ большихъ городахъ, такъ и въ мелкихъ мѣстечкахъ; благодаря этому, передъ нами развертывается настолько вѣрная картина положенія этого промысла, что она не оставляетъ желать ничего большаго.

Чтобы ясно представить себѣ положеніе мебельно-столярнаго ремесла, мы должны знать, откуда угрожаетъ ему опасность. Мы открываемъ,

- 1) что многія несложныя издѣлія производятся на фабрикахъ;
- 2) что большая часть изящной мебели выдѣлывается въ крупныхъ мануфактурахъ, и
- 3) что производители простой еловой мебели и мебели средняго качества, отѣланной фанерами, низводятся на положеніе домашне-промышленныхъ мастеровъ.

Изъ этого видно, что ни одинъ уголокъ въ сферѣ дѣятельности нашего ремесла не защищенъ отъ вторженія капитализма. Исключеніе составить, быть можетъ, производство сильно индивидуализированныхъ или локализированныхъ предметовъ, при изготавленіи которыхъ требуются частные личные переговоры; примѣры: мебель по образцу и обстановка частныхъ жилищъ и общественныхъ учрежденій и т. п.¹⁾). Производство такихъ предметовъ составляетъ особую отрасль мебельно-столярного ремесла, и относительно нѣкоторыхъ мѣстностей утверждаютъ, что капитализмъ еще не настигъ ремесла въ этомъ убѣжишѣ. Но производство такихъ предметовъ ничтожно по сравненію съ производствомъ всѣхъ остальныхъ предметовъ мебельно-столярного промысла.

Въ какой же мѣрѣ вообще сохранилось ремесло въ мебельномъ промыслѣ? Насколько значительную роль играетъ оно, въ какихъ мѣстностяхъ удѣржалось? Каковы его виды на будущее?

Въ Кёльнѣ главный кругъ покупателей у мастеровъ составляютъ средніе классы населенія. Богатые и знатные люди „охотнѣе обращаются къ большимъ магазинамъ...; низшіе классы уже сплошь покупаютъ товаръ или съ мѣстной фабрики, или въ магазинахъ, иногда въ магазинахъ, продающихъ въ разсрочку. Но и такъ называемые „лучшіе члены средняго сословія“, составляющаго главный кругъ заказчиковъ мастера, оклеенню фанерами мебель покупаютъ уже преимущественно въ магазинахъ“ (U. I, 270). Авторъ сообщенія полагаетъ, что ремесленники могли бы конкурировать съ магазинами лишь въ производствѣ лучшихъ сортовъ мебели, оклеенной фанерами, и что даже въ этой области конкуренція возможна лишь для ограниченнаго количества „наилучшихъ“, „въ нѣкоторомъ родѣ капиталистическихъ“ мастеровъ. Однако, добавляетъ онъ къ этому, сфера производства мебели, которая могла бы такимъ образомъ удержаться за ремесломъ, „очень ограниченная“ (U. I, 295/96). Слѣдовательно, положеніе дѣлъ въ Кёльнѣ рисуется намъ какъ ожесточенная борьба ремесленниковъ-столяровъ за сохраненіе своего послѣдняго убѣжища—производства солиднаго товара средняго качества. Замѣтимъ, нѣсколько забѣгая впередъ, что таково же положеніе почти во всѣхъ большихъ городахъ.

Въ Мюнхенѣ удерживается, хотя и съ большими трудомъ, нѣсколько мелкихъ столяровъ, изготавлиющихъ изящную мебель. Ихъ опора—поддержка художниковъ, которые доставляютъ имъ заказчиковъ, любителей изящнаго.

Однако и производства такихъ столяровъ явно обнаруживаютъ стремление „вырасти“ и выйти изъ сферы чистаго ремесла. Одна изъ описанныхъ мастерскихъ изящной мебели даетъ работу 8—10 рабочимъ, а другая —

¹⁾ Аугсбургъ—U. III, 539.

14¹). Остальные ремесленники работаютъ, какъ и повсюду, средній товаръ и находятся въ трудномъ положеніи, такъ какъ конкуренція продаваемой въ магазинахъ „берлинской мебели“ становится все чувствительнѣе. Значительная часть мастеровъ уже оказалась вынужденной работать на магазины²).

Такую же картину видимъ мы и въ Аугсбургѣ: „небольшая часть аugsбургскихъ столяровъ надѣется еще спастись отъ нужды, соединяя со столярнымъ ремесломъ торговлю всякимъ мебельнымъ хламомъ, другое надѣются найти спасеніе, измѣнія характеръ производимыхъ предметовъ. Наконецъ, только немногіе, работая специальные виды мебели, приспособляясь къ коньюнктурѣ, къ вкусамъ и потребностямъ публики, пользуясь выгодой, которую представляетъ возможность работать и про занять, расходуя экономно матеріаль, довольствуясь небольшою прибылью съ каждой штуки изготавляемой мебели, и, рекламируя себя, стараются увеличить сбытъ и поднять этимъ свое благосостояніе... Можетъ быть, нѣсколькимъ столярамъ, принадлежащимъ къ этимъ категоріямъ—въ особенности къ послѣдней,—удается превратиться въ крупныхъ промышленниковъ, но пока на конкуренцію этихъ новаторовъ громче всего жалуется обыкновенный столяръ, работающій непосредственно на потребителя“. Замѣтте, какъ хорошо выяснено въ этомъ описаніи всегда подчеркиваемый мною антагонизмъ между чистымъ ремесломъ и новообразованіями въ немъ, стремящимся превратиться въ мелко-капиталистическая предпріятія. Что касается старого ремесла, нашъ авторъ думаетъ, что его ожидаетъ прогрессирующее разложение: „производство будетъ все болѣе приближаться къ карликовымъ размѣрамъ, способъ производства—дѣлаться все экстенсивнѣе, выручка—все меньше и меньше, а уровень жизни—все ниже“ (U., III, 545—546). Ремесло похоже на тѣло, изъ которого медленно выпускается кровь. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ Аугсбургѣ изъ всѣхъ столяровъ самая тяжелая участъ выпала на долю тѣхъ, которые работаютъ изящную мебель (ib., S. 547 f.).

Въ Майнцѣ, сообразно традиціямъ мѣста, въ мебельномъ промыслѣ уже давно господствуетъ крупное производство,—которое по большей части производить изящную мебель. Изъ всего того, что, по мнѣнію историка мебельного промысла въ Майнцѣ, сохранять за собой немногочисленныя мелкія производства, на долю ремесла выпадутъ однѣ только починки: помочь крупному производству, когда оно имѣть слишкомъ много дѣла, и работу на магазины или декораторовъ, конечно, никакъ нельзя отнести къ области ремесла (U., III, 362). Поэтому онъ вполнѣ правильно оканчиваетъ свое сообщеніе такими словами: „Надежду, что въ майнцкомъ мебельномъ промыслѣ можетъ сохраниться ремесло, слѣдуетъ причислить ко многимъ другимъ похороненнымъ надеждамъ“ (363).

Въ Карлсруэ ремесленники уже потеряли изъ числа своихъ заказчиковъ низшіе и высшіе классы; только болѣе обеспеченное среднее сословіе осталось имъ вѣрно. Въ настоящее время мебельные магазины все болѣе разрастаются, „въ то время какъ ремесло сокращается“ (U., III, 113—119).

1) Thurneyssen, S. 68 f., 73. Ср. мои замѣчанія во второмъ томѣ относительно организаціи „объединенныхъ мастерскихъ“.

2) Thurneyssen, S. 74.

Въ Фрейбургѣ въ Брейзгау „наше ремесло также падаетъ“ (U., VIII, 269). Мелкие мебельщики-мастера работаютъ еловую и лучшую мебель, однако „только небольшая часть ихъ товара попадаетъ прямо отъ нихъ въ руки потребителей. Остальная часть спроса на столярныя издѣлія покрывается торговцами“ (246). Это явленіе становится все замѣтнѣе.

Въ Познани на долю ремесленниковъ, работающихъ на заказчиковъ-потребителей, приходится только 5%, общаго количества производствъ: „ихъ главное занятіе—собственка починки“ (U. I, 86).

Въ Эйслебенѣ ремесло, „кромѣ строительныхъ работъ, потеряло въ огромной степени и производство мебели. Большая часть оклеенной фанерами мебели—какъ хорошіе, такъ и плохіе сорта—привозится изъ Берлина, стулья и остовы дивановъ идутъ исключительно изъ иногороднихъ фабрикъ, а мѣстное производство ограничивается преимущественно обыкновенною сосновою не оклееною фанерами (бѣлою) мебелью и гробами“ (U. IX, 317—318).

Въ Іенѣ мебельный промыселъ находится въ „блестящемъ состояніи“ (авторъ—профессоръ Пирсторфъ). Но это не мѣшаетъ тому, что:

- 1) изготовление всѣхъ дешевыхъ сортовъ отнято фабриками и „деревенскою промышленностью“ (U. IX, 57);
- 2) мебельные магазины, въ которыхъ продается берлинская мебель, „износятъ безъ всякаго сомнѣнія большой ущербъ сбыту здѣшнихъ столярныхъ мастерскихъ“ (S. 58).

Въ Коницѣ всѣ столяры-мебельщики находятся въ болѣе или менѣе тѣжкой зависимости отъ имѣющихъ тамъ четырехъ мебельныхъ магазиновъ. „Только немногіе изъ нихъ, на ряду съ поставкой въ магазины особо заказываемыхъ предметовъ, работаютъ на опредѣленный небольшой кругъ заказчиковъ; большая же часть ремесленниковъ находится въ полной зависимости отъ магазиновъ, которымъ они доставляютъ постоянно одни и тѣ же товары“ (U. IV, 166).

Итакъ, опираясь на единогласное свидѣтельство всѣхъ цитированныхъ описаній, мы должны констатировать, что разложеніе старого ремесленного мебельного промысла въ большихъ городахъ представляетъ совершившійся фактъ; относительно мелкихъ мѣстечекъ нетрудно прослѣдить не менѣе несомнѣнныя зачатки того же явленія.

Въ совершенно своеобразныхъ условіяхъ находится производство мебели въ Накельѣ. Несмотря на то, что въ этомъ городкѣ всего 7.200 жителей, столярный промыселъ здѣсь, повидимому, въ полномъ упадкѣ. „Производство мебели большую частью ушло отъ ремесленниковъ-столяровъ. Въ этомъ городкѣ существуютъ двѣ такъ называемыя фабрики мебели, изъ которыхъ одна работаетъ подъ управлениемъ панимаемыхъ обойныхъ и столярныхъ мастеровъ, въ то время какъ на другой также мастера работаютъ сдѣльно. Первая принадлежитъ вдовѣ одного столярного мастера, а вторая—владѣльцу одной крупной портновской (!) фирмы. Деревянныя части лучшей мебели выписываютъ изъ Берлина... Ни та, ни другая фабрика не имѣетъ паровыхъ двигателей; на каждой изъ нихъ на ряду съ мастерами занято всего лишь по 3—4 человѣка. Несмотря на то ихъ конкуренція очень чувствительна для мелкихъ столяровъ, которые раньше приготавляли мебель для сельского насе-

ления...“ (U., IV, 219). Итакъ, мы видимъ, что здѣсь возникли какія-то совсѣмъ уродливыя образованія. Но это, очевидно, переходныя формы къ высшимъ организмамъ.

Очень далеко ушло впередъ, кажется мнѣ, развитіе въ баденскомъ городкѣ Эммендингенѣ (5.000 жит.). Недавно одна изъ семи существующихъ здѣсь столярныхъ мастерскихъ развилаась въ порядочное производство среднихъ размѣровъ; въ немъ работаетъ не менѣе 30 наемныхъ рабочихъ, въ томъ числѣ 4 машиниста (U. VIII, 210). Остальные столярные мастера сильно страдаютъ отъ конкуренціи магазина, потому что, во-первыхъ, жители Эммендингена все болѣе и болѣе закупаютъ нужную имъ мебель—въ особенности если дѣло идетъ о заведеніи цѣлой новой обстановки—въ иногородніхъ магазинахъ и, во-вторыхъ, въ самомъ городкѣ мебельные магазины, идя на-встрѣчу вкусамъ публики, растутъ какъ грибы: два еврея открыли магазины подержанной мебели съ продажей въ разсрочку; два шорника также открыли склады мебели, „при чѣмъ весь свой товаръ они выписываютъ изъ другихъ городовъ“. Волей-неволей троимъ здѣшнимъ столярнымъ мастерамъ пришлось и самимъ устроить у себя мебельные склады, въ которыхъ очень скоро они начали продавать не только свои собственныя, но и чужія издѣлія.

Въ деревнѣ Галенцѣ четыре столяра обыкновенно изготавливаютъ мебель по заказу. Въ 1894 году случилось въ первый разъ, что мебель была выпи-санна однимъ семействомъ, заводящимъ вновь обстановку, съ мебельной фабрики въ Лейбсдорфѣ, расположенной въ 6 километрахъ. Этотъ первый опытъ оказался не особенно удачнымъ. Но что за бѣда! Проложена дорога, ведущая къ гибели ремесла. Притомъ, „если даже прямая конкуренція крупной промышленности и мало опасна, то она очень сильно дѣйствуетъ на понижение цѣнъ...“ (U. V, 46).

Въ Нѣтtingенѣ-Дармсбахѣ изъ другихъ городовъ получаются только стулья и подержанныя кушетки. Но и сюда незамѣтно проникаетъ разлагающій агентъ. „Лѣтъ 20 тому назадъ ремесло было доходище, такъ какъ лѣсъ былъ дешевле; кроме того, теперь цѣны мебели сильно понизились благодаря городскимъ магазинамъ“ (U. VIII, 70¹⁾).

Если мы остановимся здѣсь, бросимъ взглянуть назадъ и спросимъ себя, что жесталось со старымъ мебельнымъ ремесломъ и что сулить ему ближайшее будущее, то отвѣтъ будетъ таковъ: уже въ настоящее время ремесло вытѣснено изъ производства дорогой (художественной) мебели и нѣкоторыхъ специальныхъ издѣлій, какъ, напр., стулья и т. п. Оно борется еще за производство оклеенной фанерами (берлинской) и простой сосной мебели. Что касается первой, Берлинъ быстро захватываетъ полную монополію и въ мелкихъ мѣстечкахъ. Но и простая мебель уже давно не можетъ считаться неотъемлемою собственностью ремесла. Очень часто она изготавливается въ деревняхъ домашне-промышленнымъ способомъ; тамъ же, гдѣ она производится

1) Живую картину исчезновенія столярного ремесла изъ англійскихъ деревен-скъ мѣстечекъ даетъ Р. А. Граамъ (loc. cit., p. 38). И въ Англіи, повидимому, гибель ремесла въ деревнѣ и небольшихъ городкахъ закончилась только въ послѣднее время. Деревенскій столяръ „приспѣваетъ гибель главнымъ образомъ увеличившемуся употребленію желѣзныхъ машинъ“.

городскими ремесленниками, сбыть ея или совершенно перешелъ или все болѣе переходить къ городскимъ магазинамъ. Насколько долго они будутъ давать заказъ столярнымъ мастерамъ, зависить отъ развитія техники производства; нетрудно представить себѣ, что оно можетъ пойти по пути образования локализированныхъ и специализированныхъ крупныхъ производствъ. За ремесломъ пока остаются почики.

Я думаю, что другія ремесла, производящія предметы утвари, мы можемъ разсмотрѣть очень быстро; я начну съ двухъ остальныхъ промысловъ, обрабатывающихъ дерево: бондарного и токарного.

Бондарный промыселъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какой-либо другой, пострадалъ отъ сокращенія области производства вслѣдствіе измѣнѣній въ области спроса. Потребность въ бондарныхъ издѣліяхъ или совершенно исчезла или удовлетворяется другимъ способомъ, напр., употребленіемъ сосудовъ, сдѣланныхъ изъ другого материала. Въ частныхъ хозяйствахъ деревянные кружки для молока и пива вытѣснены фарфоровой и стеклянной посудой; деревянныя купальныя ванны, деревянныя корыта замѣнены жестяными; деревянныя ведра для воды уступили мѣсто желѣзнымъ повсюду, гдѣ ихъ окончательно не вытѣснили водопроводы, которые упразднили также и пожарныя бочки. Въ домашнемъ хозяйствѣ не употребляются теперь бочки для пива и для соленія мяса. Мясники въ свою очередь солять уже не въ деревянныхъ бочкахъ, а въ глиняныхъ и цементныхъ чанахъ. Въ винокуренномъ и пивоваренномъ производствахъ деревянные чаны во многихъ случаяхъ вытѣснены мѣдными и желѣзными, а деревянные холодильники стали излишними. Сельскому хозяину требуется меныше корыть и кадокъ для того, чтобы кормить и поить скотъ: въ употребленіе входятъ ясли изъ глины или цемента. Наконецъ, деревянные боченки, служившия для упаковки, замѣнены мѣщками, ящиками, коробами, пистернами и т. п.

Но и въ той сократившейся области, которая еще сохраняется за бондарнымъ промысломъ, существованію самостоятельныхъ ремесленниковъ опасность угрожаетъ съ двухъ сторонъ; опасность эта:

1) фабричное производство бочекъ;

2) включеніе бондарного промысла въ составъ другихъ производствъ: въ составъ производства чановъ въ крупныхъ виноторговляхъ¹⁾, пивоварняхъ, при винокуренныхъ заводахъ и т. д.²⁾.

Вслѣдствіе этого старое бондарное ремесло чахнетъ и въ городахъ и въ деревнѣ, вообще повсюду, гдѣ оно еще не окончательно исчезло. На нѣкоторое время за нимъ, вѣроятно, останутся только почики³⁾. Наши отчеты подтверждаютъ это мысльне во всѣхъ существенныхъ пунктахъ, только авторъ

1) *Fachberichte aus dem Schweizer. Gew.*, S. 126. Относительно Лейпцига — У. II, 47; Карлсруэ.—III, 133.

2) Лейпциг—У. II, 47; Вѣна—УОе. 411, 416. Этому окончательному включенію часто предшествуетъ присоединеніе: мастеръ подряжается выполнять въ своей мастерской работу на одну или на нѣсколько фабрикъ.

3) Само собой понятно, что мѣстная условія могутъ и здѣсь задержать то, что проявляется какъ общая тенденція: такъ, напр., многие бондари ваходятъ хорошій заработокъ при приготовленіи деревянныхъ кружекъ для лихтенштайнскаго пива. Но спросъ на это специальное издѣліе—слава Богу!—ограничивается небольшой мѣстностью.

сообщения изъ Лейпцига говорить, что за ремесломъ останется „производство для торговли, спросъ который нельзя предвидѣть заранѣе“ (U. II, 51).

Чтобы не нагромождать бесполезно цитать, я ограничусь тѣмъ, что приведу здѣсь только заключеніе автора, описывающаго бондарный промыселъ въ Генѣ; этотъ заключительный выводъ позволительно распространить на всю область бондариаго промысла. Окъ гласить слѣдующее: „До введенія свободы промышленности въ Генѣ существовалъ бондарный цехъ, въ который входило 7 мастеровъ и 5 подмастерьевъ въ 1848 году, когда въ Генѣ было только 6.000 жит. Въ настоящее время въ Генѣ 15.500 жителей, а число бондарей упало до 5 мастеровъ, 3 подмастерьевъ и одного ученика. Изъ этихъ 5 мастеровъ трое занимаются почти исключительно починками; они уже стары и могутъ быть сброшены со счета: работа ихъ всехъ троихъ едва-едва зайдетъ сполна время одного хорошаго бондара. Четвертый работаетъ, правда, самостоятельно, держитъ двухъ подмастерьевъ, но онъ дѣлаетъ главнымъ образомъ упаковочные сосуды для находящейся здѣсь мыльной фабрики... Итакъ, остается только одинъ бондарный мастеръ, который, работая самостоятельно, удовлетворяетъ весь спросъ на бондарную работу въ городѣ“ (U. IX, 83). „Бондарное ремесло по большей части спустилось до жалкой починочной работы; исчезновеніе его какъ самостоятельного производства изъ списка здѣшнихъ промысловъ составляетъ только вопросъ времени“ (loc. cit., S. 88).

Когда умеръ мастеръ Тимле, то съ нимъ умерло и самостоятельное токарное ремесло. А тамъ, где оно еще существуетъ по имени, оно занимается починками или торгуется по мелочамъ. И здѣсь, помимо конкуренціи капиталистическихъ предпрѣятій, которая въ этомъ промыслѣ выступаютъ подъ видомъ или крупнаго производства или домашней промышленности, сильныя измѣненія спроса выхватываютъ почву изъ-подъ ногъ стараго токаря: прялка и шпульное колесо вышли изъ моды въ современномъ домашнемъ хозяйствѣ; многія специальная издѣлія токарей вышли изъ употребленія и замѣнены издѣліями изъ другого материала. Зато токарный промыселъ выигралъ благодаря изготавленію различныхъ частей или полуфабрикатовъ для другихъ отраслей промышленности, напр., для мебельного и инструментальнаго промысловъ и т. п. Но это все такая работа, которая или прямо выполняется самимъ главнымъ, основнымъ производствомъ (мебельнымъ, инструментальнымъ), или же низводить мастера до положенія простого поставщика, вполнѣ зависящаго отъ фабрики,— до положенія, которое мало отличается отъ положенія домашняго рабочаго въ производствѣ галантерейныхъ и т. п. товаровъ.

Я приведу теперь рядъ цитать изъ сообщеній, относящихся къ городамъ различныхъ размѣровъ:

Лейпцигъ: „Гибель ремесла здѣсь составляетъ лишь вопросъ времени. Только немногія производства, занимающіяся починками, могутъ питать надежду, что они кое-какъ будутъ влечь свое жалкое существованіе“ (U. II, 93).

Накель: Одинъ изъ мѣстныхъ токарей производить самъ лишь 50% сбываемаго имъ товара. „Въ 1870 году онъ продавалъ еще исключительно собственныя издѣлія“. „Ремесло... вынуждено возвѣщать уменьшеніе собственнаго производства расширениемъ торговыхъ операций“ (U. IV, 221—222).

Зальцведель: „Токари совершенно разбиты... изъ ихъ дѣтей никто не возьмется за отцовское ремесло“ (U., I, 162).

Города Шпревальда: „Ремесло пришло въ полный упадокъ; область его производства сузилась благодаря измѣненіямъ въ техникѣ и перемѣнѣ моды. Однако и на оставшуюся у него почву все болѣе и болѣе проникаетъ побѣдоносная фабрика“ (U. VIII, 526).

Ремесленное производство жестяной посуды и часовое ремесло также почти совершенно сведены къ починкамъ да мелкой торговлѣ товарами, которые прежде они производили самостоительно. Первое изъ этихъ ремесль пришло въ упадокъ только недавно, второе уже около половины прошлаго столѣтія должно было совершенно отказаться отъ производства новыхъ часовъ; но и починокъ съ тѣхъ поръ стало меньше, такъ какъ часы на фабрикахъ дѣлаются лучше; сфера самой починочной дѣятельности сузилась благодаря магазинамъ, которые продаютъ отдѣльныя части часовъ.

Переплетное ремесло сохранило за собой переплетъ книгъ для мелкихъ заказчиковъ. Раньше самъ ремесленникъ изготавлялъ всевозможныя картонныя принадлежности переплетного дѣла, теперь же приобрѣтаетъ ихъ въ готовомъ видѣ. Ремесленнымъ мастерскимъ, работающимъ на заказчиковъ и обнаруживающимъ мѣстами тенденцію къ развитію за предѣлы ремесла, угрожаетъ возрастающая продажа книгъ въ переплетахъ. Впрочемъ, такія мастерскія никогда не играли замѣтной роли.

* * *

Мы окончили наше утомительное странствованіе черезъ область ремесленного производства. Повсюду мы открыли, что старыя формы организаціи промышленного труда регрессируютъ, по большей части къ выгодѣ новой формы промышленной дѣятельности — капитализма.

Правда, въ различныхъ мѣстностяхъ и въ различныхъ подраздѣленіяхъ промышленной жизни мы видѣли не одну и ту же картину. Именно для того, чтобы выяснить разнообразіе процесса преобразованія ремесла, переходили мы съ мѣста на мѣсто, отъ ремесла къ ремеслу, и обращали внимание на детали. Но я глубоко убѣжденъ, что всѣ качественные различія суть только различія формы, въ которой выступаетъ капитализмъ, что, напротивъ того, всѣ реальные различія въ концѣ-концовъ оказываются чисто количественными, что мы не сумѣемъ найти ни одной мѣстности, ни одной отрасли промышленности, о которой можно сказать: здѣсь развитіе приняло принципіально другое направление.

Правда, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности положеніе ремесла различно въ большомъ, среднемъ, маленькомъ городѣ и въ деревнѣ. То, что въ большомъ городѣ принадлежитъ уже прошедшему, въ другихъ мѣстахъ все еще ведеть борьбу за существованіе или даже испытываетъ пока лишь самая первыя потрясенія.

Но ни маленький городъ, ни деревня не представляютъ надежного пристанища для ремесла: именно въ маленькихъ и среднихъ городахъ, этихъ

„главныхъ резиденціяхъ ремесла“, за послѣднія десятилѣтія оно пострадало особенно сильно, по всей вѣроятности потому, что здѣсь было чему пострадать. Стоить прочитать описанія положенія ремесла въ такихъ городахъ, какъ Коницъ, Зальцведель, Эйслебенъ и Накель,—и мы придемъ въ изумленіе, какъ быстро регрессируетъ старое ремесло. Но и въ деревнѣ бури новаго времени не пощадили стараго ремесла. Даже старины, специфически-деревенскія ремесла должны вести упорную борьбу, чтобы удержать за собой свою почву. Можно ли послѣ этого считать обезпеченнымъ положеніе другихъ ремеселъ въ деревнѣ? Фраза о консервативномъ духѣ сельскаго населенія въ настоящее время лишилась почти всякаго смысла. Мы видимъ, что крестьянинъ покупаетъ одежду въ ближайшемъ городкѣ у еврея; онъ покупаетъ въ магазинѣ мебель, можетъ быть, ту самую мебель, которую его кумъ-ремесленникъ только что привезъ изъ деревни владѣльцу магазина. Крестьянинъ также легко привыкаетъ къ эмалированной посудѣ и къ керосиновой лампѣ, какъ и къ желѣзной утвари и кожаной сбруѣ, которая онъ покупаетъ готовыми въ лавкѣ. Его жена и дочь охотно покупаютъ у разносчиковъ платки и кофты, которая онѣ еще такъ недавно ткали сами, на собственномъ станкѣ. Да, хочется даже сказать, что роли перемѣнились: въ будущемъ большиe города послужатъ болѣе надежнымъ убѣжищемъ для ремесла, чѣмъ мелкіе города и деревни. Быстро совершающіяся измѣненія промышленной жизни въ большихъ городахъ каждый моментъ создаются новыя сферы, въ которыхъ ловкій ремесленникъ можетъ найти работу себѣ. Такіе случаи мы наблюдали уже нѣсколько разъ: мы видѣли, что въ области строительного дѣла, въ установкѣ газо- и водопроводовъ и т. п., всегда падаютъ крохи, которыми, хотя бы въ теченіе извѣстнаго времени, можетъ кориться ремесленникъ. Съ другой стороны, починки въ многолюдныхъ городахъ даютъ ремеслу больше работы, чѣмъ въ слабо населенныхъ мѣстностяхъ.

Такъ же мало принципіального различія, какъ между городомъ и деревней, видимъ мы и между различными частями Германіи, столь различными по своимъ аграрнымъ отношеніямъ и по степени населенности. Конечно, отдельные ремесленники, какъ, наприм., сынъ какого-нибудь крестьянина, переселяющійся изъ Бадена въ городъ съ отцовскимъ наслѣдствомъ и разсчитывающій даже на денежную поддержку изъ дома, ведеть, несомнѣнно, лучшую жизнь, чѣмъ ихъ товарищи на нашемъ бѣдномъ востокѣ, вышедшіе изъ рядовъ пролетаріата или изъ рядовъ институтовъ¹⁾). Но отъ этого положеніе ремесла въ Баденѣ не иное, чѣмъ въ Силезіи; на богатомъ западѣ оно не болѣеувѣreno въ сохраненіи своего существованія, чѣмъ на бѣдномъ востокѣ. Такіе города, какъ Бреславль и Кельнъ, Познань и Карлеруэ, Эйслебенъ и Фрейбургъ, Накель и Эммендингенъ, обнаруживаются въ общихъ чертахъ одинъ и тѣ же тенденціи развитія. Я скоро остановлюсь сть большею обстоя-

1) Иность—сельскій рабочій, заключающій контрактъ на болѣе или менѣе продолжительное время и получающій, кроме небольшой денежной платы, вознагражденіе натурой: кормъ для коровы, топливо, клюочки земли и т. д. Пользованіе клюочекъ земли отъ помѣщика ставить инста въ такое положеніе, которое по существу мало отличается отъ „аренды за отработки“. Степень зависимости сельскаго рабочаго отъ помѣщика достигаетъ здѣсь крайнихъ предѣловъ.]

тельностью на фатальной и до чрезвычайности обычной подмѣнѣ вопроса о положеніи ремесла вопросомъ о положеніи ремесленниковъ.

Но, быть можетъ, есть существенное различіе въ положеніи ремесла въ округахъ съ замкнутымъ подворнымъ владѣніемъ—и въ округахъ, гдѣ мелко-крестьянская собственность подвергается мобилизациі. Конечно, разница здѣсь очевидна: изъ деревень Гарда, какъ ихъ описалъ докторъ Гехтъ, ремесло изгнано съ большою основательностью, чѣмъ изъ областей Шварцальда, гдѣ преобладаютъ обособленные хутора; на маршахъ развитіе совершается медленнѣе, чѣмъ на песчаныхъ возвышенностяхъ. Но и это—различія лишь въ быстротѣ развитія, а не различія по существу. Мы уже видѣли разнообразные симптомы того, что зашаталось и самое зданіе крупно-крестьянского промышленного строя—если такъ можно выразиться,—покоящееся на широкомъ основаніи самоподрѣбляющаго хозяйства и примыкающихъ къ нему промысловъ, работающихъ на заказъ, по найму. Ниже я попытаюсь доказать всю неизбѣжность этого явленія.

Остается различіе въ положеніи отдельныхъ ремеслъ. За послѣднее время въ профессорскихъ и другихъ близко стоящихъ къ нимъ кругахъ усиленно изыскиваются доказательства, что, хотя иѣкоторыя ремесла, „какъ, наприм., красильщикъ, гребенщикъ, гвоздарей“, осуждены на гибель, зато другія... и т. д. Со времени покойного Рау во всѣхъ описаніяхъ промышленного развитія мы находимъ—правда, постоянно уменьшающейся—списокъ тѣхъ промысловъ, которые считаются обеспеченными отъ всѣхъ ужасовъ разложения. Для старого Рау несомнѣнныи представлялось дальнѣйшее существованіе слѣдующихъ ремесленниковъ: портныхъ, слесарей, сапожниковъ, столяровъ, телѣжниковъ, плотниковъ, каменщиковъ, стекольщиковъ, пекарей, мясниковъ, переплетчиковъ, штукатуровъ, кондитеровъ, часовщиковъ, оружейниковъ, обойщиковъ, шорниковъ, лудильщиковъ, пуговичниковъ, щетинщиковъ, гончаровъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, каменотесовъ, скорняковъ, жестянниковъ „и другихъ“, какъ не забываетъ прибавить авторъ¹⁾). Такой же длинный списокъ ремесль съ надолго обеспеченныи будущимъ составилъ въ 1868 году Фибанъ²⁾). И даже въ лѣто 1885 отъ Рождества Христова одинъ нѣмецкій профессоръ умудрился признать прочно обеспеченными положеніе слѣдующихъ ремесленниковъ: портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, токарей, слесарей, кузнецовыхъ, шорниковъ „и т. д.“, мясниковъ, пекарей, мельниковъ; но „прочиѣ всего“, по его словамъ, „мелкое производство держится въ строительныхъ промыслахъ“³⁾.

Изъ этихъ примѣровъ видно, съ какою осторожностью слѣдуетъ дѣлать предсказанія относительно направленія развитія въ будущемъ, особенно если не знаешь положенія дѣлъ. Прежде всего никогда не надо говорить: „никогда“. Нѣмецкія профессора обстоятельно доказали неосуществимость пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ и другихъ новшествъ. Неужели мы никогда ничему не научимся? *Vestigia terrent!*

¹⁾ Rau, „Polit Oek.“ I^o 2. Abtheilung (1869) § 339. Anm.

²⁾ Viebahn, „Statistik des zollvereinten und nѣrdlichen Deutschlands“, Bd. III, 1868. S. 562.

³⁾ Haushofer, „Das deutsche Kleingewerbe etc.“, 1885; S. 19.

Однако мы находимся въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ наши предшественники. Наши выводы основываются на такомъ обширномъ фактическомъ матеріалѣ, какимъ, можетъ быть, еще никогда не располагала специальная наука, приступая къ рѣшенію того или другого вопроса. Не можемъ ли и мы взять на себя смѣлость и предсказать хотя бы нѣкоторымъ ремесламъ вѣчную жизнь? Нѣтъ, и теперь мы не можемъ этого сдѣлать, мы не должны сдѣлать это, если хотимъ сохранить добросовѣстность.

Наше хозяйственное развитіе такъ богато по содержанію, различныхъ путей, которые могутъ привести къ гибели ремесла, такъ много, что если даже какое-нибудь ремесло до сихъ порть стоитъ непоколебимо, мы все же никогда не можемъ сказать: оно переживетъ и завтрашній день. Но уже теперь факты говорятъ намъ нѣсколько больше: они показываютъ, что не осталось ни одной отрасли промышленности, которая не была бы затронута капитализмомъ: въсѣ ихъ подтачиваетъ капиталистический червь. Съ увѣренностью мы можемъ сказать только одно: разложеніе различныхъ ремеселъ идетъ не съ одинаковой быстротой. И если мы выдѣлимъ медленно гибнущія ремесла отъ тѣхъ, которыхъ разрушаются быстро, то къ первымъ мы должны будемъ причислить строительные ремесла и ремесла, производящія пищевые продукты, а ко вторымъ—ремесла, производящія предметы одежды и утвари. Нетрудно раскрыть причины такого различія. Теоретическое изслѣдованіе покажетъ намъ еще яснѣе связь между явленіями. Къ этому надо добавить, что отъ ремесла все больше отходитъ производство новыхъ издѣлій, но что оно въ теченіе нѣкотораго времени можетъ существовать починочными и заплаточными работами, которыхъ имѣютъ немаловажное значеніе. Однако будущія изслѣдованія покажутъ, что и эти работы отнюдь не вездѣ и не навсегда обеспечены за ремесломъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Ремесленники въ настоящее время.

Я уже неоднократно указывалъ, что не слѣдуетъ смыывать положенія ремесла съ положеніемъ ремесленниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, это—дѣвь совершенно различныхъ вещи, между ними нѣтъ никакой необходимой связи.

Область производства какого-нибудь ремесла можетъ расширяться,— и въ то же время ремесленники могутъ впадать все въ худшее положеніе, такъ какъ число ихъ растетъ быстрѣе, чѣмъ спрѣсть на ихъ труда; наоборотъ, область производства ремесла можетъ сокращаться, но если въ то же время число ремесленниковъ уменьшается еще быстрѣе, то положеніе остающихся будетъ улучшаться, несмотря на „паденіе“ и „гибель“ ремесла. Можетъ также случиться, что ремесленникъ находить другіе источники доходовъ, чтобы возмѣстить потери, происходящія отъ сокращенія его дѣятельности, какъ ремесленника. На практикѣ число возможныхъ вариацій чрезвычайно велико, такъ какъ существуетъ цѣлый рядъ условій, которыя могутъ вліять на положеніе отдѣльного ремесленника. Если мы предположимъ, что размѣръ области производства остается неизмѣннымъ, то решающее значеніе для положенія ремесленника будутъ имѣть слѣдующія обстоятельства: 1) число существующихъ производствъ; 2) распределеніе работы между отдѣльными производствами; 3) особая условія, въ которыхъ находятся собственники этихъ производствъ. Каково же положеніе отдѣльныхъ ремесленниковъ за тотъ промежутокъ времени, за который мы изучали эволюцію ремесла? Таковъ вопросъ, на который должна отвѣтить эта глава. Въ болѣе строгой формулировкѣ онъ сводится къ слѣдующему:

Какое вліяніе на положеніе ремесленниковъ оказывало до сихъ поръ или будетъ оказывать суженіе сферы производства ремесла, — мы говоримъ только суженіе, такъ какъ только его и наблюдаемъ на практикѣ.

Необходимо съ самаго начала провести разграничение между двумя случаями: число производствъ (т.-е. число ремесленниковъ) или приспособляется къ уменьшающемуся числу заказчиковъ—а въ уменьшении числа заказчиковъ какъ разъ и выражается суженіе сферы производства для отдѣльного ремесленника,—или же такого приспособленія не происходитъ.

1) Приспособляется ли число ремесленниковъ къ сокращающейся сфере ихъ производства? Это значитъ: уменьшается

ли число мастеровъ въ соотвѣтствующемъ отношеніи, доходя, въ случаѣ необходиности, до полнаго исчезновенія ремесленниковъ въ отдельныхъ отрасляхъ промышленности?

Къ несчастію, наша общая профессиональная и промышленная статистика не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, такъ какъ она не даетъ рѣшительного ограниченія собственно ремесленниковъ отъ тѣхъ лицъ, которые вообще заняты въ данномъ промыслѣ. Поэтому намъ пришлось бы, исходя изъ величины производства, дѣлать обратные выводы о томъ, до какой степени организація труда сохраняетъ ремесленный характеръ. Но такія косвенные доказательства, какъ намъ извѣстно, дѣло очень рискованное. Слѣдовательно, въ поискахъ за отвѣтомъ мы должны удовольствоваться менѣе обширными, но зато надежными изслѣдованіями.

Мы имѣемъ нѣсколько такихъ изслѣдованій, произведенныхъ частными лицами для отдельныхъ городовъ, и, кромѣ того, официальную „сравнительную“ анкету 1895 года, охватившую двадцатую часть Германии. Изъ этого послѣдняго изслѣдованія мы приведемъ здѣсь слѣдующія цифры¹⁾. Во всей изслѣдованной области на каждую 1.000 жителей въ среднемъ приходится:

26,7 мастеровъ,
30,2 помощниковъ
56,9 ремесленниковъ вообще.

Если съ этими данными позволительно сравнивать тѣ цифры ремесленниковъ Пруссіи, которая Шмollerъ²⁾ даетъ для 1861 года, то мы найдемъ совсѣмъ небольшое уменьшеніе—едва въ 5%. Въ 1861 году въ среднемъ приходилось на 1.000 жителей:

28,9 мастеровъ,
30,2 помощниковъ
59,1 ремесленниковъ вообще.

Положеніе станетъ яснѣе, если мы посмотримъ на деревню и городъ въ отдельности. Статистика показываетъ намъ, что число лицъ, занятыхъ въ городскихъ ремеслахъ, значительно уменьшилось; въ деревнѣ же, наоборотъ, число лицъ, занятыхъ въ ремеслахъ, даже нѣсколько увеличилось по сравненію съ тѣмъ, что было 30—40 лѣтъ тому назадъ. Я привожу здѣсь цифры Фойгта (I. с., 10 и сл.). По его словамъ, ремесленниковъ на 1.000 жителей приходится въ среднемъ:

въ 1858 году	107,6
„ 1895 „	60,8,
въ деревнѣ:	
въ 1858 году	38,2
„ 1895 „	45,4.

1) Ср. P. Voigt, „Die Hauptergebnisse der neuesten deutschen Handwerkerstatistik von 1895“, въ „Schmollers Jahrbuch“, N. F., Bd. XXI. Въ 1897 году вышло также отдельнымъ изданіемъ.

2) Kleingewerbe, 71.

Если можно сравнивать эти цифры, то онъ говорять кое-что. Прежде всего мы видимъ, что упадокъ ремесла въ городахъ сопровождается уменьшениемъ до $\frac{2}{3}$ числа лицъ, занятыхъ въ немъ. Никто не можетъ съ уверенностью сказать, не находится ли увеличение числа деревенскихъ ремесленниковъ въ какой-нибудь связи съ измѣнениемъ сферы ихъ производства. Это возможно, и, предполагая эту возможность, мы не впадаемъ въ прямое противорѣчие съ нашими выводами, сдѣланными ранѣе. Переходъ отъ самопотребляющаго, натурального хозяйства къ мѣновому, освобожденіе деревни отъ власти города, развитіе въ деревнѣ иѣкоторыхъ видовъ ремесла,—все это можно рассматривать какъ моменты, способствовавшіе увеличенію сферы промышленного производства. Но было бы нѣтрудно показать и обратное: именно, что увеличенію числа ремесленниковъ въ деревнѣ отнюдь не соответствуетъ увеличеніе сферы ихъ производства. Пусть читатель припомнить все предыдущее и сравнить съ тѣмъ, что будетъ еще сказано ниже о положеніи деревенскихъ ремесленниковъ. Слѣдующія цифры, взятыя изъ того же источника какъ и предыдущія, даютъ понятіе о положеніи дѣлъ въ различныхъ округахъ, взятыхъ отдельно. На 1.000 жителей приходилось ремесленниковъ вообще:

	1861 г.	1895 г.
Округъ Данцигъ	42,8	33,6
Городъ Данцигъ	72,9	32,5
Городъ Эльбингъ	124,7	81,0
Округъ Данцигъ безъ городовъ Данцига и Эльбинга	30,3	29,4
Округъ Аахенъ	56,5	58,2 ¹⁾
Городъ Аахенъ	91,1	61,8
Округъ Аахенъ безъ города Аахена . .	51,3	57,3 ¹⁾

Само собой разумѣется, что сокращеніе въ различныхъ ремеслахъ было различно; въ иѣкоторыхъ произошло даже увеличеніе числа ремесленниковъ. Я придало очень мало значенія всѣмъ этимъ цифрамъ, которые могъ замѣтить читатель, не обладають для меня доказательной силой и служатъ въ лучшемъ случаѣ только для иллюстраціи; въ виду этого я не буду дѣлать самостоятельныхъ вычислений. Я приведу еще цифры, добытныи П. Фойгтомъ изъ сравненія статистическихъ данныхъ 1882 года съ данными всеобщей профессіональной переписи 1895 года, которые и по его мнѣнію мало пригодны для пользованія²⁾. По его вычисленіямъ, абсолютныи числа „самостоятельныхъ“³⁾ ремесленниковъ въ періодъ времени съ 1882 г. по 1895 г. уменьшились:

прядильщиковъ	на 67%	лакировщик., золотильщ. и т. п. на 21%
красильщиковъ и т. д.	„ 58%	мыловаровъ „ 20%
ткачей	„ 49%	оружейниковъ „ 17%

1) Это увеличеніе не болѣе какъ кажущееся, такъ какъ вычисленіе сдѣлано на основаніи цифръ народной переписи 1890 года. Ср. I. с., S. 18.

2) P. Voigt, „Das deutsche Handwerk nach den Berufszählungen von 1882 und 1895“, въ I. IX, 665 ff.

3) Среди этихъ „самостоятельныхъ“ сосчитаны, конечно, всѣ такія зависимыя лица, какъ мастера, работающіе на магазины, посредники между магазинами и домашними промышленниками и т. д.

гвоздарей	на 40—50%	позументчиковъ	на 17%
шапочниковъ	на 42%	скорняковъ	„ 14%
игольныхъ мастеровъ	„ 35%	золотыхъ дѣль мастеровъ	„ 15%
мельниковъ	„ 32%	стекольщиковъ	„ 13%
кожевниковъ	„ 30%	шляпочниковъ	„ 11%
бондарей	„ 26%	токарей	„ 10,5%
пивоваровъ	„ 24%		

Число „самостоятельныхъ“ въ остальныхъ промыслахъ сократилось менѣе чѣмъ на 10%; абсолютное уменьшеніе числа самостоятельныхъ лицъ произошло еще въ слѣдующихъ болѣе важныхъ промыслахъ: въ гончарномъ, слесарномъ, экипажномъ, столярномъ и сапожномъ. Абсолютное увеличеніе—хотя и не пропорціональное росту населенія—произошло у каменотесовъ, переплетчиковъ, сѣдельниковъ и портныхъ; увеличеніе приблизительно пропорціональное росту населенія наблюдается у каменщиковъ, плотниковъ, инструментальныхъ мастеровъ и жестянниковъ. Наконецъ, число самостоятельныхъ возросло быстрѣ, чѣмъ населеніе вообще, у часовщиковъ, обойщиковъ, пекарей, мясниковъ и въ нѣкоторыхъ мелкихъ строительныхъ промыслахъ.

Для всякаго знающаго человѣка не будетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что большая часть этихъ цифръ не стоитъ ии въ какой связи съ положеніемъ ремесла въ перечисленныхъ отрасляхъ промышленности. Но выясняютъ ли онѣ вообще что-нибудь въ занимающемъ насъ вопросѣ: произошло ли приспособленіе числа ремесленниковъ къ уменьшившемуся спросу на ихъ трудъ, и если произошло, то въ какой мѣрѣ? Если онѣ и доказываютъ что-нибудь, то прежде всего слѣдующее:

Въ нѣкоторыхъ промыслахъ существуетъ тенденція къ уменьшенію числа занятыхъ въ нихъ соответственно сокращенію области производства; но, по всей вѣроятности, и въ этихъ отрасляхъ промышленности уменьшеніе числа занятыхъ лицъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ идетъ съ той же быстротой, какъ сокращеніе спроса на трудъ. Съ другой стороны, можно сказать наѣрилка, что этого соответствія нѣть въ большей части тѣхъ промысловъ, въ которыхъ вообще не замѣтна тенденція къ уменьшенію, а иногда наблюдается даже увеличеніе количества лицъ, занятыхъ въ этихъ промыслахъ. Это явствуетъ изъ тѣхъ данныхъ о положеніи ремесла, которыя мы привели въ предыдущей главѣ, но еще съ большею очевидностью будеть видно изъ фактовъ, которые мы приведемъ ниже. Теперь мы прямо поставимъ слѣдующій вопросъ:

2. Что происходитъ, если число ремесленниковъ не приспособляется къ уменьшающемуся спросу на ихъ работу?

Отвѣтъ гласить прежде всего: въ такомъ случаѣ наступаетъ всеобщій недостатокъ работы, а слѣдовательно, и уменьшеніе доходовъ. Такое состояніе носить даже специальное название: „Übersetzung des Handwerks“—переполненіе ремесла. На рынкѣ такъ много рабочихъ рукъ, что невозможно найти работу для всѣхъ, а потому нельзя напитать всѣ голодные рты. Нѣть никакой нужды въ новыхъ основательныхъ изслѣдованіяхъ, чтобы доказать, что такое бѣдственное состояніе ремесла стало въ настоящее время хроническимъ. Всякій, кто болѣе или менѣе близко соприкасался съ ремесломъ,

легко замѣтить, что число занятыхъ „слишкомъ велико“ почти во всѣхъ его отрасляхъ, что повсюду недостатокъ работы составляетъ постоянную тему для ламентаций. Новые изслѣдованія положенія ремесла вполнѣ подтвердили то, что раньше было очевидно для всякаго зрячаго человѣка. Почти на каждой страницѣ повторяется одна и та же жалоба: не у всѣхъ ремесленниковъ есть работа въ теченіе круглого года; достаточно было бы очень немногихъ, чтобы выполнить всю имѣющуюся работу и т. д. Выше мы сами уже не разъ слышали подобныхъ жалобъ.

Но куда же приведетъ подобное положеніе дѣль, разъ оно пріобрѣло хронический характеръ? Не можемъ ли мы прослѣдить, какой жребій ждетъ отдѣльныхъ ремесленниковъ? Нельзя ли найти черты закономѣрности въ тѣхъ преобразованіяхъ, которыхъ совершаются въ положеніи ремесленниковъ?

Благо тому ремесленнику, который сумѣть нажить въ лучшіе дни небольшое состояніе, домъ или что-нибудь подобное, благо тому, кто имѣть зажиточную родню, которая поддерживаетъ его и помогаетъ сводить концы съ концами. Въ теченіе какого-то времени онъ можетъ спокойно относиться къ тому, что его выручка отъ занятія ремесломъ стала меныше, чѣмъ прежде, что „жить на неѣ“ становится невозможно. Значительная часть нашихъ ремесленниковъ, несомнѣнно, находится въ такомъ благопріятномъ положеніи и можетъ пытаться запасенными встарь запасами жира; въ особенности часто встречаются они на богатомъ крестьянскомъ западѣ, где городскіе ремесленники выходятъ изъ гораздо болѣе зажиточныхъ слоевъ, чѣмъ на востокѣ Германіи. Ниже мы еще увидимъ, какое большое значеніе по отношенію къ способности мастера выдержать конкуренцію имѣть скопленное раньше состояніе или поддержка родныхъ. А пока ограничимся простымъ замѣчаніемъ, что такая посторонняя помощь сильно вліяетъ на положеніе отдѣльныхъ ремесленниковъ. Слѣдующія цифры показываютъ, насколько широко распространено среди ремесленниковъ владѣніе домами даже въ настоящее время.

Въ Лейпцигѣ на каждую сотню самостоятельныхъ лицъ, занятыхъ промысловою дѣятельностью, въ 1893 было домовладѣльцевъ (U. VI, 704):

среди мясниковъ	40,9	среди переплетчиковъ	12,8
„ пекарей	39,7	„ часовщиковъ	10,0
„ стекольщиковъ	23,7	„ щетинщиковъ	8,0
„ бондарей	27,1	„ токарей	7,3
„ слесарей	24,5	„ кондитеровъ	3,8
„ жестянниковъ	23,4	„ сапожниковъ	2,9
„ столяровъ	19,7	„ портныхъ	2,4
„ скорняковъ	19,6	„ мясниковъ, раб. по домамъ	2,2
„ шорниковъ	15,4		

Въ Бреславль число домовладѣльцевъ среди булочниковъ доходитъ до 115, то-есть составляетъ почти $\frac{1}{3}$ всего ихъ числа. Въ Карлсруэ почти 30% домовъ на главной улицѣ принадлежитъ ремесленникамъ (U. III, 3).

Въ небольшихъ городахъ и въ деревнѣ число ремесленниковъ, владѣющихъ домами, конечно, еще больше; напримѣръ, въ Эйслебенѣ болѣе половины мастеровъ имѣютъ собственные дома (U. IX, 355); въ особенности много здѣсь домовладѣльцевъ среди ремесленниковъ, производящихъ пищевые

продукты; то же самое—въ Генѣ среди пекарей (U. IX, 229). Слесаря въ Нейсѣ „большою частью“ домовладѣльцы и т. д.

Если же у ремесленника совершенно нѣтъ собственности, которая вознаграждала бы его за уменьшеніе доходовъ отъ старой, ремесленной дѣятельности, то онъ старается какимъ-нибудь способомъ использовать свой трудъ, сдѣлавшійся излишнимъ въ прежней ремесленной сфере. Это стремленіе пополнять недостаточный заработка отъ ремесла какой-нибудь другой работой уже очень старо. Бюхеръ полагаетъ, что это явленіе часто встрѣчалось уже въ концѣ среднихъ вѣковъ, следовательно, въ ту пору, когда ремесленники въ значительной степени начали заниматься уже одною только промышленною дѣятельностью¹⁾. Во всякомъ случаѣ въ настоящее время оно сильно распространено и выступаетъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Мы видимъ, что ремесленникъ прежде всего старается завести торговлю въ связи со своимъ ремесленнымъ производствомъ: онъ стремится возмѣстить помошью продажи товаровъ, получаемыхъ въ готовомъ видѣ, то, что онъ теряетъ въ качествѣ производителя. Стремленіе найти прибѣжье въ области торговой дѣятельности чаше всего наблюдается у слѣдующихъ категорий ремесленниковъ: у переплетчиковъ, щетинщиковъ, токарей, стекольщиковъ, шляпочниковъ, гребенщиковъ, жестянниковъ, скорняковъ, ширниковъ, сапожниковъ, гончаровъ и часовщиковъ. Но не всегда, конечно, эти попытки сопровождаются желаннымъ успѣхомъ. Если даже переполненіе мелочной торговли пока не привело къ такому гибельному положенію, какъ въ области производства, то ремесленнику, который сдѣлался торговцемъ, все же угрожаетъ опасность пасть жертвою капитализма: не мытьемъ, такъ катаньемъ, а капитализмъ возьметъ его. Переплетчику грозить конкуренція большихъ магазиновъ писчебумажныхъ принадлежностей; токарю—конкуренція базаровъ и магазиновъ зонтиковъ и тростей; жестяннику—конкуренція магазиновъ кухонныхъ и различныхъ домашнихъ принадлежностей, ламповыхъ магазиновъ и т. п.; стекольщику и гончару—конкуренція осѣдлыхъ и переносныхъ продавцовъ посуды и горшковъ; шляпочнику и скорняку—конкуренція базаровъ и магазиновъ разныхъ товаровъ; гребенщику и щетинщику—магазины туалетныхъ принадлежностей; часовщику—магазины золотыхъ и серебряныхъ издѣлій и большие магазины часовъ; сапожнику—конкуренція магазиновъ элегантной обуви, и т. п.

Но вѣдь у ремесленника есть и другія средства пополнить свой доходъ: онъ можетъ расширять свою производительную дѣятельность. Сперва это дѣлается въ рамкахъ той старой отрасли ремесленного производства, въ которой занятъ ремесленникъ. Этимъ онъ, конечно, вторгается въ сферу другихъ ремесленныхъ производствъ; въ резултатѣ получается такъ называемая „ожесточенная конкуренція мастеровъ“. Захваты, вторженія, могутъ ити по тремъ направленіямъ, смотря по тому, имѣютъ ли они—если можно такъ выразиться—личный, материальный или мѣстный характеръ;

1) Статья „Gewerbe“. H. St. III, 937. [Перев. въ сборникѣ „Исторія труда“ etc., изд. М. Водовозовой].

но во всѣхъ случаяхъ суть одна и та же: стремлениѳ къ расширенію производства. Если какому-либо ремесленнику удастся расширить сферу своего производства путемъ личнаго захвата, это всегда означаетъ, что потерпѣль ущербъ и ограбленъ кто-нибудь изъ его конкурентовъ той же профессии и той же мѣстности. Нѣть никакого сомнѣнія, что многія ремесленныя производства съ успѣхомъ идутъ по такому пути: тенденція къ росту отдѣльныхъ сравнительно крупныхъ ремесленныхъ производствъ, сопровождаемая параллельной тенденціей къ уменьшенію многочисленныхъ мелкихъ производствъ¹⁾), свидѣтельствуетъ о томъ, что отдѣльнымъ ремесленникамъ удается въ свою пользу и въ ущербъ сотоварищамъ измѣнить распределеніе работы.

Или ремесленникъ стремится восполнить свою обычную дѣятельность, вторгаясь въ область другихъ ремесль: это будетъ матеріальный захватъ. Такъ возникаетъ явленіе соединенія профессій, которое мы можемъ наблюдать въ многочисленныхъ промыслахъ. Въ ходѣ своего развитія ремесла одно за другимъ достигали нѣкогда самостоятельности, или, какъ выражается Бюхеръ, происходило разложеніе на профессіи по мѣрѣ того, какъ расширялась сфера дѣятельности каждого ремесла; теперь же, наоборотъ, старыя обособленныя ремесла снова складываются въ большія группы по мѣрѣ того, какъ суживается область производства каждого ремесла. При обзорѣ положенія ремесла мы уже нѣсколько разъ наблюдали это явленіе и напомнимъ здѣсь только слѣдующіе особенно часто встрѣчающіеся случаи: слесаря стремятся захватить кузнецныя работы, а кузнецы—слесарныя; плотники выполняютъ столярно-строительныя работы, а столяры занимаются вставкой оконныхъ стеколъ; пекари на ряду со своимъ ремесломъ занимаются изготавленіемъ кондитерскихъ печений и пирожковъ; объединяются работы шорника и обойщика, равно какъ и работы каретника и кузнца при постройкѣ экипажей. Слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ мы наблюдаемъ такое же явленіе, какъ въ эволюціи капиталистического предприятия въ комбинированное предпріятие, хотя оно обвязано своимъ происхожденіемъ, конечно, совершенно другимъ причинамъ.

Тамъ же, гдѣ невозможно ни подобное расширеніе промысла, ни увеличеніе числа заказчиковъ на счетъ другихъ ремесленныхъ производствъ той же мѣстности, тамъ приходится пространственно расширять область производства и сбыта, чтобы выиграть на экстенсивности то, что потеряно на интенсивности: ремесленникъ вторгается въ сферу ремесленныхъ производствъ, пространственно отдѣленныхъ отъ него.

Само собою понятно, что тенденція къ интерлокальному расширенію ставится въ довольно тѣсные предѣлы самою природою ремесла. Но при всемъ томъ мы часто наблюдаемъ ее, особенно въ одной формѣ, которая за послѣднее время приобрѣла стереотипный характеръ: въ формѣ захвата сельскими ремесленниками сферы производства городскихъ товарищей. По вполнѣ понятнымъ причинамъ деревенские ремесленники въ конку-

1) Это самый важный выводъ, къ которому приводятъ насы „Erhebungen“ и который подтверждается данными переписи 1895 года. Ср. также Voigt, I. e., стр. 8.

ренти съ городскими часто могут одержать победу надъ ними и, разумѣется, по мѣрѣ силы пользуются этою возможностью. Особенно часто совершаются такія вторженія въ городскую область пекари и мясники. Мы располагаемъ соотвѣтствующими сообщеніями о пекаряхъ въ Берлинѣ (U. VII, 135), въ Бреславлѣ (U. VII, 117 f.), въ Іенѣ (U. IX, 212 f.), въ Эйслебенѣ (U. IX, 293) и т. д.; о мясникахъ въ Іенѣ (IX, 2), въ Лейпцигѣ (VI, 146 f.), въ Deutsch Lissa (IX, 489 f.) и т. д. Но и въ другихъ многочисленныхъ промыслахъ конкуренція деревенскихъ ремесленниковъ, напримѣръ, шорниковъ, каретниковъ и т. п.¹⁾ и плотниковъ²⁾ и т. д., становится очень чувствительной.

Во всѣхъ только что упомянутыхъ случаяхъ старый промыселъ служить ремесленнику по крайней мѣрѣ исходной точкой и пунктомъ опоры для расширенія дѣятельности: сначала онъ ищетъ не побочныхъ заработковъ, а только дополнительныхъ заработковъ въ предѣлахъ своей специальной области труда. Если же это ему не удается, онъ старается найти какой бы то ни было посторонній заработокъ. Это стремленіе получить какой нибудь побочный заработокъ за послѣднее время пріобрѣло среди ремесленниковъ всеобщій характеръ. Комично наблюдать, къ какимъ страннымъ комбинаціямъ нерѣдко приводитъ оно.

Въ томъ силезскомъ посадѣ, где я пишу эти строки (лѣто 1897 года), одинъ портной имѣеть лавку колоніальныхъ товаровъ и въ то же время состоитъ разносчикомъ газеты „Breslauer Generalanzeiger“; нѣкоторые ремесленники состоять страховымъ агентами; одинъ столяръ беретъ на себя устройство похоронъ, а другой состоять представителемъ городской транспортной конторы. Одинъ жестянникъ въ Зальцведелѣ ведетъ торговлю стекломъ, другой торгууетъ керосиномъ, третій имѣеть пансіонъ для дѣтей, четвертый сдается внаемъ меблированныя комнаты; одинъ бондарь выстроилъ помѣщеніе для копченія мясныхъ товаровъ и сдается внаемъ (U. I, 153, 162). Одинъ стекольщикъ въ Эйслебенѣ торгууетъ письменными принадлежностями и картинами, другой—рудокопъ, третій—странствующій торговецъ книгами и содержитъ карусели (U. IX, 315). Особенно обширна коллекція побочныхъ занятій у сапожниковъ. Въ Іенѣ они служатъ кельнерами, участвуютъ въ похоронныхъ процессіяхъ и т. п. (U. IX, 23); въ Эйслерѣ—кельнерами по праздникамъ, помощниками разносчиковъ писемъ, лакеями въ ферейнахъ (U. IX, 307); въ Карлеруэ—разносчиками газетъ, разсыльными, зажигальщиками фонарей, церковными служителями, торговцами и т. п. Въ Ульмѣ исключительно изъ нихъ набраны зажигальщики городскихъ фонарей (U. III, 261). Въ небольшомъ городкѣ Гейде изъ 100 членовъ сапожного цеха не болѣе 30 зарабатываютъ хлѣбъ однимъ сапожнымъ дѣломъ; остальные 70 имѣютъ побочные работы, а именно: въ качествѣ ночныхъ и школьніхъ сторожей, разсыльныхъ, кельнеровъ, гробовщиковъ, дорожныхъ сторожей, церковныхъ служащихъ, могильщиковъ и т. д. (U. I, 2—3). Совершенно тоже видимъ мы и въ Эльмсгорнѣ (округъ Пиннебергъ). Изъ 81 сапожныхъ мастеровъ

1) Ср. U. IX, 496, 530, 531; дальнѣйшіе примѣры см. въ указателѣ къ „Untersuchungen“, „Dorfhandwerk“.

2) U. III, 86.

только 53 занимаются исключительно своимъ ремесломъ: 21 работаютъ между прочимъ въ гаваны, 3—разносчики, 1 служить при лотереѣ, 2 владѣютъ кожевенными заводами, 6 находятся въ богадѣльниѣ¹⁾. Въ большихъ городахъ портные и сапожники чаще всего ищутъ должности привратника.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ побочномъ занятіи ремесленниковъ, которое, правда, имѣть совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ всеѣ упомянутыя выше. Его особая важность обусловливается его широкимъ распространеніемъ, его традиціоннымъ характеромъ, особымъ почетомъ, изстари окружающимъ его и, наконецъ, его экономическими особенностями. Я имѣю въ виду соединеніе сельскаго хозяйства съ промышленными занятіями; оно до сихъ поръ остается общимъ правиломъ для всѣхъ сельскихъ ремесленниковъ и почти для всѣхъ ремесленниковъ въ посадахъ. Это соединеніе двухъ промысловъ часто таково, что трудно сказать съ увѣренностю, ремесленникъ ли данное лицо или же земледѣлецъ. Во всякомъ случаѣ такое лицо, живущее въ деревнѣ и занимающееся промышленною дѣятельностью, отнюдь не ремесленникъ въ городскомъ значеніи слова: пуповина, связзывающая его съ крестьянскимъ самопотребляющимъ натуральнымъ хозяйствомъ, еще не отрѣзана. Нѣсколько примѣровъ подтверждать сказанное. Въ официальныхъ „Erhebungen“ мы читаемъ²⁾: „Сельские жители округа Гёппингенъ въ Вюртембергѣ занимаются ремесломъ нѣрѣдко только небольшую часть года, главное же занятіе ихъ составляетъ земледѣліе. Въ такомъ именно положеніи находятся тѣ, которые отвѣтили отрицательно на вопросъ, имѣютъ ли они помощниковъ. Относительно ихъ можно иногда поставить вопросъ, дѣйствительно ли они самостоятельные ремесленники“. О Нѣтtingенъ-Дармбахѣ сообщаютъ (U. VIII, 60): „Почти всѣ семейные ремесленники ведутъ на ряду съ ремесломъ небольшое сельское хозяйство, такъ какъ съ помощью одного ремесла нельзя прокормить семью. У нѣкоторыхъ изъ нихъ ремесло является побочнымъ занятіемъ“. „Относительно нѣкоторыхъ деревенскихъ ремесленниковъ, живущихъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Коница, трудно сказать, составляетъ ли для нихъ столярный промыселъ главное или побочное занятіе. Каждый изъ нихъ имѣть клочокъ земли, нѣсколько головъ скота и кромѣ того занимается своимъ промысломъ“ (U. IV, 167). Объ этой связи между ремесломъ и земледѣліемъ намъ сообщаютъ³⁾ изъ столь многихъ посадовъ и деревень, что мы, опираясь также и на свои собственныя наблюденія, не

¹⁾ Сюда относится также случай, когда мясникъ въ деревнѣ пытается поправить свои дѣла, завода колоніальную и мелочную торговлю. Ср. Flechtneg., „Der Detailhandel in Unseburg“, въ сборникѣ „Die Lage des Kleinhandels“ etc. 1 (1899), 171.

²⁾ „Erhebungen über Verhltnisse“ и т. д. 1,20.

³⁾ Ср. случаи, упомянутые въ Indexѣ къ „Untersuchungen“ подъ „Nebenerwerb“. Кроме того, о баварскихъ сапожникахъ Гранске, I. с., стр. 84—85. Объ округѣ Адельсгеймѣ—„Erhebungen über die Lage des Kleingewebes in Baden“ 2, 15—16. „Для всѣхъ ремесленниковъ въ Крамплицѣ... ремесло не составляетъ единственного занятія; вторымъ служить для нихъ земледѣліе. При этомъ трудно решить, слѣдуетъ ли считать его только побочнымъ промысломъ“ (U. IX, 518). По свѣдѣніямъ комиссіи для статистики труда, собраннымъ по вопросу о продолжительности рабочаго времени на мельницахъ, видно, что занимаются земледѣліемъ какъ побочнымъ промысломъ (лѣто 1893 г.) 77,1% владѣльцевъ вѣтряныхъ мельницъ и 77,4% владѣльцевъ водяныхъ мельницъ. См. „Drucksachen der Kommission für A. St.“ „Erhebungen“, № 4 (1894), S. 21, 48, 58, 68.

можемъ сомнѣваться въ томъ, что это явленіе имѣть всеобщій характеръ. Было бы трудно преувеличить все его значеніе для общаго экономического развитія нашей страны. Я говорю это отнюдь не съ экономически-телеологической точки зрѣнія, съ которой многіе склонны рассматривать это явленіе. Много гимновъ воспѣвалось этому гермафродиту, и много проклятій призывалось на его голову¹⁾. Кто не помнить слѣдующихъ строкъ изъ „Германа и Доротеи“:

„...Heil dem Burger des kleinen
Stadtchens, welcher ländlich Gewerb und Bürgererwerb paart.
Auf ihm liegt nicht der Druck, der ängstlich den Landmann beschränket;
Ihn verwirrt nicht die Sorge der vielbegehrenden Städter“^{2).}

Но кто не знаетъ, съ другой стороны, многочисленныхъ суровыхъ сужденій о нецѣлесообразности соединенія ремесленаго и сельскохозяйственного производства? Напомнимъ только одно, высказанное человѣкомъ, осторожно взвѣшивающимъ слова. И. Г. Гофманъ такъ выразился однажды о томъ положеніи, которому Гете воспѣлъ гимнъ: „При такомъ соединеніи... будетъ оставаться въ пренебреженіи то ремесло изъ-за сельскаго хозяйства, то земледѣліе изъ-за ремесла. Поэтому такие города—такъ называемые земледѣльческіе города—рѣдко достигаютъ средней степени благосостоянія“^{3).} Такія телеологическія сужденія чужды всему нашему міросозерцанію. Говоря о соединеніи сельскаго хозяйства съ ремесломъ, я имѣю въ виду исключительно значеніе этого факта для современной структуры и для дальнѣйшаго развитія реальныхъ экономическихъ отношеній. Насколько важную опору представляетъ для ремесленника земледѣліе, это само собой очевидно. Какое дѣло ремесленнику въ деревнѣ Галенцѣ до того, растетъ или падаетъ его заработка отъ ремесла,—какое дѣло, если отъ земледѣлія онъ получаетъ слѣдующіе доходы:

1) Различные сѣстинные припасы: молоко, масло, сало, свинину, хлѣбъ, картофель и т. д., потребляемые на твой.

2) Денежный доходъ приблизительно въ 500 марокъ отъ

- a) продажи масла;
- b) продажи 3-хъ свиней по 2 центнера;
- c) продажи двухъ телятъ по 60—70 марокъ;
- d) продажи овса на 50 марокъ.

При такихъ условіяхъ, конечно, вполнѣ возможно, „что большая часть ремесленниковъ находится въ благопріятномъ положеніи“ (U. V, 58—59): почти всѣ они владѣютъ такими же золотыми розыгрышами какъ только что описанные.

Но самое важное соціальное значеніе получаетъ соединеніе ремесла съ земледѣліемъ потому, что эта связь оказываетъ сильное влияніе на всю дальнѣйшую эволюцію народнаго хозяйства.

¹⁾ Ср. G. Schmoller, „Was verstehen wir unter dem Mittelstande“ etc... 1897, стр. 17—18.

²⁾ Хвала тому обитателю маленькаго городка, который соединяетъ сельскій и городской промыселъ. На немъ не тяготѣтъ толькъ гнетъ, тѣ тревоги, которые ограничиваютъ земледѣльца. Его не запутываютъ заботы, какъ горожанъ съ ихъ большими запросами къ жизни.

³⁾ J. G. Hoffmann, „Befugnis“, 214.

- 66 —
- 1) Оно создает особенные условия для конкуренции между капитализмом и старыми формами промышленной организацией.
 - 2) Оно является обстоятельством, устанавливающим самую тесную связь между эволюцией отношений в промышленности и развитием сельского хозяйства. В свое время мы обстоятельно поговорим обо всем этом.

Таково-то положение ремесленниковъ, которымъ удается найти какое-нибудь средство для пополнения убытковъ, причиненныхъ падениемъ ремесла.

Если же это не удается, то ремесленникъ попадаетъ въ положение, которое въ городахъ стало почти нормальнымъ или во всякомъ случаѣ очень обычнымъ: ремесленникъ бѣднѣетъ; онъ въ общемъ находитъ теперь меньше работы, его заработка, следовательно, становится меньше, его уровень жизни понижается. Существуетъ нѣсколько послѣдовательныхъ этаповъ въ этомъ процессѣ объединія, жертвами которого стало большинство ремесленниковъ.

Если въ ремесленномъ производствѣ работало нѣсколько человѣкъ, то прежде всего уменьшится количество этихъ работниковъ: первыми исчезнутъ помощники—сперва подмастерья, а за ними ученики. Въ мастерской становится пусто; наконецъ, мастеръ остается совершенно одинъ, между тѣмъ какъ раньше около него кипѣла работа многихъ трудолюбивыхъ подмастерьевъ и полныхъ надежды учениковъ. Или же молодой мастеръ, начинающий дѣло, заранѣе отказывается отъ найма подмастерьевъ, такъ какъ онъ не надѣется имѣть для нихъ достаточно работы. Въ обоихъ случаяхъ результатъ одинаковъ.

Уже въ то время, когда мастеръ, несмотря на возрастающую бѣдность, продолжаетъ нанимать помощниковъ, и посль того, какъ онъ разсчиталъ ихъ всѣхъ до послѣдняго, ему приходится возвѣщать уменьшеніе доходовъ отъ промысла сокращеніемъ расходовъ на свою личную жизнь и на семью: онъ начинаетъ экономить на самыхъ необходимыхъ вещахъ, а если работы становятся все меньше и приходится еще больше урѣзывать себя, то нужда свиваетъ себѣ прочное гнѣздо у его очага. Бѣдность охватываетъ мастера своимъ саваномъ и въ концѣ-концовъ гонитъ его къ дверямъ общеннаго управления, чтобы выпрашивать хлѣбъ, котораго онъ уже не въ состояніи заработать своими руками. Тогда долгій процессъ развитія достигаетъ своего завершенія¹⁾.

Мы никогда не сумѣемъ указать съ точностью, съ какой силой этотъ процессъ объединія захватываетъ отдѣльныхъ ремесленныхъ мастеровъ. Приходится довольствоваться результатами нашихъ собственныхъ и чужихъ наблюдений и отдѣльными симптоматическими признаками. Тому, кто часто имѣлъ случай входить въ соприкосновеніе съ ремесленниками, кто, напр., занимался благотворительностью, тому хорошо известна ужасающая быстрота ихъ объединенія.

1) Относительно прогрессирующего объединія широкихъ круговъ мелкихъ ремесленниковъ въ Австріи дается на основаніи подлинныхъ источниковъ много свѣдѣй Waenig. Ср., напр., стр. 336 и сл.

Мы располагаем статистикой доходовъ для отдельныхъ городовъ, какъ, напр., Лейпцига (U. VII, 703) и Эйслебена (U. IX, 346 f.); къ несчастію, она не допускаетъ никакихъ сравненій стъ тѣмъ, что было прежде, и, следовательно, какие бы то ни было выводы о процессѣ обѣднѣнія невозможны: въ лучшемъ случаѣ статистика доходовъ раскрываетъ передъ нами только картину современной бѣдности. Но я и вообще не склоненъ приписывать цифрамъ доходовъ слишкомъ большое значеніе: они показываютъ или весь доходъ (для Эйслебена), или по меньшей мѣрѣ весь доходъ отъ „промышленъ и торговли“ (для Лейпцига), — следовательно въ эти цифры входятъ и всѣ выѣремесленные доходы. Относительно доходности собственно ремесла статистика эта не даетъ намъ никакихъ указаний. Она, самое большее, показываетъ намъ, что даже побочные занятія въ „торговлѣ и промыслахъ“ не могутъ спасти большинства ремесленниковъ отъ превращенія въ пролетаріевъ.

Само собой понятно, что степень обѣднѣнія ремесленниковъ различна въ различныхъ отрасляхъ промышленности. Повидимому, въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ находятся повсюду ремесленники, занятые производствомъ пищевыхъ продуктовъ, въ особенности мясники; наоборотъ, хуже всего положеніе ремесленниковъ въ нѣкоторыхъ производствахъ предметовъ одежды, особенно положеніе сапожниковъ. Причина этого заключается отчасти въ различіи положенія самыхъ ремесль. Но и другие моменты могутъ также оказывать свое влияніе. Напр., число мясныхъ производствъ гораздо лучше приспособляется къ существующему спросу, чѣмъ число сапожныхъ производствъ, такъ какъ открытие мясной торговли требуетъ гораздо большихъ средствъ, а потому труднѣе и не можетъ быть такимъ частымъ явленіемъ, какъ открытие новыхъ мастерскихъ въ другихъ промыслахъ. Кроме того, по тѣмъ же причинамъ мясники и представители другихъ „дорогихъ“ ремесль располагаютъ болѣе значительными средствами, съ помощью которыхъ они могутъ покрывать временные недочеты въ доходахъ, и т. д.

Однимъ изъ лучшихъ показателей благосостоянія ремесленника, а также и относительного благосостоянія различныхъ ремесль служить то обстоятельство, держитъ ли ремесленникъ помощниковъ. Привожу для нѣкоторыхъ ремесель цифры, взятыя изъ профессіональной переписи 1895 года, и наряду съ ними для сравненія соответственныя данные статистики 1882 г. ¹⁾. На каждую 1.000 самостоятельныхъ приходилось помощниковъ:

	1882.	1895.
Пекари	467	428
Божевинки	445	466
Мясники	408	405
Обойщики	219	168
Передлетчики	217	215
Часовщики	173	175
Слесари	126	133
Шорники	112	107
Плотники	107	88
Малыры и штукатуры	102	92

¹⁾ Ср. P. Voigt, „Das deutsche Handwerk“ etc. Стр. 680 и сл.

Кузнецы, подковывающие лошадей . . .	98	90,7
Каменщики	88	72
Столяры	61	67
Портные	36,5	31
Сапожники	31,2	30,5.

Большая часть этихъ цифръ за періодъ съ 1882 по 1895 годъ понизилась; мы можемъ поэтому умозаключить, что благосостояние ремесленниковъ въ перечисленныхъ промыслахъ упало. Но и въ данномъ случаѣ могли оказать свое влияніе настолько многосложные обстоятельства, что мы не склонны приписывать числамъ слишкомъ высокую доказательность. Возможно, что колебанія цифръ для различныхъ ремесль до некоторой степени отражаютъ действительное положеніе отдельныхъ мастеровъ, но безъ дальнѣйшихъ доказательствъ и этого я не могу утверждать.

Тѣмъ не менѣе въ связи съ другими признаками эти цифры служать дополнительнымъ аргументомъ въ пользу того положенія, что чрезвычайные вспомогательные источники и побочные заработки не могутъ спасти огромную массу ремесленниковъ отъ болѣе или менѣе быстрого обѣдиненія.

Заключеніе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Вліяніе современного капиталистическаго развитія на переустройство общества.

Эволюція, обрисованная на предыдущих страницахъ, если посмотретьъ на нее съ точки зрѣнія всей общественной структуры, выражается, какъ этого можно ожидать заранѣе, въ полнѣйшей перестройкѣ всѣхъ отношеній между хозяйственными группами. Самое замѣчательное явленіе настоящаго времени — это сильное увеличеніе числа лицъ, занятыхъ въ промышленности, по отношенію ко всему населенію; 50 лѣтъ тому назадъ они не составляли и $\frac{1}{4}$ населенія, теперь же это отношеніе доходитъ до $\frac{2}{5}$. По даннымъ професіональной переписи 1895 года, все населеніе Германіи распадается на слѣдующія группы:

A) занимаются сельскимъ хозяйствомъ (а также лѣсостроительствомъ и рыболовствомъ)	18,50	милл.	= 35,7%
B) занимаются горнымъ дѣломъ и промышленностью	20,25	"	= 39,2%
C) " торговлей и транспортомъ	5,97	"	= 11,6%
D и E) " прочими промыслами	3,72	"	= 7,1%
F) безъ опредѣленныхъ занятій	3,33	"	= 6,4%.

Слѣдующія цифры еще яснѣе показываютъ, какъ быстро растетъ по отношенію ко всему населенію и обнаруживаетъ тенденцію къ дальнѣйшему возрастанію число лицъ, занятыхъ въ промышленности.

По даннымъ германскихъ промышленныхъ переписей 1882 и 1895 гг., въ промышленности, включая сюда горные и строительные промыслы, положеніе было таково:

Годы.	Главный производство.	Промышленный персоналъ.
1882	2.270.337	5.933.663
1895	2.146.672	8.000.503

Изъ каждой тысячи человѣкъ, занятыхъ промыслами вообще, отъ промышленного производства жило (по професіональнымъ переписямъ):

въ 1882 г.	836,9
" 1895 "	361,4.

Сопоставление цифръ, относящихся къ болѣе отдаленному времени (источники были указаны въ другой связи), съ цифрами послѣднихъ переписей даетъ намъ слѣдующую картину:

Одинъ занятый въ промышленности приходится

въ 1846 г. (королевство Пруссія).	на 12,2 жителей
„ 1858 „ „ „ „ „	10,3 „
„ 1871 „ „ „ „ „	9,3 „
„ 1882 „ (Германскія имперія)	7,6 „
„ 1895 „ „ „ „ „	6,5 „

Но почти невозможно установить даже съ приблизительной точностью то отношение, въ какомъ занятыя въ промышленности лица распредѣляются между ремесломъ и промышленнымъ капитализмомъ. Какъ известно, официальная статистика даетъ точныя свѣдѣнія только о размѣрахъ производства, но одно это слишкомъ мало говорить намъ о сущности хозяйственныхъ отношеній. И, съ другой стороны, повидимому, рѣшительно невозможно определить то отношеніе, въ которомъ общая сумма производства распредѣляется между ремесломъ и промышленнымъ капитализмомъ: какъ известно, величина производства ничего не говоритъ о томъ, насколько высока производительность труда лицъ, занятыхъ въ немъ.

Послѣ такихъ оговорокъ я сдѣлаю нѣкоторыя сопоставленія данныхъ, заимствованныхъ изъ матеріала новѣйшихъ германскихъ профессіональныхъ и промышленныхъ переписей. Только путемъ сопоставленій, думается мнѣ, мы и можемъ получить достаточно отчетливое представление о своеобразномъ характерѣ современныхъ промысловъ. Прежде всего я приведу данныя о числѣ лицъ, занятыхъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности или въ производствахъ такихъ размѣровъ, вполнѣ капиталистической характеръ которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію (см. таблицу на стр. 564).

Всѣ эти цифры обрисовываютъ намъ область, захваченную несомнѣнно капиталистической организаціей, поскольку она выступаетъ въ формѣ крупнаго общественного производства. Сюда же мы должны отнести безъ всякихъ колебаній тѣхъ рабочихъ домашней (кустарной) промышленности, которые и въ официальную перепись занесены какъ таковые.

Я ограничусь тѣмъ, что приведу данныя официальной статистики за 1895 годъ только для важнѣйшихъ отраслей домашней промышленности, т.-е. для промысловъ, въ которыхъ въ 1895 году оказалось болѣе 1.000 домашне-промышленныхъ производствъ въ каждомъ (см. таблицу на стр. 565).

Не было бы ничего ошибочнѣе, какъ зачислить въ ремесленники всѣхъ остальныхъ лицъ, занятыхъ въ промышленности. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ отрасляхъ промышленности, не упомянутыхъ въ нашей „таблицѣ фабрикъ“, перепись открыла такія производства (изпр., всѣ производства болѣе чѣмъ съ 20 или 50 занятymi лицами), которая даже по внѣшнимъ признакамъ слѣдуетъ отнести къ числу капиталистическихъ предпріятій. Мы со всевозможной рѣшительностью подчеркнемъ еще разъ, что даже тѣ цифры, которые опредѣляютъ число лицъ, занятыхъ въ мелкихъ производствахъ, при томъ въ сфере, принадлежавшей ранѣе ремеслу,—что даже онѣ не въ состояніи съ достаточнouю точностью отграничить область современнаго ремесла:

Важнейший отрасли крупной капиталистической промышленности.

ЧИСЛО ЗАМЕРЯХЪ ЛИНЪ.

ПРОМЫСЛЫ.	Число производствъ.	Число лицъ, занятыхъ въ главныхъ производствахъ.	Увеличение (+) или уменьшение (-) съ 1882 года.	
			Производствъ.	Лицъ.
Кузнечный	1.402	2.655	+ 1.394	+ 2.638
Слесарный	1.162	3.060	+ 1.126	+ 2.903
Кузнечно-инструментальный, точильный, настѣканіе напильниковъ	4.496	7.774	- 2.006	- 4.044
Каретный	1.005	1.541	+ 986	+ 1.519
Музыкально-инструментальный	2.727	3.686	+ 1.383	+ 1.955
Шелкопрядильный	1.242	1.858	- 2.037	- 2.922
Бумагопрядильный	1.432	1.298	- 4.067	- 3.645
Шелкоткацкій	15.428	18.905	- 20.000	- 34.381
Шерстоткацкій	19.767	27.871	+ 645	+ 4.022
Лыноткацкій	24.572	26.378	- 10.660	- 14.667
Бумаготкацкій	27.564	33.206	- 18.859	- 19.089
Тканье съѣшанныхъ матерій	12.667	17.317	- 5.811	- 4.805
Производство изъ гуттаперчи и волоса	2.163	1.341	+ 1.712	+ 899
Вязанье и тканье	23.957	27.760	- 7.026	- 12.768
Тамбурная работа и вышиванье	5.894	5.901	- 1.251	- 549
Кружевной промысел и блошвейново-вышивальныи	9.382	14.372	+ 2.091	+ 5.560
Фабрикація позументовъ	13.734	12.560	- 73	- 2.098
Шорный, включая производство игрушекъ изъ кожи	2.017	3.148	+ 1.104	+ 1.673
Производство грубыхъ деревянныхъ изделий	2.013	2.159	+ 530	+ 634
Столярный и паркетный	5.589	13.583	+ 3.934	+ 9.338
Корзиночный	5.586	8.379	+ 3.903	+ 6.007
Производство соломенныхъ шляпъ и плетение изъ соломы	2.233	2.141	- 4.185	- 2.836
Токарныхъ и рѣзныхъ работы	3.531	6.744	+ 1.805	+ 3.526
Табачный	9.730	15.343	+ 3.400	+ 6.949
Швейный (и снаряженіе куколь)	35.731	38.456	- 12.391	- 11.502
Портновскій	42.583	70.034	+ 17.268	+ 30.106
Конфекціонный	5.732	6.937	+ 382	+ 885
Модистки, производство искусственныхъ цветовъ	2.964	3.178	+ 376	+ 96
Перчаточныи и галстучный	5.154	5.429	- 4.087	- 3.653
Корсетный	1.403	1.226	+ 122	- 214
Сапожный	21.693	26.539	+ 7.099	+ 7.765
Прачечный	3.648	4.930	+ 1.353	+ 2.388
Итого домашне-промышленныхъ производствъ и рабочихъ	342.767	459.852	- 43.744	- 16.223

дѣло въ томъ, что и сюда попадаютъ чрезвычайно многочисленные элементы, уже давнымъ-давно захваченные капитализмомъ въ той или другой его формѣ. Какие выводы можно сдѣлать, если, напр., статистика 1895 года насчитывается въ Германії:

портныхъ одиночекъ, работающихъ безъ механическихъ двигателей	188.066
портныхъ въ другихъ производствахъ съ 1 рабочимъ и въ производствахъ съ 2—5 рабочими	188.162.
итого портныхъ въ „мелкихъ производствахъ“	376.228.

Значить ли это, что въ Германии еще 376.228 портныхъ существуютъ какъ ремесленники? Достаточно одного взгляда на наши источники, чтобы отклонить это предположеніе, какъ нелѣпое. Мы увидимъ тогда, что статистика включила въ этотъ разрядъ и тѣхъ портныхъ, которые когда-были самостоятельными мастерами и подмастерьями, а теперь работаютъ на капиталистическихъ предпринимателей. Тогда мы поймемъ, почему во всей Германской имперіи насчитывается только 70.034 портныхъ, работающихъ въ качествѣ „домашнихъ промышленниковъ“, тогда какъ, по всей вѣроятности, только Берлинъ и Бреславль, вмѣстѣ взятые, дадутъ не меньшую цифру подобныхъ портныхъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній я дамъ сейчасъ сводную таблицу, въ которой приведены важнѣйшия отрасли прежняго ремесла и число лицъ, занятыхъ въ этихъ отрасляхъ. Какъ уже сказано выше, нельзя точно опредѣлить, какая именно часть приводимыхъ цифръ приходится на долю собственно ремесла. Если бы мы допустили, что въ приведенныхъ отрасляхъ промышленности въ производства больше чѣмъ съ пятью лицами входитъ какъ разъ столько же собственно ремесленниковъ, сколько входитъ наемныхъ рабочихъ въ производства менѣе чѣмъ съ 5 лицами, тогда число лицъ, занятыхъ въ производствахъ послѣдняго рода, могло бы служить для насъ показателемъ современной численности ремесленниковъ. На основаніи этого, во всякомъ случаѣ гадательного, расчета мы опредѣлили бы круглымъ счетомъ въ два миллиона число лицъ, занятыхъ промыслами въ ремеслѣ; имъ противостояло бы тогда, тоже круглымъ счетомъ, шесть миллионовъ лицъ, занятыхъ въ сфере промышленного капитализма (см. таблицу на стр. 567).

Изъ приведенныхъ до сихъ порь цифръ ясно видно, что ремесленная часть населенія количественно сильно уменьшилась противъ прежнаго времени; уже одно это приводить насъ къ тому выводу, что значеніе ремесленниковъ, какъ соціального класса, падаетъ. Этотъ выводъ подкрѣпляется сравненіемъ цифръ, относящихъ къ различнымъ эпохамъ и выражающіхъ отношеніе числа самостоятельныхъ ремесленныхъ мастеровъ ко всему населенію или къ той его части, которая занята въ промышленности.

Если мы подсчитаемъ членовъ семействъ у мастеровъ, вошедшихъ въ прусскія таблицы ремесленниковъ 1849 и 1861 года, и положимъ въ основу расчетовъ то же отношеніе, которое намъ дала профессіональная перепись 1895 г., т.-е. 2,05 : 1, то мы найдемъ, что ремесленные мастера съ ихъ семьями составляли по отношенію ко всему населенію Пруссіи

въ 1849 г.	10%
„ 1861 „	8,8%.

Между тѣмъ „самостоятельные“ вмѣстѣ съ ихъ семьями, извлеченные П. Фойгтомъ¹⁾ изъ послѣдней профессіональной переписи, какъ ремесленные мастера, даютъ отношеніе ко всему населенію Германской имперіи

въ 1895 г.	7,6%.
--------------------	-------

1) P. Voigt, „Das deutsche Handwerk“ etc., стр. 635 и сл.

Важнѣйшія отрасли старого ремесла.

Отрасли промышленности.	Всего (самостоятельныхъ ремесленниковъ и помощниковъ).		Самостоятельныхъ ремесленниковъ, работающихъ въ одиночку безъ меха- ническихъ двига- телей.		Въ другихъ произ- водствахъ съ 1 ав- томобилемъ и въ произ- водствахъ съ 2—5 лицами.		
	1882	1895	1882	1895	1882	1895	
Мѣдники	9.555	10.596	1.422	1.216	5.497	5.106	
Жестянщики	37.364	49.953	7.561	8.172	26.040	31.269	
Кузнцы	140.155	142.351	27.134	22.231	108.004	112.050	
Слесаря	66.630	104.905	9.110	7.112	41.891	43.882	
Каретники	71.666	73.612	25.617	23.126	44.218	45.195	
Часовщики	26.517	33.388	8.518	10.296	12.504	13.649	
Канатчики	16.639	17.464	4.938	3.677	7.850	5.991	
Перецетчики	42.732	49.771	5.616	5.244	16.442	15.157	
Кожевники	44.594	43.969	3.031	2.016	17.188	10.073	
Шорники	54.034	63.670	14.611	14.538	31.782	35.114	
Столяры	231.302	299.195	62.649	53.465	128.929	140.404	
Бонзари	51.732	43.006	21.773	15.118	25.045	20.535	
Корзивочники	32.447	37.614	16.421	16.207	13.209	15.465	
Токари	отдельно не сочтены		24.392	11.951	7.006	18.809	12.143
Пекари и кондитеры	176.637	261.916	26.442	19.315	132.282	188.732	
Мясники	123.743	178.873	26.668	24.109	89.199	126.216	
Портные	324.241	445.348	154.571	188.066	141.822	188.162	
Скорняки	13.546	14.487	4.144	3.658	7.221	5.478	
Сапожники	404.278	388.447	163.182	169.434	208.994	158.740	
Каменщики	202.929	284.265	29.079	37.442	44.793	36.593	
Плотники	114.329	133.322	17.102	20.664	37.660	32.696	
Стекольщики	18.417	20.025	7.686	5.924	9.828	11.547	
Маляры	71.449	117.016	15.460	18.175	39.361	51.355	
Кровельщики	23.837	32.108	7.457	7.779	11.947	13.228	
Мостовщики	10.478	20.398	1.863	1.869	3.417	2.664	
Итого	2.309.242	2.890.090	674.006	685.859	1.223.932	1.321.444	
Процентное отношеніе къ общему числу заня- тыхъ въ этихъ отрасляхъ.	—	—	29,3%	23,7%	53,2%	45,7%	

Но, какъ уже было сказано, это—вычисленія очень неточные, такъ какъ въ 1895 году въ число „самостоятельныхъ“ включены многочисленныe предприниматели; само собою разумѣется, не свободень отъ ошибокъ и выборъ промысловъ, претендующихъ на „ремесленность“. Однако эти цифры приобрѣтутъ для насъ большую цѣнность, если мы сопоставимъ ихъ съ иѣсколькоѣ более надежными цифрами „Verhältnisse“, уже приведенными выше. Тогда мы найдемъ, что онѣ вполнѣ подтверждаютъ только что высказанное положеніе: ремесленный классъ значительно уменьшился сравнительно съ общей цифрой населенія имперіи.

Однако слѣдуетъ помнить, что мы не получимъ правильнаго представления о значеніи ремесленниковъ, какъ соціального класса, если будемъ сравнивать общее число ремесленныхъ мастеровъ и членовъ ихъ семействъ въ цѣлой имперіи, т.-е. въ городахъ и деревняхъ, съ общей цифрой населенія Германіи. Въ дѣйствительности только города и представляютъ то мѣсто, гдѣ

настоящее ремесло чувствует себя какъ дома. Въ деревнѣ ремесленное сословіе, какъ самостоятельный соціальный классъ, исчезаетъ и поглощается тѣми слоями сельскаго населенія, къ которымъ оно примыкаетъ по характеру своихъ доходовъ. Только въ городахъ пріобрѣтаетъ оно значеніе самостоятельнаго общественнаго класса съ рѣзко выраженными особенностями. Поэтому, чтобы вѣрно оцѣнить даже чисто количественное значеніе ремесленниковъ, какъ соціального класса, необходимо сравнить число ихъ въ городахъ съ общей цифрой городскаго населенія.

Данныя „Erhebungen“ позволяютъ намъ сдѣлать это для 1895 года. Чтобы получить сравнимыя данные для половины XIX столѣтія, мы можемъ сопоставить число городскихъ ремесленныхъ мастеровъ, взятое изъ прусскихъ списковъ ремесленниковъ за 1849 годъ, съ количествомъ городскаго населенія Пруссіи въ то время¹⁾). Тогда мы получимъ слѣдующіе результаты: въ городахъ на 1.000 жителей приходилось ремесленныхъ мастеровъ:

въ 1849 г.	56,5
„ 1895 г.	27,1,

или, увеличивая оба числа на 2,05-кратную величину, получимъ, что на 1.000 жителей въ городахъ къ классу самостоятельныхъ ремесленниковъ принадлежало:

въ 1849 г.	172,6
„ 1895 г.	82,6.

Это—уже результаты, несравненно болѣе важные, чѣмъ тѣ, которые получены выше. Мы видимъ, что численность класса ремесленныхъ мастеровъ (безъ помощниковъ) по отношенію ко всему населенію городовъ, тѣдѣ этотъ классъ только и обнаруживаетъ самостоятельную жизнь, съ половины XIX столѣтія упала приблизительно съ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{12}$.

Но соціальное значеніе ремесла, очевидно, упало еще болѣе, чѣмъ показываютъ эти чисто количественные данные. Само собой понятно, что положеніе и роль какого-нибудь класса зависитъ не только отъ его численности, но въ значительной степени и отъ цѣлаго ряда другихъ моментовъ: прежде всего отъ его экономического положенія, отъ характера доходовъ, отъ его участія въ умственной жизни страны и т. д. Несомнѣнно, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ положеніе ремесленника не улучшилось по сравненію съ другими классами населенія. Всѣ симптомы говорятъ за то, что благосостояніе и жизнеспособность ремесленниковъ уменьшаются или, по меньшей мѣрѣ, не возрастаютъ; напротивъ, богатство и могущество другихъ слоевъ населенія, которые въ нашихъ глазахъ являются носителями развивающихся хозяйственныхъ системъ, несомнѣнно, все увеличивается. Приблизительно такое же положеніе, какое занимаютъ теперь юнкеры (помѣщики) по отношенію къ буржуазіи, ремесленники занимаютъ по отношенію къ многочисленнымъ представителямъ среднихъ слоевъ населенія, судьба которыхъ связана съ капитали-

1) Согласно этимъ спискамъ, въ городахъ, населеніе которыхъ въ декабрѣ 1849 года составляло 4.565.869 челов., находилось 251.850 ремесленныхъ мастеровъ, не считая музыкантовъ и т. д. Ср. уп. Реден, I. e., 1, 40.

стической системой хозяйства. Я имѣю въ виду многочисленныхъ трактирщиковъ, торговцевъ, высшихъ служащихъ капиталистическихъ предпрѣятій вилють до приказчика и завѣдующаго мастерской, агентовъ, коммивояжеровъ и т. п. Въ то же время повышается уровень благосостоянія и чиновничества, непрерывно возрастающаго въ своей численности: секретари, народные учителя и т. п., которые раньше получали приблизительно такой же доходъ, какъ и ремесленники, получаютъ теперь все больше и больше. Поэтому, если бы даже ремесленники удержались на прежнемъ уровнеѣ благосостоянія—а по всѣмъ признакамъ онъ даже понизился,—ихъ положеніе въ обществѣ и тогда неизбѣжно измѣнилось бы къ худшему: ремесленники не только стали малочисленнѣе, но и оставшіеся потеряли въ своемъ вѣсѣ и значеніи. Яснѣе всего заимѣты эти перетасовки въ городахъ средней величины, гдѣ „верхняя десять тысячъ“ и собственно фабричные рабочіе еще не играютъ выдающейся роли. Это можетъ подтвердить всякий, кому известны по собственному опыту условія, сложившіяся въ мелкихъ и среднихъ городахъ. Въ нашихъ изслѣдованіяхъ о положеніи ремесла также имѣются два очень живыхъ описанія этого процесса деклассированія ремесла; относятся они къ Эйслебену и Зальцведелю, т.-е. какъ разъ къ двумъ наиболѣе интереснымъ типамъ городовъ: къ небольшому городу средней величины (Эйслебенъ въ 1894 году имѣлъ 22.865 жителей) и къ сравнительно крупному городу изъ разряда мелкихъ (въ Зальцведель въ 1894 году было 9.059 жителей).

Объ Эйслебенѣ говорится между прочимъ слѣдующее: „Раньше ремесло господствовало надъ всею городской жизнью и оказывало рѣшающее вліяніе на соціальное разслоеніе городского населения; теперь это миновало безслѣдно“. „Когда-то многочисленное ремесленное сословіе имѣть теперь лишь немногихъ представителей: при 500 ремесленныхъ мастеровъ (съ членами ихъ семействъ) оно составляетъ едва одну десятую всего населенія. Только часть мастеровъ принадлежитъ по размѣрамъ доходовъ къ среднему сословію, которое составляетъ главнымъ образомъ изъ купцовъ, государственныхъ и городскихъ чиновниковъ, служащихъ въ профессиональныхъ союзахъ, нѣсколькихъ врачей, адвокатовъ, садовниковъ и многочисленныхъ учителей“. „Учителя и чиновничество даютъ среднему сословію вдвое болѣе членовъ, чѣмъ ремесленники“ (U. IX, 375, 277, 351).

Пожалуй, еще яснѣе обрисовывается этотъ процессъ перегруппировки въ изображеніи классовыхъ отношеній въ Зальцведель. „Прежде мастера причислялись къ наиболѣе уважаемымъ и почетнымъ семействамъ города, всѣ цѣнили ихъ какъ почтенныхъ людей; на улицѣ ихъ привѣтствовалъ каждый. Теперь жестьянныхъ дѣлъ мастера не знаетъ никто, за исключеніемъ его заказчиковъ. Изъ положенія гражданъ, пользовавшихся одинаковымъ уваженіемъ на ряду съ лучшими людьми, опустились они до положенія никому неизвѣстныхъ рабочихъ, на которыхъ никто не обращаетъ вниманія. Отчасти это объясняется тѣмъ, что теперешніе мѣстные жестьянники ведутъ свое происхожденіе не отъ здѣшнихъ старинныхъ семействъ; но это въ свою очередь служить показателемъ того, что наше ремесло упало настолько, что старыя бургерскія семьи отвернулись отъ него и предоставили его пришельцамъ. Почти всѣхъ ремесленниковъ города захватило такое соціальное паденіе ре-

месла: значеніе ремесленниковъ упало, а на ихъ плечахъ поднялись купцы, которые прежде едва могли равняться съ ними; поэтому купцы, пивовары, иѣсколько фабрикантовъ, врачи, учителя гимназіи и другихъ учебныхъ заведений образуютъ въ настоящее время первый классъ общества; за ними слѣдуютъ мелкіе служащіе на почтѣ, въ судѣ, торговые служащіе и т. д., и лишь третій слой, почти не приходящій въ соприкосновеніе съ первыми двумя, состоитъ изъ ремесленниковъ" (U. I, 155).

Интересно также прослѣдить, въ какой мѣрѣ интеллигентія страны выходитъ изъ ремесленного сословія. Мы располагаемъ цѣнными указаніями по этому вопросу все въ томъ же отчетѣ о положеніи ремесла въ Эйслебенѣ (U. IX, 351). Тамъ сообщаются данные о числѣ сыновей ремесленниковъ, которые поступили въ эйслебенскую гимназію за періодъ времени отъ 1878 по 1896 годъ. Изъ 664—общаго числа учениковъ—ихъ было только 43, т.-е. 6,4%. И притомъ—что еще важнѣе—процентъ дѣтей ремесленниковъ постоянно уменьшался. По отношенію къ числу всѣхъ учениковъ, принятыхъ въ гимназію, сыновья ремесленниковъ составляли:

1873—83	8,2%
1884—89	6,1%
1890—96	4,8%.

Къ подобнымъ же результатамъ пришелъ недавно Бернгардъ Гармъ съ въ своемъ изслѣдованіи, опирающемся на широко задуманную анкету¹⁾. Гармъ разослалъ вопросные листы приблизительно по 600 среднихъ учебныхъ заведеній (т.-е. такихъ, которые даютъ право окончившему курсъ отбывать воинскую повинность вольноопредѣляющимся въ теченіе одного года) въ Пруссіи и Вюртембергѣ; изъ нихъ отвѣтили 330 школъ. Согласно полученнымъ свѣдѣніямъ, въ Пруссіи изъ 143.135 учениковъ среднихъ школъ было 15.665 „сыновей ремесленниковъ“ (10,5%), въ Вюртембергѣ же изъ 9.668 учениковъ ихъ было 1.991 (20,6%). Но больше всего настъ интересуетъ то обстоятельство, что въ обѣихъ странахъ этотъ процентъ сильно понизился. Съ 1876—80 года по 1896—1900 годъ произошло увеличеніе

	Въ Пруссіи.	Въ Вюртембергѣ.
числа учащихся сыновей ремесленниковъ на 23,4%		35,3%
„ другихъ учащихся	41,5%	62,5%.

Процентъ сыновей ремесленниковъ понизился за этотъ промежутокъ времени въ Пруссіи съ 11,8% до 10,7%, а въ Вюртембергѣ съ 21,5% до 18,5%. Относительно Пруссіи для иѣкоторыхъ „ремесль“ были сообщены отдельныя данные. Оказывается, что отношеніе числа сыновей ремесленниковъ къ общему числу учениковъ повысилось у книгопечатниковъ, портныхъ, слесарей, мальцовъ, столяровъ и у мясниковъ. Нетрудно видѣть, что какъ разъ въ этихъ промыслахъ мы зачастую имѣемъ дѣло съ сыновьями мелко-капиталистическихъ предпринимателей; именно относительно этихъ профессій еще часто употребляется старое название ремесленный мастеръ (въ противоположность

1) Bernhard Harns, „Handwerkssöhne an höheren Lehranstalten“, въ „Jahrbüchern für Nat. Oek.“, III. F. 21 (1901), 215 ff.

названію фабриканть), хотя бы рѣчь шла о предпріятіи, въ которое вложенъ крупный капиталъ. Если мы обратимъ внимание на это обстоятельство, то цифры анкеты Гармса приобрѣтутъ еще большее значеніе. Онъ тогда покажутъ намъ, что участіе настоящаго ремесла въ руководительствѣ духовною жизнью націи упало несравненно больше, чѣмъ это выражаютъ приведенные выше общія цифры.

Эта картина, нарисованная на основаніи отдѣльныхъ наблюденій, находить полное подтвержденіе въ данныхъ профессіональной переписи 1895 года. Она обнаруживаетъ громадное увеличеніе всѣхъ тѣхъ элементовъ населенія, которые по своему общественному значенію и уровню благосостоянія призваны занять мѣсто деклассированныхъ ремесленниковъ. Число самостоятельныхъ лицъ, занимающихся промыслами, равное въ 1882 году 2.201.146, въ 1895 году понизилось до 2.061.870; число самостоятельныхъ ремесленниковъ, входящихъ сюда же, разумѣется, понизилось еще сильнѣе. Въ то же время значительно возросла численность лицъ слѣдующихъ категорій:

	1882 г.	1895 г.
Низшіе государственные и коммунальные чиновники .	119.735	175.056
Учителя всѣхъ родовъ; въ томъ числѣ главныиѣ обра- зомъ народные учителя	167.930	218.009
Высшіе служащиѣ въ горномъ и строительномъ дѣлѣ и въ промышленности (категорія лицъ b)	99.076	263.747
Служащиѣ въ торговлѣ и въ транспортѣ (категорія лицъ b)	141.548	261.907
Самостоятельные хозяева	<u>143.375</u>	<u>175.712</u>
	671.664	1.094.431

Но мнѣ кажется, что гораздо важнѣе всѣхъ этихъ частныхъ фактовъ то обстоятельство, что ремесло вообще разлагается, какъ самостоятельный соціальный классъ. Конечно, шумиха фразъ, производимая крикунами на конгрессахъ ремесленниковъ, не введетъ насъ въ заблужденіе относительно истиннаго положенія дѣль¹⁾). Правда, мы пока что имѣемъ дѣло не съ завершившимся фактъмъ, а лишь съ первыми симптомами начинаяющагося разложения специфически-ремесленного классового самосознанія. Но они указываютъ, несомнѣнно, на все возрастающую тенденцію, и потому изслѣ-

1) Одна изъ многочисленныхъ заслугъ книги Waentig'a заключается въ томъ, что она документально и статистически раскрываетъ несоответствіе между вышнѣстѣю движенія ремесленниковъ, судя по которой это—какъ будто полное спы массовое движение съ богатыми перспективами, и между его внутреннимъ безспилемъ и ничтожествомъ. Къ Германіи, не менѣе чѣмъ къ Австріи, подходитъ то, что авторъ излагаетъ на стр. 168, какъ общий выводъ изъ своихъ изслѣдований: „...ни по своей широтѣ, ни по своей интенсивности... движение ремесленниковъ въ его новѣйшей фазѣ не можетъ претендовать на значеніе серьезнаго соціально-политического фактора. Нечего также утѣшать себя, будто это лишь скромное начало дѣла, которое широко разовьется въ будущемъ. То, что мы наблюдали въ немъ въ послѣднее время, были не первые бурные, неизбѣжные порывы стремящагося впередъ класса, у котораго избытокъ жизненной силы лѣтѣтъ черезъ край, но послѣднія конвульсивныиы судороги умирающаго старческаго организма, извивающагося въ борьбѣ съ смертью. Здѣсь сошлись старчески-дряхлые, болѣзнейные, хилые люди, а люди юношески-бодрые, здоровые, сильные и полные надеждъ на будущее, хотя и числится въ ремеслѣ, держатся далеко отъ этого движения (сравн. нѣсколькими страницами ниже изложеніе моихъ взглѣдѣй, отчасти отличающихся отъ этихъ). Они имѣютъ другіе, новые идеалы“...

дователь социальныхъ явленийъ долженъ добросовѣстно зарегистрировать ихъ. Однако и въ этомъ случаѣ я склоненъ отвести особое мѣсто сельскому ремеслу, по крайней мѣрѣ поскольку оно находится въ органической связи съ земледѣльемъ. Въ средѣ сельскихъ ремесленниковъ вообще никогда не пробуждалось самостоятельного классового сознанія, благодаря ли растительному характеру его прозябанія виѣ городской, а слѣдовательно, и вообще виѣ культурной жизни, или же благодаря гермафродитности, промежуточности его интересовъ. Поэтому въ деревнѣ не можетъ быть и рѣчи о перемѣнахъ въ классовомъ сознаніи ремесленниковъ. Я думаю, что эволюція деревенскихъ ремесленниковъ, какъ социальной группы, имѣющей особые интересы, тѣснѣйшимъ образомъ связана съ судьбой мелко-крестьянского деревенского населенія. Если послѣднему суждено вступить на путь аграрно-революціонного движения, то сельские ремесленники, составляя въ деревнѣ болѣе интеллигентный слой, окажутся призванными къ тому, чтобы взять на себя роль воожаковъ, подобно лавочникамъ въ мелко-буржуазныхъ и рабочихъ движеніяхъ.

Мы должны направить свое вниманіе исключительно на явленія, совершающіяся въ сферѣ настоящаго, т.-е. городского ремесла. Здѣсь, по мѣрѣ того какъ разлагается и исчезаетъ организація ремесла, исчезаетъ старое, общее всѣмъ ремесленникамъ, классовое самосознаніе.

Прежняя общность интересовъ между мастерами и ихъ помощниками—подмастерьями и учениками—теперь совершенно исчезла. Въ большихъ городахъ она, какъ мы видѣли, начинаетъ колебаться уже съ половины XIX столѣтія. Теперь даже въ маленькихъ городахъ становятся чрезвычайно рѣдкими случаи, когда подмастерье живетъ у мастера и отъ него же получаетъ продовольствіе. Исключение составляютъ только нѣкоторые промыслы, какъ, напримѣръ, мясниковъ, пекарей, парикмахеровъ, где совмѣстная жизнь необходима по самой технике дѣла. Однако въ деревняхъ и посадахъ эта обычай, повидимому, еще очень распространенъ. О разложеніи патріархальныхъ отношеній сообщаютъ изъ Альтона и ея окрестностей (U. I, 26), Познани (I, 92), Гены (IX, 13, 38, 61, 86). Въ большинствѣ случаевъ авторы сообщеній, несомнѣнно, не сочли нужнымъ особо упоминать о томъ, что разложеніе—уже совершившійся фактъ. Напротивъ, мы обыкновенно встрѣчаемъ каждый разъ особое упоминаніе о тѣхъ случаяхъ, когда старая отношенія еще сохраняются ¹⁾). Но то, что осталось, представляеть дряхлое тѣло, отъ

1) Привожу списокъ подобныхъ мѣсть въ „Untersuchungen“, такъ какъ въ указатель не вошло соотвѣтствующее слово. Сапожники въ Лойцѣ (I, 41), они же въ городахъ Драмбургѣ и его округѣ (I, 58), тамъ же кузнецы (IV, 150), они же въ Лебау (IV, 200), столяры въ Конинѣ (IV, 172), въ Шпревальдѣ (VII, 512). Почти всѣ ремесленники въ Накехѣ (IV, 205), въ Галенцѣ (V, 17), въ Deutsch-Lissa (IX, 492, 497, 503). Согласно анкетѣ, выполненной комиссией по статистикѣ труда, въ Берлинѣ еще 91,5% всѣхъ буточниковъ-подмастерьевъ и учениковъ живетъ у мастеровъ („Erhebungen“, I, 54). Среди мюнхенскихъ парикмахеровъ 54% живутъ на такъ называемомъ „половинномъ содержаніи“, то-есть имѣютъ отъ мастера квартиру, кофе утромъ, обѣдъ, а иногда и послѣбѣдный кофе; 27% получаютъ полное содержаніе; исключительно денежное жалованіе получаютъ только 13%. Всѣ эти свѣдѣнія относятся къ 149 подмастерьямъ изъ 458, живущихъ въ Мюнхенѣ. Ср. Paul Sander, „Die Lage des Barbier- und Friesurgewerbes, auf Grund einer in München veranstalteten Umfrage dargestellt“ (1898), 44—45.

котораго давно отлетѣль духъ жизни. Объ истинной общности труда и интересовъ между мастерами и подмастерьями мы нигдѣ ничего не слышимъ. Такое положеніе дѣлъ вполнѣ понятно въ большихъ городахъ, но даже и въ мелкихъ городахъ взаимная—скажемъ прямо—ненависть обѣихъ сторонъ дошла до крайняго напряженія. Со всѣхъ сторонъ имперіи несутся жалобы мастеровъ, что рабочіе никуда не годятся, что подмастерья работаютъ мало и плохо, а платы требуютъ много, что они отличаются строптивостью. Зачастую мастера сами стремятся къ уничтоженію старыхъ отношеній общности съ подмастерьями: внѣшняя форма стала невыносимымъ бременемъ съ тѣхъ поръ, какъ содержаніе измѣнилось ¹⁾). На мѣсто регулируемой патріархальнымъ обычаемъ общей работы все рѣшительнѣе выступаетъ договорное отношеніе между капиталистомъ и пролетариемъ. Поурочная плата—эта характерная форма современныхъ чисто дѣловыхъ отношеній—становится общимъ правиломъ и въ области ремесла. Всльдъ за этими перемѣнами въ отношеніяхъ между мастерами и подмастерьями выступаютъ и всѣ специфическія явленія, которыя характеризуютъ условія жизни наемнаго рабочаго-пролетарія: тенденція къ уменьшенію заработной платы, къ удлиненію рабочаго времени, къ эксплуатациіи дѣтскаго труда и т. п. ²⁾). Но здѣсь все это, если возможно, проявляется съ еще большою интенсивностью, чѣмъ въ большинствѣ крупныхъ производствъ, такъ какъ нужда ремесленныхъ мастеровъ несравненно сильнѣе. Старыя отношенія мастера къ ученику совершенно разрушены; всѣ соображенія единогласно и въ высшей степени неодобрительно отзываются о томъ, какъ мастера обращаются съ учениками и обучаютъ ихъ. Такимъ образомъ рабочіе прежде всего освобождаются—если только они уже не освободились—отъ старого класса и группируются вокругъ новыхъ идеаловъ. Что идеалы эти—общепролетарскіе, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Уже въ настоящее время переходъ изъ ремесленной мастерской въ мастерскую капиталистического предпринимателя представляется во многихъ промыслахъ обыденное явленіе для подмастерьевъ. Точно такъ же нерѣдко приходится иметь совершать и обратные переходы: слесарь, столяръ, сапожникъ, кожевникъ, строительный ремесленникъ, бондарь и многіе другіе работаютъ сегодня въ области ремесла, а завтра переходятъ въ капиталистическое предпріятіе. Нѣть поэтому ничего удивительного, что у нихъ вырабатывается общее классовое сознаніе—пролетарское классовое сознаніе, гдѣ бы они ни работали въ данный моментъ. Именно этихъ людей мы часто можемъ наблюдать во главѣ рабочаго движенія, настолько часто, что нѣкоторые ³⁾ склонны приписать этому движенію наполовину ремесленный характеръ, тогда какъ было бы правильнѣе сдѣлать

1) Ср., напримѣръ, интересная свѣдѣнія о Грацѣ: UOe., 307.

2) Ср. U. Index, подъ заголовкомъ „Arbeiterverhltnisse“, а также книгу 3-ю второго тома нашей работы. Особенно богатымъ материаломъ для освѣщенія этого вопроса располагаемъ мы относительно Австріи: ср., напримѣръ, B. E. Mischler, „Die österreichische Gewerbeinspektion“ etc., въ Brauns Archiv, Bd VI (1893), S. 472, 475, 478, 479, 482, 483, 485, 486. Здѣсь превосходно выяснено, что ремесло связано для рабочаго со всѣми темными сторонами капиталистического режима,—только въ еще большей степени. Недавно къ совершенно такому же выводу пришелъ Waentig (цит. соч., стр. 230 и сл.), значительно расширившій материалъ доказательствъ.

3) K. Oldenbergs, „Arbeitseinstellungen“, H. St., Suppl I.

тотъ выводъ, что подмастерья совершенно вовлечены въ современное пролетарское движение.

Но процессъ разложения ремесла, какъ соціального класса, не остановился на обособлениі подмастерьевъ отъ мастеровъ: онъ проникъ въ ряды самихъ ремесленныхъ мастеровъ. И уже неоднократно указывалъ, какъ въ связи съ измѣненіями величины производства находитъ осуществление постоянная тенденція къ диференціаціи: крупные производства становятся крупнѣе, а мелкія мельче, пока, наконецъ не превращаются въ одиночные производства. Мы видѣли, что этотъ процессъ зашелъ довольно далеко уже въ половинѣ XIX столѣтія; какъ показываютъ другія приведенные выше цифры, съ той поры этотъ процессъ не остановился на мѣстѣ. Но то, что прежде представляло только чисто количественное различие въ предѣлахъ одного и того же класса, теперь во многихъ случаяхъ превратилось въ качественное различіе. Этотъ процессъ привелъ къ разрушению общности интересовъ и классового сознанія самихъ мастеровъ. Съ одной стороны, надѣять старымъ классомъ ремесленниковъ возвышается все большее число крупныхъ, „капиталистическихъ“ мастеровъ, которые одной ногой стоять уже въ рядахъ буржуазіи и интересы которыхъ все болѣе расходятся съ интересами ихъ прежнихъ сотоварищъ по ремеслу, сливаясь съ интересами капиталистическихъ предпринимателей. Въ то же время низшіе слои ремесленниковъ все болѣе отчуждаются отъ своего класса и сближаются съ наемными рабочими въ ремеслѣ и капиталистической предпріятіи, то-есть проникаются интересами пролетаріата, какъ класса. Уже теперь большую часть обѣдневшихъ мастеровъ-одиночекъ въ городахъ мы должны причислить скорѣе къ пролетаріату, чѣмъ къ ремесленникамъ.

Такимъ образомъ на мѣстѣ старого ремесла стоять теперь три различные группы:

- 1) мелкие мастера, мастера-одиночки и подмастерья—всѣ они переходятъ въ ряды пролетаріата;
- 2) немногіе крупные мастера, которымъ удалось освободиться отъ ремесленной бѣдности и которые стремятся сдѣлаться предпринимателями. Это—прозелиты буржуазіи;
- 3) остатокъ—это мастера, которые еще сознаютъ себѣ ремесленниками и выставляютъ требования какъ ремесленники. Они еще достаточно сильны для того, чтобы противостоять переходу въ ряды пролетаріата, но уже недостаточно сильны для того, подняться выше.

Число этихъ послѣднихъ все уменьшается по мѣрѣ того, какъ суживается производственная сфера ремесла, возрастаетъ бѣдность ремесленниковъ и подвигается впередъ процессъ диференціаціи производства. Поэтому нельзя считать скроютымъ и蔼ль заключительный выводъ: ремесло, какъ соціальный классъ, вообще близко отъ окончательного разложения.

Невозможно, конечно, обосновать правильность этихъ выводовъ точными доказательствами: адѣсь приходится принять въ соображеніе многія невѣсомыя вещи, которыхъ не допускаютъ числового выраженія; многое можетъ быть доказано лишь дедуктивно,—для понимающаго человѣка, вѣтати сказать,

такое доказательство отнюдь не менѣе убѣдительно. Тѣмъ не менѣе въ подкрайніе моего взгляда я приведу еще нѣсколько отзывовъ. О сапожникахъ Альтоны и ея окрестностей сообщаютъ: „Между мелкимъ мастеромъ и подмастерьями, экономическое положеніе которыхъ въ сущности одинаково печально, часто развивается чувство солидарности; а въ политической борьбѣ бѣдные ремесленники чаще, чѣмъ это предполагаютъ, стоять въ рядахъ рабочихъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ довѣреннымъ лицомъ¹⁾ соціалъ-демократической партіи былъ уважаемый мастеръ сапожного цеха; главный мастеръ другого цеха заявилъ открыто о своемъ согласіи съ соціалъ-демократическими разсужденіями своего подмастерья“.—Число такихъ примѣровъ можно бы увеличить (U. I, 29).

„Въ Эйслебенѣ громадное большинство кузнецовъ нельзя уже считать самостоятельными ремесленниками. Часто они и сами не причисляютъ себя къ таковымъ, устраниются отъ всѣхъ ремесленныхъ демонстрацій и чувствуютъ себя солидарными съ остальнымъ пролетариатомъ. Соціалъ-демократическое движение въ Эйслебенѣ опирается главнымъ образомъ на мелкихъ мастеровъ и подмастерьевъ портняжного ремесла“ (U. IX, 304—305).

Таково мнѣніе лучшихъ знатоковъ дѣла. Легинъ, предсѣдатель генеральной комиссіи професіональныхъ союзовъ Германіи, отвѣчая на мой вопросъ по этому поводу, писалъ мнѣ слѣдующее: „Значительное число мелкихъ ремесленныхъ мастеровъ состоять подписчиками газетъ, которыя издаются професіональными союзами и редактируются совершенно въ пролетарскомъ духѣ. Во многихъ професіональныхъ союзахъ мелкие ремесленные мастера состоять членами на ряду съ рабочими, и—какъ я это самъ наблюдалъ—на ряду со своими рабочими, хотя професіональный союзъ не даетъ имъ никакихъ выгодъ. Слѣдовательно, дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы засвидѣтельствовать о своей принадлежности къ пролетариату. Въ нѣкоторыхъ професіональныхъ союзахъ работодатели состоять даже должностными лицами. Особенно часто въ кассахъ на случай болѣзни... въ такихъ положеніяхъ встречаются ремесленные мастера. Наблюденія, которыя лично сдѣланы мною во многихъ городахъ Германіи, когда я работалъ въ своемъ промыслѣ (токарномъ), убеждаютъ меня, что значительное число мелкихъ ремесленныхъ мастеровъ открыто заявляетъ о своей принадлежности къ пролетариату“.

Измѣненіе классовой точки зрѣнія мелкихъ мастеровъ выражается также въ томъ, что въ настоящее время они ведутъ иногда борьбу противъ капитала сообща съ подмастерьями. Такъ было, напримѣръ, во время послѣдняго широкаго движенія въ столярномъ промыслѣ въ Бреславль, где соединившіеся мастера и подмастерья выступили противъ мебельныхъ магазиновъ.

Еще болѣе характерное явленіе представляетъ постоянно возрастающее число голосовъ, которые получаютъ соціалъ-демократы за свои списки работодателей при выборахъ членовъ промысловыхъ судовъ. Какъ показываетъ опытъ, въ этихъ выборахъ принимаютъ участіе почти одни только средніе и мелкие промышленники; крупные промышленники обыкновенно держатся въ

¹⁾ Vertrauensmann. Довѣренные на мѣстахъ завѣдаютъ партійными денежными сбарами, распространениемъ партійной литературы, устройствомъ собраний и т. д.]

сторонѣ отъ выборовъ. Слѣдовательно, тотъ фактъ, что соціаль-демократы получаютъ крупное меньшинство или даже большинство голосовъ, свидѣтельствуетъ о сильномъ тяготѣніи многикъ „ремесленниковъ“ къ рабочимъ.

По свѣдѣніямъ, которая любезно сообщила мнѣ д-ръ Максъ Каракъ, при выборахъ членовъ промысловыхъ судовъ за соціаль-демократические списки работодателей поданы слѣдующія количества голосовъ:

I. Меньшинство голосовъ въ Апольдѣ (1891 г.), въ Готѣ, въ Гейльброннѣ, Эльберфельдѣ (всѣ въ 1894 г.); затѣмъ въ

		Фрейбургѣ въ Силезіи (94 г.) 16 голосовъ противъ ?		
Лейпцигѣ	(91 г.)	249	"	505
"	(94 г.)	397	"	455
"	(97 г.)	190	"	1066
Гальберштадтѣ	(95 г.)	55	"	155
Веймарѣ	(96 г.)	8	"	25
Заальфельдѣ	(94 г.)	24	"	91
Кобургѣ	(96 г.)	20	"	23
Брауншвейгѣ	(95 г.)	9	"	24
Гильдесгеймѣ	(95 г.)	21	"	115
Эльберфельдѣ	(95 г.)	одна четверть всѣхъ голосовъ.		
Кельнѣ	(96 г.)	69 и 19 голосовъ противъ ?		
Кайзерслаутернѣ	(92 г.)	222	"	889
Штутгартѣ	(91 г.)	123	"	273
"	(94 г.)	129	"	353

II. Большинство голосовъ въ

Альтонѣ	(92 г.)	за 4 кандидатовъ на 14 группъ
Берлинѣ	(92 г.)	изъ 2 округахъ ? голосовъ
"	(94 г.)	" 4 " 1.152 " (29%)
"	(96 г.)	за 21 кандидата на 210 группъ
Шарлоттенбургѣ (94 г.)	"	7 кандидатовъ на 9 "
Ганноверѣ	(94 г.)	" 2 на 24 округа
Гальберштадтѣ	(94 г.)	" 16 изъ 18 кандидатовъ и 126 голосовъ противъ 106 (объяв- лены недѣйствительными)
Эрфуртѣ	(94 г.)	за 7 кандидатовъ изъ 13,
Франкфуртѣ-на-М.- (93 г.)	за всѣхъ кандидатовъ,	
"	(97 г.)	" 429 голосъ при полномъ воздержаніи противниковъ отъ го- лосования ¹⁾ ,
Галльѣ въ Вюртембергѣ (96 г.)	за 1 кандидата изъ 6,	
Мюнхенѣ	(93 г.)	за всѣхъ кандидатовъ 403 голосовъ противъ 391 (выборы были объявлены не- дѣйствительными; на новыхъ выборахъ побѣждены 1672 голосами противъ 1133),
Пассау (95 г.)	за всѣхъ кандидатовъ 11 голосами про- тивъ 9 (при выборѣ членовъ-рабочихъ побѣда осталась на сторонѣ католического списка!),	
Людвигсгафенѣ (94 г.)	за всѣхъ кандидатовъ 114 голо- сами противъ 102,	
Фортѣ въ Баденѣ (95 г.)	большинствомъ 40 голосовъ.	

¹⁾ Изъ протеста, такъ какъ не было введенъ реакціонный проектъ измѣненія избирающей процедуры.

До какой степени мелкие ремесленники уже въ настоящее время проникнуты пролетарскимъ духомъ, это не менѣе ясно показываютъ и своеобразные результаты новыхъ экспериментовъ съ принудительной цеховой организацией¹). Въ чрезвычайно многочисленныхъ случаяхъ большинство „самостоятельныхъ“ членовъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности уже оказалось соціаль-демократическимъ.

Но по мѣрѣ того какъ старый духъ исчезаетъ изъ ремесла, въ области промышленного капитализма вырабатываются специфическія отношенія капиталиста къ пролетарю въ своемъ чистомъ видѣ. Я ограничусь здѣсь только указаніемъ на это явленіе, не изслѣдуя его обстоятельствъ. На исходѣ ранней капиталистической эпохи даже наемные рабочіе и широкіе слои предпринимателей, какъ мы видѣли, еще не освободились отъ шлаковъ докапиталистической хозяйственной организации. Наемный рабочій былъ тогда еще наполовину подмастеремъ или наполовину землемѣльцемъ; предприниматель былъ еще торговцемъ или же полуфеодаломъ или полуремесленникомъ. Въ настоящее время образовался чисто пролетарскій классъ наемныхъ рабочихъ, а съ другой стороны—классъ чисто промышленныхъ крупныхъ предпринимателей, который становится все болѣе характернымъ явленіемъ для нашей хозяйственной жизни. Таблица размѣровъ производствъ, приведенная въ началѣ этой главы, даетъ некоторое представление о его численности. Эволюція этихъ классовъ также содѣйствовала вытѣненію изъ нашей хозяйственной жизни того, чѣмъ характеризуется ремесло.

* * *

Резюмируемъ теперь въ немногихъ положеніяхъ результа ты всѣхъ нашихъ предыдущихъ изслѣдований.

За послѣднія 50 или 100 лѣтъ во всѣхъ культурныхъ странахъ произошло коренное измѣнение всѣхъ факторовъ промышленной жизни, совершилось переустройство ся по рационалистическимъ планамъ капиталистовъ-предпринимателей. Самое выпуклое выраженіе нашли себѣ эти перемѣны въ расчененіи промышленного населенія. 50 лѣтъ тому назадъ было всего $1\frac{1}{2}$ миллиона наемныхъ рабочихъ на ряду съ 2 миллионами ремесленниковъ, т.-е. на одного ремесленника приходилось менѣе одного наемного рабочаго. Теперь же на одного ремесленника приходится три представителя промышленного капитализма. Въ то время капитализмъ оставался еще въ путахъ ремесленныхъ формъ, былъ проникнутъ ремесленнымъ духомъ; теперь же само ремесло пожирается капиталистически-пролетарскими формами.

Экономическая революція въ промышленной жизни, начавшаяся въ западной Европѣ полтысячи лѣтъ назадъ, въ настоящее время достигла предварительного завершенія: ремесленный способъ производства уже не накладываетъ своего отпечатка на хозяйственную жизнь; капитализмъ господствуетъ по всей линіи и задаетъ тонъ во всей сфере хозяйственныхъ явлений.

Все это—значенія поздней капиталистической эпохи. Промышленный капитализмъ, пройдя свою первую фазу развитія, длившуюся цѣлыхъ столѣтія (ранняя капиталистическая эпоха), перестаетъ играть второсте-

1) [По закону 26 июля 1897 года вступление въ цехъ становится обязательнымъ для всѣхъ лицъ, занятыхъ въ извѣстномъ промыслѣ, если въ пользу этого выскажется большинство членовъ этого промысла. Обязательность не распространяется на владѣльцевъ фабрикъ.]

пенную роль въ хозяйственной жизни страны. Онъ начинаетъ измѣнять ее всю до основания, творить ее вполнѣ по своему образу и подобію, радиалистически, сознательно пропитывать своимъ духомъ всѣ экономические отношенія. Такимъ образомъ капитализмъ становится необходимымъ явленіемъ въ странѣ, для которой онъ приобрѣтаетъ опредѣляющее значение.

Пользуясь сравненіемъ, можно сказать, что капитализмъ занимаетъ сначала только одну или иѣсколько комнатъ въ зданіи старого, докапиталистического хозяйства. Въ теченіе долгаго времени онъ оставляетъ нетронутыми основы этого зданія, и большинство комнатъ тоже продолжаютъ сохранять свое прежнее докапиталистическое убранство. Новый хозяинъ старается передѣлать сообразно своимъ потребностямъ только занимаемыя имъ комнаты; но это ему удается такъ же плохо, какъ всегда бываетъ съ наемными помѣщеніями.

Но вотъ старое зданіе начинаетъ постепенно разрушаться. Число жильцовъ увеличивается, оно уже всѣхъ ихъ не можетъ вмѣстить. Тогда его покидаютъ. А разбогатѣвшій хозяинъ, который раньше жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, строить теперь совершенно новый домъ по своему плану и сообразно своимъ вкусамъ. Въ новомъ домѣ поселяется онъ со своимъ семействомъ и часть старыхъ жильцовъ изъ старого дома, большинство которыхъ быстро приспособляется къ обстановкѣ нового помѣщенія; впрочемъ, иѣкоторыхъ изъ нихъ онъ заставляетъ помѣститься кое-гдѣ въ подвалахъ и погребахъ и прозябать тамъ, ведя старый образъ жизни, пока они не вымрутъ. Послѣ ихъ смерти занимаемыя ими помѣщенія передѣлываются въ стилѣ всего зданія и заселяются поколѣніемъ новыхъ жильцовъ.

Изъ всего, что изложено въ послѣдніхъ отдѣлахъ, видно, —этому учить, впрочемъ, и простое наблюденіе, — что изображенное нами преобразованіе промышленности не представляетъ явленія, протекающаго изолированно, вѣдь связъ съ другими; что, наоборотъ, движеніе въ сторону капитализма, которое мы наблюдаемъ въ сферѣ промышленности, идетъ параллельно съ преобразованіемъ всей хо~~з~~яйственной жизни. Несмотря на то мы до сихъ поръ прослѣдили только одинъ сторону капиталистической эволюціи — созданіе нового строя въ области промышленного производства — и на этомъ заканчиваемъ генетическую часть нашихъ изслѣдований. Мы поступаемъ такъ по серьезнѣмъ соображеніямъ, какъ было уже упомянуто въ предисловіи. Планъ нашей работы таковъ: мы сначала изолируемъ преобразованія только въ одной сферѣ хозяйственной жизни, какъ обособленное явленіе, и рассматриваемъ ихъ чисто генетически. Потомъ мы должны показать, что для реализаціи этихъ преобразованій въ дѣйствительности необходимо было осуществленіе опредѣленныхъ объективныхъ условий, — соответствующихъ преобразованій во всѣхъ остальныхъ сферахъ хозяйственной жизни. Только такимъ способомъ, кажется мнѣ, и возможно уразумѣть процессъ преобразованій, охватывающей всю хозяйственную жизнь, какъ „закономѣрный“ процессъ, т.-е. какъ такой, всѣ элементы которого обусловливаются взаимно и вызваны единой причиной.

Только такимъ способомъ, думается мнѣ, и можно внести порядокъ и систему въ путаницу явленій, которая въ дѣйствительной жизни все находятся, несомнѣнно, въ отношеніи постоянного взаимодѣйствія: можно внести то, о чёмъ долженъ трактовать слѣдующій томъ, и что съ извѣстнымъ правомъ позволительно было бы назвать теоріей капиталистического развитія.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Несколько замѣчаній объ источникахъ и методѣ изслѣдованія въ отдѣлахъ 5, 6 и 7-мъ.

Господствующимъ методомъ, который почти исключительно примѣняется въ настоящее время при изученіи хозяйственныхъ состояній, и особенно при изученіи хозяйственного развитія, является методъ статистической. Распространяться о его неоцѣненныхъ достоинствахъ значило бы оскорблять читателя. Но, признавая все его значеніе, я тѣмъ не менѣе думаю, что единодержавіе его въ области экономическихъ изслѣдований, особенно въ той области, о которой идетъ рѣчь въ этой книгѣ, привело къ фатальнымъ послѣдствіямъ. Я стремился поэтому найти для своихъ теоретическихъ изысканій болѣе прочную эмпирическую основу, чѣмъ могла бы доставить статистика, подъ которой я разумѣю прежде всего широко поставленную официальную промышленную и профессиональную перепись.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ въ постѣднихъ отдѣлахъ этого тома, задача заключается въ тончайшемъ разграничении отдѣльныхъ формъ предпріятія и производства; въ уловлѣніи особаго духа, такъ сказать господствующаго въ различныхъ сферахъ промышленного производства, въ измѣрѣніи относительной жизнеспособности, присущей различнымъ носителямъ промышленного развитія,—въ такихъ случаяхъ грубое орудіе слишкомъ ужъ общей промысловой статистики, къ сожалѣнію, очень и очень часто оказывается непригоднымъ.

Я выяснилъ это на нѣсколькихъ примѣрахъ. Я уже не буду говорить о томъ, что основываясь на рядахъ цифръ въ статистическихъ работахъ, трудно или даже совсѣмъ невозможно притти къ познанію хода хозяйственного развитія, такъ какъ методы собирания свѣдѣній подвержены слишкомъ измѣненіямъ, и потому данные, отдѣленные болѣе или менѣе значительнымъ промежуткомъ времени, оказываются несравнимыми. Не останавливаясь на томъ, я указу только на недостатки, можно сказать, необходимо присущіе всякой широко поставленной промышленной и профессиональной статистикѣ. Они вытекаютъ прежде всего изъ способа опубликованія собранныхъ свѣдѣній. Они опубликуются слишкомъ суммарно, такъ что не позволяютъ проникнуть глубоко въ связь между хозяйственными явленіями. Зачѣмъ мнѣ цифры, относящіяся къ цѣлому административному округу (Regierungsbezirk) или даже къ цѣлому уѣзду (Kreis), когда для меня важно иметь свѣдѣнія чуть не о каждомъ отдѣльномъ случаѣ существованія опредѣленного ремесла! Даже уѣзду заключаетъ въ себѣ городъ и деревни, города средней и мелкой величины,—стѣдовательно, террито~~рі~~п, можетъ быть, съ совершенно различными условіями, различно влияющими на развитіе организации промышленного производства. То же слѣдуетъ сказать и о подраздѣленіи профессій: оно также слишкомъ ужъ грубое. Наприм., несомнѣнно первоклассная германская промышленная и профессиональная статистика говорить вообще о „коожевникѣ“, тогда какъ судьбы сыроятнаго промысла и дубленія замши и т. д. совершенно различны; она говорить вообще о „гончарно-печномъ“ промыслѣ, тогда какъ фабрикація

печей и установка ихъ представляютъ два промысла съ совершенно различными тенденциями развитія. Такихъ примѣровъ можно бы привести цѣлыхъ тысячи.

Но еще хуже то, что самый способъ изслѣдованія слишкомъ неточенъ, слишкомъ неглубокъ, я сказалъ бы: слишкомъ поверхностенъ (и не можетъ быть инымъ) для того, чтобы вскрыть передъ теоретикомъ, изучающимъ соціальную жизнь, всѣ дѣйствительно важныя обстоятельства. Для доказательства я приведу два недостатка статистического метода, особенно рѣзко бросающіеся въ глаза.

1. Профессиональная статистика въ особенности, но также и промышленная статистика, можетъ дать представление только о принадлежности извѣстнаго лица къ определенной профессії, о томъ, что онъ занятъ въ такой-то профессії, но отнюдь не о его профессиональной дѣятельности и ея объемѣ¹⁾. А для насъ существенно важно знать именно это. Предположимъ, наприм., что нась интересуетъ вопросъ, падаетъ или нѣтъ ремесло въ извѣстномъ мѣстѣ, въ определенной отрасли промышленности. Что дадутъ намъ для отвѣта на этотъ вопросъ цифры, указывающіе намъ только число производствъ или только число членовъ определенной профессії, но ничего не говорящія о томъ, какова продуктивность этихъ производствъ или этихъ членовъ профессії? Чтобы демонстрировать непригодность статистики для нашихъ цѣлей, возьмемъ Эйслебенъ, въ которомъ она насчитываетъ по муниципальному промыслу 5 „мелкихъ производствъ“ и 1 „крупное производство“. Въ дѣйствительности картина тамъ такова: „Водяные мельницы должны были вслѣдствіе недостатка воды почти совсѣмъ прекратить работу; одинъ мельникъ... занимается печениемъ хлѣба, другой—имѣеть порядочное сельское хозяйство, а третій—заводъ куцальни. Они, подобно владѣльцамъ двухъ вѣтряныхъ мельницъ, молотъ немнога ржи за плату, по заказу; главнымъ же образомъ они занимаются рушенiemъ хлѣба для корма скоту. Владѣльцы вѣтряныхъ мельницъ занимаются преимущественно розничной продажей муки, которая смолота въ другомъ мѣстѣ“ (U. IX, 299). То же слѣдуетъ сказать и о переписи ремесленниковъ въ баденской деревнѣ Нѣтtingенъ-Дармсбахъ. Относительно такихъ переписей всегда предполагается, что они представляютъ большую тонкость, чѣмъ общія переписи, болѣе вникаютъ въ мѣстныя и профессиональные особенности, доходятъ до мельчайшихъ деталей,—предполагается то, чего, скажемъ прямо, какъ это говорилось и раньше, въ дѣйствительности не имѣется. Итакъ, перепись привела къ слѣдующимъ результатамъ: въ этомъ мѣстечкѣ находится 5 портныхъ, 5 сапожниковъ, 1 мясникъ, 4 плотника, 1 стекольщикъ, 4 столяра, 1 маляръ, 4 кузнеца, 3 каретника, 1 токарь по дереву, 1 шорникъ, 1 корзиночникъ, 3 бондаря и 3 мельника. А затѣмъ знатокъ этой мѣстности тѣль поясняетъ приведенные цифры: 3 портныхъ послѣ Нового Года и Троицы, въ теченіе чѣмъ-то недѣль, сидѣть безъ работы; 10 хорошо знающихъ дѣло сапожниковъ должны были оставить свой промыселъ, изъ 5 оставшихся только 2 круглый годъ имѣютъ работу. Мясникъ страдаетъ отъ недостатка работы. Изъ 4 плотниковъ одинъ имѣеть работы на 15—20 дней, другой—на 60, а третій и четвертый—на 120—130 дней въ теченіе цѣлаго года. У стекольщика зимой почти совсѣмъ нѣтъ работы. Изъ столяровъ двое заняты едва половину года въ своемъ ремеслѣ. Маляръ работаетъ только 8 мѣсяцевъ въ году. 2 кузнеца полгода сидѣть безъ работы. Изъ 3 каретниковъ одинъ зарабатываетъ 100 марокъ, другой—200—300 марокъ, и третій—500—600 марокъ въ годъ. У пекаря работы недостаточно. Шорникъ работаетъ только $\frac{2}{3}$ голя. Корзинщики ушли

1) [Въ книгѣ „Die deutsche Volkswirthschaft am Schlusse des 19. Jahrhunderts“, изданной имперскимъ статистическимъ бюро Германіи въ 1900 году, различие между профессиональными переписями (или переписями профессії) и промышленными (или переписями производствъ) поясняется такъ. При переписяхъ первого рода опрашиваются отдельные лица, при переписяхъ второго рода, производимыхъ обыкновенно въ одно время съ первыми, сеѣднія собираются отъ предпринимателей. Поэтому профессиональная перепись говоритъ только о принадлежности лицъ къ определенной профессії, а промышленная — только о томъ, что въ моментъ переписи столько-то лицъ было занято въ определенной отрасли производства. Этими объясняются и различія цифръ той и другой переписи.]

изъ мѣстечка, такъ какъ работы для него было недостаточно. Бондари заняты бондарнымъ дѣломъ только нѣсколько недѣль въ году, а мельники работаютъ лишь въ теченіе $\frac{1}{3}$ года, да и тогда только половину дней недѣли. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣль статистика профессій и производствъ не только не даетъ необходимыхъ свѣдѣній, но и чрезвычайно легко порождаетъ ошибочные представленія. А такие случаи, какъ приведенные выше, когда лицо, отнесенное къ извѣстной профессіи, не находитъ въ ней работы для себя, отнюдь не представляютъ исключительныхъ явлений, которыхъ статистику позволительно игнорировать. Напротивъ, они представляютъ конститутивную особенность современного ремесла и заслуживаютъ поэтому полнаго вниманія. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть, что въ настоящее время огромное число занятыхъ въ промышленности часто оказывается въ дѣйствительности всего лишь торговцами, которые, можетъ быть, во всю свою жизнь не сработали ни одной штуки того, чѣмъ торгуютъ они. Однако они входятъ въ статистику какъ представители настоящаго промышленного производства, и разносятся по рубрикамъ: шляпочники, часовщики, сапожники, жестяники, токари и т. д.

Въ силу этихъ соображеній, указаніе на принадлежность къ извѣстной профессіи или сферѣ дѣятельности ничего не говорить намъ о распространеніи данного способа производства. Я упомяну кстати, что не больше говорить оно и о положеніи лицъ, занятыхъ даннымъ промысломъ. Я хочу этимъ сказать, что изъ такихъ свѣдѣній мы ничего не узнаемъ о томъ, можетъ ли, наприм., сапожникъ существовать, если онъ — собственникъ сапожного производства.

Но если чисто статистическія данныя недостаточны для того, чтобы выяснить, такъ сказать, количественное значеніе какого-нибудь промышленного производства, то еще меньше пригодны они для оцѣнки его качественнаго значенія. Между тѣмъ, выясненіе этой стороны дѣла имѣть особую важность для изслѣдователя соціальныхъ явлений.

2. Статистика ничего не говорить намъ о томъ, самостоятельно ли экономически данное лицо, занятое въ промышленности, или оно стоитъ уже въ какихъ-нибудь зависимыхъ отношеніяхъ къ капиталистическому предпринимателю. Это самый важный упрекъ, который можно сдѣлать противъ цифры общей промышленной и профессиональной переписи. Не имѣя такихъ свѣдѣній, мы въ лучшемъ случаѣ можемъ судить только о формѣ производства, но не о томъ, что самое важное, не о хозяйственной организаціи промышленного труда. Если бы въ области ученія о формахъ хозяйства и формахъ производства до сихъ поръ не гospодствовала прискорбная путаница, то всѣ уже давно убѣдились бы, что статистика производства, напр., въ столярномъ, портняжномъ и сапожномъ промыслахъ, — т.-е. въ трехъ важнейшихъ промыслахъ, — не даетъ рѣшительно ничего для разрѣшенія вопроса, удержаніе линъ ремесло противъ капитализма или же нѣть. Обозначенные въ ней „самостоятельными“ промышленники уже не ремесленники, но только колесики въ громадномъ механизме мѣнового капиталистического хозяйства. Было бы ошибочно думать, что выраженіе: „работаетъ дома за чужой счетъ“, встрѣчающееся въ нашей промышленной и профессиональной статистикѣ, представляетъ какой-нибудь коррективъ къ безконечнымъ ошибкамъ, которыя обусловливаются указанными причинами. Большинство „мастеровъ“, работающихъ постоянно на магазинѣ или на другой фирмы, и не думаетъ причислять себя къ категоріи домашне-промышленныхъ, кустарныхъ рабочихъ, къ которой они, строго говоря, и не принадлежатъ. Одинъ примѣръ изъ многихъ. „Относительно 15 (столярныхъ) мастеровъ (въ Фрейбургѣ въ Брайсгау) достовѣрно известно, что они работаютъ на магазины, и однако никто изъ нихъ, за исключеніемъ трехъ, не сказалъ объ этомъ при промышленной и профессиональной переписи 1895 года. Весьма вѣроятно, что такихъ мастеровъ было болѣе пятнадцати. Ремесленникъ считаетъ чуть ли не позоромъ для себя работать на магазины и никогда не сознается въ этомъ“ (U. VIII, 247—248).

Нашъ выводъ таковъ: въ области изслѣдований по исторіи развитія хозяйства статистический методъ долженъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ это было до настоящаго времени, замѣняться или, по меньшей мѣрѣ, восполняться индуктивнымъ изслѣдованіемъ. Такъ какъ сырьемъ материаломъ для послѣдняго служить раскрытие

„тиическихъ случаевъ“, то передъ нами встаетъ такая эмпирологическая проблема: какимъ способомъ возможно установить „тические случаи“ экономическихъ образований или развитія. Мы не можемъ подробно изслѣдоватъ этого вопроса и бѣгло на-мѣтимъ лишь нѣкоторые важнѣшіе пункты. По моему мнѣнію, существуютъ слѣдующіе способы установленія фактовъ хозяйственной жизни.

1) **Личныя наблюденія.** Ихъ значеніе такъ велико, что его нельзя оцѣнить слишкомъ высоко. Они представляютъ для теоретика соціальныхъ явлений наиболѣе важный источникъ познанія. Необходимо наблюдать, постоянно наблюдать! Это значитъ: ходить съ фабрики на фабрику, изъ мастерской въ мастерскую, изъ магазина въ магазинъ. Кто толкуетъ о какомъ-нибудь промыслѣ или производственномъ процессѣ, хотя самъ не видѣлъ собственными глазами тѣхъ явлений, о которыхъ онъ говоритъ, тогдѣ не серьезно относится къ дѣлу. Но вполнѣ понятно, что личное наблюденіе по необходимости ограничивается лишь сравнительно узкою областью.

Даже тотъ, кто въ продолженіе не одного десятка лѣтъ заглядывалъ самъ во всѣ углы нашей хозяйственной жизни, мочь все же замѣтить слишкомъ немногое, опросить слишкомъ небольшое число лицъ для того, чтобы составить общія сужденія о вопросѣ.

Поэтому онъ долженъ пользоваться всяческими

2) **суррогатами личаго наблюденія.** Подъ этимъ я подразумѣваю опросъ людей, знакомыхъ съ дѣломъ, и стариковъ, если рѣчь идетъ о прошедшемъ. Такими разговорами можно часто замѣнить пустую болтовню во время обѣдовъ. Правда, нерѣдко бываетъ, что при подобныхъ опросахъ оказывается, что даже интелигентные пожилые дѣльцы мало могутъ разскажать о временахъ своей юности. Причины тому очень простыя. Недавно, когда я попросилъ одного берлинскаго банкира разскажать о внутренней сторонѣ банковъ 50-хъ годахъ, онъ отвѣтилъ мнѣ, что очень мало знаетъ объ этомъ: тогда ему было 20 лѣтъ, и онъ хотѣлъ наслаждаться жизнью; о томъ же, что происходило въ его конторѣ, онъ думалъ до крайности мало. Но иногда вамъ удается при такихъ вопросахъ выудить крупную рыбку. Итакъ, разспрашивайте!

Мы должны высоко цѣнить печатныя воспоминанія людей, умѣвшихъ хорошо наблюдать. Такія книги, какъ, напримѣръ, Вайнга о Касселѣ, для насъ маши небесная. Сюда же слѣдуетъ причислить „допесенія“ о событияхъ хозяйственной жизни. Я имѣю въ виду, напримѣръ, скучные отчеты торговыхъ камеръ, которые могли бы содержать столько полезныхъ свѣдѣній, но рѣдко содержатъ ихъ,—не содержать по крайней мѣрѣ свѣдѣній, которыя интересуютъ теоретика, изучающаго организацию хозяйства. Отчеты промышленныхъ камеръ въ большинствѣ случаевъ такого же свойства. Отъ отчетовъ ремесленныхъ камеръ я также всегда жду для себя мало утѣшительного. Ихъ не хватаетъ спокойствія для того, чтобы освѣдомить о чѣмъ-нибудь. На ряду съ отчетами торговыхъ камеръ и т. д. надо поставить гораздо болѣе важные отчеты о выставкахъ. Они особенно важны потому, что часто даютъ подробныя свѣдѣнія о частностихъ, объ отдельныхъ индивидуальностяхъ, лицахъ, производствахъ и т. д. Здѣсь же я укажу на одинъ очень важный источникъ, который, на мой взглядъ, до сихъ поръ не пользовался должнымъ вниманіемъ: я говорю о специальныхъ журналахъ по разнымъ отраслямъ производства; многіе изъ нихъ, какъ увидитъ читатель, использованы въ моей работѣ. Слѣдуетъ упомянуть еще объ единичныхъ замѣчаніяхъ, единичныхъ наблюденіяхъ, единичныхъ сентенціяхъ, которыя часто представляютъ неоцѣненный источникъ для пополненія нашихъ знаній о людяхъ и вещахъ. Да и гдѣ только мы не можемъ найти всевозможныхъ случайныхъ, но тѣмъ не менѣе цѣнныхъ указаний! Столько же шансовъ найти ихъ въ политическомъ листкѣ, какъ въ парламентской рѣчи, въ шекспировской драмѣ, какъ въ романѣ Бальзака, въ жанровой картинѣ, какъ въ программѣ праздника и т. д. Поэтому замѣчайте, повсюду замѣчайте!

Недостатокъ широты единичныхъ наблюденій можно въ извѣстныхъ случаяхъ восполнить свѣдѣніями официальными. Ихъ можно найти

3) въ правительственныхъ анкетахъ. Я не буду сейчасъ останавливаться на нихъ не потому, что я не вижу ихъ значенія вообще, а потому, что по

вопросу, о которомъ трактуютъ посль^{дѣлъ} этого тома, они совершенно отсутствуютъ. О прошломъ эти анкеты нич^{то} говорятъ; что же касается настоящаго, то анкеты всегда захватывали только отрывки изъ общихъ итоговъ промышленного развитія. Однако нѣкоторые^{ослѣднія} изслѣдованія, произведенныя въ сферѣ промышленности во Франціи¹⁾, Австріи²⁾ и Германіи³⁾, представляютъ очень полезное дополненіе къ приступающимъ источникамъ. Но все же вслѣдствіе нѣкоторыхъ свойствъ, присущихъ установлению фактовъ при посредствѣ анкетъ, этотъ способъ изученія недостаточенъ, осо^{бенно} въ тѣхъ случаяхъ, когда задача состоить въ познаніи процесса развитія, въ^{такихъ} постоянно измѣняющихся формъ. Еще болѣе неудовлетворительна онъ, когда необходимо понять, прочувствовать, уразумѣть отдельныхъ субъектовъ хозяйства, ельчайшихъ деталей. Въ этихъ случаяхъ увѣренно можно пользоваться только

4) нау ч н ы м и монографи. Онъ какъ вельзя болѣе пригодны для того, чтобы заполнить пробѣлы, которые^{ются} послѣ личныхъ наблюдений, статистики и анкетъ. Самы монографіи, когда представляютъ нѣчто законченное, пользуются—мы отмѣтимъ это съ самаго началъ^{ами} перечисленными выше методами установления фактовъ: онъ основываются результатахъ личныхъ наблюдений, собираются соотвѣтствующимъ образомъ статистической матеріаль, приводятъ въ извѣстность взгляды свѣдущихъ людей, при чемъ^и бываютъ къ такому способу, какъ опросы, своего рода анкеты. Но онъ даютъ и бо^{льшую}, если только представляется какая-либо возможность: на основаніи историческаго изученія онъ устанавливаютъ тенденціи развитія наблюдавшихъ явлений и прежде^{его} выясняютъ условія существованія и относительную жизнеспособность отдельныхъ формъ хозяйства и производства.

Если теперь, послѣ обзора^{помогательныхъ} средствъ для нашего познанія, мы спросимъ себя, чѣмъ располагаютъ мы относительно прошлаго, то окажется, что для нашихъ специальныхъ потребн^{остей} у насъ очень мало пригодныхъ работъ. Интересно, что въ то время, какъ аграрн^{ое} отношенія, напримѣръ, въ Германіи половины XIX столѣтія очень часто оказывались излюбленной темой монографическихъ изслѣдованій (читатель увидитъ, что эта литература въ широкихъ размѣрахъ использована во второмъ отдельн^{ом} второго тома), промышленность, насколько мнѣ извѣстно, была въ положеніи падчерицы. Если же литература до 1850 года и описывается иногда положеніе въ области промышленности, почти во всѣхъ случаяхъ—преимущественно положеніе промышленныхъ наемныхъ очихъ или положеніе промышленности, поскольку она уже сдѣлалась капиталистической. Всего менѣе занимало изслѣдователей изображеніе докапиталистическихъ формъ хозяйства, такъ что именно изученіе *status quo ante* современного развитія представляеть величайшія трудности. Но все же въ нашемъ распоряженіи имѣются нѣкоторыя очень полезныя монографіи, относящіяся къ прошлому времени. Такія работъ какъ изслѣдованіе пастора Фуике о контрактовыхъ рабочихъ или Банфилда о рейнской промышленности, представляютъ высокую цѣнность. Особенно посльяя работа, которая до сихъ поръ, кажется, никому неизвѣстна: она является чрезчайно богатой сокровищницей свѣдѣній. Наиболѣе цѣнной дѣлаетъ ее то обстоятельство, что авторъ—иностраницъ. Понятно, что для гражданина страны, далеко ушедшій впередъ по пути развитія, примитивныя формы немецкой хозяйственной жизни предстаютъ въ высшей степени интересный предметъ изученія: объ ихъ своеобразности онъ можетъ достаточно наговориться. Я не знаю лучшаго примера, чтобы иллюстрировать плодотворность надлежаще поставленной „сравнительной

1) Изванія Office de Travail: *La petite industrie*. Томъ I. „L'alimentation à Paris“ 1893. Томъ II. „Le vêtement à Paris“. 1896.

2) Работы „Royal Commission on Labour“. 1892 ff.

3) „Expertise über die Lage des Schuhmachergewerbes“ 1892, „Gewerbe-Enquête 1893“—объ произведены парламентскими комиссіями; затѣмъ частная анкета о положеніи различныхъ промысловъ, произведенная въ 1895 г. соціаль-демократическими теоретиками и практиками, подъ предѣдательствомъ д-ра Лео Феркауфа.

4) „Erhebungen über Verhältnisse im Handwerk. Veranstaltet im Sommer 1895“. 1895.

соціології", якъ почти одновременно появившіся изображенія англійской жизни Энгельсомъ и немецкой Бан菲尔домъ.

Новѣйшее время обильно восполнило то, чего ве сдѣлало старое. За послѣднія десятилѣтія появилось очень много монографій, отчасти превосходныхъ, посвященныхъ промышленности. Въ Англіи Чарльзъ Бутъ (Booth) опубликовалъ въ своемъ не-досягаемомъ собраніи изслѣдований о Лондонѣ цѣлый рядъ прекрасныхъ работъ; во Франціи Pierre du Maroissé и другіе посвятили свои выдающіяся силы дѣлу такихъ изслѣдований; въ Германіи школа Брента и съ особымъ усердіемъ разрабатываетъ эту область. Но то, что составляетъ недостатокъ личнаго наблюденія—ограниченность поля наблюденія,—даетъ знать о себѣ и въ научныхъ монографіяхъ, выполненныхъ отдѣльными лицами. Можно сказать, значеніе каждой изъ нихъ увеличивается благодаря постѣдующимъ, трактующимъ тотъ же вопросъ. Такъ выяснилась потребность въ увеличеніи количества научныхъ монографій. Въ послѣднее время эта потребность удовлетворена въ широкой мѣрѣ изданіями Союза Соціальной Политики.

Выпущенныи имъ въ 9 томахъ изслѣдованія о положеніи ремесла („Untersuchungen über die Lage des Handwerks“) въ Германіи и Австріи сдѣмались теперь важнѣйшимъ источникомъ нашихъ знаній объ эволюціи промышленности. Большая часть изложенія въ послѣднихъ отдѣлахъ этого тома основывается на нихъ, какъ это можетъ видѣть читатель. Безъ нихъ вообще было бы невозможно написать нашу работу. Пусть сотрудники этихъ изслѣдований найдутъ слабое вознагражденіе за свои труды, когда они увидятъ, какъ обильно извлекалъ я изъ ихъ работы сырой матеріалъ, съ помощью которого построена эта система промышленного развитія. Читатель замѣтить, что мои теоретическіе выводы (во II томѣ) тоже всегда опираются на выводы изслѣдований¹⁾.

Изслѣдованія Союза Соціальной Политики уже неоднократно получали на учено разработку. Но я не воспользовался разработками, потому что точка зрѣнія, положенная въ основу моей работы, совершенно другая, чѣмъ у авторовъ разработокъ. Однако для полноты я упомяну о послѣднихъ. Прежде всего слѣдуетъ назвать рефератъ, посвященный результатамъ анкеты Союза и прочитанный руководителемъ ея, профессоромъ Бухеромъ, на общемъ собраніи Союза Соціальной Политики (Кельнъ 1897 г. См. Schriften, Bd. 76). Онъ даетъ возможность легко ориентироваться въ материалахъ, заключенномъ въ „Untersuchungen“. Работа М. Мендельсона, „Die Stellung des Handwerks“ etc., 1899, представляетъ скорѣе извлеченіе изъ этого материала. Полезную—болѣе съ практической точки зрения—группировку материала анкеты даетъ Г. Бетгеръ, Geschichte und Kritik des neuen Handwerkergesetzes, 1898. Наконецъ, здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить уже названныя выше сводки И. Фойгта и Эриста Франке.

Какой крупный шагъ впередъ сдѣлало наше познаніе со временемъ появленія „Изслѣдований“,—это лучше всего иллюстрируется неудовлетворительностью такихъ работъ, которые выполнены по старому, чисто статистическому методу. Сюда я отношу, напримѣръ, совершенно бесплодную, несмотря на все трудолюбіе, работу Отто Тиссена, „Beiträge zur Geschichte des Handwerks in Preussen“, 1901; сюда же отношу я и общія изложенія нашего хозяйственнаго развитія, если даже они выполнены такими выдающимися специалистами, какъ книга Рауберга, „Entwicklungstendenzen der deutschen Volkswirtschaft“, 1901.

КОНЕЦЪ I ТОМА.

¹⁾ [Далѣе слѣдуетъ подробный указатель содержанія упомянутыхъ изслѣдований. Мы не воспроизводимъ его, такъ какъ онъ представляетъ цѣнность только для лайтъ, занимающихся самостоятельными изслѣдованіями о ремеслѣ въ Австріи и Германіи.]